Р
988
2,9 в.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН И ТУРКМЕНИИ
II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН И ТУРКМЕНИИ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
и ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРИ ЦИК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН И ТУРКМЕНИИ

Том II

XVI — XIX вв.

ИРАНСКИЕ, БУХАРСКИЕ
И ХИВИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Под редакцией
акад. В. В. Струве. А. К. Боровкова,
А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова

Труды Института Востоковедения · ~~VIII~~
Источники по истории народов СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1938

Ответственный редактор А. Боровков

Технический редактор Д. С. Бабкин — Корректор Н. П. Лебедева

Сдано в набор 28 апреля 1937 г. — Подписано к печати 10 января 1938 г.

700 стр. Формат бум. 72 × 110 см. — 43 3/4 печ. л. — 58.62 уч.-авт. л. — 56672 тип. зн. в п. л. Тираж 3725 Ленгорлит № 253. — РИСО № 381. — АНИ № 110. — Заказ № 534

Цена 20 руб. Переплет 3 руб.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

Посвящается светлой памяти Серго Орджоникидзе — верному соратнику Ленина-Сталина, непоколебимому проводнику ленинско-сталинской национальной политики.

ОТ РЕДАКЦИИ

Учитывая недостаточность литературы по истории народов Советской Средней Азии, Институт Востоковедения АН СССР принял в 1934 г. предложение Наркомпроса Туркменской ССР подготовить к печати два тома материалов по истории туркменского народа с древнейших времен до завоевания Туркмении царской Россией в 80-х годах XIX в.

В состав сборника должны были войти переводы на русский язык извлечений из сочинений на языках арабском, персидском и тюркских тех авторов, которые, так или иначе, затрагивают вопрос о среднеазиатских туркменах в различные периоды их исторической жизни.

Намечавшийся первоначально объем издания (40 печатных листов, по 20 печатных листов в каждом томе) далеко не соответствует тому количеству материала по истории туркмен, какой находится в сочинениях восточных авторов. В процессе работы материал этот оказался значительно обширнее, чем можно было предполагать на основании общего предварительного знакомства.

В связи с указанным обстоятельством, объем издания пришлось увеличить более чем в два раза в сравнении с первоначальным планом, хотя и при этом условии наши материалы далеко не исчерпывают всех восточных источников, привлечение которых являлось бы желательным. Использование рукописных источников в настоящем издании ограничивается пока основными фондами ленинградских собраний, использование которых, впрочем, также не может считаться вполне исчерпывающим.

Рукописи западноевропейских коллекций, а также значительно возросшее за последнее время ташкентское собрание, в силу ограниченности имевшегося в нашем распоряжении срока, остаются пока совершенно незатронутыми, несмотря на значительный интерес их с точки зрения истории туркмен.

На ряду с сочинениями историков значительный интерес для нашей цели представляют также различного рода исторические документы, в виде дарственных грамот среднеазиатских ханов и т. п., заключающие в себе весьма ценный материал по вопросам социально-экономической истории отдельных среднеазиатских народов, в том числе и туркмен. Однако задача использования для нашего сборника такого рода материала, сосредоточенного, главным образом, в архивах среднеазиатских республик, оказалась

в данный момент невыполнимой, в виду отсутствия каких бы то ни было описей архивных фондов. Со временем, когда восточные архивные фонды среднеазиатских актохранилищ будут приведены в известность, ряд вопросов социального прошлого туркмен удастся осветить со значительно большей полнотой, чем это можно сделать в данное время, пользуясь одними только публикуемыми здесь нарративными источниками.

К числу непривлеченных пока нами материалов относятся также собственно туркменские источники, излагающие, обычно, предания отдельных туркменских племен, записанные в позднейшее время. Образцы такого рода преданий отчасти представлены в Ленинграде коллекцией рукописей, поступивших в бывший Азиатский музей из Туркмении в первом десятилетии текущего столетия. Знакомство с указанными записями показывает, что они могут в известной части быть полезными для выяснения тех или иных отдельных вопросов позднейшей истории народа, вследствие чего перевод и публикация их также должны быть признаны желательными. Работа эта, однако, с большей эффективностью может быть проведена в пределах самой Туркмении, где данная группа материалов представлена значительно полнее, чем в Ленинграде.

Для освещения ряда вопросов прошлого туркменского народа имеют значение также некоторые произведения старой туркменской художественной литературы, так или иначе отражающей черты своей эпохи.

Нельзя не отметить, наконец, важного значения недавно обнаруженного П. П. Ивановым среди необработанных фондов Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде Архива хивинских ханов XIX в., где, на ряду с прочими материалами, содержится также значительное число данных по вопросам экономического быта туркмен и их взаимоотношениях с Хивинским ханством.

Публикация всех указанных здесь восточных источников не может быть осуществлена в достаточно короткий срок, а потому эта задача должна рассматриваться в качестве одной из самостоятельных задач, связанных с дальнейшей работой над историей туркменского народа.

В качестве переводчиков публикуемых в настоящем томе персидских и среднеазиатско-тюркских источников участвовали следующие лица: З. Аксаков, А. К. Арендс, Г. Н. Балашова, А. К. Боровков, Н. М. Дьяконова, П. П. Иванов, Г. А. Мирзоев, А. А. Ромаскевич.

Редакция персидских переводов принадлежит А. А. Ромаскевичу. Переводы с хивинско-узбекского редактировались П. П. Ивановым и А. К. Боровковым. В состав редакционной коллегии настоящего второго тома «Материалов» входят: акад. В. В. Струве, П. П. Иванов, А. А. Ромаскевич и А. К. Боровков.

Отбор источников, включаемых в состав настоящего тома, определялся наличием в них материалов не только о туркменах, но и о территории современной Туркмении вообще. В основу отбора был положен список, составленный, по поручению Редакции, П. П. Ивановым. В зависимости от каче-

ства и количества материала отдельных источников характер использования их был различен: в одних случаях переводились довольно значительные отрывки, с пропуском отдельных частей, не имеющих непосредственного отношения к Туркмении, в других — наоборот, относящийся к туркменам незначительный материал оказывался вкрапленным в общее повествование, вследствие чего приходилось прибегать нередко к системе пересказа, с целью увязать отдельные факты. Некоторые из вошедших в список сочинений содержат в себе настолько частный и незначительный материал, что привлечение его оказывалось возможным лишь при условии пересказа целых глав или больших отрывков, не имеющих по своему содержанию прямого отношения к туркменам. Перегружать книгу такого рода обширными пересказами Редакция не нашла возможным, полагая, что это может быть сделано в дальнейшем, когда будет приступлено к детальной исследовательской работе по изучению прошлого туркмен в период XVI—XIX вв.

Сочинения, носящие характер компиляции более ранних источников, были или полностью нами исключены или сохранены лишь в той части, где они дают что-либо новое по сравнению с текстом оригинала.

Все издаваемые материалы расположены в хронологическом порядке. В тех, сравнительно немногих, случаях, когда одно и то же сочинение охватывает слишком значительные эпохи, оно дробится нами на отдельные части, располагаемые в соответствии с хронологическими моментами или содержанием отдельных его отрывков.

Язык большинства привлеченных нами восточных источников отличается необычайной витиеватостью и пестрит множеством фигуральных выражений и риторических мест, дословный перевод которых не только не оправдывался бы задачами настоящего издания, но и значительно затемнял бы изложение. Поэтому Редакция не считала необходимым во что бы то ни стало сохранять в переводах вычурный язык восточных историографов, заботясь лишь о сохранении точного смысла подлинника. Участие в работе значительного количества переводчиков не могло, разумеется, не повлечь за собой известных различий стилистического характера в публикуемых переводах. Считая подобное явление неизбежным, Редакция все же стремилась устранить замечавшиеся ею резкие различия в оформлении издаваемых здесь переводов. Значительное количество специальных терминов и выражений, а также редких или мало известных имен и обозначений, сохраняется в транскрипции русской или, иногда, арабской.

Комментирование издаваемых материалов сводится, в большинстве случаев, к кратким пояснительным примечаниям Редакции (П. П. Иванов, А. А. Ромаскевич и др.) об отдельных терминах, именах или фактах.

Некоторая часть издаваемых в настоящем томе источников использована в известном кратком «Очерке истории туркменского народа» В. В. Бартольда и в некоторых других произведениях того же автора, однако, в весьма незначительной степени. Большинство приводимых в томе

материалов еще никем из исследователей не использовалось и вводится в научный оборот впервые.

Работа по подготовке материалов к печати производилась Институтом Востоковедения А. Н. СССР на средства, отпускавшиеся Наркомпросом Туркменской ССР а также Туркменским Государственным институтом истории.

Для облегчения пользования материалами и удобства наведения необходимых справок, к настоящему тому прилагаются указатели имен собственных и географических, а также указатель родо-племенных наименований и словарь терминов, оставленных без перевода.

ВВЕДЕНИЕ

А. А. РОМАСКЕВИЧ

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XIX вв.

Иранские нарративные источники по истории туркмен это — те же произведения исторической и повествовательной литературы на персидском языке, часть которых давно известна и пользовалась популярностью как на Востоке, так и среди европейцев, будучи представлена в большом количестве манускриптов и изданий, часть же ограничена лишь несколькими списками и даже уникумами. Одной из причин широкой популярности и распространенности в списках некоторых исторических сочинений Ирана можно считать уменье их авторов угодить вкусам и литературным запросам феодальных кругов Ирана, Индии и Средней Азии, иногда в ущерб полноте и правдивости сообщаемых сведений.

Такие популярные исторические сочинения, большею частью компилятивные по своему составу, как, например, «Раузат-ус-сафа» Мирхонда, раньше других стали известны в Европе и были использованы как «первоклассные» исторические источники, заслонив свои первоисточники, ценные и полнотой и непосредственной близостью к изображаемым событиям; на эти первоисточники лишь недавно обращено вполне заслуженное ими внимание, и они постепенно издаются и переводятся на европейские языки.

Указанные нарративные источники, кроме того, распадаются на истории общего характера, летописи, в которых изображаются события всего известного автору и его эпохе мира с древнейших времен; эти общие летописи, разумеется, носят компилятивный характер, отношение их авторов к первоисточникам, как правило, лишено элементарной критичности, текст большей частью выписывается целиком, слово в слово, очень часто без указания имени автора, или же по разным соображениям подвергается изменениям и переделкам; таковы летописи Мирхонда и его продолжателей Хондемира и Риза-кули-хана.

В противоположность этим универсальным историям, истории частные излагают события определенной эпохи, касающиеся определенной исторической личности, например «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» (История шаха

Аббаса I) Искандера Мунши или «Надир-намэ» Мухаммеда Казима. В таких летописях почти всегда много интересных подробностей, автор их иногда является современником и даже участником описываемых событий.

Изложение в этих исторических произведениях (общих и частных) хронологическое, часто из года в год, материал распределяется на большое число отделов, носящих разные названия; в конце отделов часто приводятся списки выдающихся личностей за описываемый период с подробными о них сведениями.

Стиль большинства летописей — в высшей степени вычурный и цветистый, отражающий вкусы и требования феодальной эпохи Востока.

Отдельную группу исторических источников составляют сочинения особого жанра — дневники-описания путешествий. Для XIX в. мы имеем два таких произведения: отчет о посольстве в Хиву Риза-кули-хана и дневник путешествия шаха Насир-эд-дина в Хорасан, составленный Хакимуль-мамаликом. Сюда же можно отнести и насыщенный историческими сведениями дневник путешествия того же шаха в Хорасан, составленный Мухаммед Хасан-ханом.

„Хабиб-ус-сияр“

Иранские исторические повествования XVI в. открываются капитальным трудом по всеобщей истории, озаглавленным «Хабиб-ус-сияр фи ахбари-афрад-иль-башар», сокращенно «Хабиб-ус-сияр» («Друг жизнеописаний») Хондемира. Этот труд в некоторых отношениях сходен с большим и универсально популярным и на Востоке и в Европе историческим сочинением конца XV в. «Раузат-ус-сафа» Мирхонда, извлечения из которого помещены в I томе, но стиль его в общем более изыскан, богат метафорами, с другой стороны, более сжат, более лаконичен и вместе с тем ясен. «Хабиб-ус-сияр» принадлежит к числу немногих иранских исторических произведений, в которых автору удается в немногих, сравнительно, выражениях изложить целый ряд фактических данных; при всем том содержание его шире, чем у Мирхонда, так как им охвачен ряд династий, пропущенных у последнего. Очень ценным элементом надо признать биографическую часть — жизнеописания выдающихся деятелей соответствующих эпох, как добавление в конце изложения истории отдельных династий. «Хабиб-ус-сияр» делится на три тома (муджалляд) по четыре части (джуз) в каждом. Существует несколько литографических изданий его на Востоке[1] и значительное количество рукописей в библиотеках мира. Европейские ученые пользовались им неоднократно для своих работ, напр. Б. Дорн для своей истории Табаристана и сарбедаров, Эллиот для истории Индии и др. Для истории туркмен и Туркменистана XVI в. сведения рассеяны

[1] В Бомбее в 1273 г. х. (1856/57 г.), in fol., v. I, II; в Тегеране в 1271 г. х. (1854/55 г.): I — 197 стр., II — 228 стр., III — 424 стр.

в третьем томе: маршруты походов в Хорезм, Везпр, Адак, Астрабад, а также события в Мерве.

Автором «Хабиб-ус-сияр» является Гияс-уд-дин ибн Хумам-уд-дин, прозванный Хондемиром. Родился он в Герате около 1475 г. и приходился внуком знаменитому иранскому историку Мирхонду, по смерти которого в 903 г. х. (1498 г.) он обработал и закончил седьмой том его всеобщей истории «Раузат ус-сафа» («Сад чистоты») и географическое к ней добавление, пользуясь, как и дед, покровительством министра тимуридского государя султана Хусейн-и-Байкара (878-912 гг. х.—1473-1506 гг.) и просвещенного мецената той эпохи Мир-Али-Шира (род. 844 г. х — 1440/41 г., умер в 906 г. х.— 1501 г.) и его обширным собранием рукописей исторических сочинений.

Хондемир приступил к составлению своей всеобщей истории «Хабиб-ус-сияр», повидимому, в 927 г. х. (1521 г.) и закончил ее в 930 г. х. (1524 г.), за несколько месяцев до смерти шаха Ирана Исмаила I, посвятив ее своему покровителю, правителю Герата ходже Хабибуллаху, по имени которого и названа история. По приглашению султана Бабура, одного из тимуридов, основателя империи великих моголов в Индии, Хондемир прибыл в 934 г. х. (1527/28 г.) ко двору его в Агру, по предложению его преемника Хумаюна составил сборник правил и узаконений Хумаюна и описание возведенных им зданий под заглавием «Хумаюн-намэ» (в 940 г. х. — 1533/34 г.).Хондемир умер в Гуджерате в 941 г. х. (1534/35 г.).

„Ахсан-ут-таварих“

Одним из первоисточников для истории первых двух сефевидов — шаха Исмаила I (907-930 гг. х. — 1502-1524 гг.) и шаха Тахмаспа I (930-984 гг. х. — 1524-1576 гг.) — считается «Ахсан-ут-таварих» («Наилучшая из летописей»), мало популярный и мало использованный труд, так как он существовал до сих пор в чрезвычайно ограниченном количестве рукописей и лишь недавно издан в Индии с английским переводом,[1] между тем как первоисточник, на который ссылаются позднейшие более популярные истории, напр., Искандера Мунши (см. ниже), «Ахсан-ут-таварих» надо признать чрезвычайно важным; таким образом он разделяет судьбу многих других первоисточников, вытесненных позднейшими компиляциями. Рукопись Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде,[2] написанная, повидимому, в первой половине XVII в., т. е. вскоре после изображаемых в ней событий, содержит только два тома из десяти: девятый (сохранилась лишь часть), по словам самого автора (л. 138b), охватывает период 800—899 гг. х. (1397—1493 гг.) и повествует «о падишахах румских, чагатайских

[1] «Ahsan-ut-Tawarikh». History of the Safavi Period of Persian History, 15th and 16th centuries, by Hasan-i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon, Baroda 1932; v. II Engl. transl. 1934, 8°

[2] № 287 по каталогу Дорна (стр. 277—278).

и о караманской династии»; историю первых двух сефевидов содержит собственно десятый том, обнимающий время 900—985 гг. х. (1494—1577 гг.); сюда же вошли и «дела султанов румских, хакапов чагатайских, ханов узбекских, знаменитых ученых, везиров и поэтов, бывших их современниками» (л. 137а); повествование кончается на смерти шаха Тахмаспа I, борьбе между его сыновьями, кратковременном кровавом царствовании Исмаила II, его смерти и воцарении Мухаммеда Худабендэ (985-995 гг. х.— 1578-1587 гг.), отца шаха Аббаса I;[1] изложение идет в виде хроники по годам, описываются лишь главные события, сжато, без подробностей; стиль изложения прост, свободен от излишней цветистости и напыщенности, но текст обильно пересыпан стихами. Автор данной исторической хроники Хасан-бек Румлю, как показывает вторая часть его имени, происходил из тюркского кызылбашского[2] племени румлю, принадлежал, надо думать, к богатому и пользовавшемуся большим значением и влиянием роду. Его деду Эмир Султану Румлю, который умер в 946 г. х. (1539/40 г.), был отдан в «тиюль»[3] целый город Казвин (л. 56а). Сам автор, как и большинство представителей кызылбашских племен, состоял в гвардии шаха. За отсутствием более подробных сведений о жизни автора, можно лишь предполагать, что он был современником и, может быть, сверстником шаха Тахмаспа I (родившегося в 919 г. х. — 1513 г.), в событиях царствования которого автор, в силу своего социального положения, видимо, участвовал непосредственно и вел изложение истории этого периода по личным наблюдениям. Эпоха предшествующая (шах Исмаил I) изложена, очевидно, по первоисточникам и рассказам лиц, непосредственно участвовавших в событиях того времени. Содержание же предыдущего (IX) тома надо рассматривать как компиляцию исторических трудов предшествующей эпохи.

„Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси“[4]

Наиболее подробным и обстоятельным историческим сочинением для эпохи шаха Аббаса I Великого (1587—1628), является указанное в заголовке произведение — «Аббасова мир украшающая история». В этом труде последовательно излагается предшествующая история династии сефевидов, начиная с ее родоначальника, ардебильского шейха Сефи-эд-дина; основным

---

[1] E. G. Browne. A History of Persian Literature in Modern Times (A. D. 1500—1924). Cambridge, 1924, pp. 98—100.

[2] Кызылбаши (по-тюркски — «красноголовые»), от красных шапок, вокруг которых обматывалась чалма. Название это дано было анатолийскими турками тюркским (туркменским) племенам Закавказья, Азербайджана и восточной части Малой Азии, объединившимся в союз вокруг сефевидов (с XIV в.). Эти племена (числом семь — устаджлю, румлю, текелю, бахарлю, зулькадар, афшар и каджар) являлись основной социальной силой, на которую опирались сефевиды (мусульмане-шииты) при созидании своего государства — современного Ирана — и в борьбе против анатолийских турок (мусульман-суннитов). Впоследствии это прозвище распространено было турками на всех жителей Ирана.

[3] Ленное владение, нечто вроде западноевропейского «бенефиция».

[4] Издана в Тегеране в 1314 г. х. (1896/97 г.), in folio.

же содержанием его надо признать эпоху и действия шаха Аббаса I; повествование заканчивается 1038 г. х. (1628 г.), т. е. годом смерти шаха Аббаса.

«Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» состоит из предисловия и двух главных отделов (сахифэ), излагающих самую историю шаха от его рождения и законченных автором вместе с предисловием в 1025 г. х. (1616 г.); третий заключительный отдел дает историю ряда следующих годов, до смерти шаха.

Автор этого обстоятельного труда Искандер-бек родился около 968 г. х. (1560 г.) и происходил из туркмен Азербайджана. Ему присвоено в литературе прозвище Мунши, так как он состоял при шахе Аббасе в числе секретарей (мунши). Он находился в непосредственной зависимости от великого везира (И'тимад-уд-доуле) Хатим-бека, а после его смерти — от его сына Абу-Талиб-хана и пользовался покровительством обоих. Близость к представителям тогдашних верхов давала возможность Искандер-беку быть в курсе дел и событий, происходивших в описываемую им эпоху.

Там, где автору позволяло его официальное положение, он высказывает трезвые взгляды в объяснение поступков действующих лиц. Не будучи стеснен в пользовании современными ему официальными материалами, автор цитирует неоднократно предшествующие исторические хроники, напр. «Джихан-ара» («Нусах-и-джихан-ара» — «Мир украшающие списки») Ахмеда аль-Гаффари, «Тарих-и-ахвал-и-салятин-и-туркеман» («История жизни туркменских султанов»),[1] и сверх того вносит в свое изложение как результаты личных наблюдений (напр. стр. 350), так и устные рассказы очевидцев и участников событий (напр. стр. 302). Стиль изложения не перегружен чрезмерной цветистостью; излишества в этом отношении допускаются автором лишь в официально необходимых случаях, т. е. когда им излагаются действия высокопоставленных лиц — шаха и др. и подробности военных действий.

Продолжение „Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси"

1) «**Хулясат-ус-сияр**».[2] Образованные круги иранского общества эпохи шаха Аббаса I благосклонно отнеслись к труду Искандер-бека Мунши и предложили ему продолжать свои занятия, работая над историей нового шаха Сефи I. Сначала автор, которому в момент воцарения шаха Сефи I было уже 70 лет,[3] колебался принять это предложение, но затем согласился на лестную для него задачу и приступил к погодному изложению событий четырнадцатилетнего периода шаха Сефи I,[4] предпослав главу с описанием

---

[1] Оба эти сочинения считаются в настоящее время утраченными.

[2] «Краткая суть жизнеописаний». Рукопись Государственной Публичной библиотеки (Dorn 303), писанная почерком «насталик», видимо, в XI в. х. (XVII), ff. 1—127b, сочинение чрезвычайно редкое.

[3] f. 3ab.

[4] f. 7a.

смены царствования[1] и подробный очерк воспитания шахом Аббасом I внука Сам-мирзы, впоследствии шаха Аббаса II.[2] Изложение этого отдела в общем совпадает с соответствующим описанием событий в «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси». Дальнейшее изложение, столь же обстоятельное и подробное, как и в «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси», ничем не отличающееся по стилю и содержащее данные о борьбе с хорезмскими ханами за обладание Мервом и Атеком, кончается на воцарении шаха Аббаса II (1052 г. х. — 1642 г.).[3] Непосредственно вслед за этим вскрывается интересное обстоятельство, по недосмотру пропущенное Б. Дорном: следующая глава содержит биографию автора «Хулясат-ус-сияр», которым неожиданно оказывается некий Мухаммед Ма'сум ибн Ходжаги-и-Исфахани.[4] Этот последний в начале своей придворной карьеры был шталмейстером—смотрителем шахских верблюжьих табунов и заведующим шахскими конюшнями (одна из больших придворных должностей). По словам автора, он находился на службе у шаха Аббаса I до самой его смерти в 1038 г. х. (1628 г.) в течение двенадцати лет, т. е. с 1026 г. х. (1617 г.). В течение следующего четырнадцатилетнего царствования шаха Сефи I он неизменно оставался в своей должности, продолжая заниматься литературной работой (составление сборника стихов), начатой еще при шахе Аббасе I. На четвертом году царствования шаха Аббаса II, т. е. в 1056 г. х. (1646 г.), он был назначен везиром при правителе Карабага Муртаза-кули-хане Зияд-оглы в г. Гяндже.

Наконец, автор приводит заглавие данного сочинения[5] и сообщает, что по поручению шаха Сефи I он приступил было к составлению всеобщей истории и уже довел изложение до момента непосредственно предшествующего воцарению Тимура, пользуясь книгами из шахской библиотеки, как получил распоряжение шаха приостановить работу и изложить историю только периода его царствования.[6] Согласно словам автора, он написал историю десяти лет правления шаха Сефи I, когда последовала смерть этого шаха. Таким образом остается неясным, каким образом его труд явился продолжением «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси»: сам ли он продолжал работу, начатую Искандером Мунши, нигде не упоминая об этом и не указав, где прервалась окончательно работа последнего, или же позднейший редактор механически связал введение Искандера Мунши и дальнейшее изложение Мухаммеда Ма'сума; почти полное тождество стилей изложения обоих историков не дает возможности точно разграничить их работу. Наконец, пользуясь указанием автора на десятилетие, которым ограничивается написанная им история шаха Сефи I, можно истолковать его в том смысле, что он

---

[1] f. 4ab.
[2] f. 4b.
[3] ff. 117b—120b.
[4] ff. 120b—123b.
[5] f.126b
[6] f. 127a.

начал писать историю этого шаха через четыре года после его воцарения и что история первых четырех лет написана кем-то другим — предположительно Искандер-беком Мунши.

2) «**Тарих-и-Тахир-и-Вахид**». Дальнейшим продолжением истории сефевидов является история, написаннаяМухаммедом Тахиром и посвященная периоду шаха Аббаса II (с 1052 г. х. — 1642 г.).[1] Самой истории царствования Аббаса II предпослано введение, повествующее о рождении Аббаса и о его генеалогии. История Аббаса здесь не закончена, и повествование прерывается на 1074 г. х. (1663 г.). Насколько два предыдущих исторических труда Искандера Мунши и Мухаммеда Ма'сума можно признать обладающими умеренно-цветистым стилем, но насыщенными историческим содержанием, настолько история Мухаммеда Тахира представляется стилистически элегантной, но малосодержательной. Это и не удивительно, если мы вспомним, кто был ее автор. Состоя сначала в качестве «мунши» при великом везире Халифэ Султане, по поручению которого взялся за писание одного исторического труда,[2] он был назначен шахом Аббасом II в 1055 г. х. (1645 г.) на должность придворного историографа (меджлис навис).[3] Как для первой должности, так и в особенности для второй, по понятиям феодального общества того времени, требовались люди, обладавшие лишь изяществом литературного стиля, знанием тонкостей языка и неудержимой фантазией для того, чтобы уметь создавать те поразительные гиперболы и метафоры, которые являются теперь бичом для читателя-историка.

Мухаммед Тахир считался в ту эпоху первым стилистом, составил сборник образцов эпистолярного стиля и, наконец, значительное по размерам собрание поэтических произведений (диван), в которых автор значится под литературным псевдонимом Вахид, хотя эти произведения уже тогда ценились лишь в силу занимаемого автором высокого положения. Материалом для истории туркмен как в «Тарих-и-алям-ара», так и у его продолжателей являются несистематичные, рассеянные по разным годам царствований сведения о событиях в Хорасане, в Мерве и участии в них туркмен.

„Мухит-ут-таварих“ [4]

«Мухит-ут-таварих» представляет компиляцию из тридцати семи исторических и поэтических произведений, как указывает сам автор в предисловии,[5] как бы поясняя заглавие своего труда.[6] Содержанием имеющейся

[1] В той же рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (по каталогу Дорна 303, ff. 128b—278a), писана тем же почерком «насталик» в XI в. х.; труд представляет собою редкость; в одном из позднейших исторических сочинений названа «Тарих-и-джадид» (Ch. Rieu, Catalogue, p. 190a).

[2] ff. 131b, 132b.

[3] f. 159ab.

[4] Рукопись Института востоковедения Д 89, 1110 г. х. (1698 г.), 233 стр.

[5] Стр. 8.

[6] «Океан историй».

в Институте востоковедения АН части данного исторического сочинения,[1] сверх краткого изложения предыдущей истории ханов, служат события во время правления в Бухаре Субхан-кули-хана (1091-1114 гг. х.— 1680-1702 гг.), главным образом смуты, созданные набегами ургенчского хана Апуши на Бухару, Самарканд и другие города, и взаимоотношения Субхан-кули с Мервом.

Автор истории — Мухаммед Эмин Кирак Яракчи. Язык автора — иранский язык Средней Азии (таджикский). Рукопись неполная и заключает в себе лишь десятую (последнюю) главу. Сверх материала исторических хроник, в состав истории входит несколько глав о художниках, каллиграфах и ученых эпохи. Помимо того, в конце рукописи имеются три добавочные главы: о путешествии Абдуль-Азиз-хана, брата Субхан-кули и правителя Бухары, в Мекку, вторая и третья главы о событиях 1096 и 1097 гг. х. (1684 и 1685 гг.).

„Надир-намэ“

Основным источником для истории Надир-шаха (ум. в 1747 г.), по богатству фактических сведений далеко оставляющим за собой не только все, что известно об истории Мерва в XVIII в., но и все вообще источники по истории царствования Надир-шаха, в том числе и труд официального историка этого царствования Мехди-хана, нужно считать исторический труд под неустановленным еще заглавием «Надир-намэ» или «Китаб-и-Надири», так как из трехтомного сочинения сохранились лишь второй и третий томы.[2] В первом томе излагались события до вступления Надира на престол; второй обнимает события от его воцарения 1 рамазана 1148 г. х. (4/15 января 1736 г.) до начала войны с Турцией в 1156 г. х. (1743 г.); третий — события последних лет царствования Надира, причем рассказывается и об отступлении иранского войска из Туркестана после получения известия о смерти шаха; конец сочинения принадлежит уже сыну автора, участвовавшему в отступлении из Туркестана.

Автор этого труда — Мухаммед Казим, везир г. Мерва, принимавший участие в событиях царствования Надир-шаха, например, в походах против Бухарского и Хивинского ханств. Автор проникнут любовью к своему городу, о котором сообщает не только исторические, но и топографические сведения.

Очень подробно говорится о действиях в Мерве Надира, причем эти действия связываются с намерением совершить поход на Китай, описывается

---

[1] Вся предыдущая часть сочинения, носящая, как указывалось, компилятивный характер, в списке Института востоковедения отсутствует.

[2] Рукопись-unicum Института востоковедения, 327 лл., in fol. и 251 лл. in fol.; подробно описана В. Бартольдом в «Приложении» к протоколу X заседания Отделения исторических наук в филологии Российской Академии Наук 17 сентября 1919 г. (стр. 927—930), откуда и заимствованы приводимые сведения.

недавно возникший новый г. Мерв, о котором до сих пор не было никаких известий.

Кроме событий в Мерве и вообще в Средней Азии, в которых автор непосредственно принимал участие, он подробно излагает и военные действия, происходившие в Индии и Передней Азии.

„Тарих-и-Надири“ [1]

Период правления в Иране и западной части Средней Азии Надир-шаха нашел также отражение в историческом труде «Тарих-и-Надири», иногда называемом «Тарих-и-джихан-гуша-и-Надири», но здесь меньше всего отразились не только социально-экономические, но даже политические события эпохи Надир-шаха. По содержанию это скорее всего военная история, вернее сборник военных реляций о походах и передвижениях армий, об осадах и штурмах крепостей, о больших сражениях и о мелких кавалерийских стычках. Центральными фигурами в этом повествовании являются шах и его победоносное войско. При описании их действий проявляется вторая отличительная черта, свойственная не только «Тарих-и-Надири», но в особенности второму историческому труду того же автора «Дуррэ-и-Надирэ»,[2] да и не чуждая другим иранским историческим сочинениям: необычайно богатые изобразительные средства языка, доведенные до пределов совершенства стилистические приемы — метафоры, сравнения, столь излюбленные гиперболы, перифразы проходят по всему сочинению, наиболее ярко и интенсивно проявляясь при описании действий шаха и его войска. Помимо этого, повествование обильно уснащено обычными для произведений иранской изящной литературы разного рода сентенциями и коранническими выражениями, рифмованной прозой и трафаретными лирическими введениями, большею частью в виде отрывков, заимствованных из Хафиза, наконец, неожиданными каламбурами с личными и географическими именами и остроумными коротенькими рассказами-анекдотами. Таким образом, сам собою напрашивается вывод, что в «Тарих-и-Надири» и ему подобных сочинениях мы имеем своеобразный, но определенный литературный жанр, доведенный до полного своего развития в условиях феодального общества и в соответствующей литературной среде, но эта «художественная» история — явление не новое. Если не по содержанию, то по форме мы замечаем этот жанр и у Искандербека Мунши и у других историков; прототип его мы видим в «Тарих-и-Вассаф»[3] («Истории Вассафа»). Впрочем сам автор историй Надира не скрывает своего подражания истории Вассафа, служившей ему образцом.[4] Автором этих двух историй Надир-шаха является мирза Мехди-хан. Бу-

[1] «Надирова История», издана в Тавризе 1266 г. х. (1849/50 г.), 166 стр.

[2] По содержанию тождественному с первым.

[3] История монголов за период 656—712 гг. х. (1258—1312 гг.); имеет и другое более изысканное заглавие.

[4] Ch. R i e u. Catalogue of the Persian Mss in the British Museum, p. 195.

дучи литературно образован и овладев в совершенстве искусством «мунши», он занимал должность личного секретаря при Надир-шахе и находился, таким образом, в курсе всех политических событий, в некоторых из них принимая участие как доверенное лицо Надир-шаха. Литературные занятия Мехди-хана распространились на изучение произведений Мир-Али-Шира, результатом чего явился большой чагатайско-персидский словарь «Сангелях».[1]

„Тухфат-уль-ханн“[2]

Одним из источников, трактующих о событиях в Мавераннахре и преимущественно в Бухарском ханстве в XVIII в., служит труд, составленный в Средней Азии, излагающий события с 1134 г. х. (1721 г.) по 1170 г. х. (1756/57 г.) и озаглавленный «Тухфат-уль-ханн» («Ханский подарок»). Сочинение посвящено истории правления Мухаммед Рахим-хана, и поэтому название его встречается в виде «Тарих-и-Рахим-ханн». Автор этого труда Мухаммед Вефа-и-Керминеги соблюдает традиции высокого стиля с его цветистостью и напыщенностью; язык автора — иранский язык Средней Азии, т. е. таджикский. В борьбе и взаимодействии местных сил рисуются действия и роль туркмен Мерва и других местностей.

[История Средней Азии]

(Мир Абдуль-Керима Бухарского)[3]

Довольно редкое явление представляют оригинальные источники, подробно излагающие события в Средней Азии после смерти Надир-шаха и обрисовывающие политический порядок в областях этой страны, создавшийся к началу XIX в. и сохранившийся почти неизменным до позднейшего времени. Одним из таких источников является написанная, видимо, в Бухаре рукопись-unicum — история Средней Азии Мир Абдуль-Керима, принадлежавшая Ch. Schefer'у, изданная им в тексте и переведенная на француз-

---

[1] Ch. R i e u. Catalogue of the Turkish Mss in the British Museum, p. 265. Грамматическую часть этого труда Мехди-хана издал E. Denison Ross под заглавием «Мабани-ль-Люгат». Этот труд Мехди-хана, на ряду с его словарем, является одним из ценнейших источников для изучения чагатайского языка. Перевод «Тарих-и-Надири» сделан на французский язык еще в XVIII в. Sir W. Jones'ом: Histoire de Nader Chah. London, 1770; тем же автором опубликован английский перевод в 1773 г. Кроме тавризского, существует издание в Тегеране и Бомбее.

[2] Рукопись Института востоковедения № С 525 (1244 г. х. — 1828/29 г.) и № С 527 (1280 г. х. — 1863/64 г.).

[3] Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les dernières années du règne de Nadir Chah (1153), jusqu'en 1233 de l'hégire (1740—1818). Par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Texte persan imprimé à Boulaq; 4^0, traduction française, Paris 1876, 8^0, VII + 304. Publications de l'École des Langues Orientales Vivantes, № 1.

ский язык. Здесь описываются события с 1150 по 1233 гг. д. (1740—1818 гг.), развернувшиеся в Афганистане, Бухаре, Хиве и Коканде. Так как автор данного повествования происходил из Бухары, то, как можно было ожидать, тамошние события он описывает наиболее точно и подробно; почти всегда автор указывает мотивы событий и побуждения, руководившие действующими лицами, о характере которых он сообщает интересные и ценные сведения. Приходится пожалеть, что у автора почти нигде не указаны даты, и в части, касающейся Афганистана, изложение носит несколько беспорядочный характер.

Язык сочинения — начинавший тогда вырабатываться современный «фарси», с теми особенностями в истории развития последнего, которые мы можем наблюсти в области влияния на этот язык синтаксиса анатолийско-турецкого языка, сверх того, здесь заметны и просто заимствования из того же языка. Подробных сведений об авторе не имеется, но можно предполагать, что он принадлежал к бухарскими сейидам.[1] По его словам, он находился при шахе Махмуде, когда тот бежал в Бухару; затем автор состоял в качестве заведующего хозяйством при посланнике бухарского хана, отправленном в Россию в начале XIX в., был в Москве и девять месяцев в Петербурге.[2] Наконец, в качестве секретаря посольства он отправился в 1222 г. х. (1807 г.) в Константинополь, где и составил свое описание событий в Средней Азии по поручению Ариф-бея, которому в силу своего официального положения при константинопольском дворе приходилось принимать приезжих из восточных стран и который на практике осознал необходимость знакомства с положением дел в среднеазиатских странах и с тамошними отношениями. Пребыванием автора в Константинополе, где он провел остаток своей жизни и умер в 1246 г. х. (1830),[3] и объясняются влияние турецкого языка на его персидский и та свобода и откровенность, с которой он вскрывает, как сказано, побуждения, руководившие действующими лицами, и мотивы событий.

„Ма'асир-и-султанийе"

Самым ранним сочинением по истории каджаров (с 1193 г. х. — 1779 г.) надо считать труд Абд-ур-Реззака ибн Неджеф-кули «Ма'асир-и-султанийе»[4] («Султанские памятные дела»), написанный в традиционно-цветистом стиле, но достаточно подробно излагающий историю активных представителей, вождей каджарского племени, их борьбу за обладание властью в Иране, позднейшие внешние и внутренние события — войну с Россией и роль Англии в этой войне, восстание племен, взаимоотношения с правителями

[1] Ch. Schefer в «Introduction» к своему переводу, p. III.

[2] Текст, p. 71.

[3] Ch. Schefer, там же.

[4] Издан в Тавризе в 1241 г. х. (1825/26 г.) и является одной из первопечатных иранских книг (инкунабул).

Мерва и пр. Об авторе этого сочинения сведений не имеется, но, видимо, он стоял близко к наследнику иранского престола Аббас-мирзе и был прекрасно осведомлен о всех важнейших политических событиях.

Труд Абд-ур-Реззака еще в рукописи лег в основу истории каджаров на английском языке. Sir Harford Jones Brydges, английский посланник в Тегеране, использовал его в виде перевода, частично сократив начальные главы, закончив перевод на 1226 г. х. (1811/12 г.) и предпослав большое введение (стр. XIII—CXCI).

Сочинение Brydges'a под заглавием «The Dinasty of the Kajars»[1] тогда же подверглось суровой критике со стороны известного французского ориенталиста S. de Sacy.[2]

„Насих-ут-таварих“[3]

Подробнейшей историей эпохи каджаров является трехтомный фолиант, озаглавленный «Тарих-и-каджарийе» («История каджаров») и составляющий, в свою очередь, третий том обширной истории «Насих-ут-таварих» («Отменитель предыдущих историй»), два первых тома которой, не имеющие большой ценности, трактуют только лишь о пророках и о Мухаммеде. Изложение в «Тарих-и-каджарийе» доведено до 1273 г. х. (1856/57 г.) и является самым подробным, богатым деталями и систематичным и может сравниться в этом отношении с историей Риза-кули-хана «Раузат-ус-сафа» («Сад чистоты»), доведенной до 1270 г. х. (1853),[4] с которой «Тарих-и-каджарийе» во многом совпадает, так как оба труда составлялись одновременно на основании одних и тех же материалов по поручению шаха Насир-уд-дина. Благодаря детальному и связному изложению, такие сложные и цельные события, как восстания ходжи Юсуфа Кашгарского в туркменской степи, Хасан-хана Салара в Хорасане, военные действия Султан Мурад-мирзы в 1853 г. против Серахса и Мерва, взаимоотношения Ирана и Хивы, поход Феридун-мирзы против хивинского хана Мухаммеда Эмина и смерть последнего под Серахсом в 1855 г., — события, в которых туркмены принимали активное участие, получают свою цельность и законченность, осмысливаются и усваиваются во всей своей сложности. Авторство «Истории каджаров» принадлежит одному из многочисленных литературных деятелей этой эпохи мирзе Мухаммеду Тагы-хану, Лисан-уль-мульку, с литературным псевдонимом «Сипихр». Он занимал должность по финансовому ведомству (был мустоуфи) и считался придворным панегиристом Мухаммед-шаха, по поручению которого приступил к составлению своего исторического труда, законченного при следующем шахе Насир-уд-дине. Значительное количество его поэти-

---

[1] London, 1833.

[2] В «Journal des Savants», 1835, p. 67 сл.

[3] Издание тегеранское, 1273 г. х. (1856/57 г.).

[4] «История каджаров», т. IX, Тегеран, 1270/71 г. х. (1853/54 г.), т. X, Тегеран, 1272/74 гг. х. (1855—1857/58 гг.).

ческих, довольно посредственных, произведений подражательного характера сохранено его современником, выдающимся литературным деятелем того времени, упомянутым выше Риза-кули-ханом в его замечательной антологии «Маджма'уль-фусаха».[1]

„Сафарат-намэ-и-Хорезм“[2]

Путевые журналы, дневники путешествий — явление хотя и редкое, но не новое в иранской литературе. Достаточно вспомнить известное и замечательное «Сафар-намэ» Насир-и-Хосрова (XI в.), чтобы оценить такие дневники с географической и бытовой точек зрения и как исторический источник. Один из таких дневников — путевых отчетов — мы имеем в «Сафарат-намэ-и-Хорезм» («Отчет о посольстве в Хиву»). Посольство было отправлено шахом Насир-уд-дином в 1267 г. х. (1851 г.) к хивинскому хану Мухаммед Эмину для разрешения принципиального вопроса о взаимоотношениях двух государств. Дневник содержит сведения о туркменской степи между Астрабадом и Хивой и о туркменах, живших на этой территории. Сведения эти были настолько ценны своей новизной для иранского общества, что значительная часть дневника была включена в виде отрывков в иранские историографии середины XIX в., как, например, в вышеописанную историю каджаров Лисан-уль-мулька. Послом и автором дневника-отчета о путешествии в Хиву и обратно был уже упоминавшийся Риза-кули-хан — выдающееся явление в культурной жизни Ирана прошлого XIX в.

Риза-кули-хан, известный под литературным псевдонимом Хидаят, который служит теперь фамилией для его потомков в Иране, родился в Тегеране в 1215 г. х. (1800 г.) и умер там же в 1288 г. х. (1871 г.). Его литературные дарования и пристрастие к занятиям литературой обратили на него внимание двора, и он назначен был учителем и воспитателем наследника иранского престола при Мухаммед-шахе, а затем занимал ту же должность при шахе Насир-уд-дине. Когда понадобилось наметить посла в Хиву, выбор пал на Риза-кули-хана. По возвращении его из Хивы ему было поручено ведать недавно основанным колледжем Дар-уль-фунун и управлением по делам печати. Как ученый и литератор он проявил себя в разнообразных областях: ему принадлежат поэтические произведения рядом с историческими трудами, самый выдающийся из которых — упомянутое трехтомное «Раузат-ус-сафа», продолжение известной летописи Мирхонда (XV в.);

---

[1] Тегеран, 1295 г. х. (1878 г.), т. II, стр. 156—181. Сведения о Сипихре и его истории см.: C. A. S t o r e y. Persian Literature. A bio-bibliographical Survey, Section II, fasc. 1, London, 1935, pp. 150—154. Современные иранцы резко критикуют Сипихра за анахронизмы и неточности, допущенные им при изложении даже событий XIX в. Enzyklopaedie d. Islām, s. v. Sipihr.

[2] Relation de l'Ambassade au Kharezm (Khiva) de Riza Qouly Khan. Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer, Texte persan Paris, 1876, 8°, ...traduite et annotée par... Paris 1879. 8° Publications de l'École des langues orientales vivantes, vol. III, IV.

чрезвычайно ценные антологии и большой словарь редких слов; в общем более двух десятков работ, из которых большинство составляют все же поэтические произведения.

„Рузнамэ-и-Хаким-уль-мамалик“ [1]

К тому же жанру путевых журналов и дневников относится описание путешествия шаха Насир-уд-дина в 1283 г. х. (1866 г.) в Хорасан (официально на поклонение гробнице имама Риза в священный Мешхед и для устройства государственных дел) с целью лично убедиться в состоянии северо-восточной окраины Ирана и принять меры к охране пограничной территории от набегов туркмен, причем путешествие происходило в очень тревожный для Ирана момент активной деятельности последних. Содержание дневника путешествия, которое продолжалось три с половиной месяца (на каждый день в среднем отведено не более пяти страниц), составляют записи об утреннем самочувствии шаха, дальнейшем передвижении, об остановках для завтрака у дороги и о лагерных стоянках, о встречах и проводах, приемах депутаций, просмотре почты и писании приказов и, наконец, даже о путевых развлечениях. Попутно с этими обычными действиями в пути осуществляется едва ли не самая главная цель поездки в Хорасан — осмотр местности с военной точки зрения: изучаются пути следования в Иран туркменских отрядов, состояние дорог, наличие запа́са воды, производится осмотр укреплений и изыскиваются меры противодействия нашествиям с севера, причем нередко вскрывается любопытный факт, что обезлюдевшие деревни — результат не только нападений туркмен, но и непосильных поборов помещиков и притеснения ханов, на что жалуется население в поданных шаху на пути заявлениях и петициях. Исторические данные о туркменах и в связи с туркменами в настоящем дневнике носят отрывочный характер. Автором этих записей является один из сопровождавших шаха придворных, по профессии врач, Али Тагы ибн Исмаил, с почетным прозвищем «Хаким-уль-мамалик», т. е. «врач государственных областей». При наличии досуга (так как у этого врача не было практики) он подал шаху мысль вести дневник, чтобы оставить «памятник об этом благословенном путешествии», на что шах изъявил согласие и установил для этого дневника вышеуказанное заглавие. Все же в конце изложения читатель узнает, что в основе дневника лежат собственноручные записи шаха, и вопрос об авторстве усложняется. При сопоставлении с этим дневником дневника второго путешествия шаха в Хорасан четырнадцать лет спустя мы сразу же замечаем разницу, выражающуюся, прежде всего, в упоминании о шахе: в данном дневнике автор говорит о шахе в третьем лице с прибавлением различных подобающих для такой особы эпитетов; далее, замечательно простой, очень близкий к народной разговорной речи язык шаха во втором дневнике, где шах говорит о себе в первом лице,

[1] Издание в Тегеране 1286 г. х. (1869 г.), 8°, 485 стр.

свободен от стилистических прикрас, довольно частых в первом, язык которого в общем также прост. Таким образом и по языку, и по стилю, и по композиции дневник — произведение Хаким-уль-мамалика. Если же в основе его лежат записи шаха, то это скорее спорадические, случайные заметки, как указывает и сам автор, когда описывает пребывание в Фирузкухе. Автор, как придворный писатель, в угоду продолжавшей жить литературной традиции, даже в таком беспретенциозном произведении, как дневник путешествия, не счел для себя возможным отрешиться от традиционных литературных навыков.

„Тарих-и-мунтазам-и-Насири“ и „Матля-уш-шамс“

Последней по времени всеобщей историей мусульманских стран, написанной в Иране, является «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» («Насировская упорядоченная история»), посвященная шаху Насир-уд-дину. Начинается эта история с 1 г. х. (622), доведена до 1300 г. х. (1882),[1] базируется на большом количестве источников и в части, трактующей о туркменах в XIX в., повторяет в большинстве случаев уже известные из «Насих-ут-таварих» и продолжения «Раузат-ус-сафа» сведения.

Автор этой истории — один из первых и ранних младоиранских представителей и в тогдашних условиях Ирана выдающийся ученый-историк, Мухаммед Хасан-хан, известный в ученой литературе и под своими почетными прозвищами (лякабами) Сани'-уд-доуле и И'тимад-ус-салтанэ, умерший в марте 1896 г.[2] Он был одним из первых, кончивших известный колледж Дар-уль-фунун, открытый в 1268 г. х. (1851/15 г.), по выходе из которого он состоял в военном ведомстве, несколько лет служил в посольстве в Париже, затем заведывал управлением по делам печати, писал в издаваемых и редактируемых им газетах, занимал разные придворные и административные должности, был цензором всех выходивших изданий (цензура была введена по его совету) и влиял на характер выходивших в Иране серьезных научных изданий. Его главные литературные работы выразились в ряде исторических и географических сочинений. Из прикладных исторических наук он с увлечением занимался археологией, эпиграфикой и нумизматикой — им тщательно подобрана коллекция монет от Александра Македонского до Насир-уд-дина. «Сочинения его, написанные простым языком, весьма часто основаны на документах. . . причем знание иностранных языков и знакомство с приемами исторической критики позволяли ему пользоваться и европейскими

---

[1] Издана в Тегеране в 1298—1300 гг. х. (1880—1882 гг.) в трех томах; т. I содержит историю 1—656 гг. х. (622—1258 гг.), перечень важнейших событий в Европе в 1880 г. и нечто вроде нашего календаря; т. II излагает дальнейшие события до появления династии каджаров; т. III — историю династии каджаров с 1194 г. х. (1779 г.) до 1300 г. х. (1882 г.) с такими же прибавлениями в виде календаря.

[2] C. A. S t o r e y, ibidem, pp. 154—155; согласно Storey (p. 154) он умер 3 апреля 1896 г. (19 шавваля 1313 г. х.).

источниками и умело разбираться в противоречиях».[1] С другой стороны, нам приходилось слышать, а затем и читать утверждения, что Мухаммед Хасан-хан не обладал никакими глубокими знаниями и ученостью, что все его сочинения писались под его наблюдением учеными лицами, которых он собирал отовсюду и труды их затем издавал под своим собственным именем.[2]

Нам кажется, что этот едва ли беспристрастный отзыв вытекает из метода работы Мухаммед Хасан-хана, который за недостатком времени, может быть слишком широко пользовался услугами посторонних лиц при собирании материалов для своих работ. Обработка же этих материалов и отношение к ним автора должны быть всецело отнесены к Мухаммед Хасан-хану, потому что умение разбираться в противоречиях исторических источников и осторожно подходить к последним с известной долей критицизма могло быть лишь явлением исключительным в Иране тех времен и едва ли присущим всем тогдашним иранским ученым-историкам. Этот элементарный критицизм мы в достаточной мере находим в историко-географическом труде Мухаммед Хасан-хана, озаглавленном «Матля-уш-шамс» («Место восхода солнца»).[3] Этот большой труд — результат путешествия в Хорасан Мухаммед Хасан-хана в свите шаха Насир-уд-дина в семидесятых годах прошлого XIX в., причем из Тегерана в Мешхед и обратно они двигались разными маршрутами. Историческая часть этого сочинения базируется на громадном количестве письменных источников как персидско-арабских, так и европейских. К этим источникам автор относится, как сказано, с известной долей критицизма,[4] устанавливает неточности хронологических дат, расхождения в показаниях о фактах или просто считает те или иные данные сказками. Археологические изыскания и эпиграфика занимают большую часть места в «Матля-уш-шамс». Так, например, к описанию гробницы имама Риза в Мешхеде, которое заполняет значительную часть второго тома, Мухаммед Хасан-хан прилагает массу снимков с надписей; им тщательно осмотрено по пути большое количество всякого рода построек с надписями и описаны очень важные в научном отношении памятники. «Матля-уш-шамс» дает некоторый материал, связанный с историей туркмен, иногда очень колоритный: помимо фактов современных, регистрируемых Мухаммед Хасан-ханом по мере движения по местам, близким к кочевьям туркмен или к путям их проникновения на территорию Ирана, приводятся два воззвания к туркменам Ахмед-шаха Дуррани Афганского от 1167 и 1168 гг. х. (1753/54—1754/55 гг.), которые призывают суннитов-туркмен к священной войне против шиитов-кызылбашей и к походу на Мешхед; написаны они, видимо, на местном иранском народном языке Афганистана.

---

[1] В. Жуковский. Мухаммед Хасан-хан (И'тимад-ал-Сальтанэ). Записки В. О. Р. Археолог. Общества, т. X, СПб., 1897, стр. 190.

[2] E. G. Browne. The Press and Poetry of Modern Persia. Cambridge, 1914, p. 156.

[3] Издан в Тегеране in folio в 1301—1303 гг. х. (1884—1886 гг.).

[4] Напр. к автору «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси», т. II, стр. 319.

Таким образом использованные во II томе Материалов иранские источники содержат в себе данные по истории туркмен за период с начала XVI п до 70-х годов XIX в.

П. П. ИВАНОВ

ХИВИНСКИЕ ХРОНИКИ XIX в. МУНИСА-АГЕХИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН

Из общего числа исторических сочинений, написанных в Средней Азии в XIX в., наибольшее значение для истории туркмен имеют труды хивинских историков Мунпса и Агехи.

Интерес хивинских авторов к туркменам далеко не случаен и объясняется определенными особенностями прошлого Хивы, на всем протяжении своей истории находившейся в непрерывных и тесных взаимоотношениях с туркменами.

Именно этим обстоятельством и объясняется то чрезвычайно значительное место, какое уделено туркменам в официальной хивинской истории Муниса-Агехи.

Первым по времени автором, довольно подробно затрагивающим вопрос о хивинско-туркменских отношениях в более отдаленном прошлом, является известный хивинский хан и историк Абулгази (1643—1663).[1]

Преемником и продолжателем трудов Абулгази явился в XIX в. придворный хивинский литератор, мираб,[2] Шир Мухаммед, сын Эвез-бия, известный под своим литературным прозвищем Мунис'а. Мунис (род. в 1778 г.) принадлежал к узбекской знати из рода ю з, один из представителей которой, Адина Мухаммед-мираб, успел выдвинуться на ханской службе еще при Ануша-хане (1663—1687) и был пожалован званием б и я,[3] присваивавшимся, как известно, представителям узбекской феодальной аристократии. Отец Муниса, Эвез-бий-мираб, выступал в 60—70-х годах XVIII в. в качестве одного из верных сподвижников основателя позднейшей хивинской династии, инака Мухаммед Эмина и вел вместе с последним борьбу против туркмен.[4]

---

[1] Подробнее об Абулгази см. ниже, стр. 31 и сл.

[2] О происхождении этого придворного звания в Хиве см. ниже, стр. 327—328.

[3] История Муниса-Агехи, рукопись Инст. Востоковед. Акад. Наук, Е 6, лл. 33а, 34а.

[4] Там же, л. 54а. Здесь же (л. 79б) Мунис сообщает свою полную родословную. Попутно отметим, что первые сведения о Мунисе появились в литературе в «Путешествии по Средней Азии» А. Вамбери (СПб., 1865, стр. 172), где этот автор делит Муниса-мираба на Муниса и Мираба, «двух братьев», из которых один поэт, а другой переводчик(!).

Со смертью Мухаммед Эмина (1790) Эвез-бий служил сыну его Эвезуинаку, а со смертью последнего (1804) перешел на службу к его сыну Эльтузеру,[1] принявшему на себя в том же 1804 г. ханский титул и явившемуся таким образом первым ханом новой (кунградской) династии. Мунис также состоял в свите инака Эвеза,[2] а после него вошел в круг придворных нового хана Эльтузера, по предложению которого он в 1806 г. и приступил к составлению истории Хивинского ханства, «никем не писавшейся со времени Абулгази».[3]

Поручая Мунису составление исторического труда, хан указал при этом автору, что его сочинение по красоте изложения и величию содержания должно затмить собою «Шах-намэ» знаменитого Фирдауси, при этом имелось в виду несомненно, что в роли героев должны выступить хан и его сподвижники.[4]

Следуя традициям средневековой арабско-иранской историографии, Мунис начинает свою историю «с Адама», после чего переходит к истории пророка Мухаммеда и его ближайших преемников-халифов.[5] Вторая глава посвящается истории тюрко-монголов, начиная с мифического Яфета и сына его Тюрка, до времен Чингиз-хана и его наследников включительно.[6] Необходимо, однако, заметить, что удельный вес этой компилятивной части труда Муниса весьма невелик.

В изложении истории Хивинского ханства XVI—XVII вв. Мунис в общем следует Абулгази, иногда его изменяя или дополняя.[7] События XVIII в., особенно второй его половины, излагаются чрезвычайно подробно, часто по годам, из чего можно заключить, что автор писал на основании детальных расспросов ряда современников событий, в частности, повидимому, своего отца, принимавшего, как уже указывалось выше, близкое участие в событиях второй половины XVIII столетия.

За время кратковременного правления хана Эльтузера (1804—1806) Мунис довел изложение событий до времени хана Ширгази (1715—1728). Составление труда продолжалось и при брате и преемнике Эльтузера Мухаммед Рахиме (1806—1825).

Когда изложение событий было доведено до 1812 г., автор получил от хана поручение приступить к переводу с персидского на узбекско-хивинский язык известного исторического труда Мирхонда Раузат-ус-сафа, вследствие чего составление хивинской истории должно было прекратиться.[8]

Закончив перевод первого тома труда Мирхонда и работая над вторым, Мунис умер в 1829 г. от холеры, занесенной в Хиву из Хорасана во-

---

[1] История Муниса-Агехи, цитир. рук., лл. 54а, 63б, 65б, 72, 86а. [2] Там же, л. 76б. [3] Там же, лл. 79б—80а. [4] Там же, л. 5б. [5] Там же, лл. 8а—16б. [6] Там же, лл. 17а—23а.

[7] Ср. стр. 325 и сл. нашего перевода и прим.

[8] Цит. рук. E 6, лл. 194а и сл. См. также наш перевод Муниса, стр. 383.

время одного из хивинских походов.[1] К продолжению прерванного таким образом надолго труда Муниса было приступлено, по приказанию Алла-кули-хана (1825—1842), лишь в 1255 (1839/40) году, причем продолжателем явился племянник Муниса, также носивший звание мираба, Мухаммед Риза, известный под псевдонимом Агехи.

За время правления Алла-кули Агехи успел закончить описание царствования Мухаммед Рахима и историю первых двух лет самого Алла-кули.

Сочинение Муниса-Агехи, получившее название «Фирдаус-уль-икбаль» («Райский сад счастья») и заключающее в себе историю Хивы до царствования Мухаммед Рахима включительно, написано необычайно цветистым слогом, пестрящим множеством самых причудливых метафор, арабско-персидских цитат и выражений, стихотворных вставок и прочих украшений, указывающих на знакомство авторов с правилами «изящного» стиля, так высоко расценивавшегося и феодальном обществе.[2]

С вступлением на престол хана Рахим-кули (1842—1846) Агехи продолжал начатую им историю Алла-кули-хана, по окончании которой он приступил к составлению труда о его преемнике, написав таким образом всего пять сочинений, посвященных отдельным царствованиям. Последний труд — история царствования Сейид Мухаммед Рахима — был прерван на описании событий 1872 г., непосредственно предшествующих завоеванию Хивинского ханства ген. Кауфманом в 1873 г.

Отдельные сочинения Агехи носят следующие названия: «Рияз-уд-доуле» («Сады благополучия») о царствовании Алла-кули, «Зубдет-ут-таварих» («Сливки летописей») о правлении Рахим-кули, «Джами-уль-вакыат-и-султани» («Собрание султанских событий») о хане Мухаммед Эмине, «Гульшен-и-девлет» («Цветник счастья») о времени Сейид Мухаммед-хана и наконец «Шахид-и-икбаль» («Свидетель счастья») о времени Сейид Мухаммед Рахима (не закончено). Все сочинения Муниса-Агехи остаются пока в рукописном виде. Полное собрание рукописей трудов обоих авторов принадлежит Институту Востоковедения Академии Наук;[3] некоторые из сочинений представлены также списками Государственной Публичной библиотеки Узбекской ССР в г. Ташкенте, куда они поступили в составе коллекции покойного В. Л. Вяткина в 1933 г.[4]

---

[1] О холере в указанном году говорят как хивинские, так и иранские источники (см. ниже). Из района Хивы холера проникла в 1830 г. в казахские степи, вызвав беспокойство и в Оренбурге.

[2] Помимо цитируемой рукописи Е 6, переписанной в большей своей части между 1856—1859 гг., «Фирдаус-уль-икбаль» представлен в Институте Востоковедения также рукописью С 571, не датированной, но, повидимому, более старой.

[3] В рукопись Е 6, кроме «Фирдаус-уль-икбаль», входят также все названные выше сочинения Агехи, за исключением последнего, представленного отдельным (уникальным) списком. В отдельных списках имеются также «Рияз-уд-довле» и «Гульшен-и-девлет».

[4] См. Труды Гос. Публ. библ. УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 75, 80, 82 (рукописи: «Фирдаус-уль-икбаль», «Зубдет-ут-таварих» и «Гульшен-и-девлет»).

Акад. В. В. Бартольдом было отмечено, что, начиная уже с царствования Рахим-кули, история Агехи приобрела характер «записи современника о совершающихся на его глазах событиях, т. е. была скорее хроникой и дневником, чем историческим трудом в собственном смысле слова».[1] Другая важнейшая особенность трудов Агехи, так же как и его предшественника Мунисa, заключается в их крайней тенденциозности, заставляющей авторов рассматривать все описываемые ими события с точки зрения господствующего класса, к которому они принадлежали и сами. Как мне приходилось отметить в другом месте,[2] история Мунисa-Агехи с особенной тщательностью подчеркивает и отмечает те моменты, которые с выгодной стороны рисуют действия хана и его приближенных, и крайне скупо отражает все то, что может служить к умалению их достоинства. Естественно, поэтому, что, постоянно восхваляя ханов, авторы не скупятся на самые обидные и оскорбительные выражения по адресу неугодных им лиц. Рассматривать при этих условиях сочинения Агехи и его предшественника только как «запись современника о совершающихся на его глазах событиях» можно, разумеется, лишь с оговоркой в том смысле, что авторы берут только одну сторону событий, именно ту, которая с наиболее выгодной стороны подтверждает их точку зрения.

Само собой понятно, что все сказанное здесь применимо целиком также к рассказам хивинских историков о туркменах, рассматриваемых нашими авторами в качестве чужого, подвластного хивинскому хану народа, во всем обязанного подчиняться ханской воле и выносить безропотно всю тяжесть жестокой эксплоатации. Какие бы то ни было попытки со стороны туркмен протестовать против чинившихся над ними чисто варварских насилий рассматриваются хивинскими историками как «бунт» или «разбой», требующие «по всем законам справедливости» самого сурового возмездия. Историк, которому придется пользоваться материалами хивинских хроник, должен иметь это в виду. Нельзя однако не отметить и таких важных достоинств рассматриваемого нами источника, как его строго выдержанная хронологическая последовательность и исключительное обилие фактического материала, затрагивающего в той или иной степени разнообразные стороны жизни туркмен XVIII—XIX вв., материала, в таком значительном объеме не встречающегося ни в одном из известных нам до сих пор источников.

Данными о туркменах содержание трудов Мунисa-Агехи далеко не исчерпывается. Излагая с необычайною подробностью политическую историю Хивинского ханства, авторы останавливаются главным образом на узбеках, составлявших основную массу населения оазиса, сообщая немало данных также о казахах, кара-калпаках и других народах и странах, с кото-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 113.

[2] П. П. Иванов. Очерк истории кара-калпаков, Труды Инст. Востоковед. Акад. Наук, т. VII, Л., 1935, стр. 44—45.

рыми сталкивалась Хива в рассматриваемый период. Уделяя основное внимание военно-политической истории, авторы во многих местах своих сочинений касаются также вопросов социально-экономического характера, сообщая ряд сведений о возникновении или упадке городов, прорытии новых каналов, установлении или отмене тех или иных налогов, о землевладении, торговле, перемещении населения и т. п., что делается, впрочем, лишь попутно, как бы мимоходом. Характеризуя значение рассматриваемых источников, акад. В. В. Бартольд справедливо отмечал, что «каковы бы ни были недостатки работы Мунис и Огехи,[1] как литературного и исторического труда, этот труд по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского».[2]

Сочинения Мунис-Агехи несмотря на свое выдающееся значение, не получили пока достаточного отражения в исследовательской литературе. Достаточно отметить, что единственный сводный труд по истории Хивинского ханства Н. И. Веселовского [3] написан без учета данных Мунис-Агехи, хотя о существовании трудов хивинских историков Н. И. Веселовскому было известно.[4]

Впервые рукописи трудов Мунис-Агехи были обнаружены во дворце бежавшего хивинского хана в 1873 г. А. Л. Куном,[5] передавшим их вскоре в Азиатский музей, — ныне Институт Востоковедения Академии Наук, где они находятся и в настоящее время.[6]

Чрезвычайной редкостью распространения списков объясняется отчасти и слабое использование трудов Мунис-Агехи в работах востоковедов, среди которых первое место принадлежит акад. В. В. Бартольду, неоднократно пользовавшемуся для своих работ материалом хивинских историков, хотя и в весьма скромной степени.[7]

---

[1] Последнее имя В. В. Бартольд писал через «о» (Огехи).

[2] В. В. Бартольд, цит. соч., стр. 113.

[3] Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб. 1877.

[4] Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 250.

[5] О найденных им рукописях А.Л. Кун сообщил впервые в Турк. ведом. за 1873 г., № 40, а также в заседании Русск. Геогр. общ. Последний доклад был напечатан в Изв. Русск. Геогр. общ,, т. X, отд. II, стр. 47—58. То же было опубликовано по-немецки в Russische Revue, Bd. IV, S. 58—74, за 1874 г. Сведениями Russische Revue воспользовался Howorth при составлении своей History of Mongols, part. II, div. 2, p. 961.

[6] Перечень рукописей (за исключением отдельной рукописи «Гульшен-и-девлет») дается акад. Залеманом в Mélanges Asiatiques, livr., 2. p. 272, 278. Ср. также Mélanges Asiatiques, VII, 1876, p. 394.

[7] См. работы В. В. Бартольда: События перед хивинским походом etc. Кауфманский сб., М. 1910, стр. 1—19; К истории орошения Туркестана, СПб. 1914; статью в Enzykl. des Islam. II, 976; Очерк истории туркменского народа, Туркмения, т. I, Л., 1929 и нек. др. Из прочих работ, основанных на исследованиях хивинских хроник, можно отметить работы автора в цитируемом ниже «Очерке истории каракалпаков», а также в Зап. Инст. Востоковед., т. VI, 1937 и нек. др.

Поставленная в настоящее время Партией и Правительством задача изучения гражданской истории народов СССР, в том числе и народов Советской Средней Азии, выдвигает перед советским востоковедением вопрос об исследованиях первоисточников, среди которых хивинская история Муниса-Агехи несомненно займет соответствующее место.

Предпринимаемое в настоящее время Институтом Востоковедения Академии Наук издание значительного числа отрывков из хивинской истории о туркменах в русском переводе является первой попыткой вовлечения в научный оборот довольно обширного систематически подобранного материала, до сих пор, в силу своей малодоступности, остававшегося неиспользованным.

Задачи дальнейшей исследовательской работы требуют постановки и разрешения вопроса о критическом издании текста и его полного перевода.

П. П. ИВАНОВ и А. К. БОРОВКОВ

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН В XVI—XIX вв.

В исторической литературе не существует пока твердо установленной периодизации истории Туркмении. В своем известном «Очерке истории туркменского народа» акад. В. В. Бартольд наметил в истории Туркмении «до-мусульманский период», период «до образования сельджукской империи», «от конца XI в. до монгольского нашествия», «период XIII—XVI вв.» и, наконец, XVII—XIX вв. В. В. Бартольд исходил при этом, в сущности, из принятой им схемы периодизации истории Средней Азии, которая, разумеется не может быть признана окончательной. Надо иметь в виду также, что сам автор «Очерка» отнес свой труд «к области подготовительных работ, которых в данной области еще нет», и не ставил перед собой специальной проблемы периодизации истории Туркмении.

Восточные источники, из которых мы черпаем сведения по истории туркмен, в массе чрезвычайно односторонни; они подробно освещают политическую жизнь, военные события и дипломатические сношения между правительствами и правителями областей и т. д. и, как правило, проходят мимо вопросов социально-экономического устройства и хозяйственного быта народа. Однако было бы ошибкой считать рассказы восточных авторов лишенными всякого значения для внутренней истории туркмен. На ряду с подробным описанием военно-политических событий, восточные летописи и хроники содержат в себе нередко весьма ценный материал не только историко-топографического или этнографического характера, но и по вопросам общественной и хозяйственной жизни. Материал этот, к сожа-

лению, вкраплен в общую массу лишь отдельными небольшими крупицами, вследствие чего выявление и использование его требуют тщательной исследовательской работы со стороны специалистов, имеющих к тому же возможность пользоваться дополнительными источниками.

На ряду с этим наши источники сообщают богатый материал для установления хронологии важнейших исторических событий, без знакомства с которыми изучение истории туркмен вообще немыслимо. Тщательное исследование излагаемых восточными авторами фактов, с одновременным изучением прочего материала, в частности документов, дает возможность будущему исследователю подойти к выяснению многих, пока еще далеко не твердо установленных моментов истории туркмен, и создает прочную основу для ее научной периодизации. Пока эта работа остается непроделанной, мы вынуждены весь имеющийся в нашем распоряжении материал иранских, хивинских и бухарских источников рассматривать в определенной хронологической последовательности, в соответствии с ходом важнейших исторических событий XVI—XIX вв.

Районы современной Туркменской ССР на протяжении XV в. входили, как известно, в состав государства тимуридов, номинально объединявшего территорию Средней Азии, северного Ирана и Афганского Туркестана, с центрами в Герате и Самарканде. В 1469 г. в Герате утвердился султан Хусейн-мирза, правнук Омар-шейха, сына Тимура. В период царствования Хусейн-мирзы (ум. в 1506 г.) на территории Джурджана, под которым при тимуридах разумелся бассейн Гюргена, с центром в Астрабаде, а также в районах Мерва, Несы, Абиверда и более северных частях современной Туркмении, происходила постоянная борьба между сыновьями гератского правителя.

Отдельные эпизоды этой борьбы изображены со значительной подробностью Хондемиром, сокращенные отрывки из сочинения которого и приводятся в начале настоящих материалов.

Сведения Хондемира о туркменах, к сожалению, чрезвычайно скудны, так как ограничиваются обычно простыми упоминаниями об участии отдельных туркменских племен в междоусобных войнах между тимуридами. Несмотря на свою отрывочность эти сведения являются, однако, необходимыми для уяснения общей политической обстановки, господствовавшей в туркменских районах к моменту прихода узбеков в начале XVI в. Туркмены в этот период пользовались, повидимому, значительной независимостью, чему способствовала также и постоянная смена тимуридских наместников в Джурджане.

Политическая ситуация в Средней Азии в начале XVI в. меняется коренным образом. Господство тимуридов было сломлено узбеками, во главе с Шейбани-ханом, под властью которого образовалось обширное государство, включавшее в свои границы, на ряду с Ташкентом, Ферганой, Бухарой и Балхом, также часть Хорасана и районы Туркмении. В этот же период начинает складываться ново-иранское государство шаха Исмаила, основателя династии сефевидов. В 1510 г. Шейбани-хан пал под Мервом в битве

с шахом Исмаилом, к которому перешла часть завоеваний Шейбани-хана. Туркменские районы все более и более подпадают под влияние хивинских ханов, создавших независимое от шейбанидов ханство с центром сначала в Ургенче, а затем в Хиве. На ряду с этим происходит укрепление казахов, утверждавших за собой в это время господство над обширными степными пространствами между Уралом и Иртышом.

Изменившаяся политическая обстановка в Средней Азии отразилась, естественно, и на положении туркмен. В этот период усиленно развертывается борьба между вновь сложившимися феодальными государствами — Хивой, Бухарой и Ираном — протекавшая в значительной своей части на территории, занятой туркменами. Сохраняя за собой некоторую долю политической самостоятельности, отдельные туркменские племена включаются все более в сферу экономических и политических интересов соседних феодальных государств, что, разумеется, не могло не отразиться на усилении процесса феодализации туркменского общества с его еще весьма крепко сохранявшимися родовыми пережитками.

К концу XVI в. бухарский хан Абдулла завоевал Хорезм и подчинил себе узбекские владения в Хорасане, но уже к началу XVII в. Хивинское ханство снова восстанавливает свою самостоятельность.

Объединение Ирана под властью сефевидов и утверждение на огромной территории казахского союза привели к известной изоляции Средней Азии от переднеазиатских стран и ограничению торговых связей среднеазиатских ханств с Китаем и юго-восточными окраинами Московского государства. Вследствие этих обстоятельств наиболее жизненными для Средней Азии в XVI—XVII вв. торговыми путями явились пути к низовьям Волги, проходившие по территории, занимавшейся туркменскими племенами. Это обстоятельство в свою очередь не могло не усилить политических интересов господствующих классов среднеазиатских ханств к туркменам.

Борьба за подчинение туркмен с целью их феодальной эксплоатации, а также для использования туркменской конницы в войнах с внешними и внутренними врагами особенно большое место заняла в политике хивинских ханов XVI—XVII вв.

Все эти моменты должны были найти свое отражение в среднеазиатской и иранской историографии. Естественно, что хивинские, иранские и бухарские историки при описании событий XVI—XVII вв., так или иначе, уделяют много внимания туркменам. Не случайно также, что важнейшими источниками для истории туркмен XVI—XVII вв. до сего времени остаются труды хивинского историка Абулгази. Авторитет Абулгази был настолько велик, что оказал решающее влияние на хивинскую историографию XIX в. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого сопоставления рассказа о событиях XVI—XVII вв. хивинского историка Муниса с изложением Абулгази.[1]

---

[1] Ср. перевод П. П. Иванова «Фирдаус-уль-икбаль», стр. 323—329 и примечания.

Труды Абулгази тем более важны, что автор их не имел предшественников особенно для эпохи XV—XVII вв.,[1] и, к тому же, они дают чрезвычайно богатый материал для понимания сложившихся хивинско-туркменских отношений и взаимоотношений туркмен с Бухарой и Ираном в XVII в., которые оставались в такой же мере характерными и для последующих XVIII—XIX столетий.

Сочинение Абулгази доступно и не для специалиста-востоковеда в русском и французском переводах, вследствие чего включать извлечения из этого труда в собрание наших материалов не было необходимости. Ограничимся поэтому некоторыми общими замечаниями об Абулгази и его сочинениях.

Абулгази родился в Ургенче в 1603 г. Отец его Араб Мухаммед-хан правил сначала в Дуруне, небольшой области в Туркмении, а затем, после смерти Хаджи Мухаммед-хана в 1602 г., занял хивинский престол.[2] Борьба между отцом и братьями Абулгази заставила последнего бежать и искать приюта у бухарского хана Имам-кули.[3] Вернувшись в Хиву, Абулгази снова потерпел неудачу в борьбе со своим старшим братом Исфендиаром, опиравшимся, главным образом, на туркмен. После этого Абулгази в течение двадцати лет вел жизнь изгоя и находился некоторое время в Хиве, затем среди казахов; от них снова возвратился в Хиву, откуда вторично бежал в Бухару. В дальнейшем он провел десять лет в ссылке в Исфахане, скитался среди туркмен, провел год у калмыков в районе р. Эмбы, где добивался помощи от сыновей калмыцкого правителя Хо-Орлока против своего брата Исфендиар-хана. Экспедиция, снаряженная калмыками против Хивы, закончилась неудачей.[4] После смерти Исфендиар-хана в 1643 г. Абулгази захватил ханскую власть, сначала в Арале, а затем с 1645 г. — в Хиве, где в это время фактическими хозяевами положения были туркмены. За все время своего царствования в Хиве (1643—1663 гг.) Абулгази постоянно сталкивался с туркменами: то боролся с ними, то опирался на них в своих набегах на Бухарское ханство.

Абулгази написал два исторических сочинения «Шеджере-и-теракиме» («Родословная туркмен») и «Шеджере-и-тюрк» («Родословная тюрков»). Первое из названных сочинений является, повидимому, более ранним и представляет собою, по всей вероятности, народную «обработку распространенных среди туркмен во времена Абулгази версий «Окӯз-

---

[1] По некоторым сведениям, в Ташкенте имеется рукопись сочинения предшественника Абулгази Исфендиар-хана (1623—1643 гг.), но пока у нас нет никаких данных об этой рукописи.

[2] А б у л г а з и, изд. Демезона, texte, p. 243.

[3] Ibid., p. 296.

[4] Проф. Н. Н. П а л ь м о в. Абулгази в калмыцких кочевьях (рукопись). Архивные изыскания Н. Н. Пальмова свидетельствуют, что Абулгази находился среди калмыков с декабря 1640 г. по декабрь 1641 г. Ср. по этому поводу: В. В. Б а р т о л ь д. цит. очерк, стр. 57.

намэ».[1] Независимо от своего полулегендарного характера, сочинение это весьма важно для выяснения ряда вопросов происхождения и ранней истории туркмен. К сожалению, критического издания текста «Родословной туркмен» у нас нет до сих пор. Вышедший в 1897 г. русский перевод А. Туманского [2] сделан по одной из рукописей, повидимому, не старой, и без учета других списков, среди которых один, находящийся в Ташкенте, относится в XVII в. В 1663 г. Абулгази приступил к составлению своего основного сочинения «Родословной тюрков», где приводятся не только полулегендарные сведения из истории тюркских племен, но и более поздние данные по истории Хивы и Средней Азии, вплоть до времени автора сочинения (1643 г.). Сын и преемник Абулгази — Ануша-хан (1663—1687 гг.) продолжил труд своего отца, закончив его в 1665 г. рассказом о смерти Абулгази весной 1664 г.

Сочинение Абулгази еще в XVIII в. было переведено на четыре европейских языка и уже с тех пор стало входить в обиход западноевропейского и русского востоковедения.

После того как стали доступны труды более ранних историков, в частности труды Рашид-эд-дина, первая часть сочинения Абулгази утратила свое значение, но часть «Родословной тюрков», излагающая события XV—XVII вв., до сих пор продолжает сохранять значение ценного первоисточника для истории Средней Азии. На это указал в свое время акад. В. В. Бартольд, отметив, что «в тех редких случаях, когда мы имеем возможность проверить его рассказ другими, более ранними источниками, слова Абулгази в общем находят себе полное подтверждение».[3]

Последним по времени русским переводом сочинения Абулгази является перевод Г. С. Саблукова.[4] Перевод был сделан еще в 1854 г., но опубликован полностью только в 1905/06 г.[5] В предисловии переводчик приводит подробные данные о прежних изданиях и переводах Абулгази. Перевод Г. С. Саблукова несколько устарел и в части языка и в части транскрипции собственных имен. Кроме того, в силу ряда неточностей в переводе, пользование им является затруднительным. Наибольшим признанием пользуется текст и перевод, изданные в 1871—1874 гг. Демезоном под заглавием «Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan» (Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I, texte, St.-Petersb., 1871; t. II, tra-

[1] Краткий обзор родословной туркмен Абулгази дает В. В. Бартольд в своем «Очерке истории туркменского народа», стр. 43 и сл., который отмечает и легендарный характер преданий в «Родословной».

[2] А б у л ь-г а з и-б о х а д у р-х а н. Родословная туркмен. Асхабад, 1897.

[3] В. Б а р т о л ь д. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древних времен до XVII в. Ташкент, 1902, стр. 90.

[4] Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., т. XXI, вып. 5—6, 1905; т. XXII, вып. 6, 1906; также отдельный оттиск.

[5] Родословное древо тюрков. Сочинение А б у л г а з и Хивинского хана, перевод и предисловие Г. С. Саблукова, с послесловием и примечаниями (не появившимися в свет) Н. Ф. Катанова.

duction, 1874). Некоторые неточности перевода Демезона отчасти отмечены В. В. Бартольдом.[1] В предисловии к тексту и переводу Демезон приводит некоторые дополнительные данные по истории изучения Абулгази и о рукописях его сочинения.[2]

Труд Абулгази во много раз превосходит полнотою своих сведений по истории Туркмении XVI—XVII вв. все источники предыдущего периода. Данные Хондемира и других тимуридских историков о туркменах и их территории на протяжении XV в., как уже отмечалось выше, носят характер отрывочных и случайных сведений и относятся преимущественно к территории северо-западного Ирана, привлекавшей к себе особое внимание тимуридских правителей. В остальной своей части история Туркмении весьма слабо отражена в исторических сочинениях Мирхонда, Хондемира, Бабура и других историографов конца XV и начала XVI в. Не составляют исключения в этом смысле и историки шейбанидов начала XVI в. — Бенаи, Мухаммед Салих и др., изредка упоминающие о туркменах в самых общих выражениях. Таким образом, даже картина расселения туркменских племен ясна пока для нас лишь с первых десятилетий XVI в., с которых Абулгази начинает свое историческое повествование. Наиболее подробные сведения о туркменах у Абулгази мы находим с момента смерти шаха Исмаила в Иране (1524 г.), когда объединенные, было, им провинции северного Хорасана снова перешли на положение мелких полунезависимых государств, неспособных противостоять набегам узбекских ханов, окончательно утвердившихся к этому времени в Хорезме и Бухаре. Абулгази рисует картину постепенного продвижения хивинских ханов-завоевателей из Хивы на юго-восток до пределов Хорасана. Завладев Хорезмом и северным Хорасаном, узбекские феодалы начинают производить систематические набеги на Абулхан (район Балханских гор на юго-восток от Красноводского залива), Мангышлак и долину Атрека или Дехистан. С течением времени хивинским ханам удается более или менее прочно подчинить себе отдельные туркменские племена и заставить их платить закят и харадж (налоги со скота и посевов). Система взимания налогов была исключительно жестокой и неоднократно вызывала восстания со стороны туркмен. Одно из таких восстаний двух племен эрсари и салыров довольно подробно описано у Абулгази и с его слов излагается хивинским историком Мунисом (см. стр. 324). В связи с изложением хода восстания и подавления его хивинцами, Абулгази говорит попутно о расселении туркменских племен и, в частности, о размещении их по Узбою, долина которого тогда обводнялась и представляла собой цветущий район.[3] Чрезвычайно интересны сведения Абулгази о системе обложения

---

[1] В. Бартольд. Сведения об Аральском море и т. д., стр. 93, прим.

[2] Более поздние библиографические сведения об Абулгази и его сочинении дает Cl. Huart в «Enzyklopaedie des Islam» (t. I, p. 86—87).

[3] Абулгази, texte, p. 207. Подробное изложение и разбор этих данных дается В. В. Бартольдом в «Сведениях об Аральском море» и т. д., стр. 92—96.

и количестве взимавшегося с туркмен налога со скота.[1] В сочинении Абулгази, на ряду с картиной политического порабощения и массового ограбления туркмен хивинскими феодалами, мы находим и другую сторону процесса, именно постепенный переход туркменской феодальной родовой знати на службу к хивинским ханам. С этой точки зрения весьма характерным является рассказ Абулгази о некоем Турумджи-бие, из туркменского племени л а й н а, который выступает в роли ханского сановника и пользуется особым доверием узбекского правителя Мерва, Дин Мухаммед-султана.[2] Чуждое туркменам звание бия Турумджи получил, очевидно, от хана. Начавшийся таким образом еще в первой половине XVI в. процесс сращивания туркменской феодально-родовой верхушки с узбекскими феодалами в дальнейшем все более усиливался, а это приводило к все большему раздроблению и разъединению туркменских племен и укреплению власти узбекских феодалов над ними. Существенно также, что Хивинское ханство постоянно являлось поставщиком хлеба в туркменские кочевые районы, вплоть до Балханских гор и Мангышлака; Хива же была для туркмен одним из центров работорговли и рынком сбыта продуктов скотоводства. Подобная же картина сложилась и на южной границе Туркмении — в Хорасане, где туркменские предводители уже при тимуридах играли весьма двойственную роль в деле защиты интересов своего народа. В этой связи также интересен рассказ Абулгази [3] об Али Яр-беке из туркменского племени имир (имрели), управлявшем астрабадской провинцией на правах иранского наместника в конце XVI в.

Не довольствуясь эксплоатацией узбекского крестьянства и соседних с Хивой туркмен, хивинские феодалы предпринимали частые походы на Хорасан. Некоторым хивинским ханам удавалось при этом, по словам того же Абулгази,[4] доходить до Мешхеда. В вооруженной борьбе между хивинцами и иранцами туркмены часто были вынуждены примыкать к одной из воюющих сторон и подвергались постоянно преследованиям и поборам.

Борьба в Хорасане в XVI—XVII вв. осложнялась еще и набегами со стороны бухарских эмиров. Владетели Бухары, как уже указывалось, иногда захватывали целиком владения хивинских ханов как в низовьях Аму-дарьи, так и в северном Хорасане, распространяя свою власть одновременно и над находившимися здесь туркменскими племенами. Абулгази рассказывает о двух эпизодах подобного рода — в тридцатых годах и в конце XVI в., причем бухарские завоеватели Хивы старались обеспечить себе тыл и заручиться поддержкой туркменской феодально-родовой знати.[5]

---

[1] Пересказ данного места Абулгази у Муниса см. на стр. 324—325 переводов; ср. также В. В. Б а р т о л ь д, Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1929, стр. 47.

[2] А б у л г а з и, texte, p. 240. Дин-Мухаммед умер в 960 г. х. (1552 г.).

[3] Ibid., p. 266.

[4] Ibid., p. 240—241.

[5] Ibid., p. 223.

Особенно значительна была роль туркмен в политической жизни Хивинского ханства в эпоху самого Абулгази. Опираясь на военную поддержку туркмен, старший брат Абулгази Исфендиар-хан сумел завладеть хивинским престолом и с помощью тех же туркмен удерживал за собой власть в течение двадцати лет (1623—1643 гг.), хотя и встречал постоянное противодействие со стороны своих братьев, в том числе и Абулгази. Туркменская феодально-родовая знать естественно стремилась использовать и укрепить свое положение в Хивинском ханстве, и Абулгази упоминает[1] о правителях и сборщиках податей из туркмен, которые продолжали частью оставаться на своих местах и после смерти Исфендиар-хана. Противники Исфендиар-хана, во главе с Абулгази, сумели использовать обстановку и разжечь национальную вражду против туркмен. Абулгази выступил во главе узбеков из Арала и разбил туркмен в сражении под стенами Хивы. Разбив часть ближайших к Хиве туркмен, хан предпринял ряд походов в районы Бами и Беурма (к юго-востоку от современного Кызыл-арвата), Теджена, Мургаба, Атрека и Гюргена, уничтожил и полонил массу жителей в этих районах. Дошедшее до нас описание походов Абулгази показывает впрочем, что его выступления против туркмен носили характер грабительских набегов и не были связаны с прочным завоеванием туркменских районов. Сын и продолжатель исторического труда Абулгази Ануша-хан утверждает, что набеги эти повторялись постоянно в период царствования Абулгази.

Продолжением труда Абулгази служат хивинские хроники XIX в. Мунис и Агехи, в которых также уделяется много места истории хивинско-туркменских отношений и положению туркмен. В меньшей мере данные о туркменах мы находим и в иранских и в бухарских источниках. Иранские источники имеют в виду, в первую очередь, туркмен бассейна Гюргена, имевших дело в одно и то же время с Хорезмом и с иранскими властями в Хорасане. В отдельные моменты, как, например, в период шаха Аббаса или Надир-шаха, а отчасти и в более позднее время, судьбы туркмен были тесно связаны с политикой иранских завоевателей. Во всяком случае, вся политическая обстановка на протяжении XVI—XIX вв. неизбежно заставляет историка Туркмении обращаться одновременно к истории Ирана, Хорезма и Бухары.

Восточные источники дают возможность историку поставить целый ряд коренных для истории туркмен проблем, для окончательного вполне научного разрешения которых требуется, однако, ряд дополнительных данных, в частности, знакомство с актовым материалом, пока мало доступным. В первую очередь, перед историком, изучающим XVI—XIX вв., стоит далеко еще неразрешенная задача выяснения истории расселения туркменских племен на территории Туркмении на протяжении указанного периода. Не меньшее значение имеют также проблема межплеменных отношений и история борьбы за независимость и объединение туркменского

[1] Абулгази, texte, p. 317.

народа. Политическая зависимость туркмен от соседних государств в значительной мере была связана с постоянной межплеменной борьбой, разжигавшейся и поддерживавшейся иранскими, хивинскими и бухарскими феодалами. Частые восстания туркменских племен заканчивались большей частью поражением, именно в силу племенной раздробленности и вражды среди отдельных племен.

В хивинских, иранских и бухарских источниках мы находим исключительно яркий материал по истории борьбы туркмен за свою независимость. Можно было бы указать, например, на восстание туркмен против Ирана в начале второй половины XVI в. под предводительством Аба, а также ряд восстаний против хивинских правителей в этот же период. В этой связи решающее значение приобретает вопрос о дальнейшем распаде родовой организации у туркмен, разложении среди них патриархально-родового уклада и развитии феодальных институтов по линии сращивания с господствующими классами соседних феодальных государств и развития новых форм собственности. С этой точки зрения заслуживают внимания сообщения наших источников о наделении земельной собственностью хивинскими и иранскими феодалами отдельных туркменских предводителей. Круг проблем, связанных с историей землепользования и землевладения у туркмен, с историей их хозяйственного быта, до сих пор остается областью чрезвычайно слабо исследованной. Некоторые сведения в этой части историк может найти, разумеется, и в восточных источниках.[1] Процесс перехода туркменской феодально-родовой знати на сторону господствующих классов соседних государств, о чем мы уже упоминали, сопровождался увеличением активности духовенства среди туркмен, некоторым усилением влияния религиозной идеологии. Среди туркмен усиливалась суфийская пропаганда. Под знаком суфизма развивалась ранняя туркменская литература. В начале XIX в. на Гюргене вспыхнуло восстание под руководством кашгарского ходжи Юсуфа Мухаммеда, причины успеха которого иранский историк Абд-ур-реззак ибн Неджеф-кули объяснял произволом иранского наместника и тем, что «у туркмен сохранилась вера к дервишам». Юсуф-ходжа, по словам этого историка, отправился в кочевья гёклёнов и йомутов, занялся там «обольщением простого народа», после чего поднял восстание туркмен против иранских властей. С другой стороны, официальное хивинское и бухарское духовенство стремилось также захватить в свои руки пропаганду мусульманства среди туркмен и проводило политику, соответствовавшую интересам господствующих классов Хивы и Бухары. В этом отношении необходимо особо отметить представителей различных суфийских орденов — так называемых ишанов, игравших, как видно из наших источ-

[1] Особенно важные данные по вопросу о туркменском землевладении в Хиве в XIX в. дают документы недавно открытого архива хивинских ханов, подробное описание которого, с выдержками из наиболее важных документов, в настоящее время готовится к печати и будет закончено в течение ближайших месяцев.

ников, довольно заметную роль в общественно-политической жизни туркмен, особенно в XIX веке.

В связи с указанными моментами, значительный интерес представляет задача выяснения тех попыток объединения, какие наблюдались со стороны туркмен в отдельные периоды их истории, независимо от того, производились ли эти попытки под главенством туркменских ханов в периоды наибольшего обострения военной опасности, или шли они под флагом религиозных движений, своего рода «мюридизма», как это наблюдалось, например, в период выступления Юсуф-ходжи.

Внимательное рассмотрение причин неудачных попыток подобного рода объединения представляет несомненный интерес для уяснения общего хода истории туркмен. Только Великая Социалистическая Октябрьская революция дала туркменам нерушимые основы единения и положила, после национального размежевания 1924 г., начало существования Туркменской ССР.

В такой же мере существенным является выяснение вопроса о степени хозяйственной независимости туркменских племен в различные периоды их истории, что, главным образом, и предопределяло характер их взаимоотношений с окружающими соседями до образования Туркменской ССР.

Для удовлетворительного разрешения как указанных здесь, так и ряда прочих возникающих перед нами вопросов публикуемых Институтом востоковедения материалов, разумеется, недостаточно. Для этого потребуется привлечение целого ряда дополнительных источников и материалов, исследование и публикация которых должны составить одну из ближайших задач историков-востоковедов.

Использование данных восточных источников по истории Туркмении немыслимо без критической их проверки. Не подлежит сомнению, что сведения иранских, хивинских и бухарских историков о туркменах представляют собой сведения официальные, далеко не объективные, часто крайне пристрастные... Для иранских, хивинских и бухарских историков, в тех случаях, когда туркмены не защищали интересов, которые эти историки считали интересами своего господствующего класса, туркмены являлись «дикими», «необузданными варварами», «разбойниками», «грабителями» и т. д. В этом отношении особенно резко выделяются хивинские придворные историки Мунис и Агехи, часто проявляющие свою ярко выраженную классовую враждебность не только по отношению к массе туркмен, но и к другим национальностям Хивинского ханства, напрмер, к кара-калпакам, действия которых также часто не соответствовали интересам господствующих хивинских кругов.[1] Заведомое пристрастие и полное отсутствие исторической объективности у восточных историографов обнаруживается подчас и при простом

[1] Ср. по этому поводу П. П. Иванов. Очерк истории кара-калпаков. Труды Инст. Востоковед. Акад. Наук, т. VII, стр. 44—45.

сопоставлении рассказов авторов из разных «лагерей». Так, В. В. Бартольд в своем «Очерке» обратил внимание на расхождение сведений иранских и хивинских источников об одном и том же событии. Речь идет о набеге туркмен, совершенном, по приказанию хивинского хана, на северные пограничные округа Хорасана в 1735 г. На обратном пути туркмены были настигнуты иранским войском. Иранский историк Мехди-хан говорит при этом, что иранское войско перебило туркмен, вследствие чего начальники иранского войска были награждены шахом, в то время как, по словам хивинского историка, напротив, иранцы были разбиты, и туркмены вернулись к хану с большой добычей. Этот факт далеко не единичный. Стоит сравнить также рассказ хивинского историка Мунниса о втором походе Мухаммед Рахим-хана в 1816 г. в Хорасан с данными иранской летописи «Насих-ут-таварих» о том же событии. Хивинский историк пишет, что в сражении «хивинцы пролили столько крови врагов, что поверхность степи и гор стала красной, как поле, покрытое тюльпанами» и т. д., после чего хан отправился в свою ставку (см. стр. 394 переводов). Иранский автор, описывая это же сражение, уверяет, что «. . .войско Хорезма обратилось в бегство, а (иранские) богатыри гнались за ними по пятам, много людей повергли в прах, многих взяли в плен. Мухаммед Рахим-хан бежал, не останавливаясь до самой Хивы, а его обоз и лагерь сразу стали добычей иранского войска» и т. д. (см. стр. 219 переводов).

Несмотря на отмеченные свои недостатки, восточные источники, по существу, остаются основными источниками для истории Туркмении до завоевания ее царской Россией. К сожалению, до сих пор вся эта группа материалов оставалась в пользовании весьма ограниченного круга специалистов, вследствие чего темпы их изучения были крайне замедлены. Это же обстоятельство объясняет нам и причины слабой изученности целого ряда затронутых нами здесь вопросов. Надо надеяться, что появление значительного числа восточных источников в переводах послужит стимулом для более широкого и глубокого изучения истории туркменского народа.

В замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров решающим недостатком конспекта признали тот факт, что авторы составили «конспект р у с с к о й истории, а не и с т о р и и СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР», народов Средней Азии в том числе. Это указание обязывает энергично взяться и за изучение и систематизацию исторических источников на восточных языках народов СССР.

Предлагаемое собрание материалов по истории Туркмении XVI—XIX вв. не является исчерпывающим и потребует ряда дополнений, но уже в своем настоящем виде дает, как нам кажется, в руки историка довольно значительный материал для разработки многочисленных проблем истории туркмен и Туркмении.

Часть I

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI и XVII вв.

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XVII вв.

ЗАВОЕВАНИЕ ХОРАСАНА ШЕЙБАНИ-ХАНОМ. УЧАСТИЕ ТУРКМЕН В БОРЬБЕ УЗБЕКОВ И ИРАНЦЕВ ЗА ХОРАСАН

(Извлечения из „Хабиб-ус-сияр" Хондемира, т. III, ч. IV)

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

О переходе Эль Аманом реки (Аму-дарьи) по приказу Мухаммед-хана Шейбани и поражение его в битве с войсками эмира Шуджа-уд-дин Зуннуна[1]

[В предыдущих главах повествуется о непрерывной междоусобной борьбе между правнуком Тимура султаном Хусейн-мирзой и его сыновьями, правившими отдельными областями Хорасана, в том числе и районами, занятыми туркменами. В 1498 г. восстал против отца Абуль-Мухсин-мирза, правитель Мерва, по предварительному уговору с Мухаммед Хусейн-мирзой, правителем Нисы и Абиверда.[2]

Султан Хусейн-мирза осадил Мерв и после длительной осады закончил свою экспедицию примирением с сыном. Вскоре (в 1499/500 г.) Мухаммед Хусейн-мирза, изгнавший прежде из Астрабада[3] своего брата Музаффар Хусейн-мирзу, вознамерился завоевать и другие области Хорасана и «захватил все пространство от Астрабада до Нишапура».

---

[1] В квадратные скобки заключаются пересказ или примечания переводчика, в круглых скобках находятся слова, не содержащиеся в тексте и добавляемые переводчиком. Цифры на полях обозначают или листы рукописи или страницы литографии.

[2] Город Неса находился недалеко от нынешнего Ашхабада, к западу от него, на месте городищ близ аула Багир; Абиверд, или Баверд, значительный город Хорасана к северу от Копет-дага, ныне небольшое селение, в 120 км к юго-востоку от Ашхабада (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 60—61; Он же. К истории орошения Туркестана, стр. 37—41; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 274—283).

[3] Астрабад — название города и провинции в Иране, в юго-восточном углу Каспийского моря, в 36 км от его побережья; в настоящее время город и про

В августе 1500 г. султан Хусейн-мирза двинулся из Герата к Астрабаду против Мухаммед Хусейн-мирзы. Дело кончилось снова примирением, после чего Хусейн-мирза передал Мухаммед Хусейну наместничество в Джурджане, Мухаммед Мухсин-мирзе поручил управление областями Туса, Мешхеда, Абиверда, Несы, Дуруна и Языра,[1] Абуль-Мухсин-мирзу он утвердил правителем Мерва, а Балхская область от берегов Аму-дарьи до Мургаба была передана старшему из сыновей Беди-уз-заман-мирзе, который за время отсутствия Хусейн-мирзы успел захватить Герат.

О несомненном участии туркмен в этой беспрерывной междоусобной борьбе последних тимуридов здесь не сообщается никаких данных.

В 911 г. х. (1505/06 г.) султан Хусейн-мирза отправил против Шейбани-хана, который, по словам Хондемира, «устраивал набеги на страны Мавераннахра» (хотя, в действительности, Шейбани-хан к 1506 г. уже овладел всеми областями Мавераннахра), своего сына, правителя Балха, Беди-уз-заман-мирзу и вскоре сам выступил вслед за ним, но заболел в походе и умер в местечке Баба Иляхи 11 зуль-хиджа 911 г. х. (5 мая 1506 г.), а тем временем Шейбани-хан начал свое продвижение в Хорасан.]

353 В то время как слухи о смерти (султана Хусейн-мирзы) распространялись повсюду, Мухаммед-хан Шейбани, в течение долгих лет ждавший

винция получили древнее название всей этой местности (Гиркания) и называются Гурган.

Город Астрабад возник по почину арабов во время их завоевательного движения на Гурган и Табаристан (к западу от Астрабада, иначе Мазандеран), благодаря своему важному стратегическому положению в обширной и богатой естественными ресурсами равнине, как предполагают, на месте древней столицы Гиркании Задракарты. При арабах город Астрабад занял второе по значению место в провинции Гурган (по-арабски Джуржан) и стал торговым центром в этой части Ирана и складочным местом для товаров, шедших с северо-запада (Кавказ, Южная Россия). Находясь в политически и стратегически важном пункте скрещения путей от моря на Мешхед—Герат (к востоку и юго-востоку) и Тегеран—Исфаган (к западу и юго-западу), город Астрабад, как и вся провинция, впитал в себя большое разнообразие племен и при каджарах являлся основным местопребыванием этого племени; численность населения города в настоящее время доходит до 25 000 чел. Провинция Астрабад делится на семь «булюков» (уездов): Аназан, Садан-Рустак, Шахкух и Савер, Астрабад-Рустак, Катуль, Фендереск и Кухсар; поверхность провинции достигает 14 500 кв. км, численность населения до 200 000 чел., исключая туркмен. Помимо культуры риса, хлопка, сахарного тростника, в местности Астрабада, как и везде в Гургане, уже давно, надо думать, задолго до арабов, существовала культура шелковичных червей, и шелководство, при своем переходе из Китая на запад, в Гилян, через Среднюю Азию, имело здесь один из главных этапов (Enzyklopaedie des Islam, I, 512-513; H. Rabino Mázandarán and Astarábád, pp. 71-77 — описание города, 78-84 — описание провинции; Северная Персия. Сборник консульских докладов, стр. 27-35).

[1] Развалины г. Дуруна находятся на полпути между Ашхабадом и Кызыл-арватом. В домонгольскую эпоху здесь была крепость Так, получившая в начале XIII в. название Языр, по имени поселившегося здесь туркменского племени. А. Г. Туманский. (О Дуруне и Языре). Зап. Вост. отд. Арх. общ. IX, стр. 302—303; ср.: В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 37—38).

этого дня, отправил Эль Амана[1] с отрядом храбрых войск с целью нападения на Иран. Перейдя реку Амуйе (Аму-дарью), Эль Аман делал набеги и начисто ограбил (страну) до берегов Мургаба. Часть войск он переправил через Мерверуд в области Бадгиса,[2] где также произвел убийства и грабежи.

В месяце мухарреме 912 г. (май-июнь 1506 г.) эти вести дошли до Беди-уз-заман-мирзы и Музаффар Хусейн-мирзы (преемники султана Хусейн-мирзы), которые думали, что Шейбани-хан самолично, перейдя через Амуйе (Аму-дарью) и Мургаб, отправится на захват столицы Герата. Поэтому на них напал сильный страх, и когда эти сведения подтвердились, они решили для отражения Эль Амана назначить некоторых эмиров с войском. Прежде чем кто-либо из вельмож принял на себя это ответственное поручение, эмир Шуджа-уд-дин Зуннун, аргун, с 10—12 тысячами человек из войск Гура, Сахира, Кандагара и Земиндавера[3] в середине указанного месяца явился в Герат. Прибыл он потому, что Беди-уз-заман-мирза после смерти султана Хусейн-мирзы послал вестника к эмиру Зуннуну с приказанием прибыть в столицу. Когда эмир Зуннун прибыл к Беди-уз-заман-мирзе и Музаффар Хусейн-мирзе, он узнал о приходе Эль Амана и узбеков на Мургаб и, не отдыхая с дороги, с эмиром Султан Баязидом, берласом, быстрым маршем двинулся в сторону Меручака. Войска Мавераннахра (узбеки), узнав о прибытии эмира, направились через Чуль-и-Зардак. Эмир Зуннун, преследуя узбеков, настиг их в этой пустыне, убил около ста человек, взял в плен 60—70 и вернулся обратно в Герат.

[Мухаммед-хан Шейбани, начавший набеги на Хорасан, заставил султана Беди-уз-заман-мирзу и Музаффар Хусейн-мирзу подумать о мерах государственной защиты. На Мургаб, в место сбора всех хорасанских войск, прибыли наместники, принцы и военачальники с войсками, а также Захир-уд-дин Мухаммед Бабур из Кабула. Так как султан Беди-уз-заман-мирза и его братья не обладали энергией и способностями отца, то пока они занимались бесполезными совещаниями и стратегическими предложениями, узбеки успели нанести им такое поражение, что они разбежались по всему Хорасану. Шейбани-хан осадил и взял в 912 г. х. (1506/7 г.) Балх, а в 913 г. х. (1507/8 г.) Герат.] 354 355

Абуль-Мухсин-мирза (по возвращении из Герата в Мерв) занялся управлением Мервской области. Благодаря его доброте и справедливости через небольшой промежуток времени (Мервская область) стала заселенной. В тот период, когда Мухаммед-хан Шейбани захватил страны Мавераннахра, Абуль-Мухсин-мирза своей дальновидностью превратил крепость Серахс в благоустроенное обиталище, перевезя сюда некоторое иму-

---

[1] В тексте во многих местах имя Эль Амана искажено и изображается различно.

[2] Бадгис у арабских географов — страна между Гератом и Серахсом; позднее Бадгисом именовалась вся северо-восточная часть нынешнего Афганистана (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 33; см. ниже стр. 168, прим. 1).

[3] Гури Земиндавер — горные области в верховьях Герируда (В. Бартольд, op. cit., стр. 36—37, 49—50).

щество и запасы. В начале 913 г. х. (1507 г.), когда узбекские войска вступили на территорию Хорасана, Абуль-Мухсин-мирза запечатал свое иму-
362 щество в той крепости (Серахсе) и отправился в Мешхед.

[В Мешхеде его встретил брат Мухаммед Мухсин-мирза, и оба они, собрав войска, выступили против узбеков. Благодаря сильному натиску узбекских войск оба брата были убиты под Мешхедом, и последний перешел в руки Шейбани-хана.

Остальные принцы погибли один за другим. Беди-уз-заман-мирза и Музаффар Хусейн-хан бежали в Джурджан.[1]

В 913 г. х. (1507/08 г.), уже во время господства Шейбани-хана, Сейид Хади-ходжа, приходившийся двоюродным братом упомянутому хану, был посажен правителем в Мешхеде, а управление Мерва было передано Камбар-бию.

В том же году Мухаммед Касим-мирза, сын Хусейн-мирзы, собрав войско, пришел в Мешхед. Сейид Хади бежал в Мерв и сообщил о случившемся Шейбани-хану. Шейбани-хан для отражения принца (Касим-мирзы) послал в Мешхед Убейдуллу-султана. Убейдулла-султан с войсками прошел через Чарджуйскую переправу и поспешил в Мерв. В Мерве он взял с собой Сейид Хади и Камбар-бия и пошел на Мешхед.

Через несколько дней Мешхед был взят, а Мухаммед-Касим-мирза попал в руки узбеков и был убит.]

О прибытии Беди-уз-заман-мирзы и Музаффар Хусейн-мирзы в Джурджан

365 В 913 г. х. (1507/08 г.) Беди-уз-заман-мирза, делая переходы за переходами, направился из Систана в Джурджан. Туда же прибыл и Музаффар Хусейн-мирза. Поэтому этим «двум счастливым звездам» выпал еще раз случай сблизиться в Астрабаде. Оба брата, родившиеся под счастливой звездой, заключили друг друга в объятия и послали правителем в Дамган Феридун Хусейн-мирзу, который, после смерти своего единоутробного брата Мухаммед Хусейн-мирзы, сделался правителем Астрабада. Когда слух об упрочившемся положении двух владык дошел до Герата, обитательницы царственного гарема Султан-бегум и Хадидже-беги-ага (мать Музаффар Хусейн-мирзы) и еще некоторые другие лица из гарема (покойного султана Хусейн-мирзы), с разрешения Джан Вефа-мирзы (узбека), направились в Джурджан. Воины улуса Тимура (т. е. владений покойного сул-
366 тана), застрявшие в различных городах Хорасана, также отправились в ту сторону, и еще раз бодрое войско собралось под знамена Беди-уз-заман-мирзы и Музаффар Хусейн-мирзы. Но по прошествии нескольких месяцев Музаффар Хусейн-мирза тяжело заболел и умер. Беди-уз-заман-мирза

[1] Джурджан или Гурган: в древности область с городом того же названия на берегу р. Гюргена, позднее — область по р. Гюргену (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 79—80).

сильно горевал по нем и облекся в траур. Затем он взялся за правление Джурджанской областью, скинув траурные одежды, но не прошло и года после прибытия его в Астрабад, как он услышал о приближении Мухаммед-хана Шейбани.

О вторичном походе Мухаммед-хана Шейбани из Турана в Иран

Мухаммед-хан Шейбани, переправившись через воды Амуйе (Аму-дарьи), 366
окруженный пышной свитой, прошел по городам Хорасана и двинулся на Джурджанскую область.

Султан Беди-уз-заман-мирза, узнав о приближении врагов и почувствовав неспособность джурджанских войск выйти на поле сражения с могущественным ханом, решил уйти в Азербайджан. Мирзу Мухаммеда (своего сына) он оставил в крепости Дамгана у его дяди Феридун Хусейн-мирзы и поспешно двинулся в путь.

Мухаммед-хан Шейбани, узнав об отъезде Беди-уз-заман-мирзы в Азербайджан, передал управление Джурджаном эмиру Ходжа Ахмеду, конрату. Ходжа Ахмед много лет служил султану Хусейн-мирзе и Музаффар Хусейн-мирзе, но в дни тревожных событий перешел на сторону Мухаммед-хана Шейбани.

После этого (Шейбани) двинулся в наступление на Дамган. Феридун Хусейн-мирза и Мухаммед Заман-мирза не выдержали осады, продолжавшейся несколько дней, сдали крепость и были милостиво встречены Шейбани-ханом. Через 5 дней Мухаммед Заман-мирза получил (от Шейбани) дозволение отправиться в Азербайджан, а Феридун Хусейн-мирза без дозволения покинул лагерь (Шейбани-хана) и направился на берега реки Атрека к туркменам племени йака.[1] 367

Мухаммед-хан Шейбани проводил лето на равнине Радкана, а зиму в степях Мавераннахра, то отражая нападения казахов, то сам делая набеги на кочевников Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак). В конце 915 г. х. (1509 г. — начало 1510 г.) он потерпел поражение от Касим-султана, который был наиболее выдающимся правителем в Кыпчакской степи. В этом бою погиб Камбар-мирза с многими другими знатными лицами. Весною огорченный Мухаммед Шейбани возвратился в Хорасан, откуда совершил набег на хезарейцев[2] и некудерцев,[3] которые обитали в горах Гярмсира

[1] В тексте يقه. Туркмены, носящие это прозвище, занимали берега рр. Гюргена и Атрека, вследствие чего термин йака может быть истолкован как б е р е г о в о й (йака—берег) (ср. также В. В. Б а р т о л ь д. Очерк..., стр. 47—48).

[2] Х е з а р е, х е з а р е й ц ы — племя монгольского происхождения, говорящее по-персидски, живет между Гератом и Кабулом как к северу, так и к югу от главных хребтов; название по-персидски значит «тысяча», — так называлось одно из подразделений монгольских войск. Потомки монгольских отрядов, занявших в XIII в. горную область Гур в северном Афганистане. Численность хезаре — 600 000 чел., но цифра твердо не установлена; в громадном большинстве — горные земледельцы, по религии шииты или исмаилиты. Кроме того, в северо-восточном, восточном

и в Земиндавере. Но так как «солнце его счастья достигло черты заката», набеги остались безрезультатными.

В средине ша'бана 916 г. х. (конец ноября 1510 г.) он прибыл в столицу Герат, а его войска шли пешком, так как большинство узбеков потеряли своих лошадей и снаряжение. В течение нескольких дней хан отдыхал там. В это время пришло известие о наступлении из Ирана и Азербайджана падишаха четвертой части обитаемого шара (шаха Исмаила) на Хорасан. Изумленный и растерянный (Шейбани-хан) бежал в Мерв и в этой области рукою падишаха был убит.

О смерти Беди-уз-заман-мирзы в Стамбуле

Между тем Феридун Хусейн-мирза, выйдя за ворота Дамгана, ушел к туркменам племени йака.[1] В 915 г. х. (1509 г.), когда Мухаммед-хан Шейбани повел войско против кочевых племен в Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак), Феридун Хусейн-мирза, собрав небольшое войско, пришел в Хорасан и завоевал крепость Келат. Правитель Мерва Камбар-бий, услышав эту весть, двинулся с многочисленным войском из узбеков на Келат. Шахзаде вследствие малочисленности своего войска не был в состоянии защищать стены Келата, и победа досталась Камбар-бию. Феридун Хусейн-мирза попал в руки узбеков и погиб.

Беди-уз-заман-мирза с тем войском, которое у него набралось, направился (из Рея) в Астрабад. Правитель Джурджана Ходжа Ахмед, конграт, стал с ним сражаться, и между противниками возник чрезвычайно упорный

и юго-восточном округах Хорасана, пограничных с Афганистаном, — в округе Мешхеда, Джама, Бахарза, Хафа и Зиркуха — много хезарейцев, выходцев из Афганистана. Они известны в восточном Иране под именем бербери, от названия некоторых из их родов, эмигрировавших в Иран. Общая численность бербери — 20 000 домов. Наконец, в состав аймаков или чахар-аймаков в северном Афганистане входит племя хезаре, — это оседлые монголы, говорящие по-монгольски (западно-монгольское наречие, т. е. калмыцкий язык), с примесью персидского языка; численность 80 000 чел. (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 55—56; А. Снесарев. Афганистан, стр. 103, 116, 123—128; И. Рейснер, Афганистан, стр. 32—33; Curzon. Persia and the Persian Question, I, p. 199; Баумгартен. Поездка по Восточной Персии, стр. 269—270; Северная Персия. Сборник консульских докладов, 1933, стр. 14).

[3] Некудерцы — отряд монголов, прибывших в Афганистан в XIII в. и первоначально находившихся под начальством чагатайского царевича Некудера; этот последний состоял на службе у Хулагу, завоевателя Персии, но потом изменил ему. Покорение горной страны Гура в Афганистане и взятие сильных гурских крепостей стоило монголам больших трудов; после окончательного завоевания в стране были оставлены монгольские отряды, постепенно принимавшие язык побежденных. К ним, по всей вероятности, присоединились впоследствии другие монгольские отряды, поселившиеся здесь и называвшиеся по именам своих предводителей из них в истории особенно часто упоминаются выше приводимые некудерцы (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 55).

[1] В тексте, повидимому, ошибочно «теке».

бой. Мухаммед-кули, который у Беди-уз-заман-мирзы был самым любимым человеком и среди всех остальных отличался своими достоинствами, был убит в сражении. Войско Беди-уз-заман-мирзы потерпело поражение, а сам он со своими приближенными бежал с поля сражения в Индию.[1]

Когда слухи об этом дошли до Пир Гейб-бека, талыша, который управлял 368
Астрабадом и получил управление от своего брата Халяф-бека,[2] он испугался и бежал. Вполне понятно, что сановные и уважаемые лица Джурджанской области устроили принцу (Мухаммед Заман-мирзе) торжественную встречу со смиренными просьбами и славословиями. Мухаммед Заман-мирза вступил в Астрабад как верховный властитель и осыпал милостями главных должностных лиц области, в том числе ходжу Гияс-уд-дина Али, битикчи,[3] который был старшим братом ходжи Музаффара. Ему Мухаммед Заман-мирза пожаловал должность председателя дивана, сына его Ибн-Ямин-бека сделал «парваначи» (секретарем султанских указов), пост «даруга» (правителя) области предоставил Ага Мир Кефшгеру.

Мухаммед Заман-мирза отправил послов к старейшинам улусов (туркмен) саин-хан[4] и керапли (или герайли[5]) с предложением подчиниться его власти. Этот народ выразил готовность служить верой и правдой. Многие из предводителей поспешили к нему и принесли подобающие подарки, за что получили благодарность. Их примеру последовали все джурджанские сановные лица и сяхпуши,[6] заявившие о своем желании служить Мухаммед

---

[1] Через год Беди-уз-заман-мирза вернулся в Хорасан, затем переселился в Тавриз, откуда был увезен султаном Селимом в Стамбул, где и умер.

[2] В тексте Хулефа-бека.

[3] Битикчи — один из редко встречающихся в Средней Азии и Иране титулов, сохранившихся от монгольской империи. В монгольский период битикчи отождествлялся с бахши (писец, секретарь). О значении звания битикчи в монгольских владениях XIII—XIV вв. см. Труды Вост. отдел. Русск. археол. общ., ч. 8, стр. 440—441; Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. III, стр. 23; Доклады группы востоковедов на сессии Акад. Наук, стр. 117. В позднейшие века звание битикчи, помимо упоминаемого здесь района Астрабада, встречается также в Бухарском ханстве начала XIX в. (Изв. Среднеаз. отд. Гос. русск. геогр. общ., т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 21).

[4] Туркмены саин-хани (туркмены Саин-хана или саинхановские туркмены); так у иранских историков именуются туркмены, жившие между Гюргеном и Атреком, по монгольскому прозвищу Саин, которое носил золотоордынский хан Батый. Они же называются иначе йака-туркмены.

[5] Тюркское племя, живущее частью в Мазандеране (в районе Ашрафа и Фарахабада), переселенное Ага Мухаммед-шахом из Кальпуша (см. прим. стр. 232), в Астрабадской провинции, в булюке Садан-Рустака к западу от Астрабада, в булюке Катуля и Кухсара к юго-востоку и востоку от Астрабада; в Кальпуше, в Джаджерме, в Кучане (H. L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, pp. 12, 70, 76, 78, 82, 83; Мухаммед Хасан-хан. Матля-уш-шамс, I, стр. 102, 112, 137). Автор возводит название герайли к кераит-или, т. е. к древнему монгольскому племени кераитов (стр. 156—158).

[6] Сияхпуши — группа населения, державшаяся независимо и обитавшая в Астрабадской провинции, в лесных зарослях р. Гюргена.

Заман-мирзе, за исключением другого брата ходжи Музаффара, ходжи Низам-уд-дин Махмуда и его сына эмира Мухаммед Музаффара, которые, запершись в укрепленном месте, не пожелали подчиниться.

[Ходжа Музаффар на пути из Хорасана в Азейрбайджан услышал о захвате Астрабада Мухаммед Заман-мирзой и помчался в Исфераин.[1] В Исфераине к нему присоединился правитель Исфераинской области Бирун-бек, а также подоспел Явак Дин-бек.[2] По дороге в Бастам они узнали, что официальным указом шаха Исмаила управление Джурджанской областью передается ходже Музаффару.]

Поэтому обрадованные эмиры, решив наступать на Астрабад, повели войска через Бастам. На дороге их встретил гонец от правителя Бастама и доставил им голову ходжи Мир Кефшгера. Обстоятельства происшествия были таковы. По приказанию Мухаммед Заман-мирзы ходжа Мир Кефшгер с отрядом джурджанских воинов отправился в набег на Бастам. Мухаммед-ага, который был «даругой» нескольких селений этой области, преградил ему путь, выступив со своими людьми, в результате чего (Мир Кефшгер) был убит. Мухаммед-ага послал его голову к ходже Музаффару и эмирам, которые, сочтя это хорошим предзнаменованием, вошли в Астрабадское ущелье. 369

Когда известие об убийстве ходжи Мира дошло до брата его Ага Мира Кефшгера, он, взволнованный и огорченный, отправился к Мухаммед Заман-мирзе и, рассказав о том, что произошло, внушил принцу мысль схватить и заключить в оковы ходжу Гияс-уд-дина Али (брата ходжи Музаффара) и Ибн-Ямин-бека (сына первого); его поддержал эмир Хусейн из Хезар-джериба. Этих двух уважаемых лиц схватили, заключили в оковы и в день сражения (о котором говорится ниже) предали смерти.

Итак, когда хорасанские военачальники стали приближаться, Мухаммед Заман-мирза вместе с эмиром Хусейном из Хезар-джериба и предводителями (сердарами) улусов (туркмен) саин-хан и керапли выступил из Астрабада. Приблизительно около того времени к Мухаммед Заман-мирзе присоединились ходжа Низам-уд-дин Махмуд, эмир Музаффар со своими подчиненными, Мирза Али из Фендереска[3] с двумя стами человек, сейид Фахр-уд-дин и Султан Кабуль-оглы[4] с отрядом (туркмен) из племени саин-хан.

---

[1] Исфераин. Считался раньше одним из четырех булюков бывшего Буджнурдского ханства, к востоку от Джаджерма, в одноименной равнине, простирающейся в том же восточном направлении; большинство населения — оседлое: турки, таджики и курды-шадилю. В настоящее время административный центр — местечко Миян-абад на предгорьях Ала-дага. В южной части долины находятся развалины города Исфераина, называемые теперь Шахр-и-Билькис или Шахр-и-Саба. В древности город Исфераин входил в состав области Нишапура, неоднократно подвергался разрушениям при разных нашествиях: в 1220 г. — монголов, в 1381 г. — Тимура, около 1597 г. — узбеков и в 1731 г. — афганцев (Enzyklopaedie des Islam II, 567; C. E. Yate. Khurasan and Sistan, 376—381).

[2] В тексте — Бук-Дин-бек.

[3] В тексте — Кандер-беги.

[4] В тексте — Кутуль-оглы.

Во время намаза, совершаемого между полуднем и солнечным закатом, в пятницу, 5-го числа месяца рамазана 920 г. х. (8 ноября 1514 г.) произошла встреча двух отрядов в окрестностях Ак Мешхеда, находящегося от Астрабада на расстоянии приблизительно 8 фарсахов. Передовые части войск напали друг на друга, и с той и с другой стороны было убито два-три человека. Когда зашло солнце и наступила ночь, оба войска разошлись по своим лагерям и в течение всей ночи держали караулы. Утром же в субботу, снова построившись в боевой порядок, они устремились истреблять друг друга... Наконец, победа досталась ходже Музаффару, а дело Мухаммед Заман-мирзы окончилось плохо. Эмир Хусейн из Хезар-джериба бежал на свою родину, Мухаммед Заман-мирза ушел к (туркменам) племени саин-хан.

Ходжа Музаффар отправился в Астрабад и в течение нескольких дней отдыхал с дороги. Когда Эвез-султан, получивший назначение от шаха (Исмаила) на управление Астрабадом, прибыл из Нишапура в Джурджан, он вместе с ходжой Музаффаром отправился истребить Мухаммед Заман-мирзу. Утром шахзаде, получив сведения о скором прибытии эмиров, поспешил из Астрабада в кочевья керанли и еще несколько месяцев провел среди этого племени.[1]

О сражении шаха Исмаила[2] с Мухаммед-ханом Шейбани под Мервом

Шах Исмаил, пройдя через Султанийе, достиг области Рей и отсюда, *374*
также без остановки, направился в Дамганскую область. Правитель (даруга) этой области Ахмед-султан, приходившийся зятем Мухаммед-хану Шейбани, лишь только получил сведения о приближении победоносных войск шаха Исмаила, бросил власть и имущество и обратился в бегство. Точно таким же образом предпочел поступить и Ходжа Ахмед, конграт, бывший правителем в Астрабаде; он избрал путь бегства и через ущелье Зардэ-хак отправился в Языр и Дурун, а оттуда в Хорезм. Что же касается (местных) должностных лиц Джурджанской области, так, например, Сейид Рафи и Баба Ноуруза, то они поспешили выйти навстречу его величеству с обильными подношениями и в Бастаме удостоились чести выразить свои верноподданнические чувства. Получив знаки шахского внимания и одобрения, они вернулись к себе домой.

В это самое время ходжа Сейф-уд-дин Музаффар, битикчи, находившийся в Кябуд-джамэ, услышал о приближении шахских войск и в победном

---

[1] Далее (стр. 369—374) рассказывается о бегстве его от туркмен в Абиверд и оттуда в Гарджистан к эмиру Мухаммед Урду-шаху, бывшему военачальнику Беди-уз-заман-мирзы. После многих приключений он попал наконец в Кабул к Бабуру, от которого получил назначение управлять Балхом.

[2] Исмаил I Сефеви (1502—1524 гг.). Разбив в 1502 г. туркмен Белого Барана и сделав своей столицей Тавриз, Исмаил приступил к завоеванию остального Ирана. Объединил под своей властью область от Аму-дарьи до Персидского залива и от Афганистана до Ефрата.

настроении устремился в лагерь его величества. В Джаджерме он присоединился к свите шахских слуг, за что получил знаки признательности и в Исфераине был пожалован почетным халатом и высокой должностью министра двора его величества.

Несмотря на то, что из всех военачальников ни один не удостаивался чести прикладывать печать, шах соизволил приказать, чтобы впредь все шахские указы скреплялись печатью этого преданного правительству шаха лица. Кроме того, он был пожалован председательством в диване на условиях самостоятельности и независимости в смысле разделения власти с какими то бы ни было другими лицами. Ходжа Музаффар, с соизволения шаха приступивший к исполнению своих обязанностей, направил все старания к тому, чтобы обеспечить доходы дивана и соблюсти интересы мусульман.

Что же касается Мухаммед-хана Шейбани, который в это время возвратился в Герат с набега на хезарейцев (см. стр. 43) «с сердцем, разбитым на сто кусков, и пребывал в саду Джехан-ара, то, когда он услышал от Ахмед-султана о наступлении шахских войск, его охватило такое чувство безграничного страха и ужаса, что, несмотря на свои частые хвастливые заявления и речи, что, мол, недалеко то время, когда мы поведем войска в пределы Ирака и Азербайджана, а после того как завоюем эти государства, обратимся на Хеджаз, что еще до того, как неприятельское войско вступило на территорию Хорасана, в конце месяца раджаба 916 г. х. (начало ноября 1510 г.), когда луна была на ущербе (بر طريقه محترقه), он «посыпал прахом бесчестия голову своего счастья», из Герата бежал в Мерв и заперся в его степях. Оттуда он разослал султанам Мавераннахра приказы с требованием узбекского войска.

После бегства Шейбани-хана Джан Вефа-мирза, назначенный на пост правителя Герата и Хорасанской страны, последовал примеру своего властелина и убежал в Мерв.

375 Из Мешхеда шах Исмаил двинул победоносные войска на Серахс.[1] Когда шахские войска нагрянули на эту провинцию, ее жители, от которых убежал их собственный правитель, оказали повиновение и готовность служить его величеству, и так как они дали доказательства своей принадлежности к религии имамов (были шиитами), то были избавлены от разграбления (нападения войска). Шах Исмаил отправил из Серахса в Мерв Данэ Мухаммед-бека с полком конницы в качестве авангарда . . . Когда Мухаммед-хан Шейбани получил сведения о приближении передовых частей шахских отрядов, он выслал навстречу Джан Вефа-мирзу и Камбар-бия с большим войском узбеков. Встреча противников произошла у деревни Тахир-абад. Борьба была чрезвычайно упорной, и, как предсказывал государь при расставании со своим полководцем, Данэ Мухаммед-бек был убит ударом стрелы,

[1] Серахс — крепость на нижнем Герируде (Теджен); на правом берегу реки расположен Старый Серахс, принадлежащий СССР, на левом Новый Серахс, принадлежащий Ирану. (Л. Артамонов. Астрабад — Шахрудский район, стр. 195—196; В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 42—43).

пущенной одним из узбеков. Но, несмотря на это, шахские воины «взметнули вверх знамена» и погнали устрашенные полчища узбеков внутрь мервских стен.

Приблизительно в то же самое время шахские войска подошли к Мерву. Воины разбили лагерные палатки неподалеку от города и, начав осаду, стали подготовлять все необходимое для штурма крепости. Мухаммед-хан (Шейбани) запер городские ворота и поручил каждую из башен кому-нибудь одному из главных военачальников. Твердо вознамерившись выдержать осаду, он для защиты этого укрепленного города употребил много стараний.

Хотя завоевание Мерва для шахского войска было задачей вполне осуществимой, однако его величество, принимая в расчет возможные потери в рядах своих войск, не был склонен отдавать приказ на такое дело. Время проходило главным образом в том, что шахские солдаты в полном вооружении устремлялись к городским воротам, а из города, в свою очередь, выходили неприятельские отряды, и противники сходились в открытом поле. В большинстве случаев, удача склонялась на сторону войска его величества, и в каждой стычке узбеки оказывались побитыми, но иногда, как это свойственно судьбе, и шахским солдатам приходилось отведать «из рук виночерпия смерти кубок кончины». Случалось и так, что те из шахских солдат, которые попадали в плен, по приказанию Мухаммед-хана предавались смерти.

После того, как шахские войска простояли под Мервом значительное 375
время и лишь только выяснилось, что осада крепости протекает без всякого успеха, шаху Исмаилу пришло на мысль снять осаду и отступить назад на расстояние одного—двух переходов в том предположении, что Мухаммед-хан Шейбани сочтет это отступление за бегство и, решив пуститься в погоню за неприятелем, смело выйдет за стены Мерва. Найдя подобную мысль правильной, шах принялся за ее осуществление, не сообщая о своих замыслах никому из своих военачальников. В конце дня, в среду 28 ша'бана 916 г. х. (30 ноября 1510 г.) шахские войска отступили от мервских стен и расположились лагерем, перейдя канал селения Махмуд-абад, которое находится на расстоянии 3 фарсахов от г. Мерва. Там они стояли в течение одного дня и двух ночей. Многие из военачальников и сановных вельмож, ничего не знавшие об истинных причинах этого отступления, были чрезвычайно удивлены, погрузились в раздумье и пришли в состояние расстройства и возмущения в силу излишнего усердия. Лишь несколько приближенных к шахской особе, хорошо знавшие рассудительность шаха, были уверены, что это происшествие в конечном итоге завершится победой.

Дело в том, что от Сейф-уль-анами (ходжи Музаффара) они слыхали о приказании, отданном его величеством на упомянутой стоянке (Махмуд-абад) одному из придворных секретарей, который должен был написать Мухаммед-хану Шейбани письмо следующего содержания.

«Некоторое время тому назад ты нам писал, что имеешь намерение совершить хадж и по этой причине в недалеком будущем направляешься в Ирак и Азербайджан. Мы в ответ написали тебе, что сами намереваемся совершить

паломничество к гробнице Али-ибн-Муса-ар-Ризы (в Мешхеде) и в скорейшем времени думаем туда направиться. Так как твое обещание тобою не было выполнено, то мы, исполняя свое обещание, двинулись на Мешхед, удостоились приблизиться к святому месту и получить исполнение надежд.

«Это послание преследовало ту цель, чтобы Мухаммед-хан Шейбани, осведомленный о выступлении шаха, поспешил выйти навстречу и выполнил все то, что полагается для гостеприимства и торжественного пира».

«Так как это не было выполнено, мы для того, чтобы встретиться, сами пожаловали к Мерву, в котором вы пребываете. Но и в этом случае с вашей стороны не последовало того, что предписывается правилами учтивости. Поэтому мы направимся назад и будем делать зимние стоянки кос-где по областям Хорасана. А в начале весны, при выступлении войска тюльпанов и (других) цветов, мы выйдем на поле битвы, дабы то, что скрыто за завесою тайны, обнаружилось явно».

Это письмо, согласно шахскому приказанию, было вручено одному из главных курчи (телохранителей), которого отправили в Мерв в четверг, во время предвечернего намаза.

Утром в пятницу его величество оставил у Пул-и-Махмуди Эмир-бека, мосульского, мухрдара[1] с тремя стами всадников, а сам в сопровождении войска двинулся по направлению к крепости Талхатан.[2] Было решено, что, когда Эмир-бек заметит вдали (приближающуюся) массу войск Мухаммед-хана, он без всякого промедления тотчас же пустится в бегство и затем присоединится к войску шаха с той целью, чтобы расхрабрившиеся узбеки, перейдя через водный поток (речку) Сиях-аб, находящийся на той же дороге, бросились бы преследовать шахское войско и, таким образом, отдалились от города.

Со своей стороны, Мухаммед-хан Шейбани, узнавший, что шах Исмаил снял лагерь и направился в Ирак, полагал, что неприятельские войска пойдут прямо до самых пределов Ирака и Азербайджана. Вместе с тем однако, ради соблюдения осторожности, в первый день он не выходил из города и только утром в пятницу с многочисленным войском выступил из ворот Мерва. Сам он занял место в центре войска, фланги поручил Джан Вефа-мирзе и Камбар-бию, после чего с чрезвычайным самомнением пустился преследовать шаха Исмаила.

В то время как Мухаммед-хан Шейбани находился в пути, ему доставили письмо шаха. Узнав содержание письма, он подумал, что причина этого послания заключается в том, что по слабости своих сил шах не рискует тягаться с ханом. Сделав такое заключение, Шейбани-хан больше прежнего направил все свои помыслы на преследование шахского войска и приказал ходже Кемаль-уд-дину Махмуду Сагарджи взять с собою в Мерв доставившего письмо курьера, задержать его и одновременно с этим выслать из го-

[1] Хранитель печати.

[2] О местоположении Талхатана и некоторых других упоминаемых здесь пунктов см. В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 72—74.

рода всех тех воинов, которые там еще оставались. Сам же Шейбани-хан с поспешностью продолжал путь. Когда он стал приближаться к деревне Махмуди, Эмир-бек, мухрдар, согласно приказанию, обратился в бегство. Мухаммед-хан Шейбани лишь только заметил это, тотчас же преисполнился радостных надежд на победу и стремительно перешел через речку Сиях-аб.

Но падишах, осведомленный о приближении неприятелей прибывшим в шахский лагерь Эмир-беком, с 3—4 тысячами войска, военачальниками и своими телохранителями (курчи), которые находились в это время при его особе, обратился лицом к неприятелю, и неподалеку от деревни Махмуди произошла встреча противников. Сближение двух отрядов закончилось столкновением.

Наконец, победу удалось одержать шаху Исмаилу, и узбекское войско, 376
повернув тыл, обратилось в бегство. Шахские воины преследовали его и многих из бежавших перебили. Из числа людей Хорасана эмир Джеляль-уд-дин Махмуд, сын калантара сейида Гияс-уд-дина, Мухаммед Багбан, ходжа Муиз-уд-дин Хусейн и ходжа Абдулла мервский с большим количеством мервского населения входили в состав войска Шейбани-хана; в этот ужасный день они были убиты воинами шаха. Джан Вефа-мирза и Камбар-бий были взяты в плен и казнены по приказу его величества. Бежавший к речке Сиях-абу в чрезвычайной растерянности и панике Мухаммед-хан Шейбани сопровождении пятисот человек, которые находились в отряде его свиты, погнал лошадь к стенной ограде (чар дивари), так как у него не было другой дороги для выхода. Бирун-султан со своими воинами, окружив эту ограду, стал обстреливать ее из луков. Узбеки падали друг на друга, и многие из них погибли под копытами лошадей. Так как те, у которых еще оставалось дыхание жизни, становились ногами на мертвецов и влезали на стены этой ограды, то воины валили их наземь ударами сабель.

Когда вся эта толпа была перебита, многие из отряда его величества стали разыскивать между убитыми Мухаммед-хана, и некто по имени Азиз-ага, из шахских курчи, известный по прозвищу Али-бахадур, узнал его. И он отделил голову от туловища в той самой ограде, где под массою зловонных трупов, задохнувшийся вследствие падения на него беглецов хан вручил свою душу богу, так как в своем самомнении и высокомерии он полагал, что кроме его самого никто другой не достоин царской короны. Азиз-ага принес голову шаху-победителю и бросил к ногам шахского коня.

Шах наградил Эмир-бека мосульского и еще некоторых других, отличившихся в сражении. Седла и оружие Мухаммед-хана Шейбани, его военачальников и сановников в количестве, какое невозможно было сосчитать и самым искусным счетчикам, он роздал солдатам. Шах Исмаил пощадил население Мерва. Из голов убитых в сражении он соорудил целые минареты. Ходжа Кемаль-уд-дин Махмуд Сагарджи, который при дворе Мухаммед-хана не только занимал должность председателя дивана, но даже принимал близкое участие в самых важных государственных и финансовых делах по причине своего влияния и авторитета, в тот день,

благодаря счастливой звезде, находился в Мерве. Когда ходжа Махмуд услышал о гибели Шейбек-хана, он стал домогаться свидания с эмиром Наджм-уд-дином Мас'уд-и-сани, просил у последнего заступничества и был пощажен. Падишах, сжалившийся над ним, дал ему возможность занять важную должность и место председателя дивана, и на этих постах ходжа Махмуд добился высоких чинов, далеко опередив других везиров.[1]

РОЛЬ ТУРКМЕН В ИРАНСКО-УЗБЕКСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVI в. ВОССТАНИЕ АБА

(Отрывки из „Ахсан-ут-таварих" Хасан-бека Румлю. Рукопись Гос. Публ. библ. в Ленинграде, № 287 по каталогу Дорна) [2]

Перевод А. Е. АРЕНДСА

Битва султана Хусейн-мирзы со своими сыновьями у места Хальва-чешме

131а В этом 904 г. х. (1498 г.) Абуль-Мухсин-мирза и Кёпек-мирза задумали оказать непослушание (своему отцу Хусейн-мирзе). Когда эта печальная весть дошла до слуха великого повелителя, Абуль-Мухсин-мирза не нашел никакого средства помочь себе и, послав кого-то к отцу, довел до его сведения: «Если его величество простит мои преступления и направится в Герат, я снова, признав старшинство, приду поцеловать прах ног прибежища мира». Из сострадания мольба славного царевича была услышана, и августейший кортеж

---

[1] Описание битвы при Мерве, по Хондемиру, в несколько сокращенном виде, дает проф. В. А. Жуковский, в своем сочинении «Развалины Старого Мерва» (стр. 73—74). Автор сочинения по истории шейбанидов под названием «Мусаххир-аль-биляд» Мухаммед Яр, сын Араба, катагана, описывая это же сражение при Мерве и говоря при этом о войсках шаха Исмаила (рукопись ИВ С 465, л. 66а и сл.), упоминает отдельно о кызылбашах (иранцах) и т у р к м е н а х, из чего можно заключить, что туркмены в данном случае участвовали на стороне шаха Исмаила и способствовали победе его над Шейбани-ханом. О враждебном отношении со стороны туркмен к войскам Шейбани-хана при завоевании последним Хорезма говорит также Мухаммед Салих («Шейбани-намэ», изд. проф. П. М. Мелиоранского, джагатайский текст, СПб., 1908, стр. 96, 21 и сл.). Часть туркмен состояла на службе у другого противника Шейбани-хана (союзника шаха Исмаила) Бабура и других тимуридов. Более подробные данные об участии туркменских войск в борьбе с узбеками, в частности в знаменитой битве при Кульмалике (в 918 г. х. — 1512 г.), сообщает другой современник этих событий — Мухаммед Хайдер («The Tarikh-i-Rashidi». Ed. by N. Elias, the translation by E. Denison Ross, London, 1895, p. 259—261). В «Нусрет-намэ», анонимном сочинении начала XVI в. (рукопись ИВ 1374, лл. 99а—99б) также говорится о выступлении хорасанских и мангышлакских туркмен против Шейбани-хана при осаде им крепости Булдумсав в 891 г. х. (1486 г.).

[2] Рукопись имеет европейскую пагинацию, вследствие чего указываемые нами на полях листы следуют в обратном порядке.

двинулся к Мургабу. В это время Абуль-Мухсин-мирза и Кёпек-мирза отправили (друг к другу) посланцев и послания и соединились в окрестностях Абиверда в намерении сразиться с падишахом. Когда эта весть в Баба-хаки была доложена (падишаху), он, сев по причине слабости здоровья в михаффу,[1] отправился на них.

Абуль-Мухсин-мирза и Кёпек-мирза, получив известие о движении их родителя, поспешили в Несу. Когда султан Хусейн-мирза узнал об их бегстве, он отправил вслед за ними Музаффар Хусейн-мирзу, Хайдер Мухаммед-мирзу, Ибн-и-Хусейн-мирзу и мир Мухаммед Бурундука, берласа. Они сошлись у Хальва-чешме.[2] Музаффар Хусейн-мирза занял место в центре. Правое крыло он поручил Хайдер Мухаммед-мирзе, а левое Ибн-и Хусейн-мирзе. А на той стороне Абуль-Мухсин-мирза встал в центре, а Кёпек-мирза занял место на правом крыле.

[Далее следует описание боя, в результате которого, по прибытии султана Хусейн-мирзы, Абуль-Мухсин-мирза и Кёпек-мирза были обращены в бегство.]

О событиях, которые произошли в Хорасане

В этом 911 г. х. (1505/06 г.) Шейбек-хан (Мухаммед Шейбани) отправил *111a*
отряд молниеносного узбекского войска в набег на Фарьяб[3] и Меймед, и узбеки занялись грабежом и опустошением этого края. Мухаммед Касим-мирза, родство которого по материнской линии восходит к мирзе Байсункару, имел честь нести службу султана Хусейн-мирзы. Вместе с эмиром Шир-джелаиром и эмиром Бабаджаном, сыном ходжи Джелял-уд-дина Мирекн, проживавшими в тех областях, он отправился, чтобы отразить узбеков. Между обеими сторонами произошло сражение. Узбеки вышли победителями, а те три эмира были убиты. Когда весть об этом пришла в Герат, султан Хусейн-мирза не узрел пользы в зимней стоянке в Баг-и Джеханарай и, перейдя в Баг-и-Шахр, там поселился. Он послал ходжу Шамс-уд-дин Мухаммеда Маниш к мирзе Беди-уз-заману, чтобы привести его в Герат. Беди-уз-заман-мирза, прибыв ко двору, остановился в доме эмира Али-Шира. Весной султан Хусейн-мирза с двенадцатью тысячами всадников выступил из Баг-и-Шахра в поход на Мавераннахр, назначив Беди-уз-заман-мирзу в головной отряд. По прибытии в Баба Иляхи, нездоровье падишаха стало усиливаться и дошло до того, что наступил последний час. Он послал за Беди-уз-заманом, чтобы тот поспешил к нему. Беди-уз-заман тотчас же с шестью стами гулямов прибыл к отцу и, увидев его крайне слабым, опечалился . . .

---

[1] Парное сидение, приспосабливаемое по бокам верблюда.

[2] Местность на современной караванной (вьючной) дороге между Буджнурдом и Фирюзой (Ашхабадом) (Л. Артамонов, op. cit., стр. 150).

[3] Город, находившийся, как предполагают, на месте нынешнего Давлет-абада в Афганском Туркестане (см. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 23).

В этом 911 г. х. (1505/06 г.) султан Хусейн-мирза, сын мирзы Мансура Бәйкара, сына Омар Шейха, сына эмира Тимура, в субботу 11 зуль-хиджа (5 мая 1506 г.) скончался в месте Баба Илях̆и . . .

Он владел (землями) от р. Мургаба и Амуйе до Дамгана.

Поход Беди-уз-заман-мирзы и падишаха Бабура на Шейбек-хана

1106 В этом 911 г. х. (1506/07 г.) Шейбек-хан отправил (полководца Эль Амана) в набег на Хорасан. Он, перейдя реку (Аму), разграбил (край) до Мургаба. Отряд его, перейдя Мерверуд, опустошил также Бадгис. Тогда эмир Зуннун, аргун, захватив с собою эмира султана Баязида, берласа, поспешил на них. Узбекское войско, узнав о приближении победоносных воинов, бежало в Дашт-и-Зардек.[1]

О прибытии Шейбек-хана в Астрабад и бегстве Беди-уз-заман-мирзы

1056 В этом году (912/13 г. х.) Шейбек-хан, перейдя реку Амуйе, направился в Астрабад. Беди-уз-заман, узнав о приближении неприятеля, оставил своего сына мирзу Мухаммед Замана в крепости Дамган у его дяди Феридун Хусейн-мирзы, а сам отправился в большом унынии в Ирак. Шейбек-хан вверил Астрабадскую область Ходже Ахмеду, конграту. Когда полумесяц победоносного ханского знамена во всем великолепии и величии взошел над горизонтом Дамгана, Мухаммед Хусейн-мирза и Феридун-мирза и другие эмиры, бывшие в том городе, решили запереться. Злосчастные узбеки в тот же день обложили крепость со всех сторон и подобно муравьям и саранче двинулись на город. Через несколько дней царевичи отправили к хану послов и просили пощады. После заключения договора, они поспешили ко двору хана и были окинуты взором сострадания и благосклонности. Мирза Мухаммед Заман, испросив увольнение, отправился в Азербайджан, а Феридун Хусейн-мирза без разрешения пошел искать помощи у туркмен йака. После этого (земли) от области Бастама и до края Туркестанской области вошли во владение Шейбек-хана (Мухаммеда Шейбани).

О событиях, которые произошли в 915 г. х. (1509 г.)

104а Когда Феридун Хусейн-мирза услышал, что Шейбек-хан, пойдя на Касим-султана (казахского), потерпел поражение, он ушел от туркмен йака и заполучил себе крепость Келат, а мервский хаким Камбар-бек, с отрядом узбекского войска пошел на Келат, захватил Феридун Хусейн-мирзу и умертвил его.

---

[1] Дашти-и-Зардек, или Чуль-и-Зардек — пустыня между Гератом и Аму-дарьей, к северу от Меручака, в северной части Бадгиса.

О событиях, которые произошли в 916 г. х. (1510 г.) и битва хакана равного Александру (шаха Исмаила) с Шейбек-ханом, узбеком

А Шейбек-хана, несмотря на то, что он, постоянно хвастаясь, говорил, *103б*
что вскоре поведет войско на Ирак и Азербайджан и, завоевав эти страны, устремится на Хеджаз, тогда обуял такой страх, что, еще до того как победоносное (шахское) войско вступило в Сабзевар,[1] он в конце месяца раджаба бежал из Герата в Мерв . . . После его бегства Джан Вефа-мирза *103а*
с людьми из Мавераннахра (узбеками) поспешил (также) вслед за ханом в Мерв. Шейбек-хан, решив запереться, ввел в город народ (живший) за городом и так укрепил стены Мерва, что трудно словом сказать и пером описать. Он отправил (также) посланцев в Самарканд, чтобы призвать Убейд-хана и Тимур-султана . . .

В это время дозорные победоносного (шахского) войска, отправившись в окрестности Джэма, захватили в плен нескольких почетных людей из врагов веры и державы, доставив их к порогу убежища счастья, и допросили о положении того негодного пакостника и злосчастных узбеков. Из признания их выяснилось, что Шейбек-хан бежал в Мерв.

Когда Шейбек-хан узнал о приближении передового отряда победоносного войска, он выслал ему навстречу Джан Вефа-мирзу и Камбар-бека, которые были из его вельмож и эмиров, с отрядом храбрецов. В окрестностях селения Тахир-абад узбеки и кызылбаши сошлись друг с другом и пустили в ход боевое оружие. [Далее сообщается о поражении узбеков и бегстве их в Мерв].

В ту же пору, двадцатого числа месяца ша'бана 916 г. х. (22 ноября 1510 г.), хакан равный Александру (Исмаил) раскинул свой царственный стан под Мервом. Из отважных мужей вышли вперед с отрядом храбрецов Див-султан, румлю, Джайан-султан, устаджлю, Бадинджан-султан, румлю, Зейнал-хан, шамлю и Мирза Мухаммед, талыш, и стали разжигать огонь битвы.

О замысле хакана равного Александру и победа (его) над врагами

Так как благословенный хакан несколько дней осаждал Мерв, а (узбеки) *102б*
не открывали перед ним ворот победы и славы, на драгоценный ум ему пришло отступить на один переход для того, чтобы Шейбек-хан, осмелев, вышел из Мерва, а затем с божьей помощью вернуться обратно и стереть его с лица земли. Одобрив эту мысль, он ее выполнил. В четверг 28 ша'бана 916 г. х. (30 ноября 1510 г.) он выступил из-под Мерва и раскинул стан в окрестностях селения Махмуди, от которого до г. Мерва 3 фарсаха, и пробыл там один день и две ночи.

[1] Сабзевар — центр округа Бейхака, в 106 км к западу от Нишапура, с населением до 40 000 душ; самый важный пункт Хорасана по вывозу в СССР шерсти и хлопка. Описание округа Сабзевар см. Л. Артамонов, op. cit., стр. 220—233.

На другой день он посадил в предмостном укреплении у арыка (селения) Махмуди Эмир-бека мосульского, туркмена, и приказал, чтобы Эмир-бек оставался в предмостном укреплении до тех пор, пока не заметит очертания узбекского войска, а затем обратился бы в бегство и добрался бы до августейшего кортежа, дабы противник, осмелев, переправился через Сиях-аб, который протекал на том пути.

Когда Шейбек-хан узнал об отступлении победоносного войска, он подумал, что его величество обратился в бегство.

102а На утро, в пятницу, с войском (многочисленным), как листва деревьев и капли дождя, он выступил за ворота крепости и, несмотря на то, что у него не было силы сразиться и он не мог оказать сопротивления, он тем не менее бросил предмет своего желания в пасть дракона.[1] Когда он приблизился к селению Махмуди, Эмир-бек, туркмен, с отрядом газиев бросился в бегство. Как молния и ветер, Шейбек-хан переправился через Сиях-аб. Когда он узрел победоносное войско, готовое к сражению, он остолбенел. Мамуш, казий Мансур, все эмиры, начальники и вельможи узбекского народа и около десяти тысяч воинов Шейбек-хана были убиты на поле брани и в других (местах), и в том краю из них никого не осталось. Оправдалось изречение: «которые тиранили других, во что они превратились».

В это время самодержавный хакан равный Александру (Исмаил) обратил благословенные знамена к Мерву и милостиво даровал прощение мервскому народу. Богатства Шейбек-хана, которые тот собирал долгие годы, он роздал в награду эмирам и газиям, а управление Мерва пожаловал Дада-беку. Разослав во все стороны победную весть, он направился в престольный город Герат и остановился там на зимнюю стоянку в тот момент, когда Убейд-хан подходил на помощь Шейбек-хану. Убейд-хан подоспел на помощь Шейбек-хану как-раз тогда, когда узбекское войско рассыпалось. Захватив с собою Могол-ханум (жену Шейбани-хана) он, обманувшись в расчетах и проиграв, отправился в Бухару.

О событиях, которые произошли в 919 г. х. (1513 г.), и второй поход хакана равного Александру (шаха Исмаила) в Хорасан и бегство Убейд-хана

[В этой главе историк сообщает, что 3 мухаррема (11 марта 1513 г.) в день
96а на который падал новый год, между Убейд-ханом и Джани-беком произошла ссора, и оба ушли из-под Герата.[2]] В это время Тимур-султан, перейдя Аму-дарью, подошел к Мургабу, соединился с Убейд-ханом и вместе

---

[1] Т. е. поступил безрассудно. Дальнейший рассказ о сражении отличается от приведенного выше повествования только отдельными деталями, почему и опускается (ср. стр. 51—52).

[2] В 918 г. х. (1512/13 г.) Джани-бек султан и Убейдулла-хан, султаны Мавераннахра, перейдя Джейхун, двинулись на Хорасан и осадили Герат (стр. 211). После двух месяцев осады между Джани-бек султаном и Убейдулла-ханом произошли равно-

с ним отправился на Мешхед. Когда весть об этом дошла до Герата, Хусейн-бек Лала, Байрам-бек, караманлю и Ахмед-бек Суфи-оглы покинули город и через Теббес отправились в Ирак и Азербайджан. Тимур-султан занял Герат и задался целью завоевать весь Хорасан. Узнав об этом, шах Исмаил с многочисленным войском выступил из Исфагана. Со стоянки Кала-и-пуш он послал на Мешхед Халиль-султана, зулькадара. При приближении последнего, Убейд-хан не выдержал и бежал в Бухару. Тимур-султан также отступил в Самарканд, и узбеки полностью очистили Хорасан. Сторонник Тимур-султана и Убейд-хана Абуль-Касим-бахши,[1] пройдя через Бадгис, пытался завладеть Гератом, но принужден был бежать в Гарджистан.[2] Шах Исмаил из Хабушана[3] перешел в Радкан и, вызвав туда Дада-бека, бросившего Мерв в страхе перед узбеками, подверг его унизительному наказанию. Затем войско шаха Исмаила вступило в Бадгис, население которого подверглось истреблению в наказание за убийства кызылбашей, отступавших по той местности после сражения с узбеками. Лето шах Исмаил провел в Баба-хаки, откуда, поручив управление Герата Зейнал-хану, намлю, управление Балха Див-султану и разграбив с помощью Шахрух-бека, афшара, Кандагар, возвратился в Исфаган.

События 927 г. х. (1521 г.), поход Убейд-хана на Герат и его неудача

В указанном году Убейд-хан, перейдя реку Аму, направился на Герат. Правитель Серахской области Сунданг-бек, афшар, в четверг 16 джумади II (24 мая 1521 г.) сообщил в Герат о движении Убейд-хана. Гератцы приго- *86а*
товились к осаде. В субботу тринадцатого числа того же месяца в Герат прибыл Шатир-Абдулла, находившийся в селении Чихиль-духтеран,[4] и доложил о приближении войска Убейд-хана. В воскресенье Убейд-хан с войском через селение Ду-берадеран вступил в Сар-хиябан и расположился около селения Сак-и-Сулейман. Бои под Гератом закончились для Убейд-хана неудачей, и в пятницу 2 раджаба (8 июля) он отступил в Пул-и-Салар, откуда возвратился в Бухару.

гиасия. Утром 3 мухаррема 919 г. х. (11 марта 1513 г.), которое совпало со днем нового года, эти два полководца, сняв осаду, двинулись домой. Но в это самое время Мухаммед Тимур-султан соединился с Убейдулла-ханом в области Мургаба, и оба вождя в согласии друг с другом, направившись в Тус и Мешхед, овладели землями от Мерва до Исфераина. Однако спустя несколько месяцев, передовые части войск шаха Исмаила подошли к Хорасану, и узбеки поспешили уйти в Мавераннахр (Мухаммед Хасан-хан, «Матля-уш-шамс», стр. 210).

[1] По поводу термина «бахши» см. прим. на стр. 578.

[2] Гарджистан — горная область в верховьях Мургаба (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 27).

[3] Хабушан — старое название г. Кучана, в Хорасане — расположен к северо-западу от Мешхеда (В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 62).

[4] Чихиль-духтеран — селение к северу от Герата, на правом берегу р. Кушк, ныне пограничное между СССР и Афганистаном.

О захвате города Туса Убейд-ханом в 932 г. х. (1525/26 г.)

[Рассказывается, что Убейд-хан, узнав о разногласиях среди гератских придворных чинов и о захвате власти родом шамлю, а также об убийстве ходжи Хабибуллы и Бирун-султана, смерти Дурмиш-хана и общей разрухе в Хорасане, перешел р. Аму-дарью и вступил в Мерв. Оттуда он со своим войском пошел на г. Тус, которым завладел после шестимесячной осады. Затем он двинулся дальше на Астрабад.[1]]

О событиях 936 г. х. (1529/30 г.) и поход шаха Тахмаспа в Хорасан

70а [Указывается, что Убейд-хан при приближении шаха Тахмаспа к Герату бежал в Мерв, откуда послал гонцов к правителям Мавераннахра с просьбой о помощи. Правители поспешно собрались в Мерве, но на совете, узнав о многочисленности кызылбашского войска, решили не оказывать сопротивления шаху Тахмаспу, и Убейд-хан принужден был отступить в Бухару, а шах Тахмасп завладел Гератом.]

Битва газиев (иранцев) с узбеками

66б В 938 г. х. (1531/32 г.) отряд узбекских храбрецов совершил набег на область Бастам. Когда Зулькадар-султан, который был правителем Дамгана, узнал о приходе узбеков, он послал к старшинам племен керапли и просил о помощи.

Соединившись с Зулькадар-султаном, они пошли на врагов и вблизи Бастама победоносное войско настигло узбеков и сразу же набросилось на них. Те тоже начали стрелять. В конце-концов на узбекские значки повеял ветер невзгоды и поверг их величие наземь. В тот день Кара Хай-

---

[1] Мухаммед Хасан-хан Сани-уд-доуле по поводу данных событий отмечает следующее («Матля-уш-шамс», т. I, стр. 282): «В 932 г. х. (1525/26 г.) он (Убейд-хан) с бесчисленным войском подступил к Мешхеду и, осадив этот город, взял его; оставив там губернатора, он отправился в Астрабад; в этой кампании произошло известное сражение Зейнал-хана с Убейд-ханом, и кызылбаши потерпели поражение; Убейд-хан после этой победы ушел в Герат. В 934 г. х. (1527/28 гг.) шах Тахмасп I, намереваясь воевать с Убейд-ханом, двинулся в Хорасан и через Кальпуш прибыл в Мешхед. Попросив помощи (у имама Ризы), он двинулся через Джам в столицу Герат. Убейд-хан просил подкреплений у других узбекских ханов и даже у предводителей калмыков, киргизов и казахов, затем переправился через Джейхун в намерении сразиться с шахом Тахмаспом. Историки исчисляют количество войска узбеков от 80 до 100 тысяч человек. Войско же кызылбашей, которым предводительствовал сам шах Тахмасп, состояло не более, чем из 24 тысяч. Таким образом 9 мухаррема 935 г. х. (23 сентября 1528 г.) в Сарыкамыше Джамском произошла встреча обоих неприятельских войск. В день ашуры (10 мухаррема) была начата битва, и в результате этой битвы Убейд-хану было нанесено тяжелое поражение, которое заставило его обратиться в бегство. Войска шаха Тахмаспа из Хорасана возвратились в Казвин».

дер ударами сабли убил великое множество (узбеков), и гази, преследуя врагов, захватили нескольких в плен и отправились к порогу «прибежища мира» (шаху).

Прибытие шаха (Тахмасна) в Герат и бегство оттуда Убейд-хана (943 г. х. — 1536/37 г.)

Захватив Герат, Убейд-хан, после четырехмесячного пребывания там, *56б* предпринял поход с целью завоевания Мешхеда. Дойдя до области Бахарз, он услышал о движении шаха Тахмасна на Герат. Убейд-хан тотчас же повернул обратно на Герат. Сведения о приближении шаха Тахмасна подтвердились также 16 ша'бана (28 января 1537 г.) из сообщения посланного Сунджак Мухаммед-султаном из Мерва человека, со слов захваченных в Дерегезе кызылбашских сторожевых постов. На военном совете Убейд-хан предлагал оказать шаху Тахмасну сопротивление, так как было известно, что кызылбашское войско выступило в поход в середине зимы, претерпело большие лишения в Несе и Абиверде, и его военные припасы погибли. Однако узбекские полководцы воспротивились этому плану и настояли на отступлении. 17 ша'бана (29 января) Убейд-хан необычным путем через Балх отправился из Герата в Бухару.

О событиях, которые произошли в Хорезме и битва Дин Мухаммед-хана, узбека, с полководцами Убейд-хана (945 г. х. — 1538/39 г.)[1]

В этом году хорезмские правители убили султана Омар-гази, и в том краю *56а* распространилась смута. В каждой голове появилось страстное желание царствовать и всякий пытался проявить свою силу. Люди, не имеющие за собой ничего, протягивали руки из рукава насилия.

Разного рода бедствия постигли жителей. Сыновья Суфиян-хана — Юсуф-султан, Али-султан, Пехлеван-кули-султан и Акиш-султан — завладели Хорезмской страной. Омар-гази, сын Султан-гази, который был племянником Барак-хана с материнской стороны, бежал в Ташкент и просил помощи у Барак-хана. Барак-хан вместе с Убейд-ханом мавераннахрским, с войском, силою вторглись в Хорезм. Великий ужас обуял Юсуф-султана. Братья его с огромным войском присоединились к нему, и они вместе направились в Ургенч. На берегу р. Аму-дарьи с ними сошлись полководцы Убейд-хана и Барак-хана, и между ними завязалась тяжкая битва. Полководцы Мавераннахра бежали, и, хотя вследствие этой смелости силы противника пошатнулись, он все же не отказался от приготовлений к войне. Убейд-хан, оставив своего сына Абдул-Азиз-султана в Ургенче вместе с Барак-ханом и Абдул-Латиф-султаном, направился в Мавераннахр. Около этого времени Дин Мухаммед и Олюм-хан, которые

[1] Более подробный рассказ об этих событиях см. у Абулгази, texte, p. 225—237; также перевод Саблукова, стр. 195 и сл.

управляли Несой и Абивердом со стороны шаха Тахмаспа,[1] пришли на помощь Юсуф-султану, и Дин Мухаммед, обманув узбеков, распустил слух, что пришло кызылбашское войско, и вместе с ними окружил город.

Абдул-Азиз-султан послал Убейд-хану гонца с известием об этом событии и просил помощи. Убейд-хан перешел р. Аму-дарью, и хорезмские султаны, снявшись из-под Ургенча, рассеялись по сторонам. Убейд-хан вошел в город. Завладев этим местом, он вверил управление городом одному из своих эмиров и пошел в Бухару. Когда он дошел до Хазараспа и услышал, что Дин Мухаммед-султан напал на селение Хивак[2] и поднял знамя сопротивления, вспыхнуло пламя его гнева, и он послал Дервиш-бия с многочисленным войском, под звуки труб, в Хивак.

С этой стороны навстречу противнику двинулся Дин Мухаммед-султан вместе с туркменами йака и али-эли. В четырех фарсахах от видневшегося как на ладони Хазараспа, где протекал арык, сближение обеих сторон завершилось встречей. Юсуф-султан, который составлял передовой отряд войска Дин Мухаммеда, напал на Караджа-бехадура, не помышлявшего о битве, захватил его с многочисленными людьми в плен и, преследуя отряд, направился к концу арыка. Полководцы Убейд-хана, заняв предмостное укрепление, открыли стрельбу, затрубили в трубы и стреляли изо всей мочи . . . Безмерный ужас обуял туркменов йака, и они, захватив с собою значок Дин Мухаммеда, обратились в бегство. Акиш-султан, бросившись вперед, ударами сабли повернул их обратно. В это время Юсуф-султан, последовавший за беглецами, вступил в бой и разом поскакал на эмиров Убейд-хана. Солнце счастья противника склонилось к закату, и он обратил лицо несчастья в долину бегства. Из великих полководцев Убейд-хана были захвачены в плен Лятиф-мирек, Шейх Назар, Таджи-бехадур тäвäджи-баши, Караджа-бехадур-векиль и Хафиз, из конгратов.[3] Когда Дервиш-бий-векиль и Кёпек-султан отступили и Убейд-хан в Хазараспе услышал эту весть, он сел на верблюда и бежал в Бухару. Когда свершилась такая победа Дин Мухаммеда на счастье победоносного падишаха (Тахмаспа), он послал эту весть шаху. Гонец, прибыв ко двору шаха прибежища мира в Тавриз, подробно поведал о событии, и его величество чрезвычайно обрадовался, послал Дин Мухаммеду почетные халаты и пожаловал ему царскую грамоту брать ежегодно с Сабзевара по триста тавризских туманов.

О восстании туркмена Аба и убийстве Шах-верды-султана

356 В 957 г. х. (1550 г.) восстали йака туркмены, а причина их непокорности следующая. Шах — прибежище веры (Тахмасп) — после смерти Шах Али-султана пожаловал управление Астрабадом Шах-верды-беку Качаль.

[1] Эти города с прилегающими областями были им пожалованы в 943 г. х., когда они явились ко двору шаха Тахмаспа с изъявлением покорности.

[2] В тексте خنوق, что следует признать явной ошибкой переписчика.

[3] О нем см. также Абулгази, texte, p. 227—228, в переводе Саблукова, стр. 200—201.

Люди туркменского племени йака прибыли к этому глупому эмиру с обильными дарами. Некий юноша по имени Аба был сердаром рода охлу (из этого племени). Был он весьма красив и пригож, и Шах-верды-бек проявил к нему любовь и страсть. Служба Аба от такого положения стала неудобной. В полночь он бежал из Астрабада и направился в свой улус. Он убил Шатыр-бека, родственника Шах-верды-бека, который с некоторых пор был правителем (даруга) туркменского народа, и поднял восстание. Когда эта весть дошла до Шах-верды-бека, он вознамерился совершить набег на туркменское племя и отправился (в путь.) Когда он дошел до тех мест, он с пятью—шестью слугами взошел на холм и все свое войско отправил в набег. В это время туркмен Аба с отрядом смельчаков настиг Шах-верды-бека и его убил. Находившиеся при Шах-верды-беке люди, занимавшиеся насилием, услыша такую весть, бежали. Когда это известие дошло до Дамгана, эмир Гейб-бек, правитель той области, поспешил в Астрабад и встал на его защиту.

О событиях 962 г. х. (1554/55 г.) и посылка шахом (Тахмасном) полководцев на туркмен йака

236

В этом году пришло известие, что Аба, туркмен племени йака, мятежа ради, воссел на коня, замышляет кровопролитие, «добивается смуты и предается пустым бредням». Поэтому шах (Тахмасп) отправил в Астрабад Кокча-султана, каджара, Али-султана Таты-оглы, зулькадара, с отрядом храбрых латников. Они вместе с Черендаб-султаном, шамлю, и Мустафа-бек Варсаком поспешили к кочевью туркмен йака. Захватив их становище, они подняли знамя победы. Через несколько дней туркмен Аба с большой силой, подойдя к лагерю Черендаб-султана, поднял военный клич. Хорошо вооруженные газии, истинные храбрецы, ни мало не смутились, стрельбой из луков и ружей нанесли поражение противнику. В это время Сейф-бек, баят, вышел из лагеря Кокча-султана в сторожевое охранение. Туркмен Аба с большим войском настиг его и после упорной битвы захватил его в плен. Кокча-султан и великие эмиры поспешили вслед за туркменом Аба, а он из страха перед саблями газиев снялся с места, как ветер понесся по равнинам и, нигде не останавливаясь, (добрался) до правителя Хорезма Али-султана и просил помощи. Али-султан с огромным войском двинулся на эмиров. Когда оба жаждущих битвы войска приблизились друг к другу, узбек Али-султан, послав эмирам нескольких лошадей, выразил дружбу. Эмиры тоже одарили почетными халатами его слугу и послали его обратно. После примирения Кокча-султан, каджар, отправился в последний путь (умер), а другие эмиры пошли в свои края.

События 965 г. х. (1557/58 г.) и битва эмиров с туркменом Аба

20а

В этом году туркмен Аба с отрядом вероломных людей прибыл в Астрабадскую область и отдал приказ об ее разграблении. Войско этого человека приступило к погрому. Пушки страха и боязни сломили силу сопротив-

ления Ибрахим-хана и выстрелы ужаса разбили вдребезги щит его сил терпения, и он довел до сведения шаха (Тахмаспа) о слабости и немощи своего положения. Поэтому был издан указ, чтобы Шах-кули-халифе, хранитель печати, и Бедр-хан, устаджлю, поспешили в Астрабад и отразили Аба. Согласно указу, они ночью второго числа месяца ша'бана (20 мая 1558 г.) выступили с огромным войском из Казвина. К ним присоединились прочие эмиры, как-то: Ядгар Мухаммед-бек, туркмен, Хасан-бек Бек-оглы, Касим-бек Дугум-оглы и Ахмед-бек Кая-оглы и отправились в Астрабад. Когда туркмен Аба услышал об их движении, он бросил свое становище и обратился в бегство. Газии разграбили его улус и там остановились. В это время появился туркмен Аба с отрядом «злосчастных глупцов»[1] и вступил в бой. Так как дышащие местью воины спешили изо всех сил, кони их притомились. . . Поэтому пыл битвы затянулся до ночной поры. Когда Аба стало ясно, что он не сделает дела, он поспешил отступить назад и, захватив идущий по дороге караван мулов, направился в свой лагерь. На другой день, собрав войско той округи, он вступил в бой. Так как кони газиев отдохнули, газии сразу же вскочили на коней и бросились на него. Аба с большим трудом спасся от слуг газиев и обратился в бегство. От этой битвы в душу туркмен запало опасение, и они, направившись в Хорезм, прибыли к Али-султану и просили у него помощи. Шахские полководцы поспешили за туркменами. В тех степях пшеница от солнечного зноя сгорала в колосьях и жало скорпиона становилось (твердым) как сердолик. . .

196 Во время преследования у Шах-кули-халифе, хранителя печати, бывшего предводителем войска, случились рези (в животе), и ночью 13 рамазана (29 июня 1558 г.) он скончался. Полководцы не слушались Бедр-хана и каждый действовал по-своему. Через несколько дней, когда сжигающее мир войско набегами и грабежами туркменских улусов утомило своих коней, пришло известие, что Али-султан, брат Дин Мухаммеда, забыв милости шаха (Тахмаспа), с огромным войском отправился на помощь туркмену Аба с намерением сразиться. Бедр-хан, проведав об этом обстоятельстве, двинулся навстречу, чтобы на них напасть. Али-султан из-за крайней слабости вырыл рвы вокруг лагеря и, разложив наполненные песком мешки, положив наземь верблюдов и расставив мушкетеров, создал сильное укрепление. Эмиры начали сражение. Цепкорукие удальцы и славные безупречные храбрецы бросились вперед, и воспылал огонь битвы. Когда газии добрались до валов, узбеки их встретили стрелами и ружейными пулями . . .

В это время туркмен Аба[2] с двумя сотнями смельчаков зашел в тыл войску. Сколько ни говорили полководцы Бедр-хану, чтобы он приказал

---

[1] О классовом значении подобного рода выпадов со стороны придворных историков см. вводную статью П. П. Иванова и А. К. Боровкова, стр. 37.

[2] Абулгази, также дающий описание этого сражения, называет этого туркмена Аба-беком (см. перев. Саблукова, стр. 217; ср. также помещенный ниже рассказ Искандера Мунши о том же событии, стр. 69 и сл.).

выслать отряд для отражения, он не соглашался. Туркмен Аба, зайдя с тыла, начал стрелять. Войсковая прислуга от туркменских выстрелов бросилась к всадникам и расстроила центр. В это мгновение Рустем-бек, афшар, с отрядом газиев прорвался сквозь валы в середину узбекского лагеря. Али-султан испугался и вознамерился бежать, но случайно Рустем-бека поразила насмерть пуля, узбеки осмелели и внезапно обрушили на газиев (дождь) выстрелов. Так как эмиры выступили без. . .[1] мушкетеров, они потерпели поражение, бросились к р. Гюрген и великое множество (людей) утонуло в пучине небытия. Вода — причина жизни, стала причиной их гибели. . . Около тысячи удальцов повалились наземь в крови. Множество коней с поступью корабля и злых как драконы, с золочеными седлами и цветными чепраками, освободившись от руки хозяина и ноги всадника, бродили по той степи. Ибрахим-хан и некоторые всадники были убиты. Бедр-хан и Ядгар Мухам- *19а*
мед-бек, туркмен, были захвачены в плен. Хасан-бек Бек-оглы и Махмед-бек Кая-оглы[2] и некоторое число всадников вышли невредимыми и прибыли в Дамган. Али-султан с того самого места возвратился обратно в Хорезм.

Убийство туркмена Аба

Когда туркмен Аба вышел победителем над газиями, он женился на дочери ходжи Мухаммеда, сына ходжи Музаффара-битикчи. Слуги ходжи Мухаммеда перешли к туркмену Аба и стали служить ему. В ту пору они согласились с госпожей его убить. Аба проведал об этом, призвал к себе Мухибб-Али и его товарищей и сказал им: «Вы согласились между собой меня убить. Скоро вы подвергнетесь моему гневу». Они из страха за свою жизнь поклялись, что известие, которое он слышал, не верно. Потом, боясь и трепеща, вышли от него и поведали его жене о том, что он сказал. А та львица им ответила: «Приготовьте нескольких лошадей в таком то-месте, войдите в дом и покончите с делом этого простофили». И в ту же ночь они подошли к палатке Аба; стража, закутавшись головой в войлоки, была погружена в сон. Они по именам стали называть, кому из них пойти устранить этого человечишку. Мухибб-Али из крайней удали и отваги вошел в шатер и, найдя Аба спящим, ударом сабли отрубил ему голову. Захватив с собою голову и ту женщину, он прибыл в Астрабад. Голову ту привезли ко двору победоносного падишаха.[3]

События 969 г. х. (1561/62 г.)

В этом году Али-султан, узбек, произвел набег на некоторые области Хорасана и вернулся в Хорезм. В этом же году Казак[4] послал своего брата

---

[1] Неразборчивое слово.

[2] В тексте, повидимому, ошибочно «Мухаммед».

[3] Эпизоды с туркменом Аба изложены В. В. Бартольдом («Очерк истории туркменского народа», стр. 48) по Искандеру Мунши (см. ниже) и Абулгази.

[4] Сын Мухаммед-хана Шараф-уд-дин-оглы, градоправителя Герата, умершего в 964 г. х. После смерти последнего, должность градоправителя шах Тахмасп передал его сыну Казаку (там же, стр. 20а).

Хусейн-кули-бека с большим войском в набег на области Несы и Абиверда. Опустошив те места и захватив много овец и имущества, они вернулись обратно в Герат. Но около тысячи лошадей в том походе погибли.

Разные события

13а В 972 г. х. (1564/65 г) Пехлеван Камари сдал в руки великих газиев крепость Хамушан. Подробности вкратце таковы. До этого Али-султан завладел этим городом. В этом году Мир-Шахрияри, оставив там нескольких именитых людей, отправился на службу Али-султана. В его отсутствие Пехлеван Камари запер ворота. Убил нескольких из его людей, вывел отряд (войска) и послал ключи крепости ко двору шаха. Али-султан со множеством узбеков подошел к крепости, (но) без того, чтобы вступать в бой, возвратился в свой края. Шах пожаловал ему область Келидар.

События 973 г. х. (1565/66 г.) и осада эмирами крепости Абиверд

Когда наступила весна. . . кызылбашские полководцы оставили в Герате [1] эмира Гейб-бека и подняли знамя похода на Абиверд. Абуль-хан узнал о приближении победоносного войска и понял, что не имеет силы сопротивляться. Поневоле, охраняя свою честь, он перешел вброд поток и заперся в крепости Абиверд. Высокопоставленные полководцы вознамерились овладеть крепостными башнями. Подойдя к крепости, они начали осаду и сражения. Узбекское войско тоже оказало сопротивление. Абуль-хан убедился воочию в слабости и шаткости своего положения, и его сердце обуял великий ужас и страх. Он раскаялся в набеге на Хорасан и послал к полководцам послов, чтобы они чарами красноречия развязали узел страха сердца и остроумной хитростью поймали птицу прощения. Он просил пощады и клялся, что впредь бросит набеги и ежегодно будет присылать к царскому двору дары. На этом основании полководцы удалились от крепости и отправились к порогу прибежища мира (шаха).

События 974 г. х. (1566/67 г.). Об отправлении шахом султана Мухаммед-мирзы для управления Гератом

12б [В этой главе историк сообщает, что Искандер-хан, правитель Бухары, услышав о назначении султана Мухаммед-мирзы правителем Герата, вторгся в пределы Хорасана. Султан Мухаммед-мирза укрылся в замке Турбет и был там осажден старшим сыном Искандер-хана Абдулла-ханом. После неудачной осады узбекское войско отступило, и Абдулла-хан начал обратное движение в Бухару. Когда они (узбеки) остановились на Мургабе, то разрушили плотину. Снявшись с места, они отправились в Бухару. Царевич, освободившись от кольца осады, направился в Герат.]

---

[1] После подавления восстания Казака, подробности о котором нами опускаются.

БОРЬБА МЕЖДУ ИРАНОМ, ХИВОЙ И БУХАРОЙ И УЧАСТИЕ В ЭТОЙ БОРЬБЕ ТУРКМЕН

(Извлечения из „Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси“[1] Искандера Мунши)

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

О том, как султаны-чингизиды пришли к шаху (Тахмаспу I)[2]

Из знаменитых султанов, принадлежащих к высокому роду Чингиза, 79
первыми к шахскому двору прибыли Дин Мухаммед-хан,[3] сын Аванеш-хана и Али-султан, его брат. Они были потомками Шейбана, сына Джучи, сына Чингиз-хана.[4] В 943 г. х. (1536/37 г.), когда шах в четвертый раз повел войско в Хорасан с целью дать отпор Убейд-хану,[5] они удостоились высочайшего приема. Области Неса, Абиверд и зависящие от них местности были поручены Дин Мухаммед-хану, и, благодаря шахской милости, он и его брат получили полную власть в указанных провинциях. Со дня на день степень их значения и положения повышалась, и мало-по-малу Али-султан стал господином всей области Ургенча. На первых порах, неукоснительно идя дорогою преданности, они старались честно служить хану. В 945 г. х. (1538/39г.), когда Убейд-хан стал господствовать над городами Хорезма, он отдал эту область своему сыну Абдул-Азиз-султану и султанам, своим родственникам. Убейд-хан еще находился в г. Везире, когда Дин Мухаммед-хан с отрядом узбеков и йака-туркмен, ургенчских подданных, пошел войной на военачальников и султанов Убейд-хана. Захватив много корон и понадевав их на головы узбеков, Дин Мухаммед-хан распустил слух о помощи, приближающейся со стороны кызылбашей.

---

[1] Речь идет о шахе Аббасе I — пятом шахе Ирана (1587—1628 гг.) из династии сефевидов. В длительной борьбе, которую пришлось выдержать иранцам и на востоке и на западе их государства, Аббас I проявил себя как выдающийся политический и военный деятель. Большую угрозу для иранского государства на востоке представляли узбеки, достигшие в это время значительной мощи и овладевшие к концу правления хана Абдуллы почти всем Хорасаном, но победой вблизи Герата в 1587 г. шаху Аббасу удалось ослабить напор узбеков и оттеснить их почти до рубежей Хорасана. (Enzyklopeadie des Islâm, B. I, 1913, SS. 7—8; Sir Percy Sykes. History of Persia. 2d ed., London, 1921, vol. II, chapter LXIII, pp. 172—183).

[2] Тахмасп (1524—1576 гг.), сын шаха Исмаила, основателя династии сефевидов.

[3] Дин Мухаммед с своим братом Али-султаном искали помощи против Убейдуллы-хана бухарского. По словам Абулгази, Дин Мухаммеду удалось изгнать бухарские войска с помощью туркмен племени адаклы-хызыр, которым он обещал освобождение от податей и равные с узбеками права (Абулгази, texte, p. 225; В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 48).

[4] Более подробные данные о всех хивинских («ургенчских») правителях, упоминаемых настоящим автором, см. Абулгази, texte, p. 220 и сл.; также перевод Саблукова, стр. 177 и сл.

[5] Об этом см. выше, стр. 59, события 943 г. х.

В сражении, которое произошло между противниками, военачальники Убейд-хана понесли поражение. Несколько человек из важных лиц было взято в плен и большое количество было убито. После этого поражения Убейд-хана охватила такая растерянность и беспокойство, что он из г. Везира убежал верхом на верблюде в Бухару и от этой неприятности в том же (1539 г.) году умер. Абдул-Азиз-хан сделался падишахом в Бухаре вместо своего отца. Что касается Дин Мухаммед-хана, то он послал шаху пленников и головы убитых, чем и доставил шахскому сердцу удовольствие и радость. Шах послал Мухаммед-хану почетный халат и ежегодно жаловал ему в награду сумму в 300 туманов. Некоторое время оба брата оказывали шаху полное повиновение. Их посланцы постоянно приходили к шаху, и при дворе с ними обходились заботливо и любезно.

О Юнус-хане, правителе Хорезма, и Пехлеван-кули-султане, его брате

80 Когда Дост-хан, начав с ними войну, завладел их государством, Юнус-хан вместе со своим братом искал убежища у подножия шахского трона. В 964 г. х. (1556/57г.) они прибыли в шахскую резиденцию, находившуюся в Казвине, и были удостоены приема у его величества.

Что касается Дин Мухаммед-хана и Али-султана, то под конец тот и другой брат за поддержку и милости шаха проявили черную неблагодарность. Повинуясь пороку упрямства и гордости, они в удобный момент делали набеги на пограничные районы Хорасана и Астрабада. Дин Мухаммед-хан как-то раз повел войско в Астрабадскую провинцию в 950 г. х. (1543/44 г.), когда правителем Астрабада был Садр-уд-дин-хан, устаджлю. Садр-уд-дин-хан, устаджлю, не считая выгодным принять сражение в открытом поле, предпочел засесть в городской крепости. Дин Мухаммед-хан, пытавшийся осадить крепость и город, вернулся обратно. В другой раз Дин Мухаммед-хан, дойдя до окрестностей Мешхеда, воротился ни с чем, затем отправил послов к шахскому двору и принес извинения. Поэтому после его Абуль-Мухаммед-хан, его сын, был удостоен милостивого внимания и расположения шахского; точно таким же образом и ему были переданы и страна, и дары, получаемые его отцом. Он также несколько раз вступал на путь мятежа и неповиновения шаху. Для того, чтобы наказать его, по высочайшему повелению был назначен Ма'сум-бек Сефеви с несколькими военачальниками, среди которых был также и султан Ибрахим, сын Бахрам-мирзы. Абуль-Мухаммед-хан засел в крепости Абиверда и некоторое время подвергался осаде. Но под конец он попросил сострадания и дал клятву, что на будущее время он не провинится в подобного рода поступках. Упомянутый мирза и военачальники доложили шаху о положении дел и, согласно шахскому приказанию, сняли осаду и отвели войска.

Однако Али-султан, брат Дин Мухаммед-хана, был человеком с дурным характером и неблагодарным. В короткое время он возгордился, составил

о себе высокое мнение; натура, склонная ко злу, и необузданные страсти толкнули его на сопротивление и мятеж, и он стал делать нападения на границы Хорасанской области. При помощи злосчастных смутьянов сияхпушей и бунтовщиков (туркменского) племени охлу[1] он несколько раз приводил войска в пределы Астрабада и подымал смуты и мятежи в этой провинции. Однако заботою и с помощью шахских победоносных войск причиненное им зло было устранено. В результате он не принес себе ничего, кроме вечного ущерба, как это станет очевидным в следующей главе. Теперь же будет ко времени и месту дать некоторые сведения о состоянии Астрабада и изложить события, происшедшие в этой стране.

Изложение событий в Астрабаде, повествование о Мухаммеде Салихе, битикчи, и о восстании Аба (из племени) охлу[2] при помощи хорезмских узбеков

Столица Астрабад в прежние времена была местопребыванием правителей Джурджана и Табаристана. Хотя в своем большинстве население этого города — люди добронравные, чистые сердцем и осторожные в поступках, тем не менее они не свободны от искушений, страстей и брожения духа. Очевидно, воздух джурджанских рощ и гор создает потребность в волнениях. Некоторая часть астрабадского населения, называвшая себя сияхпушами, благодаря склонности к заблуждениям, повредилась в уме и привела «товар собственного благополучия к застою». Другая же часть населения состоит из заядлых бунтовщиков того края; они принадлежат к (туркменскому) племени саинхани, среди большинства известны под именем йака-туркмен и находятся в зависимости от хорезмских султанов. По своей страсти к непокорности и своеволию они перебрались в широкие и просторные астрабадские степи и поселились между р. Гюргеном и Атреком. Они причиняли вред и неприятности иранскому государству; по этой причине та область страдала от смут, а ее правители были постоянно заняты войнами. Но благодаря энергичным усилиям шахского правительства, в настоящее время «пыль от смуты улеглась», и оба племени живут спокойно. 81

Сказать короче то, что произошло во времена шаха (Тахмаспа I), заключалось в следующем. В 944 г. х. (1537/38 г.), когда победоносные шахские войска, отнявшие Хорасанскую провинцию от Убейд-хана, двинулись в Ирак, племянник ходжи Музаффара, битикчи, Мухаммед Салих, глупый по природе и склонный сеять смуты под влиянием «вина своеволия», помутившего ему рассудок, перестал оказывать должное повиновение государству. В нелепом желании обладать верховной властью он набрал астрабадских сияхпушей и, овладев несколькими местечками, положил, таким образом, начало неповиновению. Он послал своих людей к Омар-гази-

[1] У Абулгази о к л ы или о к л ы - г ӧ к л е н — повидимому как подразделение племени гӧклен.

[2] В тексте ошибочно Айя.

султану, сыну Султан-гази и племяннику Барак-хана, правителя Ташкента и городов Ферганы. Омар-гази-султан в то время с помощью дяди завладел Хорезмом. Мухаммед Салих искал сближения с ним и просил у него помощи. Слушая речи этого глупца, Омар-гази-султан с незначительным войском двинулся на Астрабад, а Мухаммед Салих со своими сияхпушами вышел из джурджанских лесов и соединился с ним. Садр-уд-дин-хан, устаджлю, который в описываемое время был правителем Астрабада, получил сведения о союзе и соединении узбеков с сияхпушами. Так как он не считал себя достаточно сильным для сопротивления, то по соображениям благоразумия и опыту в подобного рода делах, он отступил от Астрабада в Бастам и доложил его величеству о положении вещей. Мухаммед Салих, найдя область оставленной, вошел в город и в расчете на поддержку узбеков начал управлять Астрабадской провинцией. Он раздавал подарки, делал богатые дары и достойные подношения правителю Хорезма и его служащим. Омар-гази-султан, оставив за ним власть в Астрабадской провинции, возвратился в Хорезм.

После его ухода Мухаммед Салих, в опьянении собственной беспечностью и спесью, безрассудно «разостлал ковер падишахской власти». Мания верховной власти и самостоятельности окончательно овладели им. День и ночь он проводил время в празднествах и наслаждениях. В течение одной недели, находясь в беспрабашной гульбе и непробудном пьянстве, в бесчувствии от музыки и вина, он раздарил товарищам по вину и глупости полные жителей города и распределял области по числу находившихся при нем приспешников, которые не взвешивали последствий своих поступков.

Когда (Тахмаспу) был сделан доклад об упомянутом происшествии, он приказал Эмир-султану, румлю, Шах Али-султану, устаджлю, и Хасан-султану, шамлю, взять некоторое количество войск и итти на помощь Садр-уд-дин-хану. Садр-уд-дин-хан еще до прибытия главных военачальников получил сведения об уходе Омар-гази-султана, а также о беспечности и безумствах Мухаммед Салиха. Он сделал из Бастама форсированный марш с отрядом испытанных воинов и явился в Астрабад. Был священный месяц рамазан. В эти святые дни Мухаммед праведный (Салих) с грешной братией (талих)[1] находился в таком состоянии безумия от чрезмерной самонадеянности и так небрежно относился к государственным делам, что только тогда узнал о вступлении в город войска кызылбашей, когда вместе со своими товарищами услыхал треск барабанов и звуки труб и зурн воинов. Пораженные и перепуганные они бросились в лесные чащи. Некто по имени Шахверды-бек, юноша из племени кенкерлю, из отряда Садр-удин-хана, поймал Мухаммед Салиха и доставил его хану, за что получил денежное вознаграждение и поощрительное отличие. Садр-уд-дин-хан послал пленника кшаху, и в Тавризе он был представлен шаху. Согласно шахскому приказанию

[1] Игра слов. О восстании Мухаммеда Салиха см. также ркп. Е 6, л. 26б.

Мухаммед Салиха опустили в хум,[1] втащили на верх Бусрийского минарета и сбросили вниз...

Другим событием, которое произошло в Астрабаде, нужно считать нашествие Али-султана узбекского. Первый случай относится к 955 г. х. (1548/49 г.), когда он, уже владея некоторыми областями Хорезма, явился в Астрабад с 6000 узбеков. Шах Али-султан, устаджлю, который был астрабадским губернатором после Єадр-уд-дин-хана, выступил со своим войском для сражения с ними, и на виду у самого Астрабада произошло ужасное побоище. Воины устаджлю показали себя достойными мужами и одержали победу. Они преследовали толпы неприятеля от Гумбед-и-Кабус,[2] перебили множество бежавших и головы их послали в шахскую резиденцию. 82

Другое же происшествие заключалось в том, что в 957 г. х. (1550 г.), когда Шах Али-султан умер и управление Астрабадом было поручено Качаль Шах-верды, устаджлю, толпа йака-туркмен подняла бунт. Причиною их бунта послужило то обстоятельство, что, когда Качаль Шах-верды был назначен на управление и предводители племен йака-туркмен пришли к султану (Качаль Шах-верды) с приветствиями и поздравлениями и принесли ему подарки, в числе этих предводителей был один из племени охлу по имени Аба,[3] молодой человек в расцвете юности, красивой наружности, очень миловидный и изящный. Шах-верды-султан из всего общества предводителей сделал предложение остаться только Аба и объяснился ему

---

[1] Большой глиняный кувшин.

[2] Гумбед-и-Кабус — десятигранная башня с коническим куполом, находящаяся на южном берегу р. Гюргена, около 50 англ. миль к северо-востоку от Астрабада. Из куфической надписи на этой башне видно, что она служила гробницей правителя из местной династии Зияридов (316—434/928—1042) Кабуса ибн Вушмгира (366—403/976—1012) и была построена еще при его жизни в 397 (1066/7) г. х. (по Rabino — в 399 г. х.).

Башня является единственным уцелевшим зданием столицы Зияридов Гургана (у арабов Джурджана), в то время первого по величине города в прикаспийских областях, разрушенного впоследствии (в XIII в.) при монголах. С начала нынешнего столетия здесь у башни основался туркменский аул с тем же названием; пункт этот стал приобретать торговое и политическое значение, население его стало пополняться русскими, и здесь было открыто русское консульство. В настоящее время Гумбед-и-Кабус, лежащий на шоссейной дороге, соединяющей новый порт на Каспийском море Бендер-и-Шах с Буджнурдом, в 290 км от последнего и в 108 км от упомянутого порта, являясь торговым и административным центром Атабайского района, населенного туркменами рода атабай; сюда же, как к центру, стал тяготеть район, расположенный к северу и северо-востоку и населенный туркменами племени гёклен, после упразднения власти местного феодала, ильхани Бурджнурда, казненного Риза-шахом.

В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 80. H. L. Rabino. Mázandáran and Astarábád, p. 87. E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, S. 12. Сборник Консульских докладов. Северная Персия, 1933, стр. 12, 34.

[3] В тексте везде ошибочно Айя. См. пересказ этого события в сравнении с изложением его у Абулгази в «Очерке истории туркменского народа» В. В. Бартольда (стр. 48).

в любовных чувствах. Это происшествие получило огласку среди туркмен. Из страха дурной репутации Аба, не спрашивая дозволения у Шах-верды-султана, ночью сел на лошадь и появился среди своего племени.

Чтобы устранить подозрение со стороны родственников, он поднял бунт и убил родственника Шах-верды-султана, некоего Шатыр-бека, который был «даругой» у туркмен. Султан отправился наказать и проучить их. Достигнув становища племени охлу, он отдал отряду приказ напасть на это племя и произвести погром. В то время, когда Шах-верды-султан с несколькими из своих приближенных, взобравшись на вершину холма, наслаждался зрелищем грабежа, упомянутый Аба с отрядом туркмен, подобно нежданной беде, появился перед султаном и убил его. Воины устаджлю, узнав об убийстве султана, обратились в бегство и прибыли в город. Эмир Гейб-султан, устаджлю, который был правителем Дамгана и Бастама, услыхав весть об этом, форсированным маршем направился в Астрабад и принял меры к охране города. Затем он довел до сведения шаха о положении вещей. Когда шах узнал о том, что племя охлу взбунтовалось и что подстрекателем к бунту был Аба, им для подавления смуты того мятежника были командированы в 962 г. х. (1554/55 г.) Кокча-султан, каджар, Али-султан Тати-оглу, зулькадар, Черенадаб-султан, шамлю, и Мустафа-султан Варсак. После того как они прибыли к месту назначения, Аба, не имея возможности оказывать сопротивление шахскому войску, бежал в Хорезм и стал просить помощи у Али-султана узбекского. Али-султан, увлеченный мыслями о нападении и добыче, отправился в Джурджан с большим войском. Но когда он приблизился к лагерю военачальников и добыл сведения о численности и качестве войска кызылбашей, ему пришлось раскаяться в том, что он пришел. Он завел речи о дружеских отношениях, и с той и другой стороны были сделаны взаимные подарки и подношения. Договор заключался в следующем: Али-султан обязался в том, что Аба на будущее время, оставшись при своем, не будет выходить из рамок лояльности, а военачальники обязались не причинять ему никакого вреда. После заключения мира и клятв Али-султан возвратился в Хорезм. Кокча-султан в этом походе умер. Остальные военачальники разошлись по своим областям.

После того как упомянутый Аба составил себе имя благодаря этим смутам и бунтарским выходкам, он стал домогаться превосходства над своими родственниками. В 965 г. х. (1557/58 г.), когда Ибрахим-хан, зулькадар, был назначен управлять Астрабадом, Аба, собрав толпу непокорных туркмен, окончательно захватил Астрабадскую область. Ибрахим-хан, не имевший силы оказать ему сопротивление, донес шаху о туркменском бунте. В то время его величество пребывал в своей резиденции Казвине. Он назначил главнокомандующим Шах-кули халифе-и-мухрдара,[1] зулькадара, с кучкой из выдающихся военачальников в роде Бедр-хана, устаджлю, Ядгар Мухаммед-султана, тархана туркменского, Рустем-хана

[1] См. выше, стр. 50.

афшарского и других и послал на помощь Ибрахим-хану с наказом принять все меры, чтобы уничтожить Аба. Военачальники, построив войско согласно надлежащим военным правилам, вошли в Астрабадскую область, соединились с Ибрахим-ханом и, сообща сделав наступление на этого предводителя мятежников, привели туркмен в полное смятение. Аба, не имея силы устоять перед противниками и бросив свои палатки, обратился в бегство. Воины, разграбив его улус, остановились лагерем в той местности. 83
В этот момент Аба, появившийся вместе с отрядом туркменских мятежников, вознамерился вступить в бой; тогда шахское войско также построило ряды, и они завязали сражение. Но так как вследствие ускоренного марша и жары лошади воинов утратили способность двигаться и в своей неподвижности были подобны коням шахматной доски, то сражение с туркменами затянулось до ночи. Когда же наступила ночь, противники прекратили сражение и расставили караулы. На другой день Аба с отрядом племени охлу явился на место боя. После многократно повторявшихся атак, произведенных с обеих сторон, Аба почувствовал свою собственную слабость и силу войска кызылбашей. Убедившись, что ему не выиграть сражения, он отступил, направившись в Хорезм.

Военачальники, преследовавшие его, скакали до Атрека. В раскаленном воздухе этой пустыни у Шах-кули-халифе, главнокомандующего войском, сделались неожиданные спазмы живота, и он умер. Остальные военачальники, не подчинившись верховному командованию Бедр-хана, поступали всяк по своему усмотрению, рассыпались в разные стороны, нападали и грабили и вследствие непрекращавшегося рыскания и скачек привели своих лошадей в негодное состояние. В это самое время воины, державшие караулы, принесли сообщение, что Али-султан узбекский, вторично обратившись к вражде и коварству, прибыл со своим войском на помощь Аба. Бедр-хан, ни минуты не медля, вскочил на коня и поспешил прямо навстречу узбекскому войску. Али-султан, побаиваясь неустрашимых кызылбашей, позаботился о мерах предосторожности и прорыл ров вокруг своего лагеря. Затем, укрепив ров, он возвел еще нечто вроде крепости.[1] Шахские воины, приблизившись к линии рва, пошли на приступ, а узбеки, находившиеся за укреплениями рва, осыпали воинов ружейными пулями. В то время как кызылбаши были заняты сражением с узбеками, Аба появился в тылу противника с отрядом в 200 человек. Сколько военачальники ни говорили Бедр-хану, что неприятель «откроет ворота коварства и хитростей», сколько ни убеждали его послать отряд для защиты тыла войска от вредных последствий коварства и хитрости Аба, он не счел эти речи заслуживающими внимания, не придавая противнику никакого значения, и сражался с узбеками до тех пор, пока Аба не появился в тылу у конюших и стремянных и не запер лагерную прислугу. Последние, смешавшись,

[1] Дальнейшее описание сражения совпадает с тем, что рассказано в Ахсан-ут-таварих, ср. стр. 62—63.

в страхе перед туркменскими стрелами, обрушились на находившихся около рва всадников в то самое время, когда часть последних уже перешла ров и схватилась с узбеками. Узбеки, набравшиеся храбрости, осыпали всадников градом пуль, и вследствие этой убийственной стрельбы войско пришло в полное расстройство. Так как ни начальники, ни солдаты не поступили согласно правилам военного дела и не приняли мер предосторожности, то они потерпели тяжелое поражение. Им не было другого выхода, как броситься в воду Гюргена, как-раз в том месте, где не было никакого брода и никакого перехода, и многие из них утонули в пучине гибели. Около 1000 молодых кызылбашей были убиты в этом сражении или попали в плен. Из числа военачальников Ибрахим-хан и Рустем-хан оказались убитыми, Бедр-хан и Ядгар Мухаммед-хан попали в плен. Остальные военачальники благополучно прибыли в Дамган.

Али-султан узбекский возвратился с поля сражения с обильной добычей, состоявшей из (принадлежавшего побежденным) имущества, а также из украшенных золотом и серебром седел запасных лошадей. Лошади, брошенные конюхами, паслись тут же в степи и попали в руки неприятеля. Так как победа досталась Аба, то он приобрел большое влияние и силою взял в жены дочь ходжи Мухаммеда, сына ходжи Музаффара, битикчи. Сперва она отвергала дикие приставания Аба, потом поневоле дала согласие, и Аба сделал ее своей женой. Слуги из рода битикчи пришли к ней и служили. Однако эта женщина день и ночь думала о том, как бы ей избавиться от Аба, и Аба, догадываясь о том, что она замышляет против него какое-то вероломство, пригрозил слугам смертью. Слуги, боясь за свою жизнь, заявили ей, что если они сегодня ночью не выполнят задуманного дела, то завтра все будут убиты. Госпожа дала обещание и наказала привести в полночь несколько лошадей к дверям палатки и быть самим наготове, предупредив, что она известит их, когда надо будет действовать. Они согласно приказанию выполнили все. В полночь, когда Аба спал, а караульные по случаю дождливой погоды, натянув на головы войлочные кошмы, погрузились в дремоту, один из тех слуг, по имени Мухибб-Али, набравшись храбрости, по указанию, данному отважной женщиной, проник в палатку, где находился спящий Аба, и одним ударом сабли отделил его голову от туловища. Затем он привел к стоявшим на страже товарищам свою госпожу, захватив голову ее супруга, и с быстротой молнии и ветра они помчались в Астрабад. Мухибб-Али, доставивший шаху в Казвин голову того безумного мятежника, получил награду и поощрение за храбрость. В Астрабаде же огонь смуты, зажженный тем преступником, потух.[1]

84 [Далее рассказывается, как были выкуплены пленные у «жадных до золота» узбеков. Возвратившиеся из плена военачальники лишились, однако, шахского расположения и внимания и вследствие этого в скором времени

---

[1] Эпизод об убийстве Аба рассказан также автором Ахсан-ут-таварих (ср. стр. 63).

«поспешили в обитель небытия». Не на много пережил их и Али-султан, глава узбеков, умерший в 973 г. х. (1565/66 г.). «После его смерти туркмены держали себя спокойно, и до конца жизни шаха провинция Астрабад была местом тишины и безопасности». Что же касается заместителя Али-султана на хорезмском троне, Хаджи Мухаммед-хана ибн Ата-султана, известного под сокращенным именем Хаджим-хана, то он состоял в дружеских отношениях с шахом Тахмаспом и отправлял к нему посольства. . . .].

О нашествии Джеляль-хана узбекского на Хорасан и умерщвлении его Муртаза-кули-ханом туркменским

Так как во времена Исмаил-мирзы слухи об убийствах принцев и истреб- *164*
лении с корнем династии распространились повсюду, и всем дальним и близким стало известно, что из детей шаха Исмаил-бехадур-хана не оставалось более никого, кроме Исмаил-мирзы и его годовалого сына, то после случая с Исмаил-мирзой (смерти его от отравы) враги из соседних стран, предполагая, что основание власти этого семейства разрушено и дела кызылбашей пришли в полное расстройство, перешли всякие границы стеснения и начали *165*
делать набеги. В числе подобных был сын Дин Мухаммед-хана, Джеляль-хан, который, после того как умер Абуль-Мухаммед-хан,[1] своей крайней смелостью и храбростью выделился из всех султанов Ургенча. Выступив из Несы и Абиверда с огромным полчищем узбеков-найманов, которых было около 6000, в намерении произвести грабеж и разгром в Хорасане, он вошел в пределы Мешхеда. Так как никто из военачальников в одиночку не имел силы оказать ему сопротивление, то они попрятались в своих крепостях и выжидали, чтобы кто-нибудь из беглербеги[2] дерзнул на борьбу с ним и чтобы они, таким образом, могли собраться вокруг главы для сопротивления неприятелю. Джеляль-хан, произведя грабежи и большие опустошения в той области, направился в область Джама и в этой области также обобрал весь скот и вьючных животных. Затем он возымел намерение возвратиться домой через Серахс и собранную в Хорасане громадную добычу переправить в свою страну.

Муртаза-кули-хан Пернак, мешхедский беглербеги, рассылал во все стороны гонцов, чтобы уведомить назначенных в помощь ему военачальников и потребовать от них войска. Когда он услыхал, что Джеляль-хан, удовлетворившись набегом и грабежом и не желая связываться с завоеванием области, намеревался возвратиться домой, он не стал дожидаться прибытия вспомогательных отрядов. С небольшим количеством собственных войск и теми военачальниками и курчи, которые находились в Мешхеде, он выступил из города и погнался за Джеляль-ханом в область Джама. На пути к нему присоединились другие военачальники и войска, состав-

[1] Его брат, сын Дин Мухаммеда.

[2] Беглербеги = правитель области, губернатор, впоследствии, т. е. во второй половине XIX в., называвшийся в Иране хакимом.

ленные из местного населения. Всего набралось ни больше, ни меньше, как три тысячи человек.

В Астрабаде Джеляль-хан получил известие о наступлении Муртаза-кули-хана с войском кызылбашей и переменил намерение возвратиться домой. Некоторые из опытных узбекских аталыков и старшин не находили этого разумным, рассуждая, что если они пришли для целей грабежа, то следовало бы, не вступая в сражение, доставить награбленную добычу в надежное место. Джеляль-хан под влиянием чрезмерного тщеславия и самонадеянности недооценил значения кызылбашского войска и, поджидая его, стал готовиться к бою. Дело кончилось тем, что оба войска встретились друг с другом, и обе стороны выстроились в боевом порядке. Храбрецы с обеих сторон выступили на поле битвы и сражались от полудня до захода солнца. Обе стороны превзошли друг друга в силе и мужестве. Джеляль-хан, не предполагавший в кызылбашах такую сильную боевую способность и их стойкость на поле битвы, должен был убедиться в том собственными глазами. Удивившись смелости и неустрашимости этого ничтожного по численности войска, которые оно проявило в столкновении с ним, он раскаялся в том, что начал сражение. Когда солнце зашло, оба войска, уставшие от битвы, приостановили военные действия. Разойдясь в разные стороны, они поспешили расположиться на покой и до самого утра держали караулы с той или другой стороны. Кызылбаши были так напуганы яростными атаками узбекского войска, что более уже не видели никакой возможности оказывать сопротивление. Муртаза-кули-хан, вследствие своей чрезмерной отваги и рассчитывавший обратить узбекское войско в бегство, с восходом солнца внушил кызылбашам воинственные чувства и снова вступил в сражение. Со своей стороны, Джеляль-хан таким же образом выстроил ряды. После повторявшихся несколько раз атак, которые происходили с той и другой стороны, Джеляль-хан, благодаря избытку отваги и силе упорства, захотел сам непосредственно руководить сражением и погнал лошадь в толпу сражавшихся. Во время разгара сражения Умет-бек из племени устаджлю, приблизившись к Джеляль-хану и не зная того, кто он, сбросил его ударом копья на землю и хотел уже слезать с коня, чтобы отделить его голову от туловища. В этот момент один из узбеков, который ехал верхом рядом с Джеляль-ханом, крикнул, чтобы (упавшего) не убивали, так как это сам Джеляль-хан. Лишь только кызылбаши услышали имя Джеляль-хана, несколько человек из туркмен и чекени [1] бросились к Джеляль-хану, отняли его от Умет-бека и толпы воинов устаджлю и притащили его к Муртаза-кули-хану. Муртаза-кули-хан, узнав от находившихся на месте схватки о том, что воины устаджлю в борьбе с Джеляль-ханом выказали мужество и что между устаджлю, туркменами и чекени вышел спор из-за овладения Джеляль-ханом, причем каждый приписывал себе это дело,

[1] Чекени, чегени, чагяни — племя каджаров. Чегени (чейени)—также название одного из племен, входящих в состав луров-фейли племенного комплекса Бала-Герива. (Б. Миллер. Очерк Арабистана, стр. 220).

нашел, что лучше всего его умертвить, и заносчивую высокомерную голову Джеляль-хана отделили от туловища. Узбеки, услышав о том, что Джеляль-хан попался в плен, обратились в бегство. В руки победителей попала бесчисленная добыча. Голову же Джеляль-хана вместе с оружием и доспехами отправили к шаху.

О сражении Будаг-хана и эмиров с Нур Мухаммед-ханом и войсками узбеков-найманов

В это время Нур Мухаммед-хан, сын Абуль-Мухаммед-хана, сына 278
Дин Мухаммед-хана, сына Аванеш-хана из рода Шейбана, сына Джучи, сына Чингиз-хана, правил Мервом, Несой, Абивердом и Багабадом. Между ним и Абдуль-Мумин-ханом возникла вражда. Нур Мухаммед-хан, ставший бояться последнего и предполагавший, что, неровен час, Абдуль-Мумин-хан захочет захватить его владения, собрал узбеков-найманов и туркмен саинхани, которые жили в Несе, Багабаде и прилегающих к ним областях, приблизительно в количестве 6—7 тысяч человек, и прибыл в район Хабушана. Когда о его прибытии услышали Будаг-хан и военачальники, они, предполагая о возможном соединении Нур Мухаммед-хана с Абдуль-Мумин-ханом и боясь, что сопротивляться такому большому войску будет труднее, решили осуществить следующий план. Прежде чем эти два войска успеют встретиться друг с другом, они дадут Нур Мухаммед-хану сражение и уничтожат его войско совершенно, потому что, если даже они достигнут того, что обратят войско противника в бегство, то это послужит к ослаблению Абдуль-Мумин-хана, когда он, предположим, действительно придет на помощь Нур Мухаммед-хану. В результате достигнутая победа и обнаруженное превосходство сил явятся причиною того страха, который должен будет испытывать Абдуль-Мумин перед войском кызылбашей, причем очень возможно, что, оценив силу этого войска, он откажется от дальнейшей осады Мешхеда.[1]

Решив окончательно это выступление, военачальники приготовились сразиться с Нур Мухаммед-ханом и поспешили к нему навстречу со своими храбрыми войсками. Нур Мухаммед-хан послал человека к Будаг-хану и военачальникам с заявлением, что он не имеет в виду кызылбашей и что цели его выступления заключаются в защите наследственных владений и отражении Абдуль-Мумин-хана. Они же, приписав уловке и хитрости это его объяснение и преисполнившись самомнения и высокомерия, не стали считаться с Нур Мухаммед-ханом и выстроили против него войско. Узбеки также построились против этих гордецов. Та и другая стороны взялись за оружие, и узбеки и кызылбаши схватились друг с другом. Кызылбашские чархчи [2] без стеснения напали на врагов, сняв передовых застрельщиков

---

[1] В начале главы говорится, что Абдуль-Мумин-хан осадил Мешхед.

[2] Стрелки.

и присоединив их к боевому строю. Войско Нур Мухаммед-хана стало осыпать неприятеля стрелами, вследствие чего многие из войска кызылбашей были поранены. Затем узбеки пошли всем скопом в атаку и на всем скаку обрушились на ряды кызылбашей, большая часть которых тешила себя мечтами о легкой победе. . . Несмотря на всю свою силу и мощь, которую имело войско кызылбашей, оно обратилось в бегство, а Нур Мухаммед-хан с помощью толпы смутьянов тем не менее приобрел победу. Около 600—700 кызылбашей, способных к военному делу молодых людей, погибло в том сражении. . . После того как Нур Мухаммед-хан обратил кызылбашей в бегство, он не стал их преследовать и не пошел далее, а Будаг-хан и военачальники, у которых имелись прекрасные быстрые лошади, умчались с поля сражения. Разбежавшись каждый по своим областям, упавшие духом и огорченные поражением, они принялись укреплять свои крепости. . .

Нур Мухаммед-хан послал известие о своей победе Абдуль-Мумин-хану с заявлением претензии на благодарность за оказанную последнему службу и возвратился в свою столицу.

Абдуль-Мумин-хан, хотя в том (1589) году и не сделал нападения на области Нур Мухаммед-хана, однако после завоевания Мешхеда и Нишапура стал жаждать захвата и его областей. По истечении непродолжительного времени Абдулла-хан (бухарский) и (сын его) Абдуль-Мумин-хан отняли у него Мерв, Несу, Абиверд и прочие области, а самого его выгнали из наследственных земель.

О походе Ферхад-хана в Хорасан, о нашествии Абдуль-Мумин-хана и взятии крепости Исферанна

301 Так как Хаджи Мухаммед-хан, правитель Хорезма, постоянно старался поддерживать дружественные и союзные отношения с этой семьей[1] и еще во времена шаха Тахмаспа посылал сына своего Мухаммед-кули-султана к шахскому двору и так как между обеими сторонами соблюдались переписка и взаимные посольства, то в течение этих двух лет (1589—1590), когда Абдулла-хан, правитель Мавераннахра, и Абдуль-Мумин-хан, его сын, подготовив все необходимое для завоевания Хорасана, захватили область вплоть до Мешхеда и Нишапура, как это подробно изложено в событиях каждого года, Хаджи Мухаммед-хан снова выразил чувства преданности и желание возобновить дружественные отношения с шахом. Он неоднократно отправлял послов к шахскому двору, и со стороны шахского правительства к Хаджи Мухаммед-хану также был отправлен в качестве посла Мухаммед-кули-бек араб-керлю. От последнего пришли письма такого содержания: «если пошлют в Хорасан какого-нибудь прославленного военачальника с отрядом войск, то Хаджи Мухаммед-хан выступит также, и в союзе в ним мы

[1] Т. е. с династией сефевидов.

постараемся отразить вражеское зло, ибо, если Хорасан окажется захваченным подобными людьми, то они пожелают захватить также области Ургенча и Хорезм, так как последние смежны с Хорасаном».

Поэтому в начале этого (1591) года шах остановился на том мнении, что сам он останется в Казвине, занявшись приведением в порядок необходимых религиозных и государственных дел, а Ферхад-хана с войском пошлет в Хорасан. В начале ноуруза, выбрав благоприятный час, шах отправил его в поход. Мухаммеди-хан Техмак, который являлся человеком бывалым и опытным, и Ислемес-хан, мухрдар,[1] вместе с группой военачальников, были назначены в помощники Ферхад-хану. Шахским приказом на имя хорасанских военачальников предписывалось, чтобы последние собрались возле Ферхад-хана и ничего не предпринимали без его одобрения. Ферхад-хану же шах дал такое поручение. В случае, если Абдулла-хан и Абдуль-Мумин-хан лично придут в Хорасан, то в силу того, что не было и нет такого обычая, чтобы простые военачальники выступали против падишаха, они, Ферхад-хан и военачальники, уклонившись от сражения, должны отойти в сторону и доложить о положении вещей шаху. А в противном случае, если этого не произойдет, они должны приложить все старания, какие только ни потребуют обстоятельства и интересы государства, чтобы возвратить области, захваченные узбеками, и защищать те, которые находятся в обладании шахского правительства.

Ферхад-хан, согласно шахскому повелению, отправился к месту своего назначения. Он известил о своем выступлении Хаджи Мухаммед-хана, правителя Хорезма. Когда он прибыл в долину Бастама, Хаджи Мухаммед-хан уже находился в этой области, вследствие той распри, которая возникла между ним и Нур Мухаммед-ханом, сыном Абуль-Мухаммед-хана, сына Дин Мухаммед-хана, из-за Несы и Багабада. Получив известие о прибытии Ферхад-хана, он явился в Бастам. Ферхад-хан, раскинув палатки и шатры в подходящем месте, приготовил все необходимое для царственного угощения и устроил торжественную встречу Хаджи Мухаммед-хану за два фарсаха от города. После того как та и другая сторона встретились, Хаджи Мухаммед-хан вошел в палатку Ферхад-хана. Затем, после пиршества и заверений в преданности, он сделал подношения и подарки и возобновил договор с приближенными шаха в таких выражениях, что они будут помогать один другому в борьбе против Абдулла-хана и его сына. Расставшись друг с другом, они возратились каждый в свой лагерь, и Ферхад-хан, снявшись с места, направился в сторону Нишапура.

Абу Муслим-хан, чавушлю, брат Хасан-хана, заведующего арсеналом, был правителем Исфераина. Военачальники племени баят и других племен, которые жили в тех областях, собравшись под его начальство, осадили крепость Нишапур. Молва о прибытии Ферхад-хана и присоединении к нему Хаджи Мухаммед-хана дошла до Балха. Абдуль-Мумин-хан с войсками из

[1] См. выше, стр. 50.

Балха, Бадахшана, Гисара, Апдхуда (Андхоя)[1] и Шибиргана пришел в Хорасан и распустил слухи, что Абдулла-хан точно таким же образом с войсками Мавераннахра и Туркестана отправился в Хорезм. Хаджи Мухаммед-хан, услышав подобные вести, возвратился в Хорезм, а Ферхад-хан, получив сообщение о наступлении Абдуль-Мумин-хана, пребывал в нерешительности и устраивал совещания с военачальниками и племенными старейшинами, которые находились при нем. Одни считали целесообразным дать сражение, другие из осторожных и старейших, наиболее опытных, не видели пользы в сражении. В этих размышлениях и тревогах проходило время до тех пор, пока лазутчики, которых послали во все стороны, не возвратились и не принесли сведений, что Абдуль-Мумин-хан, ускоренным маршем достигнув Мешхеда, идет с быстротою молнии и ветра. Войско кызылбашей пришло в смятение. Так как Ферхад-хан не был уполномочен воевать с Абдуль-Мумин-ханом, то он не дерзнул вступить с ним в сражение вопреки шахскому повелению и, отправив хорасанских военачальников каждого в свою область, приказал им стараться защищать собственные крепости, а сам снял лагерь под Нишапуром и без всяких потерь пришел в Бастам, после чего послал донесение шаху о положении вещей. Отсюда, согласно указаниям шаха, он возвратился в Казвин.

Абдуль-Мумин-хан в те самые два дня дошел до Нишапура и отступление кызылбашей счел великим счастьем, так как он сам прибыл сюда скорым маршем и при нем (поэтому) не было большого количества людей. По истечении нескольких дней, когда собрались все узбекские войска, он сперва послал войско на племя баят,[2] которое жило в пределах Нишапура и в булюке[3] Ма'дана. Старейшины племени баят, считая полезным повиновение и подчинение Абдуль-Мумин-хану, выразили покорность. Большое количество важных лиц из этого племени отправилось в Радкан для того, чтобы засвидетельствовать эти чувства перед Абдуль-Мумин-ханом. Он же, питавший к этому племени неприязнь с давних пор, а также за то, что в прошлом году баяты перебили большое количество узбеков, приказал их умертвить.

---

[1] Андхуд — Андхой — Аддахуд — Ан нахуд, у Якута Андахуд; одно из бывших независимых ханств Афганского Туркестана, к северо-востоку от Меймене и к западу от Акче (Le Strange. The lands of the eastern caliphate, p. 426; Enz. des. Islām, I, 370; C. E. Yate. Northern Afghanistan, 1888, p. 235—236).

[2] Тюркское племя, появившееся в Иране, надо полагать, как и другие большие тюркские племена, лишь в эпоху монголов, хотя уже одно из племен гузов называлось «баят». По словам Искандера Мунши («Тарих-и-алям-ара», стр. 301), племя баят жило в Хорасане в северу от Нишапура, в булюке Ма'дана. В преданиях тюркских племен, зафиксированных Рашид-эд-дином («Введение», изд. И. Березина), происхождение этого племени возводится к Баяту, внуку Огуз-хана. В эпоху сефевидов представители этого племени при дворе считались родовитой аристократией («Don Juan of Persia», ed. G. Le Strange, 1926, p. 45). В настоящее время это племя живет небольшими группами в разных частях Ирана, напр. часть племени баят входит в состав племени кашкайцев, на юге Ирана, другая часть его живет в Азербайджане и в окрестностях Тегерана.

[3] Булюк — тюркское слово, обозначающее повсеместно в Иране уезд или район.

Махмуд-султан, сын Баба Ильяса, и большое количество других вельмож баятского племени были там казнены. Те же, что остались в живых, были ограблены и, полные огорчения, разбрелись кто куда. Мирза Мухаммед-султан, брат Махмуд-султана, прибыл во дворец шаха и был принят в шахскую свиту.

Таким образом Абдуль-Мумин-хан, приготовившись в этом году к завоеванию и других областей Хорасана, пришел со своим войском к стенам Исфраина и осадил его. Абу-Муслим-хан с отрядом воинов племен устаджлю, курдов и других, которые собрались в этой крепости, занялся защитой крепости, укреплением башен и стен и старался сделать все необходимое для поддержания крепости. Абдуль-Мумин-хан для взятия исфраинских стен приложил немало усилий. Он поставил пушки, и осада продолжалась в течение четырех месяцев. Несколько раз происходил жестокий штурм, осажденные в крепости мужественно сопротивлялись, и во время каждого штурма было убито большое количество узбекских воинов, так что крепостной ров наполнился телами убитых. Надо предполагать, что около 4000 узбеков были уничтожены при штурме исфраинской крепости. С каждым разом гнев распалял Абдуль-Мумин-хана все сильнее и сильнее, и он более прежнего домогался одолеть и сокрушить крепость.

Так как шаху, вследствие занятий необходимыми государственными делами, в течение всего этого времени не представлялось удобного случая отправиться в Хорасан, как о том уже говорилось, то по окончании этих особо важных дел, в то самое время, когда шах был озабочен мыслью освобождения осажденных в Исфраинской крепости, пришло известие о ее падении.

Говоря кратко, по прошествии четырех месяцев, в течение которых Абу-Муслим-хан, непрестанно воюя, держал в своих руках крепость, положение осажденных стало плачевным. При последнем штурме, когда у осажденных не стало никакой силы и мочи, узбеки, взобравшись на крепостные башни, овладели крепостью. После того они предались грабежу и убийству и не оставили в живых ни одной души. Абу-Муслим-хан с несколькими молодыми людьми, защищаясь в одной из башен, продолжал воевать еще три дня, до тех пор пока у него нехватило стрел в колчанах, пуль и пороха. Ни у одного из узбеков-воинов не было достаточно смелости, чтобы одолеть эту башню. После того как ружейные выстрелы прекратились и стрелы перестали летать, узбеки поняли, что осажденные более не имеют силы сражаться. Сделав нападение, они захватили башню.

О походе шаха в Хорасан

В этом (1592) году между Нур Мухаммед-ханом, сыном Абуль-Мухаммед-хана, правителем Мерва, и Хаджи Мухаммед-ханом, падишахом Хорезма, близкими родственниками, возникли затруднения и вражда. Хаджи 306

Мухаммед-хан, отняв у Нур Мухаммед-хана провинцию Несу, Дурун и Багабад, поручил их своим доверенным. Так как Нур Мухаммед-хан не мог оказать ему сопротивления, то он обратился за помощью к Абдулла-хану и, ища его благоволения, просил, чтобы Абдулла-хан отнял Дурун и Несу от Хаджим-хана (Хаджи Мухаммед-хана) и возвратил ему. За это он обещал Абдулла-хану поднести в дар Мерв, находившийся в соседстве с Чарджуем и Бухарой. Абдулла-хан, который постоянно мечтал о Мерве, это обстоятельство счел большим счастьем. Исполняя просьбу Нур Мухам-
307 мед-хана и мечтая овладеть Мервом, он перешел Джейхун (Аму-дарью) и вступил в Мервскую область. Нур Мухаммед-хан сделал безрассудство и глупость: из чрезмерной привязанности к Неса и Дуруну, он, до того как его желание было выполнено Абдулла-ханом, поднес Мерв в дар, передав владение им уполномоченным Абдулла-хана. Абдулла-хан же, укрепив Мерв, продвинулся вперед всего на один—два перехода. В это время до него дошли слухи о движении шахского войска. Из Хорезма также пришло известие, что Хаджи Мухаммед-хан, состоя в дружбе с шахом, имеет намерение пойти на Абдулла-хана. Абдулла-хан, с легкостью осуществивший свое желание и овладевший Мервской провинцией, воспользовался этими известиями, как предлогом вернуться к себе.

«Если мы займемся осадой крепостей (Неса и Дурун), — сказал он Нур Мухаммед-хану, — возможно, что срок осады затянется; между тем падишах кызылбашей и правитель Хорезма в намерении сразиться с нами двинулись с двух сторон. Мы же к войне с ними не подготовлены. Дай нам в этом году отсрочку, и мы вернемся в Бухару, а на следующий год, вполне подготовившись, возьмем и Несу и Дурун и вернем их тебе».

Утешив такими речами Нур Мухаммед-хана, он «ударил в барабан отъезда» и направился в Бухару.

Абдуль-Мумин-хан имел тайное намерение захватить в плен Нур Мухаммед-хана. Оповещенный об этом, последний, не простившись, покинул лагерь Абдулла-хана и пришел в Абиверд. Абдуль-Мумин хан, отделившись от своего отца, прибыл в Хорасан через Карапалчак и здесь услышал, что шах стоит лагерем в Бастаме.[1]

[Далее описывается, как Абдуль-Мумин-хан, прибыв в Нишапур, послал шаху письмо, на которое в свою очередь получил ответ. Содержание писем— взаимные притязания на Хорасан. Приближение шахского войска послужило сигналом к восстанию целого ряда хорасанских городов, персидское население которых было недовольно управлением узбеков. Вслед за убийством узбекского губернатора в Мезинане, началось поголовное бегство узбекских властей из Нишапура, Джаджерма, Исфераина, Шухана, Джурбуда и Сабзевара.]

---

[1] В несколько более сжатом виде этот эпизод описан и у Абулгази (texte, p. 242), перевод Саблукова, стр. 214.

О походе Абдулла-хана в Хорезм, прибытии Абдуль-Мумин-хана, его сына, в Хорасан и о событиях, которые произошли в Ургенче и Хорасане

Хотя происшествия из жизни узбекских султанов и не отвечают за- *315*
дачам повествования об исторических событиях Ирана, тем не менее в интересах связности изложения невозможно было обойтись без подобного рода ссылок. Так, уже рассказывалось, что между Нур Мухаммед-ханом, сыном Абуль-Мухаммед-хана, правителем *Ургенча*, и Хаджи Мухаммед-ханом, сыном Ата-хана, падишахом Хорезма, которые происходили из династии узбекских султанов, потомков Шейбана, сына Джучи, сына Чингиз-хана, и приходятся друг другу сыновьями дядей по отцу, произошел спор из-за области Несы. Нур Мухаммед-хан обратился к покровительству Абдулла-хана, искал с его стороны помощи для возвращения области Несы и по этой причине подарил ему Мервскую область. Абдулла-хан, завладев Мервом, отложил на время выполнение его просьбы, потому что распря между тем и другим была ему на руку. Нур Мухаммед-хан не только отчаялся в помощи Абдулла-хана, но даже стал бояться его сына, Абдуль-Мумин-хана. Не испрашивая разрешения, он ушел из лагеря Абдулла-хана и отправился в свою область (Абиверд).

Абдулла-хану, все мысли которого вращались вокруг завоевания областей Хорасана и Хорезма, были неприятны союз и дружественные отношения султанов Ургенча с шахом. Поэтому он считал выгодной для себя распрю между ними. В этом (1593) году, найдя шаха занятым делами управления в Реште, он воспользовался удобным случаем. В то время как Абдуль-Мумин-хан пришел в Хорасан с намерением овладеть Абивердом, Несой и Нишапуром, Абдулла-хан повел войско в Хорезм.

Когда Абдуль-Мумин-хан достиг Мерва, узбеки-найманы, которые служили Нур Мухаммед-хану, в страхе за жизнь и имущество, «вступили на дорогу измены» и присоединились к Абдуль-Мумин-хану, отправив навстречу ему ключи от крепости. Нур Мухаммед-хану, увидевшему измену войска и превосходство врага, уже было невозможно оставаться в своей области. По совету Хафизек-султана Хабушани, он ушел из Мервской области и направился к шаху.

[Далее рассказывается[1] о торжественном приеме бежавшего Нур Мухам- *316*
мед-хана шахским правительством и о сдаче Нишапурской крепости. Абдуль-Мумин-хан, осадивший Нишапур, ежедневно штурмовал крепостные стены. Однажды часть узбеков, взорвавши одну из крепостных башен, ворвалась в город. Однако ворвавшиеся были перебиты или переловлены, а башни восстановлены за ночь. Защитою городар уководил Дервиш Мухаммед-хан, под командой которого находились румелийцы и исфаганские мушкетеры.

[1] Сокращенное изложение.

Так как Ферхад-хан находился в это время в Гиляне, где усмирял восстание, то помощь осажденному Нишапуру не могла быть оказана. Поэтому шах, рассуждавший так, что «Нишапур никуда не сдвинется с места, а если на то будет соизволение божие, то и сам попадет нам в руки», посоветовал Дервиш Мухаммед-хану заключить мир с Абдуль-Мумин-ханом и сдать крепость. Последнее и было выполнено Дервиш Мухаммед-ханом.

Далее говорится об осаде узбеками Сабзевара, сдаче его сабзеварскими жителями и водворении узбекского губернатора. Вследствие непрекращавшихся недоразумений и инцидентов между сабзеварцами и узбеками, последние были переведены на постой в один из рабатов[1] в 4 фарсахах от города.]

319 Однако Абдулла-хан, поведший войска в Хорезм, после многих сражений, говорить о которых подробно не входит в задачу изложения иранской истории, одержал победу над Хаджи Мухаммед-ханом. Узбеки Ургенча, боясь за свою жизнь и свое имущество, которое для них дороже самой жизни, а может быть вследствие отсутствия сил для сопротивления, как бы там ни было, изменили своему падишаху и, не проявив в этой войне особенного рвения и старания, были побеждены. Большинство из них предпочло подчиниться Абдулла-хану, и Хаджи Мухаммед-хан, потеряв надежду на войско и население своей области, не мог найти иного выхода из положения, кроме бегства. Посредством хитро придуманного плана, он вместе со своим старшим сыном Араб Мухаммед-султаном, младшим сыном Суюнудж Мухаммед-султаном, внуком Бурундук-султаном, племянником Бабаджан-султаном и 40—50 людьми из своих верных слуг перебрался к туркменам из племени саинхани, которые живут в пределах Астрабада. Отсюда он направился ко двору шахского величества и прибыл в шахскую резиденцию Казвин, в то время как сам шах находился в луристанском походе.

Получив известие о прибытии Хаджи Мухаммед-хана, шах распорядился, чтобы ему в Казвине отвели приятное помещение и выполнили все правила гостеприимства. Пусть, мол, он побудет в полном покое и отдохнет от неприятностей дороги и утомления долгой ездой. Хаджи Мухаммед-хан несколько дней предавался отдыху в Казвине, ожидая прибытия шаха вплоть до того дня, когда шах пожаловал в город. Прежде всего шах оказал честь Хаджи Мухаммед-хану своим посещением, встретил его, как отец сына, дружески расспрашивал его и оказывал приветливое участие. Мысль шаха клонилась к тому, что если это будет согласоваться с волей божией, то он, шах, вторично устроит его и Нур Мухаммед-хана на тронах Хорезма и Ургенча. Это желание (шаха) было припято у божественного престола. В конце концов оба они при помощи шаха овладели своими наследственными владениями и получили власть, как это будет описано в своем месте о каждом из них.

---

[1] Постоялый двор, караван-сарай.

О походе шаха в Луристан и последовавших событиях

Он (Шах-верды)[1] стал производить набеги на Буруджирд и его районы. 321
Шах относился к нему снисходительно и сдержанно вплоть до тех пор, пока Абдуль-Мумин-хан узбекский не прибыл в этом (1593) году в Хорасан и не осадил крепости Нишапур. Покончив с делами в Гиляне, шах предпринял путешествие в Хорасан, имея в виду наказать его. Происшествие заключалось в том, что Огурлю-султан, баят, пришел в местечко Буруджирд для сбора войска и реквизиции. В то время как баяты еще не успели собраться под его команду, Шах-верды внезапно повел своих воинов и предупредил его открытием военных действий. Огурлю-султан, который за последние 2—3 года начал побаиваться шаха и избегал оказывать непослушание, при виде этого пришел в страшное смущение. У него не хватало смелости двинуться вперед и в то же время из самолюбия он не хотел отступать. Собрав тех баятов, которые находились при нем, он приказал послать к нему (Шах-верды) навстречу одного из старейшин, чтобы спросить его о причине прибытия и вместе с тем помешать ему привести в исполнение это мерзкое дело, которое может окончиться опасными последствиями. Это дело еще не было выполнено, как показался авангард лурского войска, численность которого вдвое превосходила численность войска баятов; оно сразу же обнаружило на чьей стороне победа. Баятское войско было побеждено. Огурлю-султан, твердо державшийся до последней минуты, сражался мужественно и был убит. Рассеянные баяты бежали на свою родину.

Когда шах прибыл в Буруджирд, пришли известия о Хорасане, о при- 322
бытии Дервиш Мухаммед-хана и сдаче Нишапура узбекам мирным путем, а также об обращении Хаджи Мухаммед-хана к покровительству шаха, как это было уже описано. Шах отложил свое намерение (направиться в Хорасан), проследовал оттуда и остановился среди племени баятов. Баятам, которые за сражение с Шах-верди-ханом заслуживали самых разнообразных наказаний, он сделал выговор и высказал порицания. Шах-кули-султан, брат Огурлю-султана, управлявший племенем баятов вместо последнего, обратился к шаху с просьбой простить их поступок. Так как вышеупомянутый (султан) был на хорошем счету у шаха, то вследствие этого получил согласие. В благодарность за шахскую милость племя баятов преподнесло шаху 3 тысячи коней и кобылиц баятской породы, которые среди кызылбашей пользовались доброй славой, и 3 тысячи туманов чистым золотом, — то и другое с большой охотой, в виде подношения (шаху) и уплаты штрафа в казну.

Отсюда шах направился в Казвин и въехал в город на десятый день месяца мухаррема.

---

[1] На стр. 317 он назван «домашним врагом», так как напал на шахские земли и был причиною смерти Огурлю-султана, баята, правителя в Буруджирде.

О событиях 1595 г. и девятого года царствования Аббаса I[1]

345 На обычном новогоднем приеме у шаха среди султанов и посланников (в том числе и русского) присутствуют также Хаджи Мухаммед-хан, бывший падишах Хорезма, и Нур Мухаммед-хан, правитель Мерва. Так как узбеки овладели большей частью Хорасана, то шах посылает туда Ферхад-хана, который к этому времени считался одним из способнейших военачальников и при дворе пользовался большим влиянием. В сферу его административно-военной власти, помимо тех, которые были у него ранее, входят области Хар, Семнан, Фирузкух, Биярджумапд, Хезар-джериб, а также Дамган и Бастам, до того находившиеся в ведении Фаррух-хана, который отставлен от управления по неспособности остановить наступательное движение узбеков, грабивших западные окраины Хорасана.

Когда прошло 3 месяца со дня нового года, и Ферхад-хан находился на яйлаках Фирузкуха, распространился слух о прибытии Абдуль-Мумин-хана в Хорасан. Из сообщений курьеров и депеш Ферхад-хана было достоверно установлено, что Абдуль-Мумин-хан с войском узбеков подошел к крепости Исфераин, охрана которой была возложена на Мирза Мухаммед-султана и отряд из племени баят. Осадив крепость, он с величайшим старанием подготовлял все необходимое для ее взятия. Поэтому шах спешно вызвал войска, находившиеся в областях, и занялся подготовкой к походу в Хорасан.

О походе шахского войска в Хорасан и бегстве Абдуль-Мумин-хана из Исфераина и Сабзевара

346 После того как было решено итти походом в Хорасан, в течение месяца шах оставался в Казвине, чтобы собрать войска. По истечении месяца двинулся передовой обоз (пиш-ханэ). Зуль-Фекар-хан присоединился к шаху с азербайджанским войском, приблизительно в 4000 человек. Так как из Хорасана непрерывно приходили люди и приносили известия, что Абдуль-Мумин-хан довел до крайности осажденных в крепости Исфераин и что, если в течение этих нескольких дней шахское войско не прибудет на помощь, должно опасаться захвата крепости неприятелем, шах, не связывая себя сбором войска, быстрым маршем отправился из Казвина в Хорасан с некоторыми военачальниками, курчи, гулямами и тою частью войска, которая находилась в столице. Делая переход за переходом, войско дошло до яйлаков Фирузкуха, и в этом месте Ферхад-хан со своим войском присоединился к шахскому. Через Али-булак, что возле Дамгана, они достигли долины Бастама и остановились лагерем в этой плепительной по красоте местности. Стоянка в Бастамской долине для смотра шахского войска заняла

[1] Сокращенное изложение.

три дня. Было насчитано 20 000 человек, вполне готовых участвовать с шахом в походе.

[Далее рассказывается что шах, опасаясь того, что при его приближении Абдуль-Мумин-хан по привычке поспешит убраться во-свояси, написал
347 ему письмо, укоряя последнего за незаконный захват чужой земли и уклонение от боя. Кроме того, правителю Исфераина Мухаммед-султану было послано уведомление, чтобы он сумел удержать крепость в течение 7 дней, так как по истечении этого срока шахские войска смогут дойти до крепости.

Первое письмо было отправлено с Кутб-уд-дин-агой, человеком из племени чегени. Последний, передавая письмо Абдуль-Мумин-хану, не удержался, чтобы не сказать лишнего, и вызвал негодование в узбеках. Так как узбеки еще ничего не слыхали о выступлении шахских войск, то они подумали, что письмо это поддельное и сфабриковано Ферхад-ханом. Кутб-уд-дину было поставлено в вину то, что «в его словах нет правды», и он был умерщвлен. Тем не менее Абдуль-Мумин-хан был обеспокоен. На военном совете было решено послать в Бастам разведку, а до тех пор продолжать осаду Исфераина. Разведочный отряд состоял из 300 человек под начальством эмира Мухаммед-кули, дурмана. Вместе с эмиром отправились Джан Мухаммед, бадахшанский правитель, а также правитель Несы и Абиверда Суюнудж Мухаммед-бий, известный под именем Суюнудж-туркмена. Нужно было проникнуть в месторасположение неприятельского лагеря в Бастаме, достать «языка» и привести достоверные сведения.

Между тем шахские войска снялись из Бастама и через Чангэ и Магаз двинулись к Джаджерму. В то время как фарраши, высланные вперед, были заняты разбивкой палаток на берегу реки, узбеки, высматривая местность, убедились в факте шахского выступления. Возвращаясь назад, они наткнулись на фаррашей и схватили несколько человек, но в это время находившиеся неподалеку стрелки в свою очередь бросились на узбеков. Узбеки начали было сражение, но обратились в бегство, заметив, что число кызылбашей увеличилось. Однако все они были переловлены вместе с начальни-
348 ками, а бадахшанский правитель был убит каким-то туркменом по имени Улуг-хан. Оставшиеся в живых были отведены в шахский лагерь. Шах отправил одного из них к Абдуль-Мумин-хану с известием о своем приходе и напоминанием о необходимости последнему приготовиться к бою. Убедившись в невозможности взять крепость, узбеки сняли осаду Исфераина и через Радкан возвратились в принадлежавший им в то время Мешхед.]

На другой день шахские войска достигли стен крепости и остановились лагерем. Некоторые из рассудительных военачальников считали полезным преследовать Абдуль-Мумин-хана и итти до Мешхеда, рассуждая, что, если бы у него была сила стать лицом к лицу, он сделал бы это в Исфераине. Ясно, что, не приняв сражения, он вернется к себе, и очень вероятно, что узбеки, не будучи в состоянии удержать в своих руках Мешхед и оставаться в нем, выйдут оттуда, и таким образом произойдет завоевание Мешхеда. Ферхад-хан воспротивился этому мнению, так как по двум причинам не

видел пользы в преследовании. Первая та, что цель этого похода заключалась в освобождении осажденных в Исфераине, и эта цель осуществлена. Узбеки потерпели тяжкое поражение, главные их военачальники попали в плен, а их падишах, обесчестив свое имя, бежал. Поэтому, проведя в Исфераине несколько дней и приведя в порядок дела области, нам следует возвратиться. Другая же причина та, что из наступления, возможно, получится нечто такое, что послужит к ущербу и религии и государства. Если предположить, что Абдуль-Мумин-хан, очистив Мешхед, обратится в бегство, то он не оставит кызылбашам благоустроенного и цветущего города, а устроит в Мешхеде всеобщее избиение и погром. От наступления наМешхед жителям Мешхеда будет причинено много насилий и вреда, а если не сделают наступления, никакой ущерб не постигнет ни религию, ни государство.

Все доказывали превосходство своего мнения. В конце-концов поступили согласно мнению Ферхад-хана. Оставив мысль о преследовании, они в течение нескольких дней оставались в Исфераине, занимаясь приведением в порядок тамошних дел. Так как Мухаммед-султан и племя баят много потерпели во время осады и стали неспособны для службы по охране крепости, то управление Исфераином шах передал Будак-хану, чегени, возложив на него заботу о местных делах. Укрепив крепость и вырыв рвы, шах около 10 дней приводил в порядок Исфераин и затем снял лагерь. Хаджи Мухаммед-хан, падишах Хорезма, сопутствовавший шаху в походе, выразил желание отправиться к туркменскому племени саинхани, с которым у него были связи и которое жило в пределах астрабадской провинции, с тем, чтобы просить у него помощи и добраться до своей страны. Хотя шах и понимал, что при власти и могуществе Абдулла-хана его предприятие не увенчается успехом и что ему не время отправляться, тем не менее, уступая его настойчивости, он согласился его отпустить и пожаловал ему из шахских вещей и снаряжения то, что было подходящим. Хаджи Мухамед-хан отправился вместе со своим сыном Араб Мухаммед-султаном и племянником Баба-ханом (выше — Бабаджан-султан). Истинные подробности этого путешествия и вторичное возвращение Хаджи Мухаммед-хана к шаху будут описаны в хронике следующего года.

349

Так как Али-хан, кераили,[1] поднявший бунт против правительства, отказался от наступления (на Абдуль-Мумин-хана) и не присоединился к шахскому войску, то шах решил следующее: он пойдет к племени кераили и если Али-хан будет твердым в своем желании быть преданным шаху и принесет извинения, то он возьмет его с собою. Направившись в Астрабад, он наведет порядок в этой провинции, которая в течение долгого времени оставалась вне власти кызылбашей и была поделена между племенами саинхани, эймур[2] и сияхпушами. Если же по милости Али-хана возникнут смуты и мятежи, то он сперва устранит Али-хана и потом направится в Астрабад.

[1] Гилянский правитель.

[2] Поколение туркмен, называемое ныне имрели (см. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 50).

[Далее рассказывается, что шах, выступивший из Исфераина, остановился лагерем в Дашт-и-Бахриян. Здесь было решено, что обоз, поклажу и те части войска, которые имеют слабых лошадей, военачальники отправят в Ирак, а остальные останутся с шахом. На этой же стоянке старосты племени кераили, пришедшие к шаху, сообщили, что Али-хан находится в крепости Па-и-Хисар. Для взятия крепости был послан Хусейн-хан с отрядом шамлю. Крепость была взята. Али-хан бежал в крепость Ругд. Шах уже намеревался отправиться в Астрабад, как пришло неожиданное известие, что воротившийся Абдуль-Мумин-хан осадил Сабзевар.

Шах, поручив управление областью Кераили Мансур-хану, кераили, и Тевеккуль-хану, возложил на них и обязанность ликвидировать бунт Али-хана, а сам отправился на помощь Сабзевару. Абдуль-Мумин-хан *350*
отступил к Балху. Поручив управление городом Будак-султану, каджару, шах двинулся к Нишапуру. В Бахр-абаде было решено отложить поход в Астрабад до более удобного времени, так как приближалась зима и для похода нехватало припасов и лошадей.]

О происшествиях, случившихся с Хаджи Мухаммед-ханом, правителем Хорезма

В изложении предшествовавших событий говорилось, что в прошлом *357*
(1595) году, когда шахские войска отправлялись в хорасанский поход против Абдуль-Мумин-хана, Хаджи Мухаммед-хан, правитель Хорезма, его сын Араб Мухаммед-султан и Баба-хан, его племянник, получив от шаха разрешение удалиться, отправились в свою страну. Первоначально они направились к племенам йака-туркмен саинхани. Часть этого племени [1] решила сопутствовать упомянутым султанам, и они прибыли в область Хорезма. Население этой области выразило радостные чувства перед их прибытием и согласилось подчиниться. Уполномоченные и «даруги» Абдулла-хана, покинув занимаемые посты, отправились в Мавераннахр. Область Хорезма была очищена от чужеземного войска. Хаджи Мухаммед-хан приобрел полностью верховную власть. Но те, которые сгруппировались вокруг него, по большей части были крестьяне, люди, занимавшиеся скотоводством, так как Абдулла-хан, после завоевания Хорезма, большую часть узбекских племен, бывших воинами Хаджим-хана (Хаджи Мухаммед-хана), переселил в другие области; поэтому в Хорезме не осталось никого из людей, которые могли бы быть помощниками и соучастниками в делах Хаджи Мухаммед-хана. Абдулла-хан, услышав о прибытии Хаджим-хана, послал против него в Хорезм несколько пользующихся доверием военачальников и большое войско. Не удовлетворившись этим, он сам также двинулся вслед в том же направлении. Когда Хаджим-хан получил сообщение о прибытии войска Абдулла-хана, он собрал всех

[1] Абулгази говорит при этом о теке и йомутах. Бабаджана (Баба-хана Абулгази всюду называет Баба-султаном.

боеспособных этой области и поспешил сразиться с неприятелем. Между противниками произошло великое побоище. Хорезмийцы, услышавшие о прибытии самого Абдулла-хана, пришли в трепет и в этом сражении потерпели поражение. Обращенный в бегство Хаджим-хан уже не находил возможности оставаться в Хорезме и не хотел попасть в положение осажденного в крепости. Подчиняясь необходимости, он бежал из Хорезма, удрученный, в сопровождении своего сына Араб Мухаммед-султана, и направился в Астрабадскую область. Здесь, при помощи и при поддержке йака-туркмен саинхани, они добрались до границы владений кызылбашей. Шах, извещенный о его прибытии, выслал ему навстречу людей и пригласил его к своему двору. Вторично придя к шаху, он удостоился в Казвине шахского приема. Шах принял в нем участие и утешил его.

Однако Баба-хан, его племянник, находившийся в г. Везире, укрепив тамошнюю крепость, продолжал оставаться, хотя и знал, что в случае осады помощь ему невозможна ни с какой стороны, и он под конец попадет в плен к врагам. Но он предпочитал погибнуть с добрым именем по правилам доблести и мужества, чем влачить жизнь в унижении, и поэтому геройски остался в крепости.

Войско Абдулла-хана осадило крепость. Около четырех месяцев, ведя борьбу с бесчисленным войском Абдулла-хана, Баба-хан удерживал крепость г. Везира. Под конец воины Баба-хана и население города и крепости, испугавшись опасностей, к которым повела бы защита крепости, изменили ему и захотели перейти на сторону Абдулла-хана. Догадавшись об этом, Баба-хан с небольшим числом преданных и верных людей открыл ворота крепости и обрек себя на жертву врагам, «погрузившись в море сражения». Узбеки Абдулла-хана окружили его, и постепенно пространство боя суживалось перед ним до тех пор, пока уже ни в какую сторону он не мог отступать и, наконец, был убит в боевой свалке. Все, кто уцелел от меча, рассеялись. Доныне говорят в Хорезме о храбрости и самоотверженности Баба-хана. Абдулла-хан, которому вновь посчастливилось завладеть Хорезмом, умертвил всех тех жителей, кого он подозревал в сопротивлении ему. Укрепив крепости, он возвратился в Мавераннахр.[1]

О различных событиях, происшедших в этом (1596) году (десятый год царствования шаха Аббаса)

362 К числу событий этого (1596) года относится и смерть Али Яр-хана эймура, в Астрабадской области. Его сын по имени Мухаммед Яр, красивой наружности, побаиваясь племени гёкленов, охлу и астрабадских сияхпушей, при посредстве сына мир Зия-уд-дина, Мирза-бека из Фендереска, принадлежавшего к классу высокостепенных астрабадских сейидов

[1] История походов хана Абдуллы на Хорезм подробно изложена у Абулгази (texte, p. 242 и сл.), а также у автора XVII в. Махмуда б. Вели, о котором см. ст. В. В. Бартольда в газ. «Туркест. Вед.», 1903, № 20 (поправка в № 31).

и выдававшегося своим благожелательством и готовностью на добрые дела 363
по отношению к этой отмеченной святостью династии (сефевидов), направился к шаху и был принят им в Исфагане.

В начале первой книги при изложении событий времени царствования шаха (Тахмаспа) мы писали, что племя туркмен саинхани зависит от султанов Хорезма и живет в пределах Астрабадской области между Атреком и Гюргеном, а также, что к их племени принадлежит и племя эймуров, менее многочисленное по сравнению с прочими племенами саинхани. Тем не менее, Али Яр-хан, выдвинувшийся среди этого племени благодаря своему уму, знаниям, зрелости и опыту, был признан и другими племенами. Некоторая часть этого (эймурского) племени во время царствования шаха Тахмаспа пришла на берега р. Гюргена и обработала много земель в той местности. В одно время они подчинялись астрабадским властям и платили земельные налоги, в другое время поднимали мятеж и смуты, и их невежественная чернь нападала на окраины (Иранского) государства. После смерти шаха, когда произошли беспорядки среди кызылбашей, никто из кызылбашских правителей не мог находиться в Астрабаде. В каждом булюке какой-либо из аристократов, положив основание системы «сияхпушества», строил крепость и собирал массу мушкетеров и лучников в целях отражения йака-туркмен саинхани и сохранения собственной жизни и в том булюке провозглашал во всеуслышание: «Я — и никого кроме меня».

Упомянутый Али Яр-хан разумно вел сношения с тем племенем (эймурами), довольствовался небольшими подношениями и подарками и особенно много не спорил. Во время царствования настоящего шаха, когда узбеки подняли «знамя могущества» в Хорасане, области Хорезм, Неса и Дурун, которые смежны с Астрабадской областью, подпали под власть узбеков Мавераннахра. Шах по соображениям благоразумия и осторожности, опасаясь того, как бы эти самые йака-туркмены, которые были с узбеками одной религии, не подчинились им, и узбеки не нашли дороги в Астрабад, по требованию обстоятельств минуты начал обходиться ласково с Али Яром, который при посредстве Мирза-бека обращался к шахскому правительству. Шах прислал грамоту на управление Астрабадской областью на имя его и отнесся к нему предупредительно. Али Яр, удовлетворенный этим, посылал в город (Астрабад) «даругу», а сам оставался в пределах Гюргена и проводил жизнь, соблюдая правила обходительности с сияхпушами. Благодаря ему население Астрабада было защищено от вреда со стороны других племен саинхани. Прошло несколько лет подобным образом. Этот способ действия сохранять спокойствие жителей Астрабада, людей вообще благочестивых и в большинстве своем любящих предаваться божественному послушанию и молитвам, был в высшей степени правилен и весьма подходящ по своему доброму отношению к людям.

Итак, после того как Али Яр-хан умер, его сын стал искать случая получить расположение шахского двора. Так как до сего времени выше-

указанные соображения и осторожность продолжали иметь место, шах, как он это сделал с отцом, написал грамоту на управление Астрабадской областью на имя сына Мухаммед Яр-хана и отправил его в Астрабад, одарив беспредельными милостями и вниманием.

О различных событиях, которые произошли в этом (1597) году (одиннадцатый год царствования шаха Аббаса)

373 К числу других событий этого (1597) года относится и то, что сын Али Яр-хана эймурского, Мухаммед Яр-хан, который после смерти родителя удостоился звания хана и наместника области и которому было по примеру отца пожаловано управление Астрабадом, был убит племенем охлу. Младший брат, по имени Клыч-бек, после убийства брата направился к шаху, и ему было оказано шахом покровительство и внимание, выразившееся в передаче управления Астрабадом. Осчастливив своими милостями, шах отправил его в Астрабад, а сам провел в покое и довольстве все время до конца зимы в своем, подобном раю, городе (Исфагане). Однако он никогда не был небрежным в помыслах о государственных делах и постоянно помышлял об отторжении Хорасанской области из рук противников.

О завоевании Хорасана[1]

387 Известие о смерти Абдулла-хана Бухарского (начало 1598 г.) заставило шаха поторопиться с выступлением в хорасанский поход. 3 рамазана 1006 г. х. (9 апреля 1598 г.) шахские войска двинулись из Исфагана в Бастам через Хар и Фирузкух. Кызылбашскими войсками командовал Ферхад-хан, фарсскими — Алла-верды-хан и керманскими — Гяндж Али-хан. В долине Бастама был сборный пункт всех войск, которые должны были принять участие в хорасанском походе.

388 Хаджи Мухаммед-хан, падишах Хорезма, Араб Мухаммед-султан, его сын, и Нур Мухаммед-хан ибн Абуль-Мухаммед-хан, правитель Мерва, Несы и Абиверда, которые, как уже упоминалось раньше, вследствие нападения войск Абдулла-хана, бежали из своих наследственных земель и искали защиты у шаха, находились в свите его величества.

В Бастаме войска стояли лагерем несколько дней, поджидая остальные части из Кермана и Фарса. В это время прибыло донесение, что Абдуль-Мумин-хан казнил гератского правителя Куль-Бабу, разбил в сражении мятежных военачальников Хезаре-хана и Узбек-хана и теперь направляется в Хорасан. На шахском совете некоторые из военачальников советовали шаху отложить хорасанский поход, но шах настоял на своем. Перед

---

[1] Сокращенный перевод.

выступлением он поручил Ферхад-хану управление Астрабадом и написал приказы на имя населения, аристократов и предводителей сияхпушей. Ферхад-хан послал в Астрабад 300 человек из племени караманлю и своего родственника Караман-бека в качестве «даруги». Предводители астрабадских сияхпушей, враждовавшие друг с другом и побаивавшиеся близости шахской армии, дали вынужденное согласие на то, чтобы принять присланного «даругу». В это время прибыло посольство от Етим-султана, гератского правителя, находившегося во враждебных отношениях с Абдуль-Мумин-ханом. Так как он предлагал свои услуги шаху, то шах был обрадован неожиданным союзником и послал ему ответное письмо и подарки . . .

Итак, в долине Бастама, после того как собрались шахские войска, шах отправил Хаджи Мухаммед-хана через Астрабад в Хорезм, послав указы племенам йака-туркмен саинхани, которые с древних времен были под- *389*
властны султанам Хорезма и жили на берегах Гюргена и Атрека, с приглашением повиноваться Хаджи Мухаммед-хану. Оставив на шахской службе своих племянников Бурундук-султана и Улуг-мирзу с тем, чтобы они постоянно состояли при особе шаха, Хаджи Мухаммед-хан с Араб Мухаммед-султаном, старшим сыном, и другими сыновьями отправился в путь. . . Из Бастама шах направился Джаджермской дорогой. Численность войска достигала 10 000 человек. В Джаджерме шах написал Абдуль-Мумин-хану содержащее «дружеский совет» письмо, в котором предлагал ему мирным образом отдать Хорасан, захваченный бухарскими ханами, но испокон веков принадлежащий иранскому государству. В том случае, если бы Абдуль-Мумин-хан не пожелал отнестись внимательно к советам шаха, последний предлагал ему честно сойтись на поле брани, а не убегать. В Кальпушской долине шах получил донесение, что Ахмед-султан узбекский, пра- *390*
вивший Нишапуром, бросил Нишапурскую крепость. Узбеки разбежались, одни в Мешхед, другие в Герат. Управление Нишапуром было передано Мирзе Мухаммед-султану из племени баят, который был правителем Сабзевара. Войска через Шуган и Джурбул направились в Мешхед. На пути пришло известие об убийстве Абдуль-Мумин-хана. 24 зуль-хиджа (28 июля 1598 г.) войска остановились лагерем в Тусе, где их встречало мешхедское население. На Чарбаге [1] шах делал смотр пленным узбекам, пойманным в Джаме. По их словам Дин Мухаммед-хан объявил себя ханом в Герате и хочет итти на Хорасан с войском в 20 000 человек.

Из Мешхеда были отправлены Будак-хан, чегени, и Шах-кули-султан, баят, с 500 курчи вместе с Нур Мухаммед-ханом. Им было приказано отправиться в Несу, Абиверд и Мерв и завладеть этими землями, чтобы передать их Нур Мухаммед-хану. В пути они получили известие, что Дин Мухаммед-хан наступает на Хорасан с 12 000 узбеков и 3000 хезарейцев. . .

---

[1] Площадь в Мешхеде.

Об отправлении Нур Мухаммед-хана в Мерв с войском кызылбашей, о воцарении его и Хаджи Мухаммед-хана, правителя Хорезма

В начале рассказа о завоевании Хорасана описывалось, что шах отправ-
397 вил в Мерв Нур Мухаммед-хана вместе с Будак-ханом и войском курчи, и что они направились туда, как полагается. В это время правителем в Багабаде являлся сын Турсун Мухаммед-султана, Мухаммед Ибрахим-султан, который был племянником Абдулла-хана и двоюродным братом Абдуль-Мумин-хана, юноша красивой наружности, восемнадцати лет. Когда отряд Будак-хана достиг Багабада, он, слыша об анархии в Мавераннахре, прибытии шаха, прибытии Нур Мухаммед-хана, что произошло одновременно одно за другим, совершенно растерялся и, не имея возможности оставаться на месте, хотел немедленно отправиться в Мерв и далее через Чарджуй в Бухару. Курчи и воины чегени поспешили настичь его подобно «стремительной молнии» и окружили подобно «сияющему вокруг луны ореолу». Узбеки, бывшие при нем, не имея силы отразить натиск кызылбашей, после схватки обратились в бегство. Мухаммед Ибрахим-султан попал в руки кызылбашей, которые, таким же образом овладев областями Несы и Абиверда, направились в Мерв.

Сулейман-ясаул и Вели Мухаммед-султан, братья Дин Мухаммед-хана, находившиеся в Мерве, услыша о наступлении шахского войска и прибытии Нур Мухаммед-хана, растерялись. Не только большая часть племен, обитавших в Мервской области, но, можно сказать, весь народ, там живущий, был на стороне Нур Мухаммед-хана, который имел наследственные права на это государство. Поэтому, видя, что оставаться долее невозможно, они, в крайней степени отчаяния и огорчения, оторвав сердце от страны и имущества, бросились искать убежища. Но то обстоятельство, что шахские войска из Мешхеда направились на Герат и кызылбаши заняли Хорасан со всех сторон, не дало им возможности, пойдя на Герат, соединиться с Дин Мухаммед-ханом. По необходимости они поспешили в Бухару через Чарджуй.

Жители Мерва, выразив преданность Нур Мухаммед-хану, сделали ему торжественную встречу. Население, предводители племен джелаиров,[1] алиэли и прочие туркмены той области и большие толпы всякого народа, собрав-

[1] Монголо-тюркское племя, обитавшее в Мерве в XVI в.; часть этого племени в XIX в. населяла ханство Келатское. Из этого племени выдвинулась в первой половине XIV в. в западном Иране самостоятельная династия, сменившая иранских монголов (ильханов), когда после смерти Абу-Саида в 736 г. х. (1335/36 г.) из образовавшихся еще раньше двух соперничавших групп могущественных эмиров — Хусейна, джелаира, и Эмира Чупана — Хасану Бузургу, джелаиру, удалось захватить Ирак и Багдад и сменить исчезнувшую власть монголов. К этому государству был присоединен в 759 г. х. (1357/58 г.) Азербайджан, отнятый у Золотой Орды, а затем области Мосула и Диарбекра в Малой Азии. Династия эта была ликвидирована в 835 г. х. (1431/32 г.) туркменами кара-коюнлю. (С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевод В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 206—207).

шись вокруг Нур Мухаммед-хана, шли вместе с ним до самого Мерва. В это самое время к ним прибыло известие о взятии Герата и истреблении узбекского войска. Они стали бить в «литавры радости», а в Мерве прочли хутбу и выбили монету с высоким именем (шаха Аббаса) и титулом государя.

Так Будак-хан, военачальники и курчи при помощи шахского правительства посадили Нур Мухаммед-хана на султанский трон наследственного государства, а Мухаммед Ибрахим-султана под конвоем кызылбашских воинов отправили к шаху в Герат. *398*

Об охоте шаха в долине Радкана

Оттуда (из Радкана), охотясь на пути и пройдя Хабушан и Семелькан, шах остановился в Дашт-и-Бахриян. Приняв решение наладить порядок в Астрабадской области, наказать и проучить непокорные и строптивые племена охлу, гёкленов и прочих (туркмен) улусов сапнхани, которые постоянно нападали на области, шах двинулся в том направлении. *399*

О наказании непокорных и восстановлении крепости Мубарек-абада [1]

Хотя в начале книги и изложении событий каждого года соответственно месту и было написано кое-что об Астрабаде, о смутах и анархии в этой стране, однако кратко описать положение Астрабадской области следует и в данном месте.

Итак, резиденция Астрабад, как одно из привлекательнейших мест Ирана, благодаря пленительной равнине, с одной стороны примыкающей к Каспийскому морю, благодаря одинаково чистому воздуху и пышной растительности весной и осенью, представляет собою уголок райского сада. Тамошние люди в высокой степени благочестивы и религиозны. Однако и их общество не свободно от отбросов и черни. По примеру прочих местностей Табаристана, по временам поветрие смут и бунтов западает в голову тамошних людей, которых называют сияхпушами. Во времена покойного шаха Тахмаспа, когда спокойствие и прочность иранского государства лежали

[1] Эта крепость была впервые построена шахом Тахмаспом I (1524—1576 гг.) для защиты Астрабадской провинции от нападений туркмен, признававших тогда власть Хорезма. Крепость с течением времени подверглась разрушению и была заброшена. Находилась она менее чем в 3 фарсахах к северу от г. Астрабада на берегу р. Гюргена. В 1007 г. х. (1598/99 г.) шах Аббас I прибыл в Астрабад и приказал восстановить стены крепости, что было выполнено в течение двенадцати дней; затем он приказал части племени каджар стать гарнизоном в этой крепости. Состоявшие из так называемых «верхних» и «нижних», каджары перессорились и передрались между собой и вынуждены были разойтись. При шахе Насир-эд-дине возле развалин Мубарек-абада была построена для этой же цели крепость Ак-кала. В настоящее время от Мубарек-абада виднеются низкие холмы размытых и осевших стен, а Ак-кала лежит в развалинах (H.-L. R a b i n o. Mázandarán and Astarábád. 1928, p. 86).

на крепком основании, эти люди благодаря мерам, которые принимались правителями, выбрасывали из своей головы страсть к «сияхпушеству» и оказывали власти полнейшее подчинение.

Что же касается племен и родов в улусах саинхани, состоящих из охлу,[1] гёклепов, эймуров, салыров и других, то все они считались подданными хорезмских правителей, были известны под именем йака-туркмен и обитали на берегу р. Атрека, разделяющей провинции Джурджан и Хорезм. Придя на берег р. Гюрген, они возделали много земель для посевов в этой бескопечной равнине и платили земельные палоги правителям Джурджана. Правители, в свою очередь, в интересах заселения страны не чинили им препятствий, и так шло до тех пор, пока мало-по-малу эти люди не дерзнули бунтовать и производить постоянные грабежи в Астрабадской области. Правители Астрабада предпринимали меры для подавления мятежей, которые они заводили, и по этой причине очень часто пределы Астрабада не были свободны от смут и тревог. Покойный шах (Тахмасп), в целях борьбы с чинимыми ими смутами, построил крепость Мубарек-абад на берегу р. Гюргена, и им было дано приказание, чтобы правители, переселившись из города в крепость, находились там постоянно и принимали решительные меры к охране страны во избежание вреда, причиняемого племенем йака-туркмен. Подробности о событиях той эпохи изложены в первой книге на ряду с событиями времени шаха Тахмаспа. После смерти шаха Тахмаспа, когда шах Султан Мухаммед (1578—1587) и иракские войска пошли в Азербайджан и занялись отражением нападений румских[2] войск, а хорасанские военачальники, разделившись на две партии, вступили в междоусобные распри друг с другом, у кызылбашей было столько дела, что в течение нескольких лет они не принимали мер к наведению порядка в Астрабаде, и эта страна не имела назначенного правительством наместника. Племя йака-туркмен и в особенности Али Яр, эймур, осмелевши, приходили к самому Хараб-ханэ и крепости Мубарек-абад, находившейся в трех фарсахах от города, и располагались здесь со своими палатками. Разрушив крепость, они жили совершенно свободно.

Население Астрабада, в целях отражения этого племени, в течение некоторого времени принимавшее меры к самозащите, под конец само заразилось страстью к неповиновению и беспорядкам. В каждом булюке какой-нибудь насильник производил беспорядки, и, таким образом, возобновлялись обычаи «сияхпушества». Построив крепости в своих булюках и собрав изрядное количество стрелков из ружей и луков, они не склоняли головы ни перед кем. С течением времени страсть к властвованию и своеволию окончательно овладела насильниками и предводителями сияхпушей. Благодаря недостатку сообщения и непроходимости дорог, а также благодаря лесным чащам и зарослям, они совершенно перестали повиноваться и подчиняться

---

[1] Примечание на полях: охлу — то самое племя, которое теперь называют ахал.

[2] Турецких.

кызылбашам. Местности, расположенные на берегу р. Гюргена, в степи и на равнине, были предоставлены йака-туркменам. Йака-туркмены, вполне удовлетворенные этим, жили на полной свободе в яйлаках и кишлаках плещущей душу Джурджанской степи, не будучи в состоянии проникать ни в город, ни в лесные чащи и трудно проходимые местности из боязни сияхпушей. По временам йака-туркмены и сияхпуши оказывали друг другу учтивость, и в течение многих лет жизнь их проходила то плохо, то хорошо до тех пор, пока в последние годы шаха Султан Мухаммеда и в первые годы по восшествии на престол шаха (Аббаса) не были назначены для управления Астрабадской областью один раз Муртаза-кули-хан Пернак и другой раз Бедр-хан, афшар, брат Искендер-хана. Они направились в г. Астрабад, но предводители сияхпушей, засевшие в своих булюках и претендовавшие на власть и независимость, в расчете на племя йака-туркмен, как на своих заступников, подняли смуту и бунт и не признали власти наместника. Сопровождавшие наместника не могли удаляться более чем на один фарсах от города и не могли использовать в свое удовольствие ту область. Наконец, из страха перед йака-туркменами и бунтовщиками-сияхпушами они не сочли возможным оставаться долее в Астрабаде и ушли оттуда в плачевном виде.

От сияхпушских предводителей, в особенности от ходжи Шереф-уддина Савери, проистекло много безобразных поступков. Все имущество и вещи Муртаза-кули-хана, которые он имел при себе, они разграбили, у воинов отнимали и лошадей и оружие и, раздевши (их) догола, отпускали.

Так продолжалось до тех пор, пока в Хорасане не произошло узбекское вторжение и под властью узбекских военачальников не очутились области Несы, Абиверда, Дуруна и Багабада, примыкающие к району Кябуд-джамэ [1] Астрабадской области. Абдулла-хан узбекский завоевал Хорезм и выгнал Хаджи Мухаммед-хана, правителя этой страны. Шах, из опасения, как бы предводители улусов саинхани не подчинились узбекам и узбеки не овладели Астрабадской областью при посредничестве и по наущению туркмен, а также, чтобы их смуты не заразили Мазандерана, начал уговаривать это племя, сообразуясь с требованием минуты и здравым смыслом. Из среды этого племени Али Яр-бек, эймур, выделившийся своим влиянием среди других предводителей племен саинхани и живший в окрестностях Мубарек-абада, через сына мир Зия-уд-дина из Фендереска, Мирза-бека, человека преданного чести и здравомыслящего, выражал шаху чувства преданности и сердечного отношения. Шах, принимая во внимание интересы государства, пожаловал его званием хана и отправил на его имя указ быть правителем в Астрабаде.

---

[1] Один из булюков Астрабадской провинции, к северу от р. Гюргена, принадлежавший к булюку Кухсара и ныне называемый Хаджиляр. В первой половине XIV в. описывается Хамдаллахом Казвини как богатый район, производящий много шелку, хлебных злаков и винограда, но в конце того же века подвергшийся опустошению в результате похода Тимура в Мазандеран (H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád. 1928, p. 84); ср. прим. 1 на стр. 105.

Однако предводители сияхпушей не очень-то были готовы согласиться принять его, и он, пойдя им навстречу, путем уступок, согласился на том, что его заместитель («даруга»), находясь в городе, будет отправлять дела управления, а сам он жил среди племени на берегу р. Гюргена. После его смерти его сын Мухаммед Яр-хан, обратившись к шаху, был утвержден шахом на место своего отца. Племя охлу затеяло с ним распрю, и под конец он был убит этим племенем, и Клыч-хан, младший его брат, ходатайствовал перед шахом и точно таким же образом получил указ на управление Астрабадом. Дело его не двинулось вперед из-за непокорности и необузданности племени охлу вплоть до этого (1598) года, когда победоносные войска его величества, выступив для завоевания Хорасана, остановились лагерем в долине Бастама.
401 Взявшись за водворение порядка в области Гургана, шах поручил управление сю Ферхад-хану, который был правителем Мазандерана, и последний, как было указано раньше, послал в Астрабад своего «даругу». Когда шахские войска появились в Астрабадской области, хвастливые бунтовщики испугались, а после того как весь Мазандеран, примыкающий к Астрабадской области, очутился во власти кызылбашей, предводители сияхпушей, опасавшиеся последствий своего своеволия, не нашли иного выхода, кроме повиновения. Заявив о своих верноподданнических чувствах, они приняли участие в хорасанском походе. После казни Ферхад-хана[1] управление Астрабадской областью было поручено Хусейн-хану Зияд-оглы, каджару. Так как в целях подавления беспорядков со стороны бунтовщических племен охлу и йака-туркмен, а также для административного управления Астрабадом шах имел намерение лично отправиться туда, то во время лагерной остановки шахского войска в Дашт-и-Бахриян он отправил раненых воинов и неспособную к бою часть войска через Бастам в Ирак, а сам с отрядом курчи и военачальниками двинулся к Астрабаду.

Для успокоения племени йака-туркмен он командировал Мухаммед кули-бека, одного из своих приближенных, к Кари-хану, охлу, который жил на пути. Был выпущен к туркменским племенам высочайший манифест, который гласил: «Так как туркмены с древних времен были подданными хорезмских султанов; так как в настоящее время Хаджи Мухаммед-хан, падишах Хорезма, и дети его, вследствие превратности судеб, прибегали к шахскому покровительству и некоторое время жили под защитой шаха, а затем с нашею помощью вновь отвоевали свое наследственное государство, и так как Хаджи Мухаммед-хан считает себя в числе наших родственников, и в действительности семейство Хаджи Мухаммед-хана находится с нами в родственных отношениях, то туркменам следует в сопровождении Мухаммед-кули-бека выйти на торжественную встречу шаха, чтобы удостоиться чести «поцеловать ковер». Туркмены, нисколько не должны беспокоить себя тревожными мыслями по случаю прибытия шахского войска, так как, если они будут продолжать оставаться

[1] По приказу шаха, — об этом говорится в одной из предыдущих глав, стр. 396.

на прежних местах, то, кроме милости и участливого внимания по отношению к ним, не будет проявлено ничего иного».

Предводители сияхпушей, следовавшие вместе с войском, показывали ему путь, и войско шло по дороге через ущелье Кябуд-джамэ. Кари-хан, охлу, оказав уважение и почет Мухаммед-кули-беку, условился с последним, что он, посовещавшись с другими предводителями и старшинами улусов и уговорив их подчиниться и заявить верноподданнические чувства шаху, в сопровождении его, Мухаммед-кули-бека, поспешит к шаху для выражения верноподданнических чувств. Однако глупые люди этого племени, несмотря на то, что прошло уже много лет, как они бежали из Хорезма, причем все это время своевольничали и в настоящий момент не оказывали повиновения своему правителю (Кари-хану, охлу), при мысли о приближении шахского войска перепугались на смерть. Уклонившись от изъявления верноподданнических чувств перед шахом, они пустились в бегство и перекочевали в сторону Атрека. Толпа головорезов этого племени без стеснения напала на дом Мухаммед-кули-бека. Его военный отряд приготовился к защите, и между обеими сторонами произошло побоище. Нападавшие в нескольких местах ранили Мухамед-кули-бека, несколько человек из его отряда было убито. Разграбив имущество Мухаммед-кули-бека, они поспешили догонять свое племя.

После того как известие об этом было получено шахом, он, выйдя в тот же день из Кябуд-джамэ, приказал пуститься в погоню за этими злосчастными. Ночью отряды домчались до становища туркмен, которые, бросив на месте палатки, шатры и кибитки, бежали. Была темная ночь, и ее непроницаемый мрак напоминал «колодец бедствий». Воздух был насыщен, «глаз облака не переставал лить слезы». Шах возымел желание, пока не настигнут Кари-хана и не захватят его в свои руки, не прекращать погони и не останавливаться нигде. Желавшие добра благоразумные люди, умудренные испытанием судьбы, доложили шаху, что нет такого обычая, чтобы падишахи в ночной тьме лично преследовали бунтовщика.

Согласившись на слова людей здравомыслящих, шах зашел в юрты туркмен. Так как основная задача шахского приезда в Астрабад заключа- *402*
лась в том, чтобы очистить эту область от мятежников, то, оставив там больных воинов и назначив для их охраны отряд стрелков под командой помощника начальника пушкарей Бархурдар-бека, шах, лишь только забрезжило утро, несмотря на то, что воздух был влажен и с облаков капало, сел на коня и доехал до кочевья племени охлу, находившегося на берегу р. Атрека. Кари-хан, очутившись в безвыходном положении, бросил племя и кочевье, переплыл воды Атрека в сопровождении небольшого количества всадников и поскакал в степь. Племя же досталось в добычу воинам. Мужчины были перебиты, женщины и дети попали в плен, имущество, лошади и стада пошли «на ветер грабежа и расхищения». Так как было неизвестно, в какую сторону бежал Кари-хан, шах отказался от скачки по безводной степи и повернул обратно. На берегу р. Гюргена около мечети, где был похоронен Шамс-

уль-Маали Кабус-ибн-Вушмгир,[1] шах присоединился к войску. Сделав оттуда переход, шах остановился у стен крепости Мубарек-абада. Старейшины других племен саинхани — эймуров, гёкленов, салыров и пр., — испугавшись шахского гнева, пришли к шаху выразить верноподданнические чувства и были встречены милостиво. Шахом было решено восстановить крепость Мубарек-абад. Все стороны крепости были распределены между начальниками и воинами, и они приступили к работе. В течение двенадцати дней возведение крепостных стен, чрезвычайно толстых и высоких, было окончено.

[Далее описывается, как шах прощает былые прегрешения сияхпушей и соглашается считать «то, что было, как бы не было»].

402 «В настоящее время, когда с помощью божией и силою шахского войска окраины государства умиротворены и области Табаристана, Джурджана и Хорасана до берегов Мургаба находятся во власти государственных управителей, а султаны Хорезма и Ургенча подчиняются (нам) и повинуются, когда бунтовщики улусов саинхани понесли наказание и те, что уцелели от меча, обращены в рабов, когда, наконец, полномочный правитель управляет делами государства, и следовательно с этого момента гарантируется безопасность от насильников и притеснителей человеческого рода, им, сияхпушам, нет никакой нужды, в таком случае, содержать крепости. Необходимо, чтобы они срыли свои крепости, передали правителю имеющееся у них всякого рода оружие, так как оно пригодится для дела в крепости Мубарек-абад, и сами переселились к Мубарек-абаду для постоянного там жительства. По старинному обычаю они должны заняться посевами и крестьянствовать, а «сияхпушский образ жизни» бросить, чтобы и назначенный государством правитель и они сами, находясь в безопасности, могли доверять друг другу».

Очутившимся в безвыходном положении сияхпушам ничего не оставалось иного, как выполнить шахские требования. Начальникам кызылбашей было поручено отобрать оружие. Сокрытие оружия грозило «пролитием крови»...

403 В крепости Мубарек-абад было сложено несколько тысяч ружей, кольчуг, колчанов и самострелов. Сияхпушские крепости были срыты. Сияхпушские предводители были переведены на жительство в Мубарек-абад. Главный предводитель сияхпушей ходжа Шереф-уд-дин Савери[2] был казнен.

О походе шахского войска в области Абиверд и Мерв, взятии этих областей и пленении Нур Мухаммед-хана узбекского

Между тем, шах именно так, как уведомлял Нур Мухаммед-хана, принял

416 твердое решение повидаться с последним и, выехав из резиденции в Герате, отправился через Серахс. Когда шах прибыл в местечко Чахча, выяснилось

[1] Так называемый Гумбед-и-Кабус (о нем см. прим. Редакции на стр. 69).

[2] Савер — западный булюк (округ, район) Астрабадской провинции, составляющий вместе с Шахкухом одну административную единицу,

с достоверностью, что Нур Мухаммед-хан поступил подло и не выехал навстречу для приема гостя. Поручив надежным людям крепости Мерв и Абиверд и приведя в порядок все необходимое для того, чтобы выдержать осаду, он сам направился в Несу и Багабад, которые хорошо укреплены.

Из Чахча[1] в Мерв для осады крепости шах послал Хусейн-хана, шамлю, хорасанского беглербеги, в сопровождении меручакского правителя Бекташ-султана, правителя Гурияна Камбар-хана, шамлю, серахского правителя Ибн-Хусейн-хана и военачальников племен, подвластных правителю Герата. Сам же со своими людьми, которых он взял с собою для охоты, и численность которых в данное время не превышала 460 человек, направился на Абиверд и осадил крепость. Когда Нур Мухаммед-хан, находившийся в Несе, услышал о приближении шахского войска, то, несмотря на ничтожность шахского и многочисленность своего войска, он растерялся и перепугался шаха. Среди его войска произошли раздоры и разногласия. Около 5000 человек из племени джелаир, али-эли и племени саинхани, которые *417* имели свои юрты в областях Несы, Дуруна и Багабада и до этого времени служили ему, в той самой Несе ушли от него и разбрелись по своим жилищам. Нур Мухаммед-хан с 2—3 тысячами человек направился быстрым маршем в Мерв, сделав переход через пустыню. На пути его войска также искали случая отстать от него. На каждой стоянке некоторое количество войска убегало от него до тех пор, пока он не добрался до Мерва с небольшим числом людей. В Мерв он вошел ночью через Ургенчские ворота. Весть о его приближении дошла до шахских военачальников, которые находились в Мерве. Бекташ-султан, устаджлю, и Ибн-Хусейн-хан с отрядом воинов вышли ему навстречу, чтобы поймать его на дороге.

Дорогою было выяснено, что Нур Мухаммед-хан, направившись через пустыню, прошел мимо. Военачальники возвратились и пошли быстро в погоню за ним. Однако до того времени, как прибыли военачальники, он (хан) успел добраться до крепости, но конное снаряжение и часть оружия попали в руки неприятелей. Когда шах стал осаждать крепость Абиверд, он разослал приказы о явке иракских, фарсских и хорасанских войск и приказал Будак-хану, правителю Мешхеда, и Мирзе Мухаммед-султану, баяту, правителю Нишапура, чтобы они шли на Мерв для помощи Хусейн-хану, а Хусейн-хану, каджару, астрабадскому правителю, отдал распоряжение итти на крепость Несу. Правитель же Исфераина и правители некоторых (других) областей получили назначение итти на помощь Хусейн-хану, каджару.

Шахские войска повели осаду крепости Абиверд. Каждый день (новые) отряды прибывали в шахский лагерь. Они возводили заслоны, устраивали подкопы, сооружали насыпи, стараясь закончить (поскорее) все необходимые работы для того, чтобы взять крепость. Так продолжалось до тех пор, пока осажденным не стало туго. Услыша о том, что дело Нур Мухаммед-хана

[1] Между Серахсом и Келат-и-Надири. На сорокаверстной карте обозначены два пункта с таким наименованием.

проиграно и что войско его разбежалось, осажденные стали просить прощения и помилования. На 24-й день осады они сдали крепость.

[Далее описывается, как происходила сдача крепости ее начальниками, Садык-беком и Касым-беком, надевшими «халат пощады», и какое впечатление произвело на Нур Мухаммед-хана известие о сдаче Абивердской крепости и приближении к Мерву шахского войска. «Закусив зубами палец удивления», он начал совещаться со своими министрами и вести переговоры, но прибытие войска к самим стенам крепости положило конец его колебаниям. В тот же день он стал бить «поклоны стыда и раскаяния перед шахом». Шах обошелся с ним чрезвычайно мягко. Несмотря на компрометирующую его переписку, попавшую в руки шаха, и другие непохвальные поступки, он не только его простил, но даже оказал ему всевозможные милости.]

На другой день после сдачи Мерва Нур Мухаммед-ханом шах вошел в Мерв. В главной мервской мечети была прочитана хутба — впервые за 80 лет — именем иранского шаха, так как после смерти шаха Исмаила (1524) Мерв был потерян Ираном. Управление Мервом было поручено бывшему меручакскому правителю Бекташ-хану, устаджлю. Оставшимся мервским воинам было приказано сдать оружие и расходиться, кто куда хочет, а кто ранее занимался крестьянством, тому предложили спокойно пахать землю. Находившимся все это время в тревоге мервцам было дано и выполнено обещание, что кызылбаши не тронут ни одного человека. Мервская крепость была обнесена глубоким рвом и снабжена припасами и оружием в достаточном количестве. Башни и стены были исправлены.

Нур Мухаммед-хан со всеми своими детьми и родственниками поселился в Ширазе и в этом «подобном Ирему» городе проводил свои дни, получая ежедневно субсидию в размере 10 000 иракских динаров.[1]

418 Хусейн-хан Зияд-оглы, каджар, астрабадский правитель, которому было поручено взять крепость Несу, овладел ею. Управление областями Несой, Абивердом и Багабадом получил Мулькаш-султан, брат Бекташ-хана.

О нашествии узбекского войска на Хорасан

653 Дело заключалось в том, что в конце осени и начале зимы этого (1617) года Имам-кули, хан узбекский, правитель Мавераннахра, послал для набега на Хорасан тридцать тысяч человек узбекского войска под начальством Назар Тугая, диванбеги-баши. Переправившись через Аму, узбеки вошли в область Мерва, а оттуда в Абиверд, через Дерегез. Они произвели набег до самого Нишапура и принесли много вреда и несчастий племенам баятов, чемшкезек и другим.[2]

---

[1] По тому времени эта сумма равнялась одному тавризскому туману.

[2] В 1018 г. х. (1609/10 г.) мулла Джеляль-и-Езди пишет: «Когда губернатор Мерва Бекши-хан умер, область Мерва была отдана шахом Аббасом Михраб-хану, каджару, правителю Мешхеда, а мешхедское губернаторство было поручено Шах Назар-хану, текелю». Михраб-хан умер в Мерве в 1032 г. х. (1622/23 г.).

Об отправке к шахскому двору послов от узбекских султанов для заключения мира (1621 г.)[1]

У него (у Феридун-хана, правителя Астрабада) за все время управления 681
происходили большие столкновения и войны с «разбойниками и бунтовщиками» племени саинхани, которые, слывя под именем туркмен, постоянно умножали смуту, производя восстания в Астрабадской области. Но благодаря своей храбрости и неустрашимости Феридун-хан постоянно одерживал над ними победы, так что из этой шайки смутьянов, в особенности гёкленов и охлу, которые в бунтах и смутах были впереди всех других племен и делали нападения чаще чем другие, он не оставил в живых ни одного человека.

Управление Астрабадской областью было возложено (после смерти Феридун-хана) на Бехбуд-хана, черкеса, но так как образ его обхождения вызвал неудовольствие населения этой области, то по этой причине он получил отставку, и пост правителя был поручен Хосров-хану, человеку опытному в делах управления и до того времени служившему в придворных гулямах.

О завоевании Кандагара и Земиндавера

Из прочих событий нужно отметить прибытие к шахскому двору 688
Исфендияр-хана, сына Араб Мухаммед-хана, правителя Хорезма. Султаны Хорезма, в особенности Хаджи Мухаммед-хан, отец Араб Мухаммед-хана, постоянно искали сближения с шахским двором и соблюдали обычай взаимных посещений во всех случаях, а в трудные минуты прибегали к покровительству шахского двора и с помощью шахских слуг получали желаемое. Так, например, обращались к шаху Хаджи Мухаммед-хан и его сыновья во время завоеваний Абдулла-хана узбекского и сына его (Абдуль-Мумин-хана). Благодаря расположению и помощи со стороны шаха они вновь обретали султанскую власть над той страной, о чем было писано при изложении событий того времени. В настоящее время (1621 г.) братья Исфендияр-хана (Хабаш и Ильбарс) взбунтовались против своего отца и в союзе друг с другом схватили его и лишили власти. Так как Исфендияр-хан возмутился дикими поступками и, чтобы помочь отцу, затеял борьбу с братьями, то они выжгли отцу глаза раскаленным железом, брата же решили захватить в плен. Когда три брата вошли в соглашение друг с другом, Исфендияр-хан, не имевший силы сопротивления, бежал и, добравшись до Астрабада, решил направиться к шаху. Он присоединился к шахскому войску во время кандагарского похода и был участливо принят шахом. Последним по возвращении из похода были выпущены приказы на имя военачальников и предводителей племени саинхани с требованием оказать помощь Исфендияр-хану. Правитель г. Астрабада и военачальники области

[1] Дается отрывок, относящийся непосредственно к туркменам.

также получили приказание помочь ему. Исфендияр-хан отправился к предводителям племени саинхани, собрал отряды и с помощью астрабадского войска, дав братьям сражение, оказался победителем. Из всех братьев только Абулгази-султан по отношению к Исфендияр-хану выражает знаки повиновения и подчинения, а от Исфендияр-хана ко двору шаха постоянно являются послы, докладывают о преданности и искренней дружбе и получают в ответ благосклонность и ласку.

УСИЛЕНИЕ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА И БОРЬБА ЕГО С ИРАНОМ ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ В МЕРВЕ И ДРУГИХ РАЙОНАХ, НАСЕЛЕННЫХ ТУРКМЕНАМИ

(Извлечения из рукописи Мухаммед Ма'сума и Мухаммед Тахир-и-Вахида, продолжения „Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси" Искандера Мунши)

Перевод под. ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

О подавлении мятежей в Хорасане

106 Из событий и происшествий 1038 г. х. (1628 г.), случившихся в Хорасане, (необходимо отметить) беспорядки и мятежи, произведенные сыновьями правителя Хорезма Араб Мухаммед-хана, сына Хаджим-хана узбекского. Предки их в прошлые времена постоянно выражали чувства преданности дому сефевидов, соблюдая полное согласие, и, как это было описано во второй книге истории «Алям-ара-и-Аббаси», Хаджим-хан и дети его, вслед-
11а ствие захвата мятежниками покинувшие свои наследственные владения и ушедшие искать защиты при дворе шаха, с его помощью получив верховную власть над наследственными владениями, снова обрели могущество. До конца своей жизни Араб Мухаммед-хан, сын Хаджим-хана, соблюдал искренние отношения, согласие и преданность шахскому двору. После смерти Араб Мухаммед-хана между его детьми возникла вражда. Исфендияр-султан, старший из братьев, побежденный младшими братьями, пришел за защитой к шахскому двору и сопровождал шаха в кандагарском походе, находясь в составе шахской свиты и получая содержание от шаха. И так как Исфендияр-султан был старшим сыном, то он получил от шаха титул «Валя-хан». Племена туркмен саинхани, жившие в Астрабадской области и подчинявшиеся шахским приказам, были назначены ему в помощь. Исфендияр-султан, полагаясь на помощь и поддержку шаха, отправился в Хорезм, одолел заведших раздоры братьев и стал владыкою государства. Он вступил в союз с братом Абулгази-султаном, а остальных братьев, оспаривавших власть, прогнал. Он (Исфендияр) отдал Абулгази несколько местностей из наследственных владений, остальные же местности взял себе.

В то время, когда известие о смерти шаха (Аббаса I) пришло в Хорезм, он (Исфендияр), «положив на полку забвения» обязанность быть благодарным шаху за воспитание и оказанные ему милости, вознамерился завоевать и захватить области Мерва, Несы, Дуруна, Абиверда и те области, которые шах Аббас I, как это уже описывалось в «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси», отнял от владевшего ими Нур Мухаммед-хана, сына Абуль-Мухаммед-хана, сына Дин Мухаммед-хана, сына Аванеш-хана узбекского, (области), уже свыше 30 лет находящиеся в ведомстве шахского дивана и управляющиеся эмирами кызылбашей. Основываясь на тех доводах, что упомянутые области раньше принадлежали узбекам, он пришел в Хорасан, преисполненный самомнения и высокомерия, с намерением завоевать их. По этой причине появились в тех странах мятежи и восстания... Несколько человек из знатных лиц Несы и Дуруна, стакнувшихся с мятежниками, послали человека к Абулгази-султану и пообещали отдать ему крепости (Несы и Дуруна), возбудив в нем, таким образом, желание пойти туда.

Мухибб-Али-султан, сын Бекеш-хана, устаджлю, был несведущим молодым человеком, еще не имевшим жизненного опыта, и только за заслуги его отца, Бекеш-хана, шах, воспитав сына, поручил ему управление Несой. *11б*
Огурлю-султан, который (ранее) служил в придворных гулямах и уже более 20 лет, получая содержание, был правителем Дуруна, вследствие «ужасного происшествия с шахом»[1] и боязни союза аристократов Дурунской области с узбеками, пал духом и, оставив государственную крепость, ушел из нее. Абулгази без всяких препятствий и борьбы овладел упомянутыми областями и взял крепости. Назначив для крепостей охранителей, он отправился на завоевание крепости Абиверд.

Исфендияр-хан, сделавший своей безумной мечтой замысел завоевать Мервскую область, поспешил туда с многочисленным войском. Когда известия о смутах и мятежах в Хорасане, приведших в смятение хорасанцев, дошли до шаха, то для подавления беспорядков и анархии в области, для успокоения хорасанцев и для приведения в порядок и укрепления крепостей шах избрал Му'тамад-уд-доуле Заман-бека, назира и туфангчи-агасы, который был надежным слугой государства и отличался большим умом, знанием дела и практической опытностью, и отправил в ту сторону с войском из шахских полков и гвардейских стрелков...

Не успел прибыть туда Заман-бек, как огонь смуты, поднятой злоумышленниками, был потушен силою оружия знаменитых военачальников и победоносных воинов, при одном слухе о прибытии шахских войск. Для ясности понимания и подробностей изложения необходимо сказать, что, когда султаны Хорезма, пришедшие в Хорасан, подняли «знамя спеси и самомнения», они разослали манифесты военачальникам, юзбеги[2] и предводителям туркменских племен карамашей, джелаиров, салыров и других, которые до

---

[1] Т. е. смерти шаха.

[2] Сотникам.

этого в течение долгого времени подчинялись шаху, видели от него ласку и заботу, всегда проявляли готовность служить и были расположены к правительству шаха. Из среды (туркменских) предводителей султаны пожаловали титулом эмир-уль-умара Рахман-кули-султана, карамаша, и надавали ему прекрасных обещаний. Большая группа предводителей туркменских племен, прежде всего упомянутый Рахман-кули, изменила шахскому правительству и, собрав около 6—7 тысяч человек, стала помогать упомянутым султанам. 12а

Исфендияр-хан дошел с хорезмским войском до Мерва и остановился в окрестностях города, разбив лагерные палатки. Он завел переписку с Ашур-ханом, чегени, мервским правителем, и, рассчитывая на согласие мервцев, хотел хитростью выманить его из крепости, чтобы таким образом овладеть областью. Однако Ашур-хан, назначив караульных в крепости, сам вышел из крепостных ворот с полком кызылбашей и полком «туфангчи» (стрелков) и против узбекского войска построил ряды своего. А с той стороны Исфендияр-хан с чрезвычайной гордостью и спесью вышел против шахского войска. Между противниками произошло сражение. Кызылбашские войска, показав образец храбрости и мужества, одолели это громадное полчище. Побежденный Исфендияр-хан был принужден бросить все лагерное имущество и бежать. Его лагерь был разграблен шахскими войсками.

Абулгази-султан, после взятия крепости Несы и Дуруна, как уже упоминалось, подступил к Абиверду. Джемшид-султан, который принадлежал к группе грузинских гвардейских гулямов и был пожалован званием эмира и назначен правителем Абиверда, а также воины ирлю афшар, его слуги в твердом намерении не сдаваться, укрепили крепость, правителя (же) Мешхеда, Менучихр-хана, они известили о случившемся. Менучихр-хан, послав сообщение о происшествии окружным военачальникам, двинулся к Абиверду. Военачальники, в особенности Байрам Али-султан, баят, нишапурский правитель, Ахмед-султан, чегени, правитель Сабзевара, и другие военачальники, присоединившись к Менучихр-хану со своими войсками, приведенными в боевую готовность, поспешили на бой с Абулгази. Абулгази, извещенный о наступлении кызылбашского войска, опустошил и разграбил страну и награбленное, состоящее из скота, отправил вперед и двинулся на Несу. Он уже прошел несколько фарсахов, как вдруг сзади показались передовые отряды кызылбашского войска. Абулгази повернулся, и войска узбеков и текинцев-туркмен выступили против войска кызылбашей; обе стороны выстроили ряды, и между неприятелями произошло упорное сражение. Кызылбаши после больших усилий побили это полчище разбойников, добившись победы. Абулгази, побежденный шахским войском, бросил награбленное и ушел в Дурун. Менучихр-хан и военачальники, считая неблагоразумным в данный момент оставлять Мешхед без войска, возвратились назад, и каждый поспешил к месту своего управления.

К Заман-беку, который пришел в Хорасанскую область с полком «туфангчи», присоединился Хусроу-хан, астрабадский беглербеги, с военачальниками и воинами из племени чемшкезек, хаджиляр[1] и других племен. Слух о прибытии иракского войска получил распространение в этих краях. На помощь шахскому войску против Рахман-кули, карамаша, и полчища туркмен, которые, изменив шахскому правительству, собрались воедино против тех несчастных,[2] отправился из числа военачальников Али Яр-хан, керапли, принадлежавший к племени джагатаев, один из влиятельных военачальников шахского правительства, обладатель многочисленного войска из джагатайского племени. Он явился с полком из племен керапли, джеларов и кераджеви. Между (противными) сторонами произошло жестокое сражение. Али Яр-хан одержал победу над этими отбросами, численность которых доходила до 6—7 тысяч, и «острой саблей стер со страницы жизни рисунок бытия многочисленного отряда из этих людей». Огонь смуты, поднятый мятежной шайкой, потух. Те, кто уцелели от мечей в этом полчище, раскаялись и принесли повинную. Старейшины туркмен пришли к Заман-беку, готовые к оказанию услуг шахскому правительству и проявлению преданности, так что, например, сын Рахман-кули-бека из расположения к сефевидам собственного отца предал казни.

Абулгази же, прибыв в области Несы и Дуруна, добился расположения жителей Несы и уговорил их защищать крепость, а сам пошел в Дурун и там получил известие о поражении Рахман-кули и туркмен, своих помощников, а также известие о прибытии иракского войска. Не имея возможности оказывать сопротивление, он решил возвратиться в свою страну, и, двинув для переселения многих жителей крепости и области, с большим количеством имущества и добычи, с бесчисленным количеством животных, которые он собрал, отправился в Хорезм.

Когда Заман-бек узнал об этом, он послал против него Али Яр-хана с полком племени кераили и другими. Абулгази, выступив из Дуруна, уже прошел, нигде не останавливаясь по дороге, расстояние около 25 фарсахов, как Али Яр-хан, имея при себе небольшой отряд, быстрым маршем нагнал его. Противники взялись за оружие, и произошло ужасное побоище. На Абулгази напал безмерный ужас. Шахские войска одержали над ними победу, и многочисленное войско неприятелей было уничтожено. Вместе *13а* с теми, что уцелели, бросив и награбленное и тех людей, которых он хотел переселить (в Хорезм), (Абулгази), поспешно обратился в бегство. Боль-

[1] Хаджиляр — один из булюков Астрабадской области, к северу от р. Гюргена, принадлежащий к Фендереску, называвшийся также Кябуд-джамэ, заселенный теперь остатками тюркского племени герайли, потомками некоего хаджи, получившего во владение этот булюк за услуги, оказанные шахским войскам. В память этого хаджи и стали называться его потомки, а их прозвище стало затем географическим названием. Булюк заключает в себе 12 селений и 6495 душ населения (H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, p. 83; Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, стр. 80); ср. прим. на стр. 95.

[2] Т. е. населения осаждаемых хорасанских городов.

шая часть оружия, военного имущества, труб, запасных лошадей, которых Абулгази имел с собою, попала в руки победителей. Али Яр-хан возвратился победителем, вернув обратно и добычу, и пленников.[1]

Так как владетели Несы разочаровались в хорезмских султанах, то многие из них выразили явное расположение к кызылбашам и преданность шаху. Большинство узбеков, остававшихся в крепости, перестало доверять жителям Несы и, отчаявшись притти к соглашению с ними, сочло за самое лучшее бежать и убежало. Заман-бек послал воззвание к значительным лицам и населению крепости Несы. Те, которые изъявили преданность шаху, казнили несколько человек за то, что они подбили их на мятеж. После того они отдали крепость шахским начальникам, крепость Несы, которая по своей неприступности и укреплениям известна повсюду, наравне с другими крепостями вторично оказалась во власти кызылбашского войска. Заман-бек, назначив опытных караульщиков и знающих дело стрелков, принял меры к ее укреплению. С Мухибб-Али-султана, устаджлю, и Огурлю-султана, гуляма, которые, будучи правителями Несы и Дуруна, не отвечали благодарностью на оказываемые в течение многих лет шахским правительством милости, по малодушию и дурным побуждениям отказались от защиты крепости, от самопожертвования и соблюдения признательности к своему благодетелю, вышли из (крепости) и, таким образом, провинились в тот самый критический момент, когда следовало проявить особенную заботливость, — ради примера и угрозы другим шахским подданным, согласно приказанию шаха, содрали живьем кожу и тела их повесили на воротах крепости для назидания зрителям, очистив таким образом всю территорию этой провинции от враждебных и бунтовщических элементов. Всякие мятежи и беспорядки, которые имели место, были уничтожены благодаря счастливой звезде шаха и стараниям его самоотверженных слуг. Шахским двором были назначены новые правители, а возмутители понесли должное по заслугам. Все те, которые проявили верность и преданность, были пожалованы денежным вознаграждением и поместьями. Хусроу-хан, астрабадский беглербеги, и подчиненные ему военачальники, получив разрешение удалиться, поспешили к местам своего управления. Заман-бек после упорядочения тамошних дел и устройства всего необходимого для крепостей, отправился в Мешхед.

О событиях, происходивших на границе Герата и в Меручаке на Мургабе

В «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» было написано, что Надир Мухаммед-
136 хан, сын Дин Мухаммед-хана, правитель Балха и подчиненных ему местностей, брат Имам-кули-хана, падишаха Мавераннахра и Туркестана, вследствие близкого соседства с Хорасаном, в течение почти 10 лет, руко-

[1] В сочинении Абулгази данный эпизод обходится молчанием, несмотря на то, что прочие события этого периода описываются вообще довольно подробно (ср. texte, p. 298—309).

водясь указаниями своего проницательного ума, изъявлял чувства преданности и единения по отношению к шаху, систематически отправлял опытных послов с подношениями и подарками и писал послания истинно дружеские. (В свою очередь), со стороны шаха посылались покровительственные письма и приличествующие драгоценные подарки, и между обеими сторонами «были 14а открыты двери взаимного посещения и протоптана тропа сердечной прямоты и дружбы.» В то время, когда с шахом произошел ужасный случай,[1] и когда бунтовщики и мятежники, которые постоянно жаждут анархии и беспорядков, отовсюду подняли голову, мечтая о мятежах и смуте, племя узбеков, люди Надир Мухаммед-хана, также собравшись в полчище, вышли за черту учтивости и вторглись в Бадгисскую область Герата. Сделав набег, они произвели некоторые опустошения, пожгли зерновой хлеб Бадгисской области, а также в Меручаке и его окрестностях, все разрушив, все разгромив. Один полк пришел к Меручакской крепости и остановился лагерем в ее окрестностях.

Хусроу-султан, правитель Меручака, воины шамлю и другие, находившиеся при нем, решили защищать крепость. Хотя и нет такого обычая, чтобы крепостной гарнизон выходил из крепости наружу и без всякой выгоды дрался с неприятелем, тем не менее воины Меручака в силу чрезмерной храбрости правителя и собственной отваги и мужества не смогли вытерпеть; каждый день отряд за отрядом выходил за крепостные ворота, завязывал сражение с узбеками, и всякий раз падало сраженными несколько знаменитых богатырей; из воинов (защитников) умирало также немало. Узбеки находились под стенами крепости 12 дней; когда они увидели, что не могут подступиться к ее валам, они отчаялись в достижении поставленной задачи и отступили, потерпев полный неуспех.

Во второй раз узбекское войско, пришедшее в Бала Мургаб, хотело построить там такую крепость, которая могла бы противостоять крепости Меручаку.[2] Хусроу-султан и воины Меручака пошли на то полчище, и между противниками произошло сражение. После сражения воины Меручака оказались победителями, множество узбеков было перебито, и узбекское войско вернулось, не сделав ничего.

Тогда же большое скопление мятежников из кыпчаков, которые встречаются в окрестностях Герата и считаются подчиненными беглербеги Хорасана, вознамерилось поднять бунт, и с их стороны последовал ряд бунтовщических поступков. Хасан-хан, шамлю, хорасанский беглербеги, с целью наказать их, выступил из Герата. Он пошел на бунтовщиков с многочисленным войском, захватил несколько важных лиц из этой шайки и воздал им должное по заслугам. Эта толпа мятежников получила достаточное наказание, и остальные стали держать себя учтиво.

---

[1] Т. е. когда он умер.

[2] О местоположении городов Бала Мургаба, иногда называвшегося просто Мургабом, и Меручака см. В.В.Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 25 и сл.

Итак, когда Заман-бек, хорасанский «сипахсалар» (главнокомандующий), как упоминалось выше, освободившись от дел по устройству крепостей Несы и Дуруна, пришел в Мешхед, он и там также закончил все необходимые дела. Затем, решив отправиться в Герат для ликвидации беспорядков, учиненных узбеками, для наведения порядка в крепостях Меручака и Нерету,[1] а также для устройства дел той окраины, Заман-бек двинулся туда в сопровождении Менучихр-хана, мешхедского правителя, и собравшихся военачальников и воинов. Хасан-хан, беглербеги, для встречи их вышел к Гуриану, там они встретились друг с другом, отправились вместе устраивать дела в крепостях и переправили приблизительно 3000 харваров пшеницы в запасы крепости Меручака. Назначив около 500 человек «туфангчи» для защиты Меручака, они отправили их с прочими необходимыми для крепости припасами. Около 200 человек из шахского войска, «туфангчи» и «туфангчи-баши» из шахской свиты они послали охранять по дороге припасы и вооружение, о котором, упоминалось, (приказав) доставить все это в крепость и возвратиться назад. Сами они после того, снявшись с лагеря, отправились в Герат и точно таким же образом устроили все необходимое для крепости Нерету, одной из известных крепостей Хорасана.

Встретившись в области Меручака с авангардом кызылбашей, отряд узбекского войска завязал сражение. В результате сражения, происшедшего между противниками, кызылбашские войска вышли из него победителями, и целый отряд узбеков был перебит. Солдаты и туфангчи-баши выполнили упомянутое поручение, доставили в крепость припасы и оружие и, вручив его правителю крепости, воротились.

Почтенный узбекский военачальник по имени Ораз-бий, назначенный Надир Мухаммед-ханом охранять пограничные линии у кызылбашских областей, Меручака и Мургаба, был правителем Чечекту[2] и Меймене.[3]

О событиях в Хорасане, о смутах узбеков; отправка Халяф-бека, суфречи, для командования хорасанским войском и отражения узбеков

В конце прошлого 1040 г. х. (1630/31 г.) из донесений военачальников с хорасанской границы и сообщений прибывающих шах (Сефи) узнал, 506 что узбеки, «положив на полку забвения» договор и условия, которые

[1] Кр. Нерету (в окрестностях Герата) играла видную роль еще в первой половине XV в. при Тимуридах. См. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 123 и сл.

[2] Чечекту — деревня в юго-западной части области Меймене, в афганском Туркестане, в 7 англ. милях приблизительно к востоку от Чахаршамбэ. В начале 1886 г. С. Е. Yate нашел здесь старое разрушенное укрепление и слышал рассказ о взятии его туркменами за 10 лет до этого. Northern Afghanistan, 1888, p. 130—131. Упоминаемая нашим автором крепость Чечекту была выстроена при Тимуридах в первой половине XV в. (В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 123).

[3] Город в афганском Туркестане, бывший центр независимого Узбекского ханства. В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, стр. 23—24.

были заключены между Заман-беком, прежним командующим хорасанскими войсками, и знатными лицами из узбеков Балха, в частности, на что указывалось в своем месте, Ораз-бехадуром (Ораз-бием), правителем Чечекту, вторично питают мятежные помыслы и желание повести войска на завоевание крепости Меручака и что со стороны Имам-кули-хана, падишаха Мавераннахра, также пойдет через Чарджуй большое войско для завоевания крепости Мерва. 51a

Сановники иранского правительства считали полезным послать в Хорасан кого-либо из сановников государства и кызылбашских вельмож с отрядом из шахских войск с тем расчетом, что если событие (вторжения) на самом деле будет иметь место, то беглербеги, военачальники и войска кызылбашей, находящиеся в Хорасане, могли бы встать на защиту страны и отразить противников. После внимательного рассмотрения кандидатуры каждого из преданных правительству лиц, опытных и искусных, жребий полномочия упал на имя Халяф-бека, суфречи-баши шаха (Аббаса), который во времена того шаха проявлял ревностную службу и самоотверженность и был проверен в испытаниях судьбы. Он был пожалован званием начальника шахского войска. Сопутствовать ему получили назначение отряды хорасанских «туфангчи», полк шахских «туфангчи» и некоторые полки кызылбашей. Вышел указ, чтобы Халяф-бек, суфречи, по мере потребности включил в число шахских отрядов годных для дела и метко стреляющих «туфангчи» из хорасанских племен и начал войну против врагов веры и государства. Вышеупомянутый начальник, согласно шахскому приказанию, выступил из Исфагана и направился в Хорасан.

Между тем Ашур-хан, чегени, который был правителем в Мерве, умер. В мервской крепости не было правителя и командующего войсками. Так как мервские войска в большинстве принадлежали к племени каджаров и служили под начальством Мирхраб-хана, прежнего правителя, то область и власть над нею была поручена Муртаза-кули-беку, сыну его, который в этом году был назначен правителем и «даругой» Казвина и уже отправился туда. Вышел указ, чтобы ему из Казвина как можно скорее отправиться в Мерв. Вышеупомянутый, согласно указанию, направился к месту своего назначения.

Пришедшие некоторое время спустя лазутчики принесли известие, что Имам-кули-хан, падишах Мавераннахра, отправил 15 000 человек на Мерв через Чарджуй и что эти войска осадили мервскую крепость, а также, что Муртаза-кули-хан, назначенный мервским правителем, (вследствие этого обстоятельства) не нашел дороги (свободной) и сейчас находится в Мешхеде, что также и Надир Мухаммед-хан, падишах Балха, послал своего сына Абдуль-Азиз-султана[1] вместе с Ялангтуш-бехадуром[2] и узбекскими военa-

[1] Пишется также Абд-аль-Азиз. Правил после Надир Мухаммеда в Бухаре с 1645 по 1680 г.

[2] Ялангтуш, носивший звания бия и аталыка, известен также как строитель знаменитых мечетей Шир-дар и Тилля-кари в Самарканде.

51б чальниками с 20 000 войска против крепости Меручака и что по этой причине в Герате большая тревога среди войска и населения.

Вследствие этого шах отправил храброго сипахсалара Ирана Рустембека и Халяф-бека на борьбу против узбеков, а сам выступил в Мешхед на поклонение (гробнице) имама Ризы.

... И он (Халяф-бек) направился в Мерв вместе с Менучихр-ханом, мешхедским беглербеги, военачальниками и «туфангчи» той (Мешхедской) области ...

В это время прибыл гонец от Хасан-хана, хорасанского беглербеги, и доставил сведения, что Абдуль-Азиз-султан и балхские войска также пришли и осадили крепость Меручак. Халяф-бек и военачальники сочли за лучшее вернуться и находиться в Мешхеде, чтобы собрать войска, получить сведения с той и другой стороны (со стороны Меручака и Мерва) и уже после того осуществлять все то, что будет клониться к пользе государства и соответствовать интересам момента.

По этой причине отправка в Мерв была отложена до того времени, как Ахмед-султан, чегени, прежний правитель Сабзевара, отставленный от должности и привлеченный к ответственности за преступления и согласно просьбе Халяф-бека уехавший, чтобы ревностной службой в Хорасане загладить свои проступки и прегрешения, не выразил желания отправиться в Мерв. Взяв с собою сведущего проводника, он отправился никому неизвестной дорогой и благополучно прибыл к (мервской) крепости. В полночь
52а он хитро прошел через большое полчище узбеков, которые осаждали крепость, добрался до крепостного рва, подал голос населению крепости, и люди, находившиеся в крепости, открыв ворота, впустил и его вместе с товарищами. Поистине он дал изумительный пример мужества, храбрости и отваги.

В это время Муртаза-кули-хан, задумав отправиться (в Мерв) и с величайшими трудами получивший от Халяф-бека разрешение на отправку, написал предварительно населению крепости несколько слов, известив их таким образом о своем (близком) прибытии, чтобы они его ожидали.

Итак, взяв с собою большой отряд воинов, он отправился в путь. Отправив вперед сведущего проводника, он пошел по незнакомой дороге. Упомянутый же гонец умышленно или неумышленно уклонился от необычной дороги и направился по дороге через Хауз-и-хан, которая является общеупотребительной и известной всем дорогой, идущей из Мешхеда в Мерв.[1] По случайности большой отряд узбеков, численностью около 1500 человек,

---

[1] Хауз-и-хан — пустынная местность к западу от Бала Мургаба, в 70 англ. милях от Зульфикара, в долине р. Кушк, левого притока Мургаба; получила свое название от водоема (хауз), построенного здесь по приказу бухарского хана Абдуллы. (C. E. Yate, Khurasan and Sistan, p. 99—101; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 23, 67). В данном случае, однако, речь идет о другой местности с аналогичным названием, расположенной на запад от Мерва по дороге в Мешхед и нанесенной на некоторых сорокаверстных картах между Мервом и Тедженом.

вышел из узбекского лагеря с целью нападения на области Мешхеда и Нишапура и встретился с упомянутым гонцом. Они схватили гонца и отняли от него письмо, из которого узнали о выступлении Муртаза-кули-хана по той самой дороге, какою военачальник (узбеков) намеревался итти. Оставив свое намерение сделать набег, они направились по той дороге, так как считали более важным и первостепенным схватить Муртаза-кули-хана. После долгой скачки по пустыне они настигли его. При виде узбекского войска Муртаза-кули-хан и его спутники, упавшие духом решили умереть и приготовились к бою.

Военачальник узбекского войска в одном из предшествовавших сражений, которое произошло между Михраб-ханом и узбеками, был взят в плен кызылбашским войском. Михраб-хан, узнав о его благородстве и заслугах, поступил с ним великодушно, исхлопотав у шаха право на его кровь. Получив разрешение, он отправил его под влиянием чувства человечности домой.

В настоящий момент узбекский военачальник отправил к Муртаза-кули хану посланца, чтобы напомнить, что он обязан благодарностью его отцу. Предложенное им заключалось в следующем: «С тобою людей мало, если произойдет сражение, то одержать победу над 1500 узбеков дело невозможное, и ты немедленно погибнешь. Будет более подходящим оставить мысль о сражении и не проливать крови стольких людей, так как в случае сражения 52б
много будет убито и с той и с другой стороны. Даже в том случае, если стрелами и ружьями кызылбашей и будет убита часть узбеков, то все же к концеконцов кызылбаши не одолеют тех узбеков, которые останутся в живых. Я даю слово, что не позволю, чтобы тебе от узбекского войска был причинен какой-либо вред».

Муртаза-кули-хан, не согласившийся на предложение, дал ответ: «Пока у меня и у этих людей будет оставаться хоть капля жизни, а в колчане хоть одна стрела, мы будем стараться не прекращать сражения».

Когда кончились переговоры и хождение туда и обратно, узбеки, взявшись за оружие, начали сражаться. С этой стороны кызылбаши и «туфангчи» стали также отражать нападение неприятельского войска, и между противниками произошло большое побоище. С той и другой стороны несколько человек пало убитыми. Когда наступила ночь, противники разошлись и остановились на почлег. В полночь Муртаза-кули-хан и те, что остались в живых, отправились в дорогу, намереваясь добраться до стен крепости. Сбившись с дороги, они пошли в другом направлении. После восхода солнца им стало ясно, что крепость осталась в другой стороне и пути (до крепости) много. Но вот показались рощица и деревья, находившиеся в этой местности. Подчиняясь необходимости, они направились к этой рощице и остановились там. Узбеки, также отправившиеся вслед за ними, нашли следы и достигли того же места.

Военачальник (узбекского) войска снова отправил человека и заявил, чтобы они, оставив глупости и препирательства, не обрекали себя попусту на смерть. Так как из товарищей Муртаза-кули-хана несколько человек

было (уже) убито, несколько человек, разойдясь в разные стороны, потерялись, а у остальных, которые находились с ним, уже не было сил и возможности воевать, так как раненые, которых было несколько человек, уже потеряли силы передвигаться и, кроме того, всех мучила жажда, вследствие отсутствия воды в этой пустыне, то Муртаза-кули-хан решил примириться и принял предложение.

Военачальник отправил несколько надежных человек с поручением привести к нему Муртаза-кули-хана и его товарищей. После того как их привели, военачальник, по имени . . . [1] проявил великодушие по отношению к Муртаза-кули-хану, а раненых поручил лекарю. В эти же самые два дня он, взяв с собою Муртаза-кули-хана, направился в Бухару.

Другие узбекские военачальники прилагали все усилия взять Мерв. Люди, находившиеся в крепости, получив известие об этом происшествии, были в крайней степени удручены. Однако они не пали духом и не растерялись и попрежнему мужественно защищали и удерживали крепость за собой.

Итак, когда Муртаза-кули-хана увели в Бухару, хан Имам-кули встретил
53а его милостиво и благожелательно и поступил с ним по-человечески, соблюдая родственные связи (приводятся степени родства), а с шахом и кызылбашами помирился. Раскаявшись в своем поступке и посылке войска против Мерва, он отдал приказание узбекским войскам прекратить осаду Мерва и возвратиться назад. Согласно приказанию, узбекское войско сняло осаду и направилось в Бухару.[2]

Говорят, что он (Имам-кули-хан) и брата своего Надир Мухаммед-хана также уведомил, чтобы последний, сняв осаду Меручака и впредь оставив вражду и распрю с кызылбашами, прекратил войну, ввиду того, что, когда Рустем Мухаммед-хан отправился в Хорасан и слух о прибытии сипахсалара (Рустем Мухаммед-хана) с шахским войском распространился в тех странах, Халяф-бек, отправившийся для отражения балхского войска из Мешхеда в Герат с войском около 20 000 кызылбашей и «луфангчи», соединился с Хасан-ханом, хорасанским беглербеги, и гератским войском. (Поэтому) узбеки прекратили осаду Меручака и направились в Балх.

Когда известия об этих событиях были получены шахом, он пожаловал Накди-бека, шамлю, званием вали и хана и отправил его управлять Мервом. Накди-хан поспешно прибыл в Мерв и вошел в крепость.

---

[1] В рукописи пропуск.

[2] Об этом же событии Мухаммед Хасан-хан рассказывает следующим образом («Матля-уш-шамс», т. III, стр. 332): «В этом 1042 г. х. (1632/33 г.), в царствование шаха Сефи, из Хорасана пришло известие о захвате Мерва узбеками. По приказанию шаха Сефи, на пост хорасанского главнокомандующего получил назначение Халяф-бек. Когда Халяф-бек прибыл в Мешхед, он увидел, что дела с Мервом обстоят очень плохо. Ханы узбекские же между тем, переправившись через Джейхун, подступили к Хорасану. Халяф-бек не видел для себя никаких возможностей оказывать сопротивление этому полчищу неприятелей. Поэтому в Хорасан решил отправиться сам шах Сефи. После прибытия в Мешхед и освобождения Муртаза-кули-хана, каджара, из рук узбеков, шах Сефи без всякой борьбы овладел г. Мервом и вернулся в Иран».

[Далее рассказывается, что Имам-кули-хан, оказавший Муртаза-кули-хану любезный прием, дал ему время поправиться и потом отпустил в Мерв]. Муртаза-кули-хан, узнав в Мерве, что место мервского правителя занято Накди-ханом, отправился в Мешхед и, получив от шаха указ на управление Мервом, снова отправился в Мерв, а Накди-хан шахским указом был отозван в Мешхед. Так как многие мервские земледельцы до того были уведены на *536* поселение в Бухару, он (Имам-кули-хан) вернул их обратно на родину, где они снова принялись возделывать землю.

О войне астрабадского беглербеги Хаджи Менучихр-хана с калмыками и о поражении их (1068 г. х. — 1657/58 г.)

Подробности заключаются в том, что отверженные неверные калмыки, *218б* по той причине, что им удалось взять верх над некоторыми туркменскими улусами, оказались в близком соседстве с областями Астрабада, Несы и Абиверда. В годы, когда вследствие обильно выпадающих дождей вода наполняет озера, вторжение в пределы Астрабада значительно облегчается. Вот почему в этом году те безбожники (калмыки), по подстрекательству туркмен, двинулись с целью грабежа на некоторые племена, живущие в Астрабаде и Дуруне. Одна часть направилась в Дурун, другая часть этих страшных и воинственных отщепенцев вознамерилась совершить нападение на Астрабад.

Так как упомянутое «бунтовщическое племя» в быстроте передвижения родственно ветру и опережает пыль из-под копыт своих собственных лошадей, то об этом их намерении лазутчики донесли Хаджи Менучихр-хану, астра- *219а* бадскому беглербеги, уже после того как те, разграбив несколько мест и улусов, воротились обратно.

Не имея при себе ни палаток, ни походных принадлежностей, ни путевых припасов и довольствуясь единственно припасами «упования на волю божию», Хаджи Менучихр-хан в сопровождении семнанского правителя Джемшид-хана, правителя Астары Клыч-хана, Абдаль-хана, кераити, отряда курчи и собственных гулямов, которые собрались для подавления учиненных на астрабадских границах упомянутым племенем (калмыков) беспорядков, направился в погоню за ним и расстояние, равное месяцу (пути), прошел в три дня. На расстоянии одного перехода от Мисин-кишлака они нагнали неприятелей. Эта же презренная шайка лишь только увидела шахских солдат, тотчас же укрылась на вершине одной горы, взобраться на которую было весьма трудно; там они укрепились и ожидали неприятельской атаки. Хаджи Менучихр-хан с перечисленными военачальниками и частью воинов, которые не думали об усталости во время дороги, подошел к подножию той высокой и неприступной горы. Вследствие трудности подъема, он разделил войско на две части. Одной под начальством Джемшид-хана и Клыч-хана было отдано приказание постараться сделать подъем по той дороге, сам же, спешившись, с другой

частью войска стал взбираться на неприступную твердыню с противоположной стороны.

Между тем калмыки начали отражать наступление, пуская стрелы и стреляя из ружей. Они свалили с ног ружейной пулей лошадь Хаджи Менучихр-хана, которая следовала за ханом по всем теснинам горы. Тем не менее, отважный хан и остальные солдаты не переставали добиваться своей цели, и, взобравшись на вершину этой высокой горы, начали сражение...

219б Наконец, воины Хаджи Менучихр-хана взяли верх, и калмыки бежали, оставив в руках победителей всю добычу, животных и пленников, которых они захватили во время набега на улусы. Для того, чтобы дать возможность отдохнуть воинам, Менучихр-хан сделал там остановку и на другой день повернул обратно.

В этом сражении из числа военачальников несколько ран получил Клыч-хан, талыш, а Мирза Али, юзбаши шахсевенских курчи,[1] потерял один глаз вследствие удара вражеским копьем. В награду за самоотверженную храбрость каждый из военачальников и солдат получили приличествующие награды. Мирза Али-бек был отличен рангом эмир-панджа. Смысл передаваемого клонится к следующему. Относительно участвовавших в сражении выяснено, что число принимавших участие со стороны шахских войск было менее 200 человек, а число, составлявшее безбожную шайку, свыше 2000 человек. Но благодаря шахскому счастью все же эта изумительная победа осуществилась. В то время как часть калмыцкого полчища, ведомая полководцем смерти, направлялась в сторону Дуруна, сын кандагарского беглербеги Зуль-Фекар-хана, Сефи-кули-хан, который был заместителем отца и охранял область Дуруна, получил донесение о намерениях этих безбожников и, приготовив свое войско, ожидал их прибытия. Неожиданно, в то самое время, когда они сошли с коней, чтобы расположиться на отдых, он произвел на них нападение. Звуки труб далеко

220а огласили воздух. Лошади этого племени, которые были так же необузданы, при звуках труб бросились в разные стороны. Безбожники, пешие и пораженные, не двигались с места. За исключением трех человек, для которых еще не настал смертный час и которые «вынесли пожитки своего бытия из пучины бедствия на берег спасения», все остальные пали жертвою сабель.[2]

---

[1] Шахсевены, шахсевенская конница. Тюркское племя, организованное шахом Аббасом I Великим (1587—1628) из числа семи главных так называемых кызылбашских племен, поселенных Тимуром в XIV в. в Азербайджане. Делятся на ардебильские и мешкинские племена; кочуют мешкинские племена, большинство же ардебильских племен осело на землю. Общее количество и тех и других до 76 500 душ. Кочуют от Ардебильского района и от северных склонов горы Савалан (летом) на Муган, где проводят зиму. Л. Ф. Тигранов. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909, стр. 105—127, 132—144; Kīhān, J̌ughrāfiyā, II, p. 112; Советская этнография, 1933, № 3—4, стр. 88—118.

[2] Воспоминание о калмыцком набеге сохранилось в преданиях местного населения до позднейшего времени. Ср. В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, стр. 82.

После доклада шаху об этой победе, Сефи-кули-хана и воинов племени чемшкезек, отличившихся храбростью, пожаловали наградами и халатами.

О прибытии к шаху посла от калмыков

Послы того племени (калмыков) вместе с туркменами имели счастье *2296*
представиться лично шаху... и в течение всего времени, которое они проводили при шахском дворе, они удостоились наград и почетных халатов. Затем они получили разрешение удалиться. Хан Мухаммед-бек Мурад-оглу, назначенный послом, отправился вместе с ними. Вместе с упомянутым ханом Мухаммед-беком были отправлены соболья шапка, почетный халат и приличествующие вещи, предназначенные в подарок Далхасу, правителю того племени.

[В главе об отставлении от должности беглербеги Мерва Кур Хамеш- *236а*
хана сообщается, что отставлен от должности мервский беглербеги Кур Хамеш-хан, а брат его Мухаммед Али-бек, джебадар-баши, за злоупотребления заключен в тюрьму; управление Мервом поручено Аслан-хану, бывшему правителю Фараха.]

ЭКСПЕДИЦИЯ 1690 г. БУХАРСКОГО АТАЛЫКА ХУШИКЕ-БИЯ В МЕРВ

Из „Мухит-ут-таварих“ Мухаммед Эмина Кирак Яракчи. Рукопись ИВ АН, Д 89

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

В день пятницы 29 числа месяца зуль-хиджа 1101 г. х. (4 октября 1690 г.) *131*
Хушике-бий, аталык, в сопровождении собранного из многих областей войска направился в Мерв в целях устранения смут и беспорядков «той заблудшей толпы». Выступив с войском, Хушике-бий двинулся на завоевание Мерва. Переправившись через Джейхун, он разбил лагерные палатки *132*
на берегу у Чарджуя и стоял там около 3—4 дней. В то время правителем Чарджуя был Мухаммед Али-бий. Хаджи Мухаммед Али-бий устроил великолепный пир (в честь прибывшего военачальника). После того в понедельник 10 числа месяца мухаррема 1102 г. х. (14 октября 1690 г.) Хушике-бий направился из Чарджуя в Мерв. Поведя наступление от сардаба Шахум-бий и окружив стены Мерва, подобно «ожерелью Плеяд», войска стали грабить, многих убили и многих взяли в плен.

Итак, войско окружило эту высокую крепость, и Хушике-бий, аталык, отдал приказание приготовить все необходимое для взятия крепости. С той и другой стороны начали обмениваться выстрелами и повели правильную осаду и военные действия.

Однако Хаджи Тимур-хан, кызылбаш, который был назначен на должность правителя Мерва шахом Сулейманом, приготовив все нужное для защиты крепости, укрепил крепостные башни и стены, распределил ретраншементы между кызылбашами и с величайшим старанием и усердием повел оборону крепости. Поистине, Мерв есть крепость, которая по высоте своих стен и неприступности подобна крепости Хайбер и стене Искандера. Ров ее очень глубок и широк.

133 Часть воинов из войска Хушике-бия, аталыка, принялась делать набеги и производить грабежи деревень, расположенных около Мерва; они взяли укрепление Мир-абад, перебили многих мужчин, а девушек и детей захватили в плен, натворив много жестокостей и безобразий.

Прекратив грабежи, воины, рассыпавшиеся вокруг Мерва, собрались около Хушике-бия и вторично пошли на штурм крепости. Огласив воздух ревом труб и боевыми криками, они повели атаку. Находившиеся на крепостных стенах мервцы и остальные кызылбаши употребили все старания, чтобы отразить неприятельское войско. Когда воины, уже пограбившие много всякого добра, поняли, что эту высокую крепость взять невозможно, они повернули обратно и после ряда стоянок и переходов в добром здравии прибыли в ханскую столицу (Бухару). Хушике-бий, ведя войско, в понедельник 2 числа месяца сафара (5 ноября 1690 г.) прибыл на место и сделал государю поясной поклон.

177 Его величество (Субхан-кули-хан) в понедельник 11 числа упомянутого месяца (раби II 1102 г. х. — 12 января 1691 г.) приказал Мухаммед Мукимсултану и военачальникам отправиться в Чарджуй. Когда они прибыли в Чарджуй, Мухаммед Али-хаджи, бывший правителем этой области, встретил Мухаммед Муким-султана поясным поклоном, приготовил и предложил султану все необходимое для пира и веселья.

Часть II

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVIII в.

ЗАВОЕВАНИЯ НАДИР-ШАХА И ТУРКМЕНЫ

Извлечения из „Истории Надир-шаха“ („Тарих-и-Надири“) мирза Мехди-хана Астрабадского

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

... Точно так же и туркмены саинхани, жившие в Астрабадской про- 2
винции, у которых заводить смуты и бунтовать вошло в привычку, уклонившись от подчинения, стали проявлять непокорность.

В этот промежуток времени[1] Фатх Али-хан,[2] туркмен, был назначен правительством сефевидов начальствовать над войсками. В окрестностях Кусуйе произошла встреча двух враждебных отрядов. Первоначально афганцы были разбиты и ночью возвратились в Гурияп. Но так как «неверное счастье, дым гордости и воображение о себе» вскружили голову победителю, военачальник (Фатх Али-хан) с одним из своих отрядов отважно пустился преследовать неприятелей. В количестве приблизительно в 100 человек они встретились с афганцами позади равнины, известной под названием Раверанг, и бесстрашно сделали на них нападение. Афганцы же, увидев бессмысленно храброго неприятеля, глаза которого «были застланы пылью гордости», потянули поводья уже обратившихся в бегство скакунов и, выхватив из ножен остро отточенные мечи, сняли ими «одежду жизни» и с начальника, и с его отряда, производившего атаку.

А кроме того, (произошло) восстание астрабадских туркмен, которые 4
были подчинены Хорезму, но жили в области Джурджана и Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак). Хотя они время от времени в интересах собственной пользы и заявляли о своей преданности и о повиновении астрабадским губернаторам, тем не менее очень часто предпринимали набеги, выказы-

[1] Выше рассказывалось о смуте афганцев абдали и событиях 1129 г. х. (1716/17 г.) в Герате, когда в месяце рамазане афганцы овладели Кусуйе, Гурияном и пограничными областями Мургаба и Бадгиса.

[2] Каджар; о нем см. «Histoire de la Perse». Par Sir John Malcolm, Paris, t. III, 1821, 377 и сл.

вали своеволие, подымали мятежи. В предшествующие времена сильные военачальники назначались правительством для усмирения их, но ничего не добились в этом отношении и со дня на день мятежи учащались вплоть до тех пор, пока «с горизонта владычества не взошло солнце украсившей мир священной особы» (Надир-шаха). Тогда «эти существа с природой летучих мышей спрятал и свою голову в обитель потемок».

8 После того как шах Тахмасп вступил в Мазандеран и оттуда направился в Астрабад, Фатх Али-хан, каджар, был назначен губернатором Семнана. С отрядом туркмен и каджаров Фатх Али-хан, по шахскому приказанию, отправился в Тегеран, чтобы прогнать оттуда афганцев. Он встретился с афганцами в Ибрахим-абаде около Тегерана, но ничего не мог сделать вследствие слабости своего недисциплинированного войска и вернулся обратно, не достигнув цели.

10 Его величество (Надир-шах) ведет свое происхождение от племени караклю. Караклю есть род (клан) из отдела афшаров, а афшары принадлежат к туркменскому племени. Древним местопребыванием упомянутого племени был Туркестан. В те времена, когда монголы завоевали Туркестан, они (караклю) перекочевали оттуда и выбрали себе место для поселения в Азербайджане. А затем, когда на престол вступил шах Исмаил Сефеви, они перекочевали в Сар чашме-и-Мияб в Кубегане, в местности, относящейся к хорасанскому Абиверду, который расположен в 20 фарсахах к северу от священного Мешхеда и находится в близком соседстве с Мервом. Здесь они проводили лето, а зимой перекочевывали в кишлаки Дастджерда и Дерегеза.

Рождение его величества произошло в субботу 28 мухаррема 1100 г. х. (22 ноября 1688 г.) в крепости Дестджерд в Дерегезе.

11 С наступлением юности и весенней поры жизни Надир, пожелав жениться, посватал дочь Баба Али-бека Кусе, ахмедлю, который был одним из афшарских старейшин Абиверда и вел постоянные междуусобицы с туркменами и узбеками, жившими в той области.

Несмотря на то, что в начале появления счастливого созвездия этого бесподобного владыки в Дерегезе, Абиверде, Мешхеде и других крепостях той области и равнины происходили такие события и дела, в которых принимали участие сопротивлявшиеся его величеству афшары, туркмены, курды, узбеки и прочие непокорные, несмотря на те усилия и старания, которые возникали со стороны иранцев и (всяких) злонамеренных людей, стремившихся внести расстройство в его дела, несмотря на (все это), войны, которые он (Надир-шах) вел с дальними и ближними, с турками и таджиками, происходили до тех пор, пока он не смирил те племена и не привел к спокойствию пограничные области.

Племена афшаров, курдов и другие племена, жившие в Абиверде, Дерегезе и Келате, Надир подчинил своей власти. Келат, который был неприступной крепостью, со стенами, созданными самой природой, а также крепость Дастджерд он сделал своей резиденцией.

Главных племен, которые изъявили желание содействовать Надиру и пошли путем искренней преданности, было два: одно — афшары, состоявшие с ним в родственных отношениях, другое — курды, жившие в Дерегезе и Абиверде и бывшие наиболее значительным племенем в Хорасане. Хотя и другие племена пользовались выгодами преданной службы Надиру, но те два племени с самого начала были главной опорой Надира. По прошествии некоторого времени кое-кто из афшаров, имевших крепости и военные отряды, рассчитывая на их неприступность и свою многочисленность, стали во враждебные отношения к Надиру, другие, отправившись в Мешхед, подружились и поладили с мелик Махмудом.[1] Точно таким же образом поступили некоторые из курдов Дерегеза и Абиверда: одни вступили в союз с курдами Хабушана,[2] другие заключили дружественные договоры с туркменами. Каждый по мере возможности рассыпал хитрости и заводил интриги, входя в общение с врагами и создавая затруднения и неприятности Надиру...

После того как мелик Махмуд в Мешхеде начал проявлять заносчивость (по отношению к Надиру) и вожди хорасанских племен по причине слабости и малодушия «положили свою шею в ярмо служения ему и открыли перед ним дверь повиновения», в том числе афшары Клыч-хан, папалю, и Имамкули, имрели, после того как они отвернули голову от государства Надира и поспешили к мелик Махмуду, совершение подобного поступка произвело тяжелое впечатление на благородную натуру Надира.

Так как все крепости Абиверда, которыми владели непокорные Надиру *13*
афшары, были на стороне Махмуда и так как (хозяева их) намеревались оказать сопротивление Надиру, в том числе племя имрели, жившее в Никикала, находящемся в двух фарсахах от Абиверда, то, хотя в это время года стояла зима и «войско холода разграбило жар и могущество солнечного тепла», тем не менее Надир, который был постоянно опьянен «напитком помощи свыше», не позволил, несмотря на действие холода, охладеть своему сердцу в его намерениях одержать победу: с храбрецами поля сражений он окружил упомянутую крепость.

[Далее рассказываются подробности осады и сдачи осажденных.] Взяв крепость, Надир срыл ее стены, а население ее, заставив перекочевать, расселил по области Абиверда и прочим местам.

Так как жители крепости Багвадэ, служившей местом поселения афшарского племени кундузлю, также входили в число тех людей, которые подчинялись мелик Махмуду и «отвратили лицо преданности от Надира», Надир после успешного окончания дела в Ники-кала направился на крепость Багвадэ. В течение трех месяцев он подвергал эту крепость всем неприятностям осады.

---

[1] Мелик Махмуд Сеистанский, бывший губернатор Туна, один из узурпаторов сефевидской власти, владевший Мешхедом.

[2] О Хабушане см. выше, стр. 57; прим. 3.

14 Крепость была принуждена сдаться. Четверо из старейшин племен, которых Надир считал главными зачинщиками и организаторами мятежа, были казнены мечом, а пятого, коменданта крепости, по имени Барата, Надир приказал расстрелять. Жители же Багвадэ были принуждены расселиться по другим крепостям.

После того Надир направился в Абиверд. По прошествии нескольких дней (после взятия Багвадэ) он вознамерился наказать жителей Загченда. Некто, по имени Карахан, бывший начальником загчендской крепости, уговорил некоторых из туркмен вступить с ним в союз и из расположения к мелик Махмуду, в интересах последнего, поднял смуту. В то время Надир был занят осадой крепости Багвадэ и поэтому для подавления смуты отправил Тахмасп-бека, векиля джелаиров, вместе с Чераг-беком, афшаром, и отрядом из отборных храбрецов. Так как русло канала, по которому текла вода в Загченд, ответвлялось от Чехардех-бенда в Келате, то посланные Надира остановились на истоках и там построили башню, чтобы охранять воду и не позволить ей течь в крепость. Тогда, чтобы помешать этому, к башне прибыл со своим отрядом также и Карахан и, вступив в сражение с посланными Надиром, нанес им тяжкое поражение. Людей из отряда перебил, а Чераг-бека взял в плен.

Когда Надир покончил с осадой крепости Багвадэ, он вступил в Абиверд. Как раз в то время ему сообщили это печальное известие. Он выступил в вечернее время на крыльях поспешности и окольными тропинками по горам с отрядом бесстрашных смельчаков добрался до Чехардех-бенда. Собрав рассеянное (после поражения) войско и сделав все, что нужно для истребления врага, он с быстротой мелькнувшей молнии очутился у Загченда. Отряд из наиболее энергичных пехотинцев Надир распорядился отправить к воротам крепости с тем, чтобы они приняли необходимые меры по охране дороги, а также для того, чтобы известить Надира в том случае, если туркмены, находящиеся в крепости, вознамерятся бежать оттуда.

В тот день осажденные не пытали счастья (сделать вылазку), и Надир возвратился в Чехардех. Случилось так, что в ту самую ночь мервские татары[1] прибыли на помощь Карахану. Карахан вышел с отрядом из крепости и, поставив его «в засаде мщения», тайно возвратился в крепость. Ночью пехотинцы Надира, сторожившие ворота крепости, приняв выход того отряда за бегство туркмен, послали извещение Надиру. Последний, когда наступило утро, в намерении преследовать бежавших, сел на быстрого коня и, пройдя 2 фарсаха, которые отделяют Чехардех от Загченда, приблизился к крепости. Карахан тотчас же выехал из крепости со всем отрядом. Туркмены с правой стороны и татары с левой стороны выскочили из засады и, погнав лошадей, с обнаженными саблями, с двух сторон атаковали Надирово войско. Надир, уповая на божью помощь и не думая о том, что у него войска мало, а врагов много, с храбрецами афшарами «уперся ногой твердости и стойкости», а руку протянул «к орудию войны

[1] Одно из туркменских (йомутских) племен.

и сражения». В короткое время все скопище этого племени было «взлохмачено, словно кудри татарских юношей», а туркмены все, сколько их было, бежали. Надир же победителем вернулся в Чехардех. В это же самое время группа татар, принося извинение, пришла к Надиру и стала просить обменять пленников на Чераг-бека. Надир принял предложение, и с той и другой стороны пленники были отпущены. Татары, потерпевшие неудачу и понесшие ущерб, в ту же ночь направились в Мерв. На другой день, когда взошло солнце и закатился месяц, Надир, подняв знамя победы, решил покончить с крепостью Загченд. Так как Карахан смотрел на свое положение как на безвыходное и судьбу свою считал не сулящей ничего хорошего, то он стал просить о пощаде, вышел из крепости, поклялся в преданности и принял на себя обязательство подчиниться. Надир простил ему прошлые поступки и, переселив живших в Загченде туркмен в другие места, направился в Абиверд, так как стремился овладеть красавицей Несой, которая каждый день была «в объятиях чьего-либо желания». Когда туркмены племен али-эли, имрели, теке и йомут, которые были в пределах Несы и Дуруна, вначале перед тем по подстрекательству Саид-султана, правителя Дуруна, «отставили ногу от дороги повиновения» и захватили область, Надир, в намерении наказать их, с отрядом отборных всадников двинулся из Абиверда и прибыл в Несу. Мухаммед Хусейн-бек, сын Сам-бека, векиля (правителя племени) чешмкезек, изъявлявший свою преданность по отношению к Надиру, согласно приказанию последнего, примкнул к нему из Хабушана с отрядом курдов, которые держали его сторону. Саид-султан, уведомленный о действительном положении вещей и не имея возможности оказывать сопротивление, со всеми туркменами той области (Несы и Дуруна) отправился в Багвадэ, в 3 фарсахах от Несы, и оттуда, руководимый счастливой звездой и советом группы старейшин, явился к Надиру, с изъявлением раскаяния в содеянном поступке, сконфуженный, с предложением возобновить договор искренности и подчинения. После того Надир вернулся в Абиверд, а Мухаммед Хусейн-бек, чемшкезек, получил дозволение направиться домой. В то время как происходили эти события, Карахан Загчендский, вместе с группой лиц, замыслил в своей подлой душе внезапно нанести Надиру вред. Некто из преданных Надиру доставил последнему сведения о вероломстве и задуманной уловке заговорщиков. Все они были подвергнуты казни и таким образом распростились с мыслью когда-либо господствовать.

15

О назначении Мухаммед-хана, туркмена, наместником Хорасана и столкновении мелик Махмуда с Надиром

16

В те времена местом пребывания шахского двора был Азербайджан. Когда это известие [1] достигло до ушей сановников государства, «буквы

[1] В предыдущей главе рассказывалось о том, что Риза-кули-хан, назначенный шахским правительством для управления Хорасаном, был разбит мелик Махмудом сеистанским, правителем Мешхеда, и бежал в Хабушан.

отставки они начертали на странице карьеры Риза-кули-хана» и для управления Хорасаном назначили Мухаммед-хана, туркмена. Но ранее того времени, как Мухаммед-хан прибыл в Хорасан, мелик Махмуд, увидя «площадь управления государством» пустой, прежде всего предпринял осаду Нишапура и послал для этой цели своего племянника, мелик Исхака. Так как жившие в Нишапуре туркмены из племени баят,[1] за исключением Надира, во всем Хорасане не видели около себя ни одного человека, на которого они смогли бы надеяться и от которого им было бы возможно ожидать поддержки, то они и обратились к нему за помощью и рассказали о положении дела. Надир, послав о своем прибытии весть, радостную для одних (для нишапурских баятов) и грозную для других (для мелик Исхака), сделал необходимые приготовления, угрожая наказать неприятеля. Из афшаров и курдов Келата, Дерегеза и Абиверда он сформировал большой отряд и, уповая на помощь божию, отправился на помощь баятам. Хабушанские курды, получив приказание Надира, также явились в его лагерь. После прибытия (Надира) в Нишапур, мелик Исхак был разбит и побежден, многие из его подчиненных распрощались с жизнью, а сам он засел в саду.[2]

[Далее рассказывается, как мелик Махмуд из Мешхеда послал в качестве парламентера муллу Мухаммеда Рафи гилянского, ученую особу, хлопотать об освобождении мелик Исхака. Надир был готов принять предложение мелик Махмуда, но курды, мечтавшие о грабеже и военной добыче, воспротивились, и переговоры кончились ничем. Когда мелик Махмуд узнал об этом, он поспешил двинуться к Нишапуру, но, боясь сражаться с Надиром в открытом поле, окопался в Кадамга.[3] Здесь произошло сражение между ним и войсками Надира, — сражение, окончившееся, повидимому, также ничем. Некоторое количество сражавшихся «потащили свои пожитки в гостиницу небытия», а брат Надира, Ибрахим-хан, был ранен. Курды, это «дикое и неорганизованное племя», не имея разумного вождя, разбежались по домам, захватив с собой военную добычу и все, что успели награбить. Таким образом, «от товарищества с этим племенем дело Надира не выиграло ничего».]

После всех этих происшествий мелик Махмуд осадил Нишапур. Население города, видя перед собой нависшую опасность и неприятные последствия осады, упало духом и сдало крепость. Мелик Махмуд, поручив управление Нишапурской областью Фатх Али-хану, из племени баят, прежнему губернатору, направился в Мешхед.

Когда население Бугмиджа, местечка между священным Мешхедом и Абивердом, перестало оказывать ему (мелик Махмуду) повиновение, он, приготовившись осадить Бугмидж, поручил выполнение этого дела мелик

[1] Насколько можно установить из предыдущего, баяты принадлежат также к числу каджарских племен.

[2] Повидимому, загородный парк (баг).

[3] Ныне селение к юго-востоку от Нишапура по дороге в Мешхед.

Исхаку. Население Бугмиджа попросило помощи у Надира. Но до того, как Надир прибыл на помощь, дело было уже сделано, и мелик Исхак, овладев крепостью, ушел обратно. Надир, решив двинуться на Мешхед, направился в Радкан. Мелик Махмуд также выступил из Мешхеда для того, чтобы дать отпор наступавшему Надиру и оттуда итти на Хабушан. В Уштурпее, расположенном невдалеке от Мешхеда, произошла встреча двух неприятельских войск. Более 200 человек из подчиненных Надиру были убиты и взяты в плен, остальные бежали, направившись к своим домам и местам. Надир с двумя всадниками прискакал в Келат, а мелик Махмуд отправился сделать нападение на Хабушан.

После этого случая слабости и бессилия, который приключился с Надиром, афшары — завистливые и упрямые, — найдя повод к мятежу, нарушили обещание в верности (Надиру) и попросили туркмен, живших в области Дуруна, оказать им поддержку. Туркмены, по внушению афшаров, также оставили обещание быть преданными и, «растянув ковер противления Надиру», пришли, чтобы завладеть Абивердом. Надир снова, выступив из Келата, направился в Абиверд и в сражении под стенами этой крепости нанес поражение и афшарам и туркменам, заставив их искать спасения в бегстве, а некоторых из них «скитаться по закоулкам небытия». Оттуда он, в намерении померяться силами с мелик Мухмудом, «погнал коня смелости» в Хабушан. Но, прежде чем Надир добрался до Мияба, мелик Махмуд напал на курдов, рассеял их отряды и «поднял знамя к возвращению». Надир повернул обратно в Абиверд.

После всех этих событий Мухаммед-хан, туркмен, тот самый, который был назначен шахским двором управлять Хорасаном, прибыл в эту провинцию. Фатх Али-хан, из племени баят, назначенный мелик Махмудом управлять Нишапуром, получив известие о прибытии отважного сердара (Мухаммед-хана), отказался подчиняться мелик Махмуду и «устроил плотину сопротивления». Мелик Махмуд вторично прямой дорогой направился на Нишапур. Фатх Али-хан сразился с ним и попал в плен. Шея его стала «площадью меча». Махмуд овладел городом. Он назначил наместником Нишапура мелик Исхака и возвратился в Мешхед.

[Далее рассказывается о том, как мелик Махмуд и пришедший к нему на помощь из Нишапура мелик Исхак дали сражение Надиру,[1] были разбиты и укрепились в крепости Мешхеда.]

Но мелик Махмуд после этого поражения, по наущению афшаров, *18*
которые во вражде (к Надиру) были с ним союзники и «на ногах своих носили цепи повиновения (мелик Махмуду)», послав человека к туркменам Несы и Дуруна и к курдам Хабушана, поладил с этими племенами и, надавав им обещаний всяких благ, побудил их к союзу с мелик Махмудом против Надира. Под влиянием соблазна племена забыли преданность Надиру и заключили дружественный союз с мелик Махмудом. Тогда Надир, услы-

[1] Под Турухом, в 2 фарсахах к югу от Мешхеда.

шав об этом, задумал наказать туркмен. Утром, он из Абиверда, сев на коня, в течение одних суток прошел форсированным маршем 25 фарсахов. На другой день он напал на туркмен в Багабаде около Несы и сделал «все, что требуется для убийства и грабежа». Собрав жителей Несы, он указал им на правильный путь и, расположив их сердца к своей особе, оттуда, снова через Мияб и Кубеган, направился по направлению к Мешхеду.

[Далее рассказывается о встрече неприятельских войск (Надира и Махмуда) около крепости Фарфар. Встреча окончилась ничем, благодаря тому, что в этот момент ударил сильный мороз и «сердца богатырей от выпавшего снега, подобно водам в ручьях, застыли от холода». Указанное обстоятельство принудило мелик Махмуда воротиться в Мешхед, а Надира — в Абиверд. Вскоре после того внимание Надира было привлечено переменами, которые произошли в Мерве.]

Дело в том, что еще с древних времен племя мервских каджаров жило в самом г. Мерве,[1] а племена татар и арабов вне города. Между каджарами по причинам, которые неизбежны в этом бренном и порочном мире, произошли распри и ссоры. Каджары, потеряв всякий рассудок и не желая подумать о последствиях своего поступка, разбились на партии. Каждая партия начала искать связей с татарами, и под покровительством татар враждующие партии стали стремиться к тому, чтобы устранить друг друга. Татары, считая эту распрю для себя выгодной, решили поддержать пагубные мысли каджаров, и так продолжалось до тех пор, пока мало-по-малу каджары не потеряли всякое значение, в то время как татары приобрели силу. Эти татары, после того как каджары совсем ослабли, заставили вступить в союз с собой племя йомутов, которые пришли из Ургенча и, разбив свои юрты, поселились в местности, называемой Каракурам. Татары вместе с ними совершали набеги.

Каджары, в свою очередь, увели в крепость (Мерв) несколько человек из предводителей йомутов и бросили их в тюрьму, а затем внезапно сделали на них (на тех, которые жили за городом) нападение и кое-кого убили.

[1] По словам Мухаммед Садыка Мервези Шах Аббас I, завоевав Мерв, поселил в нем один из каджарских родов — иззэддинлю. См. рукопись Публ. библ., V. 3; 23, л. 84а; ср. В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва, стр. 78, 79. Автор «Насих-ут-таварих» относит переселение племени каджаров к 995 г. х. (1586/87 г.). По приказу шаха Аббаса, каджары были переселены из Гянджи и Еривана и водворены на землях Астрабада. Те из каджар, которые поселились вверху крепости Мубарек-абад, были названы, говорит он, «юхари-баш», а поселившиеся внизу крепости — «ашак-баш». Другую половину каджаров шах Аббас поселил в Мерве. Этим мероприятием имелось в виду «охранить округ Астрабада и Мазандерана от набегов туркмен и оберегать земли Хорасана от беспокойств, причиняемых племенами узбеков» («Насих-ут-таварих», стр. 8). То же утверждает и Абд-ур-Реззак, автор «Ма'асир-и-султанийе», указывая при этом, что шах Аббас был обеспокоен многочисленностью племени каджаров, почему и переселил часть из них в Мерв, часть в Астрабад, «который был их коренной родиной», по словам автора «Ма'асир-и-султанийе», а часть в Гянджу и Ериван. (Ср. «Ма'асир-и-султанийе», стр. 5—6.)

После этого случая татары и арабы, перекочевав, ушли в местность, известную под названием Каль, которая была расположена в 12 фарсахах от Мерва и служила источником воды для орошения посевных полей обитателей Мерва. Попросив поддержки у меручакских аймаков[1] и туркмен, они поселились там, расположившись как-раз на том месте, где вода из реки входит в канал. Таким образом, они преградили воду горожанам и лишили город возможности орошать свои поля.

Мелик Махмуд, узнав о бедственном и затруднительном положении жителей Мерва, по просьбе татар, назначил одного человека из их среды управлять той областью. Этот самый правитель вместе с разбойниками Меручака и туркменами начал чинить насилие и произвол и в течение трех лет они опустошали мервские окрестности. Когда у населения города из-за отсутствия воды и жизненных припасов дела оказались в плачевном состоянии, а жизнь — на границе гибели, они, обратившись за помощью к Надиру, рассказали ему о своем бедственном положении. Надир из сочувствия к ним проявил энергичную готовность и двинулся на Мерв по дороге через Теджен, в намерении наказать меручакские аймаки и туркмен.

О событиях в Серахсе 18

Войску Надира, когда оно прибыло на берег Теджена, было невозможно переправиться через реку благодаря обилию воды, и поэтому Надир промедлил некоторое время на этой стороне реки. Но так как «шахскому соколу высокой породы с места охоты возвращаться с пустыми когтями неприятно» и так как о неповиновении племени серахских аймаков во главе с Моудуд-кули-султаном чагатайским, правителем той страны, говорили во всеуслышание, Надир снялся с берега Теджена с целью сделать наступление на Серахс.

Обходными путями он направился к своей цели. Наступила ночь. Пошел сильный дождь. . . От силы дождя и обилия грязи не было никакой возможности ни сидеть на лошадях ни слезать с них. Направление дороги сразу было потеряно, и таким образом, ту ночь они провели в «доме седла».

Когда наступило утро, отряды прибыли к стенам крепости. Моудуд-кули-султан, увидя у своих ворот в качестве гостя свалившееся с неба бедствие, не нашел иного средства, как повиновение и, рассыпавшись в извинениях, послал своего отца с подарками к Надиру. Начальники остальных крепостей также вступили на путь преданной дружбы. Так как Надир не захватил с собой артиллерии, то он не стал бомбардировать крепость и ограничился тем, что отдал приказание переселиться некоторым племенам в другие места. Мухибб-Али-султан чагатайский, который принял меры

---

[1] Под аймаками обычно подразумеваются кочевые племена смешанного происхождения. В данном случае — кочевые племена северного Афганистана, так наз. чахар-аймак — хезарэ, теймури, фирузкухи и теймени.

к защите крепостей и оказал сопротивление (Надиру), в конце-концов был побежден и обращен в бегство. Затем он засел в одной крепости. Жители крепости, «войдя дверью послушания», схватили Мухибб-Али-султана и вместе с его помощниками и подданными привели к Надиру. Надир переселил их всех вместе с 3000 семейств из племен, населявших Серахс и его окрестности, направил их в Келат и Абиверд и сам также прибыл в Абиверд.

19 Об осаде Кургана, наказании мервских татар и прочих событиях того времени

Из числа тех крепостей, которыми владели афшары, крепость Курган принадлежала Ашур-беку, папалю. Вплоть до того времени осада этой крепости откладывалась. Так как Ашур-бек, несмотря на свою принадлежность к роду Надира, посеял «зерно непокорности в почве сердца» и право родственной связи считал за ничто, то Джафар-кули-бек, шадилю, бывший одним из предводителей (курдов) чемшкезек и Хабушана, также согласился оказать сопротивление Надиру и пришел на помощь Ашур-беку, папалю. Поэтому Надир, развернув победные знамена, двинулся на Курган и построил вокруг крепости крепкие башни. Первым запросил пощады Джафар-кули-бек. Надир, оказав снисхождение, разрешил Джафар-кули-беку удалиться вместе со всем его племенем.

Когда Ашур-бек один со своим войском обратился к защите крепости, то из событий благоприятных (Надиру) произошло следующее. В прежние времена, благодаря отсутствию (правительственных) забот, в эпоху государства сефевидов, границы Хорасана в большинстве случаев были ристалищем буйных хорезмских узбеков и туркмен. Ширгази, хан Хорезма (1715—1728 гг.), в мечте о прошлых временах, в начале эпохи (Надира) стал заводить смуты и устраивать кровопролития, имея большую склонность к тому, чтобы посылать узбекские отряды для набегов. Но каждый раз эти узбеки были побеждаемы героями и побиваемы искусными в военном деле солдатами. После того Ширгази, прекратив разбой, отправил послов с договорным письмом о пропуске купцов с караванами. В то же самое время он отправил в Мешхед несколько хорезмских купцов. Так как область Чахча находилась в пределах Дешта, и население этой области было подчинено мелик Махмуду, то Махмуд послал чахчинцам предписание, чтобы они взяли караван под свою охрану и провели его до Теджена. Жители же Чахча, требуя с купцов пошлины, завели с ним спор и всех умертвили, а принадлежащие им товары разграбили. Так как в описываемое время молва о могуществе Надира, который поистине был жизненным элексиром для слабого здоровья Хорасана, и от силы его убийственного меча дрожали сердца далеких и близких, достигала до слуха и друзей и врагов, то «двор его государства сделался средоточием надежд всех людей и местом, куда обращаются и знатные

и простые». Слышавший все это Ширгази отправил к Надиру посла с просьбой о возвращении разграбленных товаров. Надир оказал благосклонный прием посланцу Ширгази и в возвращении товаров и в удовлетворении (родственников) купцов выполнил все требования любезности. Это обстоятельство явилось средством к устранению досадной смуты и поводом к смягчению взаимных отношений. Ширгази, по обычаю (вассальной) службы и помощи, послал Надиру 500 человек из собственных гулямов, так называемых «алтун-джиляу».[1] Этот отряд, прибывший к стенам крепости Курган, где был расположен лагерь, получил награды от Надира. Кроме того, по причине «превратности обстоятельств» в Мерве предводители племени каджаров, у которых «нога терпения и равновесия сошла с места», направив лицо надежды ко двору Надира, добились у (стен) упомянутой крепости чести засвидетельствовать чувства своей глубочайшей преданности.

Когда туркмены племени али-эли, живущие в Дуруне, опять начали 19
оказывать неповиновение и по старой привычке «выставили голову из воротника неповиновения», наказание этого племени вновь стало заботой Надира, и он командировал Захир-уд-доуле Ибрахим-хана (своего брата) с несколькими отрядами из своего войска для того, чтобы начать осаду крепости Курган, а сам с этими самыми узбеками [2] и отрядом собственных солдат сделал нападение на крепость Хурсанд, в которой жили туркмены, и разграбил имущество и скот этого племени. Осаждаемые сделали вылазку, изготовившись к бою, и многие из них из-за того, что имели несчастье нарушить договор, должны были пасть под ружейными пулями. Храбрецы (Надира) сделали приступ на стены крепости, захватили передовую линию укреплений, и уже немного оставалось, чтобы захватить и 20
самую крепость. Тогда население крепости стало просить Надира о пощаде. Надир снова принял их извинения в содеянных поступках и дал сигнал к отступлению.

После того как Надир подошел к крепости Курган, Ашур-бек, не видя никакой пользы в (дальнейшей) обороне крепости, сдал ее Надиру и «положил голову под ярмо покорности». Потом Надир отпустил, предварительно одарив конями и почетными халатами, тех людей Ширгази, которые в течение всего этого времени находились при нем и несли военную службу. Так как в дальнейших его планах было наказать татар, Надир через Чахча, Хауз-и-хан и Аббас-абад направился к Мерву, перед тем послав туда человека с указанием, что им делать, но то племя отказалось повиноваться. Тогда Надир выступил против них, и между двумя войсками произошло сражение. Племя татар подверглось суровому наказанию. Одним пришлось стать жертвой сабель, другие же, оставив своих жен и рабынь, поспешно бежали в сторону Бендер-и-Мерва. Крепость со всем имуществом, женщинами и детьми сделалась достоянием победителей. После того Надир пожаловал

---

[1] По поводу этого термина см. стр. 348, прим. 2.

[2] «Алтун-джиляу», посланными хивинским ханом Ширгази.

победителям имущество и всю военную добычу, а захваченных ими пленников отпустил и пустился преследовать (бежавших). Когда же это племя изъявило покорность, Надир переселил его в самый город и, помирив их с племенем каджаров, оказал внимание той и другой стороне. Предводителей же племен из обеих партий он включил в состав своей свиты, арабов отправил в Абиверд к домам и семьям, а сам направился к Мешхеду, написав жителям священного города грамоту, в которой извещал их о (скором) прибытии шаха Тахмаспа.

21 **О походе шаха Тахмаспа на войну с мелик Махмудом, о прибытии Надира к шаху и прочих событиях того времени**

Второго числа месяца сафара 1139 г. х. (29 сентября 1726 г.) Надир подошел к Мешхеду и, пройдя мимо арка (цитадель) со стороны Кух-и-сенгин, остановился лагерем у Ходжа Раби. Во время прохода (войска) мимо города мелик Махмуд с городских башен открыл стрельбу из «пушек непослушания и заносчивости . . .» Каждый день Надир в сопровождении отряда из племени афшаров и с прочими приближенными подходил к укреплениям обнесенного степами арка. Из города также показывались отряды, производившие стремительное нападение и тотчас же скакавшие обратно.

О событиях 1139 г. х. (1726/27 г.)

25 То племя (племя курдов) в горах Дерегеза, под предводительством некоего Шакяра из (рода) чемшкезек, начало бунтовать, а также и мервские татары, подстрекаемые мелик Махмудом, «ударили в барабан восстания». Они убили несколько каджаров и захватили укрепления (Мерва) во имя Махмуда.

После того Надир назначил Захир-уд- доуле Ибрахим-хана в карательную экспедицию против курдов. Это племя «вошло в дверь сражения» с Ибрахим-ханом. Многие из войска Ибрахим-хана в пылу боя «вместо сахара[1] выпили горький напиток смерти».

С одной стороны, начальник города Дуруна с туркменами племени имрели и али-эли и, с другой стороны, Мухаммед-хан, зафаранлю (правитель Хабушана), и Шах-верды-хан, шейхванлю (его сын), соединили свои отряды вместе и, отправившись в большом числе и полной боевой готовности на помощь курдам, осадили Ибрахим-хана в Дерегезе. Надир, услышав об этом происшествии, направился вместе с шахом Тахмаспом в Дерегез. По дороге пришло известие, что отряд курдов направляется со своими семействами и обозом в Хабушан. Надир оставил шаха Тахмаспа между Мешхедом и Хабушаном, в крепости под названием Дастжерд, сам же, сделав быстрый переход, встретился с тем племенем. Хотя он, уважая обычай оберегания чести, и не

[1] Игра слов: «Шакяр» — сахар и имя предводителя мятежных курдов.

посягнул на пленных женщин, принадлежавших тем разбойникам, однако все имущество и их и то, которое было собственностью прочих хабушанских предводителей, разграбил и, таким образом, заставил последних покушать горького. Оттуда Надир двинулся в Дерегез и, как следует, без всякой пощады произвел экзекуцию над тем племенем. Остальные, будучи не в состоянии оказать (дальнейшее) сопротивление, со своими военачальниками пустились по дороге в Хабушан. Несколько отрядов Надира на быстрых конях преследовали бежавших до ближайших окрестностей Хабушана и нанесли им большой урон. Начальника же племени Сулеймана, шейхванлю, захватили в плен. Так как он закрыл глаза на благодарность за те благодеяния, которые ему были оказаны «соседством Надира», то по приказанию последнего, для примера зрячим, у него вырвали глаза из орбит. Затем Надир повел осаду Хабушана. Военачальники вышли из крепости и вторично приняли на себя обязательство (верности). Надир дал согласие с условием, чтот это будет в последний раз, и двинулся по направлению к Мешхеду. Оттуда Ибрахим-хан, по приказанию Надира, отправился в Мерв и разрушил мервскую плотину Султан-бенд.[1] Тамошние татары, те самые, которые бунтовали (оказавшись без воды), пали духом, сдали крепость Мерв и выразили желание повиноваться.

[Далее рассказывается, что хабушанские курды вновь нарушили свое обязательство и пошли по старой дорожке. Надир опять отправился в поход на мятежных курдов и осадил их крепость в Хабушане. Осажденные обратились за помощью к другому курдскому племени, карачурлю, искусным и храбрым воинам, отправившим на помощь своим соплеменникам целый отряд. Осажденные несколько рано сделали вылазку — подмога еще находилась в пути — и Надир разбил их, а потом разбил тех, которые прибыли им на помощь. В дальнейшем Мухаммед Хусейн-хан, правитель Хабушана, его сын Шах-верды-хан и остальные предводители курдских племен были включены в свиту Надира.]

Об умерщвлении мелик Махмуда и мелик Исхака по приказанию Надира

26

[В промежутке этих событий выяснилось, что татарам, тем самым, которые именем мелик Махмуда были в литавры восстания и захватили крепость (Мерв), мелик Махмуд, между прочим, каждый день писал письма, подстрекая к восстанию это племя.

Далее рассказывается, что Махмуд, уличенный в «предательстве», а также «за прошлые деяния» был казнен вместе с мелик Исхаком,

[1] Плотина на Мургабе, где находилась голова всей оросительной системы Мерва, унаследованной от сасанидов. Постройка ее приписывается легендой сельджукскому султану Санджару (ум. в 1157 г.), вследствие чего она и получила название «Султан-бенд». См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 45—54; В. Жуковский. Развалины Старого Мерва, стр. 86 и 174.

а младший брат его мелик Мухаммед Али был отослан в Нишапур к Байрам Али-хану, из племени баят. Последний, мстя за смерть своего брата, предал его казни.]

30 **О сражении Ибрахим-хана с курдами и туркменами в Кярменехане (1140 г. х. — 1727/28 г.)**

Подобно людям, которые ищут смут и во время своих искательств находятся в ожидании удобного случая, чтобы тряхнуть цепью (мятежа) и «сделать трещину в богоданном государстве», туркмены из племен теке, имрели и сарлю, жившие между Дуруном и Астрабадом и в окрестностях Дешта, принадлежа к числу таких людей, после всех этих событий (события, рассказанные в предыдущей главе, не имели к туркменам прямого отношения) начали каждый день делать набеги в направлениях Мехнэ[1] и Дуруна. Надир поспешил привести в боевую готовность свои войска, намереваясь наказать это племя. Было отдано приказание, чтобы курды (племен) чемшкезека и карачурлю явились в главный лагерь (для предстоящей экспедиции). Эти племена, в особенности карачурлю, подстрекаемые Мухаммед Хуссейн-ханом, правителем (племени) чемшкезека, оказали неповиновение, а предводители курдов в местности Манэ и Семельгане, в местечке, называемом Кярменехан, намереваясь поднять бунт, собрали огромную толпу. Отправляясь в сторону Мехнэ и Дуруна, Надир назначил для наказания племени (восставшего в Кярменехане) Захир-уд-доуле Ибрахим-хана вместе с Рахим-ханом, керайли, которых сопровождало большое войско. Сам же он дорогой через Келат и Абиверд устремился на туркмен (делавших набеги на Мехнэ и Дурун).

В упомянутом месте (в Кярменехане) между Ибрахим-ханом и курдами произошло жестокое побоище. Вначале курды потерпели поражение, потеряв некоторое количество убитыми. Вечером, когда войска Ибрахим-хана возвращались в свой лагерь, курды, идя по пятам, сделали нападение и завязали бой. На этот раз у войск Ибрахим-хана «сошла с места нога стойкости и твердости», и они понесли сильное поражение. Приблизительно 1000 человек из воинов погибло в этом ужасном сражении. Ибрахим-хан добрался до крепости под названием Кала-и-юзбаши и там укрепился. Рахим-хан и другие военачальники из-под стен крепости бежали (дальше), направляясь к своим домам. Ибрахим-хан, чувствуя, что оставаться в этой крепости опасно, три — четыре дня спустя, воспользовавшись ночной темнотой, поспешил оттуда в крепость Раз.[2]

В то время, как это все происходило, Надир, дойдя до Балханских гор, которые расположены в Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак), закончил

[1] Мехнэ, или Мейхене (на современных картах Меана) — остатки средневекового города в округе Хаверан, между Абивердом и Серахсом. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 42 и сл.

[2] В округе Манэ.

избиение и ограбление туркмен той местности и шел обратно, когда на его пути до его слуха дошла весть (об этом поражении).

Несмотря на то, что области Мано, Семельгана и Дуруна состояли из горных местностей и что снег завалил дороги, (вследствие чего) переход для всадников был крайне тяжелым, Надир, отправив обоз в Мешхед, через Несу и Абиверд, приказал войскам, (идя) дорогой Джебель — Гермаб, сделать нападение на курдов. По всем местам следования конницы пехотинцам было поручено разрывать и утаптывать снег; по их следам с большими трудностями Надир прошел дорогу и достиг Семельгана и Кярменехана. Ибрахим-хан с остатками войска из крепости Раз направился к Надиру и, сконфуженный, умолял о прощении.

[Далее рассказывается об аресте Ибрахим-хана и Мухаммед Хусейн-хана, которые в дальнейшем были помилованы и освобождены; затем — об усмирении курдов, предводители которых были отправлены со своими семействами в Мешхед, как заложники, и, наконец, — о том как Рахим-хан, кераили, был пожалован астрабадским губернаторством.]

О мятежах в Астрабаде и походе туда Надира

Так как в это время (1140 г. х. — 1727/28 г.) туркмены из племени йомутов, жившие в Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак), начали бунтовать и заводить распри, Надир, считая необходимым их наказать, отправил в Астрабад пеших стрелков, сам же через Дехане пустил коней во весь опор и в течение одной ночи из Бастама доскакал до берегов Атрека, где разгромил «целое полчище этих негодных людей». После того он вступил в Астрабад.

[Из событий 1142 г. х. (1729/30 г.)]

Во время выступления из Хорасана некоторые из солдат одного отряда, состоявшего из туркмен племени гёклен, причисленного к коннице Надира, вследствие того, что это племя, благодаря своему своеволию, никогда не клонило шеи к повиновению правилам дисциплины и перенесению трудностей походов (а в этом походе им волей-неволей приходилось подчиняться приказам Надира), свернули в сторону Дешта и пустились в бегство. Хотя присутствие или отсутствие этого племени при многочисленности войска и было ничтожным делом, однако, так как небрежность в мелочах становится причиною гибели целого, Надир, придававший большое значение их поступку, для поимки дезертиров отправил вместе с полком одного каджара по имени Туфана. Посланный человек встретился с ними (гёкленами) в окрестностях Хара.

Непосредственно вслед затем Надир отправил Багыр-хана бугаири организовать регулярный отряд в 3—4 тысячи человек из племен, населяющих окрестности Астрабада, для того, чтобы в том случае, если со стороны туркмен Дешта и гератских афганцев будет проявлено ослушание, этот отряд мог быть предоставлен в распоряжение Захир-уд-доуле Ибрахим-хана.

48 **О походе гератских афганцев на Мешхед и поражении Ибрахим-хана (1142 г. х. — 1729/30 г.)**

Племенам, переселяемым из Фарса, Ирака и Азербайджана, были даны лошади, ослы [illegible]. Затем их направили в Хорасан. Их число достигало до 56 тысяч семейств, в том числе 12 тысяч афшаров. Из общего числа афшаров 2000 семейств были караклю, которые состояли в племенном родстве с Надиром. Так как Мияб и Кубеган, как об этом упоминалось раньше, были «древней племенной стоянкой Надира» и местом обитания племени караклю, то некоторые семьи из этого племени перекочевали по приказу Надира и поселились в Мешхеде, а на месте их, в Миябе, Надир поселил новых караклю (приведенных с запада). Прочим же афшарам он дал местожительство в Келате. Остальные 45 тысяч семей, состоявшие из других туркмен, бахтиярских курдов и еще разных племен, были расселены по прочим областям Хорасана, где им были назначены места для летних и зимних стоянок.

49 **Об удалении Надира из Азербайджана и переброске войск в Хорасан с целью наказать афганцев**

16 числа месяца сафара (1142 г. х. — 10 сентября 1729 г.) Надир прибыл в Казвин. Иракское войско и различные отряды, за исключением хорасанцев, он целиком послал под начальством Мухаммед-хана, туркмена, к шаху Тахмаспу.

Так как туркмены племени йомут, жившие в Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак), постоянно ходили путем неповиновения и коварства, а туркмены племени гёклен, игнорируя служебную обязанность, не выдали хамаданских дезертиров, как упоминалось выше (в главе о завоевании Хамадана и Керманшахана), то Надир из упомянутой стоянки Эйван-и-кейф, куда он прибыл из Казвина по тегеранской дороге, сделав еще одну остановку, направил четырехтысячный отряд через Бастам,[1] а армию, с которой шел сам, — через Мазандеран. Было условлено, что 15 раби I (8 октября 1729 г.) войско Надира сделает нападение на йомутов в 4 фарсахах от Астрабада, а те (четыре тысячи) нападут на гёкленов из ущелий Кераили с таким расчетом, чтобы нападение на оба племени произошло в один и тот же день и чтобы эти племена не могли передать сообщения одно другому. После того войско Надира в утро назначенного дня перешло р. Атрек и остановилось в местности, называемой Сайад. Там стало известно, что то племя (йомуты) через туркмен огурджа, которые живут среди степей (побережья Каспийского) моря, было осведомлено о приближении «знамен счастья» и бежало в сторону Хивы, а племя гёкленов — в сторону Аладага[2] и Сумбара.[3]

---

[1] См. ниже, стр. 234, прим. 2.

[2] Об Аладаге см. Л. Артамонов, цит. соч., ч. II, вып. 1, стр. 9 и сл.

[3] Сумбар — самый большой из притоков р. Атрека, имеет протяжение свыше 200 км и сливается близ укрепления Дуз-олум с р. Чандыр.

После возвращения в Астрабад, Надир послал по всем пограничным областям Хорасана приказы, чтобы (местные власти) «закрыли и отрезали дорогу взаимных сношений с туркменами и воспрепятствовли им получить провиант». В первый день месяца раби II Надир, переправившись через р. Гюрген и двигаясь краем степи и (далее) по областям Манэ и Семельгана, направился в Хорасан. В местечке Карабаг, зависимом от Кераили, группа непокорных и предводители гёкленов, «войдя дверью мольбы о прощении», изъявили готовность служить Надиру. Они просили простить им вину и обещали дать «юрге-мал».[1] Просьба этого племени была принята, и Надир отдал распоряжение, чтобы и семьи и лошади были отправлены в Хорасан. Победоносные же войска Надир распустил, полк за полком, чтобы они могли сходить к себе на родину, а двадцатого числа, когда солнце будет в знаке Водолея (январь), явиться в Мешхед для похода в Герат.

О прибытии Надира в Мешхед и происшествиях во время его пребывания там

50

Три дня спустя после того, как войско, участвовавшее в походе, отдохнуло от трудностей дороги, Надир, прежде всего, устроил смотр афшарам и тем племенам, которые были отправлены из Фарса, Ирака и Азербайджана. Некоторых молодых людей с именем он, как это заведено обычаем, причислил к своей гвардии. Для обучения же военному искусству Надир приставил к ним учителей, искусных во всех делах, касающихся всадника.

51

Узбеки и гёклены в Карабаге, области Кераили, пришли к Надиру с изъявлением преданности. Они дали обещание, что доставят в Мешхед 200 семейств по обычаю «юрге-маля» для поселения в этом городе. Так как в исполнении этого дела оказалась проволочка, то Надир на всякий случай сделал распоряжение, чтобы под предлогом похода в Герат прибыло (сюда) астрабадское войско, остановилось в Санхасне и ожидало (дальнейшего) распоряжения Надира. Надир 12 джумади II (1142 г. х.—2 января 1730 г.) с небольшим отрядом конницы отправился для наказания того племени. Когда отряд Надира прибыл в Хабушан, туркмены прибыли также, повинуясь приказу. Надир вернулся в Мешхед. Туркмены, приведя в Мешхед обещанные семьи, оставили их на поселение и дали обязательство, что для гератского похода доставят отряд юношей-воинов из своего племени.

Хорезмские туркмены, очень часто приходившие на соприкасавшийся с населенными и возделанными границами Абиверда Теджен, останавливались на житье, производили грабежи в окрестностях Несы и Абиверда и (таким образом) причиняли вред. Несмотря на то, что по приказанию Надира в Дуруне с многочисленными отрядами находился Ибрахим-хан, назначенный для наказания этого племени, и так как Надир никогда ни от кого не дожидался помощи и никакое дело не ставил в зависимость от

[1] Судя по дальнейшему рассказу (см. ниже), под термином «юрге-мал» разумеется обычай давать заложников.

брата (Ибрахим-хана) и слуг, то он вытребовал (Ибрахим-хана) в Абиверд и сам 20 числа месяца ша'бана (1143 г. х.—28 февраля 1731 г.) с одним отрядом сделал форсированный марш, пройдя в течение трех дней дорогу в 45 фарсахов, и в местностях Тарсхун и Теджен настиг то сборище. Мужчин он посек мечом, рабынь и жен их взял в плен, имущество разграбил, а стоянку и обиталище этого племени поджег.

С этого места (из Абиверда) был отправлен также и Ибрахим-хан для наказания туркмен племени теке. Благодаря (проявленному) усердию своего храброго войска, (Ибрахим-хан) заставил это непокорное племя попробовать хорошей трепки, после чего направился в Мешхед.

Об осаде Фараха[1]

56 Но около того времени, когда Ибрахим-хан был готов вступить в пределы Теббеса (он шел на Фарах через Теббес), до слуха Надира дошло известие о мятеже туркмен племени гöклен, не желавших участвовать в «оставляющем благодетельный след» походе. Ибрахим-хан, согласно приказу, отложил свое прибытие (в Фарах) и отправился туда, чтобы наказать их (туркмен). Обстоятельства дела заключались в том, что в то время, когда Надир находился в Мешхеде, узбеки (и гöклены Карабага) обязались по договору дать Надиру отряд конницы. В описываемое время, согласно договору, их привлекли к исполнению военных обязанностей и отправили в поход. После прибытия в область Исфераина, по быстро распространившимся и внушавшим тревогу достоверным слухам, это племя «разожгло пламя разбоя», разграбило скот и имущество, принадлежавшее населению той местности и «повернуло вожжи обратно». На основании полученного известия, Ибрахим-хану было приказано возвратиться. А на подмогу Имам-верды-беку (Имам-верды-бек, сарулилю, наместник Кермана, был отправлен Надиром на осаду Фараха) был назначен другой отряд, из солдат надпрова войска, под начальством Исмаил-султана, хузейме, и Али-кули-бека, сарулилю.

[Далее рассказывается, что, согласно распоряжению Надира, Имам-верды-бек до прибытия других военачальников должен был удержаться от военных операций и не начинать осады крепости. Но Имам-верды-бек, вопреки приказанию Надира, не дожидаясь прибытия военачальников и желая показать храбрость, 28 зуль-хиджа (1143 г. х.—4 июля 1731 г.) начал военные действия, вел их неудачно и за большие потери в командном составе был смещен с должности командующего и заодно с наместничества в Кермане.]

56 После того как Надир прибыл на стоянку Нагяхан, где предводители племени аймаков удостоились счастья выразить свои верноподданнические чувства, он назначил их на осаду Эсфезара под начальством Исмаил-хана, сына Ибрахим-хана, устаджлю, вместе с одним из полков победоносного войска.

---

[1] О Фарахе см. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 45.

О дальнейших событиях и взятии Фараха (1144 г. х. — 1731/32 г.) 60

Как уже говорилось в предыдущем, Ибрахим-хан после своего возвращения из Теббеса принял решение отразить и усмирить племя гёкленов. Когда он прибыл в Санхаси, гёклены раскаялись в своих поступках и «открыли двери просьбы о пощаде». Тех, которые дали обязательство участвовать в гератском походе, он отправил к Надиру. Первого числа месяца мухаррема они прибыли в штаб Надира и были командированы на 61
осаду Фараха. Ибрахим-хан же, после того как он выполнил (порученное ему) дело, был уполномочен привести в порядок дела пограничных областей Хорасана. Согласно распоряжению Надира, он с войском из Абиверда и других пограничных областей прибыл в лагерь, где находился Надир и отсюда направился в Фарах.

О событиях 1144 г. х. (1731/32 г.) 65

Тахмасп-бека, джелаира, (Надир) посадил на губернаторство в области Ужгуш-ханэ, Чермуган и Хаджиляр с пожалованием ему ханского титула. Надир дал ему в сопровождение отряд афганцев, приказав, чтобы он, захватив с собою 3000 человек из племен и стрелков из тех областей, отправился в путь и на Чандыре, который расположен у Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак), построил мощное укрепление и там бы находился постоянно и чтобы всякий раз, как только йомуты и гёклены сделают хотя бы малейшее движение, он тотчас же мог бы предпринять меры наказания в отношении их.

После того как Надир справился с делами, «победоносно развевающиеся знамена» направились в Хорасан.

Так как победа всегда спешила навстречу колеснице Надира, в лагерь в Джаме от Лютф Али-бека Кусе, ахмедлю, и Ашур-бека, папалю, которые приказом из штаба были назначены в карательную экспедицию против туркмен Теджена, прибыл курьер и доставил известие, что орда туркмен той области подошла к Кяделеку и Чашме-и-Хеледжан, местностям Абиверда, и разграбила их. Военачальники с отрядами спешили в погоню за ними и внизу деревни Пуян, загородив дорогу этим искателям смуты, захватили много и голов, и живых и отобрали у них пленников и скот полностью.

Около того времени[1] прибыли в Мешхед курьеры туркмен — гёкленов, 66
до сих пор не проявлявших особой готовности нести «тяжелую ношу повиновения». Надир отдал приказ, чтобы они, перетащив свои палатки и семьи с северной стороны р. Манэ на южную, поселились между Манэ и границами Керапли, а также, чтобы они доставили «на дорогу» 1000 отборных молодых людей для похода в Ирак.

---

[1] Надир объезжал северо-восточные области Хорасана — Келат, Дешт, Абиверд, Дурун и Несу — и только что возвратился в Мешхед.

67 **О походе Надира в Ирак**

Со стоянки в Радкане[1] Надир послал через Сабзевар артиллерию и арсенал, а сам дорогой через Хабушан, делая остановки, направился к месту назначения. Так как туркмены еще до сего времени, как было приказано, не доставили в войско обещанную тысячу человек, то по прибытии в Санхаси, Надир отправил обоз и полки через Бастам, а сам направился в Шахрак Кераили. Цель этого (маршрута) заключалась в том, что если туркмены в выполнении обещанного проявят нерадение или строптивость, то он, пройдя через Дешт, произведет расправу с ними и (затем) возьмет направление на Астрабад, и если русские также проявят медлительность в очищении областей,[2] то он в качестве гостей отправит свое бесстрашное войско к «дверям их дома».

В день прибытия в Джаджерм пятьсот туркмен, назначенных (к набору) в виде наказания, прибыли в лагерь Надира, остальные спаслись бегством в сторону Дешта.

Так как стояли самые сильные летние жары и воды в Деште не находилось, Надир, выбрав 2000 кобылиц из верховых копей всадников и взяв с собою 2000 человек из войска, с водою и провиантом на 10 дней, двинулся форсированным маршем. В виду того, что во время выступления войска из Джаджерма было условлено, что Тахмасп-хан, джелаир, который был занят в Чандыре постройкой крепости, на Дештской дороге присоединится к войску, то упомянутый (военачальник), вместе со своим отрядом направился (на соединение). По пути он встретился с ордою туркмен племени йомут (тех самых), которые бежали от нападения надировой конницы и (теперь) в том месте (встречи) расположились станом. Мужчины этого племени были изрублены саблями, захваченные женщины попали в рабство. С большой добычей Тахмасп-хан присоединился к войску Надира. Туркмен преследовали до окрестностей горы Балхан и Мешхед-и-мисриян.[3]

70 **О движении Надира на Багдад и Керкук и о событиях того времени (1145 г. х. — 1732/33 г.)**

2000 человек из племени баят в 8 фарсахах от Керкука имели стоянку. Он (Надир) переселил их, отправив в Хорасан.

Несколько человек из племени карачурлю и туркмен, которые повернули врагам спину (в сражении с турками под Багдадом), были подвергнуты каре «меча экзекуции», а военачальники «получили сильные раны в сердце и душу, пронзенные острием выговора».

---

[1] Войско выступило из Мешхеда в ночь на 7 мухаррема 1144 г. х. — 12 июля 1731 г.

[2] Северо-западные провинции Ирана были в это время оккупированы Россией.

[3] О местоположении развалин Мешхед-и-мисриян (в долине р. Атрека) см. В.В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 31 и сл.

О событиях 1147 г. х. (1734 г.) 92

Радостное известие, полученное Надиром,[1] было такого содержания. Ильбарс-хан, правитель Хорезма, послал Хусейна, векиля йомутов, с 3000 туркмен произвести грабеж в пределах Хорасана. Эта орда разделилась на две части. Одна часть устремилась в область Манэ, а другая на Аладаг и Семельган, где живут курды чемшкезек. В то время как это племя (туркмены) было занято наведением ужаса (на население) и увлечено грабежом, правители тех областей с большим отрядом застигли грабителей и порубили их саблями в большом количестве. В воздаяние за эту службу они были пожалованы исключительным вниманием Надира.[2]

[О восстановлении плотины в Мерве] 97

Еще в самом начале, когда татары произвели смуты и беспорядки и в Мерве возникли волнения, мервская плотина Султан-бенд, в соответствии с государственными интересами, была, согласно приказу Надира, разрушена. После того несколько раз Надир отдавал распоряжение восстановить эту плотину, но дело не двигалось. Захир-уд-доуле Ибрахим-хан, посланный восстановить плотину, привел ее в порядок и направил воду в крепость (Мерв). Жаждавшие посевы и сады мервской земли были напоены водой и стали счастливы.

О прибытии Надира в Муган и о „заложении основы шахского владычества“ 103

Когда Азиз-кули-бек, жалобщик г. Андхуда, принадлежавшего к матери городов — Балху,[3] приходил в райский город (Мешхед) и был осенен тенью победного знамени (Надира), то вскоре после того последовал высочайший приказ Али Мердан-хану, губернатору Андхуда, чтобы он разрешил сделать перекочевку (афшарам) по побуждениям племенной преданности и отправил это племя в Мешхед. Али Мердан-хан не выполнил шахского приказания. Этот поступок не понравился его величеству, и Надир-шах утвердился в мысли наказать ослушника.

[Далее рассказывается о том, что управление всем Хорасаном было вверено Риза-кули-мирзе (сыну Надир-шаха), а военное дело — Тах[illegible]-кули-хану, джеланру. Было решено, что последний приготовит все необходимое для экспедиции и, с целью покарать Али Мердан-хана, направится в Андхуд, а оттуда в Туркестан.]

---

[1] Надир находился тогда в Шемахе.

[2] Ср. рассказ о том же событии хивинского историка Мунис (см. ниже, стр. 333).

[3] Азиз-кули-бек был из племени тамошних афшаров.

О взятии матери городов — Балха

110 В предыдущем уже говорилось о том, что принц Риза-кули-мирза из шахской (Надировой) ставки был командирован для наказания Али Мердан-хана, губернатора Андхуда, который препятствовал переселению (в Мешхед) Азиз-кули-бека, жалобщика, и остальных афшаров, живших в Андхуде. После того как в Кандагаре появились шахские знамена, принц (Риза-кули), приготовив в Хорасане артиллерию и все, что нужно для успешного похода, через Бадгис и Меручак направился в Андхуд. Так как область Андхуд была наиболее значительной областью Балхской провинции и имела население, преимущественно состоявшее из племен афшаров, то, когда войско принца очутилось в 2—3 переходах от Балха, афшары взяли своего губернатора Али Мердан-хана и, сделав из него «деставиз»,[1] поспешили навстречу войску принца и вручили последнему ключи крепости.

Жители Шибиргана также покорились из чувства племенной солидарности, так как были из племени джелаиров (главнокомандующий Тахмасп-кули-хан был джелаиром). Принц, устроив дело этих провинций, отправил к шахскому двору Али Мердан-хана с несколькими предводителями того племени (афганцев), сам же пошел на Акче. Население этого города также изъявило покорность.[2]

111 С той стороны, завоевав Балх, Риза-кули-мирза перешел Аму-дарью и через Карши двинулся на Бухару. Абуль-Фейз-хан, падишах Бухары, включил в свою армию вспомогательное войско из 45 000 узбеков и туркестанских племен, присланных по его просьбе Ильбарсом, правителем Хорезма, и в полной боевой готовности прибыл в Карши. Хотя численность войска у принца (Риза-кули) была не более 10—12 тысяч, но, по арабской пословице, «львенок — подобие льва», принц, несмотря на численность неприятеля, смело устремился в битву. Падишах Бухары был побежден. Большое количество его солдат было перебито. Падишах засел в крепости Карши, которая случилась поблизости, а хорезмское воинство (посланное Ильбарсом) без хлопот и сражений пустилось в бегство.

[Далее рассказывается, что принц (Риза-кули) направился завоевывать Шельдук, расположенный около Карши.[3] Он взял его, жителей порубил саблей и территорию включил в число завоеванных. Затем принц должен был

---

[1] Подношение, которым население встречает прибывающие власти.

[2] Вероятно, это были афшары или джелаиры.

[3] Развалины этого города существуют в настоящее время под названием Шуллюк-тепе. В связи с этим приводимое Мехди-ханом правописание следует признать спорным. См. об этом подробнее Сборник «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 208 и сл.

приостановить наступление и снял осаду Карши, так как получил к этому времени приказ от Надир-шаха прекратить военные действия и вернуться в Балх).[1]

О событиях 1151 г. х. (1738/39 г.) 126

В конце месяца (раджаба) от принца Риза-кули-мирзы Надир-шахом получено было сообщение, что Ильбарс-хан, правитель Хорезма, узнав о походе его величества в Индию (1738/39 гг), «счел поле сражения очищенным» и собрал большое количество войска из узбеков и хорезмских туркмен. В намерении напасть на границы Хорасана, он прибыл в Теджен в 5 фарсахах от Серахса. Сторожевые разъезды той и другой стороны встретились лицом к лицу, а двое солдат с нашей стороны попались в плен к узбекам. Из допроса пленников Ильбарс-хан узнал о прибытии войска принца в Серахс. Далее он, не осмеливаясь двигаться вперед, направился в сторону Абиверда, осадил крепость под названием Кахлан, которая находится между Несой и Абивердом, и принялся штурмовать крепостные стены. Хотя жители и прилагали все усилия удержать за собою крепость, тем не менее неприятель, благодаря штурмам, внес большую сумятицу среди осажденных и произвел повреждения в основании прочно возведенных крепостных стен. В это самое время находившийся тогда в Абиверде начальник крепости возвращался с военным отрядом в Кахлан, чтобы разузнать о положении находившихся в крепости. Случилось так, что во время общей свалки взгляд Ильбарса упал на столб пыли, поднятой всадниками приближавшегося начальника крепости. Думая, что это войско принца Риза-кули, которое прибыло на помощь (осажденным), Ильбарс, пораженный, бросив штурм крепости, вернулся в Хорезм. Значительному количеству узбеков, которые

[1] Автор «Тарих-и-Рахим-хани» бухарский историк Мухаммед Вефа-и-Керминеги (рукопись ИВ С 525), говорит что Надир-шах, отправляясь в поход на Кандагар и Кабул, послал Риза-кули с армией к Аму-дарье «по доносу некоторых из туркмен, как, например, Зухур-кули, имевшего крайнюю обиду на Али Мердана, правителя Андхоя» (л. 30б—31б). Абуль-Фейз-хан выступил против Риза-кули в Карши. На пути к Абуль-Фейз-хану присоединился Адина-кули-бехадыр, правитель Самарканда, с 6000 конницы и другие правители крепостей, в том числе кушбеги Таш Мухаммед Кефир, который при встрече с войском Риза-кули «приготовился к бою со всей конницей и войском туркмен» (32б). Сражение закончилось поражением бухарских войск, превосходивших числом своих противников, и бегством. Эмир направился в Карши, откуда думал организовать отпор (34а). Отряд Риза-кули осадил крепость Шуллюк и разрушил ее, причем в день падения крепости был убит Зухур-кули, туркмен. Финал похода Риза-кули рисуется бухарским историком иначе: он говорит (34б), что «когда большинство врагов государства было уничтожено в битвах и они возвращались обратно, стало известно о прибытии в Бухару на помощь мусульманам Ильбарс-хана хорезмского с большим войском. Враги, нарушившие мир, пустились в путь по направлению к Балху». Некоторые подробности об этом эпизоде см. Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 183 и сл,, а также Протоколы заседаний и сообщения членов Турк. кружка люб. археол., год двадцатый, Ташкент, 1915, стр. 82—83 (год неверно).

в это время занимались грабежом соседних окрестностей, не удалось своевременно присоединиться к своему войску (успевшему уйти), и они погибли под саблями то здесь, то там.[1]

130

О походе Надир-шаха на Бухару и другие государства Туркестана и завоевании их

И так как еще ранее того начальник Балха по высочайшему повелению построил и спустил на воды Аму-дарьи 1100 судов, из которых каждое поднимало тысячу манов[2] тяжести, то было решено наполнить эти суда пшеницей и припасами, а также погрузить на них артиллерию, и все это отправить водою. 17 числа упомянутого месяца (джумади I 1153 г. х. — 10 августа 1740 г.) войско выступило в направлении Келифа. Суда (также) доплыли водою до места переправы в Келифе. Один отряд переправился на судах через реку, получив предписание следовать к месту назначения на противоположном берегу реки, напротив шахского войска.

27 числа шахское войско остановилось в Керки, у места переправы (для дальнейшего следования) в Бухару. Там сын Хаким-бия, аталыка, который еще с давних пор и также в настоящее время был одним из главных эмиров Турана, с правителями Гисара и Карши и большим количеством начальников и вельмож с той стороны р. Аму-дарьи, прибыл в ставку шаха и удостоился представления и чести служить его величеству. Им всем были пожалованы почетные халаты и оказано шахское внимание. Из упомянутой стоянки (Керки) Надир-шах командировал Риза-кули-мирзу с 8000 солдат,
131 наказав, чтобы он в виде авангарда повсюду шел вперед и, остановившись в Чарджуе, ждал там до тех пор, пока не прибудет шахское войско. А Али-кули-хана[3] он отправил восточнее Аму-дарьи и приказал ему двигаться параллельно войску принца (Риза-кули), делая переходы и стоянки, а также охранять (встреченные на пути) племена и жителей, которые окажут покорность и повиновение, но оказавших непокорность наказывать.

После переправы (Али-кули-хана) через Аму-дарью, некоторые из племен «положили шею в ошейник повиновения и преданности», другие же, старавшиеся «свернуть с дороги повиновения» и убежать, были преданы смерти и разграблены. Победоносное войско с пленниками и обильной добычей прибыло в шахский лагерь. Но Риза-кули-мирза, который получил назначение отправиться в Чарджуй (не имел успеха), так как население этой области еще ранее до того перекочевало в сторону Хорезма и «дичь того дикого племени не попала в силки охотников его воинства».

---

[1] Ср. по этому поводу приводимый ниже (стр. 333) рассказ хивинского историка Муниса.

[2] Ман — мера веса, в различных районах Ирана определяемая различно — от 2.944 до 13.8 кг, см. Л. Ф. Богданов. Персия. СПб. 1909, стр. 94—95.

[3] Али-кули-хан, племянник Надир-шаха, перед тем назначенный наместником Хорасана, впоследствии возглавлявший заговор против Надир-шаха.

В среду 8 числа месяца джумади II (31 августа 1740 г.) шахское войско расположилось лагерем на виду у городских стен Чарджуя. Согласно приказу Надир-шаха, в течение трех дней через р. Аму-дарью был наведен прочный понтонный мост, по которому войска начали переправу. Один полк получил приказание охранять Чарджуй, оберегать понтонный мост и произвести реквизицию сельскохозяйственных продуктов в той области. 14 числа Надир-шах со всей свитой и гулямами сел на построенные знающими дело иранскими и индийскими плотниками суда, которые имели особые места для сидений и павильоны, сделанные с величайшим искусством и специально для шаха украшенные живописью и рисунками. Шахский кортеж переправился через Аму-дарью, и в тот же день Хаким-бий, аталык, бывший министром и «осью, на которой вертелась вся мастерская Турана», и сопровождавшая его большая группа предводителей племен и наиболее благородных и сановитых лиц Бухары были представлены его величеству для приветствий и поклонов и удостоены почетных халатов и шахского внимания. Они провели там весь следующий день, и только на третий день его величество разрешил удалиться Хаким-бию, аталыку, и сопровождавшим его лицам, поручив (первому) привести в шахскую ставку Абуль-Фейз-хана (правителя Бухары) и внушить ему надежду на милостивое участие со стороны его величества. Через Каракуль войско Надир-шаха, делая переходы и стоянки, направлялось в Бухару и в воскресенье 19 числа в 4 фарсахах от Бухары разбило шахские шатры. Так как Абуль-Фейз-хан сам по себе был лишен возможности сопротивляться, и так как то войско из туркмен и узбеков, которое он набрал в то время из самых отдаленных окраин туркестанского государства, было разгромлено Надир-шахом, то Абуль-Фейз-хан не видел иного средства к спасению, кроме покорности. Вместе с Хаким-бием, аталыком, и ходжами, а также с предводителями племен, благородными лицами, казиями, военачальниками, сановниками и всем народом, он «вошел дверью повиновения» в надежде на шахское снисхождение. Он остановился в 1 фарсахе от шахского лагеря и в понедельник вечером 20 числа во время вечернего намаза получил разрешение преклониться пред его величеством.

[Далее рассказывается о приеме Абуль-Фейз-хана в шахской ставке и дальнейшем торжественном шествии Надир-шаха.]

Так как еще раньше до того его величеству было доложено, что в области *132*
Кабула некоторые из тамошних афганцев «вышли за край правильного пути», то Надир-шах назначил командовать войсками Тахмасп-кули-хана, джелаира, старого слугу шахского двора, и вручил ему «бразды правления» над (простиравшимися) к северу от вод Атока, от границ... Синда и Пешавера до Тибета государствами, отнятыми от Индии и включенными (в состав провинций) этого государства (Ирана). Передав Тахмасп-кули-хану часть своего войска с беглербегами и губернаторами, Надир-шах отдал приказание, чтобы он шел через Гисар и (по дороге) набирал войско из туркмен и узбеков, которое было обещано предводителями тех областей, и чтобы с этим войском он направился в Хорасан, а из Хора-

сана к месту своего служебного назначения, т. е. для наказания непокорных той страны (Кабула). А правителям Кабула и Индии и губернаторам тех областей было послано высочайшее повеление, чтобы они были попрежнему на своих должностях, повинуясь приказам и запрещениям командующего войсками (Тахмасп-кули-хана).

132 • **О походе Надир-шаха на Хорезм и завоевании его**

Так как в предшествовавшие времена границы Хорасана очень часто подвергались нападениям и грабежам со стороны узбекских и туркменских полчищ из Хорезма и так как (Хорасанская) область была разрушена этими полчищами, то мысль о возмездии и отмщении никогда не покидала Надир-шаха. В особенности в это время, когда Ильбарс и население его области, сделавшиеся смелыми и дерзкими в отсутствие Надир-шаха, стали переходить хорасанские границы, у его величества появилось сильное желание завоевать (Хорезм) и навести порядок в этом государстве. После того как были устроены наиболее неотложные дела в Туркестане, 16 числа месяца раджаба (1153 г. х.—7 октября 1740 г.) войско выступило из Бухары и, делая переходы и остановки, стало продвигаться к Хорезму. Когда войско прибыло в Ходжа-келеси, отстоявшее от понтонного моста в 12 фарсахах, сторожевые отряды донесли Надир-шаху, что туркмены Хорезма под начальством Мухаммеда Али-хана, ошака, соединившись с тамошними узбеками, все вместе, в полной (боевой) готовности, приблизились к Чарджую на расстояние 6 фарсахов. Лишь только Надир-шах получил это сообщение, он отдал приказ, чтобы войсковой обоз следовал сзади от стоянки к стоянке, а сам с войском, с наступлением вечернего времени, сел на коня и двинулся форсированным маршем по дороге. Перейдя понтонный мост, он провел тот день в окрестностях Чарджуя, поджидая подходившие полки, и на другой день, 21 числа того же месяца, дал распоряжение выступить для того, чтобы наказать то племя. После полудня того же дня, когда показались столбы пыли, поднятые хорезмским войском, Надир-шаху донесли (об этом). Вышел приказ, чтобы передовая часть войска, задев туркменские полчища, осмотрительно и осторожно, летучими стычками занимала неприятеля до тех пор, пока не подойдет (сам) Надир-шах и не обратит завязавшиеся стычки в настоящее сражение. После того Надир-шах, отделившись от центра войска с одним отборным полком конницы, бесстрашно устремился в сражение. Оставался лишь один мейдан[1] пространства, как «твердыни устойчивости этого племени» обрушились, подобно степям от натиска горного потока: в беспощадной атаке они потерпели поражение и обратились в бегство. Шахское войско стало их преследовать. У многих из них от «жара сверкающего меча загорелись хворост и колючки земного существования», многих заключила в свои объятия накинутая петля вражеского аркана. И голов и живых пленников было достаточно

[1] Расстояние, какое может проскакать лошадь, не переводя духа.

(сложено) у ног его величества. После того как меч храбрецов отправил это непокорное племя в обитель небытия, на другой день на том же самом месте, которое отстояло от Чарджуя на 6—7 фарсахов, победители занялись осмотром военных трофеев и (только) на третий день, двинувшись обратно, прибыли в шахский лагерь.

Так как Риза-кули-мирза весьма жаждал повидать Насрулла-мирзу, своего брата, с которым он искал случая встретиться, и который, прибыв из Индии, (теперь) находился в Герате, то он получил (от Надир-шаха) отпуск и вместе с Али-кули-ханом отправился в Мешхед. А Надир-шах в ожидании, пока подойдут остальные войска и обозы, отставшие на дороге, пребывал в том месте еще 5 дней.

1100 барок, построенных перед тем по высочайшему приказу для путешествия в Хорезм, были нагружены шахской артиллерией и большим количеством пшеницы и провианта, который был собран из запасов друзей и врагов, и водами Аму-дарьи отправлены в Хорезм. Шахское войско в четверг 28 числа (месяца раджаба — 19 октября) направилось к месту назначения, делая переходы и стоянки, и 13 числа месяца ша'бана (3 ноября) разбило палатки в местности, называемой Девэ-боюни,[1] которая является первой населенной и возделанной местностью Хорезма. Так как Ильбарс и жители Хорезма заблаговременно собрали всех туркмен и узбеков хорезмской равнины и Арала, приготовили их к войне и снарядили для сражения в крепости Хазараспи, находившейся от Девэ-боюни на расстоянии 3 фарсахов, то Надир-шах в течение 2 дней задерживался около Девэ-боюни в надежде, что Ильбарс выступит из крепости для сражения в открытом поле. Но этого не произошло. Тогда Надир-шах устроил в Девэ-боюни складочный пункт и поместил в нем суда, лишние запасы (провианта) и багаж. 16 числа (месяца ша'бана — 6 ноября) он направился в сторону Хазараспа и в полуфарсахе от крепости приказал разбить лагерь. Выяснилось, что Ильбарс «подобрал ногу смелости» и (вместо открытого сражения) решил ограничиться защитою крепости. Так как эта крепость имела валы и была хорошо укреплена прочными стенами, и к тому же ее окружали воды Аму-дарьи, то нападение на эту крепость было (делом), далеким от благоразумия. Поэтому Надир-шах отказался от штурма крепости. На другой день Надир-шах выступил в поход по направлению к Хиве, которая была столицей Хорезмской области и находилась в центре государства, опять-таки в надежде, что эта диверсия заставит Ильбарса сняться с места. После того как войско Надир-шаха сделало один переход, Ильбарс также выступил из Хазараспа и берегом Аму-дарьи двинулся в том же направлении. Хотя он (сам), побежденный страхом, не удалялся прочь от берега реки и не обнаруживал смелости встретиться с неприятелем лицом к лицу, тем не менее племя йомутов, теке и другие туркменские племена той области

[1] Дословно — «верблюжья шея»; местность Питнякская лука — начало культурной полосы Хорезма; у В. В. Бартольда. К истории орошения Туркестана, стр. 96 — «Тиве буюни»; там же приведена литература.

осмелились завязать легкие стычки. Тогда Надир-шах также не стал задерживать ни правого, ни левого фланга, ни центра на том построении, какое они имели, и сам с полком храбрецов бросился преградить дорогу тому племени. Было добыто много голов, остальные, избежав руки шахских храбрецов, пустились восвояси и присоединились к Ильбарсу. С того самого места без задержек и промедления они скакали до крепости Ханках, одной из пяти крепостей Хорезма, расположенной между Хазараспом и Хивой. Ильбарс заставил остановиться свое войско под стенами крепости и разбил лагерь в этом месте. Надир-шах в тот день сделал остановку, а на другой день утром двинулся на крепость Ханках... В четвертом часу дня окрестности вокруг крепости были усеяны скачущими там-и-сям всадниками. Ильбарс со своей стороны был принужден принять сражение и (выступил) с бесчисленным количеством стрелков, с отрядоми узбеков и туркмен, а также с артиллерией, которая имелась у него. По сигналу Надир-шаха войско, дав шпоры своим коням, бросилось в атаку на полчище неприятелей и смяло неприятельские полки. Некоторые из них, напутствуемые острием меча, отправились в обитель небытия, другие же, неуспевшие войти в крепость, — для них двери смертного часа несколько запоздали открыться, — бросились в бегство по той же самой дороге. Шахское войско преследовало их и многих, в то время как они спасались бегством, истребило мечом, много и голов и живых пленников привязало к торокам. Ильбарс с узбеками засел в крепости. Шахские пехотинцы получили приказание произвести нападение (на лагерь) с четырех сторон. Тотчас же они завладели всеми палатками, артиллерией, имуществом и добычей узбеков и других (неприятельских) войск, а также (имуществом) населения, которое жило в палатках в «ширхаджи», за стенами крепости, и захватили самый «ширхаджи». В течение трех суток производилась бомбардировка крепости; затем искусные минеры в нескольких местах принялась рыть землю и проводить подземные ходы. Стены крепости под ударами осадных орудий были обращены в развалины, а подкопы сделали с башнями то, что делает «рука с шиворотом». Шахское войско приготовилось пойти на штурм. Когда осажденные увидели себя «с шести сторон в пучине бедствий», они вместе с большой группой узбекских военачальников вышли из крепости и 24 числа (1153 г. х. — 14 ноября 1740 г.) сдались на милость его величества.

Ильбарс хотя и (сам) видел, что «судно его испорчено и судьба черна», все же оставаясь со своими помощниками «в положении заблудших», под разными предлогами стремился замедлить свой выход из крепости. На другой день за ним пошли по приказанию Надир-шаха. Его вытащили из крепости силой, а также и тех узбекских военачальников, которые были вместе с ним, и привели их всех в шахскую ставку.

Хотя Надир-шах много раз прощал и миловал, не считая дозволенным предавать смерти поверженного врага, но ввиду того, что во время пребывания шахской особы в Бухаре Абуль-Фейз-хан по высочайшему приказу послал к этому правителю (Ильбарсу) несколько человек, наиболее уважае-

мых среди узбеков лиц, чтобы призвать его «к правой дороге повиновения», 134
а также ввиду того, что во время следования Надир-шаха в Хорезм из Чарджуя были посланы два человека из тамошних ходжей для передачи (ему) ультиматума, а он их предал казни, — (ввиду всего этого), согласно справедливости «шахский фирман вошел дверью мщения»: он (хан Ильбарс) и с ним двадцать разбойничьих предводителей, которые во всех отношениях являлись застрельщиками смуты, были казнены.[1]

Управление страной (Хорезмом) Надир-шах пожаловал Тахир-хану, внуку Мухаммед-хана, чингизида, который происходил по мужской линии от султанов Турана и был предан иранскому государству. По принятому обычаю Надир-шах назначил этой стране советника-опекуна.

Из происходивших в это время событий необходимо отметить следующее.

Благодаря ложным слухам, распространившимся в лагере о якобы отданном приказе разграбить крепость (Ханках), огромная толпа из подонков и других людей шахского лагеря своевольно поспешила к крепости и сделала попытку разграбить Ханках. Это обстоятельство сделалось известным его величеству. По высочайшему приказу 30 человек виновных были казнены через обезглавление у дверей кяшикханэ[2].

---

[1] Более подробный рассказ об этих событиях см. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 182 и сл. О встрече Абуль-Фейз-хана с Надиром и походе последнего в Хорезм автор «Тарих-и-Рахим-хани» Мухаммед Вефа-и-Керминеги в главе «Рассказ о встрече шаха Турана и эмира эмиров (Абуль-Фейз-хана) с великим государем Надир-кули, шахом Ирана (1154 г. х.)» сообщает следующие данные, которые мы приводим в отрывках по рукописи ИВ С 527. «После встречи Надир-шаха с эмиром и получения дорогих подарков из эмирской казны, вспомогательного войска и зерна, он двинулся к Амударье на пути в Хорезм, отпустив эмира в Бухару (47а). Жители Ургенча . . . отказались повиноваться и подчиняться этому царю (Надир-шаху) и руку храбрости и смелости протянули к сражению с этим шахом. Встреча обоих отрядов произошла в Хазараспе. Ильбарс-хан с большим войском славных храбрецов приготовился к бою и сражению с неверными, врагами государства и народа. После того как обе стороны проявили большие усилия и различные приемы борьбы и битвы, хорезмское войско было осаждено в крепости Хазараспе и укрепило ее башни и валы. Так как аркан захвата был слишком короток для зубцов этой высокой стены (49б) и царь Ирана разглядел многочисленность того зловещего войска, он счел полезным делом рассеяние их единства и соединения и отправился к крепости Ханках. Это решение внесло смуту в хорезмское войско, и волнение и раскол стали уделом малых и великих из приближенных Ильбарс-хана. Племя туркмен и войско степи решили охранять свое имущество и защищать семьи и детей, — они толпами отправились в пустыню и на родину... Ильбарс-хан, который был львом в чаще храбрости и крокодилом в море смелости, с группой храбрецов прошел ночью по другой дороге и на рассвете подошел к Ханках (50а). Усилия Ильбарс-хана не получили успеха, и в Бухару было послано известие о победе над Хорезмом (50б). Великий эмир (Абуль-Фейз) с подарками двинулся навстречу Надир-шаху, был им обласкан и одарен дорогим халатом (51а), после чего ему было дано разрешение на возвращение в столицу Бухару. Главную свиту и шатер государства он (Надир) отправил из Чарджуя по направлению к Мерву (51б).

[2] Караульного помещения.

И (еще) когда раньше до этого Ильбарс посылал человека к казахам и в Арал и просил у них помощи, Абул-хайр-хан, правитель казахов, пришел с полком из казахов и аральских узбеков в крепость Хиву, столицу Хорезмской области. Увидя, каково положение вещей, он составил заявление о своей искренней преданности и с несколькими из своих приближенных отправил его к Надир-шаху. После же отправки человека с заявлением, стал искать случая, и так как (эти люди) всегда были готовы на своеволие, ибо повиновение и покорность были для них свыше сил, он дал шпоры коню бегства и помчался к казахам.[1]

Когда об этом узнал Надир-шах, он двинул полки на Хиву. Так как эта крепость была известна своей неприступностью и в ней у узбеков было много и провианта и войска, и так как тамошние узбеки заблаговременно «выказали проворство» (т. е. приняли меры) и затопили водой всю местность вокруг крепости, Надир-шах разбил лагерь около стен и оцепил крепость со всех сторон. Было приказано рыть канавы с таким расчетом, чтобы воды, минуя крепость, потекли в пустыню. Те, кому были поручены эти операции, усердно принялись за дело и выполнили его в течение трех дней. Когда осажденные, «вместо воды увидели себя погруженными в море огня», они с наступлением утра запросили пощады и отправились с ключами от крепости в шахскую ставку. Им было дано прощение и оказана милость. После того Надир-шах, произведя смотр, из всех пяти городов Хорезма[2] отобрал 4000 узбеков, наиболее молодых и способных и, присоединив их к своему войску, направил в Хорасан.

[Далее рассказывается, что Надир-шах занялся приведением в порядок административно-государственных дел Хорезма. Он освободил из плена всех когда-то уведенных из Хорасана иранцев, 12000 мужчин и женщин, а также русских, попавших в плен к узбекам. В одной Хиве иранских пленников было 4000 человек. Надир-шах поселил их в хорасанской крепости под названием Хива-абад, в 4 фарсахах от Абиверда. В конце месяца шавваля он через Чарджуй, Мерв и Келат прибыл в Мешхед.]

37 **О событиях 1154 г. х. (1741 г.)**

Из происшествий, которые там были доложены Надир-шаху (он находился в это время в Дагестане), (нужно отметить) восстание в Хорезме и убийство Тахир-хана, правителя той области. Обстоятельства этого происшествия заключались в следующем. Еще ранее того, (а именно) во время пребывания Надир-шаха в Хорезме, орда, состоявшая из разбойников узбеков племен Арала, которые живут в северной части Хорезмской области, тесно соприкасаясь с казахами, бежала после столкновения с шахским войском.

[1] Об участии Абул-хайра в описываемых событиях см. «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740/41 г. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным». Географические Известия, 1850 г., отд. 2., стр. 528 и сл.

[2] См. стр. 334, прим. 2.

В настоящее время Нур Али, сын Абул-хайр-хана, правителя казахов, соединился с этим племенем и осадил крепость Хиву. По прошествии некоторого времени он овладел ею и, умертвив Тахир-хана с несколькими начальниками, преданными Надиру, сделался «носителем ошейника правления областью» (стал править сам).

Услышав об этом, Надир-шах отправил Насрулла-мирзу [1] с несколькими военачальниками и хорасанскими полками наказать хорезмских мятежников и отнять у них эту область.

О событиях 1155 г. х. (1742 г.) *141*

Как уже упоминалось раньше, после того как произошло завоевание Хорезмского государства, прежний правитель (Хорезма) Ильбарс был наказан и управлять страною назначен Мухаммед Тахир-хан, чингизид, Надир-шах отправился в Хорасан. В то время как он находился в Дагестане (после отъезда из Хорасана), пришло известие, что разбойники Арала и Хорезма, при поддержке и по подстрекательству со стороны сына Абул-хайр-хана, правителя казахов, и в союзе с Артук-инаком, подняли бунт, «выпеся ногу за край правильного пути», Тахир-хана, правителя, убили, а сына Абул-хайр-хана признали правителем страны. Так как проявление подобного поступка со стороны населения Хорезма и Арала, несмотря на великодушие и благоволение, оказанное его величеством взамен всех их вероломств, которые имели место в прошлом, было черной неблагодарностью, то Надир-шах поручил Насрулла-мирзе, наместнику Хорасана, выступить с хорасанскими полками и артиллерией, чтобы наказать мятежников и вновь покорить Хорезм, причем приказал (Насрулла-мирзе) двинуться в ту сторону после нового года.

Артук-инак вместе с населением, сановниками, предводителями племен и военачальниками Арала и Хорезма, узнав о предстоящей экспедиции принца, протрезвился «от опьянения вином самовластия, за которым следует головная боль похмелья». Будучи в безвыходном положении, он стал каяться и, перепуганный до ужаса, отправился в Хорасан, явился к принцу в Мерв, просил простить ему вину. Он поклялся, что будет служить верой и правдой, а кроме того, возвратит остальных пленников (иранцев, захваченных в прежние времена) и даст полк для шахской конницы. Принц, находившийся в Мерве, донес (Надир-шаху) и получил высочайшее разрешение отпустить их в том случае, если 5000 хорезмских узбеков будут включены в состав шахского войска и станут нести военную службу. Принимая во внимание то обстоятельство, что они будут служить, и их слезную просьбу, а также снисходя к крайней степени их бедственного положения, его величество предал забвению их проступки и управление страной, согласно просьбе того племени, пожаловал сыну Ильбарса, Абуль-Мухаммед-хану, которому

[1] Сын Надир-шаха, правивший в это время Хорасаном.

оказал покровительство его высочество Насрулла, аталыком же[1] соизволил сделать Артук-инака. Этот аталык отправил своего брата с несколькими предводителями племен служить в шахской коннице.

Его величество(шах) приказал принцу (Насрулла-мирзе) уведомить того правителя (Абуль-Мухаммед-хана), чтобы он вторично (первый раз приказание не было исполнено) набрал из способных к военному делу молодых людей с Арала и Хорезма полк, подходящий для службы в шахской коннице, и отправил его к Надир-шаху, а тех пленников, которые еще оставались у него в стране, отпустил на свободу. Остатки же семейств из племени теке и йомутов, откладывавших (сроки переселения) и остававшихся в Хорезме, Абуль-Мухаммед-хан должен был целиком снять с места и отправить в Хорасан.

Предводители тех племен дали обязательство повиноваться шахскому приказанию и,получив разрешение удалиться, поехали в Хорезм, а принц направился в Хорасан и 22 джумади II (24 августа 1742 г.) прибыл в Мешхед.[2]

150

О бунте в Астрабаде

15 зуль-хиджа (1155 г. х. — 8 января 1746 г.) Надир-шах из Шахребана[3] двинулся в Азербайджан и после прибытия в окрестности Махидешта в Керманшахане получил донесение, что часть каджаров, между которыми были и глупцы, и люди рассудительные и даже лица сановного звания, вследствие дурного обхождения со стороны Мухаммед Хусейн-хана, тамошнего губернатора, вступила в союз с племенами йомутов и вошла в город (Астрабад). Сын Мухаммед Хусейн-хана, замещавший отца (во время его отсутствия), спасся бегством и прибежал к Бехбуд-хану, чапушлю, сердару Атека. Обязанность усмирить бунтовщиков была возложена на Бехбуд-хана изданным для сего приказом Надир-шаха. Мухаммед Хусейн-хан из шахского лагеря был отправлен для того же дела.

Отправленные с войском и снаряжением двинулись в Астрабад и усмирили население этого города. Вследствие того, что между некоторыми из каджаров и Мухаммед Хусейн-ханом имела место еще старинная вражда, со стороны Мухаммед Хусейн-хана в отношении и виновных и невинных было применено все: и казни, и пролитие крови, и грабеж, — эта область стала жертвой его сокрушительной руки.

Как уже упоминалось об этом раньше, Насрулла-мирза за год до того сделал поход в Хорезм. После того как он возвратился в Мерв, хорезмские предводители племен и военачальники с Арала вместе с Артук-инаком, явившись к принцу, дали обязательство представить конницу и переселить племя йомутов. Согласно шахскому приказанию, Насрулла-мирза назначил пра-

[1] См. стр. 328, прим. 1; также стр. 331, прим. 2.

[2] Более подробно об этих событиях см. ниже, стр. 181, прим., где приводится также рассказ хивинского историка.

[3] Около Багдада, место шахского лагеря.

вителем страны Абуль-Мухаммеда, сына Ильбарса, а Артук-инака — его аталыком, на правах полновластного хозяина во всех делах, касающихся управления. После того они возвратились в Хорезм.

По прошествии некоторого времени группа бунтовщиков в Хорезме, вступив в союз с йомутами, убила Артук-инака. Когда слухи об этих происшествиях дошли до Надир-шаха, последний назначил на должность главнокомандующего по Хорезмской области Али-кули-хана, который доводился ему племянником, и приказал отправиться в Хорасан с тем, чтобы он сделал необходимые приготовления и на следующий год мог бы выступить в поход на Хорезм для усмирения йомутов.

[Восстание туркмен, во главе с йомутами, против ставленников Надира в Хорезме] 154

Уже ранее говорилось о том, что Надир-шах, вследствие возникновения случаев неповиновения со стороны хорезмских йомутов, дал поручение Али-кули-хану усмирить это племя. Истинное положение вещей заключалось в том, что, после того как Али-кули-хан прибыл в Хорезм, Абуль-Мухаммед-хан, все его старейшины и знать Хорезма и Арала, устроив ему торжественную встречу, соблюли все требования, которыми выражается готовность служить. Но племя йомутов в союзе с другими туркменами организовало войско, и, вступив в окрестностях Ургенча в сражение (с Али-кули-ханом), было разбито на голову. Большое количество их было убито, и в руки победителей попало много добычи и пленников. Так как это племя уже больше не находило возможности оставаться в области (Хорезма) и видело свои жилища подвергнутыми полному разграблению, оно сняло свои палатки и бежало к горе Балхан, которая находится в Астрабадской провинции.

Али-кули-хан некоторое время был занят приведением в порядок дел 155
этой страны (Хорезма). Дав необходимые полномочия правителю в Хорезмском государстве, он, вследствие шахского предписания, двинулся обратно и в то самое время, когда его величество находился в Соуджбулаке, прибыл в Мешхед.[1]

После того вышел высочайший приказ туркменам, чтобы они через назначенных вербовщиков прислали для шахской конницы 1000 молодых и способных к военному делу людей из числа убежавших йомутов, которые направились в Балханские горы. Сами же они по образу действия других туркмен, входящих в состав племен, должны были стараться создать все необходимое для (условий) преданности и повиновения или, в противном случае, вновь готовиться к наказанию.

До прибытия принца в Астрабад (1159 г. х. — 1746 г.) племя йомутов, согласно приказу, выполнило (обещанное), приготовив и передав людей для службы в шахской коннице.

---

[1] Подробный рассказ о походе Али-кули-хана в Хорезм см. ниже., стр. 172 и сл.

160 · · · и все афшарские племена, а также другие племена Ирака, Азербайджана и Фарса и, кроме того, племена бахтияров, которые Надир-шах заставил переселиться, назначив им местопребывание в Хорасанской провинции, воспользовавшись случаем [1] сняли свои шатры и отправились в родные края.[2]

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О РОЛИ ТУРКМЕН И МЕРВА В ТУРКЕСТАНСКОМ ПОХОДЕ НАДИР-ШАХА

Извлечения из „Надир-наме“ или „Китаб-и-Надири“, сочинения Мухаммед Казима, т. II, рук. ИВ Д 430.

Перевод и примечания И. П. ИВАНОВА

Приказание Надир-шаха своим мервским воинам относительно благоустройства города Мерва [3]

125а Людям, знакомым с ходом событий, известно, что еще до того как были написаны эти строки, Надир-шах отправился из окрестностей Кабула со своими победоносными войсками на завоевание Индии.[4]

Под влиянием овладевшей им жажды завоеваний, победоносный владыка уже в это время решил, что вслед за покорением Индии он направится на завоевание Туркестана.

Поэтому было постановлено в первую же очередь принять всякие меры к благоустройству и заселению Мерва, который когда-то являлся столицей сельджуков и большей части наместников дома Аббаса [5] и (вместе с тем) представляет собой подступ к границе Туркестана. Поэтому Надир распорядился, чтобы состоящие у него на службе мервские воины (уроженцы Мерва [6]), прибывшие (в это время) в Чарикар, двинулись на следующую стоянку в Чахар-даррэ, куда прибыл и он.

---

[1] Междоусобия, наступившие после убийства Надир-шаха, происшедшего в ночь на 11-е джумади II 1160 г. х. (20 июня 1747 г.).

[2] Сообщение заслуживает особого внимания, так как оно показывает, что предпринимавшиеся Надиром попытки создать заслон между туркменскими районами и центральной частью Хорасана окончились неудачей.

[3] К названию Мерва в рукописи обычно прилагается эпитет «шахджан».

[4] Подробный рассказ о завоевании Надиром Индии дается автором на лл. 84а и сл. второго тома. Ряд подробностей о действиях Надира в Индии сообщается другим современником событий — Абдуль-Керимом. См. The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem, translated from the original persian, by Fr. Gladwin. Calcutta, 1788, p. 1—28.

[5] Имеются в виду аббасидские халифы (750—1258).

[6] Речь идет о каджарских племенах, которые, как сообщает Мехди-хан (см. ниже), составляли в данное время основное ядро мервского населения.

Призвав к себе Шах-кули-бека мервского, а также других мервских воинов, шах сказал: «Теперь уже исполнилось 10—12 лет, как я взял вас, воинов и славных мужей, с вашими семьями от привычной и памятной для вас родины и поселил вас в Хорасане. Находясь около меня, вы жертвовали своей жизнью, твердо и честно исполняя свой долг и проявляя прекрасную верность — свыше всякой меры. Ценя ваши заслуги и дружбу к нашей династии, я награждаю и вас своей благосклонностью. Избавляя вас от дальнейших злоключений в этих неведомых странах, я направляю вас на вашу любимую родину с тем, чтобы вы, придя туда, в первую очередь, навели там должный порядок и позаботились о благосостоянии этого края. (Необходимо), чтобы Мерв имел большое количество амбаров зерна и других продуктов земледелия, так как после подчинения себе Индии и Синда[1] я намерен пойти на завоевание Туркестана. На обратном пути оттуда я зайду в Мервскую область и, обеспечив там должный порядок, направлюсь после этого в Хорасан».

Выслушав высокое повеление, начальствующие лица с покорностью и смирением доложили, что, жертвуя своей жизнью за шаха, они и впредь готовы служить ему, всюду сопровождая его до последнего издыхания, и что служба ему и священной родине является единственным их желанием.

Шах на это сказал, что хотя их искренняя преданность ему и известна, однако, судя по прежним делам, он считает, что этот мир является миром превратностей и никакого доверия (к своей прочности) не вызывает, особенно в данное время, когда предстоит поход в целях завоевания Индии и Синда. Неизвестно, кому счастье повезет и какому войску выпадет удача.

Теперь, когда богоспасаемый город (Мерв) располагает самостоятельностью и спокойствием, вам надлежит направиться в свою область, позаботиться о ее благоустройстве и восстановить разрушенное. Это будет вполне целесообразно.

И сколько бы воины и начальники ни настаивали на своей готовности *126а*
(оставаться при нем), Надир-шах продолжал проявлять к ним свою благосклонность (предлагая им отправиться в Мерв), до тех пор, пока начальники не доложили, что воля повелителя— для них закон.

Прежде всего, шах назначил Кальб Али-хана, сына Баба Али-бека, афшара, правителем области,[2] а Шах-кули-бека назначил на должность эшик-агасы-баши области. Каждого из прочих начальников и воинов он назначил на соответствующие должности.

Следующее распоряжение Надир-шаха состояло в том, чтобы около трех тысяч дворов из хорасанских крестьян (райя) были выделены по соответствующей разверстке для переселения их в Мервскую область. Далее последовал приказ о назначении сборщиков (мухассыль), которые были спешно направлены в Хорасан с распоряжением об отправке из всех городов этой

[1] Северо-западная область Индии, граничащая с Белуджистаном и Афганистаном.
[2] В дальнейшем ему часто приписывается тюркский титул «беглербеги» Мерва.

области крестьян, предназначенных к переселению в Мервскую область. Шахом было приказано также, чтобы все прибывающие в Мерв (переселенцы) занялись там немедленно земледелием, восстановлением садов и населенных пунктов.

Так как мервские воины, находясь постоянно на службе у шаха и получая за это определенное жалование и вознаграждение, отвыкли от занятия земледелием, то шахом был издан строгий неуклонный приказ о назначении (среди них) заведывающего (мутесадди), уполномоченного (векиль) и финансового агента (везир), чтобы они (воины) хорошо занимались земледелием, а им (за это) выдавалось бы жалование деньгами и натурой, с тем чтобы ни один (из них) не оставлял ни одного мана зерна (непосеянным). Всю воду и землю в Мерве он сделал государственной собственностью.[1]

Приказано было также, чтобы около двухсот верблюдов и трехсот ослов постоянно подвозили необходимый мусор и хворост к благословенной (мургабской) плотине для ее ремонта и чтобы بیواران как называются в том месте рабочие, исполняли свое дело.[2] (Затем шах) выдал каждому мервскому военачальнику и воину особую награду и почетный дар.

Кальб Али-хану и другим мервским начальникам шах дал много различных поручений относительно охраны границ, военного командования и благоустройства области.

1266 (Еще) в 1150 г. х. (1737/38) Надир-шах отдал приказ во все окружающие его столицу районы о том, чтобы было сделано распоряжение об отправке всех мервцев на их родину, где бы они в данное время ни проживали. Он написал также приказ своему брату Мухаммед Ибрахим-хану, бывшему (тогда) сипахсаларом Азербайджана, о том, чтобы все находившиеся у него на службе воины-мервцы были освобождены и направлены со своими семьями и имуществом в Мерв.

В то время автор этих строк находился на службе у навваба Захир-ульанами.[3] Направившись на завоевание Дагестана, навваб в это время имел остановку в Как . . .[4] Здесь был получен высокий приказ Надира, вследствие чего я здесь же был освобожден и направился в благословенную страну (Мерв). Истинное положение дел в области сипахсалара я опишу (в дальнейшем).

Наконец, после напутствия и выражения знаков всяческого благоволения Кальб Али-хан и другие мервские воины были отпущены от высокого

---

[1] و همکی آب و زمین مرورا خالصه عسرکاری قرار داد

[2] Имеется в виду главная мервская плотина, известная под названием Султанбенд и разрушенная незадолго перед этим по приказу самого же Надира. Рассказ нашего автора показывает, что работы Ибрахим-хана по восстановлению плотины в 1734 г., о чем выше упоминает Мехди-хан (см. выше, стр. 137), не имели прочных результатов (см. также след. стр.). В книге В. А. Жуковского (цит. соч., стр. 82—83) о судьбе Мерва и его плотины при Надир-шахе ничего не говорится.

[3] Титул Ибрахим-хана. Мехди-хан, упоминая об Ибрахим-хане, употребляет титул Захир-уд-доуле (см. выше).

[4] Название в рукописи вписано другой рукой неразборчиво.

двора (Надир-шаха), после того как им было дано много (указанных) поручений.

Постепенно двигаясь, воины, совместно с Кальб Али-ханом, достигли, наконец, подобной раю Мервской земли.

Те мервские войска, которые находились (в это время) в Балхе, по издании высокого приказа, разрешающего им (вернуться в Мерв), начали готовиться в путь. 20 ша'бана указанного выше года (13 декабря 1737 г.) назначенная к переселению в Мерв группа кочевого и оседлого населения Хорасана, оставив со слезами и плачем свою родину, двинулась с места и направилась в Мервскую область.

В то время, когда мервские воины-иранцы, в силу высокого шахского приказа, были переселены в Мешхедскую область, чему исполнилось уже десять лет, плотина Мерва (тогда) также находилась в разрушении. Было приказано (поэтому), чтобы Ибрахим-хан направился для приведения плотины в исправное состояние. Однако, кругом не оказалось никого, кто был бы в состоянии этот приказ выполнить, так как здесь на пространстве шестидесяти квадратных фарсахов населения не имеется. Каждый, кто случайно попадет в эту область, теряет надежду на спасение, так как если он направится своевольно (خود سر) на восток, север или юг, то он сделается пленником туркмен, когда же он направляется на запад, т. е. в сторону Хорасана, то, прежде всего, он встречает здесь большую р. Бала Мургаб и, в случае если он (даже) *127а* через нее переправится, он попадет в безводную пустыню Хауз-и-хан, а если он (даже) с бесчисленными трудностями через нее перейдет, то там имеются дозоры, которые заметят даже муравья или птицу, и преследуют его, пока не достигнут плотины Чахча или Серахса; они (дозоры) хватают того человека и возвращают обратно.

(Здесь, в Мерве) имеется очень высокая крепость, недоступная для нападения; имеется также необычайно высокая башня, так что перебраться через ее укрепления не могут даже птицы. Башни крепости наблюдателю с земли кажутся выше Сатурна, а стены ее по прочности могут сравняться с стеной Александра.

Это — необычайно сильная крепость, (которая) имеет сорок четыре башни. Длина ее 700 шахских зар'ов,[1] ширина 700 зар'ов. Ворот имеется четверо.

Прежде, в дни Шейбек-хана,[2] когда блаженной памяти шах Исмаил, сын Хайдера, сына Мусы, осаждал эту крепость, он засыпал двое ее ворот, (так что) в настоящее время она имеет (только) двое ворот. Вокруг этой крепости (шах Исмаил) построил другую крепость, окружность которой равна двум милям, причем там находится население и все имеется в изобилии.

---

[1] З а р — мера длины, равная 102—104 см; по-персидски называлась также «гяз» (длина так наз. «локтя», т. е. половинный размер «зар'а»).

[2] Одно из имен Мухаммед Шейбани-хана.

В Иранском государстве имеются две (такие) крепости, которые не имеют равных по высоте и прочности.

Одна из них (расположена) при входе в Рум — это крепость Ериван; вторая при входе в Туркестан — это Мерв. Автор этой книги рассматривал обе эти крепости и (находит), что по высоте крепость Мерва выше Еривана.

Климат Мерва сухой, хотя и содержит вредные испарения, которые придают ему влажность. Болезни, зависящие от злокачественных испарений
127б из находящихся вокруг Мерва водоемов (куляб), свирепствуют среди населения большую часть времени. Летом здесь часто дует знойный ветер.

В конечном итоге земля Мерва плодородна. В первый год она дает (урожай) сам-сто, во второй — сам-пятьдесят, в третий — сам-десять. Здесь производится прекрасный рис, хлопок и кунджуд («купжут»). Но это (также) страна, которая обладает самонадеянностью и не имеет властителя,[1] обладает высокомерием и не имеет выдержки, имеет беспокойство и не имеет покоя, обладает коварством и не знает верности, обладает терпением, но не имеет выносливости, обладает низостью и не знает великодушия, обладает величием, но не имеет великолепия, обладает бесчестием, но не знает правдивости, имеет вражду, но не знает дружбы, имеет зависть, но не умеет правильно мерить, обладает корыстолюбием, но не имеет богатства, имеет пристанище, но не знает покоя, имеет печаль, но не знает радости.[2]

В то же время это цветущая и благоустроенная область, предел Туркестана и бывшая столица султана Санджара.

В виду того, что Мерв занимает пограничное с Туркестаном положение, Надир-шах направил внимание своих подданных (собственно «рабов») на благоустройство этого города.

Упомянутые выше (хорасанские) семейства, совместно с Кальб Али-ханом, постоянно передвигаясь, в дни священного месяца рамазана[3] ука-
128а занного выше года вошли в Мервскую крепость. Ознакомившись с краем, они увидели, что он разрушен и опустошен, подобно сердцу заключенных в темнице. Здесь нет домов так же, как не осталось здесь и населения.

Раньше, когда Надир-шах взял мервских воинов и уводил их отсюда в Хорасан, здесь, кроме ста семейств, занятых охраной, никого более не оставалось, причем оставшиеся также большую часть времени проводили не в Мерве, а на хуторах (мезра') Заман-абаде и Сейид Аббас-абаде, занимаясь там земледелием. Из боязни нападения туркмен, все постройки,

---

[1] Такое значение при чтении سَرُور ; если читать سُرُور в рифму с غُرُور, (что также вероятно, в виду наблюдающегося в дальнейшем тексте рифмования двух слов, выражающих противоположное качество), то перевод будет: «не имеет радости» или «радостного удовлетворения».

[2] Сохраняем это несколько риторическое рассуждение только для того, чтобы оттенить взгляд автора на превратность политических судеб Мерва, являвшегося нередко игрушкой в руках борющихся между собой политических группировок.

[3] С 23 декабря 1737 по 22 января 1738 г.

какие были в Мерве, они разрушили, а деревянные части, оставшиеся от построек, они употребили на топливо.

Прибывшие сюда кызылбашские воины, а также прочие (переселенцы) устроили здесь палатки и навесы и в них остановились.

Заботясь о благоустройстве области, Кальб Али-хан сначала приказал, чтобы внутри той крепости прокопали большой канал и чтобы оттуда была пропущена вода по всем четырем сторонам крепости (кала), чего здесь при кызылбашах никто раньше не видел. Во время рытья канала из-под земли появились (существовавшие здесь ранее) водопроводные глиняные трубы и прочие сооружения (гелю и науче). Из этого выяснилось, что во времена узбеков вода текла через Мерв.

После пропуска воды Кальб Али-хан приказал населению области возводить постройки и разводить сады. В короткое время, благодаря стараниям того благородного хана (Кальб Али), Мерв, находившийся до того в запустении, украсился подобно вышнему раю.

Назначенные сюда Надир-шахом дельные финансовые чиновники (уммаль) заботились о поднятии земледелия и проведении крупных каналов, чего здесь не делалось в продолжение многих лет.

В первый год стоимость одного мана зерна составляла (здесь) 200 динаров; на другой год за то же количество зерна (уже) ни один хозяин не платил и 10 динаров.

Воинам, которые раньше получали жалованье по пяти туманов[1] в год, стали давать взамен (денег) по десять харваров зерна, другую же половину причитающегося жалованья уплачивали наличными деньгами. Должностным лицам: начальникам стражи (сер-кешик), сотникам, ясаулам, финансовым чиновникам и другим служащим (различных званий), жалованье которых состояло из ста, из шестидесяти или пятидесяти туманов в год, стали платить две части наличными деньгами и одну часть зерном.

Никто другой (кроме поставленных на то лиц) земледелием заниматься 1286
не осмеливался, так как посевы производились (только) на государственных землях, и весь урожай сельскохозяйственных культур[2] поступал в распоряжение государственных учреждений.

Каждый раз, когда наступало время уплаты жалованья, высоким шахским приказом постановлялось, чтобы (нужные средства) отпускались из Хорасана и выдавались победоносным (мервским) воинам.

---

[1] В тексте, повидимому, ошибочно «динаров». Туман — денежная единица, делившаяся на 10 000 динаров. Курс тумана и динара, начиная с средних веков, постоянно менялся в сторону понижения. В первой половине XVIII в. стоимость тумана определялась не свыше 19 руб. Л. Ф. Богданов. Персия. СПб., 1909, стр. 96.

[2] В тексте сефид-бэри и себзэ-бэри. О значении этих терминов см. П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, в Известиях Акад. Наук СССР, 1935 г., Отд. общ. наук, № 8, стр. 746—755.

Прежде, при сефевидских государях, доходы Чахча, Мехнэ, Каината,[1] Туршиза и Сабзевара также поступали в уплату жалованья мервским войскам. Теперь, когда все названные области входят в круг владений и собственности Надир-шаха, их доходы поступают в распоряжение государя.

(Всего) из пределов Хорасана было переселено (в Мерв) столько земледельцев, что, согласно официальным записям, доставлявшийся финансовыми чиновниками ко двору ежегодный доход Мерва составлял сумму в 24 000 туманов, каковой суммы во время сефевидов никогда не поступало.

Вследствие особого внимания и благоволения со стороны Надир-шаха благосостояние Мервской области с каждым днем увеличивается и возрастает. Благодаря тому, что туркмены, проживающие на берегах Джейхуна, производя постоянные нападения, уводили в плен (мервских) мусульман, «сердце Кальб Али-хана воспылало гневом на этих разбойников». Поэтому он распорядился, во-первых, о том, чтобы Байрам Али-бек, мингбаши, с Сулейман-беком и Галиль-беком Сейиди совершили набег на туркменские районы. Перебив и взяв в плен около ста туркменских семейств, они вернулись обратно. Во-вторых, Мухаммед Керимбек, караулбаши, Назр Али-бек, араб, а также Али Накы-хан-бек, о храбрости которых писалось уже ранее, получили распоряжение произвести набег во имя неизменного вечного счастия шаха. Они взяли в плен тысячу человек из племени кунеш и ату-тепе[2] и через шестнадцать дней вернулись в Мерв.

(После этого) различные туркменские племена оставили набеги и начали посещать Мерв по торговым и прочим делам.

[Далее рассказывается, что в том же 1738 г., когда Надир по пути в Индию вел войну в районе Кандагара, хивинский хан Ильбарс совершил нападение на северные окраины Хорасана. Это обстоятельство явилось, по мнению автора, одной из существенных причин, толкнувших в дальнейшем Надира на завоевание Хивы и подчиненных ей туркменских районов.

Обстоятельства похода Ильбарс-хана описываются автором следующим образом. Задумав будто бы завоевание Хорасана, хан Ильбарс созвал совещание, на котором присутствовали представители различных населяющих Хиву народов, в том числе и туркмен-теке, йомутов, сарыков, эрсари и др. Совещанием план похода был одобрен (л. 136б). Вскоре Ильбарс-ханом была собрана будто бы стотысячная армия из узбеков, туркмен, каракалпаков и других народов ханства, которая под предводительством самого хана выступила в поход (л. 137а).

Некоторые из иранских купцов, находившихся в это время в Хорезме, переоделись в узбекскую одежду и бежали в Хорасан, чтобы известить наместника о предстоящем нападении. Вскоре к наместнику прибыли гонцы из-под Мерва, Несы, Дуруна и Астрабада с известием о движении войск

---

[1] Каинат — значительный район в южном Хорасане. Бывшее полунезависимое эмирство. Центр района Каин упоминается Yate'ом в его Travels with the Afghan Boundary Comission. Edinburgh and London, 1887, p. 105 и сл.

[2] Оба рода входят в состав племени эрсари.

Ильбарса к Теджену. Когда об этом донесли Надиру, тот приказал выслать против хивинцев и туркмен девять тысяч войск из Балха и Мерва и направить их к Серахсу (л. 138б). Установив, что хивинская армия приближается к Теджену, иранские войска направились в Абиверд (л. 140а). Прибыв к Теджену, Ильбарс-хан решил будто бы разделить свою армию на три части, одну из которых направить затем на Сабзевар и Нишапур, другую— на Серахс и Зур-абад, а третью лично повести на Мешхед. Видную роль в качестве военных советников хана играют текинцы Бек-дурды-бехадыр и Кувват-векиль.

Узнав о намеченных маршрутах, каракалпаки и аральцы, с одной стороны, и текинцы, с другой, вступили между собой в спор и пререкания. Ильбарсу с трудом удалось успокоить войска и уговорить их двинуться в назначенных направлениях. Однако в это время появилось из Арала несколько лазутчиков (джасус), которые доложили своим начальникам о том, что казахи будто собираются напасть на Арал и разграбить имущество его жителей (л. 140б). Около 40 тысяч аральского и каракалпакского войска снялись в полночь и без ведома хана направились в сторону Хорезма.

Когда об этом узнали узбеки, у них возникло опасение, что ушедшие аральцы и каракалпаки могут обидеть их близких, вследствие чего они также самовольно снялись и направились в Хиву (л. 141а). Другая неудача Ильбарс-хана заключалась в том, что направленный им ранее трехтысячный отряд против Несы, Дуруна и Абиверда, потерпел поражение под Кахланом и на две трети был уничтожен местными жителями. Остатки разбитого отряда бежали в Хорезм. Узнав о поражении посланного отряда и видя уход значительной части своего войска, хан возвратился в Хиву (л. 141б).

В главе, посвященной рассказу о событиях между завоеванием Индии и походом в Туркестан, автор сообщает (л. 254а, конец), что, созвав знатных и высокопоставленных людей Хорасана, Надир-шах отстранил от власти Кальб Али-хана, состоявшего беглербеги г. Мерва, и назначил на его место Мухаммед Риза-бека, мингбаши (племени) карахлю.

В последующем изложении Мухаммед Риза-бек упоминается в числе участников похода на Хорезм (л. 269).]

О выступлении Надир-шаха на завоевание Туркестана и о прибытии его в Балх, „мать городов“

По окончании завоевания государств Индии, Синда и Белуджистана 254а
и успокоения иранских владений, Надир-шах устремил свои помыслы на покорение Туркестана.

Сначала он отдал из Герата распоряжение о том, чтобы двое из мервских военачальников с подчиненными им войсками, в количестве около 500 человек, тщательно несли сторожевую службу на берегах р. Мургаба от Бенд-и-султани у Мерва, до тех пор пока величественные знамена (шах-

ских войск) не выйдут из крепости Меручак и не переправятся через р. Курмач на ту сторону.

Назначенные мервские войска направились тогда к Мерву, а Надир-шах, двинувшись с бесчисленной армией, направился к Меручаку, чтобы оттуда пойти в Балх, «мать городов».

Двинувшись утром со стоянки у сада (чарбаг) Чемен-и-бид, что в двух-трех переходах за Гератом, мы увидели в окружении войска крепость, выстроенную в связи с военными приготовлениями Надир-шаха.

Крепость имела пять зар'ов высоты, была снабжена многочисленными башнями и валами и расположенными кругом крепкими воротами. Все это было сооружено в начале (одной) этой ночи.

Одному из числа приближенных к высокому царскому чертогу, человеку, заслуживающему полного доверия, я сказал: «Хотя и иранские владения, и Индия, и „мать городов" Балх, вплоть до берегов Джейхуна находятся в постоянном владении нашего государя, (все же) он стремится к устройству крепостей и башен, укреплению своих войск и посылает (свои) караулы до р. Мургаба. Что это все значит?». Тот человек разъяснил мне, что всякий раз, когда он (Надир) приходит в неприятельскую область, то населению этой области не придает значения (так как оно запугано нашествием), когда же он вступает в свою собственную область, то здесь соблюдение необходимых предосторожностей как в смысле содержания войск, так и самосохранения, должно быть больше, чем в неприятельской стране, так как внутренний враг хуже внешнего.

[Далее, до конца главы рассказывается о пребывании Надира на стоянке قراسبه в Бадгисе и движении его в Балх через Пенджде, откуда он направил в Мервскую область сыновей синдского царя[1] с отрядом синдцев, численностью около четырех тысяч человек, с тем, чтобы этот отряд находился в Мерве до возвращения Надира из похода на Бухару (л. 256а).]

[В главе о выступлении Надир-шаха на завоевание Туркестана (лл. 256а—261б), между прочим, сообщаются следующие отдельные эпизоды.]

257 Получив сведения о начавшихся восстаниях в окрестностях Кабула и сделав распоряжение об отправке туда отряда в двенадцать тысяч человек, Надир со своими главными силами прибыл в район Келифа и Термеза с тем, чтобы здесь организовать переправу через Аму-дарью.

В это время Надиру донесли, что туркмены и узбеки, занявши местность у переправы Чарджуй (Чахар-джуб) и Катнам, замышляют против него недоброе. Шах приказал погрузить продовольствие на полторы тысячи парусных судов и направить их из Керков к Катнаму, Пальвард'у и Чарджую. Узнав об угрожающем им прибытии шаха, туркмены погрузили на

---

[1] О завоевании Надиром Синда см. The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem, p. 15—25. Правителя Синда ходжа Абдуль-Керим называет Худаяр-ханом.

верблюдов и прочих животных своих жен и детей и бежали на Мангышлак. В это время хакан (Надир), проходя станцию за станцией, прибыл в Чарджуй. Первое его распоряжение состояло в том, что 12 000 славных шахских телохранителей были назначены для охраны переправы на ту сторону реки путем посадки их на различные суда: «кемин», «санбук» и «келек» (плоты). Во-вторых, шах приказал, чтобы понтонеры в течение четырех-пяти дней соорудили весьма хороший крепкий мост через реку на месте переправы, (настолько крепкий), чтобы через него переходили на противоположный берег (рядом) два груженых верблюда.[1]

Когда мост был совсем закончен, победоносные войска переправились на ту сторону реки. Согласно распоряжению Надир-шаха, по обеим сторонам реки построили две весьма сильных крепости. В каждой из них помещалось пять-шесть тысяч пеших стрелков... Около тридцати-сорока тысяч человек лагерных торговцев (ордубазар) получили место в крепости Чарджуе. После того как все успокоилось, шах направился в Бухару.

О походе Надир-шаха в Хорезм, выступлении Ильбарс-хана и его поражении

Из числа удивительных явлений, какие приходилось наблюдать пишу- *268a*
щему эти строки, заслуживает внимания следующее.

Группа лагерных торговцев из области Фарса и Ирака привезла из Кабула, Кандагара и Герата в высокий лагерь (ставку) Надир-шаха груз лимонной воды, цветного стекла и разных дорогих товаров, и, не продав своих товаров по существовавшим ценам, находилась здесь в ожидании более высокой цены.

Когда они были отпущены и из Чарджуя и направились в Мерв, то посреди дороги из-за отсутствия воды и вследствие сильной жары и раскаленного сыпучего песка, они на остановке Шир-и-шутур давали лимонную воду своим животным, а цветное стекло и множество дорогих материй побросали посреди пути, (и только) благодаря этому они сумели «доставить себя из (бездны) гибели на берег спасения».

По прибытии в Мервскую область цветное стекло продавалось по 200 динаров, а бутылка лимонной воды по 300 динаров. Между тем, в высоком лагере Надира за каждую бутылку они могли получить по одному туману,[2] но купцы (тогда) отказывались отдавать по этой цене.

[Остальная часть главы посвящается описанию действий Ильбарс-хана, связанных с его военными приготовлениями против войск Надира. Отрывки, относящиеся к туркменам, настолько здесь незначительны, что самостоя-

[1] Кроме нашего автора и Мехди-хана, об устройстве Чарджуйского понтонного моста рассказывает также ходжа Абдуль-Керим. См. The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem, p. 35.

[2] Т. е. по 10 000 динаров.

тельный их перевод вряд ли целесообразен. В такой же мере нецелесообразен и перевод всего текста, поскольку содержание его имеет к туркменам весьма отдаленное отношение.

Вследствие указанных причин в дальнейшем большей частью дается пересказ отдельных эпизодов, так или иначе касающихся участия туркмен в обороне Хивы.][1]

[Для отражения нападения Надира Ильбарс-хан собрал 120-тысячную армию, из состава которой был выделен особый передовой отряд в 30 тысяч человек «из узбеков, аральцев, йомутов и туркмен» под начальством инаков Мухаммед Али и Артука. Отряду было поручено направиться в сторону Чарджуя и нападать на иранские войска, мешая им продвигаться в Хорезм. Эта мера, однако, оказалась мало действительной, так как отряд потерпел поражение от иранских войск, в составе которых находилось также три тысячи мервских воинов, «имевших старинные распри и столкновения с злыми туркменами». Когда вести о поражении отряда были доста-
269а влены Ильбарс-хану, он пришел в крайнее смятение и, поддавшись панике, намеревался было отправиться к каракалпакам и аральцам. Однако начальники йомутов, «которые всегда занимаются хвастовством сверх всякой меры, говоря, что будто бы даже сабля — это их создание и (будто) стих корана, говорящий о воинственности и храбрости, относится именно к ним», сказали (хану): «Пользуясь своим неизменным счастьем, а также поддержкой и помощью «четырех друзей»,[2] мы около крепости Питняк, где находится стоянка надировых войск, нанесем им такое поражение, что эти забияки не найдут обратной дороги и будут на поле сражения совершенно уничтожены (нашими) саблями и стрелами».

«Сердце почтенного хана успокоилось. Он обнадежил и ободрил всех военачальников царскими подарками и, (широко) раскрыв двери своей сокровищницы, щедро одарил и ободрил свои войска. После этого он со своим большим войском стал ожидать у Питняка прибытия победоносной армии Надир-шаха».

Далее в главе, посвященной описанию сражения под Питняком, между
272а прочим сообщается, что йомуты в числе 6000 человек выступили на поле сражения. Проявляя исключительную храбрость, они со всех сторон преградили путь иранским войскам и продолжали поражать неприятеля.

Надир, выступив во главе своих многочисленных войск, заметил, что йомуты упорно отражают атаки иранских войск. Надир направился лично против них, имея около себя афшаров из Атека и Хорасана и мервские войска, «которые всегда враждовали с йомутами и туркменами». Сражение носило необычайно упорный и кровопролитный характер и закончилось победой Надира. Убедившись в невозможности задержать дальнейшие успехи иранцев, йомуты отступили (лл. 272а— 273а).

---

[1] В тех случаях, когда отрывки даются в дословном переводе, они заключаются в кавычки.

[2] Имеются в виду первые четыре халифа.

Получив сведения от дозоров, что Ильбарс-хан собирает силы, чтобы оказать сопротивление иранским войскам у крепости Хазарасп, Надир двинулся к указанному городу. В это время караулы донесли Надиру, что йомуты снова готовят нападение на его войска. Высланные Надиром части нанесли йомутам поражение, причем некоторое число туркмен в числе прочих были взяты в плен и доставлены в шахскую ставку. «Надир проявил свою царскую заботу о пленных, выдал им награды, обласкал и облагодетельствовал их, ободрив их своей царской благосклонностью и милостиво отпустил с тем, чтобы они отправились в свои кочевья и внесли успокоение среди йомутов, обнадеживая их указанием на милость и благосклонность со стороны шаха».

«Остальных начальников и старшин тех племен (т. е. йомутов) Надир призвал к своему шахскому дворцу и сказал им, что, в какой бы из стран Ирана или Турана ни пожелали они поселиться, он предоставит им возможность это сделать с тем, чтобы они пребывали в верности и повиновении. В соответствии с этим, вышеуказанный Али-бек направился вслед за (туркменскими) племенами, которые тогда ушли в сторону Куня Ургенча и на Мангышлак. Прибыв к своим племенам, он всех знатных и простых оповестил относительно (этого) царского указа. Названные племена однако не согласились и сказали в ответ на это (стихи: „Отстать на мгновенье от злонамеренного — лучше, чем прожить семьдесят-восемьдесят лет“).

Ознакомившись с создавшимся положением, Али-бек поневоле согласился со своими племенами и сказал: „Прежде всего, отправим отсюда свои семьи и имущество на Мангышлак, а сами задержимся в окрестностях Куня Ургенча, который лежит в развалинах и запустении еще со времени Чингиз-хана, и будем наблюдать, в чью пользу кончится начавшаяся борьба между Ильбарс-ханом и Надир-шахом“. Это мнение было одобрено племенем, и они поступили (именно) таким образом». 2755

[Часть йомутов, повидимому, все же продолжала участвовать на стороне хивинцев, так как в конце описания военных действий между пранцами и Ильбарс-ханом в районе Ханака рассказывается, что в результате поражения, понесенного хивинцами, участвовавшие в военных действиях йомуты 2765
«ушли в пустыню, отправившись в сторону Куня Ургенча к своим племенам».

Очевидно, что значение йомутов, как военной силы на стороне хивинского хана, было чрезвычайно значительно, так как к числу обвинений разбитому и явившемуся с повинной Ильбарс-хану Надиром было предъявлено также обвинение в том, что он «с некоторым числом йомутов, которые проводят свое время в воровстве и разбоях в районе Хорезма и Кыпчакской степи (Дашт-и-кыпчак) и тем самым создают о себе (дурную) славу, продолжают упорствовать во вражде и кровопролитии, а теперь, когда они не выдержали военного удара, пустились в бегство и увидели себя окруженными, становятся на путь примирения и извинения». 2776

В дальнейшем сообщается, что, созвав к себе начальников, инаков и старейшин из среды узбеков, Надир щедро их одарил, а Ильбарса с двадцатью
278а его начальниками приказал казнить.]

О выступлении Надир-шаха из Мервской области и казни мервских начальников

Когда победоносный царь со своим бесчисленным войском двинулся из Чарджуя, он отправил вперед начальников мервских войск, приказал им прибыть на остановку Келле-чах и, собравши там всех, кто имеет лопаты и мотыги, заставить их выкопать полторы тысячи колодцев.

После этого начальствующие лица должны были отправиться в Мервскую область и, собравши там большое количество зерна и съестных припасов для продовольствия и фуража войск, все это (распорядиться) доставить в Хауз-и-Шейбак-хан, местность, известную под названием Шор-чах, а также Ходжа Низам-абад.[1]

Подчиняясь строгому приказу шаха, названные начальники, совместно с мервскими войсками, в точности исполнили данное им поручение и приготовили запасы для победоносного воинства. Отбывая из Чарджуя, высокий государь сначала приказал (также), чтобы туркестанские (т. е. завербованные при походе в Туркестан) войска, под начальством Рахим-хана, сына Хаким-аталыка (мангыта), отправились в Мерв. После (этого) он сам со своими войсками, минуя одну остановку за другой, также прибыл в Мерв. По прибытии на место, шах остановился на расстоянии двух мейданов к востоку от Мервской крепости, в местности, известной под именем ледника (яхдан) Зейналь-хана.

Проведя ночь в полном спокойствии и веселии, шах, с наступлением лу-
282б чезарного утра, взошел на свой разукрашенный трон, и первым его распоряжением было смещение Мухаммед Риза-хана, карахлю, с должности правителя и беглербеги Мервской области. Главным управителем и полновластным распорядителем этой страны (Мерва) царь назначил Шах-кули-бека, сына Мухаммед Али-бека, каджара мервского, состоявшего на должности эшик-агасы-баши в Мервской области.

283а Приступив к разбору дел, шах, в первую очередь, приказал предать смерти целую группу знатных мервских начальников, а именно таких, как Мухаммед Али-султан, который при Мухаммед Али-беке был управляющим священной мервской плотиной и который, говоря без преувеличений и пристрастия, своим телосложением и силой превосходил всех в таком большом лагере. Сидя верхом на коне, он казался на пол-шахского зар'а выше всех окружающих воинов, а в своем удальстве и храбрости не имел себе равного среди современников.

---

[1] Ср. также рассказ ходжи Абдуль-Керима. The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem, p. 68 и сл.

(Следующим был казнен) Рахман-кули-султан, баят, занимавшийся сбором причитавшегося в казну урожая, а также Рахим-султан, победоносный воин, состоявший на службе у Риза-кули-мирзы в качестве миршикарбаши и пользовавшийся полным доверием, так как он в тот день был назначен начальником артиллерии (топчибаши) в Мерве. (Следующими были казнены) Сулейман-бек и Галиль-бек, являвшиеся по храбрости своей равными Рустему и Исфендияру и не щадившие своей жизни в борьбе с туркменами, в то время когда Мерв находился в разрушении, и (сумевшие) удержать эту область; а также Мухаммед Керим-бек, чегени, который стоял во главе охраны названной области (караул-баши) и который также выделялся своей исключительной храбростью и об удальстве которого упоминалось выше при описании событий в районе г. Карши во время войны Риза-кули-мирзы с Абуль-Фейз-ханом (бухарским). Следующим явился Абдулла-бек, состоявший на службе у Кальб Али-хана, беглербеги мервского, на должности помощника эшик-агасы-баши.

(Из них) Мухаммед Керим-бек, чегени, делал (шаху) доклад относительно (состояния) земледелия; Надир приказал лишить его жизни.

На другой день один из сельских жителей из местности Бенд-и-султан доложил государю, что он подвергался притеснению со стороны Мухаммед Али-султана. По этому поводу и был отдан приказ о казни этого храбреца. *283б*

Рахман-кули-султан, увидев происшедшее с его братом, допустил дерзость и за это, по повелению государя, тоже был казнен.

Призвав к себе Рахим-султана, государь сказал ему: «В то время как мои славные знамена (войска) находились в Индии, ты в присутствии сына моего Риза-кули вел разговоры об утверждении его на царство. (Поэтому) жизнь твоя не в счет». И его также приказано было казнить. На следующий день к числу казненных был присоединен Сулейман-бек.

Шестнадцатого числа месяца шавваля 1153 г. х. (4 января 1741 г.), двинувшись из Мерва, Надир на остановке у плотины Джан Али-хан, приказал также казнить Галиль-бека.

Призвав к себе Шах-кули-хана, Надир сказал ему: «Для того, чтобы ты сделался самостоятельным и полновластным правителем (в Мерве), я предал казни семь вельмож, каждый из которых был способен произвести волнение и восстание в городе и захватить власть в свои руки над целой областью!»

(После этого) шах дал Шах-кули-беку множество распоряжений относительно управления областью и отпустил его. Мирза-бека Ма'дани нишапурского шах назначил управителем Балха и (также) отпустил. Каляндар-бека, векиля мервского, шах арестовал и отдал распоряжение, чтоб его убили в его доме в окрестностях Абиверда. От указанного выше места шах, проходя станцию за станцией, двигался к Абиверду и Дереджезу (Дерегез), являвшемуся его возлюбленной родиной, с тем, чтобы, предавшись (там) развлечениям, вернуться (затем) в священную землю (Хорасан).

Один из высокопоставленных мунши передавал, что могущественный хакан (Надир-шах) во время своего прибытия в Хауз-и-хане, обратившись к мирзе Зеки, лучшему из своих приближенных, и Хасан Али-хану занимавшему должность ми'ярбаши,[1] спросил их, какую область во всех иранских владениях они считают наилучшей. Они ответили ему, что Хорасан
284а является лучшей из всех областей Ирана, а Иран — лучшее владение в мире. Шах в ответ спросил: «Какая область и какой город во всем Хорасане являются лучшими?» Они ответили, что область Мерва (Мерв-и-шахджан), так как после создания и сотворения Адама Каюмерс, Сиямек, затем Хушанч и Тахмурас[2] заложили основание Мерву, и он долгое время был благоустроенным и цветущим.

После того как прошел длительный период, показателем чего являются оставшиеся памятники (древних) построек, вторым строителем явился Александр (Македонский), после чего Мерв (опять) долгое время находился в цветущем состоянии. И таким образом, один за другим цари Турана и Ирана всячески заботились о его благоустройстве, умножая его здания, до тех пор пока не дошла очередь до халифов дома Аббаса. Некоторые из них также большую часть времени своего правления и царствования проводили в пределах Мерва. Мерв являлся (также) столицей и родиной династии сельджуков (1038—1157), которые держали в своей власти и распоряжении страну от границ Турана и Ирана до пределов Рума. При хорезмшахе Мухаммеде (1200—1220) монгол Чингиз-хан, придя из стран, расположенных около Китая, остановился в Балхе; сын Чингиз-хана, Тулуй, после завоевания Нишапура в первый день месяца мухаррема 618 г. х. (25 февраля 1221 г.) произвел в Мерве всеобщее избиение, вследствие чего Мерв на протяжении более чем 200 лет был в запустении. Во времена Тимура Гургана (были лишь) тысяча человек в Таш-кепри, которых он держал (здесь) для целей охраны и сбора дорожной платы с путешественников.[3]

Когда на царство вступил Шахрух, сын его, он старался о благоустройстве Мерва. Во время царствования султана Хусейн-мирзы был восстановлен и благоустроен чарбаг Тахир-бека, сына Наср-ибн-Сайяра, который теперь, в царствование великого государя (Надира), лет десять тому назад, вследствие разрушения плотины, пришел в запустение, и там живут лишь немногие.

Во время правления нашего великого государя (Надира) Мерв и его страна, вследствие хороших качеств воды и климата и удобства остановки (для проезжих), а также в связи с покоящимися здесь останками

---

[1] Повидимому, контролер мер и весов, а также наблюдающий за чеканкой монеты.

[2] Легендарные цари и герои иранского эпоса.

[3] В своем описании рукописи Мухаммеда Казима В. В. Бартольд толкует данное место как упоминание «об оросительных работах около Таш-кепри». Известия Росс. Акад. Наук. 1919, стр. 928.

древних государей, приведен в благоустроенный вид и является самым цветущим местом в мире, уподобляясь прекрасному райскому саду.

Когда события прошлого были изложены этими близкими придворными, самодержец мира (Надир) сказал, что лучшим из городов является Мерв, а лучшими его людьми являлись те семь человек, которые преданы им смерти. Всякому, кто на этом пире более приближен, раньше других дают кубок испытания.

Наконец, государь, постепенно передвигаясь, прибыл в Абиверд, и, проведя там несколько дней, прибыл в Дереджез (Дерегез), который является дорогой ему родиной.

Остановившись среди кочевых племен и оседлого населения, он устроил щедрое и роскошное угощение для жителей этой страны.

А Каляндар-бека, векиля, он предал смерти в том месте, где был его дом, как обещал.

Надир приказал, чтобы искусные мастера-строители и опытные зодчие воздвигли большое здание и купол в Деризе-и-Чауши в том месте, где государь родился. Это место стало известно под названием Маулид-ханэ-и-Надири (дом, где родился Надир). Двинувшись постепенно оттуда, Надир прибыл в «обитель непоколебимости» Келат. Еще раньше, во время возвращения из похода в Индию, (Надиром) было приказано Касим Али-хану, джелаиру, Ага Зейн-уль-Абидину, Ага Хусейну[1] и другими из уважаемых начальников, чтобы в центральной части Келата были возведены постройки и (разведены) сады и чтобы с горы Харам был проведен в самый Келат большой канал.

Последовало затем распоряжение о том, чтобы большое число людей, торгующих в военных лагерях, из разных областей Ирана было привлечено 285а
сюда, а (еще до их) прибытия было поселено здесь около трех тысяч хозяйств из области Мераги.

Заботясь о благоустройстве этого города (Келата), (Надир) распорядился, чтобы все сокровища, которыми он овладел в Индии, Туркестане и Иране, так же, как и те, которые поступят в казну в ближайшее время, были зарыты и сокрыты в Келате.

(Надир) распорядился также о том, чтобы была приготовлена для него гробница (мавзолей)[2] из черного камня.

Начальствующим и должностным лицам Тавризского и Мерагского округов, а также других областей Азербайджана было приказано нагрузить на арбы мрамор и перевозить его в «дом непоколебимости» Келат для того, чтобы употребить его на настилку вокруг мавзолея.

Приведя в порядок здешние дела, Надир направился в местечко, расположенное в шести милях от Келата.

---

[1] Оба последние носят титул «начальник строителей» — ми'марбаши.

[2] В тексте مقبره, что может иногда обозначать и надгробие. Однако для последнего понятия автор употребляет выражение قبر (л. 286б).

Об устройстве города Хивак-абада в окрестностях Абиверда и Келата и прибытии (Надира) в Хорасан

Людям, осведомленным в исторических событиях, известно, что в то время, когда Надир-шах завоевал и подчинил себе Хорезм, ему сообщили, что во время правления Ширгази-хана, Ануша-хана, Ильбарс-хана и других ханов Хорезма, было приведено (в Хорезм) из Хорасана много пленных, которые находились здесь в состоянии рабства и услужения.

Согласно высочайшему приказу, все пленники были собраны, в том числе (и) те, которые находились здесь в плену по 40—50 лет и имели (здесь) родителей и детей. Некоторые из них были свободны и самостоятельны, имея дома и имущество. Было зарегистрировано около 30 000 мужчин и женщин, находившихся здесь в качестве пленных. Высочайшим приказом было поста-
285б новлено каждому из пленных выдать по лошади (чарпа), а также содержание на дорогу и затем направить их в «обитель непоколебимости» — Келат.[1]

Еще до прибытия своего в Индию Надир-шах издал строгий неуклонный приказ о постройке и приведении в полный порядок хорошего, укрепленного и благоустроенного города (кала) между Абивердом и Келатом. После похода в Туркестан и завоевания Хорезмского государства, Надир решил назначить сюда жителей с тем, чтобы они здесь обитали и чтобы этот (город) стал известен как Хивак-абад. Как только повелитель выразил свою волю, вышеупомянутые пленники были отправлены в тот город, который он и назвал Хивак-абадом.

Выехав из Келата, Надир прибыл в Хивак-абад. Всех жителей этого города он одарил различного рода имуществом, съестными припасами, одеждою, верблюдами и (другим) скотом, а также и всем другим, в чем люди нуждаются и что им необходимо, так что все они (жители) стали богатыми и обеспеченными.

[Далее сообщается о прибытии Надира в Хабушан, где шах сделал распо-
286а ряжения по поводу дальнейшего движения в Хорасан, в частности о реквизициях натурой и казни многих финансовых чиновников и сборщиков. Здесь же рассказывается, что, остановившись с войсками в царском чарбаге (повидимому, в окрестностях Мешхеда), Надир приказал все то из сокровищ, что было привезено из (всего) Ирана и других стран и собрано в Хорасане (Мешхеде), отправить в «обитель непоколебимости» Келат.

Дальнейшие упоминания о районах Туркмении связаны с описанием военной экспедиции 1154 г. х. (1741 г.) против Даньял-бека, конграта, вышедшего из повиновения Надиру. В походе, между прочим, участвовал Мехди-кули-хан, правитель Серахса, а также Ибрахим-хан сабзеварский с отрядом мервцев, в количестве 500 человек. Соединившись у Меручака, отряды двигались через Балх к берегам Аму-дарьи.

---

[1] Ср. по этому поводу рассказ Мехди-хана (см. выше, стр. 146), также Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 195—196, также рассказ Абдуль-Керима Бухарского (цит. соч., стр. 49).

При описании обратного пути в Мерв, автор упоминает о плотине султана Мелик-шаха, находящейся в 12 милях от Мерва. Здесь же встречается 288б
название Туркмен-кала (л. 289а).

Следующее упоминание о туркменах, именно салырах, встречается при описании смут, наступивших в Хиве после свержения и убийства Тахир-хана и ухода от власти Нур Али-хана. Говорится о том, что Артук-инак, прежде чем выступить в качестве посредника между хивинцами и иранцами, заручился поддержкой узбекских и салырских начальников (л. 314а). Дальнейшие частые упоминания о Мерве, в связи с посылкой туда отряда Насрулла-мирзы (лл. 312б — 318б) не дают какого-либо нового материала.]

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕВОДА ИЗ МУХАММЕД КАЗИМА

Извлечение из „Надир-намэ“ или „Китаб-и-Надири“, т. III, сочинение Мухаммед Казима. Рукопись ИВ АН Д 430

Перевод и примечания И. П. ИВАНОВА

Первая часть третьего тома посвящается описанию похода Надир-шаха на Рум (малоазиатские провинции Турции) в 1157 г. х. (1744 г.).

[Рассказывая о приготовлениях к походу и перечисляя участвовавшие в нем войска, автор, между прочим, называет также военные части, состоявшие из жителей Абиверда, Дерегеза, Неса, Дуруна, Чахча, Мехнэ, Келата, Мерва, Серахса и ряда других районов и местностей, входящих в состав 6а
современного Туркменистана или граничащих с ним. Здесь же отдельно упоминаются туркмены (л. 6а), а также войска из Мавераннахра, Хорезма, каракалпаки и казахи из Дашт-и-кыпчака «в количестве около 60 000 человек копейщиков» (л. 6б).

В то время, когда Надир занимался осадой крепости Мосула, ему донесли, что Менгу-каан,[1] являющийся падишахом Китая, готовится к войне и с этой целью собирает войска из всех городов Китая, Хотана и «Большого Юрта» (улуг юрт) (л. 24б). В связи с этим известием Надир решил по окончании своего малоазиатского похода предпринять завоевание Китая и поэтому приказал теперь же приступить к подготовке к походу.

Центром, где должны были вестись подготовительные работы, был избран Мерв.]

Правителю Фарса Надир-шах приказал доставить туда (в Мерв) 300 харваров[2] пороха, а из Кермана — 300 харваров свинца. Кроме того, в провинции Хорасана было послано несколько человек специальных сборщиков, 25а

[1] В дальнейшем (л. 208а и сл.) упоминается не Менгу-каан, а Кандуи-каан «владетель калмыков», а также Лятиф-хан «царь Мачина».

[2] Харвар равен 100 тавризским манам. Тавризский ман (малый) равен 2 944 кг. Л. Ф. Богданов, цит. соч., стр. 95.

которые должны были собрать и доставить в Мерв три тысячи харваров чугуна для изготовления ядер для пушек и мортир, а также двести харваров меди и олова для литья пушек и мортир. В срочном порядке Надир отправил в Мерв своих приближенных Али Дост-бека и Инаятулла-бека Ляляви с несколькими мастерами, специалистами по литью пушек и ядер, и приказал им изготовить здесь 70 пушек и мортир и 14 000 ядер. Как сборщики (металла), так и мастера прибыли в Мерв и явились к правителю его Шах-кули-хану, каджару мервскому, являющемуся полновластным распорядителем этой области, и с его одобрения Мухаммед Хусейн-бек и Гыяс-уд-дин-бек, командующие артиллерией этой области, занялись подготовкой к литью пушек, мортир и ядер. Хаджи Сейф-уд-дин-хан, баят, являвшийся правителем и заведывающим финансами Хорасанской области, в течение трех месяцев доставил средствами населения в Мерв все то количество меди и чугуна, какое было предписано собрать в Хорасане. После этого мастера с большим усердием и старанием принялись за литье пушек и ядер. В виду того, что в окрестностях Мерва не имелось угля фисташкового дерева, было приказано, чтобы этот уголь был доставлен жителями Гарджистана из районов Бала Мургаба и Меручака.[1]

Командующий артиллерией отдал приказ о том, чтобы 300 человек, имеющихся здесь (в Мерве) артиллеристов, с целью усовершенствования в своем
256 искусстве, ежедневно за пределами города упражнялись в стрельбе из пушек и мортир, издавна находящихся в Мерве. Несколько человек минеров из Герата получили распоряжение ежедневно производить (учебные) подкопы и подрывные работы для того, чтобы мервские мастера-саперы совместно с ними обучались и усовершенствовались в этом деле. Шах-кули-хану был дан (также) приказ о том, чтобы он привел мервские войска в полную готовность выступить с артиллерией против Китая и Хотана, как только его величество Надир-шах возвратится после завоевания Рума. Кроме того, правителю Астрабада, Мухаммед Хусейн-хану, а также правителю Хафа и Бахарза было приказано приготовить 200 000 мортирных ядер весом в 30 и 40 манов, а другим областям Хорасана было велено запасти 3000 харваров пороха. Такого же рода инструкции о подготовке боевых припасов и артиллерии были даны в Азербайджан, Ирак и Фарс. В настоящем 1157 г. х. (1744 г.) вышеупомянутые мастера занимаются в Мерве отливкой ядер, пушек и мортир.

426 Предметом настоящего повествования является изложение сути событий, связанных с Абулгази-ханом,[2] правителем Хорезма.

Когда (этот хан) был назначен приказом его величества на управление Хорезмом, а Артук-инак, из Арала, употреблял всяческие усилия для того,

---

[1] Уголь фисташкового дерева, как известно, еще в средние века применялся иранскими мастерами для плавки руды, в частности в районе Бадгиса, под которым у мусульманских географов была известна область Бала Мургаба и Меручака (см. A. M e z. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922, S. 416).

[2] Мехди-хан называет его Абуль-Мухаммедом.

чтобы содействовать (его) управлению и направить надлежащим образом дела этой страны, все области, народы и племена Хорезма в течение некоторого времени подчинялись повелениям шахской власти и были послушны.

Туркменское племя йомутов, бежавшее во время прихода его величества в Хорезм, в Мангышлак, в Дашт-и-кыпчак и в Астрабад на берега Гюргена, услышав о том, что на (хивинский престол) взошел Абулгази-хан, сын Ильбарс-хана, направились все (снова) в Хорезм и поселились в районе Ак-сарая и Куня Ургенча. Пользуясь безначалием, часть йомутов большую часть времени занималась тем, что чинила притеснения и насилия над хивинским населением. Вследствие упорства йомутов, узбеки племен кыят, конграт, дурмен, кенегес, кыпчак и другие вступали с ними в объяснения и пререкания, а когда безумие йомутов перешло всякую меру, узбеки также стали на путь вражды, в результате которой несколько человек было изрублено. (После этого) между ними (узбеками и йомутами) началась распря и кровопролитие. Чтобы исправить создавшееся положение, старшины обеих сторон после продолжительных совещаний постановили на том, что йомуты будут жить в Куня Ургенче, а пашни получат в районе Ак-сарая [1] и будут пользоваться базаром в Новом Ургенче.

Когда бесчинства йомутов достигли крайних пределов, Артук-инак, войдя в соглашение с Аралом, привел оттуда 10—12 тысяч пеших стрелков (мерген) с целью напасть на йомутов и рассеять их. Тогда старшины этого (йомутского) племени в полном составе явились (к Артук-инаку) с выражением своей покорности. Они сказали, что с сего дня каждого (из йомутов), кто будет чинить беспорядки, будут задерживать и представлять его к правителю, чтобы тот наказывал его по своему усмотрению и в соответствии с совершенным проступком.

Когда между обеими сторонами наступило успокоение, Артук-инак отпустил своих аральцев. После этого наступило благоденствие. Однако другие рассказывают, что когда йомутские предводители вошли в сношение со двором правителя (хана), они решили, пользуясь всяким удобным моментом, обрисовать поведение Артук-инака с дурной стороны, а затем, пользуясь расположением хана, доложить ему о предмете своего спора. С другой стороны, предводители салыров, с давних пор пользовавшиеся здесь большим *436* почетом и влиянием и державшие в своих руках государственные дела этой страны, также были проникнуты теперь завистью и враждой к Артук-инаку, полновластно распоряжавшемуся делами этого государства. Они также постоянно выжидали удобного момента и также сеяли вражду между Абулгази-ханом и (Артук-инаком). Таким образом, вражда к Артук-инаку постепенно укрепилась в сердце правителя, и этот невежественный глупец также стал искать случая, чтобы погубить (Артук-инака). Хотя предводители йомутов и салыров и утверждали, что они не прочь в удобный момент убить (инака), однако страх мешал им совершить это дело.

---

[1] Лежит на границе песков, на северо-запад от г. Газавата.

У правителя (хана) было пятьсот калмыцких гулямов, доставшихся ему от отца и денно и нощно находившихся при нем. Некоторым из них, пользовавшимся наибольшим его доверием, хан поведал наедине эту тайну и пообещал им всяческие милости и награды за то, что они убьют Артук-инака. Три или четыре человека из гулямов согласились исполнить это поручение, пообещавши убить инака во время приема. Мирза Мухаммед-эмин и Мирза Кучак, состоявшие секретарями ханской канцелярии, рассказывали автору этих строк в бытность его в Хорезме, что правителю (хану) в то время было только 17—18 лет, что он был еще весьма молод и имел также привлекательную наружность. Большую часть времени проводил он в пьянстве вместе с Артук-инаком. Будучи в опьянении, инак говорил непристойные
44а слова до тех пор, пока с наступлением ночи хан от большого количества выпитого вина не приходил в бесчувствие и засыпал на коленях у инака. Тогда этот негодяй (инак) покрывал лицо правителя (хана) сладострастными поцелуями, не обращая внимания на то, что тот открывал при этом глаза и видел все это. После этого (хан) вставал и уходил в свои покои.

На другой день (после одной из таких ночей) утром Артук-инак, по своему повседневному обыкновению, вошел в приемную. В виду того, что гулямам было приказано с убийством инака не откладывать, один из них застрелил его при входе (в приемную), а другие из гулямов здесь же изрубили в куски его своими саблями и выбросили к дверям арка.

Когда приближенные и слуги Артук-инака узнали о происшедшем, они бежали в Арал.

Все имущество инака хан забрал себе. В связи с убийством Артук-инака сильнейшее беспокойство и тревога распространились среди населения и правителей области. Благодаря стараниям предводителей салыров эти губительные волнения продолжались в течение двух-трех месяцев. Между предводителями салыров и йомутов началась борьба за власть, а также за распределение воды и земли. Вследствие того, что племя узбеков с древней-
44б ших времен находилось вместе с йомутами и салырами, они (узбеки) вошли в соглашение с салырами и стали совместно выступать против йомутов. Предводители йомутов, собравшись все в районе Куня Ургенча, стали ежедневно производить оттуда нападения и набеги на Хиву, Хазарасп, Ханках и Новый Ургенч. По этой причине дела этой страны пришли в расстройство, так что жители ее не могли больше заниматься ни своими посевами и садами, ни прочими делами и даже не могли куда-либо выйти. Взаимные войны, убийства и грабежи достигли необычайной степени. Аральцы также стали производить частые нападения на (города) Мангыт и Гурлен, производя здесь грабежи и разбои. Оказавшись в весьма бедственном положении и будучи бессильны что-либо сделать, жители Хорезма донесли его величеству (Надир-шаху) о происходящих беспорядках, а также о злодействах йомутов и об убийстве Артук-инака по распоряжению Абулгази-хана. Известие об этих событиях дошло до окрестностей Мосула (где в это время находился Надир). Шах приказал, чтобы Мухаммед Касим-бек, карахлю, эшик-агасы-

баши, и наместник Герата, а также Шах-кули-хан, беглербеги Мерва, Мавля-кули-хан, правитель Серахса, Мирза Мухаммед-бек, правитель Дерегеза, и Неджеф-султан, карачорлю, с шестью тысячами находящихся в их ведении войск отправились в Сукъяр, расположенный на берегу р. Джейхуна (Аму-дарья)[1] и оставались там в качестве гарнизона.

Все вышеуказанные начальники, по получении этого высочайшего 154а
приказа, собрались в области Мерва, а отсюда в 1158 г. х. (1745 г.) отправились с десятью пушками в Чарджуй. Пробыв здесь несколько дней, они прибыли затем в Сукъяр. Устроив здесь крепкое укрепление, они в нем остановились. Абуль-Фейз-хану (бухарскому), пользующемуся славой царя Афрасияба, великий повелитель (Надир) предписал заготовить в областях Мавераннахра продовольствие и фураж для (иранских) войск и доставить все это своими средствами в Сукъяр. Когда победоносные (иранские) войска прибыли в Сукъяр, сюда явилось сборище йомутов в количестве около двух-трех тысяч человек. Начальники и войска (Надира) нанесли жестокое поражение йомутам, забрав многих из них в плен и многим отрубив головы. После этого они (иранцы) преследовали (врагов) до Ак-рабата и Кугерчина, затем возвратились (в Сукъяр).

Что касается йомутов, то они, узнав о прибытии победоносных (шахских) войск, направили некоторых из своих старшин к правителю (Абулгази-хану), говоря ему следующее: «В данное время, когда говорят, что кызылбашское войско уже прибыло в Сукъяр, и когда можно думать, что начальник (этого войска) явится сюда, чтобы отомстить за кровь Артук-инака, ни тебе, ни нам не остаться в живых. Во всяком случае, тебе следовало бы оказать нам помощь и поддержку, чтобы мы могли пойти и отразить кызылбашей. Самое лучшее было бы со стороны правителя, если бы он спокойно и твердо оставался на своем месте и издали наблюдал за нашей борьбой с кызылбашами». Предводители салыров одобрили это мнение, но к дальней- 155
шему отнеслись безучастно. В течение всего времени, пока ханы (начальники Надира) стояли в Сукъяре, они не послали ни одного гонца и ни одного известия (о себе). Однако, когда йомуты два раза совершили нападение на Сукъяр и после борьбы с победоносными (шахскими) войсками ушли обратно, ханы послали его величеству подробное донесение об этих событиях.

С донесением своих ханов из Сукъяра (Надир) ознакомился в то время, когда он находился в Каср-и-Ширине, при обратном следовании своем из Багдада. Узнав (о происшедшем и) о том, что правители Хорезма (до сих пор) не явились, он (Надир) тотчас же вручил своему племяннику Али-кули-хану главное командование над войсками в вышеупомянутом государстве (Хорезме), с тем, чтобы тот (Али-кули-хан) экстренно направился в Хорасан и, двинувшись оттуда с войсками этой области и с артил-

[1] Определить местоположение Сукъяра или отождествить его с каким-либо более известным пунктом не удалось.

лерией, какая имелась в Мерве, пошел бы в Сукъяр, а оттуда со всеми имеющимися там войсками прибыл бы в Хорезм. Дав ему (Али-кули-хану) чрезвычайно много различных поручений, он срочно его отправил.

Посланный вскоре прибыл в Хорасан и, приведя в готовность войска, вместе с ханами и султанами Хорасана, выступил в указанном выше году (1158 г. х. — 1745 г.) в Мерв, с тем, чтобы направиться отсюда в Хорезм,

---

66a [Рассказывая о восстании Такы-хана в Фарсе, происходившем одновременно с осадой Мосула, автор в конце главы сообщает, что после подавления восстания и взятия Шираза, три тысячи семейств кашкайцев и иранцев (فارسى), сообщников Такы-хана, были переселены при помощи Меджнун-бека, начальника мервских войск, в Мерв, где они и поселились.]

О борьбе военачальников Надир-шаха с Мухаммед Али-беком, сыном Фатхи-каджара, и йомутами в Астрабаде

67a О преступных делах, совершавшихся в Астрабаде, отчасти уже сообщалось ранее.[1]

Когда Мухаммед Хусейн-хан, каджар, занимавший должность (астрабадского) беглербеги и полновластного распорядителя области, был вызван (шахом) ко двору и здесь задержался, наместником своим он оставил там своего сына Мухаммед Заман-бека. (В это время) несколько человек из племени каджаров, принадлежавших к группе влиятельного представителя этого племени, Мухаммед Али-бека, иззэдинлю, затеяли, на почве зависти,
67б вражду с Мухаммед Заман-беком, вызвав большую тревогу среди населения области. Вышеупомянутый наместник был крайне удручен и расстроен этими обстоятельствами.

Когда возмущение перешло в открытый бунт, наместник явился (к возмутившимся) и постарался их вразумить. Однако Мухаммед Али-бек (не послушался), стал на путь мятежа и преступных действий.

Относительно (причин) этих преступных свойств и поступков (Мухаммед Али-бека) надлежит дать (нижеследующее) особое объяснение, необходимое для ясного понимания (происходящих событий).

Когда во время войны в Хорасане при шахе Тахмаспе мелик Махмуд Сеистанский убил, по приказанию его величества (Надира), Фатх Али-хана, каджара, у последнего остался сын Мухаммед Хусейн-бек, имевший тогда пять-шесть лет от роду.[2] Бегендж Али-бек, йомут, являвшийся дядей по матери указанному (Мухаммед Хасану), услышав об убийстве Фатх

---

[1] Л. 26б.

[2] Автор отмечает при этом, что о данном событии рассказывалось в первом томе его сочинения, до сих пор остающемся нам неизвестным. Из дальнейшего рассказа (лл. 69а, 77б и др.) видно, что мальчика звали не Мухаммед Хусейн, а Мухаммед Хасан, и что в данном месте мы имеем дело с ошибкой переписчика.

Али-хана, взял с собой этого мальчика и отправился с ним в Мангышлак, находящийся в Дашт-и-кыпчаке.[1]

В данное время он (Мухаммед Хасан) большую часть времени проводит в районе Гюргена и иногда вращается среди племени каджаров. Вместе с ним находится также пять-шесть тысяч йомутов. Его постоянным желанием является затеять вражду с его величеством (Надир-шахом) и свести с ним счеты за кровь своего отца.

В настоящий момент, когда происходят описываемые события, он (Мухаммед Хасан) явился к Мухаммед Али-беку, иззэдинлю, и другим старшинам каджарского племени.

Вместе со своими военачальниками и предводителями и четырьмя-пятью тысячами людей он подошел среди ночи к Астрабаду и тотчас совершил на него нападение.

Вышеупомянутый предатель (Мухаммед Али-бек) открыл ворота крепости и без всякого затруднения передал ее (Мухаммед Хасану). Мухаммед Заман-бек укрылся в цитадели. Несмотря, однако, на всяческие усилия *68а* (со стороны защитников), цитадель через два-три дня была взята, а Мухаммед Заман-бек был заключен под стражу.[2]

Когда весть об этих событиях распространилась и дошла до Мосула (где находился в это время Надир-шах), последовал высочайший приказ о том, чтобы правитель Атека, Бехбуд-хан, и Сару-хан, карахлю, афшар, с подчиненными им войсками из провинций Хорасана направились в Астрабад для наказания его (Мухаммед Али-бека). Хотя вышеупомянутый Сару-хан в это время и был занят управлением Керманом, он, однако, также приготовился и направился (в указанную) страну. Однако, еще раньше, чем произошли (эти) события в Астрабаде, его величеству (Надир-шаху) донесли, что в Мазандеране, в местности Хезар-джериб, хаджи Сафар Сули и хаджи Каусар подняли знамя восстания. Они собрали вокруг себя многочисленные войска и, заключив союз с Хасан-ханом, сыном Мухаммед Хусейна, каджара, вступили на путь вражды и неповиновения. (Вследствие этого) по приказу его величества Мирза Такы Пир-заде, Хасан-бек, курд, и хаджи Мухаммед-бек, кераи, находившиеся (в это время) в Нишапуре и его булюках, вместе с пятью тысячами находившихся в их распоряжении войск из храбрых курдов, баятов и кераи, выступили в поход и, пройдя ряд переходов, остановились в окрестностях Дамгана. Когда известие о прибытии победоносного войска достигло до слуха хаджей, они с шестью *68б* тысячами человек пешего и конного войска, состоявшего из населения

---

[1] Речь идет о Мухаммед Хасан-хане, являвшемся дедом Фатх Али-шаху (1797—1834 гг.). О роли туркмен в жизни Мухаммед Хасан-хана говорит также бар. К. Боде в своих «Очерках Туркменской земли» («Отечественные Записки», 1856, кн. 8, стр. 447).

[2] В другом месте (л. 26б) автор указывает, что нападение на Астрабад Мухаммед Хасан-хан совершил с помощью Бегендж Али. Здесь же сообщается, что часть начальствующих лиц Астрабада перешла на сторону Мухаммед Хасан-хана, а часть укрылась вместе с Мухаммед Заман-беком.

Хезар-джериба и Мазандерана, выступили в поход и, явившись на остановку Лоудар, выстроились и приготовились к сражению с вышеупомянутыми войсками. Отказавшись, однако, в этот день от битвы, каждая из сторон спокойно направилась в свой лагерь. Среди ночи хаджи Каусар и хаджи Сафар с двумя тысячами своих войск произвели неожиданное ночное нападение на победоносные войска (Надира). Однако доблестные кызылбаши в эту ночь устроили вокруг себя прочные укрепления и тщательно себя охраняли. Как только эта беспорядочная толпа (неприятелей) без всякого соображения и выдержки появилась с разных сторон победоносного войска, из укрепления раздалась оглушительная стрельба из ружей и громкие крики воинов: «койма, койма!» Этой ночью от усиленной ружейной стрельбы было светло, как среди бела дня... Наступило утро, храбрые кызылбаши выступили из своего укрепления и в пешем и конном строю начали преследование неприятеля. Не выдержав нападения, неприятель поместил всю свою конницу и пехоту на находившийся в этой местности высокий холм и стал защищаться. Храброе кызылбашское войско, однако, быстро овладело возвышенностью. Много людей было взято в плен, в том числе и хаджи Сафар и хаджи Каусар. Остальные были перебиты. Из отрубленных голов неприятелей были сооружены башни. Все имущество неприятелей досталось в добычу храбрым воинам. В это время было доставлено радостное известие о том, что сюда явился со своими войсками Сару-хан, карахлю, полновластный правитель Мазандерана, которому было поручено усмирение указанного населения (Хезар-джериба). Соединившись вместе, оба войска в этот же день выступили в путь, а затем расположились на стоянку. Рассказывают (также), что правителю Атека Бехбуд-хану последовал высочайший приказ о том, чтобы в момент прихода Сару-хана в Гурган и Астрабад он также выступил, а затем, соединившись с Сару-ханом, направился бы против Мухаммед Хасан-хана, каджара.

Когда Мухаммед Хасан-хан прибыл в Астрабад, он в короткое время сумел подчинить себе все владения Мазандерана и других астрабадских
696 областей. Бехбуд-хан, здраво взглянув на создавшееся положение, увидел, что прибытие Сару-хана и соединение с ним совершенно немыслимы и невозможны. С десятью тысячами храбрецов из Абиверда, Неса и Дуруна, а также из племени гёкленов, он направился в Астрабад. Там в это время Мухаммед Хасан-хан набрал двадцать тысяч войска из йомутов и других и собрал их около себя. Когда он узнал о движении Бехбуд-хана, он вместе с приближенными своего двора решил во всяком случае не ждать до тех пор, пока подойдут Сару-хан и другие назначенные войска и соединятся с Бехбуд-ханом, а сразиться с ним (Бехбуд-ханом) теперь же, так как возможно, что с большим войском они не справятся и понесут поражение. «Пока (сказали они) оба войска еще не соединились, направимся сначала на Бехбуд-хана и, покончив с ним, употребим затем свои усилия для того, чтобы отразить других военачальников Надира». С такими мятежными мыслями направился он (Мухаммед Хасан-хан) с двадцатью

тысячами войск из йомутов, каджаров и других (племен) против Бехбуд-хана.

На пространстве, разделявшем враждебные войска, в местности Хаджиляр находилась стоянка, известная под названием Сурх-махалле. Однако прежде чем воины каждой из сторон встретились и вступили между собою в сражение, в этот день произошла встреча между разъездами обеих сторон, следовавших впереди рядов войск. Через некоторое время среди них произошла тревога и сумятица. Разъезды счастливого (шахского) войска одержали верх над разъездами противника, после чего последние обратились в бегство. Разъезды шахских войск преследовали их до тех пор, пока не 70*а*
достигли рядов войск противника. Нанеся неприятелю тяжелое поражение, (шахские воины) после совершения этого удивительного подвига направились к расположению своих войск, вполне уверенные в победе. Как только разъезды прекратили стычку, (между войсками) началось такое сражение, какого не видал мир. В результате сражения Али-кули, Дурды-бехадыр со множеством йомутских начальников, а также Мухаммед Али-бек, иззэдинлю, являвшийся главною опорою бунтовщиков, и ряд других каджарских изменников как начальников, так и простых воинов, были убиты. Достигнув полной победы над врагами, Бехбуд-хан 70*б*
воздал благодарение богу. Однако Мухаммед Хасан-хан с некоторым числом (своих людей) успел бежать на Гюрген, а оттуда на Мангышлак. Разделив доставшееся в добычу имущество между воинами, Бехбуд-хан направился отсюда в Астрабад. Здесь он освободил от оков заключенного под стражу Мухаммед Хасан-ханом Мухаммед Заман-бека, сына Хусейн-хана, и вновь передал ему полную власть и управление над этой (Астрабадской) областью.

[Далее подробно рассказывается, что Надир-шах, довольный одержанной победой, вызвал к себе Бехбуд-хана, щедро наградил его и снова отправил в Астрабад.]

Услышав о победе Бехбуд-хана и поражении Мухаммед Хасан-хана, Сару-хан спешно прибыл с места своей стоянки в Астрабад, где имел свидание с Бехбуд-ханом. После этого они направились против подданных и приверженцев Мухаммед Хасан-хана и предали их избиению, соорудив здесь башню из отрубленных голов. Женщин и детей племени каджаров, а также других преданных Мухаммед Хасан-хану племен они переселили в Нишапур, где они должны были влачить жалкое существование. Через несколько дней после прибытия Сару-хана Бехбуд-хан возвратился в Атек.

[В следующей главе (без заглавия) после ряда эпизодов излагается следующее:]

Рассказывают, что после того, как Мухаммед Хусейн-хан прибыл 72*а*
в Астрабад, он предал здесь избиению еще часть жителей, недоброжелательно относившихся к династии и Надир-шаху. Затем, очистив от мятежных элементов весь Мазандеран, он (снова) поставил в Астрабаде своего сына Мухаммед Заман-бека, поручив его Сару-хану, а сам снова вернулся ко двору. После этого Сару-хану был передан высочайший приказ о том,

чтобы он занял всю страну до берегов Гюргена и Балханских гор, а также
72б весь Дашт-и-кыпчак и, наказав здесь (кого следует), привел (эти страны) в полное повиновение и порядок и принял бы ее под свое самовластное управление.

После отъезда (из Астрабада) Мухаммед Хусейн-хана, между Сару-ханом и Мухаммед Заман-беком возникли трения на почве содержания людей и распределения фуража среди войск, находившихся под начальством упомянутого сердара. Сару-хан нанес Заман-беку обиду, а тот обратился с жалобой ко двору, а также сообщил о случившемся своему отцу. Царским приказом Сару-хан был вызван ко двору. Вся власть над (Астрабадской) областью была передана в руки Мухаммед Заман-хана, (одновременно с пожалованием ему титула хана).

Что касается Мухаммед Хасан-хана, сына Фатх Али-хана, то он, потерпев такое страшное поражение, ушел к йомутам и, не предпринимая здесь каких-либо враждебных действий, некоторое время занимал себя охотой. Когда же чувство собственного унижения и волнение окружающих его мятежников (снова) вызвали в нем мятежные мысли, этот смутьян во главе пяти-шести сот йомутских всадников произвел нападение на окрестности Астрабада. Захватив много имущества местного населения, а также взяв часть жителей в плен, он направился обратно. Пленных он продал (в рабство) жителям Ургенча. Когда он явился (под Астрабадом) вторично, Мухаммед Заман-хан его преследовал и, захватив у него несколько людей живьем и отрубив несколько голов, возвратился обратно. (С этих пор) между йомутами и астрабадскими войсками происходили постоянные столкновения, причем победа доставалась то одной стороне, то
73а другой. От этих безумных дел обе стороны пришли в замешательство.

О возмущении йомутов в Астрабаде и о посылке Надир-шахом войск для наказания этого злонравного племени

Предметом настоящей главы является рассказ о положении высокомогущественного Али-кули-хана сипахсалара[1] Хорезмской области. Когда могущественный повелитель мира, государь Индии и Турана (Надир-шах) находился (еще) в Каср-и-Ширине, он (Али-кули-хан) получил от него разрешение направиться в Хорасан. Собрав здесь все хорасанские войска, он с десятью пушками и 16 000 человек с начальниками племен, предводителями и благородными ханами, следуя через Серахс и Хауз-и-хан, вступил Мерв.

Здесь он привел в готовность пятьдесят пушек и мортир со всем необходимым арсеналом и прочими припасами и вооружением. Бехбуд-хан в это время прибыл из Атека с войсками своего округа и также влился в состав (его) сил. Проведя здесь (в Мерве) несколько дней за приготовлениями

[1] Главнокомандующего.

и получив (наконец) распоряжение (шаха) о выступлении в поход, (Али-кули-хан) направился по назначению. Рассказывают при этом (также), что когда Алла-верды-хан, правитель Фарса, прибыл к его величеству, и 73б
когда обнаружилось, что этот человек проявил за время своей службы много опытности и большую распорядительность, и так как он (Надир) считал завоевание Хорезма важнейшим из событий (того) времени, и хотя Али-кули-хан являлся племянником его величества, однако не был испытан в невзгодах походной жизни и не имел еще полного жизненного опыта, то (шах) в срочном порядке направил Алла-верды-хана, с тем, чтобы тот прибыл к нему в Чарджуй и начал у него свою службу. В особом письме (Надир-шах) написал Али-кули-хану, что Алла-верды-хан в качестве знающего дело и благоразумного человека пользуется близостью к правителям государства, отличается прямотой и опытностью во всех житейских делах, а потому, чтобы (Али-кули-бек) во всем исполнял его советы, ничего не предпринимая без его одобрения.

Из вышеупомянутого места (Чарджуя) они двинулись дальше и, дойдя до Сукъяра, соединились здесь с Касим-беком, карахлю, Сару-ханом, карахлю, Шах-кули-бек-ханом, беглербеги (города) Мерва, и другими ханами, которые были ранее назначены сюда по делам устройства гарнизонов. Отсюда (все) в полном порядке и готовности спешно отправились в Хорезм.

Когда (войска) достигли места Дэвэ-бои (ны), являющегося началом (территории) Хорезмского государства, (к Али-кули-хану) явилась группа сторонников Абулгази-хана, верноподданных его величества (Надир-шаха) в составе Хураз-инака, брата Артук-инака, явившегося сюда от двора Надир-шаха еще до того, как прибыл Али-кули-хан,[1] а также Баба-бека, предводителя племени салыров, Мухаммед Эмина, мехтера, Абд-ур-рахман-бека, парваначи, и сановников Хорезма, доложив почтительно (следующее): 74а
племя йомутов, издавна живущее в округах Хорезма и постоянно занимавшееся здесь разбоями и мятежом, узнав о прибытии его (Али-кули-хана) в Хорезм, отправило свои семьи вместе с пожитками и имуществом в Мангышлак, а сами, в количестве шести-семи тысяч конных и двух-трех тысяч пеших стрелков (мерген) приготовились к борьбе с войсками слуги шаха (Али-кули-хана).

В случае, если преследование их (йомутов) будет отложено, они непременно воспользуются этим удобным моментом и уйдут, так как они уже теперь намереваются это сделать. На этой же остановке (Али-кули-хан) выбрал восемь тысяч доблестных и отважных воинов и, поставив во главе их Алла-верды-хана, сердара, карахлю, Касим-хана, карахлю, Бехбуд-хана, чаруши, Шах-кули-хана, каджара, мервского, направили их на преследование йомутов. Указанные начальники выступили в поход в соот-

[1] Из предыдущего сообщения Мехди-хана (см. выше) известно, что Артук-инак направил Хураза на службу в армию Надира,

ветствии с данным им приказом и прибыли в крепость Питняк. Не задерживаясь здесь, они прибыли затем в Ак-сарай, являвшийся прежним местожительством этого племени (йомутов). Здесь находилось около ста человек из йомутских воинов, представлявших собою (неприятельский) авангард. Соприкоснувшись с разъездами победоносного (шахского) войска, они (йомуты) вступили с ними в стычку. Однако, будучи все на прекрасных арабских скакунах, они (вскоре) умчались, подобно вихрю пустыни. Вышеуказанные разъезды донесли о бегстве йомутов своим начальникам. Остановившись здесь на некоторое время, (войска) двинулись затем в полном составе на преследование йомутов. Когда проехали миль двадцать, издали показались признаки присутствия йомутов. Войскам было отдано распоряжение, чтобы они выстроились отряд с отрядом, отделение с отделением как на правом, так и на левом крыле и в центре и приготовились бы к битве. Когда йомуты узнали о прибытии кызылбашского войска, они пришли в ярость и издали громкий крик. В количестве около шести тысяч храбрецов, под командованием Бегендж Али-бека, Мухаммед Али-бека из йомутского (поколения) ошак, Мухаммед Хасан-хана, сына Фатхи-хана,[1] который (также) находился среди этого племени, они (йомуты) повернули обратно. Около двух тысяч членов своих семейств, мужчин и женщин, вместе со скотом и имуществом они (йомуты) выслали вперед, направив их в Балхан, а сами со всех сторон окружили кызылбашское войско и приготовились к сражению. С этой стороны (т. е. со стороны шахских войск) на левом крыле находились Бехбуд-хан, сердар, Касим-хан, афшар, и предводители Атека, правое крыло состояло из Шах-кули-хана, беглербеги Мерва, с мервскими войсками и Гедай-хана, правителя Андхоя. Главнокомандующий Алла-верды-хан со всеми остальными ханами находился в центре войска. Вокруг всего кызылбашского войска были расставлены пешие стрелки. Тем временем йомутские всадники всей массой, не построившись даже в соответствующий боевой порядок, двинулись беспорядочной толпой на войско кызылбашей. Первый удар пал на стрелков Бехбуд-хана, оказавшихся на пути, по которому проходили йомуты. Несчастные (стрелки) не успели даже приготовить как следует свои ружья: каждый из них выстрелил по необходимости наспех, (а потому) (почти) все они стали жертвою („мишенью“) мечей и стрел (йомутов). Некоторые из них с большим трудом ушли под защиту своих войск на левое крыло. Однако, храбрецы-йомуты своим стремительным натиском сбили с места передовые части и отогнали их до расположения войск Бехбуд-хана. Первые ряды войск приняли на себя натиск йомутов, и началась жаркая битва. Во время сражения, сопровождавшегося криками «койма», «койма», отважный Мухаммед Хасан-хан, сын Фатхи-хана, каджара, оказался лицом к лицу с Бехбуд-ханом. Оба отважные богатыря взялись сначала за копья и обменялись несколькими ударами копий, а затем отбросили их и стали биться на саблях. [Опускаются

746

75a

[1] Следует читать Фатх Али-хана.

дальнейшие подробности описания единоборства, прерванного толпой нахлынувших всадников.]

Выехав (снова) на поле битвы и увидев слабость войск Бехбуд-хана, Мухаммед Хасан-хан с двумя-тремя тысячами отважных копейщиков атаковал левое крыло (иранских) войск и, смешав своим ударом их растянутые ряды, устремился на центр. Однако, когда ряды правого крыла, состоявшие из отряда мервских воинов, преградили йомутам путь, те обрушились на правое крыло, на котором мервские храбрецы стояли непоколебимо, как гора Эльбурс, и ударами своих мечей и ружейной стрельбой отражали атаки противника. [Опущены дальнейшие подробности описания битвы между йомутами и мервцами.] 75б

Некоторые из йомутов заметили среди войск группу андхойских узбеков, находившихся под командой Гедай-султана, сына Азиз-кули, брата Нияз-хана, правителя Балха, в то время, когда те, испытывая беспрерывный страх и ужас, приближались к расположению мервского отряда. Заметив слабость этих людей, (йомуты) стремительным ударом опрокинули передовую часть и бросились на ряды (узбеков). Не выдержав этого удара, передовые ряды побежали, не употребив в дело оружия. Было близко к тому, что с войсками (Надира) произойдет несчастье. Заметив создавшееся положение, Шах-кули-хан, беглербеги Мерва, сражавшийся в это время в центре и ободрявший своим примером войска, спéшил три-четыре сотни храбрых и испытанных мервцев и приказал им открыть стрельбу из ружей и луков, и те (начали) поражать каждым своим выстрелом одного из нападавших смельчаков, так что стойкость йомутов была сломлена. Благодаря неизменному счастью его величества и усилиям мервских храбрецов, (враги) вынуждены были покинуть поле битвы с той же поспешностью, с какой они на него явились. Они (йомуты) стали направляться к своим семействам. Славные кызылбашские воины стали их преследовать, во множестве поражая их своими мечами, пока не наступила ночь. Тогда воины остановились среди песков этой пустыни и несколько отдохнули. Однако, в виду того, что со стороны Али-кули-хана было строго приказано предать уничтожению йомутское племя, а женщин их забрать в плен, воины вынуждены были через два часа (снова) сесть на коней и заняться преследованием этих злосчастных людей. Всех своих домашних, со скотом и скарбом, йомуты повсеместно держали на одну милю впереди себя, а сами следовали позади. Когда явилось солнце, они (йомуты) достигли местности Кызыл-дагы, где находится лес, растет много джингиля и тянутся необыкновенно обширные болота с зарослями тростника. Так как они (йомуты) были знакомы с этой страной, то они как птицы или как дикие звери направились по разным проходам, а частью по берегам, без всяких дорог. Когда кызылбашские войска увидели всюду рассеянные следы (йомутов), они разошлись отдельными отрядами по разным дорогам. Однако, мервские войска, знавшие эту местность, выбрали именно тот путь, по которому должно было вестись преследование. 76а

77а Что касается йомутов, то на их пути встретились болотистые пространства, настолько обширные, что они похожи были на бездонные пропасти. Боясь преследования, они (йомуты) спешно разными закоулками переправили на другую сторону свои семьи и имущество, а сами в числе двух-трех тысяч человек заняли главный проход и переправу. В это время показались славные кызылбашские войска. Растерявшиеся йомуты преградили им путь. На некоторое время завязалась легкая схватка. Не выдержав, однако натиска мервских воинов, йомуты обратились в бегство. Но так как кругом простирались разливы воды и бесконечные заросли тростника, мешавшие передвижению, то путь к бегству оказался отрезанным. (Йомуты) совершенно растерялись, лишившись рассудка, и были безжалостно истреблены мечами преследователей. Те немногие их них, которым удалось бежать, попали в трясину, в которой погибают лошади. Каждый несчастный, кто скакал туда, также лишился жизни. Таким образом в течение этого дня было отрезано и насажено на копья восемьсот четырнадцать голов йомутов, не считая тех из них, которые погибли в топких болотах. Доставшаяся воинам и начальствующим лицам добыча, в виде лошадей, верблюдов, раз-
77б ных товаров, золотой и серебряной посуды, палаток, дорогих ковров, оружия и воинских доспехов, была так многочисленна, что трудно было произвести ее подсчет. Мухаммед Хасан-хан, каджар, в это время переправился через воду вместе с группой йомутских детей и женщин и поспешно удалялся. Когда распространилась весть о тревожных событиях, (именно) о прибытии кызылбашского войска и поражении йомутов, он (Мухаммед Хасан-хан) с группой находившихся при нем воинов принял некоторые меры для того, чтобы дети и женщины этого племени не попали в плен к кызылбашам. Когда закатилось солнце и наступила ночь, остатки йомутов отдельными разбросанными группами забрали своих жен и детей и ушли на Балхан и в Мангышлак.

Победоносные (шахские) войска простояли эту ночь у края болота, а когда наступило лучезарное утро, они оставили это место и, прибыв на свою первоначальную стоянку, присоединились здесь при общем одобрении и согласии к войскам главнокомандующего Алла-верды-хана. После того как прибыли (остальные) воины, участвовавшие в преследовании йомутов и доставившие множество (неприятельских) голов и пленных, все началь-
78а ники вознесли на этом месте хвалу всевышнему и направились к сипах-салару (Али-кули-хану) в Хорезм.

После того как они прибыли в эту страну и представились наместнику, он щедро наградил всех, кто проявил свою храбрость и самоотверженность в борьбе с мятежниками.

[Последняя часть главы (лл. 78б — 80б) посвящена рассказу о Шах-кули-хане мервском, обвиненном в утаивании части военной добычи и измене. Шах-кули-хан был помилован Али-кули-ханом, вопреки желанию Алла-верды-хана. Данный инцидент, между прочим, явился поводом к тайной вражде к Али-кули-хану со стороны его советника. Дорогой, при

возвращении экспедиции в Мешхед Алла-верды-хан скоропостижно скончался, как говорят, отравленный Али-кули-ханом, боявшимся с его стороны наговоров (лл. 82а, 82б).]

[В следующей главе (лл. 80б — 83б) рассказывается о мероприятиях Али-кули-хана в Хиве в 1158 г. х. (1745 г.) и о возвращении его в следующем (1159 г. х.) году в Хорасан. Вместо убитого Артук-инака Али-кули-хан оставил в Хиве в качестве представителя власти брата убитого Хураз-бек-аталыка.[1]]

[Об йомутах в конце главы сообщается, что Али-кули-хан в своем докладе Надир-шаху доложил также о поражении йомутов и бегстве их в Балханы. Далее автор добавляет следующее:]

В то время когда йомуты потерпели в местности [illegible] и Ургенче пора- *83а*
жение от кызылбашских войск, они прибыли в Балханы. При этом часть их совершила набег на Астрабад. Сару-хан, карахлю, являвшийся полновластным правителем этой области, выступил с отрядом войск против этого племени и нанес им решительное поражение, захватив при этом в плен целую группу йомутских предводителей. Остальные бежали, но затем явились со многими подарками к сердару и изъявили свою покорность и повиновение его величеству.

Снизойдя к просьбе йомутов, великий повелитель (Надир-шах) назна- *83б*
чил к ним особого сборщика, приказав Сару-хану, чтобы тот, соблюдая благоразумие, выбрал среди йомутов тысячу юношей, подходящих (для военной службы), и направил их в его (Надира) распоряжение, с тем, чтобы они, по примеру прочих туркмен, исполняли все обязательства, поло-

[1] Мунис о событиях в Хиве рассказывает следующим образом. Когда Надир назначил Абулгази II на царство, Артук-инак вернулся в Хиву и сместил (им же посаженного) Нур Али-хана, а своего младшего брата Хураз-бека с 60 знатными узбеками отправил нукерами к Надиру.

Вместе с Али-кули-ханом для усмирения йомутов прибыл и Хураз-бек, которому Надир поручил управление Хорезмом. Истребив туркмен, Али-кули поселился в своем сенгире (укреплении) около Гендумкана. В следующем году Абул-хайр-хан совершил набег на район к северу от Ходжа-коля, разграбив дом Али-кыпчака. В 1159 г. (1746) Хураз-бек отправился в Иран к Надир-шаху. В этом же году Абулгази убил Артук-инака вместе с его братом Сейид Али и матерью. Услышав об этом, Хураз-бек попросил у Надир-шаха в ханы Хивы Ганб-султана (сын Бехадур-хана, младшего брата Абул-хайра, находившийся сначала в Бухаре, а затем служивший у Надира в войсках), после чего по поручению шаха овладел Хивой. Услышав о прибытии Хураз-бека, сановники Хивы схватили Абулгази и заперли его в медресе Араб-хана. Хураз-бек взял его из медресе и в отмщение за кровь своих братьев и матери убил его (Абулгази). Абулгази царствовал пять с половиной лет.

Через два дня после восшествия на престол Ганб-хана, Хураз-бек предал смерти 18 алтун-джелау (آلتون جلاو), которые совместно с Абулгази-ханом убили Артук-инака и Сейид Али (его братьев). В 1165 г. х. (1751 г.) Ганб-хан убил Хураз-бека, после чего стал править самовластно. Артук-инак правил 6 лет, за ним Хураз-бек $5^1/_2$ лет. В это время всеми делами Хивы распоряжались мангыты, творя всюду насилия. Одновременно с убийством Хураз-бека было убито 60 знатных мангытов и 10 сподвижников Хураз-бека. Рукопись Е 6, лл. 39а — 39б.

женные для кочевых племен. В противном случае пусть они знают, что будут снова наказаны. После этого йомуты выставили требовавшихся от них царским приказом тысячу подходящих юношей, а сами стали исполнять все обязанности верноподданных, на ряду с прочими жителями Дашт-и-кыпчака.

[Вслед за описанием расправы Надир-шаха над несправедливыми сбор-
166а щиками податей в Азербайджане и других областях государства, автор сообщает далее следующие сведения относительно Мерва:]

Прибыв в Хорасан, его величество приказал средствами населения
166б перевезти из этой провинции в Мерв пятьдесят пушек и 20 000 пушечных и мортирных ядер, а также запасы меди, чугуна и олова. Упоминавшиеся выше [1] мастера, прибывшие в Мерв в то время, когда победоносные знамена (Надир-шаха) находились под Мосулом, теперь уже целиком закончили порученную им работу.

Подготавливаемая в Мерве артиллерия, арсенал и все боевые припасы предназначались специально для похода на Китай и Хотан, каковой поход его величество наметил предпринять после завоевания Рума. Кроме вновь изготовленных пушек и мортир, в Мерве находилась (также) артиллерия, привезенная из индийского похода, оставленная здесь после возвращения из Туркестана (в 1740 г.). В Мервском арсенале находилось в это время четыреста харваров свинца и пороха и соответствующее количество прочих припасов. Из чугуна, который был доставлен в Мерв из Хорасана, здесь отливались ядра. Отливка мортирных ядер, весом в 30 манов и стоимостью в 14 туманов и 5000 диргемов, была (уже) полностью закончена. В Мерве имелось в это время 10 000 новых мортирных ядер, весом в 30, 25 и 20 манов, кроме старых [2] пушечных и мортирных ядер, счесть которые было совершенно невозможно.

Автор этих строк в то время ведал делами артиллерии, арсеналов и оружейных складов. Производя учет старых и новых (орудий), мы с начальником артиллерии и заведывающим оружейными складами (и другими) должностными лицами Мерва явились в Хасан-абаде к его величеству. В то время, когда разбирались отчеты Мерва, (мы узнали, что) Шах-кули-хан, каджар, беглербеги Мерва, был заподозрен в сношениях и единомыслии с Мухаммед Хасан-ханом, каджаром, сыном Фатхи-хана, жившим в районе Балхан и на берегах Гюргена. (Говорилось) будто он (беглербеги) совместно (с ханом) затевал возмущение.

167а Не имея такого умысла, Шах-кули-хан отверг подозрение о своей причастности к этому делу. Али Мухаммед-бек, который, по приказу его величества, состоял в Мерве соглядатаем и осведомителем [3] и который утверждал обратное, был по приказу Надир-шаха, казнен (за ложный донос). Шах-

---

[1] См. выше, стр. 167—168.

[2] В тексте добавлено «и новых», что, повидимому, является ошибкой переписчика.

[3] كوزچى و واقعه نويس

кули-хан был отстранен от власти, а чиновники Мерва (были) лишены зрения и закованы в цепи, «вилы» и колодки. На должности заведывающего сборами в Мервской области в это время состоял недавно назначенный шахом Али Накы-бек, сведения о котором были сообщены в первом томе. Али Накы-бек в это время находился в полном расцвете своих умственных сил и являлся весьма выдающимся человеком. В данный период, когда Надир-шах находился в Хорасане, этот достойный человек (Али Накы-бек) был вызван сюда вместе с мервскими сборщиками податей для того, чтобы представить его величеству отчет о финансах своей области. Приняв отчет и выслушав ответы на заданные им вопросы, (шах) пришел в сильнейший гнев и приказал палачу лишить его (Али Накы-бека) зрения. По милости божией один глаз у него сохранился, и он сберег его для охраны областей, как об этом будет написано в предисловии к «Мулюк-ат-таваиф» (?).[1]

В конце концов определив сумму обложения (области) в две тысячи (туманов), он (шах) указал эту сумму сборщикам с тем, чтобы они отправились в Мервскую область и собрали ее там до последнего динара.

[В рассказе о возмущении (узбекского) племени китай (кытай) против Абуль-Фейз-хана (бухарского), о просьбе помощи у Надир-шаха и о посылке Надиром Бехбуд-хана, между прочим, сообщается, что против возмутившихся китаев, во главе с Ибадуллою, Абуль-Фейз-хан послал свой отряд, в состав которого входили также туркмены, очевидно, считавшиеся поддан- *180б*
ными бухарского хана.[2]

Первая группа войск, посланных Надиром в помощь Абуль-Фейз-хану, состояла, между прочим, из четырех тысяч серахских и мервских войск, под начальством Шах-кули-хана, «бывшего беглербеги города Мерва, ныне (1746 г.) управляющего Серахсом». В последующем в состав иранского *181а*
экспедиционного корпуса были влиты новые значительные силы, в том числе отряд из жителей Неса и Дуруна, артиллерийские части Мерва, а также находившийся при Надир-шахе Мухаммед Рахим-хан, мангыт, будущий основатель мангытской династии в Бухаре, с отрядом из тысячи человек. Не касаясь подробного описания действий иранского отряда в Ма- *181б*
вераннахре,[3] ниже мы приводим лишь те отрывки, содержание которых важно для учета политической обстановки в некоторых районах современной Туркмении в последние месяцы правления Надир-шаха, а также в момент его смерти, когда главные начальники иранского войска Хасан-хан, Шах-кули-хан и некоторые другие возвращались по вызову двора в Хорасан.]

Отправив двух своих людей в Хорасан (для выяснения степени досто- *190б*
верности слухов об убийстве Надира), Хасан-хан остановился на берегу

---

[1] Какое сочинение автор при этом имеет в виду, неизвестно.

[2] Подробнее об этом см. П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков, стр. 8—9.

[3] Из ряда замечаний автора (лл. 181б, 182б, 190б и др.) видно, что в дальнейшем этот туркестанский корпус Надир собирался направить против «Китая и Хотана».

191а р. Курмач (шел из Самарканда через Балх и Андхой). В это время к нему подошли некоторые люди из племени мекрит (مكريت) из Чечекту и напали на него. Все (спутники Хасан-хана) были перепуганы и вернулись обратно. Будучи совершенно беспомощным, (Хасан-хан) стал постепенно передвигаться и, дойдя до Меручака, остановился в Сер-и-пуле мургабском. В это время поступили сведения о восстании жителей Ирана против Надир-шаха. Рассказывали, что он (Надир) бежал в Келат, говорили (также), что он одержим меланхолией, или что он убит. Жители Меручака задумали напасть на Хасан-хана и его людей. Узнав об этом, (Хасан-хан) пришел в Пенджде и устроил себе здесь крепкое укрепление (сенгир) против крепости Ак-тепе, на берегу р. Мургаба, и здесь расположился. Перед этим жители Пенджде приходили смиренно (к хану) с предложением своих услуг, некоторые из них были им приняты и ушли обратно. В это время в Пенджде прибыло несколько человек из (окрестного) кочевого населения, привезших с собою тревожные известия о происшедшем перевороте и печальном конце (Надира). Тогда эти изменники (жители Пенджде), собравшись в количестве 700—800 человек конных и пеших, вышли из крепости Пенджде и проявили намерение напасть на Хасан-хана, чтобы овладеть его имуществом. [Далее рассказывается, что нападающие были разбиты, потеряв убитыми 660 чел. После этого Хасан-хан продолжал свой путь в Мешхед через Зурабад.]

191б [Что касается Бехбуд-хана, то, как говорилось уже выше (л. 190б), он остановился на зимовку (около Самаркапда) в месте, носившем название Шикаргах-и-эмир Тимур Гурган, и отправил отсюда гонцов, чтобы получить точные сведения о том, что происходит при дворе (шаха). (Гонцы) явились и рассказали (следующее):]

Когда Шах-кули-хан мервский срочно выехал вместе с Рахим-ханом, узбеком, из Шахрисябза и направился ко двору (Надир-шаха), то по прибытии в Мервскую область они застали здесь переворот и сильное волнение, вызванное тем, что на Хорасан и особенно на Мерв были наложены (большие) налоги, выражающиеся в сумме 170 000 (?), что составляло 850 000 тавризских туманов,[1] причем эта сумма уже (в это время) собиралась при помощи побоев и истязаний жителей для того, чтобы отправить ее в шахскую казну. Из страха перед этой суммой налога (в народе) разгорелось волнение, так как размеры налога превосходят сокровища Дакиянуса и казну Кейкауса. Выполнение этого предписания являлось совершенно невозможным для мервцев, слабость которых зависела от того, что город начал устраиваться по шахскому повелению всего только десять лет тому назад и (до сих пор) кроме «ушра»[2] ничего с него (поэтому) не взималось. Некоторые отправились к шахскому двору (с жалобами). Рассказывают, что было приказано всех явившихся ко двору сборщиков податей и чиновников, из какой бы области они ни были, убить и из голов их соорудить минарет. . .

---

[1] Указываемые автором суммы оставляют неясным соответствие тумана и динара.

[2] Ушр — налог в размере $^1/_{10}$ урожая.

Увидев создавшееся положение, Шах-кули-хан, встревоженный и испу- *192а*
ганный, выехал вместе с Рахим-ханом из Мерва, направившись по берегу мервской реки (Мургаба). У (плотины) Бенд-и-Джан Али[1] они остановились.

Отправившись с этой стоянки, на следующий день прибыли они в Малый Мерв (Мерв-и-кучак), известный под названием Мир-абада.

По приказанию его величества (Надир-шаха) в эти времена большое число жителей Азербайджана и относящихся к нему стран было переселено при помощи войск и послано сюда с тем, чтобы они возвели вокруг Мир-абада стену и восстановили находившийся здесь ранее город, известный под названием Талхатана. Эта крепость была названа затем Мерв-и-кучак.

Прибыв сюда, Шах-кули-хан и Рахим-хан стали совещаться и решили, что если они направятся теперь ко двору его величества, то, вне всякого сомнения, они сделаются жертвой его гнева. Поэтому они решили возвратиться в Мерв и, забрав с собой его жителей, переселиться с ними в Бухару. Там Шах-кули-хан поселится с жителями Мерва в Шахрисябзе,[2] а Рахим-хан в Бухаре. В том случае, если победоносные войска (Надира) направятся против них, они по взаимному уговору не пожалеют сил для борьбы с ним.

Питая такие мятежные замыслы, они этой же ночью посвятили в свою тайну прибывших к ним для их сопровождения мервских начальников и предводителей. Те полностью согласились с ними. Несколько человек отправились в Мерв, чтобы известить об этом решении, а двух человек из сопровождавших их они отправили к мервским войскам, которые в это время под начальством Байрам Али-бека, мингбаши, и Назр Али-бека, араба, из Мерва, направлялись в Меручак, чтобы присоединиться к войскам Фатх Али-хана, дяди его величества, направлявшегося для усмирения *192б*
Хезареджата (района, занимаемого хезаре).

Мервские войска двигались уже пятый или шестой день и в данное время находились на стоянке в районе Пенджде. В это время прибыли гонцы и рассказали (об изложенных выше) событиях. Байрам Али-бек, мингбаши, каджар мервский, являлся усердным слугою и преданным его величеству человеком. Действуя в согласии с Назр Али-беком, арабом, он арестовал людей Шах-кули-хана, а затем двинулся дальше и прибыл в Пенджде. Весть о возмущении Шах-кули-хана довели до сведения Фатх Али-хана. Он в свою очередь послал донесение об этом ко двору. Шах отдал Фатх Али-хану приказ о том, чтобы он охранял мервские войска, а начальников и (всех) ослушников держал под надзором до тех пор, пока относительно

---

[1] Джан Али — имя одного из эмиров бухарского хана Абдуллы, участвовавшего в походе на Мерв в 1566 (974) г. Об этом походе см. В. А. Жуковский, цит. соч., стр, 75. Возможно, что устройство или восстановление этой плотины связано с именем названного лица.

[2] Ранее (л. 183б) автором сообщалось, что, в связи с происходившими политическими смутами, в г. Шахрисябзе в это время совсем не оставалось жителей.

мервских беспорядков не будет принято окончательное решение. Что касается Шах-кули-хана, то он прибыл на то место, где находилась (плотина) Бенд-и-Джан Али. Было слышно, что Шах-кули-хан из Малого Мерва (Мерв-и-кучак) направил в Большой Мерв (Мерв-и-бузург), находившегося там в качестве наместника, некоего курда, по имени Рустем-бека, с тем, чтобы тот успокоил тамошних жителей и подготовил их к мысли о скором переселении в Бухару со своими семьями.

Группа лезгин, мукаддамов и муганцев, боясь царского наказания, отказалась (от переселения) и подняла возмущение. Несколько человек из кызылбашских воинов прибыли в Бенд-и-Джан Али и доложили ханам о (поведении) жителей этой (Мервской), области. Услышав эти известия, Рахим-хан пришел в раскаяние в совершенных им поступках. Шах-кули-хан (ему) сказал: «Ты подожди немного, пока я не овладею крепостью (Мерва), тогда ты войдешь в Мерв и на чем ты (тогда) решишь, я охотно соглашусь».

193а Когда Шах-кули-хан в тот же день подошел к Мерву, городская чернь, намеревавшаяся было принять участие (в восстании), разбежалась. Остановившись у Туркестанских ворот, известных под названием Джум'а, Шах-кули-бек написал Рахим-хану, чтобы тот вошел в город.

Однако, после того, как Шах-кули-хан выступил, узбекские начальники в лице Мухаммед Эмин-хана гисарского, Мухаммеда, ходжи-накыба и ходжи-каляна, сказали (Рахим-хану): «Ты являешься рабом его величества, а потому тебе не следует действовать заодно с (этими) кызылбашами, чтобы не порочить ни себя, ни нас перед шахом». В конце концов они всяческими способами убедили Рахим-хана изменить свое намерение и в ту же ночь направились к высочайшему двору (Надир-шаха).

Слух об уходе Рахим-хана достиг Шах-кули-хана и стал распространяться среди жителей самого города.

Увидев изменившееся настроение людей и поняв окружающую его опасность, Шах-кули-хан, вместе с тремя-четырьмя стами находившихся вокруг него мервских воинов и ожидавших всяких беспорядков, вынуждены были под давлением обстоятельств оставить своих жен, детей, имущество и состояние и бежать в пустыню.

Когда они прошли две-три мили, некоторые стали говорить, что следует итти в Герат, другие указывали на Хорезм, а третьи — на Дашт-и-кыпчак. В конце концов направились в сторону مرن Мервского.[1] Рустем-бек, курд, был, по приказанию Шах-кули-хана, убит. Прошли еще две три мили. Некоторые (из спутников, с целью) исправить свое положение, возымели намерение схватить Шах-кули-хана и доставить его к шахскому двору.

---

[1] Возможно, что следует читать تژن, так как другой современник описываемых событий, бухарский историк Мухаммед Эмин, сообщает, что Шах-кули Мервский бежал со своими приверженцами в сторону р. Теджена. См. «Тарих-и-Рахим-хани», соч. Мухаммед Вефа-и-Керминеги, ркп. ИВ, л. 94а.

(Шах-кули-хан) узнал об этой тайне. Все разделились на две партии. Одни присоединились (к заговорщикам), другая половина (спутников), со- 1936
стоявшая из зачинщиков смуты, упав духом, бежала в сторону горы ساریاب.[1] Восемь человек из этой группы, уже обреченные (судьбой) на гибель, в своем безумном бегстве отправились в Хорасан. Решив между собой, что они, изменивши свою внешность, поселятся здесь в скрытых углах и будут таким образом проживать, эти глупцы (действительно) поселились в одном из кварталов Мешхеда, известном под названием Серхоузан. [Далее следует рассказ о том, как эти люди в пьяном виде выдали себя и были казнены шахом.]

Что касается Шах-кули-хана, то он с несколькими оставшимися при нем людьми, направился в сторону Сейид Аббас-абада, расположенного в 12 милях от Мерва. Трое или четверо из семейных кызылбашей дорогой жаловались друг другу на то, что они со своими женами и детьми бегут теперь последними с Шах-кули-ханом, потерявши голову и не зная даже, куда им следует направляться. Увидев в это время перед собой этого хана, они со стоном и плачем бросились к его ногам. Увидев этих растерявшихся людей, (Шах-кули-хан), вместо того, чтобы выразить им свое сострадание, убил нескольких из них, боясь как бы кто-нибудь из них не сообщил о нем в Мерв. В числе убитых было также несколько беременных женщин. Отсюда направились дальше. Дорогой (среди едущих) наступило полное смятение. Несколько человек, до сих пор оставававшихся еще при хане, также решили его покинуть и разбрелись от него по разным углам и закоулкам.

Оглянувшись кругом, (хан) никого около себя не нашел, кроме своего старинного глашатая по имени Имам-верды и еще одного слуги. Хана охватил трепет. Растерянные и смущенные провели они еще некоторое время в пустыне, а к ночи скрылись в зарослях чингиля. На следующий день ему (Шах-кули-хану) пришла мысль направиться с этими двумя людьми в Мерв, проникнуть ночью в свой сад, находившийся в западной части города, и скрыться там среди виноградников, что он и сделал. Вышеупомянутый Имам-верды, как преданный слуга (своего господина), отпросился отправиться переодетым в город, (якобы для того), чтобы известить жену и детей о прибытии хана, и сказать, что они могут встретиться в саду.

Когда этот отверженный (Имам-верды) вошел в город, он здесь узнал, что в течение этих двух-трех дней в Мерв прибыл Назр Али-бек, араб, который вместе с Байрам-беком, мингбаши, и тремя тысячами войска был послан на соединение с Фатх Али-ханом, чтобы затем итти на усмирение Хезареджата и Гарджистана. Произошло это следующим образом. Когда двое людей, посланных Шах-кули-ханом, прибыли к Байрам Али-беку, мингбаши, и рассказали ему о происходящих событиях (см. стр. 185), часть мервского войска бежала еще до прибытия в Меручак к Шах-кули-хану. Те из беглецов, кому не удалось догнать (Шах-кули-хана), скрылись в за-

[1] За отсутствием диакритических точек прочитать название не удается.

рослях чингпля между (рукавами) р. Мерва, известными под названием Адака[1] и здесь находились, оберегая себя от всяких случайностей. Назр Али-бек, араб, долго служивший ранее в войсках кызылбашей, приплетя к правде много лжи, доложил (о происшедшем) Фатх Али-хану, набросив
1946 подозрение в мятежных замыслах на всех присутствовавших здесь начальников и предводителей. Когда Фатх Али-хан убедился в искренности и преданности Назр Али-бека, он сообщил об этом его величеству. После этого последовало высочайшее повеление о том, чтобы Назр Али-бек отправился в Мерв и ободрил и успокоил его население. Войска, оставшиеся вместе с Байрам Али-беком, мингбаши мервским, Фатх Али-хан взял с собою и направился вместе с ними к его величеству.

Прибыв в Мерв, Назр Али-бек арестовал здесь несколько человек из числа мервских воинов, не успевших еще бежать из города, а затем занялся охраной крепости и наблюдением за главными (большими) дорогами.

В это время явились к нему упоминавшийся уже выше Имам-верды и сообщил, что высокопочтенный Шах-кули-хан явился (в Мерв) и скрывается в своем саду. Отправившись (в сад) в тот же момент, Назр Али-бек схватил злосчастного хана, привез его в город и заключил под стражу, отправив гонца к его величеству в Мешхед с соответствующим донесением. Шах приказал Назр Али-беку заковать его (Шах-кули-хана) в колодки и «вилы» и со своими людьми направить его ко двору, а самому продолжать свое наместничество в этой (Мервской) области. Когда он (Шах-кули-хан) был уже в Ноуруз-абаде, на расстоянии одного перехода от Ак-дербенда мешхедского, последовал новый приказ (шаха), которым повелевалось ослепить этого хана и доставить затем к шаху. Когда (Шах-кули-хан) был доставлен ко двору, его били здесь каждый день палками и плетьми и держали в заключении. Когда Рахим-хан, узбек, направившийся удвоенными переходами с берегов Мургаба в Хорасан, явился к его величеству, он также обвинил Шах-кули-хана в измене и мятеже. Его величество осчастливил (Рахим-хана) разнообразными шахскими милостями.[2]

---

[1] В ряде своих работ В. В. Бартольд уделял внимание вопросу о местоположении города Адака, упоминаемого впервые около 1464 г., не разрешив, однако, этого вопроса окончательно. (Ср. ЗВО, т. XV, стр. 186, 206. Очерк низовьев Амударьи, стр. 77—80. К истории орошения Туркестана, стр. 91—92). Если принять во внимание свидетельство историков о том, что Адак лежал «на пути из Везира (в Хорезме. *П. И.*) в Астрабад и Хорасан», то свидетельство нашего автора о местности Адак (букв. «нога», «низовье», «устье») в низовьях реки Мургаба заслуживает большого внимания, указывая на то, что Адаков было два: город в низовьях Аму-дарьи и местность в низовьях Мургаба.

[2] Уже цитированный выше историк Рахим-хана бухарского, Мухаммед Вефа, также приводит в своем сочинении довольно подробный рассказ о восстании Шах-кули-хана мервского. Так же, как и Мухаммед Казим, бухарский историк изображает Шах-кули-хана неблагодарным изменником, затеявшим бунт против своего повелителя, не раскрывая при этом ни истинных причин восстания, ни его социальной базы. Рассказ Мухаммеда Вефа чрезвычайно беден фактическим материалом, возмещаемым

Автор этих строк, сын Мухаммед Казима, везира,[1] сообщает (следующее): *195а*

Когда гонцы доставили (в Бухару) весть о возмущении Шах-кули-хана, в распоряжении Бехбуд-хана состояло около 500 человек мервских войск, не считая артиллеристов. Получив указанное тревожное известие, этот дальновидный хан поместил мервских воинов в середине своего лагеря, взяв под наблюдение заместителя Шах-кули-хана Мухаммед Селим-бека мервского, находившегося также в должности туркестанского насакчи-баши,[2] а также Мухаммед Хасан-бека, джебадар-баши,[3] Гыяс-бека, топчи-баши,[4] и автора этих строк. Для надзора (за мервцами) были выделены части из находившихся в лагере войск.

20-го числа месяца раби II 1160 г. (1 мая 1747 г.) был получен приказ его величества, в котором сообщалось, что шах послал (в Бухару) Рахим-хана в качестве «Туркестанского аталыка», с тем, чтобы он привел в порядок здешние дела и возвратился снова ко двору.[5] В соответствии с этим, войскам также было предписано прибыть в Бухару (из-под Самарканда).

[Далее следует подробное изложение событий, связанных с захватом власти в Бухаре Рахим-ханом, убийством им Абуль-Фейз-хана, борьбою бухарцев с иранским отрядом под стенами Бухары и отступлением последнего в Хорасан в связи с полученным известием о смерти Надир-шаха.]

Когда отступающий иранский отряд приближался к Чарджую, чтобы переправиться здесь через Аму-дарью, Джума-кули-бек, мангыт, сопровождавший, по распоряжению Рахим-хана, иранский отряд, посадил двоих из своих людей на «сал»[6] и направил их (на противоположную сторону реки) в Чарджуй к (туркменам) племени сарык, эрсари и другим, прося их доставить суда для кызылбашских войск, которые хотят переправиться здесь через реку и направиться затем в Мерв. Тогда все туркменские предводители (именно) Бака-султан, Хусейн-хан-бек, Араб-бай, эшик-агасы,[7] сарык, Адина-кули-бек, Эвез-дадха,[8] Мерген-султан, Рахим-бек, Мустафа-кули-

---

автором в большинстве случаев многословной риторикой. В противоположность Мухаммеду Казиму, бухарский историк представляет Рахим-хана в качестве преданного слуги Надир-шаха, с самого начала занявшего враждебную позицию по отношению к заговору мервских начальников. В отдельных деталях рассказ бухарского историка совпадает с повествованием Мухаммеда Казима. Арест Шах-кули-хана, по словам Мухаммеда Вефа, был произведен самими жителями Мерва, узнавшими о тайном прибытии его к своей семье. См. «Тарих-и-Рахим-хани», цит. рки., лл. 94а и сл.

[1] Как известно, автором последней части данного сочинения (лл. 195—251) является не Мухаммед Казим, а его сын, нигде не названный по имени.

[2] Насакчи — палач при дворе персидских шахов XIX в.

[3] Заведывающий арсеналом.

[4] Начальник артиллерии.

[5] Некоторые подробности, связанные с следованием Рахим-хана из Хорасана в Бухару, сообщаются в цитированном выше сочинении Мухаммеда Вефа.

[6] Сал — плот из тростника или другого материала.

[7] Один из чинов Бухарского ханства.

[8] То же.

бек, Салих-бек и другие начальники племени эрсари собрались против Чарджуйской переправы с тридцатью тысячами человек конных копей-
201а щиков. Они решили (так), что в случае, если мы пустим кызылбашей на эту сторону Джейхуна и окажем им хороший прием, они (все равно) разграбят весь наш народ и уйдут к себе. Поэтому будет лучше, если мы займем весь берег и будем его охранять. В случае, если кызылбаши будут на «салах» или судах переправляться на эту сторону, мы будем препятствовать им, поражая их своими стрелами и саблями и таким образом избавимся от разорения, которое нам предстоит.

Решив на этом, они сказали в ответ, что всякий раз, когда река Джейхун имела переправу, мы всегда наносили кызыблашам страшное поражение.

Одним словом, не вступая в дальнейшие переговоры, эти люди (туркмены) заняли берега Джейхуна.

Бехбуд-хан и другие начальники знали, что переправа через эту грозную реку не легка, а потому, всецело уповая на помощь всевышнего, они расстроенные и печальные направились берегом реки вверх, в поисках переправы.

Пройдя некоторое расстояние, (войска) прибыли в Бурдалык.[1]

При войске находилось 50 пушек и мортир, которые воинам приходилось везти на своих собственных конях, в виду того, что артиллерийские лошади погибли во время военных действий в Бухаре. В виду невозможности (дальнейшей перевозки) четыре мортиры здесь были тайно закопаны в землю. Двигаясь дальше, (войска) достигли селения (касабе) Наразыма,[2] жители которого при слухе о приближении войск скрылись, разбежавшись в горы и пустыни.

201б [Далее рассказывается, что в Наразыме также была зарыта часть пушек и артиллерийских припасов. Дальнейший путь войск направлялся через Керки в Балх, однако, встретив препятствие к переправе у Керков, войска должны были направиться вверх по реке до Куляба. Автор — сам участ-
202— ник этого похода — дает довольно подробное описание пройденных стран.
204 Пройдя из Хульма с боем через территорию Афганского Туркестана, иранские войска в районе Сар-и-пуля снова столкнулись с туркменами. Эта стычка описывается автором следующим образом:]

206б (Из Сар-и-пуля) направились к Хан-абаду,[3] от которого оставалось три мили до крепости Ходжа-деке(?), как вдруг показалось туркменское войско.

В тот же день, когда неожиданно появились туркмены, автор этих строк ехал позади войска, ведя дружескую беседу с Джафар-ханом, баятом, с которым был связан близкими отношениями. Бехбуд-хан (сердар) также оставил

---

[1] Приблизительно на середине пути между Чарджуем и Керками.

[2] Современное селение Наразым находится ближе к Чарджую, чем Бурдалык, поэтому в Наразым войска должны были притти раньше, чем в Бурдалык.

[3] Километрах в 15 на ЮЗ от города Акче по направлению к Шибиргану.

передовые части и прибыл в ариергард, настоятельно побуждая войска усилить бдительность и охрану. Так как у меня была прекрасная быстроходная лошадь, он (Бехбуд-хан) предложил (мне) выехать несколько вперед и установить численность этого (туркменского) войска. Как только я поднялся на песчаный холм, я в тридцати-сорока шагах от себя увидел одного из быстрых туркменских всадников, который также появился здесь. Когда я занялся подробным изучением и расследованием обстановки, он (всадник) мне объяснил, что Рустем-бек Кара, правитель Керков, прибыл с туркменским племенем эрсари для того, чтобы устранить срам и позор стольких лет. Сказав эти слова, он пустил в меня стрелу, которая, однако, за дальностью расстояния не достигла цели.

Возвратившись к сердару (Бехбуд-хану), я сообщил, что то (войско), какое удалось видеть мне, не превышает 2500 человек, но так как эти люди (туркмены) собрали свое войско по обыкновению отовсюду, то все думают, что туркмен не менее десяти тысяч.

Осторожный сердар (Бехбуд-хан) приказал всем подчиненным ему войскам расположиться в разных местах по берегу реки. Туркмены явились и, преградив путь победоносным (иранским) войскам, начали затевать бой, гарцуя по полю и выставляя на вид свою удаль. Тогда сердар, пустив впереди себя около тысячи пеших войск из персов и луров (фейли), атаковал туркменское войско. Не выдержав (града) пуль, метательных копий и артиллерийских снарядов, туркмены бросились бежать, направляясь в сторону Чечекту и Меймене.

По распоряжению сердара мервское и серахское войска преследовали (туркмен) на расстоянии двух миль, убили из них 104 человека и, насадив их головы на копья, возвратились (к своим).

[После этого иранский отряд направился в Андхой, а затем прибыл в Меручак, откуда мервские войска были отпущены по домам, а остальные ушли в Хорасан.] 207а

[Прочие упоминания в III томе о туркменах связаны с описанием похода полководца Надир-шаха Мухаммед Али-хана в 1156 г. х. (1743 г.) в Дашт-и-кыпчак, т. е. Кыпчакскую степь, под которой в данном случае автор разумеет пространство, занятое казахами, каракалпаками и калмыками. Поводом к походу явилась будто бы жалоба одного из потомков Чингиз-хана, Баслу-хана, на притеснения со стороны «калмыков Кашгара и Мачина», захвативших часть наследственных владений этого хана и будто бы угрожавших занятием всех его земель (л. 207б).

Надир-шах предписал упомянутому своему полководцу освободить Дашт-и-кыпчак от власти калмыков и привести эту область в покорность Баслу-хану.

Прежде чем выступить в степь Мухаммед Али-хан направился на берега Гюргена и здесь, в качестве пополнения к своему отряду, набрал две тысячи йомутов. Из йомутских предводителей, участвовавших в этом походе, упоминаются Мухаммед Али, ошак, Али-кули-бехадыр-хан и Ахмед-бек. В резуль-

тате ссоры между названными предводителями, часть йомутов в количестве около 400 чел., отказалась от участия в походе и ушла к себе, однако усилиями начальников взамен ушедших 400 человек были взяты другие (л. 208а). Как видно из дальнейших упоминаний автора (лл. 209а, 224а, 231а и др)., йомуты играли в походе и происходивших военных действиях весьма значительную роль.]

ОТРЫВКИ ИЗ „ТАРИХ-И-РАХИМ-ХАНИ" МУХАММЕДА ВЕФА

(Рукопись ИВ АН С 527)

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

О возмутительном поведении кызылбашей Серахса в отношении государя (Мухаммед Рахим-хана) и сражении с ними

100 Вечером в среду джумади I,[1] когда его величество[2] расположился на отдых вблизи Серахса вместе с туркестанскими военачальниками и купцами, рассчитывавшими на безопасность и покой под защитой государя, в то время, когда слуги заканчивали приготовление ужина для военачальников, произошло следующее событие.

Если излагать кратко, событие заключалось в том, что находившиеся в Серахсе кызылбаши после того, как получили сведения о мятеже Али-кули-хана, племянника Надир-шаха, открыли точно таким же образом враждебные действия против друзей шахского правительства. Пользуясь тем, что шахское правительство послало его (Али кули-хана) во главе войска на усмирение восставших в Систане, он преисполнился о себе высокого мнения, обнаружил дурные качества своей своевольной и наглой натуры и начал подстрекать к смутам и мятежам тех из шахских слуг, которые были чем-нибудь недовольны, и разослал своих курьеров по всем областям Хорасана, громко заявляя о сообществе шиитов и мятежников.

В то самое время, когда государь прибыл в Серахс и остановился лагерем перед крепостью, содержавшее призывы к бунту послание Али-кули-хана было доставлено находившимся в Серахсе кызылбашам и вызвало живейшую радость в этой мятежной шайке. Соблазненные дорогими материями и другими товарами, которые были показаны им неосторожными купцами из каравана, они задумали сделать нападение и разграбить лагерь его величества. Кызылбаши осуществили свои грабительские намерения, когда миновала ночь и наступило утро. Большая толпа всадников и пеших, разом набросившись на лагерь его величества, напала и на занятых товарами купцов, и на прислугу и на тех, кто находился в государевой свите.

---

[1] Месяц джумади I (1160 г. х.) приходится на период 11 мая по 9 июня 1747 г. н. э.

[2] Речь идет о Мухаммед Рахим-хане бухарском, который, как указывалось выше, следовал в Бухару.

В тяжелых условиях этого небывалого происшествия, которое можно нарисовать только в воображении и которое было совершено неожиданно, встревоженный государь отдал солдатам приказание, чтобы они, несмотря на свою малочисленность, отразили нападение разбойничьей шайки, намеревавшейся поживиться за счет купеческого каравана.

Повинуясь приказу государя, солдаты вступили в сражение с грабителями-кызылбашами. Купцы, вследствие нападения грабителей, очутившиеся в самом неприятном положении, почувствовали себя очень скверно. Каждый из них бросался искать своих лошадей и верблюдов, бродивших поблизости, и торопливо навьючивал животных. Собрав свои палатки и товары, насколько это было возможно, купцы все же были принуждены оставить часть своего добра на расхищение грабителям.

Обдумав положение вещей, государь решил собрать купцов и всех тех, кто был неспособен к сражению, пустить их вперед, а солдатам, численность которых не превышала 200 человек, поручил сопровождать купеческий караван сзади и в то же время отражать нападение грабительской шайки.

При таких обстоятельствах, когда нельзя было ждать помощи ниоткуда, так как до самой Бухары не находилось ни одного местечка, в котором можно было бы укрыться, его величество поручил себя всевышней защите и, как это станет ясным из дальнейшего, надежды неприятелей были обмануты и разбиты вдребезги.

Так как неприятельское войско не могло не видеть малочисленности войска противников и так как оно было хорошо вооружено, то эта грабительская шайка вторично сделала нападение и открыла стрельбу, бросившись в количестве 2—3 тысяч человек на маленький отряд его величества. В начавшейся ужасной свалке, пыль от которой поднялась до самого неба, купцов охватил такой ужас, что они не знали, куда броситься. Государь, сам пожелавший принять участие в сражении, велел всадникам разогнать лошадей и с такой силой ударил в середину неприятельского войска, что оно было совершенно смято. Принужденные прекратить сражение, неприятели кое-как собрали свои расстроенные ряды, и от изумления погрузились в столбняк. В этот самый момент, когда остолбенелый неприятель пребывал в бездействии, отряд его величества стал быстро удаляться. Грабители, упуская возможность воспользоваться удобным случаем, медлили начать преследование отступавших, так как, несмотря на свою многочисленность и на ничтожность отряда противника, они были еще полны пережитого во время сражения страха. Прозевав удобный момент для преследования отступающего отряда, они стали стрелять вслед. Солдаты его величества, исполнившись мужества, сделали повторную атаку. В свою очередь неприятельские всадники и пехотинцы, придя к единодушию и набравшись храбрости, бросились на солдат его величества, и сражение разгорелось так, что в отряде государя стали опасаться за дальнейшие последствия. Все пришли в совершенное отчаяние — и отряд и купцы потеряли надежду остаться живыми. Еще раз его величество, возложив упование на помощь свыше, решил оказать сопро-

тивление врагам. И вот победа стала склоняться на сторону отряда его величества. Кызылбашские войска не нашли в себе достаточной силы выдержать натиск противника, и, принужденные прекратить сражение, все сразу обратились в бегство.

Несмотря на то, что самообладание на время покинуло солдат его величества, божественное провидение вторично даровало им силу. В тот самый момент, когда все упали духом, провидение даровало «халат защиты». Некоторое количество солдат из отряда государя было убито в этом ужасном сражении. Из безбожной шайки кызылбашских разбойников также были убитые.

Прекратив сражение, неприятели уже не делали более никаких попыток к нападению. Государь и его военачальники, вознеся благодарственную молитву богу, вместе с купцами и караваном поспешно пустились в путь по направлению к Мервской области.

Рассказ о дурном поступке людей Серахса со свитой почитаемого и благородного эмира (Рахим-хана) и их военные действия

104б Приблизившись к Мервской области, они пересекли страну по окраине ее и вошли в тот город.

Мыслями свиты разумного эмира овладел страх перед людьми тех пределов, когда правитель Мерва, услышав весть о счастливом прибытии победоносного эмира, вышел навстречу с группой начальников той страны и преподнес достойные положения подарки и побуждал войти в город. Так как (эмир) видел от людей Серахса такую смелость и дерзость и так как здесь тоже опасение страха и вреда являлось делом весьма возможным, то, не обратив внимания на его (правителя Мерва) пустые слова, высокая свита поспешно прошла через те пределы.

ЗАХВАТ МЕРВА ШАХ МУРАДОМ БУХАРСКИМ. УЧАСТИЕ ТУРКМЕН В ХИВИНСКО-БУХАРСКИХ ВОЙНАХ ПОСЛЕ РАСПАДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА НАДИР-ШАХА

(Извлечения из „Истории Средней Азии“ Мир Абдуль-Керима бухарского)

Перевод Г. А. МИРЗОЕВА

Царствование Шах Тимура

Как только Шах Мурад-бек, правитель Бухары,[1] захватил Мерв у Байрам Али-хана, каджара, он убил Байрам Али-хана и переселил население

[1] Эмир Шах Мурад, правил с 1785 по 1800 г. Описываемый поход на Мерв происходил на первом году правления Шах Мурада, т. е. в 1785 г. Приводимые ниже данные Абдуль-Керима Бухарского изложены также у В. А. Жуковского, цит. соч., стр. 83 и сл.

города в Бухару. Некоторые из знатных лиц Мерва вместе с сыном Байрам Али-хана прибегли к защите Тимур-шаха, (которому доложили следующее): «Мерв входит в состав вашего государства, и мы ваши подданные; узбеки разрушили наше владение и грабят и уводят в плен нас, ответственность за наш позор должны нести вы». После этого Тимур-шах, намереваясь отомстить, (выехал) из Кабула со ста пятидесятью тысячами войска (и) через Бут-и-Бамиан[1] прибыл в Балх; из каждой области явилось к нему войско. Шах Мурад тоже подготовил тридцать тысяч войска и построил окопы у берегов Аму-дарьи; им овладел страх, и он, придумав хитрый план, отправил кази Абу-Насра и еще нескольких лиц к Файзуллаху, который имел большой авторитет при дворе Тимур-шаха, со словами: «Вы, испытывая позор от кызылбашей, нападаете на мусульман, что это значит? Ваши люди на положении вероотступников, а мы на положении страдающих за веру!». Так как эти слова были правильными, кази Файзуллах разубедил (Тимур) шаха, и был заключен мир.

Шах Махмуд, сын Тимур-шаха, сына Ахмед-шаха

Как только Шах Заман отнял (у Шах Махмуда) г. Герат, по наступлении ночи он со своим братом принцем Фируз-уд-дином и другими родственниками и доверенными лицами отправился в Иран к Фатх Али-шаху. Фатх Али-шах для поддержки шахзаде Махмуда повел войско в Мешхед. Но так как Шах Мурад для поддержки Заман-шаха прибыл из Бухары в Мерв, а Заман-шах шел из Герата, Фатх Али-шах отказался от поддержки Махмуд-шаха, чувствуя себя слабым перед двумя врагами.

Через некоторое время Фатх Али-шах дал возможность Махмуд-шаху набрать четыре тысячи войска, и тот пошел на Герат, но потерпел поражение в боях под Гератом. Шахзаде после поражения в Герате отправился в Мерв, где был принят правителем города, назначенным Шах Мурадом. Через некоторое время он уехал из Мерва в Бухару.

Об изложении (истории) династии узбекских ханов

44

В то время, как Надир-шах возвращался из Индии, Абуль-Фейз-хан сын Субхан-кули-хана, который был потомком Чингиз-хана, являлся правителем Бухары, а Хорезмом управлял Ильбарс-хан, казах, род которого также восходит к Чингиз-хану. Когда Абуль-Фейз-хан почувствовал, что он не может устоять перед иранским войском, он послал к Надир-шаху на встречу в Пешавар с приличными дарами нескольких знаменитых лиц, в том числе одного ходжу джуйбарского[2] и заявил: «Я являюсь потомком старых царей и не могу бороться с вами, поэтому отказываюсь от борьбы

[1] Имеются в виду так наз. «Бамианские идолы» в ущелье Бамиан.

[2] Одна из наиболее влиятельных духовных фамилий (шейхов) в Бухаре, происходит из местности Джуйбара в окрестностях Бухары.

и встречу вас, как гостя». Надир-шах, одобрив его заявление, сообщил ему, что он не намерен захватывать его владений, он считает необходимым
45 наказать Ильбарс-хана, и что после прибытия в Герат он отправится в Балх, откуда приедет в Бухару.

Абуль-Фейз-хан, по получении ответа от Надир-шаха, сообщил об этом Ильбарс-хану в Хорезм для того, чтобы тот также просил у Надир-шаха помилования, но Ильбарс-хан отказался.

После трехмесячного пребывания в Герате Надир-шах отправился
46 в Бухару. В Керки его встретил Мухаммед Рахим-хан, посланный Абуль-Фейз-ханом. Из Керки поехал он в Чарджуй и Бухару. Возвратившись (из Бухары) в Чарджуй, он отправил Адиль-шаха и Мухаммед Рахим-хана с его войсками в Мешхед через Мерв.

47 По просьбе Абуль-Фейз-хана Надир-шах послал Ильбарс-хану письмо, чтобы тот пришел просить прощения. Посланники Надир-шаха с письмом приехали в лагерь Ильбарса, который возглавлял 20 тысяч всадников, состоящих из йомутов, (прочих) туркмен, казахов и узбеков.

В письме говорится:

«Несколько раз с грабительским племенем йомутов с целью грабежа вы совершили набеги на окрестности священного Мешхеда и каждый раз испытывали несчастие и, потерпев поражение, разбитыми, отправлялись (обратно) в Хиву».

[Далее в письме Надир-шаха (стр. 47—48) говорится, что он при возвращении из Индии остановился в Бухаре у Абуль-Фейз-шаха и думал, что если Ильбарс явится к нему, то он простит его прегрешения и заключит с ним мир, чтобы в дальнейшем не проливать мусульманской крови. «Несмотря на мое миролюбие», пишет Надир: «три тысячи человек из йомутских племен, с целью совершения ночного набега, прибыли в Чарджуй. Узнав об этом, войска (Надир-шаха) одним ударом истребили их и рассеяли, как звезды Большой Медведицы. Большинство их было перебито и взято в плен и (лишь) небольшое количество с тысячью бедствий добралось до безопасного места. Это событие явилось причиной гнева и негодования Надир-шаха (по отношению к Ильбарс-хану)».]

57 [Походы Шах Мурада на Мерв[1]]

Дин Насир-бий, сын Шах Мурад-бия, при жизни своего отца был правителем города Мерва. Испугавшись своего брата Хайдера, он прибыл к персидскому шаху, а оттуда отправился в Стамбул и в 1246 г. х. (1830 г.) уехал в Москву.

Мухаммед Хусейн-бек, сын Шах Мурад-бия, после смерти отца, испугавшись своего брата, бежал в Шахрисябз, где находится и сейчас (1233 г.х. — 1817/18 г.). Спустя год после прихода Шах Мурада к власти, его брат Тох-

[1] Ср. подробный пересказ этой главы у В. А. Жуковского, цит. соч., стр. 83—88.

тамыш-бий устроил на него покушение, которое не удалось, и Шах Мурад остался живым.

Шах Мурад решил покорить Мерв и убить Байрам Али-хана, по поводу 58
чего каждый месяц устраивал совет.

Байрам Али-хан, услышав о смерти Даниял-бия, послал нескольких своих приближенных в Бухару с соответствующими подарками и соболезнованием и объявил в Мерве траур по Данияле, желая тем самым восстановить мирные отношения с Бухарой. Но Шах Мурад днем и ночью думал (о походе) и, наконец, отправил туркмен с Аму-дарьи с двумя тысячами узбекских всадников, чтобы разграбить Мерв. Словом, поднялась вражда.

Прошло уже три года, как Байрам Али стал правителем Мерва. Он имел при себе полторы тысячи всадников. Туркмены в количестве трех-четырех тысяч всадников постоянно нападали на Мерв с целью грабежа, и Байрам Али, как волк, нападающий на стадо, постоянно убивал и забирал (их) в плен.

Мать Байрам Али была туркменкой из (племени) салыров, а отец — каджаром, и среди кызылбашей не было равного ему в храбрости.

Шах Мурад-бий решился на хитрость: с шестью тысячами узбекских всадников он пошел на Чарджуй и стал бивуаком, имея в виду атаковать Мерв. Лазутчики — туркмены Байрам Али донесли ему об этом. Шах Мурад на следующий день без войска, лишь в сопровождении группы своих приближенных, вернулся в Бухару. Другой лазутчик Байрам Али, находившийся при Шах Мураде, донес Байрам Али о том, что Шах Мурад, не имея смелости напасть на него, вернулся в Бухару, и, так как лазутчик заслуживал доверия, Байрам Али поверил ему и успокоился. Шах Мурад же, прибыв в Бухару и прочтя вечернюю молитву, вернулся в Чарджуй и оттуда, не останавливаясь, быстро направился в Мерв. Четыре тысячи его войска скрылись в засаде, а одна тысяча напала на город. Была полночь, когда Байрам Али сообщили о нападении, и он поспешно стал собираться в бой. Его мать уговаривала его подождать до утра, ссылаясь на виденный ею дурной сон, но Байрам Али не согласился на это; протрубили сигнал к походу. Сто пятьдесят всадников, во главе с Байрам Али, заняли Бухарскую дорогу, чтобы преградить путь нападающим, остальные всадники отправились по другой дороге. С наступлением утра Байрам Али встретил разбойников и саблей рассекал всякого, кто ему попадался.

Во время боя Кара-ходжа, зять Шах Мурад-бия, попался в плен и по его 59
просьбе был приведен в Байрам Али-хану, которому он сообщил о шеститысячном войске Шах Мурада, спрятанном в засаде, уговаривая его отступить, вследствие малочисленности его войска.

Байрам Али, не поверив ему, приказал убить его и начал преследовать бежавших. Вдруг с шести сторон выступили шесть тысяч всадников, окружили его, и он был убит пулей, а афганец — начальник отряда отрубил ему голову, которая была послана в Бухару для выставления на столб. Сто пятьдесят воинов Байрам Али, проспавшие пощады, были взяты в плен. После этого начался грабеж окрестностей Мерва.

Даниял-бий умер в 1148 г. х. (дата не верна). Мерв был покорен в 1200 г. х. (1785/86 г.) Тело Байрам Али было передано его матери, вследствие чего был заключен мир. Байрам Али имел трех сыновей: старший, хаджи Мухаммед Хусейн, был в Мешхеде, два других, Мухаммед Керим-хан и Мехди-хан, были в Мерве; Мухаммед Керим-хан занял место отца.

Семь знатных людей Мерва, попавшие в плен, были доставлены в Бухару. Шах Мурад предложил им принять суннитское вероисповедание. Они согласились на это и обещали по возвращении в Мерв уговорить Мухаммед Керим-хана, чтобы он уступил Мерв Шах Мураду. С подобающими подарками семеро знатных людей, представители родов, были отправлены в Мерв, где они начали уговаривать своих родичей не противиться узбекам, а лучше покориться им и тем самым избежать несчастий, так как у них нет ни силы, ни помощи, ни средств. Население города послушалось их и согласилось с ними.

60 То же самое было предложено Мухаммед Керим-хану, который, посоветовавшись со своим везпром, Мухаммед-кули-ханом, решил, что эти семь человек, попав в плен, от страха смерти сделались суннитами, заключили договор с Шах Мурадом и теперь дурно влияют на народ, поэтому необходимо их уничтожить и тем самым прекратить всякие волнения. Мухаммед Керим-хан, послушавшись Мухаммед-кули-хана, пригласил их для окончательных переговоров во дворец, куда они и пришли, не подозревая дурного замысла Мухаммед Керим-хана. Под каким-то предлогом Мухаммед Керим-хан вышел из дома, а в это время группа людей выбежала из засады, убила тех людей и разграбила их дома. Население Мерва, возмутившись поведением Мухаммед Керим-хана, обратилось к хаджи Мухаммед Хусейн-хану, жившему в Мешхеде, с просьбой приехать в Мерв. Хаджи Мухаммед Хусейн-хан немедленно прибыл в Мерв, а Мухаммед Керим-хан уехал в Мешхед. Мухаммед Хусейн-хан, опечаленный убийством семи доброжелателей, приказал палками забить до смерти везира, который был причиной (их) смерти. Хаджи Мухаммед Хусейн-хан отправил к Тимур-шаху посланников. Эмир Шах Мурад вторично с войсками подступил к Мерву, но в виду того, что вокруг города была сооружена крепкая стена и глубокий ров, город нельзя было быстро взять; кроме того, город имеет плотину, а у плотины сильную крепость, так что плотину тоже не легко было взять. Шах Мурад отправился обратно в Бухару. В это время начальник плотины был раздражен на хаджи Мухаммед Хусейна. Это произошло из-за того, что, влюбившись в цыганку (люли), знаменитую своей красотой, он похитил ее из города и увез к себе в крепость, где и предался любовным наслаждениям. Но хаджи Мухаммед Хусейн, узнав об этом, послал несколько человек из наиболее суровых чиновников с тем, чтобы они насильно отняли (цыганку) и привезли ее в город. Чиновники изругали и нагрубили начальнику (плотины), а ту красавицу отвезли в Мерв. Начальник был очень расстроен, но, не находя никакого выхода, он от ярости и злобы на (Мухаммед Хусейна) отправил через посредство купцов

Шах Мураду заявление о том, что он передается ему и подарит ему крепость у плотины. Шах Мурад, получив через купцов заявление начальника плотины, очень обрадовался и сейчас же с четырьмя тысячами молодых и сильных всадников в течение четырех суток доехал до плотины. Начальник плотины встретил его и передал ему крепость.

Шах Мурад приказал разрушить плотину, и через несколько часов Мерв остался без воды. Переселив людей из крепости и разрушив ее, они отправились в Бухару.

Плотина отстояла на 12 фарсахов от Мерва, и, как только вода ушла 61
из Мерва, заниматься земледелием стало невозможно, и появился голод. Для охраны Мерва Тимур-шах отправил пять тысяч всадников во главе с Ляшкари-ханом, в это же время началась перевозка зернового хлеба из Герата в Мерв.

Таким образом продолжалось некоторое время, и беднота города очутилась в весьма беспомощном положении и угнетенном состоянии. Так как афганский военачальник был в Мерве, Шах Мурад больше на Мерв не наступал. Постепенно отношения между Ляшкари-ханом и хаджи Мухаммед Хусейн-ханом испортились. Причиной послужило то, что сын Ляшкари-хана — Ханджар-хан завязал любовную связь с сестрой хаджи Мухаммед Хусейн-хана, и любовники без помехи проводили ночи вместе. Узнав об этом, хаджи Мухаммед Хусейн-хан начал следить на ними и, захватив их вместе, не задумываясь, нанес такой сильный удар Ханджар-хану, что он, вернувшись домой к своему отцу, умер. Получив известие о смерти Ханджар-хана, хаджи Мухаммед Хусейн-хан, растерявшись, приказал казнить свою сестру. Сердар Ляшкари-хан, разгневанный ужасным поступком хаджи Мухаммед Хусейна-хана, приказал своим войскам готовиться в путь, а также объявил населению города о том, что желающие могут вместе с ними отправляться в Герат. Сколько ни просили (изменить решение), Ляшкари-хан остался непреклонным. Таким образом Ляшкари-хан с войсками и около двух тысяч дворов мервских жителей перекочевали из Мерва в Герат.

Положение мервских жителей еще более ухудшилось, и они не нашли другого выхода, как подчиниться Шах Мураду.

После этого хаджи Мухаммед Хусейн-хан услышал, что его брат Мухаммед Керим-хан, находившийся в это время в Мешхеде, намерен поехать в Бухару и подчиниться; хаджи Мухаммед Хусейн-хан раньше послал от себя несколько человек из видных лиц в Бухару просить пощады. Обрадованный эмир Шах Мурад ласково принял посланных и роздал им подарки, (после чего) они вернулись в Мерв. Затем хаджи Мухаммед Хусейн-хан вместе с знатными людьми Мерва и с подарками отправились в Бухару. В пути они были встречены посланными приближенными Шах Мурада. С большим уважением Мухаммед Хусейн-хана привезли в Бухару, и ему было пожаловано приличное помещение в чарбаге (усадьбе) Дильгуша. Этот хан полагал, что управление Мервом будет поручено ему, но через несколько

дней Шах Мурад предложил ему, чтобы для установления взаимного доверия семьи (хаджи Хусейн) хана и нескольких вельмож его переехали из Мерва в Бухару. Не имея иного выхода, хаджи Мухаммед Хусейн-хан согласился . . . и отправил в Мерв письмо о беспрепятственном переезде его
62 семьи. В эти же дни из Мешхеда прибыл Мухаммед Керим, которого также приняли с уважением.

Шах Мурад тайком отправил в Мерв пять тысяч всадников и приказал, чтобы, по выезде жены хана из Мерва всадники по тысяче человек вошли в город и пять тысяч дворов, в том числе семейство хаджи-хана, Мухаммед Керим-хана и видных лиц города, переселили в Бухару, а само войско пусть станет бивуаком в Мерве. Через несколько дней необходимо будет переселить еще две тысячи семейств с тем, чтобы во всем Мерве осталось две или три тысячи семейств.

По получении письма от хаджи-хана, его семью вместе с семьями Байрама Али-хана, Мухаммед Керим-хана и Мехди-хана отправили в Бухару. В это время войска беспрепятственно по тысяче прибыли в город и, согласно приказанию (Шах Мурада), отправили население Мерва в Бухару. В Мерве осталось всего три тысячи семейств, из них тысяча была сунниты и две тысячи кызылбаши. Правителями Мерва были назначены братья Шах Мурада Омар-бий и Фазиль-бий.

(Таким образом) переселили около 15 тысяч мервцев, и Мерв попал в руки Шах Мурада. Он восстановил плотину, но все же благосостояние Мерва не было таким, как прежде. В течение двух лет Омар-бий и Фазиль-бий были правителями Мерва, но затем, поддавшись влиянию туркмен, начали бунтовать.

Шах Мурад (снова) привел войско из Бухары, но не смог взять (Мерва), захватил плотину и, разрушив ее, вернулся в Бухару. Дело о захвате Мерва, о бунте населения и о бегстве Омар-бия будет изложено дальше.

За преступное поведение мервцев и их властей Тимур-шах начал наступать на Балх, навстречу же ему выступил Шах Мурад. Некоторое время между ними продолжались переговоры, наконец они заключили мир. Об этом столкновении я рассказал в главе «о Тимур-шахе», и нет нужды повторять это.

Взбунтовавшийся Омар-бий хотел разграбить мервцев и предоставить продовольствие туркменам. Узнав об этом, жители города сейчас же закрыли ворота города, чтобы туркмены не смогли войти, и, собрав около двух тысяч пеших, напали на цитадель, где находились Омар-бий и Фазил-бий. и при помощи пороха взорвали и подожгли ворота цитадели. Омар-бий не выдержал. В первый день мервцы арестовали около трехсот бухарцев и вместе с кази мухтасибом продолжали наступление на цитадель.

63 Омар-бий просил пощады, но он требовал, чтобы ему разрешили вместе с сыновьями и Фазил-бием беспрепятственно выйти через внешние ворота, ведущие из цитадели. Мервцы дали согласие, и Омар-бий и Фазиль-бий вместе с детьми вышли и через степь добрались до Шахрисязба. После их

отъезда мервцы послали в Бухару гонца с заявлением о бегстве Омар-бия и о своей преданности. Открыв двери дома, где были арестованы триста человек, они только одного нашли в живых — все от жажды и жары погибли. Шах Мурад, получив добрую весть, остался доволен мервцами и, назначив правителем (хаким) Мерва Бедиль-мирзу, а Мухаммед Эмина сипахсаларом, отправил их с пятью тысячами всадников в Мерв.

Таким образом, Мерв был завоеван вторично. Наследники погибших бухарцев протестовали, заявляя, что население Мерва умышленно арестовало их отцов. Шах Мурад ответил, что они все были бунтовщиками, и потому их кровь не стоит запроса. Не удовлетворившись этим, еще тысячу дворов переселили из Мерва в Бухару. Через год Шах Мурад-бий поручил управление Мервом своему сыну Дин Насир-беку, мать которого калмычка, а его везиром назначил Абд-ур-расуль-бека, сына Уткур Суфи, кушбеги. Плотина Мерва была восстановлена вновь. Имея подозрение на своего брата Султан Мурад-бия, он выселил его из Бухары. Султан Мурад через Герат и Кандагар поехал в Кабул к Тимур-шаху.

Шах Мурад-бий имел трех сыновей, из них старший был эмир Хайдер-тёре, мать которого была дочерью Абуль-Фейз-хана. После смерти первого мужа Мухаммед Рахим-хана она вышла замуж за Шах Мурада, от которого родила эмира Хайдера. Как только эмир Хайдер достиг зрелого возраста, отец отдал ему в управление (город) Карши; Дин Насира отправил в Мерв, а управление Самаркандом отдал (третьему сыну) Мухаммед Хусейн-хану, сам же ежегодно отправлялся в Иран и производил там грабежи. В его эпоху господствовал шариат, и Бухара процветала и являлась духовным центром; дороги были безопасны, и люди жили спокойно, пользуясь льготами. Шах Мурад постоянно беседовал с учеными и духовными лицами, и его поведение соответствовало законам шариата.

Хаджи Мухаммед Хусейн-хан мервский, чувствуя страх, распродал тайком земли, порученные (ему) Шах Мурадом, а сам, улучив удобный момент, уехал в Шахрисябз, откуда через Коканд, Кашгар, Тибет, Кашмир прибыл в Кабул, где в это время господствовал Заман-шах. После этого Хусейн-хан через Кандагар, Систан и Кухистан направился к Фатх Али-шаху, каджару, и, будучи умным и догадливым человеком, добился высокого положения. Теперь, т. е. в 1233 г. х. (1817/18 г.), он находится в Тегеране, а семья его осталась в Бухаре. Мухаммед Керим-хан также, оставив свою семью в Бухаре, убежал к шаху Ирана. Шах Мурад выказывал ласковость 64
и уважение по отношению к мервцам и потомкам Байрам Али-хана, чем они были довольны и приняли суннитскую веру.

[Царствование эмира Хайдера, сына Шах Мурада] 68 и 70

С приходом эмира Хайдера к власти, правление Мерва осталось в руках того же самого Дин Насир-бека, назначенного его отцом... Спустя некоторое время Дин Насира потребовали в Бухару, куда он беспрепятствен-

но съездил и затем снова был назначен правителем Мерва. Но при втором требовании приехать в Бухару, Дин Насир, боясь своего брата, отказался, и вынужден был вместе со своей женой отправиться в Мешхед.

С 1233 г. х. (1817/18 г.) Дин Насир находился в Мешхеде и раз в год ездил в Тегеран. В 1245 г. х. (1829/30 г.) он приехал в Стамбул, откуда через год, т. е. в 1246 г. х. (1830/31 г.) уехал в Москву.

71, 72 и 73 В 1219 г. х. (1804/05 г.) Эльтузер-хан из Хивы совершал набеги на окрестности Бухары. Так как эти налеты повторялись без конца, эмир Хайдер послал против него 30-тысячное войско, во главе с Мухаммед Нпяз-бием. Услышав об этом, Эльтузер-хан стал готовиться к бою. В число 12-тысячной его армии входили теке, йомуты, салыры, чоудоры, имрели, бузачи, узбеки (в частности), конграты, канглы и мангыты. По пути он узнал, что часть войска эмира Хайдера находится позади, поэтому Эльтузер-хан отправил две тысячи всадников из туркмен,чтобы загородить дорогу оставшимся (частям). Сын бухарского дадха с пятьюстами всадников наткнулся на туркмен и, не имея силы для борьбы с ними, все они попали в плен, в том числе и сын дадха, и были отведены к Эльтузер-хану.

В результате неожиданного нападения войск эмира Хайдера, Эльтузер-хан был разбит и утонул при переправе через Аму-дарью. После поражения Эльтузер-хана правление Хивы попало в руки Мухаммед Рахим-хана.

Но население Ургенча[1] не единодушно с Бухарой. Иногда Мухаммед *76* Рахим-хан приказывает туркменам, чтобы они совершали набеги на бухарские караваны. До сего времени, т. е. до 1233 г. х. (1817/18 г.), положение остается таким же.

На той стороне Аму-дарьи, где находится Чарджуй, на протяжении пятидневного пути на берегу реки сплошь проживают туркмены. Наименование племен туркмен следующее: эрсари, сарык, бакан (?), салыр, теке, имрели, чоудор, хедри, мангыт. Арабы делятся на племена: араб-хузейма, араб-бени-темим, араб-бени-зейд и другие племена, которые не перечислимы. В местностях Миянкаля и в окрестностях Самарканда, можно сказать, племена (кочевые) превышают городское население.

80 **[О династии хивинских ханов]**

Эвез-бий после смерти своего отца Мухамед Эмина, инака, (также) стал инаком. Во время его правления йомуты отказывались от уплаты податей. Кроме того, все туркмены, йомуты Мангышлака и казахи не подчинялись ему. После смерти Эвез-бия в 1219 г. х. (1804/05 г.) власть перешла к его сыну[2] Эльтузеру, который вскоре объявил себя ханом.[3] Со всей страны племена туркмен, кара-калпаков и узбеков целыми отрядами приезжали

---

[1] Т. е. Хивинского ханства.

[2] В тексте «брату».

[3] Подробные данные об этом периоде хивинской истории см. ниже в переводах хивинских хроник.

поздравлять его, но йомуты, которые, живя в Ургенче в течение 60 лет, не подчинились хивинским ханам, посмеялись над Эльтузер-ханом и выказали неповиновение.

Эльтузер-хан после восшествия на ханский престол выдал содержание войскам и отправился для погрома йомутов, которые проживали на краю пустыни в сторону Астрабада — территории Ирана и Гюргена, находящихся к югу от города Хивы.

Некоторые из них жили оседло, большинство же были кочевниками. Их было приблизительно 12 тысяч семейств. Каждая семья выставляет двух всадников, они имеют породистых лошадей и хорошо владеют пикой и саблей.

Итак, данное племя разбилось на две части. Одни (решили) подчиниться, говоря: «Мы не можем оставлять родину своих предков и как мы можем жить в чужой стране!». Часть их отказалась подчиняться потому, что Эльтузер-хан предложил им: «Если вы откажетесь от своих набегов, неповиновения и грабежей и будете жить как другие подданные, уплачивая подати с баранов, верблюдов и земледелия, то хорошо, в противном случае уходите из нашего государства». Но так как данное племя и их предки похищали имущество мусульман и никому ни одного гроша не давали, то предложение (Эльтузер-хана) оказалось для них непосильно тяжелым, (и потому) они, наподобие змеи, затаились в злобе,[1] но выхода никакого не имели. Подчинившиеся откочевали в одну сторону, а неподчинившиеся отправились в сторону пустыни по дороге в Астрабад, — что во владениях иранцев.

Эльтузер-хан с войском стал их преследовать и с 400 всадниками приблизился к йомутам. Йомуты отправили своих жен вперед, а сами остались воевать. Их было около двух тысяч, а войска Эльтузер-хана отрядами подходили с тыла. Эльтузер-хан, не дожидаясь подхода войск, с 400 вполне снаряженных всадников напал на неприятеля. (Группа туркмен), не выдержав удара Эльтузер-хана, рассыпавшись наподобие звезд Большой Медведицы, обратилась в бегство, чтобы добраться до своих жен (ехавших впереди). Эльтузер-хан, как яростный лев, догнал их и около пятисот человек изрубил саблей, а еще пятьсот были ранены и взяты в плен. Войска, идущие позади, подоспели, и в той широкой степи вероломная шайка, рассеянная и разбитая, пустилась в бегство, а Эльтузер-хан с большой добычей победоносно прибыл в Хиву.

[На стр. 84 — о йомутах рассказывается следующее:]

Эльтузер-хан, не находя поддержки (для своих грабительских целей) и решив совершить нападение на Бухару, послал к йомутам в Астрабад гонца с клятвами и уверениями сказать: «Вместе со своими семьями и родом возвращайтесь (обратно) на родину своих предков, вам мы окажем ласку и любовь и имеем в виду (некоторые) советы с вами, вы будете участвовать

---

[1] Одно из выражений, ярко характеризующее тенденциозность бухарского историка.

в пользовании нашим богатством». (Йомуты) радостные и веселые начали возвращаться обратно.

Итак, упомянутое племя группами направилось в Ургенч. (Эльтузер-хан) опять вручил им их прежние владения, чтобы они занялись земледелием.

После Эльтузер-хана в 1221 г. х. (1806 г.) власть перешла в руки Мухаммед Рахим-хана, которому подчинились и йомуты.

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в.

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в.

(Извлечения из „Насих-ут-таварих" („Тарих-и-Каджарийе"), сочинение Мирза Мухаммед Таги-хана, *перевод Н. ДЬЯКОНОВОЙ*; **„Тарих-и-мунтазам-и-Насири", сочинение Мухаммед Хасан-хана,** *перевод К. Н. ФРЕЙТАГА*; **„Матля-уш-шамс", сочинение Мухаммед Хасан-хана,** *перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА*; **„Ма'асир-и-султанийе", сочинение Абд-ур-Резака,** *перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА*; **„Сафарат-намэ-и-Хорезм", сочинение Риза-кули-хана,** *перевод А. А. РОМАСКЕВИЧА*; **„Рузнамэ-и-Хаким-уль-Мамалик" дневник шаха Насир-уд-дина,** *перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА*)

БОРЬБА ХОРАСАНСКИХ ЭМИРОВ С ТУРКМЕНАМИ АСТРАБАДСКОЙ ОБЛАСТИ И УЧАСТИЕ ТУРКМЕН В ВОССТАНИИ ЮСУФА-ХОДЖИ

В это время (1218 г. х.—1803/04 г.) Мухаммед Вели-мирза, наместник Хорасанского края, представил такого рода письменный доклад о борьбе с туркменами племени теке: «Я назначил Хусейн-хана, каджара, Казвини, сердара Хорасана, с отрядом храбрецов для разгрома и уничтожения этого племени. В воскресенье восемнадцатого числа месяца раби II (7 августа 1803 г.) оба войска встретились на берегу р. Теджен, и загорелся бой. Битва была долгой, но в конце концов туркмены были разбиты. Некоторая часть их попала в плен, другая часть была перебита, а бывших долгие годы в плену (у туркмен) освободили, добро и имущество их (туркмен) было разграблено».

В результате (этого похода) пятьсот туркменских голов были повергнуты в прах дороги на стоянке Тахт-и-таус перед великолепным престолом падишаха («Насих-ут-таварих», стр. 75).

Племя йомутов и гёклен обитает на берегу р. Гюргена и подчиняется правителю Астрабада; они владельцы пастбищ и кочевий, они налогоплательщики каджарского государства и подчиненные его приказам и запрещениям. В это время к шаху поступила жалоба от правителя Астрабадской области на дурные поступки этого злополучного племени.

Победоносный шахский кортеж счастливо и благополучно выехал из Тегерана, с намерением совершить поездку по Мазандеранской области и достойно наказать бунтовщиков. Армия двинулась по направлению к Астра-

баду, а оттуда направилась на стоянку Кара-шейх, которая была постоянным местожительством туркмен. По приказу шаха, победоносное войско пошло на то племя (туркмен), и запылали их кибитки от огня грабежа, их жены, дочери и сыновья стали пленниками и невольниками храбрецов-победителей. Оставшиеся в живых, в страхе за жизнь, просили пощады и согласились платить налоги. Знатные из них, с домочадцами, явились униженными в Тегеран ко двору, остальные же обязались служить правительству.

Победоносный же кортеж отправился на луга Кальпуша и к Али-булакскому источнику, где занимался охотой[1] («Ма'асир-и-султанийе», стр. 91).

«В этом году (1218 г. х. — 1803 г.) беглербеги астрабадский прислал ко двору донесение о разбоях и бунтовстве саин-хановских туркмен и жаловался на них. Поэтому Фатх Али-шах выступил из Тегерана по направлению к Сари и Кара-тепе и остановился лагерем на стоянке Кара-шейх, а его победоносные войска пошли грабить эти племена и забирать там пленных. Туркмены, увидев, что дело плохо, начали просить пощады и изъявлять покорность. Поэтому шах переехал из Кара-шейха на Кальпушские луга и занялся там развлечениями и охотой» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 79).

В этом же году (1219 г. х. — 1804 г.) прибег к защите и покровительству Фатх Али-шаха эмир Насир-уд-дин-тёре, правитель Мерва.

Мир Ма'сум, известный под названием Шах Мурада, по прозвищу Бекджан, был сыном Данияль-аталыка, сына Рахим-хан-аталыка, сына Хаким-аталыка, который победил правившего в Бухаре чингизида Абуль-Фейз-хана и воцарился там сам. В царствование Ага Мухаммед-шаха он (Мир Ма'сум) одержал верх над каджаром Байрам Али-ханом иззуддинлю, наследственным правителем Мерва, которым и сам он и его предки правили еще со времени сефевидов, убил его и разорил Мерв. Ага Мухаммед-шах грозил тогда ему возмездием и намеревался выступить против него, но этому помешала тогда ужаспая шушинская трагедия (убийство Ага Мухаммед-шаха в Шуше). Одним словом, после Бекджана осталось двое его сыновей — эмир Хайдер-тёре, который правил Бухарой, и эмир Насир-уд-дин-тёре, который правил в Мерве.[2] В этом году эмир Хайдер-тёре вознамерился изничтожить своего брата, поэтому эмир Насир-уд-дин-тёре обратился через посредство принца Мухаммед Вели-мирзы, правителя Хорасана, к шаху с просьбой о защите и покровительстве. Шах, назвав его своим сыном, послал ему украшенный драгоценными камнями венец и отдал принцу Мухаммед Вели-мирзе повеление оказать эмиру Насир-уд-дин-

---

[1] Автор «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» говорит об этом, сообщая о карательной экспедиции против саин-хановских туркмен.

[2] Абдул Керим бухарский (см. выше) называет последнего Дин Насир-беком.

тёре поддержку и помощь. Тот возвратился теперь в Мерв в полном удовлетворении («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 82).

. . . В этом году (1220 г. х. — 1805 г.) туркмены Серахса, Теджена и Ахала принялись по своему обычаю за грабежи и набеги, поэтому принц Мухаммед Вели-мирза получил приказ совершить против этих племен карательную экспедицию, и ему на помощь были отряжены также некоторые из военачальников шахской армии. Столкновение с туркменами у них произошло в месяце раби II этого года в окрестностях р. Теджен. Туркмены понесли крупные потери, и победоносному воинству досталась обильная добыча (там же, стр. 85).

В этом же году (1223 г. х. — 1808 г.) в Мешхед прибыл из Мерва с тысячью мервских семейств эмир Насир-уд-дин-тёре, сын Ма'сума Бекджана.

Пояснение. Правитель Бухары эмир Хайдер вследствие обращения эмира Насир-уд-дина, правителя Мерва, к шаху Ирана за покровительством заподозрил его, привел войско на Мерв и разрушил мервскую плотину. Жить в Мерве стало тяжело. Эмир Насир-уд-дин сообщил об этом правителю Хорасана — принцу Мухаммед Вели-мирзе, а тот доложил шаху. Последовал приказ: наибу Мухаммед-хану итти в Мерв и привезти оттуда эмира Насир-уд-дина с каджаром Мухаммед Шериф-ханом мервским, племянником хаджи Мухаммед Хусейн-хана, иззуддинлю, и тысячью всадников в Мешхед. Эмир Насир-уд-дин, после того, как он поселился в Хорасане, породнился с принцем Мухаммед Вели-мирзой, а через некоторое время поехал в путешествие в Турцию и в Россию. В России он и умер (там же, стр. 91).

В этом же году (1224 г. х.—1809 г.) вследствие разбоев текинских туркмен правитель Хорасана Мухаммед Вели-мирза отправился в месяце джумади II (июль) с хорасанскими военачальниками в Хаверанскую степь, т. е. по направлению к Неса, Абиверду, Рунэ, Мехнэ и вообще в те места. Он наказал там разбойничающих туркмен и привел их к покорности. На долю солдат принца досталась добыча в виде некоторого количества скота (там же, стр. 94).

В 1224 г. х. (1809 г.), когда шахзаде Мухаммед Вели-мирза с целью наказать туркмен сделал набег до Мерва и вернулся в Мешхед победителем, Мирза Риза-кули Неваи, Мунши-уль-мамалик, назначенный везиром Хорасана, преподнес шахзаде почетный халат («Матля-уш-шамс», стр. 353).

В этом же году (1224 г. х — 1809 г.) туркмены, жившие на берегу реки Теджен, снова начали совершать нападения на места, по которым проходили мусульмане. Шахзаде Мухаммед Вели-мирза взял с собой хорасанских эмиров, разбил палатки многочисленного войска и до земель Несы, Абиверда, Рунэ и Мехнэ — все окрестности реки Теджена подверг грабежу и расхищению. Много туркмен пало от его меча; множество их он сделал (своими) пленниками. На долю воинов досталась приличная добыча, в общей сложности состоящая из ста тысяч голов овец. Много (туркмен) было обезглавлено, а головы их были посланы ко двору шаха («Насих-ут-таварих», стр. 105»).

Восстание ходжи Юсуфа Кашгарского и роль туркмен в этом событии

Фатх Али-шах отдал приказ, чтобы воины со всех концов государства пришли ко двору. Решив (совершить) поход в Азербайджан, шах в четверг девятнадцатого числа месяца джумади I (14 мая 1813 г.), (выйдя) из Тегерана, разбил палатки в саду Нигаристане. В это время стало известно о восстании Юсуфа кашгарского.[1] Юсуф кашгарский был сыном Мухаммед Эмин-ходжи, а тот — сыном Ай-ходжи, а Ай-ходжа ведет свой род от Махдум-и-А'зама, который был знаменит во всем Туркестане, и люди приносили к нему прошения и у него искали справедливости и наставления на истинный путь.[2] Народ Туркестана называл его детей и внуков сейидами Махдум-и-А'зама.

Кашгар—это страна, с одной стороны граничащая с территорией Бадахшана, а с другого края примыкающая к китайской земле.

Восемь славных городов как Кашгар, Яркенд, Ак-су, Иле,[3] Хотан, Камул[4] и Турфан находятся в этих землях.

Племена калмыков, которые близки к монголам, в количестве трехсот тысяч семейств, обитали между территорией Китая и Кашгара и причиняли беспокойство людям Кашгара.

Случилось так, что однажды некто из детей Махдум-и-А'зама отправился в Кашгар и людей этой страны из лона идолопоклонства обратил к вере ислама, и калмыцкие племена, подчинившись его власти, перестали беспокоить кашгарцев.

Когда он покинул этот свет, то дети его — Ай-ходжа и Кун-ходжа — обрели величие отца. Ай-ходжа водворился на царском троне, а Кун-ходжа занял престол руководства по пути истины.

---

[1] Автор «Ма'асир-и-султанийе» Неджеф-кули Абд-ур-Реззак называет его Ходжа Мухаммедом кашгарским и говорит, что он был «из китайских принцев». См. «Ма'асир-и-султанийе», стр. 313.

[2] Махдум-и-А'зам — почетное прозвище одного из известных туркестанских мистиков, носившего имя Мауляна Ходжаги Касани, умершего в 949 (1542/43 г.).

[3] Около современной Кульджи.

[4] Т. е. Хами.

В это время люди Китая увидели много вреда от правления Ай-ходжи и набегов калмыцкого племени, так что падишаху Китая поневоле пришлось решиться на войну. После многочисленных битв он разбил калмыков и победил Ай-ходжу.

Оба брата волей-неволей обратились в бегство и направились в Бадахшан.

Падишах Китая соблазнил Султан-шаха, бывшего повелителем Бадахшана, большим количеством серебра и золота, так что тот пригласил обоих ходжей к себе в гости, обезглавил их и головы послал к падишаху Китая.[1]

Мухаммед Эмин-ходжа, сын Ай-ходжи, бежал в Кабул, а Ахмед-шах, абдали, афганский,[2] взяв с собой войско, в отомщение за ходжей завоевал Бадахшан. Взяв в плен Султан-шаха (стр. 126) он предал его в руки Мухаммед Эмин-ходжи, чтобы тот в отмщение за дядю и отца отрубил ему на городской площади Кабула голову с плеч, а тело его распял.

Затем Мухаммед Эмин-ходжа совершил путешествие в Бадахшан, где утвердился на престоле руководства на пути к истине. Когда же он простился с миром, сын его Юсуф-ходжа занял место отца. Но случилось так, что звезда его стала неудачной и судьба несчастливой.

Он совершил путешествие в Египет и оттуда, идя по горам и по долам, вернулся в Шахризур. Ему удалось обольстить Абд-ур-рахман-пашу, и когда он отправился в Багдад, то вступил в сношения с Асад-пашой, сыном Сулейман-паши. Абдалла-паша, исполнявший в это время должность багдадского

---

[1] Более подробно об этих событиях см. В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, СПб., 1873, стр. 355 и сл.

[2] Основатель нынешнего афганского государства. Ахмед-хан, абдали, ставший впоследствии (1747—1773 г.) шахом, был сыном Заман-хана из афганского рода садозай, захватившего власть над племенем абдали. Родился около 1722 г. Еще очень молодым человеком он занял видное положение при Надир-шахе, который под конец своей жизни, питая подозрительность и недоверчивость к шиитам, опирался на узбеков и афганские племена, в особенности на племя абдали. Немедленно после насильственной смерти Надир-шаха в 1747 г. Ахмед-хан с отрядом абдали направился в Афганистан, захватил Кандагар, был провозглашен шахом предводителями абдали и других племен и присвоил себе титул «Дурр-и-дурран» — «Жемчужина жемчужин», откуда и получилось «дуррани» — новое имя племени абдали. Считая себя, повидимому, наследственным владетелем восточной части державы Надир-шаха, Ахмед-шах в течение своей жизни совершил семь походов в Индию, где ему пришлось вести борьбу с сихами и махраттами; последние в 1760 г. при Панипате потерпели полный разгром. Материальные блага, доставшиеся Ахмед-шаху в Индии, позволяли ему не слишком сильно нажимать налоговый пресс, и это вместе с его личными качествами способствовало широкой популярности и симпатиям, которыми он пользовался среди всех афганских племен. Не обладая достаточными и надежными средствами, Ахмед-шах не мог закрепить за своим государством результаты своих походов и благоразумно ограничил его пределы, уйдя под давлением сихов из Пенджаба, признав независимость Белуджистана (находившееся в вассальном подчинении ему Келатское ханство), предоставив иранцам Хорасан за исключением Герата, но сохранив за собой контроль над всеми неафганскими племенами — таджиками, хезаре и др. Longworth Dames в Enzyklopaedie des Islām, I (1913), p. 214—216.

везира, признал Юсуфа-ходжу причиною смуты и, арестовав его, передал английскому консулу, а консул переправил его, как заключенного, в Индию.

В Бомбейском порту Юсуф-ходжа ускользнул из рук стражей и бежал в Басру, а из Басры в Шираз и оттуда явился в столицу Тегеран. Так как его имущество и добро было разграблено во время военных операций шахзаде Мухаммеда Али-мирзы в Шахризуре, то он по ходатайству хаджи Мухаммеда Хусейна-хана, каджара мервского, получил от венценосного государя приказ, согласно которому разграбленное имущество было востребовано обратно.[1]

Он вступил также в сношения с мирзой Мухаммедом Шафи Садр-и-азамом и со многими из высших чиновников завязал дружеские отношения, и порою искусно игрывал с ними в шахматы. Бывало так, что он во время упоминания имени бога в течение целого часа сидел, затаив дыхание; в помыслах же своих он имел, если только окажется возможным, добиться царской власти, и на своем перстне он начертал следующие стихи: «Лишь только Ай-ходжа вошел в рай из этого мира — его преемником стал Юсуф-ходжа — „победоносный“».

Во время пребывания своего в Тегеране (Юсуф-ходжа) вступил в соглашение с Курбан Клыч-ханом, туркменом-йомутом, и, закупив разнообразные военные и боевые припасы, послал их в Гурганские степи. И тогда, тайно от людей, сел на коня и с быстротой молнии и ветра поспешил в степи Гургана. Собрав вокруг себя в короткий срок большой отряд из племени гёклен, он напал на земли Фендереска,[2] осадил крепость Песерек и без труда

---

[1] Неджеф-кули Абд-ур-Реззак эпизод с Абд-ур-рахман-пашей рисует несколько иначе. По рассказу Абд-ур-реззака, ходжа Мухаммед (Юсуф-ходжа) после бегства из Египта прибыл в Сулеймание и Шахризур, после чего сделал своим духовным приверженцем правителя Бамиана Аб-ур-рахман-пашу, который вскоре вместе с Юсуфом-ходжой завладел Багдадом. Вскоре багдадцы изгнали, по приказу из Константинополя, Абд-ур-рахман-пашу и Юсуф-ходжу, и оба они вернулись в Сулеймание.

Далее говорится, что:

«Вследствие смуты Абд-ур-рахман-паши, испортились союзные отношения, которые были между Константинополем и Ираном. Его величество шаханшах назначил принца Мухаммед Али-мирзу для прекращения вражды и уничтожения Абд-ур-рахман-паши.

Войско принца устремилось на него (Абд-ур-рахман-пашу), и он бежал. Вилайет же его был дочиста ограблен до пределов Зохаба и окрестностей Багдада. Все имущество ходжи Мухаммеда тоже было разграблено, и он поспешил в Тегеран, где нашел хаджи Мухаммед Хусейн-хана мервского, с которым он прежде дружил; он сделал его своим ходатаем и, взяв у него заявление для принца Мухаммед Али-мирзы, возвратился в Керманшах.

Принц, из уважения к хаджи Мухаммед Хусейн-хану, отобрал у солдат имущество ходжи и возвратил ему» («Ма'асир-и-султанийе», стр. 314).

[2] Самый восточный из семи булюков Астрабадской провинции, между булюком Катуль на запад и Нардином и территорией туркмен гёклен на восток; булюк хорошо орошен притоками р. Гюргена, лежит в густо заросшей лесом местности, хотя

взял ее. А с другой стороны, обольстив мирзу Али Накы-хана фендерескского, перемапил его к себе и отправил к сыновьям Удадбай-хана, туркмена из (племени) гёкленов, на берега Гюргена, чтобы отмстить за кровь своего отца. Тогда он начал непрестанно грабить и разрушать в округе Астрабада все, что мог и умел.[1]

Такое положение вещей стало известно находившемуся в то время в Нигаристане шаху Ирана. Он немедля отдал приказ шахзаде Мухаммед Вели-мирзе, правителю Хорасана, двинуться со стороны Джаджерма и дать решительный отпор племенам гёкленов; шахзаде Мухаммед-кули-мирзе табаристанскому приказал достойным образом воздать (паходившемуся) на землях Астрабада племени йомутов; Ибрахим-хана, девелю каджара, с пятью тысячами пехо-

низкие места расчищены и возделаны. Булюк представлял до самого последнего времени наследственное ханство, где правили потомки мир Абуль-Касима Фендерески (Мир-и-Фендерески), врача и философа, умершего в Исфагане в 1641 г. Население булюка свыше 20 000 душ. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, p. 82; Л. А р т а м о н о в. Астрабад-Шахрудский район, стр. 80.

[1] Причины успеха Юсуфа-ходжи у туркмен и активная поддержка ими ходжи объясняются иранскими историками различно. Автор «Ма'асир-и-султанийе» Неджеф-кули Абд-ур-Реззак объясняет это доверием туркмен к дервишам и произволом наместника. После возвращения в Тегеран Юсуф-ходжа (ходжа Мухаммед) отправляется на родину и появляется на территории туркмен. Затем мы читаем следующее:

«В это время астрабадские туркмены были выведены из терпения дурным обращением Мирзы Рази мазандеранского, везира принца Мухаммеда-кули-мирзы, и доведены до раздражения; так как у туркмен сохранилась вера к дервишам, то они выказали ему (ходже Мухаммеду) преданность мюридов и начали грабеж и кровопролитие в Астрабаде и Мазандеране. Произошли большие бои между этим племенем туркмен и правительственным войском.

Туркмены, потерпев поражение, бежали, ходжа Мухаммед во время боя был убит, и смута туркмен прекратилась. Они каялись в своих делах и поступках среди полного срама и в страхе шахского нападения нашли для себя закрытыми двери спасения и не торопились с повинной, пребывая в полнейшем унижении и растерянности.

Шах назначил правителем Астрабада прежнего его правителя, Мухаммед Заман-хана, каджара, «угодного туркменам за хороший нрав» («Ма'асир-и-султанийе», стр. 315). С другой стороны, в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» мы находим любопытную сентенцию об «обольщении» ходжой простого народа:

«. . . В это время (1228 г. х. — 1813 г.) Юсуф-ходжа кашгарский, из потомков туркестанских ходжей, который много лет странствовал по разным городам и странам, отправился по подстрекательству туркмена Курбан Клыч-хана в кочевья гёкленов и йомутов и занялся там обольщением простого народа. Собрав вокруг себя горсть глупцов, он возмечтал сделаться завоевателем царств, осадил Фендерескскую крепостцу Песерек и зазвал предательски даругу гёкленов мирзу Али Накы-хана фендерескского на окраину степи, где тот и был убит сыновьями гёклена Бай-хана. После этого Юсуф-ходжа кашгарский уже беспрепятственно завладел крепостцой Песерек. Когда известие об этом дошло до сведения шаха, шах послал приказ правителю Хорасана принцу Мухаммед Вели-мирзе и правителю Мазандерана принцу Мухаммед-кули-мирзе выступить против племени йомутов и подвергнуть их каре и примерному наказанию. Принц Мухаммед Вели-мирза выступил, и Юсуф-ходжа поспешно бежал. Принц дошел быстрым маршем до Атрека, захватил много скота и пленных, а в Кара-шейхе примерно наказал туркмен» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 101).

тинцев и всадников назначил совершить нападение на Гюргеп. Исмаил-хан, каджар шамбаяти, и Зуль-фекар-хан'сердар Семнана, с испытанными в бою войсками проделали путь на равнине Кальпуша. Тогда шахский стан двинулся, в понедельник двенадцатого джумади II 1228 г. х. (12 июня 1813 г.) достиг равнины Султанийе и стал там лагерем. В этот же день шахзаде Мухаммед Такы-мирза, правитель Буруджирда и Джапалака, присоединился к царскому войску.

Под конец, согласно приказу, шахзаде Мухаммед Вели-мирза выступил из священной земли (Мешхеда) с стень, а Исманл-хан шамбаяти и Зульфекар-хан соединились с его войском; они совершили такой набег, что туркменам собственная кожа стала тюрьмой. Многих из них они убили, множество взяли в плен, кашгарский ходжа бежал, так что никто не знал ни имени, ни примет его.

Далее, шахзаде двинулся в Хорасан, а Мамыш-хана, сына Эмирхана, курда из племени зафараплю, с тысячью пятьюстами пленными туркменами и тремя стами пятьюдесятью вражескими головами направил к престолу государя. В четверг, девятого числа месяца раджаба 1228 г. х. (8 июля 1813 г.) он явился в Султанийе и все это представил пред тропом. Венценосный государь, сопровождаемый приближенным гулямом Али Мердан-беком, пожаловал шахзаде мечом, ножны которого были усыпаны драгоценными камнями, а хорасанских вельмож в отдельности также наградил почетным платьем.

Ходжа Кашгарский, после возвращения шахзаде Мухаммеда Вели-мирзы в Мешхед, снова поднял голову из своего темного угла и снова, собрав большое войско из туркмен, йомутов и гёклен, пошел на Астрабад.

Об этом узнал шахзаде Мухаммед-кули-мирза и выступил со своим войском из Астрабада на войну с ними, а Ибрахим-хана, каджара девелю, с отрядом командировал на ту сторону Гюргена.

Пятнадцатого числа месяца рамазана 1228 г. х. (11 сентября 1813 г.) Юсуф-ходжа вышел с двадцатью тысячами ратных людей и выставил против шахзаде стройные ряды, а сам перед фронтом, засучив по локоть рукава, бросался с копьем с юга и севера; он же первый хлестнул коня и вышел на поле битвы и до берега Гюргена не натягивал удил. Вслед за ним проявили храбрость и туркмены, кинулись в атаку и так разгромили войско шахзаде, что многие из его воинов в ужасе и панике бросились в воду и погибли.

В это время один человек из племени керайли, хорошо знавший ходжу кашгарского, увидел его, немедленно вскочил с места и выстрелил в него из своего ружья. Юсуф-ходжа свалился с коня и испустил дух.[1]

Так как шах Бадахшана обещался клятвенно в воздаяние за кровь Султан-шаха, своего отца, всякому, кто представит ему голову Юсуф-ходжи, подарить множество серебра и золота, то среди туркмен произошли большие пререкания над трупом Юсуф-ходжи, и много народу было перебито;

[1] Этот эпизод дан также в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 105.

в конце концов они взяли его голову и унесли к себе, а иранцы прогнали через него лошадь, и взяв его перстень вместе с бывшим у него за поясом кинжалом принесли к шахзаде, а он послал их к шаху[1] («Насих-ут-таварих», стр. 123—128).

В этом же году (1228 г. х. — 1813/14 г.) принц Мухаммед Вели-мирза был вызван из Хорасана в Тегеран, и предполагалось послать туда вместо него Хасан Али-мирзу, но потом шах нашел, что это будет противоречить интересам государства и потому править Хорасаном отправили опять Мухаммед Вели-мирзу. В этом же году было признано весьма важным покарать те туркменские племена, которые в предыдущем году проявили свою солидарность с Юсуф-ходжей кашгарским. Поэтому было повелено отправиться в Гурганскую степь Аллаяр-хану, девелю, хаджи Риза-кули-хану, каджару, и мирахуру Иса-хану с конницей и пехотой. К этому войску присоединились также находившиеся в Кальпуше каджар Мухаммед Касим-хан, афшар Фараджулла-хан и сипахдар Юсуф-хан. Но туркмены, проведав о том, что против них двинулось шахское войско, увезли все, что у них было легкого и тяжелого, в трудно досягаемое убежище, а сами убежали («Тарих-и-муптазам-и-Насири», т. III, стр. 107).

УЧАСТИЕ ТУРКМЕН В БОРЬБЕ ХОРАСАНСКИХ ФЕОДАЛОВ С ШАХСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. ВОССТАНИЕ ГУБЕРНАТОРА АСТРАБАДСКОЙ ОБЛАСТИ МУХАММЕД ЗАМАН-ХАНА

Шаханшах Ирана Фатх Али-шах отдал приказ, чтобы со всего Ирана храбрые войска предстали перед его величеством, дабы отправиться в экспедицию в земли Фирузкуха и чтобы сановники двора внимательно следили за положением дел в Хорасане. Но Исмаил-хан Дамгани, как уже упоминалось, совместно с военачальниками, направился в Хорасан. Он остановился на несколько дней в Мешхеде, а в четверг семнадцатого раби II 1229 г. х. (8 апреля 1814 г.), построив войска, вышел из этого города.

А с той стороны Риза-кули-хан, зафараплю, Неджеф-кули-хан, шадилю, Беглер-хан, чапушлю, и Саадат-кули-хан, бугаирлы, со своими людьми подготовились к войне и в ночь на девятнадцатое раби II (10 апреля 1814 г.) совершили нападение на лагерь Исмаил-хана. Завязался бой, и много из людей Хорасана было ранено и убито. На рассвете обе стороны выстроили свои ряды. Со стороны хорасанцев двадцать тысяч человек стали в строй, а со стороны Исмаил-хана было не больше пяти тысяч.

---

[1] Повествование Сипихра о восстании Юсуф-ходжи кратко изложено В. В. Григорьевым в цит. его соч., стр. 438 и сл. Попытки некоторых авторов (напр. Ч. Валиханова) отождествить Юсуф-ходжу с Султан-ханом лишены оснований, как это видно из наших переводов хивинского автора Мунис (см. ниже).

И так они вступили в бой. Риза-кули-хан и Беглер-хан набрались смелости и, пустив коней вскачь, бросились со своим войском на ряды Амануллахана, афшара, и положили начало битве. Конница хаджевендская и абдальмеликская [1] и бахтиярская пехота напали на них, как львы, преследующие свою добычу. Поднялся грохот сражения, и прах смешался с кровью.

В конце концов хорасанцы повернули спины и обратились в бегство, а иранцы гнались за ними по пятам до границ Хабушана, забирая в плен людей и коней.

На другой день Исмаил-хан Дамгани поспешил обратно к святому Мешхеду.

В первых числах джумади I 1229 г. х. (конец апреля 1814 г.) было доложено шаху о положении вещей.

Но одиннадцатого раби II (2 апреля 1814 г.), как только войска были собраны в столице — Тегеране, венценосный царь выступил из этого города и разбил палатки в Каср-и-каджар.

(Шах) отправил эмира Мухаммед Касим-хана, каванлю, каджара, Юсуф-хана гурджи, главнокомандующего Ирака, Фараджулла, адихлю афшара, насакчи-баши, Хасан-хана сердара, каджара, казвинского с надлежащим войском, соответствующей артиллерией и обозом в земли Бастама и на равнину Кальпуша, а сам с неисчислимым войском пошел походом и стал на равнине Фирузкуха.

В это время пришло известие о восстании Мухаммед Заман-хана иззуддинлю, каджара.

Мухаммед Заман-хан был, повидимому, взыскан милостью мученически умершего шаха Ага Мухаммеда, а затем прославленный шах Фатх Али назначил его правителем Бастама и Кябуд-джамэ, а после подавления бунта ходжи (Юсуфа) Кашгарского он был пожалован чином генерал-губернатора Астрабада и туркменских племен.

Несмотря на то, что Мехди-хан Баларустаки предъявил Мирзе Шафи Садр-и-азаму претензии к Мухаммед Заман-хану, шах, согласно положениям шариата, не нашел возможным сместить его с занимаемого им места до того времени, пока он, не обнаружив явной непокорности, не обратился к крамоле и, наконец, даже предал в руки туркмен некоторых каджарских вельмож, которые были ему известны, как друзья правительства, и заключил с хорасанскими ханами письменный договор о непоколебимом единодушии и искренней дружбе. Брата своего Эмир-хана он послал в крепость Маран, а сам привлек тридцать тысяч туркмен из племени йомут и гёклен

[1] Абдальмелики — курдское (?) племя, переселенное первоначально в Дерегез, переброшенное затем в Шираз, а оттуда в Шахрияр, к западу от Тегерана. Спустя несколько лет Ага Мухаммед-шах перевел их отсюда в Нур, один из западных «булюков» Мазандерана, где они пробыли лет сорок; наконец, около 1855 г. они переселены несколько далее к востоку, около берега Каспийского моря, между устьем реки Ника и полуостровом Миян-калэ. Наделялись везде землей при обязанности нести взамен этого военную службу. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád. 1928, p. 12.

в качестве своих сторонников и единомышленников и поднял знамя восстания, намереваясь воевать и покорить страну.

В это время был захвачен в лагере один из его шпионов. Венценосный шах пощадил его жизнь с тем, чтобы он тайно распространил среди сановников, улемов и правящих людей (стр. 140) Астрабада несколько указов, содержащих следующее условие: «Если вы арестуете Заман-хана, который есть не что иное, как не имеющий разума бесноватый помешанный и со связанными руками представите нашему величеству, то будете взысканы милостью и облагодетельствованы, а если нет, то не пройдет и нескольких дней, как мужчины этой местности будут истреблены, а множество женщин и девушек будет уведено в плен».

Лазутчик отправился в путь, а падишах снялся с пастбища Фирузкуха и остановился в Али-булаке, что в Дамгане.

В это время лазутчик, приблизившись к г. Астрабаду, положил в мешок с сеном указы падишаха, подвязал к своей спине и вошел в город, пришел в дом Ага Мухсина, шейх-уль-ислама, и передал ему приказ шаха.

Шейх-уль-ислам в ту же ночь собрал в своем дворце сейидов и вельмож города и показал им угрозы и увещания, которые содержались в указах.

Собрание сочло необходимым повиноваться падишаху и единодушно согласилось противодействовать Заман-хану.

На рассвете они подняли тревогу и окружили дворец Заман-хана.

Ходили слухи, что в этот момент Заман-хан собирался в баню, но, узнав о восстании городского населения и его намерениях, он так взволновался, что забыл, что на нем одежда, и так и залез в теплую воду бассейна как был в шароварах, чалме и шапке.

Все же Заман-хан и его люди дрались целую ночь до рассвета и выказали самообладание.

В результате было убито трое из туркменских вельмож, а из йомутских вельмож Мухаммед Хусейн Яхши,[1] кучик, Адина Хасан-хан, татар, джафарбай,[2] Навруз-ходжа, кучик, Суфи Ильки и Туган Нияз-хан, яхмур, и племянник[3] Курбан Клыча, и один из родственников Вели Кафир, деведжи, попали в плен.

С другой стороны, Халиль-ага, сапанлю, каджар, был убит пулей Мухаммеда Заман-хана.

В конце концов жители Астрабада взяли в плен Мухаммеда Заман-хана, заключили его в тюрьму и оповестили государя о положении дел.

Шаханшах Ирана предписал Мирзе Юсуфу, ашрафи, заместителю Мустафи-уль-мамалика, произвести конфискацию имущества Заман-хана, а Мирза Мухаммед-хану, арабу из Бастама, сотнику гулямов, представить

По «Ма'асир-и-султанийе», стр. 323:

[1] Ага Мухаммед Хусейн.

[2] Мир Доулет-ишан, джафарбай, там же.

[3] Двоюродный брат, там же.

Мухаммед Заман-хана и его приверженцев закованных в кандалы пред его величеством.

Затем шахский лагерь тронулся в путь и шестого числа месяца раджаба (15 июня 1814 г.) расположился на равнине Намаке Дамгана.

Эмир-хан, брат Мухаммед Заман-хана, находившийся в крепости Маран, также был взят в плен Лютф Али-ханом из Катуля.[1]

Оба брата и их приверженцы подверглись пыткам и казни.[2]

Затем в окрестностях Астрабада двести человек туркмен были также взяты в плен.

От восхода до заката Мухаммед Заман-хана прошло тринадцать дней.

Тогда государь снова дал округ Астрабада шахзаде Мухаммед Мульк Ара мазандеранскому.[3]

После этих событий, вследствие того, что туркмены племен йомутов и гёклен участвовали некогда в мятеже ходжи (Юсуфа) кашгарского, а в другой раз восстали с Мухаммед Заман-ханом, Аллаяр-хан, девелю, каджар, эшик-агасы, хаджи Риза-кули, девелю, каджар, Иса-хан дамганский, пишхидмат-баши, согласно приказу, были командированы для истребления туркмен.

---

[1] Один из семи булюков Астрабадской провинции, расположенный к юго-востоку от Астрабада и граничащий на востоке с булюком Фендереска; он простирается на 30 англ. миль с юга на север от гор до открытой равнины, занятой туркменами. Булюк почти весь лежит в густых лесах, за исключением нескольких луговых равнин. Катуль заключает 26 селений и до $13^1/_2$ тысяч жителей; управлялся также наследственным ханом, подчиненным губернатору провинции. В равнинных и низменных селениях булюка Катуль, как и других булюков, возделывается в значительном количестве рис. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, 1928, p. 78, 81; Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, стр. 80, 81.

[2] Были ослеплены.

[3] Краткое изложение этих событий мы находим в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 106:

«Шах отправил в Хорасан Аббас-мирзу с карательной экспедицией против хорасанских ханов, продолжавших свою оппозицию Мухаммед Вели-мирзе. Эта экспедиция выступила из Тегерана 12 раби I (4 марта 1814 г.), 17 раби II (6 апреля 1814 г.) она стала лагерем под Тусом, а вскоре затем коалиция хорасанских ханов, подступившая туда с курдами и турками (туркменами. *Ред.*) была разбита. Шах, закончив дела, выехал на лето в Каср-и-Каджар, а оттуда, как всегда, на Кальпушские луга. В это время до Тегерана дошло известие о мятеже, поднятом астрабадским правителем Мухаммед Заман-ханом, каджаром иззуддинлю. Выяснилось, что он решил выступить с тридцатью тысячами конных туркмен и намеревается итти на Тегеран. Поэтому шах послал соответствующий указ, обращенный к сейидам и вельможам Астрабада, и те, захватив и Мухаммед Заман-хана и его брата Эмир-хана, доставили их закованными в цепи к шаху, в Чемен-Намаке, где они и понесли кару, а управление Астрабадом было возложено на шахзаде Мухаммед-кули-мирзу, по прозванию Мульк Ара».

Более подробное описание событий дано в «Ма'асир-и-султанийе», в главе: «Бунт в Астрабаде Мухаммед Заман-хана, иззуддинлю каджарского, вместе с племенем туркмен и йомутов и пленение его тамошними начальниками и жителями». Стр. 322—324. Изложение событий здесь в основном повторяет приведенный рассказ по «Насих-ут-таварих».

Мухаммед Касим-хан, каванлю, Юсуф-хан сипахдар и Фараджулла-хан, афшар, также двинулись из урочища Кальпуш.

Но так как туркмены после своих дел сами не были уверены в безопасности, то, собрав добро, пожитки и женщин с детьми, ушли в самые отдаленные степи, а (так как) прохождение столь большого расстояния при отсутствии фуража и припасов было немыслимо, то военачальникам пришлось поневоле повернуть назад («Насих-ут-таварих», стр. 139—142).

В середине раби I падишах возымел твердое намерение совершить поездку в земли Кума и Ирака, а двенадцатого раби II изволил вернуться обратно.

В это время случилось, что два туркмена из племени йомут и гёклен, один по имени Хусейн, а другой Курбан — оба сыновья убийцы Хусейн-кули-хана, отца державного государя, попались в руки Мехди-кули-хана, беглербеги Астрабада. Он заковал их в оковы с тем, чтобы обоих отослать к царскому престолу.

Ночью Курбан покончил самоубийством, Хусейн тоже вытащил кинжал и ударил им себя в горло, но удар пришелся по цепям, это привлекло внимание тюремщика, и он не позволил Хусейну наложить на себя руки, и его привели живым к царскому престолу. Государь приказал вырвать ему оба глаза («Насих-ут-таварих», стр. 147).

После новогодних праздников шах решил прекратить смуту хорасанских эмиров. Вкратце дело было в следующем: вследствие смуты ходжи (Юсуфа) кашгарского и племени туркмен и их незаконных действий, были изданы указы хорасанским ханам, чтобы они, собрав войска, серьезно и энергично приступили к борьбе с этим племенем (туркменами). Преданные ханы чистосердечно и услужливо занялись сборами войск и приступили к борьбе с туркменами.

После убийства ходжи Мухаммеда кашгарского и поражения туркмен, принц Мухаммед Вели-мирза делал смотр хорасанской армии в окрестностях Нишапура, для того чтобы отпустить солдат на родину. В этом походе хорасанские ханы проявили необходимую энергию и мужество и в снаряжении лошадей, обоза и оружия выказали чрезвычайное старание. Принц сделал им смотр; некоторые из приближенных и придворных принца позарились на лошадей и снаряжение хорасанского войска и отобрали от них насильно.

Поистине эта была неразумная жадность, и для султанского двора это был ущерб чести и репутации. Отобрание снаряжения у солдат, которые совершают гордые подвиги и жертвуют жизнью на поле битвы, становится причиной отчаяния и горя эмиров и войска той области. Их просьба была отринута. Принц с приближенными его величества отправился из Нишапура в Мешхед. Хорасанские ханы в отсутствие принца отобрали

своих лошадей и свое снаряжение и подняли смуту и мятеж. Подойдя к крепости Мешхеду, они объявили бунт[1] («Ма'асир-и-султанийе», стр. 319—320).

БОРЬБА ХИВИНСКИХ ХАНОВ С ИРАНОМ И ТУРКМЕНЫ

В этом же году (1228 г. х. — 1813 г.) хорасанские ханы стали в оппозицию принцу Мухаммед Вели-мирзе, призвали Рахим-хана ургенчского произвести набег на мешхедскую землю, и тот двинулся быстрым походом к Хорасану. Разграбив Дереджез, он ушел обратно («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 106).

В это время туркмены племени теке, соблазненные Рахим-ханом, правителем Хорезма, дерзнули на обычный для них грабеж и своеволие и причинили убытки обитателям Джувейна и Сабзевара. Во время их возвращения Али Мурад-хан Кылиджи, правитель Джувейна, преградил им путь, отобрал у них пленников и награбленное имущество, убил около сорока человек бунтарей и сто человек живых взял в плен, а головы убитых вместе с пленниками отправил во дворец; однако такая дерзость требовала полного наказания. Шаханшах назначил принца Мухаммед-кули-мирзу, правителя Астрабада и Мазандерана, с армией из победоносных солдат, для наказания племени теке.

Принц, перейдя Сумбар и Чандыр, назначил в авангард Зуль-фекар-хана Дамганского с конницей и стрелками Астрабада и Мазандерана, чтобы они убивали, забирали в плен и грабили племя теке, обитателей Бами и Бурма, самых знатных из этого племени. Назначенные устроили внезапное нападение, в день праздника разговения (стр. 344); с первым же ударом многочисленная группа мужчин стала жертвой меча, две тысячи юношей, мужчин и прекрасных женщин стали пленниками. Взяв в добычу более пятидесяти тысяч верблюдов, быков, овец, коней, кобылиц и имущества, они отправились в обратный путь. Несколько паломников Мешхеда, купцов, маклеров и других, которые попали в руки этого племени в прежние набеги и нападения и испытывали бесконечные трудности плена и напасти, теперь, благодаря этой битве, освободились от плена, отправились к себе на родину и стали благодарить, восхвалять и молиться за благоденствующее государство. Благодаря помощи вечного счастья, посланцы принцев прибыли в шахский лагерь в один и тот же день, с промежутком в два часа, с радостной вестью о победе и о милосердии («Ма'асир-и-султанийе», глава «Назначение принца Мухаммед-кули-мирзы для усмирения туркмен племени теке и истребление их», стр. 343).

[1] Далее (стр. 320—322) речь идет о неудачных попытках правительства умиротворить хорасанских эмиров и о посылке шахской армии во главе с Исмаил-ханом дамганским «для расправы с непокорными». Поход шахской армии закончился завоеванием Герата и Фарраха.

...Курбан Клыч-хан, йомут, обратив спину к иранскому государству, поспешил в Хорезм и призвал Мухаммед (Рахим)-хана, узбека, на земли Гюргена и степи Атека (1231 г. х. — 1816 г.).

Правитель Хорезма, собрав ратных людей, принял твердое решение итти походом на Гюрген, чтобы взять у туркмен заложников и сделать их своим племенем и улусом, подобно племенам теке.

Как только это известие достигло государя, он отдал приказ, чтобы Фараджулла-хан со своим войском направился из земель Бастама и Астрабада, а с той стороны к ним присоединились бы Зуль-фекар-хан и Муттали6-хан с семнанскими и дамганскими солдатами, а также чтобы беглербеги Астрабада со своими людьми сопутствовали им.

Мухаммед Рахим-хан, услышав о движении войска, послал Зуль-фекар-хану, сердару, послом одного из своих людей заявить: «Я напал на это племя для взимания положенного шариатом закята и не собираюсь вести войну с падишахом».

Зуль-фекар-хан не дал его послу аудиенции, и так как он слышал, что жители Хивы хорошо играют на инструменте, называемом «чокур», то в ту же ночь, улегшись в постель, потребовал посланца Мухаммед Рахим-хана и велел ему до рассвета играть около своей ставки на чокуре. На утро он также не принял его, не выслушал его и отослал обратно.

В результате правитель Хорезма соорудил у границ Песерека, который принадлежит к землям Фендереска, укрепление и засел в нем. Войска с другой стороны подступили близко, и те и другие построили свои ряды и поднялся шум битвы. При первом же натиске хорезмцы дрогнули и бежали в свое укрепление.

На заре следующего дня иранские войска ринулись как воинственные львы, двинули вперед пушки и выстроились в ряды.

Со своей стороны Мухаммед Рахим-хан с тридцатью тысячами человек хорезмцев и туркмен вышел из укрепления на поле битвы и выстроил своих людей; запылало пламя боя, и оружие залязгало и зазвенело.

И в этот день к концу сражения войско Хорезма обратилось в бегство, а богатыри гнались за ними по пятам, много людей и скота повергли в прах, многих взяли в плен.

Мухаммед Рахим-хан бежал, не останавливаясь, до самой Хивы, а его обоз и лагерь сразу стали добычей (иранского войска).[1]

---

[1] Кратко событие это излагается в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» следующим образом:

«В этом же (1231 г. х. — 1815/16 г.) году, ввиду того, что хорасанские ханы продолжали оказывать неповиновение хорасанскому вали, принцу Мухаммед Вели-мирзе, принц просил прислать ему на помощь насакчи-баши Фараджулла-хана, афшара, и означенное лицо отправилось в Хорасан с 10 000 конницы и пехоты. Около этого же времени к Гурганской и Астрабадской степи пришел по подстрекательству йомута Курбан Клыча хорезмец Мухаммед Рахим-хан с тридцатью тысячами всадников. Об этом было доложено шаху, и шах отдал приказ, чтобы Фараджулла-хан, афшар, который

Когда радостную весть об этой победе принесли его величеству государю, он приказал, чтобы Фараджулла-хан также отправился в Хорасан, а сам с испытанным войском во вторник седьмого раджаба (3 июня 1816 г.) двинулся на равнину Султание.

Аббас-мирза поспешил из Азербайджана к царскому порогу. Шахзаде Мухаммед Али-мирза из Керманшаха и Хасан Али-мирза из Тегерана также присоединились к высочайшей свите.

Но с другой стороны шахзаде Мухаммед Вели-мирза, правитель Хорасана, откомандировал наиба Хорасана Мухаммед-хана, каджара девелю, для завоевания крепости Радкан[1] и уничтожения Куджэ-хана. Клыч-хана, тимури, и Абдаль Керим-хана, араба из Бастама, назначил его помощниками а сам с Исхак-ханом, караи, с сабзеварским и нишапурским войском разбил свои палатки за городом Мешхедом.

Но Мухаммед-хан счел необходимым прежде всего устранить Беглер-хана, чапуплю, губернатора Дереджеза, и напал на него.

Беглер-хан со своими людьми и отрядом туркмен племени теке приготовился к обороне, но при первом же столкновении был разбит. Воины преследовали его по пятам и, отняв крепостное здание от его стражей, разграбили добро и имущество Беглер-хана, и он бежал в Дереджез.

Тогда Мухаммед-хан, вернувшись обратно, осадил крепость Радкан.

был послан в Хорасан и в это время находился в Бастаме, отправился вместе с Зульфекар-ханом и Мутталиб-ханом дамганским против Мухаммед Рахим-хана. Означенные лица поспешно двинулись в этом направлении и дали бой Мухаммед Рахим-хану в районе Песерека, являющегося одним из фендерескских селений. Мухаммед Рахим-хан вначале сопротивлялся, но потом, потерпев поражение, бежал по направлению к Хиве, а лагерь его был разграблен иранским войском». («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 112). Более подробные данные о хорасанских походах хана Мухаммед Рахима ,в хивинском освещении см. ниже в переводе сочинения Муниса.

[1] Дер. Радкан лежит на склоне горы в лесистой местности, в верхней долине р. Ника, впадающей в Каспийское море, в 32 английских милях к юго-востоку от г. Астрабада, и в 20 англ. милях от порта Гяз. Здесь находится древнейший памятник иранской мусульманской архитектуры — так наз. «Мил-и-Радкан» — Радканская башня, и, согласно надписи над дверью, является надгробным памятником над могилой одного из местных независимых правителей — испахбадов, законченная постройкой в 411 г. х.— 1020/21 г. H.-L. Rabino, Mázandarán and Astarábád, 1928, стр. 102—103; E. Diez, Churasanische Baudenkmäler. B. I, Berlin, 1918, S. 36—39. Подобный упомянутому пункт, с тем же названием, лежит на полпути между Мешхедом и Кучаном, к востоку от дороги, ограниченный с северо-востока горами Хезар Масджид. В двух километрах к юго-востоку от этой деревни стоит точно такая же башня, схожая по названию, стилю и назначению с первой и датируемая самым началом XIII в. Описание ее см. Сани-уд-довле, «Матля-уш-шамс», I, Тегеран, 1301 г. х. (1883/84), стр. 170—175; E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. B. I, Berlin, 1918, S. 43—46, где перевод (44—45) указанного места из «Матля-уш-шамс», принадлежащий некоему E. Küttler'у, кишащий чудовищными ошибками, извращающими смысл, совершенно неудовлетворителен.

В это время (рабп II 1232 г. х. — февраль 1817 г.) государь Ирана совершил путешествие для обозрения Мазандерана. Правитель Мазандерана Мухаммед-кули-мирза показал свое верноподданничество, а Мехди-кули-хан, девелю, каджар, губернатор Астрабада, вместе со старейшинами племени йомут и гёклен присоединился в городе Ашрафе к высочайшей свите и поднес подобающие подарки. Затем шах собрался в путь и в четверг пятого джумади I (23 марта 1817 г.) вступил в Тегеран.

В конце 1232 г. х. (1817 г.) Фатх-хан афганский и правитель Хорезма напали на Хорасан, часть хорасанских ханов примкнула к ним, часть заняла выжидательную позицию. Со стороны иранского государства войсками командует шахзаде Хасан Али-мирза, по ликвидации мятежа он едет ко двору и вместе с ним для выражения своих верноподданнических чувств едет ряд лиц.

Шахзаде Хасан Али-мирза направился ко двору шаха Ирана. К его свите примкнули: эмир Хасан-хан Тебеси, Мухаммед-хан, каран, Клыч-хан, тимури, Ибрахим-хан и Керимдад-хан, тимури, Надир Мухаммед-хан, брат Буньяд-хана, хезаре, Ялангтуш-хан, брат Сейид Мухаммед-хана, джелаира, губернатора Келата, ханы чапушлю, Мансур-хан, посланный Камран-мирзы афганского, Хаким-хан, правитель Серахса, вожди и старейшины туркменских племен салыр, сарык, и также Серахса и Мерва и вельможи племен имрели и али-эли, Мехче, Мехнэ, Дуруна, Несы и Абиверда. Как только они приблизились к шахскому лагерю, то согласно приказу навстречу им вышел отряд, состоявший из царевичей, знати йших придворных и военачальников; они привели Хасан Али-мирзу с большой торжественностью к царскому порогу. Шах выказал ему милость и свиту его обласкал, а хорасанских и афганских ханов и туркмен, которых было больше тысячи человек, послал к хаджи Хусейн-хану в качестве гостей. В лагере падишаха было разбито больше двадцати шатров специально для угощения. В ту же почь два туркменских всадника в темноте проезжали мимо шатров и вдруг попали на улицу, по которой стекала масса воды с кухни. Они пришпорили коней и, разгорячив их, думали перебраться через эту воду, но это оказалось им не под силу, и они погибли.

Итак, когда Риза-кули-хан посмотрел, то увидел, что хорасанские ханы и афганские и туркменские главари частью побеждены, а в лучшем случае вынуждены покорно служить падишаху, а себя увидел на стезе мятежа и неповиновения («Насих-ут-таварих», стр. 148—149, 163—165).

Так как туркмены Бами и Бсурма, подстрекаемые Мухаммед Рахим-ханом, в минувшем (1236—1820/21) году разграбили окрестности Сабзевара, Али Мурад-хан, губернатор Джувейна, погнался за ними и захватил 70 голов и сотню пленных, однако государственные деятели не были этим удовлетворены, и, согласно приказу, Зуль-фекар-хан семнанский и Али Мурад-хан, афшар, командующий всадниками Хамсэ, вместе с Мухам-

мед-кули-мирзой мазандеранским,[1] направился в степь. Шахзаде остановился на стоянке Сандар-у-Чандар, а Зуль-Фекар-хан и Али Мурад-хан напали на племена (районов) Бами и Беурмы. Множество народа они перебили, жен, сыновей и дочерей взяли в плен, а имущество этих людей разграбили и поделили («Насих-ут-таварих», стр. 174).

В это же время (1238 г. х. — 1822 г.) две тысячи туркмен теке, проживающих в Мерве, подошли под предводительством Мурад-сердара к окрестностям Мешхеда и занялись там грабежом и похищением населения, захватив в плен несколько человек из жителей этого района. Хасан Али-мирза с отрядом в 700 человек всадников настиг их в четырех фарсахах от Мешхеда и разбил их. Туркмены, бросив захваченных ими пленных и награбленное имущество, убежали («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 126).

В этом же году (1240 г. х. — 1824/25 г.) Рахман-кули-тёре замыслил покорить Хорасан. Так как в этом году скончался Мухаммед Рахим-хан, правитель Хорезма, и на место отца сел сын его, Рахман-кули-тёре,[2] то он начал с того, что, собрав войско из племени узбеков и туркмен — салыр, сарык, теке и имрели — населяющих Абиверд, Дурун и Мехнэ, устремился к священному г. Мешхеду и разбил под ним большой лагерь. Тогда Хасан-мирза узнал, что в войсках Хорезма нет хорезмцев.

Случилось так, что в ту же ночь надвинулась огромная густая туча, пошел сильный снег, повеяло страшным холодом и ударил такой мороз, что большая часть хорезмского войска отдала (богу) душу; пали также и их вьючные животные, так что Рахман-кули-тёре, понеся от этого стихийного бедствия страшные потери, обратился в бегство и с частью своих людей кое-как добрался до земель Серахса.

На утро жители г. Мешхеда, выйдя из города, завладели всеми говорящими и бессловесными тварями из находившихся в его лагере.

Однако Рахман-кули-тёре, придя в Серахс, собрал свое разбежавшееся войско (букв. дезертиров из своего войска) и откомандировал отряд туркмен[3] грабить окрестности Джама и Сарджама.

Случайно Хасан Али-мирза вызвал к себе из Сабзевара сына своего Аргун-мирзу, и на стоянке Шериф-абад он (Аргун-мирза) столкнулся с людьми Рахман-кули-тёре. Привычный к бою Аргун-мирза, как только

---

[1] Правитель Мазандерана Мухаммед-кули-мирза послал на них по приказу шаха карательный отряд.

[2] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», III, стр. 131; «Матля-уш-шамс», II, стр. 358: Алла-кули-хан-тёре. В действительности хивинский престол после смерти Мухаммед Рахима (весна 1825 г.) перешел к его старшему сыну Алла-кули. Рахман-кули совершал свои походы в Хорасан по поручению своего брата — Алла-кули. Подробнее см. ниже, стр. 427 и сл.

[3] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 131.

увидел их, обнажил меч, устремился в середину их, и не прошло много времени, как часть этих людей попала к ним в руки, а часть пала от меча.

Другая половина войск Рахман-кули-тёре в окрестностях Джама также встретилась с эмиром Насрулла-ханом, тимури, который также направлялся к Хасан Али-мирзе, и храбрецы тимури истребили этот отряд.

Когда эта весть дошла до Рахман-кули-тёре, то его охватила ярость, он снова захотел отомстить и с величайшей энергией занялся снаряжением войска.

Он собрал три тысячи бойцов из племен узбеков-конграт и кара-калпаков и присоединил к ним отряд из салырских и сарыкских всадников. Вождей своего войска, Довлет Назар-бия, Эвез-инака, Раджаб-мехтера, Довлет Мурад-парваначи, Мурад-сердара, Тураб-бия и Сейид Нияз-хана, отправил с ними вместе, чтобы они шли к пределам священного Мешхеда и там грабили и расхищали все, что смогут. Отряд этот с быстротой метеора (или) как орел ринулся на земли Мешхеда.

Это известие было принесено Хасан Али-мирзе в среду четырнадцатого числа месяца раджаба (4 марта 1825 г.). Шахзаде тотчас же поспешил выступить с имевшимися у него налицо войсками. Действуя с такой быстротой, он у подошвы горы Аждаркух встретился с этой шайкой. Люди обеих сторон построились в ряды, и витязи вступили в схватку. После кровопролитного боя туркмены обратились в бегство, а хорасанцы преследовали их по пятам и захватили тысячу человек пленных и пятьсот отрубленных голов, затем вернулись. Из этих отрубленных голов Хасан Али-мирза на этом месте соорудил минарет, а Рахман-кули-тёре, найдя невозможным пребывание в землях Серахса, бежал в Хорезм.

Весть об этой победе была сообщена шаху в день нового (1241 г. х.— 1825 г.) года[1] («Насих-ут-таварих», стр. 192—193).

---

[1] Надо полагать, что изложение именно этих событий, связанных с походом Рахман-кули в Хорасан, мы находим и в «Ма'асир-и-султанийе» Неджеф-кули Абд-ур-Реззака в главе «Рассказ о столкновении шахзаде Хасан Али-мирза, главноначальствующего над хорасанскими пограничными правителями, с хорезмским войском и поражение (хорезмского войска)» стр. 396—397. Независимо от того, что здесь нет указания на время событий и несколько отличны подробности похода, речь идет, по всей вероятности, именно о данном походе Рахман-кули 1240 г. х. (1824/25 г.). Приводим эту главу полностью:

«Рахман-кули-тёре, наследник Мухаммед Рахим-хана, правителя Хорезма, с войском из узбеков, конгратов и йомутов, жителей Хорезма, в намерении взимания податей с салыров и теке, прибыл к границам той страны. Он гордился своим многочисленным войском в этом походе, в котором участвовали туркмены Кыпчакской степи, (Дашт-и-кыпчак), теке, Ахала и Хирманда; часть из них он послал на Ак Дербенд, других на Муздуран. Защитники обоих мест выступили на защиту и сопротивление, войско Хорезма потерпело поражение и разбитое вернулось обратно.

Рахман-кули занялся подготовкой и снаряжением и затем отправился со всем войском и артиллерией, которая была у него, к Кушк-и-Мехди, расположенному в двух

В этом же (1242 г. х. — 1826 г.) году Алла-кули-хан, брат Рахман-кули-хан, сын Мухаммед Рахим-хана ургенчского, пошел быстрым походом на Джамский вилайет и начал там грабить, но однажды ночью, незадолго до рассвета, несколько лошадей в его лагере отвязались и кинулись друг на друга; произошел большой шум и гам; хорезмцы, вообразив что это предрассветное нападение, разбежались. Алла-кули-хан бежал в Серахс, а его лагерь достался жителям Джама («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 134).

(Шах) выступив в конце шавваля 1245 г. х. (март 1830 г.) из Хамадана, восьмого зуль-ка'да (1 мая 1830 г.) прибыл в столицу.

В это время в провинции Хорасан Сейид Мухаммед-хан, джеланр, правитель Келата, вышел из повиновения Ахмед Али-мирзе и в союзе с Керим-ханом, зафаранлю, собрал тысячу гуркменских всадников и подверг разгрому и грабежу земли Чинарана и Радкана. Привлекши на свою сторону Риза-кули-хана, сына Беглер-хана, чапушлю, который правил Дереджезом,[1]

фарсахах от Мешхеда. Шахзаде Хасан Али-мирза, узнав об этом, послал навстречу им небольшую армию, находившуюся у него на службе; она возвращается обратно, перебив часть войска и взяв в плен восемьдесят человек.

После необходимой разведки, ночью он (Хасан Али-мирза) устраивает нападение на бунтарей и в окрестностях хорезмского лагеря одерживает полную победу.

Между тем Сейид Мухаммед-хан, правитель Келата, получив об этом известие, вместе с группой хорасанских эмиров присоединяется к шахзаде наввабу Хасан Али-мирзе, с артиллерией и с армией в семь-восемь тысяч человек, выступает против него (Рахман-кули-тёре) в Кушк-и-Мехди. Встретившись, две армии ведут друг против друга атаки. Благодаря шахскому счастию, противнику было нанесено великое поражение, многие были убиты, часть была взята в плен, оставшиеся в живых бежали и направились в долину погибели. Шахзаде послал войско для преследования этой несчастной группы.

Когда же наступило похолодание, проходы и места стоянок наполнились снегом и грязью, большинство этого племени сделалось пленниками победоносной армии, меньшинство же, в ужасном состоянии и несчастные, направились в Хорезм.

Осталось неизвестным — в каком отряде был Рахман-кули и в какую сторону он ушел («Ма'асир-и-султанийе», стр. 396—392). (Подробности о походе Рахман-кули в Хорасан по хивинским хроникам см. на стр. 428 и сл.).

[1] Район Дереджез или (чаще) Дерегез (по М. Алиханову-Аварскому: В гостях у шаха. Тифлис, 1898, стр. 13 и passim—Дарайгез, Дарайгезский), бывшее ханство, граничит на севере с Каахкинским районом Туркменской ССР, на юго-востоке с Келатским районом (бывшее ханство Келат-и-Надири), на юге с округом Мешхеда, на юго-западе с районом Кучана и занимает площадь приблизительно в 7840 кв. верст с населением в 21 100 чел. (по Л. Артамонову, стр. 171 — при меньшей площади население достигает в круглой цифре 50 000 душ!); преобладающими племенами являются курды и тюрки. Центром Дерегеза, распадающегося на 13 «булюков», считается г. Мамед-абад с населением около 4800 чел. Представляя ряд хорошо орошаемых котловин или долин и обладая плодородной почвой при климатических условиях, схожих с таковыми Туркменистана, Дерегез собирает значительный урожай пшеницы, ячменя, хлопка, фруктов, картофеля, дынь и арбузов; в районе развито скотоводство, табаководство, но шелководство пришло в упадок вследствие усиления засева хлопка. В районе

стал сбивать с пути также и правителя Хорезма. Алла-кули-тёре, соблазненный его словами, решившись разграбить Хорасан, двинулся с отрядом, набранным из племен теке и узбеков, к берегам р. Теджен.

Когда об этом узнал шахзаде Ахмед Али-мирза, то призвал ко двору хорасанских ханов и, снарядив воинственную армию, устремился[1] навстречу битве в степь Алан-дашт.[2]

Правитель Хорезма услышал об этом, не вступил в бой и не совершил нападения, но, отвернувшись от войны, направился в Хиву.

Ахмед Али-мирза напал на земли Пушти-кух, бывшие во владении Сейид Мухаммед-хана. Сейид Мухаммед-хан бежал в Дереджез и объединился с Риза-кули-ханом. Так как Сулейман-ага, брат Риза-кули-хана, боялся брата, то искал безопасности в крепости Мухаммед-абад и, привлекши на свою сторону отряд туркмен али-эли, укрепился в этой крепости.

Сейид Мухаммед с племенем чапушлю шестого числа месяца зуль-хиджа (29 мая 1830 г.) напал на крепость Мухаммед-абад. Один из жителей крепости пал от пуль (осаждавших).

С другой стороны, при помощи осадной артиллерии Ахмед Али-мирза овладел в землях Пушти-кух крепостью Джа'фари; тогда победа над другими крепостями, находившимися вне заграждения крепости Келат, оказалась легкой («Насих-ут-таварих», стр. 234).

В этом же (1246 г. х. — 1830/31 г.) году Мехди Али-хан, племянник Асиф-уд-довле, везира Лакнахура, совершил паломничество к святым гробницам (Кербела) и святыням священного Неджефа, а оттуда направился в паломничество к святому Мешхеду. Когда он совершал обратный путь, то на переходе между стоянками Аббас-абад и Меямей[3] на его караван напал отряд туркмен из племени теке.[4]

работают четыре хлопкоочистительных завода — два оборудовано до войны, два в 1926—1927 гг., при одном из них открыты маслобойное и мыловаренное отделение. Curzon. Persia and the Persian Question. London, 1892, I, p. 192; Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, стр. 175—178 (сведения относятся к 1891 г.); Сборник конс. докладов. Северная Персия, 1933, стр. 16—26.

[1] «Матля-уш-Шамс», II, 359: добавлено — «из Мешхеда».

[2] Об этом же говорится кратко в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири»: «В этом же (1245 г. х. — 1829/30 г.) году узбек Алла-кули-хан-тёре приходил по наущению хорасанских ханов из Хорезма в окрестности Теджена. Ахмед Али-мирза отправился в Алан-даштскую степь, и хорезмский хан, испугавшись, возвратился обратно» (т. III, стр. 147). Алан-дашт — деревня к зап. от Мешхеда, менее чем в 5 фарсахах.

[3] Большое селение между Шахрудом и Сабзеваром на главной шоссейной дороге в Мешхед; число жителей превышает 2000 душ; много садов с прекрасными фруктами. Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, Тифлис, 1894. Приложение, стр. 34.

[4] В «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» самый факт нападения туркмен приписывается «наущению Алла-кули-хана хорезмского», и на ряду с этим говорится о посылке правительством карательной экспедиции против туркмен под начальством хаджи Исмаил-хана шамбаяти («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 148).

Двести человек преклонного возраста (туркмены) зарубили саблями, а пятьсот человек юношей и женщин взяли в плен и, захватив добро и имущество паломников, скрылись в степь.

В числе разграбленного было имущество на сто тысяч туманов, принадлежащее Мехди Али-хану, который сам попал в плен.

Когда это известие было сообщено падишаху, то он отдал приказ губернатору Хабушана Риза-кули-хану, зафаранлю, чтобы он отнял Мехди Али-хана от туркмен теке.

Риза-кули-хан знал, что если начать собирать войско, то за это время сам Мехди Али-хан может погибнуть.

Поэтому он послал человека, чтобы тот сторговался с туркменами и его (Мехди Али-хана), жен шейха Ибрахима Джезаири, которые также были похищены, выкупив за тысячу туманов чеканным золотом, отправил бы в столицу.

В том же (1246 г. х. — 1830/31 г.) году Мухаммед-хан, каран, и Ялангтуш-хан, брат Сейид Мухаммед-хана, джелаира, губернатора Келата, снова изъявил и приверженность и симпатии к Алла-кули-тёре, государю Хорезма, установил с ним связь, и они обменялись послами. Ялангтуш-хан отправился к хорезмскому хану, (где) был обласкан и получил титул сердара туркестанских границ. Он подстрекнул туркмен племени сарык к грабежу и набегам на Хорасан.

Со своей стороны Ахмед Али-мирза, как только узнал эту новость, собрав войско, выступил на войну. Встретившись с туркменами в Пули-хатун, близ Серахса, он разбил их отряд, некоторых захватил в плен, а (другая) часть их пала от меча. Между прочим был захвачен в плен и тот посол, которого хорезмский хан послал к Мухаммед-хану. Ахмед Али-мирза отпустил его невредимым в Хорезм.

Это заставило Алла-кули-тёре устыдиться своих действий, и он выражал шахзаде знаки дружелюбия и единодушия и послал к шахзаде старшин туркменских племен теке и сарык, чтобы они изъявили подчинение и готовность служить ему, преподнесли подобающие подарки и отпустили захваченных ими пленных.

Тогда Ялангтуш-хан [1] и Мухаммед-хан, каран, волей-неволей должны были обратиться к шахзаде с покорностью и верностью («Насих-ут-таварих», стр. 239).

---

[1] В 1247 г. х. (1831 г.) «Джелаир Ялангтуш-хан келатский прибыл к Аббас-мирзе, (который к этому времени прибыл в Хорасан для наведения там порядка) и получил от него назначение ехать послом в Хорезм» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 151).

«ТУРКМЕНСКАЯ ПОЛИТИКА» ИРАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ХОРАСАНСКИХ НАМЕСТНИКОВ И БОРЬБА С ТУРКМЕНАМИ

Шаханшах Ирана приказал (1247 г. х. — 1831/32 г.), чтобы Бади-уз-заман, правитель Гургана и туркменских племен йомут и гёклен, с астрабадским и мазандеранским войском отправился через туркменскую степь в Хорасан и стал на службу к Аббас-мирзе («Насих-ут-таварих», стр. 244).

[В начале (1248 г. х.—1832/33 г) восстает Риза-кули-хан, зафаранлю, персидские войска осаждают повстанческую крепость Эмир-абад, близ Чинарана.]

Крепость Эмир-абад была из числа новых сооружений Риза-кули-хана; она имела глубокий ров, а стены ее возвышались на девять зар'ов. В ней проживала кучка жителей Чинарана, и некоторое количество туркмен; по приказу Риза-кули-хана, Юсуф-кули-хан, татар, с тремя стами туфангчи из племени зафаранлю был сторожем этой крепости.

[Риза кули-хан стягивает все свои силы в Хабушан. Аббас-мирза осаждает Хабушан.]

Хусейн-кули-хан, сын Риза-кули-хана, с отрядом туркмен несколько раз совершал вылазки из Ширвана, намереваясь ночью напасть на лагерь Аббас-мирзы, но не смог нанести ему никакого вреда и волей-неволей должен был отправиться обратно.

Двадцать седьмого рабн I (1248 г. х. — 24 августа 1832 г.) прибыл Бади-уз-заман-мирза с войском Астрабада и присоединился к лагерю Аббас-мирзы. Из туркмен (племени) салыр, живущих в Серахсе, пятьдесят старшин прибыли ко двору (Аббас-мирзы) и поднесли достойный подарок. Аббас-мирза приказал, чтобы сын Хосров-мирзы задерживал их в священном Мешхеде и не пускал, если они пожелают отправиться.

[В результате Хабушан взяли штурмом, стены его были сравнены с землей, а Риза-кули-хан взят в плен.]

Аббас-мирза принял твердое решение покорить Серахс, являющийся местожительством туркмен, (племени) салыр. Эти люди возводили свой род к Тулуй-хану, сыну Чингиз-хана, и зовут они его Салыр-ханом. Они считают себя принадлежащими к слишком высокому рангу для того, чтобы заниматься резней и захватом пленных. Поэтому туркмены (племен) теке, сарык, имрели и али-эли приходят к ним, одалживают у них коней и оружие, а когда только им удастся победить и взять в плен (кого-либо из) прежних или пинтов, то они привозят пленных и (захваченное) имущество к ним (салырам) с поздравлением и половину (добычи) отдают на их долю.

Итак, двенадцатого джумади I (7 октября 1832 г.), пустив слух, что, мол, «иду к Герату», (Аббас-мирза) взял путь (из Мешхеда) на Серахс. К его свите примкнул также Мухаммед Хасан-хан, сын Ибрахим хана, беглербеги хезаре, потому что во время победы над Мухаммед-ханом, карап,

в святом Мешхеде, Ибрахим-хан, его отец, купил у жителей Серахса коней на сумму равную тысяче туманов и за стоимость этих коней заложил жену, сына и своих собственных домочадцев, с тем, чтобы, обеспечив себе конский состав, собрать войско и искать победы над народом хезаре. (Однако) Шир Мухаммед-хан и племянник его Искандер-хан отразили его нападение и отняли коней. Таким образом семья и жена Мухаммед Хасан-хана до сих пор находились в качестве заложников в Серахсе. И вот теперь Мухаммед Хасан-хан вступил в свиту Аббас-мирзы ради избавления родных.

Итак, шестнадцатого числа месяца джумади I (11 октября 1832 г.) Аббас-мирза остановился в Ак Дербенде,[1] (где) Мехди-кули-хан и Мухсин-хан, братья Мухаммед-хана, караи, с тремя стами всадников, присоединились к его лагерю. И тут же он выслал Тахмасп-мирзу с всадниками шахсевенами, хамсэ[2] и карагёзлю[3] итти авангардом, а сам с войском Мазандерана, Астрабада, Семнана и Дамгана двинулся вслед за ним и отдал приказ, чтобы Джафар-кули-хан, сын Неджеф Али-хана, шадилю, с двумя тысячами хорасанских всадников, следовали на расстоянии пяти фарсахов за армией, а второй наследник престола шахзаде Мухаммед-мирза, с артиллерией и азербайджанским войском находился на расстоянии пяти фарсахов позади Джафар-кули-хана. В таком порядке продвигались они по пути.

Случайно триста всадников туркмен, возвращаясь после набега и разграбления Каината, столкнулись с войском Мухаммед-мирзы. Всадники войска гнались вслед за ними, так что догнали полки Джафар-кули-хана, а там на них (на туркмен) напали всадники Джафар-кули-хана; обратив туркмен в бегство, они преследовали их по пятам и весь этот отряд захватили в плен и представили Аббас-мирзе. Согласно приказу, им всем срубили головы с плеч.

Итак, во вторник двадцать второго джумади I (17 октября 1832 г.) Аббас-мирза разбил палатки на землях Серахса.

Тахмасп-мирза с двумя тысячами всадников выступил из лагеря, столкнулся с отрядом туркмен племени салыр и вступил с ними в бой. Часть войска шахзаде была перебита, а пощаженные мечем обратились в бегство

---

[1] Крепость к востоку от Мешхеда и в 15 фарсахах к югу от Серахса. Здесь выставлялся караул для прикрытия жителей от внезапных набегов аламанских шаек. Также название ущелья, по которому протекает р. Кяшав-руд перед впадением в Гери-руд у Пул-и-хатун. Л. А р т а м о н о в. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, в. 1, Тифлис, 1894, стр. 192.

[2] Х а м с э — провинция в северо-западном Иране, с главным городом Зенджаном. По имени провинции назывались и набиравшиеся здесь войска.

[3] Тюркское племя («черноглазые»), живущее в главной массе к северо-востоку от Хамадана и делящееся на три отдела: ашиклю, хаджилю и узбеклю. В истории смен династий и неурядиц в Иране в XVIII в. карагёзлю, видимо, играли роль. Из племени карагёзлю происходил хорошо известный в Иране в XIX в. дервиш из ордена ни'метуллахи Мухаммед Джафар Маджзуб Али-шах. В. Б а р т о л ь д в Enzyklopaedie des Islām. II, 1927, S. 786; Зейн-уль-Абидин Ширвани, «Бустан-ус-сияхат», Тегеран, 1315 г. х., стр. 416.

и присоединились к лагерю. При таких обстоятельствах прибыл принц Мухаммед-мирза. Согласно его приказу, войско напало на тех курдов и туркмен и обратило их в бегство.

На другой день Аббас-мирза, вызвав к себе эмира артиллерии Сухраб-хана, отдал приказ о штурме крепости Серахс. Войско снялось с места, и жерла пушек и ядра обратились в сторону стен и башен города.

Жители Серахса, чтобы чем-нибудь помочь себе, взяли шиитских пленников и поместили их на тех местах укрепления, на которые были наведены жерла пушек, чтобы артиллеристы на некоторое время прпостановили дождь ядер.

Тогда Балы-мехрем и Адина Курт-хан, салыр, взяв женщин, мужья которых, как упоминалось, были задержаны в Мешхеде, явились в лагерь. Привели они ко двору и те три тысячи шиитских пленных, что были в Серахсе, а также доставили детей Ибрахим-хана и супругу Мухаммед Хасан-хана, с тем, чтобы Аббас-мирза снял осаду Серахса, а также выпустил на волю их людей, заточенных в Мешхеде. Аббас-мирза распорядился, чтобы их жен также оставили в лагере, а Балы-мехрема послал в крепость и заявил, что «пусть не ищут избавления от этой беды и напасти до тех пор, пока не сдадут этого укрепления нашим войскам».

Но и после возвращения Балы-мехрема жители Серахса не обратились к повиновению и из-за стен крепости начали проявлять непокорность и бунтарство.[1]

На этот раз Аббас-мирза сильно разгневался и отдал команду штурмовать крепость. Не устраивая ни траншей ни подкопов, воины напали с четырех сторон и точно стаи крылатых птиц взлетели на ворота и стены крепости; (затем), войдя в этот город, они подняли на людей безжалостный меч (и) в течение часа предавали мечу всех, кто им попадался. В этой сумятохе был убит также и Балы-мехрем.

Тогда, согласно приказу, войско оставило избиение и прекратило погром и грабеж. Мало было людей, которые получили бы на свою долю добычи меньше, чем на тысячу туманов. В числе этого добра три тысячи салырских кибиток и триста голов лошадей достались лично Аббас-мирзе. Затем Аббас-мирза приказал, чтобы крепость Серахс сравняли с землей.

---

[1] Мухаммед Хасан-хан, автор «Матля-уш-шамс» говорит о жителях Серахса как о «преданных подданных» каджаров, а самый факт экспедиции против Серахса объясняет грабежами салыров Серахской области, против которых только будто бы и была направлена экспедиция Аббас-мирзы.

«Когда племя салыров, живущее в области Серахса, который принадлежит государству Ирана, начало грабить имущество серахских подданных, а серахцы в эпоху каджарской династии были особенно преданными подданными этого правительства, 12 джумади I этого (1248 г. х.) года (7 октября 1832 г.) его высочество Наиб-ус-салтане (Аббас-мирза, сын Фатх Али-шаха) двинул войска. В среду 23-го числа (18 октября 1832 г.) того же месяца он вступил в Серахс, и в результате этого похода был суровый урок племени салыров. После того он прибыл в Турбет-и-Шейх-и-Джам и в конце раджаба вступил в Мешхед» («Матля-уш-шамс», т. II, стр. 360).

В Серахсе проживало четыреста пятьдесят человек из туркменских племен, занимавшихся торговлей — это были работорговцы, которые, купив в Серахсе пленных шиитов, увозили их в Хиву и другие туркестанские области и там продавали.

Аббас-мирза приказал, чтобы их доставили к нему, а также собрали пленных шиитов, плененных в Серахсе, и дал им меч, чтобы они изрубили это сборище торговцев рабами.

В это время на помощь жителям Серахса шел из Мерва отряд из тысячи пятисот всадников сарыков; подойдя уже близко к Серахсу, они услыхали об этих событиях и, повернув восвояси, возвратились с полдороги обратно.

Тогда Аббас-мирза приказал, чтобы Джафар-кули-хан, шадилю, и Мустафа-кули-хан семнанский с отрядом войска перевел к Мешхеду три тысячи взятых в плен туркменских семейств племени салыр вместе с тремя тысячами пленных шиитов, которые были вызволены из рук людей Серахса. И так как зерно и хлеб у туркмен Серасха находились в изобилии, то, погрузив хлеб на серахских вьючных животных, послали в Мешхед, чтобы утолить возросший в Мешхеде недостаток в хлебе.[1]

По прибытии в город Аббас-мирза отпустил пленных шиитов на родину а пленных туркмен подарил шиитам и, составив доклад о положении вещей, отправил его с Кули-ханом, шахсевеном, к шаханшаху. И двадцать четвертого джумади II (18 ноября 1832 г.) это радостное известие было услышано в столице ее обитателями.

В этом (1251 г. х. — 1835/36 г.) году шахзаде Ардашир-мирза, согласно приказу шаханшаха Гази (Мухаммед-шаха), был командирован для наведения порядка в Гургане и Астрабаде. Ему сопутствовали Искандер-хан, каджар, девелю, с мерагским полком, Ибрахим Халиль-хан салмасский с двумя полками, Мустафа-кули-хан семнанский с семнанским полком, дамганским полком, свитой из двухсот человек, двумя тысячами всадников шахсевенов и курдов и двенадцатью пушками.

Шаханшах пожаловал Ардашир-мирзу конем под золотым седлом и усыпанным драгоценными каменьями кинжалом. Он выступил из столицы и взял путь на Бастам.

Шахзаде Исмаил-мирза, который с давних пор, еще при покойном Аббас-мирзе, имел нечистую совесть и шел одним путем с Шуджа-ус-салтане, испугался и собрал войско из арабских и персидских племен Шахруда

---

[1] О походе на Серахс Аббас-мирзы сообщается кратко в «Тарих-и-мунтазам-и Насири»: «12 джумади I (7 октября 1832 г.) Аббас-мирза выступил из Мешхеда, 16-го (11 октября) прибыл в Ак Дербенд, где к его войску присоединились подходившие с разных сторон местные отряды, и 22-го (17 октября) он подошел к Серахсу. Серахская крепость была взята штурмом. Было много убитых, 3600 семей туркмен и запасы зерна, находившиеся в Серахской крепости, были перевезены в Мешхед, было освобождено много тысяч находившихся там в плену шиитов («Тарихи-и-мунтазам-и-Насири, т. III, стр. 153).

и Бастама и из степных туркмен, чтобы попытаться нанести вред Ардашир-мирзе.[1]

Но (Ардашир-мирза) с многочисленным войском провел свой путь как огонь и вода по долам и горам, со скоростью облака и метеора приблизился к Исмаил-мирзе, войско которого было разметано во все стороны, как щепки и валежник под напором бурного потока. Исмаил-мирза остался беспомощным. Затем Ардашир-мирза настиг его и, арестовав, послал в Тегеран, а войску, которое он имел при себе, предписал совершить поход в Хорасан и стать на службу к шахзаде Кахраман-мирзе, сам же пошел в Мазинан и двинулся оттуда с небольшим войском, навел прядок в Бастаме, а затем направился в Астрабад.

Без промедления стянув войско, он двинулся с тех земель в степь Гургана. Когда весть об этом была сообщена государственным деятелям, они командировали ему для пополнения войска хаджи Али Асгара с артиллерией и арсеналом, а также Самсам-хана с мусульманским полком и Неджеф-кули-хана-юзбаши с двумя стами шахских гулямов и тысячью всадников шахсевенов и афшаров. На берегу Гюргена они присоединились к нему.

Ардашир-мирза собрал подать с йомутов и гёкленов и, взяв в большом количестве заложников и подарки вещами, отправился в Тегеран. Шах Гази (Мухаммед-шах) велел пожаловать его подобающим халатом и усыпанным драгоценными камнями ножом. Затем шахзаде еще раз совершил поход в Бастам и оттуда вернулся в столицу («Насих-ут-таварих», стр. 332—333).

Прибывший из Азербайджана (1251 г. х. — 1835 г.) Феридун-мирза был командирован в Астрабад и Гурган. Для сопровождения его туда же был послан также Хасан-хан Сары Аслан и отряд правительственных войск. Этот отряд явился авангардом того шахского войска, которое выступило туда в следующем году в карательную экспедицию против гурганских туркмен («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 152).

Когда были закончены сборы к походу (1252 г. х. — 1836 г.) в Хорасан и Герат, приехал посланный от правителя Хорасана — Аллаяр-хана и привез письменное донесение, в котором излагалось, что: «по всему Хорасану распространилась моровая язва, в священном городе Мешхеде от этой болезни погибает (ежедневно) свыше двухсот человек, и население Хорасана бежало в ущелья и на вершины гор, и никому нет дела до другого. И будет благоразумно, если государь отложит на другое время покорение Герата». Прославленный падишах должен был поневоле повернуть обратно и предпочесть наведение порядка среди туркмен

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 163: « . . . Исмаил-мирзу окружила компания туркмен и курдов, и он возмечтал о самоопределении и независимости».

теке, йомут и гёклен покорению Герата.[1] В Фирузкухе шах снарядился для истребления туркмен. Грозная мощь падишаха и порядок у главнокомандующего были таковы, что в течение сорока дней, когда стояли лагерем в Фирузкухе, ни один человек из сорока пяти тысяч всадников и пехотинцев войска и двадцати тысяч придворной знати и ее челяди, не сорвал с нивы подданных ни одного колоса безвозмездно.

Итак, составив в Фирузкухе же указ ко всем главарям и вождям племен йомут и гёклен, шах вручил его Мухаммед Салих-хану из Курд-махалле[2] и приказал ему: «Поезжай к туркменам и скажи им: „вы были данниками государей Ирана и несли на своей шее ярмо покорности, как же это так случилось, что вы больше года уже как отошли от пути послушания и повиновения и обратились к мятежу и возмущению?! Нужно сейчас же возместить недоимки или приготовиться к суду и расправе“».

Третьего дня месяца джумади I (16 августа 1836 г.) победоносные знамена поднялись над Фирузкухом, и храбрые львы расположились на отдых в местности Гурсефид и оттуда в несколько переходов дошли до Шахкуха. В этом месте явились ко двору некоторые из старейшин племен йомут и гёклен и повергли во прах ничтожное чело. Но большая часть из этого народа уклонилась от пути повиновения и полагала, что прохождение пушек, стягивание войск, доставка обоза и багажа в таких горах и кручах, как у них, очень трудна, и что до сих пор немногие государи приходили сюда с вьюками и обозом. Так что вместо ответа Мухаммед Салих-хану и исполнения приказов падишаха они ограничились проволочками и затягиванием.

В это время шаханшах отдал приказ, чтобы Феридун-мирза, стоявший в Кальпуше,[3] отобрав из своего войска пять тысяч храбрых всадников,

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. II, стр. 1166: «Мухаммед-шах решил покарать гюргенских туркмен и во вторник 22 сафара (8 июня 1836 г.) тронулся из Тегерана». Далее следует несколько сокращенное изложение событий, повторяющее приведенную здесь главу из «Насих-ут-таварих».

[2] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 166: «. . . астрабадцу Мухаммед Салих-хану». Курд-махалле — центр Садан Рустака, одного из семи булюков Астрабадской области, к западу от Астрабада. Имеет 700 дворов и расположено среди густого леса, в 61 англ. милях от Астрабада. H.-L. Rabino, Mázandarán and Astarábád. 1928, p. 69.

[3] Нагорная покрытая лугами местность к востоку от Астрабада, в Хорасане. Летовка Кальпуш расположена в горах в 3 фарсахах (около 20 км) к северу от селения Нардин, центра бывшего Нардинского ханства, и служит летним местожительством нардинцев. Здесь из опасения набегов туркмен были устроены четыре укрепленных деревни (кала) в общем на 300 домов. Благодаря высокому положению в этой местности часто падают дожди, а поля не нуждаются в поливке. Некоторая часть жителей проживает здесь и зимой; засевают пшеницу, которая дает средний урожай. Поблизости деревень есть большой лес, изобилующий дичью (ханская охота), а во всей местности Кальпуш роскошный подножный корм даже в самое жаркое лето. Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, т. 1894. Приложение, стр. 78.

двинулся в Карры-кала,[1] являющейся твердыней туркмен[2] и там ждал бы дальнейших распоряжений. Таков был высочайший указ, и шах выехал из Шахкуха и, миновав земли Таджар и округи Абарсидж,[3] остановился в Харакане Бастамском двадцать пятого дня месяца раби I (10 июля 1836 г.) и разбил лагерь на равнине Кальпуша.

А за день до прибытия царской свиты, Феридун-мирза, взяв с собой Мухаммед-хана, эмир-и-тумана ериванского, и Сухраб-хана и Хасан-хана Сары Аслана с пятью тысячами всадников и шестью пушками, взял путь сна Карры-кала.

В это время случилось так, что отряд туркмен совершил набег и ограбление земель Сабзевара, а на обратном пути они столкнулись на дороге подданными Тимурташа, которые вступили с ними в бой, часть их предали мечу, а часть захватили в свои руки. Несколько человек туркмен, которым удалось спастись, бежали в Карры-кала и сообщили старшинам племен о прибытии падишаха в Кальпуш и о походе Феридун-мирзы на Карры-кала; они стали готовиться к борьбе и сражениям и собрали десять тысяч конных бойцов.

С другой стороны, как только Феридун-мирза появился в виду Карры-кала, войска столкнулись и подняли друг на друга мечи и копья. Тогда артиллеристы открыли жерла пушек, и солдаты обрушили дождь ружейных пуль. Туркменское войско бросилось с поля сражения в сторону, чтобы не пострадать от артиллерийского огня. Выйдя в бой, оно несколько раз пыталось перейти в наступление, но когда поняло, что в этой битве ничего не выиграет, а только рискует жизнью, поневоле повернулось спиной к битве и, обратившись в бегство, направилось в сторону Хивы и Хорезма. Воины преследовали туркмен по пятам на протяжении некоторого пространства и триста человек из этого народа перебили, а двести пятьдесят были взяты в плен.

Так как их добро и имущество, провиант и фураж были сложены в Карры-кала, то все это попало в руки воинов. Феридун-мирза, сделав привал в Карры-кала, составил донесение шаху о положении вещей и послал его величеству пленных и головы убитых. (Он) докладывал, что: Карры-кала это укрепление сильное, и если будет на то приказ, то он оставит здесь стражей, чтобы всегда в этих пределах для войска было неприступное убежище.

Шах (Мухаммед-шах) распорядился так: «Нет смысла ежегодно ставить полк войска в этой крепости и содержать его, потому что в этой обширной степи туркмены перейдут всюду, куда ни пожелают. Ты сравняй с землей эту крепость, чтобы для них не было убежища, а припасы, фураж и запасы зерна, которые имеются в этой крепости, возьми в качестве жалованья для

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 166: «. . . Карун-кала».

[2] Там же, т. III, стр. 166 «...главным источником возмущения».

[3] Большая деревня между Шахкухом (в Астрабадской провинции) и Хараканом Бастамским, в одном часе с четвертью пути к северу от Бастама; имеет 350 дворов, 2 бани, 4 древних мечети, 1 медресе. Сани-уд-доуле, «Матля-уш-шамс», I, стр. 65—66.

войска на пятнадцать дней, а что останется — брось в воду, а сам иди походом к берегу Гюргена, так как мы тоже пойдем туда.»

Разумеется, Феридун-мирза, согласно приказу, разрушил крепость, а из хлеба взял на месяц довольствия, и сам направился в Гюрген.

А с другой стороны Мухаммед-шах двадцать пятого дня месяца раби II (9 августа 1836 г.), выступив из Кальпуша, приказал остановиться на стоянке Дашт-и-шах, а, выступив оттуда, остановился на земле Па-и-караул у подножья горы, и, так как переправа артиллерии и обоза через эти труднопроходимые горы была затруднительна, то был сделан на несколько дней привал. После прохождения артиллерии, выйдя из Па-и-караул, он проследовал через Кара-шейх вдоль вод Гюргена и остановился в Гумбед-и-Кабус среди племени гёклен.

Старшины племени, усердствуя, погрузили припасы и войсковой фураж на спины своих верховых коней и доставляли их в лагерь.

Тогда было велено, чтобы Аббас-хан, каджар, беглербеги Астрабада, взяв в качестве заложников пятьсот человек из старейшин этого племени, в сопутствии эмира Са'дулла-хана фендересского, отправился в столицу.

Когда дела с гёклена̀ми были закончены, прославленное шахское знамя двинулось к поселеньям йомутов, а войско направилось в сторону Биби-Ширвана.

Услышав это известие, племена йомутов навьючили все свое добро и имущество и бросились бежать в сторону Балханских гор.[1]

Случайно Феридун-мирза, который от Карры-кала направлялся к его величеству падишаху, встретился с ними по пути и немедля вступил в бой, множество из этой толпы он убил, часть взял в плен, а иные люди, побросав имущество и обоз, пустились в бегство.

Кони, верблюды, коровы и овцы этого народа, все добро и имущество, стали добычей воинов («Насих-ут-таварих», стр. 339—344).

В течение двадцати дней (1253 г. х. — 1837/8), когда Бастам[2] был лагерем падишаха, ежедневно главари и вожди из (бого)-хранимых стран, с вой-

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 166 «. . . к горам Абулхан».

[2] Первоначальное произношение Бистам — город, возникший еще в эпоху сасанидов, в самом конце VI в. н. э. и названный по имени Бистама, правителя северо-восточной части Ирана. Бастам считался вторым после Дамгана важным пунктом провинции Кумис; в средние века продолжал сохранять свое значение торгового города и только впоследствии стал приходить в упадок, уступив свое место г. Шахруду, в 7—8 км к юго-западу, находящемуся в узле торговых и военных путей из западного в восточный Иран. Расположенный в замкнутой горами долине, орошаемой текущей с гор речкой, Бастам богат прекрасными садами и славится своими фруктами; жители (числом 4000—5000 душ) занимаются садоводством и огородничеством. В Бастаме находятся могила знаменитого суфия Баязида (ум. 875 г. н. э.) и ряд древних памятников иранской архитектуры — мечетей и др. Шахруд-Бастамская провинция, состоящая из 8 булюков, выделилась в самостоятельную административную единицу вскоре после завоевания русскими Ахалтекинского оазиса; она граничит на севере

сками своими примыкали к лагерю. Здесь было сообщено, что Алла-кули-тёре, правитель Хорезма, переселил в сторону Атека группу из племени гёклен,[1] имевших местопребывание на Гюргене и бывших слугами иранского государства, и кучку жителей Карры-кала с тем, чтобы дать им место в Хорезме.

Когда Аллаяр-хану принесли это известие, он тотчас командировал Неджеф Али-хана, шадилю, со множеством всадников для нападения на хорезмцев. Близ крепости Махисин они настигли этот отряд. Как только войско Хорезма увидело это, то прежде всего ушло в крепость Махисин, приготовилось к войне, и, выйдя оттуда всей массой, повело упорный бой. Под конец оно было разбито.

Неджеф Али-хан захватил у этого отряда много голов и пленников, и, перебросив тысячу пятьсот семейств гёкленов, водворил их в Бузанджирде[2] и велел поселиться в этом месте.

Аллаяр-хан отдал приказ Искандер-хану с всадниками каран итти в авангарде войска, Мухаммед Рахим-хана, брата Джафар-кули-хана, с всадниками шадилю послал в арьергарде, двинув войско, он довел его до стоянки Ходжа-кенд. При прибытии на стоянку обнаружилось, что на людей Искандер-хана напал отряд туркмен и, одержав победу над ними, захватил несколько пленных. Аллаяр-хан отдал приказ всадникам, находившимся в лагере, оседлать коней. Сперва 200 человек всадников прибыли на помощь караулам. В это же самое время три тысячи всадников хезаре внезапно выскочили из засады и затеяли бой. Когда хорасанские всадники увидели

с Астрабадом (б. ханством Нардин) по Эльбурзскому хребту и с Джаджермом, на востоке с Сабзеварской и Туршизской провинциями, на юге Дашт-и-Кявир'ом — великой соляной пустыней — и на западе с Мазандеранской обл. и Семнанским районом. Enzyklopaedie des Islām, I, 764; Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, стр. 106—123.

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 169: «. . . Алла-кули-хан-тёре, зазвав в Хорезм разными обещаниями некоторое количество туркмен гёкленов, послал людей для прикрытия их перекочевки туда (в Хорезм)».

[2] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 164: «. . .Забрал пятьсот кибиток гёкленов и отвел в Бузанджирд и там поселил их». Бузанджирд — старое название современного г. Буджнурда, в долине верхнего Атрека, в северном Хорасане. Центр бывшего полунезависимого ханства, упраздненного Риза-шахом в 1930 г. Границы Буджнурдского булюка составляют: на севере Туркменская ССР, на востоке округ Кучана, на юге горные хребты разных названий с булюками Джаджерма и Исферайна, на юго-западе бывшее Нардинское ханство и территория, занятая туркменским племенем гёкленов, подчиненных раньше власти буджнурдского ильхани, ныне выделенных особо с подчинением отдельному губернатору, что нанесло экономический ущерб Буджнурду, так как торговля гёкленов тяготеет теперь к новому центру Гумбед-и-Кабус. Население Буджнурдского булюка составляют в большинстве переселенные сюда при шахе Аббасе I курды племени шадилю; общее количество всего населения до 84 000 душ, население города (в настоящее время) до 8000 душ. Описание всего булюка и перечисление курдских племен шадилю см. Л. Артамонов. Астрабад.Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, Тифлис, 1894, стр. 143—152, Приложение, стр. 93—101; см. также Сборник консульских докладов. Северная Персия, 1933, стр. 12—13.

это, они сообразили, что им в таком количестве невозможно вступать в битву; тогда они тотчас же спешились, лошадей поставили перед собой и вооружились самообладанием.

С своей стороны Искандер-хан, каджар, и Джафар-кули-хан из Караджадага пришли с тремя стами всадников, а вслед за ними Аллаяр-хан приблизился со множеством войск, всадникам хезаре пельзя было (уже) медлить, и они (тотчас) уклонились от боя.

На другой день Аллаяр-хан, двинувшись с этого места, спустился к берегам Мерверуда, (которые) теперь люди называют землями р. Бала-Мургаб. В этом месте войсковые караулы угнали у племен эрсари пять тысяч овец и взяли в плен двадцать человек пастухов. Так как после переправы войск Ирана дело для тюрков стало трудным, и они не могли продолжать жить в своих весенних становищах, то тридцать семь тысяч джемшидских и фирузкухских семейств, перейдя небольшими отрядами Мерверуд, приютились на землях Бала-Мургаба. И оттуда Шир Мухаммед-хан, хезаре, Заман-хан, джемши, и Шах Пасанд-хан, фирузкухи, отобрав своих боевых всадников, присоединились к Мизраб-хану, правителю Меймене, халифе Абд-ур-рахман-хану, туркмену, и Надир-мирзе, сыну Камран-мирзы, который пришел в эти земли искать поддержки. Они устроили собрание, чтобы посоветоваться друг с другом и заключили договор в том, что пока останется душа во плоти и сила в теле, не складывать рук в борьбе и сопротивлении. В это время двадцать тысяч человек испытанных в бою всадников собралось вокруг них.

Итак, размерив в высоту и в глубину поле битвы, они соорудили в двадцати четырех местах укрепления и, приготовившись к войне, засели в них.

Однако Аллаяр-хан все продолжал итти вдоль берега Мерверуда. В это время один из шиитских пленных некто Маджнун, находившийся в услужении Шир Мухаммед-хана, хезаре, захватив его саблю, бежал ко двору Аллаяр-хана и сообщил ему, что двадцать тысяч всадников из узбеков, людей Серипуля, Андхуда, Шибиргана из всадников туркмен (племен), салыр и сарык и из племен чар-аймак с большим обозом находятся в двух фарсахах от его лагеря, готовые к битве, а вверх и вниз по степи возведены мощные укрепления, и русла рек запружены вражескими войсками. (В последовавших столкновениях туркестанцы были разбиты и обращены в бегство.)

В это время случилось так, что Неджеф-кули-хан Карабаги, юзбаши, с сотней гулямов перешел реку, чтобы из Турбет-и-Шейх-и-Джам и с границ святой земли (т. е. Мешхеда) доставить в лагерь припасы, фураж и арсенал. И еще случилось, что Алла-кули-тёре послал в Герат на подмогу Камран-мирзе пятьсот воинственных туркменских всадников. И с своей стороны Хабибуллла-хан, эмир артиллерии, для перевозки казны, которую везли из столицы, выступил несколько вперед и, встретивши по пути туркменских всадников, совершил на них нападение. С обеих сторон поднялся шум свалки, не прошло много времени, как с тридцати четырех человек туркмен он срубил головы, пятьдесят шесть человек взял в плен и захватил полто-

раста лошадей. Пощаженные мечом с бесчисленными ранениями бежали с поля битвы. Он гнался за беглецами на расстоянии четырех фарсахов. На следующий день пленных привели к престолу падишаха, и вышел приказ казнить их мечом.

Иранская военная экспедиция на о. Челекен

В этом году (1253 г. х. — 1837/38 г.) некто по имени Кыят из туркменского племени джафарбай захватил в свое владение[1] остров Черекен (Челекен), на котором находятся месторождения нефти и соли.[2] Этот остров имеет в окружности шесть фарсахов и лежит в Каспийском море против Баку.

В результате торговли нефтью и солью этого острова Кыят приобрел большое состояние, и кучка туркмен, сгруппировавшаяся вокруг него во время этой торговли нефтью и солью, при всяком удобном случае захватывала в плен жителей Табаристана и продавала их в туркменские селения и города. Этот остров был для них неприступной твердыней.

Шахзаде Ардашир-мирза (правитель Мазандерана), борющийся в степи со львом и в море нападающий на крокодила, принял твердое решение дать им отпор.

Выбрав тысячу стрелков из племен Ашрафа, Кульбада, имранлю[3] и талыш с арсеналом и припасами он выступил из Ашрафа, пришел на берег моря, спустил на воду корабль и, проплыв на нем шесть фарсахов, сначала вышел на остров Ашур-ада, который имеет не больше, чем полфарсаха протяжения, и, пробыв здесь несколько дней в приготовлениях к делу, взял путь к острову Черекен (Челекен).

Так как два следующих дня свирепствовал ураган, и волны моря бушевали в водовороте, то суда подверглись ужасной опасности. Когда ветер улегся, и море успокоилось, они снова двинулись в путь и высадились на острове Черекен (Челекен).

Как только туркмены увидели это войско, у них не стало мочи вступить в бой и сражаться. Кто смог разбежался по сторонам, а большинство было предано мечу.

Дома их, построенные из дерева, боевые припасы, оружие и утварь были частью сожжены, частью потоплены.

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 170 «. . . занимался разбоем и грабежом на острове Черекен (Челекен)».

[2] Данные о разработке в рассматриваемое время нефтяных и озокеритовых месторождений на о. Челекене и роли Кыята (Кият-хан) см. П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Изд. Всесоюзного геолого-разведочного объединения, Л.-М., 1932, стр. 66—71.

[3] Имранлю — тюрки, населяющие большую деревню Гялюга в Мазандеране, в $65^1/_4$ англ. милях к западу от Шахруда, состоящую из 600 дворов; племя состоит из 9 кланов, по которым называются кварталы деревни. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, 1928, p. 65.

Когда Ардашир-мирза покончил с этим делом, то вернулся обратно и представил падишаху письменное донесение о положении вещей. Шаханшах пожаловал его усыпанным драгоценными каменьями мечом и орденом Льва и Солнца, целиком усыпанным алмазами, на красной ленте, и чином полковника.

В этом году (1257 г. х. — 1841 г.) восемьсот всадников из туркменских племен совершали нападения на караваны паломников святого Мешхеда и ни на минуту не воздерживались от святотатства, убийства и грабежа.[1]

Они случайно столкнулись также в пути с племянником Аллаяр-хана Мухаммед Вели-ханом, который с незначительным отрядом отправился на охоту, и захватили его в плен. Как только Аллаяр-хан услышал эту весть, он со снаряженным войском бросился в земли туркмен и причинил им множество беспокойства, но при всем этом не нашел Мухаммед Вели-хана, потому что его увезли к Мерву. Аллаяр-хан, придя в святой Мешхед, разумеется, доложил о положении вещей.

Шаханшах послал Мухаммед Али-хана Гафура послом к Алла-кули-тёре, повелителю Хорезма, с таким ультиматумом: «Если набег был совершен туркменами по твоему приказу, то будь готов к войне, если же нет, то покарай тот отряд, который явился зачинщиком смуты, а Мухаммед Вели-хана с прочими пленными пошли к нашему величеству».

ВОССТАНИЕ МАХДУМ-КУЛИ В РАЙОНЕ АСТРАБАДА

В том же году (1257 г. х. — 1841 г.) в землях Гургана появился, претендуя на то, что он творит чудеса и должен быть причтенным к лику святых, некий злонамеренный человек, по внешнему обличью принадлежавший к дервишам, по существу же своему и понятия не имевший об их нравах.

Туркмен Махдум-кули, повелевавший среди племен теке и йомут и занимавший заслуженное положение, с группой туркмен подчинился воле этого авантюриста.[2]

Как водится в обычаях туркмен, имена подобных людей почтительно оберегаются и не произносятся, поэтому ему дали прозвище

---

[1] Об этом эпизоде также «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 177.

[2] Этот эпизод с Махдум-кули («Махмуд-кули-хан») в таком же духе излагается в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 177—178; интересно отметить только одну подробность о дервише, которая приведена здесь:

«В этом же году (1257 г- х.) туркмен Махмуд-кули-хан привязался (душою) к одному дервишу из ордена накшбенди, который выдавал себя за суфия и чудотворца и слагал стихи и гимны на туркменском тюркском языке, и подчинился его влиянию. Этим лицом увлеклись также и некоторые другие туркмены — гёклены и йомуты. С целью его возвеличения они назвали его ишаном. Этот старец и его мюриды начали творить беспорядки в районе Астрабада».

«их милость», «Хазрет-и-ишан», и под его предводительством стали на путь мятежничества.

Мухаммед Насир-хан, каджар каванлю,[1] управлявший в это время Астрабадом, изложил шаханшаху положение дел.

Шаханшах отдал приказ, чтобы Мухаммед Хасан-хан, сердар ерпванский, с десятью тысячами всадников и солдат двинулся на них, а также приказал шахзаде Ардашир-мирзе, правителю Мазандерана, выступить с многочисленным войском. А со стороны Хорасанской земли Джафар-кули-хан, ильханй Бузанджирда,[2] предпринял путь на Гурган и повел с собой шесть тысяч хорасанских всадников.

Когда на земле Гургана был разбит лагерь, и собрались доблестные мужи, то туркменам не осталось места, чтобы двигаться и сопротивляться. Махдум-кули, не обнажив меча и не выпустив ни одной стрелы, оставил пастбища и становища и бросился бежать в степь.

Ардашир-мирза с одобрения сердара послал к нему посла сказать: «Не предпринимай бесполезного бегства, потому что тебе не спастись от нападения этого войска. Если ты ищешь мирного выхода, то пошли к нашей милости „Хазрет-и-ишана“ и отправь сюда жен и детей туркменских старшин».

Когда Махдум-кули услышал такую весть и увидел, что все выходы для него закрыты, волей-неволей он послал ко двору шахзаде своего сына Мухаммед-хана вместе с «Хазрет-и-ишаном»; туркменские вельможи также послали заложников, подарки и клятвенное обещание, что если выйдет распоряжение, то они пойдут (даже) в недра Хорезма и будут сражаться. Ардашир-мирза доложил при дворе о положении вещей. Шаханшах отдал приказ, чтобы шахзаде с войском в течение одного месяца стоял лагерем, пока не вернется из поездки в Хорезм Мухаммед Али-хан Гафур и не обнаружатся тайные помыслы Алла-кули-тёре.[3]

В награду за эту услугу шахзаде Ардашир-мирзе был пожалован орден Льва и Солнца, целиком в алмазах, на ленте.

---

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 177: девелю.

[2] То же в «Тарих-и-мунтазам-и-Насири».

[3] Там же, т. III, стр. 178, несколько иной финал этого эпизода:

«Ардашир-мирза доложил об этом шаху, и туркменские начальники удостоились получения почетных халатов и (других) милостей, и им было повелено оставаться на месте, пока вернется обратно посланный в Хиву Мухаммед Али-хан; если хан хивинский отправил Мухаммед Вели-хана, то оставить его в покое (букв. «никому ничего против него не предпринимать»), а если нет, — то выступать на Хорезм. А тем временем Алла-кули-хан хорезмский отправил уже с большим почетом Мухаммед Вели-хана к шахскому двору, избавив себя этим от опасности этого похода».

БОРЬБА ХОРАСАНСКИХ ФЕОДАЛОВ С ШАХСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ТУРКМЕНЫ. ВОССТАНИЕ САЛАРА

В этом (1264/1847) году, в разгар так называемой «хорасанской смуты», которую возглавлял двоюродный брат Мухаммед-шаха Хасан-хан Салар со своим союзником ильхани Джафар-кули-ханом, Салар потерпел под Меямеем поражение.[1] Он отправил после этого своего сына эмира Аслан-хана с деньгами и драгоценностями в Келат, а сам с остальной частью своей кассы и драгоценностей попытался укрыться в Бузанджирде. Но ни его сына в Келат ни его самого в Бузанджирд не впустили. Его сын остался со своим отрядом под Келатом, а Салар пошел быстрым маршем по направлению к Ахалу и так как у него с собою было 40 000 туманов наличных денег, туркмены, соблазненные золотом, хорошо приняли и его и его спутников и онбеги Кара-оглан разместил их в своих юртах и кибитках.[2] Он привел к Салару подвластное ему (Кара-оглану) племя тохтамыш и заверил Салара в своей дружбе... (Тем временем вновь назначенный губернатор Бузанджирда Мухаммед Али-хан настолько восстановил против себя население, что оно обратилось за помощью к Салару и его товарищу ильхани Джафар-кули-хану).[3] Салар и ильхай прибыли к Бузанджирду вместе с Кара-огла-

---

[1] Иранские историки, естественно, много внимания уделяют так наз. «хорасанской смуте» (1846—1850 гг.), восстанию сына Аллаяр-хана, хорасанского наместника Хасан-хана Салара и Джафар-кули-хана против центрального правительства шаха Мухаммеда. В частности, в «Насих-ут-таварих» ряд глав посвящен этому восстанию: «Обстоятельства восстания и первые шаги Салара» (стр. 448—460), «Прибытие шахзаде Хамза-мирзы, сражение его с Саларом и бегство последнего в туркменские степи» (стр. 460—463), «Набег Джафар-кули-хана и Кара-оглана на город Бузанджирд» (стр. 463—466), «Рассказ о возмущении хорасанского населения против шахзаде Хамза-мирзы. . .» (стр. 518—531), «Прибытие шахзаде Султан Мурад-мирзы и осада им Мешхеда и борьба с Саларом» (стр. 564—600) и др., причем мы отмечаем страницы в тексте только в связи с участием туркмен, преимущественно Астрабадской области в восстании Салара. Тема эта представляет специальный интерес и заслуживает специального исследования. Знаменательно то, что в этом восстании большую роль играли различные туркменские племена. Уже за год до восстания шахское правительство посылает в Хорасан своего эмиссара Сулейман-хана Думбели для сбора сведений и организации шпионажа. В пути Сулейман-хан узнает о восстании туркмен племени гёклен, «соблазненных Саларом и Джафар-кули-ханом» («Насих-ут-таварих», стр. 449). В ходе восстания туркменская конница играет большую роль в армии Салара (там же, стр. 457, 459 и др.).

Поскольку изложение «Насих-ут-таварих» загромождено подробностями, не представляющими непосредственного интереса для историка Туркмении, события, связанные с «хорасанской смутой» и участием в этой «смуте» туркмен, приводятся по сокращенному изложению и пересказу «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» и «Матля-уш-шамс» с необходимыми ссылками на другие источники.

[2] По «Насих-ут-таварих» Салар и Джафар-кули-хан укрылись в доме Кара-оглана-онбеги, «который был повелителем среди туркмен племени тохтамыш» (стр. 462).

[3] «. . . гарнизон во главе с Мухаммед Али-ханом грабил население и творил всяческие бесчинства. .. » («Насих-ут-таварих», стр. 463).

ном и двумя тысячами всадников и заняли город. Мухаммед Али-хан был убит, а его войско оказалось осажденным в арке. Хамза-мирза, правитель Хорасана, узнав об этом, послал письмо Яздан-верды-хану, зафаранлю, с распоряжением итти на Бузанджирд, а, кроме того, послав туда же наиба, Мухаммед Вели-хана, каджара, направился туда же сам. Ильханй и Салар, поняв, что устоять им будет не под силу, велели откочевать оттуда некоторым из племен шадилю, а туркмены и курды, забрав большое количество пленных сарбазов, в особенности из племени баят, двинулись в Ахал («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 193).

Пятого мухаррема (13 декабря 1847 г.) этого года ильханй Джафар-кули-хан вознамерился произвести налет с ночной резней на находившийся в Манэ лагерь Хамза-мирзы, но это ему не удалось, и он захватил и увез в Ахал только Лютф Али-хана, бугаири, который был командирован в Кала-и-хан.[1] Так как по поводу пребывания Салара в Ахале между родами тохтамыш и актамыш[2] произошла распря, Салар направился в Келат, но после того, как узнал, что Келат не перешел в руки его сына эмир Аслан-хана, поехал в Серахс и стал гостить у аксакала серахских туркмен Ораз-хана.[3] К нему присоединился там и его сын эмир Аслан-хан со своей семьей и людьми. Через некоторое время стало известно, что Джафар-кули-хан (ильханй) устроил в одном месте в Гургане засаду. Хамза-мирза послал против него мирзу Абдулла-хана, афшара, из Сари-кала, с афшарскими и хорасанскими всадниками, и они обратили его в бегство. Джафар-кули-хан помчался к Герату и присоединился там к Яр Мухам-

---

[1] «Хамза-мирза назначил Лютф Али-хана, бугаири, отправиться в крепость Хан, что в округе Манэ, стать там лагерем и быть наблюдателем за этим путем, чтобы по той дороге не могли переправляться туркменские всадники» («Насих-ут-таварих», стр. 465).

[2] По «Насих-ут-таварих» — правильно «отамыш». «После этой экспедиции (пленение Лютф Али-хана. *Ред.*) Салар и Джафар-кули-хан согласно проживали в этих землях (Ахале. *Ред.*) и осыпали щедротами туркменские племена, чтобы те не истребили и не разграбили их имущества.

С своей стороны, когда племя отамыш увидело это, то послало Кара-оглану (такое) послание, (что-де) в «течение некоторого времени вы оказывали гостеприимство Салару и Джафар-кули-хану и имели большую пользу (от этого); справедливо было бы послать их на несколько дней в гости к нам, чтобы и мы тоже получили выгоду». Так как прошение их не получило утвердительного ответа, то они обиделись и мало-по-малу возымели враждебные намерения и помыслы о борьбе. Салар испугался как бы между этими двумя племенами не возникла вражда. Поэтому, приняв решение поехать в Келат, он откочевал из Ахала, и так как на границе Хабушана стояли караулы Яздан-верды-хана, зафаранлю, то он свернул с пути и, взяв Кара-оглана с тысячью человек конницы из племени тохтамыш, по дороге (через) Дереджез направился к Келату.

Едва прошли они небольшую часть пути, как на них налетела шайка из племени отамыш. В течение часа они бились и дрались; когда племя отамыш увидело, что ему не одержать победы, то отступило и вернулось назад» («Насих-ут-таварих», стр. 465).

[3] « . . . В доме Ораз-хана, аксакала и повелителя Серахса» («Насих-ут-таварих», стр. 465). Ораз-хан принадлежал к племени теке.

мед-хану, а Хамза-мирза, сделав за одну ночь переход в 17 фарсахов, налетел на туркмен, часть перебил и арестовал, но потом по предстательству мир Садулла-хана фендерескского ограничился тем, что забрал у туркмен триста семейств в качестве заложников, которых отправил для поселения в Сулекан, а часть их всадников вошла в его свиту. После этого пришло известие, что Салар собирается итти с 8000 человек на Мешхед; против него был послан с отрядом Ибрахим Халиль-хан. Бой произошел в Кала-и-Якути.[1] Абдулла-хан, афшар, из Саин-кала,[2] и его брат пали убитыми, но Салар был разбит и обращен в бегство, а часть туркмен попала в плен.[3] Хамза-мирза отправился в Мешхед и занялся там приведением в порядок дел. Он приставил караул к сидевшим в бесте[4] в Мешхедском святилище брату Салара (мирзе Мухаммед-хану-беглербеги) и родственникам ильханй, поставил хамаданского сертиба Мустафа-кули-хана, карагёзлю, охранять г. Мешхед, вызвал к себе в свиту ильханй Сам-хана, сына Риза-кули-хана, зафараплю, и отправился против Салара быстрым маршем в Карабуке, в окрестностях Серахса. Серахские аксакалы, выслав ему подарки, выступили ходатаями за Салара. В это время Хамза-мирза сильно заболел. Салар и его братья увидали, что случай им благоприятствует, и сговорились между собой завладеть Мешхедом. Они сделали это таким образом: братья Салара подстрекнули к бунту бандитские элементы и население города[5] и призвали Салара захватить город. Когда в городе поднялся бунт, Хамза-мирза, несмотря на свою болезнь, помчался по направлению к Мешхеду. Взбунтовавшееся население поднялось, чтобы оказать ему отпор, а в это время к Мешхеду подступил с большим войском также и Салар.[6] Окрестное население на расстоянии 10 фарсахов кругом города объединилось на защиту населения Мешхеда и стало на сторону Салара. Положение Салара

---

[1] Кала-и-Якути — крепость между Серахсом и Мешхедом.

[2] Саин-кала — булюк (округ) в южной части Азербайджана, населенный афшарами.

[3] По «Насих-ут-таварих» результат сражения был обратный. Хамза-мирза — наместник Хорасана получает известие в урочище Гав-баг о том, что Хасан-хан Салар и Джафар-кули-хан собрали большое войско из туркмен, вышли из Серахса вместе с Ораз-ханом серахским и двинулись на Ак Дербенд. Хамза-мирза выслал против Салара и Джафар-кули-хана отряд иранской конницы, к которому присоединился Ибрахим Халиль-хан с хорасанской конницей, пехотой и артиллерией. Джафар-кули-хан посредством военной хитрости завлек оба отряда в засаду и разбил «. . . Избегнувшие меча обратились в бегство и не останавливались до тех пор, пока не оказались среди солдат и артиллерии» («Насих-ут-таварих», стр. 519).

[4] Бестом в Иране называется убежище, считающееся, в силу установившейся традиции, неприкосновенным.

[5] В «Насих-ут-таварих» ссылка, дополнительно, на то обстоятельство, что иранский гарнизон в Мешхеде «учинял противозакония, грабил и притеснял население» («Насих-ут-таварих», стр. 518).

[6] «Захватив с собой Кара-оглана, который был онбеги у племен Ахала, Ораз-хана и Коушуд-хана — начальников среди родов Серахса, с двумя тысячами туркменских всадников (Салар) стремительно, как орел, с быстротой метеора, помчался к городу Мешхеду» («Насих-ут-таварих», стр. 521).

упрочилось. Бои между солдатами Хамза-мирзы, с одной стороны, и населением города и Саларом — с другой, шли ежедневно, и каждый день та и другая сторона несли потери убитыми.[1] (Около этого времени болезнь Мухаммед-шаха усилилась, и он скончался...[2] («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 569).

Больше года Салар со своими людьми, проявляя мужество, ежедневно соблюдал правила войны и боя («Насих-ут-таварих», стр. 569).

(В 1266 г. х. — 1849/50 г.) Мухаммед Насир-хан, каджар, с войсками Тегерана был назначен в помощь Султан Мурад-мирзе для подавления мятежа Салара. 20 сафара (5 января 1850 г.) он достиг мешхедских стен. В «Насих-ут-таварих» записано, что во время осады Мешхеда войско Салара 200 раз давало сражение войскам Султан Мурад-мирзы.[3] В продолжение осады Салар очень дурно обходился с улемами. Многих из них он бросил в тюрьму, и вследствие недостатка в деньгах ломал не только лампады, но даже золотые гробницы и обитые серебром и золотом двери, затем выбивал из металла монету и раздавал ее туркменам и городской черни.[4] Под конец, вследствие недостатка в хлебе и тягостей осады население города было доведено до крайности и возмутилось против Салара. Салар был вынужден спрятаться в бесте имама Ризы. В воскресенье 9 джумади I (1266 г. х. — 23 марта 1850 г.) Мешхед был взят, и Султан Мурад-мирза вступил в город[5] («Матля-уш-шамс», т. II, стр. 366).

---

[1] По «Насих-ут-таварих» Хамза-мирза терпит поражение и уходит в Герат.

[2] Преемник Мухаммед-шаха шах Насир-уд-дин снаряжает армию и отправляет ее под командованием Султан Мурад-мирзы для ликвидации восстания Салара («Насих-ут-таварих», стр. 527—530).

[3] Любопытны некоторые детали, сообщаемые в «Насих-ут-таварих», относительно участия туркмен в восстании Салара и защите Мешхеда. Так, напр., в ночь на 26 сентября 1849 г. «четыре тысячи городских всадников и туркмен» делают вылазку из осажденного города на окрестности, видимо, в целях добычи провианта и фуража. Отряд этот был разбит посланным против него Султан Мурад-мирзой отрядом под начальством Сам-хана, ильханй. Сам-хан после разгрома отряда повстанцев «освободил чинарских пленных и взял в плен 700 человек из жителей города (Мешхеда) и двести человек туркмен и, забрав их с собой, привел ко двору Султан Мурад-мирзы, который приказал, чтобы, отобрав у городских всадников оружие и военное снаряжение, их отпустили на свободу, а двум стам туркменам велел у себя на глазах снять головы» («Насих-ут-таварих», стр. 569).

С другой стороны, любопытно, что во время осады «прибыл экстренный курьер от мир Мухели-хана Хуфара и сообщил, что на подкрепление Салару и мешхедцам подходят мервские туркмены — три тысячи всадников с обозом, и теперь, миновав расположенные по пути караулы, расположились в Мир Аяз, в шести фарсахах от Мешхеда . . . (Султан Мурад-мирза выслал отряд пехоты, артиллерии и кавалерии против туркмен) « . . . после двух часов сражения Мухаммед-шейху и туркменам стало невмочь, и они отвратились от войны» («Насих-ут-таварих», стр. 570).

[4] Салар должен был прибегнуть к реквизиции вакуфных сокровищ в силу недостатк фуража и продовольствия («Насих-ут-таварих», стр. 566—567).

[5] Салар, его сын эмир Арслан-хан и брат Мухаммед Али-хан были казнены «в ночь на понедельник» (6 джумади II — 19 апреля 1850 г.) («Матля-уш-шамс», II, стр. 366—367).

БОРЬБА ИРАНА С ХОРЕЗМОМ И ТУРКМЕНАМИ

Вначале (1267 г. х. — ноябрь 1850 г.) шах Насир-уд-дин отдал приказ, чтобы шахзаде Султан Мурад-мирза воздал по заслугам серахским туркменам, которые не прекращали набегов на округу священного Мешхеда. Разумеется, Султан Мурад-мирза в согласии с советом и благоусмотрением Сам-хана, ильхани, и Аббас-кули-хана, джеханбеглю, который был назначен мирпанджем, закончил приготовления к походу и стал скликать войско из близких и дальних мест. Из столицы — Тегерана также прибыли один вслед за другим полки: караджадагский,[1] шакакский,[2] конница шахсевенская, бейранвендская[3] и мафийская. Словом, когда прошло два месяца со дня нового года, то Султан Мурад-мирза приказал сначала схватить и заключить в оковы всех бывших в г. Мешхеде туркмен, чтобы кто-нибудь из них не дал знать в Серахс. Затем, выступив из г. Мешхеда и двинув войско, он предпринял путь через Муздуранский проход. Этот путь крайне трудный, и от горы Муздуран до лежащих в четырех фарсахах расстояния земель Шурик нет места для привала и водопоев, да и в Шурике нет никакой воды, кроме соленой. Итак, Султан Мурад-мирза дошел до Шурика и здесь оставил позади себя обоз, вьюки и всю поклажу, а также три пушки и отряд солдат, чтобы они охраняли этот обоз и шли вслед за войском. Сам же, выбрав в лагере пять тысяч пятьсот человек из конницы и пехоты, форсированным маршем выступил к Серахсу, который находился на расстоянии пятнадцати фарсахов, и за ночь прошел шесть фарсахов пути. Когда наступил день, и солнце начало палить солдат, к мучениям пути и жажде прибавилась еще и сильная жара, многих это валило с ног, от жажды многие

---

[1] Караджадаг — горный район, расположенный между р. Араксом и горами Карадага в Азербайджане. Центр района — г. Ахар к северо-востоку от Тавриза, находящийся на высоте 1476 м над уровнем моря. Район состоит из 146 деревень с населением около 18 000 душ. Караванный путь приводит из Ахара к Худоаферинскому мосту на р. Араксе, а шоссейная дорога связывает город на юго-западе с Тавризом, на востоке с районом Мешкина, населенным юркским племенем — шахсевенами. Караджадагцы отличались смелостью, известным чувством независимости и «наклонностью к разбойничьим подвигам». М. Кихан, Джуграфия-и-муфассал-и-Иран, II, стр. 164. Тегеран, 1311 г. х. (1933).

[2] Шакак — племя курдов в западном Азербайджане в районе Салмаса, Хоя и Котура. Отсюда набирались постоянные полки: II тумана — 5-й и 6-й полки, III тумана — 7-й полк. Сани-уд-доуле, «Матля-уш-шамс», Тегеран, 1301. Прил,, стр. 26.

[3] Бейранвенд — одно из главных племен луров; живет в Пишкухе (восточная часть Луристана — «Предгорье», в противоположность западной части — Пуштекуху — «Загорью»), занимая северо-восточную часть Луристана. Принадлежит к так называемым племенам «лек», говорящим на южнокурдском наречии, насчитывает 1000 семейств. Как и другие племена, кочевые и оседлые, племя бейранвенд обязано было выставлять для центральной власти, в случае необходимости, определенный военный контингент: при наличии у племени лошадей — конницу, при отсутствии таковых — пеших стрелков.

падали на землю. Шахзаде приказал грузить ослабевших на вьючных животных и таким образом двигаться. Некоторые солдаты, искавшие убежища от изнурительной усталости под колючими кустарниками по краям пустыни, попались в плен к туркменам и были убиты.

Проделав путь с такими трудностями и лишениями, Султан Мурад-мирза остановился во время второго намаза в двух фарсахах от Серахса. Войско тотчас напилось воды и избавилось от мучений жажды. Отряд всадников сел на коней и в тот же день, захватив в окрестностях города сто человек мужчин и женщин из жителей Серахса, доставил их в лагерь, а хорасанские всадники, которые знали эти земли вдоль и поперек, поскакали и пригнали тысячу голов верблюдов. На следующий день они вместе с всадниками тимури и сархадди быстро проскакали до местности Шир-тепе, которая находится на расстоянии двух стоянок по ту сторону Серахса, и пригнали к Муздурану и Ак Дербенду сто тысяч голов овец, и каждый получил свою долю добычи. Когда в сердцах туркмен от этого набега и грабежа вселился страх и ужас, Султан Мурад-мирза отдал войску приказ сесть на коней и предпринять путь к Серахсу. Когда до крепости Серахса оставалось не больше как (расстояние) одного выстрела, из города выскочили толпами конные и пешие туркмены и некоторое время сражались, но не добились результата и, вернувшись, засели в крепости. А шахзаде (Султан Мурад-мирза) стал лагерем в виду Серахса и в течение четырнадцати дней осаждал его.

В это время открылось, что Мухаммед Эмин-хан, правитель Хорезма, с воинственной армией совершает поход на Мерв и ни в коем случае не откажется от помощи жителям Серахса.

С другой стороны, вельможи Серахса, придя к шахзаде, принесли ему выражение верноподданничества и преданности и обязались никогда не совершать ослушания и не браться за грабежи и набеги в землях Хорасана.

Разумеется, Султан Мурад-мирза, по соображениям дальновидности и требованию времени, направился в обратный путь, отступил на стоянку Пас Камар и здесь стал на бивуак. Ему сопутствовали также вельможи Серахса, но испугались остановки шахзаде в Пас Камаре и того, как бы он снова не пошел на Серахс. Поэтому, отправив в Мерв человека, они попросили помощи у хана Хивы. Тот послал в помощь им две тысячи всадников. Подойдя близко к лагерю Султана Мурад-мирзы, всадники устроили засаду. Случайно, бывшие авангардом войска, мафийские всадники столкнулись с ними и вступили в бой. Не прошло много времени, как мафийские всадники были разбиты, и весть о бегстве достигла лагеря. Султан Мурад-мирза выслал им на подмогу отряд кавалеристов, однако, как они ни спешили, все же не нашли (даже и) пыли, поднятой туркменскими всадниками. После этого происшествия хорезмская армия и войско Серахса осмелели, и единодушно и согласованно они каждый день совершали налеты на окраины лагеря и по временам захватывали в плен воинов. Султан Мурад-мирза

волей-неволей должен был откочевать с этого места, уйти к священной земле Мешхеда и стать лагерем в Кала-и-Якути.

Со своей стороны, хан Хорезма, совершая один за другим переходы, подошел на расстояние одной стоянки к Серахсу. Здесь он заключил с людьми Серахса соглашение относительно грабежа и разорения мешхедской округи и, выбрав из хивинских, мервских и серахских людей пять тысяч всадников, дал им приказ совершить набег на земли Турбета,[1] взять эту укрепленную крепость, захватить в плен мужчин и женщин и привести их к нему вместе с их добром и имуществом.

В то время, когда известие о прибытии туркмен в округу Мешхеда коснулось слуха Султан Мурад-мирзы, он выслал Сам-хана, ильхани, и Аббас-кули-хана, мирпанджа, с полками турбетским и туршизским, двумя тысячами всадников и десятью пушками. Идя форсированным маршем, они за два дня прошли из Кала-и-Якути к гератскому Кухистану. Когда они прибыли, то туркмены с пленниками и добычей по дороге через Кухистан и Гуриян уже спешили к Серахсу. Воины прямо с дороги погнали своих коней, преградили путь туркменам, и некоторое время прошло в обоюдных стычках; вдруг туркмены увидели пыль, поднятую пушками и солдатами, которые сейчас же должны были прибыть с пути. Туркменам уже нельзя было медлить, они повернули к битве тыл и обратились в бегство, бросив (захваченное) добро и пленников. Однако воины не удовлетворились этим, погнались вслед за ними и захватили из (их) отряда триста человек пленных и четыреста лошадей. Захватив с собой оставленных туркменами пленных, они прибыли в лагерь.

Большая часть этого туркменского отряда, не имевшая во время бегства резвых коней, попряталась в порослях, покрывающих горные ущелья, и в течение недели жители Турбета и население Сарджама отправлялись в поросли и ловили там то одного, то по-двое людей и коней и приводили их в свои весенние становища.

После этой победы правительственных войск хан Хорезма ушел в Хиву, а жителей Серахса обуял сильнейший страх, так что, выйдя разом из этого города, они бежали на пятнадцать фарсахов и только в Шуре-кала остановились и там у многих смиренно просили о заступничестве перед шахзаде (Султан Мурад-мирзой) и выражали желание, чтобы он назначил правителя над ними и считал бы их своими подданными.

Султан Мурад-мирза принял их раскаяние и послал на должность правителя над этими людьми Аббас-кули-хана из Дереджеза. По прибытии Аббас-кули-хана в Шуре-кала, население Серахса успокоилось сердцем, половина вернулась в Серахс, а другая половина расположилась в Шуре-кала на постоянное поселение. Аббас-кули-хан в течение трех месяцев ведал разрешением дел этого народа.

---

[1] Турбет-и-Шейх-и-Джам; см. примечание на стр. 255—256.

Туркмены в отношении Аббас-кули-хана не руководствовались честностью и искренностью и после возвращения Султан Мурад-мирзы в Мешхед, тайно вошли в соглашение с эмиром Ахмед-ханом, джемшидом, который по поручению хана Хивы проводил время среди племен, чтобы обратить их к неповиновению и схватить Аббас-кули-хана. Благодаря своим наблюдениям и догадливости Аббас-кули-хан понял их замыслы, и как-то утром под предлогом выезда на лов и охоту сел на коня и, ускакав из владений племени, не останавливался, пока не достиг Мешхеда.

После его отъезда страсти жителей Серахса разгорелись, и они при каждом удобном случае стали нападать на мешхедских людей и грабить их.

В том же (1267 г. х.) году, согласно приказу шаханшаха, Мухаммед Вели-хан, губернатор Астрабада, приступил к сооружению плотины на р. Гюргене. В течение нескольких месяцев он ежедневно держал на работе тысячу наемных рабочих, пока, наконец, двадцать шестого числа месяца шавваля не закончил эту постройку, возведя основательную плотину, а сам с тремя тысячами всадников и пехотинцев стал лагерем близ крепости Султан-абад, которая была построена также по приказу падишаха. Туркмены,[1] собрав свое войско, с двадцать первого числа месяца зуль-ка'да (17 сентября 1851 г.) окружили лагерь астрабадского губернатора и устраивали жестокие бои, но, будучи на голову разбиты, от лагеря отступили.

В это время, из-за того, что в лагере было мало фуража и продовольствия, Джафар кули-хан, мирпандж, с отрядом воинов двинулся к Ак-кала.[2]

Лишь только проведали об этом туркмены, то, преградив им путь, с утренней зари и до солнечного заката бились и сражались с ними. После того как двести человек и столько же коней погибло со стороны туркмен, только тогда они обратились в бегство, но, собрав большое войско, в начале месяца зуль-хиджа они вторично напали на лагерь. Сначала они атаковали укрепление Сиях бала. Люди в этом укреплении стойко и мужественно боролись. Им на подмогу прибыл также отряд из лагеря. Девять человек из туркменских старшин во время этой схватки попались в плен, другие люди пустились в бегство, а войско, преследуя беглецов по пятам, захватило множество пленников и лошадей.

После этих событий, в девятый день месяца зуль-хиджа 1267 г. х. (5 октября 1851 г.) Мухаммед Вели-хан и Джафар-кули-хан, взяв большое войско и две пушки, поспешили по следам туркменских племен. И этому народу не оставалось ничего иного, как снова вступить в бой. В этом сра-

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 210 «. . . туркменские племена Гурганской степи. . .»

[2] Укрепление, ныне разрушившееся, на р. Гюргене (левый берег), в 17 верстах к северу от Астрабада, построенное иранцами при шахе Насир-уд-дине для удержания в повиновении туркменских племен, кочующих в низовьях р. Гюргена. Описание его и оценку с военной точки зрения см. Л. К. Артамонов, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. II, вып. 1, Тифлис, 1894, стр. 102; H.-L. Rabino, Mázandarán and Astarábád. 1928, p. 86; E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. B. I, Berlin, 1918, S. 11.

жении был убит один из старшин этого народа, носивший имя Зуннун; когда туркмены увидели это, то бросили обоз и вьюки и обратились в бегство, а воинам достался из их обоза в изобилии хлеб и зерно. Затем Мухаммед Вели-хан вернулся обратно и, возведя в нескольких местах на берегу р. Гюргена против поселений йомутских племен мощные башни, назначил в них караульные отряды с той целью, что если люди из йомутов направятся на Астрабад, они станут мишенью для ружейных пуль.

[Описывается празднование ноуруза 1268 г. х. (1851/52 г. х.). Знатные люди и представители различных племен на этом празднике приносят шаху выражения своих верноподданнических чувств.]

А с другой стороны выстроились в ряд прибывшие из Астрабада вместе с мирпанджем Джафар-кули-ханом, туркменские старшины:[1] Адина Назар-хан, правитель пяти тысяч кибиток племени джафарбай, затем Кули-хан, правитель двух тысяч семейств из племени атабай (ак-атабай), Ябав-хан — правитель тысячи пятисот кибиток девечи, затем Вели-сердар — правитель племени даз, затем Адина Клыч-хан, старшина шестисот кибиток из племени кучик, затем Курбан-хан, глава тысячи пятисот кибиток племени татар и кучик, затем Бек-Пулат, господин племени салак, затем Хызр Назар-хан, правитель тысячи кибиток каррави и бехлеке, затем Саин-кули, начальник (племени) кайкурме, затем Абариш, правитель (племени) пендерак, затем Хизин, старшина (племени) эймур, затем Навбат, старшина (племени) байрам-шали. Словом, осчастливленные милостью и благоволением падишаха, старшины туркмен повергли в знак благодарности чело свое во прах.[2]

Так как после прибытия Джафар-кули-хана из пределов Астрабада группа туркмен теке обратилась к мятежу и неповиновению, то отряд из стражников, которые были назначены для пребывания в этих землях, совершил нападение, захватил их и снял с них головы. Случайно, головы туркмен теке доставили ко двору во время этого самого празднества и повергли в дорожную пыль.

В это время Султан Мурад-мирза принял твердое решение совершить поход в Серахс. Али Кули-хану, мирпанджу, Аскер-хану генералу двух афшарских полков,[3] и тысяче всадников Хамсэ, которые прибыли из сто-

---

[1] «Рвением Аббас-кули-хана, беглербеги дерегезского, порядок в Серахсе достиг полнейшей степени . . . На астрабадской дороге, благодаря новопостроенным там блокгаузам и проводимому охраной наблюдению царит полная безопасность . . . Мирпандж Джафар-кули-хан, который был в свое время командирован в Астрабад и Гурган для наказания туркмен, привел это племя в покорность и привел их теперь, с разрешения правительства, с собой ко двору в Тегеран и удостоился получения шалевой д ж у б ы» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 215—216).

[2] « . . . Аксакалы туркмен гёкленов и йомутов пожалованы почетными халатами и получили разрешение ехать обратно. Остальным туркменским аксакалам тоже пожалованы почетные халаты» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 219).

[3] А ф ш а р ы — одно из тюркских племен, перекочевавших в Иран вместе с монголами, с течением времени расселившееся по всему Ирану. В эпоху сефевидов входило

лицы, он приказал заняться снаряжением войск и подготовкой к походу.

Когда весть об этом принесли в Серахс, то Ораз-хан и шестьдесят серахских старшин спешно прибыли в священный Мешхед и смиренно просили Али-кули-хана, мирпанджа, Сам-хана, ильханӣ, и Аббас-кули-хана дерегезского о заступничестве; (за это) они налагали на себя обязательство и давали клятвенное обещание, что никогда не выйдут из повиновения, и пятьдесят человек из знатных семейств будут постоянно пребывать в священном Мешхеде в качестве заложников, пятьдесят храбрых мужей они оставят в свите Султан Мурада и лошадей их заклеймят тавром служения ему, а также еще сто человек будут нести караульную службу как хранители и защитники рубежей. Они дали подписку с приложением печати, что в случае если кто-либо из людей Серахса когда-либо вступит на путь вражды, то эти сто человек, пребывающие в Мешхеде, за его проступок будут преданы смерти и уничтожению.

Тогда, свершив (долгий) путь, явились к Султан Мураду в Мешхед семьдесят человек из числа знатных туркмен Мерва и, выразив ему покорность и преданность, дали клятвенное обещание, что они дадут группу своих людей в заложники и воздержатся от насилия в пределах и границах Хорасана.

[После этого выражают покорность и готовность служить иранскому правительству Али-хан, правитель Сеистана, приславший заложников в Мешхед, и знатные представители племени белуджей.]

Когда границы Сеистана, туркмен и афганцев были приведены в порядок, Саид Мухаммед, правитель Герата, также стал опираться на силу правительства Ирана.

Затем (1269 г. х. — 1852/53 г.) о положении дел в Хорасане и о смуте в Мерве пришло следующее донесение: так как Мухаммед Эмин-хан, правитель Хорезмского государства, выказал намерение покорить и разрушить г. Мерв, Абд-ур-рахман, бывший наместником Мерва, лишь только узнал об этом, послал своего сына Рахман-верды с пятьюдесятью всадниками[1] в Мешхед к Султан Мурад-мирзе, в то время несшему обязанности правителя Хорасана, и доложил ему: «вот г. Мерв и его округа, которые лежат в землях Хорасана и находятся в пределах власти шаханшаха

в состав семи так называемых кызылбашских племен, вожди которых вершили дела государства. Одно из подразделений афшарского племени, жившее в северо-восточном Хорасане в Дерегезе, выдвинуло знаменитого Надир-шаха. В настоящее время афшары живут в разных местах Ирана, ведя оседлый и полукочевой образ жизни: в южном Азербайджане, около Урмии в Саин-кала, в провинции Хамсэ (вокруг г. Зенджана), к югу от Казвина, в Тегеранской провинции, в северной части Хузистана, в юго-западной части Керманской области и других местах. Общая численность их — 80 000 семейств. Несколько афшарских полков снаряжались самими племенами, несколько же содержалось на счет казны. Enzyklopaedie des Islām. I, 1913, S. 188; Сани-уд-доуле, «Матля-уш-шамс», I, Прил., стр. 26, 28, 49.

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 225: начальниками и старшинами.

Ирана, будут разрушены рукой Мухаммед Эмин-хана. Назначьте своего правителя и избавьте подданных этой страны от бедствий и мучений со стороны жителей Ургенча.

Султан Мурад-мирза послал к царственному порогу донесение о положении вещей, и, по благоусмотрению правителей иранского государства, он назначил на управление Мервом Аббас-кули-хана дереджезского со ста пятидесятью всадниками.

Не прошло еще и одного месяца, как Мухаммед Эмин-хан поднял знамя завоевания царств, с десятью тысячами конных и пеших (войск) выступил из Хивы, двигаясь со страшной быстротой, прошел путь и прибыл к окраинам Мерва.

Аббас-кули-хан со своим немногочисленным войском приготовился к войне; из жителей Мерва он также снарядил войско, несколько раз вступал в столкновение с ханом Хивы и оттеснил его из окрестностей города. После отступления хана Хивы Аббас-кули-хан заболел и от этой болезни умер. Когда это известие принесли в Мешхед, то Султан Мурад-мирза послал для управления Мервом на место Аббас-кули-хана сына его Бахадур-хана и с ним четыреста всадников.

Бахадур-хан со своим отрядом вступил в земли Мерва. Так как путь следования его проходил неподалеку от лагеря хана Хивы, то Мухаммед Эмин-хан выслал им наперерез отряд своих воинов, дабы последние преградили ему дорогу и вступили бы в сражение.

Известный своей отвагой Бахадур-хан, несмотря на малочисленность своего отряда, разгорячил своего коня, и прах поля битвы смешался с кровью храбрецов.

Хорасанские всадники напали справа и слева и затеяли битву и кровопролитие. Выйдя без потерь и урона из этого опасного положения, Бахадур-хан и его люди вступили в город Мерв.

В результате хан Хивы провел в землях Мерва три месяца, однако города этого не одолел. В это время в его стане появилась холера, и его люди ежедневно валились с ног. Тогда волей-неволей должен был он отправиться в обратный путь.[1]

При таких обстоятельствах хан поневоле двинулся в обратный путь и в Кара-ябе,[2] что в шести фарсахах от Мерва, со своей стороны оставил мир Ахмед-хана, джемшида, а сам, не останавливаясь, шел до Хивы.

Мир Ахмед-хан соблазнял подкупами и обещаниями жителей районов Мерва и Серахса, людей из далеких и близких земель и поселил их в Кара-ябе. Таким образом он собрал пять тысяч семейств. Тогда он принялся вредить обитателям Мерва и, когда только мог, грабил и нападал на них. А люди

---

[1] О холере в этом году пишут и хивинские авторы, целиком подтверждающие сведения иранских источников (см. ниже).

[2] Подробно об устройстве укрепления Кара-яб около Мерва рассказывается в сочинении Агехи (см. ниже). Кара-яб обозначен на карте, приложенной к III тому книги Гродекова «Война в Туркмении».

Мерва страдали от голода и недостатка в зерне, потому что несколько раз, в пору жатвы пшеницы, снятия плодов и сбора зернового хлеба, на Мерв нападал хан Хивы и забирал все, что произрастало в садах и на земле.

Тогда один харвар пшеницы стоил пятнадцать туманов чеканным золотом. Старшины Мерва написали Султан Мурад-мирзе о положении дел, и тот доложил об этом у царственного порога.

Шаханшах Ирана отдал приказ: из государственных сборов отвезти некоторую сумму чеканным золотом в подарок жителям Мерва, а Султан Мурад-мирзе двинуть необходимое для охраны и защиты этих земель войско.

Случилось так, что незадолго до того, как прибыли к ним это золото и войско, проходил большой караван из Бухары к Мешхеду и остановился для отдыха на стоянке Чарджуй. Страшась людей из Кара-яба, они не отваживались вступить в Мерв.

С своей стороны, мир Ахмед-хан, джемшид, с тысячью всадников из узбеков из Меймене, салыров из Йолотана поджидал у дороги удобного случая для нападения на них.

Когда об этом узнал правитель Мерва Бахадур-хан, то он выслал Хасан-хана сабзеварского с тремя стами всадников, так что в двух фарсахах от Чарджуя тот встретился с мир Ахмед-ханом. Построив с двух сторон ряды, (противники) вступили в бой. Бахадур-хан сражался мужественно, ранил и сбросил (на землю) двести человек из всадников мир Ахмед-хана и заставил их бежать в сторону Меймене. Десять (отрубленных у людей) этого отряда голов он послал в Мешхед и благополучно переправил караван.[1]

Тогда двести человек из мервских вельмож, направившись в Мешхед, явились к Султан Мурад-мирзе и поселились в Мешхеде в качестве заложников.

Султан Мурад-мирза дал полковнику Исмаил-хану, брату Аббас-кули-хана, мирпанджа, три полка хорасанских солдат, пятьсот всадников, шесть пушек, ядер, арсенал и послал его к Мерву, сам же пошел к Ак Дербенду и приказал старейшинам Серахса явиться к себе, а чтобы они не испугались за себя, оповестил их о продвижении войск к Мерву.

Старейшины Серахса также двинулись с войском, на своих землях запасли фураж и припасы для войска и, постепенно продвигаясь, пришли в земли Мерва.[2]

Близ Мерва с ними столкнулась тысяча всадников из Кара-яба, но после небольшой стычки последние обратились в бегство, а воины, проведя ночь на привале у р. Мерва, на следующий день вступили в город.

Тогда Султан Мурад-мирза послал в Мерв, в сопровождении Мухаммед-хана кяндебильского и Имам Али-бека, знамя с изображением Льва

---

[1] Этот же эпизод с караваном совершенно иначе рассказывается хивинским историком Агехи (см. ниже).

[2] В это время в Серахсе и Кара-ябе жили теке, а в Мерве — сарыки. Подробные сообщения о событиях этого периода мы находим также в хивинских хрониках (см. ниже).

и Солнца и куполом из чистого золота — каковое изображение является гербом Иранского государства, а сам вернулся из Ак Дербенда в Мешхед.

Шахзаде Феридун-мирза, Ферман-ферма, был назначен вместо своего единоутробного брата, Султан Мурад-мирзы, правителем провинции Хорасан, а военным везиром Хорасана назначен был мирза Афзалюлла. Отряд войска с артиллерией и арсеналом был назначен для похода в Хорасан.

Феридун-мирза и военный везир с достойной важностью девятого числа месяца раджаба (18 апреля 1853 г.) вступили в город Мешхед.

Прежде всего он (Феридун-мирза) выслушал весть о волнениях в Мерве. Дело заключалось в том, что, перед тем как Султан Мурад-мирза был отрешен от управления Хорасаном, он послал в Мерв эмира Хусейн-хана, брата Сам-хана, ильханӣ, с двумя стами всадников и приказал им отвезти большую сумму чеканным золотом Бахадур-хану дереджезскому и войску, которое стояло (там) для охраны мервских границ.

Когда эмир Хусейн-хан подошел на расстояние одной стоянки к Мерву, об этом сообщили в Кара-яб, и две тысячи всадников из Кара-яба, вскочив на коней, поспешили перерезать (ему) путь. Они окружили со всех сторон Эмира Хусейн-хана и его людей и в течение четырех дней держали их в блокаде, пока не иссякли вода и пищевые припасы. Когда на четвертый день это увидел эмир Хусейн-хан, то решился умереть и воодушевил свое войско, так что оно с обнаженными мечами разом ринулось вперед и напало на кара-ябцев. Пятнадцать человек из этого отряда предали мечу, а редут их захватили.

Людям из Кара-яба не хватило мочи устоять перед этим натиском, волей-неволей они повернулись спиной к битве и обратились в бегство.

Когда весть о прибытии эмира Хусейн-хана и вылазке людей Кара-яба для нападения на него достигла Мерва, то Бахадур-хан с полком солдат и артиллерией стремительно выступил (из города). Случилось так, что он подошел в то самое время, когда войско Кара-яба поспешно убегало; тогда он отдал приказ, чтобы всадники и солдаты бросились вслед за убегавшими.

Триста человек из этого отряда они убили, пятьсот ранили, а тысячу харваров зерна, которое в эту пору земледельцы везли для продажи в Кара-яб, они направили в Мерв.

Из войска эмира Хусейн-хана в этой битве было убито восемь человек и семеро получили ранения.

Словом, когда это известие привезли в Мешхед, то Феридун-мирза, снарядив войско, двадцать первого дня месяца раджаба (30 апреля 1853 г.) выступил походом из г. Мешхеда и, не останавливаясь, шел до Ак Дербенда. И каждый день военный везир отправлял из г. Мешхеда в лагерь золото, серебро, провизию и фураж. Сам-хан, ильханӣ, и Али-кули-хан, мирпандж, с нусретским полком, афшарским полком и артиллерией явились в Ак Дербенд к Феридун-мирзе.

Феридун-мирза направил оттуда в Мерв Сам-хана с тысячью харваров зерна и войском, достаточным для ведения войны, дабы он навел порядок в делах этих земель.

В это время распространился слух, что караван, направляющийся из Бухары в Мешхед, дошел до Серахса, а дальше, страшась за свою жизнь и боясь потерять имущество, итти не может, потому что племя отамыш решило ограбить этот караван, и несмотря на то, что отряд племени тохтамыш решил мирно переправить путников и довести их до Мешхеда, последние все же не осмеливаются двинуться в путешествие.

Словом, когда эта повость стала известна, военный везир счел необходимым покарать должным образом жителей Серахса.

Согласно его благоусмотрению и мудрым советам, Феридун-мирза снарядил войско и принял решение двинуться походом на Серахс.

Как только слух об этом достиг до жителей того города, они поняли, что вступать в борьбу с войском — значит обречь себя гибели, и решили искать средств для мирного разрешения конфликта. Ораз-хан, Коушут-хан, Рахман-кули-хан, Суфи-хан и прочие старшины Серахса дружно и единодушно поспешили к его высочеству шахзаде и, униженно, повергнувшись во прах, сказали: «С начала времен несли мы службу государям Ирана и получили от них тысячу разнородных благодеяний; так же точно и теперь мы не знаем падишаха более великого, нежели царь царей Ирана, и от служения ему мы возносим нашу честь и гордость до точки нахождения Сатурна. Вот племена отамыш и тохтамыш, в каждом из них по двенадцати колен, и в каждом колене тысяча семейств. Если они будут осчастливлены милостью правителей Ирана, то на служение им они не пожалеют душ и голов своих; пленников, захваченных в Серахсе, отпустят на свободу и примут на себя обязательство мирно пропускать по всем путям купцов из Бухары и из других стран. Изъявляя готовность служить, они просят, чтобы в том случае, если скот жителей Серахса будет приходить пастись в округе Мешхеда, правители Мешхеда предоставили бы им те же права, что и стадам Мешхеда».

Феридун-мирза удовлетворил их прошение и велел двадцать четыре семейства из знатных (племени) отамыш и тохтамыш перевести в Мешхед и поселить в нем в качестве заложников. Мухаммед-хана с несколькими всадниками он послал в Серахс, чтобы тот пошел и привел караван в Мешхед.

В это время военный везир задумал дать отпор Джафар-аге келатскому. Он виделся с теми людьми, которые многократно приезжали из Келата в Мешхед, и говорил им: «Джафар-ага чужд веры и (согласия с) правительством, до каких пор будет он жить бок-о-бок с вами. С одной стороны, он впал в неповиновение падишаху ислама, с другой стороны, он отвратился от Мухаммедова шариата, потому что взятых в плен шиитов посылает для продажи туркменам, а то, что я воздерживаюсь от снаряжения войск и нападения на его землю, так это для того, чтобы жители Келата

не погибли среди этой борьбы. Если вы хотите уладить дело мирным путем, то возмутитесь против него и свергните его, а если нет, то дело кончится тем, что вы понесете кару за его грехи».

Такие переговоры об условиях вел он с вельможами Келата в течение нескольких дней, пока не убедился в их враждебности к Джафар-аге. Тогда он послал в Келат Агасы-хана хурского, Риза-хана гуваршакского и Рахим-хана Чулэ с двумя тысячами стрелков.

Они быстрым маршем дошли до Келата и прямо с дороги сразу захватили ворота Нафти и ворота Аргун-шахи. Когда весть об этом достигла людей Келата, то они также возмутились против Джафар-аги, сбежались со всех сторон, образовали толпу и начали кричать и шуметь. Когда Джафар-ага увидел это, то его обуял сильнейший страх. Тотчас же сел он на коня и с четырьмя братьями и десятью всадниками (свиты) обратился в бегство и быстро бежал до ворот Хивы. Он примкнул к Мухаммед Эмин-хану, правителю Хорезма, и проживал у него до тех пор, пока не был убит в сражении под Серахсом, как будет об этом вскоре упомянуто.

Итак, после победы в Келате, по мудрому совету и благоусмотрению военного везира Джавад-хан Шакаки с четырьмястами всадников и Бахадур-хан дереджезский, сын Аббас-кули-хана, с отрядом воинов, были назначены для охраны крепости Келат.

С другой стороны, когда распространилась весть о взятии Келата и приведении в порядок границ Хорасана, сто пятьдесят человек из вельмож Серахса, явившись в Мешхед, принесли выражение покорности и повиновения.

Шахзаде Феридун-мирза вознамерился направиться в Келат.

Военный везир испугался, как бы не вышло так, что по отбытии шахзаде люди Серахса изменят образ своих мыслей и посеют смуту в делах Келата, с тем, чтобы правитель Хорасана, став слабым, сделался снисходительнее и мягче по отношению к ним.

В результате таких размышлений военный везир арестовал всех полтораста человек и заключил их в тюрьму, после этого Феридун-мирза с тремя полками солдат и десятью пушками двинулся в сторону Келата

А когда жители Серахса узнали об аресте своих вельмож, то Ораз-хан, Коушуд-хан и Рахман-кули-хан с отрядом своих людей взяли путь на Келат и, присоединившись к его высочеству шахзаде, стали к нему на службу, дали в заложники группу из своих близких и освободили пленных.

Тогда шахзаде со спокойным сердцем привел в порядок дела Келата. Генерала полков Хамсэ — мирзу Ибрахим-хана с двумя полками солдат он оставил для управления этим городом и выступил из этого места. (Он) направился в земли Апау,[1] Ашхабада и Ахала, а Эмир-хана, генерала конницы куртбеглю, и Джавад-хана, начальника всадников шакаки, послал в авангарде войска.

---

[1] В тексте, повидимому, ошибочно «Атау».

В тот день, когда шахзаде вступал в Ашхабад, туркмены, собравшись, устроили войскам засаду, столкнулись с Эмир-ханом и, подняв шум сражения, бились больше часа, после чего бежали, будучи не в силах удержаться. Войско погналось вслед за ними, захватило несколько отрубленных голов и несколько человек из этой шайки взяло в плен.

В это время подоспел также и Феридун-мирза с конным и пешим войском и остановился в Ашхабаде. Когда туркмены услышали весть о его прибытии, то, покинув свои пастбища и выгоны, бежали в далекие округа, так что сколько шахзаде ни посылал войско на поиски их, никого из этого племени не было уже видно.

(Феридун-мирза) приказал, чтобы (те) тридцать шесть мощных укреплений и надежных крепостей, которые туркмены, набив запасами зерна и хлеба, оставили здесь, солдаты захватили и предали со всеми припасами и продовольствием огню, а стены сравняли с землей.

Отсюда он вернулся обратно в Мешхед и доложил правителям государства о положении вещей. . .

Но, по отбытии Феридун-мирзы из Келата, Джафар-ага келатский, нашедший убежище в Хорезме, при поддержке хорезмского хана, пришел в Кара-яб, и, взяв здесь тысячу всадников, совершил нападение на Келат.

Полк Ибрахим-хана, занимавшийся охраной путей, завидев их, вступил с ними в сражение и послал весть об этом Ибрахим-хану. Он немедля бросился со своими людьми к ним на помощь и повел сражение.

Эта битва длилась больше пяти часов; брат Джафар-аги и сто человек из его людей были ранены и убиты, уцелевшие от меча пустились в бегство.

В общем, после приезда Феридун-мирзы в Мешхед, к нему в другой раз явились Ораз-хан и старшины Серахса, выразили готовность служить ему и приняли на себя обязательство, что всякий раз, как правитель Хорасана даст приказ, они, снарядив войско, явятся к нему в его распоряжение, и всякий раз как в пределах от Ирака до Герата подвергнется разграблению имущество паломников или путешественников, или кто-либо будет захвачен в плен, то обеспечение и ответственность за это падет на них.

Поэтому, когда из Герата в Мехшед шел караван, в гератских горах Мухаммед-шейх с кара-ябской конницей напал на него, захватил в плен путников каравана и забрал имущество этих людей; когда это известие принесли в Серахс, то, согласно заключенному договору, пятьсот снаряженных всадников сели на коней и спешно выступили из Серахса. С другой стороны двинулись Баба-хан и Мухаммед Риза-хан, хезаре, со всадниками джамскими,[1] хафскими[2] и хезаре; также Саид Мухаммед-хан Захир-уд-

---

[1] Округ Джам примыкает на севере к Мешхедскому округу, на востоке к р. Герируду и Гератской провинции, на западе граничит с округом Турбет-и-Хайдери, а на юге отделен цепью гор от тесно связанного с ним во многих отношениях округа Бахарза и вместе с этим округом и примыкающим к этому последнему с юга округом Хафа составляет в административном отношени одно целое. Джам заключает около 6000 кв. верст с населением до 75000 душ; население состоит главным

доуле послал из Герата отряд, чтобы охранять караваны от опасности нападения туркмен.

Сначала войска иранского государства и гератское войско встретились друг с другом и совместно совершили нападение на туркмен.

Огни битвы вспыхнули на землях Бахарза, и поднялся шум боевой схватки. Много туркмен было убито и ранено, и они поневоле оставили пленных с их добром и имуществом и бросились в бегство. Так как путь до Герата был недалек, то афганцы увели в Герат двадцать пять тысяч баранов, пятьдесят одного человека пленных и некоторые вещи, которые были отняты у туркмен. Когда же воины вернулись обратно и принесли в Мешхед весть об этом, то военный везир Али Мирза Мухаммед послал в Герат своего секретаря, чтобы он освободил всех захваченных пленных.

После этого туркмены снова собрались и, выбрав пятьсот человек отважных мужей, совершили нападение на земли Куш-ханэ и захватили окрестности селения Афризэ; а с другой стороны три тысячи всадников они посадили в засаду, чтобы, (когда) собравшись со всех краев и оставив свои округа, люди Хорасана двинутся для дачи отпора тем пятистам всадников и будут ими заняты, эти три тысячи всадников выскочили из засады и, где захотят, захватывали людей и имущество.

Словом, жители Афризэ вступили в борьбу с этими пятьюстами всадников и защищали от них свое укрепление. Когда туркмены увидели, что одолеть укрепление трудно, они пошли на нивы этих мест, предали огню сжатый хлеб обитателей Афризэ и угнали с пастбища их скот.

Когда такая весть достигла Яздан-верды-хана, брата Сам-хана, ильхани, то прежде всего он послал человека к Хаджи-хан-беку, начальнику Куш-ханэ, дабы он собрал своих людей и выслал их на помощь жителям Афризэ, а за ними вслед он отправил Кудратулла-агу с отрядом всадников и муш-

---

образом из племени тимури и таджиков. В древности Джам (называвшийся Зам) и Бахарз входили в состав двенадцати рустаков Нишапурской области. Центром округа является г. Турбет-и-шейх-и-Джам (т. е. гробница шейха Джама), отстоящий к юго-востоку от Мешхеда на 137 верст. Шейх Ахмед, ставший популярным в Хорасане при султане Санджаре, умер в Джаме в 536 г. х. (1141/42 г.) и считается выдающимся суфием, оставившим след в иранской литературе.

Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. II, вып. 1, стр. 239—245 (описание Джам-Бахарз-Хафского округа); N. de Khanikoff. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris, 1861, 4°, pp. 115—119; Сани-уд-доуле. «Мир'ат-уль-бульдан-и-Насири», т. IV, Тегеран, 1296/97 г. х. (1879 г.), стр. 85—95 (Описание гробницы и других зданий).

[2] Округ Хаф в юго-восточном Хорасане обнимает равнину того же имени, лежащую к югу от Бахарза, соприкасающуюся на востоке с Сабзеварским округом Гератской провинции; с юга и юго-запада этот округ пустынями отделяется от б. эмирства Кани. Площадь округа около 6700 кв. верст с населением около 18 000 душ обоего пола. Население — почти исключительно племя теймури, живущее большею частью оседло. В административном отношении округ разделяется на два булюка — Бала Хаф и Паин Хаф. Главный пункт — город Руй (1000 домов). Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Ч. II, вып. 1, Тифлис, 1894, стр. 240—241.

кетеров. Подоспели на помощь людям Афризэ также еще и жители Хайрабада. Когда все войско стянулось к Афризэ, то эти пятьсот всадников отступили, но, с другой стороны, воспользовавшись тем, что в Хайрабаде не осталось войск, три тысячи туркменских всадников (бывшие в засаде) напали на селение и окружили крепость Хайрабад.

Хайрабадские женщины с немногими оставшимися дома мужчинами стали защищаться и с высоты стен и башен крепости сражались с врагами. Туркмены считали позорным потерпеть поражение от женщин, так что они с четырех сторон кинулись на штурм и, подставив лестницы, влезли по ним на крепостные башни. Со своей стороны женщины срубили головы тридцати туркменам и сбросили их с высоты стены вниз, а многих из находившихся кругом крепости сделали мишенью для своих пуль и заставили их отступить от укрепления.

Тем временем известие об этом распространилось до Афризэ, Кудратулла-ага и Хаджи-хан-бек взяли путь на Хайрабад и с четырьмястами всадников быстрым маршем достигли этого места и прямо с дороги вместе с горсточкой людей, что находилась в крепости, повели бой.

Как матерые львы нападали они справа и слева и, обратив в бегство три тысячи туркменских всадников, преследовали их по пятам, пока они не ушли из земель Хорасана.

Тогда воины, вернувшись обратно, пришли к Яздан-верды-хану. Двадцать отрубленных голов и шесть человек туркмен послал он в столицу. Правители Иранского государства пожаловали его первым полковничьим орденом и белой лентой. После этого туркмены построили крепость в землях Атека, чтобы, устроив там склад военных припасов, оружия, провианта и фуража для войска, иметь трудно доступное место и отсюда делать набеги для убийства и грабежа мусульман при всяком удобном случае.

Когда об этом событии узнал Мухаммед Рахим-хан, шадилю, бузанджирдский наместник, он с отрядом ратных людей пошел на них и так как взятие крепости представляло большие трудности, то в течение некоторого времени он то справа, то слева совершал набеги в этой округе и захватил в плен пятнадцать человек туркмен.

Жители крепости сели на коней и погнались за ними. Когда они оказались далеко от крепости, Мухаммед Рахим-хан повернул коня и затеял битву.

Сорок отрубленных голов, тридцать человек пленных и сотню коней в этой схватке он захватил как добычу, а уцелевшие от меча обратились в бегство. Мухаммед Рахим-хан с быстротой молнии и ветра погнался вслед за ними и так круто повел дело с этим отрядом, что туркмены не смогли вернуться в крепость. Волей-неволей пришлось им ее оставить и уйти.

В этом же году шахзаде Мухаммед Юсуф-ага, которому правители иранского государства поручили (наблюдение за) порядком на границах Джама, послал группу своих людей в земли Атека. Те отправились, захватили двадцать тысяч голов овец и взяли в плен пятнадцать человек

туркмен. Едва прошли они небольшую часть пути, как множество туркмен настигло их с тыла и вступило с ними в борьбу и битву; после долгой драки, (в которой) несколько человек туркмен были убиты, они заставили отдать им половину овец и вернулись к Атеку.

Так же еще Мутталиб-хан, шахский стрелок, начальник конницы и стрелков гоударских, бастамских, арабских и джамских, на обязанности которого лежала охрана хорасанских путей, услышал, что отряд туркмен устроил засаду для (нападения на) паломников святого Мешхеда. Взяв с собой войско, он напал на них (туркмен) и забрал у этого отряда десять отрубленных голов, четыре человека пленных и обратил их в бегство, а головы и пленных отправил ко двору падишаха.

Бой под Серахсом и гибель хана Мухаммед Эмина

В начале этого года (1271 г. х. — 1854/55 г.) прежде всего история хана Хорезма и убиение его стали провозвестником победы и счастья. . .

Следует сказать, что страна Хорезма с юго-западной стороны примыкает к территории Астрабада, а с юго-восточной граничит с Мервом, и так как эта страна находится по сю сторону Аму-дарьи, то ее причисляют к иранскому государству, а узбекские ханы, которые управляли хорезмским царством, всегда считались принадлежащими к числу слуг государей Ирана и подчинялись (их) велениям, а если когда-либо уклонялись от повиновения им, то несли за это кару. Так, например, во время правления султана Мухаммеда, сефевида, Джеляль-хан, сын Мухаммед-хана, узбека, стал на путь мятежа и неповиновения и был убит рукой Муртаза-кули-хана, губернатора Мешхеда. В то время, когда Хорезмом завладел Абдулла-хан из шейбанидов, правитель Хорезма Хаджи Мухаммед-хан искал защиты у его величества шаха Аббаса, и в 1006 г. х. (1597/98 г.) шах Аббас совершил поход в Хорезм и восстановил в Хорезме власть Хаджи Мухаммеда-хана и сына его Араб Мухаммед-султана и низвергнул их врагов. Когда окончилась эпоха сефевидских государей, и в делах государства возник ущерб, на царский трон вступил Надир-шах, афшар. Он тогда (же) предпринял поход в Хорезм, победил и предал смерти Ильбарса, ведшего род от Фазиль-инака и Мухаммед Эмин-инака, и отдал управление Хорезмом Мухаммед Тахир-хану, сыну Мухаммед Вели-хана, узбека.

После царствования Надир-шаха Хорезмом завладело племя йомутов, и правители этих земель бежали в Кунград. Эльтузер-хан, сын Эвез-инака, сына Мухаммед Эмина, собрав войско, в 1210 г. х. (1795/96 г.) совершил нападение на Хорезм.[1] Сразившись с ним, племена йомутов обратились в бегство и бежали в земли Гургана. Приведя в порядок свои дела, они

---

[1] О действительном положении дел в Хорезме в середине и конце XVIII в. см. перевод из хивинских хроник (стр. 335 и сл.)

снова из Гургана взяли путь на Хорезм и у стоянки Ганге Чашкен устроили поле битвы.

В этой схватке они также были разбиты, после этого управление Хорезмом досталось Эльтузеру.

Через два года, в 1212 г. х. (1797/98 г.) в управление Хорезмом вступил брат его, Мухаммед Рахим-хан,[1] и был правителем двадцать семь лет. После него в 1239 г. х. (1823/24 г.) на его место сел Алла-кули-хан,[2] его сын, и правил в течение восемнадцати лет. Когда он умер, страной Хорезма в течение пяти лет правил его брат Рахим-кули-хан, а затем верховным правителем Хорезма стал Мухаммед Эмин-хан, сын Алла-кули-хана, и правление его упрочилось в 1262 г. х.... (Следует его родословие.)

Так было до тех пор, пока на царский престол не вступил царь царей Ирана Насир-уд-дин падишах. Так как Мухаммед Эмин-хан вел себя заносчиво и строптиво и всегда, когда представлял в столицу доклады,то писал так, как пишет меньший падишах к большему падишаху, а это не соответствовало законам вассальной службы: во-первых, потому, что государство Хорезма является частью иранского государства, а во-вторых, потому, что у государя Ирана имеется больше двадцати человек вассалов вроде Мухаммед Эмин-хана, из которых каждый управляет царством более обширным, чем Хорезм. Конечно, его поступки пришлись не по гордому нраву падишаха. И несколько раз собирался он, снарядив войско, напасть на Хорезм и очистить это царство от Мухаммед Эмин-хана и его людей, но его превосходительство Садр-и-азам доложил, что «вести войну с Мухаммед Эмин-ханом и двинуть знамена и войско к Хиве очень тяжело и затруднительно, ибо на пути туда нет ни растительности ни воды. Для доставки туда провизии, фуража и воды придется израсходовать большие средства, и той прибылью, которая получится при победе над Хорезмом, мы не смогли бы окупить этих расходов. Если будет на то приказ, то вместо меча и копья я применю перо и пальцы, а взамен стенобитных пушек я напишу несколько строчек письма и вырву (из-под ног) Мухаммед Эмин-хана корни и основу».

Шаханшах Ирана ответил на его просьбу согласием.

И тогда Садр-и-азам составил несколько грамот и дарами и подарками от шаханшаха Ирана склонил к себе жителей Мерва и Серахса, а также послал уведомить мирзу Афзалюлла — военного везира, чтобы тот вел дела с людьми Мерва и Серахса в духе дружелюбия и благосклонности, так что жители Мерва и Серахса, почувствовав себя уверенно в безопасности, разом отпали от хорезмского хана и, явившись в Мешхед, просили правителей государства (назначить им) правителя и заведующего, как об этом было уже упомянуто.

---

[1] Вступил на престол в 1806 г.

[2] Вступил на престол в 1825 г.

Однако Мухаммед Эмин-хан, тая в мыслях всяческую гордыню и соблазн, пошел походом в Мерв для сбора закята[1] и, как это было уже описано, был разбит войсками Хусам-ус-салтане. Он послал также некоего человека в Серахс для сбора закята, но жители Серахса убили его посланного. Тогда хана охватила ярость, и он захотел пустить по ветру прах Мерва, а людей Серахса истребить за этот проступок.

Случилось так, что в Мерве усилился недород и голод. Войска, поставленные в этой стране правителями (иранского) государства для охраны мервских границ, не смогли больше жить там и волей-неволей должны были вернуться в Мешхед. Это обстоятельство воодушевило хана Хивы, он отдал приказ, чтобы собирались войска, послал посла к Хукумет-хану, правителю Меймене, и просил, чтобы Хукумет-хан прислал на помощь ему ко двору сына своего и тысячу всадников с обозом. Снарядился в поход и Мухаммед-шейх, сердар, с двумя тысячами всадников, а сын его дяди Абдулла-хан произвел смотр узбекскому войску, Бек Мурад-бай, теке, организовал войско из туркмен Кара-яба, а находившийся под его защитой Джафар-ага келатский ни секунды не переставал подстрекать и возбуждать войско к войне.

Таким образом Мухаммед Эмин-хан выступил из Хивы, имея в своих войсках сорок тысяч ратных людей из узбеков и туркмен. Он отобрал десять тысяч верблюдов для перевозки воды и на двадцать тысяч верблюдов погрузил продовольствие и фураж армии. Проделывая переход за переходом, прошел он путь и не останавливался до самого Мерва.

По прибытии в Мерв он написал к старшинам Серахса и отправил с посланником письмо такого содержания: «Немедленно отправляйтесь в путь к нашему величеству, дабы я повидался с вами и был бы осведомлен о собирании с вас закята и о порядке в ваших делах».

Жители Серахса отправили обратно его посольство, а от поездки в Мерв все время уклонялись путем проволочек и посулов. Мухаммед Эмин-хан еще несколько раз посылал к ним послов и несколько писем с угрозами и обещаниями, но его посланные, не добившись никаких результатов, возвращались обратно.

Разумеется, Мухаммед Эмин-хан пришел в ярость и сказал: «Если вам так затруднительно явиться к нашему величеству, то для меня поход на Серахс будет легким», и, приказав, чтобы войско готовилось в поход, выступил из Мерва.

Когда эта весть достигла до людей Серахса, последние немедленно составили письменное донесение и с быстрым гонцом послали его к шахзаде Феридун-мирзе (заявляя): «Полагаясь на правителей государства Ирана и согласно письму, присланному нам мирзой Афзалюллой, военным везиром, по приказу Садр-и-азама, мы уклонились от повиновения хану

---

[1] Закят — налог со стад кочевников официально в размере $^1/_{40}$, фактически значительно больше в силу произвола сборщиков.

Хивы, а посланцев его предали смерти и погибели. А теперь хан Хивы подходит с сорока тысячами всадников и большим обозом, чтобы отомстить нам за наши деяния, и прах этой страны он подбросит до неба копытами своих коней; если вы считаете нужным защитить и оберечь нас, то пошлите к нам необходимое для этой войны войско».

В первых числах месяца джумади II (февраль 1855 г.) Феридун-мирза узнал об этом обстоятельстве; он решил итти походом в Серахс и издал приказ о мобилизации войск.

Военному везиру запало в мысль, что, не дай бог, до прибытия в Серахс Феридун-мирзы хан Хивы прикажет торопиться и завладеет этим городом. Поэтому он потребовал к себе Хасан-хана сабзеварского, дал в его распоряжение четыреста боевых всадников и сказал: «Скачи во всю прыть отсюда до Серахса, уведоми жителей этих земель о скором прибытии шахзаде с конным и пешим войском и поддержи в них мужество, пока не подоспеет армия». Сказав это, он отправил его. Хасан-хан двинулся в путь с быстротой облака и метеора. Однако, с другой стороны, хан Хивы со своим большим войском подошел двадцать седьмого джумади II (17 марта 1855 г.) к пределам Серахса, разбил свою ставку и хотел, не подымая пыли и не проливая крови, подчинить жителей Серахса своей власти. Он несколько раз посылал в город послов и делал жителям его многочисленные угрозы и давал обещания, однако его слова не принесли никакой пользы.

Пламя его гнева бурно разгорелось, он сразу решил воевать и хотел, прежде чем подойдет иранское войско, покончить дело с Серахсом. Он приказал, чтобы пять тысяч всадников, выступив из лагеря, подошли к крепости. Жители Серахса, укрепив стены и башни, также выслали из города пять тысяч всадников, затеяли с ними бой, разбили узбекскую армию, забрали у них несколько пушек и пятьсот мушкетов и множество коней и верблюдов. Так шли дела в течение двух-трех дней, и каждый день узбекское войско обращалось в бегство. Однако, в виду того, что войско хана Хивы было многочисленно, а в городе трудно было достать фураж и провиант, жители Серахса задумали повести с ними дело к миру и полюбовному соглашению. Но в четверг девятнадцатого джумади II (9 марта 1855 г.) в лагерь генерала Мухаммед Хасан-хана вступил Хасан-хан сабзеварский и, устроив там осмотр снаряжения своего войска, на следующий день взял путь на Серахс, назначив проводником Сухбат-бека, сарыка, Узбек Клыча и Сафарака, которые были из числа туркменских старшин, вместе с пятью туркменскими всадниками. Он шел стремительно и, выйдя из рабата Махи в полдень, достиг караульной башни Муздуран. Там он посоветовался и побеседовал с туркменами, чтобы правильно рассчитать свои действия и для подхода к Серахсу избрать безопасную дорогу.

В конце концов они сочли остановку в той местности несвоевременной и, выслав авангардом войска четырех туркменских всадников и четырех кызылбашей, сами также сели на коней и скакали до Аб-и-Ду-берар; в этом

месте их увидели девять узбеков, караульных хорезмского войска, и поспешили уведомить обо всем свое войско.

Когда это узнал Хасан-хан, то увеличил скорость и поспешность и от этого места до находившегося в четырех фарсахах Серахса скакал во весь опор. За час до того, как забрезжила утренняя заря, он вошел в г. Серахс.

Коушуд-хан, Рахман-кули-хан и все старшины Серахса обрадовались и окрепли духом.

В тот же день, при первых лучах солнца, отряд хорезмских всадников атаковал крепость Серахса с северной стороны, а с юга двинулось большое войско с артиллерией. Жители Серахса также снарядились в бой, а Хасан-хан, невзирая на то, что проскакал восемнадцать фарсахов, не уклонился от участия в бою и, взяв своих всадников, вместе с войском Серахса, пройдя полфарсаха, выступил навстречу битве и выстроил ряды перед неприятельским фронтом.

Начало сражения положил один их хорезмских всадников, который пришпорил коня и стал справа и слева нападать на противника; тогда выступил против него один из людей Хасан-хана и в первой же схватке обратил его в бегство. Когда это увидели воины, то обе стороны двинулись навстречу друг другу, столкнулись и в течение пяти часов бились друг с другом. Вдруг сын Ораз-хана увидел Бек Мурад-бая, принадлежавшего к числу хорезмских вельмож; приблизившись к нему, он выстрелил из ружейной пулей снял его с коня. Когда это увидел Сафарак, то подскакал к нему и срубил ему голову.

В итоге этой битвы погибло триста человек из людей Хивы, а с другой стороны упала лошадь храбреца Курбан Али-бека мервского. Сам он был ранен, и его унесли с поля битвы в сторону. Получил также ранение Мирза Гулям из людей Хасан-хана, мир Ахмед-хан получил ранение копьем и рану от меча, погиб также конь Коушуд-хана, а вместе с тем на этом поле сражения жители Серахса взяли в добычу две пушки и много другого оружия и боевого снаряжения. После этого оба войска прекратили битву. Однако, так как жители Серахса боялись многочисленности врага и недостаточности своего вооружения, то замыслили мирным путем разрешить дело с хорезмским ханом. Когда это узнал Хасан-хан, то сказал: «Не тревожьтесь, предоставьте мне ведение этой войны, если я добьюсь победы для вас и выйду победителем, то вы будете довольны, если же нет, то можете искать примирения и заводить о нем речи». Так они и решили и провели ночь. . . А Феридун-мирза приказал, чтобы пятьсот всадников со скоростью молнии и ветра шли вслед за Хасан-ханом и догнали бы его; кроме того, приказал, чтобы Мухаммед-хан, генерал фараханских полков, с двумя фараханскими полками, гяррусским полком, четырьмя пушками и пятьюстами всадников спешно взял бы путь на Серахс, и сам семнадцатого числа месяца джумади II (7 марта 1855 г.) собрался в дорогу. Ему сопутствовали: Али-кули-хан, мирпандж, со своими полками, Сам-хан, ильханй, с хорасанскими всадниками, Сулейман-хан дереджезский со своими всадниками, Джавад-хан

с всадниками шакаки, полковник Мухаммед Хусейн-хан с полком Гярруса и полковник Биюк-хан со своим полком. Имея в общей сложности десять тысяч войска, состоявшего из солдат, иракской и хорасанской конницы и с десятью пушками, он выступил в путь и направился к Серахсу.

Случилось так, что те пятьсот всадников, которые скакали впереди Хасан-хана, вступили в Серахс днем позже прибытия Хасан-хана, в тот самый день, когда последний обязался вести войну с узбеками. Таким образом на рассвете он приготовился к делу и вместе со своими людьми вышел за городские ворота. С своей стороны, Мухаммед Эмин-хан, лишь только получил уведомление о прибытии Хасан-хана и иранских войск, испугался, как бы вдруг вслед за ними не прибыл бы Феридун-мирза, а тогда дело будет плохо. Кроме того, был он в крайней ярости из-за поражения, понесенного его ранее посланным к Серахсу войском.

Итак, в понедельник, в последний день месяца джумади II (19 марта 1855 г.), хан приказал, чтобы все войска всей массой вступили в бой, и прежде чем на помощь (осажденным) подоспеет большое войско, покончили бы дело с Серахсом. Он потребовал подать ему коня, сел верхом, и сорокатысячная армия (состоящая) из узбеков, туркмен, джемшидов,[1] обитателей Кара-яба, теймени, жителей Меймене, Шибиргана и салыров, пришла в движение. Хан дошел до самого Серахса и остановился на холме, известном под именем Канлу-тепе, который лежит на расстоянии двух выстрелов к востоку от Серахса, и разбил здесь свою палатку.

Вельможи Хивы и ханские родичи также спешились здесь и собрались вокруг Мухаммед Эмин-хана. Хан отдал приказ, чтобы войско взяло Серахс штурмом.

Половина серахских людей вышла вслед за Хасан-ханом сабзевари через южные ворота, а другая половина через северные ворота и приготовились вступить в бой с войском Хорезма. С обеих сторон войска стали в строй, солдаты построились рядами и выравняли правый и левый фланги. Храбрецы нападали справа и слева. От поднятой всадниками пыли и ружейного дыма над полем битвы нависла смоляно-черная мгла; завязался тяжкий бой. Воинство Серахса при поддержке иранского войска билось мужественно, так что три тысячи храбрецов Хорезма они повергли в этом бою в кровавую пыль, забрали девятнадцать пушек, двадцать четыре

---

[1] Агломерат племен, главная масса которых является иранцами по происхождению, выходцами, по их собственному преданию, из Сеистана. Говорят на персидском языке и занимают самый северно-западный угол Афганистана — область Бадгис, между рр. Кушк и Герируд, по р. Эгри-гёк, вплоть до границы СССР. Обычно джемшиды считаются входящими в состав четырехплемнного комплекса так называемых чахараймаков, на ряду с хезаре и другими племенами монголо-тюркского происхождения. К западу от Бадгиса на территории Ирана джемшиды занимают район к востоку от Мешхеда, по низовьям Кяшав-руда по направлению к афганской границе и к северу от Турбет-и-Хайдери. (А. А. Семенов. Джемшиды и их страна. Изв. Турк. отд. Русск. геогр. общ., XVI, 1923, стр. 161—174; Curzon. Persia and the Persian Question. London, I, p. 198—199.)

фальконета, четыре знамени и пятьдесят мушкетов и захватили множество коней в верблюдов.

Хан Хивы смотрел из сени своего шатра на это сражение и наблюдал слабость своего войска. Многие из приближенных сказали ему: «Собирайся и беги, потому что наше войско дрогнуло, боимся, как бы не попасть нам во вражеские руки», на что он сказал: «Я никогда не побегу от жителей Серахса и не стану унижать род Чингиза».[1]

Не успели еще слететь эти слова с его языка, как вдруг хорезмское войско разом обратило к битве спину и подобно стаду, завидевшему волка, кинулось в бегство. Иранцы скакали вслед за ними, опрокидывая людей и животных в дорожную пыль и гнали отступавших мимо Канлу-тепе, на вершине которого находился хан Хивы. Лишь только Мухаммед Эмин-хан увидел это, его обуял страх, и он велел привести своего коня, чтобы на него сесть.

А Хасан-хан, сабзевари, увидав войско Хорезма рассеянным, повернул коня и направился к Канлу-тепе. Он прибыл туда в то самое время, когда хан Хивы и его родичи сели на своих коней и намеревались обратиться в бегство. Так как хан Хивы, подобно падишахам, разукрасил своего коня золотым венцом и драгоценными каменьями, то был приметен среди прочих всадников. Хорасанские всадники окружили его. Курбан Кяль, один из мервских людей, приблизился к нему. Мухаммед Эмин-хан увидел смерть воочию и воскликнул: «Уберите от меня этого ерстика!».

Однако Курбан Кяль никому не дал возможности опередить себя, устремился вперед и нанес своей саблей удар слева таким образом, что рассек (ему) рот почти до уха. От этой раны хан Хивы упал с лошади и стал униженно и смиренно умолять хорасанских всадников: «Отведите меня живым ко двору шаханшаха Ирана, дабы он приказал мне все, что пожелает», но они сказали: «Нам не к чему тащить с собой твой тяжелый труп; твою голову, как более легкую ношу, мы возьмем и повергнем перед падишахом в дорожную пыль».

Но каждый из серахских, мервских и хорасанских всадников желал сам отделить голову его от тела и представить ее в столицу. Из-за этого дело между всадниками кончилось боем, двенадцать человек было убито. В конце концов отрубил ему голову Сиххат Нияз-хан, сын Ораз-хана серахского.

А воины обратили (свои) кинжалы против его двоюродных братьев и приближенных. Четырнадцати родичам (хана), известным под именем «тёре», поснимали головы. Казий Хорезма, Абдулла мехрем, даруга́ (градоначальник), мехрем Худаяр Али, Давлет Яр Али, Бекджан-диванбеги, сердар Бекджан, Нияз-кули-мингбаши, Алла-кули-юзбаши, Хакк Назар-мингбаши, Девлет Нияз-юзбаши, сын Нияз Мухаммед-бая, что прежде был правителем Мерва, сын Хукумет-хана, правителя Меймене, а также

---

[1] Кунградская династия, к которой принадлежал хан Мухаммед Эмин, не вела своего происхождения от Чингиз-хана.

Вейс-бай из Хивака, Бек Мурад-бай, теке из Кара-яба, Султан, теке, и Мухаммед-шейх, сердари, сын Аббас-хана, теке, погибли от мечей храбрецов.

Сверх этого, были убиты тридцать два человека из вельмож и знаменитых людей и двести семьдесят человек из хорезмских чиновных людей. Мир Ахмед-хан джемшидский, который с пятьюстами всадников был послан Мухаммед-ханом Захир-уд-доуле в помощь хану Хорезма, получил тяжелую рану и через три дня скончался. Сердар Салих, бывший послом Мухаммед-хана при хане Хорезма, был убит в этой схватке. Во время этой битвы был предан смерти также Джафар-ага келатский.

Итак, воины собрали головы убитых и отправили к Феридун-мирзе. Феридун-мирза стоял в это время на привале в Ак Дербенде, а полковник Мухаммед Хасан-хан фераханский подошел к Серахсу на расстояние шести фарсахов.

Словом, по вступлении в Ак Дербенд в ночь на понедельник, в последний день джумади II (19 марта 1855 г.), бывший днем убиения хана Хивы, Феридун-мирза приказал, чтобы Мехди-кули-мирза, Сам-хан, ильхани, шахзаде Мухаммед Юсуф Афган, Эмир-хан, полковник куртбеглю и Мухаммед Хусейн-хан, хезаре, с двумя тысячами всадников быстро скакали бы из Ак Дербенда в Серахс, находившийся на расстоянии пятнадцати фарсахов оттуда. Они прибыли после убиения хана Хивы в час заката солнца и присоединились к жителям Серахса. А тем временем сын Хукумет-хана со своими приближенными привезли голову хана Хивы к Феридун-мирзе, и шахзаде, составив тотчас же письменное донесение, передал его Риза-кули-хану казвинскому, наибу эшик-агасы, а также вручил ему головы, дабы он доставил (все это) в столицу. А военный везир мирза Афзалюлла, составив письменное донесение, с быстрым гонцом отправил его к шаханшаху; в ночь на тринадцатое раджаба (1 апреля 1855 г.), каковая ночь является ночью рождения Али, мир над ним, радостную весть об этой победе он доставил правителям государства, а пятнадцатого числа (3 апреля 1855 г.) в столицу прибыл Риза-кули-хан с грузом голов.

Через три дня[1] после этого шаханшах Ирана воссел на царский трон и дал всенародную аудиенцию, а я прочел в красноречивой форме письмо об этой победе; и тогда по приказу шаханшаха омыли головы хана Хивы и его друзей, завернули их в саваны и вне столицы, вблизи «ворот государства», предали земле, а над их могилой построили купол из обожженного кирпича.

После убийства хана Хивы двоюродный брат его Абдулла-хан бежал от битвы, достиг лагеря и послал некоего человека к жителям Серахса с такой просьбой: «Дайте мне сроку на эту ночь, чтобы я мог отдохнуть от этого тяжелого боя, а завтра на рассвете я подарю и благородным и простым (из вас) все, что пожелаете из моих родовых сокровищ и редкостных вещей, а сам двинусь в путь на Хорезм.»

Жители Серахса поверили его словам и оставили его в покое. Как только

[1] «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», III, стр. 238: в субботу 19 раджаба (7 апреля 1855 г.)

спустилась темная ночь, и сумрак окутал землю, Абдулла-хан велел своим людям сесть на коней и захватить с собой сколько возможно золота, серебра и драгоценных камней, побросать тяжелую поклажу и бежать к Мерву. По прибытии в земли Мерва он роздал около полутораста тысяч туманов золота племенам этих земель, так что благополучно переправился через эти места и добрался до Хивы.

А когда поутру обнаружилось его бегство, то Сам-хан, шахзаде Мухаммед Юсуф, Эмир-хан и отряд из жителей Серахса на расстоянии двенадцати фарсахов гнались по пятам за Абдулла-ханом, но не настигли и поневоле вернулись в Серахс ни с чем.

Четвертого раджаба (23 марта 1855 г.), через три дня после убийства хана Хивы, Феридун-мирза с двенадцатью тысячами конных и пеших войск вступил в Серахс и в течение пяти дней пребывал в Старом Серахсе. Одиннадцатого раджаба (30 марта 1855 г.) он приказал двинуться отсюда в Мерв. К его войску присоединилось еще пятьсот человек серахских всадников. На стоянке Дербенд-хан его встретили знатные племени сарыков, принесли ему выражения покорности и повиновения и предоставили войску своих верблюдов для перевозки тяжелого груза и воды на бедные водой стоянки, за что увидели от шахзаде ласку и милость.

В это время военный везир находился в г. Мешхеде и непрерывно посылал динары, диргемы, провиант и фураж, так что обилие жизненных благ из города Мешхеда было среди войска великим.

Итак, восемнадцатого раджаба (6 апреля 1855 г.) Феридун-мирза вступил в Мерв, потребовал к себе племена сарыков из Кара-яба и велел, чтобы они привезли из Кара-яба жен, детей, добро и пожитки свои; затем отдал приказ, чтобы укрепления Кара-яба совершенно разрушили, восемьдесят семейств сарыков послал в качестве заложников в Мешхед. Племени салыров он также назначил правителя и управление Мервом поручил Хансувар-хану, хезаре. Вторично наведя на обратном пути порядок в Серахсе, первого числа месяца он прибыл в Мешхед.

«МАЛЫЕ ВОЙНЫ» С ТУРКМЕНАМИ НА ГРАНИЦАХ ХОРАСАНА

И в этом же году (1271 г. х. — 1854/55 г.) Джафар-кули-хан, ильхани из Бузанджирда, был назначен на должность правителя Астрабада, Джаджерма[1] и Нардина,[2] а мирза Исмаил-хан мазандеранский получил должность везира при нем.

---

[1] Один из булюков Буджнурдского округа, расположенный к востоку от б. Нардинского ханства, на большой дороге в Исфераин. Селение Джаджерм состоит из 500 дворов, населено в большинстве иранцами; много прекрасных фруктовых садов (особенно славится миндаль). Л. Артамонов. Астрабад-Шахдурский район и Северный Хорасан. Ч. II, вып. I, Тифлис, 1894, стр. 136; Приложение, стр. 80, 81.

[2] Название небольшой котловины, примыкающей с запада к Джаджермской равнине, около 30 верст длины и 10 верст ширины. Эта местность раньше представляла

Приведя в порядок свои дела, восьмого дня месяца раби II (29 декабря 1854 г.) он (Джафар-кули-хан) с солдатами арабского полка, шестьюстами пятидесятью всадников шадилю, четырьмястами чегенийских всадников, восемьюдесятью нардинских всадников, двумястами арабских и аджамских всадников, сорока всадниками гёкленов и теке и с другими вступил в Астрабад. Жители города встретили его, множество туркмен из племен атабай, джафарбай и (прочих) йомутов, явившись к нему, выразили ему свою преданность и вернули группу пленников. А ильхани (т. е. Джафар-кули-хан) обратился к ним с речью, в которой сказал: «Если вы не возвратите захваченных вами в плен иранцев, то понесете достойную кару». Туркмены испугались его слов, (так что) тысяча пятьсот всадников джафарбай и атабай снарядились в бой и послали племени курукчи такой ультиматум: «Либо освободите пленников, либо будьте готовы к войне». Так в течение короткого времени возвратили они девяносто четыре человека пленных и всякий день с покорностью приносили в дар ильхани копей и другие вещи.

[Шахзаде Султан Мурад-мирза осадил Герат. Среди описаний военных действий рассказывается между прочим следующее.]

На другой день прибыли с пути и расположились в лагере сто человек всадников из туркмен-сарыков, которые проживали в Мерве.

А в пятый день месяца зуль-ка'да (20 июля 1855 г.) прибыл в лагерь на служение к нему, Султан Мурад-мирзе, Гулям Риза-хан со старшинами (племени) теке.

В лагерь шахзаде приходит подкрепление. Ночью с двадцать третьего на двадцать четвертое зуль-ка'да (с 7 на 8 августа 1855 г.) двести человек всадников — серахских туркмен, которые были в Герате и действовали заодно с жителями этого города, бежали и скрылись в Серахс.

[Осада Герата затянулась, за что шах гневается, на помощь осаждающим посылает подкрепление.]

Лишь только подкрепление достигло земель Турбет-и-Шейх-и-Джам, как группа серахских туркмен, подстерегавшая случай для нападения на арсенал и его возчиков, (решила) воспользоваться моментом. Поэтому, когда арсенал везли из земель Турбета, туркмены задумали хитрость.

собою ханство на пути из Астрабада в Мешхед через Катуль, Фендереск и Исфераин. Населено ханство в большинстве курдами и отчасти тюрками, распределенными в пяти селениях и летовке Кяльпуш, с обильной водой, роскошным подножным кормом и даже лесом для охоты. Обязанности нардинского хана заключались в наблюдении за передвижениями туркменских отрядов, несении караульной службы и в сборе в случае военной тревоги вооруженного отряда численностью до 300 человек. После занятия русскими Ахала выплата субсидии нардинскому хану со стороны иранского правительства была прекращена, но с оставлением других льгот, напр. освобождения жителей ханства от уплаты податей. Подробное описание Нардина см. Л. К. Артамонов., цит. соч., стр. 24, 132—134; Приложение, стр. 76—79; E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Bd. I, Berlin, 1918, S. 14.

Показались (сначала) немногочисленные всадники с тем, чтобы, когда солдаты, увидя их в малом количестве, смело бросятся преследовать их и удалятся от военных припасов, выскочить из засады и захватить арсенал.

Но солдаты были обучены боевым порядкам и воспитаны в военных правилах, не обратили на них внимания и двигались прежним темпом и порядком.

Когда туркмены увидели, что хитрость не помогла достижению цели, то выскочили из засады и все вместе устремились на арсенал; когда они приблизились, войско затрубило в трубы, а пушкари выстрелили из находившейся в арсенале пушки. Грохот пушки и вой труб (показался) ушам этой шайки трубой судного дня, и они, не мешкая, повернули к битве спину.

В четверг девятнадцатого зуль-хиджа (2 сентября 1855 г.) Султан Мурад-мирза приказал, чтобы Бахадур-хан, взяв отряд всадников шахзаде Мухаммед Юсуфа, шахзаде Мухаммед Ризы и Хаджи Гулям-хана, отправился в Мешхед и стал бы хранителем и защитником границ Мешхеда от набегов туркмен.

[В числе лиц, пришедших из Герата на сторону осаждающих, упоминается Аман Нияз туркмен; о нем же упоминается на стр. 741.]

В те дни (1272 г. х.—1855/56 г.), когда войско Ирана было под Гератом,[1] полные коварства туркмены Серахса[2] и Кара-яба, перестав быть верными слугами, ни на минуту не прекращали нападений на проезжих и избиение и ограбление караванов, захватывали в плен паломников и беспокоили купцов. В первых числах месяца раби I (во второй половине ноября 1855 г.) Мухаммед Шейх, туркмен, с тремя тысячами серахских,

[1] Герат был осажден хорасанским наместником Султана Мурад-мирзой. В осаде Герата принимали участие, с одной стороны, отдельные группы туркмен сарыков и теке: «. . . сто человек всадников из туркмен племени сарык, которые проживали в Мерве», затем, « . . . в пятый день зуль-ка'да (20 июля 1855 г.) прибыл в лагерь к Султан Мурад-мирзе Гулям Риза-хан со старшинами племени теке» («Насих-ут-таварих», стр. 721—722). С другой стороны, серахские туркмены участвуют на стороне осажденных в Герате, так «. . . с двадцать третьего на двадцать четвертое зуль-ка'да (с 7 на 8 августа 1855 г.) двести человек всадников — серахских туркмен, находившихся в Герате и действовавших заодно с жителями этого города, бежали и скрылись в Серахс» («Насих-ут-таварих», стр. 726). Серахские же туркмены организовали неудавшееся нападение на транспорт оружия, посланный шахом из Тегерана в сопровождении Хусейн-хана и французского инженера Бюлера (там же, стр. 726). Упоминается, наконец, некто Аман Нияз, туркмен, перешедший в числе других из осажденного Герата на сторону осаждающих (там же, стр. 735) и награжденный после взятия Герата орденом и ценным оружием (там же, стр. 743).

[2] Независимо от этого иранское правительство постоянно старалось всеми мерами привлечь на свою сторону отдельные группы туркмен с их старшинами, в частности и туркмен Серахса: «. . .Высочайший рескрипт (1272 г. х. — 1855/56 г.) на имя Ораз-хана и других серахских туркмен преисполнил их великими упованиями, и ныне из них состоит верноподданными на службе иранского правительства 5—6 тысяч семейств (кибиток)» («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 244).

кара-ябских и тедженских всадников, сев на коня, спустился близ Кариза[1] с гор и без страха и боязни явился на окраинах Хафа. В это время в Хафе собралось, чтобы двинуться к Герату, около трех тысяч человек, пять тысяч верблюдов из нишапурских, мешхедских, туркменских и караийских караванов.

Внезапно Мухаммед Шейх со своими людьми напал на этих людей, захватил их вместе с их добром и имуществом, а также взял в плен большое количество жителей Хафа и, повернув в обратный путь, стал на привал в двух фарсахах от Кариза.

С другой стороны, случилось так, что Мухаммед Ибрахим-хан, каджар, и Хасан-хан сабзеварский с шахсевенскими всадниками ехали в Мешхед и, пройдя черезе Хаф, направились оттуда в Карез.

В это же время генерал Сафар Али-хан и Абдуль-Азиз-хан, хезаре, с четырьмястами всадников, Мухаммед Хусейн-хан, хезаре, с пятьюстами всадников прибыли из Бахарза,[2] а хаджи Хасан Али-хан хафский с тремястами мушкетеров и двумястами всадников примкнул к ним в Каризе.

Среди этих людей находился Баба-хан, хезаре, живший в Каризе. Он был тайно связан с туркменами, но по внешнему виду принадлежал к иранским войскам.

Одним словом, все эти люди вместе с Баба-ханом двинулись против туркмен. Мухаммед-хан, снявшись с места, ушел в лесные заросли, известные под названием Джангали Туман, а между начальниками возникли разногласия о том, напасть ли на него или стать на привал. Хасан-хан сабзеварский решился напасть; к нему присоединился Мухаммед Ибрахим-хан, а вслед за ними пустился в путь Баба-хан, хезаре. Сафар Али-хан, Мухаммед Хусейн-хан и Абдуль-Азиз-хан со своими людьми отдельно вступили в битву, и всадники-шахсевены выказали отвагу.

И туркмены конскими копытами смешали прах поля битвы с человеческой кровью.

Сначала Баба-хан, Хасан-хан и Мухаммед Ибрахим-хан были разбиты и обратились в бегство. Сафар Али-хан перерезал им путь и крикнул: «Подержитесь минутку, — поведем битву все вместе и воздадим врагу

---

[1] Селение у афганской границы на пути из Турбет-и-Шейх-и-Джама в Герат, в 12 фарсахах (78 км) к юго-востоку от Джама и в 5 фарсахах к северо-западу от р. Геriруда. Здесь раньше находился русский наблюдательный санитарный пост по предупреждению распространения из Афганистана и Индии эпидемий и эпизоотий. Население — около 200 семейств племени хезаре.

[2] Округ в Восточном Хорасане, к югу от Мешхеда. Занимает равнину и бассейн того же имени, примыкая на востоке к Гератской провинции (округу Гуриян). Площадь Бахарза около 8200 кв. верст с населением до 20 000 душ обоего пола.

Население составляют главным образом хезарейцы, переселившиеся сюда из окрестных гор Герата, и смесь таджиков с разными другими афганскими выходцами. По религии большинство сунниты; по образу жизни значительная часть населения — скотоводы (разводят преимущественно овец и коз). Главный пункт округа — Шахр-и-Ноу. Л. Артамонов, цит. соч., стр. 240.

по заслугам». Но на его слова они не обратили внимания и продолжали бежать со всех ног. После их бегства Сафар Али-хан бился до тех пор, пока люди его отряда не были уничтожены, и тогда поневоле он также обратился в бегство.

В это время мир Хасан Али-хан и мир Мухсин-хан хафский спешились среди мушкетеров Хафа и продолжали держаться. Тут подоспел Хасан Али-хан с потерпевшими поражение всадниками и, ни на что не глядя, врезался в толпу пехотинцев, чтобы прорваться и уйти.

От этого переполоха порядок среди пехотинцев расстроился, и часть их оказалась смятой под ногами конницы. И мир Хасан Али-хан, отведя в сторону отряд пехотинцев, построил себе укрепление. Туркмены окружили его облавой и с обеда и до солнечного заката с ним сражались. Сто тридцать человек из туркменских всадников были убиты, но в этот момент у пехотинцев не стало уже свинца и пороха, поневоле сложили они руки, и мир Али-хан и эта сотня пехотинцев стали пленниками туркмен.

В этом сражении было убито двадцать человек туркмен. Сто человек хезарейцев и пятьсот человек хафцев были взяты в плен, однако, в виду заключенного с ними соглашения, в тот (же) день их освободили.

После этого события Мухаммед Хусейну, попечителю гробницы имама Ризы (в Мешхеде), сообщили, что Аман Сад-сердар с полчищем туркмен приготовился ограбить святой Мешхед и подходит со всадниками и обозом.

Мухаммед Хусейн все учел и подготовил, и девятого раби II (19 декабря 1855 г.) выслал из города на защиту две девятифунтовых пушки и еще одну, которые имелись в Мешхеде, вместе с боевыми припасами.

В это время Мухаммед Ибрахим-хан, каджар, правитель Джувейна, прибыл с двумя тысячами всадников из Герата, чтобы привести в порядок дела Дереджеза и арестовать некоторых людей, ставших на путь преступления.

Прежде всего он счел необходимым дать отпор туркменам и, взяв своих всадников и артиллерию, выступил и, пройдя некоторое расстояние, стал на привал в Шадише. Как только об этом узнали туркмены, они повернули, поспешили в Хафу и Турбету и, захватив пятнадцать человек в плен, вернулись обратно.

[После победы над Гератом в числе лиц, получивших халат, орден и ценное оружие, упомянут Аман Нияз, туркмен.]

Словом, Хусейн-хан-юзбаши, шахсевен, который сам в награду за службу был возведен в чин генерала и получил соответствующую этому званию ленту, взял из казны и шахского гардероба тяжелый груз и с подобающим конвоем выступил из столицы. Переход за переходом проходил он путь к Герату. Из Мешхеда он взял с собой полковника Фараджулла-хана с полком бекешлю, Лютф Али-хана давизанского с отрядом всадников и одну девятифунтовую пушку.

А с другой стороны, так как туркмены всегда имеют лазутчиков на больших дорогах, то, узнав о путешествии Хусейн-хана и об обозе с со-

кровищами, они вышли ему наперерез, а сначала захватили в землях Джама и округе Хезаре некоторое количество людей в плен и угнали много быков и баранов, спрятали (их) в надежном месте и, сидя там, поджидали Хусейн-хана и удобного случая, чтобы напасть на него.

А Хусейн-хан дошел до места Махмуд-абад и семнадцатого числа месяца джумади I (25 января 1856 г.) направился из Махмуд-абада в сторону Турбет-и-Шейх-и-Джам. Лишь только прошел он полфарсаха пути, как показалось несколько человек туркменских всадников. Хусейн-хан понял, что это караул войска и пожелал узнать, каково их вооружение и численность. Он на минуту остановился и сказал Рахматулла-хану, полковнику полка шакаки, Фараджулла-хану, полковнику полка Аджама, Лютфулла-хану, командиру давизанских шахсевенских всадников, Мухаммед Али-хану и Насрулла-хану, командирам всадников Джама и Али-кули-хану, придворному гвардейцу, чтобы они приготовили своих людей к сражению. Тогда туркмены, несмотря на (свою) малочисленность, произвели атаку, налетев на них, захватили двух человек, одного зарубили мечом, а другого взяли в плен.

Через два часа появились другие четыре знамени туркмен, и открылось, что восемьсот всадников из жителей Серахса, Ахала и Кара-яба действуют заодно с туркменами в грабительском нападении на казну.

Когда Хусейн-хан увидел это, то привел обоз и грузы обратно в Махмуд-абад и там оставил. Соорудив перед сокровищами укрепление, он поставил караул и, взяв конницу, пехоту и артиллерию, погнался вслед за туркменами. Он преследовал их на расстоянии пяти фарсахов и время от времени вступал с ними в сражение. Он узнал, что из районов Джама уведено в плен сто человек и угнано шестьдесят тысяч голов баранов, тысяча верблюдов, тысяча коров и ослов.

Тогда борьба стала жестокой, закипела битва, и обе стороны ринулись в атаку. Туркмены не устояли, дрогнули, побросали тут всех пленных, имущество и скот и пустились в бегство. С туркмен было снято семьдесят голов, и сто человек захвачено в плен. Да еще сто пятьдесят лошадей было взято у этой шайки. А с другой стороны никто не погиб, за исключением одного всадника шахсевена.

Когда Хусейн-хан увидел такую доблесть командиров и всадников, он подарил триста туманов чеканным золотом командирам и воинам. После этого сражения он (снова) навьючил казну и почетные одежды и отправился в Герат.

[Султан Мурад-мирза дает распоряжение о подвозе в Герат хлеба.] Точно так же он отдал приказ, чтобы конница давизанских шахсевенов, спешно проделав путь до Турбет-и-Хайдерийе, доставила оттуда в Герат фураж и хлеб, а для того, чтобы находящиеся в лагере люди терпели меньше лишений от недостатка хлеба и зерна и, для того, чтобы границы Хорасана находились в безопасности от набегов туркмен, он хотел услать из Герата большое количество воинов. Поэтому он приказал мирзе Мухам-

меду, Кавам-уд-доуле, итти походом к священному Мешхеду. Он дал в его распоряжение генерала Касим-хана с мухбирским полком и тремя хорасанскими полками. Мирза Мухаммед, выступив из Герата, дошел до Турбет-и-Хайдерийе и оттуда пришел в Мешхед.

Случилось так, что двадцать седьмого джумади II (5 марта 1856 г.) распространилась весть, что две тысячи туркменских всадников вышли из земель Дербенда и вторглись в округ Мешхеда. Шукрулла-хан, Абуль-Фатх-хан, командиры хезар-джерибские,[1] Хасан Али-хан, полковник аджамского полка и командиры хорасанской конницы с двумя пушками выступили и, подвигаясь форсированным маршем, через два часа после захода солнца вступили в Гурган, который находился в пяти фарсахах от Мешхеда. (Тут) они узнали, что туркмены ограбили племя тимури и увели множество пленников и баранов, но так как не было подходящего войска, то вслед за ними кинулись Мухаммед Риза-хан и Аллаяр-хан джемшидский с семьюдесятью всадниками.

Итак, военачальники провели эту ночь на привале в Гургане, пока не прибыла артиллерия. А на утро с солдатами и пушками они двинулись (в поход) и шли до Ленгерека. Мухаммед Риза-хан и Аллаяр-хан, которые выступили раньше, находились (уже) в Лепгереке вместе с Бахадур-ханом, Ферамурз-ханом, Мухаммед-ханом и Багыр-ханом. Тогда оба войска соединились друг с другом. В это время прибыл лазутчик Мухаммед Риза-хан и привез известие, что «туркмены остановились на берегу р. Чахар Гумбед, заняты сооружением моста для переправы пленников и баранов и находятся не более как в двух фарсахах расстояния от вас. . .»

Абуль-Фатх-хан испугался и хотел отступить, но командиры осыпали его упреками, порицали его, и кое-как против желания его провели с собой еще полфарсаха, тут Абуль-Фатх-хан вдруг обернулся (к ним) и сказал: «Послушал я ваших слов и не хочу уронить славу государства, (но) вот у меня не больше двухсот пятидесяти человек солдат, для чего же я стану вступать при такой малочисленности в бой с двумя тысячами туркменских всадников и предам смерти и истреблению весь отряд». Сказав это, он устремился обратно. Полковник Шукрулла-хан с аджамскими и хезар-джерибскими солдатами и хорасанской конницей решился напасть на туркмен. Как только прошел он небольшой отрезок пути, туркменские разведчики увидели его и известили об этом свой отряд, и туркменские люди,

---

[1] Хезар-джериб, один из булюков Мазандерана, граничит на востоке с Дамганом, на юге с Семнаном, на западе с Фирузкухом и Савадкухом и на севере с различными булюками Астрабада и низменными частями Мазандерана. Булюк состоит из двух главных подразделений — Чахарданьгэ и Дуданьгэ («даньг'ом» называется одна шестая часть всякого недвижимого имущества). По преданию, сын имама Зейн-уль-Абидина Фахр Имад-уд-дин разделил свое имение между тремя своими сыновьями, один из которых был от другой жены. Два из них в совокупности получили четыре (чахар) «даньг'а», третий — остальные два (ду). H. L. Rabino. Mázandarán and Astarábád. London, 1928, pp. 56—57.

испугавшись прибытия войск, собрались и с теми пленниками и баранами которых успели переправить через реку, обратились в бегство, а тридцать человек пленных и двенадцать тысяч баранов, которые находились по эту сторону реки, оставили и ушли.

Так как у войска не было необходимого количества солдат и пушек, то оно не сочло возможным преследовать их дальше и вернулось обратно.

В этом же году отряд серахских туркмен совершил набег. Среди ночи подошли они к крепости Елик, которая находится в административной зависимости от Келата. Несколько человек солдат, которые по распоряжению генерала мирзы Ибрахим-хана были охранителями этой крепости, вместе с ее обитателями вышли в бой. Четверо из туркменских начальников были убиты, а один попался в плен. Поневоле туркмены были вынуждены обратиться в бегство.

А в другой раз, в пятый день месяца раджаба (12 марта 1856 г.), учтя (трудности) дела, к крепости Завэ пришла тысяча пехотинцев (туркмен) и сто пятьдесят всадников и привезли с собой многоступенные лестницы, чтобы с их помощью забраться на верх укрепления. Однако и в этот раз пятьдесят человек солдат, охранявшие эту крепость, вместе с ее жителями дали серьезное сражение, так что триста человек из этого отряда было убито или ранено. Дальше туркмены не могли устоять перед ними и, погрузив убитых на лестницы, обратились в бегство, а семерых из убитых, которых они не смогли захватить с собой, на утро подобрали жители крепости и, сняв с них головы, послали эти головы вместе с вестью (о победе) в священный Мешхед.

Раньше уже рассказывалось (1273 г. х. — 1856/57 г.) о правлении Джафар-кули-хана, ильхани, в Астрабаде и Бузанджирде и сообщалось о наведении его рукой порядка в этих землях.

После того как он освободил много пленных пранцев и большинство туркменских племен подчинил своим распоряжениям, группа туркмен из племени теке, обитавших в Кызыл-рабате и Ахале, в особенности те, которые проживали под управлением Ага Мухаммед-сердара, не посчитались с ним и не возвратили пленных и добычу, захваченную в предыдущем году в Семельгане.[1] Ильхани счел своей обязанностью дать им отпор. Он снарядил войско из (жителей) Астрабада, гёкленов и йомутов, а также собрал бастамскую конницу и полк Фендереска и тогда, вместе с шахзаде Джехансуз-мирзой, генералом арабского и аджамского полков, выступил из Астрабада и не останавливался до земель Гили-дага. Подошло также и войско шадилю. Через день после празднования нового года он выступил из этого места в путь, оставив здесь пехоту, вьюки и грузы, отобрал из числа всадников три тысячи смелых удальцов и, двигаясь быстрым маршем, проделал за одни сутки около тридцати пяти фарсахов пути. К обеду он при-

[1] Одно из селений Буджнурдского района, к западу от г. Буджнурда.

был к весенним становищам племени Ага Мухаммед-сердара и соседящих с ним племен, неожиданно поднял на этот народ свой меч и землю сделал алой, как рубин от крови бойцов. Тогда, захватив в добычу жен и детей и награбив их (туркмен) добра и имущества, (ильхани) повернул обратно.

Так как ко времени возвращения войско оказалось утомленным быстрым маршем, и было трудно увозить добычу, гнать коров и баранов, да и пленники, состоявшие исключительно из женщин, детей и пеших, не могли подвигаться быстро, то солдаты поневоле двигались замедленным темпом. Благодаря этому туркменам, дома и жилища которых находились в землях Атека, давалась в руки возможность (для нападения). Три тысячи опытных в бою людей, сев на быстроногих коней, помчались и внезапно напали с фронта на ильхани (Джафар-кули-хана).

Ильхани отдал приказ, чтобы все войско выравняло свой строй и с четырех сторон окружило бы пленных и добычу; сражаясь, они продолжали подвигаться своим путем, пока не подошли к подножию горы и не заняли надежную позицию. Тогда, собрав войско вместе, (ильхани) ринулся сверху горы вниз подобно всесокрушающему потоку. Первым же натиском он обратил туркмен в бегство и преследовал их на расстоянии двух фарсахов и много народу поверг во прах. Затем он вернулся и в эту ночь на той же самой позиции стал привалом, дабы дать войску немного отдохнуть. На утро двинулись в путь, дошли до Чандыра, где соединились со своим обозом. Отсюда двинулись на Бузанджирд.

Прошло несколько дней, и открылось снова, что из Ахала, Ашхабада и Кызыл-рабата собрались десять тысяч текинцев и стали лагерем в урочище Курук, чтобы в возмещение (понесенного) ущерба совершить нападение на деревню Раз, находящуюся на границе государства.

Чтобы помешать этому делу, ильхани отправил нескольких лазутчиков на большие дороги, дабы они наблюдали и давали бы сведения о передвижениях и остановках врага. А сам несколько дней оставался в земле Манэ, оттуда пришел в Раз и привел в порядок башни и стены этой крепости. Когда об этом узнали туркмены, то, отказавшись от своих намерений, сели на коней (и ушли обратно).

Ильхани же, успокоившись относительно этого дела, возымел твердое намерение наказать людей Нухура,[1] стоянка которых находится в двух фарсахах от Атека.

Так как они поселились между двух гор, то всякий доступ к ним, кроме как по северному пути, был закрыт, и там поселилась тысяча славных наездников да отряд воинственных пехотинцев, которые являются постоянными лазутчиками и переводчиками текинских туркмен в грабежах на иранских границах. В ту пору случилось так, что среди населения Нухура поднялось разногласие, часть народа отказалась от союза с жителями Атека и призвала ильхани завладеть Нухуром. Когда об этом узнала (другая)

[1] Сел. Нухур существует в Туркменистане поныне.

группа, то вызвала для отражения ильхани туркмен. Так как путь до Атека был близок, то сначала двести человек туркменских стрелков пришли в Нухур, заняли крепость и арестовали некоторых людей из тех, что приглашали ильхани.

А ильхани, не зная о туркменах, подступил к Нухуру с малочисленным (отрядом) и (тут) узнал о прибытии туркмен. Хотя он и не рассчитывал вступать с ними в бой, но все же постыдился вернуться обратно; с таким малочисленным отрядом взялся он за дело, воздвиг солидные укрепления и закрыл обитателям крепости вход и выход. В течение суток воевал он с ними, обстреливая их из ружей.

Когда жители Нухура увидели себя осажденными, то послали в Атек человека за подкреплением. Не прошло много времени, как из Атека прибыл отряд конницы и пехоты. Пехота немедленно вошла в крепость, а конные поднялись на вершины гор, осадили ильхани с отрядом его людей меж двумя горами и с высоты гор словно весенним ливнем осыпали их пулями. А пехота из крепости заодно с ними устроила вылазку и атаковала их. Такое нападение и натиск не испугали воинов; точно храбрые львы бросились они в битву. Саблей, ружьем и копьем сражались они и пятнали кровью и прахом головы людей и коней. Еще сутки длилось сражение. На третий день прибыло еще многочисленное войско из теке и преградило войску ильхани путь к воде и зажгло огни сражения. И все же ильхани не изменил своих планов. Он разделил своих людей на две части: одну половину он дал в распоряжение Джехансуз-мирзе, а Мухаммед-хану, чегени, полковнику Муртаза-кули-хану, Мухаммед Рахим-хану, Мухаммед-кули-хану и Шир Мухаммед-хану дал приказ, чтобы каждый из них занял свое место в укреплении, сам же взял другую половину (войска) и с Субхан-кули-ханом преградил дорогу всадникам, и завязалась битва. Он оказался настолько упорен, что туркмены обратились в бегство. Он гнался на протяжении четырех фарсахов вслед за ними и много народу перебил. Джехансуз-мирза завязал жаркий бой с жителями крепости, пехотинцев их, разбив, он заставил бежать из укреплений внутрь крепости, всадников обратил в бегство и на большом расстоянии гнался вслед за ними и захватил пятьсот коней и пленных.

В виду того, что к этому времени у воинов осталось мало пуль и пороха и без осадной артиллерии было трудно взять крепость, Джафар-кули-хан, ильхани, не видел более смысла оставаться здесь и двинулся в обратный путь. Совершая переход за переходом, дошел он до Астрабада. Он послал ко двору шаханшаха донесение о положении дел и был пожалован мечом с усыпанной алмазами рукояткой.

Вскоре после этого в землях туркмен разнеслась молва, что десять тысяч гёкленских семейств, которые стояли в Хиве, с тысячей семейств пленных кызылбашей, навьючив все свое добро и имущество (на животных), с женами и детьми двинулись в путь, остановились в Карры-кала и просили покровительства у иранского государства.

Как только об этом узнал ильхани, он послал к ним Мухаммед Рахим-хана и юзбаши Кули-хана, чтобы они перевели этот народ в Кальпуш и велели бы им там остановиться, чтобы не пришлось им потерпеть вреда от врагов. Они (туркмены) сказали: «Мы благодаря счастью царя царей Аджама и покровительству иранского правительства можем охранять себя» и, отпустив на волю пятьсот человек иранских пленных, вручили их Мухаммед Рахим-хану. Сто сорок человек из их старшин явились к ильхани и принесли ему выражение покорности и послушания.

Так как в это время дело дошло до войны между иранским государством и Англией, то шесть тысяч туркменских всадников йомутов, явившись к ильхани, высказали желание, чтобы правители иранского государства дали им разрешение направиться в Бендер-Бушир на борьбу с английскими войсками. Ильхани составил донесение о положении дел и послал его в столицу. Венценосный шаханшах сказал (по этому поводу следующее): «Для войны с Англией нам достаточным может быть государственное войско, и нет надобности призывать и подвергать трудностям туркменских людей или бойцов иранского государства, которые не числятся в списках армии. Хорошо будет, если туркмены станут тихо и мирно проводить дни в своих становищах, чтобы, если явится нужда, мы могли бы их вызвать».

Садр-и-азам доложил, что туркмены не подчинялись приказу ни одного из царей Ирана, так что шаху Надиру, афшару, не удалось победить группу из этого народа и задержать Мухаммед Хасан-шаха, каджара. А ныне силою счастья и милостью господа степные туркмены и туркмены с иранских границ приносят покорность и вступают на путь повиновения, и если сегодня падишах вдруг отстранит их от своего величества, то это вызовет печаль и огорчение, и лучше бы дозволить явиться ко двору их знатным людям, дабы они были обрадованы царской милостью.

По благоусмотрению Садр-и-азама вышел приказ, чтобы ильхани (Джафар-кули-хан), выбрав две тысячи человек из туркмен, с астрабадскими вельможами отправился в столицу.

В одиннадцатый день месяца раджаба (18 марта 1856 г. или 7 марта 1857 г.), когда он вступал в Тегеран, согласно приказу, Мухсин-мирза, эмир-ахур, Джехансуз-мирза, мирза Зейн-уль-абидин, Мелик-уль-куттаб, со свитой из гвардейских гулямов вышли к нему навстречу. После прибытия (в столицу) они удостоились приема у Садр-и-азама и приближения к порогу царя царей Аджама.

.....В виду того, что, между государством Ирана и Англией закончилось дело миром, правители иранского государства пожаловали туркмен драгоценными халатами, роздали им почетные знаки, одарили подарками и, выказав ласку и милость, отпустили обратно.

Через несколько дней ильхани также получил разрешение (уехать), и в конце месяца зуль-хиджа двинулся в обратный путь к Астрабаду, дабы привести в порядок эту страну и повысить государственные доходы.

В этом же году (17 мая 1856 г. или 6 мая 1857 г.), в ночь на двенадцатое число месяца рамазана, открылось, что туркмены Серахса и кара-ябские, с Мухаммед Шейхом, сердаром туркменом, (в количестве) четырех тысяч всадников устремились к Сарджаму и Бивежену и, пройдя через эти земли, двинулись к Нишапуру. Когда эта весть достигла в священном Мешхеде до мирзы Мухаммеда, то прежде всего он командировал генерала Абуль-Фатх-хана с отрядом пехоты и конницы, дабы они наблюдали за границами государства и каждый день посылали бы вести. А сам с полуторатысячами всадников чардевели, Хамсэ, Хорасана и хезаре, которые там находились, вышел из Мешхеда, устроил смотр войскам и их также послал вслед за Абуль-Фатх-ханом.

А туркмены грабили и разоряли земли Сарджама, Бивежена и окрестности Нишапура и захватили в качестве добычи у племен тимури, поселившихся в землях Мешхеда, и у белуджей тридцать тысяч баранов и три тысячи коров, верблюдов и ослов. Сверх того, часть женщин и мужчин этих племен да группу паломников, (шедших) к гробнице Риза, (численностью) около тысячи человек, они взяли в плен. Четырнадцатого числа месяца рамазана (19 мая 1856 г. или 8 мая 1857 г.) они вступили в Карфуш, а в ночь на пятнадцатое (20 мая 1856 г. или 9 мая 1857 г.) взяли оттуда путь на Меямей. Но на рассвете Абуль-Фатх-хан с двумя пушками, тысячей солдат и двумя с половиной тысячами всадников хорасанских, Хамсэ и чардевели явился перед фронтом туркмен, и оба войска, построив ряды, бросились в бой друг с другом. Артиллеристы навели дула пушек (на врагов) и в начале атаки разбили туркмен. Туркменские всадники в ужасе и смятении бросили группу пленников и всю добычу и пустились в бегство. Воины быстро гнались вслед за ними, убили и связали триста человек, и, взяв пленных туркмен, отвели их в Мешхед, чтобы заключить в тюрьму.

Жителей Мешхеда взволновали неприятности, которых они натерпелись от этой шайки, они подняли беспорядок и по дороге в тюрьму убили пятьдесят человек из пленных туркмен.

И в другой раз случилось так, что отряд из племени текинского сердара Ак Мухаммеда в землях Мияндашт захватил шестьдесят верблюдов, из которых часть несла торговые грузы, а другие везли полированные камни, на которых должна была быть водружена гробница святого Ризы, а также взяли в плен четверых погонщиков.

Фараджулла-хан, несший обязанности правителя Нардина, как только узнал об этом, сел со своими людьми на коня и погнался с величайшей поспешностью по следам туркмен и увидел их в землях Як Туклан. Когда туркмены заметили врага, то поскидывали со спин верблюдов груз и что есть мочи погнали их.

Фараджулла-хан, дав шпоры, погнал коня и, как палящая созревший хлеб молния, налетел на них. Некоторых убил, иных обратил в бегство и, захватив пленников и верблюдов, вернулся обратно.

В то время, когда Султан Мурад-мирза находился в Герате, с каждым днем увеличивались грабежи и набеги туркмен Серахса и Кара-яба.

Случайно Хасан-хан, командир карапапакской конницы, с двумястами всадников совершал путь к Герату и в субботу десятого зуль-хиджа на середине пути между Хафом и Гурияном увидел двести человек туркменских всадников. Незамедлительно он решил вступить с ними в битву. Один человек из жителей Гурияна сказал ему: «Кроме этих всадников, которых ты видишь издалека, в засаде находится (еще) отряд. И будет благоразумно, если ты не вступишь с ними в битву.» Хасан-хан сказал: «Я никогда не отстану от этого отряда». Он ударил коня и погнался за ними. Увидев такую отвагу, туркмены обратились в бегство, а Хасан-хан на протяжении четырех фарсахов вскачь преследовал их по пятам и нагнал. Волей-неволей пришлось туркменам повернуть и приготовиться к сражению. Когда шестеро из них было уложено в пыль ружейными пулями, они снова бросились в бегство, а Хасан-хан, дав шпоры коню, семь фарсахов их преследовал и забрал у них людей и копей. В итоге у тридцати человек этого отряда частью снял он головы, а некоторых забрал в плен, взял в добычу сорок лошадей и поспешил обратно.

Когда эта весть была доложена правителям государства, то Хасан-хана наградили орденом Льва и Солнца первой полковничьей степени и белой лентой. А после того как Султан Мурад-мирза отправился из Герата в Мешхед, ему принесли сведения о том, что множество туркменских всадников, переправившись из земель Ак Дербенда, имеют намерение совершить набег на границы Хорасана.

Шахзаде командировал Сафар Али-хана, генерала конницы шахсевенов иналлю Хасан-хана, командира конницы карапапак, и Мухаммед Тагы-хана, командира шахсевенов афшаров, дабы они спешили в земли Сангбаст и следили за туркменами. Он велел Лютфулла-хану, начальнику давизанской конницы, и Зуль-Фекар-хану, командиру всадников Хамсэ, Парвиз-хану, полковнику конницы чардевели, двинуться из лагеря, который в это время находился в Кала-и-Якути, к Инаят-абаду.

На другой день пятьсот туркменских всадников захватили на границах государства несколько человек в плен. Двое из пленных бежали и оповестили (о случившемся) Сафар Али-хана, и он с карапапакской и афшарской конницей погнался в догонку за туркменами и по ту сторону от Шора-кала[1] настиг их и затеял с ними бой. Когда туркмены увидели это, то оставили пленных и все, что награбили, и бросились бежать к Инаят-абаду, а войска поскакали вслед за ними. Через пять фарсахов к ним присоединилась, узнав (о происходящем), еще конница дувиранская, Хамсэ и хараканская. Соединенными силами поспешили они (за врагом), нагнали туркмен и часть их посекли саблями, а других взяли в плен. Невредимыми из этого отряда ушло не больше тридцати—сорока человек.

---

[1] То же, что и Кала-и-Якути.

А с другой стороны на Бузанджирд напал туркменский сердар Ак Мухаммед с четырьмя тысячами всадников. Об этом узнал Субхан-кули, брат Джафар-кули-хана, ильхани, и со своими всадниками да сотней мушкетеров выступил на защиту. Он перерезал туркменам путь и затеял с ними сражение. После долгой борьбы и больших усилий Ак Мухаммед и его люди были разбиты и обратились в бегство.

Субхан-кули-хан захватил в добычу полтораста отрубленных голов и сотню пленных. И так как Джафар-кули-хан, ильхани, как уже упоминалось, вернулся из столицы в Астрабад, то подобно молнии и ветру он поспешил в ту сторону и прямо с дороги воздал по заслугам туркменскому племени джафарбай, которое является источником зла и вреда. Он прошел быстрым маршем с бывшим здесь конным полком тридцать фарсахов, внезапно явился среди племени джафарбай и стал их избивать и грабить.

Двести человек туркменских мужей изрубил он саблей, шестьсот человек взял в плен и, вернувшись в Астрабад, бросил пленников в тюрьму.

После этого туркменские старшины часто привозили в Астрабад награбленное имущество и всех пленных, какие когда-либо были захвачены, и отдавали их, чтобы освободить своих пленников.[1]

---

[1] Сведения о многочисленных набегах туркмен и карательных экспедициях против них сообщаются и в других источниках: В «Тарих-и-мунтазам-и-Насири» перечисляются: карательная экспедиция наместника Хорасана (1274 г. х. — 1857/58 г.) против серахских туркмен (т. III, стр. 256), экспедиция в Мерв 1276 г. х. (1859/60 г.) [об экспедиции в Мерв «вследствие мятежа некоторых мервских племен» в 1274 г. х. (1857/58 г.) сообщается в «Матля-уш-шамс», т. II, стр. 372; экспедиция (1277 г. х. — 1860/61 г.) правителя Астрабада и Мазандерана против туркмен даз (там же, стр. 272); сражение с туркменами-теке Мерва 9 раби II (14 октября 1861 г.) наместника Хорасана (там же, стр. 276); набег на Мешхедскую равнину, в том же году, отряда туркмен под предводительством Шейх Мухаммеда (там же, стр. 276); прибытие ряда аксакалов салыров и сарыков на службу к наместнику Хорасана в 1279 г. х. (1862/63 г.) Султан Мурад-мирзе (там же, стр. 280); разгром салыров и сарыков, «которые приходили (1280 г. х. — 1863/64 г.) с целью грабежа в пределы Хорасана» (там же, стр. 284); карательная экспедиция «для установления порядка на всей Астрабадской границе» (1280 г. х. — 1863/64 г.) сипахсалара «всех регулярных и нерегулярных войск» мирза Мухаммед-хана (там же, стр. 286 и 289); об этой же экспедиции сипахсалара см. «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 303—304, и «Матля-уш-шамс», т. II, стр. 375; прибытие начальников туркмен гёкленов и йомутов к сипахсалару в Кальпуш (1281 г. х. — 1864 г.) с просьбой «о прощении и благосклонном согласии принять от них числящиеся за ними недоимки по податям и налогам» (там же, стр. 289); экспедиция 1285 г. х. (1868/69 г.) в Ахал (там же, стр. 309); набег 1288 г. х. (1871 г.) туркменского сердара Ишана в пределы Хорасана (там же, стр. 320); набег туркменского предводителя Коджа 1289 г. х. (1872 г.) на хорасанскую границу (там же, стр. 324) и т. д. до 1882 г. (см. там же, стр. 327, 333—335, 340, 344, 351, 354, 381].

ОТЧЕТ О ПОСОЛЬСТВЕ В ХОРЕЗМ РИЗА-КУЛИ-ХАНА [1]

Перевод и примечания А. А. РОМАСКЕВИЧА

Рассказ о «джар'е» Кульбада [2] (1267 г. х. 23 джумади II—25 апреля
27 1851 г.). «Джар» на персидском языке называют выемку в земле, прорытое или прокопанное место. В эпоху сефевидских султанов туркмены приходили со стороны Гургана и Астрабада в окрестности Ашрафа и производили грабеж. Шах Аббас Сефеви повелел выкопать глубокий ров от окраины гор до берега моря длиною в четыре «фарсаха» [3] и глубиною в десять «зар» [4] и по тому месту, где проходил «хиябан», [5] проложить узкую дорогу, по обеим сторонам которой находится лес. Туда он направил некоторое количество стражников, и (этот ров) стал на самом деле преградой на путях туркмен, так что они — конные и пешие — большой массой и толпой не могут с той стороны производить набег на Астрабад, Кульбад, Ашраф [6] и прочие (местности). Теперь, по истечении долгого времени, тот ров заполнен, и (в нем)

---

[1] Мухаммед Эмин-хан, правитель Хивы, который после смерти брата стал именовать себя Хорезмшахом, отправил посланником в Иран, для принесения поздравления шаху, своего родственника Ата Нияз-мехрема с подарками; тот прибыл в Тегеран в месяце раби II (феврале 1851 г.) и удостоился высочайшего приема, после чего было постановлено, что один из чиновников шахского двора отправится вместе с ним посланником в Хорезм и урегулирует там некоторые вопросы. По высочайшему повелению таковым был назначен покойный Риза-кули-хан Лялябаши, опытный и правосудный сановник, знающий и прозорливый человек и (вместе с тем) образованный и несравненный литератор. Отправившись в это путешествие, он записывал все, что происходило по пути от начала до конца, и это описание его путешествия вошло во 2-й том книги «Мир'ат-уль-бульдан» («Зерцало стран») под заглавием «Ма'асир-и-султанийе» («Подвиги государя»), так что здесь повторять его излишне («Тарих-и-мунтазам-и-Насири», т. III, стр. 206—207).

[2] Заграждение в виде рва (джар) с валом из выброшенной из него земли, сооруженное между Ашрафом и Курд-махалле в Мазандеране. Этот ров был вырыт по приказу Керим-хана Зенда в шестидесятых годах XVIII в. для защиты Ашрафа и восточной части Мазандерана от набегов туркмен при правителе Мазандерана Мухаммед-хане из Савадкуха. Вместе с тем это заграждение, тянущееся от склонов гор и до самого моря, считается восточной границей упомянутой провинции. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád. London, 1918, pp. 65—66.

[3] Фарсах — 6.5 км.

[4] «Зар» — 102—104 см.

[5] Шоссе, построенное при шахе Аббасе по низменной и болотистой местности вдоль южного побережья Каспийского моря, от Решта до Ашрафа.

[6] Основанный в 1613 г. шахом Аббасом I на месте незначительной деревни город в Мазандеране, в 9 км от берега Каспийского моря и в 70 км к западу от Астрабада на пути в Сари. Отличается своим живописным положением у подножья Эльбурзских гор и богатой растительностью, но в экономическом отношении это один из бедных «булюков» Мазандерана. Занятие жителей состоит в разведении риса, хлопка и в шелководстве. Enzyklopaedie des Islām, I, 1913, S. 503—504; H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád. 1928, pp. 62—64.

выросли деревья, но несмотря на это перебраться через него всадникам можно лишь с трудом.

Хижины и кибитки туркмен Гургана были видны издалека. На стоянке в Курд-махалле было в точности выяснено, что Мухаммед ли-хана беглербеги[1] в г. Астрабаде нет и что он за городом воздвигает высокие башни и укрепленные места засад, чтобы загородить пути туркмен.

(Астрабад) находится вблизи туркменских племен, и разрушение его происходит большей частью по этой причине. . . 29

В настоящее время, когда властелин Ирана поручил верховное управление Астрабадом Мухаммед Вели-хану, каджару (из племени) девелю, город стал принимать культурный вид, и его жители избавились от нападений туркменских племен.

Та часть Каспийского моря, которая служит местом проезда и для русских и для туркмен, лежит вблизи Астрабада, и портом ее является деревня Гяз; столкновение между туркменами и русскими[2] произошло (именно) в этом пункте.

Несколько дней было проведено в подготовке всего необходимого для 30
путешествия; наконец, я выразил желание отправиться в путь и по необходимости потребовал для этого двух проводников из племени гёклен, хорошо знающих местность.

Беглербеги рассмеялся и сказал: «Ты имеешь удивительное представление, думая, что это путь, похожий на путь через Мазандеран. (Это) — лютая пустыня, и опасностей в ней больше, чем в бурном море. Нужно пройти по ней сорок переходов, лишенных воды, фуража, населенных пунктов и мест для стоянок, без признаков дороги, без зелени и травы, причем нужно двигаться среди племен, жестоких и враждебных, бесчисленных, как (племена) Яджуджа, несчетных, как (народы) Маджудж. Как смеют 31
гёклены проходить по стране йомутов, ведь с давних пор у этих двух племен между собой существует вражда».

«Даже если проводник будет йомутом, тогда он должен быть узбеком, нет, он должен быть „гулем“ (духом пустыни), чтобы быть в состоянии пройти через территорию туркмен. Помимо того, (даже) верблюды не могут итти в эту местность; только тот верблюд может итти туда, погонщик которого принадлежит к тому племени, по земле которого он будет проходить. Они не подчиняются никому, они двигаются и останавливаются так, как захотят, а другим нужно поступать так, как им заблагорассудится. Ты должен так представлять себе, что Астрабад — это приморская гавань, что туркменская степь — это бескрайное море, что верблюжий погонщик йомут — это хозяин корабля, а Хорезм — это Калькутта или Египет и Европа, а вы сами должны двигаться по воде, пока не достигнете стоянки».

---

[1] Генерал-губернатор.

[2] Имеется в виду нападение в 1851 г. туркмен на о. Ашур-Ада, где находилась русская морская станция.

' Джумади II 1267 г. х. — 29 апреля 1851 г.) (В это время) прибыл из Хивы караван, в котором находилась группа кокандцев и хивинцев, отправлявшихся в Мекку на богомолье. Я потребовал к себе их верблюжьих погонщиков, которые были йомуты, жившие в окрестностях Хивы, и условился с ними относительно найма верблюдов. Когда они увидели, что мы, хивинцы и купцы (ехавшие с нами), нуждаемся в них, они запросили за каждого верблюда дорогую плату; в конце концов при помощи обещаний и угроз, суля подарки и награду, мы наняли каждого из принадлежавших им верблюдов до конца путешествия в Хиву за три тумана; (нам) нужны были двадцать верблюдов для (перевозки) воды, провианта и багажа. Плату за наем мы отдали вперед и избавились от волнения и беспокойства.

Погонщики (после этого) сказали: «Мы только что прибыли и должны устроить свои дела; до десятого (числа) месяца раджаба мы не можем выступить в путь, потому что наши верблюды ослабели и не в силах везти груз». Так как настойчивость (наша) не принесла никакой пользы, мы поневоле согласились.

(28 джумади II 1267 г. х. — 30 апреля 1851 г.) Я пригласил (к себе) туркменских ханов (из племени) йомут, прибрал помещение и приготовил (для них) угощение; я завел речь о могуществе иранской державы, о стройной организации государства, я заставил исчезнуть из их мыслей прежние ложные представления и фантастические выдумки о (нашем) государстве и его слабосилии, наполнил их сердца страхом с помощью доводов внешнего и внутреннего характера и убедительных по силе философских доказательств. Они ушли (от меня), находясь между страхом и надеждой, и приняли решение быть покорными слугами.

34 (4 раджаба 1267 г. х. — 5 мая 1851 г.) Пришло известие о командировании Джафар-кули-хана эмир-и-панджэ на границы Астрабадской области с шахскими полками. (При этой вести) у туркменских ханов мысли наполнились смятением и беспокойством; по требованию обстоятельств я их обнадеживал разумными речами и вместе с тем держал их в состоянии страха и надежды, говоря о многочисленности (иранской) армии, о мощи (иранского) правительства и о стройной организации управления (нашим) государством.

34—35 (5 раджаба 1267 г. х. — 6 мая 1851 г.) Прибыло донесение Хасан-хана, туркмена, прозванного Хасан-и-Чуган, командированного (астрабадским) генерал-губернатором к туркменам, чтобы привести в Астрабад мазандеранских пленников, которых те увели с берега моря. Хасан-хан доносил:
35 «Часть пленных я (уже) взял и, взяв остальных, приведу всех в Астрабад».

(6 раджаба 1267 г. х. — 7 мая 1851 г.) Я побудил своего спутника, посланника хорезмшаха,[1] выступить из города (Астрабада) и отправил его на берег р. Гюргена, чтобы он там расположился и воспрепятствовал бес-

[1] Ата Нияз-мехрема, прибывшего с посольством от хивинского хана в Тегеран и возвращавшегося обратно вместе с автором.

смысленному промедлению хивинских верблюжьих погонщиков из племени йомут. . .

(8 раджаба 1267 г. х. — 9 мая 1851 г.) На рассвете я отправил багаж и слуг на берег р. Гюргена, а через некоторое время выступил и сам вместе с Кара-ханом из племени атабай, племя и аул (оба) которого находились на берегу Гюргена. Мы достигли Сиях-и-Бала и прибыли в лагерь (иранских войск) и к кибитке генерал-губернатора Астрабада. . .

Он назначил Кокче-бая джафарбайского сопровождать нас и быть нашим проводником. Генерал-губернатор дал мне те наставления и указания, которые он считал необходимыми для путешествия в Хорезм, а я подробно изложил ему добытые мною сведения о положении Астрабада и о туркменах. Простившись (с ним), мы отправились к Гюргену и около заката прибыли к становищу Кара-хана; по дороге нас встретил Кули-хан Ак и некоторые из туркменских старшин.

(9 раджаба 1267 г. х. — 10 мая 1851 г.) Мы пребывали на берегу р. Гюргена в своих особых палатках и кибитках. Женщины и дети племени, по своему обычаю, два-три раза в день выходили из становища (оба) и купа- *36*
лись, барахтались и плавали в реке; самое удивительное то, что шести-семилетние дети их бросались в воду с высоты берега реки, до которой было шесть, семь «зар», и, как утки, плавали в воде. . .

Река Гюрген от (местности) гёкленов направляется в сторону Астра- *37*
бадского моря, которое и есть то самое Хазарское, Мазандеранское и Гилянское море. . . Степь Гургана является самой лучшей землей; благодаря обилию воды, плодоносности и прекрасным качествам почвы урожай этих мест может достичь полного изобилия, но племя туркмен лишь по временам, по мере нужды и необходимости, иногда производит посевы. . . Племя туркмен атабай, вождем которых является Кара-хан, обитает на берегу (реки) Гюргена, а племя джафарбай проживает (дальше) по направлению к Астрабадскому морю.

(11 раджаба 1267 г. х. — 12 мая 1851 г.) Туркменских ханов, которые *38*
вместе с нами перешли на эту сторону (реки) Гюргена[1] и по мере своих сил оказывали нам услуги, мы отправили (обратно), одарив их парчевыми кафтанами; Хасан-и-Чуган вместе с Кули-ханом и группой других лиц отдохнули ночью в наших палатках и утром отправились далее по своим *39*
делам; туркменский «кази», который считал себя потомком монголов и Чингиз-хана, простившись, отправился в свое становище.

Надо заметить, что туркмены представляют собою бесчисленное племя; пересчитать их очень трудно, потому что они не имеют города, в котором *39—40*
они были бы определенно ограничены, и не живут они на всегдашнем постоянном месте, чтобы кто-нибудь мог хотя бы приблизительно их подсчитать. Они рассеяны по равнине Гургана и Хорезма, представляющей собой беспредельную степь; некоторые считают их в тридцать тысяч, другие назы-

[1] На правый, северный берег реки.

вают или меньшее или большее число. Они живут на пространстве от Астрабада до Хивы, которое составляет больше двадцати дней пути; каждые сутки они проходят две стоянки, что в сущности составляет сорок стоянок. По другую сторону Астрабада находятся гёклены, которые к этому племени питают вражду и неприязнь; если я пожелаю пересказать названия ветвей и отделов обоих этих племен, то это послужит причиною затяжки (нашего повествования).

Каждый туркмен считает себя главным в своем племени, заслуживающим подчинения (со стороны других); ни одно племя не оказывает услуг другому племени, напротив, ни в одном племени самый последний погонщик верблюдов не оказывает подобающего внимания своему начальнику
40 и хану; они очень похожи на арабов пустыни (бедуинов) и во всех отношениях подходят к тому племени, разве только язык тех арабский, а язык этих тюркский. Некоторые говорят, что туркмены по происхождению не тюрки, а похожи на тюрков — таков смысл и их имени.[1] Главные средства их существования — в набегах ради добычи, в разведении верблюдов, в занятии промыслом погонщиков верблюдов; питаются они молоком и мясом верблюдов, некоторые из них держат баранов; тканье шалей, ковров, подпруг для вьючного седла (تنگ)[2] и торб является специальным занятием женщин этого племени. По существу они являются мусульманами ханафитского толка, но и об этом толке они не имеют никаких (точных) сведений.

(12 раджаба 1267 г. х. — 13 мая 1851 г.) Из этой стоянки, которую туркмены называют Ин-чеке, мы выступили в ночную пору и шли, (пока) в полдень не прибыли к р. Атреку. Это была большая река, имевшая горькую и соленую воду. Переправившись через реку, мы остановились на отдых на той стороне ее. После принятия имевшейся (у нас) пищи начальники туркмен, сопутствовавшие нам, попросили награды — их было около пятидесяти всадников; мы роздали старшинам товары и кафтаны — все, как полагалось, и согласно выражению — «брось тюрка, если бы даже отец твой был тюрком», мы от Атрека оставили туркмен, распростились с ними и отправили их к стоянкам их племени и становищам...

Отправившись отсюда, мы около заката прибыли в степь, где (не было) «ни дивов, ни ангелов, ни диких зверей, ни пери»; туркмены называли ту местность Кух-Ки. Надо заметить, что у этой бесконечной степи нет ни населенного пункта, ни деревьев, ни кампей, ни особых примет, а фарсахи ее неопределенны... Каждую местность (туркмены) называют каким-нибудь именем, а колодцы с пресной водой, везде где они находятся, знают сами (туркмены). Поэтому, если кто-нибудь пожелает записать пройденные стоянки с той подробностью, как (обычно) записывают, — (это) будет затруднительно.

[1] Известная персидская народная этимология слова «turkmān», как «turk mānand», т. е. похожий на тюрка.

[2] Или узких и длинных ковровых дорожек.

(13 раджаба 1267 г. х. — 14 мая 1851 г.) Мы выступили со стоянки Кух-Ки 41
и утром прибыли в Ала; миновав это место, мы остановились в Кесик-минаре.[1] Это был минарет, верхушка которого была сброшена вниз, а с левой стороны от него (нам) указывали на остатки города,[2] который называли Мешхед-и-Мисриян; теперь он находится в развалинах. Вокруг этого минарета было много кусков жженого кирпича, что указывало на то, что раньше это было населенное место.

(14 раджаба 1267 г. х. — 15 мая 1851 г.) Ночью мы отправились в путь, а утром четырнадцатого остановились у колодца, называемого Даш-верды; на этой стоянке (было) около тридцати колодцев, содержавших сносную пресную воду.

(15 раджаба 1267 г. х. — 16 мая 1851 г.) От этих колодцев мы сделали четыре перехода (и), пройдя по солончаковой и песчаной пустыне, прибыли к источнику, называемому Адун-ата.

Адун-ата был одним из тюркских шейхов и является мюридом Зенги-ата, а Зенги-ата — мюридом Хаким-ата; среди тюрков и туркмен они обладают высоким достоинством, могилы их в степи Хорезма являются местом паломничества этого племени (туркмен), но кроме имен они (ничего) о них не знают.

Так как могила Адун-ата находится на этой стоянке, то источник получил известность по его имени. С правой стороны этой стоянки есть гора — (и нам) напомнили, что за этой горой находится г. Бузанджирд.[3]

(17/18 раджаба 1267 г. х. — 18/19 мая 1851 г.) Выступив с этой стоянки и пройдя четыре перехода, мы пришли к источнику, называвшемуся Караэтеклик. На пути, когда до стоянки оставалось четыре фарсаха, показалась река с соленой водой; здесь начиналась территория Хорезма, и (здесь) был залив со стоячей водой. Мои хорезмские спутники заявили, что раньше здесь протекала р. Джейхун; после того как монголы повернули ее путь 42
(в другую сторону), вся вода, которая осталась в этой солончаковой местности, являющейся впадиной, благодаря такой почве превратилась в соленую воду. Около двух фарсахов мы прошли краями этой воды, и река эта осталась с левой стороны (у нас). Пройдя мимо нее, мы подошли к самой стоянке — Кара-этеклику; здесь был большой источник со стоячей водой, которая оказалась пресной. Устроив свои дела, мы перед закатом солнца миновали эту стоянку. На этом пути было место, где осталась одна из пушек Мухаммед Рахим-хана хорезмского во время возвращения его из похода на Гурган и Астрабад; когда артиллерист доложил хану Хорезма, что пушка легла,[4] хан и назвал эту местность этим именем. Подробности прихода Мухаммед Рахим-хана в Астрабад, его сражения и возвращения обратно записаны в прибавлении к моему (труду) «Раузат-ус-сафа», которое является историей, носящей название «Фихрист-ут-таварих».

---

[1] Сломанный минарет.

[2] О нем см. выше, стр. 136, прим. 3.

[3] Название это теперь известно в форме Буджнурд.

[4] توب ياتدى, т. е. свалилась с лафета.

42 (19/20 раджаба 1267 г. х. — 20/21 мая 1851 г.) Мы отправились на стоянку Бек Арслан, которая представляет из себя высокую гору, а оттуда пошли в Куймет-ата, на этой стоянке также был источник с пресной и горькой водой. . .

(21 раджаба 1267 г. х. — 22 мая 1851 г.) Мы прибыли на стоянку, называемую Кырыман-ата, представлявшую собой степь без травы; там, пожалуй, имелась горькая вода. . .

(22 раджаба 1267 г. х. — 23 мая 1851 г.) Мы прибыли на стоянку Гёклен-кую и в той местности нашли горькую воду.

(23 раджаба 1267 г. х. — 24 мая 1851 г.) Мы прошли четыре перехода и взобрались на гору Каплан-кыры; это была высокая гора, имевшая трудно проходимое ущелье. Мы расположились на горе, пока не переправили (через ущелье) вьюки и верблюдов и весь караван, а (затем) прибыли в Чиришли; на этой стоянке вода была пресная.

(24 раджаба 1267 г. х. — 25 мая 1851 г.) На пути мы увидели несколько
43 туркмен-йомутов, которые направлялись от одного становища к другому. . . (Затем) мы вышли на солончаковую степь, которая поросла верблюжьей колючкой. . . Здесь было немного горькой воды, и эту местность называли Гангэ Чашкен.

(25 раджаба 1267 г. х. — 26 мая 1851 г.) Мы прошли сухую пустыню, состоявшую сплошь из песка, и остановились в месте, которое называли Шах Сенем,[1] кажется, раньше это была населенная крепость. . . Там имелась вода горше колоквинта.

(26 раджаба 1267 г. х. — 27 мая 1851 г.) Мы прошли через солончаковую равнину и белую известковую гору, и вышли из низменности на возвышенную степь. Нам было сказано, что через эту равнину идет путь в Россию, и хорезмцы, набрав воды и провианта, идут по этому пути. . . Я спросил, как будет называться эта степь, и (мне) сказали — Сакар-чеке.

(27 раджаба 1267 г. х. — 28 мая 1851 г.) Пройдя большое расстояние,
44 мы прибыли на стоянку, которую называли Ошак-куюсы; там мы добыли пресной воды. . .

(28 раджаба 1267 г. х. — 29 мая 1851 г.) На этой стоянке (Аиртам) моя арабская лошадь отстала, (а) гайдук, который ее вел, ночью в степи заблудился. Мы послали Али-бая, туркмена, с пресной водой, и он его нашел в тот момент, когда тот был близок к смерти; дав ему воды, (туркмен) доставил его вместе с лошадью к нам на стоянку Кара-кулак. Я дал тому туркмену в качестве почетного подарка парчевый кафтан и керманскую шаль.

(29 раджаба 1267 г. х. — 30 мая 1851 г.) Нам сообщили радостную весть, что на этой стоянке (куда мы идем) начинается населенная местность Хивы, что канал с водой из р. Джейхуна идет в эту местность, что (здесь) обитает

---

[1] Развалины под этим названием обозначены на современных картах к юго-востоку от Хивы.

племя туркмен и что здесь имеется наготове все необходимое. Когда мы прибыли в то место, которое носило название Пей-Шакры, мы увидели высохший канал; стало ясным, что воду его отвели, и она сюда не доходит. Мы увидели несколько кибиток, но все что мы ни просили, там не имелось. Когда (туркмены) пожелали оказать нам честь и преподнести милостивый подарок, они принесли деревянную чашку, наполненную верблюжьим кислым молоком, — это было съедено с вожделением, и мы были весьма признательны. Они никогда не видали кальяна с длинной гибкой трубкой; когда они увидели (ее), они пришли в изумление и друг другу говорили: «змея». Дети и женщины становища все сплошь пришли поглядеть на шатры и нашу стоянку, мы им не мешали, и всем им розданы были серебряные «шахи»[1]; они их хватали и, обрадованные, уходили.

(30 раджаба 1267 г. х. — 31 мая 1851 г.) В последний день месяца раджаба мы прибыли к началу населенной местности Хивы; издали показались бесчисленные деревья и несчетное количество серебристых тополей. Я спросил: «Это что за место»? Мне сказали, что это стоянка Кара-кулак и начало культурной полосы этой местности. . .

Мы прибыли на прекрасную стоянку, (состоявшую из) обширного дома *45*
с глубоким бассейном; высокие вязы и несколько ив бросали тень кругом бассейна. Против портика дома находился длинный и широкий сад, (устроенный) как следует по всем правилам (садоводства); в нем были правильно разбитые и полные деревьев аллеи. Хозяином этого дома был йомут, прозываемый мулла Пир Нефес; это был учтивый и гостеприимный человек. . .

(Ша'бан 1267 г. х. — июнь 1851 г.) В самом начале этого сочинения *52*
было изложено, что один бухарец, по имени Нур Мехди, ездил в Турцию с посольством от эмира Насруллаха, правителя Бухары, и на обратном пути прибыл в Тегеран. Здесь он представился правителям иранской державы и попросил разрешения отправиться в Хиву и Бухару вместе с послом его шахского величества. Но, заявив, что он поедет через Хиву и Бухару вместе со мной, он нарушил свое обещание и как будто прибыл через Хорасан в Дереджез. Ата Нияз-мехрем доложил хивинскому хану, что тот (посол) вернулся из Турции и вез украшенную драгоценными камнями табакерку, (пожалованную) султаном Турции эмиру Бухары в качестве ордена. Так как между эмиром Бухары и ханом Хивы существовала давняя вражда, то по указанию господина хана теке напали на Нур Мехди, ограбили его имущество, а его (самого) как пленника и в унизительном положении привели в Хиву, (где) он до возвращения хана Хивы из Мерва жил в самом тяжелом состоянии, (ожидая) что может быть приедет хан Хивы и развяжет его туго завязанное дело.

(Рамазан 1267 г. х. — июль 1851 г.) В середине месяца рамазана через посредство туркмен-йомутов и гёклен пришло со стороны Гургана изве- *53*

[1] Мелкие монеты, ценностью в $1^1/_2$—2 копейки.

стие, что победоносное войско его величества шаханшаха Насир-уд-дина под командой эмир-и-панджэ Джафар-кули-хана караджадагского прибыло из Тегерана в Астрабад и вместе с Мухаммед Вели-ханом, девелю, каджаром, генерал-губернатором Астрабада, выступило по направлению к Гургану. От этих вестей в настроении некоторых йомутских племен и обитателей Хорезма появилось некоторое беспокойство. Одновременно с этим известием пришла весть, что войско шаха, находившееся под командой Султан Мурад-мирзы, генерал-губернатора (вали) Хорасана, произвело нападение на Серахс и ограбило мелкий и крупный скот туркмен племени теке, живущих в Серахсе и Ахале: эта весть также умножила поводы и причины смущения и беспокойного раздумья людей. У меня сделали запрос, и я сказал: «Прибытие иранского войска в Гурган для наведения порядка (в области) Астрабада, йомутов и гёкленов очень вероятно, но о наступлении войска на Серахс я не имею никаких сведений». В таких-то разговорах наступил праздник разговенья и пришла весть, что хивинский хан возвращается из Мерва.[1]

56 Известие о (иранском) войске, (стоящем) на окраинах, тоже дошло до хана Хивы, и он решил вернуться из Мерва, (но предварительно) он устроил ночью совещание со своим министром мехтером Якубом, сыном мехтера Юсуфа, бывшего раньше министром. Этот сказал: «Мы двинемся из Мерва, нападем из окрестностей Серахса на войско кызылбашей и каджаров и дадим ему сражение; тогда непокорные нам серахсцы, (видя) такую защиту (с нашей стороны), подчинятся (нам)». Бек Джан-мехрем, который втайне пользуется бо́льшим авторитетом и уважением, чем мехтер-министр, и является (настоящим) мехтером, промолвил: «Этот мехтер говорит вздор и бредет по пути невежества, войска Хорасана находятся в состоянии спокойствия и отдыха, тогда как войска Хорезма в течение двух месяцев осады Мерва были лишены воды, хлеба, покоя и удобств; у них нет фуража и провианта; кони и верблюды их отощали; они не согласятся с нами на борьбу с каджарами и неверными кызылбашами, а если и согласятся (воевать), то потерпят поражение и разбегутся по родным краям; самое лучшее помочь этому делу какими-нибудь особыми мерами». Написали и отправили наввабу Хусам-ус-салтане[2] мягкое и дружественное письмо и извещение, а Джафар Ага-и-Келати, который внешне называет себя слугою иранской державы, а втайне считает себя приверженцем хана Хивы,
57 придумал хитрую уловку и в виде искреннего признания написал наввабу Хусам-ус-салтане письмо (о том), что «вот его величество хорезмшах стоит наготове с шестьюдесятью тысячами снабженной всем конницы и (прочего) войска, и я страшусь перед ним, как бы он не пошел на Келат и не взял бы эту крепость; будьте осведомлены, окажите мне помощь и не будьте беспечны о себе, так как он стоит со множеством пушек и войском

[1] В течение двух месяцев хивинский хан был занят осадой Мерва, см. выше, стр. 252 и сл.

[2] Титул наместника Хорасана Султан Мурад-мирзы.

без числа и готов к бою». Когда это лживое письмо дошло до правителей иранской державы, они выказали опасения и приступили к примирительным и дружественным сношениям и стали ожидать предлога для возвращения обратно; сделав вид, что оказывают благодеяние серахсцам и хану Хивы, они подняли знамя возвращения. С другой стороны (Джафар-ага) сообщил хану Хивы, что войско навваба Хусам-ус-салтане не превысит пяти-шести тысяч (человек), и если всадники теке, серахсцев, джемшидов, салыров и сарыков на них сделают нападение, то они с ними покончат. Хан Хивы послал каждому из упомянутых племен извещение и письмо (о том), что неверные кызылбаши выступили против мусульман, — (не только) защита, но и священная война является обязательной, а также, вследствие просьбы жителей Серахса, он откомандировал отборную часть своего войска, в которой находились, главным образом, йомуты и джемшиды, под начальством мир Ахмед-хана, джемшида, его братьев и некоторых из своих приближенных, в набег по следам армии навваба Хусам-ус-салтане, сам же в бегстве направился в Хиву. Один из ханов Хорасана также обнадежил (племя) теке, сарыков и других, сообщив (им), что все (иранское) войско, находящееся в Хорасане, и есть то, которое находится с наввабом Хусам-ус-салтане, что оно не имеет за собой пополнений, и что Хорасан пуст. Поэтому они смело пустились по следам (иранской) армии, некоторое количество (ее солдат) захватили в плен и перебили, произвели набег на большую часть городов Хорасана и привели большое количество пленных, но на обратном (их) пути через Ак Дербенд[1] войска навваба Хусам-ус-салтане перебили большое количество их, а взятых ими пленных отобрали. Весть об этом пришла в Хиву, но ради пользы не была распространена; со стороны Серахса и Теджена много раз приводили пленных (иранской) армии, одного (человека) выдавали за (целую) сотню, водили по улицам *58*
и базарам и разнесли по всем жилищам весть о поражении армии кызылбашей.

[На приеме у хивинского хана Мухаммед Эмина, вскоре после возвращения его в Хиву 10 шавваля 1267 г. х. (8 августа 1851 г.) из-под Мерва, при вести о наступлении иранского войска на Серахс, Риза-кули-хан и Мухаммед Эмин затронули также следующие вопросы:]

(Хан) спросил о положении Джафар-кули-хана, курда, бузанджирдского, *64*
(затем) кое-что было сказано о его пребывании при шахском дворе; по манере речи было видно, что жители Хивы, теке и йомуты, раньше испытали от него много поражений; он неоднократно делал на те племена набеги, захватывал (их) в плен, и они от него в крайнем страхе и беспокойстве и побаиваются его власти в областях Хорасана. Затем разговор зашел о Серахсе, и хан сказал: «Я посылал Ата Нияз-мехрема в Тегеран и выразил чувство искренней дружбы и преданности, а шах Ирана командировал вас в Хорезм;

[1] Пограничный пост на пути из Серахса в Мешхед, у входа в ущелье, ведущее в Иран.

в такой момент движение войска со стороны Серахса и Астрабада было странным». Я сказал: «Прибытие победоносного войска в Астрабад служит к приведению в порядок дела этой окраины и к ликвидации бедствия, вызванного туркменами, — никакого отношения к вашей стране и к вашим племенам оно не имеет, но наступление Султан Мурад-мирзы,[1] пожалуй,
65 рассматривают так, что серахсцы подобно мервцам не являются вашими подчиненными и вызывают лишь смуту; если бы знали, что они являются вашими подданными, то против них не наступали бы; (помимо того), это наступление произошло не по приказу правителей иранской шаханшахской державы. Султан Мурад-мирза учинил это действие по настоянию ханов Хорасана; достаточным доказательством того, что он выступил против Серахса не по шахскому приказу, является то, что когда ваш посланник говорил Султан Мурад-мирзе: вернитесь вы, — и мы повернем обратно, — он вернулся обратно; если бы он наступал по приказу шаха, то он не повернул бы обратно с такой легкостью. Султан Мурад-мирза — сын (человека), подобного Дарию, обладающий решительностью Александра Македонского и воинственностью Чингиза; когда он подступил к Серахсу, население Хорезма не спало по ночам и, несмотря на далекое расстояние, люди в Гургандже (Ургенч), Кяте и Хазараспе ни часу не были в покое. Если в этом деле была проявлена уступчивость, то она происходила из непобедимой мощи шаханшаха Ирана, и если его шахское величество не будет иметь в виду соблюдение единства, дружбы и искренних отношений к хорезмшаху, то по одному (его) мановению к Серахсу подойдет столько пушек и войска, что высоты станут низинами».

71 «Мы питаем привязанность (сказал хивинский хан) к повелителю верующих Али и к его детям, почему иранцы считают нас недоброжелательно настроенными по отношению к этой семье»? Я сказал: «Конечной причиной дурного мнения (о вас) иранцев является захват (вами) в плен мусульман». (Хан) промолвил: «Когда это мы приходили в Иран и приводили оттуда пленных?» «Если не вы сами приходили, — сказал я, — то приходили ваши подданные туркмены (племени) теке, йомутов, салыров и сарыков, из Ахала, Серахса и Мерва, которые совершают недостойные поступки». (Хан) возразил: «Если бы мервцы были нашими подданными, то зачем мы посылали бы ежегодно войско против них; прошло уже несколько лет, как они убили подчиненных мехтера, нашего министра, и подняли восстание; теке и салыры тоже нам не подчиняются, серахсцы иногда проявляют дружественные
72 чувства, иногда же выказывают вражду». (Тогда) я сказал: «Дайте (письменный) документ (удостоверяющий), что они не являются вашими подданными и эти недостойные поступки совершают своевольно, чтобы мы знали (как поступить) с этими племенами». (Хан) промолвил: «Шахских подданных и служащих забирают в плен и продают туркменам Хасан-хан Салар[2]

---

[1] Упоминавшийся выше под титулом наввaб Хусам-ус-салтане.

[2] Сын Асиф-уд-доуле.

и Джафар-кули, курд, — мне какое до этого дело?» Я сказал: «Запретите покупать». Хан молвил: «Если хорезмцы не станут покупать, то будут покупать бухарцы». Тогда я сказал: «Вы (только) запретите — это на тех подействует; например, товары, которые привозят в Тегеран и (для которых) не находится покупателей, на следующий год (уже) не привозят. Какая торговая операция (может быть) лучше для туркмен, чем та, когда туркменские всадники, подкараулив в засаде толпу паломников, ежегодно отправляющихся на поклонение (гробнице) святого Али-ибн-Муса ар-Риза, часть их захватывают в плен и приводят в Хиву, (а здесь каждого) покупают (у них) за пятьдесят или шестьдесят «тилля»; ни хлебопашеством, ни (вообще) земледелием, которые являются основою процветания страны, (они не занимаются), — все время проводят в набегах, сплошь питаются от продажи пленных. Теперь большое количество иранских подданных томится в неволе в этой стране; если вы на самом деле питаете преданность и искреннее расположение к падишаху Ирана, отправьте иранских пленных к его величеству — это вызовет полное удовлетворение правителей иранской державы. . .» (Хан) промолвил: «Подданные этой страны отдали золото и купили пленных, как я могу силою отнять у подданных их пленных!» Я сказал: «Дайте золото, возьмите пленных, пошлите их к его величеству 73
и не раздумывайте о выгоде и убытке; когда-нибудь и вам выпадет какое-нибудь (трудное) дело — падишах Ирана отправит для оказания вам защиты десять, двадцать или тридцать тысяч человек (войска); например, этот самый Мерв, против которого вы ежегодно, истратив (значительные) суммы, водите войско: если вы попросите у его величества шаханшаха, то возможно, что он, завладев этим пунктом, передаст (его) вам. Когда вы попросили Султан Мурад-мирзу, — он ушел из-под Серахса, а серахсцы от страха перед иранским войском обратились к вам». (Хан) промолвил: «Да, каджар сделал нам доброе дело, — ушел из-под Серахса, мы тоже будем поступать правильно по отношению к каджару и изо дня в день будем умножать доказательства искреннего отношения. . .»

(Хивинские эмиры) у меня спросили: «По какой дороге ты хочешь отправиться (обратно)?» Я сказал: «Когда я направлялся сюда, я попросил у его величества падишаха разрешения посетить (гробницу) святого Али-ибн-Муса ар-Риза; шах и постановил, чтобы на обратном пути я ехал через Хорасан, (так что) если (мое) возвращение последует с этой стороны — (со стороны) Теджена и Дерегеза, то это самое лучшее». Спустя несколько дней опять устроили совещание и не признали полезным, чтобы я отправлялся через Теджен и Дерегез и добыл сведения о том пути, о положении Хорасана, (племен) теке и джемшидов; явно (же) они мне воспрепятствовали (отправиться) по той дороге (из-за того), что (как они говорили): «(Племя) теке и серахсцы подняли мятеж и что как эти ограбили, бухарского посла, 74
возвращавшегося из Турции, так и возможно, что (и) к вам они выйдут на дорогу, и произойдет какой-нибудь (несчастный) случай, который послужит поводом к нашему позору; мы не признаем это полезным; если ты (все-

таки) отправишься по этой дороге, то наш посланник с вами не пойдет и отправится через Астрабад, а вы сами как знаете — нам до этого не будет никакого дела.» У меня окончательно сложилась уверенность, что они не согласны на мою поездку через Теджен и Хорасан, и что если я буду настаивать, то по их приказанию туркмены окажут мне на пути противодействие; поневоле я согласился на возвращение через Астрабад. Так как на пути в Хиву я проехал по пустыне через Кара-кулак, то они пожелали, чтобы (на этот раз) я поехал через Куня Ургенч, чтобы мне позднее доехать до места назначения и чтобы показать мне воочию многочисленность населения, великолепный вид и цветущее состояние страны Хорезма.

(Шавваль 1297 г. х.—июль-август 1851 г.). Когда Султан Мурад-мирза, сняв осаду Серахса, решил двинуться в обратный путь, хивинский хан отправил ко всем племенам теке, Ахала, салырам и сарыкам (такое) извещение: «Войско неверных кызылбашей напало на мусульман и произвело расхищение и грабеж; если с иранским войском не случится какого-нибудь тяжелого несчастья, то (иранцы) осмелеют и ежедневно будут устраивать подобного рода предприятия; дальновидный образ действия заключается в том, чтобы вы, оказав друг другу поддержку, нанесли войску кызылбашей такой удар, что они больше не будут питать подобных замыслов; я вам тоже окажу помощь и содействие». Туркменские племена, войдя между собою в соглашение, двинулись по следам (иранской) армии; приблизительно около восьми тысяч конных бросились грабить (иранский) лагерь
75 и местности Хорасана, много раз приводили в Хиву большое количество пленных и от меня это скрывали. Один человек, по имени Аббас-кули, еще безбородый юноша, вестовой Султан Мурад-мирзы, улучив как-то удобный момент, проник в мое жилище и подробно изложил все, что случилось с (иранской) армией. Согласно его рассказу, Сулейман-хан дерегезский сказал текинцам, что войско (иранское) только и есть то, которое находится с Султан Мурадом, и что Хорасан пуст; тогда те осмелели и пустились в набег на Хорасан, на обратном (же) пути некоторые (из них) попали в плен, а часть была перебита иранским войском; две-три тысячи всадников хивинского хана из племени джемшидов, из ак-дербендцев и джамцев участвовало в этих делах вместе со всадниками теке.

Одна из причин того, что мне воспрепятствовали вернуться в Хорасан через Теджен и Дереджез, была та, чтобы я не получил сведений об этом деле, но они не знали, что я сам (уже) обо всем осведомлен, но мне ничего не остается делать, как проявлять терпение, уступчивость и равнодушие

84 Когда Надир-шах, афшар, направляясь из Бухары, повел (свои) войска на борьбу с Ильбарс-ханом, правителем Хорезма, то он прежде всего подступил к Хазараспу. Так как это была сильная крепость, и вода р. Аму окружала ее со всех сторон, Надир-шах не стал ее брать, обошел ее и направился к крепости Хивы. Ильбарс-хан, выйдя из крепости Хазараспа, повел йомутов и теке против Надирова войска. Надир-шах сам вступил в бой,

тогда Ильбарс-хан, пустившись бежать, направился в крепость Ханках;[1] на другой день они вступили в бой; Ильбарс-хан и двадцать человек из его вельмож попали в руки Надиру и были казнены.

(18 зуль-ка'да 1267 г. х.— 14 сентября 1851 г.). Встав утром,[2] мы изготовились к поездке верхом; сев на коней и проехав по прекрасным полям и прелестным местностям, мы прибыли на стоянку, называемую Таш-хауз,[3] и сделали остановку. Там мы увидели обширный сад и высокое здание из числа построек хивинского хана. 93

(19 зуль-ка'да 1267 г. х. — 15 сентября 1851 г.). Двинувшись из Таш-хауза и проехав несколько фарсахов, мы направились в Хиляли и там провели ночь до (наступления) дня. . .

Поистине чудесный, обширный сад и удивительное высокое здание, принадлежавшее к постройкам хана, устроили и воздвигли там. . .

(20 зуль-ка'да 1267 г. х.—16 сентября 1851 г.). Тронувшись с упомянутой стоянки, мы прибыли на стоянку Ак-тепе; здесь мы отдохнули в другом саду, устроенном ханами этой страны, и утром двинулись в путь.

(21 зуль-ка'да 1267 г. х. — 17 сентября 1851 г.). Мы прибыли на стоянку Хан-абад в ханский сад, расположились вокруг одного из бассейнов и смыли с лица пыль трудностей пути. Ни на одной из стоянок мы не видели такого 94
хорошо распланированного и прелестного сада и такого благоустроенного, обширного райского цветника; пожалуй, приблизительно сто «джерибов»[4] земли отведено под сад; по сторонам его аллей в стройном порядке высятся серебристые тополи; из каждой аллеи можно выйти к одному из бассейнов, и от каждого бассейна можно пройти в какую-нибудь аллею; затем по четырем направлениям устроены четыре аллеи (образуя перекресток). Имя этому саду дали «Чахар-чаман» (четыре лужайки). . .

(22 зуль-ка'да 1267 г. х. — 18 сентября 1851 г.). Оттуда мы направились в Куня Ургенч. Выяснилось, что из Джейхуна в степь вдается большой канал и идет по низко расположенным землям на расстоянии двух-трех переходов. Группа туркмен-йомутов обитала на конце этого канала и занималась хлебопашеством. Дело дошло до того, что они перестали давать хивинскому хану закят и благодаря многочисленности (своего) населения сошли с пути подчинения (хану).

(Тогда) правители (Хивы) придумали план — отвели этот канал в сторону. Через два-три года это племя изнемогло от безводья и рассеялось по деревням Хорезма.[5] Как бы там ни было, мы прошли возле старого города

---

[1] На полпути между Хазараспом и Хивой.

[2] На первой стоянке в Шахабаде, в нескольких фарсахах к северу от Хивы, на пути в Куня Ургенч.

[3] Ташауз.

[4] Мера земли: представляет квадрат, сторона которого равна 1000 зар'ам (1 зар' равен 102 или 104 см.).

[5] Более подробно о такого рода мероприятиях хивинских ханов по отношению к туркменам рассказывают хивинские хроники (см. ниже).

Гурганджа, который был столицей султанов — хорезмшахов и который разрушило войско монголов, и прибыли в новый Куня Ургенч. Ата Нияз-мехрем был там правителем; он (нас) встретил, отвел нам помещение в новом саду, (где) мы пробыли несколько дней, пока не подошли вслед за нами (наши) спутники.

(23 зуль-ка'да 1267 г. х.—19 сентября 1851 г.). Мы вознамерились отправиться на осмотр Куня Ургенча, древних памятников и поклонение гробнице шейха Кубрà Наджм-уд-дина Ахмед-ибн-Омара хивинского, который является одним из знаменитых шейхов. Казий Абдуллах кокандский, который (еще) раньше был знаком со мной и в Ургенче исполнял обязанности имама, сопутствовал мне вместе с Мухаммедом Шериф-баем,[1] (и) мы отправились к могиле шейха Наджм-уд-дин-и-Кубра.

После посещения гробницы (этого) шейха слуга при ней напомнил, что
97—98 поблизости отсюда находится также могила шейха Маджд-уд-дина багдадского; я отправился туда. . .

Миновав то место, мы пришли к другой гробнице — ходжи Али Рамитани бухарского, прозванного Ходжа-и-азизан. . .

99 После этого (нам) показали другую гробницу, приписываемую имаму
100 Фахр-и-Рази. Некоторые говорят, что это не есть могила Фахр-уд-дин-и-Рази. Могилу Ибн-Хаджиба тоже там показывали, (но у нас уже) не было желания видеть ее.

В этих окрестностях было много остатков величественных зданий, между прочим сохранился минарет, имевший высоту в 60 «зар», а толщина его была четыре «зар'а». Говорят, когда войско монголов увидело этот минарет на расстоянии двух-трех переходов, они бросились грабить Хорезм и Гурганджа. Спустя два-три дня они дошли до этого места; от страшной ярости, что кони их устали, они разрушили этот минарет, все же, вот то, что мы видели, осталось (от него). Мы видели еще несколько гробниц, одна (из них) шейха Шарафа, а другую называют именем Кара-капы. Из выдающихся древних памятников мы видели высокое здание с куполом, облицованным изразцами, весьма солидное, величественное, красивое и прочное; (нам) сказали, что это могила Тöре Бай-ханум,[2] дочери Кутлуг Султана.

Куня Ургенч в настоящее время, благодаря усердию хана Хивы Му-
101 хаммед Эмин-хана, хорезмшаха, начал приходить в культурное состояние, думается, что он примет еще более цветущий вид. Мы заметили там группу конных казахов и каракалпаков в странных одеяниях и с удивительными шапками. В древности Гурганджа называли Джурджанийе; долгота его 135° и широта 42°.

В этой местности есть много известных (в истории) или (совершенно) незначительных деревень и укрепленных пунктов.

---

[1] Посланник хивинского хана, командированный в Тегеран и ехавший вместе с Риза-кули-ханом.

[2] О ней см. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 208. О той же башне упоминает Агехи (см. ниже) под названием Тöре-бахт ханум.

Ныне Мерв,[1] в силу современных обстоятельств, тоже входит в состав 106
владений Бухары и вышел из подданства хивинскому хану. Ежегодно из-за него происходят вооруженные столкновения, но мервцы не платят хараджа[2] бухарцам. Алла-кули-хан[3] построил там крепость, поставил несколько пушек и назначил губернатором дядю своего мехтера — министра. Жители Мерва подняли мятеж, убили губернатора и завладели пушками и цитаделью.[4]

Мерв — известный город в Хорасане, принадлежащий к четвертому кли- 109
мату. (Человека) имеющего к нему отношение, называют мервези, вопреки общему суждению.[5] Называют его Мерв-и-Шахиджан, т. е. «Душа царя»; он принадлежит к числу построек Александра Македонского, (который) назвал его по-гречески Марджанус. Раньше (Мерв) находился во владении у командированных ханом Хорезма лиц, как об этом было (уже) указано; (затем) (мервцы) изменили хивинскому хану и выразили дружественные чувства эмиру Бухары, но они никому не платят хараджа и кичатся (своими) своеволием и своевластием.

Мургаб — город в расстоянии сорока фарсахов от Мерва, но р. Мургаб называют Мервердудом, а из Мерва в Хорасан приходят в течение десяти дней.

Серахс — город в Хорасане, принадлежащий к четвертому климату и связанный по происхождению с Серахсом, сыном Гударза. В этой местности происходило много кровопролития между иранцами и туранцами; долгота (этого города) 94°, широта 37°. В древние времена отсюда происходили достопочтенные шейхи, вроде Лукман-и-Серахси и Абуль-Фазл-и-Серахси. Теперь (город) находится во владении туркмен теке; иногда они предпочитают подчиняться хивинскому хану, а иногда находят выгодным повиноваться губернаторам Хорасана. В 1248 г. х. (1832/33 г.), когда победоносный шахзаде покойный Аббас-мирза[6] предпринял поход в Хорасан, он с несколькими полками направился на Серахс через Ак Дербенд, перебил некоторое количество туркмен-салыров, освободил три тысячи иранских пленных и взял в плен три тысячи туркмен. В этом 1267 г. х. Султан Мурад-мирза[7] тоже отправился из Хорасана на Серахс и сразился, перебил на обратном пути туркмен, которые вышли в набег, но дело у него не пошло так, как подобало, вследствие некоторых затруднительных обстоятельств, и Аббас-кули-хан дереджезский назначен был губернатором этой области. Из Серахса в Теджен есть дорога, из Теджена же в несколько

[1] В тексте с обычным эпитетом: «Мерв-и-шахиджан».

[2] Харадж — земельный налог в размере от $^1/_5$ до $^1/_{10}$ урожая.

[3] Хивинский хан, правивший с 1825 по 1842 г. Подробности о нем см. стр. 427 и сл.

[4] Более подробно об этом см. ниже рассказ Агехи и кокандского историка Аваз Мухаммеда (стр. 489—490).

[5] Т. е. общему правилу об образовании таких имен прилагательных.

[6] Аббас-мирза, наследник Фатх Али-шаха, в тексте «Наиб-ус-салтане».

[7] В тексте: Навваб Хусам-ус-султане.

дней можно дойти до Хивы, и мир Ахмед-хан, джемшид, назначен со стороны хана Хивы губернатором Теджена и (уполномочен) поддерживать порядок в этой местности.

112 ...Когда в результате появления державы Надир-шаха, афшара, в состоянии верховной власти большинства правителей (среднеазиатских) стран замечена была неустойчивость и смута, туркменское племя йомутов захватило в свои руки все местности и укрепленные пункты Хорезма и утвердило свою власть над этой областью. (Таким образом) верховенство в этой стране некоторое время находилось в руках племени йомутов. (Затем) племя узбеков, обитавшее в Кунграде и принадлежавшее к потомкам монголов, подняло знамя завоевания страны. Первым из этого племени, заявившим права на высшую власть, был Эльтузер, сын Эвез-инака, сына Мухаммед Эмина. Эльтузер-хан, войдя в соглашение и компанию с некоторыми из людей (своего племени) и подобрав толпу приверженцев, выступил из Кун-
113 рада в 1211 г. х. (1796 г.) и завязал побоище с туркменским племенем йомутов. Постепенно дела его приняли благоприятный оборот, — он выгнал йомутов из Гурганджа и Хорезма и отправил (их) на Гюрген. (Тогда) племя йомутов, собравшись, вновь выступило на борьбу, но после упорного боя на стоянке Ганге Чашкен бежало, и Эльтузер-хан воссел на ханском троне. Правление его продолжалось два года, и в 1213 г. х. (1798 г.) он утонул в Джейхуне. Мухаммед Рахим-хан, сын Эвез-инака, после (смерти) своего старшего брата воссел на ханском престоле и прилежно занялся устроением дел государства; он воевал с Бухарой, теке и йомутами (и) всех (их) победил; в течение двадцати семи лет он правил Хорезмом и умер в 1257 г. х. (1841 г.).[1]

115 У хана Хивы есть правило: своим приближенным из племени йомутов, гёклен, чоудор и др. он даст (в пользование) воду и землю; каждый, кому он даст один «танап» земли, во время похода должен привести одного всадника, всякий, кому он даст десять «танапов», должен привести десять всадников, а каждый всадник должен привести с собой двух верблюдов для перевозки походного провианта.

116 Мы решили (25 зуль-ка'да 1267 г. х. — 21 сентября 1851 г.) двинуться из Куня Ургенча... Пройдя четыре фарсаха, мы прибыли на стоянку Гаткар; в этом месте тоже мы увидели сад, недавно устроенный ханом Хивы и засаженный деревьями; там мы отдохнули и с наступлением дня тронулись (дальше)... В общем, мы возвращались, останавливаясь на тех же стоянках и в том же порядке, как мы проходили их, направляясь из Астрабада.

В Чиришли до нашего слуха дошло, что племя йомутов, обитающих на Гюргене, подняло бунт и возмущение в Астрабаде против своего губернатора Мухаммед Вели-хана, беглербеги, каджара. От этих вестей в настроении путешественников появилось беспокойство, но мы вынуждены были

---

[1] Хронология автора нуждается в исправлениях (см. ниже, стр. 355 и сл.).

итти по Астрабадской дороге; ни одна из стоянок не представляла (необходимых условий) населенной местности, чтобы можно было остановиться, *117*
потому что если бы где-нибудь случилась продолжительная остановка, то обнаружился бы недостаток в воде и путевом провианте; (итак) мы двигались от стоянки к стоянке, сильно беспокоясь, пока не прибыли на стоянку Куймет-ата. Там мы заметили толпу женщин, детей и нескольких стариков. Выяснилось, что это — племя йомутов, которые бежали из окрестностей Гюргена в страхе перед толпами (иранской) армии и гёкленов и направляются в сторону Хорезма и Хивы, мужчины (же), способные действовать, и молодежь их совместно с (прочими) йомутами дерутся и сражаются с солдатами беглербеги. Мой спутник, посланник хана, советовал им отправляться в Хиву и обнадеживал их милостью хана Хорезма, а я их удерживал от ухода (в Хиву) и убеждал вернуться. Враждебные отношения йомутов к беглербеги выяснились (вполне), а беспокойство и опасения (моих) спутников увеличились; мне рассказали, что солдаты беглербеги угнали двадцать тысяч баранов у йомутов, а туркмены-гёклены увели тысячу их верблюдов, что дорога на Гюрген от поднятого туркменами мятежа небезопасна и что (туркмены) сговорились между собой убивать, разбойничать, забирать в плен и грабить.

Но, уповая на силу звезды и счастья его величества шаханшаха, мы продолжали путь и не страшились этих вестей, пока не прибыли на стоянку, называемую Кесик-минар и Мешхед-и-Мисриян.

Надо заметить, что от Гурганджа до Гюргена находится много остатков разрушенных и опустошенных городов; очевидно, что они лишились *118*
(своего) цветущего состояния большей частью во время смут, внесенных войском татар и монголов. Между прочим, у самой дороги находятся остатки обширного города; так как на пути (в Хиву) у меня не оказалось возможности осмотреть их, то на обратном пути я отправился туда с группой хорезмских всадников и йомутов. Выяснилось, что это был громадный город, и там мы увидели остатки зданий, памятников культа, водоемов и многочисленных могил; там виднелось несколько куполообразных построек — больших, малых и средней величины, сооруженных из больших жженых кирпичей и алебастра. В некоторые из них я входил и осматривал; одна из них была больше всех и расположена на холме; я туда вошел и прочел «фатихэ». Это было старинное здание с громадным куполом, возведенное очень высоко; оно было выстроено из жженых кирпичей и покрыто прекрасными изразцами; вокруг купола были видны остатки письмен, которые походили на куфические письмена.

Отсюда мы двинулись дальше и шли от стоянки к стоянке. Короче говоря, на всем пути распространялась и передавалась из уст в уста весть о мятеже йомутов Гюргена и враждебных действиях их против губернатора Астрабада; стало ясным, что они меня поджидают, чтобы преградить путь и меня захватить; поэтому посылка вперед человека, чтобы известить беглербеги (о нашем прибытии) была (бы) неблагоразумной, так как явн-

лась бы поводом для лучшей осведомленности туркмен о дне (нашего) приезда. Прибыв в окрестности р. Атрека, где обитает большая часть мятежных туркмен, поев и сочтя сон неуместным, я и мои спутники через два-три часа после заката, передвинувшись (дальше), решили переправиться через р. Атрек и достичь Гургана и Астрабада.

Пройдя незначительную часть пути, мы увидели следы множества лошадиных копыт; стало ясным, что (туркмены) были здесь и прошли невдалеке от нас. Каждый (из нас) думал и говорил (об этом) на свой лад. Так как по внешним признакам, на основании доводов разума и слышанных вестей у меня все время складывалось убеждение, что мятежные атрекские туркмены намереваются захватить меня, то мне пришла в голову мысль, что нужно пройти по мало посещаемой дороге в окрестностях становищ этого
119 племени... (Переправившись через Атрек), мы прошли влево от дороги, где земля представляла собою солончак; мы миновали эту страшную местность. . . (и) шли по направлению к Гургану и Астрабаду.

Так как во время поездки от берега р. Гюргена (на пути в Хиву) я остановился в семье Кара-хана (из племени) йомутов-атабай, (члены) которой из рода в род были слугами (иранской) державы и каджарских султанов, (так как) я ел с ними хлеб и соль (и у меня) с ними, с некоторыми старшинами племен и с «кази» йомутов-атабай завязалось знакомство, то я счел самым подходящим для нас остановиться в доме Кара-хана или (Дурды)-кули-хана, или «кази»; о том (же), что делалось в Астрабаде, мы не имели вестей. В это (самое) время, когда мы шли прямо по дороге, навстречу нам подошел какой-то пешеход; у него спросили, что произошло, (и) он сказал: «Кара-хана беглербеги захватил и бросил в тюрьму, а тысяча конных бунтовщиков вот только что перед вами отправилась разрушать плотину на р. Гюргене». Посланник хана-хорезмшаха и другие от этой вести пришли в полное замешательство и остолбенели; кто-то сказал: «Лучше итти влево, так как там нет обычной дороги и так как (туркменские) всадники могут спереди встретиться с нами; Дурды-кули-хан тоже, кажется, в этой стороне имеет становище и будет дорожить нашим прибытием, сочтя его выгодным, а если окажется необходимым, то он сам и его всадники будут сопровождать нас в поездке в Астрабад». Вдали показалось несколько становищ и кибиток; повернув к ним, мы продолжали ехать. . . Затем мы послали туда человека, и когда он вернулся, выяснилось, что это — не становище Дурды-кули-хана, а кибитки племени илькай; наши сказали: «Закон у туркмен таков, что кто идет к ним в дом, бывает в безопасности от врагов»; поневоле, в страхе и надежде, мы поехали туда и сделали остановку. Туркмены принесли хлеба и выказали готовность услужить нам. Нами было
120 замечено там несколько пленных из солдат (иранской) армии, и тогда их услужливость была хорошо понята. Мы предпочли поскорее двинуться оттуда, нежели оставаться на месте, и удалились от того становища на несколько «мейданов» пути. Даже за такой небольшой срок нашего пребывания туркмены похитили ружье Мухаммед Шериф-бая, подали вести нашим

врагам, а сами в ожидании (подхода) бунтовщиков вместе с нами выступили в путь, желая нас провожать. Вдруг по левую руку от нас поднялась в воздух пыль, и мы распознали, что в этих быстро крутящихся клубах пыли скачут во весь опор люди, которые намерены напасть на нас и вступить в бой. Пыль сгустилась, всадники стали непрерывно подъезжать, они подняли неистовый крик и рев как «гули» и «дивы» и набросились на наш обоз; ты сказал бы, что это волки напали на стадо или тюрки на зерновой хлеб. Верблюды, нагруженные моим багажом, находились в руках туркменйомутов, бывших и приятелями каравана и компаньонами разбойников; (погонщики) намеренно учинив оплошность, задержали (этих верблюдов) в хвосте (каравана). Туркмены до них добрались и разграбили (мой багаж): часть его была брошена на землю, часть прошла вперед, а большая часть попала в руки грабителей. Я имел у пояса пистолет; пустив лошадь вскачь, я направил его на них. Они узнали меня и погнали (своих) коней, стремясь ко мне. . .

Мои спутники промолвили: «Это ведь все из-за тебя, зачем попусту ты идешь на отчаянно смелых всадников и своими собственными ногами ищешь своей гибели». Я и сам увидал, что они больше всего заняты мной и гонят коня вражды и торопливости только в мою сторону. Я отступил назад, стал спокойно на месте, своих спутников побуждал к обороне против туркмен и тревожно раздумывал, будучи в полном недоумении в отношении исхода всего этого дела. Наконец, Мухаммед Шериф-бай, посланник хорезмского хана, сказал им: «Я командирован царственным ханом, т. е. Мухаммед Эмин-ханом, к его величеству падишаху Ирана, а ваши соплеменники и *121*
родичи все в стране Хорезма подчинены великому хану Хивы, я не знаю, на какую (это) вы решились дерзость, выступив против нас: с одной стороны, победоносное войско Ирана стоит в Астрабаде, а с другой стороны, за нашей спиной находится хорезмский хан, прибывший в Куня Ургенч, а мы командированы одним правительством к другому». Они ответили: «Ни до кого у нас нет дела, и ни с кем мы не ссоримся, такого-то по имени, иранского посла, вручите нам, и сами все благополучно продолжайте путь — только до него у нас есть дело». Стало ясным, что: (полустишие) — «все их стремление заключается в моей гибели». Я сказал: «У меня с вами какие (могут быть) прежние связи и отношения, какая неприязнь и вражда?» Они промолвили: «Никаких прежних отношений не существует, но мы в течение многих лет служили (иранскому) правительству и за последнее это время оказали ему тоже услуги, и вот (теперь) наших баранов угнали и наших старшин захватили; теперь мы захватим тебя, будем держать тебя в плену и будем требовать (возвращения) нашего имущества». Я сказал: «Эй, глупцы, у меня в этой степи есть знатное имя и официальное положение, есть важный чин и сановитость, толпа свиты и внешняя пышность, но у порога царственного (дворца) никто меня не спросит, кто ты таков и отчего (стоишь) у этих дверей — так много (людей) подобных мне встречается в каждом уголке (Ирана), что не поддается исчислению и превышает

всякое число; я сам знаю, что не буду годиться в заложники, никто не даст за меня ни гроша и не выкупит меня ни за что».

(Туркмены) отвечали: «Это не так, мы тебя возьмем в плен и продадим, если же тебя не купят, мы тебя убьем, или просто будем держать у себя — все же ты, твои спутники и твое имущество представляете некоторую ценность, хитростью ли и обманом, нападением ли на нас и вооруженной борьбой ты все-таки не освободишься из наших рук и не поспешишь в Астрабад и Тегеран». Хотя втайне я и перепугался их, но внешне я рассмеялся
122 и сказал: (стихи автора) «. . . когда я положу на лук летящую (как птица) стрелу, я не стану спрашивать, тюрк ли ты или туркмен; в путы йомутов я не попаду, как не может запутаться царственный сокол в питях паука; на этой земле и камнях пролить свою кровь мне лучше, чем быть в плену и позоре». Я позвал бухарских, ферганских, хивинских старшин и сказал: «Так обстоят дела, но они говорят так для того, чтобы вас разъединить и чтобы затем одолеть всех вас». Те сказали: «Да, это так». Я продолжал: «Не думайте, что человек, находящийся в страхе, никогда не избавится от опасности, и что трус никогда не встретится с опасностью». Тогда конные и пешие собрались (в кучу), верблюдов с вьюками уложили на землю вереница за вереницей, женщин и стариков поместили в середину, молодые и смелые (среди них) расправили руки и, взяв оружие, вышли вперед, смело выступили против туркмен и сказали: «Пока хоть один из нас останется в живых, вам нечего и думать завладеть ханом-послом». Они вытащили сабли, направили (против туркмен) ружья и попросили у меня разрешения (начать стрельбу). Я сказал: «В (самих) йомутов не стреляйте, разряжайте ружья по сторонам их и в их лошадей, чтобы они знали, что они задумали нелегкое дело». Они несколько раз сказали туркменским всадникам: «Убирайтесь, иначе мы будем стрелять», но те не поверили. Тогда (мои спутники) разрядили ружья и ранили или даже убили несколько их лошадей. (Туркменские) всадники отступили назад, поговорили между собой, вторично скопились толпой и, подняв внезапно крик и рев, ринулись на нас; вышло так, что несколько человек из сопровождавших меня бросились на них с саблями и стали рубить их по плечам; (тогда) получив ранение, они отступили. Хорезмские конные туркмены отгоняли (нападавших) туркмен, усовещевали (их), говоря: «Мы ничего не имеем против вас, только уходите». Когда наш обоз тронулся с места и направился в путь, (турк-
123 мены) двинулись с четырех сторон каравана; нескольких туркестанских паломников, которые, выйдя из середины каравана, вообще ехали с краю, они схватили и увели; (тогда) вторично разгорелся огонь сражения и раскалилась печь рукопашного боя: афганские и кабульские всадники, подобно забульским смельчакам, воскликнули «Аллах велик», забросили за плечи концы тюрбанов, взялись за сабли и ружья, ринулись на них по четырем направлениям и отбросили их во все четыре стороны, но для защиты и подкрепления их со всех сторон непрестанно подъезжали всадники из туркменских племен, и они каждое мгновение увеличивались в количестве.

Солнце миновало предзакатное время, и день приближался к исходу, и стало ясным, что когда настанет ночь, и воздух потемнеет, и друг от врага не будет распознаваем, (туркмены) бросятся на нас и покончат с нами. Посланник хивинского хана предложил план взаимного примирения — они потребовали сумму за примирение в размере одной тысячи туманов. В конце концов они взяли четыреста пятьдесят «тилля» и все же ехали вместе с нами. Около заката они вторично подняли бунт; тогда мы опять положили на землю быстроходных горбатых верблюдов вместе с их вьюками и всадниками и не видели выхода из этого положения; вода и путевой провиант также пришли к концу; мы уже двигались два дня и две ночи без пищи и сна, без хлеба и воды в надежде сегодня достичь Астрабада, и вот под конец (последнего) дня случилось такое дело; от трудностей пути и усталости в телах не осталось силы, а в бурдюках не было воды. Сколько мы ни придумывали способов к тому, чтобы (с нашей стороны) пробрался, перенося страдания, всадник в Астрабад к генерал-губернатору и мирпанджу, йомуты, ехавшие с нами, из страха перед гёклена́ми и мои спутники из боязни перед обоими племенами не согласились, да и окружающая нас местность была загреждена, и никто из нас не смел выйти наружу, и дело дошло до того, что наиболее чувствительные сердцем в караване смотрели на меня и меня *121* оплакивали. . . Я увидел путь спасения закрытым со всех сторон, а себя, лишенного силы и пищи, во власти племени йомутов... Мне пришло в голову, что кроме разногласия во взглядах (среди) этого племени и засилья одной части (племени) над другой нет никакого другого средства для нашего спасения. . . Дело дошло до того, что я уже был согласен отдаться в плен йомутам для того, чтобы люди получили свободу, и в этом я усматривал полный ущерб и бесславие для иранского правительства: если оно не истребует меня от туркмен, то это (будет) далеким от попечения о подданных, если же станет требовать, то туркмены раскроют двери бесконечных притязаний; возможно также, что некоторые лица, которые несочувственно относились к моей поездке в Хиву, доложат его величеству падишаху, что этот человек был неспособен к такой службе и так осложнил дело... Вдруг я увидел, что мой слуга пришел и говорит: «Вот прибыл йомутский судья («казн»), который *125* во время нашего отправления (из Астрабада) находился вместе с вами не только в доме Кара-хана, но и на всем пути до самого Атрека, и хочет с вами видеться и поговорить». Я промолвил (полустишие): «Кто хочет (притти), пусть приходит, кто хочет (говорить), пусть говорит» — (мне безразлично), я (ведь) вот в пустыне Гургана, окруженный со всех сторон туркменами». Судья пришел, произнес приветствие и повел ко мне речь. Я сказал: «О судья, не считаясь с прошлой дружбой, ты также согласен на мой плен и с туркменами Атрека пришел захватить меня. Хороша дружба и приятельское отношение!» Тот сказал: «Нет, клянусь Аллахом, я не сочувствую этому племени и от этих смутьянов не получил никакого осведомления: я был на берегу Гюргена в своем становище, когда я услышал эти страшные вести; я пришел теперь сюда и вижу это сборище и эти враждебные

действия; сколько я ни угрожаю этим мятежным бунтовщикам и непокорным смутьянам, они не слушают моих добрых увещаний и не поступают по моим словам». Я промолвил: «Всюду, где речам разумных не придают значения, мнению глупцов будет принадлежать воздействие; если ты говоришь правду и идешь по пути искренности, пошли человека к своему племени и становищу, к племени и становищу Кара-хана и Кули-хана, которые питали ко мне приязнь, и призови на мое освобождение всадников (племени) атабай и ак, чтобы выяснилось, кто является (преданным) слугой и кто предателем». Судья немедленно послал своего брата и дал знать в свое становище. Сестра Кара-хана, (из племени) атабай, которая была замужем за его двоюродным братом Накы Али-ханом из племени йомут и ей было оказано кое-какое милостивое внимание,[1] после захвата в плен Кара-хана и его детей в Астрабаде, была полновластной распорядительницей и наиболее почитаемой женщиной в становище его брата. Когда она услышала, что я выступил, намереваясь прибыть в дом Кара-хана, и что на
126 пути на меня напали туркмены Атрека, она, согласно обычаю, который распространен среди туркменских женщин, растрепала свои седые волосы, подняла жалобный вопль и крик и сказала: «Эй, туркменский народ, куда девалась ваша доблесть. Тела и души наши и наших отцов доколна насыщены солью каджарских падишахов, а Ходженд-верды, (один) из наших дедов, после своей смерти упокоился у „ворот правительства“ в четырехарочном надгробии по приказу Ага Мухаммед-шаха. Кара-хан, сгинь ты со света! Служителя падишаха Ирана, который шел к нашему племени и дому, атрекцы окружили. Какой позор может быть выше этого. .“ Если вы не приведете его с честью в наше становище, то считайте меня мертвой от яда негодования!»

Родичи и домочадцы племени атабай и ак, услышав эту весть, оповестили один другого, сели на коней и один за другим непрерывно стали прибывать на равнину, где произошло это страшное событие.

В то самое время, как я, мой сын Али-кули, мой родич Неджеф-кули и мои слуги находились в полном оцепенении и раздумье, один человек по имени Казем, племянник Кара-хана, который во время моего отправления в Хорезм был моим караульным и приставлен ко мне, и которому я подарил хорошее почетное платье, подъехал, увидел меня, сидящего в темноте среди верблюдов, и рассказал всю историю. Я не поверил, но вслед за ним подоспели Мухаммед Керим-хан, Эльтузер-хан, сердар, родичи Кара-хана и Кули-хана и судья; они сказали: «Не дело стоять на месте, потому что если в эту ночь вы остановитесь на этой равнине, то завтра утром от сильного скопления туркменских племен вы не сможете вырваться на свободу и спастись. . .» Мне пришло на мысль, что во всяком случае лучше уйти в дом Кара-хана из этой кровавой и лютой равнины; поэтому мы двинулись в путь, а туркменские всадники, (принадлежавшие) ко всевозможным

[1] Т. е. я с ней немного был знаком.

племенам, шли вокруг нас и нашего обоза и подстерегали удобный случай, но не находили возможности напасть на нас; всякий раз как они подходили ближе, всадники атабайские, в особенности Казем и другие, по- *127*
сылали им ругательства и говорили свои имена. Атрекские разбойники услышали по именам старшин хорезмских племен и от страха перед ними прянули в сторону, но около фарсаха сопровождали нас, не добились никакого результата, понемногу стали удаляться, и наконец, рассеялись. После полуночи мы прибыли в становище Кара-хана и остановились на отдых в одной кибитке. Та самая женщина с характером мужчины, имя которой я не знаю, пришла ко мне вместе с йомутским судьей и долго плакала. Я сказал: «Если ты плачешь над Кара-ханом, то бог сможет его освободить». Она промолвила: «Нет, каждый из нас есть Кара-хан, — я над тобой плачу из-за того, что отверженные туркмены хотели захватить тебя в плен, на самом же деле целью их являлся наш позор, так как всякий, кто услышал бы о таком происшествии, подумал бы, что племя Кара-хана, вследствие его ареста, замыслило такое вероломство». Я остался в изумлении перед проницательностью и догадливостью той старухи и обнадежил ее милостью приверженцев шахского двора, средоточия справедливости. Ночью я заснул, поев кое-чего. Поутру я встал ото сна и прибрал жилище; йомутские старшины вошли в кибитку и занялись беседой. Было решено, что я пошлю человека к генерал-губернатору Астрабада и подробно напишу ему о всем случившемся. В конце концов я написал письмо и приказал отправиться в Астрабад мирзе Али Накы, врачу полка афшаров, который был в плену в Хиве и которого я взял оттуда с собой.

От хана-генерал-губернатора пришло в ответ письмо с извещением о том, что заслуга племен атабай и ак вполне доказана, оставаться в доме Кара-хана больше нет смысла, отправляйтесь в г. Астрабад через Махмудабад, а я увижусь с вами в городе. . .

Я слышал, что на р. Гюргене сооружена плотина, построена крепость Султан-абад, а также выстроен редут, и что отряд храброго войска его величества падишаха Ирана стоит в пределах Астрабада; если я отправлюсь в стольный город Тегеран, не повидавши их, не уразумев положения *128*
и состояния йомутов и Астрабада и не разузнав об (истинной) службе народу и об измене ему, то падишах Ирана скажет: «Эй, человек, в то время, когда я тебя отпускал в путь, тебе было сказано — опиши и изложи подробно положение страны, все необычное, как мелочи, так и самое важное со дня выступления в путь до дня возвращения, для того чтобы ты всесторонне был осведомлен; теперь, когда ты вернулся из Астрабада, расскажи, что ты видел и что уразумел». Если я скажу: «Плотину на Гюргене я не видел, положение Астрабада и йомутов я не уразумел», то конечно шах меня накажет за такую полную бездеятельность. Я должен непременно пройти через местность, населенную туркменами атабай и джафарбай, чтобы подробно осмотреть плотину, которая сооружена на р. Гюргене, произвести подсчет тамошней стражи и получить исчерпывающие сведения о редуте, о войске,

о крепости, построенной там, о Джафар-абаде и о прочем; поэтому никогда не повидав все это, я не пойду в Астрабад. Вторично написав мне записку и послав ко мне Кули-хана и Клыч-хана, генерал-губернатор заявил мне: «Приходите в Астрабад по какой угодно дороге, а племенам джафарбай, Ата-хана и Аллах Назар-хана поручается встретить (вас) и находиться в вашем распоряжении».

Поэтому, спустя две ночи и один день, я, одарив почетным платьем судью, сестру Кара-хана и Казем-бека, его племянника, выступил из становища Кара-хана. Большинство йомутских старейшин и вельмож пришло повидаться со мной, даже Хасан-хан, известный под именем Хасан-и-Чуган; (этот последний) много жаловался на хана-генерал-губернатора. Я сказал: «Генерал-губернатор, — большой и умный человек; по одному только вашему слову правительство (иранской) державы не признает его поступка предосудительным». Так как ему раньше говорили кое-какие речи, которые сделали его сторонником Хивы, то я удержал его от этих помыслов и ясно сказал ему, что «хивинский хан выразил подчинение и искренно относится к его величеству шаханшаху и послал со мной посла. Если туркмены йомуты и гёклены, живущие в округе Астрабада, направятся в область Хивы, то по одному только приказу правителей иранской державы хивинский хан, перевязав (как пленных) то племя, отправит их обратно; откажитесь от этих незрелых помыслов и постарайтесь мирно ужиться с генерал-губернатором Астрабада, потому что по вашему желанию и в угоду вам никто не сместит его с управления Астрабадом, а я буду заступником и посредником для вас перед генерал-губернатором». Итак Хасан-хан и некоторые старшины, распрощавшись со мной вблизи дома Кара-хана, уехали. После двух дней пребывания Мухаммед кули-хан, Клыч-хан, Эльтузер-сердар, прочие ханы племен атабай и ак и родичи судьи, в сопровождении большого количества всадников, (выступили и) шли с нами. Когда мы прибыли в окрестности Гюргена, ханы (племени) джафарбай и их всадники встретили нас; мы отпустили всадников племени атабай, и они уехали. [После осмотра выстроенной генерал-губернатором Астрабада плотины на р. Гюргене, Риза-кули-хан посетил расположенный невдалеке редут, от начальника охраны которого Хамза-хана Анзани он узнал подробности, о которых он умалчивает, недавнего вооруженного столкновения туркмен с войсками генерал-губернатора Астрабада и мирпанджа; затем весь караван Риза-кули-хана остановился на холме у д. Джафар-абад вблизи лагеря иранских войск. Занятый раздачей жалованья солдатам, генерал-губернатор прислал Риза-кули-хану приглашение пожаловать к нему вечером.]

129

130 Вечером мы отправились вместе с Мухаммед Шериф-баем (к генерал-губернатору) и устроили собеседование. Я вкратце сообщил ему, как прошло мое путешествие, свои соображения обо всем и откровенно сказал, что если туркмены придут в полное отчаяние, то по подстрекательству злонамеренных лиц отправятся в Хиву и ежедневно будут зачинщиками смуты на Гюргене; освобождение Кара-хана явится поводом к доверию и удовле-

творению со стороны племени атабай; да и на самом деле он не совершил никакой измены (иранскому) правительству. (Генерал-губернатор) сказал: «Так как его августейшему величеству уже доложено, то и я, и мирпандж и вы выступим ходатаями, чтобы ему дано было прощение, и так как его племенем проявлена новая заслуга в защите вас, то пусть снимут цепи с его шеи и его обласкают. . .»

Так как большую часть сосудов и приспособлений для закваски хлеба, медной посуды и принадлежностей для стряпни туркмены (у меня) отняли, то в Астрабаде была куплена в меру необходимости медная утварь для употребления. . .

[На пути из Астрабада через перевал Кузлук[1] в лесистой и трудно проходимой горной местности.] *132*

(1 мухаррема 1268 г. х. — 27 октября 1851 г.). . . .Узбекам и туркменам, бродящим по равнине и кочующим в степи, которые мало видали высоких гор и в стране которых нет лесов и высоких гористых местностей, на этом пути пришлось испытать много страданий. Так как закон их таков, что когда они услышат странные речи или идут по необыкновенной дороге, они складывают на груди руки и часто говорят: «тоубэ, тоубэ»,[2] «аль-хафиз, аль-хафиз»,[3] то в тот день и в ту ночь вследствие густых лесов и трудно проходимых гор эти действия и эти слова неоднократно от них исходили. . .

Итак, я два-три раза водил к нему[4] Мухаммед Шериф-бая, посла хивинского хана, и он оказал ему много милостей. Спустя несколько месяцев, его, одаренного почетным платьем и осыпанного милостивыми подарками, он отпустил, а со стороны его величества шаханшаха была вручена для хивинского хана нюхательная табакерка, изукрашенная драгоценными камнями; точно так же со своей стороны первый министр послал в подарок мехтеру Якуб ибн Юсуфу, министру Хорезма, пенал с золотой, покрытой эмалью, чернильницей и касательно подчинения шаханшаху Ирана изложил пространную речь устно и письменно; Мухаммед Шериф-бай обязался оказать всяческие услуги и уехал. *139* *140*

---

[1] Лучший и доступнейший, наиболее торный и приспособленный для вьючного движения из перевалов через Эльбурзский хребет на пути от Каспийского моря через Астрабад в Шахруд-Бастамскую равнину; другое его название — Виджменоу. Перевал этот находится в 14 английских милях от Астрабада и в высоту достигает 9700 фут., по Rabino — 7200, Wijmanú же следует дальше и достигает 9000 фут. Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. 1, стр. 7; H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, 1928, p. 79, 163.

[2] Букв.: «раскаяние».

[3] Букв.: «О (боже) хранитель».

[4] Первый министр (Садр-и-азам) И'тимад-уд-доуле мирза Насрулла Ага-хан Нури, сменивший 19 (или 22) мухаррема 1268 г. х. (1851 г.) вскоре по приезде Риза-кули-хана из Хивы (вернулся в Тегеран 17 мухаррема 1268 г. х.) знаменитого Эмир-и-низама мирза Тагы-хана фараханского, сосланного в Кашан и убитого по приказу шаха Насир-уд-дина посредством вскрытия вен 17 раби I 1268 г. х. (10 января 1852 г.).

Когда после этого прошло некоторое время, никаких признаков искреннего расположения не было видно, наоборот, изо дня в день появлялись знаки гордого самообольщения и упорного ослушания; иногда (хивинский хан) водил войско против Серахса и Мерва, а иной раз он приказывал туркменам произвести набег на местности Хорасана. Правители (иранской) державы были раздражены этим обстоятельством, но проявляли обходительную сдержанность. Когда враждебное отношение, лицемерие, непокорность и враждебная обособленность его дошли до высшего предела, правители Мерва и Серахса и пограничные начальники Хорасана и Гургана изложили целый ряд жалоб на него, а посланцы и письменные доклады их стали поступать непрерывно один за другим. Поэтому почтенный навваб великий принц Феридун-мирза,[1] дядя шаханшаха, бывший наместник Фарса, был назначен генерал-губернатором Хорасана, а мирза Афзалюлла, везир-и-низам, брат первого министра, был назначен для наблюдения, управления делами и заведывания при гробнице имама Али-ибн-Муса ар-Риза; в месяце зуль-ка'да (август 1852 г.) они направились к месту назначения и девятого числа месяца раджаба прибыли в Мешхед.

По приказу его шаханшахского величества Феридун-мирза отправил своего младшего брата навваба Султан Мурад-мирзу[2] в Тегеран и занялся приведением в порядок важнейших дел того края.

Туркмены Мерва и Серахса, которым пришлось туго от произвола и ежегодных грабительских набегов хивинского хана, пожаловались на его притеснения правителю Хорасана и, получив (в качестве) правителя одного из вельмож его двора, были ревностно заняты службою (иранскому) правительству. В эти дни губернатором в Мерве со стороны иранского правительства был Бахадур-хан дереджезский; хивинский хан еще раньше назначил туркмен Кара-яба в грабительский набег на окрестности Мерва и оставил в тех пределах Ахмед-хана, джемшида, бывшего на положении его главнокомандующего, с несколькими тысячами всадников; поэтому в Мерве вздорожал зерновой хлеб.

141 Эмир Хусейн-хан, брат Сам-хана, ильхани[3] Хорасана, с двумя стами всадников без золото в монетах для Бахадур-хана и солдат Мерва. Когда он подошел к Мерву на расстояние одного перехода, и тысяча всадников кара-ябских и других туркмен окружили его со всех сторон, он, блокированный в середине этих всадников, в течение четырех дней занят был обороной и вооруженной борьбой с ними. На четвертый день, бросившись с обнаженными саблями на фланг кара-ябского войска и положив на месте пятнадцать человек из того скопища, он прорвался через их середину и, пустившись со своими всадниками по дороге в Мерв, достиг места назначения. Одновременно с его приходом Бахадур-хан (выйдя из Мерва) с солдатами и артиллерией бросился на кара-ябских всадников, перебил триста чело-

[1] Пятый сын Аббас-мирзы Наиб-ус-салтане, наследника престола Фатх Али-шаха.

[2] Хусам-ус-салтане.

[3] Вождь курдских племен, населяющих область Кучана в северном Хорасане.

век, пятьсот человек ранил, а тысячу харваров зернового хлеба, который везли в сторону Кара-яба, он повернул обратно в Мерв и распределил. Когда в Хорезм стали приходить такого рода вести, хивинский хан принял твердое решение завоевать Мерв и Серахс.

Навваб-наместник, пробыв (в Мешхеде) десять дней и совершив паломничество (к гробнице имама Риза), выступил из священного Мешхеда и быстро дошел до Ак Дербенда; придя, он потребовал в Ак Дербенд Сам-хана, ильханй, и Али-кули-хана, афшара, мирпанджа с полком Нусрет, полком афшар и артиллерией; они прибыли. Сам-хан был командирован в Мерв с тысячью харваров зернового хлеба (во главе) воинственных всадников, а навваб-наместник выступил против Серахса. Старшины Серахса, как Ораз-хан, Коушуд-хан и другие, явились (готовые) служить. В это время с помощью (придуманного) плана мирза Афзалюлла, взбунтовал жителей Келата против их правителя Джафар-ага, джелаира, который имел повадку лицом сердца стоять к хану Хивы и отдаляться от широких возможностей служить иранскому правительству, и послал хорошо снаряженный отряд против Келата. Джафар-ага, бежав, отправился в Хорезм, чтобы с помощью хана Хивы достичь своей области. Наместник, отправившись в Келат, поставил для охраны Келата генерала мирзу Ибрахим-хана Хамсэ, а оттуда вступил в земли Анау, Ашхабада и Ахала. С туркменами произошли стычки, и они терпели поражения, о чем подробный рассказ обширно изложен в истории (написанной) автором.[1] После приведения *142*
в порядок важнейших дел того края высокий навваб-наместник вернулся в священный Мешхед.

Когда Джафар-ага отправился в Хорезм и попросил помощи у хивинского хана, то, по приказанию Мухаммед Эмин-хана, хорезмшаха, тысяча кара-ябских всадников вместе с Джафар-ага совершили набег на Келат, и в течение пяти часов между обеими сторонами шло сражение; брат Джафар-ага и сто человек из его всадников были убиты. Он, не добившись победы, обратился в бегство и стал подстрекать Мухаммед Эмин-хана к завоеванию Серахса, Мерва и Келата. Тот, послав извещение в Меймене, Герат, Ахал и ко всем туркменам, потребовал помощи и подкреплений, — к нему пришли со всех сторон, и он изготовился не только к завоеванию этих областей, но и к завладению Нишапуром и Сабзеваром. Сперва он послал против Мерва Шах Мурад-инака и кушбеги с артиллерией и тремя тысячами всадников, а сам также, приготовив снаряжение для наступления на Хорасан, выступил в путь и подошел к Серахсу, чтобы, переселив серахсцев, направиться в Хорасан. Когда эти вести были доложены наввабу принцу Феридун-мирзе, наместнику Хорасана, он 17-го числа джумади II (28 марта 1853 г.) выступил из священного Мешхеда с десятью тысячами человек и двинулся быстрым маршем в сторону Ак Дербенда, а Хасан-хана сабзеварского послал с двумя-тремястами всадников на защиту жителей Серахса.

---

[1] Известная история «Раузат-ус-сафа».

(Хасан-хан) прибыл в тот момент, когда между хорезмцами и серахсцами сражение было в полном разгаре; от прихода Хасан-хана серахсцы окрепли духом, а хорезмцы понесли позорное поражение; в руки хорасанских всадников попало пять пушек, пятьсот мушкетов и сто голов на пиках. Весть об этом обстоятельстве увеличила упорство хивинского хана, он решил выступить против и сразиться и с несколькими тысячами всадников подошел (к Серахсу). Навваб-наместник после отправки Хасан-хана сабзеварского
143 двинул на защиту жителей Серахса и на бой с войском Хорезма Мухаммед Хасан-хана, командующего двумя фараханскими полками, с гяррусским полком, с четырьмя пушками и тысячью вполне снаряженных всадников; пятьсот всадников спешно шли вперед быстрым маршем.

При подходе Хасан-хана две тысячи хорезмских всадников, миновав Серахс, пошли против него. Хасан-хан, не проявляя тревоги и упорно обороняясь, без урона и вреда добрался до Серахса. На другой день (упомянутые) пятьсот всадников приблизились к Серахсу. Хивинский хан понял, что (многочисленные), как морские волны, полки будут подходить непрерывно один за другим, и днями и ночами, и что дело станет труднее; он предпочел ускорить завоевание Серахса, а сам также, приняв решение оказать поддержку войску Хорезма, выступил в путь с сорока тысячью человек из племен и родов джемшидов, теймени, Меймене и Шибиргана, войск Кара-яба, салыров и сарыков, теке, гёклепов, йомутов и прочих туркмен. До его прибытия между серахсцами и хорезмцами шли бои, и в большей части их победа принадлежала серахсцам и хорасанцам. Мухаммед Хасан-хан фараханский и его полки подошли к Серахсу на расстоянии шести фарсахов. Высокоблагороднейший навваб Феридун-мирза отправил к Серахсу быстрым маршем из Ак Дербенда Мехди-кули-мирзу, Сам-хана, ильхани, принца Мухаммед Юсуфа, Эмир-хана (шахсевена) и Мухаммед Хусейн-хана хезаре с двумя тысячами других всадников. В день прихода победоносных войск прибыл также и Мухаммед Эмин-хан хорезмский и обещаниями и угрозами настойчиво призывал свое войско к завоеванию и штурму Серахса. На вершине холма, который по-тюркски называли «Канлы-тепе», т. е. «Кровавый холм», поставили его яркозеленый шатер, и там, сидя со своими приближенными, высшими начальниками, тёре, родными и вельможами, он был занят наблюдением за боем, отправкой (в бой) всадников и раздачей наград большим особам. Из крепости Серахса тоже стремительно вышли наружу Хасан-хан сабзеварский и хорасанские всадники и рядами сражались с хорезмцами; жители Серахса точно так же, без страха и боязни, ходили
144 в атаку на врагов; завязалось большое сражение, пыль затемнила воздух, режущие сабли, как неизбежная судьба, не уставали рубить яремные жилы, и склоняющиеся (своей) вершиной копья говорили свою тайну, (проникая в) сердце и печень.

Поражение и бегство проникло в ряды войска хорезмшаха; приблизительно три тысячи голов со множеством коней и верблюдов, бесчисленным количеством ружей и мушкетов, одна восемнадцатифунтовая пушка, шест-

надцать фальконетов и два знамени досталось от них в добычу победоносной иранской армии, которая обратила в бегство хивинское войско. Когда хивинское войско отогнали от города приблизительно на две тысячи шагов, то (войска) внезапно подошли к Каплы-тепе. Мухаммед Эмин-хан от (лившегося) потока крови увидел перед собой пространство вокруг Серахса равным Сыр-дарье и подобным Аму-дарье, а свое войско разбитым; (дальнейшее) пребывание на месте он уже не считал безопасным, решил сесть верхом и вернуться обратно и потребовал для бегства коня. Так как у лично ему предназначенного коня было вышитое золотом седло, а на голове его водружен был султан, и к хвосту его (обычно) прикрепляли золотой шарик, одеяние (же самого хана) было также определенным: на голове он носил султан и диадему, и верх шапки его был красным, а красную одежду, кроме него, никто в той стране не надевает, то серахские и хорасанские всадники в момент своего прибытия в окружающую Каплы-тепе местность его узнали и, решив убить его, от подошвы холма спешно двинулись наверх. Некоторые из спутников хана разбежались, и всадники подъехали к нему и вытащили сабли. Первым приблизился к нему Курбан Кяль. Хивинский хан *145* сказал своим спутникам: «Избавьте меня от этого еретика». Курбан опустил саблю, — удар ее пришелся в рот хивинского хана и рассек его до уха, хан начал жалобно вопить, говоря: «Я — царственный хан и в большом почете возрос, отведите меня живым к падишаху Ирана и не убивайте меня!» Никто не стал слушать этих речей, и Курбан, решив убить его, ранил его; между всадниками произошло побоище за первенство в отсечении его головы, и (в этой свалке) было убито двенадцать человек; в конце концов его голову отделил от туловища Сиххат Нияз-хан, сын Ораз-хана серахского; принадлежавшие хану вещи были разграблены.

Это событие произошло в понедельник последнего числа месяца джумади II 1271 г. х. (19 марта 1855 г.). Из спутников хивинского хана было убито около 32 человек . .; имена убитых, которые были в списке, и я с некоторыми из них был знаком, следующие: . . Девлет Нияз-юзбаши, сын Нияз Мухаммед-бая, отец которого отправился в Мерв на должность губернатора со стороны Алла-кули-хана, отца Мухаммед Эмин-хана хорезмшаха; мервцы убили его и подняли мятеж. .; Бек Мурад-бай (из племени) теке из Кара-яба; Султан (из племени) теке также из Кара-яба, Мухаммед Шейх, военачальник из Кара-яба, который постоянно совершал набеги на Хорасан с двумя тысячами всадников; сын Аббас-бая из Кара-яба. . . Мир-Ахмед-хан, джемшид, был ранен. *146*

Навваб-наместник (Феридун-мирза), отправившись в Серахс, оставался *147* там пять дней, затем направился к Мерву и 18-го числа месяца раджаба прибыл туда. Наведя полный порядок в делах той области, он вернулся первого числа месяца рамазана в священный Мешхед.[1]

---

[1] Ср. описание тех же событий в Серахсе у других иранских историков (см. выше, стр. 261—265), а также у хивинского историка Агехи (см. ниже, стр. 542 и сл.).

ПУТЕШЕСТВИЕ ШАХА НАСИР-УД-ДИНА В ХОРАСАН

Перевод под ред. А. А. РОМАСКЕВИЧА

30—31 (27 зуль-хиджа 1283 г. х. — 2 мая 1867 г.). Во время прибытия шахского кортежа в Кышлак (в булюке Хар) Ануширван-хан, главнокомандующий войсками Мазандерана и Астрабада, доложил его величеству, что группа старейшин и аксакалов мервских туркмен в надежде на шахскую благосклонность изъявила покорность и желание служить его величеству. Было постановлено, что завтра утром в момент выступления они представят шаху свою петицию и подарки.

33 (28 зуль-хиджа — 3 мая). Ануширван-хан представил шаху Бабабека, Курбан-бека, тохтамыша, Сары-бахадура, отамыша, и других старейшин туркменских племен. Они поднесли его величеству подарки и подали петиции. Удостоенные шахского внимания в той мере, какая соответствовала общественному положению каждого из них, они преисполнились надежд.

65 (8 мухаррема 1284 г. х. — 12 мая). Из Эмир-абада до Дамгана 4 фарсаха. Дорога идет на северо-восток. Эмир-абад от Астрабада не более, чем в 15 фарсахах. В прежние времена часто бывало, что туркмены в течение одной ночи приходили из Гургана в эти места и, совершив нападение, возвращались домой.

88 (14 мухаррема — 18 мая). Из Шахруда в Астрабад, Нардин и Буджнурд есть дорога. В случае необходимости (пользуясь ею) можно затребовать помощь от населения этих городов или, наоборот, прислать помощь им самим. Так как дорога из Шахруда в Мезинан является наиболее опасной во всем Хорасане, то здесь постоянно находятся конные стражники и артиллерия, которые доставляют караваны и паломников без вреда в Мезинан и сопровождают их на обратном пути. Хотя благодаря попечению правителей государства дорога в настоящее время совершенно безопасна и нет никакой нужды ни в конных ни в пеших стражниках, тем не менее правительство не пренебрегает мерами предосторожности против нападений туркмен. И в равнине и на всем протяжении шахрудских деревень, как и по всей области Хорасана, на расстоянии каждой тысячи шагов еще с древних времен построены башни, предназначенные для пикетов. Теперь они необитаемы, и большинство из них в разрушенном состоянии. Даст бог, еще немного — и под тенью шахской заботы жители этих местностей забудут и самое название этого дикого племени, и не будет больше никакой нужды ни в караульных постах ни в караульщиках.

96 (17 мухаррема — 21 мая). Хайрабад разрушен и необитаем. Но так как он имеет хорошую воду, а также потому, что расположен в начале пути, где проходят туркмены, его заселение необходимо. Шах приказал наввабу Джехансуз-мирзе (губернатору Шахруда) принять все меры к заселению и благоустройству этой деревни.

(18 мухаррема — 22 мая). Сегодня 50 человек из ханов и старшин племени гёкленов через Хайдер-кули-хана (ильханй, племени шадилю, губернатор Буджнурда и Джаджерма, впоследствии назначенный начальником карательной экспедиции против туркмен) удостоились счастья приблизиться и припасть к ногам его величества. *99*

В Армия устроена государственная почтовая станция, деревня же начинается у самого входа в ущелье. В ней крепостца и башня, которые возведены в целях обороны от туркмен.

(19 мухаррема — 23 мая). Туркменские ханы (племени гёклен), десять человек из самых главных, а именно: Сафар Али-хан, эркекли, Айдогды-хан, Ак Мухаммед-хан и другие были удостоены подарков в виде керманских шалей, а остальные денежных наград. Откланявшись шаху, ханы вернулись к себе домой. *100*

(20 мухаррема — 24 мая). Через два фарсаха от источника находится проход Зейдар, который является одним из главнейших проходов для туркмен. Это самый опасный пункт на всей хорасанской дороге. Покойный Хаджи, мирза-агасы, во времена покойного шаха в этом месте построил крепость и башню и поселил несколько семейств, которые живут до сих пор, имея небольшое количество возделанной земли. *104*

(22 мухаррема — 26 мая). Из Аббас-абада[1] до Астрабада по прямой линии 5 фарсахов. Но если итти от Садр-абада, то более 7 фарсахов. По правую сторону дороги пустыня, Кевир и таговые заросли. По левую же сторону от Аббас-абада на протяжении полуфарсаха небольшие холмики, а за ними на расстоянии одного и двух фарсахов расположены низкие, безводные горы. На этой стороне есть источник, называемый Кязук, к которому спускаются во время набегов туркмены, чтобы запасти воды. *113*

(27 мухаррема — 31 мая). Около деревни Хосроуджирд сипахсалар Азам, наместник Хорасана, эмир Хусейн-хан, ильхани зафаранлю, Аллаяр-хан, губернатор Дерегеза, и Юсуф-хан, хезаре, с военачальниками, хорасанской конницей и туркменами племени сарык, теке и другими, в количестве большем чем 3000, встретили шахский кортеж. *124*

(5 сафара — 8 июня). Сипахсалар-и-азам на аудиенции у его величества, представив заявление губернатора и ханов Систана, доложил следующее: «Так как незадолго перед тем туркмены по своей страсти к насилию и своеволию захватили в плен кое-кого из населения Систана, ханы и военачальники этой области, решив исправить прошедшее, отняли назад пленников и в свою очередь, кроме захваченных в плен разбойников, принесли вдобавок еще большое количество голов. *147*

---

[1] Деревня в западном Хорасане, на пути из Шахруда в Сабзевар, на старой, ныне главной шоссейной, дороге в Мешхед. Шах Аббас I для охраны дороги и отражения набегов узбеков и туркмен переселил с Кавказа группу грузин и дал им здесь место для жительства; по имени шаха оно было названо Аббас-абад; население достигает 700 душ. «Матля-уш-шамс», т. III, стр. 71; Л. Артамонов. Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан, Приложение, стр. 34.

148 При таком известии шах очень обрадовался, и сипахсалар-и-азаму было приказано, чтобы он в ответ на заявление их дал им понять о шахской безграничной признательности, дабы они и в дальнейшем могли проявить рвение на службе его величества.

219 (16 сафара — 19 июня). На Бала-хиябане (главная улица Мешхеда), по которому двигался шахский кортеж, перед его величеством пронесли три головы на пике и провели трех туркмен, схваченных в Хафе. Шах отдал приказание, чтобы и этих трех живых туркмен подвергли наказанию, заслуженному ими.

228 (19 сафара — 22 июня). Вожди туркменских племен йомутов, гёкленов и других, пришедшие (в Мешхеде) выразить его величеству свои верноподданнические чувства, через главного церемониймейстера шахского двора были удостоены этого высокого счастья. За два часа до заката солнца его величество, пожелав поклониться гробнице имама Ризы, направился по дороге через Бала-хиябан к «каабе своего желания». Хан Сувар-хан, хезаре (начальник конницы племени хезаре, посланный впоследствии в карательную экспедицию против туркмен), и сын его Рахимдад-хан, хезаре, в готовности верноподданнически служить его величеству, продемонстрировали перед шахом одну голову на пике и семь человек туркменских пленников из племени теке, которые были пойманы ими в лесу Туман-ага. Тот и другой были почтены за это шахским благоволением.

232 (20 сафара — 23 июня). Так как злодеяния пойманных Хан Сувар-ханом туркмен были обнаружены и так как было доказано, что они принадлежали к числу разбойников и считали разрешенным и допустимым посягать на имущество и жизнь мусульман, то, согласно шахскому повелению, на Бала-хиябане при стечении народа с ними поступили так, как они этого заслуживали, дабы они могли послужить примером для других и вместе с тем удовлетворить чувство негодования у мусульман.

244 (27 сафара — 30 июня). А также в этот день Хайдер-кули-хан, сделавший перед тем набег на туркмен, прислал его величеству в сопровождении всадников и собственных людей 60 пленников, 30 голов на пиках и бесчисленное количество баранов, чем и обратил на себя милостивое шахское внимание.

246 (29 сафара — 2 июля). В полдень еще прибыли курьеры из Тегерана и Астрабада. Их депеши заключали донесения о нескольких событиях и происшествиях. Именно: из Астрабада сообщали, что некий человек, по имени Мурад, из афганцев, одаренный способностями к интригам и шарлатанству, появился среди племени джафарбайских туркмен. Своими интригами и шарлатанством он одурачил этих людей, внушив им мысль, что он пророк и что повиновение ему является для них обязательным. По этой причине, под названием «ишана», которое у туркмен означает духовного руководителя, он сделался популярным среди них и собрал вокруг себя
247 большие толпы народа, положив таким образом начало бунтам, разбоям и организации набегов из той области. Опечаленный и расстроен-

ный этими известиями, шах написал много писем и строгих приказов Мустауфи-уль-мамалику (Мирза Юсуф, министр финансов), сердару (Азиз-хан, главнокомандующий всеми войсками) и другим министрам чтобы они проявили рвение и старание в изыскании средств против всех этих бедствий. А Мульк-ара, астрабадскому губернатору, его величество распорядился послать на помощь большое количество конницы и пехоты.

(30 сафара — 3 июля). В это время Ануширван-хан, пришедший к его 249
величеству, доложил, что проклятый ишан направился в сторону Ак-кала и начал войну с Мульк-ара. Хаджи Мулла Риза, реис-уль-улема, принял при этом мученическую кончину, а сам Мульк-ара с незначительным количеством людей засел в доме (крепости) Адина-хана, одного из преданных слуг правительства. Мухаммед-мирза, сын последнего, получил сабельные и огнестрельные раны.

Это известие разгневало шаха. Поклявшись уничтожить с корнем племя туркмен, его величество приказал Ануширван-хану с экстренными гонцами послать в Мазандеран и его области соответственное распоряжение и издать приказы о сосредоточении войск в Астрабаде.

Так как отряд Мульк-ара был невелик, туркмен же более 6—7 тысяч, а для переброски войск требовалось известное время, то его величество просил бога даровать ему известие о победе Мульк-ара и об избавлении последнего от случившегося с ним великого несчастия.

В два часа по заходе солнца из Тегерана прискакал курьер, употребив на весь этот путь трое суток, и привез депеши Мирза Юсуфа и Азиз-хана, а также известие о победе Мульк-ара и гибели ишана туркмен.

Об этом известии доложил его величеству Хаджи-ага Юсуф, хаджи-баши (начальник евнухов), за что и получил шахский халат и денежный подарок 250
в пятьсот туманов.

На основании тех донесений, которые поступили в шахскую ставку из Тегерана и Астрабада, подробности этих происшествий — возникновение войны, пленение Мульк-ара и смерть хаджи Мулла Ризы, а также умерщвление зловещего ишана — следующие.

Так как область во время пребывания там Мульк-ара находилась в состоянии полного спокойствия и безопасности, и так как уже с давнего времени со стороны туркменских племен не наблюдалось ничего дурного, то Мульк-ара отпустил по домам лариджанский полк, дотоле находившийся постоянно в Ак-кала и назначил туда Мустафа-кули-хана, мир-панджа, карагёзлю. Тегеранский же полк и полковника Абд-ур-реззак-хана отправил в Кухсар.[1] Сам Мульк-ара с тремя стами ходжевендских

[1] Самый восточный из семи булюков Астрабадской провинции, расположенный к юго-востоку от Фендереска, между Нардином на восток и яйлаками Катуля на запад, обладает прекрасным климатом и населен тюрками-герайли. Состоит из четырех «махалов», одним из которых считается Кябуд-джамэ или ныне Хаджиляр. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, 1928, p. 82—84.

всадников,[1] со всадниками Катуля и Садам Рустака[2] поместился внутри города (Астрабада).

(17 сафара—20 июня) Мустафа-кули-хан, мирпандж, и Хусейн Али-хан, шейх, один из военачальников, прислали к Мульк-ара из Ак-кала верхового и сообщили, что туркменский ишан, двинувшийся на Ак-кала с тремястами всадников из туркмен с Атрека, спустился к Ак Забилю, который находится на месте слияния двух рек и отстоит от Ак-кала в трех фар-
251 сахах. Кроме того, доносили, что для гарнизона крепости необходимы пищевые припасы на несколько дней для того, чтобы он мог продержаться в том случае, если этот зловещий ишан сделает на них нападение.

Когда Мульк-ара получил такое донесение, он тотчас же приготовил 100 вьюков с провиантом: мукой, ячменем, рисом и прочим. Но так как Мульк-ара не имел при себе ни одного знающего дело и соответствующего данной специальности офицера, то сам, взявши сотню ходжевендских всадников, сотню катульских и еще сотню пехотинцев из Садам Рустака, выехал по направлению к Ак-кала, чтобы доставить провиант гарнизону и вместе с тем оградить его от вреда со стороны туркмен. В то самое время как он, перейдя мост через Сиях-аб, очутился на территории, примыкающей к Ак-кала, от крепостного гарнизона прибыл верховой с известием, что туркменский ишан, пройдя поселение джафарбайцев, спустился к поселению Хаджи-ага, расположенному в полуфарсахе от Ак-кала.

Мульк-ара, взойдя на вершину холма, называемого Наргас-тепе, при помощи бинокля различил многочисленную конницу, приблизившуюся к Ак-кала. Затем, задерживаясь на том самом месте, он послал в город (Астрабад) верхового, затребовав от Хаджи Мулла Ризы пушки и подкрепление. Почти в то же самое время туркменская конница лавой сразу бросилась на штурм Ак-кала. Мустафа-кули-хан, мирпандж, и Хусейн Али-хан шейх, поднявшись на крепостные валы, ружейным огнем и картечью из пушки заставили отступить конницу. Трое всадников было убито пушечной стрельбой, и конница, расстроив свои ряды, тотчас же рассеялась.
252 Пехотинец донес Мульк-ара, что ишан и туркмены бежали, отступив на территорию племени даз, покинув равнину и окрестности крепости.

---

[1] Ходжевенд — лурское племя, переселенное Ага Мухаммед-шахом для защиты новой столицы Тегерана сначала в Шахрияр (западный булюк Тегерана) вместе с абдальмелики, а затем в Мазандеран, где они обитают в булюке Куджур; они забыли свой язык (лурское наречие) и превратились в истых мазандеранцев. Конница состояла в 1301 г. х. (1883/84 г.) из 500 человек. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, p. 12; «Матля-уш-шамс», т. I, Приложение, стр. 49.

[2] Садам (или Садан) Рустак — один из семи булюков Астрабадской области, лежит непосредственно к западу от г. Астрабада и простирается от подошвы гор до Каспийского моря, представляя болотистую, покрытую лесом местность, где в большом количестве произрастают хлопок, рис и хлебные злаки. Население булюка составляют тюрки-каджары, тюрки-герайли и таты; туркмены-джафарбаи кочуют на его северных окраинах; центр булюка — дер. Курд-махалле. H.-L. Rabino. Mázandarán and Astarábád, 1928, p. 70.

Не прошло и часа, как хаджи Мулла Риза с одной пушкой и четырьмястами горожан присоединился к коннице Мульк-ара. Увидя врага бежавшим и найдя поле сражения очищенным, Мульк-ара захватил с собою пушку, горожанам же отдал приказание возвращаться в город, а также попросил возвратиться в город и хаджи Мулла Ризу. Но тот не согласился на это предложение и с небольшим отрядом вместе с Мульк-ара прибыл в крепость. Там он распределил между солдатами пищевые припасы, артиллеристам же выдал соответствующие награды.

Утром 21-го числа (24 июня) три туркмена приблизились к крепости и сделали сообщение, что туркменский ишан напал на Сурх Келядэ, принадлежащую Абд-ус-самад-хану, братьев Абд-ус-самад-хана убил, а сына его и сорок человек из крестьян захватил в плен вместе с большим количеством скота и приготовился уходить обратно.

Мульк-ара тотчас же выступил из крепости со своей конницей и четырьмястами солдат, желая преградить неприятелю дорогу и освободить пленников. Не успел Мульк-ара добраться до берега реки, как ему дали сведения, что туркмены миновали Ялам и прошли позади Султан Дувина. Мульк-ара отчаялся в возможности их преследовать. Он отпустил Абд-ус-самад-хана и всадников максудлю домой и в крайней степени упадка духа, вместо того 253
чтобы возвратиться в город, вторично вернулся в Ак-кала и там провел ночь.

Утром 22-го числа (25 июня) пришло известие, что туркмены сидят в засаде в Дараджике. Мульк-ара, сколько ни осматривал окрестности в бинокль, не нашел и следов присутствия неприятеля. Но так как возвращаться в город было необходимо, он командировал Керим-хана, туркмена, разузнать о положении неприятеля и определить место его нахождения. Возвратившийся Керим-хан не оправдал оказанного ему доверия и недобросовестно донес, что туркмены находятся на своих местах, в собственных жилищах, и что только сотня туркменских всадников несет сторожевую службу. Мульк-ара, убежденный в правдивости этих слов, с одобрения хаджи Мулла Ризы с двумястами всадников и двумястами пехоты вышел из Ак-кала и направился к городу (Астрабаду). Едва он успел отойти от Ак-кала на 2000 шагов, как внезапно туркменские всадники сделали нападение из засады. Выскочив отовсюду по 20, по 30 человек, они окружили Мульк-ара со всех сторон.

Мустафа-кули-хан, мирпандж, заметив с вершины крепостного вала множество неприятельской конницы, при помощи трубы дал сигнал к отступлению (в крепость). Хаджи Мулла Риза, спешившись и взяв саблю в руки, не дал согласия отступать и начал сражение. Сколько ни требовали, чтобы он сел на коня, он не соглашался и подобно рыкающему льву напал на этих врагов ислама. Между тем в окрестностях Наргас-тепе количество неприятельских всадников достигло трех тысяч, и положение мусульман сделалось 254
затруднительным. В этот момент с 50 гулямами из туркмен прибыл Адина-хан и стал настаивать на том, чтобы Мульк-ара засел у него в доме (крепо-

сти), который находился на расстоянии тысячи шагов от Наргас-тепе. К этому времени сражение разгорелось, и Мульк-ара не нашел иного выхода, как только бежать в крепость Адина-хана. Выхватив саблю, идя впереди отряда и не переставая сражаться, он стал отступать по направлению к крепости. Дойдя до крепостного рва, он остановился и стоял до тех пор, пока весь отряд не вошел внутрь крепости, где они и засели, заперев крепостные ворота. После того выяснилось, что в этом сражении хаджи Мулла Риза был убит, сын последнего получил серьезную рану, Мулла Мухаммед Насрабади попал в плен, а пятнадцать человек из остальных всадников убиты или ранены. Наконец, когда тело убитого хаджи Мулла Ризы вынесли из гущи врагов и все вошли внутрь крепости, тогда открыли стрельбу с крепостных валов. Большая часть туркменских всадников поспешила в Нираи. Другие, прекратив сражение, отошли по направлению к Наргас-тепе.

Так как долее оставаться в подобном положении было крайне тягостно, то Махмуд-хан, каджар, добровольно выразил желание одному отправиться в город и оттуда привести городское население на помощь осажденным. Хотя Мульк-ара считал эту мысль бесполезной, тем не менее, ради того, чтобы поднять дух тех, кто находился в крепости, отправил Махмуд-хана
255 в город. Этот бесстрашный смельчак, быстро и ловко добравшись до города, сообщил горожанам о случившемся. Между тем наступил вечер. Мульк-ара поручил охрану двух сторон крепости Ноуруз-хану и Насир-хану из Катуля, третью сторону Мухаммед-мирзе, а сам, усевшись на противоположной, четвертой стороне, также принялся сторожить. Туркмены, дерзкие в ночных потемках, всем скопом сделали нападение на крепость Адина-хана. Храбрецы и смельчаки ислама, непоколебимо стоя, обстреливали их со всех сторон до тех пор, пока не положили убитыми большое количество, заставив неприятеля отказаться от дальнейших попыток к нападению и вернуться назад. Когда туркмены потеряли надежду одержать верх, они вызвали Адина-хана и предложили мир. Они потребовали от Мульк-ара уплатить сумму в 6000 туманов за кровь 60 убитых туркмен, чтобы возместить их родственникам, а также по принятому обычаю сделать почетный подарок в 100 штук шалей сотне туркменских военачальников, после того без всякой распри он может отправиться в г. Астрабад.

Когда Адина-хан передал Мульк-ара это предложение, последний, считая это наиболее выгодным в данном случае ради сохранения жизни мусульман, согласился уплатить требуемую сумму и прислать ее по возвращении в город. Адина-хан вернулся к туркменам, чтобы заключить мир, но в то самое время, как об этом велись переговоры, вдали показался отряд из городского населения. Когда туркмены увидели это, они прервали всякие разговоры о перемирии и сразу же напали на него в количестве 5—6 тысяч всадников и, окружив несчастных в зарослях и болотах, убили несколько человек, остальных захватили в плен и привели к ишану. Этот проклятый, по мерзости своей природы, отдал приказание умертвить всех. Но туркмены

на это не согласились и сказали: «От того, что мы умертвим их, нам не станет никакой пользы, а от гневного шахского указа мы не сможем избавиться. С другой же стороны, если они будут оставаться нашими пленниками, мы, возвративши их, извлечем значительную пользу и в то же время избавим себя от неприятностей. Пусть же эти будут принадлежать нам, а вот те, которые внутри крепости, пусть остаются твоей собственностью. Ишан должен был поневоле согласиться с этим предложением и заговорил о перемирии. В вопросе о перемирии племена шереф и чуни, принадлежавшие к двум различным ветвям одного (йомутского) племени, заспорили друг с другом. «Войдя дверью ссоры», каждое из них выбрало себе место стоянки на разных сторонах холма.

Адина-хан, возвратившись, изложил Мульк-ара подробности дела и вместе с тем сообщил, что когда наступит ночь, племя джафарбаев предпримет нападение. Получив разрешение удалиться, Адина-хан отправился к племени атабаев. Через три часа после наступления ночи джафарбаи, приблизительно в количестве 1000 чел., сделали атаку на укрепление и опять точно таким же образом потеряли убитыми несколько человек и отступили, не достигнув цели. Но так как ишан был человек хитрый и вместе с тем 257
способный руководить, он, считая для себя невыгодным пререкания племен шереф и чуни, примирил их. Когда наступило утро, они все соединились вместе и по туркменскому обычаю обязались стоять друг за друга. Прочтя фатиху, они со знаменем и военным значком всею конницей сделали атаку на укрепление. Мульк-ара, потеряв всякую надежду и уже полагаясь на милость бога и счастье шаха, пошел на риск и решил дать отпор. Когда всадники приблизились и когда с той и с другой стороны обменялись пушечными и ружейными выстрелами, шахзаде Мухаммед-мирза, прицелившись в знаменосца ишана, выстрелом из ружья отправил его в «дом преисподней». Знамя опрокинулось. «Ишан», засучив рукава, с обнаженной саблей поскакал впереди всадников к воротам крепости. Прицелившийся в него Мульк-ара угодил ему пулей в левое плечо. В то же время один из гулямов Катуля второй пулей попал ему в другое плечо, так что ишан грохнулся на землю. Какой-то туркмен закричал, что ишан убит, и все всадники, услышав это известие, обратились в бегство. Не прошло и часа, как, кроме огромного количества трупов, на равнине никаких других следов от туркмен не осталось.

Мульк-ара, упав на колени, вознес богу молитву благодарности и час спустя со всеми товарищами, подняв тело убитого хаджи Мулла Ризы, пришел в г. Астрабад.

Весть об этой победе и приходе туркменских главарей с изъявлением покорности он доставил его величеству с особым курьером. 258

После того его величество хотя и был обрадован и удовлетворен этой победой, дарованной милостью имамов и незаходящей звездою монаршего счастья, тем не менее он, не считая этого достаточным, утвердился в своем шахском намерении освободить всех пленников, привести в порядок все

области Астрабада до пределов Каспийского моря и подвергнуть суровому наказанию племена туркмен.

Той же ночью он дал необходимые и настоятельные распоряжения Ануширван-хану для выполнения этого важного дела.

382 (14 раби II — 15 августа). Когда шах спустился с перевала вниз и очутился в долине Нардин, Ибрахим-хан, наиб-истабль (начальник шахской конюшни), доложил, что только что прибыл с Гюргена гулям к генералу Садык-хану и принес хаджи Хусейн-хану (Шихаб-уль-мульк, эмир-туман шахской армии) известие о победе. Шах, обрадованный этим известием, приказал, чтобы кто-нибудь отправился к хаджи Хусейн-хану и сообщил об истинном положении вещей.

Когда шах прибыл в Нардин, хаджи Хусейн-хан поспешил доложить его величеству, что, благодаря незаходящей звезде счастия его величества, войско, отправленное в поход,[1] одержало победу и разгромило 1500 семей шести йомутских племен. Мужчины частью умерщвлены, частью взяты в плен, женщины все захвачены, вьюки и имущество разграблены дочиста. Именно так, как ожидал его величество, войско, отмщая туркменам за дерзость и непокорность, превзошло самого себя в мужестве и отваге.

В ту же ночь Мухаммед-кули-хан, брат Хайдер-кули-хана, явившийся в шахскую ставку с депешами обоих ильханов (Хайдер-кули-хана и эмира Хусейн-хана) и других военачальников с подробными донесениями о победе и списком голов (убитых) и пленных, был принят его величеством и пожалован наградой. Он в следующем виде изложил перед шахом все, что касалось отправленного в поход войска, начиная от выступления из Буджнурда и кончая возвращением с набега на туркмен.

383 Конные отряды в первую ночь перешли в Шуган, отстоящий от Буджнурда в 9 фарсахах. На второй день они отправились в Рабат-и-ишк, который находится в 6 фарсахах от Шугана и в котором есть разрушенный караван-сарай и два источника. Днем они отдыхали в Пенах-тепе, невдалеке от которого находится караван-сарай. Пенах-тепе служит убежищем и местом отдыха туркменским всадникам. На третью ночь отряды отправились в Армудли также на расстоянии 6 фарсахов. В Армудли—источник, сад без стен и несколько караульных башен. На четвертую ночь, сделав 7 фарсахов, всадники достигли Кальпуша. В пятую ночь они также сделали 7 фарсахов и, пройдя мимо Феранга и Фарсияна, остановились в долине Гюргена. В эту ночь все генералы и командиры, собравшись вместе, поклялись богом и шахской хлеб-солью в том, что следующей ночью они сообща нападут на врага и не допустят никакой небрежности в деле чести и храбрости. Закончив речи и совершив оба намаза (вечерний и ночной), всадники сели на коней и в темноте ночи, пройдя зарослями 4 фарсаха, вышли на Гюргенскую

---

[1] Имеется в виду экспедиция против туркмен под начальством Хайдер-кули-хана.

долину. Затем они переправились через реку напротив Гумбед-и-Кабус. Гумбед-и-Кабус находится на берегу р. Гюргена, в 8 фарсахах от Астрабада. Это — старинная постройка, которая, как известно, служила гробницей Кабуса Шамс-уль-маали, правителя Астрабада и Мазандерана. Во время утреннего намаза всадники, приблизившись к становищам туркмен, слезли с коней и совершили намаз; и вот в то время, как те мятежники считали, 384
что они отделались от возмездия за свои поступки и были объяты беспечным сном, самоотверженная и бесстрашная шахская конница разом напала на них. Когда они так спали, всадники, рассыпавшись по шатрам, стали захватывать в плен и заниматься грабежом. Некоторые из туркмен бежали из стана, сев на своих лошадей, между тем как шахские солдаты, захватив по одному или по два пленника, продолжали грабеж.

Четыреста из бежавших туркменских всадников, а также те туркмены, которые перед тем были в набеге и теперь возвратились, собравшись вместе, напали на шахских солдат. Увидев это, Хайдер-кули-хан и Шуджа-уддоуле, вместе с командирами и небольшим количеством всадников, которые находились в строю, набросились на туркмен, в то же время угрожая своим и крича, чтобы они перестали грабить, выходили из шатров и позаботились о спасении своей жизни.

В то самое время, когда туркменские всадники напирали, а храбрецы ислама проявляли выдержку и самообладание, вдали показался отряд. Алп-хан, пишхидмат, бросился по направлению отряда и узнал, что это пришел им на помощь Кальб Хусейн-хан, эмин-низам, со своей конницей. Они потеряли дорогу в ночных потемках и прибыли часом позже. Алп-хан рассказал о случившемся Хусейн-хану. Тогда этот доблестный военачальник 385
со своей храброй конницей без промедлений и задержек поспешил на помощь обоим ильханам. До половины пятого часа (после восхода солнца) он вел сражение — и от всей туркменской конницы не осталось ни одного человека, от становища — следа, от палаток — ничего, кроме пыли. Хайдер-кули-хан переправил пленников и добычу через Дербенд (ущелье), и сам с конницей, следуя за ними, добрался до Ноудеха без всякого вреда.

Донося о победе, Хайдер-кули-хан доложил его величеству, что от пяти племен: кучик, татар, кан-юхмаз, чарва и чомур[1] он доставит в шахскую ставку более тысячи пленников и двести голов на пиках.

(16 рабп II—17 августа). Хайдер-кули-хан, эмир Хусейн-хан и другие 392
генералы и командиры победоносного войска, прибывшего позапрошлою ночью на эту стоянку (Кашидар), находились невдалеке от шахской армии. Во время прибытия шахского кортежа они с подчиненными им всадниками стояли на краю дороги. Каждый отряд демонстрировал перед проезжающим шахом отрубленные головы и захваченных туркменских пленников с тою целью, чтобы его величество это видел, а также для того, чтобы подобного

[1] Чарва и чомур — не племенные названия. Первое из них обозначает «скотоводы», а второе — «земледельцы», «оседлые».

рода зрелище для всех окружающих было наглядным примером наказания за злодейство и воздействия за неповиновение. Его величество потребовал к себе Хайдер-кули-хана, эмира Хусейн-хана и других генералов и, почтив их милостивым шахским вниманием, ушел в свой шатер.

Во время намаза а с р (от послеобеденного сна до заката солнца) Ануширван-хан, Фаррух-хан, Дабир-уль-мульк, мирза Мухаммед Хусейн, Хайдер-кули-хан, Али-хан и другие генералы и командиры были опять приглашены к его величеству. Хайдер-кули-хан и генералы, каждый по своему достоинству, степени и заслугам, были пожалованы высочайшими наградами. Согласно шахскому решению, ценности и сокровища, оказав-
393 шиеся в числе военной добычи, а именно: деньги, золото, серебро и пр., стоимость которых определялась более чем в два курура[1] туманов, постановлено считать собственностью победителей: каждый пользуется тем, что он захватил лично, другие же, даже военачальники, не имеют права доли в этом. Что касается пленников, то последние должны быть отданы его величеству. Всякий, смотря по количеству захваченных пленников, будет пожалован знаком военного отличия, наградой и прибавкой жалованья. Мирзе Али-хану, шахскому секретарю (Мирза Али-хан, заместитель министра иностранных дел и личный секретарь шаха), было приказано составить на особом листе краткую реляцию о победе, напечатать в войсковой типографии и копии в большом количестве экземпляров послать Мирзе Юсуфу с тем, чтобы он посредством курьеров разослал по всем концам государства, дабы эта реляция послужила в утешение мусульманским сердцам от зла, причиненного этим племенем. После того военачальники были отпущены. Его величество совещался с министрами, государственными сановниками и Хайдер-кули-ханом относительно административного управления Астрабада. Мнение шаха склонилось к тому, что управление этой областью необходимо поручить Ануширван-хану, а Джехансуз-мирзу (бывшего дотоле губернатором Шахруда) назначить его заместителем и без промедления отправить в Астрабад; что же касается самого Ануширван-хана, то последний должен был с шахским полком, сотней гулямов, сотней каджаров и сотней регулярной конницы, отправиться к месту своего губернаторства со стоянки Хуш-яйлаг (один из пунктов шахского маршрута).

394 За час до заката солнца (пленных) туркменских женщин, девушек и детей привели к шахскому шатру. Так как милость и благосклонность его величества обращается одинаково как на друзей, так и на врагов, и так как лучи монаршего милосердия и великодушия падают на всех, то пленникам была оказана шахская ласка. Его величество предоставил некоторых из них Ага-Али, личному пишхидмату, главному фотографу (Ага Риза) и также пишхидмату Мухаммеду Али-хану. Одну женщину, которая была ранена

---

[1] Курур в языке хиндустани имеет значение — десять миллионов, в персидском — пятьсот тысяч.

в ногу, шах поручил мне, чтобы я ее вылечил. Так как времени было недостаточно, то всех остальных пленников его величество поручил Амин-уль-мульку Паша-хану с тем, чтобы на другой день подарить их министрам, сановникам и прочим приближенным.

(17 раби II — 18 августа), переход от Кашидара в Тилявар). За три часа 395
до заката, освободившись от писания указов, его величество приказал привести оставшихся пленников и всех их по одному, по два, раздарил между придворными, министрами, сановниками и генералами, наказав им обращаться с пленниками возможно гуманней.

(18 раби — 19 августа), переход от Тилявара в Хуш-яйлаг). В 4 часа до 399
заката шахский кортеж прошел через упомянутый Дербенд (ущелье в местности Зардабэ), дорога по которому чрезвычайно опасна, и где очень часто появляются туркмены. Это та самая дорога, по которой туркменские всад- 400
ники проходят в равнины Шахруда и Бастама.

Шах спросил о начале источника (во втором ущелье по направлению к Хуш-яйлагу); его величеству доложили, что он выходит из горы Сурх и называется этим же самым именем и что здесь туркмены поят и пасут своих лошадей.

(19 раби II — 20 августа). Так как злодеяния, бунтарство и разбои пленного туркмена из племени кучик — у него была седая борода, обрюзгшее лицо и поражающая своей странностью наружность, — а также и двенадцати других его сотоварищей, были доказаны его величеству, и так как обнаружилось, что в прежние времена многие из паломников мусульман или убиты ими, или захвачены в плен, то по шахскому решению было постановлено в воздаяние за недостойные дела подвергнуть их такому наказанию, которого они заслуживают. 404

(27 раби II — 28 августа). В начале дня его величеству через Ануширван- 426
хана была подана подробно изложенная петиция, в которой говорилось о том, что предводители и старейшины племени йомутов и других племен «входят дверью смирения и ступают ногой службы и послушания». Они питают надежду, что Ануширван-хан испросит для них прощение и снисхождение, так как они дают обещание его величеству уплачивать налоги, а своеволие и непокорность оставить.

Далее, о чем говорили эти предводители и старейшины, было следующее:

Когда победоносное войско напало на становища йомутов, женщины и мужчины этого племени, желая спасти свою жизнь, бежали из свалки во время боя и спрятались в зарослях на берегу реки Гюрген. Вследствие своего дурного поведения и в результате сопротивления государству они все погибли от голода и скитаний и таким образом место своего убежища обратили в место своей могилы. Люди из других племен, ходившие на реку за водой два дня спустя после того, нашли их тела на берегу реки. Эту злую участь, постигшую их как наказание за сопротивление и своеволие, они сами сделали наглядным примером для поучения другим.

474. (17 джумади I — 16 сентября). В этот день прибыл астрабадский курьер и доставил его величеству депешу от Ануширван-хана, который доносил, что спокойствие в Астрабаде восстановлено, захваченная туркменами при осаде Наргас-тепе пушка отобрана назад, а те, кто попал в плен к туркменам во время той войны, возвращены на родину.

Часть IV

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI — XVIII вв.

ХИВИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XVIII вв.

«ФИРДАУС-УЛЬ-ИКБАЛЬ»

Сочинение Мунисa, продолженное и законченное Агехи
Рукопись ИВ АН СССР, С 571 (590аа) [1]

Перевод и примечания П. П. ИВАНОВА

История Хивы XVI—XVIII вв. и туркмены

Об Ильбарс-хане, сыне Бурге-султана [2] (ок. 1511 г.) [3]

Этот хан (Ильбарс-хан) совершил поход на Хорасан и возвратился оттуда *52в*
с богатой добычей. В это время умер шах Исмаил (сефевид, 1524). Хан снова послал в Хорасан войско и подчинил себе северные районы этой области от Мейхене до Дуруна.

---

[1] Помимо рукописи С 571 в Институте востоковедения АН СССР имеется также рукопись Е6, содержащая в себе, вместе с другими сочинениями Муниса-Агехи, также и «Фирдаус-уль-икбаль». Таким образом данное сочинение представлено двумя списками, благодаря чему неясности и пропуски одной рукописи в некоторых случаях удается исправить в восполнить при помощи другой.

[2] Имя этого султана до настоящего времени европейскими авторами читалось и изображалось как Береке (Bereke). Однако в ташкентской рукописи сочинения Абулгази, относящейся, повидимому, ко времени, близкому к автору, имя этого султана пишется с огласовкой — بُرْكَه, исключающей общепринятое чтение Береке. С такой же огласовкой имя بُرْكَه встречается и в рукописи Е 6, л. 48а. Менее ясным представляется последний слог كَه, который может читаться и как «ге», и как «ке».

Бурге-султан — старший сын Ядгар-хана, из рода Джучи. Правил среди узбеков во второй половине XV в., принимал также участие в междоусобных войнах тимуридов. Убит Мухаммедом Шейбани-ханом, повидимому, в конце XV в. См. Абулгази, texte, p. 185—193.

[3] Говоря о приходе Ильбарс-хана в Хорезм (собств. в г. Везир), Абулгази (texte, p. 197) называет при этом 911 г. х., соответствующий году овцы, что должно соответ-

После этого он послал войска на Балкан [1] и в Мангышлак и завоевал жившие там туркменские племена.

О Суфиян-хане, сыне Эминек-хана (ок. 1515 г.)

53б Выделяясь своей энергией и предприимчивостью из среды своих сверст-
54а ников, этот хан (Суфиян-хан) с помощью шахзаде Актай-султана занял царский престол в Ургенче.

Балканские и мангышлакские туркмены, как то: эрсари, хорасанские салыры, теке, сарыки и йомуты, являвшиеся со времени хана Ильбарса подданными (Хивы), при Суфиян-хане возмутились и, убив сорок человек ханских б е р а т д а р'ов (имевших ханские «бераты»),[2] перестали вносить закят.[3]

Вследствие этого хан послал человека к шахзаде, после чего с многочисленными войсками выступил против туркмен. Произведя на них набег, хан убил и взял в плен много мужчин, женщин и детей.

Части туркмен, однако, удалось спастись; они бежали и засели, приготовившись к осаде, на безводной возвышенности Чотак.[4] Хан последовал за ними и осадил это место. Лишенные воды, туркмены просили защиты Актай-султана. Султан попросил своего брата (Суфиян-хана) простить их. На них было наложено, в виде взыскания, по тысяче баранов за каждого (убитого), а всего сорок тысяч баранов, после чего они (войска) возвратились.

Да будет известно, что эти туркмены во время Исфендияр-хана (см. ниже) ежегодно давали по сорок тысяч баранов. С других туркмен также брали (баранов), выдавая на это «бераты», так что (всего поступало): с ички-салыров 17 000 баранов, с хасан-эли — 10 600, с арабачи — 4400, с гёкленов — 13 200, с адаклы — также 13 200. Племена хызыр-эли и теведжи занимались

ствовать 1505—1506 г. н. э. Сопоставление годов двенадцатилетнего животного цикла с указанным у Абулгази годом мусульманского летосчисления привело акад. В. В. Бартольда к выводу, что год овцы в данном случае должен соответствовать не 1505—1506, а 1511 г. н. э. См. Enzyklopaedie des Islām, II, 976. Также В. В. Б а р т о л ь д. Очерк истории туркменского народа, стр. 46.

[1] Так Мунис называет горы, известные в настоящее время под именем Балханов. У Абулгази название тех же гор встречается в форме Абулхан. Из «Родословной туркмен» Абулгази (пер. А. Туманского, 72) видно, что Балханы в XVII в., так же как и теперь, разделялись на Большие и Малые.

[2] Б е р а т — документ, выдававшийся ханом на право сбора с населения установленного количества налогов. Термин, довольно часто встречающийся у Рашид-эддина при описании государственного устройства монголов XIII—XIV вв. (В. Б а р т о л ь д. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. СПб., 1911, стр. 26). О современном значении термина берат в Иране см. Л. Ф. Б о г д а н о в. Персия. СПб., 1909, стр. 104.

[3] Налог (в рассматриваемое время, повидимому, натуральный) со скота, в размере $^1/_{40}$ части.

[4] Или Чутак; местоположение этого пункта до сих пор остается не определенным. См. В. В. Б а р т о л ь д. Очерк истории туркменского народа, стр. 46.

земледелием и (поэтому) платили зерном. (Стихи, посвященные торжеству покорения туркмен.)

Суфиян-хан умер в 928 г. х. (1521/22 гг.),[1] процарствовав 6 лет.[2] У него осталось пять сыновей.

Об Исфендияр-хане

Это был государь мудрый и справедливый. Через сорок дней после того, как его отец Араб Мухаммед попал в плен к своим сыновьям, но (Исфендияр) ушел из Хазараспа и отправился к шаху Аббасу. Набрав с его помощью нукеров [3] из среды дурунских и балканских туркмен, Исфендияр направился к Ургенчу. В это время Ургенч погибал от безводья. (Жители его) построили себе укрепление (кала) на берегу реки, против Тук'а и там жили. Исфендияр вошел в это укрепление. Хабаш-султан,[4] узнав об этом, бежал в Хиву. Взяв хивинское войско, он, совместно с Ильбарс-султаном, *63а*

[1] Также ркп. Е 6, л. 26а.

[2] Дата заслуживает внимания, так как у Абулгази, на основании данных которого обычно устанавливается хронология хивинских ханов XVI—XVII столетий, ее нет. В. В. Бартольд, основываясь на данных Хайдера Рази, относит царствование Суфиян-хана к периоду между 1525—1535 гг., расходясь при этом с указаниями Абулгази относительно порядка правления отдельных хивинских ханов. Ср. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, Ташкент, 1902, стр. 91—92; также «Очерк истории туркменского народа», стр. 46. В. В. Бартольд нигде не ссылался на приводимую здесь дату Муниса и даже не упоминал о ней. Остается неясным, откуда эта дата заимствована Мунисом, поскольку у Абулгази ее нет.

[3] Нукеры в качестве воинов, состоящих на службе хана или одного из второстепенных феодалов, довольно часто упоминаются в истории Муниса-Агехи, так же как и у более ранних среднеазиатских историков. Из слов Абулгази (texte, p. 185) видно, что в XVI—XVII вв. несение нукерской службы феодалу рассматривалось как признак зависимого положения того или иного узбекского рода. В этом же смысле рассматривают нукерскую службу и хивинские историки, в частности в отношении туркмен. Нукерство, как один из феодальных институтов у узбеков XVI и позднейших веков, имеет ряд общих черт с таким же институтом у монголов XII—XIV вв. (Ср. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л. 1934, стр. 91—92). Так же как и у средневековых монголов, нукеры — «военные слуги вождей» — в Средней Азии XVI—XIX вв. не имели ничего общего с народным ополчением (кара-черик — о нем см. ниже), собиравшимся лишь в военное время. По своему социальному положению узбекские нукеры были не одинаковы. Абулгази упоминает о нукерах бедных и «простых», богатых и «знатных». Надо добавить, что вопрос о нукерах и «нукерстве» не изучен и требует дополнительных исследований. Институт нукеров сохранялся в Хивинском, а также в Бухарском ханствах вплоть до начала настоящего XX столетия. Под нукерами в последнее время в Хиве были известны лица из числа сельских жителей, на обязанности которых лежало несение службы в низшей полиции в мирное время и служба в войсках во время войны. За свою службу нукеры освобождались от податей. Всего нукеров считалось в ханстве 2400 чел. См. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса Гиршфельда и Галкина, ч. II. Ташкент, 1903, стр. 39—40.

[4] Брат Исфендияра. Султанами среди узбеков и казахов назывались, как известно, лица ханского происхождения (тёре), ведущие свою родословную от Чингис-хана.

(своим братом) пошел на Ургенч. Исфендияр хан потерпел поражение и ушел на Мангышлак. Собрав снова войско, он пришел в Ургенч и, сразившись с султанами, оказался победителем. Он захватил Ильбарс-султана и предал его смерти. Хабаш-султан бежал к мангыту Шанек-мирзе, который (раньше) пользовался его кровом и пищей. Этот неблагодарный схватил его и отправил к Исфендияр-хану, а тот присоединил его к Ильбарс-султану (т. е. убил). Исфендияр-хан произвел поголовное избиение уйгур-найманов, способствовавших убийству отца его, Араб Мухаммеда. Он дружил с туркменами и привел их в свою землю (юрт).

По этой причине другие узбеки стали его противниками и ушли в Мавераннахр, к мангытам (ногайцам) и к казахам.

Опираясь на узбеков, Абулгази-хан (брат Исфендияра, историк) вступил в упорную борьбу с Исфендияром. Наконец, он потерпел поражение и был сослан в Ирак.

В 1032 г. х. (1623 г.) он (Исфендияр) сделался падишахом; он умер, процарствовав 17 лет.[1]

О царствовании Абулгази-хана (1643—1663 гг.)[2]

646 Абулгази (после пребывания своего в Бухаре) вернулся к своему старшему брату Исфендияру и получил от него в управление Ургенчский вилайет. В следующем году Абулгази, вследствие слишком большого пристрастия (Исфендияра) к туркменам, сразился с ним в местности Таш-купрюк в окрестностях Хивы и возвратился к прежнему своему месту. На берегу р. Аму, около Ходжа-кёля, они снова сразились, причем было убито 20 чел. узбеков и 70 чел. туркмен.

Вслед за этим среди узбеков наступили разногласия и раздоры, как это было описано выше. Абулгази ушел к казахскому хану Эшиму.[3] Затем он был в Туркестане у хана Турсуна.[4] После того как Турсун-хан был убит Эшимом, он (Абулгази) прибыл к Имам-кули-хану[5] (вторично). После этого он прибыл к туркменам в Хиву и дважды сразился с Исфендияр-ханом. Помирившись, наконец, он стал жить у брата.

В это время раскаявшиеся узбеки стали отовсюду собираться и расположились в местности Арал на берегу (Аральского) моря.

Заподозрив во враждебности Абулгази, Исфендияр-хан схватил его и выслал в Ирак.

---

[1] Цифра неточная: Исфендияр правил с 1623 по 1643 г.

[2] Так же как и в других случаях, здесь взяты только те части главы, которые имеют непосредственное отношение к туркменам.

[3] Или Ишим. О нем см. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 372.

[4] О нем см. там же, стр. 374 и сл.

[5] Правил в Бухаре с 1611 по 1642 г.

В этом (1628 г.) году умер шах Аббас. Его внук шах Сефи, сделавшись 65а
падишахом, находился в Хамадане. Он отправил (прибывшего к нему) Абулгази в Исфаган.

Бежав через одиннадцать лет из Исфагана, Абулгази через Бастам пришел к туркменам, которые жили около Мейхене и провел среди них зиму. Затем он направился на Балкан и там, среди теке, прожил два года. После этого Абулгази прибыл на Мангышлак, находившийся (тогда) в подчинении у калмыков. Калмыцкий хан принял Абулгази к себе и относился к нему с уважением и любезностью.[1]

Через год аральские узбеки, доставив калмыцкому хану большое количество подарков, увезли к себе Абулгази. Это событие произошло в 1052 г. х. (1642 г.). Через шесть месяцев после этого умер хан Исфендияр. В 1054 г. х.,[2] в начале года овцы, Абулгази воцарился в Аральском вилайете. Хивинские туркмены ему не подчинились (и) читали хутбу на имя Надир Мухаммед-хана (бухарского). Абулгази дважды делал набеги на Хиву. Надир Мухаммед послал помощь туркменам. С ними Абулгази много сражался. По этой причине Надир Мухаммед послал своего внука, по имени Касим-султана, с большим войском. По приходе султана хан (Абулгази) выступил и, придя в местность Гендумкан,[3] послал (своих людей) в чапаул (набег), оставшись сам с 200 человек. Пришедшие в это время хивинские войска вступили в бой на южном берегу хивинского арыка, но, потерпев поражение от (тех) 65б
200 человек, возвратились (стихи).

Возвращаясь, хан встретил на берегу реки (свое) войско, ходившее в чапаул, и направился в Арал.

По восшествии на бухарский престол Абдуль-Азиз-хана,[4] Абулгази-хан снова с своими войсками направился в Хиву и, взявши ее, победил и осилил туркмен.

Он назначил на (различные) должности 360 человек из узбеков. Из них т р и д ц а т и д в у м человекам он дал место около себя, а именно: два шейх-уль-ислама, два казия, один реис из потомков святого Сейид-ата, один мутевелли, один накыб, четыре аталыка, четыре инака, четыре мираба, четыре бия, один парваначи, два ака, два арбаба, четыре чагатайских инака (جغتای عناقی), один везир, что теперь называется мехтером, один кушбеги.[5] Последние два, не имея (установленного) места, должны в присутствии

---

[1] Подробнее об этом см. Н. Н. П а л ь м о в. Абулгази в калмыцких кочевьях (по данным астраханских архивов XVII в.). (Рукопись Института востоковедения Акад. Наук СССР.)

[2] Должно быть 1053 г. х. (1643 г.).

[3] Г е н д у м к а н — одно из предместий г. Хивы, часто упоминаемое при описании разных событий XVII—XIX вв.

[4] Правил в Бухаре с 1645 по 1680 гг.

[5] Всего по подсчете оказывается не 32, а 34 должностных лица. Повидимому, везир и кушбеги, как «не имеющие установленного места», в общее число не входят.

хана стоять. Узбеков он разделил на четыре части (гурух), которые называют «тупэ», а именно: одно тупэ составляют уйгуры (и) найманы, другое конграты (и) кыяты, третье — нукузы (и) мангыты и четвертое — канглы и кыпчаки. К ним присоединил он четырнадцать родов (уруг), которые и носили название «онтурт-уруг» (т. е. четырнадцать родов). Джелаиры и али-эли были присоединены к кыятам, кенегесы — к нукузам, а ходжаэли к мангытам. Дурманы, юзы и минги были присоединены к уйгурам, а потомки пророка — шейхи — к найманам. Все земли по каналам (нахр), какие выходят из Аму-дарьи, были поделены между ними.[1] Население Ургенча было переселено в местность к западу от Ханках, где было выстроено укрепление (кала), и жителям роздано много земли. В настоящее время Ургенч на этом месте.[2] Он чрезвычайно благоустроен и находится в цветущем состоянии. Он является главным торговым местом в Хорезме. Это произошло в 1056 г. х. (1646 г.), соответствующем году курицы.[3]

После этого хан привел в порядок государственные дела и собирался выступить против туркмен, находившихся в давнишней вражде с ним.

---

[1] Любопытно, что сам Абулгази в своем сочинении об этой реформе ничего не сообщает. То обстоятельство, что большинство важнейших званий и должностей имело по четыре представителя, говорит, повидимому, за то, что одной из задач Абулгази являлась попытка примирения четырех враждовавших между собой важнейших узбекских родовых объединений, упоминаемых здесь под названием «тупэ». Все называемые здесь должности и звания, не исключая и «чагатайских инаков», сохранились в Хиве до последних десятилетий существования ханства.

Что касается четырех «тупэ» узбеков, то они, повидимому, существовали в Хиве еще столетием раньше реформы Абулгази, так как последний в своем сочинении (texte, p. 223) рассказывает, что Убейдулла-хан бухарский при завоевании Хивы (в 30-х годах XVI в.) сосчитал узбекские роды и разделил их на четыре «части» (буляк), не указывая, впрочем, из каких родов состояла каждая «часть». Четыре «тупэ» узбеков существовали и в первой четверти XIX в. в том именно составе, в каком описываются они здесь Мунисом. Ср. Н. М у р а в ь е в. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II, 36. Ср. также «Ф и р д а у с-у л ь-и к б а л ь», ркп. Е 6, л. 84а (начало XIX в.). М у р а в ь е в же (op. cit., 64) упоминает о 32 д о л ж н о с т н ы х л и ц а х («чинах») в Хиве, отмечая, впрочем, что эти чины имели значение во времена инаков, т. е. до 1804 г.

О 32 должностных лицах (амальдар) упоминает также Агехи при описании событий в Хиве в 1858 г. См. «Г у л ь ш е н-и-д е в л е т», ркп. ИВ 1891, л. 150б. Что касается «четырнадцати родов», то под ними подразумевались, повидимому, все мелкие и второстепенные роды, не входившие в число четырех «тупэ». Название «четырнадцати родов» впоследствии встречается также у каракалпаков, поселившихся рядом с аральскими узбеками. См. П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, Тр. ИВ АН, т. VII, стр. 52 и сл. Из другого места сочинения Муниса видно, что в XVIII в. «четырнадцать родов» были известны также под названием «ошак-уруг». См. ркп. Е 6, л. 37а.

[2] Речь идет о г. Новом Ургенче, расположенном на левом берегу Аму-дарьи. Пособием при определении местоположения упоминаемых в данном тексте географических пунктов может служить карта, приложенная к книге А. П. К а у л ь б а р с а. Низовья Аму-дарьи (1873 г.), а также соответствующий лист десятиверстной карты (1905 г.).

[3] Дата в ркп. Е 6, л. 32а.

В это время Гулям-бехадыр,[1] Дин Мухаммед, онбеги,[2] Урус, онбеги, три сердара[3] с тремя-четырьмя тысячами туркмен разбили палатки и остановились в песках к югу от Хазараспа. Придя в Хазарасп, хан хитростью, под предлогом угощения, выманил туркмен оттуда и две тысячи из них напоил смертным напитком меча (убил). (Затем) хан совершил набег на их (туркмен) одноплеменников, забрал в плен их семейства и возвратился.

После этого Абулгази направился в Теджен на некоторых, бежавших из Хивы и теперь проживавших там туркмен. Часть из них он убил, а иных взял в плен и возвратился. В 1059 г. х. (1649 г.) хан направился в поход в район Бами (и) Беурма в Хорасане, где собрались остатки бежавших туркмен. Приведя войска, он вступил в сражение. Умбай-инак,[4] проявляя со своими джигитами чудеса храбрости (букв. «уподобляясь Рустему»), убил Кахир-ходжу, являвшегося туркменским предводителем. Вследствие этого туркмены потерпели большое поражение, понеся огромный урон от сабель узбекских храбрецов. Хан с богатой добычей пришел в Хиву. В следующем году, который был годом коровы, калмыки племени хошоут (под предводительством) Дорджи-тайши, произвели набег на область (мемлекет) Кят'а и ушли. Погнавшись за ними по следам, хан на 15-й день нагнал их в местности Югурук-баш,[5] вступил с ними в сражение и с победой возвратился. После этого, в году мыши, хан с десятитысячным войском выступил против туркмен племени байрач, живших по берегам Атрека и Гюргена и проявлявших вражду. Во время этого похода хан заблудился, 66б
причем вследствие голода и жажды люди его (улус) рассыпались. Хан с четырьмя стами человек напал на племя байрач и произвел поголовное избиение, после чего с богатой добычей возвратился в Хиву. В конце концов он своими многочисленными набегами и нападениями привел все туркменские племена в подчинение.

В этот год калмыками-торгоутами, под предводительством трех начальников: Мерген-тайши, Окча-тепе (اوقچه تپه) [6] и Тугула (تغول) с многими кал-

[1] Бехадыр (бехадур, бахадур) почетное звание, присваивавшееся у узбеков как отличавшимся своей храбростью воинам, так и самим ханам (в Хиве и Бухаре). В данном случае звание бехадыра принадлежало одному из туркменских предводителей.

[2] Онбеги — десятский, термин, довольно часто встречающийся в ярлыках золотоордынских ханов. У узбеков в Средней Азии эта же должность обычно обозначалась термином онбаши. Повидимому, онбеги существовали в Средней Азии только у туркмен (ср. В. В. Бартольд. Очерк.., стр. 49).

[3] Сердар — персидское слово, обозначающее «главный», «начальник», часто применяется по отношению к туркменским предводителям. У узбеков это звание не встречается.

[4] Умбай-инак впоследствии выдвинулся в качестве полноправного министра при сыне Абулгази—Ануша-хане. См. ркп. Е 6, л. 32б. Считается одним из виднейших родоначальников правившей в XIX в. в Хиве кунградской династии.

[5] В рукописи это название написано неразборчиво. Чтение восстановлено по тексту Абулгази (texte, p. 323), дающего более подробное описание как этого, так и следующего набега калмыков на Хиву.

[6] У Абулгази اوقچو تپه и اقچو تپه (texte, p. 326—327).

мыками, была разграблена местность от Хазараспа до Дарган(ата). Начавши через 15 дней погоню, хан догнал их в местности Сенгир-рабат и вступил с ними в бой. Не выдержав натиска, калмыки сдались и подчинились хану. После этого хан совершил шесть набегов на Бухару, причем два раза брал Каракуль, раз Кермине и раз Бухару, возвращаясь с чрезвычайно богатой добычей и имуществом.

Встретившись два раза лицом к лицу с Абдуль-Азиз-ханом (бухарским), он при последней встрече нанес ему поражение. Честь (победы) в этом сражении принадлежала Ануша-хану, проявившему чудеса храбрости. Возведя в конце концов на ханство сына своего Анушу, Абулгази добровольно устранился от власти. В 1074 г. х. (1664 г.) Абулгази, волею всевышнего, скончался, процарствовав двадцать лет. Он был человеком ученым и умным и написал историю, которая называется «Родословное тюркское древо» (стихи).

Ануша-хан (1663—1689 гг.)

Это был могущественный властелин, обладавший свойствами Джемшида. Во время его царствования туркмены были не в состоянии производить возмущения.[1]

О царствовании Эренг-хана[2]

70а . . . Однажды, когда хан (Эренг-хан) проезжал (около г. Хивы) по мосту через Бадархан-арык, его лошадь рванулась, хан упал и умер, разбивши себе голову. Один из приближенных (мехрем) остался около хана, а другой поехал с известием о смерти к его матери, Тохта-ханым, происходившей из дарганских туркмен. Та немедля взяла четырех лошадей и приехала к сыну. Тайно похоронив его, она направилась в Дарган и, скоро достигнув места своего назначения, остановилась в доме своего отца. У ее старшего брата был сын, как ростом, так и лицом чрезвычайно похожий на Эренг-хана. Он с детских лет и до достижения возмужалости находился вместе с ханом (стихи). Люди принимали его за Эренг-хана.

С тысячью туркменских всадников направился он в Хиву. Сановники (умара) Эренг-хана, не зная, что произошло с их ханом и где он находится, были в недоумении. В то время Эренг-хан ездил в Дарган, чтобы повидаться со своим тестем.

Увидев тысячу человек родичей туркмен и решив, что хан возвращается, вольможи вышли ему навстречу и впустили во дворец. Через месяц

---

[1] Других сведений о туркменах при описании царствования Ануша-хана в рукописи не встречается.

[2] Эренг-хан — сын Ануша-хана. Вступил на престол в 1689 г.

один из предков автора (этой книги), по имени Чин-бий из рода юз,[1] возвысившийся из среды прочих сановников, благодаря вниманию к нему со стороны Эренг-хана, Адина Мухаммед-аталыка[2] и Худай-кули-инака,[3] был послан послом в Исфаган к султану Хусейн-хану.

Через два месяца после этого события Адина Мухаммед-аталык, являвшийся (в это время) главной опорой государства, выехал на охоту.

Воспользовавшись тем, что этого сановника в городе нет, тот туркмен схватил семь знатнейших вельмож, во главе с Назар-инаком, найманом, и отправил некоторых из них в Мекку, некоторых в Бухару, а некоторых 71а
в Арал. Хорезмским государством овладели туркмены, которые стали притеснять узбеков. Через короткое время жестокость и несправедливость туркмен возросли до того, что повлекли за собой полное разорение трудового народа (фукара).

Осведомившись о происходящем, находившийся на охоте Адина Мухаммед-аталык направился в Арал с тем, чтобы набрать в той местности войска и прогнать туркмен. Когда он достиг укрепления Тук (Тук каласы), то услышал, что туркмены находятся на дороге, чтобы напасть на него и никого не пропускают. С аталыком, кроме сорока охотников (миршикар), никого не было. Вследствие этого он возвратился и направился в Бухару. Когда аталык добрался до (озера) Ходжа-кёль, здесь с ним встретился упомянутый выше Чин-бий с тремя стами узбекских семейств.

Произошло это таким образом, что когда Чин-бий-мираб возвращался из Исфагана, он при въезде на хивинскую территорию услышал о происходящих событиях. Скрываясь среди населения, он прибыл в Хазарасп и, послав тайно людей, перевез (к себе) свое семейство и переправился через Аму. Через короткое время к нему присоединились угнетаемые узбеки, сбежавшие от притеснений туркмен. Соединившись, все они направились

---

[1] Чин-бий, помимо своей принадлежности к узбекской родовой аристократии (бий), носил, так же, как и его потомки — Мунис и Агехи, звание м и р а б а, которое в качестве одного из важнейших придворных званий было установлено, как отмечалось уже выше, еще при Абулгази. С этим почетным званием ничего общего не имеют чины низшей водной администрации в Хиве и других среднеазиатских ханствах, хотя они также назывались мирабами. Из дальнейшего рассказа Муниса-Агехи видно, что мирабы — придворные, на ряду с другими ханскими приближенными участвовали в походах, занимая командные должности и т. д., но нигде не говорится о том, чтобы мирабы имели какое-либо отношение к водной администрации.

[2] По поводу звания а т а л ы к у различных тюркских народов см. Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВ АН, т. VII, Л., 1935, стр. 92, прим. 2. В Хиве звание аталыка впервые встречается в сочинении Абулгази при описании событий царствования Араб Мухаммед-хана. О значении термина аталык в Хиве в позднейшее время см. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. II, p. 42 (правитель города), также Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. 2, стр. 124—126, также Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, цит. соч., ч. II, стр. 26. Наблюдались случаи, когда звание аталыка в Хиве передавалось по наследству.

[3] Об инаках в Хиве см. Материалы по истории каракалпаков, цит. соч., стр. 92, прим. 2, а также Труды Восточн. отд. Русск. археолог. общ., ч. 8, СПб., 1864, стр. 423.

в Арал. После встречи с упомянутым аталыком они сочли за лучшее напра-
71б виться в Арал. Разгромив попавшихся на пути туркмен, они остановились в Арале.

66 Избрав здесь себе в ханы Джучи-султан-хана из потомков Хаджим-хана, они собрали войско из конгратов, мангытов, канглы, кыпчаков и ходжа-эли и направились против Хивы. Когда весть о них дошла до населения (фукара), население поднялось, убило хана и истребило множество туркмен. Оставшиеся в живых убежали и скитались в песках и пустынях, вследствие чего из ста спасся только один.

Что касается Тохта-ханым, то ее убили, привязав к лошади.

Шах Нияз-хан

72а Происходит от потомков Джучи-хана. Стал ханом в 1110 г. х. (1698 г.). Он был чрезвычайно храбрый и воинственный. Он ходил в поход на кызылбашей и возвратился оттуда с весьма богатой добычей. Туркмены при нем изъявили покорность и согласились платить харадж. Хан за время своего царствования установил мир с Бухарой, и население (райя) наслаждалось спокойствием.

Муса-хан

Этот хан являлся младшим братом Шах Нияз-хана. Вступив на престол, дал всенародное обещание оказать много благодеяний своим подданным. Приказал чеканить на свое имя монеты («тенге»). В его время все города и крепости Мерва, Астрабада и предгорий платили ему «джезие»[1] и харадж. Своим блеском и славой он превосходил всех прежних ханов. Через некоторое время хивинцы решили его убить. По этой причине он бежал в Мерв. Эвез-мехтер[2] убил его в Мерве, а голову доставил в Хиву.[3]

Ширгази-хан

73б [В главе о царствовании этого хана, между прочим, сообщается, что «все кызылбаши (иранцы) и туркмены, живущие от Мерва до Астрабада и Балкана, а также в предгорьях и на берегах Атрека и Гюргена, явились

---

[1] Джезие — подушная подать, платившаяся иноверцами правителям мусульманских государств. В данном случае речь идет, очевидно, о шиитах.

[2] Мехтер, как видно из предыдущего сообщения автора о реформе Абулгази (см. стр. 327), ранее носил звание везира. В позднейшее время мехтер на ряду с кушбеги является главнейшим сановником ханства. Мехтер ведал сбором податей в северной части ханства, в то время как южная часть находилась в ведении кушбеги. Подробнее об этом см. Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. 1, стр. 103—105; также Гиршфельд и Галкин, цит. соч., ч. II, стр. 21.

[3] Дополнение из рукописи Е 6 (лл. 34б—35а).

(к хану) с хараджем и подарками и были им обласканы». То же самое говорится в отношении мангышлакских и адакских туркмен.] 74а

В этом (1148 г. х. — 1735 г.) году хан отправил на Хорасан Джиян-векиля, йомута, с тремя тысячами туркмен. Они разделились на две части. Одна из них направилась в горную долину (джулга) Манд, а другая — на Алатаг и Балкан, являвшийся местожительством курдов (племени) чемшкезек.[1] Начальники этих мест вместе с кызылбашским войском вступили с ними (йомутами) в борьбу. С обеих сторон погибло много людей. Наконец, кызылбаши потерпели поражение, а газии (туркмены) с богатой добычей вернулись к хану.[2]

[Третье упоминание о туркменах (йомутах) встречается в связи с описанием борьбы между Ширгази-ханом и аральским ханом Шах Темиром.][3] 75б

Ильбарс-хан (1728—1740 гг.)

[В главе об Ильбарс-хане сообщается, между прочим, следующее:] Этот хан в месяце зуль-ка'да 1151 г. х. (февраль—март 1739 г.) направился с войсками из узбеков и туркмен на Хорасан. Когда хан прибыл в Теджен, из Индии, где находился в это время Надир, прибыл в Герат сын его Риза-кули-мирза.

Узнав о приходе (Ильбарс-хана), сын Надира спешно прибыл в Серахс, чтобы принять меры к отражению. Ильбарс-хан находился в это время в пяти фарсахах от Теджена. Разъезды той и другой стороны встретились. Газии (хивинцы) захватили в плен трех кызылбашей и доставили их (к хану). Получив от пленных сведения о шахзаде (Риза-кули-мирзе) и учтя невозможность выступить против него, (Ильбарс) направился в Амвад и осадил крепость Кахлан между Несой и Абивердом. Дело уже было близко к тому, что крепость будет вскоре взята. (Однако) правитель Кахлана, находившийся в это время в Абиверде, узнав (о приходе хивинцев), собрал войско и выступил против хана из Абиверда. Подумав, что на него идет войско шахзаде, Ильбарс снял осаду, разграбил окрестности крепости и ушел обратно (в Хиву).

[В последующем отмечается, что когда войска Надир-шаха достигли Тиве-боюна (13 ша'бана 1153 г. х.[4] — 3 ноября 1740 г.) | Ильбарс-хан выслал против них Мухаммед Али, ошака, с узбекскими и туркменскими войсками, которые нанесли Надиру поражение. В дальнейшем, между прочим, автор отмечает, что при уходе своем из Хивы Надир освободил 12 тысяч иранских рабов из округов Хорезма и 4 тысячи рабов из г. Хивы. Всех их он отвел в Хорасан и поселил в 4 фарсахах от Абиверда в Хива-абаде.[5]

---

[1] В рукописи چمشکزک

[2] Дополнение из рукописи E 6 (л. 38а).

[3] Относительно Шах Темира см. цит.выше «Материалы по истории каракалпаков», стр. 72 и сл.

[4] В тексте ошибочно 1152 г.

[5] Данные об Ильбарс-хане взяты из рукописи E 6 (лл. 38а—38б).

Абулгази-хан II [1]

79б Имя его Абуль-Мухаммед-султан. . . В 1156 г. х. (1743 г.), соответствующем году мыши, чоудоры Али-бай и Ораз-бай проявили враждебность и, склонив на свою сторону йомутов, настолько овладели страной «пяти городов» (Беш-кала),[2] что никто не смел показаться за пределы своего кургана (укрепления). Начался голод. Абулгази, по совету с Артук-инаком, направил в Иран одного из потомков Ярым-дивана,[3] Мухаммед Эмина-мехтера, который и доложил о случившемся шаху Надиру.

80а Шах для усмирения мятежных туркмен направил в Хорезм («Куббат-уль-ислам») главного сипахсалара, племянника своего Фатх Али-хана,[4] сына Ибрахим-хана, с 40 тысячами войска. К ним присоединил он Хураз-бека, вручив ему власть над этим государством (Хивой).

Это событие произошло в год коровы, в начале месяца джауза (май). Сипахсалар истребил туркмен, после чего он расположился лагерем

---

[1] После того как в середине 1741 г. хивинцами был убит наместник Надир-шаха в Хиве — Тахир, хивинский престол некоторое время занимал сын казахского хана Абул-хайра — Нур Али. После начавшихся новых беспорядков и обнаружившегося бессилия Нур Али-султана удержать за собою власть, Надир согласился посадить ханом в Хиве сына казненного им хана Ильбарса—Абулгази. На должность «главного везира» при Абулгази-хане был назначен Артук-инак из аральских узбеков рода мангыт, игравший важнейшую роль в ханстве после ухода Надира. Посадив Абулгази II на место Нур Али-хана, Артук-инак для укрепления своих связей при дворе Надира послал на службу к нему, в качестве нукеров, своего младшего брата Хураз-бека с 60 знатными узбеками. (Об этом см. «Надир-намэ», II, лл. 314б—315а, а также «Фирдаус-уль-икбаль», ркп. Е 6, л. 39а.)

[2] Беш-кала — «пять городов» (или «пять крепостей»)—обычное название Хорезма у авторов XVIII в., начиная с Беневени (посланника Петра I в Бухаре в 20-х годах XVIII в.), кажется, впервые упоминающего в литературе о «Хивинских пяти городках». См. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом А. Попова, СПб., 1853, стр. 135. Из персидских авторов XVIII в. термин «пять городов» для обозначения Хивы употребляют Мехди-хан и Мухаммед Казим при описании хивинских событий в эпоху Надира. В число «пяти городов», по Абдуль-Кериму Бухарскому (1818г.), входили следующие: Хазарасп, Ханках, Ургенч, Кят и Шахабад. См. Histoire de l'Asie Centrale, p. 91 — 92. Столица ханства — г. Хива в число «пяти городов» не входила. (Ср. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 96). Последнее подтверждается также Мунисом, который говорит о «подвластной Хиве стране пяти городов» («Фирдаус-уль-икбаль», С 571, л. 85а).

[3] Диван в качестве термина, обозначающего звание или должность, встречается в хивинской истории Муниса-Агехи неоднократно. Из слов Агехи в другом его сочинении («Гульшен-и-девлет», цит. ркп., л. 162а) видно, что на обязанности дивана лежал сбор налогов (в районе Кунграда). По словам Вамбери (Путешествие по Средней Азии, стр. 166), диван в Хиве — «род секретаря и вместе с тем счетчик». Из данных, относящихся к началу XX в., видно, что диванами в Хиве называли писцов, состоявших в ведении отдельных сановников. См. Гиршфельд и Галкин, цит. соч., ч. II, стр. 22. Должность дивана — сборщика налогов — встречается в Средней Азии в XVII в. в Бухаре. Лица, носившие звание диванов, упоминаются также в источниках XV — XVI вв.

[4] Мехди-хан и Мухаммед Казим (см. выше) называют его Али-кули-ханом.

в местности Сенгир, что находится на север от г. Хивы и к западу от Гендумкана.

Через шесть месяцев, а именно в конце месяца акраба (октябрь), сипах-салар, согласно приказанию шаха, возвратился (в Хорасан).[1]

[Далее рассказывается, что Абулгази II был убит Хураз-беком, мстившим за убийство своего брата (Артука).]

Шахгази-хан (сын Ганб-хана)

Рассказывается, что в конце царствования Шахгази-хана (ок. 1181 г. х.—1767 г.) йомуты и чоудоры овладели страной. В результате попыток сопротивления хан был свергнут с престола.

Нур Али-хан

Нур Али-хан был сыном Барак-султана, происходившего из казахских султанов.[2] В 1181 г. х. (1767/68 гг.) он стараниями Мухаммед Эмин-инака достиг ханской власти.

В том же году некоторые из сановников, настроенных враждебно по отношению к Мухаммед Эмин-инаку, начали против него борьбу. По этой причине инак отправился к йомутам, (но) через 18 дней был приведен оттуда Абд-ус-Саттар-баем. Враждебно настроенные сановники явились к нему во дворец с повинной.

В это время засилие йомутов переходило уже всякие границы, и их жестокость и притеснения до крайности отягощали население (фукара).

Вследствие этого Мухаммед Эмин-инак, Абд-ус-Саттар-бай и Абд-ур-Рахим-мехтер выступили против йомутов, но в битве при Араб-ханэ потерпели поражение. Преследуя их, йомуты остановились в Кара-тепе и стали готовиться к осаде.

Некоторые (из хивинцев) стали говорить о мире; когда вышли сановники (умара) и встретились с начальниками йомутов, они были схвачены, и в то же время йомуты, воспользовавшись тем, что городские жители преследуют теке и салыров, овладели городом.

Абд-ур-Рахим-мехтер и Абд-ус-Саттар-бай с пятью его близкими были преданы мученической смерти. Мескин-реис[3] был назначен везиром, а

---

[1] Подробное описание данного похода Али-кули-хана дается Мухаммед Казимом (см. стр. 176 и сл.), у которого события в Хиве этого периода описаны, повидимому, более точно.

[2] Барак-султан, сын Турсун-хана, один из видных султанов Средней Орды, убил в 1748 г. хана Абул-хайра. Умер Барак в 1750 г. в Карнаке около г. Туркестана. См. В. Н. Витевский. Неплюев и Оренбургский край, Казань, 1895, вып. IV, стр. 715—722.

[3] Реис — блюститель нравов во всех среднеазиатских ханствах в XIX в. Должность, соответствующая средневековому мухтесибу.

Мухаммед Эмин-инак был освобожден из-под стражи и сделан аталыком. Инаком на его место был назначен аральский хаким Хан Гельды-бий.[1]

Йомуты с помощью аральцев покорили Кунград, (после чего) власть оказалась в их руках.

Хан Гельды-инак при помощи Девлет-яра, сына Эш Мурада, конграта,[2] убил Мескин-мехтера, а везирство поручил Абд-ур-Рахим-мехтеру. В этом году вернулись четыре тысячи человек, ходивших на помощь Ахмед-шаху.[3]

В том же году, в середине месяца мизан'а (сентябрь) Нияз-парваначи, после убийства Мескин-мехтера опасавшийся йомутов, пришел в Хазараспп. Его стараниями Мухаммед Эмин-инак, находившийся во вражде с йомутами, отправил своего младшего брата Адиль-бека с просьбой о помощи к Нур Али-хану, сыну Абул-хайр-хана, который в это время являлся могущественнейшим государем на всем пространстве Дашт-и-кыпчака. Хан Гельды, предавшись бегству, отправился в Кунград, где долгое время боролся с Мухаммедом Назар-бием и был им убит. Нияз-парваначи собрал войско между Хазараспом и Ургенчем и остановился в Шате.

85а После прихода Нур Али-хана, Мухаммед Эмин-инак долго сражался с чоудорами и йомутами в Шах-абаде.[4] Выбив чоудоров с их территории (юрт), он в Шате соединился с парваначи. После этого он достиг могущества.

В это время с йомутами происходили такие сражения, каких никто не наблюдал со времени Рустема и Исфендияра. Жители Ургенча передали свой город йомутам. Вследствие этого войско Мухаммед Эмин-инака и Нияз-парваначи рассеялось. Мухаммед Эмин-инак ушел в Бухару, а йомуты, завладевши Хивой, свергли Нур Али-хана.

Джехангир-хан (сын Ганб-хана)[5]

85а После того, как Мухаммед Эмин-инак ушел в Бухару, йомуты овладели страной Беш-кала («Пять городов») и, приведя (Джехангира), сделали его ханом в Хиве. При нем в стране Беш-кала наступил такой голод, что ели собак и кошек, а детей продавали казахам. За этим в Хиве появилась чума.

---

[1] По поводу термина б и й у узбеков и некоторых других тюркских народов см. цит. работу автора в Материалах по истории каракалпаков, стр. 53. В Хиве звание бия нередко присваивалось в силу ханского пожалования. Ср. «Гульшен-и-девлет», цит. ркп., л. 215б.

[2] В такой форме изображаем мы название тюркского (в данном случае — узбекского) племени конграт (قنغرات), чтобы отличить его от города Кунграда, за которым сохраняем его традиционное начертание. В действительности мы в обоих случаях имеем дело с одним и тем же словом, так как город Кунград назван по имени основавшего его племени конграт.

[3] Очевидно, имеется в виду Ахмед-шах из дома дуррани, основатель современного Афганского государства (1747—1773); о нем см. выше, стр. 209, прим. 2.

[4] Приписка на полях.

[5] Имя отца в ркп. Е 6, л. 41.

По этой причине большинство узбеков и сартов[1] разбежались в Арал и Бухару. А йомуты (все) расхищали и продавали казахам. Подвластная Хиве страна Беш-кала («Пять городов») пришла в разрушение. В Хиве, кроме сорока бедных семейств, никто не жил. Пятничная молитва большей частью совершалась в присутствии трех-четырех человек.

Внутри города стал цвести тамариск (сёксёк), а в разрушившихся домах поселились дикие животные. Все пахотные земли, а также селения и озера превратились в густые поросли камыша и леса.

После того как туркмены были истреблены, а управление Хорезмским государством было передано Мухаммед Эмин-инаку, последний низложил хана (Джехангира) и отослал его к отцу. Всего царствовал (Джехангир) один год. После этого счастье Мухаммед Эмин-инака стало возрастать, и слава его увеличивалась с каждым днем.[2]

О том, как йомуты в первый раз завладели государством и предали смерти Абд-ур-Рахим-мехтера с его младшим братом Абд-ус-Саттар-баем и родственниками и как Мухаммед Эмин сделался аталыком, а Хан Гельды был назначен на его место

В 1178 г. х. (1764/65 г.) Мухаммед Эмин привел мехтера, под предлогом угощения, в дом Абд-ур-рахим-арбаба,[3] сына Ярым-дивана, тестя мехтера, и убил его. После этого он приобрел должность везира. Являясь самовластным правителем государства, он допустил (в Хиву) йомутов и чоудоров, являвшихся его доброжелателями. *1056*

По этой причине произошли многие возмущения. Йомуты взяли верх. Мескин-реис, с сочувствующей ему партией (фирка) и своими братьями, ушел, как об этом было уже сказано раньше. В это время влияние Мухаммед Эмин-инака было несколько понижено враждебными ему сановниками, из которых некоторые стремились его погубить. Мухаммед Эмин-инак, хотя и не был вполне беспомощным и слабым, однако, соблюдая осторож-

[1] Так в Хивинском ханстве называлась часть населения от Нового Ургенча до Хазараспа, являвшаяся отуреченными потомками иранцев-хорезмийцев.

[2] В приведенном отрывке (стр. 335—337) автором кратко и не вполне последовательно излагаются события, подробно описываемые в следующих главах сочинения. Ниже приводятся эти главы почти полностью. Мухаммед Эмин-инак в дальнейшем повествовании нашего автора занимает весьма видное место, что связано не только с выдающейся ролью этого лица во всех происходящих событиях, но также тем обстоятельством, что Мухаммед Эмин-инак является родоначальником хивинской династии, правившей в Хиве до 1920 г.

[3] Термин а р б а б в разных районах Ср. Азии имел различное значение (сельский староста, представитель водной администрации, старшина и пр.). Ср. Материалы по истории каракалпаков, стр. 34, пр. 1. Из слов Абулгази (texte, 232) видно, что в Хиве в XVI в. арбабами назывались правители городов. Из другого места сочинения Мунис (ркп. Е 6, л. 38б) видно, что лицо, руководившее защитой г. Хивы при осаде (и взятии) ее Надир-шахом в 1740 г., также носило титул арбаба. Звание арбабов носили в Хиве также некоторые из туркмен (см. «Фирдаус-уль-икбаль», С 571, л. 509а).

ность, уехал к йомутам и остановился в доме Менгли Гельды. Через восемнадцать дней Абд-ус-Саттар-бай, являвшийся старинным приверженцем и искренним другом Мухаммеда Эмина, поехал вслед за ним и привез его от йомутов. Через короткое время для защиты от насилий йомутов он (Мухаммед Эмин) привел объединенное войско теке и салыров. В то время большинство йомутов располагалось на Янги-арыке. Мухаммед Эмин-инак, Абд-ур-Рахим-мехтер и Абд-ус-Саттар-бай с войсками Хивы, теке и салыров выступили против йомутов. Остановившись в солончаках (шористан) около Араб-ханэ, называемых также Мизан'ом, они в течение двух месяцев сражались с необычайным упорством. Аральские хакимы, Хан Гельды-бий и Мухаммед Назар-бий пришли со своим войском и присоединились к йомутам. Правитель (вали) Хазараспа, Нияз-парваначи, проявляя свою тайную вражду, начал посылать йомутам сочувственные письма. Раскрыв тайным образом этот секрет, Абд-ур-Рахим-мехтер назначил для охраны Хазараспа кыпчака Рахим-берды-аталыка и назначил человека для того, чтобы тот убил парваначи.

Узнав об этих планах мехтера, Мескин-реис, являвшийся другом парваначи, ушел с поля сражения с войсками из Хазараспа и присоединился к йомутам. Получив поддержку от последних, он с большой поспешностью направился в Хазарасп и прибыл туда раньше Рахим-берды-аталыка. Тот, испугавшись, должен был возвратиться, не достигнув своей цели. Младший брат парваначи Султан-бек назначил из числа достойных людей человека для начальствования над крепостью Хазараспа и для ее защиты и пришел затем к йомутскому войску. Это вызвало разногласия среди начальствующих лиц. Хивинское войско рассеялось и вошло в г. Хиву. Хан Гельды-бий, Нияз-парваначи и йомутские предводители, идя со своим многочисленным войском вслед за убегающими, остановились в местности Кара-тепе и послали отряды для грабежа в окрестностях Хивы.

Мухаммед Эмин-инак и Абд-ур-Рахим-мехтер, совместно с теке, салырами и хивинскими войсками, в течение пяти дней оборонялись и сражались, делая вылазки, так что мятежникам при всем их старании ничего сделать не удавалось, поэтому они заговорили о мире и прислали парламентера. Мухаммед Эмин-инак и Абд-ур-Рахим-мехтер, побуждаемые некоторыми из сановников, согласны были помириться и, оставив Абд-ус-Саттар-бая в крепости (кала), вышли из нее и остановились около мечети Эш Назар-суфи, между Кара-тепе и Инкарек'ом. Предводители йомутов, придя
107a со своей стороны якобы для приветствий и переговоров, схватили их и заключили под стражу.

На следующий день жители города произвели вылазку, выпустив из крепости войско теке и салыров. Войска йомутов преследовали (их) до Орта-кую с таким ожесточением, что большая часть теке и салыров была перебита.

Абд-ус-Саттар-бай, забрав своих родственников, вышел с теке и салырами из крепости, чтобы уйти в Бухару, и остановился в доме Суюнич-бая

в Кара Мазу. Услышав об этом, йомуты послали туда людей, которые схватили Абд-ус-Саттар-бая вместе с его сыном Абдул-кадыр-баем. Приведя их к себе, йомуты убили их вместе с Абд-ур-Рахимом и пятью родственниками.

Аббас-аталык и Вейс-бай, которые во время раскола в войске ушли из лагеря, направились к уйгурам и засели там в крепости. Йомут Кахир-кули-сердар отправился к уйгурам с двумястами человек. Люди (джамаа) инака схватили их (т. е. Аббаса и Вейса) и передали Кахир-кули, который привез обоих в Хиву и там убил. Решили убить также Мухаммед Эмин-инака. Хан Гельды-бий, Мухаммед Назар-бий и Менгли Гельды Сакау, не соглашаясь на это, взяли его под свою защиту. Благодаря заступничеству некоторых вельмож (акабир), другие сановники (умара) также были освобождены из-под стражи. Назар-аталык был отстранен от должности, а Мухаммед Эмина назначили аталыком на его место. Хан Гельды-бия назначили *1076* на должность инака, а Мухаммед Назар-бию вручили управление Аралом и вместе с аральскими войсками возвратили его в свою страну.

После этого страной (юрт) стали распоряжаться Хан Гельды и йомуты, которые государственное управление и связанные с этим главные права передали Мескин-реису, а сами среди бела дня стали заниматься грабежом, отнимая имущество у населения. [Следуют стихи, описывающие наступившее бедствие.]

О том, как Мухаммед Эмин выступил против йомутов и привел Эр Али-хана, как йомуты вторично овладели Хорезмом, а инак ушел в Бухару и о событиях, какие произошли в это время

[Выразив свое мнение о том, что из туркменских племен в Хорезме *1076* «главными виновниками всевозможных возмущений» являлись йомуты и чоудоры, автор продолжает:]

Во главе власти они поставили Хан Гельды-инака, который являлся приверженцем и доброжелателем этого (туркменского) племени, а с прочими сановниками, начиная с Мухаммед Эмина, они не считались и даже относились к ним с презрением. Сами же в это время начали грабить народ, похищая его имущество и женщин и всячески его оскорбляя.

В 1182 г. х. (1768/69 г.), в год мыши, когда прошло пять месяцев после убийства Абд-ур-Рахим-мехтера, они (туркмены), в конце месяца мизана (сентябрь 1768 г.), убили Мескин-мехтера, поручив это (убийство) Девлетяру, сыну Эш Мурада, конграту, и Джандалу, из рода ошак. Вследствие этого большинство сановников стали опасаться, в том числе и Нияз-парваначи, который, уйдя в Хазарасп, поднял там знамя возмущения.

Мухаммед Эмин-инак, в силу изречения: «Аллах любит многотерпеливых», терпел и выносил, выжидая более благоприятного времени.

Выждав удобный момент и объединившись на почве вражды к туркменам с большинством сановников, он занял (Хивинскую) крепость. Хан

Гельды-инак с большим трудом сумел уйти из крепости и отправился в Арал. Он вошел в Кунград. Мухаммед Назар-бий бежал из Кунграда в Мангыт, после чего начались военные действия, продолжавшиеся два с половиной года. В конце концов победил Мухаммед Назар-бий, который схватил Хан Гельды и предал его смерти, а сам сделался полновластным хакимом Аральского владения... Нияз-парваначи, согласно приказу Мухаммед Эмина, собрал военные силы Хазараспа, Беш-арыка, Ханкаха и Ургенча и расположился в Шате. В течение года, пока он не соединился с Мухаммед Эмином, он имел пятьдесят три сражения с войсками йомутов. В этой войне обе стороны понесли большие потери в людях. В числе убитых со стороны парваначи был Мухаммед Зия ургенчский.

Мухаммед Эмин-инак послал своих людей к теке и салырам, а Адильбек был послан к казахскому падишаху Эр Али-хану, сыну Абул-хайр-хана. Из теке и салыров пришли тысяча человек, которые были посланы инаком (в помощь) парваначи. Со стороны казахов пришли Эр Али-хан, Бармак-бий и Айчувак-тёре с полутора тысячью храбрецов-джигитов и остановились в Шах-абаде, на границе Кянчик'а. Стоянки чоудоров были в Амбаре и Манаке, а в Муз-кумгане находились йомуты, которые занимали Чагатай-курган.

109а После того как прибыл Эр Али-хан, Мухаммед Эмин-инак направился с хивинскими войсками в Шах-абад и там соединился с ханом. После этого он разослал людей в Гурлен, Везир и Баглан для доставки оттуда войск. Затем к инаку присоединились: Курбантай-бий, из каракалпаков рода хытай, Аман-кули-бий, из кенегесов, Эсен Гельды-мехрем и Гаиб-бехадыр, конграты, с пятьюстами человек, а также младший брат Назар Мухаммед-бия аральского, Сейид Назар-бек, конграт, и Муртаза-ходжа с многочисленным войском. [Следуют стихи, воспевающие высокое качество войска.]

Вступая в борьбу с войсками чоудоров и йомутов, Мухаммед Эмин-инак обычно одерживал верх, за исключением двух случаев, когда он был разбит, а войска его обратились в бегство. Через месяц аральские войска, сговорившись с неприятелем, разрушили укрепление (сенгир) и возвратились в Арал. По этой причине Бармак-бий и большинство казахов, опасаясь как каракалпакского, так и хивинского войска, ушли на свои стоянки. После этого остались только немногочисленные силы хивинских войск и казахов Эр Али-хана.

Календер-кушбеги внес раздор в оставшуюся часть войска и намеревался уйти к йомутам. Его заключили под стражу. После этого (войска) ушли из Кянчика и устроили себе укрепление (сенгир) у ворот Шах-абада.

В это время Мухаммед Эмин инак заболел, «враги государства» почувствовали силу, а хивинские войска были не в состоянии выходить из своих окопов (хандак). Так продолжалось до конца месяца саратана (июнь 1768 г.) (стихи).

Однажды храбрецы, спешившись и переправившись через Шахабадский арык, смело и решительно бросились на неприятельские ряды. Войска

противника обратились в бегство. Они с большим трудом смогли захватить с собой Менгли Гельды Сакау, который упал с лошади и жадно стремился присоединиться к своей шайке. После этого случая противник уже не был в состоянии попрежнему смело сражаться.

В это время сорок джигитов, из которых каждый по своей храбрости в бою мог сравняться с Рустемом и Исфендияром, во главе с Шах Ниязбеком и Кара-бехадыром, занимающими сейчас важные должности, а также салырами Анна-берды и Ат Кыраком, произвели сокрушительный набег *110а* на йомутов и чоудоров и нанесли им поражение. Разграбив их имущество и скот, они доставили все это в укрепление (сенгир).

Выехав в окрестности, они собрали сведения о селениях и областях Беш-кала («Пять городов»). Встретив во время своих разъездов отряды неприятеля, они подвергали их уничтожению. Так продолжалось до тех пор, пока, в конце месяца асада (июль), не была взята крепость Чагатай-курган и не была одержана победа над врагами государства. В это время пришло известие о рождении высокого принца (эмирзаде) Кутлуг Мурад-инака. Мухаммед Эмин-инак и принц Эвез-бек, получив эту радостную весть, щедро наградили доставившего ее.[1]

В конце концов Мухаммед Эмин-инак начал постепенно одолевать вра- *110б* гов государства, которым счастье отказалось уже сопутствовать. Почувствовав свою слабость, туркмены вынуждены были пойти на примирение, после чего они направились на Мангышлак.

Йомуты, уйдя с Янги-арыка и Астане, остановились около Хивы. Мухаммед Эмин-инак и Нияз-парваначи выступили из Пер Наухоста[2] на Кахраман. В этот промежуток времени происходили с неприятелем такие бои, каких не бывало со времени Рустема и Афрасиаба. К числу таких относится сражение у Наухоста. Сначала взяли верх враги, которые окружили казахское войско и начали его избивать. Некоторые из (хивинских) храбрецов, увидев это, бросились на «врагов государства» и, произведя среди них полное замешательство, многих из них истребили.

Победоносное (хивинское) воинство одерживало с каждым днем победы, а враги уже были близки к полному поражению.

---

[1] Речь идет о рождении Кутлуг Мурада, сына Эвеза, правившего Хивой после смерти отца своего Мухаммеда Эмина. Впоследствии Кутлуг Мурад носил титул инака и играл весьма видную роль во время царствования своего брата Мухаммеда Рахима, как это будет видно из дальнейшего изложения. Некоторые сведения о Кутлуг Мураде сообщает Н. Муравьев (цит. соч., ч. II, стр. 40—42, 55—56). Попутно следует отметить, что собственное имя Эвез некоторыми ориенталистами (В. В. Бартольд, Ch. Schefer) писалось в форме Аваз, а также Иваз (Ivas).

[2] В тексте پرنوخو است в рукоп. E 6, л. 53б, просто نوخو است. В делах архива хивинских ханов то же название встречается в форме پرنوخاص. Один из путешественников первой четверти XIX в. упоминает о селении Pernachos, по своему местоположению вполне соответствующему рассматриваемому пункту. См. Beiträge etc., II, p. 10, 23. На десятиверстной карте 1905 г. показано сел. Наухас, километрах в 8 к югу от г. Ханкаха (Ханки).

В это время Мухаммед Са'ид-бай, управляющий Ургенчским вилайетом и имевший значительный успех в борьбе с йомутами, отправился, по указанию Мухаммед Эмин-инака, в Бухару. Младший его брат Абд-ур-Рахман-бай ургенчский был приближенным инака. Абд-ур-Рахим-арбаб ургенчский и Сейид-кули-бай, являвшиеся отъявленными негодяями и подлецами, увидев, что Ургенч не занят, допустили низкое дело: ввели йомутов в Ургенчскую крепость. После этого они вышли из повиновения и предались возмущению и мятежу. По мере того как распространялась весть об этом возмущении, оно все больше и больше расширялось (стихи).

Это событие произошло вечером в начале апреля (1769 г.), что соответствует середине месяца зуль-хиджа. Большинство сподвижников Мухаммед Саид-бая и Абд-ур-Рахман-бая покинуло его и прибыло к Мухаммед Эмину.

Получив сведения об этом происшествии, Мухаммед Эмин-инак, Эр Али-хан и (Нияз-) парваначи на заре выступили против Ургенча. Доехав до моста Чандур-кабат, который находится на Шах-абадском арыке, они остановились. Около южных ворот Ургенчской крепости находилось пять—шесть конных йомутов под начальством Алла-берды-бека. Один отряд джигитов (Мухаммед Эмина) произвел на них нападение. Когда джигиты были уже против неприятеля, то оказалось, что они не склонны сражаться.
111б Войско теке, салыров, казахов и (кара-) калпаков[1] было дезорганизовано.

Поняв это, Мухаммед Эмин-инак возвратил выехавших на поле сражения джигитов и сказал: «Не отлучайтесь от меня, так как я (теперь) действия людей рассматриваю по другому».

В это время теке и салыры вышли из строя и, проследовав через Исмаил-ата, направились в свои края. Возглавляемые Эр Али-ханом казахи, каракалпаки и войска из окрестных районов, расстроившись, рассеялись все по своим местам (стихи).

Увидев происшедшее, Мухаммед Эмин-инак и (Нияз-) парваначи, направились в Ханках и остановились у мазара святого Сейид-ата.

[Далее следует подробный рассказ о путешествии Мухаммед Эмин-инака в Бухару к Даниял-аталыку[2] с просьбой об оказании помощи против
111б врагов государства.]

[С конца листа 113а начинается рассказ о том, как Худай-берды-бай
113а и Мухаммед Эмин-ака из народа (халк) чагатай, поставленные ранее Мухаммед Эмин-инаком для охраны г. Хивы против йомутов, после отъезда инака в Бухару, в начале месяца мухаррема 1184 г. х. (конец апреля 1770 г.), с согласия некоторых «невежд» и «черни» сдали столицу йомутам. В тот же день йомутами были убиты Назар-аталык, Абд-уд-Джаббар-бек и Анна-
113б бердыбек, сын Мурада-кушбеги].

Кыят Таджи-бий, который бежал из Ургенча в ночь, когда йомуты взяли город, и прибыл в лагерь Мухаммед Эмин-инака, был затем, по при-

---

[1] Хивинские историки часто пишут вместо «каракалпаки» просто «калпаки.

[2] Второй представитель мангытской династии (1756—1785 гг.).

казанию инака, направлен в Хиву. Теперь (с приходом туркмен) вместе с Кутлуг Мухаммед-инаком и Мавлям-берды, одейчи,[1] они бежали из города, направились в Хазарасп и прибыли к инаку в Бухару. Эш Мурад-мираб, из рода нукуз, бежал в Гурлен, а Абд-ур-Рахим-мехтер, сын Пехлеван-кули-бая-токаула,[2] скрываясь, нашел спасение в доме Халь Нияза-онбеги. Его опекали и снабжали пищей Искандер-бий и Кочкар-бек.[3]

Большинство жителей разбежалось и рассеялось в Ханкахе, Хазараспе, Бухаре и Арале. Овладев Хивой, йомуты свергли Булякай-хана, посадив на его место Джехангир-султана, сына Гаиб-хана.[4] В качестве правителей они поставили тех сановников из узбеков, которые проявляли себя к ним доброжелательно. К числу таковых относились: из конгратов — младший брат Ходжа-кули-инака — Алла-кули, назначенный ими инаком, и Кара Каляндар, которого они назначили на должность кушбеги; из уйгуров — Эш Пулад-аталык, который проявил свою покорность и был оставлен на старой должности; из найманов — Таш Пулад достиг должности инака и Максуд-аталык был оставлен в своей должности; Абд-ур-Рахман-арбаб получил достойную должность везира; Сейид-кули-беку было передано управление Ургенчем (стихи).

Через несколько дней правители Гурлена, во главе с Эш Назар-мирабом, подчиняясь необходимости, должны были смириться перед врагами государства (туркменами) и подчиниться им.

Кучук-бек, сын Мухаммед-инака, со своей семьей выехал в Бухару и прибыл в распоряжение (Мухаммед Эмина).

---

[1] В дальнейшем этот титул встречается также в форме о й д е ч и. Одейчи, в форме о д а ч и, в качестве придворной должности, встречается у узбекских ханов в XVII—XVIII столетиях. (См. Сборник в честь семидесятилетия Потанина, СПб., 1910, стр. 304—306). Этот же титул, в форме у д а й ч и, существовал в XIX в. в Бухаре (См. Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 186—187), а также в Кокандском ханстве (см. Военный сборник, т. 68, отд. I, стр. 103).

[2] Это же звание (т о т к а у л) существовало и в Золотой орде. См. Труды Восточн. отдел. Русск. археол. общ., ч. 8, стр. 441.

[3] О значении термина б е к у различных тюркских народов см. И. Березин, Шейбаниада, стр. 71—72. В Хиве титул беков носили также родственники хана, напр. его братья. Звание беков встречается также у туркмен (см. ниже). Остается неизвестным — получали ли туркменские предводители этот титул в силу пожалования хивинских ханов, или он существовал у них вообще.

[4] Так же в ркп. Е 6, л. 55а. В том же своем сочинении, несколько ниже (ркп. Е 6, л. 41б) Мунис сообщает, что йомутами был посажен Джехангир-хан, сын Гаиб-хана, в затем через год, когда возвратился из Бухары Мухаммед Эмин, последний отослал Джехангира к его отцу, а на хивинский престол посадил Булякай-хана, сына Нур Али-хана, сына Абул-хайр-хана казахского. Через месяц Булякай-хан был также свергнут Мухаммед Эмином с хивинского престола и «отослан к отцу». Булякай-хан «долгое время» был ханом среди казахов, живших на берегах Сыра, а также среди каракалпаков, занимавших район Янги-дарьи. Умер он при Мухаммед Рахим-хане в 1223 г. х. — 1808 г.

На место свергнутого Булякай-хана Мухаммед Эмин-инак в 1184 г. х. посадил Акым-хана, сына Адиль-султана и внука Абул-хайр-хана (л. 42а).

После этого враги завладели Хазараспом, Ханкахом, Аралом и всеми
114а (прочими) областями Хорезма, вследствие чего население не располагало ни жизнью своей, ни имуществом. Жестокость и насилия йомутов вышли за пределы всяких границ, передвижение из одного города (кала) в другой сделалось совершенно невозможным (стихи).

Вследствие этого в Хорезме (1770 г.) распространились голод и дороговизна, холера и чума. Представители знатных сословий государства
114б (мсариф вэ мешахир) и даже трудовой народ (фукара вэ райя), квартал за кварталом, род за родом, стали эмигрировать, рассеиваясь по всем странам мира, и особенно в Бухаре, спасая себя от бедствий голода. Те, которые были не в состоянии бежать, продавали своих детей казахам и (кара-) калпакам, обеспечивая этим себе средства к существованию. Йомуты также начали похищать (детей) и продавать их.

Большинство городов и селений пришло в запустение. Селения (кент) и пашни покрылись зарослями ч и н г и л я и колючки. Высокие здания столичного города Хивы разрушились и на месте их зазеленел гребенщик и сорные травы. Люди попали в зависимость от диких зверей. Таким образом в благоустроенном городе осталось только 40 бедных семейств. От некоторых людей я слышал, что даже не больше пятнадцати дворов. На пятничной молитве присутствовало три-четыре человека.

Враги располагались в окрестностях города (Хивы).

Голод усилился настолько, что вследствие его невыносимости народу было разрешено[1] (употреблять в пищу) мясо собак и ослов. В некоторых местах занимались также людоедством. Рассказывают, что в деревне (карье) Джаник-шейх в одном заброшенном доме поселились вместе пять женщин, которые похищали у населения детей и поедали их, — более того, если они встречали кого-либо из взрослых наедине, то также одолевали его и употребляли в пищу. Когда об этом услышали, то женщин тех убили.

Еще одним лицом рассказывается, что он, присоединившись к (группе) из двадцати человек, бежавших от притеснений йомутов, направился с ними в Бухару: «В Базаргане, — передает он, — мы увидели четырех человек, которые сидели у огня и ели „кебаб“. Увидев нас, они побежали и исчезли в зарослях.

15а «Когда мы осмотрелись, то оказалось, что (сидевшие люди) убили человека и из его мяса сделали „кебаб“. Сложив вместе оставшиеся отдельные части (тела) этого несчастного, мы совершили над ним «дженазе» и похоронили его».

Еще рассказывается, что в деревне (карье) Гульбан-баг у некоего Назар Мухаммеда-суфи был необычайно красивый мальчик. Вдруг мальчик исчез. Сколько мать его ни разыскивала, найти не могла. По соседству с Назар Мухаммедом жила одна женщина. С отчаянием мать зашла к этой соседке и увидела, что та варит суп (шорбэ). Когда мать, заподозрив соседку, произ-

[1] Собственно — «сделано дозволенным» (халяль).

вела розыск, то оказалось, что та, содрав с ее сына кожу, варит его. Эту женщину убили камнями.

В 1216 г. х. (1801 г.) умер мулла Эш Назар, который был чрезвычайно остроумным человеком и отличался веселостью нрава. Он большую часть (этого) времени занимался тем, что резал ослов и продавал йомутам пирожки, приготовленные из мяса этих животных. За это прозвали его «Эшэк сойган» («ослорез»). [Следуют стихи, описывающие ужасы голода.]

После того, как была снята пшеница, бедствие несколько смягчилось.

О том, как Мухаммед Эмин-инак, не получив поддержки от эмира Даньяла, возвратился в Хорезм и как он одолел врагов государства и подчинил Хорезмское государство своей власти

Передают, что Даньял, мангыт, по злобности своей натуры, не только *115а* не способствовал улучшению положения Мухаммед Эмин-инака, но даже старался оскорбить его и унизить (стихи). Сначала он обещал ему помочь, но затем не выполнил своего обещания. Происходило это таким образом, что однажды (Даньял) прислал к Мухаммед Эмин-инаку человека, передавая, что ему нужно сорок тысяч золотых динаров[1] для того, чтобы снарядить надежное войско. Мухаммед Эмин-инак был не в состоянии собрать указанную сумму. Мухаммед Са'ид противился этому делу, однако взял эту сумму заимообразно у своего дяди муллы Эр Назара бухарского и, положив деньги на четыре золотых блюда, предоставил их (инаку). Имам-кули-бий, находившийся в весьма дружественном расположении к инаку, стал препятствовать пересылке золота эмиру Даньялу, так как этот скаредный и неблагородный человек был вполне способен взять эти деньги себе и не оказать помощи. Вследствие этого золото не было передано (Даньялу) (стихи).

С каждого несчастного, который, спасаясь от притеснений йомутов и бедствий голода, бежал со своей семьей из Хорезма в Бухару (бухарские власти) с жестокостью и насилием взимали по одному эшрефи[2] налога, под видом пошлины (бадж), не считаясь с тем, был ли это мужчина, женщина, ребенок или старый, дряхлый человек (стихи). *116а*

Через некоторое время «врагами государства» было отправлено в Бухару посольство, в состав которого входили: йомуты Менгли Гельды Сакау, Дунмас-сердар и Нияз Клыч-бек, а из узбеков, конграт Эльтузер, уйгур Эльчи-инак, найман Бек Пулад-суфи и другие. Дорогой Менгли Гельды умер. (Его спутники), захватив его тело, поехали дальше.

На зло Мухаммед Эмин-инаку, эмир Даньял выражал свое довольство по случаю прибытия (посольства) и оказывал ему всяческий почет и уважение.

---

[1] Речь идет очевидно о так наз. тилля (ок. 3 р. 60 коп.).

[2] То же самое. Ср. Тр. Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. 4, стр. 404—415.

Устраивая в своем дворце и царской палатке в местности Чузман прием, Даньял приглашал на него и Мухаммед Эмин-инака и, посадив его на место против послов, затевал прения и диспуты, в которых сам он также поддерживал послов. Имам-кули-бий и Бек Пулад-бек, поддерживавшие сторону инака, приводили настолько твердые доказательства и убедительные аргументы, что сумели показать свое преимущество и превосходство.

Когда окончательно выяснилась безнадежность достижения (Мухаммед Эмин-инаком) своей цели через эмира Даньяла, тогда обнаружилась (между ними) вражда и противодействие.[1]

В конце августа (Мухаммед Эмин-инак), собрав подходящих людей из Хорезма и прекратив дальнейшую вражду, решительно приступил к достижению своей цели (стихи).

1166 Собранного войска было всего триста человек. Когда он (Мухаммед Эмин) направлялся из г. Бухары, чтобы возвратиться в Хорезм и достиг сарая Таш-пешгахи, то Дунмас-сердар, который с несколькими йомутами сидел у дверей названного сарая, с угрозой и порицанием сказал ему: «О, инак, если ты идешь с этим войском в свою землю (юрт), что помешает йомутам выступить против тебя. (Но) как только ты придешь и завоюешь это государство, ты из него изгонишь йомутов. Если мои близкие люди и моя семья попадутся тебе в руки, будь к ним внимателен». Мухаммед Эмин-инак с полной доброжелательностью и чистосердечием ответил, что, если будет угодно богу, он проявит к ним свое внимание. Слова Дунмаса исполнились: его семья и близкие попали в плен. Мухаммед Эмин-инак, соблюдая свое обещание, отправил к Дунмасу его семью в то время, когда тот возвратился из Бухары и присоединился к своему племени.

Вскоре после этого события Мухаммед Эмин-инак пришел из Бухары и завоевал Хорезм. Государство было приведено в порядок, а население (фукара) стало жить спокойно (стихи).

В год барса, в конце месяца джумади I (21 сентября 1770 г.), инак прибыл в Хазарасп. Еще перед этим Эш Назар (из племени) нукуз, по согласию с правителями (акабир) Гурлена, убил своего соплеменника

---

[1] Как данное сообщение нашего историка, так и дальнейший его рассказ (см. ниже) о враждебных отношениях между Мухаммед Эмином и Даньялом находятся в полном противоречии с утверждением В. В. Бартольда о том, что Мухаммед Эмин-инак получил помощь от Даньяла и что между обоими этими лицами до конца жизни Даньяла существововали дружественные отношения. См. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Изд. Акад. Наук, Л., 1927, стр. 111. Повидимому в данном случае В. В. Бартольд основывался на менее достоверном, чем свидетельство Муниса, сообщении бухарского автора Абдуль-Керима, у которого по этому вопросу говорится буквально следующее: «Во время Даньял-бия он (Мухаммед-Эмин) пришел в Бухару. Даньял-бий оказал ему помощь. Отправившись (в Хиву) он овладел своим государством. Пока был жив Даньял, Мухаммед Эмин оказывал ему уважение, и они жили в спокойствии и мире друг с другом. См. Histoire de l'Asie Centrale etc. p. 79.

Клыч-наиба,[1] который из честолюбия был приверженцем йомутов и тем самым избавил Гурлен от йомутского деспотизма. Ободренный этим радостным известием Нияз-парваначи послал Кутлуг Мурада-хаджи с небольшой горсточкой людей в Ханака для завоевания Ургенча. *117б*

В ту ночь, когда Мухаммед Эмин-инак прибыл в Хазарасп, он присоединил к Кутлуг Мураду-хаджи также Эш Нияз-бая, Нияз-ходжу и Кырган, калмака с сорока джигитами, которых он отправил в двух лодках по Шахабадскому арыку против Ургенча. Да будет известно, что Нияз-ходжа является одним из потомков Сейид-ата и младшим братом Абдаль-ходжи мутевелли.[2] Он был необычайно храбрым человеком (настолько, что) с сорока удальцами-джигитами из Хивы и Ханках, после ухода Мухаммед Эмин-инака в Бухару, он своими ночными атаками и дневными нападениями вносил полное смятение и растерянность (в ряды) врагов государства (йомутов) (стихи). После того, как йомуты заняли Хиву, он пришел в Ханака *118а* и здесь набрал себе сорок человек из тех, кто прятался в лесах. Пользуясь покровом ночи, они стремительно набрасывались на йомутов и их семейства, рубя им головы и предавая грабежу их домашних.

Сделанного ими (слишком) много. Если я буду писать об этом подробно, то здесь не хватит места. Находившиеся в кентах (селениях) йомуты, из страха перед ними, перекочевали в окрестности Хивы, (так что) выше Наухоста, из «врагов государства» не было ни одного (стихи).

Этих (людей) также присоединили к Нияз-ходже. Нияз-ходжа в ту ночь выехал на лодках к Ургенчу и послал Палака и Эш Назара к населению (джамаа) Караула и Булдумсаза, которые относились к роду (уруг) Мухаммед Са'ид-бая.

Установив связи с ними, (посланные) проникли с их помощью через южные ворота в крепость (курган) и схватили там Сейид-кули-бая с его подчиненными. *118б*

Узнав на следующий день о прибытии Мухаммед Эмин-инака в Хазарасп, стали торжествовать победу. Кутлуг Мурад-хаджи был назначен для охраны Ургенча, а Нияз-ходжа с войсками из Ургенча и Ханках направился к уйгурам, которых завоевал сразу же после появления. Присоединив к себе войско уйгуров, он взял крепость Дурман и Кара-тепе. Это произошло около времени завтрака. Затем он направился против Бурьячи. Живущие в Бурьячи ходжи, во главе с Араб-ходжою, проявили непокорность, вследствие чего здесь и произошла война. Побуждаемые Нияз-

[1] В первой половине XIX в. наибы упоминаются в Хиве в качестве правителей городов. Ср. Данилевский. Описание Хивинского ханства, стр. 105 — 109. О значении должности наиба в Хивинском ханстве в XX в. см. Гиршфельд и Галкин, цит. соч., ч. II, стр. 23; также «Материалы по районированию Ср. Азии», ч. II. Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 31.

[2] Обычно звание мутевелли присваивалось в среднеазиатских ханствах лицу, заведывающему вакуфными имуществами какой-либо мечети, медресе и т. п. В хивинских хрониках мутевелли упоминаются в качестве военных, что, повидимому, не исключает основного значения данной должности.

ходжою, (его войска) быстро и энергично взяли крепость (курган) и подвергли ее разграблению. Это произошло около времени намаза «аср» (около 4 часов пополудни). Совершив в течение одного дня столько дел, Нияз-ходжа вечером победоносно прибыл в Ургенч.

В те времена население Кахрамана и Бек-абада, соединившись вместе, отсиживалось в крепости (хисар) Кахраман. Ниже Кахрамана поместилась группа йомутов, которые притесняли это население.

Правитель Бек-абада Яу-бури-наиб,[1] из рода мангыт, был человеком весьма храбрым.

Он приехал в Ургенч и стал просить Нияз-ходжу и Кутлуг Мурад-хаджи об отправке войска для защиты от йомутов. Они отправили с пятьюдесятью избранными джигитами Керим-берды, одного из уйгурских аристократов (ашраф), являющегося сейчас одним из главных аталыков.

Керим-берды-инак вошел вместе с Яу-бури-наибом в Кахраманскую крепость, а на рассвете выступили с войсками Кахрамана и Бек-абада против йомутов. Разбив врага, они с большой добычей возвратились.

119а Нияз-ходжа и Кутлуг Мурад-хаджи послали Мухаммед Эмин-инаку пятую часть добычи и известили его о победе (стихи).

Некоторыми рассказывается, что эти события произошли еще до того, как Мухаммед Эмин-инак прибыл в Хазарасп. Во всяком случае Мухаммед Эмин-инак и Нияз-парваначи, захватив с собой войска из Хазараспа, пришли в Ханках.

Эш Назар, вместе с другими знатными людьми (акабир) Ханках были удостоены целования руки. Пробыв здесь один день, Мухаммед Эмин-инак осчастливил затем Ургенч своим прибытием. Семь дней пробыл он здесь, собирая войско из окружающих областей. В это время прибыл из (Хивы) человек, посланный казием Ходжа Назаром и Баба-ходжа-реисом с извещением: «Идите скорее в Хиву, мы ее передадим вам». Отправив человека обратно, Мухаммед Эмин-инак занялся приготовлением к походу. Он назначил Абд-ур-Рахман-бая для охраны Ургенчской крепости, Нияз Чекчека, а л т у н - д ж и л я у,[2] он отправил с сорока стрелками вперед, условив-

---

[1] В тексте непереводимая игра слов: یا و بوری کیم شجا عتدا یا و بوری سی ایبردی

[2] В другом месте (ркп. Е 6, л. 39б) Мунис, описывая события 1159 г. х. (1746 г.), сообщает, что Хураз-бек, мстя Абулгази-хану II за убийство своего брата Артук-инака, убил при этом 18 а л т у н - д ж и л я у, участвовавших в убийстве инака. Из рассказа Мухаммед Казима («Надир-намэ», III, л. 43б) известно, что убийство Артук-инака Абулгази II совершил при помощи рабов из калмыков, составлявших его личную стражу. Описывая события 30-х годов XVIII в. Мехди-хан (см. стр. 127 перев.), между прочим, сообщает, что хивинский хан Ширгази послал в помощь Надиру свой отряд и собственных гулямов, носивших название алтун-джиляу. Из слов Муравьева (цит. соч., II, стр. 30, 61, 127) видно, что под именем алтун-джиляу (кизил-джинов—«златоуздечников») в Хиве известны освобожденные иранские невольники, занимавшие в ханстве значительные должности. Сопоставление данного сообщения Муравьева с упомянутым рассказом Мухаммед Казима показывает, что алтун-джиляу могли происходить не только из иранских (персидских) рабов, но и других национальностей

шись встретиться с ними около мазара в Абдаль-баба. Сам, вместе с начальствующими лицами (умара) и собранными войсками около времени намаза «хуфтан» выступил из Ургенча.

Этого войска было всего шестьсот человек. Дорогой около Мекаджик-кёля они заблудились. Сильно расстроившись, к утру они вышли на Кочекупрюк. Вследствие происшедшего расстройства половина войска рассеялась. Мухаммед Эмин-инак и (прочие) начальники были весьма встревожены этим печальным обстоятельством. *1196*

Достигнув окрестностей Хивы, они совершили обряд омовения. Совершив намаз «бамдад», они, обратившись смиренно к всевышнему, вознесли ему свои мольбы, так что все воины были этим тронуты и даже прослезились.

В конце концов, посоветовавшись, послали алтун-джиляу Каляндер-дастарханчи, с пятьюдесятью человеками, чтобы вернуть ушедших стрелков. Догнав стрелков около Гульбан-бага, дастарханчи вернул их, а сам, вместе с бывшими при нем войсками, произвел набег на йомутов, живших в Наухосте и Пешганек'е, после чего возвратился.

Мухаммед Эмин-инак и Нияз-парваначи, после того как они отправили дастарханчи вслед за стрелками, сами также нашли необходимым направиться за ним и (поэтому) выехали. Встретив около Топрак-кала (возвращающихся) стрелков, они направили их в Ургенч, а сами остановились в недоумении и неведении (относительно судьбы) дастарханчи.

В это время двое людей из войска (Каляндера) дастарханчи привели захваченного ими в плен йомута. Тот сообщил ложно, что ночью йомутские войска ушли в набег на Хазарасп. Нияз-парваначи был расстроен полученным известием. По его настоянию (войска инака) вышли на хазараспскую дорогу и направились в погоню (за йомутами).

Авангард войска достиг уже Янги-арыка и Пистали, когда йомутские войска в Хиве услышали о набеге, перед самым обедом сели на коней и, достигнув тыла армии около укрепления Араб-ханэ и Мизана, вступили в бой. Мухаммед Эмин-инак и Нияз-парваначи возвратились с Янги-арыка и стали *120а* в строй против неприятеля. Около инака не было и ста человек. Большинство уже достигло Пистали и находилось там. Против «врагов государства» находилось всего только тридцать человек, начальство над которыми принадлежало Шах Нияз-беку, сыну Искандер-бия, Мухаммед Эмину Сары, Эш Назар-бехадыру, джелаиру, и Яхши Мухаммеду, катагану.

Войско йомутов, постепенно возрастая, достигло пяти-шести тысяч человек (стихи).

Когда о происшедшем узнали войска уже достигшие Пистали, они возвратились и присоединились к инаку,

---

(напр. калмыков). При описании событий царствования хана Эльтузера также встречается упоминание об алтун-джиляу, как о придворном гуляме. Ркп. Е 6, л. 87б. Ниж. (стр. 349) Мунис упоминает об одном алтун-джиляу, носившем звание дастарханчи. В доступных словарях термин алтун-джиляу не встречается.

Чтобы воодушевить и ободрить войска, Эш Назар-мираб, нукуз, сказал: «Убежать и спастись от них (йомутов) невозможно. Уповая
120б на помощь всевышнего бога, единодушно сделаем натиск, в надежде на то, что мы врага разобьем. Если же мы умрем, то умрем с честью» (стихи).

Эти слова ободрили всех. Мухаммед Эмин-инак слез с лошади, взял горсть земли и, положивши ее к себе за пазуху, сказал: «О, творец, драгоценный камень своей души я вручаю тебе, а прах своего тела — земле». Воины, увидевшие это, исторгли такой клич, что земля и небо пришли в сотрясение. После этого, воссылая свои мольбы к чертогу всевышнего и пылая надеждою, они с криком бросились на «врагов государства». Они еще не достигли (врага), как Мухаммед Эмин Сары, канглы, и Эш Назар, джеланр, из Гурлена, пронзили своими смертоносными копьями предводителя йомутов, Кахир-кули, ошака. Увидев это ужасное дело, враги бросились
121б в бегство (стихи).

Когда йомутское войско побежало, Мухаммед Эмин-инак и Нияз-парваначи с своими молодцами пустились его преследовать. Избивая врагов, они достигли моста через арык Наухост. Йомуты повернули назад и произвели нападение (на хивинцев). Не отступая назад, молодцы смешались (с йомутами), причем здесь был убит сын Менгли Гельды Сакау, Мухаммед Эвез и Мухаммед Шах-ака, рафенекский, а йомут Кака-бай, из рода кучик, был взят в плен.

После этого йомутское войско уже нигде не в состоянии было задержаться, рассеявшись и забрав своих родных и близких, оно пустилось в бегство. Алла-берды, ойдечи и Курбан-кули-кази с тридцатью храбрыми джигитами пустились за ними в погоню и, два-три раза настигнув их до (мазара) Абдаль-баба, многих из них перебили. Нияз-ходжа и Сейид Мухаммед-бай, выехав с небольшим числом людей на дорогу в Кум-яска, преследовали и убивали мятежников. Однако, достигнув Кум-яска, враги заметили, что преследующих мало, напали на них и предали их смерти (стихи).

122а После этого йомуты рассеялись. Некоторые из них вошли в г. Хиву, но, будучи не в состоянии там удержаться, захватили с собой жен и детей и через ворота Ата бежали на Гюрген.

Мухаммед Эмин-инак вступил победоносно в город и, назначив для охраны его Фазиль-бека,[1] сам со своими войсками, на расстоянии одного фарсаха, преследовал «врагов государства». Произведя массовое избиение йомутов, он с захваченной богатой добычей возвратился в столичный град Хиву. Войска в течение двух дней преследовали по пятам (противника) и перебили много людей. Зложелатели рассеялись по всем концам света. Абд-ур-Рахим-мехтер ургенчский, который являлся одним из главных зачинщиков, после поражения йомутов у Араб-ханэ, бежал к озеру Гульбан-баг-

[1] Фазиль-бек — сын Мухаммед Эмин-инака.

кöль и там скрывался в воде озера. Найман Дост Нияз-бехадыр, сын Нефеса-даруги,[1] поймал его на озере и привел.

Инак убил его, а голову отослал в Ургенч (стихи).[2]

[Дальнейшие упоминания о туркменах связываются с начавшейся борьбой за власть между Мухаммед Эмин-инаком — с одной стороны, Ниязпарваначи и сыном последнего Баба-беком и Джан Мурад-инаком — с другой. В результате неудач, противники инака должны были эмигрировать в Бухару, откуда и стали совершать свои набеги на районы Хорезма.

В 1192 г. х. (1778 г.) Баба-бек и Джан Мурад-инак, совместно с некоторыми «врагами государства», выступили из Бухары и прибыли в Чарджуй. Собрав здесь войско из салыров и сарыков, они направились в Хорезм. Пользуясь поддержкой правителей Питняка, инсургенты завладели указанной крепостью, после чего направили свои войска к Хазараспу. Предприятие, однако, кончилось неудачей, так как войска Мухаммед Эмин-инака одержали верх. Баба-бек и Джан Мурад-инак принуждены были снова скрыться в Бухару.] *136а*

При описании событий 1193 г. х. (1779 г.) сообщается: «В это время *136б*
теке, принадлежащие к числу туркменских племен, пришли в окрестности *137б*
Хивы с целью служить в качестве нукеров и поместились около Янги- *138б*

---

[1] Даруга — звание, с которым в различное время в различных районах связывались или функции сборщика податей, или правителя города или области. В новейшее время даругами («дарга») в Хорезме назывались капитаны каюков на Амударье.

[2] Конец главы посвящается мероприятиям инака, связанным с назначениями начальствующих лиц, и сообщениям о спокойствии, которое наступило после этого в стране.

Упоминается также, что инак отстранил хана Джехангира и посадил на его место «привезенного из степи» Акым-хана, сына Адиль-султана.

Здесь же, между прочим, приводится известие, отчасти затрагивающее экономическое положение Хивы: «Бедствие голода (в это время) миновало. Наступила такая дешевизна, что за два ярмака давали взрослого барана, а за один динар давали сорок хивинских батманов пшеницы (или) шестьдесят батманов джугары. В то время хивинский батман равнялся трем с половиной тавризским» (л. 122б).

Употребляемые Мунисом названия монет «ярмак» и «динар» являются необычными для Хивы в описываемый период, тем более, что говоря ранее о чеканке монеты Муса-ханом в Хиве (см. стр. 332), сам же автор употребляет при этом термин «тенге». Под этим же названием хивинские серебряные монеты были известны как во времена автора, так и в позднейшее время.

Попутно заметим, что слово «ярмак» в значении «динар» встречается у автора XI в. Махмуда Кашгарского (ديوان لغات الترك, III, 32), а в смысле «монета» вообще оно употребляется в литературном произведении XIV в., написанном в Золотой Орде, составной частью которой являлся тогда и Хорезм, именно в романе Кутба «Хосрев и Ширин». В этом же значении слово известно и в уйгурском и чагатайском языках. См. Радлов, III, 15.

Для сравнительной характеристики указываемых автором цен можно отметить, что приблизительно в это же время (1790 г.) в Бухаре 1 батман (бухарский) пшеницы стоил 100 тенге. «Рисале» Мухаммед Якуба бухарского, ркп. ИВ С 1934, л. 7а.

арыка в Астане. Побуждаемые своими враждебными наклонностями, они начали заниматься некоторыми неподобающими делами. Они настолько вышли из повиновения, что в течение указанного месяца сафара (февраль—март 1779 г.) перестали служить и стали во враждебные отношения к Фазиль-
139а беку. По этой причине Мухаммед Эмин-инак, после прибытия Фазиль-бека, выселил их с занимаемой территории. Через несколько дней один из главных бунтовщиков и возмутителей Баба-бек послал в помощь Джан Мурад-инаку отряд из ста человек со своим младшим братом Абд-ур-Рахим-беком, в распоряжении которого находился Заман-бек, из теке, и Ат Кыран-бехадыр, из салыров.

Узнав об этом, Мухаммед Эмин-инак назначил из предосторожности отряд в двести человек для охраны Ходжа-эли, под командованием Таджибия, из племени кыят.

В это время Джан Мурад-инак убил посягавшего на него Джан Мухаммед-бия, из племени нукуз, вместе с его младшим братом.

В сентябре Баба-бек направился из Бухары в Чарджуй и, собрав там войско из теке и салыров, вошел в Хазарасп. Мухаммед Нияз-инак, а также Баба-даруга, выбравшись из крепости, пешком пришли в Хиву. На завоевание Хазараспа Мухаммед Эмин-инак послал многочисленное войско во главе с Хасэ-кушбеги и большей частью начальников. Устроив свой лагерь в местности Мутиян, войска в течение двадцати дней ежедневно выдерживали по два сражения у крепости, вблизи того места, где находится мазар великого святого ишана Бакы-ходжа.

139б Подобных битв не бывало со времени Рустема и Афрасияба. Однако Джан Мурад, узнавши в том же месяце о занятии Хазараспа Баба-беком, поднял восстание в мангытских и каракалпакских войсках[1] и направился против Ходжа-эли. После семидневной осады, он, при содействии невежественных людей, занял этот город. Таджи-бий и Яхшилик-бий, вместе с (другими) вельможами (акабир) спаслись бегством.[2] Пробывши здесь несколько дней и собрав войско из каракалпаков, Джан Мурад выступил против Юмри. После недолгой осады он овладел этой крепостью (курган), после чего отправился против Везира. Ораз Али, известный под названием Башмак, из мангытов, являвшийся правителем (наиб) Везира, вышел навстречу Джан Мураду и впустил его в город.

Когда сведения об этих событиях дошли до войск, находившихся в Мутиян'е, они деморализовались и ушли оттуда. В результате государство развалилось. Область (баляд) Беш-арыка отошла в собственность Баба-бека, а население Таш-кала стало подчиняться Джан Мурад-инаку.

---

[1] Т. е. в войсках Арала.

[2] Яхшилик-бий (Яхсалих-бей) упоминается одним из русских авторов начала XIX в. в качестве противника хивинцев. Журнал «Азиатский вестник», 1826, кн. I, стр. 54—55.

В это время, по распоряжению Мухаммед Эмин-инака, пришло войско *140а*
йомутов, принадлежавших к числу хорасанских и гурганских туркмен. Да будет известно, что йомуты принадлежат к двум разным родам (таифе): одних называют байрам-шахли[1] (بيرمشاهلى), а других — чони-шереф (چونى‌شرف), известных (также) под прозвищем кара-чока (قراچوقه).

Приняв их на службу,[2] Мухаммед Эмин-инак отправил байрам-шахли[3] в помощь Фазиль-беку (в Таш-кала), а кара-чока назначил на поддержку Хасэ-кушбеги, который сражался против Баба-бека. После этого оба эти войска вступили в войну с врагами, ведя военные действия на территории орошенных земель (мульк), доходящих до обеих сторон Беш-арыка. Это продолжалось до средины февраля, когда Фазиль-бек ушел из Баглана и, окружив (крепость) Таш-кала, стал ее осаждать, не позволяя своими атаками мятежникам показать из нее головы. В конце февраля Ахмед, из джелаиров, Худай-берды, наиб, из нукузов, и простонародье (авам) Гурлена, во главе с Вейс-кули-диваном привели Джан Мурад-инака из Везира и впустили его в Гурлен. Кучак-инак, Бердыш (بردیش)-аталык, казий Алла-кули, Яр Мухаммед-бехадыр, Бек-турды и другие со своими родственниками бежали оттуда. После этого ужасного события войско Фазиль-бека, стоявшего под Таш-кала, распалось. В это время Баба Чал-аталык, осадив крепость народа ала-булюк,[4] совершил набег на Ургенч и (вообще) начал враждовать. Придя в гнев от такого возмутительного поступка, Мухаммед Эмин-инак двинулся туда с многочисленным войском.

После двухдневной борьбы с этим народом, он предал крепость огню и перебил всех, за исключением женщин и детей. Передают, что здесь погибло свыше пятисот человек, не считая сгоревших.[5]

[Во время правления сына и преемника инака Эвеза (умер 13 марта 1804 г.) йомуты, повидимому, не находились с ним в открыто-враждебных

---

[1] Муравьев (цит. соч., ч. II, стр. 28 и сл., также таблица) упоминает об этом роде йомутов под именем байрам-ша.

[2] В тексте: استعمالت وعده سى قليب

[3] В другом списке рукописи пишется: بير امشاهلو — байрам-шахлу.

[4] В тексте стоит آلا بولوك خلقى‌نى قلعه‌سى. Один из путешественников первой четверти XIX в. отмечает, что селение (кент) Ала-буляк (Alabuläk) находилось в 5—6 км от Ургенча в сторону г. Хивы. Население кента состояло из туркмен. См. Beiträge zur Kenntniss etc. Bd. II, S. 27.

[5] Из дальнейшего рассказа выясняется, что противники Мухаммед Эмина обратились за помощью к Даньял-аталыку бухарскому. Присланный Даньялом в марте 1196 г. х. (1782 г.) двухтысячный отряд бухарцев, под командою Бадаль-диванбеги и Мирза Али-дадха, был разбит Мухаммед Эмином при помощи йомутов, после чего успех сопутствовал инаку до самой смерти. Мухаммед Эмин-инак умер в пятницу 29 раджаба 1204 г. х. — вторник, 14 апреля 1790 г. в возрасте 61 года. Ркп. E 6, л. 69б.)

отношениях, если судить по тому, что бежавший на их территорию в 1206 г. х. (1791/92 г.) Пехлеван-кули-бай был выдан ими инаку, вследствие того, что они «боялись его гнева и строгости».

Под следующим годом в рукописи упоминается один купец из чоудоров, с которого была неправильно взыскана пошлина в г. Ходжа-эли.

Дальнейшие данные о туркменах относятся уже к царствованию Эльтузер-хана (1804—1806 гг.) и брата его Мухаммед Рахима.]

Часть V

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в.

ХИВИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в.

Продолжение «ФИРДАУС-УЛЬ-ИКБАЛЬ»

Сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи
Рукопись ИВ АН СССР С 571 (590аа)

Перевод и примечания П. П. ИВАНОВА

История Хивы XIX в. и туркмены

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ МУХАММЕД РАХИМ-ХАНА

О походе хана[1] против возмутившегося племени имрели

Принадлежащее к числу хорасанских туркмен племя имрели, несмотря на свою малочисленность, затеяло вражду с теке, которые являлись его старинными соседями и господствовали над ним. В результате завязавшейся продолжительной вражды и убийственной распри, имрели оказались побежденными. Оставив свои земли в руках теке, имрели долгое время скитались по разным местам, не будучи способны по своим враждебным наклонностям где-либо остановиться на жительство и успокоиться. *1816*
Наконец, в последние дни счастливого правления покойного великого эмира, инака Эвеза, они пришли в Хорезм и поселились на землях кенегесов по арыку Аман-кули, в округе Ходжа-эли.[2]

В момент смерти инака Эвеза (1804 г.), когда ныне покойный хан Эльтузер еще не вступил в управление государством, названное племя имрели,

[1] История Эльтузера писалась автором уже в то время, когда ханствовал Мухаммед Рахим-хан (1806—1825 гг.), вследствие чего в рассказе фигурируют как бы одновременно два хана, хотя Рахим был в то время только принцем.

[2] Текинское предание о взаимоотношениях между племенами теке и имрели в этот период говорит о том, что имрели были вытеснены в Хиву текинцами. Ср. П. М. Лессар. Заметки о Закасп. крае etc. СПб.. 1884, стр. 4.

под начальством злодея и разбойника Алла Назар-бехадыра, из рода ходжаэли, напало на бухарский караван, который шел из России. Убив некоторых купцов, они разграбили бесчисленные богатства каравана. Добычу, состоявшую из иностранного золота высокого качества и полноценной пробы, они разделили между собой чашками и щитами. На различного рода прекрасные товары, дорогие материи иностранного производства и китайскую парчу, никто не обратил внимания (настолько много было золота). Алла Назар-бехадыр за свое предводительство получил две доли добычи,
182а вследствие чего он стал известен под кличкой Бычкы (بچقی).[1]

Вследствии изложенного, правитель и падишах Бухары мир Хайдер (1800—1826 гг.) прислал одного из своих приближенных Абдулла-бека, присылавшегося также в Хиву с соболезнованием по случаю смерти Эвезинака, с письмом, в котором просил отобрать взятое имрелинцами у бухарских купцов имущество и возвратить его владельцам.

Чтобы не нанести ущерба дружбе и единению,[2] его величество, выполняя просьбу, послал к имрели своего человека с требованием отдать указанное имущество.

Ослепленные золотом и не оставившие своих заблуждений, имрели отказались возвратить (требуемое), вернув посланного человека ни с чем (стихи).

Когда весть об этом злополучном происшествии дошла до хана, он сильно разгневался и решил жестоко наказать врагов государства. Для
182б того, чтобы собрать войско, он разослал гонцов (тäвäджи)[3] во все окрестности столицы. Назначив для управления делами государства высокопоставленного мехтера Юсуфа, хан в воскресенье 26 мухаррема 1219 г. х. (7 мая 1804 г.) во всем блеске великолепия выступил из своей столицы. Он расположил свои войска на границе Ак-кума, на берегу Аму-дарьи. Для сбора войск здесь задержались на четыре дня. В пятницу, в первый день месяца сафара (12 мая), они двинулись дальше (стихи).

183а Затем доблестная армия прибыла на берег Сукенли. Когда мятежники узнали об этом грозном событии, они проснулись от сна своей беспечности. Все влиятельные лица племени (эль), во главе с Гельды-ханом, заявили о своей покорности. Они прислали человека, чтобы сообщить о своей готовности во всем подчиниться хану и возвратить ему упомянутое выше имущество.

---

[1] Термин бычкы встречается в словаре Радлова (IV, 1735) в значении «пила», «терпуг» (осм.). В данном случае термин имеет, повидимому, иное значение, также впрочем связанное с корнем «быч» — разрезать, делить.

[2] Мотив весьма сомнительный, так как большую часть своего царствования Эльтузер-хан провел в войнах с Бухарой, в борьбе с которой он и погиб в 1806 г.

[3] Относительно термина тäвäджи («тäвäчи») проф. П. М. Мелиоранским было отмечено, что данное слово имело значение не только «курьер», «почтарь», но также «вербовщик и ревизор рекрутов» (Зап. Вост. отд. Русск. Арх. общ., т. XVI, стр. 010). При Тимуре через тäвäджи объявлялись приказы о сборе курултая, а также относительно сбора войск для похода. Должность тäвäджи считалась в это время «чрезвычайно важной, уступающей только званию государя». (См. В. В. Бартольд, Улугбек и его время. Пг., 1918, стр. 24).

Йомуты Мухаммед Нияз Кёрче-сердар и Ак Мухаммэд Суфи Аксак (хромой), отличавшиеся всегда своими дурными наклонностями, отделившись ночью от высокого ханского войска, направились к племени имрели. Преступно распространяя соблазны и обольщение и обещая свою поддержку, они снова внесли вражду и заблуждение в эту толпу, которая повиновалась только по необходимости. Чтобы предостеречь и удержать этих темных людей, хан отправил к ним правителя г. Кята, Тенгри-бердыбека. Они (имрелинцы), подстрекаемые теми двумя бродягами, схватили названного бека и принялись строить крепость и рыть окопы. Узнав об этом происшествии, хан пришел в сильный гнев и на другой же день выехал, чтобы наказать бунтовщиков. Эмир Вели-аталыка, из канглы-кыпчаков, он отправил с войском в авангарде, а Эшим-бехадыра, из найманов, с некоторыми из храбрецов, послал вперед произвести набег. Назначенные (люди), разгромив и разорив земли имрели, вселили в сердца их страх и трепет. *185а* *185б*

В это время прибыл хан во всем блеске и великолепии. Окружив крепость со всех сторон, он привел в боевой порядок свои войска (стихи).

Тогда же ханом был издан приказ о том, чтобы Баба-аталык, из числа мангытской знати, а также старший брат автора Мухаммед Нияз-мираб и правитель г. Ханака, Алла Назар-бай силами ополчения (к а р а-ч е р и к)[1] и под командой с и п а х и́[2] из Ханках построил бы с е р к у б.[3] В силу данного приказа, названные лица выбрали подходящее место с юго-западной стороны крепости и назначили искусных надсмотрщиков и руководителей. Благодаря умелой распорядительности и стараниию в короткое время из *186а*

[1] К а р а-ч е р и к. Так обычно называлось в Хиве народное ополчениие, конное и пешее, созывавшееся для усиления регулярных войск (сипах) обыкновенно только в военное время. Кара-черик предназначался, главным образом, для выполнения различного рода вспомогательных функций и лишь иногда для непосредственного участия в военных действиях. Однако, кара-черик не представляло собой сколько-нибудь надежной силы. Термин кара-черик встречается также в Бухаре в первой половине XIX в. В Кокандском ханстве этому термину соответствовал термин кыл-куйрюк, известный, по словам Мухаммеда Якуба, также и в Бухаре.

[2] С и п а х и́ — военно-феодальная правящая группа в Хивинском и Бухарском ханствах. Хивинские сипахи́ разделялись, по словам Вамбери, на 12 категорий, во главе с ханом и ближайшими к нему сановниками. Низшую группу сипахи́ составляли юзбаши (сотенные) и онбаши (десятские). См. А. В а м б е р и, Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 165—166. Ср. Ханыков, цит. соч. стр. 183.

[3] Постройка с е р к у б о в — сооружений, командующих по своей высоте над осаждаемой крепостью — являлась, повидимому, довольно обычным приемом при осаде крепостей в Средней Азии, по крайней мере в XVI—XIX вв. О постройках серкубов в XIX в. помимо Муниса и Агехи упоминает также бухарский историк Мухаммед Якуб, а также кокандский историк Аваз Мухаммед. Более раннее упоминание о серкубе встречается у Бабура, а также в сочинении Мухаммед Эмина Кирак Яракчи (вторая половина XVII в.) при описании осады Эренг-ханом хивинским бухарской крепости Каракуля. Данное место рассказа Муниса важно в том отношении, что оно указывает материал, из которого строились серкубы, чего не сообщается в других сочинениях.

земли и хвороста в этом месте был построен настолько высокий серкуб, что с высоты его все находившиеся в крепости казались (как бы) под ногами (стихи). Ловкие стрелки могли стрелять отсюда без промаха, даже если бы целью для них служил глаз муравья. По приказанию хана, с вершины серкуба был открыт настолько убийственный огонь из ружей и фальконетов, что от молниеносного действия пуль враги пришли в трепет (стихи).

Наконец, враги, увидя постигающую их беду и поняв свое заблуждение, вместе со своим главарем, Гельды-ханом, и некоторыми другими предводителями, решили искать спасения в примирении (с ханом). Тенгри-бердыбека, который был ими задержан, они отпустили к хану с большими подарками, прося для себя пощады. Крайне разгневанный неподобающим поведением этого племени, покойный хан (Эльтузер) не удовлетворил просьбы бунтовщиков, предоставив их на волю своего войска.

Обладая дальновидным умом, Гельды-хан тотчас же послал одного из имрелинских беков, Сейид Назар-бека, к хану Мухаммед Рахиму с выражением своей покорности и с просьбой о защите и покровительстве. Вследствие своего мягкосердечия, его величество (Мухаммед Рахим) стал просить своего старшего брата (Эльтузер-хана) простить имрелинцам их вину. Когда крепость была уже занята (хивинцами), имрелийским предводителям, во главе с Гельды-ханом, было позволено явиться на поклон к его величеству.

Что касается главных поджигателей этого бунта Мухаммед Нияза Кӧрче
187a и Ак Мухаммеда Суфи, то хан передал их своим приближенным (арестовал).

(Мухаммед Рахим) отправил их вместе с многочисленными дарами и подношениями к своему старшему брату (Эльтузеру), снова прося о прощении их прежних проступков. Ценя заботу его величества (Мухаммед Рахима) о своих подданных, покойный (Эльтузер) хан простил их вину и отличил их званием нукеров (Мухаммед Рахима).

После этого хан, по указанию своего брата, произвел переселение этого народа (эль), поселив их среди йомутов в Ак-сарае и Муз-кумгане.

Проведя несколько дней за охотой на берегах реки, покойный хан в пятницу 22-го числа месяца сафара (суббота 2 июня 1804 г.) победоносно прибыл в столицу. Через несколько дней те два преступника, т. е. Мухаммед Нияз Кӧрче и Ак Мухаммед Суфи, благодаря заступничеству сановников, были ханом прощены и выпущены на свободу.

О том, как йомуты, совместно с имрели, стали на путь вражды и заблуждения и о выступлении против них хана

189a Известно, что йомуты, принадлежащие к числу туркменских племен, разделяются на три отдела: два из них носят название чони (и) шереф. Из-за того, что они носят черные шали, их называют кара-чока. Они живут

на границах Хорасана у Балканских гор и на Гюргене и подчиняются кызылбашам. Другая группа известна под названием байрам-шахлу.[1] Раньше жили они на Балканах, а также по Гюргену и Атреку. При Ширгази-хане, вследствие возмущения Шах Тимур-хана и Ширдали-бия и убийства эмира Эш Мухаммед-бия, это племя было переведено в Хорезм.[2] С приходом (в Хорезм) Надир-шаха, они снова ушли на свою прежнюю родину. По истечении некоторого времени, они пришли однако, Мухаммед Эмин инак их вытеснил, и во время выступления Баба-бека они снова пришли и были поселены около Ак-сарая и Муз-кумгана, которые находятся приблизительно в трех фарсахах от г. Хивы.

Это племя делится на четыре рода (уруг): салак, орус-кошчи, окӯз и ушак (ошак).

Численность этого племени 7—8 тысяч домов. Сын названного выше Мухаммед Нияза Кӧрче, из рода орус-кошчи, по имени Клыч-кем, после того как был освобожден отец его, вращаясь среди йомутов и имрели, подобрал сочувствующую ему шайку. В конце упомянутого уже месяца джумади II (эти люди) якобы для священной войны с кызылбашами, выехали к границам Хорасана и племени теке, которые еще со времени покойного хана (Эльтузера), являлись подданными (Хивы) и вносили харадж.

Совершив нападение на ту часть теке, которые жили в Ахале, (йомуты) погубили много ни в чем неповинных людей, взяли в плен детей и женщин, присвоили себе в качестве военной добычи имущество и скот и возвратились. *190а*

«Ахалом» в туркменском языке называются сырые (зейкеш-زی کش) и изобилующие водой земли. Эта страна относится к округу Неса и Баверда. Большинство мест здесь заболочены и удобны для посевов риса, вероятно по этой причине (земля эта) и носит название «Ахал».

Узнав об этом происшествии, (ныне) покойный хан разгневался и назначил Клыч-инака и Султан-мираба с сильным отрядом войск навстречу этому мятежному племени, с тем, чтобы отобранное у теке имущество и взятые пленники были возвращены. Назначенные спешно отправились в путь. Однако, прежде чем отряд достиг дороги, Клыч-кем с большинством своих помощников уже прошел. Назначенные (люди), пустившись спешно за ними, некоторых поймали и, отобрав у них имущество и пленных, доставили все это (ныне) покойному хану. Хан послал человека к йомутским вельможам с приказанием схватить Клыч-кема с его помощниками и в кандалах отправить (в Хиву). Однако, эти непослушные и неблагодарные бунтовщики, не исполнив высокого ханского приказа, и не дав определенного ответа, отправили посланного чиновника ни с чем. Разгневавшись от этого возмутительного поступка, хан разослал во все концы государства гонцов

---

[1] Также в ркп. Е 6, л. 87б.

[2] Об упоминаемых здесь событиях и лицах см. «Сборник материалов по истории каракалпаков», стр. 92—93.

(тäвäджи и ясакчи)[1] собирать войско. Своего старшего брата (ака) высокочтимого Кутлуг Мурад-бека, состоящего в настоящее время в должности инака, хан назначил своим наместником в городе (Хиве), а высокодобродетельного Мухаммед Юсуф-мехтера[2] он взял с собой.

Выступив из столицы в понедельник 20-го числа названного выше месяца, хан остановился затем в собственном поместьи (хаули)[3] в селении Куюктам, назначив здесь сбор войскам.

Рано утром, во вторник, хан торжественно выступил отсюда со своей армией и, дойдя до берега озера и (полей) Зейкеша, ниже селения Узбек-яб, устроил здесь лагерь для своих войск. В это время поступило известие о том, что Клыч-кем с несколькими злодеями, выехав на дорогу недалеко от
191а крепости Шейх-кала, наткнулся на тыл армии и, ранив одного человека, сумел бежать. Некоторым начальникам было приказано выступить и догнать бежавших. Назначенные люди выехали. Они уже заметили (беглецов) и приготовились воздать им по заслугам, когда подъехал Кока-сердар, являющийся одним из преданных слуг ханского дома. Совместно с (некоторыми) вождями йомутов и имрели, он принялся за преследование убегающих, а посланный отряд он, по указанию хана, вернул обратно в лагерь.

Утром 23-го числа того же месяца, хан под предлогом ревизии войска, направился к йомутам, чтобы вынести свое решение об их делах. Когда хан проезжал через пески, к северу от крепости Шейх-кала, к нему явились с поклоном представители как простого народа, так и аристократия йомутов и имрели, которые выразили свою преданность и просили дать им человека для успешной поимки Клыч-кема и возглавляемой им шайки.

191б Выделив им Надир Мухаммеда-кутваля,[4] принадлежавшего к числу конгратской знати, хан направился к Сенгиру. На следующий день (их) ожидали до завтрака, но они к обещанному времени не явились. Вследствие этого хан выступил против (этих) врагов. Дорогой со стороны йомутов навстречу хану выехал Менгли Мурад, который просил дать отсрочку, докладывая, что назначенные люди уже поймали негодяев и (скоро) их доставят. Благодаря проницательности своего ума, хан сумел обнаружить тайные замыслы йомутов. Он стремительно поскакал впереди Менгли Мурада, а вслед за ханом помчалось и его победоносное войско (стихи).

Когда они достигли вслед за этим Зейкеша, который находится к востоку от (канала) Янги-яб, возле мазара великого святого шейха Рази-

---

[1] Радлов в своем словаре (Ш, 217) отмечает слово ясакчи в османском в значении «стражник» («запрещающий ход»).

[2] Характеристика мехтера Юсуфа встречается, между прочим, у Муравьева (П, 59—60), лично сталкивавшегося с этим министром.

[3] Характеристику ханских поместий в Хиве см. П. П. Иванов, Удельные земли Сеид Мухаммед-хана, в Зап. Инст. востоков., т. VI, 1937, стр. 27—59.

[4] По словарю Будагова (П, 144), кутваль (кут — крепость + вали) — «комендант крепости», чиновник полиции, наблюдающий за домами и решающий неважные споры.

эд-дина, у Бенд-и-Рамина, то (оказалось), что враги из числа йомутов, имрели и мешриков выстроили свои ряды и выступили с намерением преградить путь (ханским войскам). От первого же натиска враги смутились 192б
и рассеялись в бегстве. У моста через арык Янги-яб враги снова собрались и стали препятствовать переправе войск. По указанию хана, Эмир Вели-аталык вместе со всеми войсками овладел мостом. В это время один из главарей рода окўз, по имени Халь Нияз Йесир, доставил трех-четырех злодеев из названного рода, вместе с их женами и детьми. Вследствие этого аталык Шах Нияз выехал впереди войска и, по приказанию хана, запретил кровопролитие. В это же время пришло известие о том, что туркменские мятежники дезорганизовались и под предводительством Куваныч-суфи ушли в сторону Ак-кёля. Оставшаяся часть йомутских войск, начавшая было снова выстраиваться и вступать в сражение, скоро рассеялась и исчезла (стихи).

Хан пожелал, чтобы мятежное племя было предано избиению и грабежу, а семьи их (оглан-ошак) взяты в плен. Сановники, во главе с Нияз-аталыком, доложили хану, что, хотя это племя и проявило дерзость, однако, оно не проявило упорства в этом дурном деле и, испугавшись наказания со стороны (ваших) слуг, уходит без всякого вреда и ущерба. Вместе с тем они являются старинными (ханскими) нукерами еще со времени ваших великих предков. Не будем отрешаться от надежды на то, что они покаются и изъявят свою преданность вашей династии. Где бы они ни находились, они задержат злоумышленников и выдадут их. В интересах благополучия и ради человеколюбия вам следовало бы счастливо возвратиться в Сенгир, не заходя на их территорию и не причиняя им беспокойства, до тех пор, пока так или иначе не придут в порядок их дела. Хотя хан и знал об их (туркмен) злонамеренных и мятежных делах, однако, из уважения к мнению приближенных, он отправился в Сенгир. Дорогой прибыл (к хану) Надир Мухаммед-кутваль, который сообщил о том, что у туркмен не хватает силы задержать разбойников и злодеев, и подтвердил известие об их уходе.

После того, как хан прибыл в Мумас, некоторые, по его указанию, пошли в аулы туркмен и, награбив много имущества и скота и разорив дома, возвратились с добычей. 193а

Поступило известие о том, что часть туркмен собирается в Ак-сарае с целью нападения на ханские войска. Для защиты хан на заре отправил Кандум-сердара с большим отрядом войск, а сам, с наступлением утра, торжественно выступил в поход против Ак-сарая, направившись с этой целью к Гази-абаду (Хазават). Дорогой явились к хану кази йомутов, мулла Нури-кази и Кока-сердар и доложили: «Мы ушли потому, что у нас не хватало силы справиться с преступниками. Пощади нас теперь, чтобы наши семьи не оказались под ногами лошади». Хан обещал удовлетворить их просьбу, с тем, однако, что если они задержатся в Ак-сарае и Муз-кумгане до полудня или окажут сопротивление войскам, которые направлены туда для

выяснения и расследования дела, то вина падет на них. В это время к хану возвратился Кандум-сердар, который в результате сражения с собравшимися туркменами рассеял их, убил одного из злодеев из племени имрели и захватил богатую добычу.

193б После того, как Кока-сердар был (ныне) покойным ханом отпущен, он встретил некоторых из ханских воинов, собиравших имущество, оставшееся после ухода войска племени ошак. Вследствие дурного нрава, свойственного этому племени, они нарушили поставленные ханом условия и вступили в борьбу, ранив при этом одного из воинов.

Когда это известие достигло хана, он для наказания виновных отправил Эмир Вели-аталыка и Абдуллу-сердара со многими воинами. Посланные напесли (мятежникам) поражение. В этом сражении отличился Абдулла-сердар, который нанес удар копьем Кока-сердару и захватил его лошадь, когда тот упал. Образцово завершив это дело, храбрецы привезли с собой богатую добычу. После этого все победоносные ханские войска — отряд за отрядом — отправились в набег на те места, и, выгнав оттуда туркмен, занялись их преследованием и ограблением, так что воинам досталась большая добыча и они разбогатели (стихи).

194а Остановившись в низовьях арыка, протекающего через Ак-сарай и Музкумган, хан приказал остальным войскам также произвести грабеж.

В это время прибыл один джигит-узбек, который в течение многих лет жил среди туркмен, и сообщил, что те, будучи не в состоянии удержаться, в страхе и смятении направились к Куба-тагу, следуя через Ак-кӧль, в который впадает (канал) Даудан своим низовьем. Отправив нескольких джигитов для того, чтобы разузнать (об этом деле), хан возвратился в Сенгир. На следующий день, двадцать пятого числа, хан с торжеством и великолепием выступил со своими войсками в Ак-сарай. Еще раньше он отправил Юсуф Нияз-бека, из конгратов, Мухаммед-джан-бека, сына Кутлуг Мухаммед-инака, из кыятов, Баба-даруга, из кыпчаков, и Кандум-сердара с отрядом войск в Ак-кӧль с тем, чтобы, в случае если они встретят там злоумышленников, то наказали бы их должным образом. Они отправились в указанную местность и, встретив там войска йомутов и имрели, вступили с ними в жестокую борьбу. Получив об этом сведения, (ныне покой-
194б ный хан Эльтузер) отправил на помощь отряду брата своего «опору государей», победоносного Мухаммед Рахим-бехадыр-хана с многочисленными войсками и в сопровождении высокочтимого эмира Клыч-инака. Хан (Мухаммед Рахим) не успел еще доехать до места своего назначения, когда войска разбили врагов и, забрав множество имущества, с богатой добычей прибыли к нему на дорогу. Обласкав и облагодетельствовав от имени своего старшего брата (Эльтузера) воинов, (Мухаммед Рахим) со всеми войсками прибыл к хану. Выразив свое благоволение, покойный хан приказал всему лагерю сняться и направиться в обратный путь в свой дворец в Сенгире. В продолжение семи дней хан находился в указанном месте и предался здесь увеселениям.

В течение какого-нибудь месяца после этого трудовое население (фукара вэ райя) Беш-кала овладело имуществом и пахотными землями врагов и возносило молитвы за (ныне) покойного хана.

О выступлении хана в поход с целью истребления врагов, о его победах и обратном возвращении

Во время стоянки (войск) были доставлены сведения о том, что мятеж- *195а*
ники-туркмены, собравшись на южных склонах Куба-тага и по берегам арыка Аталык-арнасы, нападают на здешних сборщиков топлива и земледельцев и некоторых из этих несчастных убивают. Приготовив все необходимое для похода, (ныне) покойный хан в понедельник пятого числа месяца раджаба торжественно выступил из Сенгира, прибыл в Кят и остановился здесь в доме Тенгри-берды-бека. Названный бек устроил соответствующее угощение, за что был удостоен милостивого внимания и награды (стихи).

После того, как выступили из Кята, пришло известие о набеге, совер- *195б*
шенном (туркменами) на род хытай, живущий в Ак-куме у головы Паенде-арыка. Объясняется это происшествие следующим образом: Клыч-кем с двумя стами йомутских и имрелинских аламанщиков напал на курень рода хытай и, окружив его со всех сторон, стремился проникнуть внутрь.

Случилось так, что большая часть джигитов рода хытай была в это время на пашнях, а в курене никого кроме десяти-пятнадцати человек способных носить оружие не было. Проснувшись от поднявшейся суеты и шума, эти бедняки, совместно с детьми и женщинами, вооружились дубинами, набрали в полы себе камней и кусков глины и стали бороться с мятежниками, не позволяя им захватить курень. Они защищались руками и ногами, проявляя необычайно большую энергию и старание. Рано утром враги ворвались в курень. Мужчин вплоть до четырнадцатилетнего возраста перебили, а женщин и малолетних детей, девочек и мальчиков, взяли в плен, после чего ушли. Теперь это место известно под названием «Шахидлярхатырасы» («Кладбище мучеников»).

Получив это потрясающее известие, (ныне) покойный хан почувствовал большое сострадание к этим людям (фукара) и дал богу обет в том, что он не успокоится до тех пор, пока мятежники не получат должного возмездия.

В тот же день он прибыл в Хызыр-эли в низовой части Гурленского округа. Туда же прибыл человек из рода хытай, проживавшего в Янгикала с сообщением о том, что йомутские наездники ежедневно по два-три раза беспокоят их своими набегами. Вследствие этого в укрепление Янгикала был послан эмир Клыч Нияз-инак, эмир Кара-бехадыр-мираб и Мусанаиб с шестьюстами людей. Они провели ночь в этой крепости, но наездники не появились до позднего завтрака.

196а Забрав с собой войска родов хытай и кулан, (отряд) пошел к Куба-тагу,[1] но не найдя там следов неприятеля возвратился обратно. Причина этого заключалась в том, что, услышав о выступлении ханских войск и о прибытии их в Хызыр-эли, мятежники испугались наказания за преступления, совершенные Клыч-кемом, и рассеялись, перейдя на арык Аман-кули.

Да будет известно, что еще до «йомутского голода» [2] в начале (правления) Мухаммед Эмин-инака, правитель кенегесских каракалпаков Аман-кули-бий вывел этот арык из Аму-дарьи близ Сукепли-сакасы [3] и довел его до земель кенегесов.

196б В эту ночь из числа йомутских начальников пришли: Эвез-бек, салак, и Назар-бек, ошак, являвшиеся старыми нукерами и слугами покойного хана и доложили, что у них добрые отделились от дурных, причем первые надеются на милость и поддержку со стороны хана. Они надеются, что (хан), придя к ним, снизойдет к их рабской преданности.

Преодолеваемый гневом, хан не дал им ответа и не отпустил их от себя.

Пробыв здесь два дня, (ныне) покойный хан в пятницу 9-го числа (раджаба) выступил в поход, после того как были закончены все необходимые приготовления. В качестве авангарда и передовых дозоров были посланы Баба-кутваль, сын Бай Назар-бия, из числа знати конгратов, живущих на Кош-купруке, затем Абдулла-сердар и Кандум-сердар с отрядом войск. У подошвы Куба-тага отряд встретился с йомутами. В происшедшей небольшой стычке йомуты потерпели поражение, причем здесь же был убит Адин-кули Кёр, из рода кариме, который является первым из разбойников. Взяв с собой голову убитого, отряд вернулся, когда победоносные войска уже вошли в пески Гельды-хана. Воины были награждены царскими подарками.

197а На следующий день победоносные войска выступили отсюда и прибыли к северным подножиям Куба-тага, где и остановились. В ту же ночь эмир Клыч-инак и Мухаммед Пена-бек, сын Адиль-бека, с четырьмястами храбрецов-джигитов, из которых каждый по своей отваге равен ста Рустемам, были направлены через Булдумсаз на «казахскую дорогу». Отряду было поручено собрать сведения о действиях и дальнейших планах «врагов государства». Достигнув «казахской дороги», они встретили одного из йомутских злодеев — Чумче Баба-сердара, который в целях разбоя ездил в (эту) область и, убив одного человека из Чукур-кума, (теперь) возвращался.

Встретившись (с отрядом), они (люди Чумче Баба), не вынеся ружейного огня, бежали, не вступив в сражение. Двое из (хивинских) воинов, именно Мухаммед Нияз-бек, сын Худай-берды-инака и Абдулла-бек, сын

---

[1] Куба-тагы, по Каульбарсу, Кубе-тау или Джимур-тау — возвышенность на левом берегу верхнего течения Улькун-дарьи, на восток от г. Кунграда.

[2] Т. е. до 1770 г. См. предыд. рассказ автора, стр. 339 и сл.; ср. также В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 97.

[3] Так называлась голова (начало) арыка Ходжейли. См. «Фирд. аус-уль-икбаль», л. 280б.

Кара-бехадыр-мираба, преследуя Баба-сердара, выбили его из седла. Поднявшись, этот негодяй убил лошадь кыята Орус-кошчи-бехадыра, но в это время молодцы (из хивинцев) изрубили его, а также и другого йомута, по имени Дудар-кула, прочие же, пользуясь покровом ночи, спаслись бегством. Утром Клыч Нияз возвратился с торжеством и победой, удостоившись ханской награды. Ко времени завтрака явилось много йомутов, во главе с их вождями: Мухаммед Нияз-аталыком, Артыком-бахши[1] и Халь Ниязом, которые через посредство некоторых приближенных передали хану привезенную ими просьбу Эвез-бека. *197б*

В то же время Хусейн Мурад-бек, сын Мурад-бека, старший брат Мухаммед Риза-кушбеги, вместе с сыном Тенгри Яр-бека, Худай-бергеном, Черен, калмыком и некоторыми смельчаками, выехав на аральскую дорогу, убили здесь одного из йомутских разбойников Ата Нияза Очакчи и доставили его голову. В этот день хан, по совету своих приближенных, дал йомутским начальникам благосклонный ответ. Они отправились на арык Аман-кули, и там произошло отделение миролюбивых от враждебных. (Первые), вместе с казахами, пришли в Ак-сарай, а враждебные ушли в Бала-ятан. Оставаясь в течение двух дней у подножий Куба-тага, хан со своими войсками разыскал и забрал закопанное и спрятанное мятежниками имущество.

Во вторник, 13-го числа, победоносные знамена (войска) были направлены против врагов, в сторону канала Аман-кули.

После переправы через канал войска расположились в местности Бала-ятан. Утром враги отсюда бежали на Ай-бугир и Эренг. *198а*

На преследование бежавшего врага покойный хан отправил отсюда царевича Мухаммед Рахима с двумя тысячами отборных джигитов. Дойдя быстро до Шаркыраука и не найдя здесь никого, его высочество вернулся.

В среду (ныне) покойный хан оставил лагерь в Бала-ятане и выступил с войском с территории йомутов, оставив для охраны лагеря ополчение (кара-черик) с мангытом эмиром Эвез-инаком, сыном Инаятулла-инака, чувствовавшим себя в это время не вполне здоровым. Авангард ханских войск настиг врагов в Куня Ургенче[2] и захватил множество имущества и пленных.

Из Куня Ургенча идут две дороги: одна из них — это дорога в Мангышлак и к казахам, она идет на запад, а затем отклоняется к северу; вторая дорога идет в Кум-чонгюль, направляясь прямо на север. Кроме этих двух (дорог), есть еще ряд других, которые между собой переплетаются.

(Хивинцы) увидели, что йомуты разделились и направляются по этим двум дорогам. Хан разделил войска на четыре части. Одну из них, под начальством наймана Эшим-бехадыра из Гурлена, кыпчака Хусейн Мурад-аталыка и Баба-даруги из Хазараспа, он направил на Мангышлакскую

---

[1] По поводу термина бахши см. примечание на стр. 578.

[2] В тексте قديم‌دور خوارزم كيم اوركنج كهنه, т. е. «Куня Ургенча, который является древним Хорезмом».

дорогу, а вторую — под начальством уйсуна Абд-уш-шукур-аталыка и Кутлуг Мухаммед-бека, сына Хасан Мурада-аталыка, послал на дорогу в Кумчонгюль. Две (остальные) части хан оставил при себе. Поднявшись на купол Тёре-бахт-ханым,[1] хан стал рассматривать окрестности. Эшим-бехадыр, Хасан Мурад-аталык и Баба-даруга, пройдя один фарсах, настигли йомутов и нанесли им поражение. Воинам при этом досталось много разного рода имущества и скота. Получив скот и имущество, войска под начальством мангыта Худай Назар-аталыка и конграта Эль Амана, благодаря своей неустойчивости, возвратились в места своего постоянного жительства, вследствие чего в распоряжении начальствующих лиц осталось мало людей (стихи).

Слышал я, что вышеупомянутые начальствующие лица, вместе с оставшимися в их распоряжении людьми, поддались безумному желанию овладеть богатствами врагов. Пришпорив своих коней с излишней торопли-
199a востью, одержав частичную победу, они занялись грабежом имущества.

Тем временем враги получили сведения об уходе большей части войск, собрали свои силы и набросились на оставшихся. После часовой обороны (хивинцы) несколько отступили в виду своей малочисленности. По этой причине враги почувствовали себя сильнее и одолели победоносное воинство, которое, не будучи в состоянии устоять, обратилось в бегство. В этом неудачном сражении семь-восемь человек было убито, Худай-берген-бек, сын Тенгри Яр-бека, попал в плен.

Не будучи в состоянии от стыда и смущения явиться к хану, беглецы вернулись (сначала) в лагерь, и лишь затем вышли навстречу хану, когда тот, разбивши врагов, находился уже на обратном пути.

Абд-уш-шукур-аталык и Кутлуг Мухаммед-бек, догнавши неприятеля по дороге в Кум-чонгюль, в силу своей малочисленности, оказались, однако, не в состоянии вступить с ним в сражение. (Поэтому) они, укрепившись кругом (مدار قلیب), послали Тенек-бехадыра (تنک بهادر) за помощью к хану. В помощь им хан назначил (принца) Мухаммед Рахим-бехадыра, совместно с Клыч-инаком и четырьмястами конных воинов. Вслед за ними отправился и сам хан. Дорогой он выделил некоторых храбрецов и начальников с отрядами, послав их в разные стороны, с таким расчетом, чтобы они могли разыскивать и уничтожать рассеявшиеся силы йомутов и имрели. (Мухаммед Рахим) хан вместе с Клыч-инаком быстро дошли до Кумчонгюля. Поручив инаку обеспечение центра армии, хан (Мухаммед Рахим) произвел необходимую подготовку, чтобы начать военные действия (стихи).

200a Затем (Мухаммед Рахим), вместе с нукерами и лицами из ханской свиты, под боевые крики, стремительно и храбро бросился в атаку (стихи). Мухаммед Нияз-бек и Абдулла-сердар, ни на минуту не покидавшие хана ни дома, ни в пути, также дружно бросились на неприятеля. Враги увидели, что им грозит неотвратимое несчастье и пустились в бегство.

---

[1] Также в ркп. E 6, л. 91a; ср. общепринятое в литературе Тюре-бек-ханым.

Убегая по направлению на север, они (туркмены), вследствие своей запуганности, были не в состоянии оберечь даже своих жен и детей, а также скарб и имущество, находившиеся к северу от Кум-чонгюля. Победоносное (хивинское) воинство, преследуя по пятам неприятеля, в пылу битвы не обратило внимания на то, что домашний скарб (кöч) находился на другой дороге. Однако, некоторые, пришедшие позже части войск направились по той дороге, на которой происходила перекочевка (кöч),[1] захватили бесчисленную добычу и пленных и возвратились к (ныне) покойному хану. В промежуток между (намазами) «аср» и «шам» победоносное воинство снова вступило в борьбу с неприятелем, производя успешные атаки и удачно сражаясь. 200б.

Ак Мухаммед Суфи Аксак, который приходился дядей Мухаммед Ниязу Кöрче и который является одним из зачинщиков и главарей среди туркмен, по безумию своему вступил на поле сражения, преграждая путь богатырям. Наскочивший на него Абдулла-сердар выбил его из седла ударом копья, а лошадь его взял себе. Увидев это, враги повернули своих коней, чтобы поспешить ему на выручку. В это время к месту сражения прибыл хан, который сильным натиском обратил врагов в бегство. Выступив против Ак Мухаммеда, он отрезал его безумную голову и отправил ее в подарок дяде. Преследование беглецов продолжалось до намаза «хуфтан», причем было убито много людей. Некоторые (из туркмен) попали в плен. Много было взято женщин и детей. Десять тысяч баранов досталось в качестве военной добычи. После этого войска стали возвращаться.

Главные силы хана находились в это время к северу от Кум-чонгюля. 201а. Присоединившись здесь к хану, (Мухаммед Рахим) преподнес ему военную добычу и пленных.

В это же время к хану присоединился (ныне) покойный царевич Хасан Мурад-бек — младший брат хана Эльтузера и младший брат Мухаммед Рахима, вернувшийся из похода, с богатой добычей и пленными. Пришли также и другие начальники и храбрецы, которые занимались истреблением врагов в окрестностях и собрали там богатую добычу. От своего покойного старшего брата (ака) Мухаммед Нияз-мираба я (Мунис) слышал следующий рассказ:

«В тот день, я вместе с некоторыми другими приближенными, согласно приказу начальства (умара), был назначен в одно из мест (военных действий). (Там) мы убили пять-шесть человек йомутов и имрелинцев, уже рассеявшихся к этому времени. Семь человек мы доставили живьем. Для отмщения за кровь погибших хытаев, ханом был издан приказ о преда-

---

[1] Слово «к ч» имеет следующие значения: перекочевка, переселение, путешествие, караван, жена, семья, а также стоянка лагеря во время военных действий и все, что перевозят во время перекочевки (семейство, пожитки и скот). См. Словарь Радлова, т. II, стр. 1286—87; Будагов. Словарь, II, 145, также Not. et Extr., t. XIV, I-re partie, p. 45, а также Березин, Нашествие Батыя, ЖМНП, 1855, стр. 15—16. Во всех этих значениях слово «кöч» встречается и в хивинских хрониках.

нии смерти пленников. Все пленные в ту же ночь были перебиты, вследствие чего местность эта превратилась в кладбище».

Рано утром снова стали преследовать врагов. Когда проезжали около мавзолея (гёмбез) Юсуф-бека, взошло солнце. Появились признаки того,
201б что враги, разделившиеся сначала по двум дорогам, соединились вместе. Вслед за ними сначала были посланы Эмир Вели-аталык и Мухаммед Пенабек с отрядом войск с тем, чтобы они не выпускали врагов государства до прихода (главных) хивинских войск.

Назначенные люди настигли мятежников-туркмен в Эренге и, издавая боевой клич, не позволяли им уйти. К хану был послан Шакир-диван с сообщением о происходящем и с просьбой о помощи. Прибыв к хану, находившемуся в это время на краю Ай-бугирской возвышенности, посланный доложил о случившемся. Хан послал в Эренг на помощь высокого хакима (Мухаммед Рахима), дав ему в распоряжение эмира Клыч-инака с многочисленным отрядом войск. По распоряжению хакана (отряд) свернул с дороги и обошел врагов сзади, угрожая их домашним (кёч).

Не вступая в столкновение с аталыком, враги бросились на окружающих Мухаммед Рахима. Руководимые ханом, все (присутствовавшие) сохра-
202а нили полное спокойствие и не двинулись с места.

Когда враги изведали тайну непоколебимости (хивинского войска), его величество хан, вместе со своими непобедимыми воинами, мужественно ринулся на неприятеля. Смешавшись с врагами, они начали их избивать и брать в плен, разбрызгивая своими мечами среди пустыни кровь врагов государства.

Его величество в этом сражении проявил так много отваги и мужества, что его подвигам могут изумиться Рустем и Нариман.

После того, как туркмены пустились в бегство, все находившиеся при хане войска начали их преследовать. Когда (хивинцы) добрались до домашних (кёч), туркмены единодушно и самоотверженно бросились на победоносное войско, после чего снова завязалась упорная и кровопролитная борьба.

В это время и сам хан (Эльтузер), вместе с находившимся с ним войском, прибыл к месту сражения и оказал свою милость и благоволение (Мухаммед Рахиму). Туркмены, придя к тому месту, где находились их домашние (кёч), стали приводить себя в боевой порядок, чему способствовали Мухаммед Нияз Кёрче, Гельды-хан, из имрели, и Клыч-кем. С каждой стороны воины издавали боевые кличи и в соответствии с правилами военного искусства приготовились к бою. Произошла легкая стычка.

Особый обычай йомутов заключается в том, что каждый раз, когда натиск врага ставит их в тяжелое положение, они выстраивают свои ряды и со знаменами бросаются в битву. Если им и этим путем не удается победить, то они поворачиваются и пускаются в бегство. Более ожесточенного натиска не в состоянии произвести какое-либо другое (войско). Такой атаки не может выдержать ни одна армия.

Йомутские войны и на этот раз, согласно указанному своему обычаю, выстроили свои ряды, (подняли) знамена и направили своих коней на победоносное (хивинское) войско. Началась жестокая битва.

Под высоким командованием хана, воины вступили в сражение, ни на минуту не переставая отражать врага и наносить ему смертельные удары.

Войска каждой стороны настолько смешались друг с другом, что действовать копьем и саблей было уже нельзя.

Произошла общая драка и свалка. Эмир Султан-мираб схватил в свои объятия одного сидевшего на лошади йомута и повалил его. Эмир Вели- *205б*
аталык, Юсуф Нияз-бек, Бек-турды Теджен и Мухаммед Али-бий храбро сражались в этой битве и многих врагов убили, (хотя) и сами получили ранения. Абд-уш-шукур-аталык, Курбан-кули, казий, из найманов, и Таджи-даруга, из уйгуров, были убиты. Однако неприятель понес большой урон и обратился в бегство.

В этом сражении туркмен было свыше десяти тысяч человек, между тем как победоносного (хивинского) воинства было менее тысячи. Большая часть воинов возвратилась, забрав себе добычу.

Войска, находившиеся в ведении Эшим-бехадыра, вследствие стыда за свое поражение, не могли притти (на поле сражения), а собрались в лагере, как об этом уже говорилось раньше. С другой стороны, большая часть войск также не находилась при хане, так как двигались еще позади. (И только) с помощью божьей и благодаря своему счастью хан с такими незначительными силами оказался победителем такого многочисленного войска.

В это время явился один пленник, (узбек из рода) хытай, бежавший с одним из рабов из туркменского плена и сообщил, что туркмены после своего поражения забрали своих жен и детей и бежали, не заботясь об охране принадлежащего им имущества и скота. (В поспешном бегстве) большинство малолетних детей погибло под ногами лошадей.

Худай-берген тем временем встретил одного бегущего йомута и убил *206а*
его. Покойный хан намеревался послать вслед за бегущими погоню и всех их истребить. Сановники, во главе с Шах Нияз-аталыком и Джафар-ходжа-накыбом доложили, что йомуты являются его старинными нукерами и если они сегодня подняли бунт и возмущение, то понесли за это наказание. Вместе с тем для них нет другого убежища и защиты, кроме чертога вашего величества. После нескольких дней скитаний и разного рода трудностей они по своей беспомощности снова униженно обратятся за защитой к вам. Если целью (войны) было возмездие (за убийство туркменами) несчастных хытаев, то это возмездие уже совершено в десятикратном размере.

Хан принял во внимание сказанное и после полудня выступил отсюда.

После одной остановки в пути, в воскресенье семнадцатого числа того же месяца (войска) достигли Куня Ургенча, где и остановились. После этого они прибыли на остановку в Агук-коюлган. Простоявши здесь три дня, пока собрались войска, и произведя здесь раздел добычи, они в среду двадцать первого числа (раджаба), направились дальше. Проходя остановку за

остановкой, в понедельник двадцать седьмого числа войска с торжеством и победой вступили в столичный город Хиву (стихи).

206б Что касается врагов, то они бежали без оглядки на расстояние одного дневного перехода, а затем, узнав, что хан возвратился, не преследуя их и не трогая их имущества, вернулись через несколько дней на то место и там находились несколько дней. Затем узнав о безопасности пути, они направились на Гюрген. Клыч-кем, являвшийся главным виновником бунта, направился с выражением своей покорности к кызылбашам и умер в Тегеране.

Та часть йомутов, которая дорогой отделилась от своих покорных (Хиве) сородичей, тайно поселилась в Эренге и оттуда имела сношения с (другими) туркменами. Покойный хан по этой причине прогнал их с той территории.

221б **Приход йомутов.** После того, как йомуты, напуганные походами против них покойного хана, ушли на Гюрген и Атрек, они стали подвергаться там всевозможным насилиям и притеснениям со стороны племени кара-чока и кызылбашей и испытывали острый недостаток в продовольствии и пастбищах для своего скота; нездоровый климат у многих из них подорвал здоровье, вследствие чего значительное число людей здесь тяжело заболело и многие умерли. Они стали тосковать о Хорезме, испытывая страстное влечение к благоприятному климату этой прекрасной страны и ко всему тому, чем они наслаждались, живя когда-то здесь.

222а Вследствие этого они невольно перекочевали в Хорезм, появившись здесь в середине октября (1221 г. х. — 1806 г.).

Предводители йомутов, во главе с Мухаммед Нияз-аталыком, Куваныч-суфи-векилем [1] и Эвез Бек-берды-беком, через посредство некоторых (хивинских) сановников были допущены к хану. Благодаря заступничеству высоких вельмож, покойный хан простил (йомутам) их прежние погрешности и пожаловал им район Муз-кумган, освободив его от имрели. Что касается имрелинцев, то им были предоставлены угодья в районе Янги-арыка.

[В главе, посвященной описанию враждебных действий, наступивших между Эльтузер-ханом и мир Хайдером бухарским, автор перечисляет следующие главнейшие причины этой вражды:]

222б П е р в о е. Как уже сообщалось выше, имрели ограбили бухарский караван. Покойный хан (Эльтузер) наказал имрелинцев по его (мир Хайдера) просьбе, а взятое ими имущество отобрал у них и возвратил последнему. Вместо признательности (мир Хайдер) стал несправедливо обвинять хана в соучастии с ворами и прислал с устрашающим письмом мирзу Абдул-Халыка, снова требуя имущества. Хотя хану это было чрезвычайно тягостно и прискорбно, однако, он с полной терпеливостью отнесся к такого рода умалению его достоинства (стихи).

223а В т о р о е. После этого случая с имрели, двести человек хорезмских купцов в 1219 г. х. (1804/1805 гг.) снарядили большой караван с многочи-

---

[1] Векили у туркмен часто упоминаются у Муниса-Агехи в качестве начальников и представителей отдельных родов на ряду с бахши и старейшинами (кедхуда).

сленными дорогими товарами. Когда караван выступил из Мерва по направлению к Мешхеду и вступил в область Серахса, на него в песках напало жившее здесь туркменское племя салыров. Разграбив караван, эти люди убили много ни в чем неповинных людей. Падишах Бухары, мир Хайдер, вместо того, чтобы наказать виновных, обласкал их и поощрил к (дальнейшему) ограблению караванов.

Четвертое.[1] Его (мир Хайдера) младший брат, эмир Дин Насир-тёре состоял в дружбе с покойным ханом (Эльтузером) и поддерживал *2236* с ним сношения. Встревоженный этим обстоятельством (мир Хайдер) через козни и интриги некоторых своих единомышленников отстранил Дин Насир-тёре от управления Мервом, послав туда двух начальников с тем, чтобы они схватили Дин Насир-тёре, а сами овладели Мервом.[2] Узнав о тайных намерениях (посланных), Дин Насир-тёре, при содействии Эш Назара-токсаба, опередил их, приказав обоих казнить (букв. «наказать»). Он читал хутбу на имя (ныне) покойного хана (Эльтузера), посылая ему письма с выражением своей покорности и подчинения, как об этом сообщалось уже раньше.[3]

По этой причине мир Хайдер почувствовал еще большую вражду к Дин Насиру-тёре и послал против него большое войско. Он схватил и приказал умертвить мир Хашим-ходжу, который являлся одним из почтенных людей указанного тёре. Затем день за днем он начал посылать своих людей в набеги на Мерв.

Тёре послал донесение о создавшемся положении (ныне) покойному хану и просил его помощи. Хан в это время охотился за Аму-дарьей. Узнав об этом происшествии, его величество пришел в сильный гнев.

В субботу девятого числа священного месяца рамазана упомянутого выше (1219 г. х. — 12 декабря 1804 г.)[4] года был послан Эмир Вели-аталык

---

[1] Третья причина хивинско-бухарской вражды заключалась в том, что Бухара поддерживала враждебную Хиве партию недовольных эмигрантов.

[2] Бухарский историк Мухаммед Якуб говорит, что казнь эмиром Хайдером ближайших сановников навела страх на окружающих и в том числе на Дин Насир-бека, сына эмира Ма'сума (Шах Мурада), правившего в это время Мервом. Первые четыре года правления в Мерве Дин Насир-бек боролся с племенами сарыков и салыров, вследствие чего в Мерве постоянно находились бухарские войска. Услышав об убийстве эмиром своих родственников, Дин Насир-бек стал враждебно относится к эмиру Хайдеру и арестовал начальников бухарского отряда в Мерве Ибадулла-дадха, Джумабия, Кальб Мурад-бия, Баба Назар-токсаба и др. Через шесть месяцев он отпустил их («Гульшен-уль-мулюк», ркп. ИВ С 1141, л. 173а).

[3] Описывая события начала царствования эмира Хайдера (1800 г.), тот же историк Мухаммед Якуб, между прочим сообщает следующее: «Услышав о смерти эмира (Шах Мурада, ум. 1800 г.), мервские туркмены подняли восстание, избрали своим эмиром (ханом) Адина берды-бия из салыров и опустошили окрестности Мерва. Против туркмен был выслан Абдулла-дадха («Гульшен-уль-мулюк», л. 170б). О враждебных действиях Дин Насир-бека по отношению к эмиру Хайдеру в этот период историк не сообщает.

[4] 9-е рамазана (12 декабря) в названном году приходилось на среду.

с двумя тысячами войска для разграбления Бухары. Они разграбили и опустошили Каракульский и Варданзийский туманы, а дорогой ограбили бухарский караван и с богатой добычей возвратились.

224а После набега Эмир Вели-аталыка снова посылались сильные отряды для набегов. Совершая одно нападение вслед за другим до самой весны, назначенные (для этого войска) навели на Бухару ужас.[1]

[В совершаемых хивинцами набегах на Бухару участвовали также и туркмены, как это видно из следующих отрывков данного сочинения.]

Через четыре дня после того, как был совершен набег Эмир Вели-аталыком, один из знатных людей рода кыят Орус-кошчи-бехадыр, являвшийся одним из наиболее выдающихся храбрецов, был послан с войсками чоудоров и арабачи на Ирдарскую дорогу,[2] где он в течение пятнадцати дней и производил ограбление бухарских караванов.

Один из правителей (акабир) Шах-абада, Нияз-аталык, известный под прозвищем Авуша, с отрядом в двадцать пять человек из йомутов и узбеков Шах-абада, прибыл к Ирдарским горам. Здесь он встретился с бухарским войском, которое сопровождало шедший из чужих стран бухарский караван. Вступив в сражение и убив много людей, он (Нияз-аталык) однако
224б попал в плен. По приказанию мир Хайдера его в Бухаре казнили.

Один из воинов племени имрели, Надир-сердар, во главе отряда в 120 человек из узбеков и имрели, в последний день поста рамазана (совпадает с первым числом месяца шавваля) напал на бухарский караван в районе Нур-ата; разграбив караван, он возвратился с большой добычей.

В средине месяца шавваля йомут Кока-сердар, со своим отрядом из йомутов и имрели, напал в местности Мин-булак на караван, шедший из Бухары в Россию. Перебив торговцев, он забрал их имущество.

Муса-наиб из вельмож рода канглы и Коушут-сердар из йомутских предводителей, во главе отряда в 110 человек из узбеков и туркмен, в четверг 14-го числа месяца зуль-ка'да (1219 г. х. — 14 февраля 1805 г.) совершили набег на Хайрабадский туман (ок. Бухары). Двух человек из находившейся там охраны они убили и шестьдесят человек и двух рабов взяли в плен. 18-го числа они вернулись с необыкновенно богатой добычей. Они явились к ныне (покойному хану) во время пира. Хан проявил благо-
225а склонность к ним за эту их службу и наградил их обоих чином парваначи.

---

[1] Мухаммед Якуб коротко говорит, что хивинцы (ургенчи) опустошали район Бухары, вследствие чего в 1220 г. х. (1805/06 г.) против хивинцев был выслан Нияз-бек-парваначи с 20 000 войска. Сражение с хивинскими войсками закончилось гибелью Эльтузер-хана («Гульшен-уль-мулюк», ркп. ИВ, № С 1141, л. 172б).

[2] Ирдарская дорога часто упоминается авторами хивинской истории не только как путь, по которому идут бухарские караваны в Россию (Оренбург), но так же как дорога из Кунграда (Арала) в Бухару (ср. рук. Е 6, лл. 69а, 139а). Абулгази (texte, p. 326, ср также выше перевод, стр. 329) упоминает о горе Ирдар, находившейся по пути из Хивы к р. Эмбе. Возможно, что по имени этой горы получила название и проходившая около нее дорога.

Пятнадцатого числа того же месяца 110 человек из узбеков, имрели и алтун-джиляу, выйдя из Хивы и направившись по северной Ирдарской дороге, ограбили казахских торговцев, которые ехали в Бухару. Убив бухарских купцов, а также некоторых казаков, они возвратились.

О событиях третьего года царствования (Мухаммед Рахима), в частности о выступлении его против враждебных чоудоров, о победе над ними и обратном его возвращении 285б

Склонившись на сторону аральского правителя Тёре Мурада Суфи,[1] чоудоры с его помощью производили мятежи и проявляли неповиновение.

Когда (хану) стало известно о неподобающих делах (чоудоров), великий и могущественный султан, Мухаммед Рахим-хан для наказания этого мятежного племени, приказал собрать войско со всех концов Хорезма. Всех верных воинов хан щедро одарил деньгами и подарками, особенно были осыпаны ханскими милостями приближенные, выделявшиеся своими заслугами перед престолом. Вскоре все необходимое для похода было приготовлено и приведено в порядок. В воскресенье, одиннадцатого рабн II 1223 г. х. (6 июня 1808 г.) хан с помощью божьей выступил в поход. [Стихи, в которых, между прочим, упоминается, что хан вскоре прибыл в Ак-кум.] Здесь хан отдыхал в течение трех дней, чтобы дать возможность подойти и собраться всем отрядам, назначенным в поход. 286а

В скором времени сюда собралась вся многочисленная победоносная армия, от мощи которой сотрясалась земля и колыхался небесный свод (стихи). 287а

Выступив из Ак-кума, хан в пятницу остановился со своим войском в Кыпчаке. Выйдя на другой день из Кыпчака, он следующую остановку сделал к Кечуйе (كچويى).

В воскресенье выступив оттуда, (войска) расположили свои палатки у головы канала Салли (سالى) в округе Ходжа-эли,[2] где хан провел три дня, занимаясь охотой. Выйдя оттуда в четверг, следующую остановку сделали в Ходжа-эли. Обласкав и облагодетельствовав население (фукара вэ райа), хан в пятницу вышел и прибыл затем в Кара-кёль. Отправившись отсюда в субботу и позавтракав в Турангулы-баше, хан остановился затем в Кумчопгюле. Пробыв здесь один день, в понедельник остановились на озере, которое находится в низовьях Майли-узяка. 287б

В тот же день хан произвел подготовку к выступлению против чоудоров. Для этого он выстроил ряды своих победоносных войск, расставил по соответствующим местам начальников и воинов и поставил позади войск

[1] Известный противник Мухаммед Рахима, владетель г. Кунграда, убит в 1811 г. О нем подробнее см.« Материалы по ист. кара-калпаков». Труды ИВ. Акад. Наук СССР, т. VII, Л., 1935, стр. 77, 78, 98 и сл.

[2] Так по ркп. Е 6 л. 125б, по ркп. С 561 канал назывался سالنى.

искусных стрелков, после чего (войска) приблизились к неприятельской крепости и бросились на штурм (стихи).

288а Низкие враги, в силу полного своего невежества, всем скопом вышли из крепости наружу и, выступив против победоносного воинства, вступили с ним в сражение. Храбрые (хивинские) воины с такой силой работали своими мечами, что враги обратились в бегство. Многие из них были перебиты во время преследования, пока не укрылись в крепости.

После того, как хан щедро одарил и вознаградил храбрых молодцов, приступили к уничтожению посевов в окрестностях. В течение четырех дней войска вытаптывали поля, забирали зерно и травили посевы и таким образом все уничтожили.

На пятый день, в субботу первого числа месяца джумади I (25 июня 1808 г.), враги увидели, что все их посевы и пашни вытоптаны животными или стали достоянием войск.

Так как все надежды (чоудоров) на сбор урожая рушились, то они в порыве отчаяния выступили из крепости и храбро бросились в атаку на победоносные войска. В свою очередь неустрашимое (хивинское) воинство выступило против неприятеля, вследствие чего завязался настолько жестокий бой, что поле битвы сделалось влажным от крови врагов; крики и стоны избиваемых врагов доносились до небесных высот (стихи).

289а После короткой кровопролитной битвы, в которой погибло много людей, победоносным войскам удалось, благодаря своей храбрости, сломить ряды противника. Разбив врага, войска заставили его отступить в крепость и после этого окружили ее. В этом бою из числа (хивинских) воинов погибли от ружейных пуль: один из нукеров Якуб-ходжи, один человек от отряда Шигал-мехрема и два человека из отряда йомутов, один джигит из дурманов и Худай Назар Как, и двое из йомутов получили ранения.

289б По просьбе вельмож и государственных сановников, хан отправился отсюда в обратный путь и в понедельник расположился лагерем на берегу озера, которое находится к востоку от крепости (кала) Кух-и-тен (كوه‌تن). Пробыв здесь два дня и уничтожив находившиеся у подошвы холма посевы врагов, направились дальше и в четверг прибыли в Турангулы-баш. В пятницу выступили отсюда, после чего расположились лагерем у Ходжа-эли. В воскресенье выступили из Ходжа-эли и после совершения многих переходов, поздно вечером, во вторник, благополучно достигли столичного города Хивы.

291б **Второй поход хана против мятежных чоудоров. Бегство их в крепость Кунград после того, как стало известно о выступлении ханского войска. Поход на каракалпаков и их завоевание. Наказание кунградских мятежников.** Мухаммед Рахим-хан в этом (1224 г. х. — 1809 г.) году также совершил поход на Арал.

292а Причины, вызвавшие этот поход, следующие: во-первых, часть аральских кара-калпаков обратилась к хану с просьбой прислать на их территорию войска, чтобы освободить их от притеснений Тёре Мурада Суфи и, во-вторых, — нападение, совершенное чоудорами на караван, шедший из Янги-

кала («Новой крепости»).[1] Это укрепление является торговым двором; оно построено русскими на берегу Волги (Атиль), откуда они насильственным образом вытеснили казахов.[2] Часть каравана принадлежала хивинцам, которые в конце месяца шавваля (ноябрь 1809 г.) вышли из этого укрепления в сопровождении торговцев из казахского рода табын. Когда они подходили к Старому Везиру,[3] на них напали чоудоры. Соорудив укрепление (курган) из тюков товара, караван защищался в течение восьми дней. Рассказывают, что когда (у защитников) кончился свинец, они делали пули из меди и серебра. На помощь чоудо- *292б*
рам прибыл Эш Мухаммед-бек со многими людьми. Построив серкуб, они (осаждавшие) все же не были в состоянии справиться и в конце концов пустились на хитрость, заговорив о мире и требуя пошлину (бадж). Люди каравана, из-за отсутствия воды, находились почти на краю смерти, а потому согласились на мир. Под этим предлогом разбойники вошли внутрь (укрепления) и разграбили караван.

Когда эта неприятная весть дошла до хана, он приказал приготовить все необходимое для похода. По возвращении Керим-берды-аталыка и Мухаммед Риза-кушбеги из похода, против возмутившихся мервских теке и сарыков, для сбора войска были разосланы гонцы (тäвäджи) во все концы государства. Все славные военачальники и храбрые воины были щедро одарены царскими подарками и удостоены ханских милостей.

Приготовление походного снаряжения было поручено Юсуфу-мехтеру и Яр Мухаммеду-диванбеги. Кутлуг Мурад-инак был поставлен наместником (хана) в столице, а в помощь ему хан назначил Ходжа Мурад-бия, Мухаммед Эмин-ака и Мухаммеда-арбаба. Для охраны хорасанских дорог были назначены нукеры названного выше эмира, под начальством Искандер-ходжи Бек-абадского (стихи). *293а*

В понедельник двадцать третьего числа месяца зуль-ка'да (30 декабря 1809 г.), когда солнце находилось в созвездии Водолея, около времени завтрака, хан со своим войском торжественно выступил из столицы *293б*
(стихи).

---

[1] На территории б. Хивинского ханства упоминаются два пункта, носящие это название, одно к югу от Мангыта, другое (на карте Джаны-кала) на юго-западе, по побережью Аральского моря, именно на пути, по которому могли следовать караваны на север в Россию. В данном случае автор не имеет в виду ни того ни другого укрепления. Вторичное упоминание о Янги-кала (см. стр. 376), возможно, относится ко второму из этих пунктов. О местоположении Янги-кала см. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 97. См. также Труды ИВ, т. VII. Матер. по истории каракалпаков, Л., 1935, стр. 104.

[2] Судя по этим данным, можно полагать, что автор здесь имеет в виду г. Оренбург, построенный в 30-х годах XVIII в. на казахской территории. В таком случае название Атиль следовало бы отнести к р. Яику (Урал), что, однако, вряд ли возможно. Весьма возможно, впрочем, что мы здесь имеем дело с путаницей географических понятий у автора.

[3] О нем см. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 92—93.

К вечеру хан прибыл в Анбар-кала, собственное владение, отличающееся изяществом своих построек и благоустройством.

Кутлуг Мухаммед-бек, сын Хасан Мурад-аталыка и Клыч Нияз, сын Мир Али-диванбеги, которые прибыли во владение хана (т. е. в Анбар-кала), были удостоены за свою похвальную службу высокой ханской милости. Выступив отсюда с восходом солнца, хан остановился затем в приготовленной для него заранее роскошной палатке к западу от крепости Кыпчак.

294а Правитель Кыпчака, Яхшилик-бий, сын Алла-берды-бия, вместе с его близкими, а также Уразак-бий, из рода канглы, вместе с его людьми, за свою хорошую службу были удостоены ханской милости. Выступив отсюда в пятницу, хан избрал следующей своей стоянкой местность у западной подошвы Илан-кыра. Сюда поспешно собрались многочисленные войска со всех концов государства (для участия в походе) (стихи).

294б В тот же день чоудоры, услышав о выступлении против них ханского войска, бросили свое укрепление (курган) и поспешно бежали, чтобы с помощью Тёре Мурада Суфи скрыться в Кунградской крепости. Приближенным хана стало известно, что оставшийся в Янги-кала караван благополучно подходит. Навстречу каравану были посланы Ураз Али-инак, Алаш-бек и Мухаммед-джан-бек с подчиненными им войсками и йомутскими воинами. Проводив караваны через опасные переходы, они (в местности) Кара Шафик-каир явились к хану.

В тот же день Ураз-бехадыр и Адам-бехадыр, сыновья Абдуллы-сердара, и Алла Назар Бычкы, происходящий из того же племени (эль), что и автор настоящего сочинения,[1] получив в столице разрешение хана, отправились с отрядом храбрецов-джигитов в набег на Кунград. Напав на дом

295а младшего брата Ораз Али, кыята, они разграбили его, а сына его и людей перебили. С головами (убитых) и с богатой добычей они возвратились к хану.

[Дальнейшие упоминания о туркменах встречаются при описании осады ханом крепости Кунграда, где сообщается, что на стороне хивинцев участвовали йомутские войска, во главе которых стояли: Куваныч Суфи, Ата Мухаммед-онбеги, Берды-бек, Мухаммедче Нияз Кёрче-сердар, Кока-сердар

303б и Мухаммед-сердар, а также Гельды-хан и Надир-сердар, из племени имрели, со своими войсками.

304а На стороне кунградцев находились чоудоры. Во время вторичной осады Кунграда (1224 г. х.) часть чоудоров перешла со своими семьями на сторону

315а—315б хана. При описании событий во время той же осады, между прочим, упоминается о награждении ханом Тугап Нияз-бехадыра из вождей мангышлакских туркмен рода абдаль, который успешно сопровождал купеческий караван, направлявшийся из Астрахани в Хиву через Старый Ургенч.]

Поход Клыч-инака на Ай-бугир. Хану донесли, что некоторые из куп-

316а градских и чоудорских злодеев собирают жатву в местности по эту сторону

[1] Т. е. из узбекского племени юз.

«Лошадиной дороги» (Ат-йолы),[1] а также в окрестностях чоудорской крепости (Чоудор-каласы) и крепости Кух-и-тен до самого мазара (гёмбез) Ата Юсуфа. Снимая пшеницу и прочие посевы, они отправляют все это в крепость Кунград. Вследствие этого, хан приказал Клыч-инаку отправиться в эту местность с четырьмя тысячами войска и истребить врагов, в случае, если они там покажутся. Если их там нет, то он должен был истребить их пашни и посевы и после этого возвратиться. *317а*

В среду 23-го числа Клыч-инак выступил, но из врагов никого в той местности не нашел. Оставаясь там в течение трех дней, он часть посевов пшеницы и ячменя потравил скотом, а остальное сжег. В воскресенье он возвратился и был удостоен ханских милостей. По возвращении из второго похода один из йомутских вождей, Махдум-сердар, с пятнадцатью своими соплеменниками, совершил, по приказанию хана, набег на Кунград. *318б*

[В свою очередь кунградские чоудоры участвуют в набегах на северные районы хивинских владений.]

Пятый год царствования Мухаммед Рахима

[Из событий, связанных с наступлением пятого года царствования Мухаммед Рахима (1225 г. х. — 1810 г.) в рукописи отмечаются два набега, совершенные с участием йомутских войск на кара-калпаков, а также встречаются дальнейшие упоминания о чоудорах, продолжающих служить кунградцам и совершающих, по приказанию Тёре Мурада Суфи, набеги на хивинские караваны. Последний из указанных случаев описывается следующим образом:] *321б—346б*

Происшествие с войсками чоудоров. По распоряжению Тёре Мурада Суфи, чоудорские войска выступили против каравана и, быстро передвигаясь, настигли этот караван на перевале у подошвы (горы) Беш-тушук (بیش توشوک) и хотели насильственным путем овладеть его имуществом. Не желая наносить ущерба достоинству хана, люди каравана сделали себе укрепление (хисар) из тюков товара и земли и стали обороняться. В течение трех дней чоудоры не в состоянии были одолеть их, несмотря на всевозможные усилия, какие они употребляли. Из грабителей было убито четыре-пять человек, из состава же каравана никто не был (даже) ранен, (наоборот) — осилив (противника), осажденные овладели его водой (стихи). *377а*

На четвертый день, разбойники, обнажив сабли и спешившись, со всех сторон яростно бросились на караван.

Осажденные без всякой растерянности и испуга, положившись на волю божью, стали защищаться. Некоторые из них, обессиленные, были не в состоянии сражаться и молились. Их молитва была услышана, и они

[1] Ат-йолы или Ат-гузары — большая проезжая дорога, направлявшаяся из Хивы через Хан-абад, Куня Ургенч на Кунград, а отсюда на Ай-бугир и далее, повидимому, в Россию. Ср. рук.Е 6, лл. 138а, 152б, 204а, 227б и др. В районе Кунграда отмечается озеро, также носившее название At=jol. См. Beiträge etc., II, p. 4.

достигли желанной победы. Многие разбойники были ранены ружейными выстрелами, а тридцать человек (из них) было убито.

Чоудоры живут набегами, однако, они понесли все же полное поражение в борьбе с небольшой группой людей из числа подданных высокого хана, уже ослабевшими и обессилевшими (стихи). На пятый день чоудоры собрались вместе и, посовещавшись, заговорили о мире, (прося) что-нибудь дать им на покупку саванов для умерших.

В это время пришло известие о том, что Эш Мухаммед-бек потерпел поражение и что аральские войска в Гурлене истреблены, вследствие чего чоудоры смутились и бежали, а караван спокойно направился своей дорогой, выйдя благополучно из угрожавшей ему опасности.

348б **Уход чоудоров из Арала и разногласия их вождей.** Когда чоудоры потерпели поражение от людей, сопровождавших караван, и с позором возвратились в свои становища, их первым желанием было уйти отсюда, чтобы спастись от бедствий голода и дороговизны. Этот ужасный случай (т. е. понесенное поражение) еще больше их подкрепил (в этом намерении). Видя, что власть и могущество Тёре Мурада Суфи падают, они не находили другого выхода.

349а Наконец, они решились не служить больше Тёре Мураду Суфи и уйти из Арала. Приготовив вьючных животных и продовольствие, они в середине рамазана (1225 г. х. — 14 октября 1810 г.) направились по «Лошадиной дороге» (Ат-йолы) и, переправившись (через реку) на плотах (сал) и судах (киме), прибыли в Ай-бугир. Здесь между ними возникли разногласия; Балту Ниаз-кази, главарь мятежников, с той частью чоудоров, которая совершила много преступлений и боялась ханского гнева, направились на Мангышлак, являющийся первоначальной их родиной, а племя хасан-эли, под предводительством Ярлыкаб-бека, отправило посла к хану с изъявлением своей покорности и преданности и остановилось здесь в ожидании его возвращения. В это время крепость (хисар) Ходжа-эли охранял Кутлуг Мухаммед-инак. Услышав о прибытии чоудоров на Ай-бугир, он со своими нукерами и войсками Ходжа-эли из предосторожности направился в сторону Ай-бугира. Несколько воинов по дороге встретили посла Ярлыкаб-бека, но по опрометчивости своей убили его.

Мухаммед-джан [1] после прибытия своего на Ай-бугир, направил это племя (чоудоров) в сторону Хивы, а сам возвратился в Ходжа-эли. Ярлыкаб-бек, вместе с другими предводителями племени хасан-эли, направился ко двору, чтобы просить милости хана. В результате хан снизошел к их положению и пожаловал каждому из них, соответственно их состоянию, стоянки и пашни.

О совершении ночного набега мятежниками теке на Хазарасп и преследовании и истреблении их Каляндаром-парваначи. Дело происходило следующим образом. Мухаммед Ниаз-тархан, являвшийся главой мятежных

---

[1] Мухаммед-джан-бек, сын Кутлуг Мухаммед-инака.

мервских теке, совместно с сыном и наследником иранского государя Фетх Али, прозванным Баба-ханом, переселил в 1222 г. х. (1807 г.) все население Мерва в Мешхед, вместе с Дин Насир-тёре, а затем подчинил себе Мерв, объединил вокруг себя племя бахши и других и отказался от повиновения великому (хивинскому) хану.[1]

В середине указанного выше месяца (рамазана) он (Мухаммед Нияз) послал в сторону Хивы шайку негодяев из племени кара-ахмед с тем, чтобы они произвели нападение.

В ночь на понедельник 17-го рамазана эти негодяи подошли из песков к окраине Курука (كروك), одного из селений Хазараспа. Напав на рабат[2] одного из курукских ходжей, они разграбили его имущество, захватили в плен его жен и детей и пошли обратно. *350а*

Не будучи в состоянии найти дорогу, они долгое время блуждали по озерам и (только) к утру выбрались в пески и ушли.

В то время, когда они выходили из песков, их случайно заметил один из земледельцев, живущих в низовьях Курука, и дал знать об этом в крепость Абдулла-инаку. Захватив с собою имевшееся наготове войско, числом свыше ста пятидесяти всадников, инак поехал на Курук. Взяв у здешних жителей (фукара) и ходжей баранов, рис и котлы для приготовления завтрака, войска выехали на границу пустыни. Увидев здесь свежие следы недавно проходивших теке, (войска) остановились для завтрака, с тем чтобы после этого двинуться дальше. Пока они приготовили пищу и позавтракали, уже взошло солнце (стихи). Совершивши намаз, они долгое время советовались и совещались (стихи), оставаясь здесь до тех пор, пока солнце не достигло зенита.

Наконец, ссылаясь на жару и усталость коней, они возвратились домой (стихи).

В эти дни его светлость, высокий инак Кутлуг Мурад (стихи), занимался *350б* охотой около Ак-рабата в округе Дарган(ата). Во время охоты к нему пришли сведения об этом (нападении). С целью преследования врагов, он отправил эмира Бий Назара, а также неотлучно находившегося при нем (инаке) Каляндар-парваначи, Искандер-ходжу Бек-абадского и Эль Аман-бехадыра, из конгратов, с семьюдесятью человеками своих нукеров. В соответствии с полученным приказом, (отряд) вышел из Ак-рабата в пустыню (стихи).

Двигаясь в спешном порядке, посланные достигли колодца Шор-куи. *351а* В окрестностях этого колодца они обнаружили следы проходивших врагов. Оставив отряд у колодца и взяв с собой девять избранных молод-

---

[1] Более подробные сведения об обстоятельствах выселения в 1807 г. жителей Мерва и Дин Насир-бека в Мешхед см. В. А. Жуковский, цит. соч., 90—92. Некоторые дополнительные подробности об этом событии сообщает Мухаммед Якуб, упоминающий о каком-то Старом Суньяне (کهنه سنیان), через который проследовал при этом Дин Насир-бек. См. «Гульшен-уль-Мулюк», цит. ркп., л. 173б.

[2] Повидимому, имеется в виду отдельная усадьба.

цов, парваначи Искандер-ходжа и Эль Аман-бехадыр пустились вслед за теке.

Настигнув врагов около колодца Оджарлы, который расположен не доходя двух переходов до Мервской области, (воины) одним ударом их уничтожили.

Имущество и пленные в сопровождении нескольких человек были (ранее) направлены теке вперед. Отряд снова поспешил в погоню и, нагнав (обоз), перебил сопровождавших его теке, завладел имуществом и пленными и, отрезав головы (убитых) врагов, направился обратно.

Захватив у колодца Шор-куи оставшуюся часть войск, отряд на девятый день прибыл в окрестности Питняка, где и был награжден за свои услуги иначе. В последний день того же месяца (рамазана) они прибыли во дворец хана, который осыпал их царскими милостями.

376а **События шестого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1226 г. х. — 1811 г.)**

Поскольку священная война является одним из предписаний Корана, мусульмане должны ежегодно обнажать свой меч против неверных. В соответствии с этим постановлением и для выполнения указанной религиозной обязанности (фарз), хан в пятницу шестого числа месяца сафара данного (1226 г. х.) года, соответствующего году змеи (2 марта 1811 г.), назначил одного из йомутских предводителей Кока-сердара, из племени ошак, с сотней лучших йомутских воинов для набега на хорасанских кызылбашей.

В четверг 12-го числа того же месяца хан назначил для этого набега Хызыр-сердара с пятьюдесятью бойцами. Оба назначенные (отряда) соединились на р. Гюргене, после чего совершили нападения на некоторые крепости Астрабадской области и возвратились с обильной добычей.

[При описании четвертого похода хана на Арал (Кунград), между прочим, сообщается следующее:]

395б Хан услышал, что на помощь к Суфи (Тёре Мураду) пришли йомуты с Гюргена. Дойдя до Лошадиной дороги (Ат-йолы или Ат-гузары) и узнав о происходящих военных действиях, (йомуты) повернули обратно. Для наказания их был назначен Кандум-сердар. Подробности этого таковы: уже сообщалось, что в числе хорасанских туркмен на Гюргене имеются йомуты,

396а которые носят название чони-шереф и кара-чока. Несколько человек из этих племен прибыли в Арал по торговым делам. (Тёре Мурад) Суфи, в качестве платы за (приведенных йомутами) одиннадцать лошадей, продал им дочь Курбан-бек-бия, вместе с сорока другими девушками. Провожая (йомутов) на Гюрген, (Суфи) поручил им сказать, что каждому, кто придет ему на помощь в качестве пукера, он будет давать по две девушки.

Когда эти (йомуты) приехали со своими девушками в Хорасан и передали туркменам об обещании, данном Тёре Мурадом Суфи, некоторые

из гюргенских йомутов, число которых оказалось свыше двухсот человек, погрузили на верблюдов пшеницу и рис и двинулись к Суфи в Арал, в надежде на удачную торговлю, как это было им обещано.

Выйдя из степи на Лошадиную дорогу (Ат-йолы), они остановились на одном из перекрестков к юго-западу от нее.

Случайно здесь находились некоторые сокольничьи шахзаде Мухаммед Назар-бека и Мухаммед Юсуф-бека, приехавшие (сюда) из города. Они стали добычей йомутов. Узнав от сокольничьих, что хан осаждает крепость, (Кунград) йомуты потеряли всякую надежду и, не щадя своего достояния, высыпали привезенную ими пшеницу и рис на Эренг-кыре и пустились в бегство. (В это время) двое джигитов из ханского войска ехали в район кара-калпаков.

Дорогой они (джигиты) получили сообщение, что это якобы караван из Мангышлака, направляющийся в Хиву. С этими неверными сведениями они и возвратились. Утром, в пятницу третьего числа сведения (относительно туркмен) подтвердились. Для преследования был выслан Кандум-сердар с отрядом избранных храбрецов.

После того, как назначенный (отряд) пересек Лошадиную дорогу, он начал с необычайной быстротой преследовать неприятеля и настиг его у колодца Ельтидже.

После того, как обе стороны построились в боевой порядок, Кандум-сердар, (согласно поговорке): «обдумывай по-стариковски, решай по-молодецки», оставил некоторых храбрых и испытанных воинов для охраны знамен, а сам с (остальными) храбрецами, обратившись к помощи божьей, храбро бросился на врага (стихи). После жаркой перестрелки и рукопашной схватки воинам удалось взять верх над туркменами. Убив и ранив некоторых из них, (хивинцы) завладели их верблюдами и другими вьючными животными. Мятежники снова собрались около колодца, устроив здесь себе укрепление (хисар) из земли и травы (чӧб). Вследствие того, что колодец оказался в распоряжении туркмен, победоносные (хивинские) воины, оказавшись среди знойной пустыни, стали испытывать недостаток в воде и корме для своих лошадей. По этой причине они должны были прекратить военные действия и направиться в обратный путь. *397а*

Однажды в дни праздника, двое из высокопоставленных вельмож Бек Балта-мираб, из нукузов, и Нияз Мухаммед-диванбеги, один из приближенных покойного царевича Хасан Мурад-бека, занимались соколиной охотой в окрестностях колодца Сагаджа. Вдруг на них напали теке и взяли обоих в плен Произошло это так: *417б*

Мятежники из племени теке избрали местом своего жительства Мерв, где и обитали. Некоторые из них направлялись, по наущению Курбан Нияза Пиллячи, для набега в Хорезм. Увидев у (колодца) Сагаджа двух охотников, они схватили их и пустились обратно. Дорогой они нигде не останавливались, пока не достигли Мервской области. Сведения об этом

случае были получены только через три дня после праздника. (Таким образом) прошло пять дней, как произошел этот случай, и так как посылать кого-либо в погоню было уже бесполезно, то никто и не был послан. Вследствие того, что плен Нияз Мухаммеда-диванбеги доставил беспокойство его близким, некоторые поэты-остряки составили по случаю его пленения
418а хронограмму.[1]

Для поздравления бухарского эмира Хайдера с семейным торжеством (той) и для сообщения радостной вести о победе (над Аралом) были отправлены в Бухару Хасан Мурад-аталык и Кандум-сердар, в сопровождении послов, прибывших из Бухары.

По окончании праздников Абдаль-ходжа Бек-абадский был отправлен в качестве посла с извещением о победе к теке Ахала, Ашхабада и Кызыларвата, которые были верными подданными (хивинского хана). К туркменам Теджена, Мургаба и Серахса, состоявшим из теке, сарыков и салыров, хотя и находившихся в подчинении хану, но вместе с тем начинавших проявлять и признаки непокорности, что особенно относится к мервским теке, с известием о победе, распоряжениями и предупреждением о том, что-де они впредь повиновались бы, а иначе-де их ждет неминуемое наказание, был отправлен сейид Джованмерд-ходжа из потомков святого Сейид-ата (стихи).

426б События седьмого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1227 г. х.—1812 г.)

Во время своего похода в Дашт-и-кыпчак против казахов, хан в понедельник 12-го числа месяца мухаррема (27 января 1812 г.) остановился на отдых в местности Майли-джилгиль. На следующее утро, когда хан проезжал около канала Аталык-арнасы, каракалпакские воины доставили ему голову одного убитого ими туркмена из числа тех, которые пришли сюда в набег с берегов Гюргена. Воины были награждены ханом.

Подробности этого случая таковы. Когда аламанщики из числа гюргенских туркмен встретились у колодца Ельтидже с Кандум-сердаром и испытали на себе его натиск, они лишились своих вьючных животных и продовольствия. Будучи на краю гибели, они еле живые добрались до места
427а своего жительства. Некоторые из (людей) этого племени, в своем безумном ослеплении, оказались настолько наглыми, что направились в Хорезм, чтобы произвести нападение. Приблизившись с этой целью к окрестностям Ходжа-эли, они произвели набег на проживающих здесь каракалпаков.

---

[1] Тарих: بدرک اسیر تکه شد, т. е. злодей стал пленником теке. О возвращении Бек Балта-мираба и Нияз Мухаммеда-диванбеги из плена сообщается на лл. 435а—435в.

Погнавшись за ними следом, каракалпакские удальцы настигли йомутов и наказали их подобающим образом. В качестве победного трофея они доставили голову (убитого йомута) в ханский дворец.

Когда хан находился в походе, в его столицу прибыли послы из разных 4376
стран. Некоторые из них явились для выражения своей преданности и покорности, а другие для того, чтобы засвидетельствовать свою солидарность и единодушие. К числу таковых относились: посол от сына иранского шаха Баба-хана-шахзаде правителя,[1] который в качестве наместника являлся государем всего Хорасана.

В знак своего доброго отношения (к хану), этот правитель прислал своего красноречивого посла с дружественным письмом. (Прибыл посол также от) правителя Дерегеза, Беглер-хана,[2] сына Лютф Али-хана, чаушлю, являвшегося полновластным правителем этой области. Так как молва о возрастающих с каждым днем блестящих успехах великого государя (хана) дошла как до знатных, так и простых людей Иранского государства, то он (т. е. Беглер-хан) втайне испытывал страстное желание служить его величеству. Теджепские теке, которые испытывали страх перед могуществом (хана), искали его покровительства и хотели иметь заступничество перед ним за совершенные ими проступки, присоединили одного из уважаемых своих людей к послам от теджепского населения и прислали его к хану. Также и мервские сарыки, для выражения своей преданности и покорности прислали своих знатных людей Мурад-бека и Нур Ходжу-бека, с его сыновьями Махмуд-беком и Ай-догды-беком. От теке Арала с выражением преданности и покорности также пришли Берды-аталык, Аман-девлет и Халь Нефес, являющиеся знатными людьми своего народа.

Назначив этим послам прием в пятницу 21-го числа месяца сафара (6 марта 1812 г.), хан после обычных приветствий щедро их одарил и послал вместе с ними своих послов и сборщиков закята, для того, чтобы они собрали закят (с племен, изъявивших свою покорность хану). В Мешхед в качестве посла к наместнику-шахзаде был послан Надир-сердар, из племени имрели; к Беглер-хану (в Дерегез) также был отправлен (посол). Для сбора закята с жителей Теджена был отправлен Пехлеван Ниаз-бек, из рода кыят.

К сарыкам (сарык-эли) был назначен Иг Ходжаш-наиб, из рода кыят- 4386
конграт.

Сборщиками закята к ахальским теке были назначены Абдаль-ходжа Бек-абадский и Мухаммед Ниаз-бек. В Дашт-и-кыпчак, к казахам Средней орды послом был отправлен Алла-берды-ходжа.[3]

---

[1] Имя не указывается.

[2] В ркп. С 571 Беглербеги-хана.

[3] На этом отрывке заканчивается труд Муниса. Описание восьмого года царствования Мухаммед Рахима хана, так же как и все дальнейшее изложение, принадлежит племяннику его Мухаммед Риза-мирабу, сыну Эр Назар-бека, известному под своим литературным прозвищем Агехи. К составлению своего сочинения Агехи приступил в 1255 г. х. (1839/40 г.) по распоряжению Алла-кули-хана.

События восьмого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1228 г. х.—1813 г.)

456а **Поход великого государя Мухаммед Рахим-бехадыр-хана в Хорасан. Страх иранцев при приближении ханского войска. Приведение к покорности и подчинению большей части этого (т. е. хорасанского) народа и счастливое возвращение хана.** Руководствуясь обязательным для мусульман предписанием выступать каждый год на войну с неверными, хан роздал много денег из своей казны войску и приказал приготовить все необходимое для похода. После этого он роздал богатые награды своим приближенным, соответственно занимаемому каждым из них положению.

456б Когда все приготовления были закончены, хан назначил своим наместником в столице Кутлуг Мурада и выступил в воскресенье 16-го числа месяца зуль-хиджа 1228 г. х. (10 декабря 1813 г.) (стихи).

457а Остановка была сделана в низовьях озера Кара-кёля. Пробыв здесь в ожидании сбора войск два дня,[1] (хан) в среду выступил отсюда дальше, сделав следующий привал в Кесекли. Препроводив вперед тяжести и снаряжение, следующую остановку сделали у колодца Сагаджа (Сагаджа-кудук). Пробыв здесь три дня, в понедельник 27-го числа того же месяца двинулись дальше и остановились затем у колодца, выкопанного самим ханом и известного под названием «Хан-кудуки» — «Ханского колодца».

Пробыв здесь один день, утром в среду выступили дальше. Когда достигли Екс-сузана, сюда прибыл с подарками и дарами младший брат Мехдибека. Выступив в четверг, достигли через одну остановку колодца Чирле. После того, как пробыли здесь два дня, (хан) послал Пехлеван Нияз-бека в Ахал, а Худай Назар Кан'а — в Теджен, для сбора нукеров среди теке.

457б Керим-берды-аталык и Мухаммед Риза кушбеги были посланы вперед еще ранее с тем, чтобы они направились в низовье Теджена и выкопали там колодцы.

Когда наступил новый 1229 г. х., что пришлось на понедельник 5 числа мухаррема (28 декабря 1813 г.), хан выступил дальше и остановился, пройдя одну остановку. Двинувшись затем еще до восхода солнца, в среду прибыли в Янтаклы. Выйдя оттуда в четверг, после ночного перехода прибыли в пятницу еще к одному колодцу. Здесь поймали одного конного туркмена теке из рода кара-ахмед, по имени Са'ат с двумя кызылбашами, которые ехали послами от Беглер-хана в Бухару. Хотя те сначала и отрицали (это), но потом признались. Их отдали на поруки Кандум-сердару. Перейдя в субботу через пески Баверда, прибыли затем в Чонгюль. Здесь было устроено угощение для всех начальствующих и высокопоставленных лиц (стихи).

---

[1] Порядок сбора войск в Хиве, со слов бывших военнопленных, подробно описывается в Журнале Мануфактур и Торговли за 1843 г., ч. II, кн. I, стр. 151—152. Продовольствием на время похода каждый запасается самостоятельно, для чего каждые 2—3 человека заводят совместно верблюда и навьючивают на него все необходимое. В случае недостатка запасов солдаты пополняют их в походе путем грабежа.

В понедельник, когда пир был закончен, хан направился дальше. Во 458а
вторник утром названного выше Са'ата, вместе с Имр-шейхом, хан отправил, в качестве послов, к Беглер-хану в Дестгерд. Пройдя около полудня крепость Курен и поровнявшись затем с крепостью Лютф-абад, остановились здесь на отдых. Находившиеся в авангарде войск Мухаммед Риза-кушбеги и Керим-берды-аталык выехали раньше и остановились внизу у селения (касабе) Чилькан (چلكان). Правитель этого селения Алла-берды- 458б
хан просил пощады у кушбеги и был удостоен ханской милости.

Остановившись на берегу Козган-су между селением Чилькан и крепостью Лютф-абад, хан устроил у подножия горы лагерь. В этот день произошла небольшая стычка, при которой три человека из ханского войска были убиты, а из кызылбашей многие были взяты в плен. Их (хан) подарил Алла-берды-хану. В этот же вечер из Лютф-абада прибыл правитель его по имени Рустем-бек и выразил свою рабскую преданность. В среду Алла-(берды)-хан привел в подарок (хану) хорошего коня. В тот же день он был отправлен послом к Беглер-хану, вместе с Эвезом-юзбаши и Эмир-ханом. Тенгри-берды-бек, который был послан ханом к теке караханлы для доставки от них нукеров, собрал в течение среды двести конных теке и в четверг доставил их к хану с правителем Козгана Муса-ханом.

Будучи облагодетельствован ханскими милостями и вниманием, Муса-хан сделался мусульманином (суннитом). Захватив с собой муллу Хак Нияза для того, чтобы он дал разъяснения в делах веры и правилах шариата, (Муса-хан) обратил всех своих нукеров на истинный путь (стихи).

В этот день прибыл посол от Беглер-хана, а затем ушел обратно после того, как хан проявил к нему свое внимание и милость.

В субботу 17-го числа того же месяца хан выезжал для осмотра окрестностей вокруг Хисара, Чилькана и крепости Хосроу (خسرو قلعه), после чего снова возвратился (в лагерь). В это время прибыли, в сопровождении Гельды-хана, два посла: один от правителя Келата, Фетх Али-хана, а другой — от правителя Кучанда, Риза-кули-хана, которые выразили свою рабскую покорность. Отпустив в воскресенье послов и отъехав на запад от Сенгира, хан выстроил свои войска перед Мир-кала. Ходжи этой крепости пришли, чтобы выразить свою покорность.

Оставив здесь Керим-берды-аталыка, Мухаммед Риза-кушбеги, Берды-бия, Рустем-бия, Ильяс-шигаула, Хубби-кули-ходжу, Мухаммед-ходжу, Нияз Мухаммед-бия, Туган Нияз-бехадыра, абдаля, Байли-бехадыра, Хасанбай-бия и всех каракалпакских начальников с тремя тысячами войска, хан подошел в крепости Кахлан.

Старшины (кедхуда) этой крепости совместно с младшим братом Алла- 459б
берды-хана вышли к хану и изъявили ему полную свою покорность, за что удостоились его милостей. Затем хан подошел к Баверджику, который был тогда пустым. Распорядившись взять здесь зерно для отряда (аламан), хан прошел мимо Лютф-абада и остановился в Сенгире. Этой ночью прибыли

Эвез-юзбаши и послы теке и доложили хану неприятные известия относительно теке (рода) вели.

Рано утром в понедельник хан отправил (этих людей) обратно. В этот день к хану прибыло много войска также от теке Ахала.[1]

К хану прибыл также Канбар Али-бек, являвшийся правителем крепостей Сефер-кала и Мир-кала, и был удостоен высоких милостей, после чего он возвратился. Было устроено царское угощение для старшин теке. В этот день снова явился Канбар Али-бек с нукерами, чтобы служить его величеству.

После намаза «пешин» (т. е. после полудня) к хану прибыли: Фетх Али-хан, дядя Беглер-хана, Рустем-хан, младший брат Риза-кули-хана, вместе с везиром своим Мухаммед мирзою, чемшкезек[2] Каляндер-бек и Назар Мухаммед-бек, в качестве послов от Неджеф Али-хана.

Во вторник (хан) всем им устроил роскошное угощение, (после чего) отпустил. В среду прибыли к хану правитель Бами Са'адет-кули-хан, а также Мирза Мухаммед Риза и упомянутый выше Каляндер-бек с пятьюдесятью человеками. Они поднесли (хану) четырех лошадей и четырех мулов.

160а В четверг хан устроил им богатое угощение и одарил их драгоценными одеждами из своего гардероба (хайят-ханэ).

В этот же день явился Рустем-бек с сотней конных нукеров. В пятницу его величество отпустил Са'адет-кули-хана.

Догадавшись, что Рустем-бек и возглавляемые им спутники его затеяли недоброе и явились к нему с недостойными намерениями, хан в субботу 25-го числа приказал их всех схватить и обезоружить. После этого он передал их (под надзор) достойных людей и позаботился об их охране.

В воскресенье хан лично выступил и окружил (крепость) Мир-кала. Он направил (на крепость) всех своих военачальников. В тот же момент воины окружили крепость, своими громкими воинственными криками привели в смятение ее обитателей.

160б Двое из начальников, Мухаммед Нияз-бек и Алаш-бек, отличавшиеся своей исключительной отвагой, с восемью другими (воинами) доставили к воротам крепости две лестницы и приставили их к стене. Когда Шир Али, из нукузов, стал взбираться по лестнице, его убили из ружья сверху.

Трое других воинов также были убиты выстрелами. Получив ранения, Мухаммед Нияз и Алаш-бек возвратились обратно. Кроме них был ранен Шигал-мехрем и много других людей было также убито. Главными из них являются Эш Нияз-шамхалчи[3] и Назар-джарчи.[4] После этого верну-

---

[1] Термин Ахал имеет в рукописи двоякое начертание (اخل и خال).

[2] Так же как и в первом случае (см. стр. 333, прим. 1) в рукописи стоит چمشكرك. Читаем «чемшкезек» چمشكزك, учитывая начертание этого слова в иранских источниках.

[3] Шамхал — фальконет.

[4] Джарчи — глашатай.

лись к месту стоянки в Сенгир. Здесь же провели и понедельник. Во вторник произошло небольшое столкновение под Лютф-абадом. В этой стычке Джованмерд-ходжа, проявляя чудеса храбрости и отваги, убил своим копьем одного негодного кызылбаша, а Клыч-бек взял в плен одного из кызылбашских мергенов (стрелков), но сам оказался раненым, вследствие чего он в среду умер.

Выступив в четверг из Сенгира, войска расположились затем на берегу *461а*
Четли-су в окрестностях Баверда. В воскресенье 2 сафара войска перешли отсюда в Коша-чонгюль. Отсюда хан отправил Гельды-хана послом в Дерегез. Здесь же были выданы богатые одежды старшинам теке, во главе с Мухаммед Салих-ходжей. Отправившись отсюда, (войска) остановились у Заман-кудука. Здесь ханом был принят и удостоен всяческих наград Салих-шейх, прибывший от Кутлуг Мурад-инака (из Хивы). Во вторник были уже в Янтаклы. Выходя отсюда, хан отправил обратно в столицу Салих-шейха в сопровождении Кандум-сердара.

В пятницу 7-го числа прибыли к колодцу Чирле. В этот день были розданы богатые награды старшинам теке во главе с Халь Нефесом, сопровождавшим хана с начала похода. Выйдя отсюда в субботу, остановились затем в местности к юго-западу от возвышенности Баба Зердаде-кыра.

В воскресенье по дороге были задержаны Худай-берды-бек с его спут- *461б*
никами. В понедельник рано утром вышли на дорогу Аджаль-шаха.

В тот же день, около времени завтрака, были доставлены сведения о вражде, возникшей между Кандум-сердаром и Абдулла-инаком. Хан по этому случаю отправил сейида Юсуф-ходжу-накыба с примирительной грамотой к Абдулла-инаку. Во вторник ночью остановились у Еке-сузана, затем у Сагаджа-кудука и Кесеклп, а 12-го утром в среду прибыли в Хиву.[1]

События девятого года царствования Мухаммед Рахима (1229 г. х. — 1813/1814 г.)

В среду прибыли из Хорасана Имр-шейх и Эмир-хан и доложили хану *463б-*
о положении дел. Они сообщили также о том, что кызылбашами был *464а*
совершен набег на теке Ахала.

В пятницу 8-го числа месяца джумади II (суббота 28 мая 1814 г.) хан *464б*
отпустил с наградами прибывших к нему кызылбашских послов, присоединив к ним с своей стороны Саттар-кули-ака.

В пятницу (8 рамазана — 24 августа 1814 г.) Саттар-кули-ака возвратился *466а*
из Дерегеза. С ним явились послы от кызылбашей (от Беглер-хана и других) и привезли подарки хану. Они были отпущены с наградами.

[1] Мухаммед Хасан-хан, автор сочинения Тарих-и-мунтазам-и-Насири, сообщает (см. выше, стр. 218), что поход 1228/1813 г. на Хорасан был совершен по приглашению местных иранских правителей, находившихся во вражде с наместником Хорасана Мухаммед Вели-мирзой.

Десятый год царствования Мухаммед Рахима (1230 г. х. — 1814/1815 г.)

468а В то время как хан находился на охоте, во владении его собрались послы из окружающих областей; так из Мешхеда, в качестве посла от шахзаде Мухаммед Вели-мирзы, прибыл Гюн-догды-кази с Исмаилом-кази, своим родственником.

В пятницу хан ознакомился с привезенными ими грамотами, в которых выражались искренняя дружба и готовность поддерживать братский союз.
469б Письма с таким содержанием получены были (также) от эмирзаде Дин Насира,[1] от аймака Клыч-хана, тимури, беглербеги Мешхеда, и от Иса-хана, караи, правителя Турбета. Для выражения искренней дружбы от имени (эмира) Бухары прибыл Абдул-Гафур. От Ялангтуш-хана джемшидского из Меручака прибыл послом младший брат его Махмуд-бек с выражением своей рабской покорности. Одарив послов, хан в начале месяца раби I (1230 г. х. — 11 февраля 1815 г.) отпустил их.

Вместе с (Абдул)-Гафур-ходжой в Бухару был отправлен Берды-инак, а в Мешхед и к имрели был послан Надир-сердар. После этого пришли Халь Нефес и старшины ахальских теке и изъявили свою готовность вносить закят, платить все, что положено и дать заложников (ак ӳйлю).

[На л. 470б содержится сообщение о том, что для сбора закята с теке был назначен Пехлеван Нияз-бек, который отправился на место с указанными старшинами.

Здесь же указывается о бегстве из хивинского плена кызылбашских беков, захваченных Мухаммед Рахимом во время его хорасанского похода.]

События одиннадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1231 г. х.—1816 г.)

О втором походе на Хорасан, наказании мятежных теке, о проникновении его (хана) в горы и наведении ужаса на властителей, а также о стоянке хана на берегах Гюргена, о выражении покорности здешними жителями и о возвращении
472а **хана в свою столицу.** Теке — это народ, который иногда уклоняется от покорности и подчинения и по своему неведению становится на путь возмущения и своеволия.

Иногда некоторые из них совершают набеги на (Хивинское) госу-
472б дарство, похищая здесь сборщиков топлива и угольщиков.[2] Признав необходимым наказать и укротить это племя, великий государь Мухаммед

---

[1] Жившего в это время уже в Мешхеде. См. В. А. Жуковский, цит. соч., стр. 90.

[2] По словам Муравьева (цит. соч., II, 71) «угольный промысел доставляет (в Хиве) значительную выгоду, и потому многие владельцы посылают на оный обыкновенно невольников своих». Нападения туркмен на заготовителей угля, добывавшегося, повидимому, путем пережигания саксаула, носили постоянный характер, так как о них часто говорят авторы хивинской истории; это же отмечает и Муравьев.

Рахим-хан послал во все стороны государства гонцов [1] с приказанием собрать войска. Когда войска собрались, было уже приготовлено все необходимое для похода.

В пятницу, в конце месяца раби I 1231 г. х., соответствующего году мыши, когда солнце находилось в созвездии Овна (28 февраля 1816 г.), хан лично выступил с войсками в поход. Сделавши остановку в окрестностях Бедркента и выйдя отсюда в воскресенье, он расположил свой лагерь в низовьях канала. Простояв здесь три дня, войска совершили затем четыре *473а* ночных перехода и остановились в окрестности Орта-кудука.

В этот день Имр-шейх был отправлен в качестве посла на Гюрген к йомутам с предложением прибыть с соответствующими подарками и подношениями, со всем войском (йыгын) в Кызыл-арват для того, чтобы присоединиться к хану. Саттар-кули-ака был послан к Султан-хану, гёклену, а Кандум-сердар — к теке.

Во вторник кушбеги был выслан вперед с тем, чтобы распорядиться выкопать колодцы в Балаи-шеме. Двинувшись в среду с этой стоянки, через два дня достигли Кюртиш-ата, откуда выступили в субботу и через пять дней, в четверг (следующей недели), прибыли в Кызыл-арват. В этот день (к хану) прибыл Менгли Али Кафир с некоторыми йомутами, а в пятницу явился Султан-хан. Хан чрезвычайно милостиво принял Султан-хана, осыпав его своими благодеяниями.

Затем хан прибыл в Коч-ата, а в воскресенье он был в Бами. Позавтра- *473б*
кав в понедельник в Беурме, (хан) достиг затем Арчмана. Пообедав во вторник в крепости Санче, хан прибыл в Дурун. В этот день войска (аламан) привезли много добычи и пленных из крепости Мурче. Отпустив пленных, хан послал туда Эвеза-юзбаши сказать, чтобы население ее не беспокоилось. В среду хан был в Мехине, а в четверг — уже в Хирманту. Ахальские теке, узнавши о движении грозного ханского войска, скрылись в ущелье Хирманту, боясь возмездия за совершенные ими набеги. Хан отправил к ним Мухаммед Салих-ходжу-ишана, Джованмерд-ходжу, Эрсари-ходжу, Кандум-сердара и Девлет Назар-бая, гарантируя им (бежавшим) безопасность. В этот же день к хану прибыло войско с Гюргена с Имр-шейхом.

В пятницу возвратились Мухаммед Салих-ишан и Джованмерд-ходжа вместе с двумя послами — мулла Менгли-девлетом от (племени) тохтамыш, *474а*
и другим посланным от (племени) отамыш, причем (оба они) сообщили, что дают двести человек войска. Заявили они (также), что при возвращении хана (из похода) они дадут двести человек заложников (ак-ӱйлю). Хотя хан и знал, что этому мятежному племени доверять нельзя, однако, благодаря усилиям и настояниям некоторых сановников, во главе с Шах Нияз-аталыком и Курбан Клыч-ханом, он изъявил свое согласие с тем, чтобы их мятежные замыслы стали ясны для некоторых легковерных. Ханом был издан строгий, неуклонный приказ о том, чтобы они (туркмены) завтра же

[1] В тексте «сурдаул» и «ясаул».

утром, не позже времени завтрака, привели своих нукеров и, что, в случае, если этого не будет сделано, они будут сурово наказаны. Затем хан присоединил к послам Джованмерд-ходжу и Девлет Назар-бая и отправил их.

Вследствие того, что к назначенному сроку, в пятницу, послы не явились, хан лично выступил против мятежников.

По дороге к нему явились Джованмерд ходжа, Мухаммед Салих-ишан
474б и Девлет Назар-бай и доложили, что завтра будут присланы все нукеры, во главе с сыном Мурад-сердара. Его величество возвратил послов с тем, чтобы скорее привели (войска).

В течение этого же дня со стороны мятежников выехало многочисленное войско для того, чтобы произвести набег на район расположения победоносного (ханского) войска и захватить несколько человек сборщиков топлива и фуража («отунчи» и «отчи»).

В это время из числа победоносного войска выехало несколько конных, которые и выступили против нападающих. Завязалась жаркая битва.[1] Не выдержав натиска богатырей, эти (враги) понесли жестокое поражение и пустились в бегство. Преследуя бегущих врагов, храбрые воины многих из них перебили своими саблями и копьями. Оставшиеся (в живых)
475а с большим трудом добрались до ущелья. Нагромоздив перед собою камни (ایلایکا تاش اوکوب) и выставив на скалы (таш) по обе стороны ущелья стрелков (мерген), они стали отстреливаться. Хан подошел к устью ущелья и здесь остановился. Находившиеся на левом крыле армии Керим-бердыаталык, Кутлуг Мухаммед-ипак и Султан-хан взобрались на горы с восточной стороны ущелья и заняли здесь соответствующую позицию. Отважные Алаш-бий и Союн-бий выехали вперед, направив на вершину горы с обеих сторон Эвез-берды-юзбаши, Атэш Мухаммед-юзбаши и Бек Нияз-юзбаши с пукерами и открыли стрельбу из фальконетов (шамхал). Стрельба из фальконетов была в это время настолько сильной, что от поднявшегося дыма не видно было солнца, а от грома стрельбы уши стали
475б глухими.

Был уже близок тот момент, когда (хивинские) пули, стрелы, копья и мечи должны были уничтожить врагов, в это время Шах Нияз-аталык обратился к хану с просьбой простить (туркменам) их вину и пощадить их сегодня с тем, чтобы они явились завтра. В случае, если они не явятся, вина останется на них; следует дать им возможность исправиться. Его величество согласился удовлетворить эту просьбу, вследствие чего названный аталык пошел и заставил войско возвратиться. Еще до прибытия аталыка был убит стрелой Эш Мухаммед-юзбаши, а Ораз Перихан-юзбаши получил рану в области рта.

476а По возвращении хан расположился в Сенгире. В этот вечер приехали Джованмерд-ходжа и Девлет Назар-бай. Прибывшие с ними послы от правителей Курдистана, Неджеф Али-хана, шадилю, и Риза-кули-хана, за-

---

[1] Опущено пространное «месневи», описывающее битву.

фаранлю, выразив свою рабскую покорность его величеству, доложили при этом, что их племя (джамаа) прибыло в Куш-ханэ и там расположилось, и что они согласны подчиниться всякому приказанию хана.

В воскресенье они (курды) ушли с того места и, продвинувшись ближе к ущелью, здесь остановились. В понедельник хан вместе с курдскими послами отправил Девлет Каракёза и Клыч Нияз-бая со словами о том, что, если они (курды) действительно являются подданными (эль) хана, то чтобы они не забывали грабить теке. Затем хан наградил своими милостями Джан Мухаммеда-кази, Девлет Назар-бая и Ходжа Назар-бека, являвшихся преданными ему предводителями теке [1] и пожаловал их двумя ярлыками. В одном из них говорилось, что каждый из теке, кто направится вместе с ними (т. е. владельцами ярлыка) в Хорезм, будет прощен, а каждого из тех, кто не присоединится к ним, ждет царское наказание. Было сказано также, чтобы никто из ханского войска при встрече с ними не беспокоил бы их. Второй ярлык заключался в том, что низовья канала Наймана хан жаловал названным предводителям вместе с их подданными (توابعی برله), причем передача должна состояться немедленно же по пред- 4766
явлении ярлыка.

В этот же день, после намаза «пешин», хан приказал Султан-хану, Алашбию, Союп-бию, Досум-бию, Эсенбай-бию и йомутским предводителям с четырьмя тысячами войска отправиться в набег на Теджен.

Вечером хан отправил Халь Нияза-юзбаши, Джехангир-бека и Искандер-бека бухарского (Бухари) с двадцатью пешими в Дербенд для того, чтобы они там «достали языка». У Дербенда посланные встретили шестерых всадников, но те издали, узнав (их), скрылись. После этого они встретили (еще) двух конных. Одного из них они поймали и убили, а другой бросил лошадь и спасся от них в горах. Посланные доставили двух лошадей и одну голову, за что были награжены ханом. Три дня прошло без перемен. В четверг теке убили Котур Шигала с семью другими людьми и скрылись.

В пятницу пришли вести от начальников, посланных в набег на Теджен.[2] В субботу они возвратились и сами.[3] Да будет известно, что они после своего выступления (из ханской ставки) стали быстро двигаться на север.[4] В среду они напали врасплох на один аул (оба), где перебили всех мужчин, а женщин и детей вместе с имуществом забрали себе в качестве добычи. В тот же четверг они встретили аул (оба) части племени сычмаз, находившийся к югу от колодца Эшек-сийян, недалеко от Кары-Чирле. Борьба продолжалась с раннего утра до времени намаза «пешин». В это время со стороны бунтовщиков (отделились) Аман Девлет-бай, Байрам Алибай и еще один человек, которые изъявили покорность и со всеми своими близкими и имуществом обратились к защите Султан-хана.

---

[1] Так по ркп. E 6, л. 208б.
[2] Так по ркп. E 6, л. 208б.
[3] То же.
[4] То же.

Начальники три раза посылали Аман Девлет-бая к жителям этого аула, передавая им, что в случае, если они выйдут, то их жизнь и имущество будут в сохранности, если же не придут и будут продолжать враждебные действия, то вина за кровь ляжет на них. Однако, эти безумные и непокорные люди не послушались и еще сильнее прежнего продолжали свои враждебные действия. В конце концов, разгневанные (ханские) воины, спешившись и обнажив мечи, бросились на врагов и начали их избивать (стихи).

477б Свыше двухсот человек было перебито. Кроме того, под ногами лошадей
478а погибло много женщин и детей. Взяв в плен более 270 женщин и детей и забрав богатую добычу, (войска) в субботу возвратились к хану и были удостоены его высоких милостей. В воскресенье хан разделил военную добычу поровну между всеми войсками.

В понедельник хан выступил с этого места и сделал затем остановку на берегу р. Гярм-аб.[1] Во вторник он был уже в Мейхене, а в среду прибыл в Мурче, в тот же вечер хан оставил в засаде (بوقتی) в Мейхене Алаш-бия, Союн-бия, а также старшин йомутов, имрели, чоудоров, вместе с каракалпакскими биями и тремя стами человек.

В четверг, когда хан не выступил еще из Мурче, пришло известие о том, что (хивинские) разъезды встретились с неприятелем. Хан послал (людей) с приказанием, чтобы в бой не вступали, а постепенно завлекали неприятеля к себе и когда враг будет уже близко, тогда разбили бы его. Когда этот приказ поступил к биям, находившимся в Дурупе, они, не вступая в сражение, стали завлекать (врага) к себе. Находясь в Сендча, хан отправил Кандум-сердара и Мухаммед Клыч-бия со 150 человеками, с тем, чтобы они оказали поддержку, в случае, если произойдет столкновение. Вследствие своей неосведомленности (посланные) приняли неприятелей за своих и подошли к ним вплотную. Враги, обратившись в бегство, как только натолкнулись на большое войско (хивинцев), стоявшее в засаде, побежали обратно. Здесь произошла небольшая стычка. Во время этого происшествия погибли Пехлеван Нияз-бек, Искандер-бек бухарский (Бухари) и Мулык Аман из Кята с несколькими людьми. Джехангир-бек сражался удачно и привел с собой отобранную у неприятеля лошадь. Со стороны текке был зарублен Мухаммед Заман-сердар, голова которого была доставлена (хану).

Его величество, как только услышал об этом происшествии, немедленно выступил в погоню и, проводив (неприятеля) от Дуруна, направился обратно, остановившись затем в Арчмане. Двинувшись оттуда в пятницу, хан остановился затем на хуторах Беурма и Ленгер. Здесь хан приказал казнить пленных мужчин.

Выехав отсюда в субботу 1 числа месяца раби I, хан на следующий день прибыл в Бами и Коч-ата. Послав отсюда в столицу (шехер), Баба-араба,

[1] Ркп. E 6, л. 209а.

хан вошел в ущелье Кара-кабак и расположился на берегу источника Кири. Вода этого источника впадает в р. Кызыл-арвата.

Выступив из Кара-кадака во вторник, хан остановился затем в Ходжа- 479а
кала. Находясь на этой стоянке, хан 5-го числа того же месяца назначил Султан-хана и Кутлуг Мухаммед-инака с небольшим количеством войска для того, чтобы переселить племя (халк) карадашлы,[1] находившееся на восточной оконечности (тумшук) Хисар-тага. Выступив в четверг, следующую остановку сделали на берегу (реки) Терс-акар, а в пятницу достигли берегов Сумбара. После этого прибыли в Мир-сарай, где находится источник. Вследствие большого дождя, здесь стало грязно и войска переносили большие трудности. Пробыв здесь воскресенье, пока не подтянулись отставшие части, в понедельник достигли берегов Чандыра, где и остановились.

Названные выше начальники (т. е. Султан-хан и Кутлуг Мурад), согласно ханскому приказу, направились к карадашлы, жившим в числе свыше 150 домов на берегах рек Кёзсыз (كوزسوز سو)[2] и Юван-су (يُوان سو). Их переселили в Шайтан-кала, находящуюся около Карры-кала. Кутлуг Мурад-инак вечером в воскресенье прибыл с войском к хану в Мир-сарай, а Султан-хан остался для приготовления даров и подношений и явился к хану на Чандыре. Пробыв вторник на берегах Чандыра, хан в среду 12-го числа остановился у входа в ущелье Капланлы.

На следующий день остановка была сделана на берегу Атрека, в местности, носящей название Уйлук. Здесь Султан-хан преподнес хану богатую юрту (ак-ўй), двух молодых рабов (тогмэ), одну рабыню (кениз), двух коней и двести баранов и устроил ему роскошное угощение. Место пира было устлано прекрасными материями, было разбросано много золотых и серебряных монет и прочих драгоценностей (стихи).

В течение этого же дня, хан отправил Менгли Али Кафира и Сейид 480а
Назар-бека, имрели, к Неджеф Али-хану с тем, чтобы тот сказал — является ли он врагом (хана) или его подданным. Оглан-ишан был отправлен к гёкленам, чтобы предложить притти и гарантировать им в этом случае безопасность.

Выступив в пятницу дальше, (войска) сделали в пути одну остановку, а в воскресенье прибыли в Чинаран, где и устроили укрепление (сенгир). На следующий день к хану прибыли войска игдыров во главе с Мулла Арабом.

В этот день умер Эвез Мухаммед-бай. В четверг вошли в ущелье Кызылче, а в пятницу остановились в Кара-тепе на берегу р. Гюргена. Здесь явились к хану от имени проживающих в Кара-тепе гёкленов (родов) баяндыр, кара-талканлю и иргачлю предводители их Аваджа-онбеги, от баяндыров, Алла-берды (от) кара-талканлю, Мухаммед-едли (от) иргачлю и другие и выразили свою полную покорность и повиновение. Хан щедро их одарил, после чего они уехали, обещая перекочевать.

---

[1] Иранские источники не упоминают об этом факте переселения карадашлы. См. выше, стр. 217.

[2] Ркп. Е6, л. 209б. كوزسير.

В субботу хан двинулся дальше и остановился затем против Дерегеза, на берегу Гюргена.

4806 Предводители кызылбашей — Мехди-кули-хан, каджар, Мустафа-хан, беглербеги, Фераджулла-хан, а также правитель Семнана, младший брат Исмаила Тилаи — Зуль-Фекар-хан, Мухаммед Хусейн-хан и Адина Хусейн-хан, баяндыр, а всего их было 10 000 человек, услышав о том, что хан направился на завоевание их страны, приготовились к войне и засели в Песереке. Хан выслал из Кара-тепе войско йомутов для совершения набега на Песерек.[1] Посланные выступили вечером, затем устроили засаду, а утром совершили набег на кызылбашей. Забрав большую добычу и пленных, они прибыли затем к хану в Дерегез, привезя с собой одну голову.

В воскресенье был отправлен Султан-хан с войсками йомутов и гёкле-
4816 нов. Встретившись с разъездами неприятеля, они имели небольшую стычку, (в результате которой) со стороны Мухаммед Хусейна было двое убитых, а двое из йомутов попали в плен.

В этот день вернулись Менгли Али Кафир и Сейид Назар-бек вместе с послами от Неджеф Али-хана и Риза-кули-хана.

В понедельник были пойманы два вора из гёклепов и йомутского племени (халк) ата. Их привязали к пушке и расстреляли. Во вторник прибыл человек от гёкленов и повел с собою Султан-хана и Кутлуг Мухаммед-инака, обещая прикочевать (со своим народом). Они (гёклены) испугались кызылбашей и бежали, а затем, не зная куда им двигаться, остановились в ущелье.

В среду для нападения на кызылбашей были назначены: Кутлуг Мухаммед-инак, Султан-хан, предводители йомутов и чоудоров, а также Хуббикули-ходжа и Мухаммед Керим Койчи с двумя тысячами войска. После легкой стычки они возвратились.

В четверг 26-го числа того же месяца (джумади II) хан лично во главе своей многочисленной храброй армии, уповая на помощь божью, выступил против врагов. Подойдя к подножью горы, он привел свои войска в боевой порядок.

4816 Иранские войска поднялись выше на горы и выстроились. Хан приказал, чтобы артиллерия открыла огонь. От смертельного огня неприятель терпел большие потери. Тем временем храбрые (хивинские) воины бросились стремительно на неприятеля. Многочисленные силы иранцев в свою очередь также выступили, вследствие чего завязался такой сокрушительный бой, каких не бывало со времен Афрасиаба и Рустема. (Хивинские) храбрецы пролили столько крови врагов, что поверхность степи и гор стала красной, как поле, покрытое тюльпанами.[2]

---

[1] О действиях Мухаммед Рахима в районе Песерека сообщают также иранские историки, описывающие хивинский поход 1231—1816 г. в Хорасан (см. выше, стр. 219).

[2] Опускаются дальнейшие поэтические украшения, связанные с описанием хода битвы.

Когда войска неверных были приведены в беспорядок и замешательство, хан отправился в свою ставку.

В этом бою некоторое число мусульманских воинов (лешкер-и-ислам— *482a*
хивинцы) было ранено, убитых оказалось шесть человек. В числе последних были: Берды-инак, Худай Назар Как, огӯз Мухаммед Нияз-сердар и другие. Были ранены: Искандер-ходжа, Джованмерд-ходжа и семь человек других. Из войска неверных было убито множество людей.

В пятницу 27-го числа указанного выше месяца (джумади II) прибыл Авадже-онбеги и просил дать ему человека для переселения его племени. Хан отправил с ним Сейид Нияза-мутевелли.

Субботу хан провел в покое и отдыхе. Выступив в воскресенье, приходившееся на последний день названного месяца, хан остановился в местности, которая носит название Казукли и находится против Кучук-кала. Для переселения племени Авадже-онбеги, хан в этот день назначил Султан-хана, Эвеза-юзбаши и Джерена-юзбаши с войском из гökленов.

В течение понедельника, приходившегося на первое число месяца раджаба, соответствующее тридцатому числу джауза (марта), хан простоял здесь (т. е. в Казукли). Во вторник хан снова был в Дерегезе, а в среду он оста- *482b*
новился в Кара-тепе. В этот вечер к хану прибыли Эвез-юзбаши и Джерен-юзбаши, которые отделились от Султан-хана в местности под названием Кенг-джай.[1] Продолжая здесь оставаться в течение четверга, приходившегося на четвертое число данного месяца (раджаба), хан в этот же день присоединил к курдским послам Сейид Назар-бека, из имрели, и отправил его к Неджеф Али-хану и Риза-кули-хану. Эвеза-юзбаши, вместе с человеком Султан-хана, он послал к последнему с тем, чтобы тот явился вместе со старшинами гökленов.

Выйдя в субботу из Кара-тепе, хан остановился затем в ущелье Кокче. В воскресенье он прибыл в место, которое носит название Чат и расположено при впадении в Атрек Чандыра и Сумбара.[2] В понедельник восьмого числа переправились через Атрек. Во время стоянки на этом месте, поступило известие о том, что Эвез-юзбаши и Мир Девлет-сердар, следующие от Султан-хана, уже достигли берегов Чандыра.

Его величество послал к ним гонца (с приказанием), чтобы они приходили скорее, так как рано утром (войска) отсюда уйдут. На следующей *483a*
стоянке вечером к хану явились Султан-хан с предводителями (акабир) гökленов.

Выступив отсюда в четверг, хан остановился у «как»'а (стоячая дождевая вода)[3] Гарриче на юг от Кюрен-дага.

В этот день хан принял Султан-хана и (затем) отпустил его, облагодетельствовав царскими милостями.

---

[1] Ркп. E 6, л. 211в.

[2] Не вполне точно: Чандыр, как известно, является притоком Сумбара, а Чат расположен при впадении Сумбара в Атрек.

[3] Естественное углубление почвы со скопившейся в нем дождевой водой.

Выступив во время намаза «хуфтан» и пройдя ночь, хан остановился затем в Аджи-как, а в пятницу, ко времени намаза «пешин», прибыл в Гебр-как, находящийся между Кюрен-дагом и Балканскими горами. Следующая остановка после ночного перехода была сделана в окрестностях Дана-ата. Пройдя в субботу через пески, в воскресенье хан достиг песков, носящих название Чин Мухаммед-какы. Следующая остановка была в Яска. Выступив в среду, хан, после ночного перехода, к полудню следующего дня остановился у Кара-тегелека и на берегу Асхаб-суи. Сделав после этого еще одну остановку восемнадцатого числа, двинулись дальше. В полдень (этого же дня) хан обедал у «как»'а, на границе Джамаль-айы, а затем остановился на «как»'е, в пределах Джамаль-айы.[1]

Выступив вечером в пятницу, хан сделал еще две остановки, а затем в течение субботы он прошел через пески Уч-таган, после чего снова остановился на обед, а вечером остановился в Ак-яйлаке. Наполнив здесь водою все мехи и фляги и выступив отсюда в воскресенье около полудня, (войска) через сутки были уже в окрестностях Орта-кудука, а в четверг прибыли в Хатиб-как. Вследствие изнурительного зноя и отсутствия воды, здесь погибло много лошадей и верблюдов, многие должны были итти пешком. Следующая остановка была сделана в Айры-таме. По милости божьей, в это время выпал дождь настолько сильный, что «как» наполнился водой, и вся армия могла утолить свою жажду.

484а Пройдя затем через Чагыллы-кериш, войска в пятницу 28-го числа остановились в Бедркенте, а около полудня были в Хиве.

О некоторых происшествиях, имевших место после прибытия хана в свою столицу. В начале месяца ша'бана этого же, т. е. 1231 г. х. (27 июня 1816 г.) несколько аламанщиков из числа мервских теке собрали шайку, которая, в целях грабежа, направилась в Хиву. Пробравшись по берегу реки, они явились в Садвар, где убили двух пастухов, захватили некоторое количество скота (мал) и скрылись. Об этом услышал в Хазараспе великий эмир Кутлуг Мурад, который в погоню за теке послал Девлет Мурад-бека с сотней людей.

Двигаясь с необычайной быстротой и поспешностью, эти люди прошли Дарган и затем, подойдя уже к Кугерчину, напали на следы. Увидев, что
484б со стороны преследующих им грозит неминуемая беда, (теке) бросили захваченный ими скот и спаслись сами тем, что бросились в реку и густые заросли леса. Преследующие забрали все имущество и с торжеством и победой возвратились.

[Здесь же сообщается об отправке ханом Кандум-сердара послом к эмиру Бухарскому.]

Набег Кока-сердара и Менгли Али-сердара на мервских теке. В понедельник 12-го числа названного выше месяца (ша'бана) хан приказал Кока-сердару, Менгли Али-сердару, Ата Нияз-мергену, Супбар-сердару, а также

---

[1] جمال آیی‌غه داخل‌دور.

Халлы-аталыку, из узбеков, с двумя стами человек храброго войска, совершить набег на мервских теке.

Подвигаясь с необычайной быстротой и стремительностью, указанный отряд достиг Денгиз-кудука и отсюда направился на восток. В среду 21-го числа того же месяца (отряд) достиг низовьев Мервской реки, на расстоянии *485а* полдневного перехода от Мерва. Здесь, в местности Кок-тепе, (отряд) напал на аул (оба) Мухаммед Нияза-кази, из племени (джамаа) арык, состоявший из 17 домов.

Перебив тридцать человек, забрав в плен около сорока женщин и детей и захватив в качестве добычи имущество и скот, (отряд) в среду 28-го числа того же месяца возвратился к хану, удостоившись его щедрой награды.

Набег Мурад-сердара на теке Ахала. Один из йомутских предводителей (сер-амед), по имени Мурад-сердар, испросивши разрешение его величества, отправился в начале месяца шавваля с небольшой группой храбрецов в набег на теке. (Через) семь дней он около одного колодца к западу от Ахала убил восемь человек теке, взял двоих в плен, и, захвативши четыреста голов верблюдов, возвратился.

В субботу 22-го числа того же месяца все они (воины) были милостиво приняты ханом.

Набег Баги-бек-бехадыра на окрестности Бами (и) Беурма. Йомут Баги-бек- *485б* бехадыр, ставши во главе аламана, с разрешения хана, в воскресенье 23 шавваля отправился по Орта-кудукской дороге. Около одного колодца, в окрестностях Бами (и) Беурма, они произвели нападение. Убивши семь-восемь человек, они захватили бесчисленное количество верблюдов и возвратились. Одиннадцатого числа месяца зуль-ка'да (3 октября 1816 г.) они прибыли в столицу.

В четверг 12-го числа того же месяца ханом были приняты, в качестве послов от кызыл-арватских теке, один из предводителей Халь Нефес-сердар и с ним семь представителей от (теке) родов, по одному от каждого рода. Двадцать седьмого числа хан отпустил этих людей, присоединивши к ним Хубби-кули-ходжу. Во вторник, приходившийся на первый день месяца зуль-хиджа (23 октября 1816 г.), Хубби-кули-ходжа вместе с теке отправился по своему назначению.

В третий день праздника курбана, приходившийся на субботу 12-го числа *486а* месяца зуль-хиджа (1231 г. х. — 3 ноября 1816 г.), хан для совершения набега на казахов назначил Сопи-бехадыра, сына Мухаммед Нияз-сердара, из чоудоров, Клыч-юзбаши, из мангытов, и Клыч-бехадыра, из хытаев. Отряд их состоял из 250 человек, из которых четыре части приходились на чоудоров и имрели. Проводником (башчи) был назначен Эмир-кара-калпак. *487б*

В середине месяца мухаррема (1232 г. х. — конец 1816 г.) хан послал Сунбар-сердара к правителю гёкленов Султан-хану.

В среду 29-го числа того же месяца ханом были милостиво приняты в его дворце послы теке и кызылбашей.

В этот же день для совершения набега на казахов ханом были назначены: Кока-сердар, Ата Нияз-мерген и Менгли-сердар с отрядом в тысячу человек из йомутов. На Ирдарскую дорогу были назначены: Абдаль Туган
4886 Нияз-бехадыр, Клыч-юзбаши, Байли-юзбаши и Хусейн-сердар с отрядом в 700 человек из чоудоров и имрели. В качестве проводника был назначен каракалпак Тёре-бек, из кыятов. Мехрем Мухаммед Нияз-ясаулбаши пересчитал (назначенных людей) и переправил их через реку, (после чего) возвратился.

В субботу 16-го числа месяца сафара (1232 г. х. — 5 января 1817 г.) было получено известие о том, что (этот отряд) овладел после боя многими казахскими караванами.

В среду 20-го числа того же месяца возвратился Сунбар-сердар, посылавшийся (ханом) к Султан-хану.

В пятницу 22-го числа пришло известие о том, что посланный отряд из йомутов разбил казахов.

В конце этого же месяца хан отпустил обратно послов теке, присоединив к ним с своей стороны Ходжа-джан-ходжу и Кандум-сердара. Вместе с послами от кызылбашей был отправлен Бек Нияз-наиб.

4906 **События двенадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1232 г. х. — 1817 г.)**

Да будет известно, что в то время, когда Союн-бий был в походе против казахов, от теке прибыл Дулли-теке и сообщил, что Кандум-сердар умер и что племя теке нарушило свое обещание, отказавшись дать заложников (ак-ӳйлю).

В среду 20-го числа месяца раби II мятежники теке в числе двадцати пяти человек прошли по Союнчинской дороге и угнали всех баранов Мухам-
4916 мед Юсуфа-мехтера, пасшихся около колодцев Денгиз-казган и Сагаджа. Убив при этом одного сборщика топлива, теке скрылись.

(Ныне) покойный хан назначил для преследования Хубби-кули-ходжу, Мухаммед-кули-бека и Бадаля-юзбаши.

Придя к (колодцу) Сагаджа и осмотревши (местность) около Денгиз-кудука, (отряд) не сумел напасть на след и возвратился обратно.

4916 Предводитель племени йомутов Ходжа Назар-бек представил хану заложников (ак-ӳйлю) от своего племени.

4936 **Набег Алаш-бия на непокорных теке.** В средине месяца раджаба 1232 г. х., что совпадает с началом хорезмского саратана, хан приказал Алаш-бию и Досум-бию, с многочисленным войском из йомутов, чоудоров, имрели и узбеков, совершить набег на теке.

Руководствуясь высоким царским приказом и уповая на бога, отряд, несмотря на жару, выступил в субботу из города.

4936 Пройдя мимо колодца Сагаджа, (отряд) через одиннадцать дней отправил обратно верблюдов и, оставшись только с лошадьми, стал быстро передвигаться вперед.

Переночевали они в разрушенной крепости Биябанче-каласы. В среду 27-го числа они рано двинулись дальше. Около времени завтрака они произвели нападение на весьма многолюдный аул (рода) караханлы, располагавшийся на берегу Козгана, на склоне горы, и простиравшийся вверх до Келата, а внизу — до Дерегеза. Большинство семейств теке спаслось тем, что бежало в горы. Убив шестьдесят человек, (хивинцы) угнали много верблюдов и захватили так много имущества, что все воины были не в состоянии его увезти. Побросав тяжелые и неподходящие вещи и взяв с собой сколько можно было только хорошее и ценное, они пошли обратно.

Все взрослые мужчины (букв. «все конные») этого аула уехали перед тем на праздник («той») к Кокче. Услышав во время т о я об этом происшествии, они стали переживать горе и раскаяние и перестали пировать. Сев затем на коней, все они пустились спешно в погоню и к полудню настигли (хивинский) отряд (аламан). *494а*

Алаш-бий отправил вперед многочисленную добычу и тех, у кого были слабые лошади, а сам вместе с теми, кто был на добрых конях, стал медленно двигаться позади, выстроив свои войска в боевой порядок.

Тем временем теке разделились на две части и с двух сторон храбро бросились в атаку.

Ата Нияз-мерген, Кока-сердар и все другие йомутские храбрецы направились к той части (теке), которая находилась с западной стороны, и храбро вступили с ней в бой.

С другой стороны, Алаш-бий вместе с чоудорами, имрели и узбекскими удальцами в количестве свыше 200 человек, атаковали восточный отряд (теке) и вступили с ним в ожесточенный бой (стихи).

Некоторое время мятежники держались, продолжая сражаться. *494б*

Наконец, они не выдержали сокрушительного натиска (хивинцев) и обратились в бегство. В этом сражении отряду (аламан) досталось еще много лошадей, а врагов было убито так много, что нельзя сосчитать. С нашей (букв. «с этой») стороны умер один (из рода) орус-кошчи, и во время набега пропал без вести один человек из (рода) кучик, да был убит по ошибке чоудорами один из (рода) кара-чока.

В этот же вечер все войска вышли на дорогу и отправились в путь. Клыч-юзбаши и пять-шесть воинов «проспали» своих лошадей и отстали. Придя в Теджен и узнав о случившемся, (из отряда) послали людей на розыски отставших. Посланные долго их разыскивали, но, никого не найдя, вернулись ни с чем.

Когда (отряд) совершил несколько переходов и достиг уже (колодца) Чирле, с радостной вестью к хану был послан Баба-джан-бек с пятнадцатью людьми. Эти люди прибыли в среду 4 ша'бана (19 июня 1817 г.) в столицу, где и сообщили эти известия.

Что касается Алаш-бека, то он около (колодца) Чирле разделил добычу *495а*
между всеми (участвовавшими в набеге) племенами (тайфе), а сам прибыл в пятницу 6-го числа того же месяца на рассвете к низовьям Кара-кёля и

оттуда послал Рахматуллу Ак Катыша к хану с тем, чтобы тот отдал те или иные распоряжения относительно причитающейся ему (хану) доли добычи (ган). Его величество приказал Курбан Нияз-ясаулу принять «ган», что было исполнено в тот же день. Каждому воину (аламан) при разделе добычи досталось по 40—50 и самому незначительному по 35 тилля (золотых). В субботу они (Алаш-бий и другие) представились хану и были удостоены с его стороны щедрых наград и всяческого рода отличий. В воскресенье все начальники, во главе с Алаш-беком, были награждены златотканными одеждами, а Кути-ходжа, сын Баба-дивана, был удостоен должности шейх-уль-ислама. Каждому из храбрецов, кто взял человека (в плен), было выдано из казны хана по десять тилля, а тем, кто убил человека,—по пять тилля, чем все были чрезвычайно довольны.

Набег Сары Карная на Ахал. В понедельник 28-го числа того же месяца *195б* Сары Карпай, вместе с сотней избранных джигитов из йомутов, получили разрешение хана на совершение набега. Выйдя в пески к западу от (мазара) святого Исм-и-Махмуд-ата (اسم محمود اتا)[1] и двигаясь окольными путями, отряд подошел к одному из колодцев, находящихся по ту сторону Ахала, на расстоянии дневного перехода. Напав стремительно (на теке), отряд убил четырнадцать человек, забрал большую добычу, в том числе шестьсот верблюдов и пошел обратно. В середине месяца рамазана они (воины) были приняты ханом и удостоились его высоких милостей и наград. Весь этот поход продолжался двадцать дней.

О выступлении Алаш-бия в набег на теке и о встрече его в пути с войском *196а* **теке.** Когда храбрецы из йомутов узнали о делах Сары Карная и привезенной им добыче, они обратились к хану за разрешением проявить свою удаль, путем совершения набега на непокорных теке. Отважный Алаш-бий, предпочитавший войну пиру и собиравшийся в поход еще раньше, также поддержал просьбу (йомутов) и ходатайствовал перед ханом о разрешении. Вследствие этого, его величество назначил (Алаш-бия) главным начальником (отряда), присоединив к нему Досум-бия, Соин-бия, Бек Алп-мираба и некоторых других начальников, таких как Нияз Мухаммед-бай, Мухаммед-кули-бек, Мухаммед-джан-ходжа, Кутлуг Мурад-бек, Саттар-кули-ака-и-Кахрамани, Камыш-бек, Аманбай-юзбаши, Девлет Назар-бий, Толяген-юзбаши и других вместе со всеми предводителями чоудоров и имрели с их войсками.

196б Прошло некоторое время, прежде чем все указанные выше (люди) приготовили необходимые для похода принадлежности и путевые припасы. Тем временем Кути-ходжа, шейх-уль-ислам, Тёре Мурад-аталык и Тушекчи по собственному желанию получили разрешение хана и присоединились (к отряду). К ним же были происоединены сто нукеров царевича Алла-кули-тёре, который в настоящее время занимает и украшает царский престол и о деяниях которого будет написано в дальнейшем. Кутлуг Мурад-инак присоединился (к отряду) Халлы-бека с двумя стами человек из своего

[1] Находится на краю песков, к югу от Измухшира (на картах Исмамут-ата).

войска. (Таким образом, в отряде состояло): тысяча человек йомутов и имрели, тысяча человек чоудоров и две тысячи человек узбеков и каракалпаков, а всего — четыре тысячи человек.

Получив благословение хана, Алаш-бий, в понедельник 22-го числа рамазана (5 августа 1817 г.) выступил вечером (из столицы) и остановился в низовьях реки. Пока он стоял здесь в течение дня, собралось большинство военачальников (сипахдар). Выступив отсюда в четверг, войска через пять дней были у (колодца) Орта-кудук. После двухдневного отдыха направились дальше и достигли Куртыша, где также простояли два дня. Дальше стали двигаться по дороге на Кызыл-кыр. Когда до Кызыл-кыра осталось расстояние несколько более половины дневного перехода, был послан вперед разъезд (караул) из 200 йомутов, во главе с Тёре Мурад-инаком и Бек Али-мирабом. С ними же отправились вперед по два, по три человека от большей части к о ш е й для рытья колодцев. *497а*

Да будет известно, что начальники и предводители мятежных теке Мурад-сердар и Хани Кёр-сердар послали людей ко всем племенам теке, от низших до высших (ياشيدين ايلغيغه), и собрали таким образом 700 отважных и храбрых джигитов, которые и направились для совершения набега и нападения на богоспасаемый Хорезм. Случилось так, что в этот день (теке), набрав воды в Кызыл-такыре и погрузив ее на верблюдов, отправили их вперед, а сами остались позади, чтобы напоить своих лошадей. Встретив верблюдов, указанный выше (хивинский) разъезд захватил пять-шесть голов этих животных и возвратился. *497б*

Узнав об этом происшествии, теке всем скопом бросились в погоню за разъездом и, нагнав его, вступили с ним в бой. Вследствие своей малочисленности, разъезд вернулся отдельными рассеянными группами. Во время преследования мятежники врезались (в разъезд) и убили пятнадцать человек из числа победоносного войска. В числе погибших был Яубасар-бек, сын Кара-бехадыр-мираба. Осведомившись об этом происшествии, Алаш-бий стремительно бросился со своими войсками в бой (стихи). Храбрецы на протяжении почти целого перехода преследовали мятежников и захватили всех их лошадей в верблюдов. Это произошло в субботу 11-го числа месяца шавваля (24 августа 1817 г.). В этот день из мятежников (теке) было убито сто пятьдесят человек во главе с Хани Кёром. Когда счастливые своей победой и отягощенные доставшейся добычей войска возвращались обратно (в Хиву), они послали Пулад-кула и Мухаммед Риза-бека, кыята, вперед, чтобы сообщить радостную весть.

В четверг 9-го числа названного выше месяца хан выехал в Бедркент на охоту. В это время прибыли гонцы с радостной вестью. На следующий день, в пятницу, к хану в Бедркент явился и Алаш-бий со всеми эмирами и военачальниками. Все они были осыпаны неисчислимыми ханскими милостями.

Проведя в Бедркенте три дня, хан прибыл для поклонения (гробнице) святого Исм-и-Махмуд-ата и роздал там щедрую милостыню. Проохотив-

499б шись затем два дня в окрестностях Таш-хауза (Ташауз), хан возвратился (в столицу).

Что касается теке, то они после (описанного) события были весьма встревожены и напуганы, а потому прислали двух своих послов вместе с Имр-шейхом, прося извинения. В конце названного месяца Имр-шейх вместе с послами прибыл к хану. Его величество для наставления теке в тот же день назначил к ним ишана Мухаммед Салих-ходжу, а послов спешно отправил обратно вместе с Имр-шейхом.

500а В четверг 20-го числа месяца зуль-хиджа (31 октября 1817 г.), на Янги-яб прибыл правитель гёкленов Султан-хан со своими людьми и семействами, чтобы жить здесь под надежной защитой и покровительством хана. В пятницу его величество выслал навстречу (Султан-хану) Девлет Каракёза с конем и подарками (сарупа). В субботу Султан-хан удостоился милостивого приема.

События тринадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1233 г. х. — 1817/18 г.)

501б Ата Нияз-мерген с сорока удальцами из йомутов в конце месяца мухаррема (начало декабря 1817 г.), получив разрешение хана, отправился на войну с неверными.

502а После десяти дней пути они напали на одно из селений (кент), подчинявшихся Астрабаду. Захватив в плен шесть человек, они ускакали. Приблизительно через тридцать дней они вернулись.

Прибыли к хану с выражением своей полной покорности старшины теке (кедхуда) и представили заложников (ак-ӳйлю). Прибыли послы: от шахзаде Камран-бека, сына афганского Махмуд-шаха, вместе с грамотой от него; а также (посол) от правителя Серахса — Хаким-хана. Пришло (также) дружественное письмо от Буньяд-хана хезарейского. Поступило известие о том, что царевич Камран отнял Герат у царевича Фируза и, предав смерти гератского вельможу Ага Хаджи-хана, отправил Фируза в оковах к его отцу.

503а В начале месяца джумади II (начало апреля 1818 г.), ханом был принят Имр-шейх вместе с послами теке.

504а **Третий поход великого хана на Хорасан с целью его завоевания. Приближение хана к мятежным ахальским теке с целью их усмирения и бегство этого племени из страха перед ханскими войсками. Возвращение хана в свою столицу.** Да будет известно, что в воскресенье 6-го числа месяца джумади II (1233 г. х. — 13 апреля 1818 г.), соответствующего году барса, что совпадает с 16-м числом хорезмского месяца саур (или) 25-м числом бухарского месяца хамаля,[1] хан возымел желание выступить в поход

[1] В литературе уже отмечалось, что в Хиве до самого последнего времени сохранялось два различных солнечных календаря, с двумя разными ноурузами (новый год). Один из ноурузов являлся общим с персидским и бухарским и был

на завоевание Хорасана и отправил из своей столицы артиллерию и палатки. 12-го числа того же месяца его величество, сопровождаемый (предзнаменованиями) счастья и победы, торжественно выступил (в путь). После остановки в Кесекли, хан в воскресенье достиг колодца Сагаджа, где также остановился. Проведя здесь в отдыхе два дня, во вторник, когда солнце находилось в зените, выступили дальше. Следующая остановка была сделана в Сузанлы, где также пробыли два дня, а отсюда пришли к (колодцу) Хан-кудукы. Выступив в пятницу дальше, достигли Мирза Чирлеси, где провели четыре дня. В воскресенье 20-го числа названного выше месяца хан отправил отсюда вперед разъезд (караул) из войска йомутов с Досумбием. С разъездом же был отправлен обратно Гельды-хан, привозивший дружественное письмо от шахзаде Камрана. В понедельник хан отправил в Ахал Денгиза-халифе, вместе с заложниками теке, а Джан Назара-кази *504б* отправил к мервским теке. Выслав затем артиллерию вперед, хан в среду 23-го числа джумади II (30 апреля 1818 г.) выступил из Чирле и прибыл в Минарлы. В пятницу он был в Янтаклы. Сделав затем две остановки, (хан) в понедельник, около времени завтрака, остановился на берегу реки, в Баверд-тепе, у Теджена. В этот день разъезды доставили одного человека, пойманного из разъездов мервских теке. Во вторник хан оказал ему милость и, одарив его, отправил обратно. В течение среды и четверга, приходившегося на первое число месяца раджаба (7 мая 1818 г.), продолжали отдыхать. В пятницу снова выступили и дошли до Екке-узяка. В субботу, когда находились здесь на отдыхе, к хану прибыло серахское войско. В воскресенье 5-го числа того же месяца прибыл гонец (чапар) от аймаков,[1] а также явилось некоторое число людей от сарыков. В понедельник прибыл гонец от теке Денгиз-халифе с 22 человеками, во главе с Халь Нефесом и Мурад- *505а* ханом, с сообщением о том, что Мурад-сердар собирает войско в области Ашхабада и Анау и (скоро) прибывает в распоряжение хана. Во вторник прибыл Гельды-хан с войсками из имрели и теке (рода) караханлы, привезя с собой пять лошадей для подношения (хану). От мервских теке в качестве гонца прибыл сын Бегендж-бека с тремя людьми и сообщил, что они находятся в подчинении и полной покорности (хану), и что их войско уже прибывает.

В тот же день хан отправил Денгиз-халифе с четырьмя теке к Мурад-сердару (с приказанием), чтобы тот прибывал скорее.

известен под названием «султанского», другой (местный) назывался «хорезмским» (иногда «ургенчским») и наступал на 22 дня раньше первого. Хотя хан Алла-кули в 1827 г. отменил «хорезмский» ноуруз, однако празднование его продолжалось до последнего времени. Хорезмский ноуруз был известен также под названием дехканского (крестьянского). В. В. Бартольд ставил это в связь с «отуречением» древняго Хорезма, завершившимся уже в XIII в. См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 78. При чтении предлагаемых отрывков из сочинения Агехи мы иногда встречаемся с обоими названными календарями, причем автор обычно указывает, в каком соотношении они между собою находятся.

[1] Т. е. кочевых племен северного Афганистана.

Отправившись в тот же день с Екке-узяка, хан подошел к «как»'у и здесь расположил свой лагерь. В среду выступили дальше. После остановки на Четли-су, прибыли в окрестности Хосроу-кала. Пробыв здесь два дня,
505б предали уничтожению все находившиеся кругом посевы. Выступив отсюда в воскресенье 12-го числа, остановились затем в (крепости) Чилькан-кала. В понедельник вместе с послом Афганистана по имени Мирза Абдуль-Керим прибыл посол от Беглер-хана (по имени) Девлет-бахши, а также посол Риза-кули-хана, Мюршид-бек по прозвищу Кербелай и посол Неджеф Али-хана, Такы, курд, который привел в подарок (хану) трех лошадей.

Во вторник хан удостоил Мирзу Абдуль-Керима милостивого приема и обласкал его. В среду вечером Берды Али-наиб шах-абадский задержал в окрестностях лагеря (сенгир) одного вора, укравшего у (Такы) курда лошадь, и доложил об этом хану. Его величество приказал зарядить им пушку (?) и выстрелить. Тело его разлетелось на тысячи мелких частей. В этот же день хан присоединил Клыч Ниаз-бая к послу курдов и отпустил их. Один из курдов бежал из иранской крепости Лютф-абад и прибыл к хану. В пятницу на службу к хану прибыли войска салыров, во главе с сыном Ходжи Назар-бека. Были отпущены (также) послы ахальцев с таким
506а наказом, что если они (ахальцы) выразят свою преданность и явятся на службу хану, то они заслужат высокую милость; в случае же если они проявят непокорность и откажутся от повиновения, их ждет царское наказание. В субботу от Мурад-сердара прибыли Имр-шейх и Денгиз-халифе. От кызыл-арватских теке прибыли Шериф-сердар, Курбан Клыч и старший сын Назар-бая. Прибыли также три-четыре человека от ахальских теке, приведя с собой в подарок хану трех лошадей. Хан в тот же день отпустил их обратно вместе с Ходжа Назар-беком и ободрительной грамотой. Прибыв в Гяурс, посланные не нашли здесь войска теке и узнали также, что четыреста конных теке отправились на помощь Беглер-хану, что часть теке рассеялась и что Мурад-сердар расположился у входа в Дербендское ущелье и приготовился к бою. С этими известиями (посланные) вернулись и доложили обо всем хану.

Узнав о случившемся и придя в сильный гнев, хан приказал сняться из Чилькана и выступить вперед со всей артиллерией, обозом и имуществом.
506б Направив Алаш-бия и Мухаммед-джан-инака во главе разъезда с противоположной стороны Куреня, хан со своим победоносным войском прошел с западной стороны Лютф-абада, направившись в Мирбурджи и, после прогулки и увеселения в окрестности Дербенда, расположился в поле за Кахланом.

В этот день умер сейид Мухаммед-диван. Гроб с его телом отправили в город (Хиву). Выступив в понедельник утром в поход против теке, вечером остановились на отдых в Гяурсе, а следующую остановку сделали в Анау. Узнав о приближении грозного ханского воинства, войска теке отсюда бежали и скрылись. Старшины Анау явились к хану и выразили ему свою полную преданность и покорность. Во имя обета, данного святому

шейху Джемаль-эд-дину, хан сохранил (букв. подарил) им Анау и отпустил их с дарами. В среду хан выступил отсюда и остановился затем в Ашхабаде. Непокорные теке отсюда также бежали. 507а

Вечером накануне четверга его величество назначил отряды (аламан) из йомутов, сарыков, чоудоров и имрели в проходы (дербенд) Кельте-чинара, Бердара и Хиндувара. Отправившись вечером же по назначению, (эти люди) утром взяли из разъездов теке троих в плен, а троих убили, после чего возвратились к хану.

В течение этого же дня, около времени «намаз-и-дигер», прибыл Салих Ходжа-ишан, в качестве посла Мурад-сердара, с сообщением о том, что итти (к хану) они (теке) боятся, но вместе с тем они готовы исполнить всякое приказание, какое (от хана) последует. В пятницу хан отправил названного ишана обратно.

В этот же день хан отправил в Кельте-чинар Халь Назар-бека, сына Сюнич-бека, вместе с мулла Мухаммед Ниязом и еще одним человеком из простых (قرا جماعەسی دین)[1] с одобрительным письмом к Баба-онбеги и Аим-беку. Тогда же хаджи Махзум доставил из Анау два незначительных подарка.

В субботу хан отправил хаджи Махзума вместе с Имр-шейхом обратно в Анау.

В этот день один из теке попал в плен. Мать его привела в подарок хану верблюда и униженно просила (отпустить) ее сына. Из милости к ней и 507б
из чувства человеколюбия хан освободил (ее сына). Подарив (освобожденному) одежды, хан отправил его вместе с матерью к Аим-беку, чтобы подобного рода милосердным отношением заставить его стать на путь верности.

В воскресенье, когда хан уже выезжал, им были приняты прибывшие из Анау Джафар-хан и мулла Курбан Али, вместе с Имр-шейхом. В этот день хан остановился на хуторе Кеваши (كواشی). После полудня хан проявил свои высокие царские милости к Джафар-хану, после чего отпустил его обратно.

В понедельник прибыли Клыч Нияз-бий и Мирза Абдуль-Керим с послами от курдских ханов. Во вторник одно за другим пришли известия о том, что Аим-бек не идет на примирение. В это же время хан отпустил кызылбашских послов вместе с Мирзой Абдуль-Керимом.

В среду его величество двинулся со своей победоносной армией на Азгандское ущелье. Выстроив свои войска и приведя их в полную боевую готовность, хан расположил их (на определенных позициях). В это время

---

[1] В данном случае, так же, как и в других местах своих сочинений, хивинские историки подчеркивают разницу в происхождении и социальном положении упоминаемых ими лиц. «Простым» человеком (кара), в другом случае «маджхул» автор называет лицо, не принадлежащее по своему происхождению к «бекам», «биям», «ходжам» и т. п. привилегированным феодальным группам и не носящее почетного звания «бехадыр» или какого-либо придворного звания или чина.

508а ханские воины бросились на неприятеля и, войдя в ущелье, начали его истреблять своими копьями и мечами (стихи).

508б В этом бою было убито двадцать три человека из числа знатных и почтенных лиц неприятельского войска, включая сюда Мирзу Ишэ-баши, а также Эвез-бека, младшего брата Мурад-хана и Девлет Мурад-бека, младшего брата Аним-бека. О числе прочих убитых можно судить по сравнению с этим. Однако, и из числа победоносного (ханского) воинства погиб салак Керим-аталык.

Его величество прибыл (после боя) к месту своего пребывания (в лагерь).

В конце месяца (раджаба — начало июня) старшины мервских теке, а также (теке рода) караханлы были отправлены (ханом) обратно. В тот же день вечером (хан) назначил войско из йомутов, чоудоров и имрели для совершения набега на окрестности Ахала, с целью наказать этих бунтовщиков.[1]

Случилось так, что в этот вечер выступило 400 всадников теке, приготовившихся напасть на окрестности (ханского) лагеря с целью захвата кого-либо из сборщиков топлива.

Один (из ханских) воинов ехал по следам разбойников. Встретившись с ними, он попал в плен. Узнав от пленного о движении отряда, они (теке) разделились на три части, из которых две поехали вслед за отрядом, а третья рано утром в пятницу наткнулась на ханское войско во время его перемещения (кёч) и бежала. Его величество, приведя в порядок свои войска,

509а спешно двинулся на Ахал. Узнав дорогой, что теке двигаются вслед за (хивинским) отрядом, хан отправил за ними Алаш-бия, Мухаммед-джанинака и Соин-бия с состоящими при них войсками. Однако, да будет известно, что (указанные) две части войска теке соединились вместе и настигли хивинский отряд, в то время, когда последний находился в засаде. Воины думая, что это должно быть (хивинское) войско и не проявив вначале достаточного внимания, только потом поняли, что это неприятель. Произошла непродолжительная стычка, закончившаяся поражением (хивинцев).

В этом столкновении получил рану и упал (с лошади) Нур Мухаммед-бехадыр, сын Туган Нияз-бехадыра. Из чоудоров и йомутов погибло несколько человек,[2] во главе с Саттар-берды-арбабом. В этот момент (на теке) набросился Алаш-бий со своими храбрыми воинами, которые в один момент покрыли все поле трупами врагов. Остальная часть неприятельского войска, не выдержав натиска победоносной армии, пустилась в бегство. Их преследова́ли на протяжении двух фарсахов,[3] но затем, согласно ханскому при-

509б казу, войска оставили преследование и возвратились.

Его величество, дойдя до берегов р. Хирманту, возвратился затем в Мехин, где была его ставка, и там остановился.

---

[1] Ркп. Е 6, л. 222б.

[2] Ркп. Е 6: «много людей», л. 222в.

[3] Ркп. Е 6: «двухдневных переходов» (мензиль).

В субботу 2 ша'бана (7 июня 1818 г.) был задержан и доставлен (к хану) Такы-кул с одним из теке. Такы-кул доставил (при этом) письмо от Неджеф Али-хана, который писал: «Великому везиру, почтенному сановнику, обладающему достоинством Асафа, Мухаммед Юсуф-мехтеру, да почиет на нем дух божий, Фетхи-хан посылает Мухаммед-кули-хана везиром (посланником) (с просьбой), чтобы его величество (хивинский хан) не разорял государства Беглер-хана, в виду того, что он подвластен нам и оба государства (т. е. и мое и его) составляют одно целое. Этому же порядку подчиняется и народ теке, вследствие чего и посылается настоящая грамота (собств. печать — جفالی مهر).

Его величество (по ознакомлении с грамотой) наказал Такы-кула и отправил его обратно.[1]

Этот и следующий дни хан провел в раздаче наград воинам, отличившимся во время происходивших боев.[2]

В понедельник к хану прибыл из столицы (Хивы) раб,[3] Кутлуг Мурад- *510а*
инака Исмаил, с двумя людьми и доложил (от имени инака) о положении дел в государстве.

В пятницу 8-го числа (ша'бана — 13 июня 1818 г.) к хану прибыл Мухамед Салих, сын Садык-бека, кыята, состоящего правителем Чармакала.[4]

В субботу хан отправился из Мехина и расположился лагерем на берегу р. Хирманту, с южной стороны от Ахал-ата. Простояв в этой местности два дня, хан выступил в среду для того, чтобы проучить и как следует наказать теке, проживавших под управлением Мурад-сердара по берегам Кеюджек-чешмеси, послав впереди себя войско из йомутов и чоудоров. За ними вслед были назначены: Сопи-бий, Досум-бий и Берды-бий со всем аральским и кара-калпакским войском. За ними последовал и сам хан со своими победоносными войсками. В Кеюджек пришло известие о том, что отряды вошли в соприкосновение с войсками теке. (Об этом) доложил хану в местности Агач — так называется один из солончаков — прибывший сюда Худай-берды Аркар.

Пройдя Кеюджек, йомуты поймали и доставили одного теке.

Узнав о приближении победоносного войска и не будучи в состоянии выдержать его натиск, теке пустились в бегство.

Преследуя бегущего врага шаг за шагом, (хивинские) воины догнали *510б*
его до Мехина. Не сумев удержаться и здесь, (теке) разделились на три части, из которых одна ушла в пески, другая, под предводительством

---

[1] سیاست لار بیله قایتاردی В ркп. E 6 этого письма нет. Текст письма, повидимому, искажен, так как ряд мест вызывает неясности.

[2] В архиве хивинских ханов сохранились списки воинов, награждавшихся ханом по окончании сражений. Размер наград колеблется обычно от 5 до 20 тиллей (золотых).

[3] توغمه (тогмэ) Ркп. E 6 مملوک (мамлюк) (л. 223а).

[4] Последняя часть фразы по ркп. E 6, л. 223а.

Мурад-сердара, направилась в Ак-тепе и Дурун и третья скрылась в ущелье, которое расположено к юго-западу от Мехина.

Некоторые из йомутских и чоудорских воинов погнались за ушедшими в пески теке и привели оттуда много верблюдов, лошадей и двух пленных. Кара-калпакское войско, некоторые чоудоры и Берды-бий погнались за Мурад-сердаром, (но) дойдя до Кара-тепе, вернулись. Сеин-бий, Досым-бий, Клыч Нияз-бий и Хубби-кули-ходжа, назначенные сюда позднее, атаковали ущелье и нанесли здесь врагам большое поражение. Хубби-кули-ходжа, несмотря на постигшую его болезнь, сражался, вместе с Клыч Нияз-бием, в этот день с такой храбростью, что они расстроили и обратили в бегство ряды врагов.

511а В это же время сын Керим-берды-аталыка, лошадь которого была убита пулей, остался пешим среди врагов. (Однако) Мухаммед Керим Койчи, являющийся храбрейшим и отважнейшим из людей, бросившись на врагов, обратил их в бегство и этим спас (сына аталыка) от гибели. За этот промежуток времени воины отобрали у теке бесчисленное количество баранов, верблюдов, рогатого скота (карамал),[1] а также (разной) домашней утвари и ковров.

Пройдя Мехин, его величество остановился на одном из холмов (тепе) к северу от ущелья. В это время его храбрые воины убили восемь знатных лиц (акабир) из теке и представили их головы в качестве подарка хану.

С закатом солнца хан направился в обратный путь и к полночи прибыл *511б* в свой укрепленный лагерь (сенгпр). Утром в среду была переписана богатая добыча, причем лошади и верблюды были распределены между теми (воинами), у которых пали эти животные.[2] В пятницу к хану явились Дула-сердар, Девлет Саат и Курбан-сейид от населения (халк) Кызыл-арвата, (а также) от Халь Нефеса и Девлет Назар-бая, с изъявлением своей полной преданности и покорности.

В ночь под воскресенье хан отпустил их обратно в Кызыл-арват, отправив вместе с ними Ходжу Назар-бека.

В этот же день весь бесчисленный рогатый скот, доставшийся в добычу, был распределен для резки (сокум) между всеми военачальниками (умара).

В понедельник к хану явились Алак Кёр и Кул Мухаммед-сердар (كركز), которые, выехав из столицы (шехер) и следуя через Орта-кудук, прошли весь путь в девять дней. Во вторник девятого числа, ханская ставка была перенесена из Хирмапту в местность на берегу Аша (اشا) к северу от озера. Через два дня после этого, в пятницу, ханом были милостиво приняты Халь Нефес, Шериф-сердар, Девлет Назар-бай и Курбан-сейид, которые доложили, что племя тохтамыш находится в полном подчинении и покорности. В субботу хан отпустил их обратно вместе с Имр-шейхом.

---

[1] По поводу данного термина в хивинском его понимании см. Труды Инст. востоковедения, т. VII, стр. 109 пр.

[2] Из дел хивинского архива видно, что воины, лишившиеся своих лошадей в сражении, получали также денежную компенсацию в размере от 5 до 10 тиллей.

В среду, через четыре дня после этого, Халь Нефес, Девлет-Саат-бай и Имр-шейх явились (снова).

В четверг хан перенес свою ставку в Асперзан-тепе. Отдохнувши здесь один день, хан в субботу 1-го числа рамазана (5 июля 1818 г.) прибыл в Мехин, а на следующий день он переместился в Дурун. Отсюда хан выступил против врагов со своим победоносным войском в Ирдадское ущелье. Во время осады ущелья произошла битва, в которой обе стороны понесли потери. (После этого) его величество невредимым вернулся с добычей в свой лагерь (сенгир).

Проведя понедельник за отдыхом, хан на следующий день, т. е. во *512а*
вторник 4-го числа, возвратился в свой первоначальный лагерь в Мехине. Отсюда он в среду перешел в Хирманту. Во время перехода войско теке подошло сзади и, захватив одного верблюда, бежало. В четверг воины пустились в погоню за теке и, догнав их, изрубили восемь человек. Им досталось при этом бесчисленное количество лошадей и добычи.

В этой битве особенно отличился своей храбростью Мухаммед Керим Койчи. (Хивинцы) при этом пожгли много посевов и (в частности) пшеницы, принадлежавших неприятелю.

Выступив в пятницу и перейдя Кара-су, хан остановился в местности, носившей название Кокче, а в субботу он перешел отсюда в Ашхабад. В этот день йомутские храбрецы убили одного теке и голову его поднесли хану, а Садык Махзум привез ему свежий, только что созревший, виноград из Анау и выразил при этом пожелания его жителей (фукара). Он был возвращен в тот же день.

В воскресенье 9-го числа того же месяца (рамазана) хан выступил из *513а*
Ашхабада. Когда хан был близко от Анау, ему навстречу вышел Джафар-хан, который преподнес при этом одну лошадь и (другие) дары и выразил свое полное подчинение и рабскую покорность. Пройдя выше Анау, хан в тот же день для своей остановки избрал Гяурс. В то время, когда проходили окрестности Анау, некоторые из воинов вошли без разрешения в один или два сада. Как только владельцы садов доложили о случившемся хану, он, вследствие своего высокого человеколюбия и справедливости (направленной) на благо его народа, тотчас же послал людей, чтобы наказать нарушителей порядка, а (пострадавших) щедро наградил и осчастливил их своими милостями. В этот же день к хану явился Ходжам Шукур и преподнес ему двадцать баранов. На следующий день, (т. е.) в понедельник, ханом был принят хаджи Махзум вместе с купцами из Анау. В этот же день хан роздал роскошные одежды старшинам (кедхуда) племени имрели и бекам из сарыков, а также Ходжа Назар-беку. В этот же день войска наполнили водой кожаные мешки и флягп.

Во вторник 13-го числа хан оказал милости войскам имрели и сарыков, *513б*
а также Ходжам Шукуру и хаджи Махзуму и разрешил им возвратиться к местам их постоянного жительства, а сам направился в свою столицу.

Через два дня, именно в четверг, хан достиг окрестностей Теджена и остановился на отдых здесь в Коша-чонгюле. В пятницу отсюда хан отправил в свою столицу (шехер) с известием о своем скором прибытии Хасана, сына Мухаммед Нияз-бехадыра, вместе с ранее прибывшим из столицы невольником Мурад-инака, Исмаилом и их спутниками, наградив их предва-
514а рительно одеждами. К отъезжающим был присоединен также Денгиз-халифе.

Пройдя в воскресенье половину дневного перехода, хан остановился на берегу реки, отпустив отсюда вперед войско аральцев и кара-калпаков. В понедельник, около времени завтрака, хан отправил вперед обоз, артиллерию и походное снаряжение, а сам выступил после совершения намаза «пешин» и, проехав всю ночь, прибыл во вторник в Янтаклы.

514б В четверг 20-го числа (рамазана — 24 июля 1818 г.) хан был уже около Чирле-кудука, а в воскресенье он достиг Сузанлы. Сюда были доставлены вода и верблюды, а также дыни и фрукты, присланные (из Хивы) Мухаммед Ризою-кушбеги. Распределив все это между эмирами и сановниками, хан направился дальше и прибыл к Сагаджа. Проследовав через Кесекли, хан во вторник 22-го числа прибыл в Кара-кёль. Навстречу ему выехала вся хивинская знать, в сопровождении которой хан достиг своей столицы (стихи).

515а Супбар-сердар, входивший в состав свиты благороднейшего царевича
515б Алла-кули-хана, бывшего в то время беком, в последний день праздника рамазана, приходившийся на вторник 2-го числа месяца шавваля (5 августа 1818 г.), собрал группу храбрецов из йомутов и имрели, числом в 150 человек и получил разрешение хана на совершение набега (на теке). Выступив в среду из своего аула и пройдя в спешном порядке большое расстояние, они прошли через Орта-кудук и достигли Куртыша. Выйдя отсюда в пески и двигаясь на восток, они достигли колодцев по ту сторону (аркасыдаги) Арчмана, Дуруна и Мехина, но людей здесь не нашли. Пройдя Мехин, они в темноте ночи встретили одного пастуха, по указанию которого дошли до Солты-кудука, который находился прямо на север от Ахала и от
516а которого оставалось пол перехода до Гёк-тепе. Здесь они нашли четыре юрты (ўй) ходжей, которых (однако) не тронули. Всего в этой местности находилось 60 юрт ходжей, среди которых проживало также пять-десять семей (домов) теке. Узнав через товарища упомянутого выше пастуха о выступлении против них (хивинского) отряда, эти теке в ужасе разбежались в разные стороны.

Объехав все окрестности, (отряд) забрал у теке в качестве добычи шестьсот верблюдов, убив (при этом) девять человек (теке), и пошел обратно. Случайно они встретили в пути еще много верблюдов. Не будучи в состоянии гнать их всех, они взяли себе только несколько больше 260—300 штук, которых и выгнали на дорогу (стихи).

Когда довольные воины достигли Куртыша, они послали в столицу человека с радостной вестью. Гонец этот прибыл в четверг 18-го числа

а в субботу 20-го прибыл весь отряд. Воины были щедро награждены ханом. 5166
Один из их среды заблудился и отстал. Кроме причитающейся ему доли добычи, родственникам его выдали двадцать верблюдов. (Однако) этот человек возвратился через три-четыре дня совершенно невредимым.

Набег Баги-бек-бехадыра. Принадлежащие к числу йомутских предводителей Баги-бек, Мурад-сердар и Сунбар-сердар, совместно с Араб-сердаром, из имрели, и другими (предводителями) и войсками из йомутов, имрели и хасан-эли в среду 2-го числа месяца зуль-ка'да (3 сентября 1818 г.) получили разрешение его величества хана на совершение набега на теке.

Пройдя через Орта-кудук и достигнув (колодца) Чирле, они сделали здесь своим проводником (башчи) Саат-сердара и направились на восток.

Дойдя через два перехода до Хан-кудуки, они отдыхали здесь два дня, а затем, напоив животных, направились дальше и снова остановились у одного колодца. Отсюда они возвратили верблюдов к пройденному ими ранее 517а
колодцу, а сами, пройдя полтора перехода, достигли низовьев Балыклы. Совершив нападение с западной стороны, они убили тридцать человек теке, (но) не найдя здесь имущества, захватили баранов и пошли обратно.

Причина (почему не оказалось имущества) заключалась в том, что один из сарыков три дня тому назад сообщил здесь о приближении (хивинских) нападников, вследствие чего (теке) заранее переправили все свое имущество на ту сторону Мервской реки (Мургаба).

Возвратились они (воины) к хану в понедельник 21-го числа упомянутого месяца, через двадцать дней (после своего выступления).

Набег Сары Карная. Получив разрешение хана, Сары Карнай, являвшийся одним из самых отважных воинов, с сорока такими же храбрецами, как и он сам, прошел через Орта-кудук и обрушился на подданных Мурад-сердара непокорных теке.

Изрубив девять человек, они захватили свыше ста верблюдов и направились в обратный путь. Узнав об этом происшествии, теке, в количестве семидесяти человек, вскочили на коней и бросились в погоню. Нагнав (хи- 5176
винцев), они вступили с ними в бой. Повернув своих коней, (хивинские) воины дружно бросились на врага и нанесли ему поражение. Убив в этой стычке еще десять человек, они захватили в виде добычи лошадей, оружие и другие вещи, после чего благополучно с добычей прибыли в свою область. Выступив из столицы (Хивы) в начале месяца зуль-ка'да (начало сентября 1818 г.), они вернулись 19-го числа в воскресенье.

В начале этого же месяца в качестве русского посла прибыл (в Хиву) мулла Абдул-Насир-мингбаши. Его величество отпустил его 6-го числа того же месяца (7 сентября 1818 г.)[1]

---

[1] Речь идет о поручике 4-го башкирского кантона Абул-Насире Субханкулове, посылавшемся в Хиву в 1818 г. оренбургским губернатором Эссеном для переговоров по поводу одного ограбленного хивинцами каравана.

В понедельник 26-го числа месяца зуль-хиджа (27 октября 1818 г.) хан образовал из йомутов хасан-эли и имрели три отряда, включив в их число как сердаров, так и пукеров, и с трех разных сторон отправил их в набег. В пятницу (этой же недели) наступил месяц мухаррем (нового) 1234 г. х. (суббота 31 октября 1818 г.).

Действия первого отряда. Сары Карнай и Шах Нияз-бек
518а со ста шестьюдесятью йомутами прошли через Орта-кудук и по ошибке напали на пятьдесят семейств теке рода Девлет Назар-бая, перекочевавших в Хиву из района Бами (и) Беурма. Произведя ограбление, (хивинцы) перебили мужчин, забрали женщин и детей в плен и возвратились. Этот поход (сафар) продолжался двадцать дней.

Действия второго отряда. В указанный выше день выступил Мурад-сердар с тридцатью храбрецами. Пройдя с большой быстротой через Сагаджа, они вышли с той стороны Дуруна и Мехина (произведя нападение), убили здесь пять человек, а затем захватили 200 верблюдов и вернулись обратно.

Действия третьего отряда. Все предводители хасан-эли и сердары племени имрели, а также Клыч-юзбаши, из узбекского рода хытай, с войском из туркмен и узбеков, а всего семьсот человек, под предводительством Хусейн-бехадыра, из чоудоров, выступили в указанный выше день по дороге к Сагаджа. Выйдя к Теджену и пройдя (затем) дальше, они напали на теке в округе Серахса. Когда они убили тридцать человек
518б и дошли на обратном пути до берегов Теджена, то (от отряда) отделилось двадцать человек во главе с Клыч-юзбаши, Дурды Мурад-бехадыром, из рода игдыр, и Эвез-берды Таваром, которые заявили, что не возвратятся до тех пор, пока не совершат какого-либо (значительного) дела. Что касается Хасан-бехадыра, то он с Теджена возвратился к хану. Весь поход его продолжался восемнадцать дней.

События четырнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1234 г. х. — 1818/19 г.)

520б **Повествование о набеге Алаш-бия.** Алаш-бий, совместно с назначенными эмирами (умара), к числу которых принадлежали: Кути-ходжа, шейх-уль-ислам, Досум-бий, Бек Али-мираб, Соин-бий, Хаджи Мурад-дастарханчи и военачальники, как Хубби-кули-ходжа, Нияз Мухаммед-бай, Мухаммед-кули-бек, Кутлуг Мурад-бек, Умбай-бек, из пукеров Кутлуг Мурад-инака, Ходжа Нияз-бий, кыпчак, Рахим-берды-бий, хытай, Девлет Назар-бий, из кара-калпаков, Кока-сердар, из йомутов, и прочие узбекские и йомутские «сипахи́», большинство которых являлось беками и мехремами, с войском, доходящим до двух тысяч человек, выступили в воскресенье 1-го числа месяца сафара (1234 г. х. — 30 ноября 1818 г.) из Хивы и расположились
521а лагерем около колодца Сагаджа.

Для наблюдения за порядком среди войска (отряд) сопровождал Курбан Нияз-ясаулбаши. Простояв здесь один день и выступив в среду дальше, они на шестой день, в субботу, остановились у колодца Чирле. Здесь, напоили животных и двинулись дальше. Затем в воскресенье 15-го числа этого месяца (войска) прибыли к низовьям Кара-су и (здесь) утром расположились у крепостей Кыпчак и Арман. С целью опустошения и разорения окрестностей были посланы войска под начальством Хубби-кули-ходжи. В силу случайности, в этот день два ахал-текинских каравана, из которых один шел из Мерва в Ахал, а другой из Ахала в Мерв, встретились друг с другом в том месте, где проходили (хивинские) войска. (Люди караванов) были перебиты, а (имущество их) разграблено (ими).

Завладев имуществом каравана, славное воинство произвело грабеж *521б* и опустошение во всей местности между Ашхабадом и Мехином, перебив здесь много людей и забрав в плен большое количество женщин и детей, так что в этой стране не осталось ни одного жилища и живого существа, которое не оказалось бы уничтоженным или не сделалось бы добычей (хивинских) наездников.[1] В этот день воины захватили необычайно большое количество верблюдов и лошадей. В полдень они собрались под сень знамен. Всего в этот день было убито свыше ста теке, в плен было взято семьдесят семь человек. Все дома их были разграблены и сожжены. Из (хивинского) войска было убито (только) три простых человека. В этот же вечер (войска) вышли в пески и направились в обратный путь. Вскоре достигли они (колодца) Чирле, откуда Алаш-бий отправил своего младшего брата, вместе с людьми указанных выше эмиров, с радостной вестью (к хану). За время двухдневного своего пребывания у колодца Чирле, (Алаш-бий) произвел распределение добычи между воинами, выделив предварительно из нее пятую долю (для хана). В среду 25-го числа этого же месяца они прибыли в Хиву.

Набег Саат-сердара и Халь Нияза-юзбаши. После того, как Алаш-бий *522а* отправился в набег, Саат-сердар и Халь Нияз-юзбаши со ста восемьюдесятью человеками из имрели и узбеков выступили в поход против Мерва, заручившись предварительно разрешением хана.

Встретив у колодца Сираб большое количество баранов, принадлежащих племени бурказ, они (воины) убили пастухов и, забравши всех баранов, возвратились. (Когда) они поделили между собой этих баранов, то каждому досталось по 25 голов.

Набег Клыч-сердара. В пятницу 20-го числа сафара (19 декабря 1818 г.), т. е. за пять дней до возвращения Алаш-бия из его похода, Клыч-сердар с девяноста воинами из йомутов, заручившись одобрением покойного (ныне) инака Кутлуг Мурада, прошел через могилу святого Махмуд-ата[2] в пески и, дойдя до местности около Шор-кудук, что к северу от Ахала, встретил здесь много верблюдов, принадлежавших теке. *522б*

[1] Первая часть фразы переведена по ркп. Е 6, л. 227в.

[2] В тексте по обыкновению Исм-и-Махмуд-ата. Под таким именно названием этот мазар упоминается и в русской литературе.

Убив восемь человек и поймав двух невольников (тогмэ), он захватил всех верблюдов и направился в обратный путь. 7-го числа месяца раби I он (Клыч-сердар) явился к хану и в качестве «тан»'а представил ему двух невольников и пятьдесят верблюдов.

В это время большинство кызыл-арватских теке, со своими семействами, пришли на территорию (хивинского хана), под его покровительство. 11-го числа, того же месяца, прибыл и Халь Нефес со своим домом и семейством. Вместе с ним (Халь Нефесом) явились к хану двое старшин теке и изъявили ему свою полную преданность и покорность. В среду 15-го числа из Ахала явилось (еще) девять человек, которые (также) изъявили покорность.

В этот день Кутлуг Мурад-инак, совместно со всеми вельможами, вызвал в государственную канцелярию (диван-ханэ) старшин теке и, выслушав все, что было сказано ими, отпустил их. Взяв двадцать дней сроку, они (старшины) согласились затем представить сто конных нукеров и двести заложников (ак-ӱйлю).

524б [Сообщается о прибытии заложников (ак-ӱйлю) от теке (рода) караханлы в числе десяти (семейств).]

525б **Набег Соин-бия на Мерв.**[1] Для совершения набега на Мерв, его величество в пятницу 9-го числа месяца джумади I (6 марта 1819 г.) назначил Кутб-эд-дин-ходжу, шейх-уль-ислама, а также Мухаммед-джан-ходжу из числа военачальников, и Эвез-берды-юзбаши из числа фальконетчиков с двумя тысячами войска из узбеков и туркмен под начальством Соин-бия.[2] Сюда же (хан) присоединил и Мухаммед Нияза-ясаулбаши. Пробыв вечер этого дня в Ангареке, Соин-хан в субботу, 10-го числа направился через колодец Сагаджа к своей цели.

На тринадцатый день, т. е. в четверг 23-го числа,[3] он вышел в Мервскую область. В местности Кум-яб была выстроена новая (таза) крепость. Выступив против этой крепости и послав людей для разорения и грабежа ее окрестностей, они убили много людей, захватили бесчисленное количество верблюдов и возвратились. Через несколько дней они представились хану, который оказал им всяческие милости.

В субботу явился Имр-шейх, вместе с предводителями теке во главе с Аим-беком, которые изъявили свою полную покорность.

В воскресенье 6-го числа месяца ша'бана его величество возвратился в столицу с работ по устройству запруды на (канале) Лаудан, где он пробыл 18 дней.

В это время к хану прибыли мервские теке и сарыки с выражением своей покорности.

В субботу 13-го числа месяца ша'бана (7 июня 1819 г.) его величество отпустил старшин-теке во главе с Аим-беком, а также Мехди-бека, посла

[1] По ркп. Е 6, л. 229а.

[2] Там же, л. 229в.

[3] В тексте — «20-го числа», повидимому ошибочно.

Риза-кули-хана, и посла (имя не указывается) Неджеф Али-хана, который еще раньше приехал с выражением дружественных чувств, присоединив к ним (с своей стороны) Эвеза-юзбаши и Бек Нияз-наиба. (Послам было сказано), что если их слова правдивы, то пусть они шлют своих братьев и сыновей вместе со своими нукерами на службу к хану.

События пятнадцатого года царствования Мухаммед-Рахима (1235 г. х. — 1819/20 г.)[1]

526а В это время (начало сафара 1235 г. х. — ок. 20 ноября 1819 г.) вернулись один вслед за другим из похода на кызылбашей: Сары Карпай с двумя стами йомутов, Дост Мухаммед-сердар со ста конными гёкленами и Мепглигельды Ярук с шестнадцатью (своими) людьми, разновременно выступившие (из Хивы) в месяце мухарреме. Они привезли богатую добычу и бесконечное число пленников.

526б В пятницу 7-го числа месяца раби I (24 декабря 1819 г.) к его величеству явился правитель Серахса, Хаким-хан, из салыров, со своими старшинами (кедхуда).

В среду 15-го числа того же месяца к хану прибыли с выражением своей покорности сыновья (и родственники) кызылбашских ханов, а именно: сын Неджеф Али-хана, Искандер-хан, в возрасте 12—13 лет, племянник Риза-кули-хана, Шереф-хан, сын Алла-берды-хана и племянник Беглер-хана, Керим-хан.

В субботу 3-го числа месяца раби II хан устроил роскошное угощение Хаким-хану, а также курдским ханам, одарив их златотканными одеждами и лихими конями.

532а В это время (джумади II 1235 г. х. — март—апрель 1820 г.) прибыл к хану из Курдистана мулла Мурад Али с выражением покорности и был милостиво принят.

532б Около этого же времени один из предводителей гёкленов, Мухаммед Хусейн-хан, убил людей кызылбашского Мехди-хана, каджара, и, став, таким образом, во враждебные отношения, ушел с тремя-четырьмя тысячами гёклепов с берегов Гюргена.

Остановившись затем в окрестностях Бами (и) Беурма около Кызыларвата, он отправил своего сына вместе с Огланишаном, в качестве послов к (хивинскому) хану. Явившись (к хану) послы выразили покорность.

После этого его величество назначил в набег на сарыков йомутских предводителей Мурад-сердара и Сары Карная, которые и выступили с четырьмя стами конных йомутов. Дойдя до колодца Сираб и не найдя здесь людей, (отряд) захватил бесчисленное количество скота и пошел обратно.

---

[1] Изложение событий начинается с сообщения о прибытии в Хиву «русского посла «Николая Николаевича» (Муравьева).

Сары Карнай с двадцатью людьми отделился (от отряда) и, направившись в район Репетека, возвратился оттуда с чрезвычайно большим количеством баранов и верблюдов. За время этого похода было найдено и убито двадцать сарыков. Первая часть (отряда) вернулась в начале поста «руза», а последние пришли в середине его.

533а В воскресенье, приходившееся на 21-й день поста, хан назначил сердаров йомутов, гёкленов, чоудоров, имрели и карадашлы с большим войском в набег на сарыков. Назначенные, в количестве двухсот человек, направились по дороге на Репетек, где убили некоторое число сарыков, а затем забрали себе в добычу много верблюдов и возвратились.

По окончании поста, в пятницу 3-го числа месяца шавваля, Кока-сердар с некоторыми «сипахи́» из йомутов были назначены в набег на сарыко́в. Они со многими людьми отправились на сарыков и, захватив у них множество верблюдов, возвратились обратно.

533б В это время (месяц зуль-хиджа 1235 г. х. — сентябрь 1820 г.) хан назначил в набег на сарыков Эвеза-юзбаши с (войсками из) теке.

Некоторые говорят, что в этот же день хан пожаловал ярлык Мурад-сердару с назначением его ханом над всеми теке.

События шестнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1236 г. х.—1820/21 г.)

534а В то время, когда хан готовился к походу в Дашт-и-кыпчак для наказания мятежных казахских племен, мервскими теке были произведены многочисленные преступления и бесчинства. Одно из них состояло в том, что небольшая группа конных теке воровским путем проникла ночью *534б* в область Хазараспа, напала здесь на один дом и, захватив в плен двух-трех человек и небольшое количество имущества, бежала. Когда весть об этом достигла хана, он счел необходимым, после наказания казахов, проучить также и теке и занялся необходимой подготовкой к походу на Мерв. (Вследствие того, что) Мервская область находилась во владении бухарского эмира Хайдера, с которым его величество в течение долгого времени находился в дружеских отношениях и переписке, он (хан) написал о скверных поступках жителей этой области названному эмиру, отправив письмо со своим послом Берды-инаком. Сообщая о том, что ему приходится одновременно наказывать и казахов и теке, хан советовался (с эмиром). Когда Берды-инак сообщил об этом эмиру Хайдеру, тот был необычайно польщен (таким обращением) к нему и выразил свою радость и полное *535б* довольство.

Возражая против наказания негодных теке, (эмир) поручился в том, что все захваченные в Хиве пленники и имущество будут хану возвращены. После этого эмир всячески обласкал Берды-инака и отпустил его. Возвратившись к хану, Берды-инак доложил ему о всех дружественных словах эмира Хайдера.

Отменив (вследствие этого) поход на Мерв, хан направился против казахов в Дашт-и-кыпчак и, подчинив себе этот народ и его страну, возвратился в свою столицу.

Прошло некоторое время, а обещание, данное эмиром Хайдером, оставалось невыполненным. По этой причине хан снова направил к нему своего посла. На этот раз (эмир) сказал с насмешкой: «Туркмены — народ, не знающий страха и непокорный. Если я пошлю кого-либо, чтобы отнять у них насильственно (взятое) ими имущество, они рассеются в разные стороны, и разыскать разбойников не удастся. На такое дело у нас не хватает смелости. Пусть их накажет сам хан (хивинский), если он в состоянии это сделать» (стихи).

Когда эти безумные и насмешливые речи эмира Хайдера стали известны *535б* хану, он потребовал, чтобы Мервская область (дияр) была разрушена, а теке были бы подвергнуты истреблению. Вместе с тем, зная, что терпение является ключом к счастью, и не проявляя поэтому торопливости, хан отложил это намерение. Еще раньше, на протяжении нескольких лет (хан) вел многочисленные войны с хорасанскими туркменами (и в частности) с теке Ахала, а также теми из них, которые жили у подножия гор. Он покорил своей власти это племя и овладел народами и крепостями этих мест.

Когда было покончено с наказанием казахских мятежников, и во всех *536а* концах (хивинского государства) наступило спокойствие, хан решил проучить мервских теке, которые совершали набеги на хорезмские владения, похищали здесь имущество и уводили некоторых людей в плен, как говорилось об этом выше.

В конце 1236 г. х. (конец августа 1821 г.), соответствующего году дракона (лу), для набега на Мерв ханом были назначены: Яр-кули Палван, из предводителей йомутов, Ади-векиль, Араб-сердар и Али Назар-бек, из знатных лиц племени имрели, а также Сафар-бий, Байли-юзбаши и Курбан-гельды из знатных чоудоров. Выступив с четырьмя стами конных, (эти лица) напали на сарыкское отделение (тирэ) алаша и, захватив двадцать человек в плен и взявши триста верблюдов, направились обратно.

В это же время правитель Чарджуя, Атаджан-бек, совместно с Керимбеком, собрали, по распоряжению эмира Хайдера, войско (букв. «всех конных») среди населения южного берега Аму (дарьи) и выступили в числе *536б* полуторы тысяч человек против (возвращающегося отряда) в местности Бек-тепе. Начальствующие лица отряда (аламан) отправили к Атаджан-беку своего посла. Явившись к Атаджан-беку, посол, в надлежащей последовательности, рассказал ему о дурных делах мервских теке и о том, как (хивинский) хан посылал посла к эмиру Хайдеру, прося их наказать и как тот воспротивился этому, так же как и возвращению пленников, поручив это сделать самому хану, чем тот и удовольствовался. Для того, чтобы отомстить (теке), хан приказал совершить против них набег. Не обращая внимания на его слова, (бухарцы) в полной боевой готовности выступили против (хивинских) войск и, как бы ища своей гибели, вступили

с ними в бой. Не видя иного выхода, (хивинские) воины с полным единодушием и отвагой направили своих коней на неприятельские ряды и начали поражать их с такой энергией, что многие из врагов, в том числе и Атаджан-бек были перебиты, а их «черноголовое знамя» (قرا باشلی توغ)[1] было опрокинуто.

537а Когда враги это увидели, ими овладели смятение и ужас: они пустились в бегство и не находили покоя до тех пор, пока не вошли в (Чарджуйскую) крепость. Хивинские удальцы преследовали и истребляли их, а затем возвратились с победой. Пройдя много переходов, они достигли Хивы, где были милостиво приняты ханом. Они доложили хану о неподобающем поведении бухарских войск. Его величеству это сообщение было чрезвычайно тягостно, (так как) оно явилось причиной раздоров и несогласий (с Бухарой).[2]

538а **Набег чоудорских молодцов на Чарджуй.** В понедельник 22-го числа месяца джумади II данного (1236 г. х. — 27 марта 1821 г.) года хан назначил чоудорских молодцов, в числе свыше 400 человек, для совершения набега на Чарджуй.

В соответствии с ханским приказом, назначенные молодцы выступили по своему назначению в этот же день, направившись по берегу реки. В Чарджуе был базарный день, когда они неожиданно ворвались (в город) (стихи). Истребив множество людей, больших и малых,[3] молодцы захватили бесчисленное количество всякого добра, а также множество баранов, верблюдов, лошадей и ослов и отправились обратно. Из числа победоносного

---

[1] Выражение «черноголовое знамя» (карабашлы-туг) здесь встречается впервые и при том без каких-либо пояснений. Акад. Б. Я. Владимирцов в своей книге «Общественный строй монголов (Л., 1934, стр. 182, 174) между прочим отмечает, что «эмблемой монгольского военного сеньора чингизида было черное знамя — хара tug». В соответствии с этой монгольской традицией «черное» или «черноголовое» знамя у нашего автора должно, повидимому, обозначать эмблему главного командования. В таком случае выражение: «их черноголовое знамя было опрокинуто» аналогично выражению «их войска понесли полное поражение». Ср. по этому поводу также текст ркп. Е 6, лл. 237б и 245б.

[2] По поводу описанного здесь сражения под Чарджуем в 1236 г. х. Мухаммед Якуб бухарский сообщает следующее:

«Четыреста конных хивинцев направились в Мерв для нападения на мервских туркмен-сарыков. Совершив набег, они (хивинцы) прошли на обратном пути мимо Чарджуйской крепости и остановились в местности Чекес. На следующий день они двинулись отсюда дальше.

Правитель (хаким) Чарджуя Атаджан-мирахур, калмак, вышел к ним навстречу и преградил путь. Несмотря на уверения хивинцев, что они не имеют против него (мирахура) каких-либо враждебных намерений и что если бы они думали на него напасть, то сделали бы это еще вчера и т. д., Атаджан все же вступил с ними в борьбу и потерпел поражение, в результате которого погибло 600 бухарцев, в том числе и сам Атаджан». «Гульшен-уль-мулюк», ркп. ИВ, С 1141, лл. 174а —174б.

Так же как и хивинский историк, Мухаммед Якуб считает столкновение под Чарджуем поводом к обострению хивинско-бухарских отношений в дальнейшем.

[3] Пропускается ряд деталей, рисующих картину истребления жителей.

воинства пропал без вести один джигит из Таш-купрюка, а прочие в понедельник 7-го числа месяца раджаба (10 апреля 1821 г.) возвратились благополучно со своей добычей к хану, который и оказал этим храбрецам всяческие милости. Этот поход продолжался 15 дней.

Набег Сары Карная на Сакар и Чарджуй. Семь йомутских военачальников и восемь юзбаши, под начальством Сары Карная, получили разрешение хана и в четверг 8-го числа месяца ша'бана того же года (1236 г. х. — 11 мая 1821 г.) выступили в набег на Чарджуй. *539а*

Через несколько дней пути они приблизились к Чарджую, но, не напав на него сразу, остановились в одном месте в песках. Дождавшись восхода солнца, они напали на Сакар.

Однако местное население уже ранее знало об этом (нападении) и укрепилось. (Кроме того) пришло пятьсот человек конного бухарского войска и (также) к нему присоединилось. Окрестности были изрезаны заборами и покрыты садами и деревьями. По этой причине (хивинцы) не могли овладеть ни большим количеством людей, ни значительной добычей. Они взяли (в плен) пятнадцать человек, а из добычи до двухсот голов верблюдов, лошадей, быков и ослов.

Когда (воины) возвращались оттуда и подошли близко к Бек-тепе, который находится близко от Чарджуйской крепости, они увидели на вершине холма трех-четырех конных. Воины тотчас же направили туда своих *539б*
коней и въехали на холм. Конные спустились вниз, убегая (от хивинцев). Тут воины заметили, что внизу у холма стоит пятьсот человек конного чарджуйского войска. В виду того, что (хивинское) войско возвращалось после совершенного им набега не сплошной массой, а понемногу, чарджуйские войска, увидя его немногочисленность, направились на него. (Хивинские) воины бросились в атаку, а чарджуйцы, не выдержав их натиска, пустились в бегство. Вследствие своей малочисленности победоносное (хивинское) войско их не преследовало (стихи). Тем временем Исметулла-бек, правитель Чарджуя, вывел из крепости всех жителей (улус) как конных, так и пеших и принял на себя главное командование, выстроив их у ворот крепости *540а*
в боевой порядок (букв. «построил правое и левое крыло»). Прочие военачальники с войском около тысячи человек, под четырьмя знаменами (байдак) направились против победоносного (хивинского) войска. Йомутские сердары, увидев эти приготовления, бросились все вдруг в атаку (на наступающих). После первого же натиска победоносное войско (хивинцев) взяло верх, а неприятель бросился в бегство.

Преследуя и уничтожая своими копьями и мечами врага, богатыри достигли одного канала (яб), в который враги падали один на другого, так что этот канал до самых краев был заполнен лошадьми и людьми. Воины спустились в этот канал и перебили такое количество врагов, что внутренность его (канала) вся оказалась заполненной их трупами (стихи). Перейдя канал, победоносное воинство продолжало преследовать и во множестве *540б*
избивать бегущих. Когда (хивинцы) приблизились к крепости, Исметулла-

бек, будучи не в состоянии противостоять их натиску, обратился в бегство. Он поспешно и с большими трудностями вошел в крепость (курган) и заперся. Победоносное войско в это время перебило так много врагов, что доставило (этим) удовольствие духу Исфендияра (стихи). До полудня воины занимались истреблением (врагов) и грабежем (их) имущества,
541а а затем они, забрав много лошадей и три знамени, пошли обратно. Из (хивинских) воинов трое погибли во время набега на Сакар, да двое были поражены пулями под Чарджуйской крепостью. В пятницу, 23-го числа того же месяца (ша'бана) войска возвратились и были обласканы ханом. Весь этот поход продолжался шестнадцать дней.

541б— [В дальнейшем содержится краткое упоминание об участии йомутов,
543б чоудоров и имрели в набегах на бухарские окраины.]

544а В середине месяца зуль-ка'да (1236 г. х. — середина августа 1821 г.), когда йомутский аламан вступил в набег на (бухарский) Ильджик, предводители чоудоров Соин-бехадыр, Абдаль,[1] Сафар-бай и Байли-(юзбаши), совместно с Толегеном-юзбаши и Тёре-беком-юзбаши, из кара-калпаков, и небольшим количеством войска, отправились с разрешения хана в набег на Бухару. Они быстро достигли Варданзи, где убили много людей, захватив триста голов верблюдов, направились обратно. Дорогой их нагнали бухарские войска, которые, однако, после жестокой схватки потерпели
544— поражение и обратились в бегство. [Далее излагаются подробности этого
546а набега.][2]

События семнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1237 г. х. — 1821/22 г.)

[Содержание данной главы (лл. 546—578а) сводится почти исключительно к описанию хивинских походов на окраины Бухарского ханства, в частности — на Чарджуй, который в данном году дважды подвергался нашествию хивинцев. Во всех описываемых в хронике походах и набегах, туркмены играют в составе хивинского войска исключительно активную роль. Большинство встречающихся в главе сведений и упоминаний о турк-

---

[1] В другом месте (л. 553в) он назван Абдаль-Соин-бехадыр.

[2] Ряд подробностей об этом событии содержится также в сочинении Мухаммед Якуба (цит. рук., л. 175а). Кокандский историк мулла Аваз Мухаммед сообщает, что Мухаммед Рахим-хан за свой поход в Бухару в этом (1236 г. х.) году переселил в Хиву 12 тысяч семейств жителей из окрестностей Бухары. Многим из жителей бухарских округов хивинцы отрезали уши, вследствие чего среди сельского населения Бухары оказалось много людей без ушей. Хивинцы, уходя из-под Бухары, подожгли городские Каракульские ворота. «Тарих-и-джехан-нама», соч. мулла Аваз Мухаммеда, рук. Инст. Востоков. Акад.Наук С 439, лл. 753а—753б. Сообщения об обрезании ушей у бухарских крестьян хивинцами встречаются также у Мухаммед Якуба.

Оба названные автора подтверждают также мысль Агехи о том, что превосходство в столкновениях между Хивой и Бухарой оставалось на стороне хивинцев.

менах чрезвычайно кратки и не дают ничего нового к тому, что сообщалось уже выше.

Ниже приводятся некоторые из более значительных эпизодов, происходивших во время второго похода хана на Чарджуй, похода, продолжавшегося шестьдесят шесть дней, начиная с 23-го числа ша'бана 1237 г. х. (15 мая 1822 г.).]

Кока-сердар и Берды-хан, татар,[1] являвшиеся вернейшими слугами 561б
хана, отправились (из рабата Дая-хатын, где находился в это время хан) с йомутским войском в набег на Чарджуйскую крепость, получив на это предварительно разрешение хана.

В это же время к хану прибыли Сохбей-сердар, Кока-сердар и Мухаммед-берды-сердар, в качестве послов от племени (халк) эрсари. Они вручили ханским придворным просьбу, присланную через них этим (эрсаринским) племенем. Ознакомившись через посредство своих приближенных с этой просьбой, хан через послов отправил им в ответ ласковое письмо такого 562а
содержания: «Проживающему в Лебабе[2] племени эрсари мое слово (таково): Если вы являетесь народом искренним и если вы (хотите, чтобы) ваши правдивые слова и добрые поступки вызвали к себе доверие, то отрубайте головы врагам (моего) государства — бухарцам и приходите ко мне в окрестности Чарджуя, как только прибудет туда мое победоносное войско. В противном случае к вам явится неисчислимое войско, и тогда вас постигнет самая бедственная судьба, и уже никакое раскаяние не принесет вам пользы». С этим ответом хан и отпустил послов. Для сопровождения (послов) на протяжении ближайших двух-трех переходов, к ним был присоединен Ярыклы Палван, принадлежавший к числу йомутской знати.

В то время, когда хан со своим войском находился в местности под 565б
названием Бурья-баф, к нему от имени проживающего в Лебабе рода кара, принадлежащего к племени эрсари, явился Абдул-вахид-ишан, Абд-ус-самад-кази, Назар-кази Эвез-джебачи,[3] Бек-кули, Расуль-кули-бек и Сахиб Назар-караулбеги.[4] От отделения (тирэ) букаул явились: Худайберген-бай, Кули-бек, Хасан-бек, и Клыч-джебачи. Каждая из этих двух групп привела с собою по 200 нукеров и по 9 лошадей в пода- 566а
рок хану.

Из Перверда, от имени проживающего там племени эрсари, прибыли их предводители Курбан-бек, Сафа-бек, Халиль-бехадыр, Нефес-аксакал, Бек Назар, Султан Нияз-караулбеги и Мулла Нияз-вели, возглавлявшие собою большой отряд нукеров. Они выразили хану свою покорность 566б
и представили ему в подарок двух хороших копей.[5]

---

[1] Название одного из родов племени йомутов.

[2] На побережье Аму-дарьи.

[3] Джебачи — один из бухарских чинов, не встречающийся в Хиве.

[4] Караулбеги — тоже бухарский чин.

[5] На л. 566а содержится сообщение о прибытии к хану старшин и онбаши племени сакар со ста нукерами и подарками.

569а Несколько (человек) из племени (джамаа) бачкурли-шейх, ушедшие вследствие жестокости судьбы со своей родины и скитавшиеся вместе со своими семействами, присоединились затем к аулу (оба) племени (халк)
569б сакар.[1] (После этого) они пришли к хану и под его защитой стали спокойно жить.

Вместе со старшинами племени эрсари хан отправил в этот день,[2] под начальством приближенного Эвеза-юзбаши, своих посыльных (тäвäджи) для сбора с этого племени нукеров и доставки их на службу (в ханских войсках).

573б На сорок третий день пребывания хана в походе, к нему прибыли послы от населения (халк) Наразыма. При возвращении послов хан отправил с ними успокоительное письмо. В этот же день к хану прибыли Дунмас-токсаба[3] и Кандули-караулбеги от всех проживающих в Наразыме (племен) эски, чоудоров, мургакли и илиджек. Прибыли (также племена) баят и салыр, входившие в состав населения (улус) Кара-кöля (Каракуль).

В четверг явился Эвез-юзбаши, который был направлен к эрсари для сбора нукеров. Он провел к хану пятьсот человек конных.

События восемнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1238 г. х. — 1822/23 г.)

Отдельные эпизоды из третьего похода хана на Чарджуй. В то время,
590а когда ханские войска грабили окрестности (Чарджуя) и наводили ужас на местных жителей, правитель Катлама, Султан Нияз-караулбеги, выразил свое полное подчинение его величеству и явился к нему с подарками и подношениями. Хан переселил его вместе с народом (эль), численность которого доходила до 800 человек, в Мерв, где и определил им местожительство.

592а Произведя ограбление окрестностей и овладев насметной добычей, хан со своими войсками направился в набег на область, подчиненную Керкам. Здесь он также овладел большой добычей, после чего возвратился в свой лагерь.[4]

---

[1] Из дальнейшего (л. 590а) видно, что под названием Сакар была известна также крепость около Чарджуя, обозначенная на сорокаверстной карте под названием базара Сакар.

[2] 33-й день похода.

[3] Токсаба — чин бухарский, неизвестный в Хивинском ханстве.

[4] Рассказ о данном походе Мухаммед Рахим-хана встречается также у Мухаммед Якуба бухарского, который сообщает, что после трехдневной артиллерийской перестрелки между хивинцами и бухарцами у Чарджуя Мухаммед Рахим снял осаду крепости и направился вверх по реке. Эмир Хайдер со своими войсками двинулся в том же направлении, следуя по противоположному (правому) берегу реки.

Туркменские племена кут (قوت), парвард (پروردہ) и халадж (خلج), занимавшие левый берег реки в районе Кошчи и выше, бежали от хивинцев на бухарскую сторону. Хивинцы подожгли дома племени эрсари и разграбили окружающую местность до

[На лл. 593а—593в содержится описание ограбления йомутами бухарского каравана, направлявшегося в Россию по Ирдарской дороге с грузом дорогих шалей».]

События девятнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1239 г. х. — 1823/24 г.)

Рассказ об отправлении великого эмира Кутлуг Мурада, инака, в Мервскую область для сооружения плотины, а также о том, как эта плотина, разрушилась, а инак во время обратного пути скончался. Во времена (султана Санджара) Мази, Мерв достигал такой степени процветания, что он являлся украшением земли и гордостью рая. Сооружая и поддерживая плотину на Мервской реке (Мургаб), могущественные цари орошали (ее водами), все (окружающие) волости (туманат) и возделываемые поля и поддерживали их таким образом в цветущем состоянии. Много лет тому назад эта плотина разрушилась и большинство пашен и садов этой области пришли в запустение. Когда эта (Мервская) область вошла в состав владений Мухаммед Рахим-хана, он увидел, что эта обширная страна находится в упадке и запустении вследствие безводия. *594а*

Решив привести (эту область) в благоустроенный вид, хан, во вторник 27-го числа месяца раби I 1239 г. х. (1 декабря 1823 г.), соответствующего году овцы, когда солнце стояло в созвездии Стрельца, назначил в Мервскую область своего любезного брата Кутлуг Мурад-инака, с тем, чтобы тот, произведя восстановление (собств. «сооружение») плотины, оросил все мервские поля и тем самым привел эту запустевшую страну в цветущий вид. Подчиняясь указу, названный инак в тот же день выступил из Хивы и прибыл в Хазарасп. Приготовив здесь все необходимое для путешествия, он выступил затем с подчиненными ему войсками из Хазараспа и войдя через низовья Наймана в пески, стал быстро двигаться (к месту назначения). Прибыв в Мерв и расположившись лагерем на берегу реки, инак, употребляя все (свое) старание и силы, дважды производил запруду (плотины) Бенд-и-султан. Плотина и после второго раза разрушилась, и вода потекла по прежнему (руслу). *594б*

В это время (ныне) покойный хан назначил для отправки в Мерв к инаку многих своих приближенных с многочисленными войсками; главнейшими из них были: предводители уйгуров — Рахметулла-аталык, Али-мерданшигаул и Халь Нияз-даруга; из вождей мангытов — Досум-бий; из кыпчакской знати — Кутлуг Мухаммед-инак; из военачальников (сипахдар) — Хубби-кули-ходжа, Нияз Мухаммед-бай, Мухаммед-кули-бек, Ата Нияз-бек, Мухаммед Сафа-бек, Салар-юзбаши, Бадаль-юзбаши, Сефер, аймак, Бек Пулад-юзбаши, Худай-берды Таук, Шах Пулад-мерген и Хураз-аталык. *595а*

района Керков. Дойдя до Бурдалыка, Мухаммед Рахим повернул обратно и после короткой артиллерийской перестрелки с бухарскими войсками у Чарджуя направился в Хорезм. «Гульшен-аль-мулюк», цит. рук., л. 181б—182а.

В соответствии с высочайшим приказом, названные лица срочно отправились через степи и пустыни и в средине месяца джумади I (середина января 1824 г.) прибыли в распоряжение инака (в Мерв). Инак приказал заняться сооружением построек крепости Эгри-гузар, а некоторых усталых и изнуренных воинов, из числа прибывших одновременно с ним, он отправил обратно домой (в Хорезм).

5956 В это время инака постигла болезнь, вследствие чего он слег в постель. В то же время ханом был послан к инаку один из приближенных, Рузум Палван, с письмом, в котором (инаку) предлагалось срочно возвратиться в Хорезм.

Прибыв к инаку, Палван, согласно полученному ханскому приказу, вручил ему письмо. Ознакомившись с содержанием (ханского) послания, инак выждал некоторое время, пока не закончились работы по постройке и оборудованию названной крепости, а затем поручив охрану и защиту области прибывшим военачальникам, он в пятницу 15-го числа месяца рамазана (14 мая 1824 г.) послушно выступил в обратный путь. Дорогой болезнь его с каждым днем усиливалась, и в пятницу 22-го числа он умер, дойдя до низовьев (реки) Теджена.

[Лл. 597а — 597в содержат рассказ о набеге Курбан Нияза-ясаулбаши с отрядом из чоудоров на бухарскую крепость Ильджик в средних числах месяца ша'бана (середина апреля 1824 г.).]

Когда (чоудоры) достигли (на обратном пути) местности Уч-очак, они увидели здесь много конских следов, которые показывали, что (всадники) ехали сначала из Бухары (в сторону Хивы), а затем шли обратно.

Обстоятельства этого факта были таковы: Правитель Бухары эмир Хайдер отправил (для набега) на Хорезм (туркмен) отделения арабачи чоудорского племени, в числе ста человек конных, во главе с Мухаммед-берды-беком с тем, чтобы они воровским путем напали на степных жителей (бадиенишин) этого (Хорезмского) государства.

Случилось так, что в то время, когда победоносное (хивинское) воинство (т. е. хивинские чоудоры) совершали набег на Ильджик, то (бухарские чоудоры), пройдя через Уч-очак, достигли местности Мешекли и, убив здесь трех-четырех занимавшихся сбором гребенщика и камыша местных жителей, бежали отсюда. Когда (хивинские воины) увидели их следы, они догадались, что это — враги и что проходили они здесь недавно. Приведя себя в боевую готовность, они (хивинцы) вечером спешно бросились на преследование врагов. Проскакав всю ночь, они на заре настигли их в местности Ак-баш. Между тем Мухаммед-берды-бек только-что отправил отсюда вперед свое злосчастное войско, а сам, оставшись позади, крепко заснул.

Его взяли в плен на том самом месте, где он спал, а затем настигли ушедший вперед (его отряд) и почти целиком его истребили. Оставшихся в живых преследовали до Хал-ата, а затем оставили преследование и возвратились. Из числа победоносного войска во время этого похода пострадал

один человек, в то время, как из врагов никого не осталось в живых, за исключением трех-четырех. После того, как победители забрали многочисленную добычу и отрезали множество голов (убитых врагов), они направились в обратный путь и в конце месяца рамазана (конец мая 1824 г.) прибыли к хану, который щедро их наградил.

Да будет известно, что войска и военачальники, во главе с Рахметуллаталыком и Кутлуг Мухаммед-инаком, оставшиеся по приказанию покойного Кутлуг Мурад-инака в Мерве, как это было уже сказано выше, в середине месяца шавваля (середина июня), в силу ханского приказа, возвратились оттуда и удостоились высокой царской милости.

События двадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1240 г. х. — 1824/25 г.)

О набеге Сейид Нияза, ошака, и Яр-кули Палвана на Керкинский округ и о поражении, нанесенном ими неприятельскому войску. *599а* Йомуты Сейид Нияз, ошак, Яр-кули Палван, Галанг-бай, салак, Ораз Али, салак, и Абдул-Гафар-бек, салак, совместно с Кара-мергеном, из имрели, Бехадыр-ходжой, из гёкленов, Кашукчи Курбан-сердаром, из карадашлы, и Искандер-бехадыром, из узбекского племени уйгур, с 250 человек из йомутов, имрели, гёкленов, карадашлы и узбеков, получили 10-го числа месяца мухаррема 1240 г. (4 сентября 1824 г.), соответствующего году обезьяны, разрешение хана на совершение набега (юртаул).

Направившись по берегу р. Аму-(дарьи), они в шесть дней достигли Кабаклы. Углубившись на седьмой день в пески, они после одной остановки прибыли в Тахт, а затем после двух остановок, расположились у колодца Угаджи. Еще через две остановки они были уже в Репетеке. Набравши здесь воды, они затем в два дня доехали до колодца Йол-кудукы, после чего сделали остановку у Дели-кудука. Пробыв здесь ночь и выехав на заре, *599б* они через две остановки были у Аджи-кудука.

На следующий день они вышли на Халаджскую дорогу и расположились на ночь около находившихся здесь двух колодцев. На рассвете они захватили в плен четырех туркмен из племени эрсари, которые ехали на ослах из Андхоя в Халадж. Из слов пленных выяснилось, что позади их следует кочевка («кёч») из 40 верблюдов. После этого трое из них были убиты. На следующий день около времени завтрака кочевка из 40 верблюдов была захвачена, причем все мужчины были перебиты, а около 30 их семейств были взяты в плен. Оставив их вместе с (захваченными) верблюдами под охраной пятидесяти конных на Халаджской дороге, войска около времени намаза «хуфтан» выступили (дальше). Около полудня следующего дня они вышли на Зейтскую дорогу.

Напоив своих лошадей из находившейся здесь сардабы (водоема) Аб- *600а*
дулла-хана, они поздно направились на Тонгуз-сырт, как называлась (здесь) одна возвышенность (кыр). Проехав указанное место, они ночью

прибыли к колодцу Кёр-кудук. Выехав на рассвете дальше, они на восточной стороне Чаш-баба, находящегося на восток от Керков, встретили трех пастухов. Убив одного из них, они двоих заставили показывать себе дорогу и совершили набег на селение (кент) Ходжа-салар. Забрав себе в качестве добычи около 600 верблюдов и 100 лошадей и захватив в плен около 30 семей (оглан-ошак), они стали возвращаться. В это время один из ханских воинов, Баба-бай из Хазараспа, упал с лошади. На нее тем временем вскочил один из эрсаринцев, по имени Шейх-бехадыр, который поскакал к правителю Андхоя и передал ему о происшедшем. Тот немедленно приказал Нейза-беку, сыну Юлдуз-хана, и Аббас-беку с тысячью людей отправиться на преследование (хивинского) отряда. Не зная о состоявшейся погоне, отряд двигался как ему было удобно по берегу реки, и, приблизившись к Керкам, направился затем в пески. Пятого числа месяца
600б сафара (29 сентября 1824 г.) отряд поздно утром прибыл к колодцу Екекудук, где и расположился для того, чтобы произвести здесь раздел добычи.

В это время караульные сообщили, что враг приблизился. Все в одно мгновение сели на копей и направились навстречу (неприятелю). Все вражеское войско взошло на холм, где выстроилось и стало в боевом порядке. Победоносное (хивинское) воинство также выставило против него свои ряды. Тем временем со стороны врагов выступили вперед стрелки и открыли огонь из ружей.

С обеих сторон на поле выехали конные отряды и начали военные действия, давая таким образом начало сражению. В этот момент Искандер-бехадыр, из племени уйгуров, который действовал на ратном поле как лев и был лучшим среди славных храбрецов, под влиянием охватившего его чувства отваги, положил себе за пазуху горсть земли [1] и бросился в числе
601а некоторых других удальцов, на неприятеля. Доскакав первым до врага, Искандер-бехадыр напал на одного из вражеских богатырей, который стоял среди поля и вызывал на битву кого-либо из противников. Выбив богатыря копьем из седла, Искандер-бехадыр отрубил ему своей саблей голову. В это же время воины врезались в ряды неприятеля и так начали работать своими саблями, что обратили его в бегство. Преследуя неприятеля до времени намаза «пешин», они большую часть врагов истребили, забрав при этом свыше трехсот (отрубленных) голов. Доставшееся им в добычу количество лошадей и оружия было так велико, что не поддается даже приблизительному подсчету.

Возвратившись оттуда, они прибыли в Репетек. Направившись далее, (отряд) миновав Чекес-тепе, прибыл затем к берегам Аму-дарьи. Выйдя оттуда и достигнув Кабаклы, они отправили впереди себя восемнадцать
602а гонцов с радостной вестью. Этот поход продолжался сорок семь дней.

---

[1] Ср. соответствующее место рассказа о действиях Мухаммед Эмин-инака на стр. 350.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЛА-КУЛИ-ХАНА

Извлечения из «Риязу-д-довле», сочинение Мухаммед Риза мираба Агехи
Рукопись ИВАН № Д 123 (590ос)

Перевод А. К. БОРОВКОВА

Отправление его величеством, счастливейшим монархом, поздравительных грамот в окрестные области

Когда его величество (Алла-кули) освободился полностью от государ- 21б
ственных дел, правители близлежащих крепостей и городов, питавшие постоянную и искреннюю дружбу к правителям (Хивинского) государства, присылали ему письма с выражением дружественной преданности. Дабы уведомить всех их о счастливом восшествии на престол, хан нашел нужным послать к ним посольства и отправил к каждому из них человека, из своих приближенных, с поздравительной грамотой. Таким образом мулла Мурад Али-юзбаши, выдающегося из преданных министров, верных государственных людей и начальников, послал он к хану страны Дашт-и-кыпчак, могущественному и достойному чингизиду Султан Тимур-хану, который был его данником. Славного и храброго Хасан Мурад-мехрема, из преданных слуг его величества, послал он к падишаху Гератской области, величественному
и сильному, его высочеству Шах Камрану, который с давних пор поддер- 22а
живал дружеские и доброжелательские отношения. Мухаммед Салих-шейха, храбрейшего из своей личной свиты, назначил он в Мервскую область, Нияз Клыч-сердара в Ахал, а преданного Мухаммед Рахим Палвана решил направить в область (юрт) Теджена и Серахса.

Приказание хана своему брату Рахман-кули-тёре итти в Иран на войну против неверных, подчинение шахзаде ханскому приказу и отправление в Хорасан с многочисленным войском Приход к окрестностям крепости Ак Дербенда, завоевание крепости и переселение ее жителей 22б

Когда его величество привел в порядок важнейшие государственные 23а
дела и подданные стали пользоваться благами мирной жизни и покоя, он пожелал послать войско для истребления неверных, кои упорствовали в своей скверне, ибо правоверным совершенно необходимо ежегодно искоренять неверных и ревностно вести войну на поле брани по требованию священной войны. Его величество нашел небходимым осуществить эту обязанность, лежащую особенно на могущественных правителях, и послать войска на войну против безнравственных кызылбашей.

На священную войну с неверными его величество, волею своей 23б
милости, назначил своим заместителем и главнокомандующим счастливого шахзаде (Рахман-кули-тёре) и выделил в постоянную помощь ему все

необходимое для похода и распределения среди нуждающихся, чтобы своими наградами сделать всех довольными. Кроме того, (хан) назначил на службу ему из состава войск узбеков и сартов, войско кара-калпаков
24а и из туркменских родов — йомутов, чоудоров, имрели, гёкленов, карадашлы и прочие войска, которые были храбры в сражениях и в совершенстве владели искусством войны. На ряду с этим хан зачислил в состав войска из лучших полководцев: правителя кыпчаков Кутлуг Мухаммед-инака, выдающегося правителя аральских конгратов Мухаммед Нияз-бия, храбрейшего начальника кыятов Союн-бия, из мангытской знати, лютого в сражениях Досум-бия, младшего брата везира Мухаммед Юсуф-мехтера, неустрашимого Нияз Мухаммед-бая, из приближенных ко двору его величества мехремов храбрейшего Мухаммед Нияз-ясаулбаши, из знатнейших людей найманов, лучшего из неустрашимых, Бабабека-аталыка, из знати кыпчакской Ходжа Нияз-бия, из кара-калпакских саповников неустрашимого на поле битвы льва — муллу Девлет Назар-бия и еще сердаров начальников отрядов и военачальников, из которых каждый отличался храбростью и богатырскими подвигами (стихи).

Его величество хан предоставил упомянутых военачальников в распоряжение шахзаде и милостиво снабдил его из казны достаточным количеством денег для приведения в порядок материалов для похода и приготовления войск, что окрылило их надеждами и стремлением к цели. Чтобы увеличить победоносное войско, произвести набор и в короткий срок приготовить все необходимое для похода и снаряжения войска, в окрестные области были посланы ясаулы и сурдаулы (стихи).

Как только было приготовлено все необходимое для войны с неверными и окончен сбор войска, шахзаде приступил к делу по требованию его величества хана и в 1241 г. х., в год курицы, в пятницу двадцать восьмого числа месяца раби II (декабрь 1825 г.), которое было наиблагоприятнейшим временем и счастливейшим часом, во всем величии и в полном преуспеянии сел на своего коня и, окруженный величием, в блеске, подобно солнцу,
25а будучи твердым в своем решении, выступил к низовьям Кара-кёля. Расположив артиллерию и ставку, он успешно и счастливо остановился здесь лагерем. В субботу выступили отсюда и направились в пески, что в южном направлении и известны под именем «песков Хорезма» и так обширны, что в ширину составляют пятнадцатидневный путь на верблюдах, а в длину границы их никто не может определить, и неровность их удивительна (стихи).

И вот, в такие пески, полные ужасов, вступили дружно и неустрашимо двинулись и передвигаясь, с спуска на подъем по этим страшным пескам,
25б остановились на станции Дарваза-кыры. В воскресенье, в ночь, двинулись отсюда и через два перехода достигли окрестностей колодца Сагаджа, где остановились лагерем. Простояли здесь один день и наутро, в понедельник, шахзаде выехал из окрестностей Сагаджа и остановился в Йолайрыты («разделение пути»). Во вторник, выехав отсюда, он достиг колодца Хан-кудукы, и у этого колодца, подобного источнику жизни, полного

водой, напоминающего райскую реку, освежающего и приятного, остановились и провели в отдыхе и развлечениях две ночи.

В четверг (Рахман-кули) с победоносным войском выступил отсюда и остановился лагерем в Еке Сузане. Продолжая путь с необходимой поспешностью он, выступив вечером, в пятницу, ночным переходом, благополучно достиг стоянки Хап-ойукы, а в субботу, почным переходом, пройдя определенное расстояние, остановился лагерем у колодца Чирле (Чирле-кудук). Здесь провел он в отдыхе два дня и во вторник выступил в Минарлы, куда и прибыл благополучно и спокойно. В среду, вечером, 26г
выступив в ночной переход, он расположил лагерь в песках Чагарыклы. В четверг, вечером, снова выступил в ночной переход и остановился в Хан-тепеси. В пятницу шахзаде выступил отсюда и остановился в Себедли, где расположил лагерь. Здесь победоносное войско остановилось для отдыха на три дня, а в субботу шахзаде назначил местом стоянки лагеря и ставки Чонгюль, где с полнейшим удовольствием провел две ночи в приятном отдыхе. В четверг он выступил отсюда и, в блеске, с войском в полном составе, прибыл и остановился вблизи селения одного из знатных теке — Мехди-бека. Здесь он провел в отдыхе один день и наутро, в субботу, войско остановилось на отдых в Джувазлы. В этом месте живущие по Теджену теке и имрели, которые обнаруживают постоянную склонность к сотням разного рода насильственных действий против правительства и тысячам всяких ослушаний и отказов, обратились к шахзаде и принесли раскаяние в своих преступлениях. (Содержание их извинений излагается в стихах.)

В чем смысл этих извинений? Перед выступлением могущественного 26б
шахзаде в экспедицию некоторые из мятежников этого племени сговорились и, однажды в ночь, воровски напали на небольшой караван, когда он находился в пути, и разграбили товары. В виду такого вероломства этого племени и из боязни и страха перед гневом султана они и изложили свою усердную мольбу, с надеждой на прощение за совершенные преступления. Шахзаде милостиво снизошел к ним и вновь вложил душу в их просящие помилования тела. Он прикомандировал к ним предусмотрительных ясаулов и потребовал возвращения всего имущества разграбленного каравана, чем возрадовал сердца опечаленных владельцев каравана. Тедженское войско шахзаде присоединил к себе и в воскресенье со всем великолепием выступил из Джувазлы, а местом следующей остановки была приятная стоянка Карры-кала. В этом месте провели две почи в покое и отдыхе. Сюда же прибыл верный правитель Мервской области, добросовестно выполнявший службу, Саат-кули-сердар, который царственной милостью покойного хана Мухаммед Рахима был назначен на должность мервского правителя. Прибыл он с войском из теке, салыров и сарыков этой области, число которых превышало скитающуюся саранчу. Его высочество шахзаде роздал окружающим соответствующие награды и подарки и присоединился 27а
к победоносной армии, к которой прибывали отряды из окрестных

улусов. Войска виднелись вокруг подобно бурной реке во время разлива. Во вторник шахзаде выступил из Карры-кала со всем войском и остановился лагерем вокруг Яглы-тепе. В этом месте находились ханы серахского улуса, именно, Адина Курт и Халь Назар, которые оба были согласны и единодушны (стихи). Со всеми салырами и аймаками, населявшими этот округ, они удостоились облагораживающего лобызания, принесли шахзаде соответствующие обязательства служить ему с неоспоримым и полным усердием и прилежанием, предоставили себя под его покровительство и поднесли царские подарки и приношения. Сюда же, отряд за отрядом, прибыли воины Кара-хана и войска теке и имрели и присоединились к государственной армии. В этом районе собралось такое скопище, что оно обрушило землетрясение на столбы земные и смятение на пьедестал небесной сферы. Все это множество построилось в воинском порядке, что вызвало удивление собравшихся и наблюдавших сотнями тысяч глаз это зрелище (стихи).

27б Когда вся огромная масса войск отдохнула здесь и было приведено в порядок оружие и снаряжение, могущественный шахзаде, из царственной милости, собрал на совет всех славных военачальников победоносного войска и заявил им, что-де священная война с неверными Мешхеда является нашей целью, для чего и собрана здесь эта огромная армия. Каким путем переправиться в эту область с армией и учинить набег на нечестивых кызылба-
28а шей, что нужно предпринять и какой совет уместен? Верные военачальники выслушали обращение его высочества, отдали все необходимые знаки почтения и заявили, что готовы-де подчиниться всякому его желанию и требованию, какое он найдет нужным принять (стихи). Когда его высочество принял это решение, вельможи довели до его сведения некоторые свои соображения, и в частности, один из проницательных туркменских вельмож и выдающийся в дальновидности, Кока-сердар, от лица всех туркменских родов сказал, что лучше всего оставить лагерь и тяжелое снаряжение (тяжести) в Кызыл-кая и пешими и конными, всей массой двинуться на разграбление нечестивых неверных. Со стороны узбеков, размыслив, выступил проницательный, дальнозоркий, обогащенный знанием Союн-бий и заявил, что это-де пустой разговор, целью похода не является только нападение и бегство, задачей является забрать население и добыть имущество. В таком случае необходимо, чтобы «высокая ставка направилась вместе с нами, куда бы мы ни выступили». Шахзаде одобрил эту мысль и в среду выступил из Яглы-тепе со всем войском, наметив местом лагерной стоянки Кызыл-кая. Сюда к его высочеству прибыли всей массой вооруженные серахские войска. В четверг, сняв высокую ставку из Кызыл-кая, со всем войском выступили в Наурузабад, что находится вблизи Ак Дербенда, у подножия гор. Да будет ведомо просвещенному читателю, что горы эти находятся с северной стороны
29а крепости Тус (Тус-кала) и примыкают к горам Нарра-нау, а между ними есть широкая горная равнина с двумя проходами.

У входа в ущелье, что с западной стороны, построена крепость, которую назвали Ак Дербенд, а у входа в ущелье с восточной стороны заложена крепость Муздуран. От этих гор до г. Туса восемь фарсахов. Но проход в Ак Дербенд настолько узок, что в Хорасане нет примера подобных, а с обеих сторон возвышаются скалы, и шииты, из опасения прохода войска ислама, построили среди этих двух скал стену, которая спорила по своей неприступности с валом Александра (Македонского). Вокруг были возведены крепчайшие башни и оставлена узкая дорога лишь для прохода каравана, а в крепости, которая находилась среди горной долины, вооруженные кызылбаши, населявшие ее, назначили несколько отборных вооруженных людей в башни и на валы, с тем чтобы они бросали камни и стреляли в случае неожиданного нападения войск ислама и преграждали им путь (стихи).

В пятницу шахзаде послал из Ноуруз-абада одного из вождей племени 29б
имрели Ади-векиля с несколькими храбрецами к проходу с тем, чтобы они напали на находившихся в сторожевых башнях неверных и очистили путь. Назначенные, согласно высокому повелению, выступили неустрашимо в путь и, подойдя ко входу в проход, напали на дозорных и устроили такую сечу, что кровь, подобно «силю», ручьями стекала в горную долину. Забрав двух человек в плен, они с победой вернулись и доставили военачальникам трофеи. Как только весть об этом дошла до шахзаде, он, в субботу, в ночь, выехал с блеском и пышностью Сулеймана и направился к упомянутым 30а
стенам и башням и, разрушив их, сделал столь узкую дорогу просторной и ровной, а на рассвете, в воскресенье, двинулся, чтобы завладеть крепостью и покорить население ее. Шахзаде приказал раскинуть лагерь в окрестностях Ак Дербенда. Войска, отряд за отрядом, прошли через проход, подобно наводнению, двинулись к крепости и со всех сторон обложили ее... В полдень войска с боевыми криками пошли на штурм крепости, стрелки, расположившиеся вокруг, осыпали неверных молниями напасти, а артиллеристы стреляли так, что перед взорами неверных кызылбашей предстал как бы день страшного суда (стихи).

Неверные, до времени «пешина», подобно лисе не могли высунуть 30б
головы из норы и увидели силу и многочисленность победоносного войска, окружившего крепость...

Кратко говоря, начальник крепости Таги-хан послал знатнейших 31а
людей из крепости к его высочеству с просьбой о пощаде. Посланцы прибыли со смирением и униженными словами и, через посредство приближенных, были допущены к его высочеству. Просьбу о помиловании населения крепости, знатных и простых, во главе с Таги-ханом, изложили его высочеству и просили его послать правителя Серахской области, Адина Курт-хана, к этим несчастным с радостной вестью о милости и помиловании, эта весть вдохнет, мол, душу в мертвые тела и наполнит их радостью, и они со спокойным сердцем выйдут из крепости. Шахзаде принял их просьбу и отправил Адина Курт-хана с радостной вестью о помиловании. Когда весть об этом

достигла жителей крепости, все знатные и простые во главе с Таги-ханом воспряпули духом, группами вышли из крепости и с просьбой о милости
316 пришли в месторасположения верующих (хивинского войска). Шахзаде проявил к ним милость и благосклонность и своим милосердием наполнил их души радостью, скорбящие сердца освободил от печали и, вручив их знатным людям салырского племени, направил в серахский юрт. На случай же если они вознамерятся возвратиться, было решено увезти этот народ в Хорезм.

Выступление к Мешхеду, опустошение селений неверных в горной области, возвращение и остановка в окрестностях Серахса

Выселив население Ак Дербенда, шахзаде отправил его по направлению к Серахсу и повелел войску ударами топоров и мотык разрушить пре-
32а красно укрепленную и чрезвычайно прочную крепость этого племени. В понедельник шахзаде выступил со всей массой войска и остановился лагерем в Мелик-абаде, что к западу от Муздурана. Во вторник он выехал отсюда и остановился в Чар-гонбезе. Здесь были оставлены тяжести, грузы, палатки и некоторые негодные всадники, а для охраны всего этого был назначен Мухаммед Нияз-бий, известный под прозвищем Герчек. В среду, в ночь, выступив со всем войском, к утру шахзаде достиг крепости Козган (Козган-кала) и приказал направить все войска йомутов, имрели, теке, салыров, сарыков и караханлы в чапаул на окрестности с тем, чтобы они подвергли разграблению племена нечестивых неверных. Сам же шахзаде в блеске выступил с войсками следом, построив правый и левый фланги войск в боевой порядок (стихи).

32б Войска прошли по берегу Кара-су мимо крепости Канфас и к полудню окружили крепость Кона-куш. Тотчас имущество населения этой крепости было разграблено, и здесь же был расположен лагерь... Отсюда в разные стороны направились, для набегов и разорения нечестивых неверных, отряды храбрых воинов, каждая группа со своим начальником. Все они
33а вернулись с множеством пленных и с большой добычей и прибыли к его светлости. Но в виду малочисленности отрядов пленным не рубили головы, большая часть воинов овладела двумя, тремя пленными, и каждый забрал из вещей столько добычи, сколько мог поднять... (стихи).

33б [Правитель Мешхеда Хасан Али-мирза, услышав о приближении неприятеля, стал укреплять крепость. Шахзаде, по совету своих вельмож и военачальников, которые убедили его в том, что осада сильно укрепленной крепости, где сосредоточены большие запасы зерна, займет много времени, а с приближением зимы будет особенно тягостной, отказался от похода на Мешхед. В четверг он выступил в обратный путь и, остановившись в окрестностях Козгана, приказал разрушить все постройки в этой крепости. В пятницу шахзаде выступил в Чар-гонбез, а в субботу выступил отсюда в Муздуран, откуда жители сбежали в горные крепости. Укрепление Муз-

дурана шахзаде приказал сравнять с землей. В воскресенье шахзаде выступил отсюда в Ширахан (иначе Шуррук), во вторник в Шобдид, откуда *34б* направился по южному берегу р. Теджена. Перейдя на северный берег р. Теджена, в Серахскую область, шахзаде приказал заложить укрепление, где войска простояли пятьдесят дней.]

О некоторых событиях на стоянке и о возвращении шахзаде в Хорезм *35а*

После того как шахзаде отдохнул на стоянке, он по требованию шариата выделил пятую часть огромной добычи и бесчисленного количества пленных, наградил всех вельмож и военачальников и одарил богатыми подарками раненых воинов и тех, у кого пали кони. Особое предпочтение шахзаде отдал серахсцам за их достойную службу и отличил богатыми подарками, имуществом и бесчисленными благодеяниями...

Туркменские племена, населявшие окрестности и жившие тут, причи- *37а* слялись к мусульманам, но с давних пор, поступая по своим поверьям, они находились за пределами предначертаний шариата. Особенно они не выполняли обязательств закята и, в полном неведении о том, что разрешено и что запрещено религией и не обращая на это внимания, занимались скотовод- *37в* ством. Это племя со времени его величества Мухаммед Рахим-бехадыр-хана не склоняло своей головы ни перед одним падишахом, однако они не собирали и закят для того, чтобы его величество охранял их. Когда шахзаде узнал об этом, он, чтобы сделать имущество этого племени дозволенным религией (халяль), во все места, от границ Мерва до Ахала, где бы ни оказались владельцы скота и где бы ни нашелся имеющий определенное количество скота, с которого берется закят, послал сборщиков податей для сбора закята и в короткое время собрал согласно шариату причитающийся с этого племени закят...

[Отсюда же, из временной стоянки Рахман-кули-тёре, отдельные отряды делали постоянные набеги на хорасанские селения, откуда с добычей и пленными возвращались в лагерь.]

И еще от победоносных войск поступило ходатайство о том, чтобы им было разрешено отправиться в набег в окрестности Мешхеда. Отряд подошел к Мешхеду и, пренебрегая осторожностью, расположился в одном месте. Иные стали готовить все необходимое для варки пищи, иные располагаться ко сну, в этот момент огромное скопище нечестивых неверных, выйдя из города, напало на правоверных. Бойцы, как только увидели это, проснулись и, сев на коней, бросились в битву с неверными и, несмотря на свою малочисленность, мужественно сражались. Неожиданно теке обратились в бегство. Неверные воспользовались этим обстоятельством, одержали верх и перебили несколько лучших джигитов из войска ислама, в том числе одного из вождей йомутов Ата Нияз-мергена, который подобно неистовому льву бросился на поле сражения в атаку на неверных, но неожиданно,

упал с лошади и остался без коня. В этот момент на него напала группа неверных и убила его. Кроме того, несколько человек из числа верующих попали пленниками в руки войска неверных. Когда весть о несчастье с отрядом достигла шахзаде, он в гневе приказал приготовиться всему войску, чтобы с бесчисленным войском напасть на Мешхед и отомстить кызылбашам. [В этот момент от хана прибыло приказание шахзаде незамедлительно вернуться в Хиву.]

39а Шахзаде в согласии с военачальниками и вельможами подчинился высочайшему приказу, одарил всех благородных лиц туркменского народа и покорных ханов племен царскими одеждами и богатыми подарками и отпустил их. Затем шахзаде, забрав, для переселения в Хорезм жителей Ак Дербенда, выступил из окрестностей Серахса в пески Худай-бердыолькен и, пройдя Таш-рабат, затем следуя по берегу Мургаба, мимо Гариб-
39б ата, Кара-тепе, вышел в пески к Тахту, затем, выйдя к берегу Аму-дарьи, остановился в Кабаклы, откуда выехал в Хазараси, затем в Янги-арык и, в понедельник третьего числа месяца рамазана (11 апреля 1826 г.) прибыл в г. Хиву.[1]

41а Поход его величества (Алла-кули-хана) в Иран с целью священной войны, сотрясение горной области в Хорасане, покорение крепостей Имгана и Баг-Сунгана

Когда снаряжение для войска и все необходимое для похода были приготовлены, отправление его величества в поход, в согласии с высшими советниками, назначено было на среду двадцатого числа месяца джумади I, в год хиджры 1242, что соответствует году собаки (20 декабря 1826 г.)...

45а—47а [Хан отправился из Хивы в Янги-арык, откуда выступил в Хазараси, где его встретил брат Рахман-кули-тёре; из Хазараспа хан двинулся через Уч-тепе, по берегу Аму-дарьи, в Балыклы, затем, пройдя Садвар, Данишер, Бурли, Кечкиран, остановился в Ак-рабате.]

Сюда со всех сторон прибыли из окрестных городов и окружающих укреплений, отряд за отрядом, победоносные войска государства, скопившиеся подобно взволнованному морю. В частности из высоких особ йомут-
47б ского племени давли-бахши, хан Мухаммед-векиль, Кока-сердар, Ораз Мухаммед-векиль, Баги-бек-бехадыр, Берды-бек-бехадыр, Берды-хан, татар, и Сары карнай-сердар, из которых каждый преуспел в чинах и степенях через посредство искренней службы его величеству. Многочисленные группы йомутского войска прибыли к его величеству и наполнили его взоры и сердце радостью...

И из предводителей имрели прибыли преданные Гельди-хан, Ади-векиль, Араб-сердар и Надир-бек, из которых каждый не знал равных на поле

---

[1] Поход Рахман-кули в 1240/1825 г. описан также иранскими историографами, ошибочно считавшими Рахман-кули ханом (см. выше, стр. 222).

сражения. Собрались они со всеми неустрашимыми джигитами племени 48а
имрели к порогу его величества. Из предводителей племени теке приехали верные и благомыслящие Мехди-бек, Ходжа Назар-бек, мулла Нияз Мухаммед и Халь Нефес-аталык, а из предводителей гёклепов Ораз Мухаммед-онбеги и Кул Мухаммед-сердар и знатные лица племени карадашлы со всеми неустрашимыми, опрокидывающими ряды на поле сражения, храбрецами из племени гёклен и карадашлы.

Во вторник его величество со всей массой войска выступил из Акрабата и совершил паломничество к гробнице Дарган-ата. Здесь он одарил 48б
богатыми подарками живущих при гробнице.

Живущие здесь, поблизости от последователей шейха Ахмеда, старшины салырского народа Нияз Мухаммед-бек, Сейид Нияз-бек, Денгиз-бек, и из знатных людей теке, обитающих в Мерве, хан Мухаммед-бек и из сарыкской аристократии Рахман берды-бай, Союн-бай, Мулла Хаки, Курт Гельды-сердар, Мулла Эвезли и Устагюль, которые издавна проявляли покорность и послушание, прибыли к порогу его величества, чтобы просить его помощи и совета относительно некоторых племен, обнаруживающих скрытое притворство. Все они были приняты его величеством, одарены драгоценными одеждами и большим количеством денег и отпущены, каждый к своему племени для сбора установленного войска. Каждое колено этого народа, чтобы быстрее собрать войска и доставить на службу, обратилось с просьбой о выделении из счастливых слуг его величества по одному ясаулу. Таким образом старшины салыров испросили себе Абд-ур-Рахмана-юзбаши, знатные люди сарыков Саат-сердара и теке Бекеш-халифе, во главе которых и выехали в свои области (юрт).

Задержавшись в среду у Даргана, его величество в четверг остано- 49а
вился лагерем в Гёгерджели (стихи).

Пятницу его величество провел здесь в покое и отдыхе и, в субботу на рассвете выехав из Гёгерджели, остановился в Хатун-рабате.[1] Здесь вечером его величество собрал к себе сановников, устроил для них угощение и одарил собравшихся золотом и серебром (стихи). В воскресенье его величество двинулся в путь и расположил войска около крепости Арзкала. Понедельник его величество провел здесь в отдыхе, а во вторник на- 49б
правился в Кабаклы, где и остановился на следующий день, в среду. Тут для всего войска был устроен царский пир и угощение, из кухни было выставлено бесконечное количество кушаний и вкусных яств (стихи). После окончания пира выступили в «семь песков Хорезма», которые простираются до границ Кабаклы и не ровны, чрезвычайно страшны и ужасны, велики и неисчислимы, за гребнями которых идут огромные углубления, и над ними возвышаются вершины холмов, путь по которым безводен, где постоянно царствуют гибельные ветры.[2] Его величество перед собой

[1] Пункт известен под названием Дая-хатын.

[2] Следуют стихи, в которых описываются Кара-кумы.

50а послал вперед, в эти гибельные пески, из состава своих приближенных спутника неустрашимых Мухаммед Нияза-ясаулбаши во главе отряда йомутов. С водою из Аму-дарьи отряд йомутов выступил в пески в качестве передового разъезда (караула). Вслед за ним, по высочайшему приказу, став во главе племени имрели, отправился Беки-юзбаши и в таком же порядке выступили в пески, испросив разрешение, отряд за отрядом,
506 племя за племенем, следуя друг за другом, войско гёклепов, войско карадашлу, отряд теке, отряд кара-калпаков и казахи, с тем, чтобы, двигаясь отдельно, легче было совершить переход по этому ужасному пути. Артиллерия и все снаряжение были поручены здесь высокому везиру Мухаммед Юсуф-мехтеру для охраны в песках. Ставка его величества препоручена была благороднейшему эмиру Мухаммед Риза-кушбеги, начальствование над мастерскими (кар-ханэ) Нияз-мехрему, а лагерь и кладь достойнейшему из чагатайского народа Мухаммед Якубу-ака.

51а Отсюда же в четверг были посланы послы к правителю Гератской области Шах Камрану и к правителю Турбета Мухаммед-хану, которые враждовали с Ираном.

К правителю же джемшидов Ислам-беку и к салырам Серахса был послан Ораз Али-бехадыр. В тот же день чоудорам было приказано двигаться вслед за войсками, в арьергарде. В пятницу же — в благословенный час,
516 после первого намаза, из Кабаклы выступил в «семь песков Хорезма» хан со свитою и войсками и, преодолевая холмистые пески, к вечеру остановился лагерем в песках (стихи). Проведя на стоянке эту почь в отдыхе, хан выступил отсюда и после трехчасового перехода прибыл в Тахт. Тахтом называются три-четыре высоких красных холма, которые находятся среди «семи песков Хорезма». Несмотря на высоту, если выкопать ямы в аршин глуби-
52а ною, из-под каждого бугра появляется вода, вполне пригодная для питья. Говорят, что эти удивительные и чудесные свойства местности объясняются тем, что однажды через эти пески проходил с бесчисленным войском пророк Сулейман, расположил здесь свой лагерь, поставил шатер и трон и совершил здесь намаз, обилие воды здесь объясняется благодатью его благословенной стопы. В тот же день ханские войска выкопали вокруг холмов родники, напоили коней и верблюдов и наполнили водою кувшины и мехи. В воскресенье хан тронулся в путь и, после четырехчасового перехода, остановился на высоком песчаном холме. Для отметки пути хан приказал войску собрать дрова и сложить на одном из холмов высокий маяк (минаре), который в народе называется уюк'ом.

526 В понедельник выступили с этой стоянки и через три часа пути достигли Сыртланлы-кыра, на этом кыр'е хан расположил лагерь. Во вторник прибыли в Янтаклы, куда его величеством был отправлен предварительно мехрем Депгиз-халифе, чтобы выкопать колодцы для войск. По приказу его величества здесь было вырыто девять колодцев. В тот же день к колодцам прибыли Мухаммед Юсуф-мехтер и Мухаммед Риза-кушбеги, под наблюдением которых с утра до вечера из колодцев черпалась вода, и были напоены все

животные, лошади и верблюды. После этого наполнили водою мехи и кувшины и выступили в путь. В среду его величество выехал из Яптаклы и через четыре с половиною часа пути остановился на одной стоянке. Здесь он провел ночь в отдыхе, а в четверг тронулся дальше и направился к большому *53а*
пруду (гадир), воды которого виднелись издали, и расположил здесь лагерем войска. Несколько неопытных людей из войска, думая, что остановка уже близка, выпили всю воду из своих мехов и переживали муки от жары и жажды и ожили, придя к воде (стихи).

В пятницу его величество отправил отсюда свою ставку и с многочисленным войском направился в направлении к цели похода. Через три с половиною часа пути на дороге показались вышедшие на встречу его величеству *53б*
представители сарыкского народа, которые издали стояли, почтительно и смиренно склонившись, и были обрадованы благорасположением его величества. В великой радости лихие наездники и смелые богатыри этого племени устроили для развлечения военные упражнения, стройными рядами скакали на быстроногих конях, стреляли из ружей, мчались с пиками наперевес. К полудню в блеске и великолепии достигли Кара-тепе на берегу Мервской реки (Мургаба), где войска расположились лагерем (стихи). Здесь местные жители, пользуясь покровительством его величества, устроили возле ставки базар, ради собственной пользы, привезли массу необходимых вещей и открыли торговлю.

Когда бесчисленное войско собралось к переправе через Мервскую реку *54а*
(Мургаб), под предводительством главы сарыкского племени Рахман-берды-бая, по приказу его величества, было собрано много бревен и построен чрезвычайно крепкий мост через эту реку. Была неуверенность, выдержит ли мост тяжесть всей массы войск и войсковых грузов, которые требовалось перевезти. Во всяком случае в субботу глава эмиров Мухаммед Риза-кушбеги, испросив разрешение, с другими осмотрительными людьми, осторожно обследовал оба берега реки и, найдя удобные для перехода войск отлогие берега и спуски, доложил его величеству, после чего и определили места (броды и пристани) для перехода отрядов. В воскресенье войска, подобно волнующемуся морю, подошли к реке *54б*
и в тот же час, двигаясь с утра до вечера, переправились через упомянутые переправы.

Большую часть пушек с большим трудом общими усилиями перевезли на арбах, но артиллерийское снаряжение перевезли, разыскав одну-две лодки (кимè). Сам хан со своими сановниками переправился также на упомянутых лодках. Переправить же большую часть коней и верблюдов и подобное количество войск через переправу, в виду быстрого течения и глубины реки и ширины переправы, оказалось безнадежным (стихи). Когда оставшиеся войска увидели, что переправа трудна и опасна, то некоторые сметливые джигиты сделали из деревьев и камыша, что росли по берегу реки, лодки и плоты и тогда преспокойно перевезли все свои палатки и грузы через реку. В понедельник вышли отсюда и, переправившись еще через

один рукав этой реки, остановились у берега р. Терсак, а во вторник, задержались на этой стоянке. Здесь для войска и окрестного населения было
55а устроено угощение и розданы подарки. Приведенные сарыками в качестве подарка овцы были розданы победоносным войскам и подарены в виде призов за лучших быстроходных коней. В среду с берегов Терсака двинулись дальше и к полудню прибыли и остановились лагерем у Таш-рабата, построенного среди пустыни, как говорят, Абдулла-ханом, для отдыха путников...

В четверг его величество выступил в путь и, пройдя, мимо Коче-куми,
55б к полудню остановился у Хауз-и-хана. Да будет известно, что Коче-куми — это такое место, о котором рассказывают, что в древности какой-то могущественный падишах задумал провести воду из Мервской реки (Мургаба) к Серахсу и для этого среди высоких песков прокопал землю длиною в один переход на подобие улицы,[1] но вода не появилась, и остались сухие берега.

В пятницу в ночь вышли из Хауз-и-хана и ночным переходом в тот же день достигли Кок-тепе, что в Серахской области. На этой остановке к его величеству явились живущие в области Серахса знатные люди салырского племени с многочисленными подарками и со всеми своими нукерами, готовые служить его величеству. В субботу его величество тронулся с войсками дальше и прошел р. Теджен и остановился лагерем на стоянке (переходе) Яу-карак,[2] известной также под названием Кызыл-кая, поблизости от гробницы Шейха Лукмана ибн-Мухаммед Пиранда, которого туркменский народ из почтения называет Улуг-баба...

56а На этой стоянке в ставку его величества явились знатные салыры из Мервского улуса и предводители теке, населяющих Теджен, каждый с соответствующим своему достоинству войском и нукерами. Прибыл также Ораз Яглы-сердар с прошением от правителя Келатской области Сейид Мухаммед-сердара, в котором последний сообщал, из осторожности, о своей готовности попрежнему служить его величеству и прибыть в любое место. Его величество в ответ послал в Келат из числа своих приближенных Денгиз-халифе и Гельди-хана с грамотой, составленной в соответствии с полученным прошением. В воскресенье выступили в путь, имея впереди предводителей серахских салыров, под главенством одного из йомутских вождей Кока-сердара, пользуясь, кроме того, указаниями одного из проводников теке — мулла Бекенджа, и остановились лагерем в Науруз-абаде. На этой стоянке упомянутые предводители (сердары), которые были сведущими в дорогах, обратились к его величеству с просьбой и советом и заявили, что пройти через Ак Дербендский и Маздуранский проходы с таким большим войском и артиллерией чрезвычайно трудно. Если его величество стремится уничтожить и разграбить нечестивых кызылбашей, то следует, если на это согла-

---

[1] Коче — улица.

[2] В тексте ياوقراق

ситься его величество, итти более удобными дорогами, чтобы облегчить продвижение войск. Этот совет их был проявлением их искреннего чистосердечия, и его величеству он показался приемлемым. В понедельник выступили из Науруз-абада со всем множеством войск и, переправившись через р. Теджен, двинулись через проход Пул-и-хатун. Да будет ведомо сведущим читателям, что Пул-и-хатун — это крепкий мост, сложенный из заштукатуренных кирпичей и находящийся в том месте, где р. Теджен выходит из гор 57а
и течет в пустыню. Длина его семьдесят два аршина и ширина три аршина, и для пропуска воды устроены пять больших и пять малых сводов.

[Идет описание дальнейшего маршрута к крепости Ферхад, через горные проходы к долине Хыур-мешрик, где были оставлены лагерь и грузы, под наблюдением конгратского вельможи Мухаммед Нияз-бия, а сам хан выступил с войсками из йомутов, имрели, чоудоров, теке, салыров, сарыков, гёкленов, карадашлы, казахов, кара-калпаков и узбеков к горной долине Джам. Затем следует описание осады крепостей Имган и Баг-Сунган. Крепости пали, причем крепость Имган, ее стены и башни были разрушены и сравнены с землей.]

После этого его величество отправил из числа серахских салыров 66б
Ходжа Назар-бека и Курбан Назар-сердара к Мухаммед-хан-сердару караи с реляцией о победе.

О возвращении его величества в обратный путь и прибытии в Хиву

Завершив поход, его величество, во вторник, девятого числа месяца раджаба, снабдил жителей крепости Имган лошадьми и верблюдами для 67а
перевозки их клади и направил их для переселения в Хорезм, приставив к ним Эвеза-юзбаши с отрядом войска... После этого его величество выступил из горной долины Джам по паправлению к Хорезму и достиг Таймипака. В тот же день во главе войска был назначен Мухаммед Риза-кушбеги, а все войско чоудоров с Нияз-мехремом, Союп-бехадыром, Мпср Али-сердаром и Сафарбай-сердаром было выделено в арьергард, для следования вслед за войском в качестве караула. Отсюда же были посланы с письмом к Мухаммед Назар-инаку, который остался наместником его величества в Хиве, шахзаде (принцам), бекам и улемам Чулман-сердар и Ораз-сердар. В среду десятого числа месяца раджаба выступили в путь и остановились у крепости 67б
Руз-абад (иначе Дераз-аб). В четверг тронулись отсюда и остановились в Майли-тепе. Отсюда, в сопровождении чоудоров, выслали вперед пленных кызылбашей, а войска, для перехода четырех мензилей по пустыне до Мервской области, запаслись водой из р. Теджена и, выступив в путь, в пятницу остановились у Хауз-и-хана. В субботу прошли Таш-рабат и в воскресенье остановились на берегу Мервской реки (Мургаба) у переправы Пенжде.[1]

[1] В тексте ошибочно Пенхе (پنجه).

На эту стоянку к его величеству явились от Мервского улуса верой и правдой служившие казий салырского народа Шах Назар, Сейид Ниязбек, Нияз Мухаммед-бек, Денгиз-бек и Пайгамбар-кули-бай. Его вели-
68а чество милостиво принял их и утвердил упомянутого казия в его должности, а Сейид Нияз-беку пожаловал степень ипака, Нияз Мухаммед-беку чин парваначи, Денгиз-беку чин аталыка и Пайгамбар-кули-баю должности мехрема и мирахура. Каждый из них был одарен златотканными одеждами, золотыми ножами и конями, а их храбрым джигитам были розданы одежды. Но из них Ямгур-бека, Заман-бека и Мухаммед Курбан-бека, которые обнаружили лицемерие, с их нукерами и семьями отправили в Хорезм, очистив цветник Мервской области от чертополоха (стихи).

Во вторник его величество выступил из Пенжде и остановился лагерем в Ульялы-тепе. На этой стоянке предводители сарыков, во главе с Рахман-берды-баем, Союн-баем, Курт Гельды-мир-ахуром, мулла Эвезли (и) мулла-Ханы, были одарены царскими одеждами и золотыми ножами, а ишан-кази Назару был пожалован златотканный халат. Десять человек из числа
68б непокорных смутьянов этого племени отправили вместе с семьями в столицу, в качестве заложников (ак ӳйлюк), сделав эти пески спокойными и безопасными от их злобы.

Знатные лица мервских теке, во главе с Чаар-ярк-ули-баем и Баба-баем, были возвеличены царственными наградами. Саат-кули-сердара, который преуспел на приверженной службе в качестве правителя этой области и возвысился среди равных, его величество вновь утвердил на своем месте, назначив своим наместником в области и надев на его палец перстень власти, и вручил бразды правления его достоинству (стихи). В среду его величество со всеми сановниками и вельможами устроил здесь царственное угощение для окрестных племен и пожаловал всему этому народу ярлык на освобождение от налогов. На ряду с этим, по высочайшему приказу, Мухаммед Юсуф-мехтер и Мухаммед Риза-кушбеги уплатили большое количество денег за погибших при походе верблюдов, что чрезвычайно обрадовало всех.

69а В тот же день были казнены некоторые из злодеев племени теке, которые в силу своей низости отвратили свое лицо от истинной веры, скрывались по углам в развалинах и служили лазутчиками неверных кызылбашей и беспечно бродили всюду среди победоносного войска, следя за его состоянием. Но вдруг их постигло наказание, и для примера они как ядра были положены в жерла пушек и расстреляны. После известия об этом поучительном примере бунтовщики и смутьяны присмирели, а все население приобрело покой под защитой его величества...

[Следует описание дальнейшего маршрута. Алла-кули-хан проходит через Куякли-тепе, Сыртланлы, Тахт, Кабаклы, Арз-кала, Дая-хатын, отсюда направляется к берегу Аму-дарьи у Гугерджели и, пройдя около Дарган-ата до Ак-рабата, а отсюда до песков в Дар-

ваза-кыра, через Босага-кумы выходит из песков к Питняку. Из Питняка хан прибывает в Хазараси и отсюда, через Янги-арык, возвращается в Хиву.][1]

Повествование о восстании сарыков, об убийстве Саат-кули-сердара и его слуг, о том, как некоторые племена (эль) не примкнули к мятежникам и удалились от них, во главе с Абд-ур-Рахманом-халифе, со всем своим имуществом

Одно из туркменских племен — племя сарыков — начало враждебные *97а*
действия. Некоторые лица из их предводителей и знати, как то: Рахман-берды-бий, байрач, Махмуд-бек, Курт Гельды, Ибадулла, Али-шах, Устагюль, Саид-бек, Койчи-мулла, Алла-берды, Эмин-сердар, Наубат-бехадыр, Джованмерд-сердар, Эвез Мурад Суфи, Беденг Нур-ходжа, Бердиш-бек, Кызыл Сухбат-сердар и секты Эвез-карауп, опьянев от надменности, оказались в оковах заносчивости и бесчестия и вышли из повиновения и послушания его величеству. Они выбрали себе нескольких беспутных головорезов, и объединились для мятежа и сопротивления.

Саат-кули-сердар, состоявший со времени правления Мухаммед Рахим- *97б*
хана правителем Мервской области и утвержденный в этой должности милостью его величества, охранял население этой области от несчастий и напастей и решил ради безопасности населения выступить против мятежников, но был убит вместе с шестью своими нукерами.

Весть об этом дерзком поступке мятежников достигла слуха его величества и привела его в великий гнев. Он настойчиво решил выступить с большим войском, чтобы наказать и истребить бунтовщиков, ввергнуть их в водоворот несчастий и сжечь до основания в пламени, дабы до самого дня стра- *98а*
шного суда участь мятежников служила примером и внушила всем страх, чтобы никто не посмел впредь поднять голову мятежа и непослушания. От этого решения его величество отговорили, указав ему на то, что истребление бесчисленного количества их (сарыков) причинит победоносному войску много страданий и беспокойств, и что необходимо действовать так, чтобы не нарушить спокойствия страны и подданных. По совету сановников и вельмож было решено, что мятежное племя непостоянно и что нет смысла причинять страдания и беспокойства победоносному войску. Умы и глаза мятежников повержены в пьяный сон бессознательности, а ноги здравомыслия скованы цепями бесчестия. Следует думать, что судьба поможет им в дальнейшем, их необходимо разбудить от тяжкого сна неповиновения и, они, покорные, вернутся под сень его величества и раскаются в своих грехах и преступлениях. *98б*

Его величество успокоился в своем гневе. В тот же момент, что произошло в первый день месяца раби I, к его величеству явился халифе Абд-ур-

[1] Краткое упоминание о походе хана Алла-кули в 1242/1826 г. встречается у иранского историка Мухаммед Хасан-хана (см. выше, стр. 224).

Рахман-ишан, заместитель и наместник его святейшества шейх-уль-ислама, отшельник и молитвенник, занимавшийся в Мервской области наставлением мюридов. Явились также казий Мухаммед Назар, мулла Эвез и мулла Назар, из коих каждый стремился уберечь его величество от всяческих несчастий и был неизменно верным на пути повиновения и послушания. После приветствий и благопожеланий они перешли к делам мятежников
99а и бунтовщиков и остановились на том, что мятежники погубили-де свою честь безнаказанным убийством невинных людей во главе с Саат-кули-сердаром и останутся-де навсегда в грехе и в этом и в загробном мире (стихи).

Злобствующие мятежники, задумав превратить Мервскую крепость в свое убежище и средоточие бунта и мятежа, с женами и детьми, со своими вещами и имуществом пришли из своих местностей и вступили в крепость. Со всех сторон они собрали запасы продуктов, а для защиты жен и семей выставили патрули. Питая постоянную склонность к непокорности
99б и вражде и уповая на укрепление, они стали приводить в порядок свое оружие. Каждый из них, воображая себя сказочным богатырем, надел кольчугу на грудь, вооружился копьем и мечем. После этого они приступили к охране крепости. Но, чувствуя постоянный страх за совершенный мятеж и свое неповиновение перед «огнем гнева и ударом победного меча» его величества, они, в тревоге и смущении, собрали сборище, на которое, встревоженные, собрались отовсюду и устроили совещание. Когда совещание их после долгих разговоров ни к чему не привело, они с надеждой стали хвататься
100а за каждую щепку и былинку и порешили перейти в подчинение правителя Бухары, под опеку его государства. После этого некоторые дальновидные знатные лица из числа этих злосчастных мятежников, во главе с Рахман-берды-баем, Махмуд-токсабой и Устагюлем путем подстрекательства возбудили весь народ и составили посольство, включив в него тридцать человек невежественных сарыков. Они собрали массу вещей и подарков, написали письмо с изъявлением своей преданности и верности, указали в нем, что считают себя нукерами и старинными слугами правителя Бухары и отправили это письмо с послами. В письме они сообщили также, что отказываются от бесчисленных милостей хорезмского падишаха, перестают повиноваться и служить ему, и что, возлагая все свои надежды и упования на него, правителя Бухары, они удерживают-де Мервскую крепость, которая чрезвычайно прочна-де и сильна и будут-де отныне, что есть сил, решительно оборонять ее.

С письмом такого содержания сарыкские послы вышли из Мервской об-
100б ласти и направились в Бухару. Идя путем-дорогою, они прибыли в Бухару и через посредство сановников бухарского падишаха были представлены ему, передали привезенные подарки и подношения и изложили поручение своих старшин. Падишах Бухары, прослушав их послание и ознакомившись с его содержанием, чрезвычайно обрадовался, милостиво отправил послов в хорошее помещение и приказал выдать им жалование из своей казны и фураж. Послы пробыли некоторое время в отведенном для них

помещении и, не будучи в состоянии вынести тревоги и беспокойства от разлуки с друзьями и родными местами, обратились к упомянутому правителю с заявлением, в котором просили разрешить их вопрос. Упомянутый падишах собрал на совещание своих сановников, сообщил им о просьбе послов и просил их совета. На этом совете каждый, по своему разумению, изложил свои соображения на обращение падишаха, но ни один ответ не удовлетворил его. Наконец, поднялся славный наместник, дальновидный *101а* кушбеги Хаким-бий, верный слуга упомянутого падишаха, и изложил следующий спасательный ответ и совершенный совет: «Племя сарыков — неверное племя и не заслуживает доверия. Они получали от хорезмского падишаха массу подарков, дарений и милостей, однако ответили на его заботы столькими хитростями и обманом. Известно, что они никому не будут приверженны, от них нельзя ждать ничего, кроме огорчений. Кто поверит их не заслуживающим доверия словам, — навлечет на себя несчастье и друзей сделает врагами (стихи). Положившись на обманчивые разговоры сарыкского племени, мы вызовем вражду правителя хорезмского государства Алла-кули Мухаммед-бехадыр-хана, с которым уже много лет вас связывает тесная дружба, а ею пользуется и все наше население. Вызывать же этакую вражду далеко не разумно» (стихи).

Правитель Бухары согласился с этими словами везира, обратился *101б* к послам с кроткими словами, наградил халатами и отпустил, хотя они и просили послать помощь. Когда сарыки увидели, что их надежды не оправдались, они, беспомощные, вернулись из Бухары к своим предводителям и поведали о безрезультатности миссии. После этого они, уповая на неприступность Мервской крепости и недоступность крепостных рвов и окопов, решили, что крепостные стены явятся для них убежищем от всех несчастий и подняли высоко знамя мятежа и непокорности (стихи).

После этих происшествий с сарыками, когда бунтовщики сделали местом *102а* своего пребывания и средоточием мятежа Мервскую крепость и отказались от служения государю, упомянутый халифе (Абд-ур-Рахман) решил притти на помощь не последовавшим за руководителем мятежа и оставшимся верным его величеству родам (эль), встал во главе их и вместе с женами, семьями и всем их имуществом вывел их из среды мятежников, предохранив от дурного соседства с бунтовщиками. Племя теке принадлежало к числу этих сохранивших преданность и искренность племен. Местом их жительства и их близких было Эвлиялы-тепе; туда они и были водворены. Всего их оказалось там около двух тысяч. Все они решили служить его величеству, нашли себе постоянный мир и покой и освободились, таким образом, от напастей. Для выражения своей признательности и искренней преданности они послали ко двору его величества этого дервиша (Абд-ур-Рахмана-халифе) с тем, чтобы он принес успокоение и радость. Когда упомянутый халифе прибыл, чтобы доложить об этих событиях, его с почетом приняли и, по вы- *102б*
сочайшему повелению, слуги его величества гостеприимно поместили халифе и его спутников в михман-ханэ.

В то же время к его величеству явился хан Саат-сердар, из благородных лиц племени теке, населявшего окрестности Ахал-тепе. Он ходатайствовал об отмщении некоторым правителям Хорасанской области за их чрезмерные притеснения и был несказанно обрадован милостью его величества.

Второй поход шахзаде Рахман-кули-тёре в Хорасан. Наказание сарыкских мятежников и прибытие его в Мервскую область

103а Согласно изречению: «ведите священную войну с неверными», чтобы выполнить обязательство священной войны... хан решил наказать хорасанских нечестивцев и приказал собрать войска. В короткий срок, по приказу его величества, в зарослях Чатлы, на берегу Джейхуна (Аму-дарьи), из окрестных областей, отряд за отрядом, собралось большое количество победоносного войска... (стихи). Когда войска собрались в упомянутых зарослях, его
103б величество выступил из Хивы со своей свитой и приближенными и, передвигаясь изо дня в день, занялся по дороге охотой. Высочайшая ставка была ранее расположена, по приказу его величества, в упомянутых зарослях, куда он прибыл вскоре и сам со всем блеском и великолепием. Из состава собравшихся войск (хан) выделил один отряд и передал его Эвезу-юзбаши. К славному юзбаши он присоединил упоминавшегося прежде хана Саат-сердара, который жаловался на притеснения хорасанских ханов и просил помощи его величества, и направил его в Ахал, чтобы теке исполнили свое мщение кызылбашам.

И вот, в этом году, т. е. в 1243 г. х., в год свиньи, в последний день месяца раби I (21 октября 1827 г.) его величество назначил для войны с нечестивыми неверными своим заместителем и командующим всеми собравшимися побе-
104а доносными войсками своего брата шахзаде Рахман-кули-тёре. Ему же поручил наставить и наказать сарыкских мятежников. Из числа своих благородных и храбрых эмиров хан назначил к шахзаде храбрейшего Алашбия, Союн-бия, Досум-бия, Мухаммед Нияза-ясаулбаши, Нияз Мухаммеда-юзбаши, из знати йомутов Кока-сердара, из аристократов имрели Адивекиля с подчиненными им нукерами. Абд-ур-Рахману-халифе, который привез сообщение о мятеже сарыков, о чем уже упоминалось, была вручена грамота для умиротворения мятежников и приказано присоединиться к шахзаде. В среду 25 раби II (16 ноября 1827 г.) шахзаде получил благословение от его величества и выступил в путь к своей цели. В пятницу он прибыл в Дарган-ата... В воскресенье выехал отсюда и остановился
104б лагерем в зарослях Кабаклы, что по дороге в Тахт... Во вторник шахзаде приготовил снаряжение для похода в «семь песков Хорезма», а в четверг, выступил из Кабаклы в безграничные пески и в пятницу прибыл в Тахт, где простоял три дня, ожидая, когда подтянутся вслед отставшие. На четвертый день, в понедельник, он остановился в Янтаклы..., откуда отпустил Абд-ур-Рахмана-халифе и направил к сарыкам. В пятницу шахзаде выступил отсюда с войсками и остановился в Кара-тепе..., а в понедельник прибыл

в Эвлиялы-тепе, что на восточной стороне Мервской реки (Мургаба). *105а*
На этой стоянке шахзаде призвал к себе Баба-Сары, из племени теке, Актиш-бехадыра, из имрели, и из числа сарыкских заложников Джан Али-бека и Ага Нияз-бека и отправил их в качестве послов к сарыкским мятежникам, дабы любезными увещеваниями и ласковыми советами смягчить их злобу и внушить мысль о необходимости, на ряду с этим, просить прощения за содеянные мятежные действия. Послы отправились в путь, и когда приблизились к Мервской области, старшины и аксакалы ее, довольные и радостные вышли навстречу послам и гостеприимно и любезно встретили их, видя в них доброе предзнаменование (стихи). После подобающей встречи, все *1056*
простые и знатные этого племени собрались скопом и стали враждебно и неприязненно расспрашивать послов о цели их приезда (стихи). Послы изложили правдивым языком суть благого послания шахзаде, ничего не убавляя и не сокращая, и обратились затем (к присутствующим) с советами и увещеваниями (стихи). Когда находившиеся в крепости услышали эти прекрасные советы и любезные слова послов, в их сердце нашли дорогу *106а*
порочные надежды и недостойные мысли, и они лицемерно начали говорить, что причина постыдных действий нашего племени кроется-де в убийстве Саат-кули-сердара, из-за чего и произошло все. Он-де постоянно жаждал нашего разорения и стремился всегда притеснять нашу знать (акабир) и пренебрегал ею. Он-де, помимо этого, поступал часто незаконно и произвольно, так что друзья и враги из-за того, что мы отстаивали свою честь, укоряли нас и клеветали на нас и, вот, несколько наших головорезов не могли вытерпеть этого и, по своей невоздержанности, совершили дурное дело, и мы оказались-де опозоренными и пристыженными. С такими великими преступлениями итти к шахзаде, который станет упрекать нас и гневаться на нас, не имеет-де смысла. Мы просили бы шахзаде воздержаться от блокады мятежников, дать им отсрочку и возможность отправиться к его брату хорезм-шаху — прибежищу прощения и помощи, вратам помилования для непокорных, чтобы мы смогли-де вымолить у него *1066*
прощение и помилование своим преступлениям и, по его милости, смогли бы включиться в общество его беспорочных слуг. Итти же на службу к высокопоставленному шахзаде мы страшимся, так как вследствие мятежа мы не вняли-де и ярлыку, привезенному Абд-ур-Рахманом-халифе, в котором предлагалось отдать закят и выделить нукеров. Мы отвергли этот ярлык и знаем, что нас ждет наказание за эти наши преступления.

Когда послы, поняв, что в речах сарыков заключается отказ и что они далеки от повиновения, собрались отправиться в обратный путь, с ними вместе сарыки отправили с письмом Бек Нияза сына, Рахман-берды-бая.

Послы прибыли к шахзаде и рассказали обо всем, что произошло у них с сарыкским народом и о тайных намерениях этого племени.

В пятницу 3 джумади II шахзаде выступил в Махану и остановился лагерем в окрестностях крепости, построенной великим эмиром Кутлуг

107а Мурад-инаком. На этой стоянке его высочество шахзаде принял упомянутого Бек Нияза и, одарив его златотканным халатом и подарками, отправил с посланием в сопровождении славного вельможи Дост Назара-катаула к сарыкам с повторным предложением вернуться на путь повиновения. Упомянутый катаул прибыл к мятежникам, изложил им смысл послания и высказал свои любезные наставления. На мягкие советы катаула они отвечали мятежными словами и ни с чем отпустили его из крепости. Катаул выехал в обратный путь и, прибыв к шахзаде, доложил ему о том, что бунтовщики продолжают мятеж, и что советы и наставления не при-
107б носят им никакой пользы (стихи). Шахзаде выслушал катаула и решил, что эти несчастные (сарыки) не слушают добрых советов и не хотят встать на путь послушания. Вследствие этого он составил письмо об этих событиях и, вручив его одному из йомутских храбрецов Ханг-сердару, отправил к его величеству, дабы выждать его (хана) приказаний. Ханг-сердар, хорошо знавший дороги, не раз пересекший вдоль и поперек пустыню, поспешно отправился в путь и, пройдя десятидневный путь всего в четыре дня, на пятый день, в пятницу, прибыл ко двору его величества шаханшаха.

Да будет известно, что его величество после того как проводил шахзаде, движимый своим человеколюбием, отправился, под видом прогулки и охоты, в отдаленные области государства, ибо население, живущее в деревнях и укреплениях вокруг городов, обращалось к его величеству, в виду дальности пути, с заявлениями о своих нуждах и неотложных делах. В этот момент его величество стоял лагерем в голове канала Кок-узяк, возле Алла-берды-Азизляр. Сердар доставил сюда к его величеству письмо упомянутого шах-
108а заде и рассказал сам о всем, что видел и знал. Из рассказов сердара стало ясным содержание извинений сарыков. Его величество нашел справедливым не считать это племя за молодые деревца, достойные ухода в саду, и решил, что они должны засохнуть в силу своей зловредности и погибнуть в пламени гнева. Проникновенными взорами его величество распознал лживость их слов. Его величество не внял их речам о несправедливости и оскорблениях и, призвав всех сановников и советников, заявил, что если в словах сарыкского племени обнаружится правда, то они найдут освобождение от всех несчастий, если же в их утверждениях и клятвах окажется ложь, то они воочию предстанут перед непредолимыми несчастьями и гибелью и, что близится расплата за их мятеж. С этими словами его величество заставил
108б составить грамоту и уведомил шахзаде о том, что посланное им письмо было получено, содержание его целиком продумано и что намерение его (хана) заключается ныне в том, чтобы, тотчас по получении грамоты, шахзаде освободил осажденных и стесненных (сарыков) и обрадовал бы их этим, с тем, чтобы они по достоинству смогли оценить эту милость и благодеяние. С войском же шахзаде должен направиться на священную войну с неверными в Хорасан.

Грамота такого содержания была написана и вручена упомянутому сердару, с которой он направился к шахзаде.

[Следует глава «об отбытии шахзаде Рахман-кули-тёре из окрестностей Мерва и отправлении с войском в Хорасан в район крепости Дерегез»... и т. д. После того как войска прошли мимо крепости Баверд у Дерегеза, Рахман-кули выслал вперед отряд из туркмен и направил этот отряд в чапаул в горную долину Чапушлу. В чапаул были направлены отряды теке, йомутов и имрели во главе с предводителями теке Мехди-беком, мулла Бегенч-сердаром, Хал Нефес-аталыком, Аим-беком, Аман-баем, Тераб-беком, Хап Саат-сердаром и ходжа Мухаммед Султаном, военачальниками йомутов Давли-бахши, Берды-беком, Кока-сердаром, Сары-сердаром, Берды-ханом, татаром, и Дурды Клыч-сердаром и старшинами имрели Ади-векилем, Араб-сердаром, Али-сердаром, Шейх-Нефес-онбеги и Курбан-Гельды.

Все отряды гёкленов, карадашлы, чоудоров и икдыров, во главе с предводителями гёкленов Ораз-онбеги, Мухаммед Заман-ханом и Кул Мухаммед-сердаром, предводителями чоудоров Союн-бехадыром и Сафар-баем-юзбаши и предводителем икдыров Хасан Нияз Шаиром были отправлены в набег в долину Наухандан (111а). Сам Рахман-кули со всеми войсками из узбеков, кара-калпаков и туркмен двинулся к крепости Дестгерд, что в центре горной долины Дерегеза (111в). По окончании похода, Рахман-кули выступил в обратный путь и на первой стоянке в песках принял старшин теке и салыров, устроил для них угощение (113а) и, одарив подарками и халатами, распустил по домам (113в). Затем, после остановки в Чонгюле Рахман-кули, через Кара-кумы направился в Хиву.]

Рассказ о междоусобиях у сарыков

Шахзаде, после того как ушел от Мервской реки и подверг нападению *114а*
и разорению неверное племя Дерегеза, вернулся в Хорезм. Спустя тридцать дней после этого, по предопределению судьбы, у сарыков, собравшихся в Мервской крепости, возникли противоречия и оборвалась нить согласия, и под ударами тревоги рухнули столбы здания их сообщества. Гнев его величества производил такое впечатление на врагов и мятежников, что некоторые из важных лиц племени сокты, как кази Ильяс, Мулла Берды, Мулла Мурад, Баба-Кесранги и Девлет-Дурды и из знатных лиц племени байрач Махмуд-токсаба, Курат-Гельды, Ибадулла-бек, Беданг Нурходжа и Берды-бек пришли в замешательство и, раздумав, с большим ущербом и убытками, отправились под видом купцов к правителю Бухары и обратились к нему за помощью. Правитель Бухары присоединил к упомянутой компании одного из своих чинов, коварного кыпчака Адина с сорока пятью всадниками и отправил в Мервскую область. Упомянутые сарыки, выехав из Бухары с сорока пятью всадниками, прибыли и с превеликим шумом въехали в ворота Мервской крепости, но, чувствуя себя неловко, стали надменно *114б*
и горделиво говорить, что мы-де добились помощи.

После этих событий некоторые племена (эль), во главе с Абд-ур-Рахманом-халифе и казием Шах Назаром, заявили, что не покорятся правителю

Бухары и не станут доверять посланным им людям. На ряду с этим они переселились со своим народом и последователями (эль ве эхшам) в Серахскую область, входившую при покойном хане в состав его владений. Некоторые из обитателей крепости сговорившись решили обратиться к его величеству за помощью и послать к нему в качестве послов заслуживающих доверия и сведущих людей. Для этого они избрали и послали ко двору его величества меджеура Яри-шейха. Яри-шейх прибыл к порогу его величества в пятницу 4 рамазана, в день нового года, в первый день года мыши (четверг 20 марта 1828 г.) и при посредстве его помощников был представлен его величеству. Его величество снизошел к просьбе мятежников и, выделив из среды своих приближенных Бекеш-халифе, отправил его вместе с Яри-шейхом
115а в Мерв. Упомянутый халифе по высочайшему приказу выехал из столицы и как стрела, пущенная из лука, вкупе с Яри-шейхом, двинулся, с перехода на переход, в Мервскую область и прибыл к сарыкам. На сборище этого племени, полном лицемерия и упрямства (Бекеш-халифе) ярко осветил их мятежные мысли и бунтарские предположения и указал, что здание мятежных дел этого племени не покоится на религии и слабо и что претензии их не верны. Искрами огня сверкнули мужественные слова халифе среди мятежников (стихи). Советы и наставления халифе уязвили их в самое сердце, но некоторые нечестивцы и дерзкие краснобаи затеяли тут же в присутствии халифе пререкания и, указав на Адина с его несколькими таджиками, заявили: «Вот наша защита и опора из Бухары, теперь ни в ком нужды у нас нет» (стихи).

115б Когда халифе понял смысл рассуждений мятежников и их насмешливых слов, то обратился к ним с упреками и порицаниями и решил вернуться восвояси. Некоторые благоразумные старшины оборвали противников халифе, назвали их юродивыми, глупцами и стали просить извинения. Халифе выехал из Мервской области, направился в обратный путь и, по прибытии в столицу, доложил его величеству о слышанном и виденном среди мятежников. Его величество убедился, что царственное сострадание и благосклонность не приносят пользы этим злосчастным, и решил наказать их, мало того, уничтожить и истребить это злосчастное племя. По своему человеколюбию, он отправил к знатным лицам племени теке, обитающего в Мерве, именно Чаар Яклы-баю, Баба-баю и Ораз Яглы, которые были искренними слугами его величества, ярлык следующего содержания:
116а «Вы должны проявить свою преданность нам и, порвав племенную дружбу (обадащлык) с сарыками, отвратиться от этих несчастных. Со своим народом и домашними удалитесь и поселитесь поодаль от них, чтобы эти мятежники по своему бесчестию не причинили вреда вашему народу и имуществу и не погубили вас».

Ярлык этот был отправлен с одним теке по имени Ашур.

Его величество счел недостойными действия Бехадыр-хана,[1] правителя Бухары, в силу чего он повелел составить на его имя дружественное письмо

[1] Бехадыр-хан — прозвище эмира Насруллы (1826—1865).

по этому поводу и указал в письме, что поступки такого рода несовместимы с дружбой и, что если дружественная близость неожиданно прервется и верх возьмет несчастье вражды, то бог судья. Это письмо его величество вручил одному из своих приближенных Нияз-мехрему и сказал ему при этом, что если хан Бухары будет отрицать содеянное им, то заяви де-ему, чтобы он отозвал своих пукеров, посланных в Мерв в качестве гарнизона *1166* в противном же случае, если во время борьбы начнутся грабежи, уничтожение и разорение, то пусть он не сетует.

Упомянутый мехрем, довольный оказанной ему честью, отправился по Бухарской дороге, прибыл в эту область, явился к Бехадыр-хану и, вместе с устными заявлениями, вручил ему упомянутое письмо. Как только Бехадыр-хан ознакомился с содержанием письма, тотчас же со всей любезностью поместил мехрема во дворце и приказал назначить на услужение ему людей. Сам же (эмир) созвал своих сановников и советников и устроил с ними совещание. В согласии со своими советниками он приказал составить дружественное письмо, в котором уведомил о своей верности дружбе и просил извинения за содеянные поступки. Письмо это он вручил упомянутому мехрему и снова внимательно и любезно заявил, извиняясь, что отправление в Мерв отряда было делом явно вредным и досадным. Для подкрепления этих своих мыслей и апелляций, (эмир) присоединил к мехрему одного из своих эмиров Кандахар-токсабу и отправил в Хорезм. Мехрем отправился в путь *117а* вместе с упомянутым токсабой, прибыл на поклон к его величеству и, вручив дружественное письмо падишаха Бухары, передал его величеству содержание речей, слышанных им от этого падишаха.

Отправление его величества на охоту в сторону Дарган-ата Приказание произвести налет на племя сарыкских мятежников

Его величество принял решение выехать на охоту и на преследование врагов и, во вторник, в первый день раби I, в 1244 г. х. (четверг 11 сентября 1828 г.) выступил с храбрыми эмирами и многолюдным кортежем из столичного города Хивы. В тот же день он прибыл со свитой и войском в Хазарасп. Сюда же из окрестных областей и городов государства, со всех сторон, отряд за отрядом, прибыли победоносные войска, вид которых поражал взоры, а количество не поддавалось счету... (стихи). С многочисленными войсками *1176* его величество выступил из Хазараспской крепости в назначенный путь. Ежедневно занимаясь по дороге охотой и дивясь чудесным явлениям пустыни, останавливаясь по вечерам на стоянках, его величество прибыл к крепости Садвар, что на берегу Джейхуна (Аму-дарьи)... На этой стоянке его величество принял решение истребить племя злых сарыков и уничто- *118а* жить их обиталища. Для разрушения их жилищ и разорения и грабежа имущества он назначил из среды высоких эмиров Алаш-бия в качестве начальствующего, а из военачальников назначил Мухаммед Нияза-ясаулбаши и Курбан Нияза-ясаулбаши, из йомутской знати Дули-бахши, Кока-

сердара, Берды-хана, татара, Дурды Клыча, Сары-сердара и Дости Пехлевана, из предводителей имрели Ади-векиля и Араб-сердара, из военачальников чоудоров Союн-бехадыра, Байли-юзбаши, Курбан-Гельды-юзбаши и Хасан Ниязa-вели. Во главе с ними он приказал отправить все войска йомутов, имрели, чоудоров, гёкленов, карадашлы, кара-калпаков и узбеков в чапаул на сарыков.

Отправление военачальников, во главе с Алаш-бием, в чапаул на сарыков. Заступничество Чаръяр-кули-бая за некоторых мятежников и разорение за это его аула

118б После того как упомянутым военачальникам, во главе с Алаш-бием, было приказано итти в чапаул, они в короткий срок приготовили коней и оружие, снаряжение и все необходимое для похода, и, во вторник, испросив разрешение и благословение его величества, отправились в путь по Тахтской дороге. Через четверо суток, во вторник восемнадцатого числа того же месяца (раби I), они прибыли в Мервскую область, подобно небесному року, появились у аула мятежников, обитавших в окрестностях Кара-тепе и бросились в ночную атаку. Они забрали в плен всех женщин и детей, овладели всем скотом и имуществом. Вступивших в бой безумных мятежников джигитов они преследовали, схватили, заковали в цепи и погнали пленников перед собой. Поблизости от сарыков находился аул улуса теке, которые чтили законы соседства и, больше того, по своему неведению приняли к себе некоторых головорезов, бежавших во время разгрома мятежников, и укрыли их у себя. Бросившихся по следам беглецов пре-
119а следователей они осыпали со всех сторон бранью и ругательствами. Натворив такого рода глупости, они стали еще стращать, заявляя, что мы померяемся-де силами с каждым, у кого явится охота отбирать у нас скот и пленников. На ряду с этим они оказали сопротивление преследовавшему беглецов отряду, стали стрелять и приготовились к обороне (стихи).

Военачальники и предводители, услышав об этих событиях, собрались, рассудили и отправились к старшине этого аула Чаръяр-кули-баю. В форме доброго совета они заявили ему: «О, бай, сопротивляться приказанию его величества хорезмшаха, — это значит стать на сторону мятежников, оказывать им поддержку, — значит пробить брешь в здании покорности и согласия и принять на себя злую участь мятежников и бунтовщиков. Знай, что по низости этих негодных и тебе и твоему имуществу будет вред...» (стихи).

119б Случилось так, что в это время некий джигит Араб-сердара, преданного предводителя имрели, преследуя беглеца, — одного из числа мятежников, бежавших от побоища, появился в ауле Чаръяр-кули-бая. Кто-то из жителей этого аула выстрелил в него из засады, и он, бездыханный, свалился с копя. Увидев это происшествие, все, в страшной злобе, горя мщением, невольно повернули своих коней и бросились уничтожать и грабить жилище Чаръяр-кули-бая и население его аула и разорили и уничтожили его.

до тла... (стихи). Все это случилось помимо желания победоносного войска, но по существу его нельзя осудить, поскольку у этого племени с самого начала, следом за бунтарством сарыкского народа, появилась эта зловредность и в сердца проникли мятежные фантазии.

После этих происшествий приехал Мехди-бек, из знатных людей теке. С бесконечными извинениями и просьбами много раз кланялся он в ноги военачальникам, слезно умоляя отдать ему семью Чаръяр-кули-бая, вы- *120а*
просил ее у отряда и отправил в свой аул.

В четверг двадцатого числа того же месяца упомянутый выше отряд отправился отсюда и с огромной добычей и с бесчисленными пленниками, в среду двадцать шестого числа того же месяца прибыл в Ак-рабат на берегу Джейхуна (Аму-дарьи), к месту пребывания его величества...

В это время прошел слух, что триста всадников из бунтовщиков-сары- *120б*
ков, по своей круглой невежественности, с мятежной целью вышли за пределы Мервской области и дерзко занялись разбоем на проезжих дорогах. Когда весть об этом дошла до слуха его величества, он страшно разгневался и принял решение огнем чапаула сжечь племя мятежников и ураганом татаула смести в преисподнюю.

Поход высоких эмиров против мятежных сарыков Прибытие их в Мервскую область. Выступление против бесчисленного сарыкского войска, одержание победы над ними... Возвращение победоносного войска после победы с огромной добычей

Его величество принял решение разорить и уничтожить мятежное *121а*
племя, т. е. сарыкских бунтовщиков и назначил из состава храбрых эмиров, верных сановников и неустрашимых военачальников шейх-уль-ислама Кутб-эд-дина-ходжу, Султан-хана, Алаш-бия, Тёре-аталыка, Союн-бия, Досум-бия, Баба-инака, Тагай-мираба, Мухаммед Ниязa-ясаулбаши, начальника артиллерии (топчи-баши) Нияз Мухаммед-бая, Мухаммед Якуба-ходжу, Мухаммед кули-бека и Ахмед-бека, из йомутских предводителей Давли-бахши, Кока-сердара, Менгли Али-сердара, Сары-сердара, Берды-хана, татара, и Дурды Клыча, из важных лиц имрели Ади-векиля *121б*
и Араб-сердара, под предводительством которых отправил к Мерву своих нукеров йомутов, имрели, чоудоров и ряд джигитов охотников из отряда узбеков, чтобы изгнать и уничтожить мятежников и подавить мятеж. Отважные эмиры, по высочайшему приказу, в понедельник 5 рабп II (среда 15 октября), в час позднего «пешина» (опытные люди из туркмен верили в благополучие дела начатого в этот час), получив благословение его величества, выступили в путь к намеченной цели. В четверг седьмого числа упомянутого месяца его величество учинил смотр всему войску, заставив пройти перед своими взорами племя за племенем (отряд за отрядом) и отбыл в столичный град Хиву. Упомянутый же выше отряд привел в порядок коней и оружие, погрузил припасы на вьючных животных,

быстро направился в путь, на поле битв и, в субботу, в ночь, пятнадцатого числа того же месяца, прибыл к колодцу Захрихан, где и остановился на
122а отдых. В ту же ночь большая часть неустрашимых всадников отряда, во главе с йомутом Сары-карнай-сердаром, рассчитывая напасть на отдаленные аулы и стада, прошла через (плотину) Бенди-султан и двинулась набегом по берегу Мервской реки (Мургаба) На утро в субботу они выступили навстречу судьбе для нападения. Оставшиеся под сенью знамен военачальники с непригодными к чапаулу ..., которых насчитывалось около трехсот человек, также выступили в путь, выставив вперед в качестве караула, двух человек. Пройдя трехчасовой путь, они в пору завтрака остановились, но не могли воспользоваться отдыхом, так как получили здесь сообщение от победоносного войска о том, что на победоносное войско движется, не понимая, что значит заносчивость и спесь, больше того, не различая небо от земли, ослепленное своим бесчестием все множество войск сарыкского племени. Неожиданно на дороге они (сарыки) встретили двух человек, высланных
122б вперед в качестве караула. Один из двоих был некто Зейнал-эштек. Сарыки схватили его товарища, допросили о состоянии победоносного войска. Узнав от него, что большая часть войск ушла в чапаул в окрестности и что оставшаяся часть немногочисленна, они убили его. Зейнал-эштек же, неустрашимый и проворный боец, отбился от них, вырвался невредимым, примчался к военачальникам и доложил о происшедшем. Не успел он закончить свой рассказ, как показались сарыкские войска, которые с поспешностью гордо выступили против военачальников (стихи). Сарыки с выстре-
123а лами и криками бросились без промедления в атаку на победоносное войско. Высокие эмиры и победоносные войска остались тверды. Они решили погибнуть с честью, положили за пазуху горстки земли, испросили друг у друга прощения и, положившись на волю божию, сели на коней, опоясались мечами и несокрушимой стеной, не нарушая боевого порядка, выступили на поле брани.

123б В рядах победоносных (хивинских) войск находились отважные йомуты, а среди них выделялся храбрейший на поле брани Курбан Ниязз Пехлеван. С боевым криком он бросился на врагов и вступил с ними в бой. В этот момент мятежники всем скопом бросились на него в атаку, а он вступил с ними в единоборство. Большая часть сарыкского войска, всей массой, с шумом и криком бросилась на ряды отважных йомутов и спустя некоторое время опрокинула их ряды. В этот миг все узбекское войско, во главе со своими военачальниками, подобно молнии обрушилось на врагов, и йомуты вновь
124а повернули коней на мятежников и, рубя направо и налево, доблестно врезались в их середину. Под ударами их мечей кровь полилась потоками, и они так перемешались с врагами, что невозможно стало биться копьями и мечами. Пришло время бороться вплотную, и мятежники не выдержали беспощадных ударов (стихи).

125а В конце концов, победоносное войско произвело такой натиск, что мятежники пришли в полное замешательство, и им было воздано по их заслугам.

С новой отвагой победоносное войско бросилось в атаку на оставшиеся бесчисленные сарыкские войска, которые из чести пытались вновь привести себя в боевой порядок. Натиск этот был сокрушителен и ужасен. Победоносное войско одержало победу, а мятежники не смогли уже сопротивляться и, посрамленные, с большой поспешностью отступили по направлению к своей крепости. Победоносное (хивинское) войско, одержав полную победу, бросилось преследовать нечестивых мятежников и усеяло пустыню трупэми зловредных врагов (стихи).

Преследуя мятежников и разя их ударами мечей, победоносное войско достигло крепости мятежников, и у них не осталось никого, кто бы мог остановить напор (хивинского войска), ибо немногие отверженные люди, с трудом избавившиеся от битвы, укрылись за стенами крепости. Победные эмиры *126а*
и войска собрались и увидели, что среди них нет храброго и выдающегося из военачальников Алаш-бия. Войска обыскали все вокруг, но не могли найти его, не знали что случилось с ним, и были огорчены и опечалены. Но вскоре он неожиданно появился, как бы из мертвых, среди военачальников. Все войско от мала до велика было чрезвычайно обрадовано этим (стихи). Случилось так, что он (Алаш-бий), с увлечением преследуя по стопам *126б*
мятежников, оказался впереди войска под самой крепостью, перебил много бунтовщиков и после этого благополучно вернулся... Тагай-мираб, Нияз Мухаммед-бай и Кока-сердар, из которых каждый был на поле брани храбр как лев, сражаясь лицом к лицу с мятежниками, получили тяжелые раны и вышли с честью. После победы над врагами военачальники и эмиры провели здесь ночь в отдыхе, отряд же, вышедший с Сары-карнай-сердаром в чапаул, в эту же ночь, минуя все опасности, с большой добычей благополучно вернулся в лагерь победоносного войска. На следующий день, погрузив на всех верблюдов и вьючных животных отрезанные головы врагов и захваченное имущество и добычу, отряд выступил в путь и остановился на одной *127а*
стоянке. В эту ночь скончался от ран славный Кока-сердар (стихи). В понедельник восемнадцатого числа упомянутого месяца победоносное войско, доблестно, с большой добычей, передвигаясь вперед, прибыло в Тахт. С этой стоянки с вестью о победе в столичный град Хиву, к его величеству, был послан Пулат-мехрем, войско же продолжало свой путь и в пятницу 27 раби II (6 ноября) прибыло в Хиву и было осчастливлено царскими милостями и подарками, дорогими одеждами, конями, позолоченными поясами и золотыми кинжалами.

Прибытие знатных лиц сарыков к его величеству с просьбами о прощении за содеянные предательства. Милостивое прощение мятежников и возвращение их к повиновению

После того как эмиры и победоносное войско разбили все войска сарык- *127б*
ского племени и, забрав у них все, что было, скот, имущество и снаряжение, возвратились обратно, мятежное племя увидело, что все их всадники

истреблены и безвестно пропали, скот и имущество погибли, мятежники увидели, что они остались без домашнего очага, что дело их кончилось вредом и надежды рухнули, они не могли успокоиться от страха перед гневом его величества и осознали, что им грозит уничтожение. Они протянули во все стороны свои руки, но не могли найти ни от кого помощи. В конце концов, они в беспомощном и униженном состоянии погрузились в раздумье и спустя некоторое время решили бить челом его величеству хану и униженно просить пощады...

128а Когда простые и знатные люди сарыкского племени все согласились на этом, они собрали, каждый по своим силам, подношения и подарки и вручили старшинам и знатным лицам всех родов и отправили к порогу его величества. Старшины со страхом «с саванами на плечах, с мечами на шеях», отправились в путь и явились к его величеству и с надеждой принесли ему тысячу извинений (стихи).

128б Его величество принял униженные извинения сарыков и простил их прежние преступления и милостиво одарил (послов) одеждами и подарками, чем несказанно обрадовал их. Своими наставлениями он осчастливил их и отправил для защиты и охраны своих областей. Упомянутые старшины отправились в Мервскую область и вестью о помиловании доставили жителям ее много радости, избавив от тяжких забот и беспокойств.

Второй поход его величества падишаха на священную войну в Иран с бесчисленным войском. Появление чумы в Хорасане и возвращение, в виду этой напасти, в Хорезм

137а ...Его величество твердо решил выполнить предписание религии (о священной войне) и занялся приготовлением походного снаряжения. В это время прибыл от знатных лиц племени али-эли, что обитает в крепости Баверд у Дерегеза и является одним из туркменских племен, Таш Тимур-арбаб и привез смиренное ходатайство о покровительстве. Предъявив этого рода ходатайство и просьбу о помощи он заявил: «О, падишах, прибежище мира. Мы, слабые слуги, являемся мусульманами, и предки наши были мусульманами, сердца наши были преисполнены признанием единства божия, но волею судеб с некоторых пор, по обстоятельствам времени, мы склонились к кызылбашам, соседим с ними и дружим (хем ма'аш) с этими нечестивыми неверными. Некоторые наши эгоистичные и слабые в вере старшины отказались от соблюдения предписаний ислама, поддались лживой лести неверных и стали послушны и покорны их приказаниям. Некоторые же из нас сохраняют себя от искушений и лжи неверных, для этого у нас имеются силы, но мы боимся, что общение с неверными может причинить вред нашей
137б молодежи и в сердца их проникнет осквернение. Мы хотим избавиться от этой напасти и просили бы ваше величество снизойти к нам и вывести нас на берег спасения, в противном случае мы не сможем освободиться от службы неверным, окажемся в беде, дети наши потеряют веру и усвоят обычаи не-

верных. Если вы не окажете милости угнетенным, мы обратимся к богу с жалобой на вас» (стихи).

Просьба Таш Тимур-арбаба еще более укрепила его величество в решимости выступить на священную войну с неверными в Иран. Военачальникам и войску был дан приказ приготовить походное снаряжение и оружие для войны и как можно скорее выступить в путь. [Артиллерия, ханская ставка и снаряжение были посланы вперед в Кара-колю, а сам хан выступил из Хивы в понедельник 7 зуль-ка'да 1244 г. х.—понедельник 11 мая 1829 г.]

...В субботу прибыли к колодцу Чирле, где была раскинута ставка *139б*
и войска были расположены лагерем. Здесь задержались два дня. В среду его величество послал отсюда вперед, в качестве караула, Мухаммед Ниязаясаулбаши с войском йомутов и Беки-юзбаши с войском имрели, а вслед за ними направил начальников артиллерии Нияз Мухаммед-бая, Алла Берды-юзбаши, Ходжам Берды-юзбаши и неустрашимого Курбан-кули-юзбаши с подчиненными им нукерами. Для сопровождения и помощи артиллерии были выделены теке, во главе с Менгли-беком с тем, чтобы легче и спокойнее провести через пески артиллерию. Из своих йомутских слуг он (хан) выслал на разведку к колодцам, что возле Янтаклы, и в Чонгюль сведущего Дурды-сердара, Дин Мухаммеда, кара-чока, и Нур Мухаммеда *140а*
с тем, чтобы они осмотрели места для размещения войска и животных и вернулись обратно. В четверг его величество выступил с войском из района колодца Чирле и остановился в Минарлы. В тот же вечер выступив отсюда ночным переходом, к утру вступили в Красные пески, а в субботу, пройдя пески Токуз Аширим, прибыли на широкую равнину с богатым пастбищем — Ойкулы-баш, где войска отдохнули. В тот же день, к полудню, к его величеству явились уже упоминавшиеся караулы, во главе в Дурды-сердаром, который доложил об осмотренной им в Тедженской области прекрасной местности — Себедли, богатой водой и пастбищами. Его величество выступил по направлению к Себедли, где и остановился и провел ночь в отдыхе. В понедельник войска были расположены лагерем у берега чонгюля (пересыхающего озера) Думанлы. Сюда, для выражения своей преданности и верности, прибыли Юсуф Шейх, Нияз Мухаммед-онбеги и Менгликули-хан из племени али-эли и привезли в подарок двух прекрасных коней. Прибывшие были представлены его величеству, били ему челом и заявили о своей искренней преданности. *140б*

В среду его величество переправил свою ставку из Думанлы и остановился в Баверд-тепе. В тот же день один купец из туркменского племени, обитавшего в здешних местах, пригнал к ставке несколько гуртов (сурук) овец и ягнят для выгодной продажи и торговли. Тут два негодяя из войска имрели, сговорившись, по дьявольскому навождению, воровски забрали из его стада двух овец. Хозяин овец заметил это, но сколько ни просил оставить овец, они не вернули их. Тогда (купец) пришел к его величеству и доложил ему обо всем. Тотчас, по приказу его величества, ясаулы схватили этих воров, проткнули им носы и провели по войску, ударами палок изранив *141а*

их с ног до головы. В гневе на постыдный поступок этих несчастных, его величество снова приказал заложить их в жерла пушек и развеять тела их на части, по правилам правосудия и наказания. В этот момент к его величеству с почтением явился наместник государства Мухаммед Риза-кушбеги успокоил его и, обратившись с ходатайством за воров, освободил их от гибели.

В пятницу его величество одарил одеждами послов, прибывших от племени (улус) али-эли, во главе с Таш Тимур-арбабом и приказал составить милостивую грамоту к их старшинам, оставшимся в крепости. Вручив ее одному из своих курьеров Гельди-хану-сердару, он отправил его вместе с послами. Вслед за ними выступил сам (хан) к кыру Ат-кырган, где привел в порядок все войско, снаряжение и оружие и закончил вооружение войска. В тот же вечер выступили ночным переходом и к утру расположились, отряд за отрядом, вокруг крепости Баверд, которую населяло племя али-эли (т. е. Баверд). *141б*

В этот же день в ставку его величества прибыли войска ахальских и теджепских теке и войска теке, салыров и сарыков Мервской области (стихи). Когда обитатели крепости увидели подобную пышность и великолепие, знатные лица и старшины всего населения крепости торопливо двинулись из крепости, явились к его величеству и были почтены им. Тотчас же они выделили двадцать человек заложников вместе с их женами и детьми, с домом и домашними и привели к победоносному войску. Коль скоро племя это, находясь в отдалении, оставалось все же преданным его величеству, он из царственной милости вошел в их положение и, одарив означенных старшин златотканными одеждами, любезно послал заложников с их семьями на их родину. Для охраны крепостных ворот (хан) назначил войска гёкленов и карадашлы во главе с одним из военачальников — Султан-ханом, а из числа храбрых джигитов—обитателей этой крепости—было выбрано двести всадников для того, чтобы они шли впереди и указывали путь на Дерегез. *142а*

[Следует рассказ о разрушении хивинскими войсками крепости Хосров и уничтожении посевов вокруг нее, о добровольной сдаче и выселении населения из крепости Чилькан и отправлении послов к правителю крепости Лютф-абад. Правитель этой крепости отказался сдать ее, и хан, в гневе, решает разорить Буджнурд, Хабушан и Мешхед, опустошить все вплоть до Нишапура, но, неожиданно, среди войск появляется чума, и начинается паника. По совету приближенных, хан отказывается от похода на Мешхед и Нишапур и решает отправиться в Хорезм, после чего он снимается с прежней стоянки и останавливается возле крепости племени али-эли.]

Отсюда (хан) отправил на помощь Султан-хану, который с войском гёкленов охранял ворота крепости али-эли'нцев, одного из своих военачальников Курбан Нияза-ясаулбаши с войском чоудоров. Двести же человек нукеров, которые были взяты из этой крепости, с разрешения его величества, в тот же день отправились в свою крепость. Зная, что победоносное войско страдает от эпидемии и что некоторая часть его ослабела, они, по сговору с простыми и знатными людьми своей крепости, в силу своей злоб- *145а*

ности, схватили ясаулбаши и несколько человек из войска чоудоров и убили их. В это время Султан-хан с войском гёкленов убежал и по прибытии доложил его величеству о случившемся. Коль скоро среди войск свирепствовала чума, его величество не принял во внимание предательство мятежников и прошел мимо.

[Следует описание обратного маршрута в Хиву через Ак-тепе, колодец Чирле, Йол-айрыты, колодец Сагаджа, Дарваза-кумы («Врата песков»), Кара-кёль. Далее идет речь о назначении должностных лиц на место погибших от чумы в походе.]

Третий поход его величества султана с войсками в Хорасан. Покорение крепости али-эли'нцев и переселение обитателей ее в Хорезм

В предыдущем походе племя али-эли явилось с дарами и подношениями *149а*
к его величеству, и, жалуясь на притеснения, изъявило свою покорность и готовность к подчинению, а его величество любезно принял их, милостиво одарил одеждами и отправил в их крепость с тем, чтобы по возвращении из похода переселить это племя в Хорезм. Для защиты крепости этого племени
он назначил из числа известных эмиров Султан-хана и Курбан Нияза- *149б*
ясаулбаши. Сам же его величество решил итти против неверных на Мешхед и Нишапур. Но в этот момент среди войск появилась чума, и его величество, по необходимости, должен был отказаться от похода. Племя али-эли увидело, что войска стали обессиленными и ослабленными, и по своей злобности начав мятеж, напало на Султан-хана и ясаулбаши. Султан-хан отбился и убежал от них, ясаулбаши же они захватили, привели в свою крепость, закрыли крепостные ворота, выставили в башнях стрелков и приготовились к обороне крепости. Его величество решил тогда наказать это мятежное племя, но по обстоятельствам времени не мог это сделать и отправился в обратный путь, как об этом было уже сказано. Его величество за враждебность и злобность решил разорить крепость этого племени (т. е. Баверд) и покорить ту область... Оставив своим наместником в Хиве шахзаде Рахман-кули- *150а*
тёре, его величество в 1245 г. х., в год барса, весною 7 шавваля (четверг, 1 апреля 1830 г.) выступил с войском из Хивы по направлению к своей цели.

[После перехода через Кара-кумы хан остановился лагерем у Баверд-тепе.]

На эту стоянку к его величеству явились нукеры из Мервской области *151а*
и из Ахала. Сюда же в ставку его величества прибыл один из предводителей племени али-эли Нияз-кули-юзбаши, решивший служить его величеству. Захватив своих домашних, он вышел из крепости и был милостиво принят (ханом). Затем ставка была снята отсюда, и его величество, во всем блеске и великолепии, построив войска в боевой порядок, двинулся на мятежников (стихи).

[Далее рисуется картина осады крепости (Баверда), которую решили оборонять ее обитатели. Осада продолжалась безуспешно несколько дней,

На шестой день войскам было приказано возвести у крепости «серкубы», с которых артиллеристы и фальконетчики открыли стрельбу по крепости.]

153а Мятежники не могли вынести грома пушек и беспрерывных ударов фальконетов, и вот из крепости сами вышли старшины и знатные лица этого племени во главе с Шах Мухаммедом-онбеги и, пристыженные, начали переговоры с отрядом и с великим смирением пришли и пали к ногам его вели-

154а чества. Его величество по своей милости простил их и внял их мольбам. Он приставил к ним, из своих приближенных, Курбан Нияза-ясаулбаши и отправил с ними в их крепость с тем, чтобы не допустить нападения войска на женщин, детей и имущество обитателей крепости и переселить их к лагерю. Ясаулбаши, согласно приказу, отправился в крепость, предостерег от нападения на имущество этого племени и привел обитателей крепости в указанное место. В тот же день победоносное войско, по высочайшему приказу, разрушило стены крепости (племени) али-эли... Засеянные поля

154б и жилища племени али-эли его величество передал племени теке, а после того как жители здешних мест закончили сборы, у всех войск было взято по одному из каждых двадцати верблюдов, на них были погружены женщины, дети и утварь племени али-эли, для переселения в Хорезм. После этого его величество довольный отправился в путь и через несколько дней пути остановился у колодца Чирле, где провел в отдыхе два дня, после чего выступил

155а отсюда и расположил лагерь у колодца Хан-кудукы. Выйдя отсюда и пройдя колодец Сагаджа, двинулись почным переходом и, в полном блеске и великолепии, прибыли к низовьям Кара-кёля. Сюда для встречи из города (Хивы) прибыл Рахман-кули-тёре с улемами и вельможами...

22 зуль-ка'да (1245 г. х.—15 мая) его величество прибыл в столичный город Хиву. Этот победоносный поход продолжался сорок пять дней. После того как его величество отдохнув приступил к делам правления, он, с царственной любезностью, занялся положением племени али-эли и выделил им земли в окрестностях крепости Булдумсаз в низовьях канала Клыч Нияз-бай. Ныне в этих местах они развели сады (багат), построили дома и живут, ставши великим племенем.

155б В том же году, 1246 г. х., в год барса (1830 г.), его величество назначил Рахман-кули-инака [1] в Хорасанскую область с тем, чтобы он привел в порядок неотложные дела населения этой области и вернулся обратно. По высочайшему приказу, снарядив в короткий срок войско и приготовив снаряжение для похода, он выступил в путь и, пройдя колодец Чирле, прибыл в Теджен. Здесь он пробыл несколько дней, занимаясь устройством дел местного племени, после чего отбыл к подножию гор. Здесь он разрушил окрестные укрепления и крепости мятежников и негодяев, собрал закят и харадж, вслед за чем направился в Мервскую область. Здесь он был занят некоторое время расследованием жалоб населения. Рассмотрев

---

[1] Звание инака было присвоено Рахман-кули в этом же году, по возвращении хана из похода.

досконально положение окрестного населения и устроив его дела, он отбыл отсюда и по Тахтской дороге вышел к берегу Джейхуна (Аму-дарьи). Следуя берегом реки, он миновал Хазарасп и прибыл в столичный град Хиву...

[В следующей главе, повествующей о четвертом походе хана в Хорасан, рассказывается (160б), что хан выступил из Хивы во вторник 15 зульхиджа 1248 г. х. (воскресенье 5 мая 1833 г.) и остановился у низовьев Каракёля. Отсюда, идя ночными переходами, через два дня он прошел пески к Бал-кудукы. С этой стоянки хан отправил посольство к правителю Келата Шах Камрану, в том числе знатного салыра Ходжа Назар-сердара. Дальнейший путь следовал через колодцы Язы и Чешме, у которого хан стоял десять дней, ибо отсюда доставлялась вода следовавшим позади отрядам. Отсюда же были отправлены к Аббас-мирзе и Ялангтуш-хану, в качестве послов, Хан Мухаммед-бай и салыр Халь Назар-бек с грамотой (166а). Выступив из Кепкли, хан приказывает построить укрепление, откуда на хорасанские укрепления отправляются в чапаулы отряды салыров и сарыков во главе с Баба-шейхом и Мухаммед-шейхом по направлению к Мешхеду, отряды йомутов и теке по паправлению к Келату (167б), а узбеки и имрели против племени керап. Одновременно начинает военные действия против Риза-кули-хана наместник Хорасана Аббас-мирза (168а). Хивинский хан выслал на помощь Риза-кули-хану отряд теке во главе с Эвезюзбаши и Бекеш-халифе. Вслед за ними против войск Аббас-мирзы выступил сам хан, войдя одновременно в сношения с правителем Герата (169а).]

В построенную крепость хан назначил Нияз Мухаммед-бая, из йомутов, Менгли Али-сердара, из имрели, Али-векиля с 4000 всадников в качестве гарнизона (ильгар). Вместе с прибывшим сыном Риза-кули-хана на помощь последнему хан дополнительно отправил из «туркменских нукеров» отряд али-эли и карадашлы. После этого хан направился обратно в Хиву куда прибыл 13 рабп I (1249 г. х. — 31 июля 1833 г.).[1]

О некоторых событиях после отправления его величества из Хорасана в Хорезм, в том числе о выступлении Аббас-мирзы и о покорении им Хабушана и Серахса

Еще до отправления его величества, в предшествующем походе, из Хора- *1706*
сана в Хорезм, он устроил в Мервской области, в Пенде, царское пиршество и, призвав к себе серахский народ, ради благополучия этого племени, обратился к нему с наставлением и советами. Он заявил: «О, старшины, Серах- *171а*
ская крепость есть место вашего пребывания. Если у вас хватит силы,

---

[1] О походе Алла-кули в 1832 г. в район Мерва упоминает английский путешественник А. Бернс (Путешествие в Бухару, т. III, стр. 36, 501), который говорит, что ханом была взята с мервских теке контрибуция. Кроме того, хан, учредил свои таможни в Мерве и некоторых других пунктах. См. также В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва, стр. 96, прим. 2.

готовности и желания для поддержания спокойствия в ней, то отправляйтесь на вашу прекрасную родину и не разрушайте вашего благоденствия попытками отделиться. Если же, паче чаяния, обнаружится тайная опасность такого рода бедствия и будут перейдены всякие границы, будьте постоянными и верными и не допускайте легкомыслия и непостоянства. Это послужит гарантией защиты нашей и сохранит ваш народ от всяких трудностей и бесконечных несчастий. Если же вы отправитесь в свою область и у вас не окажется достаточной силы и возможности для верной защиты крепости, если обнаружится вероятность уничтожения войском неверных ваших посевов и населения, вы можете рассчитывать на то, что в пределах Мервской области и на равнинах Махана, зимой и летом для ваших кочевников и земледельцев найдутся пастбища и земли для посевов. Без колебаний переселяйтесь все туда вместе со скотом и имуществом, и любая местность, которую вы облюбуете для поселения, любые луга, которые вы пожелаете — в вашем распоряжении».

После этих милостивых речей, славный везир Мухаммед Юсуф-мехтер,
171б по высочайшему приказу, открыв царское хранилище, одарил всех (представителей) упомянутого племени драгоценными одеждами и златотканными халатами (стихи). Но серахский народ (улус) пренебрег лучшими советами и помышлял о подчинении неверным. С этим безумным вожделением и помраченным желанием к непокорности, они (старшины) отправились в Серахс. Они презрели расположением и хлебом-солью его величества, послали человека созвать всех окрестных старшин и ради презренной выгоды лукаво посеяли вокруг сомнения и, в конце концов, решили открыто подчиниться кызылбашам, чтобы таким путем спастись от их за-
172а воевания и, мало того, получить больше наград и благодеяний. С этим скаредным желанием они отправились в Мешхед, униженно явились к Аббас-мирзе и доложили о своем намерении оставить его величество, итти в Мешхед, и о своей непокорности и враждебности Хорезму. Когда Аббас-мирза услышал об этом, то как раб, нашедший золото, или слепец, к которому вернулось зрение, не мог сдержать себя от радости. Зная об отправлении его величества, он направился с войском на поклонение к гробнице имама Ризы с обетами и подарками, в соответствии с требованиями своей религии. Затем он снова призвал серахсцев и милостиво принял их. Нескольких аксакалов и старшин их, подобно Адина Курт-хану и Уста Заману, он объявил своими наречеными отцами. Для успокоения он расспросил их о положении Риза кули-хана, который был искренен и прямолинеен и нашел их ответы согласными со своими желаниями и намерениями.

[Следует повествование о выступлении Аббас-мирзы против Риза кули-хана. Аббас-мирза осадил крепость Хабушан и покорил ее, а самого Риза, кули-хана, отправил в Мешхед (172б — 173а). После этого отряд Аббас-мирзы разрушил крепость Турбет. Правитель этой крепости Мухаммед-хан, кераи, сын Иса-хана, кераи, также был отправлен в Мешхед. Вслед за этим Аббас-мирза собирает к себе правителей Каганда, Келата, Дерегеза

и Радкана, «которые прежде были подчинены Хиве», и решает с ними покорить Серахс, выступает в поход и, пройдя Маздуран, Ак Дербенд, Пул-и-Хатун и Кызыл-кая, останавливается в Науруз-абаде (173б).]

Знатные лица Серахса поняли, что значит этот поспешный и устра- *173б*
шающий поход Аббас-мирзы и каковы его замыслы. Смущенными ладонями закрыли они свои лица и, плача, с сожалением, не знали, что сделать чтобы помочь своему горю, за что приняться и не могли ничего придумать (стихи). На этой же стоянке (в Науруз-абаде) этот лицемерный враг, т. е. Аббас-мирза, призвал к себе серахских старшин и в любезной форме заявил им: *174а*
«О, старшины, вы во всем заодно с нами. Для укрепления дружбы приведите от всех ваших родов двести человек ваших смелых джигитов с конями и вооружением с тем, чтобы они участвовали с нами в походе на Мерв и отличились бы на этой службе и заслужили бы повышения». Старшины оказались беспомощными и согласились с этим предложением. Они выехали из стана неверных и, смущенные, прибыли в свою крепость. Они исполнили это злосчастное поручение и снарядили пукеров, не смея возражать против и боясь наказания неверных.

Но все хорасанцы, под предводительством Ялангтуш-хана, имели намерение напасть на серахский народ и разграбить его. Они отправились к Аббас-мирзе и в грубых выражениях заявили ему, что племя это (туркмены) издавна известно-де всем своей непокорностью, его своенравия и вероломства опасается народ гор и степей, постыдный обман и лукавство в его обычае. Если они ради умиротворения согласились-де с вами, то затем, *174б*
как только попадут на свою родину, поднимут знамя мятежа и запрут ворота своей крепости. Питать сострадание к этим злосчастным — это значит-де причинить жестокость своему населению. После этих речей Аббас-мирзу охватила злоба, и он с войском выступил в путь и, подобно небесной каре, с криками и шумом двинулся к Серахской крепости и окружил ее со всех сторон. Обитатели крепости из предосторожности вооружились, заперлись, поставили к бойницам и в башнях храбрых стрелков и отважных бойцов и приготовились к обороне. Предводитель злобного войска неверных Ялангтуш привел пехотинцев, расположил их вокруг крепости, а все прочие войска, которыми он располагал, чемшкезеков, керкесов, грузин и черкесов, против рва, а русских солдат назначил против крепостных стен.[1] Расположивши таким образом войска, он, на ряду с этим, воздвиг с четырех сторон «серкубы» и начал обстреливать крепость. Один человек из обитателей крепости был убит. Тут отважные джигиты и неустра- *175а*
шимые борцы распалились и на рассвете бросились из крепости на лагерь неверных и уничтожили большую часть неверных. Это геройство привело в замешательство кызылбашей. Несколько дней повторялись такие схватки.

В это время один из верных слуг его величества Мухаммед Нияз-ясаул-баши, который во время отправления из Хорасана в Хорезм был оставлен

[1] Речь идет, повидимому, о пленных русских солдатах, Ср. Н. Веселовский, очерк, и т. д. стр. 302, прим. 1.

его величеством с гарнизоном в Мервской области, по высочайшему приказу, направил отсюда на помощь серахскому народу (улус) отряд бесстрашных нукеров во главе с Дурды Кем-сердаром, из знатных лиц йомутов, Тераб-беком и Оразом-парваначи, из вельмож теке, Мулла Эвез-сердаром и Мухаммедом-токсабой, из знати сарыков, Баба-шейхом, Мухаммед-шейхом и Яры-шейхом, из меджеуров, и Шир-ата, из вождей племени ата, из которых
175б каждый был храбрейшим на поле битвы. Назначенный отряд выступил из Мервской области, достиг окрестности Серахса и подобно удару неожиданной ночной атаки бросился на скопище неверных и разгромил их. При этом некоторых убили, а большую часть сарбазов забрали в плен и привели в полнейшее смятение все войско неверных. Но, не будучи в состоянии сломить сопротивление скопища, отряд вернулся обратно. Девять дней и ночей войско неверных осаждало крепость и с криками бросалось со всех сторон в атаки. Гул пушечных выстрелов достигал небес. Обитатели крепости оказывали упорное сопротивление и проявили исключительное геройство на поле битвы, но не могли выдержать натиска войска неверных и принуждены
176а были прекратить оборону. Когда войска неверных проведали о состоянии (защитников крепости), то с боевыми криками бросились со всех сторон на штурм и на этот раз овладели крепостью, забрали все имущество, снаряжение и вещи, а пленных женщин сосчитали, вывели из крепости и передали надежным людям, чтобы отправить в Иран, после чего направились той дорогой, по которой шел Аббас-мирза из Мешхеда.

Да будет известно сведущим людям, что причиной того, что населению Серахса пришлось испытать столько горя, пришлось разлучиться с родиной и быть изгнанными вместе с семьями, явилось то обстоятельство, что они отклонились от повиновения его величеству, не послушались его советов и ради благ мирских стали искать прибежища у кызылбашей.

Приказание Аббас-мирзы своим сыновьям Мухаммед-мирзе и Кахарман-мирзе итти на осаду Герата. Выступление по приказу его величества некоторых отрядов из войска ислама и победа над войсками неверных

176б Аббас-мирза вывел население Серахса, отправился обратно и прибыл в Мешхедскую область, где и расположился на отдых. Завладев без сопротивления и без особых затруднений Серахской крепостью, он потерял голову и много возомнил о себе... Без всякого совета с сановниками, он отправил к ахальским и тедженским теке, к салырам Йолотана и мервским сарыкам грамоту с угрозами и запугиваниями. К правителям Герата Шах Камрану и Шир Мухаммед-хану он отправил послов с требованием подчиниться ему и ежегодно высылать в его казну установленный харадж.

Да будет известно, что когда послы кызылбашей отправились в Герат, ишан Кутб-эд-дин-ходжа, шейх-уль-ислам, и Мурад-даруга были отправлены его величеством, при его возвращении из Мервской области, в Герат

в качестве послов вместе с шахзаде Искандером, как об этом было упомянуто *177а*
выше. Из Герата они благополучно вернулись в Йолотан.

Правителем йолотанских салыров с давних пор был приверженный Мухаммед Эмин-бек. Племя салыров страшилось возможных бедствий со стороны злосчастных каджаров, и вот некоторые старшины этого племени отправились к Аббас-мирзе, били ему челом, были одарены у кызылбашей одеждами, вернулись обратно и привезли с собой грамоту. Все знатные и простые пожелали подчиниться неверным. Когда упомянутый бек увидел уклонение этого племени, он из предосторожности созвал некоторых согласных и дальновидных лиц из знати этого племени, открыл им то, о чем они тайно думали и хотел помочь этому народу выйти из затруднений. С некоторыми верными постоянными старшинами он приготовился ехать к его величеству и отправился в путь вместе с ишаном шейх-уль-исламом.

Нияз Мухаммед-бай в конце месяца джумади II выехал со старшинами сарыков из Мервской области, прибыл для совета ко двору его величества *177б*
и доложил ему о всем, что знал о судьбе серахского народа.

В это время правитель Герата Шах Камран выпроводил ни с чем послов Аббас-мирзы, приехавших к нему требовать харадж, но для защиты от посягательств неверных, вслед за этим, отправил послов к его величеству хорезмшаху. Когда послы кызылбашей, обескураженные, вернулись от Шах Камрана, Аббас-мирза страшно разгневался и в гневе приказал двум своим сыновьям Мухаммед-мирзе и Кахарман-мирзе отправиться со всеми имевшимися войсками и снаряжением и осадить Герат, а сам остался в Мешхеде, чтобы подготовить на помощь им оружие и снаряжение.

Да будет известно, что Нияз Мухаммед-бай со старшинами сарыков прибыл из Мервской области и доложил его величеству о поучительных *178а*
происшествиях с серахским народом и о тех враждебных действиях, которые причинили неверные этим мусульманам. Его величество, в силу своей глубокой религиозности, счел для себя обязательным отмщение неверным за нанесенные мусульманам притеснения. С своей стороны, он направил в чапаул к Мешхеду ряд своих славных военачальников Кутб-эд-дина-ходжу, шейх-уль-ислама, Мухаммед Нияза-ясаулбаши, из предводителей йомутов, и Нияз-кули-юзбаши, из племени али-эли. Из состава своих войск он придал им отряд неустрашимых бойцов. Некоторые храбрые джигиты из племен салыров, обитавших в Йолотане и отличавшихся своей преданностью, были отправлены на помощь к Шах Камрану под предводительством казн Шах Назара, Каракаш-векиля и Нияз Мухаммеда-парваначи.

Да будет известно, что бойцы, назначенные в поход на Мешхед, вместе с ходжей шейх-уль-исламом, горя нетерпением, выступили в путь к своей цели и поспешно направились через «семь песков Хорезма» к Серахсу, от Серахса к Маздурану, через этот проход вступили в горы и проникли к Мешхеду. Невзирая на численность вражеского войска, они неожиданно набросились с четырех сторон на лагерь неверных и несколько дней производили набеги и опустошения. Забрав в плен много кызылбашей

и выселив население нескольких крепостей, они полностью отомстили неверным и двинулись в обратный путь, а по прибытии были осчастливлены его величеством. Из них йомут Менгли Али-сердар попал в плен, а Сары-сердар пал в бою.

Да будет известно, что в этот момент мирзы (сыновья Аббас-мирзы), выступившие против Герата, пытались осадить Гератскую крепость. Отважные афганцы, аймаки и хезарейцы во главе с Шир Мухаммед-ханом, с помощью неустрашимых салыров, отправленных на подмогу его величе-
179а ством хорезмшахом, вступили в бой и так сразились, что с обеих сторон пало в бою множество людей. Наконец, войско ислама мужественно бросилось на стан нечестивых и неверных и разбило их... Неверные бежали из своих укреплений и отправились к Мешхеду. Вступив в горную долину Джам, они встретили отряд, который был направлен из Хорезма в чапаул против хорасанских нечестивцев, и потеряли тут много солдат и имущества. Оставшиеся войска их не могли противостоять ударам этого отряда и рассеялись в разных направлениях.

[Следует рассказ о смерти Аббас-мирзы. Назначенный после его смерти правителем Хорасана Кахраман-мирза, по совету сановников, отпустил большую часть серахских пленников, оставив из предосторожности, часть их в плену. Отпущен был и попавший в плен Менгли Али-сердар. После переговоров с хивинским ханом был произведен обмен оставшихся пленных серахсцев на пленных сарбазов-иранцев.]

Чапаул Мухаммед Нияза-ясаулбаши, Худаяр-бия и Беки-юзбаши на хорасанских неверных. Обращение племени гёкленов к его величеству и отправление к ним Карлы-юзбаши, которого они приняли к себе военачальником

182а В этом году, т. е. в год лошади, его величество, выполняя предписание о священной войне, назначил с своей стороны из числа своих храбрых военачальников Мухаммед Нияза-ясаулбаши, Худаяр-бия и Беки-юзбаши с войсками из йомутов, гёкленов и имрели для нападения и разорения неверных Хорасана. Назначенные, по высочайшему приказу, молниеносно двинулись в путь, прошли Орта-кудук, подобно горному потоку ринулись из горных проходов и проникли к крепости Буджнурд. Забрав много пленных и добычи, они отправились в обратный путь. По дороге у Кары-кала, от племени гёкленов вышли несколько старшин, под предводительством
182б Яхши Мергена, присоединились к отряду и отправились вместе с отрядом в Хорезм, чтобы просить для себя у его величества хана правителя и военачальника. Через несколько дней они прибыли к его величеству и изложили ему свою просьбу. Его величество нашел приемлемым ходатайство этого племени и назначил им правителем Карлы-юзбаши. Радостные и довольные в сопровождении упомянутого юзбаши, они отправились по направлению к Кары-кала.

О некоторых событиях после празднества,[1] в том числе о нападении Карлы-юзбаши с войсками гёкленов на кызылбашей горной области

Несколько ранее упомянутого выше празднества все старшины племени *1886*
гёкленов, что обитают в Карры-кала, во главе с Яхши Мергеном явились с подарками и подношениями к его величеству и просили назначить им кого-либо для устройства их дел и руководства в священной войне. Его величество любезно отправил с ними одного из своих приближенных Карлы-юзбаши, как об этом упоминалось выше. Карлы-юзбаши, по высочайшему приказу, присоединился к старшинам гёкленов и отправился в Карры-кала. Передох- *189а*
нув несколько дней, он выступил с войсками гёкленов на священную войну против неверных и, напав на окрестности Буджнурда, одной из крепостей Курдистана, достиг Саривана. Здесь он забрал две крепости, завладел бесчисленным количеством пленных и большой добычей и вернулся в Карыкала. В этот момент пришло известие о том, что правитель Тегерана, Мухаммед-шах, собрался в поход, а впереди себя отправил с большим войском своего военачальника Хамза-хана на племя гёкленов, обитающих по берегу р. Гюргена, с тем, чтобы подчинить это племя и взять с него закят и харадж. Как только была услышана эта весть, войско гёкленов, во главе с Карлы-юзбаши, храбро выступило в путь против кызылбашей. Пройдя огромную пустыню и множество переходов, отряд вышел к берегу Гюргена, где расположился Хамза-хан с войском кызылбашей. Отряд гёкленов, подобно року, обрушился на кызылбашей Хамза-хана, разбил и полонил всех их и с большой добычей и несметным количеством пленных повернул обратно в Карыкала. Старшины гёкленов привели в подарок его величеству две девятки *189б*
рабов и Хамза-хана и доложили ему о всех происшедших событиях. Его величество возвеличил их своими милостями и снова отправил их на родину.

Отправление его величеством, по просьбе Карлы-юзбаши, войск в Карры-кала и рассказ о некоторых событиях, имевших место здесь

В это время Карлы-юзбаши услышал, что Мухаммед-шах отправил будто бы против гёкленов бесчисленное, хорошо вооруженное войско под начальством Хусейн-хана-сердара, а сам выступил будто бы вслед за ним в Хорасан. Карлы-юзбаши, услышав эту грозную весть, устрашился и отправил к его величеству человека с просьбой о помощи. Когда эта весть, сообщенная упомянутым юзбаши, дошла до его величества, он отправил в Карры-кала на помощь Карлы-юзбаши отважного Ибрахима-юзбаши и Вейс Нияз-даругу, из узбекской знати, Бек Пулата-юзбаши, Мухаммед Мурада-юзбаши, Халь Мурада-юзбаши, Мухаммеда-юзбаши и Юсуфа-ата-лыка, из числа своих военачальников, с подчиненными им нукерами и из *190а*

[1] В предыдущей главе шло описание празднества, устроенного ханом.

туркменской знати — имрели Ата Нияз-хана и Ади-векпля со всеми войсками имрели. Назначенные, по высочайшему приказу, в короткий срок собрали своих нукеров и выступили в путь. В начале месяца саратана они прибыли в Карры-кала к Карлы-юзбаши и, после непродолжительного отдыха, выступили, под начальством Карлы-юзбаши, на священную войну. Они прошли горные проходы и вышли к Буджнурду и, напав всей массой, захватили две горные крепости, полонили население их и завладели имуществом. После этого они двинулись в обратный путь и, достигнув горного прохода, увидели, что бесчисленные войска кызылбашей заняли проход и во всеоружии приготовились к борьбе с войском ислама. Когда мусульмане увидели, что путь им преграждён и пробиться им нет никакой возможности, они бросили пленных и добычу и, конные и пешие, мужественно напали на неверных, которые находились в горном проходе. Они так схватились с кызылбашами, что кровь полила ручьями... Своим натиском они опрокинули войско кызыл-
190б башей, далеко отогнали его от горного прохода и с трудом пробились через проход. Но здесь пало много коней, и (отряд), благополучно выйдя отсюда, медленно тронулся дальше и достиг Карры-кала. После этого, опасаясь набега кызылбашей, племя гёкленов с чадами и домочадцами выселили из Кары-кала, вывели в предгорье и переселили из области Ахала в Кызыл-рабат. Карлы-юзбаши остался среди этого племени, а военачальников, прибывших к нему на помощь, как об этом было уже упомянуто, отправил с войском в Хорезм.

Пятый поход его величества в Иран с целью священной войны... Переселение племени гёкленов с берегов Гюргена в Хорезм

В 1252 г. х. (1836 г.) Мухаммед-шах выступил из Тегерана и прибыл в Астрабадскую область к Керихасли, где расположил лагерем свои войска. Отсюда он направил против гёкленов, которые обитали в горах в местности, называемой Кары-кала, и спокойно жили под сенью защиты его величества, в полном повиновении ему, Хусейн-хана-сердара с отрядом войск. Племя гёклепов, в виду своей малочисленности, было встрево-
192а жено, ушло из Кары-кала и из предгорной области Ахала переселилось в Кызыл-рабат, как об этом было упомянуто выше. Когда упомянутый сердар подошел с отрядом к Карры-кала, то никого не нашел там и, повернув обратно, напал на группу пастухов из племени йомутов, живших на берегу Атрека. Пастухи эти отошли далеко от своего племени в поисках хорошего пастбища для скота. Когда весть об этом достигла его величества, он страшно разгневался и принял решение организовать поход в Иран и наказать злобных неверных... Назначив во главе войск Ата Мурада-кушбеги, а из военачальников Кутб-эд-дина-ходжу, шейх-уль-ислама, который возглавлял войска карадашлы, Худаяр-бия, начальника войска гёкленов, Мухаммед Нияза-ясаулбаши, начальника йомутского войска, и Беки-юзбаши, предводителя отряда имрели, с подчиненными им нукерами, он

составил из них войско и послал вперед в качестве авангарда. После того как собрались войска и было приготовлено снаряжение из Хивы, в том же году, в субботу 2 рамазана (11 декабря 1836 г.) выступил его величество (хан). *193а*

[Следует описание маршрута. В селении Джаныk-шейх, в одном фарсахе от города, хан распрощался со своим наместником Рахман-кули-инаком и к вечеру прибыл в свою шахабадскую усадьбу, а на следующий день, в воскресенье, остановился в своей ташаузской усадьбе, где провел пять дней. В пятницу хан прибыл в свою усадьбу в Ильялы (194а), где пробыл четыре дня, а во вторник переехал в чарбаг в Кокче. Проведя здесь три ночи, в пятницу хан прибыл в Кара-тепе, а в субботу, выйдя в полосу песчаных холмов, остановился в Сакар-чеге, где оставался два вечера (194б). В понедельник хан прибыл к развалинам Шахсенем, во вторник сделал остановку за мензилем Хатиб-каны, а в среду прибыл в Эшек-ангырган, где заночевал. В четверг следовала остановка на мензиле Екедже (195а), в пятницу у колодца Нефес-кули и в субботу 23 рамазана у колодца Орта-кудук. Отсюда на следующий день, в воскресенье, хан послал грамоты старейшинам туркмен на Балханах и Гюргене. В понедельник хан отправился дальше, миновал пункт, где отделяется дорога на Гюрген и после остановки прибыл во вторник к колодцу Балаи-шем, откуда послал приглашение сердарам и пукерам ахал-теке. В среду хан прибыл к Кюртиш-ата, а в четверг сделали остановку, пройдя один фарсах от Кызыл-катыг. Затем, миновав Саисыз, хан прибыл в субботу на стоянку Узун-шор (196б). На следующий день, в воскресенье, I шавваля, остановились у колодца Тимур-джан, где провели семь дней в отдыхе. Сюда явились к хану кушбеги и начальники авангарда, отправленного ранее вперед. Через неделю, в воскресенье, перешли в пески Ала-кум, где оставались и понедельник (197а). Отсюда был отправлен на Гюрген Курбан Нияз-ясаулбаши, которому было вверено начальствование над войском чоудоров, с отрядом чоудоров и некоторыми нукерами-узбеками, с тем, чтобы привести оттуда племя гёкленов, обитавших на берегу Гюргена. Во вторник хан перешел на другое место, а в среду достиг Ходжа-каласы у подножия гор на краю степи (197б).]

Проведя здесь ночь в отдыхе, наутро, в четверг, его величество выступил отсюда со всеми войсками и достиг вершины высочайшей горы (стихи). Затем, перейдя через горный проход Муса, он остановился в урочище Кум-кара. Наутро, в пятницу, он направил отсюда в аул гёкленов на помощь Курбан Ниязу-ясаулбаши, Тёре Мурада-аталыка, Алла Берды-аталыка, Сейид Назар-бия, Баба-инака и Мухаммед Нияза-ясаулбаши с большим количеством войска, во главе с высоким эмиром Ата Мурадом-кушбеги. Назначенный отряд молниеносно отправился в путь, по высочайшему приказу, к месту назначения. В тот же день один из храбрецов-гёкленов Балыш-сердар привез из окрестностей Буджнурда две головы кызылбашей, за что был осчастливлен царской милостью. На следующее утро, в субботу, его величество выступил из Кум-кара в горную долину Сарканлы, а в вос- *198а*

кресенье остановился в горной долине Калаваз: в понедельник же он тронулся отсюда дальше и остановился у колодца Али-кудук. Наутро он выступил от этого колодца и вышел к северному берегу р. Сумбар. В тот же день до слуха его величества дошло известие о том, что сорок тысяч кибиток племени гёкленов Курбан Нияза-ясаулбаши выселились и со скотом имуществом и утварью направляются к ставке. В среду они прибыли на эту стоянку и оставались здесь и четверг. В этот день Мухаммед Юсуф-мехтер, по высочайшему приказу, построил мост через упомянутую реку для переправы войск, и в этот же день к его величеству явились с подарками знатнейшие лица племени, переселившегося с берегов Гюргена во главе с Хайдер-ханом, Мамыш-ханом и Клыч-ханом. Вечером этого дня после намаза «хуфтан» в Хорезм к Рахман-кули-инаку и сановникам с вестью
199а об этом был отправлен йомут Кутлуг Мурад-сердар с Гаусом, сыном йолотанского бехадыра. После этого его величество хан переправился с войском на южный берег реки, а на следующий день принял здесь старшин гёкленов, одарил их халатами и подарками, даровал им несколько караванов верблюдов для перевозки клади и отпустил в их кочевье. Воскресенье он (хан) провел здесь же в отдыхе, а в понедельник снял отсюда ставку и, выступив с войском, остановился на северном берегу р. Чандыр. Во вторник (хан) отдыхал здесь, а в среду, по высочайшему приказу, мехтер построил через реку в трех местах крепкие мосты, после чего его величество занялся на обоих берегах охотой (стихи). Четверг (хан) провел здесь же, занимаясь
199б охотой. В этот же день в лагерь прибыл предводитель кочевья гёклен. Пятницу и субботу хан оставался здесь же. В эти дни военачальники и войска, назначенные к гёкленам, доложили его величеству о выполнении порученных им обязанностей. В воскресенье его величество приказал здесь подвергнуть наказанию одного из гёкленов, занимавшегося разбоем и воровством.
200а Артиллеристы заложили его в жерло пушки, подобно ядру, и расстреляли. В тот же день к его величеству явились все пукеры рода тевечи йомутского племени, обитавшего на берегу Гюргена, во главе с Махтум кули-ханом и кази Туганом, с подобающими подарками. Его величество высоко оценил их преданность и отпустил. Во вторник (хан) выступил с этой стоянки и остановился лагерем в Бек-тепе, где провел четыре дня.

201б

Возвращение его величества в Хорезм

Как только его величество переселил гёкленский народ с берегов Гюргена и завершил свои дела в Хорасане, он решил отправиться в обратный путь. Но в силу того, что на дорогах появилась грязь и в связи с переселением гёкленов его величество задержался четыре дня в Кара-тепе, а на пятый день медленно, в виду трудности дорог и грязи, тронулся в путь и в тот же день остановился в Мир-сарае... В воскресенье (хан) выступил из Мир-сарая и остановился лагерем в урочище Ходжа Джанбаз. Здесь через р. Сумбар был построен мост, вслед за чем (хан) выступил отсюда

и остановился в голове Терс-акара, а в среду, оставаясь здесь, его величество отправил в кочевье гökленов верблюдов для тех из них, у кого не было вьючных животных. В пятницу после остановки у горы отправились дальше и остановились в урочище Тургай-Гуммыки, откуда выступили на следующий день, в субботу, и расположились лагерем в Ходжа-каласы. На следующий день, в понедельник, его величество выступил отсюда со ставкой и войском и достиг узкого и трудно проходимого ущелья Кара-кабак. Пройдя это ущелье, остановились в Кераи. Во вторник встали лагерем у гробницы Коч-ата, где провели среду и четверг... В пятницу отсюда был послан для сбора закята к теке колена отамыш, обитающим в области Ахала, Ата Мурад-кушбеги, а к племени тохтамыш был отправлен Бек Ниязди-ванбеги, также для сбора закята со скота, принадлежащего этому племени, в согласии с законом.

В субботу его величество выступил с этой стоянки и остановился «у воды» возле Бами. Наутро, в воскресенье, его величество отправил отсюда Вейсбая и Ахмед-бека вместе с кочевьем племени гökленов по Орта-кудукской дороге в Хорезм, а один род этого племени оставил при себе, о чем будет сказано ниже... На следующий день, в понедельник, из Бами двинулись к Беурме, а во вторник из Беурме в Арчман... В пятницу выступили отсюда и прибыли в Ак-тепе, а через два дня, наутро, в понедельник, вышли из Ак-тепе и остановились возле крепости Мехине... Башни и стены этой крепости превратились в развалины, от крепостного рва не осталось следа. Мухаммед Юсуф-мехтер получил приказание восстановить разрушенные стены и выкопать вокруг крепости ров... Когда крепость была восстановлена, его величество милостиво предоставил управлению ею Карлы-юзбаши и поселил в ней, не отправляя в Хорезм, род кайы (قايى) гökленского племени, во главе с Яхши Мергеном. Затем он назначил в эту крепость Рашид Мухаммед Салих-ишана на должность казия и реиса, с тем чтобы он воспитывал окрестных жителей в правилах веры и шариата. 203а 203б

[Следует описание дальнейшего маршрута в Хиву. В субботу хан остановился у гробницы имама Несали, в воскресенье у крепости Анау, во вторник в Чал-ойюкы, в среду к вечеру прибыл в Султан-таш (204а). В четверг хан сделал остановку у Хасан-Чала, в пятницу остановился возле Баверд-тепеси, а в субботу прибыл в Себедли, где им был устроен пир для военачальников и войска. В понедельник, в день бухарского ноуруза, в начале года курицы, двинулись дальше и через Интизар-тепеси прибыли во вторник в Харджехаз. Здесь к хану явился перешедший на хивинскую службу из Бухары эрсари Тенгри-берды-эшик-агабаши. Он оставил при хане своего сына Кули-бека, а сам направился в Мервскую область. В среду хан прибыл к песчаному холму Чеге. Миновав далее неизвестный мензиль и еще одно место в полфарсахе от Орта-кая, снова остановились в одном месте, а в пятницу, ночным переходом, прибыли в Минарлы. Далее путь следовал через колодец Чирле, Хисарлы, Баба-хан-ойукы, Кенг-кедюк,

Екс-сузан, Йол-айрыты, колодец Сагаджа, Кесекли (206а), Дарваза-кыры. 22 числа хан прибыл в Хиву].

206а Да будет известно, что его величество, переселив племя гёкленов с берегов Гюргена, привел в Хорезм, наделил землями в Куня Ургенчской области и поселил там. Ныне (гёклены) под покровительством его величества, довольные, живут в этой области.

Поход Мухаммед Юсуфа-мехтера, с разрешения его величества, против неверных и прибытие с многочисленным войском в Мервскую область

209б Его величество удовлетворил ходатайство Мухаммед Юсуфа-мехтера и разрешил ему отправиться на священную войну. Из своих славных военачальников он придал ему Худаяр-бия — предводителя войска племени гёкленов, начальника йомутского войска Мухаммед Нияза-ясаулбаши, предводителя войск имрели Беки-юзбаши, а также Вейс Нияз-бая и нескольких узбекских военачальников и сотников с подчиненными им войсками. Кроме того, им было выделено несколько пушек, назначены артиллеристы
210а и выдано необходимое военное снаряжение... Когда все было готово к походу, в этом, т. е. 1253 г. х., в год курицы, в субботу 17 зуль-ка'да (12 февраля 1838 г.) (мехтер) в сопровождении назначенных военачальников и войска выехал по направлению к своей цели.

210б В пятницу 13 зуль-хиджа (9 марта 1838 г.) прибыли в Мервскую область и остановились лагерем в Бенд-и-Джан Али. Здесь для военачальников
212а и войска было устроено роскошное угощение... На этой стоянке пробыли десять дней в силу того, что его величество отправил к нукерам—тедженским теке ярлык и приказание им в десятидневный срок явиться в распоряжение мехтера и принять участие в войне с каджарами. Спустя десять дней отсюда выступили для войны с неверными по направлению к Герату вместе с присоединившимися тут знатными лицами Мервской области — Абд-ур-Рахманом-халифе, Рахман Берды-парваначи и Махмудом
212б токсабой со всеми их нукерами и со всем войском. Пройдя несколько фарсахов, (отряд) остановился лагерем возле гробницы шейха Ахмеда Талкани... [Следует рассказ об отправлении отряда во главе с Мухаммед Низом-ясаулбаши и Вейс Нияз-баем в Сари-чешме, где сосредоточились войска Аллаяр-хана Асафа, дяди Мухаммед-шаха, каджара, и правителя Меймене Мизраб-хана. Стычка закончилась победой хивинцев, вслед за чем отряд вернулся к месту стоянки лагеря. Тут появились какие-то болезни, занемог сам мехрем, в силу чего он принужден был оставаться в лагере в течение месяца].

О некоторых событиях во время этой стоянки, в том числе об отправлении из Хорезма кази Мухаммед Садыка-ишана и Кутб-эд-дина-ходжи, шейх-уль-ислама, и о прибытии их в Мервскую область к Мухаммед Юсуфу-мехтеру.

214а После настоятельных просьб получив разрешение от хана, кази Мухам-

мед Садык-ишан, вместе с Кутб-эд-дином, шейх-уль-исламом, и Сейид Назар-бием, выступил в год собаки, 1254 г. х., в начале мухаррема (27 марта 1838 г.) из Хивы и, пройдя двадцатидневный путь, прибыл в распоряжение мехтера. 214б

Отправление в набег ахальских и тедженских теке для нападения на отряды фуражиров из войска каджаров. Чтобы затруднить подвозку зерна и проходы к лагерю неверных и привести в замешательство войско кызылбашей, мехтер решил отправить в набег на караванные дороги, по которым подвозилась провизия, фураж и снаряжение к войску Мухаммед-шаха, каджара, начальника войска тедженских теке Мухаммед Эмина-юзбаши и военачальника войска ахальских теке Нияз Мухаммеда-юзбаши с отрядом в триста всадников. Упомянутые военачальники, согласно приказу, выступили кавалерийским маршем в путь и, пройдя десятидневный путь, заняли караванную дорогу. Оказалось, что по этой дороге следовал караван, везший провиант войску неверных. Бойцы бросились из засады и напали на караван. После схватки они захватили в плен около ста человек, забрали все имущество и благополучно вернулись обратно. 215а

Нападение храбрецов имрели на войско Аллаяр-хана Асафа. Когда Мухаммед-шах, стоявший в окрестностях Герата, услышал о нападении (хивинского) отряда на караван, он из предосторожности отправил на защиту Мешхедской крепости Аллаяр-хана Асафа с большим войском; прослышав об этом, (мехтер) отправил навстречу Асафу пятьсот славных храбрецов из племени имрели с тем, чтобы они вышли на путь этого главноначальствующего неверных и преградили ему дорогу. Назначенные богатыри, получив разрешение, пройдя несколько дней вперед, встретились с разъездом (караул) Асафова отряда в составе сорока двух нечестивых кызылбашей. (Туркмены) окружили кольцом разъезд помраченного каджара, забрали его целиком в плен и со всем снаряжением и оружием пригнали всех, конных и пеших, к мехтеру, чем доставили большое удовлетворение войску ислама. 215б 216а

Отправление Мухаммед Юсуфа-мехтера со всеми войсками из Мервской области по направлению к Герату. В силу своей болезни (мехтер) месяц пробыл в упомянутом лагере у гробницы Ахмеда Талкани. Оправившись через месяц от болезни, мехтер выступил отсюда в начале месяца сафара, отправив перед собой, в качестве авангарда, своего младшего брата Нияз Мухаммед-бая, Мухаммед Нияза-ясаулбаши, Бека-юзбаши и Мухаммед Эмин-бека с войсками йомутов, имрели, салыров и сарыков. Сам же (мехтер) выступил с артиллерией и войсками через восемь дней после отправления упомянутых военачальников, и, пройдя длительный путь, остановился возле крепости Йолотан. Через час вышли отсюда и прибыли к крепости Сеяд. Отсюда выступили в дальнейший путь и через Казыклы-бенд, Сундук-качкан, Аймак-джерп, Уруш-тушкан, Йылгынли прибыли в Пенде. Сюда прибыли для встречи мехтера ханы чар-аймаков — Шир Мухаммед-хан, Замап-хан, Керимдад-хан и сын правителя Герата Шах 216б 217а

Камрана Нади-хан. Выступив из Пенде, прибыли в Кара-ягач, где и остановились.

Набег Кутб-эд-дина-ходжи, шейх-уль-ислама, Нияз Мухаммед-бая, Худаяр-бия и Сейид Назар-бия вкупе с ханами аймаков и хезаре Шир Мухаммед-
218а **ханом и Заман-ханом на лагерь Мухаммед-шаха, каджара.** По прибытии в Кара-ягач, (мехтер) отправил на помощь войску и для успокоения населения Герата ханов аймаков и хезаре Шир Мухаммед-хана и Заман-хана, а из военачальников назначил Кутб-эд-дина-ходжу, шейх-уль-ислама, Нияз Мухаммед-бая и Сейид Назар-бия в чапаул и татаул
218б против войска неверных. Назначенные военачальники приготовились к походу в чапаул и во всеоружии храбро выступили на поле битвы против неверных. Пройдя большой путь, они достигли лагеря Мухаммед-шаха, каджара, напали на него и, забрав пленных и добычу, отправились в обрат-
219а ный путь, после чего явились к мехтеру. Когда бойцы благополучно возвратились в свой лагерь, мехтер выступил из Кара-ягача и остановился лагерем у крепости Меручак (Маргучак). Выехав отсюда далее, он остановился затем в Караул-ханэ. Сюда поступило письмо от правителя Герата Шах Камрана, в котором он выражал благодарность за присылку на помощь
219б ему войска. Отсюда же мехтер послал в чапаул на караванные дороги, по которым поступало зерно в лагерь, кызылбашей с той целью, чтобы привести в замешательство войска неверных...

О некоторых событиях во время этой стоянки, в том числе о прибытии некоторых военачальников с войском в распоряжение мехтера и о возвращении некоторых в Хорезм. В это время (хан) дополнительно послал мехтеру Адина-бия-аталыка, Эр Назар-инака, Ибрахима-шигаула, Вейс Нияза-даругу, мангытского бия Назар-даругу, Курбан Нияза-ясаулбаши и еще нескольких военачальников
220а и юзбаши с подчиненными им войсками с тем, чтобы заменить уставшие в походе части. Через несколько дней назначенные войска прибыли к мехтеру, а последний вслед за этим вернул уставших во главе с Худаяр-бием, Сейид Назар-бием и Мухаммед Низом-ясаулбаши в Хорезм, куда они благополучно прибыли. Отправив упомянутые войска в Хорезм, (мехтер) с оставшимися узбекскими войсками отправился в чапаул на дороги, послав
220б впереди себя отдельными отрядами, каждое племя в отдельности, состоявших у него на службе туркмен-чоудоров, салыров, сарыков и чаршанги, хезарейцев и аймаков на дороги между Мешхедом и Гератом с тем, чтобы они разграбили кызылбашских сборщиков провианта и фуража. Те вышли по всем дорогам, забрали и привели все караваны и захватили имущество. Каждый отряд, высланный для грабежа по дорогам, благополучно возвратился в лагерь с большим количеством пленных и с большой добычей. Таким образом здесь простояли около пяти месяцев, разоряя окрестные дороги и нанося постоянный ущерб кызылбашам.

[Далее следует глава о возвращении мехтера с его отрядом в Хиву, куда он прибыл в пятницу 5 рамазана.]

Сооружение русскими крепости в местности Чочка-кёль. Чапаул на эту крепость Ата Мурада-кушбеги с некоторыми военачальниками, нанесение поражения русским и возвращение

Причина этого состояла в следующем: уже несколько лет тому назад 226б
хорезмские храбрецы подобно ветру и молнии, ночью и днем, тайно нападали на русские владения и забирали и уводили оттуда множество пленных и добычи. Русские думали, но ничего не могли предпринять против этого. За год до этого они захватили хорезмский караван в тысячу человек, направлявшийся в Россию с тем, чтобы обменять захваченных на русских пленников в Хорезме. В этом году множество русских вышло из своих владений. Они построили укрепление у Чочка-кёля и поселились там с тем, чтобы защитить себя от хорезмских набегов. Услышав об этом, (хан) послал во главе с Ата Мурадом-кушбеги Эвез-ходжу, шейх-уль-ислама, Худаяр-бия, Сейид 227а
Назар-бия, Мухаммед Нияза-ясаулбаши, Беки-юзбаши, Карлы-юзбаши, Махмуд Мурада-мехрема, Яхши Мурада-юзбаши, Мухаммед Сафы-юзбаши, Шах Мурада-юзбаши, Тёре-юзбаши, Кутлуг Мурада-юзбаши и из военачальников шамхалчи (фальконетчиков) Чапу-юзбаши и Абд-ур-Рахмана-юзбаши, из аральских каракалпаков всех биев и юзбаши во главе с Девлет Назар-бием, из аральских конгратов Кутлуг Мурад-бия, Пехлеван Нияз-бия, из племени ходжа Эвез-бия с подчиненными им войсками. Назначенный отряд, все узбеки, каракалпаки и туркмены, общей численностью свыше семи тысяч человек, выступили из Хивы в год свиньи, 1255 г. х., в субботу 3 рамазана (понедельник 10 ноября 1839 г.). Через шесть дней (кушбеги) прибыл к Куня Ургенч, где пробыл пять дней, продолжая сбор войска. Отсюда он направился в Кызыл-гунбез, затем проследовал через 227б
кыр Ай-бугир по казахской дороге, откуда через Кара-муль вышел к Атйолы, где простоял четыре дня. На пятый день вышли отсюда и прибыли в Мулла Турум и затем в Кара-гунбез, где снова стояли пять дней в ожидании отставших в пути. Выступив отсюда, остановились в Тайлы, а затем через двенадцать дней достигли местности Яман-минг-йылкы. На этой стоянке умер Мухаммед Нияз-ясаулбаши. Здесь же оставили верблюдов с кладью и кавалерийским маршем направились в Кочкар-ата, а затем, следуя песками, прибыли в Чэган, где и остановились. Отсюда выступили и напали на построенную русскими крепость, которая известна под названием Таш-кала, и окружили ее. Услышав о приближении к крепости обоза, (хивинцы) выехали навстречу ему и после стычки возвратились 9 зульхиджа в Хиву. Поход этот продолжался 96 дней.[1]

---

[1] Официальные данные об укреплении в урочище Чочка-кёль (Чушка-куль) на р. Ак-булаке (основано летом 1839 г.) см. в Описании зимнего похода в Хиву в 1839/40 г. СПб., 1874, стр. 74—76. Здесь же описывается нападение хивинского отряда, численность которого определяется русскими источниками в 2—3 тыс. чел. (стр. 121—124).

Отправление Абдуллы-ясаулбаши с войсками чоудоров в набег на русских и возвращение обратно

230б В том же году 17 мухаррема (2 апреля 1840 г.) (хан) решил направить против русских, обитавших в Таш-кала, чтобы нанести им ущерб, Абдуллу-ясаулбаши с отрядом чоудоров. Назначенные выступили в путь и через несколько дней, перевалив высокие горы, достигнув местности Чочка-коль, где находилась крепость Тэш-кала с русскими войсками, увидели, что крепость пуста и разрушена. Не зная ничего о местонахождении русских, (хивинцы) послали человека, но он, объехав пространство двух-трех мензилей, *231а* не нашел следов русского войска и никаких сведений о нем.[1] После того как ясаулбаши убедился в этом своими глазами, он отправился в обратный путь и через несколько дней 24 раби I, в воскресенье, прибыл в Хиву. Поход этот продолжался 67 дней.

Распря между его величеством и правителем Бухары эмиром Насруллой, известным под именем Бехадыр-хана, нарушение согласия и мира между ними и появление вражды

240а Государство его величества с каждым днем все более сияло блеском и освещало страны мира, твердость его росла из года в год и охватила окружающий мир. У некоторых это вызвало зависть, в том числе у правителя Бухары, сына мир Хайдер-падишаха, Бехадыр-хана, который был тверд в дружбе с его величеством, но по обстоятельствам времени, до известной поры, он, пользуясь благодеяниями, благополучно сидел на троне и пользовался довольством, в силу чего население двух областей (т. е. Хивы и Бу-*240б* хары) жило в мире и спокойствии. Впоследствии же, по своей злобности, он начал обнаруживать дурные и мерзкие поступки, что послужило причиной распри. Некоторые из этих его поступков вызвали необходимость протестов и обращений...

241а Им овладела гордыня и высокомерие, и он отправил теке, салырам и сарыкам, обитающим в Мервской области, письмо следующего содержания: «Мервская область является издавна нашей областью (юртом), а предки ваши были нашими слугами и благожелателями. До сего времени, по обстоятельствам времени, мы не могли входить в ваше положение. Слава аллаху, ныне мы окрепли и силы наши в сравнении с прежним увеличились. Мы стремимся к тому, чтобы избавить Мервскую область от зависимости Хорезму, распространить на вас сень нашей милости и благосклонности, избавить вас от всех случайностей времени и вернуть вам спокойствие. Теперь вам надлежит отрубить головы вашим правителям, которые управляют вами, сиречь Нияз Мухаммед-баю и Мухаммед Эмин-беку, и доставить их (головы) нам; этим вы заслужите нашу царственную помощь».

---

[1] По окончании похода 1839/40 г. укрепление было оставлено.

Когда письмо это попало к салырам Йолотана, Мухаммед Эмин-бек, который был правителем этого племени, узнал об этой тайне, обеспокоился, бежал из Йолотана к правителю Мерва Нияз Мухаммед-баю и рассказал ему о случившемся. Нияз-бай произвел розыск, нашел письмо среди салыров, забрал и отправил его величеству. Его величество ознакомился с содержанием письма, страшно разгневался и, решив выступить против Бухары, стал 242а
готовиться к походу.

Да будет известно, что Бехадыр-хан, покорив Кокандскую область, оставил там своего наместника, правителей и войско, а сам возвратился в Бухару. (Через месяц кокандцы восстали, схватили правителей со всеми войсками и убили. Узнав об этом, бухарский эмир выступил снова из Бухары в Коканд.)

Его величество, чтобы помочь кокандскому народу (улусу) и утолить свой гнев, принял решение итти в поход на Бухару и направил в окрестные 242б
области гонцов для сбора войск. В Мервскую область (юрт), подозревая соглашение салырского племени, среди которого было найдено письмо Бехадыр-хана, с последним, ради спокойствия (хан) отправил из своих военачальников Исмаил-бая, сына Мухаммед Юсуфа-мехтера, Эвез-ходжу, шейх-уль-ислама, и Беки-юзбаши с войском из племени имрели, ата, шейх и карадашлы с тем, чтобы они привели заложников от этого племени (салыров).

Поход его величества на Чарджуй... покорение всех городов и крепостей по прибрежью Аму[1]

Когда войско и снаряжение были готовы к походу, его величество... в год барса, 1258 г. х., в пятницу 9 ша'бана (15 сентября 1842г.) выступил 243а
из Хивы по направлению к своей цели (стихи).

[Пройдя Янги-ярык, Асс, Хазарасп, Питняк, хан прибыл в Сары-хаджи. 13 ша'бана хан выступил из Сары-хаджи и на пятнадцатый день прибыл 244а
в Кабаклы, где остановился лагерем. Сюда стали стекаться, отряд за отрядом, войска из окрестных племен.]

В среду, в последний день ша'бана, его величество отправил отсюда на Чарджуй по степной дороге (кыр-йолы) Рахим-кули Мухаммед-бехадыр-хана, Ата Мурада-кушбеги, Худаяр-бия, Сейид Назар-бия, Абдуллу-ясаулбаши, Рахматуллу-ясаулбаши и Яхши Мурада-юзбаши с войсками из йомутов, чоудоров, гёкленов и тазе-конгратов с некоторыми храбрецами из узбеков. (Рахим-кули), по высочайшему приказу, выступил с упомянутыми военачальниками и войском, прошел день и ночь, а на следующий день, в пятницу, появился у крепости Чарджуя и, начав осаду, приказал 244б
разграбить и опустошить окрестное население. Обитатели крепости Чал-тут,

---

[1] О походе Алла-кули на Чарджуй см. Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 321.

что за Чарджуем, оказали сопротивлеие, начав стрелять из ружей, не выходя из крепости. В конце концов крепость была взята силой. Обитатели ее были подвергнуты избиению, имущество их разграблено, а женщины и дети взяты в плен. В конечном счете до отбытия его величества (из лагеря в Кабаклы) все вокруг в здешних окрестностях было разгромлено и разорено и была начата осада Чарджуя...

Из лагеря (хан) выступил в среду и прибыл в Таш-ахур, откуда вечером выслал в набег на крепости Ильджик, Ходжа Кенфеси, Усти и Хорадж, по ту сторону реки, Мухаммед Мурада-мехрема и военачальника племени мешриков Курбан Нияза-ясаулбаши с некоторыми узбекскими джигитами, с тем, чтобы в случае сдачи (крепостей), переселить население этих крепостей и городов, если же начнут сопротивляться и бунтовать, то опустошить и разграбить их. Отряд выступил, по высочайшему приказу, в путь к своей цели, а его величество в четверг в первый день рамазана (четверг 6 октября) выступил из Таш-ахура... [Следует описание дальнейшего маршрута к Бурья-бафу и рассказ о переселении местного населения в Хорезм.]

246б В день прибытия (хана)) в Бурья-баф в распоряжение его величества на службу к нему явились знатные лица теке Ахала и Кызыл-арвата, во главе с Хан Саат-сердаром и Хан Нефес-аталыком, и были осчастливлены его величеством. В понедельник из Мервской области прибыло тысяча батманов муки, которая поступила на кухню его величества. С этой стоянки
247а его величество отправил в набег на население северного берега реки 150 всадников из йомутского племени во главе с Курбан Нияз-пехлеваном. Назначенные, по высочайшему приказу, переправились через реку и, пройдя ночь, на рассвете напали на караул Илик. Около сорока человек они убили здесь, забрали с собой головы убитых, а в субботу перешли реку и вернулись к его величеству, который осыпал их милостями и дал за каждую голову по пяти золотых (тилля) и по одежде из своей казны... В среду его величество выступил с войском из Бурья-бафа и остановился на берегу реки против крепости Чарджуя... На этой стоянке он провел в отдыхе три дня, а на четвертый день, в субботу, из Мервской области сюда прибыли войска, в количестве трех тысяч человек, из племени теке, салыров и сарыков, предводительствуемые Нияз Мухаммед-баем и Мухаммед Эмин-беком...[1]

---

[1] Далее следует описание осады Чарджуя. В это время хан получил известие о том, что казахи осадили и захватили Ургенч и приступили к осаде крепости Ходжа Нияз-бай. После этого хан возвращается в Хиву. Ср. Н. В е с е л о в с к и й. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 321.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ РАХИМ-КУЛИ-ХАНА

Извлечения из «Зубдет-ут-таварих», сочинение Агехи. Рукопись ИВ АН СССР Е 6

Перевод З. АКСАКОВА

Поход Рахим-кули-хана в Иран и в Мервскую область, покорение племени джемшидов и переселение их из Хорасана в Хорезм

392б
393а

Согласно изречению: «ведите священную войну с неверными...», в этом году, т. е. в год коровы, соответствующий 1257 г. х. (1841/42 г.), хан (Аллакули) снарядил отряд для священной войны с иранскими нечестивцами. Заместителем своим и начальником войска хан назначил своего сына.[1] К нему хан из своих эмиров присоединил шейх-уль-ислама Эвез-ходжу, из конгратской знати Ата Мурада-кушбеги, из кыятской знати Худаяр-бия и Сейид Назар-бия, из мангытской знати Бекман-бия; из своих приближенных военачальников хан назначил Абдуллу-ясаулбаши, Рахматуллу-ясаулбаши, Яхши Мурада-юзбаши, Мухаммед Мурада-мехрема и Карлы-юзбаши; из (прочих) военачальников были назначены Мухаммед Эмин-юзбаши (шамхалчи) и Абд-ур-Рахман-юзбаши, а также Мухаммед-жан-ходжа, Девлет Назар-бий, Шах Мурад-юзбаши, Тёре Мурад-юзбаши и другие, вместе с подчиненными им пукерами. Из числа туркмен были назначены некоторые храбрецы из войска йомутов, чоудоров, гёкленов, карадашлы, ата и шейх, а также ряд храбрецов из племени али-эли.

Все перечисленные начальники и войска перед отправлением в путь получили большую сумму денег на снаряжение и скоро были готовы к выступлению. В пятницу шестого дня шавваля, соответствующего двадцатому акраба 1257 г. х. (21 ноября 1841 г.), совершив пятничную молитву, хан вместе с войском выступил из Хивы в путь (стихи) и, продолжая путь в полном блеске великолепия, прибыл в свой собственный ханский рабат, находящийся в селении Янги-арык.[2] Здесь хан с войском пробыл одну ночь, а в субботу утром отправился дальше. Достигнув имения Асс,[3] после небольшого отдыха, они снова отправились в путь. В субботу прибыли в Хазараси (стихи), где в течение трех дней производили некоторые приготовления для дальнейшего пути. В понедельник хан устроил здесь роскошный пир *394а* для местных улемов и знатных лиц. Выступив затем в путь, они остановились у Якка-чыкыра[4] (стихи), где пробыли одну ночь, а на утро, в среду, хан

---

[1] Рахим-кули-хана, управлявшего в это время вилайетом Хазараспа (л. 391). Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 329.

[2] Янги-арык, селение к юго-востоку от г. Хивы. См. Матер. для описания Хивинского похода 1873 г., Ташкент, 1881, стр. 144.

[3] В селении Асс в районе Янги-арык.

[4] На картах Якы-чкыр, канал.

отправил войско и артиллерию к Шейх-арыку.[1] Вскоре хан выехал также вслед за войском и достиг священного места Сары-хаджи, что к югу от Питняка. Здесь хан назначил во главе войска Ата Мурада-кушбеги и некоторых других военачальников и отправил их к войску, после чего он отпра-
394б вился со своими приближенными на охоту (стихи). Насладившись охотой, хан прибыл к войску в Шейх-арык. Ночь он провел здесь в отдыхе. На утро, в четверг, хан отправил упомянутого кушбеги с лагерным имуществом, ополчением и знаменами прямой дорогой в Уч-тепе, а сам, вместе с приближенными, снова выехал на охоту, которая привела его в хорошее настроение (стихи). После охоты он прибыл к месту расположения войска в Уч-тепе, где провел две ночи и опять выехал на охоту, а после возвращения с охоты назначил лагерем для войска Беш-агач. Воскресенье хан провел здесь в отдыхе (стихи). В понедельник войско двинулось дальше, а хан по пути занялся охотой. Вернувшись с охоты, хан расположил свои войска лагерем в Садваре.[2] Здесь пробыли одну ночь и во вторник отправились дальше. По дороге хан охотился. Достигнув зарослей Судука, сделали привал, где также пробыли одну ночь, а в среду снова отправились в путь, хан же со своими приближенными по пути занялся охотой. У зарослей Данишера
395б войска расположились лагерем.[3] В четверг хан со своим войском тронулся в путь, у Сафалы войска сделали привал, а в пятницу опять отправились в путь и остановились в тугае Шишлы-кара-айгыр, а в субботу расположились в зарослях Ак-рабата. В воскресенье отправились снова в путь, достигнув местности Атхура, остановились. Здесь пробыли восемь дней, чтобы дать возможность подтянуться войску. Прибывшие войска прошли колоннами перед взором хана. На восьмой день хан устроил роскошный пир,
396а который по своей пышности не поддастся описанию (стихи). После пира устроили скачки и борьбу (стихи). Насладившись вдоволь лицезрением скачек и борьбы, хан вернулся к прежнему месту стоянки, т. е. в заросли Ак-рабата (стихи).

Здесь (хан) Рахим-кули распростился с (ныне) покойным родителем (Алла-кули) и в понедельник со всем своим войском выступил в путь. Его величество, (ныне) покойный хан, (Алла-кули) по дороге занимаясь охотой, отправился по направлению к столице. (Рахим-кули) в тот же
396б день прибыл в заросли Гёгерджели и на одну ночь расположил здесь войско; во вторник же отправился дальше и около рабата Дая-хатын сделал привал. В среду хан снова выступил в путь, занимаясь в дороге охотой, к вечеру прибыл к тугаю Кабаклы, где и расположился на ночь. На утро, в четверг, хан устроил для вельмож угощение и наградил их (стихи).

В тот же день, после пиршества, имея в виду предстоящий переход через пустыню, войска сделали запас воды, навьючили на верблюдов и отпра-

---

[1] По каналу того же названия в районе Хазараспа. См. А. В. Каульбарс. Низовья Аму-дарьи, Зап. Русск. геогр. общ., т. IX, СПб., 1881, стр. 440.

[2] Селение в 35 км от Питняка.

[3] Далее идет речь о прибытии в лагерь посла эмира Насруллы Бухарского.

вились в «семь песков» Хорезма,[1] а к вечеру достигли местности Кёльхауза и расположились на одном из песчаных холмов. До полуночи они оставались тут, а затем выступили в путь и, совершив ночной переход, рано утром прибыли к местности Тахт,[2] где хан и остановился на ночь.

На утро, в субботу, хан снова отправился в путь и на возвышенном месте сделал привал. Пробыв здесь до полуночи, войска тронулись дальше. Утром в воскресенье войска расположились на одном из высоких песчаных холмов для отдыха. В тот же день после предобеденной молитвы отправились дальше. К вечеру, пройдя колодец Сыртланлы, войска снова остановились на одном из песчаных холмов, а ночью отправились в путь и прибыли в понедельник в песчаное место, где и остановились. В обед тронулись дальше, а к вечеру прибыли в местность Янтаклы.[3] В ту же ночь *397а*
после вечерней молитвы хан наградил своих вельмож богатыми одеяниями. Наутро во вторник, после предутренней молитвы, к хану явился правитель Мервского вилайета Нияз Мухаммед-бай вместе с некоторыми старейшинами рода сарык и преподнес хану богатые подарки. В тот же день хан торжественно выступил в путь и, пройдя мимо колодца Тархан, в удобном месте остановился. Здесь навстречу хану вышли начальник крепости Йолотан Мухаммед Эмин-бек в сопровождении салырской знати. Эти лица преподнесли хану подарки, какие могли. Сюда же прибыл Мухаммед-кули-бек,

---

[1] Кара-кумы. В первой хронике «Фирдаус-уль-Икбаль» Мунис и Агехи называют Кара-кумы просто песками (Кум), здесь же и в «Рияз-уд-довле» Кара-кумы часто именуются именем, заимствованным из персидского литературного языка: «семь песков Хорезма», или «Пески Хорезма». Говоря о названии Кара-кумов, инж. П. М. Лессар добавляет: «хотя далеко не вся местность покрыта песками, а значительная часть ее состоит из кыров, такыров и шоров». П. М. Лессар,. Пески Кара-кум. Сб. Геогр., топогр. и статист. материалов по Азии. Вып. VI, СПб. 1883, стр. 83. Известно, что в Туркмении отдельные части Кара-кумов носят свои особые названия. Обручев (Закаспийск. низм., Записки Географ. общ. по общ. геогр., XX, 1890, № 5. стр. 100) приводит 9 названий.

[2] Следует описание этого места.

[3] Описываемый маршрут из Хивы в Мерв, как отмечал Вамбери (Zentralazien und die Englisch-russische Grenzfrage. Leipzig, 1873, S. 334), наиболее часто избирался при походах из Хивы в Мервский район и сравнительно хорошо обеспечен водой. Этот маршрут вдоль левого берега Аму-дарьи от Хазараспа до Кабаклы и отсюда уже в Кара-кумы довольно подробно описан в хрониках. Описание этого маршрута, очень подробное, мы находим в рассказе о первом походе Алла-Кули-хана в Иран (1826 г.) в другой хронике Агехи «Рияз-уд-довле», причем интересно отметить совпадение отдельных подробностей походов. Войска и при описании похода Алла-кули-хана собираются в Ак-рабате (47а), в Кабаклы устраивается обильное угощение войску. После отправления из Янтаклы навстречу хану выходят сарыкские представители (53б).

По этому же маршруту был совершен второй поход Рахман-кули-тёре в Хорасан (104б) и набег хивинского военачальника Алаш-бия (118а). Нужно отметить, что при всем этом в походах по этому маршруту избирались различные направления в отдельных случаях, при переходах из одного пункта в другой. По этой и по ряду других причин менялось и время, за которое проходили по маршруту. Описание этого маршрута до «сухого» колодца Янтаклы (Яндакли) см. также: Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 67—68.

представитель Мухаммед Али-хана, правителя Келата, и был представлен хану. Он выполнил свое поручение и получил в награду от хана богатую одежду, после чего отправился обратно. День хан пробыл здесь, а ночью отправился в путь и в среду перед обедом прибыл в Кешман, где был до обеда, а затем поспешно отправился дальше. У местности Кавбурахан остановился на отдых, провел здесь ночь, а на утро в четверг отправился снова в путь. По дороге хан остановился в старой Мервской крепости, которая является укреплением Байрам Али-хана, и посетил могилы ходжи Юсуфа хамаданского, султана Санджара Мазы, Ахмеда Замчи и имама
397б Джафара. Живущим у гробниц «меджеурам» хан оказал большую милость (стихи). Затем хан поспешно отправился в путь и, дойдя до берега р. Мерва, сделал привал в местности Калги, где войска пробыли ночь, а на утро в пятницу, под звуки карная и пушечные выстрелы, они выстроились в боевой порядок и двинулись к крепости Нияз Мухаммед-бая (стихи).

Когда войско находилось уже на расстоянии половины фарсаха от крепости, навстречу хану вышел Мухаммед Нияз-бай. Путь, по которому должен был пройти хан, был устлан разного рода богатыми китайскими материями и усыпан драгоценными камнями и разноцветными жемчугами. В такой пышной и великолепной обстановке хан вступил в крепость и устроился в специально отведенном для него помещении. В честь этого
398а события Нияз Мухаммед-баем был дан пир, великолепие которого не поддается описанию. Во время пира хану были подарены красивейшие рабы-мальчики и кони-скакуны. Дальнейшее пребывание хана здесь было уделено веселью. Хан в первый же день своего вступления в крепость (Мухаммед Нияз-бая) послал в Хорезм (в Хиву) к своему, (ныне) покойному, родителю военачальника из племени йомутов Назар-бая для сообщения о своем благополучном вступлении в Мервский вилайет. В этот же день хан послал с письмом одного из своих приближенных Мирза-хана-халифе к правителю Герата — Шах Камрану, который еще издавна питал искреннюю дружбу к хану. На седьмой день своего пребывания в крепости хан послал с письмом Кутуш-мехрема из своей свиты к правителю Меймене — Мизраб-хану. В тот же день хан послал Берды Мухаммед-хана в Кала-и-Нау, к предводителю племени хезаре,[1] Керимдад-хану. Затем хан послал с письмом Берды-бехадыра из йомутского войска к следующим особам: Вели Мухаммед-хану, правителю Таш-кургана, Махмуд-хану, начальнику Серипуля, Шах Вели-хану, правителю Андхоя, Рустем-хану, правителю Шапур-

---

[1] Кала-и Нау (Калеи-Нау) . . . «столица Газаре. Здесь две крепости. Старая и новая, базар и много домов из глины; но большая часть жителей живет в кибитках. Всех Газаре считают до 4 тыс. семейств, или около 20 000 душ. Говорят, что они монгольского племени и в числе тысячи семейств были переселены сюда из Туркестана в конце прошлого (XVIII столетия). Язык у этого . . . племени — персидский . . . Управляются своим ханом, которому платят подати и который считается только вассалом Кабульского эмира». А л и х а н о в . Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 102.

гана и Шуджа-уд-дин-хану, правителю Шахмердана. Дурды-клыча, одного из туркменских военачальников, хан послал с письмом к мир Мухаммед-хану, предводителю племени джемшидов. На одиннадцатый день пребывания хана в крепости к нему явились с подарками знатные лица племен эрсари и чаршанги, живущих в местности Пенджде во главе с кази Мухаммед Ниязом и Адина Нияз-инаком. На утро, в среду, к хану явился представитель Вели Мухаммед-хана, правителя Таш-кургана, Али Мердан-юзбаши. Он вручил хану любезное письмо упомянутого правителя. С такими же письмами прибыли Кули-юзбаши, и Мухаммед-кули-юзбаши, представители Шах Вели-хана, правителя Андхоя. *398б*

На четырнадцатый день, в четверг, хан покинул крепость Нияз Мухаммед-бая и отправился в путь. Достигнув района, где находится могила Талкан-баба,[1] войска остановились. На утро, в пятницу, хан, одарив богатыми одеждами представителей окрестных ханов, отпустил их обратно. После этого войска снова отправились в путь и остановились на перегоне, называемом Кызыл-мест. В субботу тронулись дальше и, дойдя до Джанк Ходжа-кеви, остановились и пробыли здесь две ночи. Затем в понедельник отправились дальше и сделали привал в Хаджа-кеви.[2] Во вторник прибыли к местности Чебли-тепе. В среду, пройдя мимо могилы имама Бекташа, остановились на некотором расстоянии от нее. В четверг снова отправились в путь и сделали остановку в Кушлы-кая. Затем быстро двигаясь вперед (хан и его войска), в пятницу прибыли к местности Уруш-тушкен и остановились. Здесь хан, отказавшись от мысли совершить поход против печенегцев в Иран, решил переселить в Хорезм племя джемшидов, живущих на границе Хорасана.[3]

---

[1] По описанию Алиханова, дорога от Мерва до Меручака на втором переходе «от плотины Коушут-хана до Калы Елатан» . . . «выходит к обширным посевам, которыми начинается оазис сарыков или Елатан . . . и на этом пространстве . . . проходит мимо святыни сарыков — гробницы какого-то Талхатан-баба». А л и х а н о в, Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 95.

[2] По Алиханову, третий переход от Мерва до Меручака «составляет расстояние от калы Е л а т а н до развалин Ч а р ы б а х». Путь лежит через крепость Укюржикли к плотине Бенди-султан и далее по пескам Яджелан к впадине Х а д ж а-к е у с развалинами калы Ч а р ы б а х Х а д ж а-к е у. . . От Чарыбаха до холма Чепли-тепе тянется четвертый переход. А л и х а н о в . Мервский оазис. . , стр. 95. Здесь же дается значение — «кеу» или «кев» — «заливень, впадина, заливаемая во время разливов реки. Там же, стр. 96.

[3] Об этом походе Рахим-кули, кратко сообщает Н. Веселовский, относя его к концу 1839 г.: « . . . кочевавшее в пределах Герата, в числе 12 000 кибиток, племя Ямшидов (или Джемшидов) было до 7600 кибиток уведено в Хиву и поселено между Куня-Ургенчем и Манкытом. Поход этот имел место в конце 1839 г. и происходил под начальством сына Алла-Кулова, Рахим-Кула. . . Н. В е с е л о в с к и й, цит. соч., стр. 307. Ср. Д а н и л е в с к и й, «Описание Хивинского ханства». СПб., стр. 97. Н. В. Ханыков упоминает о нападении хивинцев на джемшидов в 1845—46 г. и приписывает его Алла-кули-хану. См. К. Р и т т е р. «Иран». СПб., 1874, перев. Н. П. Ханыкова, стр. 310. А. Л. К у н. Заметка о Хив. ханстве. Турк. Вед., 1873, № 40.

В Хорасанском вилайете, где живет племя джемшидов, есть область
399а Бадгис, на территории которой расположены Кушк и Кара-тепе. Правитель Герата Шах Камран властвовал над этим племенем и часто притеснял и грабил их (джемшидов); выдавал за кызылбашей их жен и детей и продавал в чужие страны. Не желая больше терпеть обид со стороны этого притеснителя, джемшиды обратились с жалобой к (хивинскому) хану, прося у него покровительства (стихи). Когда зов о помощи этого угнетенного племени дошел до слуха хана (Рахим-кули), в особенности когда последний сам явился сюда и стал свидетелем их тяжелого положения, он сжалился над ними. Поэтому хан решил отменить поход против нечестивцев в Иран и занялся переселением джемшидов. Для этой цели в субботу ночью в упомянутом месте, т. е. в Уруш-тушкене, хан выделил из высоких особ Худаярбия, Нияз Мухаммед-бая, Мухаммед Эмин-бека, Худай-бергена-юзбаши, Нияз Мухаммеда-юзбаши и других. Им было велено отправиться с подчиненными им войсками из племен гёкленов, сарыков, салыров и теке (поколений) отамыш и тохтамыш и силами некоторых других племен, к джемшидам. Эту ночь хан провел здесь (в Уруш-тушкене). На утро, в субботу, из Хивы прибыл Ханык-сердар из йомутской знати, который сообщил хану о здравии (ныне) покойного его родителя и принцев (шахзаде), а также о благополучии его страны. Весь день хан оставался здесь, а на утро, в воскресенье, после предутренней молитвы, послал шейх-уль-ислама Эвез-ходжу и Абдуллу-ясаулбаши с их нукерами на помощь военачальникам, ранее отправ-
399б ленным для переселения джемшидов. Вслед за ними хан тоже выступил в путь и, достигнув перегона Бузун между урочищем Йылгунлы и мостом через р. Мори,[1] остановился и пробыл здесь два дня. Во время этой остановки, во вторник, к хану прибыл Абдуль-Азиз-хан, брат Керимдад-хана, правителя крепости Кала-и-Нау. Он преподнес хану подарки, посланные его братом. В упомянутый же день, после последней вечерней молитвы, до хана дошло известие о покорении отправленным туда войском племени джемшидов. Вслед за этой радостной вестью прибыли знатные люди и вельможи этого племени Абдуль-Джафар-хан, его сын Экрем-хан; затем Ахмед-султан, Инаятулла-бек, Мухаммед Салих-ходжа, кази Исмаил и Исхак-халифе. Хан принял их очень милостиво и подарил им драгоценные одежды (стихи). В среду хан отправился дальше и остановился в Акча-кая. Здесь стояли несколько дней, пока не прибыли переселенцы-джемшиды. Между прочим, хан на второй день своего пребывания здесь послал на помощь ранее отправленным к джемшидам войскам храброго Рахметуллу-ясаулбаши, во главе бойцов из йомутов. Сделано это было для того, чтобы как можно скорее завершить дело с переселением джемшидов. Через четыре дня после

[1] Река Кушк, впадающая в р. Мургаб, известна у теке, говорит Алиханов, под именем Мор. «Через Мор или Кушк перекинут прочный и широкий мост из жженого кирпича, сохранившийся со времен владычества арабов . . .» См. описание восьмого перехода по маршруту Мерв — Маручак от урочища Илгинлы до крепости Пенди. Алиханов, Мервский оазис, стр. 97.

этого, в понедельник, переселенцы-джемшиды жители Кара-тепе, Кошасия,[1] Сер-чешме, Шехри-халил и Чар-дере прибыли в сопровождении войск со всем своим имуществом. Переселенцев поместили в западной части лагеря. Спустя два дня, в четверг, хан отправил переселенцев в путь, назначив для охраны их Мухаммед Эмин-бека во главе войска из салыров. Для охраны переселенцев с тыла хан назначил Мирза-хана-халифе с его нукерами, на правый и на левый фланги также были назначены надежные люди. Через три дня после этого, т. е. после отправления переселенцев, к хану для выражения своей преданности явился Абдулла-бек, предводитель джемшидского улуса, из окрестностей крепости Кушк. Хан оказал Абдулла-беку милостивый прием, одарив его самого и его приближенных конями и другими вещами. Кроме того, ему (Абдулла-беку) пожалован был ярлык на звание беглербеги. Через день после этого события прибыли переселенцы-джемшиды, населявшие район Кушкской крепости. Войско, которому было поручено это дело (переселение джемшидов), выполнило (свое поручение) с честью и вернулось обратно. На утро, в среду, два брата Абдулла-бека, прибывшие вместе с переселенцами, были осчастливлены ханом. В тот же день хан устроил роскошный пир и одарил прибывших из Ахала знатных лиц племени теке, (поколений) отамыш и тохтамыш, после чего гости отправились к себе. В пятницу прибыли еще сто семейств переселенцев из семендукского племени в сопровождении Мурада и Лола-хана. Старшины этих племен были представлены хану. Хан их всех одарил *100а* драгоценными одеждами.

В тот же день хан вместе с войском из упомянутого места (из Акча-кая) отправился дальше. Переправившись через р. Мерв, хан направился в сторону Меручака и у Пенджде велел сделать привал. В субботу двинулись дальше и остановились в Бенд-и-Надир.[2] На утро, в воскресенье, хан вместе с джемшидами, которых было более пятнадцати тысяч семей, снова двинулся в путь, испытывая приятное чувство победы. В честь этого радостного события хан послал своему (ныне) покойному родителю, в Хиву, поздравительное письмо. В понедельник хан назначил, согласно требованиям шариата, своих приближенных дамулла Эш Мурада и Карлы-мехрема для взимания закята с имущества рода чаршанги, живущего в окрестностях Пенджде. Пробыв здесь еще три дня, хан в пятницу, по просьбе своих вельмож, выступил в путь и, переправившись по мосту через р. Мерв, остановился вместе с войском на возвышенном месте. В субботу отправились дальше и сделали привал у Уруш-тушкена. Сюда из Хорезма прибыл Вейс-мехрем, который вручил хану (Рахим-кули) ярлык из Хорезма от (ныне) покойного его родителя. *100б*

[1] У Алиханова «Каша-асия» — урочище на левом берегу речки (притоке р. Кушк), где прежде существовало селение, а потом сохранились только развалины двух мельниц. Алиханов. Мервский оазис..., стр. 106.

[2] Следы этой плотины, по устным сообщениям некоторых лиц, посетивших Пендинский оазис в 1927/29 году, существуют поныне, и название плотины известно современному населению района сарыкам.

На утро, в воскресенье, хан для своих вельмож и военачальников устроил богатый и роскошный пир (стихи), после которого наградил всех участников его золототканными одеждами. Затем, по желанию хана, были устроены скачки и борьба. В награду победителям были розданы груды золота и жемчуга. Оставшись весьма доволен устроенным развлечением, хан отправился затем к Кушку, где и остановился. Направившись на утро далее и достигнув местности Сандук-кочкан, здесь остановились. Во вторник опять двинулись в путь и следующий привал сделали в Чангли-гузаре, а в среду остановились в Чекирдекли-соуме. В четверг хан со своим войском продолжали путь по берегу Мервской реки, занимаясь по дороге охотой, затем, осмотрев по пути (плотину) Бенди-Султан и пройдя мимо крепости Сайяд, остановился в Йолотане. На утро, в пятницу, снова двинулись в путь; по пути хан посетил гробницу Талкан-баба. Живущим у гробницы святого хан дал обильную милостыню и получил их благословения. После этого хан отправился в кре-
401a пость Нияз Мухаммед-бая.[1] Прибытие хана в крепость весьма обрадовало ее обитателей. Через два дня хан послал Вейс-мехрема с письмом к своему (ныне) покойному родителю для извещения о своем благополучном возвращении из Бадгиса в Мервский вилайет. Во вторник прибыл один из приближенных хана, Калкулли-хан, который привез письмо, сообщающее о здравии и благополучии его величества. В среду к хану с богатыми подарками явился, для выражения своей дружбы, Мухаммед Али-хан, правитель Келатской крепости. Через четыре дня после этого хан устроил пир для всех вельмож и улемов, (а также) для салыров, сарыков, йомутов, чоудоров и для всего туркменского населения. В конце пира были устроены скачки и борьба. Каждое племя было награждено ханом достойным образом (стихи). На шестой день, в субботу, после этого великолепного пиршества, от (ныне) покойного хана прибыл Назар-бай, принадлежавший к числу йомутских храбрецов, и вручил хану письмо. В воскресенье хан отправил Байрама Яглы, из йомутов, с письмом к своему (ныне) покойному родителю для сообщения о своем благополучном пребывании. Через два дня, в понедельник, из Хорезма прибыл Вейс-мехрем и вручил хану привезенное им письмо. На четвертый день после этого, в пятницу, к хану прибыли Мухаммед Хаким-хан и Мухаммед Хусейн-бек Тавризи, посланники правителя священного Мешхеда, Алла Яр-хана, носящего титул «Асаф-уд-довле». Они вручили хану грамоту своего правителя Алла Яр-хана, который выражал свое дружественное отношение к хану. В понедельник второго дня месяца сафара прибыл с письмом от (ныне) покойного хана Абидин-мехрем, в среду, на четвертый день упомянутого месяца, хан повелел описать в письме цель приезда представителей «Асаф-уд-довле» (Алла Яр-хана) и через йомута, Назар-бая, послал письмо к хану. В тот же день прибыли Шах Мурад-инак и Адина-бай-аталык, а также некоторые другие военачальники, присланные

[1] Об этой крепости см. П. М. Лессар. Юго-западная Туркмения (Земли сарыков и салоров), СПб. 1885, стр. 46.

из Хивы (ныне) покойным ханом. В среду, на седьмой день после этого собы- 401б
тия, хан дал роскошный пир всем вельможам и знатным лицам. Всем стар-
шинам, во главе с салырскими и сарыкскими предводителями, хан выдал
драгоценные одежды. Все следом идущее войско хан решил оставить
в Мервском вилайете во главе с Шах Мурад-инаком и Адина-баем-аталыком.
В четверг хан повелел отправить письмо с Вейс-мехремом к своему (ныне)
покойному родителю с извещением о своем благополучном выступлении
в обратный путь.

В тот же день хан отправил войско из крепости Нияз Мухаммед-бая
в Хорезм, после чего сам также выступил в путь. Пройдя ниже крепости
Султан-кала, хан остановился у Когон-кала, что к югу от названной кре-
пости. На утро, в пятницу, хан сообщил в письме через йомута Баба о своем
выступлении из Хорезм Вели-хану, правителю Таш-кургана, а также Махмуд-
хану, наместнику Серипуля, хану Шах-Мердана, Шуджа-уд-дин-хану,
правителю Балха Ишан Орагу и наместнику Андхоя Шах Вели-хану.
В тот же день хан и его войско в полном великолепии выступили в путь.
Достигнув местности Меджевур-кёли (озеро Меджевур), остановились.
В субботу снова продолжали путь и сделали остановку на равнине (мейдан)
Кешман. В полночь отправились дальше. К утру, пройдя колодец Тархан,
остановились. В обеденное время пошли далее и к вечеру прибыли
в Янтаклы, где и провели ночь. В понедельник, продолжая путь, сделали
привал на остановке, которая находилась между Янтаклы и колодцем
Сыртланлы. В полночь двинулись в путь, прошли район Сыртланлы
и к утру, выбрав удобное место, остановились. После обеда, двигаясь
дальше, сделали остановку в Оджарлы. Здесь, по приказанию хана,
войска собрали много хвороста и сложили его на холме в одну большую
кучу, чтобы отставшие не сбились с пути. Хан предался отдыху и сну;
на заре же, в среду, выступил в путь. Шли до обеда; затем на одной из оста-
новок сделали кратковременный отдых и после обеда поспешно отправились
дальше. Прибыв к Тахту, остановились. До полуночи пробыли здесь,
а затем, продолжая путь, к утру пришли и остановились в Хауз-и-хане. 402а
Здесь они встретились с остановившимся в тугае Кабаклы на берегу
р. Джейхун (Аму) Бек Нияз-баем, диванбеги, который по приказанию
(ныне) покойного хана прибыл сюда, чтобы узнать о положении переселенцев-
джемшидов. К полудню хан отправился в путь и к вечеру, достигнув берега
реки (Аму-дарьи), остановился также в туга Кабаклы. Здесь хан провел
одну ночь в отдыхе, а на утро, в пятницу, вручив войско Ата Мурад-
кушбеги, отправил его по степной дороге (кыр), а сам, вместе с некото-
рыми из приближенных, сел в лодки и, наслаждаясь чудесами реки, тоже
отправился в путь (стихи).

Благополучно прибыв в столичный город Хиву, хан отправился к могиле 402б
своего деда и склонил свое лицо над его прахом. Этот поход длился пять
месяцев. Через два месяца после окончания похода, по приказанию хана,
из Мерва вернулось в Хиву и остальное войско, которое под командой

Шахмердана-инака и Адина-бай-аталыка, по некоторым соображениям, было оставлено там (стихи).

Второе событие — поход хана (Алла-кули) с войском на Чарджуйскую крепость, осада ее и набеги на ее окрестности. Предание огню крепости Чал-тут и наказание засевших там мятежников

Падишах Бухары — эмир Насрулла, известный под титулом Бехадыр-хана, вследствие своей низости, питал вражду к покойному Алла-кули-хану и своими подстрекательствами старался вызвать его на дурные действия. Это послужило причиной распри и вражды. Наконец, хан (ныне) покойный, считая своим долгом наказать его (эмира бухарского) в четверг, 9 дня месяца ша'бана, что соответствует 21 дню месяца сунбуле, в год барса, соответствующий 1258 г. х. (пятница, 15 сентября 1842 г.), отправился походом
4036 на бухарский (город) Чарджуй.[1] В этом походе его величество хан (Рахим-кули) тоже присоединился к своему отцу вместе с подчиненным ему войском и приближенными. В среду, приходившуюся на последний день месяца ша'бана (четверг, 5 октября), они с многочисленным войском прибыли в местность Таш-ахур и тут остановились. Хан (Рахим-кули), пылая храбростью, обратился к отцу с просьбой, чтобы тот разрешил ему спешно отправиться с вверенным ему войском по прямой дороге на Чарджуй для набега. Хан согласился с просьбой сына. Для осуществления этого дела хан назначил (сыну) из своих приближенных — храброго Ата Мурада-кушбеги, Худаяр-бия, Сейид Назар-бия, Абдуллу-ясаулбаши, Рахметуллу-ясаулбаши и некоторых других военачальников, поставив их во главе войск йомутов, чоудоров, гёклен и тазе-конгратов, а также некоторых храбрецов-добровольцев из узбеков. Хан (Рахим-кули), получив разрешение и благословение отца, в тот же день, т. е. в среду, вместе с упомянутыми военачальниками и войском, выступил в путь (стихи). Двигаясь с величайшей поспешностью, они через сутки, в пятницу, в обеденное время, достигли крепости Чекес. Здесь хан, разделив свое войско на отдельные отряды и группы, приказал разорить и разграбить окрестности (стихи). Отправившись дальше, хан подошел к Чарджую и, окружив крепость, приказав войску готовиться к осаде. Отправленное в набег войско, в тот же день в обеденную пору, группами и колоннами вернулось с богатейшей добычей. Приведенные пленные, по приказанию хана, за свои действия были казнены. Для того, чтобы больше стеснить осажденных, хан поставил Рахметуллу-ясаулбаши во главе йомутского отряда и направил его сторожить ворота на противоположной стороне крепости. Абдуллу-ясаулбаши (хан) назначил во главе чоудорского войска для охраны восточных ворот, а Худаяр-бия вместе с Сейид Назар-бием, во главе гёкленов и тазе-конгратов, для охраны

[1] Сведения об этом походе Алла-кули на Бухару и предшествующем походе 1841 г. приведены у Н. Веселовского, цит. соч., стр. 320.

западных ворот. Сам хан, во главе остального войска, завершал окружение крепости. Приказав мушкетерам и артиллеристам произвести выстрелы из орудий по крепости, он (хан) навел ужас на врага (стихи). Держа мятежников в такой жестокой осаде, хан ежедневно приказывал стрелять по крепости из пушек с разных сторон. Как-то к нему (хану) явились несколько воинов, вернувшихся из набега, и донесли о том, что в крепости Чал-тут, находящейся на расстоянии приблизительно одной остановки к востоку от Чарджуя, засели мятежники, которые убили из ружей двух-трех человек из (хивинского) войска. Когда хан услышал об этом, он пришел в величайший гнев. Оставив ранее назначенные к отдельным воротам Чарджуйской крепости войска на своих местах продолжать осаду, сам хан вместе с войском и артиллерией отправился для наказания мятежников Чал-тута (стихи). Как небесный рок, (хан) с бесчисленным войском налетел на крепость Чал-тут и окружил ее. Засевшие там враги по своему невежеству, *404а*
а может быть и по гневу божьему, не сдались и не просили прощения у его величества хана. Наоборот, они начали укреплять крепость изнутри и снаружи и готовиться к обороне, стреляя одновременно из ружей. Хан весьма разгневанный действиями противника отдал приказание искусным артиллеристам открыть огонь по крепости. Бойцы не замедлили исполнить ханский приказ и засыпали врага ядрами. Тем временем хан отдал другое приказание, — и вот два-три храбрых молодца, во главе с Тёре Футуком, взяв с собой большие охапки хвороста, подкрались к воротам крепости и, подложив хворост под ворота, зажгли, а сами ушли. В одно мгновение вспыхнул пожар небывалых размеров. Начавшись от ворот, пожар быстро стал распространяться по крепости, и скоро пламя охватило всю крепость, со всеми ее постройками и людьми (стихи). Некоторые упрямцы, спасаясь от пламени, бросались со стен крепости вниз. Их тут же хватали, приводили *405а*
к хану и по его приказанию публично рубили. Уцелевших от огня детей и жен мятежников взяли в плен. После этого хан, радуясь своей победе, со всем войском отправился назад. Прибыв опять к крепости Чарджуй, он занялся осадой. В это время на помощь хану подоспел его покойный родитель (Алла-кули-хан) с многочисленным войском, совершившим свой путь по берегу Аму-дарьи.[1] Близок был момент, когда с помощью вновь прибывшего войска крепость должна была пасть. Однако хан, неожиданно, по воле божьей, заболел, вследствие чего, отказавшись от дальнейшей осады крепости он, в сопровождении своего сына, отправился в обратный путь. После длительного пути они прибыли в столичный град — Хиву.[2]

---

[1] Сведения Базинера о результатах похода, основанные на показаниях русского пленного, служившего в войске Алла-кули, расходятся с данными нашей хроники. Базинер пишет, что хивинцами была взята небольшая крепость Ильджик, осада же Чарджуя, под начальством Рахим-кули, длилась безуспешно целый месяц и закончилась безрезультатно после прихода бухарских войск. См. Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений, стр. 321.

[2] Дальше сообщается о смерти Алла-кули Мухаммед-хана, в год барса, 1258 г. х. и восшествии на престол Рахим-кули-хана (л. 405б).

События второго года царствования Рахим-кули-хана

410б **Поход Мухаммед Эмин-инака в Мерв, нашествие эмира Бухары Насруллы на окрестности Хазараспа и осада этой крепости. Отправление инак-бека (Мухаммед Эмин-хана) из Мерва в Хорезм. Волнение сарыков и салыров, их внезапное нападение на войска инак-бека, поражение их и бегство. Набег мятежников на крепость Нияз Мухаммед-бая. Убийство Нияз Мухаммед-бая и многих его людей. Возвращение инак-бека в Хиву. Сбор, по приказанию хана, большого войска и отправление против Бухары. Столкновение у селения Асс, Хазараспской области. Поражение, бегство и гибель большинства войска эмира** *411а* **Насруллы и другие события.** Так как население (улус) Мервского вилайета издавна платило дань и служило хивинскому хану, его величество назначил своего брата, Мухаммед Эмин-инака, для установления там соответствующего порядка и устройства некоторых дел. К нему хан назначил Хавз-ходжу, шейх-уль-ислама, Худаяр-бия, Сейид Назар-бия, Адина-бая-аталыка, Эр Назар-инака, Бекман-бия, Тагай-мираба, Мухаммед Якуб-мехтера, Абдуллу-ясаулбаши, Мухаммед Якуб-бая, сына Кедая, Мухаммед-джан-ходжу и других, вместе с подчиненными им пукерами. Инак был очень доволен этим назначением и в том же году, т. е. в конце года барса, соответствующего 1259 г. х. (конец 1843 г.) в воскресенье, перед вечером, в полном великолепии выступил из Хивы. Достигнув Кара-кёля, в низовьях которого расположились лагерем ранее прибывшие артиллерия и обоз, он два дня провел тут в отдыхе. На этой остановке все предводители теке Ахала привели своих пукеров и удостоились приема. В субботу, продолжая путь, сделали привал в местности Кызыл-джар на берегу р. Теджен, где находились в течение одиннадцати дней. Сюда явились правители из округов Мерва и Йолотана вместе со знатью сарыков и салыров и удостоились приема. Затем прибыли военачальники и старшины крепостей Ахнау и Келата. Прибыла знать теке Серахса, во главе с Ходжам Шукуром и Ораз Яглы и удостоилась приема. Прибыл представитель правителя Андхоя с подарками. За время своего пребывания *411б* здесь инак-бек каждый день устраивал празднества, скачки и борьбу (стихи). На одиннадцатый день, в среду, из этого места отправились по направлению к Мерву. Через семь дней, в понедельник, третьего дня месяца раби I (3 апреля 1843 г.) войска вступили в Мервский вилайет и избрали местом остановки крепость Нияз Мухаммед-бая. Пробыли в этой крепости тридцать три дня, занимаясь устройством дел, в частности я с а к о м этого вилайета. На тридцать третий день, в четверг, шестого дня месяца раби II (6 мая (1843 г.) сюда прибыли двое беглецов из Бухары и сообщили инак-беку о том, что эмир Насрулла с бесчисленным войском, перейдя р. Аму близ Чарджуя, отправился для нападения на Хорезм. Суть данного события такова, что правитель (вали) Бухары, эмир Насрулла, в силу своей враждебности, в течение долгих лет подстрекал против Хивы правителей окрест-

ных вилайетов, особенно старшин Мервского вилайета, неоднократно тайно посылал к ним своих людей, дарил несметное количество золота и одежд и давал различного рода обещания. Под влиянием золота, жители (Мерва) поддавшись к своему несчастью коварным словам, заключили с ним (эмиром) союз и тайно приняли его подданство, чем эмир был весьма доволен. Видя теперь, что большинство войска Хорезма отправилось под командой инак-бека в Мерв, а Хорезм остался без защиты, (эмир Насрулла) счел этот момент благоприятным и, собрав многочисленное войско, отправился на Хорезм. Пуская в ход хитрость и коварство, он как бы для выражения своей дружбы и для извещения о мире послал перед этим своего посла в Хорезм, а вслед за ним сам, с многочисленным войском, перешел через Аму у Чарджуйской переправы и поспешно направился в сторону Хорезма. В четверг шестого дня месяца раби II (6 мая 1843 г.),[1] когда весть об этом событии дошла до находившегося в области Мерва инак-бека, а затем, когда действительность этого факта подтвердилась, инак-бек спешно об этом сообщил через курьера в Хиву своему брату (Рахим-кули-хану). На утро, в пятницу седьмого дня упомянутого месяца раби II, сам (инак-бек), выйдя из крепости Мерва, также отправился в Хорезм. На берегу *412а* Мервской реки (инак-бек) сделал остановку и приказал Хавз-ходже, шейх уль-исламу, Худаяр-бию, Сеинд Назар-бию, Абдулла-ясаулбаши, Бекюзбаши и другим, вместе с их нукерами, отправиться по дороге в Тахт. Проведя здесь три дня за приготовлением припасов, инак-бек в воскресенье направился дальше и остановился в Кешмане. Пробыв здесь четыре дня, в четверг, он снова отправился дальше и прибыл в Кара-тепе. В этот день (инак-бек), для охраны Мервской крепости отправил одного из своих приближенных Ниаз Мухаммед-бая, вместе с Вейс Ниязом-даругой, Азиз-кули-диванбеги, Бехадуром-юзбаши и их нукерами. Пробыв здесь (в Кара-тепе) одну ночь, инак-бек (Мухаммед Эмин) направился в дальнейший путь и, перейдя местность Алихан-буюки через Сукичан, прибыл на остановку в Кара-бурун. В этот день (в воскресенье) инак-бек отправил Адинабай-аталыка, Эр Назар-инака, Бекман-бия, Мухаммед-джан-ходжу и Якуббая вместе с их нукерами к колодцу Чешме, чтобы они, следуя впереди, произвели очистку колодцев. На второй день, в полдень, в упомянутом месте (Кара-буруне), все сарыкские и салырские роды и некоторые улусы теке, — следовавшие по следам инак-бека, напали на его лагерь, но, не будучи в состоянии что-либо сделать, они убили пять-шесть человек водителей верблюдов и пустились в бегство. Инак-бек, по своему великодушию, не обратил на это внимания и не послал за ними в погоню войско для наказания, а сообразно требованиям момента, отправился в Хорезм. Мятежники же, т. е. сарыки, салыры и некоторые роды теке, напав на войско (инак-бека) и не достигнув цели, собрались от мала до велика, с шумом отпра-

[1] Ср. Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, стр. 322—323.

вились к крепости Нияз Мухаммед-бая и ворвались в крепость. Упомянутый бай (Нияз Мухаммед), видя, что мятежники наводнили крепость и оборона уже невозможна, согласился с предопределением божьим и велел войску и приближенным своим не сопротивляться, дабы от мира тленного в мир вечный не явиться убийцами. На каждого из мусульман напало по пятнадцать-двадцать человек мятежников, которые и истребили около двухсот человек во главе с Нияз Мухаммед-баем. Некоторых из оставшихся в живых вместе с Карлы-юзбаши, исполнявшим обязанности правителя племени чершанги в Пенджде, мятежники заковали в цепи и отправили через своих старшин к эмиру Насрулле.[1]

412б [Дальше речь идет о подробностях наступления войска эмира Насруллы на Хорезм, об осаде крепости Хазараспа и других сражениях между войсками Бухары и Хивы. Сообщается, между прочим, что еще до прибытия бухарских войск на территорию Хивы, Рахим-кули-хан отправил

---

[1] В историческом сочинении «Тарих-и-джехан-нума», составленном кокандским историком второй половины XIX в. мулла Аваз Мухаммедом (рукопись ИВ С 439, лл. 791а—795а), также приводится ряд данных, связанных с походом эмира Насруллы на Хиву и убийством Нияз Мухаммед-бая. Авез Мухаммед сообщает, что войска эмира выступили из Бухары 10 числа месяца раби I 1259 г. х. (10 апреля 1843 г.) и, переправившись через Аму-дарью у Чарджуя, прибыли затем к Хазараспу и приступили к его осаде. На выручку гарнизона крепости из Хивы прибыл брат Рахим-кули-хана Бабаджан-инак, который нанес бухарцам поражение и заставил их отступить к Бухаре.

В то время, когда эмир Насрулла вместе с своим беспорядочно отступающим войском остановился по пути к Чарджую в местности (мауза) Ильджик (Ильчек), представители туркмен района Мерва, находившегося в это время во владении Хивы, обратились к нему с просьбой о принятии их в подданство Бухары.

Данный эпизод рассказывается в рукописи следующим образом (лл. 792б—793а):

«Мервом в это время управлял один человек по имени Нияз Мухаммад-бай, являвшийся представителем Рахим-кули-хана (хивинского). Местные туркмены совершили дерзкое и наглое нападение на Мерв и отрубили голову ни в чем неповинному правителю. После этого они поспешно направились к эмиру Насрулле и, явившись к нему в тот момент, когда эмир находился в названной местности (Ильджик), заявили ему о своем подчинении.

Когда эмир Насрулла ознакомился с действительным положением дел, они (туркмены) увидели, что судьба изменчива, и что дело принимает совершенно иной оборот. (Опасаясь), как бы им не пришлось испытать тяжелых последствий за свой поступок и выпить горькую чашу за свое безрассудство, они раскаялись в своих делах и смущенно выразили сожаление по поводу происшедшего, (тем более) что оно не принесло им никакой пользы. В конце концов они замолчали, предавшись на волю судьбы (и эмира). Будучи весьма доволен таким их поведением, Насрулла наградил каждого из них достойной одеждой (сарупа). В правители Мерва он (Насрулла) назначил джизакского хакима по имени Астана-кули, который ранее ездил (от эмира) послом к хану Мухаммед Али (кокандскому). В сопровождении прибывших туркмен (Астана-кули) отправился в Мерв».

Ср. так же И. И. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Ср. Азии. СПб., 1868, стр. 231—232. Так же Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений, стр. 322—323.

отряд из джемшидов и йомутов для разорения и грабежа окрестностей Бухары. По возвращении из набега этот отряд присоединился к остальным хивинским войскам и принял участие в сражении с бухарцами под Хазараспом.

Затем следует описание поражения и бегства бухарцев, которых хивинцы не преследуют. По уходе бухарского войска, хивинский хан в свою очередь составил несколько отдельных отрядов из йомутов, чоудоров, имрели и других и посылал их для совершения набегов на окрестности Бухары. Действия этих отрядов описываются автором ниже.]

Посылка ханом отрядов для набегов на окрестности Бухары. Его величество (Рахим кули-хан), видя, что вражду эмира Насруллы ничто не может пресечь, кроме меча, и что мягкостью достигнуть цели нельзя, собрал войско из своих храбрецов и отправил их в виде отдельных отрядов один за другим для набегов на окрестности Бухары. *1186*

Случай с первым отрядом. В конце месяца джумади I (конец июня 1843 г.) группа храбрецов из племени чоудор, получив разрешение от хана, отправилась по направлению к Бухаре. Пройдя много остановок, они напали на Паркент, подвластный Бухаре, где забрали в плен двадцать человек, отрубили четырем человекам головы и, захватив много добычи, отправились обратно. В середине месяца джумади II (середина июля) отряд прибыл (в столицу) и был осчастливлен (ханом) великолепными одеждами.

Случай со вторым отрядом. После набегов чоудоров группа отборных молодцов из йомутов с разрешения (хана) отправилась в набег на Бухару. Продвигаясь с величайшей поспешностью и совершив набег на одно селение, они (йомуты) со многими пленными и добычей, в конце упомянутого месяца (джумади II) (в конце июля), прибыли (в столицу) и были возвеличены царственной милостью.

История третьего отряда. После набега йомутов большой отряд из племени чоудор снова, получив от хана разрешение, поспешно отправился в путь. Перейдя долину и пустыню, отряд вступил в бухарскую землю, совершил набег на казахские улусы, жившие на крайнем севере Бухарского государства. Разорив их совершенно и забрав в добычу много имущества, в середине месяца раджаба (середина августа 1843 г.) отряд вернулся (в столицу) и удостоился царственной милости.[1]

[Один из эпизодов, связанных с хивинскими походами на Бухару в этот период, передается автором следующим образом:]

---

[1] Остальные отряды, в которых участвуют также йомуты, чоудоры и имрели совершают набеги с таким же успехом и с теми же результатами возвращаются обратно и «удостаиваются ханского внимания и милости». Набегам подвергаются районы между Ильчибек и Кара-кёлем, а также местности около Чарджуя, Чекеса, Варданзи и Чахаркоше. После этих набегов хан организует большой поход на Бухару с многочисленным войском и производит там (в окрестностях Бухары) большие опустошения. Многих бухарцев берут в плен и отправляют в Хорезм.

Решив совершить набег на самый центр Бухарского ханства, хан созвал своих вельмож, чтобы запросить их мнение по этому вопросу. Совещание нашло нежелательным поход на Бухару и уверяло хана в том, что итти на Чарджуй более целесообразно. Не желая итти против этого мнения, хан выступил из местности Атхур по направлению к Чарджую. Занимаясь по пути охотой, хан прибыл в Гёгерджели и тут остановился. В тот же день (в среду) хан назначил Рахметулу-ясаулбаши вместе с войском из йомутов в авангард армии и велел итти впереди на расстоянии одной остановки, так как находиться в авангарде было старинным обычаем этого народа (йомутов). В четверг хан, тронувшись дальше и продолжая путь в течение четырех дней, в воскресенье прибыл к зарослям Исбаз. В понедельник, выстроившись соответствующим образом, двинулись дальше. Достигнув противоположной стороны крепости Усти, остановились на берегу реки. В тот же день (в понедельник) караулы привели одного пленного и принесли отсеченные головы из окрестностей Чарджуя, за что были награждены ханом. Во вторник отправившись дальше, хан велел по дороге взять на реке семь лодок, принадлежащих врагам. Доехав на лодках до Битака, хан разбил на берегу реки лагерь. В тот день сто семей мятежников засели в одном дворе, в окрестностях Чарджуя. Войско йомутов, находившееся
422a в авангарде армии, хотело овладеть ими, но (мятежники), забаррикадировав и укрепив свое убежище всем, что было вокруг них, приготовились к обороне. Герои атаковали укрепление мятежников со всех сторон, ворвались во двор и всех мятежников забрали в плен, а имущество их взяли в добычу и доставили все к хану, который их наградил. Пленных хан вручил Назар-бию, с тем чтобы тот, осведомившись об их положении и посадив в лодки, отправил бы (в Хиву). В среду, в первый день месяца шавваля (25 октября 1843 г.), отсюда (из Битака) хан с войском двинулся дальше и достиг местности Бурья-баф, здесь на берегу реки, вблизи Чарджуя, остановился. В четверг хан отправил Хавз-ходжу, шейх-уль-ислама, Шах Мурад-инака, Худаярбия, Тёре Мурад-аталыка, Сейид Назар-бия, Абдуллу-ясаулбаши, Рахметуллу-ясаулбаши, Мухаммед-джан-ходжу, Дост Ниаз-калмака, шамхалчи (фальконетчика), Беки-юзбаши и других во главе с Мухаммед Эмин-инаком и Рахман Берды-бием вместе с подвластными им войсками для набегов и разорения жителей Лебаба. Для осады Чарджуя хан назначал ежедневно часть войска.

В ночь на пятницу хан отправил Айдака-юзбаши (одного из начальников) войск его величества, вместе с пятьюдесятью джигитами, на северную сторону реки для грабежа мятежников. Назначенные бойцы, переправившись через реку, совершили набеги на окрестности крепости Фараб и в пятницу в полдень вернулись обратно. Они привели с собой пятнадцать человек пленных и принесли одну голову, за что удостоились изобильной царственной милости. В субботу ночью хан вновь назначил Айдака-юзбаши и Бекмамбия вместе со ста человеками для набегов на окрестности Фараба. Отряд, согласно приказу, в ту же ночь перешел реку, совершил набег на

окрестности Фараба и в субботу около полудня вернулся обратно с тремя пленными и пятью отсеченными головами, за что (упомянутые начальники) были осчастливлены царской милостью.[1]

События третьего года царствования Рахим-кули-хана

Набеги Худаяр-бия, Сейид Назар-бия и Абдуллы-ясаулбаши на окрестности Мерва. Для набегов на сарыкских мятежников в окрестностях Мерва хан назначил храбрых военачальников — Худаяр-бия, Сейид Назар-бия, Абдуллу-ясаулбаши и Абд-ур-Рахмана-мехрема, которые во вторник седьмого дня месяца раби I в 1260 г. х. (27 марта 1844 г.) отправились в путь. Первую остановку они сделали в тугае Чатлы, где пробыли несколько дней, следуя дальше, остановились в местности Шейх-арык, выше Питняка. Здесь также пробыли некоторое время для сбора нукеров. После сбора, продолжая путь по берегу реки (Аму), они прибыли к рабату Дая-хатын, отсюда вступили в пески и через три остановки достигли Тахта. Затем, вновь двинувшись в путь, через три перехода, прибыли к колодцу Яры-хаджи. Отсюда, идя далее и пройдя два перехода, они вернули верблюдов и обозное снаряжение (кош) в Яры-хаджи и налегке отправились дальше. Пройдя один переход, они, посовещавшись, отправили вперед восемнадцать человек конных во главе с Шир-ага, предводителем племени ата, для поимки «языка» и сбора сведений о неприятеле. В тот же день главные начальники отправились по их следам. Около полудня разъезды привели восемь верблюдов из сарыкского кочевья в песках, перед вечером еще три человека вернулись с одной отсеченной головой и двумя пленными, захваченными в кочевье мятежников. Военачальники использовали пленных в качестве проводников и в полночь совершили набег на кочевье сарыков, на расстоянии полутора переходов выше крепости Байрам Али-хана. В добычу хивинцам досталось: два пленных, одна голова, сорок верблюдов и двадцать лошадей, с чем под утро они и вернулись к своим начальникам. На заре отправились в путь. В обеденное время к ним присоединились отправлявшиеся вперед для поимки «языка» Шир-ага и еще четыре человека, вместе с захваченными в добычу ста пятьюдесятью неприятельскими верблюдами. Затем все вместе отправились в (обратный) путь и в тот же день в полдень прибыли к остановке, где находились их верблюды и лагерное снаряжение. (После этого) поспешно продолжая путь, к вечеру прибыли к колодцу Яры-хаджи. Здесь к ним при- *425а*

[1] Дальше описываются набеги, отдельные стычки, убийства и грабежи, совершавшиеся небольшими отрядами в окрестностях Чарджуя. Затем идет описание боя между войсками Хивы и Бухары. Эмир Насрулла узнав, что Рахим-кули-хан отменил свое первоначальное решение итти походом на Бухару и пошел на Чарджуй, отправил навстречу ему своего сына с большим войском. Большой отряд из каршинских узбеков эмир также отправил для защиты Чарджуйской крепости. Рахим-кули-хан, не овладев Чарджуйской крепостью, возвращается в Хиву. После этого отдельные отряды хивинцев, по приказанию хана, совершают еще ряд набегов на окрестности Бухары.

соединились четырнадцать человек из отряда, отправленного для поимки «языка». Эти (люди)на пали на купцов, ехавших с зерном из Мерва в Чарджуй. Всех купцов они перебили, а пятьдесят три верблюда и другое имущество забрали в добычу. Все войско, следуя по маршруту Яры-хаджи — Тахт — Кабаклы, а затем по Аму, в четверг одиннадцатого дня месяца раби II (30 апреля 1844 г.) благополучно прибыло в столицу. Хан оказал им царскую милость, подарив начальникам богатые одежды, украшенные ножи и золототканные материи. Большинство войска также было осчастливлено царскими подарками.[1]

Об ограблении йомутскими храбрецами каравана сарыков и салыров. В упомянутом месяце, т. е. в середине месяца джумади I (в конце мая 1844 г.) восемьдесят отборных молодцов из йомутов, получив разрешение от хана для набега на сарыков и салыров, отправились по паправлению к Мерву. Пройдя большое расстояние, они вышли на Репетекскую дорогу. Как раз по этой дороге в Бухару шел большой караван, принадлежавший племенам сарыков и салыров. Они (йомуты) напали на караван, перебили большинство людей, четырех взяли в плен, а товары и имущество забрали в добычу и в начале месяца джумади II (средине июня 1844 г.) благополучно вернулись с добычей в столицу и были награждены ханом.

Поход хана в Мерв против сарыкских и салырских мятежников и осада крепости Иолотана.[2] Считая, что истребление и уничтожение сарыкских и салырских мятежников является залогом счастья, Рахим-кули-хан решил совершить поход на Мерв.[3] Для сбора нукеров хан разослал по стране ясаулов и сурдаулов. В короткий срок по приказанию хана собралось столько войска, что вид его изумлял зрителей (стихи). В упомянутом году, т. е. в год дракона, соответствующий 1260 г. х., в пятницу восьмого дня месяца рамазана (21 сентября 1844 г.), когда собралось войско, хан после совершения молитвы, в сопровождении вельмож и победоносного войска, выступил из столицы (стихи). Продолжая путь, прибыли в Янги-арык и оста-
4266 новились. На утро, в субботу, выступив в путь через Асс и Хазарасп, войска прибыли в Питняк и остановились у могилы Сары-хаджи, расположенной на южной стороне Питняка. Во вторник хан отправил войско к Шейх-арыку, а сам вместе с приближенными и отборной частью войска и своими ловчими вышел в поле и занялся охотой (стихи). В тот же день, возвратившись с охоты, хан около полудня прибыл к Шейх-арыку, где было расположено войско. В среду выступили снова и, продолжая путь по берегу реки (Аму), через семь дней прибыли в заросли Кара-айгыр. Здесь (хана) встретил Мухаммед Эмин-инак, вышедший для проводов войска и брата. Хан отправил его (Мухаммед Эмина) в Хиву, считая его своим достойным наместником

---

[1] Дальше речь идет о прибытии послов из Бухары от эмира Насруллы и из Тегерана от Мухаммед-шаха, а также об отправлении послов из Хивы в другие страны.

[2] Заглавие сокращено.

[3] Поход на Мерв был вызван восстанием мервских туркмен против хивинского господства. Ср. А. Л. К у н, Заметка о Хивинском ханстве. Турк. Вед., 1873, № 40.

на время своего отсутствия. В среду снова двинулись в путь и через шесть дней прибыли в Кабаклы. Сделав здесь запас воды, двинулись в «семь песков» Хорезма. Сделав одну остановку и следуя далее по ночам на утро, в пятницу, прибыли к Тахту. В тот же день хан приказал войску набрать воды, а в субботу утром войска вышли к пескам, расположенным между Тахтом и колодцем Яры-хаджи (стихи). Пройдя ночными маршами расстояние трех переходов, к воскресенью проехали песчаные холмы и, достигнув колодца Яры-хаджи, сделали привал. Этот день, являющийся первым днем месяца шавваля и совпадающий с праздником Рамазана, провели здесь в отдыхе, чтобы запастись водой. Во вторник, тронувшись дальше и совершив три почных перехода, прошли шесть остановок, а в пятницу шестого дня месяца шавваля (20 октября 1844 г.), приведя войско в боевой порядок, продолжали итти дальше (стихи). Следуя на расстоянии одного фарсаха ниже крепости Йолотана, хан в полдень достиг берега Мервской реки (Мургаб). Здесь пенадолго остановились и напоив вьючных животных выступили к крепости Йолотана, против засевших там салырских мятежников. Достигнув противоположной стороны крепости, выстроились в боевой порядок и расположились на северном берегу Мервской реки. Обитатели крепости дали слово, что они выйдут из крепости и подчинятся хану. Через несколько часов они, нарушив данное ими обещание, стали укрепляться и начали стрелять из ружей. Хан пришел в величайший гнев от такого поведения этого племени и приказал стрелять по крепости из пушек. Искусные артиллеристы, доставив грозные пушки к берегу реки и направив их в сторону крепости, палили так, что большая часть крепостной стены разрушилась, а мятежники потеряли надежду на спасение своей жизни (стихи). В момент такой суматохи мятежники вышли с южной стороны крепости и стали спешно собирать дрова и хворост, а также забирать свое, оставшееся вне крепости, имущество. Увидя это, несколько смелых молодцов перешли реку и бросились на них. Мятежники, видя, что их (хивинцев) мало, вышли из крепости в полном боевом порядке и пустили коней на храбрецов. В виду своей малочисленности (хивинцы) обратились в бегство. Преследуя бежавших, мятежники двух-трех из них убили, а двух-трех ранили, в том числе был убит Бек Нияз, арабачи, и ранен Бек Назар-бий кокандский. Хан назначил нескольких военачальников с их нукерами, во главе с Бекман-бием, для преследования вышедших из крепости мятежников. Перейдя реку, (хивинцы) с молниеносной быстротой пустили коней на мятежников. Те, не выдержав ударов храбрецов, обратились в бегство, вошли в свою крепость, закрылись и, стреляя из ружей, продолжали защищаться. В этот день храбрецы (хивинцы) привели много пленных, большинство которых, по приказу хана, сразу же были казнены. В тот же день предводитель одной из групп салырского племени Ходжа Назар Селим, не присоединившийся к другим мятежникам и не пославший свой народ (эль) в крепость, явился к хану и выразил свою покорность. Хан обласкал его, приставив к нему Вейс-мехрема, и переселил его род к месту

427а

428а

расположения своего войска. Хан приказал беспрерывно стрелять из пушек по крепости, продолжая осаду до полудня, а затем отправился к войску, которое было расположено по северному берегу реки несколько выше. Ночью хан назначил Шах Мурад-инака, Худаяр-бия, Сейид Назар-бия и других в караул, а сам удалился на покой. На утро, в субботу, пока к хану собирались разъезды, из крепости Йолотан вышло много конных салырских мятежников, которые, перейдя реку, напали на (хивинский) лагерь. Когда весть об этом дошла до хана, он приказал упомянутым разъездам броситься на мятежников. Увидя это, мятежники поспешно обратились в бегство, Шах Мурад-инак и Сейид Назар-бий, принадлежавшие к числу храбрых военачальников караула, пришпорив коней настигли врагов, когда те вступили в реку (Мургаб). Четверо из неприятелей были сброшены в воду, а остальные с большими затруднениями сумели добраться до своей крепости. В это время хан со всем войском и артиллерией перешел реку, и, окружив крепость, с одной стороны, произвел конную атаку, а с другой, пустив в ход артиллерию, разрушил большинство построек крепости, в результате чего много мятежников было убито и ранено. Храбрые и ловкие богатыри (хивинцы) убивали вышедших из крепости мятежников. В этот день из победоносного хивинского войска погиб известный храбрец йомутского рода Мухаммед Шериф-кул, тяжело раненый пулей мятежников. Хан в этот день перед вечером оставил некоторых из храбрых военачальников вместе с подчиненными им войсками для осады крепости, а сам вернулся в лагерь, расположенный к востоку от крепости на южном берегу реки. Ночью был устроен пир. На утро, в воскресенье, с восходом солнца, хан отправился на крепость, привел войско в боевую готовность и приказал приступить к осаде. В это время с западной стороны крепости с боевыми криками вышли мятежники и напали на победоносное хивинское войско. Некоторые храбрецы (хивинцы) вступили с ними в схватку, в том числе джемшиды во главе с мир Мухаммед-ханом и Абдулла-ханом. Многих из мятежников перебили, остальные, не выдержав напора богатырей, обратились в бегство. Преследуя мятежников, (хивинцы) многих из них перебили, отрубили много голов и овладели также множеством лошадей и другими богатствами. Однако два-три человека из победоносного (хивинского) войска получили раны. Хан приказал до самого вечера обстреливать крепость и производить конные атаки. Назначив некоторую часть войска на осаду крепости, хан перед вечером (букв. к намазу «аср») отправился
4296 к лагерям. Ночь хан провел в отдыхе, а в понедельник и во вторник, не выезжая, находился в лагере и одаривал одеждами храбрецов, показавших на поле битвы отвагу и приносивших отрубленные (вражеские) головы. В течение этих двух дней войска, с разрешения хана, совершили набеги на окрестности. Разорив все жилища и стоянки салырских мятежников, они овладели таким богатством, что у большинства воинов было стодвести и триста верблюдов; об остальной добыче можно судить по этой (стихи).

Видя, что салырские мятежники остаются непокорными, хан пришел в гнев и приказал войску приготовить мосты, топоры, лестницы и прочие принадлежности осады, с тем, чтобы утром двинуться на штурм крепости. Войско стало готовиться.

В ночь под среду, знатные люди и все военачальники, посовещавшись, пришли к хану, и доложили ему что: «если наше победоносное войско произведет общее наступление на крепость, хотя оно и овладеет ею, однако, возможно, что при этом (некоторые) прославленные храбрецы отважного войска смогут получить увечья, что ничем невозместимо. Кроме того, если крепость будет взята насильственно, произойдет кровопролитие и обитатели крепости от мала до велика будут уничтожены. А такое дело не согласуется с ханским великодушием и благородством, в виду того, что они (мятежники) являются старыми (вашими) слугами и кроме вас другого убежища у них нет, и если сейчас они не решаются выйти и изъявить свою покорность, то только потому, что стыдятся за свои грехи и преступления и опасаются вашего гнева (стихи); со временем же они сами придут с повинной. Просьба же (ваших) покорных слуг заключается в том, чтобы вы, отказавшись от овладения крепостью, отправились бы из Мерва в Хорезм».

По своему великодушию хан принял их просьбу и в среду вместе с войском, перейдя на северный берег Мервской реки, расположился здесь лагерем.[1] В этот же день к полудню на помощь салырам прибыло большинство мятежников племени теке. Весьма обрадовавшись их прибытию, салыры, вместе с прибывшими, в большом числе перешли реку и, подойдя ближе к месту стоянки (хивинского войска), выстроились и вступили в бой с разъездами. Когда эта весть дошла до хана, он выступил навстречу мятежникам. В это время некоторые смельчаки из рядов мятежников дерзко выступили и бросились на правый фланг победоносного (хивинского) войска, где находились войска кара-калпаков и гökленов. Когда они (мятежники) подошли на расстояние выстрела из лука, а возможно даже на расстояние удара пики, кара-калпакские храбрецы, задетые и оскорбленные их нападением, с молниеносной быстротой пустили на них своих коней. Мятежники обратились в бегство. Победоносное войско преследовало и избивало расстроенные ряды мятежников. Не зная куда бежать, некоторые из них бросились через скалы, а некоторые в воду. Победоносное войско так билось, *430б* что поле битвы покрылось кровью (стихи). Да будет известно, что первыми людьми, доставившими с поля битвы отрубленные головы, были: Фазил-бек-бий, из знати кара-калпакского племени, и Хайдер-хан из военачальников гökленского войска. После них и остальные храбрецы, уничтожив мятежников, захватили множество лошадей, оружия и другого имущества (стихи). Хан здесь же одарил храбрецов, доставивших головы, взявших (в добычу) лошадей и показавших свою смелость. Затем хан отправился *431а*

[1] Нападение хана на Мерв, следовательно, не состоялось. Ср. А. Л. К у н, Заметки о Хивинском ханстве. Турк. Вед., 1873, № 40.

на место расположения войска и провел ночь в отдыхе. На утро, в четверг, двенадцатого дня месяца шавваля 1260 г. х. (25 октября 1844 г.), в полдень он отправился в Хорезм и вступил в «семь песков» Хорезма. В понедельник, на пятый день пути, прибыли они в район колодца Яры-хаджи. Отсюда хан послал из своих приближенных Худай-бергена-юзбаши, известного под прозвищем «Орус», в Хорезм с вестью о своем возвращении. Тронувшись во вторник из Яры-хаджи и сделав ночной переход, они в среду девятнадцатого дня упомянутого месяца шавваля (1 ноября 1844 г.) достигли берега Аму и остановились в зарослях Кабаклы. На утро, в четверг, выступив в путь, они продолжали итти четыре дня, а на пятый, во вторник, прибыли в Тепе-боюн. Здесь хана встретил его брат Мухаммед Эмин, выехавший к нему навстречу. В среду хан устроил празднество с борьбой и скачками. Отличившиеся в борьбе и скачках были одарены. После этого хан, про-
427б должая путь через Хазарасп — Янги-арык, в пятницу прибыл в Хиву.

Набег Бекман-бия на окрестности Мерва. Бекман-бий, который был выдающимся храбрецом мангытского племени, получил у хана разрешение и в субботу, двадцать третьего дня месяца зуль-к'ада (4 декабря 1844 г.) отправился через колодец Сагаджа, вместе с группой конных воинов, в количестве около шестидесяти человек, для грабежа сарыкских мятежников. Продолжая путь, они во вторник седьмого дня месяца зуль-хиджа (18 декабря 1844 г.) вступили в район Кара-тепе и встретили здесь разъезд сарыков из шести конных. Одного из них убили, другого взяли в плен, а четверо, получив тяжелые раны, обратились в бегство и спасли себе жизнь тем, что въехали в воду озера. Сговорившись со своими богатырями, Бекман-бий отсюда отправился обратно и во вторник седьмого дня месяца зуль-хиджа (18 декабря 1844 г.) прибыл (в столицу). Хан наградил
435а его и его спутников одеждами.

[Дальше сообщается о бухарском набеге на окрестности Шурахана. Салыры обратились к эмиру Насрулле с жалобой на притеснения (со стороны хивинского хана). Бухарский эмир послал в помощь им войско для набегов на Хорезм. Затем сообщается об ответном набеге хивинцев на окрестности Бухары и о большом походе Мухаммед Эмина-инака туда же. В походах этих участвовали и некоторые туркменские племена.]

Во вторник четвертого дня месяца раби I 1261 г. х. (13 марта 1845 г.) восемнадцать конных ахальских теке, явившись внезапно с целью воровства (в Хорезм), убили в песках тринадцать человек сборщиков дров и угольщиков, захватили двадцать два человека в плен, взяли много верблюдов и пустились в бегство. Когда весть об этом дошла до хана, он назначил храбрых — Бекман-бия, Мухаммед Эмина-юзбаши, Беки Джанбека и Адина-бая-аталыка вместе с шестьюдесятью конными джигитами для преследования разбойников. Назначенные по ханскому приказу в ту же ночь, т. е. в ночь под среду, выступили в путь. Когда они прошли с большой быстротой расстояние десяти остановок, лошади большинства из них оказались негодными и отстали. Около пятнадцати-двадцати конных

(однако), догнав разбойников, семерых из них изрубили, одного заковали в цепи, а остальные спаслись бегством. Богатыри (хивинцы), забрав у разбойников восемь лошадей и другие их вещи и оружие, а также захваченных ими в плен угольщиков со всеми их верблюдами, во вторник двенадцатого дня упомянутого месяца (рабн I — 21 марта 1845 г.) благополучно вернулись в (Хиву) и были возвеличены царственными милостями.

События четвертого года царствования Рахим-кули-хана

Набеги мервских сарыков на окрестности Хорезма и гибель большинства из них от меча джемшидов. *436б* Около трехсот конных сарыков из Мерва отправились для совершения набегов на подвластных Хиве (жителей). В среду, 26 дня месяца шавваля (28 октября 1845 г.), войдя (в) селение Ак-яб, они убили много людей и поспешно бежали, захватив с собой двух молодых людей (в плен). Когда весть об этом событии дошла до хана, по его приказу нукеры джемшиды, давно дожидавшиеся такого случая, в среду пустились за ними (сарыками) в погоню. Пройдя с большой поспешностью расстояние пяти остановок, они у колодца Хан-кудук догнали мятежников и вступили с ними в стычку. После продолжительного боя (джемшиды), несмотря на свою малочисленность — их было не больше ста двадцати конных, — благодаря своей храбрости, обратили в бегство многочисленного врага. Перебив большую часть людей, джемшиды забрали в добычу их лошадей и оружие. В результате изнурительной езды лошади (джемшидов) оказались негодными для преследования мятежников, вследствие чего пришлось довольствоваться этой победой. В знак победы джемшиды захватили с собой пятнадцать голов мятежников и отправились обратно. Прибыв в субботу, в первый день месяца зуль-ка'да (1 ноября 1845 г.), в столицу, они представили хану привезенные головы и двадцать пять захваченных лошадей и были осчастливлены золототканными одеждами, украшенными драгоценными камнями ножами, а также получили много золота и серебра.

Рассказ об избиении Бекешем-халифе сарыкских аламанщиков. *437б* Суть этого события такова. Отряд, в числе двадцати четырех конных сарыков и теке из Мервского вилайета, отправился (для набега) в сторону Хивы. В воскресенье восьмого дня месяца зуль-хиджа (8 декабря 1845 г.) они (сарыки и теке) выступили из Ширшали, подчиненного Хазараспу, (но), не будучи в состоянии что-либо сделать, захватили одного мальчика и поспешно пустились в бегство. Бекеш-халифе и Дост Ниаз-юзбаши, которые являлись начальниками войск, живущих в Хорезме племен али- *438а* эли и теке, со своими нукерами находились в карауле в низовьях Наймана в ожидании нападения туркмен. Услышав о (совершенном нападении), они пустились в погоню. Пройдя расстояние двенадцати остановок и догнав (убегающих) под вечер в районе колодца Адина Мурад, они (хивинцы) внезапно напали на них в то время, когда те спали. Двадцать два человека

из них они убили и отрубили им головы, одного взяли в плен, а один спасся бегством в темноте ночи. Захватив двадцать четыре лошади, оружие и другие вещи, богатыри (хивинцы) отправились обратно. В субботу четырнадцатого дня упомянутого месяца (зуль-хиджа) они прибыли в столицу и были милостиво награждены деньгами.

Отправление Атаджана-юзбаши[1] в Бухарский вилайет и паника среди сарыкских мятежников. Храбрый Атаджан-юзбаши с восемьюдесятью отборных всадников, получив разрешение хана, отправился с целью нападения на сарыкских мятежников, ездивших в Бухару по Репетекской дороге. Проезжая по берегу р. Аму, (хивинцы) достигли местности Таш-ахур. Вступив затем в пески, они через несколько дней пути вышли на Репетекскую дорогу. Не найдя там никого, отряд отправился к дороге, называемой Чагиллы. На этой дороге они нагнали трех конных сарыков и одного конного таджика, направлявшихся из Бухары в Мерв. Троих из них (они) убили, но таджик спасся, благодаря быстроте своей лошади. После этого богатыри по этой же дороге отправились в сторону Мерва с тем, чтобы произвести там большое разорение и грабеж. Когда они ехали с таким намерением, навстречу к ним вдруг вышли тридцать конных сарыков, отправлявшихся из Мерва в Бухару и везших эмиру подарки и лошадей. Богатыри (хивинцы) напали на них, те (сарыки) остановились и вступили с ними в стычку. В конце концов сарыки не выдержали напора и обратились в бегство. (Хивинцы), упорно преследуя сарыков, семпадцать человек из них убили, а одного взяли в плен. Захватив много лошадей, оружия и других вещей, они отправились обратно. В пятницу одиннадцатого дня месяца мухаррема 1262 г. х. (9 января 1846 г.), они прибыли в (столицу) и были возвеличены царственными милостями.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ МУХАММЕД ЭМИН-ХАНА

Извлечения из «Джами-уль-вакыат-и-султани», сочинение Агехи. Рукопись ИВ АН № Е 6

Перевод З. АКСАКОВА

События первого года царствования Мухаммед Эмин-хана

(Мелкие набеги хивинцев на туркменские районы)

451а Мехрем Юсуф и йомут Хал Нияз-бай, по распоряжению хана, были отправлены во главе нескольких человек для преследования мервских мятежников. Дело в том, что, когда названные герои должны были выступить, восемь человек сарыков-аламанщиков прискакали верхами и угнали

[1] Атаджан-юзбаши из кыпчаков «Гульшен-и-Девлет», л. 46а.

углубившихся в пески 12 человек сборщиков дров из-под Хивы с мно- 451б
жеством верблюдов. Отряд (аламан), узнав об этом, спешно пустился за ними в погоню. Через несколько дней быстрой езды, на границе Теджена отряд, настигши сарыков, пятерых убил, отсекши им головы, а одного взял в плен. Однако двое из них спаслись бегством. Отряд, довольный своей победой, благополучно вернулся обратно. За этот подвиг воины отряда удостоились высокого ханского внимания и были возвышены среди равных. После этого хан решил послать карательную экспедицию против непокорных туркменских племен — сарыков и салыров, которые выделялись среди других туркменских племен своим неподобающим поведением. По своему невежеству, они уже четыре года уклонялись от покорности и оказывали сопротивление.

В четверг восьмого дня раби I (6 марта 1846 г.) хан приказал знаменитому и прославленному своими успехами и боевыми качествами военачальнику мангытского улуса Бекман-бию и из йомутских храбрецов Дурды Кему, Билиму, Нур Мухаммеду и Курбан Ниязу отправиться для усмирения непокорных племен с тремя стами йомутских всадников. В тот же день по высочайшему приказу они выступили в путь. Двигаясь берегом Аму (дарьи), отряд прибыл в Кабаклы. Для перехода пустыни они наполнили водой свои мехи и бурдюки и вступили в «Семь песков» Хорезма, покрытые высокими подъемами и тяжелыми спусками. Путь был до того вязок, что животные по брюхо вязли в песках. Но с помощью божьей отряд добрался по этой неровной пустыне до местности Тахт. Напоив здесь вьючных животных, отряд снова отправился вперед, чтобы совершить набег на стада, собравшиеся выше Мервской области, и через несколько переходов достиг колодца Яры-хаджи, где и остановился. Здесь отряд набрал воды и снова двинулся дальше, вышел на Репстекскую дорогу и остановился у колодца, и, после небольшого отдыха, с той же быстротой отправился в путь. Пройдя еще три перехода, отряд вышел на какую-то дорогу, по которой шел караван сарыкских и салырских мятежников, возвращавшихся в Бухару. Оказалось, что по этой дороге пробирались два каравана; один шел из Мерва в Бухару, а другой из Бухары в Мерв. Хивинцы напали на сопровождающих караваны, одолели и перебили всех, а товары, груженные на трехстах верблюдах и состоявшие из драгоценных сортов парчи, забрали себе. Захваченное добро они погрузили и радостно отправились в обратный путь. После долгого пути, в четверг 13 раби II отряд прибыл к усадьбе в селении Гульбанбаг, которая была построена по приказанию предков хана у самого хивинского канала. Здесь хан проводил свой отдых, и победи- 452а
тели были удостоены им высокой ханской милости, похвал и одобрения.

Поход хорезмских войск в Мервскую область, разорение этой области 456а
и угон скота. Поражение сарыков в битве с храбрыми хивинцами и благополучное возвращение победоносного войска. Сарыкские и салырские племена, обитавшие в Мервской области, по своему невежеству совершали

разбои и чинили противозаконные действия. После восшествия на трон (Мухаммед Эмин) хана двери милости и благоденствия были открыты
456б мятежникам. Им были посланы грамоты, на основании которых прощались их прежние проступки и выражалась ханская благосклонность к ним. Однако мятежники не только не обнаружили своей покорности и послушания, но с еще большей непримиримостью продолжали свои злодеяния. Некоторые из этих аламанщиков проникали и нападали на сборщиков топлива и угольщиков окрестных районов Хорезма и причиняли им беспокойство. Хан, очень разгневанный поступками этих мятежников, частыми и внезапными их налетами, решил послать для их усмирения карательный отряд, так как считал, что злодеяния этого племени можно пресечь лишь силою и наказанием. Начальствование над отрядом было возложено на храброго мир Мухаммеда, который числился в свите хана. Из других военачальников хан придал мир Мухаммеду кыятского вельможу, смелого Худаяр-бия и Сеид Назар-бия, из мангытских героев Бекман-бия и из приближенных хана — Рахметуллу-ясаулбаши, а также смелого мехрем Кара-хана с войском из джемшидов, гёкленов, йомутов, имрели и тазе-конгратов и некоторых добровольцев-джигитов, присоединившихся к ним. Таким образом численность отряда достигла приблизительно четырех тысяч человек. По ханскому распоряжению вышеупомянутые военачальники привели в порядок войско и все необходимое для него и в субботу 7-го шавваля в год лошади, соответствующий 1262 г. х. (28 сентября 1846 г.), выступили в путь.

На восьмой день отряд достиг Садвара, на берегу реки Джейхуна (Амударьи). Чтобы дать возможность отставшим догнать, начальники оставались здесь две ночи, а затем отправились дальше. Пройдя большое расстояние по берегу реки, через восемь дней войска прибыли в Кабаклы и пробыли здесь две ночи, чтобы запастись водой. Затем они снова выступили в путь через «Семь песков Хорезма». Через два перехода прибыли в Тахт. Отдохнув, напоив коней и запасшись водой, войска снова двинулись в путь. Пройдя три перехода, достигли колодца Яры-хаджи, где сделали привал, вырыли колодцы и, утолив жажду, тронулись дальше. Через пять переходов, достигли равнины, называемой Кешман,
457а откуда до Мервской крепости оставалось еще два перехода пути. Чтобы привести в порядок войско и снаряжение, они провели здесь ночь (стихи).

На утро все военачальники во главе с мир Мухаммед-ханом, посоветовавшись, отправили обоз к Чиль-бурджу на Мервской реке с тем, чтобы, напоив животных, набрав в мехи и бурдюки запас воды, обоз вышел бы на прежнюю дорогу. После этого войска в полном боевом порядке, продвигаясь быстро вперед, к вечеру достигли района крепости Байрам Али-хана и остановились здесь в одном месте на отдых. Всем отважным героям и храбрецам было приказано разорять и грабить окрестности города. Получив приказание своих начальников, победоносное войско разбрелось по окрестностям, совершая нападения и грабежи

на дома окрестных мятежников (стихи). Таким образом войска быстро, как молния и поток, распространившись на расстоянии двух переходов и даже перейдя на южную сторону реки, произвели разграбление и разорение, а к вечеру, захватив много добычи, вернулись к своим военачальникам. Затем военачальники вместе с победоносным войском, радостно и весело тронувшись в обратный путь, достигли местности Чиль-бурджа. Тут они увидели, что их караван, навьючив своих верблюдов водой, только что пустился в путь. Поэтому они навьючили всю свою добычу на своих верблюдов и пустили их вперед за караваном. Сами же они, построившись в ряды, в боевом порядке хотели было тоже поспешить в обратный путь. Но вдруг в это самое время неожиданно мятежники — конные и пешие, *457б* женщины и мужчины, старики и молодые — все дружно, вооруженные палками и клинками, толпами выступили из своих крепостей и, как муравьи, вылезшие из разрушенных потоком гнезд, или как саранча, встревоженная дуновением ветра, следуя за победоносным войском, догнали его. Однако начальники (хивинцев) не проявили растерянности и замешательства в деле сохранения порядка и стройности и, чтобы скорее выйти из неровных мест к равнинным, они направили против мятежников некоторое количество всадников, которые должны были ударом на мятежников вызвать у них замешательство и сдержать темп их наступления. Сами они быстро двинулись вперед и, не принимая боя, под вечер достигли равнины Кешман.

Видя, что восставшие не думают прекратить свои мятежные действия, а наоборот все больше увеличиваются в числе и затрудняют борьбу наших героев с ними (стихи), начальники и войско более серьезно принялись за дело: в вооруженном с ног до головы виде, с боевыми криками и с барабанным боем, звуки которого долетали до небес, все разом бросились на мятежников. Мятежники не выдержали удара прославленного войска и рассеялись в «пустыне бродяжничества», а храбрецы славного (хивинского) войска стали их истреблять, пустив в ход свои пики и сабли. Таким образом, успешно доведя дело до конца, они превратили место битвы в море крови, где рассеяно было множество мятежных голов (стихи).

Преследование войсками, убийство и взятие в плен упрямых мятеж- *458а*
ников продолжалось до самого вечера. После боя храбрецы (хивинцы) отрубили около двухсот голов от мертвых тел, чтобы взять вместе с собой. Было захвачено 6 человек пленных и несметное количество добычи в виде оружия, лошадей и всяких других вещей. Войска пустились в обратный путь и, достигнув своих верблюдов, тут расположились. Пробыв здесь ночь, на заре они тронулись дальше. Таким образом днем продолжая свой путь, а по ночам делая привалы, через пять дней, минуя Янтаклы, достигли Тахта, где и остановились. Здесь они напоили своих животных, утолили собственную жажду и, набрав воды в бурдюки, отправились дальше и достигли на берегу реки Джейхун (Аму-дарьи) зарослей Кабаклы. И отсюда, для извещения о своей победе над врагом,

отправили к его величеству шестьдесят верховых гонцов. А сами они, двинувшись из Кабаклы и переходя с одной остановки на другую, после восьмидневного шествия, в семнадцатый день зуль-ка'да, в четверг (6 ноября 1846 г.), вступили в столицу Хивы и, придя во дворец, удостоились почетной встречи с высоким ханом.

Его величество хан в воздаяние за их преданность и совершенные ими дела и заслуги оказал им безграничное внимание и наградил главнокомандующего мир Мухаммед-хана джемшид и всех военачальников богатыми подарками: конями вместе с золотой сбруей, парчевыми и шелковыми халатами и пожами с рукоятками из чистого золота. Кроме этого, человек сто из войска были награждены кинжалами, украшенными разноцветными драгоценными камнями, и одеждой. Были награждены еще тысяча человек. Бойцы, которые отрубили и привезли головы (мятежников), получили по десять золотых за каждую голову. Были оказаны милости и даны подарки и раненым храбрецам. Наконец, были награждены все бойцы, принимавшие участие в походе. [Дальше сообщается о том, что в среду 11-го шавваля хан отправил в Россию Шукрулла-ага и Кутлуг-джан-бая в качестве послов.]

Повествование о некоторых событиях, которые имели место после того, как хан, вернувшись с охоты, опять взял власть и правление в свои руки. Одно из этих событий заключается в том, что в четверг восемнадцатого числа месяца сафара двадцать три человека из мятежников, живущих в Мервской области, составив компанию, пробрались через пески и забрали у занимающихся в окрестностях Хивы обжиганием угля пять-шесть верблюдов, лошадей и, захватив с собою шесть человек в качестве пленных, поспешно ушли к себе. Когда весть об этом набеге дошла до высокого ханского слуха, хан тотчас же велел послать в погоню за ними 60 человек из числа преданных и храбрых воинов-всадников, состоящих
4616 из узбеков и туркмен. Начальствование над ними было поручено Бекешу-халифе. Отряд, получив ханское приказание и в тот же день приведя в порядок лошадей и оружие, после обеда с величайшей поспешностью отправился по следам мятежников. Но так как по пути у значительной части отряда кони оказались по причине полноты и норовистости к походу негодными, то части из них пришлось вернуться обратно. А оставшиеся 33 человека, быстро продолжая путь, прошли расстояние равное 23 мензилям (переходам). Оказалось, что туркмены на расстоянии трех остановок от своего селения остановились для отдыха и развели костер. В полночь герои (хивинцы) внезапно напали на мятежников, которые в растерянности от неожиданного нападения, бросили лошадей и все остальное свое добро, обратились в бегство и спрятались в камышевых зарослях. Лишь ночная темнота помогла им спасти свою жизнь. Победоносное войско, не находя нужным дальнейшее преследование беглецов, забрало их скот и прочее имущество, а также уведенных ими верблюдов, лошадей и пленных и с наступлением зари выступило в обратный путь.

Пройдя громадное расстояние, через 10 дней, т. е. 28-го дня того же месяца, в воскресенье, бойцы прибыли в столицу и удостоены были почести, похвалы и милостей.

[Далее сообщается о прибытии из Бухары посла эмира Насруллы Бухарского, о путешествии хана по стране для ознакомления с положением вещей, о наделении воинов землею, жилищем и т. д.]

Поход его величества хана (Мухаммед Эмина) в Мерв и разорение окрестностей этого города; опустошение посевов сарыков после того, как они заперлись в своей крепости, и победоносное возвращение хана в столицу (Хиву). 464а В районе Серахса проживало племя теке, предводителями которых были Ораз Яглы и Хаджим Шукур. Эти два предводителя указанного племени в течение многих лет верно служили хану. Однако первый из них, Ораз Яглы, вследствие своего коварства, выйдя из покорности и подчинения хану (Мухаммед Эмину), стал искать покровительства у падишаха Бухары эмира Насруллы, выказывая ему покорность. Что же 464б касается Хаджим Шукура, то он, не желая следовать дурному примеру Ораза Яглы, не замарать себя грязью неблагодарности и боясь ханского гнева, решил удалиться от злоумышленного Ораза Яглы, дабы избежать последствий его заблуждений и его злоумышлений. Поэтому Хаджим Шукур со всеми своими людьми, подчиненными ему, переселился из Серахса в Кара-Бурун, который находится на расстоянии пяти переходов ниже Мерва, и стал жить здесь, надеясь на милость его величества. Кроме него, к хану явились с повинной еще некоторые предводители сарыков: Ага Нияз-парваначи, Омар-бек, сын Рахман Берды-бая и казий Мустафа-кули, которые раскаялись в своих проступках. Они (предводители сарыков) со всеми своими поселеннями и родичами, находящимися в их подчинении, покинули Мерв и поселились в Кара-Буруне, где слились с племенами теке. После этого они, взяв с собой Хаджим Шукура, как заступника и ходатая перед ханом за свои проступки и злодеяния, пришли к высокому порогу дворца его величества (хана Мухаммед Эмина) с тем, чтобы покаяться и просить у него прощения за проявленное ими ослушание и совершенные преступные деяния. Ходатайство их было милостиво удовлетворено его величеством (ханом). Удостоившись милостивого прощения, они радостно и весело отправились обратно к себе. Но не успели они еще добраться до своей стоянки (кибиток), как из Мерва прискакало большое количество всадников из сарыков, которые напали на их стоянку, разорили, разграбили оставшихся людей и ускакали.

По прибытии к своим кибиткам, узнав о случившемся, они решили созвать совещание знатных во главе с Хаджим Шукуром. Совет решил составить на основании закона и правосудия жалобу на притеснителей и обратиться к его величеству за помощью. С этой целью был избран и послан (к хану) Ага Нияз-парваначи, который издавна имел благожелательное отношение и преданность к его величеству. Его величество хан еще ранее поставил перед собою задачей усмирение и наказание этих

мятежников и подстрекателей. Поэтому жалобы пострадавших и их ходатайство о наказании этих разбойников и о защите от них только ускорили приведение в исполнение задуманного выступления против этих притеснителей. Тотчас же ханом был дан приказ всем военачальникам о том, чтобы скорее привести войско и все необходимое для него в порядок и поспешно приготовиться к походу. Вскоре уже после этого приказа войска всяких родов были в сборе и готовы к выступлению. И было это, когда солнце, совершая свой путь, находилось на последнем пункте созвездия Вола, в пятницу, после обеда, 6-го дня месяца джумади II 1263 г. х. (22 мая 1847 г.) время, которое у астрологов считается
465а наилучшим часом и самым счастливым временем (стихи). Предоставив свою столицу божьему покровительству, хан с блеском и шумом выступил в поход. К ночи, когда уже город был освещен «светильником небесных звезд», хан со своим отрядом прибыл во дворец у Янги-арыка, где и остановился на ночлег. На следующий день, в субботу, на заре войска отправились дальше. Достигнув местности Найман, где находился великолепный сад его величества, остановились и провели отдых. На утро, в воскресенье, снова тронувшись в путь, достигли крепости Хазарасп и ночь провели здесь. На другой день, в понедельник, хан занялся здесь смещением и назначением должностных лиц. У некоторых военачальников, которые проявили в работе негодность и нераспорядительность, были отобраны знамена и вручены тем военачальникам, которые отличались своей храбростью и искренней преданностью его величеству. Например, туг (бунчук) Эвез-ходжи шейх-уль-ислама, был отнят ханом и передан преданному и распорядительному Мухаммед Салих-аталыку, а знамя Пир Назар-инака передано храброму и достойному эмир Тёре Мурад-аталыку, знамя Карлы-юзбаши было передано храброму и исполнительному Бекешу-халифе и т. д.

Таким образом упомянутые военачальники были возвеличены среди своих сверстников. Хан обрадовал своей милостью также и других высокопоставленных лиц, в том числе Тагай Мирабу любезно было передано из царской казны 200 золотых, а Баба-инаку 50 золотых, чем хан возвеличил их в кругу войска (стихи). Затем они в тот же день, в обеденное время, направились в путь через Питняк и достигли Шейх-арыка, здесь отдохнули, а во вторник отправились дальше.

Прибыв в местность, называемую Уч-тепе, сделали привал, а в среду снова продолжали путь. Через десять дней, 20-го дня вышеуказанного месяца (джумади II 1263 г. х.), в пятницу, прибыли к зарослям Кабаклы, куда прибыла и шедшая сзади в большом количестве остальная часть победоносного войска и присоединилась к головному отряду (стихи). В тот же день хан, составив отряд из отличившихся своей силой и стойкостью кыпчакских и частью каракалпакских войск, отправил его под начальством храбрых военачальников Тёре Мурад-аталыка и Ходжа Ниязбая вперед, чтобы они прибыли к месту назначения раньше (ханского

штаба свиты и остального войска), выкопали там колодцы и привели бы их в порядок.

21-го числа упомянутого месяца (джумади II) в субботу Рахматулла-ясаулбаши из надежных военачальников был назначен во главе всех йомутских и имрелинских отрядов. Махмуд Ниязу-ясаулбаши и Мухаммед Мурад-мехрему во главе чоудорских и мешрикских отрядов поручено было охранять правое крыло войска. Худаяр-бию и Сейид Назар-бию было поручено охранять левое крыло войска во главе гёкленских и тазе-конгратских войск и, наконец, Мухаммед Салих-аталыку во главе всех конгратских и части каракалпакских отрядов было поручено охранять тыл армии. Таким образом, построившись в полный боевой порядок, в обеден- *465б*
ное время войска двинулись в путь и, идя днем и ночью, вступили в «Семь песков» Хорезма, где приходилось итти, предоставив себя власти божьей, через невыразимо трудную по своей неровности безводную пустыню при невыносимой жаре (стихи). Войска достигли местности, которая назы- *466а*
валась Хауз-хан, и здесь остановились на отдых. На утро, в воскресенье, в полном боевом порядке и строю опять выступили в путь и скоро достигли окрестностей колодца Тахт. Здесь храбрая (хивинская) армия сотворила молитву и затем весь этот день провела здесь у колодца, делая запасы воды для пути. Наполнив мехи водой, в понедельник тронулись дальше. Совершая ночные переходы, через три перехода, к вечеру войска прибыли к окрестностям колодца Яры-хаджи, где и остановились на привал. Около этого колодца победоносная армия находилась два дня и две ночи в ожидании прибытия оставшейся части войска, чтобы объединиться с ней. В течение этих двух дней идущие позади войска успели подойти и присоединиться к авангарду. В четверг войска покинули район колодца Яры-хаджи и ночными маршами через четыре перехода прибыли и вступили в округ Мерва. Здесь пройдя равнину, называемую Кешман, 28-го дня упомянутого месяца (джумади II 1263 г. х.), в субботу, достигли крепости Байрам Али-хана, где заперлась и укрепилась группа из сарыков. Войско расположилось на засеянном поле у северной стороны крепости и осадило ее (стихи). В тот же день хан послал Вейс Нияз-бая и Бекеша-халифе с их нукерами навстречу отдельным отставшим частям войска для оказания им помощи водой и провизией. Ночь хан провел здесь, а на утро, в воскресенье, вместе с войском отправился к крепости Байрам Али-хана с тем, чтобы осмотреть своим «дальневидящим взором» расположение крепости и установить, с какой стороны лучше всего приступить к действиям против нее. С этой целью хан оглядел окрестности крепости и затем, *466б*
перейдя с восточной стороны на северную, посетил могилы-гробницы святых в крепости султана Санджара. После этого, вернувшись снова к месту расположения войска, хан перевел войска и свою ставку к западным воротам крепости. Ко времени обеда его величество, вернувшись из крепости в ставку, удалился к себе в шатер. В этот день некоторые отважные молодцы выехали из лагерей и вместе с назначенными разъез-

дами (караул) объезжали крепость и наблюдали за тем, что происходило вокруг. Вдруг показалось 300 человек всадников из сарыков, направлявшихся из крепости Мухаммед Нияз-бая в крепость Байрам Али-хана на помощь засевшим там мятежникам. Храбрецы-хивинцы, издалека заметив их, вскочили на коней и кинулись на них. Мятежники, несмотря на свое численное превосходство, не смогли выдержать сильного напора храбрецов и обратились в бегство. Молодцы (хивинцы), продолжая преследовать беглецов, большинство из них перебили, и лишь некоторым, в результате долгих мучений и затруднений, удалось скрыться в недоступные места и спасти себе жизнь. Молодцы (хивинцы), захватив с собой 15 отрубленных мятежных голов и двух пленных, вернулись обратно.
466б Захваченные трофеи, они (хивинцы) сложили перед его величеством, чем заслужили его великую милость. Раненому Атаджану-юзбаши, кыпчаку, весьма отличившемуся в бою, также была оказана (ханская) милость. После этого, ханом был дан приказ войскам к утру быть готовыми к наступлению на крепость. Доблестное войско, обрадованное ханским приказом, почти до самой зари занималось приготовлениями к штурму. На утро, в понедельник, когда его величество только еще собирался выехать к крепости, один из его достойных доверия приближенных,
467а Бекеш-халифе, довольный назначением его начальником отряда али-эли (стихи), двинулся со своим отрядом на крепость, не дожидаясь ханского распоряжения начать наступление. Он хотел раньше других проявить свое рвение и первым завладеть крепостью и этим самым создать себе имя и славу. В момент, когда он со своим отрядом подошел к стене крепости и стал на нее взбираться, мятежники шашками и выстрелами из ружей убили пять-шесть человек, во главе с Шах Мухаммедом-онбеги, и ранили трех человек, во главе с Бекешом-халифе. После этого, остальная часть отряда вынуждена была отступить (стихи). Услышав об этом, хан сильно разгневался. Он разбил отряды каждого военачальника на отдельные части и, назначив для каждой из них место стоянки и путь подхода к крепости, двинул войска к крепости, приказав каждому отряду
467а быть готовым к бою на своем участке с тем, чтобы по данному им знаку всем разом броситься на крепость. Сам хан занял линию к югу от крепости.

В этот момент военачальники все вместе обратились к хану со следующим заявлением: «Хотя крепость эта не прочная и, возможно, что она падет при первом же ударе победоносного войска, однако, может случиться и то, что некоторые из наших храбрецов, потерю каждого из которых не может возместить гибель ста тысяч мятежников, тоже могут быть искалеченными. Известно также то, что насильственное покорение какого-нибудь города и страны никогда не обходится без разрушений, убийств и ущерба достоянию населения, что совершенно противоречит законам великодушия и благородства. К тому же, обитатели данной крепости являются старыми вашими слугами. Хотя они сейчас, предавшись соблазну

и наущениям дьявола, непокорствуют, однако, в будущем они поймут свои ошибки и, раскаявшись в этом, придут с повинной к вашим ногам, потому что, кроме вас, другой опоры и другого убежища у них нет. Поэтому мы, ваши покорные слуги, просим ваше величество простить их и отказаться от мысли насильственного захвата крепости. Да продлит вам аллах жизнь за это милосердие».

Хан исполнил просьбу своих военачальников и возвратился в ставку. В ту же ночь был устроен пир, а на другой день утром, во вторник, хан вознаградил раненых и тех героев, которые с поля брани вернулись *467б* с трофеями — отсеченными головами мятежников. В течение этих трех дней отряды опустошали посевы мятежников на расстоянии одного перехода, лишив таким образом мятежников всякой надежды на урожай. В среду войска отошли от крепости Байрам Али-хана и переправились на северный берег Мервской реки. Здесь хан и войска расположились у одного озера. В тот же день бойцы, у которых храбрость и боевой дух были отли- *468а* чительными чертами, желая померяться силами с мятежниками, отправились к крепости Нияз Мухаммед-бая и своими резкими криками подняли там тревогу. Лицемеры, побуждаемые своим честолюбием, тоже вышли из крепости конными и пешими отрядами и вступили с ними в бой. Вскоре мятежники, не выдержав, обратились в бегство, а бойцы, продолжая их преследовать до крепости, около ста человек из них убили и ранили; около 15 человек пленных и отрубленных голов доставили и представили хану, за что были вознаграждены достойным образом. В четверг, по приказанию великого везира Ата Мурада-кушбеги, войска разрушили плотину реки, и вода пошла по старому своему руслу, чем посевы мятежников были лишены воды, а сами они обречены на лишения и страдания. В пятницу (войска) перешли на западную сторону крепости и здесь, расположившись среди посевов (сарыков), вытоптали и уничтожили очень много пшеницы и другого рода посевов.

В тот же день к хану явились видные предводители племен теке и сарыков, которые проживали в местности Кара-бурун. Во главе их были Хаджим Шукур-аксакал, казий Мустафа-кули и Омар-бек. Они на 400 лошадях привезли царские подарки, пригнали бесчисленное множество овец и были удостоены чести приема у хана. В субботу войско оставалось здесь. Интендантский начальник Мухаммед Якуб-бай разделил пригнан- *468а* ных овец между эмирами и начальниками войска. В этот день войска снова занялись уничтожением окрестных посевов. В воскресенье войска покинули это место и, перейдя к западной части крепости, опять расположились среди посевов и приступили к их уничтожению. В этот день от теке Серахса прибыло множество конных для оказания помощи мятежникам. После этого, туркмены с шумом вышли из крепости и ринулись на храброе хивинское войско, которое в свою очередь также яростно бросилось на них (стихи). Но вскоре мятежники дрогнули, расстроились и вынуждены были бежать, оставив поле брани. Часть из них успела скрыться в кре-

пости, а часть, не успев пробраться в крепость, от ужасов преследования рассеялась в разные стороны и, скрывшись в пещерах, с величайшим трудом спасла себе жизнь. Победоносное войско, преследуя их, безжалостно изрубило около ста человек храбрых джигитов, после чего вернулось обратно. Все они были милостиво награждены ханом. В понедельник (войска), снявшись отсюда, прошли еще полмензиля (полперехода) к западу от крепости и остановились у озера, где подвергли разорению и опустошению поля мятежников из племени самандук.

468а В тот же день хан оказал должные почести прибывшим во главе с Хаджим Шукура-аксакалом, казием Мустафа-кули и Омар-беком с выражением покорности племенам (теке и сарык) и отправил их обратно к своим поселениям. Во вторник войска перебрались на южный берег реки и расположились на одной обширной ниве. В среду переехали к месту, расположенному севернее реки и, запяв под стоянку войска посевы, совершенно уничтожили их. В четверг тронулись оттуда дальше, снова
468б остановились около реки. В пятницу перешли в другое, лучшее место, и в течение этих четырех дней большая часть посевов, поселений и скота Мервского вилайета была разорена и уничтожена. В 15-й день, в субботу, по ходатайству и просьбе начальников и знатных приближенных, хан отправился в обратный путь, предварительно дав распоряжение запастись водой и навьючить ее на животных. Тронувшись из местности Чильбурдж, они дальше вступили в «Семь песков Хорезма» и через пять переходов, в понедельник, достигли района колодца Яры-хаджи, где и сделали привал. Во вторник двинувшись оттуда, прошли путь в три перехода и в среду прибыли к колодцу Тахт. Здесь сделали остановку. Однако ночью же отсюда двинулись дальше и в четверг, добравшись до берега Амударьи, расположились в зарослях Кабаклы. Дабы дать отдых войску и его обозу и, чтобы покормить и напоить животных, пятницу провели здесь. В субботу отправив войска сухим путем, сам хан вместе со своей ставкой сел на лодки. Через два перехода в воскресенье они достигли тракта Ак-рабат, где, остановившись, хан отправил Якуб-бая, уроженца Ханках, послом к бухарскому падишаху. Хан, в понедельник тронувшись отсюда, прибыл в среду в Тиве-боюн и Хазарасп. Хан со своей ставкой в пятницу прибыл в свою резиденцию в районе Найман, сделав до этого в четверг остановку по пути, где ему была устроена торжественная встреча и где он повидался с послом кокандского падишаха. После того, как здесь хан принял и одарил эмиров и знатных из населения, он в субботу двадцать седьмого раджаба (11 июля 1847 г) тронулся отсюда и прибыл в столицу свою Хиву.

О переселении с берегов Гюргена некоторой части племени гёкленов в Хорезм. Когда Алла-кули Мухаммед-хан, во время предпринятого им
\) похода в Гюрген, стал переселять племя гёкленов в Хорезм, некоторые общины, не желая переселиться, скрылись в густых зарослях и остались на местах. Спустя некоторое время, они вышли оттуда и, собравшись вместе,

в количестве более десяти тысяч человек, снова стали жить там. После этого их взяли под свое влияние нечестивцы-каджары и стали их притеснять. Чтобы спасти себя от их насилия и притеснения, гёклены послали предводителя Кутлуг-хана вместе с старшинами своими к (Мухаммед Эмин) хану просить его покровительства. Указанные представители, явившись к хану, стали просить его дать им отряд, чтобы под его защитой благополучно переселиться их племени от каджаров в Хорезм, где они будут находиться под постоянным покровительством его величества. Хан пожалел их и удовлетворил их просьбу. Худаяр-бию, одному из высшей знати рода кыят, состоящему начальником над живущими в Хорезмском округе гёкленскими войсками, хан дал приказ с своим отрядом и вместе с войсками племени ата отправиться на Гюрген, чтобы переселить гёкленов оттуда в Хорезм. Приготовившись к походу, Худаяр-бий в середине месяца зулька'да выступил в путь. *170а*

Направляясь по пути Орта-кудук, в скором времени он вступил в горы и, когда стали приближаться к крепости Ходжа, ему попались навстречу пятьсот семейств гёклепов, которые собирались в Хорезм. Гёклены, узнав о том, что отряд имеет назначение охранять их, очень обрадовались и, собрав весь свой скарб и скот, выступили в путь с тем, чтобы поселиться в Хорезме. Остальная часть общины просила сообщить ханскому войску, чтобы оно не беспокоилось и вернулось, так как они в данный момент за неимением средств и возможности не готовы к переселению. Поэтому они как-нибудь сговорятся с каджарами и эту зиму проведут тут, а весною, приготовив все необходимое для переселения, тоже отправятся в Хорезм. Услышав такое заявление и посоветовавшись с другими начальниками войска, Худаяр-бий с частью войска отправился назад. Переселенцы со своей охраной, пройдя множество переходов, степи и пустыни, в начале месяца мухаррема вступили на территорию Хорезма. Они поселились среди других гёкленов в районе Старого Ургенча. *170б*

События третьего года царствования Мухаммед Эмин-хана

Убийство теке группы хивинских угольщиков, разграбление их имущества и преследование лиходеев йомутскими храбрецами. *173а* Несмотря на то, что вся знать и старшины племени теке служат (хивинскому) хану и платят налоги, другие из них — аламанщики и лиходеи. Одна из таких групп лиходеев из окрестностей Ахала, в количестве около двухсот человек, направились в сторону богохранимого государства. Двадцатого числа упомянутого месяца (джумади I 1264 г. х. — 24 апреля 1848 г.) они (теке) пробрались к йомутам, занимавшимся угольным промыслом в песках, к югу от могилы святого Махмуд-ата; они убили около сорока человек невинных людей и, захватив в добычу все их имущество и бесчисленное множество верблюдов, обратились в бегство. Когда эта тревожная весть дошла до слуха хана, он велел собраться отважным йомутским

молодцам и поспешно отправиться для преследования и наказания беглецов.

4736 Йомуты, которые давно жаждали крови этого мятежного племени (теке), получив приказ хана, сразу же оживились и в числе около пятисот всадников наскоро собрались и в воскресенье 22-го дня упомянутого месяца (джумади I 1264 г. х. — 26 апреля 1848 г.) выступили в путь. Направившись поспешно по дороге на Орта-кудук, они у селения Букри, принадлежащего отделению племени теке, настигли их (беглецов) и вступили с ними в бой. В результате около двухсот человек из теке были убиты, а сорок человек взяты в плен; кроме того, было захвачено шестьсот рабов (бурдэ) [1] мужчин и женщин, около шести тысяч верблюдов и множество добра. После этого (победители) отправились обратно. Девятого числа месяца (раби II 1264 г. х. — 15 марта 1848 г.) они прибыли в столицу и были осчастливлены царской милостью.

После этого случая вся знать племени теке, раскаявшись в своих прегрешениях и испытывая чувство горести, явилась к хану и просила вернуть их людей, взятых в плен. Получив своих пленных, они, в свою очередь вернули (Хиве) попавших к ним в плен йомутов и довольные отправились обратно.

4746 **О втором походе хана на Мерв и победа его над сарыками.** Когда какое-либо племя проявляет вражду и непокорность, то ничто, кроме меча, не в состоянии его успокоить. Когда какое-либо племя отклоняется от пути истины, то оно, не почувствовав удара мечом гнева, не покорится; сколько бы ни занимались уговорами и наставлениями, им не пойдет это впрок, и даже наоборот увеличит их враждебность и неприязнь, в результате чего они в конце концов обрекают себя на гибель и разорение. Так, например, его величество, в силу своего великодушия прощал сарыкам их прежние проступки и возмущения, неоднократно посылал им снисходительные письма и делал добрые наставления. Однако это никакой пользы не принесло. Наоборот, они день за днем стали предаваться все более гнусным и порочным поступкам. Наконец, ханское достоинство и чувство негодования потребовало истребления этого мятежного народа, и поэтому (хан), решив совершить поход на Мерв, разослал ясаулов и сурдаулов во все концы богохранимого государства для сбора войска. После этого (хан) назначил Тагай-мираба и Бекеша-халифе с вверенными им войсками, из (племен) карадашлы и али-эли, а также некоторых других военачальников с их войсками для того, чтобы выкопать на пути колодцы с целью облегчить продвижение войск.

В субботу 20-го дня месяца шавваля (1264 г. х. — 19 сентября 1848 г.) он (хан) послал мир Мухаммед-хана, Ходжаш-мехрема и Рахматуллу-ясаулбаши вместе с войсками из джемшидов, имрели и йомутов вперед

---

[1] Так это слово, повидимому, произносилось в Хиве, так как в некоторых случаях оно встречается с огласовкой (بُرْدَه).

в виде авангарда. В качестве своего наместника по управлению государственными делами и для наблюдения за порядком среди населения его величество назначил своего дядю (абага), направив его к Абдулле-кушбеги. Когда все приготовления и сборы были закончены желательным образом, его величество со всей пышностью и в полном великолепии в среду, в конце месяца шавваля, в год обезьяны, 1264 г. х. (конец сентября 1848 г.) выступил из столичного города Хивы.

Первую остановку (хан) сделал во дворце, воздвигнутом на берегу Каракёля. Для пополнения некоторых своих запасов (хан) пробыл здесь одну ночь, а на утро, после совершения утренней молитвы, в сопровождении высоких вельмож и многочисленного войска отправился через «семь песков» (стихи). *475а*

Пройдя ночными переходами таким образом четыре остановки, (хан) в субботу вступил в район колодца Сагаджа, где пробыл сутки, чтобы набрать воды и утолить жажду. В воскресенье тронувшись в путь, ночными переходами прошли расстояние шести остановок (мензиль) и в среду, достигнув колодца Чирле, сделали здесь привал. Чтобы дать возможность подтянуться отставшей части войска и вырыть колодцы для пополнения запаса воды, пробыли здесь три-четыре дня. Для охраны восточного фланга армии хан назначил храброго Худаяр-бия и Тагай-мираба во главе войск из гёклепов и карадашлы, а для охраны западного фланга были назначены Сейид Назар-бий и Мухаммед Нияз-ясаулбаши с войсками из тазе-конгратов и мешриков. Ходжаш-мехрема и мир Мухаммед-хана вместе с войсками из племени имрели и джемшидов (хан) назначил в авангард, а Мухаммед Мурад-мехрема, во главе чоудоров, назначил в арриергард с тем, чтобы каждый, распоряжаясь во вверенной ему части войска, был в курсе того, что происходит вокруг армии.

В воскресенье, когда успела подтянуться отставшая часть войска и закончилось его построение, отправились дальше. Пройдя ночными переходами расстояние пяти остановок, во вторник подошли к колодцу Харджехаз и тут сделали привал. В среду, тронувшись в путь и пройдя ночными переходами расстояние трех остановок, в четверг прибыли и остановились у колодца Муса. В эту ночь саперы до зари копали колодцы и с трудом добрались до воды, достаточно годной для питья. В пятницу снова тронулись в путь и ночными переходами, через четыре остановки достигли восточной части лесных зарослей (бише) Бут-Бас. На заре (хан) отправил некоторые туркменские и узбекские отряды (аламан) в набег на окрестности Мервской крепости, с тем, чтобы еще до того, как мятежники узнают о прибытии хана, подвергнуть их грабежу и сделать их достоянием насилия (стихи).

Вслед за этим его величество привел в боевой порядок остальную часть войска и в полном царственном великолепии отправился вслед за войском в путь. В воскресенье 28-го дня месяца зуль-ка'да (1264 г. х. — 26 октября 1848 г.), в полдень, (войска) придя в низовья Мервской реки, всей своей *475б*

массой остановились на одном большом поле, принадлежавшем мятежникам-сарыкам. Тут было бесчисленное множество зрелой джугары, дынь и всяких других посевов и насаждений. Расположившись здесь, (хан) назначил это место постоянным местопребыванием победоносного войска, а находящимся при себе отрядам разрешил заняться грабежем земледельцев. В тот же день отряды (аламан), назначенные для совершения набегов, разделились на отдельные группы и части и направились в разные стороны. Совершив набеги на стойбища мятежников, они перебили столько людей, что из трупов их образовались целые холмы (стихи). Многим мятежникам отрубили головы, некоторых из них вместе с их имуществом взяли в плен и привели к хану, по приказанию которого пленные также были казнены (стихи).

После произведенного переполоха мятежники поняли, что значит внезапное появление его величества, и поспешили все к своей крепости. Войдя в нее, (мятежники) со всех сторон накрепко закрылись и возвели укрепления. Его величество, надеясь на свое могущество, не спешил с осадой крепости. В понедельник хан перевел войско на другое место, расположил его снова среди посевов и опять приказал уничтожить поля мятежников. Во вторник (хан с войском) перешел в другой участок, где пробыл два дня. Во время пребывания хана (на территории мятежников) четыреста человек конных йомутов совершили нападение на племена мятежников теке,
476а жителей Серахса. Благодаря своей храбрости и отваге, они нанесли мятежникам поражение, убили из них три человека и захватили в плен около трехсот душ женщин и детей, а также большую добычу, после чего вернулись обратно. Большинство дехкан (земледельцев) и скотоводов серахских теке, принадлежавших к племени злополучного и упрямого Ораз Яглы-сердара и разбросанных в Мервском крае и других областях, узнав о движении его величества с многочисленным войском на Мерв, со всеми своими семьями и имуществом спялись и поспешно стали перебираться к Серахской реке. Когда весть об этом дошла до слуха хана, йомутам было приказано преследовать упрямых мятежников и наказать их. На основании высочайшего приказа, сто человек конных храбрецов из йомутов вооружились и поспешно отправились в путь. Приблизительно в полдневном пути от Серахской крепости они нагнали бегущих, в большом числе расположившихся в одном месте. Мятежники, заметив победоносное войско и установив, что их преследуют, все — конные и пешие, богатые и бедные, женщины и дети, благодаря своему невежеству, взялись за оружие и выступили против храбрецов победоносного войска. Богатыри, несмотря на свою малочисленность, уповая на божью милость, смело врезались в ряды мятежников. В свою очередь мятежники также, не уклоняясь от сражения, бились до последнего вздоха. Битва продолжалась с утра до вечера, и в конце концов победоносное войско, благодаря помощи могущественного государя, его величества хана, одержало победу (стихи).

После победы, победоносные воины отрубили у мятежников триста голов, взяли в плен около трехсот женщин и детей и, захватив несметное

количество богатств, вернулись обратно и осчастливлены были царскими милостями.

В четверг его величество перевел свое войско с упомянутой выше стоянки в Гёк-тепе к югу от Мервской крепости. (Здесь) хан расположил (свое) войско на одном обширном участке (среди посевов). Войска пробыли здесь четыре дня и уничтожили все посевы.

На это самое место, «повесив на шею меч и саван», теке Серахса явились (к хану) и, удостоившись целования ханской руки, нашли свое место в рядах победоносного войска.

В понедельник его величество снял отсюда войска и расположил их вблизи крепости, среди обширных хлебных полей. Со стороны осажденных *4766* сюда явился, в качестве парламентера, сын одного из предводителей мятежников Абд-ур-Рахмана-халифе. Он выразил от имени осажденных раскаяние и просил прощения за их прежние проступки, а также возвращения пленных, попавших в руки победоносного войска. Его величество милостиво наградил сына (Абд-ур-Рахмана) и его спутников золотыми ножами и золототканными одеждами, а затем, проявляя к ним свою особую царскую милость, отпустил пленных. После этого хан послал в крепость, вместе с пришедшими, Ата Назара, одного из мутевеллиев благословенной гробницы Пехлевана Махмуда, в качестве своего посла, вручив ему ласковое письмо (к осажденным). Однако население крепости не только не выразило покорности и повиновения, а наоборот, задержав в течение суток мутевелли и наговорив ему грубостей и дерзких слов, отпустило его обратно. Его величество до сих пор, в силу своего великодушия, не приступал еще к осаде крепости. Однако когда ему стало ясно, что мятежники не склонны к послушанию, он разгневался и в пятницу со всей своей артиллерией и войсками двинулся на крепость. Подойдя к крепости с южной стороны, хан вместе со своими вельможами и военачальниками остановился на одном возвышении и водрузил здесь свое знамя, а победоносное войско, подобно бушующему морю, со всех сторон окружило крепость. Осажденные начали обстреливать их (хивинцев) из пушек и ружей, но храбрые богатыри, невзирая на огонь, отрядами и группами подошли ближе к крепостным воротам и с боевым кличем бросились в атаку, наведя панический страх (на осажденных). Мятежники же, не желая опозорить себя, вышли из крепости и, по своему крайнему невежеству, вступили в стычку (с хивинцами). Храбрецы с быстротой молнии кинулись в бой и, сломав стойкость трусливого неприятеля, обратили его в бегство. После этого бойцы преследовали (неприятеля) до входа в крепость, поразив большую его часть своими пиками.

В это время, согласно приказанию (хана), начальники артиллерии приступили к обстрелу крепости и своими громовыми ударами навели на злодеев сильнейший страх. Сильный обстрел продолжался с утра до полудня. После полудня войско, прекратив осаду крепости, подобно саранче, поднявшейся после уничтожения посевов, снялось с (позиции) и, по приказанию

(хана), отправилось победоносно к своему лагерю. Расположившись (в лагере), войско предалось покою.

На утро следующего дня, что совпало с началом месяца зуль-хиджа (1264 г. х. — 29 октября 1848 г.) они (хивинцы) снялись отсюда и с шумом и криками отправились к западной части крепости и расположились близ
477a нее на удобном и просторном поле на берегу канала Абд-ур-Рахмана-халифе. В тот же день сюда прибыли нукеры из теке Ахала в числе трехсот всадников, вместе со своими старшинами, которые, удостоившись ханской аудиенции, поднесли (хану) подарки, достойные царской особы. Эту ночь его величество провел в своих покоях. На следующий день, в воскресенье, с восходом солнца хан отправился к западным воротам крепости и здесь, у одного старого и высокого строения, носившего название Кёшк[1] выстроил свое войско. Артиллерия вместе с сарбазами и несколькими отрядами смелых богатырей была отправлена к крепости с тем, чтобы произвести обстрел с близкого расстояния. Сам хан вместе с министрами и вельможами поднялся на упомянутый Кёшк и стал наблюдать. Направляя, по указанию хана, свои пушечные и фальконетные ядра на крепость, ловкие пушкари разбили и обратили в бегство вышедших к ним навстречу мятежников. После этого артиллеристы поставили свои пушки и фальконеты на возвышении перед воротами крепости, откуда была видна внутренность крепости и все, что там происходило. Начав отсюда беспрерывный обстрел дьявольских созданий — мятежников, они превратили внутренность крепости в геенну огненную (стихи).

В это время злонамеренные упрямцы вышли всем скопом из крепости и в предсмертных судорогах ринулись в бой. Славные храбрецы (хивинцы), невзирая на выстрелы из крепости, бросились на мятежников и, налетев на их ряды под самой крепостью, превратили окружающую местность в море крови (стихи).

477б Бой продолжался с утра до полудня. Артиллерийским огнем (в этот день) было уничтожено бесчисленное количество мятежников как в крепости, так и вне ее. Со стороны победоносного войска убиты были лишь два-три человека и около десяти воинов получили раны. После полудня его величество оставил крепость и, вернувшись с победой к месту расположения войска, удалился на покой. Из предосторожности всю ночь до зари вокруг лагерей и окопов стояли аванпосты и разъезжали патрули, готовые (ко всяким случайностям). На следующий день утром в понедельник его величество, отказавшись от осады крепости, занялся вознаграждением богатырей-джигитов, принесших неприятельские головы, а также получивших ранения и показавших этим пример самоотверженной службы. Были вознаграждены также те, у кого были убиты кони.

На следующий день, в среду, рано утром, его величество снялся со всем войском и артиллерией и, с развевающимся походным знаменем, (снова)

---

[1] Упоминания об этом строении встречаются и у позднейших путешественников.

двинулся на осаду крепости. Когда (войска) приблизились к зданию Кёшк, к ним подошли парламентеры, высланные начальниками и вельможами крепости, во главе с Абд-ур-Рахманом-халифе. Припав униженно к стремени его величества, они доложили следующее: — «Мы, смущенные преступные рабы, не решались выйти из крепости и явиться к вашему величеству, ибо боялись вашего царского гнева и возмездия; зная, что наши преступления 478а
велики, мы опасались, что (ваше) войско разорит наши дома и уничтожит состояние. Если ваше величество окажет нам, — скитальцам, свое милосердие и, сняв осаду, направит свое войско в обратный путь, мы все явимся к вам с необходимыми дарами и подношениями и поклянемся в своей верности».

Подтвердив свои слова и обещания клятвой, они (отправились обратно) и вскоре вернули (хивинских) пленных и некоторое находившееся у них имущество.

Извинения и просьбы осажденных понравились его величеству и встретили благосклонное отношение со стороны министров и вельмож. (Хан) больше не беспокоил жителей крепости, а отправился обратно в свой лагерь. Следующий день, среду, хан провел в отдыхе.

Теке Серахса, которые в бою с мервскими сарыками дрались храбро и самоотверженно и получили тяжелые раны, обратились теперь к (хану) с выражением своей преданности и покорности. Его величество простил их и возвратил им находившихся в плену их соотечественников, после чего теке радостные и веселые отправились обратно в свои места (стихи).

Возвращение его величества из Мервского похода. Когда сарыкские мятежники стали усиленно просить о прощении и пощаде, а министры и вельможи поддерживали их ходатайство, его величество не желая отказывать своим вельможам, 6-го дня месяца зуль-хиджа (1264 г. х. — 3 ноября 1848 г.) в четверг, т. е. на 36-й день своего похода, направил свое войско в обратный путь. (Первую) остановку (войска) сделали на берегу одного из рукавов Мервской реки (Мургаб). В пятницу победоносные войска оставили это место и перешли на северный берег рукава, где и расположились. В субботу отправились дальше и через один переход остановились на одной возвышенности. В воскресенье (хан) послал некоторых из смелых и энергичных своих приближенных, как Кутлуг Мурад-сердара, Мухаммед-келя, Берды Мухаммед-бека и Назар-сердара, во главе десяти-пятнадцати человек в Хиву с извещением о победоносном своем возвращении из Мервского вилайета. В тот же день они оставили упомянутую возвышенность и, перейдя к берегу одного из разветвлений реки, остановились. В понедельник, который был днем праздника Курбана, они тронулись дальше и, перейдя два рукава упомянутой выше реки, заняли ее северный берег. Эту местность называют Чиль-бурдж. В тот же день он (хан) сделал подарки старейшинам и нукерам теке Ахала и отправил их по домам. В ту же 478б
ночь для приготовления (к переходу) через пустыню (хан) посредством

глашатая велел набрать в меха и фляги воду. На утро, во вторник, выступили в путь и, для перехода «семи песков Хорезма», направились в сторону равнины Кешман.

Пройдя ночными переходами расстояние семи мензилей по пустыне, на утро, в субботу, они вступили в район колодца Тахт. В полдень опять тронулись в путь и, делая ночные переходы, в воскресенье около полудня достигли берега Джейхуна (Аму-дарьи) и расположились в зарослях Кабаклы. Ночь пробыли здесь, а в понедельник по берегу реки отправившись дальше, через Гёгерджели, Хазараси и Янги-арык, в пятницу 27-го дня месяца зуль-хиджа (1264 г. — 24 ноября 1848 г.) прибыли в столичный город Хиву, обрадовав взоры ее жителей (стихи).

479а **О событиях четвертого года царствования Мухаммед Эмина**

[После сообщения о посылке одного посла в Бухару и возвращении другого из Коканда говорится, что в середине месяца сафара (1265 г. х. — 11 января 1849 г.) к хану прибыли с подарками пятьдесят всадников из Мервских салыров и выразили свою покорность. Затем в воскресенье 11-го дня месяца раби I (1265 г. х. — 4 февр. 1849 г.) прибыли с подарками еще сто пятьдесят всадников из знати и вельмож сарыкского племени и также выразили свою покорность и повиновение.]

480а **О событиях после возвращения его величества из похода на Кунград.** В начале месяца джумади I (1265 г. х. — конец марта 1849 г.) принесли
480б отрубленную голову Аман Ферраша. Случилось так, что один из разбойников из теке Ахала, по имени Аман Ферраш, в сопровождении некоторых аламанщиков, не слушая советов и наставлений старшин своего племени (эль), постоянно совершал нападения на мусульман и грабил их имущество, а иногда с целью грабежа нападал на сборщиков дров и угля богохранимого государства (Хивы), а также на жителей других стран и чинил им беспокойство. Поэтому, согласно ханскому повелению, три джигита из теке, живущих в окрестностях Хорезма, отправились в Ахальскую область. Случайно они встретили указанного Аман Ферраша, который, уже совершив нападение (на жителей) гор и награбив много добра, возвращался обратно. Упомянутые три друга, улучив удобный момент, налетели на него, отрубили ему голову, вернулись обратно и были обласканы царственной милостью и наградой.

В середине месяца джумади I (1265 г. — около 10 мая 1849 г.) все вельможи и знать сарыкского племени с пушками и фальконетами, (оставленными) в Мервской крепости, и с подарками, достойными царской особы, явились (к хану) и, выразив свою покорность и повиновение, удостоились аудиенции. Кроме того, они обещали, что соберут впредь налоги и подарки и доставят сами. Затем в середине месяца раджаба (1265 г. — около 7 июня 1849 г.) они, с разрешения (хана), отправились к себе.

О событиях пятого года царствования его величества, в том числе и о походе на Хорасан и возвращении оттуда 481а

После того, как знатные и известные люди сарыкского и салырского племен с подарками явились к (хану) и выразили свою покорность, они доложили его величеству следующее:

«Если его величество во время своего похода в Хорасан не выступит против наших крепостей и городов, то мы обязуемся внести весь сбор хараджа и закята. Кроме того, мы сами явимся с соответствующими подарками и со всем своим войском, с тем, чтобы добросовестно выполнять все возложенные на нас поручения».

Так как его величество имел уже твердое решение выступить в поход (на Хорасан), то заявление, сделанное (старшинами), лишь окончательно укрепило его в данном намерении. Поэтому он присоединил одного из своих приближенных, Баба-мехрема, к сарыкским старшинам, а Мухаммед Эмин-бека — к салырской знати и отправил их в Мерв. После этого (хан) послал во все концы богохранимого государства гонцов для сбора войска. Вскоре войско было в сборе, и приготовления к походу закончились.

В год овцы, соответствующий 1265 г. х., в пятницу 17-го дня, месяца зуль-хиджа, когда солнце стояло в созвездии Скорпиона (3 ноября 1849 г.), после пятничной молитвы (хан) выступил в хорасанский поход и, (прибыв) к Кара-кёлю, где собрались войска, остановился. На следующий день, в субботу, около полудня (пешин), спялись с бесчисленным множеством войска и отправились, чтобы пересечь «семь песков Хорезма». Пройдя почными переходами расстояние четырех мензилей, вступили в район колодца Сагаджа и тут расположились. В тот же день (хан) назначил из военачальников Рахметуллу-ясаулбаши и Якуб-бая во главе войск из йомутов и имрели в авангард армии. Затем опять тронулись в путь и, ночными переходами пройдя два мензиля, в среду прибыли к Хан-кудуку, а в четверг, продолжая путь, через пять остановок прибыли к колодцу Чирле. В воскресенье (хан) послал отсюда одного человека к племени сарыков, одного к салырам и одного — к теке Ахала с извещением о своем походе. Проведя здесь три ночи в отдыхе, (хан) во вторник назначил Худаяр-бия и Тага-мираба во главе войска из гёклепов и карадашлы для охраны армии с восточной стороны; Сейид Назар-бия и Махмуд Нияз-ясаулбаши во главе войска из тазе-конгратов и мешриков назначил для охранения с запада, Мухаммед Мурад-мехрема во главе войска из чоудоров назначил в арриергард армии. Его величество в тот же день выступил в путь и, пройдя ночными переходами пять мензилей, через две ночи, в четверг, приходившийся на конец месяца зуль-хиджа, достиг района колодца Харджехаз и тут расположил свое войско. Следующий день был пятницей; показалась новая луна месяца мухаррема (1266 г. х. — 17 ноября 1849 г.), и настал 1266 лунный год хиджры. В ожидании идущего вслед войска пробыли у того колодца шесть суток. В среду 6-го дня месяца мухаррема (1266 г. х.— 481б

22 ноября 1849 г.) хан отправил из числа своих приближенных Бекеш-халифе с любезным письмом к правителю Дерегеза Сулейман-хану. В тот же день (войска) выступили в путь и через две остановки, в четверг, достигли окрестностей колодца Муса. В этот день сюда прибыли с подарками вельможи теке Теджена, питавшие искреннюю дружбу к хану. Они удостоились аудиенции хана и были включены в число его самоотверженных слуг. В пятницу они (хивинцы) тронулись дальше и через две остановки, в субботу, достигли северного берега р. Теджена и здесь расположились. В этот день из Дерегеза прибыл Бекеш-халифе и вручил (хану) подарки и дружественное письмо, посланное Сулейман-ханом. Пробыв здесь две ночи и переправившись в понедельник через реку по плотине (бенд), войска расположились в речных зарослях на южном берегу (Теджена). Его величество в сопровождении вельмож и собственной свиты отправился на охоту
482a вглубь упомянутых зарослей (стихи). После охоты вернулись обратно в лагерь. На следующий день, во вторник, старшины теке Теджена, во главе с инаком Девлет Мурадом, из чувства гостеприимства, доставили много кукурузы и овец, которые, по приказанию хана, были розданы везиром Мухаммед Якубом вельможам и военачальникам. Кроме того, сюда, к месту расположения войска, местные дехканы и торговцы пригнали из окрестностей много овец и рогатого скота, а также навезли много зерна и других товаров, устроив здесь базар. Таким образом, некоторые из воинов купили себе продовольствие, корм для коней и запаслись всем необходимым. Здесь хан пробыл восемь дней. За это время сюда явились некоторые старейшины серахских теке и удостоились благосклонного приема его величества. Затем из Мерва в сопровождении Баба-мехрема прибыл сын Абд-ур-Рахмана-халифе, Рахман-берды-махдум с сотней сарыкских всадников и был осчастливлен (ханским) приемом.

Одновременно прибыл также Мухаммед Эмин-бек, бежавший от салырского племени.

Подробности данного события заключаются в следующем: как упомянуто было выше, некоторые старшины салырского племени после того, как они явились к его величеству и выразили свою покорность и повиновение, вместе с Мухаммед Эмин-беком отправились обратно к себе. Когда они прибыли к себе в крепость Йолотан, одно из салырских племен выразило неудовольствие по случаю того, что (старейшины) привели с собой Мухаммед Эмин-бека, и хотело даже его убить, вследствие чего между двумя этими группами произошло столкновение, и было убито два-три человека. Группа, которая привела с собой Мухаммед Эмин-бека, скрывала его в течение нескольких дней и однажды, темной ночью, выпустила его из крепости. Он (Мухаммед Эмин-бек) счел это для себя благоприятным моментом и, поспешно направившись к крепости Нияз Мухаммед-бая, явился к предводителю племени сарыков, Абд-ур-Рахману-халифе, который присоединил его к Баба-мехрему и махдуму Рахман-берды и отправил к (хану). Прибыв (в лагерь хана), он рассказал все, что слышал

и видел. Его величество по своему великодушию ничего не сказал по адресу этих лиходеев. На восьмой день пребывания (здесь), во вторник, хан тронулся в путь и после одной остановки, в среду, прибыл на берега р. Мехине, где и расположился. В четверг (хан) отправился дальше и сделал остановку на берегу р. Хачан. В тот же день прибыли с достойными подарками старшины теке Ахала и удостоились ханской аудиенции.

Пробыв здесь двое суток, хан в субботу выступил со своим войском дальше. Через два дня пути, в воскресенье, он достиг Серахса и здесь, к югу от крепости, на берегу р. Теджена, расположил свои войска. Отдохнув здесь двое суток, во вторник, хан отправился дальше. Достигнув подножия гор, войска расположились на берегу упомянутой реки у входа в ущелье Кызыл-кая. Во время двухдневной остановки (хан) пригласил к себе высоких вельмож и дальновидных людей, с которыми устроил совещание относительно того, стоит ли итти через горное ущелье или следует отправиться другой стороной. Все присутствовавшие на совещании единогласно доложили хану, что вступление в горы нецелесообразно, потому что сейчас-де зимнее время, погода не устойчива, идет в изобилии снег и дождь, грязь и бездорожье, вследствие чего переход войск через овраги и ущелья представляет большие трудности. Кроме того, племя салыров склонно к мятежу и беспорядкам, а дружба сарыков и теке Серахса притворна и имеет корыстные цели. Сквозь видимость этой дружбы просвечивают признаки мятежа и непокорности. (Поэтому) лучше не связываться с этим племенем. Некоторые из участников совещания выразили даже мнение о необходимости наступления на этих дерзких и упрямых мятежников, с тем, чтобы подвергнуть осаде их крепость. Некоторые при этом говорили, что отнять скот у туркмена хуже, чем лишить его жизни, и коль скоро все мятежники из страха перед победоносным войском весь свой скот согнали в окрестности Фенди и Меручака, было бы лучше, если бы и победоносное войско направилось туда же, (так как) там ему будет хорошо. Последнее соображение его величеству понравилось, и он изъявил желание отправиться туда. На упомянутом же месте (на берегу Теджена) хан осчастливил вельмож и знать теке Ахала, Теджена и Серахса выдачей им блестящей, как солнце, одежды, а затем разрешил им отправиться к себе. В четверг выступили в путь из Кызыл-кая и направились в сторону Фенди, остановившись поздно вечером на отдых. В эту ночь (хивинцы) в поступках 483а
сарыкских всадников заметили (нечто) не подобающее и на основании приказа его величества, все (сарыки), во главе с Рахман-берды-махдумом, были разоружены, а их лошади отняты. Сами они, как пленные, были переданы надежным лицам. На утро, в пятницу, тронулись дальше и, пройдя расстояние одной остановки, опять сделали привал. В ту же ночь племя чоудоров, гёкленов и все другие туркменские племена были отправлены вперед для набегов и грабежа имущества мятежников. Когда к ним присоединилось большинство узбекских джигитов, то получилось великое сборище. Они разделились на три части, каждая из которых отправилась в разные стороны.

В субботу перед обедом (эти отряды) налетели на мятежников и захватили бесчисленное множество разного добра. Йомуты, чоудоры и некоторые узбекские аламаны поместили награбленное имущество близ крепости Фенди, повыше того места, где находится мост через р. Мор и где воды последней соединяются с р. Мерва (Мургабом). Собрав здесь все награбленное, они стали ожидать прибытия (хана). На следующий день, в воскресенье, после полудня (пешин) вся конница салыров, сарыков и теке Серахса, объединившись вместе, внезапно напала на них (на хивинские аламаны). Произошла небольшая стычка. Лошади у большинства (хивинских) аламанов были не оседланы, так как каждый был занят охраной своей добычи. Не будучи в состоянии, вследствие растерянности, сесть на своих коней и оказать сопротивление, (хивинцы) вынуждены были обратиться в бегство. На заре следующего дня они добрались до (ханского лагеря). Двести человек из них были убиты мятежниками. Все это однако случилось по их собственной беспечности и неосторожности (стихи).

Из числа мятежников в этот день в бою было убито сто человек. Остальные мятежники из страха наказания со стороны его величества были не в состоянии оставаться в той местности и поспешно обратились в бегство. Однако мир Мухаммед-хан и Бекеш-халифе, во главе многочисленного войска из джемшидов, али-эли и узбеков, пройдя выше Меручака, совершили набег на берега р. Мор и захватили в добычу несметное число вер-
1836 блюдов, овец и другого добра. Со своей богатой добычей они достигли (местности) выше моста через р. Мор и здесь остановились. В понедельник четвертого дня месяца сафара 1266 г. х. (20 декабря 1849 г.) его величество также прибыл туда. Отдохнув здесь двое суток, хан, по просьбе вельмож и военачальников, в среду отправился обратно в Хорезм. После четырех дней пути они прибыли к плотине Казыклы (Казыклы-бенд)...[1] и здесь сделали остановку на берегу реки, в среду перешли (плотину) Бенд-и-султан, а в четверг направились степной дорогой (кыр йолы) в сторону крепости Байрам Али-хана. По дороге авангард победоносного войска встретился с десятитысячной конницей салыров, сарыков и серахских теке, которые собравшись в крепости Йолотан, перешли через реку и, натолкнувшись на авангард победоносного войска, завязали с ним бой. (Хивинские) воины бросились на мятежников, и бой разгорелся (стихи). Шедшее в это время вслед (за авангардом) в полном боевом походном порядке победоносное войско с его величеством ханом, узнав об этом, поспешило в ту сторону. Упрямцы-мятежники, установив, что победоносное войско, как грозная стихия, идет на них, предпочли путь бегства, не будучи в состоянии сопротивляться. Храбрые (хивинские) бойцы, преследуя противника, многих из его рядов свалили наземь ударами своих сабель и пик. Мятежники, усилив свое бегство, бросились в реку и (частью) потонули в ее волнах. Оставшиеся (в живых) с большими затруднениями и чуть живые перешли реку, но

[1] Место в рукописи дефектно.

вследствие своего невежества и упрямства, (снова) выстроились в ряды и стали сопротивляться. В это время некоторые из начальников артиллерии начали обстрел мятежников из пушек и, уничтожив многих из них, сломали их стойкость. В этом бою от меча победоносного войска погибло около сорока человек мятежников и больше двухсот человек бросилось со скалы и потонуло в воде...[1] Со стороны же победоносного войска никто не пострадал, не считая 5—6 человек легко раненых, которые вскоре выздоровели.

Этот день был тринадцатым днем месяца сафара (1266 г. х. — 29 декабря 1849 г.). Его величество после поражения и бегства мятежников отправился к войску и остановился на расстоянии полуперехода к западу от крепости Йолотан. Прибыв туда, (хан) удалился на покой. На утро, в пятницу, снявшись отсюда и пройдя мимо крепости Байрам Али-хана, остановились на берегу канала на южной стороне (крепости). В субботу хан наградил здесь храбрецов, доставивших головы, получивших раны, а также потерявших свою лошадь. В этот же день (хан) через глашатаев велел войску набрать воды для перехода через пустыню. Той же ночью он послал (в Хиву) своих приближенных Амана-халифе и Кутлуг Мурад-сердара во главе двенадцати человек с извещением о возвращении в полном здравии и с добычей в Хорезм. На утро, в воскресенье, шестнадцатого дня месяца сафара 1266 г. х. (1 января 1850 г.), они выступили из крепости Байрам Али-хана в путь и, пройдя через равнину (мейдан) Кешман, на шестой день пути, в пятницу, вступили в окрестности колодца Тахт и тут сделали остановку. В субботу снова тронулись в путь и, минуя заросли Кабаклы, продолжали путь по берегу р. Джейхуна, пока не достигли и не остановились в тугае Садвар. В воскресенье (хан) устроил здесь пир, пригласив не только вельмож и знатных, но и простых. Пир был такой, какого мир никогда не видел. На этом торжестве (хан) устроил скачки; тем, у которых лошади пришли первыми, он, в знак отличия, пожаловал большие денежные суммы. Затем, пройдя через Беш-агач, Хазарасп и Янги-арык, в воскресенье, третьего дня месяца раби I (17 января 1850 г.) (хан) прибыл в (Хиву).

О некоторых событиях, случившихся после возвращения его величества из (Хорасанского) похода. *484б* Во время своей поездки по стране, совершаемой для ознакомления с жизнью населения, хан посетил также г. Куня Ургенч и велел построить плотину на р. Куня-дарье, протекавшей к югу от Куня Ургенча и называвшейся Шаркраук, с тем, чтобы лишить воды «некоторых воров и разбойников из племени йомутов, обитавших в устье (реки) и занимавшихся грабежом и разбоем».

Худаяр-бий, Бекеш-халифе, младший брат Тагай-мираба и Эвез Мурад-бек вместе со своими нукерами из гёклепов, али-эли и карадашлы в том же году в месяце[2]..., согласно ханскому приказу, отправились к Теджену для совершения набегов. *485а*

---

[1] Дальше полстрочки в рукописи стерто.

[2] Место в рукописи дефектно.

В пятницу шестого дня месяца раджаба 1266 г. х. (18 мая 1850 г.) согласно (ханскому) указанию, мир Мухаммед-хан, джемшидский, его младший брат Абдулла-хан, беглербеги, и Юсуф-хан-мехрем, джемшидский, вместе с войсками из племен ата и имрели, (также) отправились вслед за Худаяр-бием и Бекеш-халифе против теке.

В середине месяца раджаба (1266 г. х. — конец мая 1850 г.) около трехсот человек всадников из йомутов, с разрешения его величества, отправились в сторону Репетекской дороги с целью нападения на караван сарыкских мятежников, возвращавшийся из Бухары. Встретившись на этом пути с небольшим караваном, они напали на него и ограбили. Затем (отряд), имея при себе груз этого каравана, налетел на сарыков, находившихся в количестве тридцати всадников в одном рабате повыше Чарджуя, и всех их уничтожил. Лишь два человека были захвачены живыми. В середине месяца ша'бана 1266 г. х. (26 июня 1850 г.) (воины) невредимыми и с добычей вернулись обратно и были осчастливлены царской благосклонностью.

Шахмурад-инак, Сейид Назар-бий и Эр Нияз-мехрем, которые в это время начальствовали над племенем сакар, в пятницу семнадцатого дня месяца рамазана 1266 г. х. (27 июля 1850 г.) вместе с подчиненными им нукерами были назначены (ханом) в набег на Теджен.

485б В пятницу четырнадцатого дня месяца зуль-ка'да 1266 г. х. (21 сентября 1850 г.), по приказанию хана, Сейид Мухаммед-тёре, Сейид Назар-бек и Сейид Ахмед-тёре с восемью тысячами нукеров отправились на грабеж сарыкских мятежников.

О событиях шестого года царствования его величества

В середине того же месяца (мухаррема) 1267 г. х. (около 20 ноября 1850 г.) в Хиву вернулись со своими нукерами Бекеш-халифе и Юсуфджан-мехрем, которые, согласно ханскому приказанию, совершали набеги на Теджен. Бекеш-халифе, во главе отряда войск, был снова направлен туда же.

486а **О походе эмир-уль-умара, шахзаде Сейид Махмуда-тёре, на Теджен и о его возвращении.** Для наказания и истребления сарыкских мятежников его величество назначил сыновей покойного Мухаммед Рахим-хана — принцев (шахзаде) Сейид Махмуда-тёре, Сейид Ахмеда-тёре и Сейид Назар-бека, сына Рашид Мухаммед Назар-инака. Хан дал в их распоряжение около восьми тысяч войск, во главе с вельможами и военачальниками — благородным тёре Мурад-аталыком, Эвез-беком, сыном Салих-аталыка, Девлет, Яр-беком, и Рахметуллою-ясаулбаши. Согласно ханскому приказанию, в пятницу четырнадцатого дня месяца зуль-ка'да 1266 г. х. (21 сентября 1850 г.) они (начальники и войско) выступили в путь. Перейдя «семь песков Хорезма» мимо колодцев Сагаджа, Чирле и Харджихаз, они достигли района колодца Муса. (Отсюда), на основании ханского приказания, они послали в Теджен человека, с требованием к находящимся там в набеге военачальникам и нукерам, во главе с мир Мухаммед-ханом джемшидским, возвратиться,

чтобы вместе двигаться к Мерву. Когда последние прибыли, было созвано совещание, на котором было решено отказаться от похода на Мерв и всем вместе отправиться на Теджен. Причина заключалась в том, что мятежники-сарыки обещали свою покорность и дружбу. Поэтому Сейид Махмуд-тёре, с согласия вельмож, направился на Теджен. (Прибыв туда) он некоторое время оставался там. Во время его пребывания (здесь) к нему явились с подарками вельможи племен окрестных городов и крепостей, которые изъявили свою покорность и повиновение. В том числе к Сейид Махмуду-тёре явились во главе с Оразом Яглы с повинной некоторые старшины мервских сарыков, предводители салыров, живущих в Йолотане и некоторые вожди — предводители теке, живущих в Серахсе. Они принесли дорогие подарки и просили, чтобы он (Сейид Махмуд-тёре), в качестве их заступника, просил бы у его величества (хана) прощения за их преступления. Царевич (Сейид Махмуд-тёре) принял их просьбу и, оставив в Теджене Бекеша-халифе с некоторым числом войск, сам в сопровождении упомянутых (туркменских) предводителей и (хивинских) вельмож направился в сторону Хорезма. В субботу седьмого дня месяца сафара 1267 г. х. (12 декабря 1850 г.) (царевич) прибыл в г. Хиву. В это время его величество был занят охотой на берегах озера Таукара. Вследствие того, что хан приказал его не беспокоить, Сейид Махмуд-тёре и все остальные предводители, не решались пойти к нему, и каждый остался на своем месте. Когда хан вернулся с охоты, все вельможи и военачальники, во главе с Сейид Махмудом-тёре, были награждены дорогими материями, пожами, украшенными драгоценными каменьями, и златотканными халатами. Затем, в начале месяца раби II того же (1267) г. х. (начало февраля 1851 г.) вельможам теке и сарыков во главе с Оразом Яглы, прибывшим (в Хиву) вместе с Сейид Махмудом-торе, было разрешено отправиться обратно для выяснения вопроса о том, намерены ли теке Серахса и сарыки Мерва подчиниться (хану) и выразить ему свою покорность. *1866*

В середине месяца джумади II 1267 г. х. (середина апреля 1851 г.) старейшины теке и сарыков во главе с Оразом Яглы явились (в Хиву) и заявили о том, что племена их в смысле покорности и послушания держатся весьма уклончиво. Это обстоятельство и послужило причиной нового похода в Мерв.

О четвертом походе (хана) в Хорасан и обратном его возвращении. *187а*

Племя сарыков несколько раз посылало людей и давало обещания быть покорными (хану). Однако потом это племя оставляло без последствий данные им обещания и, опять став на путь упрямства и мятежа, предавалось упорному сопротивлению. Его величество пришел к окончательному решению о (необходимости) наказания и истребления этого злосчастного племени. В среду двадцать седьмого дня месяца раджаба, соответствующего седьмому дню созвездия близнецов 1267 г. х. (28 мая 1851 г.), в год свиньи, (хан) с многочисленным войском выступил в путь. Проезжая по берегу р. Джейхуна (Аму-дарьи) и перевалив через горы и пустыни, через шестнадцать дней прибыли

в заросли Кабаклы, где и остановились. Вступив в «семь песков Хорезма» и двигаясь ночными переходами, они миновали колодцы Тахт и Ярыхаджи и через восемь дней, в субботу, подошли к берегу Мервской реки. Узнав об этом, мятежники забрались в крепость и крепко закрылись. В виду того, что вышина крепостной стены и сама крепость походили на степы Александра (Македонского), а ров вокруг крепости, по своей глубине, был подобен океану, его величество не разрешил войску приступать к осаде этой твердыни. Оставаясь здесь в течение тридцати четырех дней и переходя то на северный, то на южный берег реки и находясь в окрестностях крепости, они (хивинцы) ограничились тем, что уничтожили все посевы мятежников.

О событиях, имевших место в дни осады (крепости Мерва). Салырское племя, которое проживало в крепости Йолотан, явилось с подарками (к хану) и, удостоившись аудиенции, выразило свою покорность. Его величество, по своему милосердию и великодушию, принял их просьбу и (приказал) больше не разорять их посевы. Затем хан наградил их златотканными одеждами и отправил их к себе. К хану прибыли со своими нукерами и с тысячью всадников из войска тедженских теке Худаяр-бий и Бекеш-халифе, которые еще ранее, по приказанию его величества, отправились вместе с племенами гёкленов и али-эли для совершения набе-
4876 гов и находились в Теджене. (Прибывшие) были осчастливлены царскими милостями,

(Известно), что некоторые из серахских теке отказывали (хану) в покорности. Случилось так, что правитель Ирана Мухаммед-шах, вследствие некоторых своих притязаний, послал для истребления этого племени (теке) одного из своих военачальников, по имени Салар, с бесчисленным количеством войск из племени каджаров и громадной артиллерией. Быстро спустившись с гор, Салар, по приказанию своего падишаха, быстро напал на Серахскую крепость и начал жестоко теснить теке. Не выдержав суровой осады, теке вынуждены были обратиться за помощью (к хану). Старейшины этого племени, удостоившись (ханского) приема, выразили покорность и доложили о следующем: «Раскаиваясь во всех своих недостойных делах и поступках и возлагая надежду на вашу царскую милость, просим оказать нам ваше покровительство и помощь и, пока мы не стали еще пленниками кызылбашских разбойников, спасти нас от этой неотвратимой беды. Все мы готовы переселиться туда, куда вы прикажете, и, живя там в спокойствии под вашим покровительством, самоотверженно выполнять все то, что вы прикажете нам. Мы считаем своим долгом и обязанностью служить вам до последнего вздоха».

Его величество великодушно принял их просьбу и послал своих военачальников — Худаяр-бия, мир Мухаммед-хана и Абдулла-хана-беглербеги вместе с войсками гёкленов, джемшидов, ата и имрели в крепость Серахс для оказания помощи (теке) и их защиты. После этого, (хан) послал Бекеш-халифе в качестве посланника (к Салару) со следующими словами:

«Между вечной державой (Хивой) и Иранским государством издавна существует крепкая дружба. (Туркмены) племени теке, живущие в области Серахса, также являются давнишними преданными нашими нукерами. Это племя, раскаявшись в своих преступлениях и мятежах, явилось к нам с повинной, прося у нас покровительства. Теперь, во имя дружбы двух государств, пусть Салар откажется от осады (крепости) этого племени и отправляется туда, откуда прибыл».

Когда Бекеш-халифе передал эти слова, Салар принял их с полным уважением и, сняв осаду крепости Серахса, отправился в Иран. Бекеш-халифе, согласно ханскому приказанию, присоединился к военачальникам, прибывшим на помощь к серахским теке. Его величество, находясь в течение тридцати четырех дней среди полей, расположенных вокруг Мервской крепости, приказал победоносному войску вытоптать и уничтожить эти посевы, лишив, таким образом, мятежников надежды на урожай. После этого (хан), направившись к Хорезму и в пятницу двадцать седьмого *188а* дня месяца рамазана 1267 г. х. (26 июля 1851 г.) перейдя через крепость Чиль-бурдж, вступил в пески. В среду, на шестой день пути, он достиг берега Аму-дарьи и остановился в зарослях Кабаклы. Двигаясь отсюда по берегу реки в четверг десятого дня месяца шавваля 1267 г. х. (8 августа 1851 г.) прибыли в столичный град Хиву. Тогда же военачальники — Худаяр-бий, мир Мухаммед-хан, Абдулла-хан-беглербеги и Бекеш-халифе, которые во время этого похода, согласно ханскому приказанию, посланы были в Серахс, после того, как привели в порядок дела племени теке, вернулись (в Хиву), а Бекеш-халифе со своими нукерами остался в Теджене.

В четверг двадцать девятого дня того же месяца (раби I) 1268 г. х. (22 января 1852 г.) хан отправил храброго военачальника Худаяр-бия *188б* с отрядом из гёклепов в Теджен для совершения набега. (Затем хан послал) Абдулла-хана-беглербеги с его нукерами к джемшидам области Бадгис для установления порядка в делах этого племени.

В середине месяца раби II (1268 г. х.—около 10-го числа февраля 1852 г.), после болезни скончался в Теджене усердный слуга (хана) Бекеш-халифе.

Его знамя и нукеры, из племени али-эли, перешли к сыну славного и благородного Алаш-бия храброму Аллаяр-беку, который вместе с этим был назначен на должность военачальника.

О событиях седьмого года царствования его величества

Глава о пятом походе его величества на Хорасан, об уничтожении посевов *189а*
сарыкских мятежников, живущих в Мервском крае, и об обратном возвращении. Каждый год (хан) отправлялся в Мервский вилайет и вызывал там тревогу, разоряя посевы сарыкских мятежников и забирая в добычу их имущество. По тому же обычаю хан выступил на Мерв и в этом году, в году мыши, соответствующему 1268 г. х., в воскресенье двадцать седьмого дня месяца раджаба (17 мая 1852 г.). Идя вместе с победоносным

войском по берегу р. Аму-дарьи, (хан) в понедельник, тринадцатого дня месяца ша'бана 1268 г. х. (2 июня 1852 г.) прибыл в заросли Кабаклы и здесь простоял двое суток. Выступив в среду, пятнадцатого дня упомянутого месяца (ша'бана) 1268 г. х. (4 июня 1852 г.) через песчаные холмы, мимо колодцев Тахт и Яры-хаджи, (хан) в среду двадцать второго дня месяца ша'бана 1268 г. х. (11 июня 1852 г.) достиг берега Мервской реки. Хан разрешил войску уничтожить посевы сарыкских мятежников, вследствие чего воины каждый день, переезжая с одного участка посевов на другой, в течение сорока четырех дней занимались уничтожением посевов вокруг крепости, лишив мятежников всякой надежды на урожай и поставив их перед лицом голода.

Рассказ о событиях, какие произошли в дни осады крепости (Мерва). Не выдержав жестокой осады, Тенгри-берды-бек, предводитель рода алаша, племени сарык, послал (к хану) своего младшего брата, через которого выразил свою покорность и послушание и просил (о следующем):

«Если его величеству угодно будет простить преступления своих пристыженных слуг и оградить от разорения посевы племени алаша, то мы постараемся показать свою самоотверженность (вам): мы отделимся от остальных сарыков, покинем крепость и, перейдя на свои поля, воздвигнем (новую) прочную крепость, вырыв вокруг нее ров, и там будем сопротивляться (сарыкам), выполняя службу вам».

1896 Его величество, в силу своего благородства и великодушия, принял их просьбу и, запретив уничтожение посевов указанного племени, обрадовал их. Затем вельможи и знать теке Серахса, а также знать салыров Йолотана, явившись с достойными царской особы подарками, удостоились ханской аудиенции и в знак преданности привезли много зерна и других вещей, которые распродали на базаре, устроенном на месте (стоянки) войска.

Военачальники — мир Мухаммед-хан, Худаяр-бий, Девлет Яр-бек, Юр Нияз-мехрем, которые с войсками джемшидов, гёклепов, карадашлы и сакар еще раньше, согласно ханскому приказанию, прибыли в Теджен и там отдыхали, (теперь) вернулись (из Теджена) со своими нукерами и предводителями тедженских теке и были возвеличены ханскими ласками.

Большое количество конных сарыкских мятежников, улучив подходящий момент, вышли из крепости и напали на некоторых сборщиков дров и фуража августейшего войска. Согласно ханскому приказанию, мир Мухаммед-хан, тотчас же (встав во главе) войска джемшидов, отправился для преследования злосчастных (мятежников). Преследуя их до самой крепости, они (хивинцы) отрубили много голов и захватили бесконечное множество добычи, за что получили от его величества златоткапные одежды и денежные суммы.

Племя хезаре, принадлежащее к Гератскому улусу, уже в течение некоторого времени по непонятным причинам продолжало упрямствовать и питало вражду к хивинскому государству. Поэтому около четырехсот всадников из храбрецов этого племени явились на помощь к сарыкским

мятежникам, и выйдя с большей частью этих мятежников из крепости, бесстрашно напали на караул из йомутов, которые охраняли сборщиков дров и фуража (хивинского) войска. Завязался бой, заработали сабли и пики. Когда сведения об этом дошли до слуха (хана), последовал его приказ о том, чтобы некоторое количество войска выступило из лагеря и отправилось против мятежников, чтобы наказать их. Храбрые и отважные богатыри, которые уже давно стремились на арену битвы и жаждали вражеской крови, услышав эту радостную весть (ханский приказ), сели на коней и поскакали на поле битвы. Чтобы не уронить свою честь и не быть опозоренным, войско противника оказало некоторое сопротивление, но в конце концов, не выдержав натиска победоносного войска, обратилось в бегство. Преследуя неприятеля, хивинцы много врагов убили ударами своих сабель и многих забрали в плен, после чего с победой вернулись обратно (стихи). *490а*

Богатырей, отличившихся в этом бою, его величество одарил большой суммой наличных денег, чем возвеличил их среди сверстников.

После этого события мятежники-сарыки, не имея возможности высунуть головы из крепости, вынуждены были сидеть в тюрьме осады. Они накрепко закрыли ворота крепости и, кроме дула ружья, ничего другого из крепости не показывали. Его величество в течение сорока четырех дней занят был уничтожением хлебных полей; когда от полей и посевов не осталось никакого следа, (хан) изъявил желание вернуться в Хорезм. Одного из храбрых военачальников — Аллаяр-бека с войском али-эли он присоединил к предводителям теке Теджена и отправил в Теджен для совершения набегов. В четверг пятого дня месяца шавваля 1268 г. х. (23 июля 1852 г.) направились в сторону Хорезма и, продолжая путь ночными переходами, миновали колодцы Яры-хаджи и Тахт и через семь дней, в среду, перейдя пески, достигли зарослей Кабаклы на берегу Аму-дарьи. Затем, следуя по берегу реки, вступили в местность Судук, где (хан) наградил всех вельмож, военачальников и слуг бесчисленным количеством диргемов и динаров. В местности Уч-тепе он (хан) устроил царственный пир всем высшим и низшим, и в среду восемнадцатого дня месяца шавваля 1268 г. х. (5 августа 1852 г.) прибыл обратно в Хиву. Этот благословенный поход продолжался восемьдесят один день.

О событиях после возвращения (хана) из Мерва. На обратном пути из Мерва его величество послал одного из своих приближенных — Мухаммед Нияза-юзбаши, известного под прозвищем Фена Куль, во главе приблизительно двухсот всадников из йомутов и имрели на Репетекскую дорогу для грабежа каравана сарыков, который встретился на пути от них (сарыков) в Бухару или из Бухары (к сарыкам). Отправившись согласно ханскому приказанию, упомянутый юзбаши встретил на Репетекской дороге многочисленный сарыкский караван, возвращавшийся из Мерва в Бухару. Многих из каравана (хивинцы) убили, часть взяли в плен и, забрав в добычу несметное количество имущества, во вторник двадцать четвертого дня *490б*

месяца шавваля (1268 г. х. — 11 августа 1852 г.) вернулись обратно, будучи осчастливлены (ханской) наградой в виде золотых ножей и златотканной одежды.

О набеге (хивинских) вельмож и военачальников на Мерв, о разорении и грабеже имущества сарыкских мятежников, о путешествии и охоте его величества и событиях, которые имели место в те дни. В том же году, т. е. в год мыши, соответствующем 1268 г. х., семнадцатого дня месяца зуль-хиджа (6 октября 1852 г.), в пятницу, его величество отправил могущественных вельмож и военачальников — Тёре Мурад-аталыка, Сейид Назарбия, Рахметуллу-ясаулбаши, Мухаммед Мурад-мехрема и Девлет Яр-бека вместе с войсками йомутов, чоудоров, имрели, тазе-конгратов и карадашлы, чтобы нанести ущерб сарыкским мятежникам. В тот же день мир Мухаммед-хан и Эр Нияз-мехрем с войском джемшидов и сакаров назначены были в Теджен для совершения набегов.

491a [Дальше рассказывается о том, что выехавший на охоту хан прибыл в Уч-тепе, где получил известие о раздорах между сарыками Мерва и о двукратном столкновении отделения алаша, возглавляемого Тенгри Берды-беком, с остальными сарыками, с которыми (Тенгри Берды-бек) жестоко расправился. Подробности этого события следуют ниже.]

В текущем (1268 г. х.) году, когда его величество, прибыв в Мервский вилайет, занимался осадой крепости, Тенгри Берды-бек, предводитель рода алаша, племени сарык, послал своего брата к хану с обещанием покориться и повиноваться и с просьбой о том, что если его величество, по своему великодушию и народолюбию, проявит жалость и не даст попирать и уничтожать поля и посевы племени алаша, то он со всем своим родом выйдет из крепости, выроет окопы, воздвигнет стены и валы и будет оказывать сопротивление и бороться против врагов (хана). Его величество приняв его просьбу, и как уже было упомянуто выше, не допуская войска к уничтожению посевов, отправился обратно в Хорезм. После этого Тенгри Берды-бек, под предлогом уборки урожая, покинул крепость и перевел свое племя на поля. (Здесь), приблизительно в трех фарсахах к западу от крепости, вырыли окопы и занялись уборкой хлеба. В это время к ним присоединилось много семей и преданных людей из племени теке Серахса и еще некоторые племена из жителей крепости. Они укрепили свои окопы и приготовились к борьбе против жителей крепости (Мерва). Абд-ур-Рахман-халифе, который является главарем сарыкских мятежников, несколько раз с угрозами посылал к ним людей с тем, чтобы они — жители окопов — переселились в крепость. Однако старейшины улусов, живших в окопах, отказывались подчиняться его требованию. Наконец, жители крепости, собравшись вместе, напали на обитателей окопов и стали биться. Однако, не выдержав ударов защитников окопов, они обратились в бегство. Отважные богатыри (защитники окопов) перебили много врагов и овладели бесчисленным оружием. Мятежники потерпели жестокое поражение и опозоренные ушли в свою крепость. (Затем), снова пополнив (недостатки) оружия и конского

состава, полчища мятежников, во главе с Абд-ур-Рахманом-халифе, с артиллерией и фальконетами снова навалились на защитников окопов и стали обстреливать их из пушек, фальконетов и мушкетов. Бойцы окопов также *4916* бросились на них, и между ними завязался бой, который продолжался четыре дня. В это время прибыл Алла Яр-бек, который с войском (племени) али-эли находился в Теджене, производя там набеги. Получив известие о первом нападении сарыкских мятежников на окопы, он отправился со своими нукерами на помощь их защитникам. На радость друзьям и на страх врагам он на четвертый день битвы прибыл к укреплению и ринулся в бой. На мятежников напал страх. Не будучи в состоянии более удержаться, они бросили всю свою артиллерию, фальконеты, имущество и разные вещи и поспешно обратились в бегство. Алла Яр-бек, вместе со своими нукерами и отважными жителями окопов, преследуя мятежников до самой крепости, перебил бесчисленное их количество, многих забрал в плен и захватил в добычу всю их артиллерию и другое имущество. (Алла Яр-бек) для сообщения о своей победе послал (к хану) гонца. Доставив весть о победе его величеству, охотившемуся в Уч-тепе, на берегу р. Аму-дарьи, гонец получил в награду златотканную одежду. После этого его величество, следуя (обратно) по берегу реки, на пути, до леса Бурли, занимаясь охотой, прибыл в местность, называемую Тиве-боюн, и переехал на северную сторону реки. Охотясь по пути, он достиг и переправился через реку у Кыпчака. Когда он прибыл в свой дворец, в Хан-абаде, в округе Куня Ургенча, (сюда) прибыли с бесчисленной добычей военачальники, совершившие набег.

Подробности этого краткого сообщения заключаются в следующем: как *492a* упомянуто было выше, его величество еще до своего выступления на охоту отправил в Мерв для совершения набегов Тёре Мурад-аталыка, Сейид Назар-бия, Рахметуллу-ясаулбаши, Мухамммед Мурад-мехрема и Девлет Яр-бия со вверенными им нукерами. Упомянутые военачальники, выступив, согласно (ханскому) приказанию, в путь и быстро пройдя колодцы Тахт и Яры-хаджи, утром в воскресенье восемнадцатого дня месяца мухаррема 1269 г. х. (1 ноября 1852 г.) подошли близко к крепости Байрам Али-хана и разрешили аламанщикам совершить набеги. (Люди) разделились на отдельные отряды, и каждый отряд отправился в разные стороны. Сарыкские мятежники еще до этого, узнав о том, что аламаны (Хивы) отправились на Мерв, загнали в крепость весь свой скот, пасшийся в окрестностях. По истечении некоторого времени они подумали, что весть о выступлении аламанов является ложной, и (снова) пустили своих овец и верблюдов на пастбища за реку (Мургаб). Аламаны, набросившись со всех сторон на стада, перебили всех пастухов и, забрав около сорока тысяч верблюдов и около восьмидесяти тысяч овец и прочего скота, отправились в сторону Хорезма. Мятежники даже головы своей не могли высунуть из крепости. Аламаны здравыми, невредимыми, с большой добычей вступили в Хорезм. В воскресенье десятого дня месяца сафара 1269 г. х. (23 ноября 1852 г.) все предводители и военачальники представились его величеству в местности

Хан-абад в районе Куня Ургенча и были возвеличены ханскими наградами в виде кинжалов, украшенных драгоценными камнями, и златотканных одежд. После охоты и развлечений в своих владениях и садах в окрестностях Куня Ургенча, хан в среду четвертого дня месяца раби I вернулся в столичный град Хиву. Это путешествие продолжалось семьдесят один день.

О событиях в восьмом году царствования его величества

В пятницу четвертого дня месяца раби II 1269 г. х. (15 января 1853 г.) его величество послал своих славных вельмож Худаяр-бия и Шах Мурад-
4926 инака с войском племени гёкленов на помощь (хивинскому) отряду, который находился в Мервской области в районе окопов вблизи Мерва.[1] Аллаяр-хан, который нанес поражение и обратил в бегство сарыкских мятежников, был удостоен его величеством звания аталыка. Ярлык вместе с золотым ножом, златотканной одеждой и большим количеством денег был передан ему через отправленных к Мерву Худаяр-бия и Шах Мурад-инака.

В начале месяца раби II (1269 г. х. — середина января 1853 г.) около пятисот человек предприимчивых джигитов из племени йомутов, имрели, чоудоров и других туркменских и узбекских племен, с разрешения (хана), отправились по направлению к Мерву, чтобы совершить набег. Пройдя много остановок через колодцы Тахт и Яры-хаджи, аламаны вблизи старой мервской плотины Бенд-и-султан натолкнулись на многочисленные стада овец и верблюдов, принадлежавшие мятежникам сарыкам. (Хивинцы) захватили эти стада и погнали их, но так как овец трудно было гнать, то их оставили и погнали лишь верблюдов. Из слов пастухов они (хивинцы) выяснили, что на пути, выше Репетекской дороги, находится караван сарыков. (Поэтому) они поспешно отправились на ту дорогу и внезапно налетели на два каравана, которые стояли у колодца. Один из караванов вез зерно из Бухары в Мерв, а другой шел с дорогими товарами из Мерва в Бухару. Из состава каравана (аламаны) убили около пятидесяти человек, одиннадцать человек взяли в плен, захватили при этом в добычу около тысячи верблюдов, бесчисленные множество товара, материи, зерна, около пятнадцати невольниц-девушек и с радостью и весельем отправились обратно. В субботу четвертого дня месяца джумади I 1269 г. х. они прибыли (в резиденцию хана) и были осчастливлены царской милостью.

В субботу одиннадцатого дня месяца джумади I 1269 г. х. (20 февраля 1853 г.), согласно ханскому приказанию, из окопов Тенгри Берды-бека вернулся Эр Нияз-мехрем с вверенными ему пукерами и был осчастливлен царственными милостями.

4936 **О шестом походе его величества в Хорасан против сарыкских мятежников.**[2] Сарыкские мятежники Мервской области в течение долгих лет не

---

[1] Речь идет об укреплении, устроенном Тенгри Берды беком (см. выше).

[2] Заглавие сокращено.

желали подчиняться его величеству. Его величество, с целью нанесения ущерба этому племени, каждый год отправлялся с бесчисленным войском в Мервский вилайет и, уничтожив посевы мятежников, возвращался обратно.

Однако, в этом (1269 г. х. — 1852/53 г.) году, когда ханские войска, расположенные у канала Кара-яб, постоянно нападали на мервские окрестности, мятежники не решались заниматься земледелием и, будучи заперты в крепости, очутились в весьма тяжелом положении. Решив истребить этих бродяг, хан, в пятницу 28-го числа месяца раджаба в год коровы, соответствующий 1269 г. х. (7 мая 1853 г.), с многочисленным войском выступил в поход. Минуя Хазарасп и продолжая итти с остановками по берегу реки (Аму-дарьи), (войска) вступили в заросли Кабаклы, где начинается дорога на Тахт. Пробыв тут два дня месяца ша'бана (26 мая 1853 г.), хан с войском вступили в «семь песков Хорезма». Сделав остановки в окрестностях колодцев Тахт и Яры-хаджи и закончив переход песчаных холмов, 26-го дня месяца ша'бана (4 июня 1853 г.) вступили в Мервскую область, расположившись лагерем на берегу Мервской реки (Мургаба). С целью нанесения ущерба мятежникам победоносное войско в течение нескольких дней совершало набеги и грабило северный берег реки. В это время из крепости Йолотан прибыли с подарками предводители племени салыров, которые удостоились ханского приема и (после) выражения своей покорности *494а*
и преданности были возвеличены царственной милостью. После того как победоносное войско по повелению его величества уничтожило посевы, расположенные на северной стороне реки, оно переправилось на южную сторону реки и расположилось к югу от сарыкской крепости. Сюда же его величество перенес свою ставку. В тот же день к его величеству прибыли со своими нукерами — мир Мухаммед-хан, Аллаяр-аталык, Худаяр-бий, Шах Мурад-инак, Сейид Назар-бий, Девлет Яр-бек, и Мухаммед Ниязясаулбаши,[1] находившиеся на берегу (канала) Кара-яба в районе укрепления (Тенгри Берды-бека). Упомянутые военачальники удостоились беспредельной ханской благосклонности.[2]

Словом после того, как его величество расположился на южной стороне крепости сарыков и окружил ее со всех сторон, было приступлено к артиллерийскому обстрелу этой крепости. В дни осады известные храбрецы, в порядке несения караульной службы, подходили близко к крепости и по

[1] Махмуд Нияз-ясаулбаши, узбек, упоминается также при описании позднейших событий в царствование Сейид-Мухаммед-хана. Махмуд Нияз-ясаулбаши возглавлял карательную экспедицию против восставшего каракалпакского бия из рода конграт Эр Назара, против туркмен, участвовал в походе в Чинбай и был назначен в 1859 г. правителем кара-калпаков в крепость Чинбай. См. перевод П. П. Иванова в Сб. матер. по истории кара-калпаков, стр. 137 и сл.

[2] С этим событием совпал также приезд посланника гератского правителя, по приглашению которого в Герат было послано много верблюдов для доставки (войску) зерна. Дальше рассказываются отдельные подробности и указываются причины приезда посланника.

495а собственной инициативе совершали нападения, уничтожая и обращая в бегство выходивших мятежников. Артиллеристы с высот открыли стрельбу и засыпали головы мятежников снарядами — «метеорами несчастия». Победоносные войска каждый день вели осаду крепости и преследовали неприятеля, не давая ему возможности высунуть головы из крепости. В один (из таких) дней в одного из храбрых вельмож Аллаяр-аталыка попала пуля, и он отправился в райский цветник роз (умер). Случилось это следующим образом: в среду 29-го дня месяца рамазана (6 июля 1853 г.), во время осады крепости, группа войск с некоторыми военачальниками, во главе с Аллаяр-аталыком, отправившись вперед, подошла поближе к крепости и стала производить нападение. После обеда люди Аллаяр-аталыка спешились и беспечно сидели на одном месте. Некоторые сарыкские храбрецы, заметив это из крепости и воспользовавшись удобным случаем, подошли к ним по руслу некоторых старых каналов и оврагов и внезапно напали на них со многими всадниками и пешими стрелками. (Хотя) победоносное войско успело сесть на коней, однако потерпело поражение. В разгар боя одна пуля попала в сердце Аллаяр-аталыка, который свалился с лошади и умер от раны. В это время на помощь к хивинцам подоспела посланная из ханского лагеря группа богатырей, которая обратила врага в бегство. Преследуя врагов до самой крепости, хивинцы многих из них истребили и с победой вернулись обратно. После этого случая гнев его величества усилился. В результате дальнейшей усиленной осады население крепости, не имея возможности выйти, подвергалось жестокому мучению голода и было на краю гибели.

Когда ханское войско пробыло в упомянутом выше лагере 55 дней, здесь вследствие большого скопления народа появилось невероятное зловоние. Поэтому для освежения лагеря, хан перевел войско из этого укрепления на западную сторону крепости. Укрепив здесь лагерь со всех сторон и приступив к дальнейшей осаде вражеской крепости, войска полностью закрыли все пути, по которым шло в крепость продовольствие. Осажденные, не выдерживая жестокости осады, ежедневно группами стали являться в лагерь высокого войска, где наделялись благодеяниями царственной милости. Близок был момент, когда можно было ожидать, что все защитники придут с повешенными на шею мечами и саваном и выразят свою покорность его величеству. Однако покорение этих лиходеев не было предопределено, так как именно в это время в некоторых городах Ирана и Хорасана началась эпидемия холеры и чумы, которые унесли жизнь многих людей. Эпидемия эта охватила также и ханский лагерь, сняв многих людей с «коня жизни», а многих лишила здоровья. Дошло до того, что для дальнейшей
495б осады крепости уже не оставалось сил. В конце концов его величество, считая дальнейшее пребывание в этом вилайете бесполезным, после 17-дневного нахождения в этом укреплении, решил отправиться обратно и выступил в путь. Через две остановки прибыли к укреплению (Тенгри Берды-бека) у Кара-яба и тут остановились. Для пополнения некоторых

своих запасов хан пробыл здесь четыре дня. За эти четыре дня умерли от холеры из великих улемов казий Мухаммед Керим-ишан и много людей из благородных вельмож, главным из которых был Сейид Иса-ходжа-накыб. На четвертый день его величество назначил Мехди-кули-бека с половиной сарбазов на помощь защитникам укрепления (Тенгри Берды-бека) и велел им остаться здесь. Затем послал в Бадгис (человека) с подарками и велел мир Мухаммед-хану вернуться оттуда и занять укрепление. Сам (хан) также отправился в путь и, пройдя расстояние четырех остановок, достиг устья Мервской реки (Мургаба), где велел всему войску запастись водой для перехода через пустыню. Минуя колодцы Муса, Харджехаз, Чирле и продолжая итти прямой дорогой, во вторник 3-го дня месяца зуль-хиджа (7 сентября 1853 г.) вступили в столичный город Хиву и своим присутствием осветили взоры населения хорезмского государства. Этот поход продолжался 124 дня.

О событиях девятого[1] года царствования его величества *497а*

В начале месяца мухаррема, в год коровы, соответствующий 1270 г. х., (в начале октября 1853 г.), группа (лиц) из йомутского и узбекского племен, получив разрешение у его величества, отправилась в набег на Репетекскую дорогу. Пройдя большое расстояние, они достигли указанной дороги. Здесь они совершили внезапное нападение на некоторых передвигавшихся на новые места кочевников и сарыков-торговцев, ехавших из Мерва в Лебаб. Убив много людей и забрав бесчисленное множество добычи и пленников, они (воины) возвратились в конце упомянутого месяца (мухаррема) и были отмечены благосклонностью его величества.

В момент своего возвращения из Мерва в Хорезм его величество оставил *497б*
джемшида Мехди-кули-бека с подчиненными ему нукерами для охраны племен (элят), живших в районе укрепления (около Кара-яба), с тем, чтобы после того как его брат, мир Мухаммед-хан, приведет в порядок дела джемшидского племени и, закончив заготовку запасов, поселится среди населения, жившего в укреплении, он (Мехди-кули-бек) вернулся бы со своими нукерами в Хорезм.

Когда указанный выше мир Мухаммед-хан прибыл в упомянутом месяце в Мерв и устроился среди укрепления, Мехди-кули-бек, согласно ханскому приказанию, оставил этот край и в пятницу 8-го дня месяца раби I (9 декабря 1853 г.) вернулся (в Хиву) и со всеми своими нукерами был отмечен и возвеличен царственными наградами.[2]

---

[1] В тексте, повидимому, ошибочно «восьмого».

[2] Далее рассказывается о прибытии посла правителя Меймене и о подробностях пребывания мир Мухаммед-хана в Бадгисе среди племен хезаре и джемшидов, и о том, как он вместе со своим младшим братом, Абдулла-ханом-беглербеги, покорил племя хезаре.

498а Во вторник 4-го дня упомянутого месяца (раби II) (4 января 1854 г.) военачальники — Юсуф-дастарханчи, Эр Нияз-мехрем, Мухаммед Фена-мехрем и мулла Мухаммед, с двумя тысячами конных нукеров из туркменских племен имрели, али-эли, сакар, арабачи и с другими, согласно повелению его величества, отправились в Мерв для оказания помощи мир Мухаммед-хану, который находился среди племени в (указанном выше) укреплении.

498б Во вторник 18-го дня упомянутого месяца (раби II — 18 января 1854 г.) получено было известие, что в Мервскую крепость прибыл полковник (сертиб) Исмаил-хан, каджар, с отрядом из 500 сарбазов и пятью пушками для оказания помощи сарыкам.

Подробности данного события заключаются в следующем: храброе войско и военачальники (хивинцы) поочередно появлялись среди племени, проживавшего в укрепленном и окруженном рвами районе на берегу Караяба с тем, чтобы совершать набеги на сарыков. В результате постоянных нападений, продолжавшихся в течение ряда лет, сарыкские мятежники не могли спокойно заниматься земледелием и свободно получать зерно. Вследствие этого сарыки очутились в крайне стесненном положении. Наконец, вследствие своего полного невежества и нежелания находиться в покорности вечному государству (Хиве), многие лица из вельмож и знати этого племени со множеством подарков отправились в Мешхед, чтобы заручиться помощью. Прибыв к правителю Мешхедского вилайета, Мухаммед Вали-хану, являвшемуся доверенным падишаха всей Иранской земли, Насир-эд-дин-шаха, сына Мухаммед-шаха, они, по его указанию, отправились в Тегеран к самому Насир-уд-дин-шаху. Со смиренной покорностью представившись шаху и выразив ему свою преданность и повиновение, они просили его о помощи. Последовав обычаям злосчастного шиизма, они (сарыки) тем самым подверглись вечной отчужденности и верной гибели. Насир-эд-дин-шах, приняв просьбы этих преступников, присоединил к ним одного из своих уважаемых военачальников, полковника Исмаил-хана, с большим войском. На помощь к ним он (шах) придал войска всего хорасанского края. По его же (шахскому) приказанию, правитель Мешхеда, Мухаммед Вели-хан, собрав войско Хорасана в числе 500 сарбазов, с пятью пушками отправил их в Мервский вилайет на помощь мятежникам. Весть о прибытии этого войска в Мервскую крепость дошла до слуха его величества. Во вторник, 18-го дня упомянутого месяца (раби II) хан отправил высокопоставленных Шах Мурад-инака, Девлет-инака, Девлет Яр-аталыка Сейид Назар-бия и Мухаммед Мурад-мехрема вместе с войсками племени чоудор, тазе-конгратов и карадашлы на помощь войску, находившемуся в районе укрепления (Тенгри Берды-бека).

499а В (Хиву) прибыло известие о том, что в пятницу, 21-го дня упомянутого месяца (раби II), войска кызылбашей (иранцев), вместе с преступными сарыками, совершили нападение на (хивинские) укрепления. После нескольких дней боя (иранцы) не выдержали смелых ударов бога-

тырей (хивинцев), потерпели поражение и отступили на расстояние нескольких фарсахов.

Суть этого события такова: после того как превосходно вооруженное кызылбашское войско прибыло из Хорасана в Мерв, оно несколько дней отдыхало у сарыков в крепости, а затем вместе со всеми пешими и конными (войсками) сарыкских племен оно отправилось в сторону (хивинского) укрепления. Когда они (иранцы и сарыки) прибыли в местность, называемую Кызыл-кум, об этом стало известно защитникам укрепления. Около 500 смелых богатырей (хивинцев) выехали из укрепления и произвели молниеносное нападение на неприятельские войска. Около 50 человек из неприятелей были убиты, более 40 человек взято в плен. Около трехсот верблюдов и многочисленное имущество досталось (хивинцам) в добычу. После этого (хивинцы) вернулись обратно. Войско каджаров всем скопищем направилось на (хивинское) укрепление, против которого (иранцы) устроили свое укрепление (сенгир) и начали артиллерийскую стрельбу. Смелые защитники укрепления бились с таким упорством, что противник не выдержал их атак и через восемь дней, оставив часть своего имущества, отступил. Удалившись приблизительно на расстояние четырех фарсахов и подойдя ближе к сарыкской крепости, (иранцы) укрепились. Да будет известно, что в это время кызылбашский караван, состоявший из шестидесяти верблюдов, прибыв из Мешхеда в Бухару и накупив там большое количество дорогих материй, заехал в Мерв, но, боясь нападения со стороны смелых богатырей (хивинцев), не решался теперь выехать из крепости. После того как в крепость прибыло кызылбашское войско и вместе с сарыками отправилось против (хивинских) укреплений, караван со всем своим товаром спокойно выступил из крепости и отправился в сторону Мешхеда. Как раз в это время около двухсот всадников из укрепления, находясь в тех местах, занимались преследованием врага. Когда означенный караван удалился от крепости приблизительно на один фарсах, его заметили (хивинцы) и, мигом напав на него, забрали все его имущество и товары и радостно отправились к себе.[1] Прибыв к укреплению (Тенгри Берды-бека), они (хивинцы) разделили добычу между собой, причем каждому человеку досталось материи на триста золотых.[2]

В пятницу 28-го дня упомянутого месяца 1270 г. х. (рабп II—28 января 1854 г.) хан назначил Рахметуллу-ясаулбаши с йомутским отрядом на помощь войску, находившемуся в укреплении (Тенгри Берды-бека) около Мерва. *199б.*

В воскресенье 15-го дня упомянутого месяца (джумади I — 13 февраля 1854 г.) в руки богатырей попало письмо, адресованное правителю Мешхеда, Мухаммед Вали-хану. В этом письме иранское войско описывало свое тяжелое положение (в Мерве). Письмо это доставили (в Хиву к хану).

---

[1] Ср. рассказ иранского историка об этом же событии.

[2] Дальше рассказывается о прибытии из Коканда послов и взятии русскими войсками крепости Ак-мечеть.

Суть данного события заключалась в следующем: после того как отряд (аламан), сосредоточенный в укреплении (под Мервом), разделился на отдельные группы, они (хивинцы) начали совершать нападения на (иранское) укрепление (сенгир). При каждом своем нападении (хивинцы) истребляли много кызылбашей и сарыков, много людей брали в плен, а также захватывали бесчисленное множество верблюдов, мулов и имущества, не давая возможности (противнику) выйти. По этой причине они (иранцы и сарыки) очутились в крайне тяжелом положении и испытывали большой недостаток продовольствия. Наконец, не выдержав такого положения, они (иранцы) обратились к правителю Мешхеда, Мухаммед Вели-хану, с письмом следующего содержания: «У нас нет больше силы оставаться в Мервской области и оказывать сопротивление узбекскому войску. Если разрешите вернуться, то мы вернемся, а если скажете, чтобы мы остались, то пошлите поддержку и продовольствие».

Письмо было вручено ими четырем-пяти осторожным людям и отправлено в Мешхед. По дороге их поймали богатыри (из хивинского) укрепления (Кара-яба) и привели к своим начальникам. Начальники письмо это отправили к (хану). Письмо было получено (в Хиве) в (выше) упомянутый день (в воскресенье).

500а В середине упомянутого месяца (джумади I — середина февраля 1854 г.) начальник артиллерии (топчи-баши) Ата Нияз-бай, сын Вейс-бая, с одной пушкой и группой пукеров-артиллеристов, согласно ханскому приказанию, отправился на помощь войску, находящемуся в Кара-ябе.

В конце упомянутого месяца (в конце марта 1854 г.) один из вельмож племени кыят, Худаяр-бий, (также) был назначен с войском из гёкленов на помощь отряду, находившемуся в Кара-ябе.

О бегстве войска каджаров и о покорении Мервской крепости. [После краткого повторения сведений о посылке иранского отряда и его действиях под Мервом, автор сообщает следующее:] Однако, не будучи в состоянии что-либо сделать и натолкнувшись на большое сопротивление со стороны победоносного (хивинского) войска, (иранцы) в беспорядке отступили и, подойдя близко к сарыкской крепости (Мерву), вырыли там окопы и в течение четырех месяцев сидели в них. Богатыри войска ислама (хивинцы) каждый день совершали на них нападения, многих из войска неверных перебили, многих взяли в плен и захватили в добычу неограниченное количество имущества. Кроме того, (хивинцы) закрыли все пути, по которым шло зерно и продовольствие (для неприятеля). Наконец, вследствие набегов победоносного войска и наступившего голода, войска неверных начали нарушать дисциплину и обращаться в бегство. Как раз в это время, в понедельник вечером, на третью ночь месяца ша'бана 1270 г. х. (1 мая 1854 г.) предводитель каджарского войска, полковник Исмаил-хан, покинул свои укрепления и ушел в крепость сарыков. В ту же ночь каджарское войско, не будучи в состоянии выносить дальше мучения голода и находясь в крайне стесненном положении, покинуло свое укрепление и обратилось в бегство.

Сарыки, узнав об этом на заре, были поражены. В конце концов, однако, руководствуясь своими собственными интересами и желая загладить свою вину (перед ханом), они (сарыки) захватили скрывавшегося у них в крепости 500б
полковника Исмаил-хана со всем находившимся при нем иранским войском, поспешно повели их в Кара-ябу (к хивинцам), чтобы снискать себе прощение. Узнав о происшедшем, все хивинские военачальники, во главе с мир Мухаммед-ханом, пошли по направлению к крепости. Встретившись с ними (с хивинцами), сарыки склонили свои головы и выразили свою покорность и повиновение. Выражая свое раскаяние и прося прощения, они представили военачальникам (хивинцам) полковника Исмаил-хана и всех иранских пленников. Военачальники (хивинцы), во главе с Мухаммед-ханом, приняв просьбу (сарыков), отправили их вместе с иранскими пленниками в Кара-яб. Затем они назначили людей для переселения оставшихся в крепости сарыков вместе со всеми их домами и имуществом. Приведя в порядок и воружив свои войска, (начальники) отправились затем на преследование обратившегося в бегство каджарского войска. В окрестностях Фенди передовые отряды (хивинского) войска застигли бегущего врага и, вступив с ними в стычку, перебили много неверных каджаров и многих захватили в плен. В местности, называемой Чемен-и-бид, отряды (аламаны) нанесли жестокое поражение (врагу), захватив при этом пятьсот человек и бесчисленное количество имущества. После этого шииты совершенно растерялись и группами разбрелись в разных направлениях, где и нашли свою гибель.

Военачальники и победоносное (хивинское) войско с добычей благополучно отправились обратно к Мерву. Прибыв туда, они занялись приведением в порядок дел сарыкского племени. Весть об этом радостном событии они сообщили (в Хиву). Затем, вручив начальнику артиллерии Ата Ниязу пленных каджаров, во главе с полковником Исмаил-ханом, они отправили его в Хиву вместе с подчиненными ему (Ата Ниязу) пукерами и пушками. В субботу 7-го дня месяца рамазана (3 июня 1854 г.), вступив в Хорезм, они удостоились аудиенции и были возвеличены царственными милостями. Полковника Исмаил-хана, согласно ханскому приказанию, заключили в тюрьму (стихи).

В пятницу 14-го дня упомянутого месяца рамазана (10 июня 1854 г.) 501а
находящиеся в Мерве военачальники Сейид Назар-бий, Рахметулла-ясаул-баши, Мухаммед Мурад-мехрем и Юсуф-дастарханчи, с подчиненными им войсками, согласно ханскому приказанию, вернулись в Хиву и были награждены ханом.

Находившиеся в Мервском вилайете мир Мухаммед-хан и Худаяр-бий задержались там с тем, чтобы устроить и привести в порядок дела этой области. Шах Мурад-инак, Девлет Яр-аталык и Эр Нияз-мехрем, в сопровождении всей знати племени сарыков и теке, во вторник 9-го дня месяца шавваля (5 июня 1854 г.) вернулись (в Хиву) и были приняты (его величеством). Старейшин сарыков и теке его величество обласкал. Знать их также получила награды.

Серхенг Мехди-кули-бек, брат мир Мухаммед-хана, (джемшид) был послан его величеством в Мерв для управления тем краем, а его брат (старший) мир Мухаммед-хан должен был прибыть к его величеству. Получив ханский приказ, мир Мухаммед-хан и Худаяр-бий отправились из Мерва в Хорезм. В воскресенье, в день праздника курбана, 10-го дня месяца зульхиджа (3 сентября 1854 г.) они прибыли (в Хиву) и были осчастливлены наградами его величества.

501б **О событиях десятого[1] года царствования его величества**

27-го дня упомянутого месяца мухаррема 1271 г. (20 октября 1854 г.) его величество послал высокопоставленных мир Мухаммед-хана, Худаяр-бия, Сейид Назар-бия, Хавз Мурад-мираба, Абдуллу-юзбаши, Мухаммед Назара-юзбаши,[2] Баба-бека, Эр Нефеса-юзбаши, Мухаммед Фена-юзбаши, Сейид-Мухаммед-ходжу, Палван Нияз-бия и других с подчиненными им войсками в Мерв для покорения и наказания сарыкского племени.

502а **О седьмом походе его величества в Мервский вилайет.** Для устранения борьбы, происходившей из-за (дележа) земли и воды между племенами сарыков и теке, а также для установления справедливых законов и порядка и для покорения некоторых самовольных племен этой области, хан начал готовиться к походу (на Мерв). Когда войска и походное снаряжение были готовы, его величество в среду на 7-й день месяца раби II в год барса, соответствующий 1271 г. х. (28 декабря 1854 г.), назначил выступление.

В этот же день его величество отправил Мухаммед Мурад-мехрема с войском из чоудоров в Ахал с тем, чтобы привести в порядок дела проживавших в той области племен теке, а после вступления его величества в Мерв забрать все их войска и прибыть на службу хану. В тот же день (в среду) его величество отправил высокопоставленных Шах Мурад-инака, Девлет Яр-аталыка, Рахметуллу-ясаулбаши и некоторых других вельмож со всеми туркменскими войсками в Мерв по дороге (к колодцу) Сагаджа. В тот же день после намаза «пешин» его величество со всеми узбекскими и прочими войсками всего вилайета также выступил в путь.

Останавливаясь на день-на два в каждом из своих прелестных поместий (хаули) и устраивая здесь пиршества, (хан) достиг крепости Хазарасп. Направившись отсюда по берегу Джейхуна (Аму-дарьи) и каждый день понемногу продвигаясь вперед, хан, чтобы дать возможность подтянуться следовавшим позади войскам, занимался охотой на фазанов, зайцев, джейранов и куланов, которые водились в зарослях и по берегам этой реки. Идя таким образом, от остановки к остановке, они через двадцать два дня достигли зарослей, где и пробыли пять дней. Во время остановки последовал

---

[1] В тексте, повидимому, ошибочно «девятого».

[2] Мухммед Назар-юзбаши, сердар чоудоров, начальник отряда чоудоров, участвовал в походах против каракалпаков в 1827 г. «Риязу-д-Довле», л. 83а.

приказ (хана) о том, чтобы каждый из воинов взял из постройки в Даяхатыне пять кирпичей и нес их с собой для разметки фарсахов. В течение этих пяти дней, согласно приказу, войско собрало установленное количество кирпичей и завершило подготовку к выступлению. Сделав также запасы воды для следования через пустыню, войско в понедельник 3-го дня месяца джумади I (22 января 1855 г.) выступило в путь. Землемеры и счетчики, по высочайшему повелению, измерили и сосчитали длину фарсахов. Для разметки расстояния и промежутков между фарсахами было собрано много леса. Затем на каждый соответствующий пункт было наложено много кирпича и воздвигнуты высокие минареты. Продолжая таким образом путь, через десять дней, в среду 13-го дня упомянутого месяца (джумади I — 1 февраля 1855 г.), войска достигли берега Мервской реки (Мургаба), где и остановились. Вследствие молодости и невыдержанности Баба Ниязаталыка, его знамя было отобрано в пути и передано начальнику отряда фальконетчиков, Мухаммед Эмину-юзбаши. Снявшись с этой остановки и продолжая путь по берегу (реки, войска) через три остановки прибыли к Кара-ябу, месторасположению теке и сарыкских племен, и здесь на северном берегу реки (Мургаба) расположились. Сюда, с посильными подарками, явились племена сарыков и теке и были одарены его величеством великолепными одеждами и другими вещами.[1]

Через десять дней (хан) покинул прежнее место и переехал на южный берег реки, где и расположил войско. Находясь здесь также в течение десяти дней, (хан) занимался устройством дел страны и удовлетворял желания и просьбы ее населения. Сюда явились старейшины теке Серахса с большими подарками и, удостоившись ханской аудиенции, выразили свою покорность. После этого хан приказал этому племени (теке) всем составом и со всем своим населением переселиться из Серахса *503а* в Мерв. Они (старейшины), приводя различные неподходящие доводы и прося извинения, отказались от выполнения этого приказа. Его величество, не приняв их извинений и подарков, отпустил их, сказав с порицанием, что хотят они или не хотят, а переселиться должны.

Затем его величество присоединил к ним своих верных слуг Хал Назар-бехадыра и Бек Мурада теке, с тем, чтобы те, прибыв в Серахс, узнали о намерениях теке и в частности о том, намерены ли те переселиться (в Мерв). Они (посланные) прибыли туда, согласно приказу, и из слов и действий (теке) поняли, что все население Серахса уклоняется от повиновения высочайшему приказу и склонно к мятежу и упрямству. Вернувшись обратно, они в точности доложили его величеству обо всем, что они видели и узнали.[2]

---

[1] Дальше говорится о том, что еще до прибытия сюда хивинского хана его ожидал здесь с большими подарками представитель правителя Герата Сейид Мухаммед-хана.

[2] Дальше говорится о прибытии к хану посла правителя Кандагара, Дост Мухаммед-хана.

503а **О походе его величестве в Серахс и о смерти его.** После того как посланные его величеством в Серахс Халь Назар-бехадыр и Бек Мурадтеке вернулись и сообщили о неповиновении и дерзости этого племени (теке), а также об отказе их подчиниться высочайшему повелению, его величество пришел в сильный гнев. Видя упрямство и непослушание этого племени, (хан) решил истребить этих мятежников и приказал привести в готовность войско, чтобы выступить на Серахс. Большинство вельмож обратились к нему с просьбой отказаться от этого похода. Однако ханское достоинство не позволяло его величеству переносить такого рода упрямство и дерзости со стороны этого непостоянного и коварного племени. Поэтому просьба вельмож не была принята. Оставив Махмуд Нияза-ясаулбаши с вверенным ему войском в Кара-ябе, его величество, после десяти дней пребывания здесь, в среду 6-го дня месяца джумади II (24 февраля 1855 г.) с своим войском отправился по направлению к Серахсу. На пятый день пути, в воскресенье, прибыли в Серахс и остановились на юго-восточной стороне крепости, на восточном берегу р. Теджена. Вокруг лагерей вырыли окопы и приняли меры предосторожности.

Крепость Серахс была хорошо укреплена, и мятежники-теке, надеясь на ее прочность, закрыли все ворота и приготовились к бою. На следующий день, в воскресенье, хан находился в укреплении, не выступая против
503б крепости. Во вторник его величество сам со всем войском и артиллерией пошел на крепость и, подвергнув ее артиллерийскому обстрелу, нанес большой урон осажденным. К вечеру (войска) оставили крепость и вернулись в свои лагери. В тот же день (во вторник) Девлет Яр-аталык и Аваир Нияз-мехрем, согласно (ханскому) приказанию, отправились во главе тысячи всадников для набегов на войско кызылбашей, находившееся в горах. В среду войско находилось на месте — в лагерях, а в четверг его величество со всеми своими войсками двинулся на осаду крепости. Подойдя к ней с северо-восточной стороны, начали артиллерийский обстрел. Затем хан назначил некоторых военачальников, с большим числом войск, во главе с мир Мухаммед-ханом и двумя пушками на юго-западную сторону крепости. Окружив крепость со всех сторон, (войска) начали обстреливать ее из пушек. Когда жители крепости с двух сторон очутились под непрерывным огнем, они вынуждены были прибегнуть к хитрости и, чтобы выиграть немного времени и привести себя в порядок, послали к его величеству одного из известных своих ишанов, Сейид Мухаммеда. Представ перед ханом, ишан с плачем заявил, что если его величество откажется от осады (крепости) и уйдет со своим войском обратно в лагерь, жители выйдут из крепости и явятся к хану с выражением своей покорности и повиновения. Его величество, поняв непрочность и ложность обещаний этого племени, отказал в этой просьбе ишану и продолжал осаду и обстрел. Ишан без всякого результата вернулся в крепость. Узнав по возвращении ишана о безрезультатности переговоров, защитники крепости были подавлены этим известием. Потеряв надежду, они помирились со смертью и, взяв своих

жен и детей от мала и до велика, все вышли из крепости и всей толпой, пешими и конными, двинулись на ряды войска мир Мухаммед-хана. Невзирая на смерть, они бросились на безжалостные (жерла) пушек. Войско другой стороны (хивинцы) также бросилось в атаку. Произошел жестокий и кровопролитный бой (стихи). Когда разгорелся бой и с обеих сторон погибло много людей, (ханские) войска проявили слабость и были сломлены, после чего мятежники с торжеством овладели пушками. В этом бою, с обеих сторон погибло много народу. Со стороны (хивинцев) погибли артиллеристы Сулейман-бек, Мухаммед Назар-юзбаши и много людей из сарбазов. Из военачальников мир Мухаммед-хан получил рану. Обратившись в бегство, (хивинцы) к вечеру вернулись в укрепления. Его вели- 504а
чество, командовавший весь день войсками и артиллерией, также вернулся в лагерь, где и находился всю пятницу. В тот же день (в пятницу) упомянутый ишан явился (опять) и от имени мятежников просил, чтобы (хивинцы) их оставили и вернулись обратно к Кара-ябу, и тогда они возвратят взятых пленных и пушки. В ответ его величество сказал, чтобы они (теке) заплатили закят и дали заложников, после чего-де мы отправимся обратно. Ишан этого (требования) не принял и отправился в крепость. В тот же день (в пятницу) вечером предводитель знати теке, Коушут-хан, опять послал (к его величеству) человека и просил, чтобы мудрый как Асаф, везир Мухаммед Якуб-мехтер подошел ближе к крепости, куда выйдет также и он (Коушут-хан). Там, став лицом друг к другу, каждый прямо выскажет о своих претензиях, и мы придем-де к общему соглашению. Его величество эту просьбу принял и на утро, в субботу, отправил Мухаммед Якуб-мехтера. Согласно ханскому приказанию («мехтер-ака») подошел к одному каналу, близ крепости. Коушут-хан также вышел из крепости и подошел с другой стороны того же канала. Коушут-хан заявил (следующее:) «Люди нашего племени издавна являются нукерами его величества, и мы никогда не пойдем против ханской воли. Но в данное время в руках кызылбашей находятся наши заложники, и мы поэтому боимся их (иранцев). Если теперь его величество проявит свое сострадание к этому запертому (в крепости) народу и, отказавшись от осады крепости, отправится обратно, мы возвратим попавшие к нам пушки и заплатим наложенный на нас закят, как вы этого требуете». Мехтер ответил, что эта просьба будет уважена только в том случае, если вы дадите заложников и заплатите «базар».[1] В противном случае дело, мол, ваше. Коушут-хан предложение (мехтера) о выдаче заложников и уплате «базара» не принял и, наговорив ему дерзких и бессмысленных слов, отправился обратно в крепость. Мехтер также вернулся обратно в лагерь и передал его величеству о слышанном. Этот день (субботу) осадой крепости не занимались и находились в лагере. Девлет Яр-аталык и Эр Нияз-мехрем, которые (ранее) отправились во главе тысячи всадников для нападения на кызылбашей, проникли в горы и, совершив нападение на

[1] Повидимому «отступное».

Ак Дербенд, Муздуран и Кызыл-кая, захватили здесь тридцать пленных и пятнадцать гуртов (сурук) овец, после чего вернулись в воскресенье обратно в лагерь. За этот промежуток времени войско, осаждая ежедневно крепость и обстреливая ее из пушек, поставило мятежников в затруднительное положение. Через четырнадцать дней, в субботу, с целью освежения места стоянки, войска (хивинцы) покинули укрепление и перешли в район к северо-востоку от крепости. Здесь войска из предосторожности вырыли окопы и, укрепив свой лагерь, приступили к осаде. На восьмой день пребывания здесь, в субботу, 28-го дня месяца джумади II (15 марта
5046 1855 г.) сюда прибыл с достойными подарками сын правителя Меймене, Хукумет-хана, который был удостоен ханской аудиенции и осчастливлен царскими милостями.[1]

В воскресенье Мухаммед Керим-кушбеги находился с отрядом войск в карауле вблизи крепости. В это время из крепости появилось много всадников, которые вступили с ними в стычку. Бойцы обеих сторон начали атаковывать друг друга. Весть об этом дошла до слуха его величества, и он со всеми своими силами двинулся на крепость. Богатыри обеих сторон бросились в атаку, и произошел жестокий бой. В этом бою из победоносного войска погибло пять-шесть человек, а из мятежников — бесчисленное множество. После этого его величество засыпал крепость снарядами своих пушек и фальконетов, а затем около времени вечерней молитвы прибыл в лагерь и предался отдыху. На следующий день, в понедельник, в начале месяца раджаба (в конце марта 1855 г.) его величество со всеми своими войсками выступил на осаду крепости. Подойдя ближе к крепости и выстроившись на ее восточной стороне в боевой порядок, произвели конную и артиллерийскую атаку, в результате которой на мятежников напал ужас. Близок был момент, когда от ударов богатырей (крепость) должна была пасть. Однако войском были проявлены слабость и медлительность отчасти вследствие того, что в этот день войско (хивинцев) было очень малочисленно, так как его величество выступил из лагерей поздно, когда большинство войска по разным делам уже разъехалось по окрестностям. К тому же на помощь осажденным прибыло много иранской конницы, при появлении которой все находящееся в крепости (население), от мала до велика, мужчины и женщины, конные и пешие, пренебрегая опасностью, вышли из крепости и всем скопом кинулись на ряды победоносного войска. Правое крыло войска, по воле божьей, расстроилось и обратилось в бегство. Передовые части, заметив это, также рассстроились, и все войско покинуло поле битвы и обратилось в бегство. Хотя военачальники всячески старались, согласно (ханскому) приказанию, снова вернуть войско назад, однако (их усилия) оказались бесполезными. В это время хан находился на одном возвышении, а большинство принцев, вельмож и государственных сановников были направлены для возвращения бегущего войска. Пользуясь тем,

[1] Дальше рассказывается о возвращении ханского посла из Герата и о приезде Абдуллы-беглербеги.

что в распоряжении его величества находилось мало людей, мятежники всем своим скопищем двинулись против хана. По присущему ему мужеству, хан счел бегство отсюда недостойным для себя и с несколькими своими отважными приближенными начал защищаться, стреляя в мятежников из ружья. Вдруг одна пуля попала по воле божьей в его величество, и он свалился с лошади. В это время мятежники всею толпою бросились на него и дали волю своим саблям (стихи).[1]

Во время этого ужасного события погибли: высокопоставленный принц Муса-тёре, сын эмира Рахман-кули-инака, из числа великих вельмож Хавз-ходжа, шейх-уль-ислам; из улемà — Рахман Берды-казы, из военачальников — Эр Нияз-мехрем, из личных приближенных хана — Абдулла, (а также) посол Герата. Кроме того, следующие высокопоставленные лица получили раны: Мухаммед Нияз-бек, сын Рашид Мухаммед Назар-инака; из улемов — дамулла Халь Назар-реис и из военачальников — Девлет Яр-аталык, Мухаммед-мехрем-эшик-агасы. Это событие случилось после пешина (полуденный намаз). *505а*

После гибели его величества все войско вернулось обратно в укрепление. С общего согласия вельмож и принцев Сейид Абдулла Мухаммед-бехадыр-хан, сын великого эмира, покойного Кутлуг Мурад-инака, был избран ханом. Эту ночь они (хивинцы) провели здесь — в лагере, а на утро, во вторник, подбодрив войско, выступили в обратный путь. Прибыв в Кара-яб, направились через колодец Яры-хаджи в сторону Хорезма. По истечении пятишести дней после того скорбного события группа верных (Хиве) теке Ахала, предусмотрительно желая проявить свою преданность, подняла тела мученически погибшего падишаха и принца Муса-тёре с той презренной земли и, погрузив их вместе с телами Абдуллы-мехрема и Эр Нияз-мехрема на верблюдов, поспешно отправились в Хорезм. Переправившись через Мервскую реку (Мургаб) и минуя колодец Язы, в ночь на вторник 20-го дня месяца раджаба 1271 г. х. (8 апреля 1855 г.) они вступили в окрестности Хивы. Некоторые вельможи, огорченные (случившимся), вышли к ним навстречу и с царскими почестями в ту же ночь привезли (тела убитых) во дворец Гендумган, который по наследству принадлежал лично Мусе-тёре. На утро, во вторник, все улемы, вельможи, шейхи, ученые, все принцы, беки, большие и малые собрались во дворце Гендумган и после исполнения соответствующего обряда, со всеми почестями подняли тела покойников на плечи и с плачем и стенаниями отправились на кладбище (стихи). *505б*

Восшествие на трон Сейид Абдулла-хана и славное его царствование *506а*

Как известно, во время осады крепости Серахса, по воле божьей погиб Мухаммед Эмин-хан, а все принцы, вельможи и войско обратились в бегство и вернулись в свое укрепление в весьма расстроенном и печальном

[1] Хан, как известно, был безглавлен. Некоторые подробности см. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 336—337, также рассказы иранских историков (стр. 264).

состоянии. Ободрившиеся мятежники теке, следуя всем скопищем за (хивинским) войском, подошли на близкое расстояние от их укрепления и выстроились в боевой порядок. Все принцы, сыновья беков, вельможи и знать, также выстроив войско у ворот укрепления, вступили с мятежниками в бой, обстреливая их из пушек. В это время везир Мухаммед Якуб-мехтер, эмир мир Мухаммед-хан и некоторые другие вельможи, воодушевленные желанием победы и благополучия, сняли Сейид Абдуллу-хана с поля битвы и привели в ставку внутри укрепления. Затем все вельможи, во главе с Сейид Исмаилом ходжой, мир Мухаммед-ханом и Мухаммед Якуб-мехтером, стали его (Абдуллу) просить о том, чтобы он принял на себя ханство. Когда вельможи стали упрашивать его, он, под влиянием необходимости и согласно требованию момента, согласился, и на тридцать восьмом году своей жизни возложил на себя царскую корону. Данное событие случилось за два дня до ноуруза в конце года барса, в понедельник в первый день месяца раджаба в 1271 г. х. (вторник 20 марта 1855 г.) (стихи).

После этого его величество (Абдулла-хан) сразу же направился к войску и своим появлением у ворот укрепления, где все принцы, вельможи и военачальники обстреливали мятежников, ободрил павшее духом войско.

Со стороны принцев, вельмож, военачальников и даже войска его величество был встречен искренними поздравлениями и пожеланиями счастья. После этого (войска) с невыразимым воодушевлением вступили в бой с противником. Видя это, ряды мятежников дрогнули и обратились в бегство, закрывшись в крепости. Его величество победоносно вернулся в свою ставку и, назначив на ночь караульных и аванпосты, предался покою.

507а **О возвращении его величества (Абдулла-хана) из Серахса в Хорезм и о некоторых событиях, имевших место во время пути и по прибытии в Хиву.** Утром, во вторник второго дня упомянутого месяца раджаба (21 марта 1855 г.), после восхода солнца, его величество вместе с войском выступил из укрепления и отправился к Мерву.

Выше уже упоминалось, что Мухаммед Мурад-мехрем был отправлен для сбора нукеров среди теке Ахала. Возвратившись из Ахала, на пути он прибыл к его величеству и, узнав о восшествии на престол (Абдулла-хана), весьма обрадовался. В тот же день (во вторник), во время пути, его величество, в силу свойственного ему великодушия, освободил из плена тридцать человек мятежников. Через четыре дня, в пятницу, (войска) прибыли к местности Кара-яб около Мерва и тут остановились. Остановка продолжалась три дня. В это время хан выдал войску деньги для приобретения для себя провизии и корма для лошадей. После этого хан наградил деньгами (собств. золотом и серебром) и одеждами сарыкское племя, живущее в том вилайете (стихи).

На третий день, в понедельник, 8-го дня месяца раджаба (27 марта 1855 г.) хан, по совету вельмож и военачальников, признал нужным вернуться обратно в Хорезм. Из каждого рода (уруг), входившего в состав войска, хан выделил по десять человек смелых джигитов, поставив во главе

их Мухаммед Нияз-бека, сына Мухаммед Назар-инака, после чего вместе с братом везира Мухаммед (Юсуфа)-мехтера, Неби-баем и Юсуфом-дастарханчи, с 250 всадниками, отправил вперед с тем, чтобы они, прибыв заранее в Хиву, занялись бы охраной столицы и некоторыми приготовлениями (для предстоящих) торжеств. Согласно (ханскому) приказанию, (назначенные) выступили в путь и, быстро перейдя пустыни и степи, на шестой день, в субботу, 13-го дня месяца раджаба (1 апреля 1855 г.) прибыли в Хиву и стали крепко охранять арк, принимая всяческие меры предосторожности. После того как его величество отправил (отряд) *507б* в Хорезм, он в тот же день (в субботу) вместе с войском также выступил в путь и, перейдя Мервскую реку (Мургаб), остановился на ее северном берегу. На следующий день, во вторник, в полдень его величество разгневался на Бек Нияза, диванбеги, который по своей злосчастной натуре нарушил свои слова и совершил некоторые позорные и грубые поступки. После того как подтвердился факт этих тяжких преступлений, его величество приказал, на основании законов шарната, приставить его к дулу пушки и выстрелить. По приказанию (хана) артиллеристы поставили его, *508б* подобно снаряду, в дуло пушки и выстрелили (стихи).[1]

О походе его величества для истребления йомутского народа, о заключении с ним мира и о беспрепятственном возвращении (в Хиву). В пятницу, 9-го дня месяца рамазана (26 мая 1855 г.) того же 1271 г. х. его величество, *509а* считая своим долгом наказание некоторых йомутов, собрал войско. Причиной этого выступления явилось то, что аламаны из йомутов иногда приходили с целью грабежа в богохранимое государство (Хиву) и совершали нападения на путников. Покойный хан (Мухаммед Эмин), ценя службу и приверженность этого племени, отбирал в таких случаях награбленное ими у населения имущество, но в отношении наказания их был мягок. Дерзость и наглость (йомутов) особенно за это (последнее) время перешли всякие границы. Так, например, группа людей, принадлежавших к одному из йомутских племен, шла однажды с Гюргена в Хорезм, чтобы здесь поселиться. Во время следования на них напали аламанщики из теке Ахала, которые убили людей и овладели их имуществом. Весть об этом событии дошла до хорезмских йомутов, и они, без ведома его величества, собравшись все вместе, напали на племя теке, проживавшее в Хорезме, в районе крепости Кандум, говоря: «Мы требуем нашу кровь и имущество». Теке послали к его величеству человека с сообщением об этом случае и просили оказать им помощь. Его величество был очень разгневан подобной дерзостью этого племени и решил наказать и истребить это племя. 9-го дня месяца рамазана (26 мая 1855 г.) хан с войском выступил в путь и во время

[1] Бывшие в Хиве русские военнопленные отмечают, что «иногда хан осужденных за преступления расстреливает пушками, привязав преступника к дулу орудия; при этом стреляют войлочными пыжами». См. М. И. Иванин. Хива и река Аму-дарья. СПб., 1873, стр. 58.

позднего «пешпна» в пятницу прибыл к местности Зей, где и остановился. Утром, в понедельник, после восхода солнца, его величество, построив войска в соответствующем порядке (тронулся в путь) и, прибыв в местность Сергали, расположил здесь войско. Йомуты, узнав о прибытии (хана), испугались, и все, малые и большие, добрые и худые, бросив свои дома, имущество и скот, со всеми своими домочадцами — детьми, женами, поспешно собрались в местности Йылгуплы. Забравшись на остров (атау), среди одного обширного и глубокого озера, они вырыли со стороны входа окопы и заперлись. В течение воскресения его величество продолжал оставаться
509б в Сергали с тем, чтобы собрать войско. В понедельник он двинулся в путь, остановившись затем в Ак-сарае. Вторник и среду хан пробыл здесь для пополнения некоторых припасов, в четверг же тронулся в путь и, подойдя на расстояние полуфарсаха от скопища йомутов, остановился. В это время вся конница йомутов выступила из своей стоянки и напала на разъезды победоносного войска. Шах Мурад-инак и Махмуд Нияз-ясаулбаши, узнав об этом, направились к месту столкновения с отрядом войск и вступили с противником в бой. После того как заработали сабли и пики богатырей обеих сторон и с каждой стороны пали по два-три человека, противник не выдержал и, постепенно отступая назад, повернул к своему скопищу. Победоносное войско также вернулось в лагерь. Находясь в течение пятницы и субботы в лагере, его величество назначил некоторых начальников с их отрядами в караулы и в авангард. После того как скопище йомутов было окружено, приступили к осаде. Вследствие голода и жажды осажденные очутились в крайне тяжелом положении и в конце концов пришли к заключению, что им, кроме раскаяния и извинения, ничего не остается делать. Они решили поэтому обратиться к его величеству с повинной и просьбой о прощении. Все знатные и известные люди этого племени, взяв к себе в заступники старейшин и предводителей других туркменских племен, явились в сопровождении их к его величеству. Выражая со слезами свою покорность, они обещали возместить стоимость похищенного ими у населения имущества и выдавать всех аламанщиков. После этих обещаний и заверений, старшины остальных туркменских племен выступили также с ходатайством об их прощении. Его величество, приняв просьбу старейшин и отказавшись от наказания йомутов, простил их и разрешил им выйти из их убежища и отправиться на свои места. Йомуты весьма обрадовались и отправились в свой лагерь. В этот день его величество вместе со своим войском также двинулся назад и остановился на далеком расстоянии от скопища йомутов. В субботу тронулись в дальнейший путь и 18-го дня упомянутого месяца (рамазана) (4 июня 1855 г.) прибыли в Хиву. В тот же день его величество назначил Мухаммед Эмина-юзбаши для охраны крепости Хан-абад, подвластной Куня Ургенчу. Затем хан назначил некоторых военачальников во главе с Мухаммед Эмином-юзбаши вместе с войском в Гурлен. Сейид Назар-бий и Махмуд Нияз-ясаулбаши, которые находились среди тазе-конгратов и чоудоров с целью наведения порядка и упра-

вления этими народами, вследствие злобы (к ним) со стороны мятежников, бежали и скрылись в крепости Хан-абад.[1]

О нарушении йомутами мира, уходе их из Хивы со своего старого местожительства, выступлении Абдулла-хана против мятежников в Дикаденке, поражении (хивинцев) и гибели Абдулла-хана. 511а После того как (ныне) покойный Абдулла-хан в месяце рамазане 1271 г. х. (май-июнь 1855 г.) в первый раз выступил против йомутских мятежников и нагрянул в Йылгунлы со всем своим войском на это племя, мятежники, не будучи в состоянии сопротивляться, явились к (хану) и через своих предводителей заверили 511б хана в том, что впредь не будут сопротивляться и возместят стоимость имущества, которое они похитили у населения Хивы. Его величество, как упомянуто было выше, удовлетворил просьбу мятежников и разрешил им жить мирно на своих местах, а сам вернулся в (Хиву). Однако мятежники, по злодейской своей натуре, не могли ужиться спокойно и снова стали совершать нападения и грабить имущество населения богохранимого государства. Не довольствуясь этим, они, в понедельник 13-го дня месяца зуль-хиджа (27 августа 1855 г.) выступили целыми поселениями со своими семействами из окрестностей Янги-яба, Муз-кумгана и Измухшира и перекочевали по направлению к Хан-абаду и Старому Везиру (Куня Везир) с тем, чтобы, собравшись там в одно место, совершать оттуда нападения на Хорезмское государство и вызвать в нем смуту и волнения. Покойный Абдулла-хан послал Якуб-мехрема для охраны крепости Ильялы, а Мухаммед Нияз-бия, сына покойного Мухаммед Назар-инака, и мир Мухаммед-хана, джемшида, с отрядом войск направил для преследования мятежников. Затем он назначил Багы-бека, беглербеги, сына Рахман Бердыбия и великого везира Мухаммед Якуб-мехтера с отрядом войск для несения караульной службы в местности Зей. В среду 15-го дня упомянутого месяца (зуль-хиджа — 29 августа 1855 г.) его величество вместе с находящимися при нем приближенными и с артиллерией также выступил из Хивы и, прибыв в Хайр-абад, остановился здесь на ночь. В четверг, тронувшись в путь и пройдя Сергали и Ташауз, (хан) приказал войскам ускорить ход. Во время пути некоторые вельможи почтительно заявили хану: «Спешить в этом деле нецелесообразно и не разумно, ибо войско, собранное с разных сторон, нас еще не догнало, войско же, находящееся при вас, очень незначительно. Гораздо целесообразнее будет поэтому, если вы день-

[1] В следующей главе (лл. 510а — 510б) рассказывается о заговоре против Абдулла-хана. Заговорщики привлекают на свою сторону некоторых лиц «неизвестного происхождения», а также рабов (тогмэ), одаривая их деньгами. Были посланы также письма к йомутам и другим племенам с приглашением выступить против Абдулла-хана. Однако заговор был раскрыт накануне выступления, заговорщики были схвачены и казнены.

Далее автор сообщает, что в связи с наступившими тревожными событиями (имеется в виду новое, закончившееся удачей покушение на Абдулла-хана, восстание туркмен, кара-калпаков и других племен и пр.) составление хроники было прервано. К продолжению своего труда автор приступил лишь после того, как хивинский престол занял Сейид Мухаммед-хан (1856 г.) (л. 511а).

два подождете сбора всех войск, а затем, приведя в порядок военное снаряжение, двинетесь на преследование мятежников». Однако его величество, поддавшись уговорам лицемеров и корыстолюбцев и не приняв во внимание советов преданных людей, (продолжал) двигаться вперед. Когда хан достиг крепости Ильялы, к нему присоединились ранее прибывшие и находившиеся в этой крепости Мухаммед Нияз-бий и мир Мухаммед-хан. Достигнув Кокче, они заметили кочевье йомутов; арбы и верблюды, на которых было нагружено их кочевое имущество, шли в окружении конных. Здесь некоторые вельможи и преданные (хану) люди снова обратились к нему с просьбой о том, чтобы (он приказал) остановиться где-нибудь и вырыть вокруг лагеря окопы, в которых можно было бы подождать прихода отставшего позади войска и не спешить с началом сражения. «Все народы и в особенности (их) падишахи (говорили они) должны соблюдать правила предосторожности». Однако покойный хан, не обратив внимания и на этот совет,
512a поспешно продолжал итти дальше. В местности Дикаденк он уже близко подошел к йомутам. Приказав следовавшему позади войску расположиться здесь и оставив позади пушки, (хан) с находившимся при нем малочисленным войском двинулся на йомутское кочевье (кочь).

Видя это, йомуты собрали в одно место все свое кочевье, женщин и детей, а сами со всей своей конницей направились на поле битвы. После полудня войска обеих сторон сошлись и вступили в кровопролитный бой (стихи).

В этом бою от меча и ружей богатырей (хивинцев) погибло много мятежников. Со стороны же бойцов (хивинцев) пали Бекджан-бек, мой младший брат Мухаммед Керим-мираб; еще несколько человек во главе с предводителем конгратов Кош-копрука, Мухаммед Мурад-беком, несколько человек во главе с Искандер-инаком получили тяжелые раны. Покойный хан, весьма огорченный этим обстоятельством, бросил все силы в атаку на ряды мятежников. Не будучи в состоянии оказать сопротивление, (йомуты) обратились в бегство. Близок был момент, когда мятежники посадят своих жен и детей на коней и, бросив свое все кочевье, обратятся в бегство. Однако в это время (племена) имрели, чоудоры и другие туркмены, увидев, что йомутские мятежники должны будут сдаваться и почувствовав свое родство с этим племенем, отвернулись от (хана) и, напав на только что прибывшее (хивинское) войско, захватили все его имущество, припасы, обозы, палатки, снаряды и артиллерию.

Когда об этом узнали следовавшие позади (хивинские) войска, они повернули обратно и разошлись каждый в свою сторону. Йомуты, уже потерявшие было надежду на спасение своей жизни и имущества, узнав об этом событии, воспрянули духом, и все те, которые со страху рассеялись в окрестностях, вернулись обратно. Собравшись большой толпой, они напали на (войска) покойного хана. Богатыри же этой стороны (хивинцы), хотя и не надеялись на сохранение своей жизни вследствие своей малочисленности, (но) также вступили в бой и дрались, пока хватало сил (стихи). От полудня и до захода солнца в этот день покойный хан, вельможи и войско

дрались мужественно. Под ударами их мечей погибло бесчисленное множество мятежников. Когда на небе показались звезды и солнце скрылось, все скопище туркмен, а в особенности войска йомутов, собравшись отовсюду, окружили войско хана со всех сторон и атаковали его. Покойный хан, видя, что находящееся при нем войско находится в опасности и понимая, что сопротивление никакой пользы не принесет, оставил поле битвы и с остатком своих войск и вельможами обратился в бегство. Все туркменские мятежники толпой с шумом бросились за ними, дав волю своим саблям и ружьям. Словами нельзя передать того, что произошло при этом (стихи).

В этой великой катастрофе погибли: мир Мухаммед-хан, джемшид, Нияз Мухаммед-ясаулбаши, Абдуль-Джаббар-диванбеги и много других людей из войска и военачальников, во главе с покойным ханом.

Бесчисленное множество людей как знатных, так и простых, во главе *513а*
с Мухаммед Нияз-бием и Мухаммед Керим-мирабом, попали в плен.

Кутлуг Мурад-хан, который в то время был инаком и (впоследствии) погиб мученической смертью, получил в том бою тяжелую рану. Много людей из войска и военачальников, во главе с Искандер-инаком, также были ранены, а те, которые спаслись от смерти и пленения, в темноте ночи рассеялись в разных направлениях и бежали, стремясь домой. В воскресенье, перед обедом, эта страшная весть дошла до слуха жителей города (Хивы) и привела их в ужасное смятение. Высокопоставленный Багы-бек, беглербеги, и великий везир Мухаммед Якуб-мехтер, которые находились в это время в дозоре на границе Зея, узнав об этом событии, вернулись обратно в город и заперлись в нем. Начиная с (самой) Хивы, все население Хорезма было ошеломлено и впало в страх. Каждое племя закрылось в своей крепости и приготовилось к самозащите (стихи).

Вступление на трон Кутлуг Мурад-хана

После того как покойный Абдулла-хан потерпел от туркменских мятеж- *513а*
ников поражение и каждый (из его войска), желая спасти себе жизнь, бежал кто куда, покойный Кутлуг Мурад-хан, получивший тяжелую рану, в сопровождении нескольких своих приближенных, также обратился в бегство. Выйдя в темноте ночи из опасности, он вышел на дорогу, но, вследствие своей тяжелой раны, вынужден был итти медленно. Двигаясь так в продолжение суток, он в ночь на понедельник, во время последней вечер- *513б*
ней молитвы, вступил в город (Хиву) (стихи).

Наутро, в понедельник, государственные сановники, вельможи, принцы, знатные и благородные люди и все ученые и улема г. Хивы, во главе с везиром Мухаммед Якуб-мехтером, руководствуясь (требованием) времени и интересами народа, все вместе пошли в дом (ныне покойного) Кутлуг Мурад-хана и, пригласив его в ханский дворец, посадили на трон, увенчав его голову царской короной (стихи).

Это радостное событие произошло 20-го дня месяца зуль-хиджа 1271 г. (3 сентября 1855 гг.), в год зайца. В то время покойному хану было семнадцать лет.[1]

513б

О некоторых событиях после восшествия на трон покойного Кутлуг Мурад-хана

Его величество, на пятый день после восшествия своего на престол, в пятницу 27-го дня месяца зуль-хиджа 1271 г. х. (10 сентября 1855 г.), по совету государственных сановников, отправил Абдуллу-ишана в качестве посла к туркменским мятежникам, для того чтобы установить мир и спокойствие среди населения Хорезмского государства. Вернувшись в четверг 2-го дня месяца мухаррема 1272 г. х. (14 сентября 1855 г.) от йомутов, Абдулла-ишан доложил его величеству извинения приведенных им из йомутского плена сорока—пятидесяти человек, попавших в плен во время гибели Абдулла-хана. Наутро, в пятницу 3-го дня упомянутого месяца покойный хан (Кутлуг Мурад) снова отправил Абдуллу-ишана и Якуб-бека, сына Фазил-бека, в качестве послов к йомутам. Он (хан) передавал им (йомутам) свои ласковые слова и отпустил их пленных. Однако йомутские мятежники наговорили упомянутым послам много резких слов и, нанеся им много обид и оскорблений, отпустили ни с чем обратно. После этого большинство йомутов заняло окрестности Ханабадской крепости и в течение долгого времени держало ее в жестокой осаде. Затем все они (туркмены) разделились на группы, каждая из которых совершала нападения на разные области богохранимого государства (Хорезма), разоряла и грабила его население, уводя в плен женщин и детей. Совершали они также неоднократные набеги и на некоторые кенты (волости) Хивинского округа, грабя и разоряя дома и поселения жителей, проливая кровь мусульман и похищая их имущество, жен и детей (стихи).

514а Покойный (Кутлуг Мурад) хан, желая воспрепятствовать насилию этого племени, в субботу 4-го дня упомянутого месяца, т. е. мухаррема (16 сентября 1855 г.), отправил против них Багы-бека-беглербеги с отрядом войск. Согласно приказанию (хана) он (Багы-бек) прибыл в крепость Клыч Нияз-бая и, расположившись лагерем в ее окрестностях, стал пре-

[1] События, связанные с гибелью Мухаммед Эмин-хана и убийством Абдулла-хана и, в дальнейшем, Кутлуг Мурад-хана, подробно описанные здесь, нашли чрезвычайно слабое отражение в существующей исторической литературе. Сведения об этих событиях, приведенные проф. Н. И. Веселовским в его «Очерке историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древних времен до настоящего времени», СПб., 1877, стр. 336—341, крайне скудны, так как автор «Очерка» не пользовался нашими хрониками, почему его труд оказался явно неполным уже в момент появления. Между тем события эти должны привлечь внимание и историка туркменского народа. Ср. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 67.

пятствовать туркменским аламанам. В пятницу 10-го дня упомянутого месяца (мухаррема) (22 сентября 1855 г.), по (ханскому) приказанию, Рахим Берды-бий, Хаким Нияз-аталык, Хасэ Пулад-кушбеги и Худай-бергенбий в сопровождении многочисленного отряда прибыли в Ташауз и, расположившись там, вступили в борьбу против йомутских мятежников. В это время отряд всадников из вельмож и войск Хивы отправился для несения дозорной службы. Когда упомянутые вельможи и войска проехали Гази-абадскую крепость, они встретились с большим отрядом йомутов, занимающихся грабежом. Они (хивинцы) вступили с ними в бой, но, вследствие своей малочисленности, потерпели поражение. Несколько человек, во главе с Ходжа Мурад-бием и Ходжа Нияз-даруга, были убиты, остальные вошли в Гази-абадскую крепость.

Одновременно с этим событием к теке, проживающим в Дасе, прибыло много всадников из теке Ахала. Из Даса они (все) отправились к покойному хану и просили дать им одного надежного военачальника, с тем, чтобы они могли биться с йомутскими мятежниками и доказать свою преданность и усердие. Покойный (Кутлуг Мурад) хан, наделив их своей царской 514б
милостью, в субботу 2-го дня месяца сафара (14 октября 1855 г.) присоединил к ним Шах Мурад-инака и, выдав ему из казны много денег для награждения отличившихся богатырей, отправил в Дас. Да будет известно, что еще до этого события покойным ханом было послано оповещение (племенам) теке, сарыков и салыров, живущих в Ахале, Теджене и Мерве о неповиновении и мятеже йомутского народа и были затребованы шукеры. Согласно (ханскому) приказанию, по истечении трех-четырех месяцев, от упомянутых племен стали, отряд за отрядом, прибывать войска, которые, по распоряжению хана, отправлялись в Дас и грабили имущество йомутов.

Высокопоставленный серхенг Абд-ур-Рахман и Карлы-юзбаши, которые во время возвращения покойного Абдулла-хана из-под Серахса, по его приказанию, отправились в качестве послов — один в Герат, а другой в Меймене, в воскресенье 3-го дня месяца сафара (15 октября 1855 г.) вернулись обратно ко двору. В это время некоторые мятежные предводители чоудоров, а также джемшид Мехди Кули-бек и Хавз Мухаммед-векиль, имрели, вместе со старшинами своих племен, явились к хану и открыто выразили ему свою покорность. Покойный хан, в знак своего царского внимания, одел их в златотканные одежды и пожаловал им большие денежные награды, с тем, чтобы успокоить их встревоженные сердца и укрепить доверие. (После этого) он отправил их по местам.

Однако, когда эти неблагодарные мятежники вернулись к себе, они забыли оказанные им благодеяния и, предавшись различного рода смутам и мятежам, стали грабить имущество населения. (В это время) (один) богатый хорезмский караван закончил в России свои торговые дела, зашел по пути в Куня Ургенч и оттуда, погрузившись на лодки, отправился водой по направлению к Хиве. Когда караван стал приближаться к (берегам) канала Лаузан, на него напали мятежники-чоудоры и все его добро захватили в свои руки. (Кроме

того) они ежедневно совершали набеги и грабили жителей окрестных поселений. Племя имрели также совершало нападения на окрестности крепости Ильялы, день ото дня все увеличивая смуту. Джемшиды, которые основательно укрепились на южной стороне Куба-тага, в свою очередь, заявляя на словах о своей покорности, на деле стали протягивать руки насилия на имущество (покорного Хиве) населения (стихи).

515а В это время Багы-бек-беглербеги, который вместе с победоносным войском находился в крепости Клыч Нияз-бая, согласно (ханскому) приказанию, отправился с находящимся при нем войском в Ташауз и остановился в лагере Рахман Берды-бия.

В местности Дас собралось бесчисленное множество сарыков и теке, которые ежедневно группами и отрядами совершали набеги на скопище йомутов и многих из них вырезали, а их скот, вышедший на пастбище, забирали в добычу. По этой причине йомутские мятежники очутились в крайне стесненном положении. Наконец, все их малые и большие со всех сторон собрались и, посоветовавшись между собою, решили всем скопом напасть на теке и до конца их уничтожить. После того как они приняли это решение, вся их конница привела свое военное снаряжение в готовность, затем к ним присоединились чоудоры и другие туркменские мятежники, и они все вместе, захватив с собой еще артиллерию, в четверг 21-го дня месяца сафара (2 ноября 1855 г.) с важным высокомерием прибыли в Дас. Здесь вблизи укреплений теке они развьючили свое имущество и палатки и расположили войско. После этого вся их конница приступила к атаке укреплений теке. Пустив в ход артиллерию и сабли, они прогнали и заперли в окопах вышедших им навстречу всадников теке. Близок был момент, когда йомуты были готовы навалиться на укрепления и нанести (теке) полное поражение. (Однако) теке поняли, что если они еще проявят немного вялости, то все их имущество — дома, дети и жены станут добычей и пленниками врага. После этого все они, пренебрегая опасностью, вышли из укрепления до (последнего) юноши и девицы, взяли в руки копья и с безграничной отвагой бросились на йомутов.

Йомутские богатыри также в свою очередь вступили с ними в бой, давши полный простор своим саблям (стихи).

515б Йомуты, чоудоры, имрели и прочие туркменские племена, защищая свою честь, некоторое время сражались, а затем, не выдержав удара смелых богатырей (теке), бросили свою артиллерию и обозы и все остальное имущество и, как комариный рой, бросились в бегство. Бойцы теке преследовали их до самого их становища и, пустив в ход свои сабли и пики, многих из них зарубили, а затем вернулись к своим укреплениям. Все имущество, палатки, оружие, лошади и пушки туркменских мятежников они (теке) захватили в добычу. В ознаменование этой великой победы они отрубили около двухсот неприятельских голов и доставили их сановникам его величества, за что удостоились больших денежных наград и неограниченных царских милостей.

В понедельник 3-го дня (рабп I) (13 ноября 1855 г.) покойный хан при- 516а
казал Кутлуг Мурад-бию, принадлежащему к роду конграт и еще до этого события со всей семьей и приближенными прибывшему в Хиву, отправиться вместе с Вейс Нияз-бием в Ташауз и оттуда вместе с (находившимся) там Рахман Берды-бием и вверенными ему аральскими и кара-калпакскими войсками отправиться в Куня Ургенч, и там развернуть операции против туркменских мятежников. Согласно (ханскому) приказанию, они взяли из Ташауза Рахим Берды-бия и выступили в путь. Достигнув Ходжа-эли, они услышали, что каракалпакские бии восстали. Остановившись поэтому в крепости Ходжа-эли, они старались узнать сущность событий, связанных с поступками этих невежд.[1]

Высокопоставленные Сейид Назар-бий, Абдулла-инак, Махмуд Нияз- 516б
ясаулбаши, Мухаммед Эмин-юзбаши и некоторые другие юзбаши, вместе с войском из Гурлена, в течение некоторого времени занимались защитой Ханабадской крепости, которую уже в течение долгого времени ожесточенно осаждали йомутские мятежники, обстреливая ее из пушек и производя атаки. Они (йомуты) залили окрестности водой, которая преградила все пути, вследствие чего осада крайне затянулась. Провизии и корма для лошадей оставалось в крепости недостаточно. По этой причине все военачальники, сговорившись между собой, оставили в крепости Мухаммед Эмина-юзбаши и (мирное) население, а сами со своими войсками отправились к теке в Дас. Согласно (ханскому) приказанию, Махмуд Нияз-ясаулбаши отправился на защиту крепости Ильялы, остальные же отправились из Даса в (Хиву) и в понедельник 17-го дня месяца раби I (27 ноября 1855 г.) прибыли туда и были осчастливлены царскими милостями. Тогда же из Даса прибыл Якши Мурад-даруга, запятый там некоторыми государственными делами, и (также) был награжден ханом.

В пятницу 14-го дня упомянутого месяца (24 ноября 1855 г.), согласно (ханскому) приказанию, высокопоставленный мулла Ибрагим-диванбеги с войсками, снятыми из Питняка, Хазараспа и Беш-арыка, прибыл в Ташауз и присоединился к лагерю Багы-бека-беглербеги. После этого, согласно (ханскому) приказанию, Багы-бек-беглербеги, мулла Ибрахим-диванбеги и остальные вельможи и войско из Ташауза отправились в крепость Ильялы с тем, чтобы отражать набеги йомутов, имрели и остальных туркмен, если они появятся в окрестности. Хаким Нияз-аталык и Худай-берген-бий, находившиеся при войске, согласно высочайшему указу, вернулись в (Хиву) и остались при дворе.

Ходжа Мухаммед-ишан, который являлся духовным руководителем 517а
и наставником всех туркмен, а в особенности йомутов и чоудоров, будучи человеком благочестивым и преданным шариату, отговаривал туркмен от совершения беспорядков, мятежей и смуты. Он предостерегал их от дурных

[1] Далее речь идет о восстании кара-калпаков во главе с Эр Назар-бием, о выборе ими своего хана Зарлык-тёре, из казахов, и пр., о чем подробнее см. Матер. по ист. кара-калпаков, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1935, стр. 135—143.

последствий неблагодарности, порицал их недостойные поступки и делал им добрые наставления. Он поступал с ними даже жестоко, перестав ходить на их похороны и запретив это делать другим. Мятежники, огорченные такого рода отношением к ним со стороны ишана, явились к нему с покаянием и заявили (ему следующее): «Если вы пойдете в качестве заступника за нас к хану и попросите у него прощения за все совершенные нами преступления и проступки, мы с полной искренностью явимся ко двору и выразим свою покорность и повиновение и выслужим прощение». Упомянутый ишан, исполняя их просьбу, явился к его величеству. Выразив знаки своей почтительности и преданности (хану), ишан поставил вопрос о мире и просил прощения за йомутских мятежников. Покойный (Кутлуг Мурад) хан оказал ему почет, достойный звания ишана, исполнил его просьбу, даровав прощение всем туркменским мятежникам. Для успокоения жестокосердных мятежников хан присоединил к ходже Мухаммед-ишану Омар-ишана, Ибадулла-ишана, Саат-ишана и Мухаммед Керим-ишана и во вторник 2-го дня месяца раби II (12 декабря 1855 г.) отправил к мятежникам с тем, чтобы они своими убедительными наставлениями могли направить их на путь покорности и повиновения.

518а В субботу 25-го дня упомянутого месяца раби II (4 января 1856 г.) некоторые старейшины йомутов и имрели явились к хану на аудиенцию. Подробности данного события таковы. Как упомянуто было выше, покойный хан отправил (к йомутам) Омар-ишана, Ибадулла-ишана, Саат-ишана и Мухаммед Керим-ишана вместе с прибывшим от йомутов, в качестве их посла, ходжа Ахмед-ишаном.[1] Упомянутые ишаны, согласно (ханскому) приказанию, отправились в путь. Когда они достигли крепости Ильялы, к ним, по приказанию (хана), присоединился находившийся в этой крепости Ибрахим-диванбеги. Затем все они вместе отправились к йомутам. Угрожая йомутам гневом аллаха и его пророка, они наставляли их на истинный путь, призывая их к покорности аллаху и (его) пророку. Однако это не подействовало на грубые сердца злосчастных мятежников. Лишь некоторые племена, еще до этого тяготевшие к Хиве, отнеслись к словам (ишанов) сочувственно, их предводители, знатные люди в составе многих лиц и в сопровождении упомянутых ишанов отправились (в Хиву) и в указанный день (в субботу), 25-го числа упомянутого месяца (раби II) (4 января 1856 г.), прибыли (к хану). Удостоившись ханской аудиенции, они горько покаялись в своих преступлениях и просили прощения. Покойный (хан), простив их преступления и оказывая им свою царскую милость и внимание, каждого из них наградил драгоценными одеждами и деньгами. Благодаря благосклонному вниманию его величества, они (туркмены) также получили разрешение переселиться на свои места. Весьма обрадованные оказанной им ханской милостью (туркмены) оставили некоторое число своих лучших всадников для службы при дворе, а сами вместе с Мухаммед Керим-ишаном, которого они выпросили (у хана), отправились обратно

[1] Выше этот ишан назван Мухаммедом.

с тем, чтобы забрать всех своих и переселиться сюда (в Хорезм). Они (обещали) наставить на путь покорности и повиновения остальных мятежников и привести их для «целования праха у подножия высочайшего престола». *518б* Тогда же покойный хан помирил старейшин йомутов с теке. Оставив группу лучших теке и сарыков, (хан) остальным разрешил отправиться обратно.

[Дальше рассказывается об измене и мятеже Мехди-кули-бека джемшидского, который еще во времена царствования хана Алла-кули был переселен из Хорасана в Хорезм и пользовался покровительством всех правивших в Хиве ханов.]

Этот неблагодарный (Мехди-кули-бек), забыв всякую признательность за благодеяния, оказанные ему со стороны великого государства (Хивы), поднял знамя мятежа и вместе с находящимися при его стоянке мятежниками из племен йомутов, имрели и чоудоров в четверг 3-го дня месяца джумади I (11 января 1856 г.) направился на крепость Клыч Нияз-бая. Ничего не подозревая, население крепости беззаботно занималось куплей-продажей на своем базаре. Ворвавшись внезапно со всех сторон с шумом и криками в крепость, мятежники захватили ее. Все, что находилось в крепости—провизия, кони, оружие, зерно и остальное имущество они захватили в добычу, а всех ее правителей и старейшин со всеми их домами и домочадцами отправили в свою крепость. Затем, оставив несколько своих людей в этой крепости для управления ею, они всем скопищем направились на (город) Кытай. Завладев таким же образом Кытаем и его населением, они двинулись на крепость Мангыт, где угрозами и запугиваниями, переходящими всякие границы, они взяли несколько человек в заложники. В пятницу 4-го дня упомянутого месяца (джумади) (12 января 1856 г.) весть об этом тревожном событии дошла до покойного хана, который в тот же день отправил высокопоставленного Махмуд Нияза-ясаулбаши с отрядом из находя- *519а* щихся при дворе узбеков, йомутов и чоудоров для противодействия этим неблагодарным мятежникам. Упомянутый ясаулбаши, согласно (ханскому) приказанию, в тот же день, во время вечерней молитвы, отправился против мятежников и в ночь на воскресенье вступил в крепость Клыч Нияз-бая. Людей, поставленных Мехди-кули-беком для охраны крепости, он захватил и посадил под стражу.

Узнав об этом, Мехди-кули-бек в ночь на понедельник со всей своей конницей и пешими напал на крепость и с боя овладел ею. Махмуд Нияз-ясаулбаши получил рану и спасся бегством вместе с несколькими всадниками. Мехди-кули-бек многих жителей крепости убил, остальных разграбил и переселил, а крепость разрушил.

Покойный хан, услышав об этом событии, во вторник 8-го дня месяца джумади I (16 января 1856 г.) отправил Шах Мурад-инака с отрядом войск для охраны Ташаузской крепости, а Якуб-мехрема и Алла Берды-аталыка с группой войск из сарыков и теке в крепость Гурлен. В это время теке, проживающие в Дасе, опасаясь йомутов, со всем своим имуществом, женами и детьми отправились в Ахал.

Рахман Берды-бий и Вейс Нияз-бай, которые, согласно приказанию (хана), с некоторого времени находились в крепости Ходжа-эли, в пятницу 11-го дня упомянутого месяца (джумади I) (19 января 1856 г.) вернулись обратно (в Хиву). Причиной их возвращения являлось то, что Зарлык-хан, приблизительно, с тысячью всадниками из каракалпакских мятежников прибыл к йомутам, с тем, чтобы в союзе с ними поднять волнения и беспорядки в разных частях богохранимого государства (Хивы). С другой стороны, джемшидские мятежники также, подняв знамя непокорности и упрямства, стали грабить население, принося ему много несчастий. По этой причине страх Рахим Берды-бия увеличился, и он стал собираться покинуть крепость Ходжа-эли и вернуться в Хиву. Правитель Ходжа-эли, Мурташа-бий и другие вельможи и старейшины всячески препятствовали его неуместному поступку, однако он не послушался. В конце концов, оставив Ходжа-эли, он (Рахим Берды), в сопровождении Вейс Нияз-бая и находящегося при нем войска, спешно отправился по северному берегу реки. Перейдя через переправу у Гурлена, он прибыл в (Хиву) и рассказал о своем неблагоразумном поступке, за который покойный хан его упрекнул. Увидев, что Зарлык-хан несилен, йомуты напали на его войско и все его имущество и оружие разграбили. Большинство кара-калпаков как конных, так и пеших обратилось в бегство и разбрелось. Зарлык-хан вместе с несколькими мятежниками бежал и, явившись к предводителю йомутских мятежников, Ата Мурад-хану, просил убежища. Через несколько дней Ата Мурад-хан отправил их к кара-калпакам.

Выше было упомянуто, что Мухаммед Керим-инак вместе с группой покорных (Хиве) йомутов был отправлен к продолжающим упорствовать мятежникам для направления их на истинный путь и для приведения их в покорность хану. Он прибыл туда и стал призывать их к покорности
5196 и повиновению. Однако каждый из них (мятежников) уклонялся под разными предлогами, и лишь одно племя вступило на путь преданности и вместе с инаком в середине упомянутого месяца (джумади I — в конце января 1856 г.) прибыло в (Хиву), удостоившись здесь ханского приема. Через два дня покойный хан опять отправил Мухаммед Керим-инака вместе с прибывшими старшинами йомутов к мятежникам с тем, чтобы направить и остальных старейшин на путь согласия и склонить их явиться ко двору и заключить мир.

О предательском заговоре Мухаммед Нияз-бия[1] и йомутских мятежников, вступлении в город (Хиву), убийстве Кутлуг Мурад-хана и о последовавшем затем поражении (Мухаммед Нияз-бия) и йомутов

Во время тягостных событий, закончившихся гибелью покойного Абдулла-хана, Мухаммед Нияз-бий попал в плен к йомутскому отделению

[1] Мухаммед Нияз-бий, двоюродный брат Сеид Мухаммед-хана (1856—1865 г.), сын эмира Мухаммед Назар-инака («Рияз-уд-Довле», л. 83а), действовавшего при

(тирэ) салх. Находясь в течение пяти с половиной месяцев среди этих мятежников, он поддался их подстрекательствам и лживым словам. И вот мятежники из этих злодейских племен, а в особенности коварное племя салх, желая поднять в стране смуту и волнения, стали каждый день собираться у Мухаммед Нияз-бия и подстрекать его. Они втайне говорили ему: «Как бы для того, чтобы заключить мир (с ханом) мы все вместе с тобой войдем в г. Хиву и всем скопищем введем тебя в ханский дворец, а ты в то время, когда будешь обниматься (с ханом),[1] убей его и садись на его трон. Если кто-либо проявит непокорность и неповиновение, мы, как преданные слуги, отрубим им головы и все хорезмское государство заставим подчиниться тебе, (тем более), что в г. Хиве ни один человек не обладает такой силой и могуществом, чтобы мог сопротивляться нашей смелости и храбрости» (стихи). 520а

Соблазнительные слова мятежников вызвали алчность у Мухаммед Нияз-бия, у него явилось сильное желание надеть корону на свою голову и сесть на престол. В конце концов он согласился с мятежниками и, сделавшись таким образом их единомышленником и соучастником, обязался совершить это мерзкое деяние. Когда туркменские мятежники нашли, что он (Мухаммед Нияз-бий) послушен их желаниям, они весьма обрадовались. Когда Мухаммед Керим-ишан в последний раз явился для мирных переговоров, все (йомуты), кроме Ата Мурад-хана, Биллима и некоторых других упрямцев, из далеких и близких мест явились отовсюду к ишану и, скрывая в душе вражду и лицемерие, выразили наружно свою искренность и общее желание к установлению мира. (После этого) все, кто имел какие-либо средства передвижения и даже пешие, под предлогом установления мира и получения от покойного (ныне) хана подарков, во главе с Мухаммед Нияз-бием и Мухаммед Керим-ишаном, всем скопищем с шумом и беспредельной надменностью отправились в Хиву (стихи).

Покойный хан, в силу свойственного ему великодушия и соблюдая обязательства родственных отношений, отправил Эльтузер-инака с отрядом войск для встречи Мухаммед Нияз-бия. В воскресенье 4-го дня месяца джумади II (11 февраля 1856 г.) Мухаммед Нияз-бий в сопровождении лицемеров прибыл и остановился в своем дворце, расположенном на границе Рафенека, к северу от города Хивы. Некоторые из йомутских мятежников въехали в город (Хиву) и остановились у своих знакомых, а некоторые остановились в упомянутом кенте (Рафанек) вместе с Мухаммед Нияз-бием. Эту ночь Мухаммед Нияз-бий провел в отдыхе в своем замке, вместе с мятежниками. В ту же ночь к упомянутому беку (Мухаммед Нияз-бию) как бы для встречи явились его братья Сейид Назар-бек и Абд-ур-Рахман-бек, которые еще раньше были посвящены в тайну мятежников

Алла-кули-хане, и, между прочим, возглавлявшего соединенные хивинско-туркменские отряды при подавлении восстания 1827—1828 гг. (каракалпакского правителя Айдост-бия) («Риязуд-Довле», л. 78а — 87б).

[1] Речь идет об обычной манере приветствия.

и являлись соучастниками мятежа. Устроив тайное совещание, они вместе с невежественными добровольцами (фидаи) йомутов давали усиленные советы на счет убийства хана и подтверждали, что если он это убийство совершит, то легко овладеет страной и никто ему сопротивляться не будет. Злосчастный (Мухаммед Нияз-бий), который еще раньше согласился на это гнусное дело, не устоял перед их подстрекательствами и окончательно решил привести в исполнение свой замысел и стал усердно готовиться. По невежеству своему (Мухаммед Нияз-бий) дал туркменским мятежникам обещание, что если с их помощью ему улыбнется счастье, то он разрешит им в течение трех дней грабить город и даже даст им власть во всех делах. От этих слов у мятежников разгорелось корыстолюбие, и они дали обещание и клятву, что доведут до конца это гнусное дело. После этого Сейид Назар-бек и Абд-ур-Рахман-бек вернулись в город и, сидя у себя дома, ожидали событий (стихи).

Наутро, в понедельник 5-го дня упомянутого месяца, т. е. джумади II (вторник 12 февраля 1856 г.), все представители, старшины, беки и знатные (люди) туркменских племен, вместе со своими слугами и подчиненными, выехали прежде Мухаммед Нияз-бия из своих лагерей, всей массой вступили в город и удостоились здесь ханской аудиенции. Покойный хан назначил им благосклонно общий прием, расспрашивал об их положении и оказал
520б им свою царскую милость и ласку, вознаградив каждого из них золотом
521б и серебром. Старейшины туркмен, довольные ласками и подарками его величества, вышли из приемной и расположились на площади арка, при ханском дворе, где вельможи и государственные чиновники, во главе с великим везпром Мухаммед Якуб-мехтером, стали вести с ними переговоры о мире. В это время Мухаммед Нияз-бий, вместе с приближенными и туркменскими невеждами, «имея за поясом нож мести и вражды», выехал из своего дворца и, вступив всем скопищем (в ханский дворец), вошел в приемную. Покойный хан учтиво поднялся со своего места и милостиво раскрыл свои объятия, чтобы обнять (вошедшего). В этот момент этот жестокосердный глупец и невежда (Мухаммед Нияз-бий) убил падишаха своей саблей. Заслужив своим преступлением вечную гибель, (убийца) стал отверженным обоих миров (стихи).

Случайно, во время этой великой катастрофы около хана никого не было, кроме Якуб-бека, сына Фазиль-бека, муллы Ибрахима-диванбеги и одного-двух слуг (хадым). Мятежники их также убили. Затем Мухаммед Нияз-бий сразу же сел на трон, а злоумышленники (туркмены) принесли ему свою верноподданическую присягу. Народ и вельможи, находясь вне (дворца), ничего не знали об этом ужасающем событии. Когда об этом узнали йомуты, их охватил ужас, и все их векили и бакши всем скопом поспешно вышли из арка и обратились в бегство. Великий везир Мухаммед Якуб-мехтер сейчас же послал к воротам людей и заставил (их) прокричать, чтобы каждый, кто увидит йомута, убивал его, а имущество его брал себе. (Люди), преданные (хану), закрыли ворота арка и, взяв сабли, стали убивать

мятежников. Мухаммед Нияз-бий вместе со своими приверженцами-йомутами (фидаи), в количестве около сорока человек, закрылся в коридоре (дехлиз) приемной хана и, защищаясь своими саблями и ружьями, около трех с половиной часов никого близко не подпускал. Когда жители и ремесленники города услышали призыв (убивать йомутов), то все они выбежали 521б
из своих домов и со всех сторон на конях и пешими, с саблями и палками в руках, бросились на наполнивших все улицы и базары туркменских мятежников и стали их избивать. Привратники города, закрыв все ворота, из гнева и мести также стали убивать мятежников (стихи).

В один момент от ударов храбрых жителей города пало столько туркмен, в особенности мятежников, что из их тел образовались холмы. Все улицы, кварталы и базары до того были наполнены их трупами, что нельзя было пройти, а от потоков крови, жители в течение недели не могли видеться друг с другом. Из отрубленных голов (мятежников) в нескольких местах возвели высокие минареты (стихи).

Все наемные слуги [1] и обмыватели мертвых (гуссал) через все (городские) 522а
ворота стали вывозить на многочисленных арбах трупы и лишь через неделю могли очистить некоторые улицы и открыть путь для прохожих. В этой страшной катастрофе, в возмездие за пролитую кровь (хана), было убито около пяти тысяч мятежников и около тысячи человек их попало в плен, в оковы.

Во время этого события некоторые из мятежников, спасаясь от ударов жителей города, бросали своих лошадей, оружие, одежду и кое-как взобравшись на городскую стену, прыгали с нее. По этой причине многие из них разбивались на смерть. Те, которые спаслись от опасности и бежали, обращались в скитальцев. Сейид Назар-бек, являвшийся тайным соучастником этого ужасного преступления, также нашел благоразумным бежать. Во время волнений он вместе со своими сыном Абд-ур-Рахим-беком выехал из своего дома и, взяв себе в помощники группу йомутов, отправился к западным воротам города. Привратники и стража, охранявшая ворота, не будучи в состоянии оказать им сопротивление, бежали, благодаря чему Сейид Назар-бек со своим сыном и с йомутскими мятежниками выехал через эти ворота и бежал.

Одно из чудесных событий, происшедших в это время, состоит в следующем: когда жители города выступили на истребление йомутов и других туркменских мятежников, оружием их были палки и дубины. Мятежники же имели под собой быстрых коней, за плечами заряженные ружья и в руках острые сабли. Несмотря на все это, десять человек городских жителей обра- 522б
щали в бегство сотню мятежников, а затем преследовали их и, догнав, убивали ударом палки. (Таким образом) мятежники, хотя и имели в своих руках пики и сабли, все же бежали перед пешими городскими жителями, так как от ужаса и страха их руки засохли и застыли в воздухе и были

[1] В тексте стоит «муздвар».

не в состоянии нанести удара ни саблей, ни пикой. Пешие (жители) со всех сторон стремились на мятежников, чтобы убивать их. Около пяти тысяч (мятежников) отправили «в дом возмездия».

Йомуты, которые спаслись от этой опасности бегством, вследствие охватившего их страха, потеряли свой разум и на расстоянии двух остановок не могли вложить в ножны находившихся в их руках (обнаженных) сабель. У некоторых (мятежников) с трудом могли вынуть из сжатых рук рукоятку сабли.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ХАНА СЕЙИД МУХАММЕДА (1856—1865 гг.)

Извлечения из «Гульшен-и-Девлет», соч. Мухаммед Риза-мираба, прозванного Агехи. Рукопись ИВ АН, В 1891

Перевод и примечания П. И. ИВАНОВА

32б Когда, вслед за убийством блаженной памяти хана Кутлуг Мурада, хивинские жители начали производить всеобщее избиение (йомутов),[1] часть мятежников все же сумела кое-как спастись от народного мщения и с большим трудом бежала.

33а Еле живые от страха они (йомуты), сойдясь с разных сторон, собрались затем около туркменского аула (оба), расположенного в окрестностях мазара святого Исми Махмуд-ата.

Читающим эти строки да будет известно, что во времена йомутского возмущения при Абдулла-хане (1855 г.), когда восставшие йомуты уходили из района Хивы в сторону Старого Ургенча, предводитель рода орус-

---

[1] Краткое описание этих событий повторяется на лл. 17б — 23а данной рукописи, где автор сообщает, что двоюродный брат (аммә-задә) Сейид Мухаммедә, Мухаммед Нияз-бий, сын Мухаммед Назар-инака, «в силу полного своего невежества», вошел в тайное соглашение с йомутами и, явившись с ними в город Хиву, убил здесь ханствовавшего тогда Кутлуг Мурада, о чем подробно рассказано выше по ркп. ИВ Е 6, лл. 506—526. Спасаясь от набросившейся на них толпы, заговорщики в количестве около 40 человек засели в приемных комнатах дворца (коруныш-ханә). Пока продолжалась осада, Вейс Нияз-бай и Мухаммед Мурад-мехрем направились, по поручению сановников, к Сейид Мухаммеду и предложили ему занять ханский престол. С прибытием Сейид Мухаммеда в цитадель (арк), заговорщики были вскоре перебиты, после чего состоялось избрание Сейид Мухаммеда на ханство, в знак чего он по древнему обычаю был поднят на белом войлоке. Церемония поднятия на ханство состоялась в понедельник 5 джумади II 1272 г. х. (12 февраля 1856 г.), когда Сейид Мухаммеду было неполных 34 года.

Известия русских и европейских источников об этих событиях изложены в книге проф. Н. И. Веселовского, «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве». СПб., 1877, стр. 340—342. Данные Агехи, между прочим, расходятся с показаниями русских и европейских источников о «междуцарствии», которое яко бы в это время наблюдалось (ср. Н. И. Веселовский, цит. соч. стр. 341).

кошчи, славный Ходжа Нияз-векиль, обладавший дальновидным умом и не принимавший поэтому участия в беспорядках, отделился от бунтовщиков и поселился с тысячью семейств в окрестностях упомянутого мазара в качестве подданного хивинского хана.

Собравшиеся в этом месте враждебные йомуты, объединившись под *33б* властью Баба-бахши, решили проведать о положении дел в Хиве и послали с тайными намерениями в Хиву трех-четырех человек во главе с Байрам Али-сердаром.

Явившись в качестве послов к хану, йомуты обратились к нему со лживыми словами о том, что они раскаиваются теперь в своих прежних дурных делах и готовы, дескать, верно служить его величеству, во всем подчиняясь его воле. При этом они просили хана, чтобы он смилостивился над ними и простил их прежние проступки и прегрешения.

Хотя его величеству и была ясна лживость и неискренность слов этого *34а* несчастного племени, однако, в силу обстоятельств времени, он простил их проступки и выдал им свою милостивую грамоту, с обещанием не подвергать их наказанию.

В качестве своего посланника он отправил вместе с послами йомутов Рахметуллу-ясаулбаши, который был лишен своего звания и отстранен от ханской службы Абдулла-ханом, а теперь снова был приближен и осыпан царскими милостями.

Когда прибыл Рахметулла-ясаулбаши, несчастные мятежники (йомуты) оскорбили его недостойными словами и отправили обратно, а сами направились в свое укрепление (сенгер) около Хан-абада.

Прибыв в указанный выше день, т. е. в субботу 10 джумади II (воскре- *34б* сенье, 17 февраля 1856 г.) ко двору, ясаулбаши доложил хану о всем, что он слышал и видел у бунтовщиков.

Об уходе джемшидского народа (халк) из Хорезма в Хорасан

Испытав на себе многочисленные заботы и благодеяния хорезмских *35а* государей, они (джемшиды) вместо верной службы за проявленные к ним милости стали на путь вражды и, избрав удобный момент, ушли со всем своим имуществом и людьми в Хорасан, который является их первоначальной родиной.

Подробности этого события таковы.

В течение долгого времени джемшиды проживали в Хорасане, где они влачили грязное полуголодное существование. С большим трудом добывая себе кусок хлеба, они едва могли спасти себя от смерти.

Во время счастливого царствования Алла-кули-хана, отца Рахим- кули-хана, в год коровы, соответствующий 1255 г. х. (1839/40 г.), когда *35б* победоносные (хивинские) войска направились в Хорасан, они, по ханскому приказу, переселили указанное племя (джемшидов) в Хорезм. После этого они (джемшиды) были, по их собственному желанию, поселены около кре-

пости (кала) Клыч Нияз-бая,[1] где были им предоставлены орошенные пахотные земли. Здесь (хан) так много о них заботился, что вскоре же они по своей материальной обеспеченности стали превосходить всех прочих воинов (лешкерийе). Главный начальник их сердар мир Мухаммед-хан в течение пятнадцати лет служил на пользу могущества названных государей (Алла-кули и Рахим-кули). Но он был убит во время ужасных событий при Абдулла-хане.[2] После этого события его младший брат Мехди-кули-бек направился со своими войсками к своему племени в Клыч Нияз-бай. Здесь он убедился, что по количеству принадлежащего ему скота и богатства он стоит выше других племен, а по числу коней и вооружения
36а он превосходит все прочие войска (ханства). Вследствие этого его обуяли мятежные замыслы. Он построил в окрестностях (Клыч Нияз-бая) крепость, после чего поднял знамя восстания.

Во время царствования Кутлуг Мурада он совершил набег на окрестности столицы государства (Хивы), забрав много имущества у окружающего населения. Не удовлетворившись даже этим, он в своей враждебности дошел до того, что, выступив со всеми своими войсками, забрал крепости (города) Клыч Нияз-бай и Хытай и предал жестокой смерти много ни в чем неповинных людей. Разграбив имущество убитых, он оставшуюся (в живых) часть населения переселил к себе в крепость. Затем он несколько раз выступал против (городов) Мангыта и Гурлена, создав таким образом
36б чрезвычайно большую смуту и беспорядок во всех концах государства (стихи).[3]

Когда происходили тревожные и кровавые события, связанные с царствованием и гибелью хана Кутлуг Мурада и восстаниями йомутов, Мехди-кули-бек джемшидский, боясь возмездия со стороны вступившего на престол его величества (Сейид Мухаммеда) и пользуясь тем, что наступившие смуты продолжались и в первые дни его правления, избрал подходящий момент (для своего ухода). Приготовив все необходимое для пути, он в поне-

---

[1] Клыч Нияз-бай — небольшой городок к югу от Мангыта. Расположен на канале того же наименования. Канал Клыч Нияз-бай был прорыт в 1815 г. и получил свое название по имени одного из вельмож Мухаммед Рахим хана. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 97.

[2] Сердар мир Мухаммед упоминается Данилевским под именем султана Мир-Ахмеда. Во время пребывания русской миссии в Хиве в 1842 г. джемшиды, в количестве около 7 тыс. семейств («кибиток»), жили в районе Куня Ургенча и далее на восток к Мангыту и Кипчаку. Описывая быт джемшидов, Данилевский отмечает их крайнюю бедность, даже нищету, вынуждавшую их «наниматься в работники». (Данилевский. Описание Хивинского ханства Зап. Русск. геогр. общ., кн. V, СПб., 1851, стр. 97 и сл.) Таким образом слова автора «Гульшен-и-девлет» о процветании джемшидов под покровительством хивинских ханов страдают, повидимому, сильным преувеличением.

[3] О беспорядках, чинившихся в Хиве джемшидами в это время, упоминает также А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 178. Н. И. Веселовский (цит. соч., стр. 357) данное сообщение Вамбери считает сомнительным, на том основании, что оно не подтверждается другими данными (?).

дельник 12-го числа месяца джумади II (вторник 19 февраля 1856 г.), что совпало с восьмым днем царствования (Сейид Мухаммеда), со всем своим 37а
народом, женщинами, детьми, скотом и имуществом выступил из своей крепости и устремился в сторону Хорасана, направляясь вверх по берегу р. Джейхуна (Аму-дарьи).

Его величество, зная, что этот народ не соблюдает верности и не знает дружбы, не препятствовал их уходу (стихи).

Однако, во избежание вреда, который могло бы нанести богоспасаемому государству при своем движении это злобное племя, (хан) из предосторожности назначил, в целях охраны, отряд войск в Ургенчскую крепость, под командой Баги-бека-беглербеги,[1] Вейс Нияз-бая и некоторых других начальников. Для охраны крепости в Ханака был назначен Мухаммед Риза-бек, сын Шах Нияз-аталыка с нукерами. Для охраны от посягательств джемшидов жизни и имущества населения, живущего по берегам реки, 37б
а также прочих степных жителей (сахранишин)[2] в крепость Хазараспа был направлен Хаким Нияз-аталык, из кыпчаков, а также Хасэ-кушбеги и другие сановники из конгратов, во главе с царевичем султан Махмудбием (старший брат хана) и некоторым количеством войск.

До тех пор, пока это племя джемшидов не покинет Хорезма, войска должны были находиться в строю, показываясь время от времени с разных сторон. Когда это племя мятежных изменников поспешно проходило против Ургенча, бросая в страхе на каждой остановке свои вещи, хлеб (букв. зерно) и прочее имущество, Баги-бек-беглербеги, руководствуясь ханским приказом, вышел с подчиненными ему войсками из крепости (Ургенча) и стал сопровождать их. Когда (джемшиды) достигли крепости Ханках, и, пройдя мимо, направились с чрезвычайной поспешностью вверх (по реке), Мухаммед Риза-бек, вместе с находящимися при нем войсками, вышел из крепости и, присоединившись к названному выше беглербеги, стал двигаться также около джемшидских войск. Когда (все они) достигли местности Турангусы (ترانغوسی), Сейид Али-джан своевольно (بی باشلیق قلیب) набросился на лагерь (кёч) мятежников, чтобы поживиться добычей и пленными.

Увидев это, мятежники всеми своими силами устремились на победоносное (хивинское) войско. Началась свалка, которая вскоре же превратилась в сражение. После того, как с каждой стороны оказалось по нескольку человек убитыми, обе стороны удалились с места битвы и стали снова

---

[1] Беглербеги (букв. бек над беками, старший из беков) — звание, сохранившееся в Хиве до последнего периода существования ханства. В начале XX в. звание беглербеги принадлежало в Хиве ханскому чиновнику, управлявшему одним из крупнейших родовых подразделений той или иной народности (напр. каракалпаков). В ведении беглербеги находились аталыки, управлявшие более мелкими подразделениями. См. Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903, ч. II, стр. 26.

[2] Сахранишин — термин, обычно употребляемый в смысле «кочевник». Из другого места данного сочинения видно однако, что термин «сахранишин» относится автором к оседлому населению кишлаков.

двигаться в прежнем порядке. Когда (джемшиды) поравнялись с крепостью
38б Хазараспи, из крепости выступил царевич султан Махмуд-бий с находившимися в его распоряжении силами и, в целях охраны страны и населения, проводил джемшидское племя до границ Питняка и Теве-боюна.

После того, как райские поля Хорезма были освобождены от мусора, каким являлось джемшидское племя, все начальники и предводители войск собрались в Хазараспе, а затем все вместе выступили в обратный путь и в пятницу 23 числа названного выше месяца (суббота 1 марта 1856 г.), прибыли к хану, удостоившись его высокой милости.[1]

Об отправлении посольства Карлы-юзбаши совместно с Хубби-ишаном к чоудорам

Суть настоящего события такова: после ужасных событий, связанных с убийством хана Абдуллы, глава и предводитель поколения (тирэ) абдаль
39а племени (халк) чоудоров, злосчастный ходжа Мухаммед-юзбаши, став во главе некоторых злодеев и разбойников этого племени (таифе), совершил несколько раз нападения на окрестное кочевое население (элят). Разграбив и опустошив владения и имущество сельских жителей, он тем самым создал большое беспокойство. Откочевав, наконец, с сочувствующими ему мятежниками и направившись в окрестности Старого Ургенча, он поселился там. Другая часть племени, не сочувствовавшая мятежным замыслам (ходжи Мухаммеда) и отличавшаяся благоразумием и любовью к (Хорезмской) державе, сгруппировалась в местности Кök-чеке, где и начала жить. Некоторые старшины этого племени прибыли в это время в сопровождении и под руководством благочестивого и набожного ишана Казак-бая к ханскому двору для того, чтобы засвидетельствовать здесь свою покорность и подчинение.

39б Оказав всевозможные милости и благодеяния представителям этого племени, хан во вторник 20 числа месяца джумади II (27 февраля 1856 г.) отправил к остальным старшинам этого племени, в качестве послов, Хубби-ишана и Карлы-юзбаши, с милостивыми и ласковыми письмами.

В понедельник 26 числа того же месяца (4 марта) хан отправил мужественного Мухаммед-мехрема с отрядом храбрых войск для удержания и охраны крепости Хиляли (Ильялы)...

40а В пятницу 8-го числа этого месяца (раджаба — суббота, 15 марта) прибыл к хану Худай-берген Орус от племени йомутов и получил прощение и извинение за все совершенные им проступки.

Подробности этого дела таковы: Худай-берген-юзбаши, известный под прозвищем Орус, состоял на ханской службе, от которой, однако, он после

[1] В европейской литературе уход джемшидов из Хивы отмечается у А. Вамбери в его «Очерках Средней Азии», М., 1868, стр. 313—314. В своем «Путешествии по Ср. Азии» (стр. 178) тот же автор отмечает, что вместе с джемшидами из Хивы вышло также 2000 иранских невольников.

убийства хана Кутлуг Мурада бежал и прибыл в Клыч Нияз-бай к мятежникам джемшидам. Находясь известное время среди мятежного племени, он активно участвовал во всех противозаконных делах, совершавшихся Мехди-кули-беком, так как состоял у него на службе. После того, как джемшиды ушли на свою первоначальную родину, (юзбаши) направился к мятежникам-йомутам, но, не находя здесь душевного покоя и испытывая раскаяние в совершенных им поступках, бежал от йомутов и прибыл в город Хиву, чтобы получить от хана прощение.

В эти же дни были пойманы и повешены пять-шесть слуг Сейид Назар-бека, *41а*
а младший брат его, Абд-ур-Рахман-бек, был посажен в зиндан (тюрьму).

Суть этого дела заключается в том, что сын великого эмира Мухаммед Назар-инака во время тревожных событий царствования Кутлуг Мурад-хана, *41б*
в месте со своим младшим братом Мухаммед Нияз-бием, действовал заодно с мятежниками-йомутами; однако, когда дела последних повернулись в худшую сторону, Мухаммед Нияз-бий испытал на себе гнев божий, будучи пойман и доставлен к хану.

Услышав об этом, он (Сейид Назар-бек), точно накурившись опия, потерял всякий рассудок и, присоединившись к некоторым туркменам, в момент общего замешательства бежал из города вместе со своим сыном Абд-ур-Рахман-беком.

Добравшись тайком до аула (оба) предводителя мятежного туркменского племени имрели, недостойного Эвез Мухаммед-векиля, он оставался некоторое время гостем в его доме. Здесь он усиленно пытался возбудить враждебные действия (против Хивы), но потерпел полную неудачу. Через *42б*
некоторое время, убедившись в полной своей беспомощности, он ушел от племени имрели и стал переживать различные злоключения в пустыне, пока не добрался до мятежников-джемшидов (стихи). Здесь, у джемшидов, он, совместно с неверным Мехди-кули-беком занимался некоторое время недостойными делами. Когда же джемшиды ушли из Хорезма в Хорасан, он снова пришел к племени имрели и стал жить среди них. С течением времени оказавшись раздетым, голодным и нуждаясь во многом, он отправил людей к своему младшему брату Абд-ур-Рахман-беку, жившему в своем доме в столице. Приготовляя все необходимое для своего брата, Абд-ур-Рахман-бек все это посылал к нему, проявляя таким образом полное с ним единодушие и солидарность. Преданные и верноподданные люди, узнав об этом, донесли обо всем хану.

После соответствующего расследования пять-шесть человек из числа слуг преступника были задержаны и доставлены хану. Когда преступление окончательно подтвердилось, слуги были повешены, а сам Абд-ур-Рахман- *43а*
бек был посажен в тюрьму.[1]

---

[1] На лл. 52б—55а приводится подробный рассказ о том, что, потерпев в дальнейшем неудачу в борьбе с ханом, Сейид Назар-бек и Эвез Мухаммед-векиль притворно изъявили свою покорность хивинскому правительству, после чего Сейид Назар-бек прибыл в столицу и здесь умер.

48б **Продолжение рассказа о посольстве Хубби-ишана и Карлы-юзбаши**

Прибыв к чоудорам, послы предъявили им ханские грамоты, а затем в течение 30 дней всяческими способами убеждали некоторых невежд из этого племени, после чего сердца их, бывшие до сих пор твердыми и бесчувственными, как железо, стали мягкими, как воск. После этого из знатнейших и лучших людей этого племени было составлено посольство, которое, во главе с ишаном Казак-баем, Карлы-юзбаши, казием и другими учеными людьми, направилось к ханскому двору для выражения своей преданности и покорности.

В среду 20-го раджаба (четверг 27 марта) (посольство) прибыло к хану и было удостоено его высоких милостей.

49б В это же время, т. е. в конце месяца раджаба (начало апреля 1856 г.) Хасан Мурад-бек, сын высокопоставленного Шах Нияз-аталыка, присоеди-
50а нившись к старшинам чоудоров, прибывших с Хубби-ишаном и Карлы-юзбаши, отправился с ними в качестве посла к другим чоудорам, имея при себе милостивые (ханские) грамоты.

В пятницу 6 числа ша'бана (суббота, 12 апреля) уехавшие доставили к хану посольство чоудорских старшин, во главе с их казием и ишанами, которые выразили полную преданность и покорность его величеству и были милостиво награждены.

50б В начале месяца ша'бана (начало апреля) один из занимавших высокое положение при дворе хана, Нияз Мухаммед-юзбаши, был послан к мервским теке и сарыкам с ханским предписанием о том, чтобы указанные племена прислали свои войска в помощь войскам хана для борьбы с йомутами в целях полного их истребления.[1]

Во вторник 10-го числа месяца ша'бана (среда 16 апреля 1856 г.) удостоились ханского приема предводители кыятов, Рустем, Исфендияр и Худаяр-бий, а также известные своей долгой службой хану некоторые старшины гёкленов, которые, для того чтобы засвидетельствовать свою верность этому (Хивинскому) государству, произвели нападение на аул йомут-
51а ских мятежников и овладели их многочисленным имуществом. Все они были обласканы ханом. Присоединив к гёкленам упомянутых начальников, хан послал их к этому племени в Старый Ургенч для того, чтобы они после совершенных ими действий были осторожны.

51б В довершение гостеприимства, оказанного ханом старшинам чоудоров, прибывшим ранее ко двору для выражения своей покорности, к ним в субботу 14 ша'бана (воскресенье 20 апреля) был присоединен старший брат кушбеги Хасан Мурада, Мухаммед Риза-бек, который направился к месту жительства этого племени.

---

[1] На л. 56а коротко сообщается, что около середины месяца рамавана (около 20 мая) войска теке и сарыков с границ Хорасана начали постепенно прибывать для службы хану.

Мухаммед-Риза-бек, как описывалось уже ранее, присоединился к старшинам чоудоров и направился с ними (к их местожительству) и здесь остановился. 55а

В это время один из предводителей бунтовщиков-чоудоров, проживавших в Старом Ургенче, по имени Карнай-юзбаши, под влиянием чувства привязанности к хану и желания служить его особе, отделился от прочих бунтовщиков и явился к Мухаммед Риза-беку, который находился среди чоудоров в местности Кök-чеке. 55б

Он пожелал, чтобы бек взял его с собой (в Хиву) и там представил хану. Мухаммед Риза-бек в сопровождении (Карная-юзбаши) и других старшин прибыл затем ко двору, где всем им был оказан милостивый прием.

О том, как мятежники-йомуты напали на окрестности (города) Хивы и как они были отражены и обращены в бегство узбеками и чоудорами, находившимися в войсках Якуба-мехрема 56а

Когда великий повелитель (Сейид Мухаммед) вступил милостью божьей на царский престол, его мудрость и человеколюбие, подобно светлому лучу солнца, коснулись всех туркмен и особенно йомутов и имрели. Проявляя свою милость и благоволение, (хан) обратился к ним с следующим ласковым письмом: «О, туркменский народ! Уже с древних времен вы ревностно служите (Хивинскому) государству, с которым вас тесно связывают узы близкого родства. Все превратности судьбы и различные треволнения, какие происходили в последнее время, ныне миновали. Оставьте же теперь все ваши прежние возмущения и беспорядки и без задержки и замедления приходите на ханскую службу, пользуясь здесь всеми благами и дарами, какими будет награждать вас хан». 56б

Однако это злосчастное племя продолжало оставаться (в цепях) невежества и преступлений, какими оно было до сих пор сковано. Не послушавшись высокомилостивых ханских слов, они (снова) стали на путь мятежа и непослушания.

Значительное число аламанщиков из этого племени собрались вместе и несколько раз они совершали нападения на окрестности Хивы, Ургенча и Гурлена. 57а

Произведя грабеж среди степного населения (сахранишин) и прибрежных жителей и захватив большое количество женщин, детей и разного имущества, они после этого поспешно бежали, благодаря чему им удавалось избежать справедливого возмездия со стороны войск, посылавшихся вслед за ними в погоню.[1]

---

[1] Значительные потрясения, переживавшиеся Хивой в связи с туркменскими восстаниями в рассматриваемое время, отмечаются также европейскими путешественниками. К и л е в е й н, посетивший Хиву в составе миссии полковника Игнатьева в 1858 г., сообщает следующее: «Все почти селения и города (по дороге из г. Кунграда в Хиву. *П. И.*) были в самом жалком виде, повсюду видны были следы разбойничьих

В конце месяца рамазана (конец мая 1856 г.) они (йомуты) собрались в количестве около 1500 человек конных и направились в районы, расположенные вокруг города Хивы, чтобы совершить на них нападение. Об этом узнал доблестный Якуб-мехрем, которому в это время была поручена охрана крепости Ильялы. Он спешно послал ко двору сообщение о замыслах мятежников, а сам с подчиненными ему войсками направился вслед (за йомутами).

576 Посланное (Якуб-мехремом) известие в пятницу 27 рамазана (воскресенье 1 июня) было доложено хану. Его величество приказал, чтобы часть хивинского гарнизона, совместно со старшинами чоудоров, во главе с Карнай-юзбаши и войсками теке, прибывшими из Мерва, под начальствованием Вейс Нияз-бая, Рахметуллы-юзбаши и Мухаммед Яр-бия, из кыятов, выступила бы против йомутских мятежников, с тем, чтобы не только проучить их, но и нанести им решительное поражение.

Согласно высокому приказу, все назначенные выступили утром в субботу 28-го числа указанного месяца (2 июня) из столицы и в конце дня прибыли к крепости (кала) Гази-абад (Газават, Хазават). Здесь же в ближайших
578а окрестностях были и бунтовщики. После намаза «шам» разъезды обеих сторон издали заметили друг друга. Не будучи в состоянии подойти ближе, бунтовщики ударились в противоположную сторону.

Думая, что они (йомуты) отправились вверх, т. е. на восток, наши (т. е. хивинские) разъезды сообщили об этом своим командирам. Начальники в тот же вечер все вместе выступили и дошли до крепости (кала) Кошкопрюк.[1] Не обнаружив здесь следов вражеского войска, они направились в сторону Шах-абада (Шават), пройдя через Чукур-кум. Когда они на рассвете в воскресенье (т. е. на следующий день—3 июня) находились уже вблизи Шах-абада, то услышали, что йомуты напали на (селение) Чагатай [2] и производят (там) грабеж и насилие.

Победоносные (хивинские) войска тотчас же с большой поспешностью направились в сторону Чагатая. Случилось так, что во время туркменского набега на Чагатай, туда прибыл со своими войсками Якуб-мехрем, который, как уже отмечалось, занимался преследованием мятежников. Оказавшись.

нападений туркмен; в разрушенных каракалпакских аулах встретили мы только младенцев и стариков; все молодое поколение было взято в плен и отправлено в Хивы или на персидскую границу для продажи. Такой же участи подверглись и город Кипчак и Ходжейли». К и л е в е й н. Отрывок из путешествия в Хиву. Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. 1, стр. 100.

Этот же автор отмечает, что летом 1857 г. в Хиве свирепствовала сильная эпидемия, повидимому, холера.

[1] В русскую литературу и картографию название этого населенного пункта проникло в произношении Кош-купыр. Городок (на картах «базар») находится в 18—19 км на северо-запад от г. Хивы, в пределах Узбекской ССР.

[2] Селение Чагатай (Tschagatai) находилось в 11 км к юго-западу от г. Кытая (Хтай), между гг. Гурленом и Мангытом. См. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. II, St.-Petrsb., 1839, S. 21. На современных картах пункт не нанесен.

по счастью, готовым (к бою), он со своими войсками направил коней на 58б
йомутов. Благодаря тому счастью, которое сопутствует могуществу великого государя, (войска) убили трех-четырех (йомутов) и овладели имуществом, захваченным ими в качестве добычи у населения. Не вынесши натиска победоносных войск, йомуты обратились в бегство. Случайно между йомутами и войсками (мехрема) оказался широкий и глубокий канал (яб) Манак, благодаря чему мятежникам удалось спастись от возмездия со стороны (хивинских) богатырей. Йомуты ушли на далекое расстояние в пески и там остановились. В это время к отряду (аламан) Якуб-мехрема подошли и присоединились начальники и хивинские войска, находившиеся под командованием Рахметуллы-ясаулбаши и Вейс Нияз-бая. Туркмены увидели это издали и поняли, что им надо бежать. Разделившись на отдельные мелкие части, они скрылись, рассеявшись в разные стороны. (Хивинские) войска, не будучи в состоянии переправиться через указанный канал, долгое время передвигались по его берегу и только к вечеру, найдя 59а
мост, сумели переправиться на противоположную сторону. Однако йомуты в это время поспешно скрылись, разбежавшись в разные стороны, так что преследование их являлось бесполезным. Поэтому начальники остановились здесь, послав некоторое количество разъездов в погоню за бунтовщиками. Посланные не сумели обнаружить следов йомутов или что-либо узнать о них. (В конце концов) указанные начальники, после общего совета, по необходимости должны были направиться со своими войсками в сторону Хивы, а Якуб-мехрем с подчиненными ему войсками возвратился в Ильялы.

Однако мятежники-йомуты, узнав во время своего бегства о том, что их никто не преследует, напали на некоторых жителей (сахранишин) кишлака Кары в районе Ташауза, захватив (часть их) в плен. Казак-бай-ишан, узнавший еще ранее о том, что йомуты отправились в чапаул, собрал войско из икдыров и чоудоров и отправился в погоню за ними.

Встретив мятежников случайно в кишлаке Кары, он с большим рвением 59б
вступил с ними в бой. Не будучи в состоянии сопротивляться, мятежники отступили в порядке. Якуб-мехрем, узнав об этом происшествии при возвращении своем в Ильялы, отправил для преследования мятежников отряд из чоудоров и узбеков, во главе с отважным Дост Нияз-мехремом, сыном Карлы-юзбаши.

В полуденное время, во вторник 1 числа шавваля, (именно) во время праздника рамазана (четверг 5 июня 1856 г.), когда йомуты прошли около одного фарсаха (6—8 км) далее местности Кокче и беспечно расположились в одном месте на отдых, они (воины Дост Нияза) внезапно набросились на них и начали неистово их избивать.

Оставив захваченных пленных, йомуты пустились в поспешное и беспорядочное бегство.

Убив мечом мщения четырнадцать человек йомутов, воины захватили 60а
их головы, прочие спаслись от гибели бегством.

Веселые и довольные (хивинские) воины направились отсюда обратно и, пройдя большое пространство, прибыли в среду 2 шавваля (пятница 6 июня) в Хиву, к хану, который щедро наградил Дост Нияза-мехрема и всех других, находившихся под его командованием, и возвысил их среди других служилых людей ханства,

67а [Описывая события, происшедшие около середины месяца шавваля (около 20 июня 1856 г.), автор, между прочим, сообщает следующее:] Некоторое время тому назад высокопоставленные придворные Нияз Мухаммед-юзбаши и Мухаммед Назар-бек, согласно высочайшему приказу, были отправлены гонцами (сурдаул) в область Ахала, а Эйдек-юзбаши в Мерв-
67б скую область с тем, чтобы они собрали и доставили из упомянутых областей войска из теке и сарыков. В настоящее время эти лица явились к хану с многочисленным и храбрым войском из этих племен и были щедро за свою службу награждены ханства,

О том, как мятежники-йомуты снова направились для грабежа окрестностей Хивы и как они были рассеяны вышедшими против них хивинскими войсками

67б Когда среди йомутов, вследствие недостатка хлеба, распространился сильнейший голод, а в богохранимом государстве (Хорезме) посеянная и созревшая пшеница дала обильную жатву, эти мятежники решили напасть (на хивинское население) с тем, чтобы завладеть его хлебом, или—
68а если это не удастся — то поджечь гумна. Вступив на путь заблуждений с такими злобными намерениями, они выступили в количестве свыше трех тысяч конных, для того чтобы совершить нападение на Хивинский район.

Известие об этом достигло двора в пятницу 25-го числа шавваля (воскресенье 29 июня). Хан приказал, чтобы прибывшие для службы хану войска теке и салыров, совместно с ханскими приближенными, а также
68б всеми биями и юзбаши аральских и каракалпакских племен, которые после взятия крепости Эр Назара [1] находились в распоряжении хана и теперь собирались возвращаться в свои земли, чтобы все они вместе, под общей командой Махмуд Нияза-ясаулбаши, сразились бы с мятежниками-йомутами и защитили бы от них (жизнь и) имущество населения.

В силу высочайшего приказа, все назначенные в тот же день после намаза «шам» выступили, отряд за отрядом, из города и направились к назначенному им месту. Пройдя на следующий день утром около времени намаза

---

[1] Речь идет об усмирении восстания каракалпаков, во главе которых находился один из биев, рода конграт, Эр Назар, оборонявшийся от хивинцев в выстроенной им крепости. См. П. П. Иванов, Очерк истории кара-калпаков. Труды Инст. востоков. АН, т. VII, Л., 1935, стр. 86—87, ср. также стр. 135 и сл.

«бамдад» около Шейх-кала [1] и подойдя близко к Зейкешу к югу от крепости Гази-абад, [2] они издали увидели неприятельские войска.

Остановившись в одном месте, (йомуты) направляли свои отряды *69а* для набегов на Гази-абад, Узбек-яб, Бурлак [3] и другие (хивинские) крепости.

Когда взошло солнце и осветило расположение войск, обе стороны произвели все необходимые для боя приготовления и выстроили свои войска как правого, так и левого крыла.

Когда войска обеих сторон стали друг против друга и привели себя в боевой порядок, удальцы с той и другой стороны выступили на поле сражения.[4]

Горячий бой продолжался с раннего утра до полудня, когда доблестное *70а* (хивинское) войско, особенно теке и кара-калпаки, проявляя необычайную храбрость, прорвались вперед и несколько раз своим натиском потрясали ряды йомутов. Дело приближалось уже к тому, что мятежники должны были понести поражение и пуститься в бегство, но в этот момент прибыли с разных сторон те отряды (йомутов), которые перед тем уходили в набеги. Присоединившись (к сражающимся йомутам), прибывшие тем самым укрепили их ряды.

Общими силами они набросились на победоносное (хивинское) войско, *70б* которое, вследствие своей малочисленности, через некоторое время отступило к крепости Шейх-кала, где остановилось и стало крепко держаться, ведя упорное сражение. Около полудня мятежники прекратили сражение и отступили с поля битвы. Отойдя на расстояние одного фарсаха, они остановились для отдыха.

В ту же ночь они двинулись поспешным маршем к своим аулам (оба).

Махмуд Нияз-ясаулбаши со своими доблестными войсками в эту же ночь победоносно отправился в обратный путь и явился в распоряжение хана.

С нашей стороны в описанном выше сражении погибло приблизительно тринадцать человек, а кроме того оказалось ранеными два-три человека из племени (кара) калпаков,[5] из которых наиболее известным является отважный Раджеб-юзбаши. Все (участники похода) были обласканы и награждены ханом. Кутлуг Мурад-бий, принадлежавший к числу знатных лиц аральских конгратов, попал в плен.

---

[1] На десятиверстной карте сел. Шейх.

[2] На десятиверстной карте, километрах в 6 к югу от Гази-абада (Хазават) нанесен «проток Зейкаш».

[3] К юго-востоку от Гази-абада.

[4] Пропускаются подробности, связанные с описанием боя, в прозе и стихах.

[5] По поводу употребления термина «калпак» вм. «кара-калпак» см. Тр. ИВ АН, цит. соч., стр. 143 пр.

В дополнение к указанному примечанию можно отметить, что термин «калпак» вм. «каракалпак» встречается также в соч. бухарского историка середины XVIII в. Мухаммеда Вефа. «Тарих-и-Рахим-хани», ркп. ИВ АН С 527, л. 296а.

Из числа мятежников-йомутов от меча наших воинов пало свыше двадцати человек, кроме того, пять-десять человек из них получили тяжелые ранения, вследствие которых они через некоторое время умерли.

Что касается Мухаммед Якуб-мехрема, то он, услышав о движении йомутов по направлению к Хиве, выступил на них из Ильялы со своими войсками и в тот же день к вечеру прибыл в крепость Гази-абад. Утром (следующего дня), когда подтвердились сведения об их отступлении, он возвратился в Ильялы.

71а (После окончания похода) во вторник 29 шавваля (3 июля) хан милостиво
наградил всех конгратских и кара-калпакских биев, юзбаши и старшин
71б и разрешил им возвратиться в свои земли, приказав при этом, чтобы
войска всех аральцев и кара-калпаков в конце месяца зуль-ка'да
(начало августа) прибыли в Старый Ургенч для войны с мятежниками-
йомутами.

Изъявив полную готовность исполнить ханское повеление, они, довольные и веселые, отправились к себе.

74а В четверг 8 числа месяца зуль-ка'да (пятница 11 июля) один из высокопоставленных ханских придворных Махмуд Нияз-ясаулбаши, руководствуясь высочайшим приказом, отправился к кара-калпакам, чтобы собрать все их войско и направиться с ним по направлению к Старому Ургенчу. Прибыв к этому послушному народу, (ясаулбаши) собрал здесь всех нукеров и, явившись с ними в Ходжа-эли, стоял здесь долгое время, в ожидании
74б дальнейших высоких распоряжений. В середине месяца мухаррема (1273 г. х. — середина сентября 1856 г.) он, согласно приказу хана, отправил в Таш-хауз (Ташауз) в распоряжение царевича Махмуд-тёре-бия,[1] а сам с некоторыми нукерами из указанного народа (т. е. кара-калпаков) отправился в Старый Ургенч и там остановился.

В понедельник 12-го числа упомянутого выше месяца зуль-ка'да (вторник 15 июля) его величество, выполняя просьбу йомутских старшин, назначил послами высокопоставленного сановника Мухаммед Салиха-аталыка и благочестивого представителя ученых богословов Ибадуллу-ишана и отправил их с ласковым письмом к непослушным йомутам, во главе которых находился Ата Мурад-хан.[2]

Назначенные лица, в соответствии с изданным приказом, прибыли к этим
мятежникам, ознакомили их с милостивой грамотой его величества и вели
75а с ними соответствующие назидательные беседы. Однако эти несчастные мятежники, сбившиеся с истинного пути и попавшие в пустыню вражды и возмущения, не послушались благоразумных советов и, не внимая словам

---

[1] Которому, как сообщается на л. 66б, было поручено общее командование над войсками, действовавшими в этом районе против йомутов.

[2] Ата Мурад-хан играл выдающуюся роль в борьбе йомутских племен против хивинских ханов вплоть до завоевания Хивинского ханства Россией в 1873 г. О нем см. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 340 и сл., также М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. II, СПб., 1906, стр. 59 и сл.

людей мудрости, отослали (послов) обратно, присоединив к ним по нескольку человек от каждого рода, с выражением своих ничего незначащих извинений.

Во вторник 27 числа указанного месяца (среда 30 июля) названные выше послы прибыли к хану и доложили ему о всем слышанном и виденном среди этих бунтовщиков и возмутителей.

По просьбе покорных Хиве йомутских племен Ибадулла-ишан был от- *76б*
правлен в субботу 29-го числа месяца зуль-хиджа (воскресенье 31 августа 1856 г.) с милостивой ханской грамотой к той части йомутов, которая продолжала вести себя недостойным образом, с тем, чтобы внести в их среду успокоение.

На следующий день, т. е. в воскресенье, приходившееся на первый день месяца мухаррема наступившего 1273 г. х. (понедельник 1 сентября 1856 г.), он (ишан) отправился по назначению. Одиннадцатого числа того же месяца (11 сентября) Ибадулла-ишан возвратился к хану, приведя с собой посольство, в состав которого входила группа старейшин племени имрели, во главе с Баба-бахши, Алла-кули-векилем и Ата Нияз-ханом. Раскаявшись в своих прежних преступлениях и полагаясь на заступничество Иба- *77а*
дулла-ишана, они привели с собой также находившегося некоторое время у них в плену Кутлуг Мурад-бия, одного из благородных конгратов (см. выше). Самоуниженно склонив голову перед ханом и выражая раскаяние как в старых, так и в новых своих проступках, они просили у него извинения. Хан простил все их проступки и преступления и осыпал их своими милостями и наградами.

В пятницу 13-го числа названного месяца (13 сентября) облагодетель- *77б*
ствованные (послы) отправились обратно, захватив с собою также названного выше ишана, чтобы (с его помощью) привести к покорности некоторых еще не подчинившихся хану бунтовщиков.

Прибыв к йомутам, они (послы) подробно рассказали этим непокорным о всех тех милостях и благодеяниях, какие оказал им его величество, и употребляли всяческие усилия к тому, чтобы погасить их вражду и направить их на путь мира и подчинения (хану). Весь непокорный народ, после размышлений и совещаний, единодушно признал (необходимым) примирение (с ханом) и подчинение ему.

Собрав пушки, оставшиеся еще со времени тревожных событий при Абдулла-хане, а также знамена и снаряжение и вручив все это нескольким лицам, выделенным от каждого рода (уруг), йомуты направили их вместе с названным выше ишаном к ханскому престолу с просьбой о прощении.

Все посланные в четверг 26-го числа указанного месяца (пятница 26 сентября) были милостиво приняты ханом. В воскресенье 29 числа этого же месяца им (послам) было разрешено отправиться в обратный путь. *78а*

Вместе (с йомутскими послами) из числа уважаемых шейхов были отправлены также Ибадулла-ишан, Сабир-ишан и Мухаммед Назар-бек, сын Шах Нияз-аталыка, с тем чтобы они направились к йомутам, с целью

улучшения и укрепления мирных отношений с ними, а также направления на истинный путь тех из них, которые находились еще во вражде.

Прибыв, согласно высочайшему приказу, к мятежникам-йомутам и начав с ними мирные переговоры, они (послы) своими ласковыми советами и наставлениями склонили их к повиновению богу, его посланнику и падишаху.

Однако, опасаясь ханского гнева и возмездия за совершенные ими тяжкие преступления и злодеяния, они воздержались от прибытия с повинной к высокому престолу и, не послушавшись призывавших их к истине и справедливости советов указанных ишанов, эти несчастные отправили их ни с чем обратно.

78б **О выступлении эмир-уль-умара, царевича Сейид Махмуда-тёре, из Ташауза и перенесении лагеря его в окрестности Ильялы, об обращении йомутов с просьбой о мире, о возвращении эмир-уль-умара из Ильялы в Хиву и о поселении йомутов в окрестностях Хан-абада**

[Опускается напыщенное предисловие, которое сводится к краткому пересказу некоторых уже приводившихся выше сведений.]

79а Находясь в течение четырех месяцев в Ташаузе, он (царевич) занимался со своими войсками охраной богохранимого государства.

Ханом была отправлена к царевичу грамота, которой предписывалось отправиться в окрестности Ильялы и принять меры к тому, чтобы наказать и стеснить бунтовщиков. В случае, если последние откажутся от враждебных действий, выразят раскаяние в совершенных ими преступлениях и проявят искреннее стремление к миру, то чтобы он (царевич) не подвергал их испытаниям, а заключил бы с ними мир, а затем, наведя соответствующий порядок в тех местах, возвратился бы (в столицу).

Исполняя предписание ханской грамоты, (царевич) в последний день месяца мухаррема (30 сентября 1856 г.) без всякой задержки и замедления
80а послушно выступил со своими войсками (стихи) и через некоторое время торжественно прибыл в окрестности этой высокой, как небо, крепости. Здесь, на западной стороне (крепости) войска расположили свой лагерь (стихи).

81а С прибытием победоносного войска к этой крепости, положение мятежников стало тяжелым и опасным. Они теперь не находили другого средства к избавлению себя от грозившей им опасности со стороны (ханского) войска, как только в покорности и повиновении.

С некоторого времени во всем Хорезмском государстве хлеб стал дорог, особенно среди этого злосчастного племени, в виду того, что они, находясь теперь вне обычных своих мест и привычной им родины, не в состоянии были производить посевы. По этой причине среди них (йомутов) широко распространились голод и дороговизна, от которых часть народа погибла, некоторые

из них стали считать для себя дозволенным нечистое (харам) и трупы покойников (стихи).[1] 81б

Когда это племя увидело, что с одной стороны ему грозит опасность от победоносных (хивинских) войск, а с другой угрожают голод и дороговизна, оно, окруженное со всех сторон несчастьями, потеряло всякую надежду на спасение. Некоторые из старшин (кедхуда), выделявшихся своей искренней преданностью интересам (Хивинского) государства, под руководством бахши и векилей созвали бунтовщиков на великое собрание (улуг маджма), во время которого они всячески угрозами и запугиваниями удерживали их от мятежных выступлений и стали склонять к повиновению (хану) Ата Мурад-хана, Билима и Берды-Инглиса,[2] которые, не пренебрегая 82а ни обманом ни хитростью, стояли во главе мятежников и в течение продолжительного времени производили возмущения.

Увещевая их, (старшины) говорили: «Против нас движется огромное войско, угрожающее нам своим мстительным гневом, и вместе с тем народ наш находится на краю гибели от голода. Если мы теперь не исполним ханского приказа, предписывающего нам покорность и подчинение, и не возвратимся в Хиву, чтобы на базарах ее покупать необходимый нам хлеб, то все мы погибнем вместе со своими семействами. Совет наш таков, что всем нам следует теперь повесить себе на шею меч и саван и итти с выраже- 82б нием своей покорности и подчинения к великому тёре эмир-уль-умара и просить у него разрешения перекочевать на свою родину. Такой покорностью мы сумеем спасти себя от гибели, так как других путей к спасению нет. Следует (поэтому), чтобы вы теперь же, вместе с нами, отправились к царевичу и, признав полную свою беспомощность, выразили бы ему свою покорность и подчинение. Таким путем вы сумеете спасти себя от гибели и всяких несчастий, а весь народ избавить от бедствий, голода и нищеты» (стихи).

Услышав эти добрые советы и увещания со стороны живущих в подчи- 83а нении (Хивы) йомутских старшин, начальники и предводители мятежников во главе с Ата Мурад-ханом, Мухаммедом-вели, Билимом и Берды-Инглисом, с искренним доверием и надеждою последовали этому бескорыстному дружественному совету, и, отказавшись от злых дел, согласились служить его величеству и во всем исполнять его волю. Для того, чтобы выразить свою искреннюю преданность, они единодушно и со смирением написали 83б великому эмир-уль-умара следующее: «С некоторого времени мы, в силу своего полного невежества и преступных наклонностей, очутились в пу-

[1] Уже цитировавшийся выше Килевейн (см. пр. к стр. 569) сообщает, что «междоусобия и беспрерывные войны породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными. Пуд хлеба, стоивший обыкновенно 4 теньги (80 коп.), продавался в это время по 20 тенге (4 руб.)». (Килевейн, цит. соч., стр. 103). Тот же автор отмечает, что население Хивы вынуждено было производить закупки хлеба в Бухаре.

[2] Инглис — англичанин.

стыне вражды и злодеяний и, сбросив с себя благодетельное иго послушания его величеству, увидели себя в пучине бед и несчастий, являющихся заслуженным наказанием (за совершенные нами дела). Раскаиваясь в настоящее время во всех совершенных нами недостойных делах и недопустимых проступках, мы проявляем искреннее намерение и чистосердечное желание со всем своим народом и населением переселиться на свою первоначальную родину и прежнее свое местожительство в пределах вечной державы (Хивы) и служить верой и правдой могущественному государю. Однако при настоящем положении, когда победоносные войска его высочества (царевича Махмуд-тёре) стоят во всеоружии и полной боевой готовности в окрестностях Ильялы, мы опасаемся пройти через их (ряды) со своим народом, семействами, детьми и имуществом. Наша просьба к вашему
84а высочеству теперь заключается в том, чтобы вы увели свои войска из окрестностей Ильялы к Хиве и дали бы нам возможность со всем нашим народом и имуществом перейти на свои прежние места и найти там себе успокоение. После этого мы с еще большим, чем прежде, усердием будем исполнять все ханские повеления и всей душой и сердцем служить его величеству» (стихи).

84б Подтвердив присягой и клятвой правдивость написанного, все знатные и начальствующие лица вписали в грамоту свои имена и поставили свои печати, после чего они вручили свое послание некоторым честным и уважаемым старшинам, во главе с Баба-бахши,[1] и смиренно направили ее (Сейид Махмуду). Все вышеуказанные старшины удостоились милостивого приема со стороны царевича, которому они с подобающим почтением и изложили написанное в их грамоте.

В полном единении с находящимися при нем эмирами и сановниками и в соответствии с приказом его величества, он (царевич) выслушал слова

---

[1] Бахши — термин, до сих пор, как известно, встречавшийся у туркмен в значении «профессионального певца-музыканта» (см. подробно о музыкантах-бахши В. Успенский, Туркменская музыка. Под общ. ред. В. Беляева. М., 1928). Наши материалы показывают, что тот же термин бахши встречается у туркмен (по крайней мере йомутов) и в другом значении, именно «начальник», «старшина», «глава племени», стоящий, повидимому, по объему своих функций выше векиля. В этом своем значении термин бахши был известен не только у туркмен-йомутов, но также среди монголов при Чингиз-хане (ср. В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. 421, Б. Я. Владимирцов, цит. соч., стр. 184), в Золотой Орде (ср. Тр. Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. 8, стр. 441), в государстве Тимура (ср. Тр. Гос. Публ. библ. УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 34), у тимуридов (ср. Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., т. XVI, стр. 08), у татар в период существования Казанского ханства (ср. Г. Перетяткович, Поволжье в XV — XVI вв., М., 1877, стр. 127), среди узбеков в начале XVI в. (ср. выше стр. 57), в государстве Великих моголов XVII в. (ср. Франсуа Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великого могола, перев. Б. Жуховецкого и М. Томара, М.—Л., 1936, стр. 57) и ряда других народов тюрко-монгольского происхождения (ср. The Bábar-náma ed. by A. C. Beveridge, I, London. 1905, p. 62b 211b и сл.). Слово бахши (бакшы) считается санскритским; в средние века оно было известно также уйгурам в значении «секретарь» (ср. Uigurische Sprachdenkmäler, изд. W. Radloff и С. Е. Малов, Л., 1928, стр. 26, 266).

о покорности и подчинении этого народа и отнесся милостиво к их просьбам. Осчастливив прибывших старшин деньгами и халатами, он в ответ на до- 85а
ставленное ими письмо написал любезную ответную грамоту и, вручив ее старшинам, ласково отпустил их с своим ответом, а сам, руководствуясь высочайшим приказом, направился со своей ставкой из окрестностей Ильялы в обратный путь.

Остановившись по пути в Ташаузе, он распустил по дороге свои войска, чем те были чрезвычайно довольны, сам же в сопровождении главных начальствующих лиц, сановников и избранных людей из своей свиты, направился в столичный город Хиву. Прибыв в пятницу 3 числа месяца раби I (суббота 2 ноября 1856 г.) в город, он удостоился лицезрения его величества и его бесчисленных наград (стихи).

Когда эмир-уль-умара (Сейид Махмуд) заключил мир с йомутскими стар- 85б
шинами и, удовлетворив их просьбу, возвратился из-под Ильялы, йомуты ожили и радостно стали собираться в путь. Однако Ата Мурад-хан, Мухаммед-вели, Билим и Берды-Инглис, являвшиеся главными зачинщиками среди бунтовщиков и возмутителей, испугались ханского гнева и наказания и с некоторой группой (гурух) йомутов воздержались от 86а
перекочевки.

Пообещав явиться со своими извинениями к его величеству позже, они со скопищем своих родственников и прочих находившихся в их ведении бунтовщиков остановились в местности Хан-абад, где они находились прежде. Прочие йомутские племена отделились от них и со всем своим имуществом, скотом и всяческого рода движимостью, с семействами и детьми прибыли в Ак-сарай, Муз-кумган, Бедркент и Янги-яб, территория которых являлась первоначальным местожительством их, и поселились здесь каждый на своей земле.[1]

Однако и оставшаяся часть йомутов несколько позже явилась смиренно к хану и также поселилась затем на своих старинных местах.

Прочие туркменские племена, являвшиеся до сих пор разбросанными и рассеянными в различных местах, теперь собрались вместе, и каждое из них заняло прежде принадлежавшую ему территорию. Однако в смущенные сердца племени (таифе) гёкленов проникли страх и опасение, вслед- 86б
ствие чего они покинули уже несколько лет занимавшиеся ими места и все откочевали из Хорезма, с намерением направиться на Гюрген. К гёкленам же присоединился боявшийся ханского гнева Эвез Мухаммед-векиль, из племени имрели, со своими сородичами и близкими. Когда они все вместе прошли значительное расстояние и достигли границ Хорасана, один из курдских ханов, Джафар-кули-хан, являвшийся наиболее могущественным из всех ханов этой страны, поместил племена гёкленов и имрели внутри

[1] Из сообщения автора на лл. 106б—107а данной рукописи видно, что окончательное поселение йомутских племен на принадлежащих им землях состоялось в середине месяца ша'бана 1273 г. х. (середина апреля 1857 г.).

горного района, в местности, носившей название Карры-кала, где им и были предоставлены вода и земля.[1]

[В рассказе о событиях 1273 г. х. (1856/57 г.) между прочим сообщается следующий эпизод, связанный с изложенными выше известиями:]

Один из могущественных и славных военачальников, избранный среди
103а придворных, Махмуд Нияз-ясаулбаши, согласно высочайшему распоря-
103б жению, отправился в Куня-Ургенч и в течение пяти месяцев охранял эту крепость. В настоящее время он по ханскому приказу оттуда возвратился.

Ходжа Мухаммед-юзбаши, который принадлежал к числу мятежных чоудоров и находился с подвластными ему людьми в окрестностях Куня Ургенча, из страха ханского наказания за множество совершенных им преступлений, до сих пор не являлся еще с повинной к хану. (Теперь) он также, откочевав от Куня Ургенча, присоединился к (возвращавшемуся) ясаулбаши и, поручив себя его заступничеству, в четверг 11-го числа указанного выше месяца (джумади II — пятница 6 февраля 1857 г.) явился со всевозможными извинениями к его величеству и получил прощение.

117б (События 1274 г. х. — 1857 г.). Около 30 лет тому назад воды р. Аму-дарьи силой прорвались в канал (арна [2]) Лаудан. Значительное количество воды (из реки) направилось по этому каналу, (вследствие чего) большинство возделанных земель превратилось здесь в озера. Направившись в старое русло (Аму-дарьи), которое находится к юго-западу от Куня Ургенча и носит название Шаркраук, вода потекла по нему на большое пространство. Не обрабатывавшиеся ранее земли (جوز يرلار) сделались необычайно плодородными.[3]

Снимая обильную жатву с этих земель, большинство (живших здесь) туркмен, во главе с йомутами, благодаря чрезмерной (собств. полной) своей сытости (!), начали возмущаться.

Поскольку проток воды по указанному каналу (Лаудану) являлся причиной беспорядка и возмущения со стороны туркменских мятежников, его величество в четверг 4-го числа раби I (пятница 23 октября 1857 г.) назначил высокопоставленного сановника и великого везира государства, Хасан Мурада-кушбеги, для того, чтобы тот запрудил указанный канал и тем самым лишил бы мятежников надежды на сбор жатвы. В соответ-
118б ствии с высочайшим повелением, кушбеги в тот же день направился для

---

[1] Сведения о создавшихся затем взаимоотношениях между Джафар-кули-ханом и гёкленами имеются в «Насих-ут-таварих», равно как и сообщения о его борьбе с туркменами и переселении гёкленов. См. выше стр. 273 и сл. переводов.

[2] По поводу термина арна см. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 29. Ср. также А. Вамбери. Путешествие по Ср. Азии, стр. 168.

[3] Данный эпизод кратко изложен у В. В. Бартольда, цит. соч. стр. 99. Находившийся в хивинском плену Кузьма Шмелев показывает, что «в 1834 году во время разлива Амин-дарьи (Аму-дарьи. *П. И.*) вода прорвалась в русло Шар-краул (Шаркраук) в таком количестве, что при Куня Ургенче необходимо было устроить перевоз». Журнал мануфактур и торговли, 1843 г., ч. II, кн. I, стр. 87.

выполнения порученной ему обязанности, захватив с собой множество землекопов (бельдар) и прочих рабочих из числа населения (райя) богохранимого государства.

Приблизительно в десять дней он соорудил плотину (бенд), сделав ее такой же мощной, как стена Александра (Македонского). После этого кушбеги направился обратно и в средних числах указанного месяца явился к хану.

[Рассказывая о выезде хана на охоту в 1274 г. х., автор, между прочим, *124а* сообщает, что во время этой поездки к хану явился Палван Какелли, который поднес своему повелителю девять голов, отрубленных им у мятежных теке.]

Подробности этого дела таковы: один из славных военачальников, отважный и высокопоставленный Палван Какелли, некоторое время тому назад отправился, по приказанию хана, в пески на хорасанскую дорогу и занимался здесь со своим отрядом охраной (хивинских) сборщиков топлива (отунчи) и угольщиков (кӧмӱрчи). Совершенно неожиданно появилась группа конных хорасанских теке, которые приближались воровским путем к хивинским пределам, чтобы совершить нападение на угольщиков. Храбрые (хивинские) воины были застигнуты врасплох. Увидев их (теке), Палван Какелли и находившиеся при нем слуги направили своих коней на этих злодеев и, набросившись на них, стали их избивать своими мечами. *124б* Не выдержав их ударов, аламанщики обратились в бегство. (Хивинские) храбрецы стали так действовать своим смертоносным оружием, что среди песков полились потоки крови. Ни один из злодеев не мог спастись (стихи).[1]

[С этой же охотой связан другой эпизод:] В то время, когда его вели- *129б* чество благополучно прибыл в Хазарасп и здесь расположился, толпа аламанщиков из хорасанских теке появилась в окрестностях Питняка и напала в песках на сборщиков топлива. Когда до слуха его величества *130а* дошло, что (эти теке) захватили трех-четырех человек (вместе) с верблюдами и вьючными лошадьми (ябу) и бежали, хан назначил для их преследования одного из своих приближенных, славного Дост Нпяза-мехрема с отрядом войск. Исполняя ханский приказ, названный мехрем с молниеносной быстротой прошел большое расстояние, после чего напал на след (теке). Те, увидев издали (хивинских) храбрецов и почувствовав страх, стремительно пустились в бегство, бросив захваченную ими добычу и пленных.

Вследствие утомленности своих лошадей, храбрецы воздержались от преследования и, захватив брошенное ими имущество и пленных, направились в обратный путь. Достигнув через семь дней указанного места (Хазараспа), они явились к хану, который удостоил их своих милостивых наград.

---

[1] Далее (л. 125а) рассказывается о награждении воинов, а также о том, что для охраны «хорасанской дороги» был назначен новый отряд, направившийся к колодцу Сагаджа.

131а [Когда хан во время охоты находился в Шурахане], к нему с разных сторон явились сюда ханы всех казахских племен, (кара)-калпакские бии, аральские старшины, а также вожди и сердары всего туркменского народа.
131б Преподнеся хану достойные его величества подарки и подношения, они удостоились милостивого приема и царской ласки (стихи).

132а [Далее сообщается, что за время охоты хана в государстве произошли «беспорядок и смута», вследствие чего хан прервал свои развлечения и направился в столицу.]

Все находившиеся при особе его величества йомутские старшины, как только услышали об этом событии (т. е. «беспорядках»), пришли в большое смятение и страх и, уйдя от хана без всякого разрешения, рассеялись по своим аулам (оба). Придя по этой причине в гнев, хан приказал задержать некоторых из йомутов, находившихся в столице.

После того как его величество вернулся с охоты и воссел на свой царский престол, он решил наказать и проучить мятежников из йомутского племени. Назначив место и время сбора для каждого племени (элят) как близкого, так и далекого, он повсюду разослал ясаулов и гонцов (с при-
132б казанием), чтобы как нукеры, так и все прочие готовили оружие и иное военное снаряжение и чтобы каждые десять человек нагрузили одну арбу продовольствием на три месяца и после этого пешие и конные являлись к хану.

Когда об этом услышали йомутские племена, на них напал страх. Вместе со всеми своими семействами, детьми и имуществом они ушли с мест, которые они занимали, и направились частью к мазару святого Махмуд-ата, а большей частью собрались в Дерекли на юго-восток от крепости Измухшир. Будучи с трех сторон окружена водой и лишь с востока имея небольшое открытое пространство, эта местность представляла собой неприступную твердыню. (Отсюда) йомуты, отряд за отрядом, выезжали, чтобы совершать неожиданные нападения на сельское население (сахранишин, фукара) и его имущество, а затем стремительно скрывались.

133а Среди населения (райя) они (йомуты) всюду возбудили тревогу. Вследствие этих причин, в ожидании сбора войска, хан в пятницу 29-го числа месяца джумади I (15 января 1858 г.) послал одного из славных своих приближенных, Махмуд Нияза-ясаулбаши с группой находившихся при ханском дворе слуг, в качестве передового отряда (караул юсунлук), в Гази-абад, с целью проучить негодных йомутов и внести успокоение в среду сельского населения.

Трое из высокопоставленных и славных сановников — Хаким Ниязаталык, из кыпчакской знати, Баба-бек, сын Мухаммед Салих-аталыка, из конгратских вельмож, и Юсуф-бий, один из которых являлся начальствующим над кара-калпаками «четырнадцати родов»,[1] один командовал

---

[1] По поводу термина «четырнадцать родов» см. примеч. к переводу «Фирдаус-ульикбаль», стр. 328, прим. 1.

войсками кара-калпаков рода конграт, а один возглавлял военные силы (узбеков) конгратцев, еще раньше, по приказу хана, отправились для сбора *133б*
своих войск и доставки их (на службу к хану). В субботу 18-го числа месяца джумади II (среда 3 февраля 1858 г.) они все трое прибыли к его величеству, приведя с собой все войско кара-калпаков и конгратцев, вместе со всеми биями и юзбаши. В течение двух дней они отдыхали в столице, а в пятницу 20-го числа указанного месяца все эти начальники со всеми подчиненными войсками выступили из города. Отправившись в виде сторожевой заставы в Зей,[1] они расположились там лагерем и занялись охраной здешних мест.

[Далее с необычайной подробностью рассказывается о том, что когда *134а*
большая часть войска оказалась в сборе, хан оставил своим наместником в столице своего брата Сейид Махмуда, а сам в понедельник 2-го числа раджаба 1274 г. х. (вторник 16 февраля 1858 г.) лично выступил в поход против йомутов].

Расположив свою ставку в местности на восток от озера Касым-ака, хан задержался здесь на три дня в ожидании окончательного сбора войск.

На второй день пребывания здесь его величества, во вторник, к нему *135б*
явился один из почтенных и благочестивых людей, Садык-ишан, который привез с собою извинительное письмо, составленное от имени всех вождей, начальников и старшин йомутского племени, приложивших свои печати и выражавших просьбу о прощении их проступков. Через посредство приближенных письмо это было представлено хану, который, однако, не придал значения словам и не проявил к ним своей благосклонности. Все же в виду ходатайства со стороны сановников, хан поставил йомутам несколько условий, соблюдение которых являлось обязательным для того, чтобы можно было говорить о прощении.

Написав в этом смысле грамоту, хан вручил ее упомянутому ишану и в тот же день отпустил его в йомутский лагерь (стихи).

Во время стоянки, чтобы испытать пушкарей и устроить им экзамен, *136а*
его величество приказал им стрелять из пушек по мишеням. Начальствующий над этими людьми (артиллеристами), Баба-мингбаши, два раза попал в мишень и вместе с десятью своими служителями был награжден почетным халатом и многими другими подарками.[2]

За время стоянки хана в этой местности сюда собралось несметное количество (хивинских) войск (стихи).

(Когда хан со своими войсками двинулся дальше и прибыл в Куюк-там) *136б*
к нему явились три раба (тогмэ), бежавшие от йомутов. Они сообщили, что та часть йомутов, которая ранее находилась в окрестностях мазара

---

[1] Зей — небольшое селение, расположенное в низовьях арыка Палван, в 6 км от г. Хивы. Beiträge zur Kenntniss etc., S. 23. Ср. А. В а м б е р и, Путешествие в Ср. Азию, стр. 168. Зей считался пограничным селением между Хивой и туркменскими районами.

[2] Данные о хивинской артиллерии см. Иванин, М. И., Хива и река Аму-дарья. С картой и рисунками. СПб., 1873 г., стр. 58.

святого Махмуд-ата, узнав о выступлении против них многочисленного ханского войска, в страхе бежала поспешно к йомутам, собравшимся в Дерекли, и присоединилась к ним.

137а По приказу его величества, приближенные ханского двора освободили этих рабов от цепей рабства, осыпали их своими ласками и включили их в состав воинов.

Проведя эту ночь в Куюк-таме, хан на следующее утро, в пятницу, выступил и остановился затем в чарбаге[1] Абдуль-Мумина Каши, к западу от Хайр-абада. В этот же день прибыли в ханскую ставку и присоединились к прочим войскам высокопоставленный Хаким Нияз-аталык, а также Бабабек, Кутлуг Мурад-бий и Юсуф-бий, которые (ранее) со всеми кара-калпаками и конгратцами находились в охране и стояли лагерем на территории (селения) Зей, как об этом сообщалось уже ранее. Теперь по ханскому приказу они явились со всеми кара-калпакскими и конгратскими биями,

137б юзбаши и нукерами, во главе с Кабиль-бием и Сахиб Назар-бием. В этот же день к хану явился из Зея начальник Ак Дербенда Акбар-юзбаши с нукерами своей крепости. Один из высокопоставленных вельмож, Султан-мираб в этот день был назначен (ханом) для сопровождения войск и определения соответствующего пути в дальнейшем их движении. Яхши Мухаммед-даруга, Рахметулла-ясаулбаши и Мухаммед Мурад-мехрем получили приказание подыскать подходящее место для расположения лагеря. Они спешно отправились и подыскали подходящее место в Керпехли в районе Гази-абада, к вечеру вернулись и доложили об этом (хану). На следующий день, в субботу, хан с войсками двинулся дальше и когда достигли Керпехли, то расположились здесь лагерем, а хан поместился в рабате Ходжаш-

138а мехрема. Когда зашло солнце, небо покрылось тучами и пошел дождь. Вследствие обилия грязи, войска простояли здесь четверо суток. На второй день стоянки, в воскресенье Ходжа Нияз, (по прозвищу) Вор, из Гази-абада, превосходивший всех своей ловкостью и коварством, по ханскому приказу, пешком отправился с двумя другими ловкими молодцами, чтобы добыть «языка» из йомутов. Придя в окрестности мазара Махмуд-ата и просидев два вечера в засаде, они на третий день, во вторник, хитростью поймали двух мятежников. Одного из туркмен они убили, а другого доставили живым, за что каждый из участников получил награду по своему желанию.

138б Хан лично допросил (пленного) йомута о положении его соплеменников. Тот чистосердечно рассказал следующее: Ата Мурад-хан явился с двумя стами всадников из Хан-абада и стал употреблять всяческие усилия, чтобы переселить всех йомутов к своему аулу (оба) в Ашак. Однако, начальники этого племени не послушались слов Ата Мурад-хана и, считая себя подданными правителя (Хивинского) государства, во главе с Ходжа Нияз-

---

[1] По поводу термина чарбаг см. П. П. Иванов, Удельные земли Сейид Мухаммед-хана, Зап. Инст. Востоковедения АН, т. VI, 1937, стр. 45, прим.

векилем, признали более правильным перекочевать в Хиву. (Однако) половина из них (йомутов) склонилась к переселению в Ашак. Ата Мурад-хан снова стал делать всевозможные усилия, чтобы уговорить и склонить всех йомутов к переселению в Ашак. В то время векиль (Ходжа Нияз) сказал: «Если весь народ поступит так, как говорю я, и если он исполнит требования *139а* привезенной Садык-ишаном ханской грамоты и выполнит поставленные ею условия, то я снова пошлю этого ишана к его величеству и сам пойду вслед за ним со всем народом к Хиве в надежде на милость и поддержку (со стороны хана), в противном случае я со своими людьми уйду на Гюрген».

После этого Ата Мурад-хан оказался беспомощным; однако для того чтобы посеять среди народа вражду и опираясь на некоторых подпавших под его влияние негодных людей, он крикнул клич: «Пусть каждый, у кого есть лошадь, будет готов напасть завтра на лагерь узбекских войск!»

«Если они после этих слов (добавил рассказчик) оседлали своих коней, то непременно сегодня должны притти».

Едва «язык» успел закончить эти слова, как прибыли дозорные и через приближенных доложили его величеству о том, что вдали показались йомутские войска, двигающиеся в нашу сторону.

Хан тотчас же приказал, чтобы доблестный Рахметулла-ясаулбаши с некоторыми военачальниками выступил на защиту и призвал к порядку этих зарвавшихся мятежников.

Как только некоторые военачальники со своими войсками, по царскому приказу, выступили против врагов, все полчища мятежников, предводительствуемые Ата Мурад-ханом, тотчас же обратились в поспешное бегство по направлению к пустыне и вскоре скрылись из глаз победоносного воинства. Солнце уже скрылось за горизонтом, приближался вечер. Благодаря *140а* обилию выпавшего снега, всюду появилась грязь и топи (бутрак), вследствие чего преследование неприятеля могло принести мало пользы. Все военачальники должны были поневоле направиться обратно. Ко времени ужина они все вернулись в лагерь и доложили хану обо всем, что удалось им узнать и увидеть.

В тот же день (стало известно, что) все племя йомутов, во главе с Ходжа Мухаммедом-юзбаши, с некоторого времени проявляет недовольство некоторыми поступками своего начальника Якуба-мехрема. По этой причине часть старшин, во главе с Казакбай-ишаном, направились в высокую (ханскую) ставку, чтобы предъявить свои возражения. Явившиеся (еще до прибытия ишана) чоудорские старшины, во главе с ходжой Мухаммедом-юзбаши, единодушно доложили его величеству об истинном положении вещей и, испросивши (разрешение) его величества, избрали себе в началь- *140б* ники высокопоставленного вельможу Мухаммед Мурада-мехрема. (После этого) они спешно послали от каждого из пяти своих родов [1] по одному человеку в свои аулы с известием о том, что его величество хан, по великой

[1] Имеются в виду йомутские роды: ошак, окўз, мешрик, орус-кошчи и кучик.

милости своей, удовлетворил-де нашу просьбу и, отстранив Якуб-мехрема, назначил нам в начальники Мухаммед Мурада-мехрема. Пусть-де теперь все оставшиеся (старшины), во главе с Казакбай-ишаном, как можно скорее являются-де к его величеству и бьют ему челом.

После того, как ханская ставка вследствие распутицы пробыла на этом месте четверо суток, в среду последовал высокий приказ о выступлении. Лагерь и ханская ставка (на этот раз) были расположены в Исмет-багы («сад Исмета») ниже Гази-абада.

Вследствие некоторых дел и (связанных с этим) препятствий стоянка в этом месте длилась восемь дней.

141а В пятницу, на второй день стоянки, явился один юноша из Пишганека с письмом от йомутов и подробно доложил об их положении. Дело это обстояло следующим образом: прежде этот юноша занимался в Хиве сбором топлива и был захвачен и уведен йомутскими аламанщиками. Некоторое время он находился у них в качестве пленника. В то время сын йомута Тёре Мергена был захвачен в плен ловким Ходжа Ниязом, Вором, из Гази-абада, и живым доставлен к его величеству во время похода, как об этом уже сообщалось ранее.[1]

Тёре Мерген с давних пор являлся одним из преданных хану людей, служивших его величеству верой и правдой. В надежде на освобождение своего сына (Тёре Мерген) взял у аламанщиков юношу из Пишганека, помог ему уехать от йомутов, вручил письмо и направил его к хану. Запретив передавать письмо кому бы то ни было, кроме самого хана, он (Тёре Мерген) взял с юноши присягу в том, что это письмо будет передано в собственные руки его величества. Подобно выпущенной из клетки птице, юноша в тот же

141б день примчался в ханскую ставку и явился к приближенным (хана). Те стали расспрашивать его о положении дел у йомутов. (Юноша) отвечал им, что все йомуты от больших до малых желают только одного — всей душой исполнять все, что будет приказано его величеством и, если это возможно, заключить мир. Сказал он также, что ему вручено письмо, но что он дал присягу в том, что не передаст его никому, кроме самого хана.

Когда хан услышал об этих словах, он тотчас же приказал, чтобы юношу не трогали, не заставляли его быть клятвопреступником и чтобы он лично

142а передал это письмо в ханские руки. Согласно высочайшему приказу, этот человек собственноручно вручил свое письмо хану. Его величество ознакомился с этим письмом, но всем другим содержание его осталось неизвестным. После этого хан освободил сына Тёре Мергена из плена, одел его в златотканный халат и дал ему разрешение отправиться к своим.

На следующий день, приходившийся на субботу, великий и могущественный повелитель мира признал целесообразным и своевременным двинуть свое несметное воинство с этой стоянки и, уповая на помощь божью, направ-

142б вить сокрушительный удар на голову этих бунтовщиков, чтобы рассеять

---

[1] Речь идет о том пленнике, который был захвачен в качестве «языка» (см. выше).

во все стороны это скопище и должным образом наказать их за совершенные ими злодейские поступки и дела.

В то время, когда хан делал эти грозные приготовления, к нему явились все сановники и эмиры города Хивы и всего государства, а также высокопоставленные лица и правители областей, городов и районов и обратились к его величеству со следующей униженной просьбой: «О, государь, повелитель и покровитель своего народа! (Мы просим), чтобы вы передали священные поводья вашего коня в наши униженные руки и не покидали бы сегодня этой стоянки, так как йомутское племя с давних пор находилось в покорности и повиновении и вместе с нами долго и усердно подвизалось на пути усердной службы. Поэтому мы ходатайствуем о прощении совершенных ими проступков и (просим) послать к ним человека с наставлением 143а
и предупреждением, чтобы видели они доказательство (нашего миролюбия). В случае если с ними произойдет что-либо, то чтобы они нас (собств. «народ») в этом не винили. Наша рабская просьба и ходатайство теперь заключаются в том, чтобы вы простили их проступки и прегрешения и разрешили бы нам послать к ним с своей стороны одного благочестивого ишана с письмом, содержащим в себе наставления, предостережения и устрашения. (Это необходимо) для того, чтобы они, увидев это письмо и услышав наставления названного ишана, повесили бы себе на шею сабли и явились смиренно и униженно к вашему величеству с выражением своей полной преданности и покорности. Если же это не достигнет цели, тогда вы, не испытывая никаких забот и оставаясь в покое здесь, пошлите нас с некоторыми своими войсками для уничтожения и истребления этого мятежного племени. Выступив с грозным всесокрушающим войском, мы нанесем мятежникам сокру- 143б
шительный удар и до тех пор не успокоимся, пока в нашем государстве не останется каких-либо следов этих злодеев».

Его величество с присущей ему добротой и благосклонностью выслушал и удовлетворил ходатайство эмиров и сановников и, задержавшись в этом укреплении (сенгир), разрешил им (отправку письма). Выразив свою благодарность и признательность, сановники вышли.

Местом (следующего) их собрания явилась ставка (кош) одного из величайших и славнейших сановников государства, Хасан Мурада-кушбеги, родственника хана в шестом поколении. Хасан-кушбеги являлся сыном покойного Шах Нияз-аталыка, сына Искандер-бия, сына Досим-чура-агасы, сына Рустем-инака, сына Бекиджан-инака, сына Умбай-инака, к которому восходит в седьмом поколении и благородная родословная великого государя (Сейид Мухаммеда).[1] Избрав (эту ставку) местом своей встречи и собравшись здесь, указанные выше эмиры и сановники устроили общее собрание и стали держать совет. Посовещавшись и все об-

[1] В первой части хивинской истории («Фирдаус-уль-икбаль», ркп. Е 6, лл. 48—49б) сообщается, что Умбай-инак являлся современником и сподвижником Абулгази-хана и играл крупную роль в управлении государством. Умер во время царствования Ануша-хана.

судив, они пригласили на свое собрание известного святостью своей жизни и высокими познаниями в делах веры Омар-ишана и написали письмо йомутским старшинам и начальникам.

Скрепив это письмо печатями тридцати четырех лиц из числа вельмож и сановников, они вручили его названному ишану с тем, чтобы тот направился к мятежникам и своими советами и увещаниями призвал их к повиновению и покорности.

144б С своей стороны, его величество, для сопровождения названного ишана, назначил одного из высокопоставленных своих приближенных Мухаммед Керим-дивана. Прожив большую часть времени среди йомутского народа и будучи хорошо знаком с его нравами и обычаями, он должен был точно и обстоятельно ознакомиться с истинным положением йомутов и узнать их настроения, а затем все лично слышанное и виденное доложить его величеству, ничего не прибавляя и не убавляя.

На следующий день, приходившийся на воскресенье 15-го числа месяца раджаба (понедельник [1] 1 марта 1858 г.), указанный ишан, в сопровождении Мухаммед Керим-дивана, отправился с письмом в йомутский курень.

145а [После обычных приветствий и добрых пожеланий ишанам, улема и всем старшинам, большим и малым, письмо начинается словами:] «Да будет вам известно, что непрерывные притеснения и насилия, совершаемые в эти победные дни некоторыми безумцами из вашей среды, (тяжело) отразились на положении нашего народа. Совершаемые этими вашими аламанщиками грабежи причинили ущерб и разорение несчастным беднякам. По этой причине наш великий и могущественный государь и повелитель, желая облегчить положение населения (фукара) и доставить успокоение всем обездоленным, выступил из столицы и, собрав всю свою артиллерию, нукеров и прочих, прибыл в окрестности Гази-абада. Принимая (однако) во внима-
145б ние старинную вашу службу народу нашему и ваше подданство (фукаралык), мы все единодушно обратились к своему государю с таким ходатайством. О, государь, повелитель и милостивый покровитель! С давних пор и вплоть до настоящего времени наш народ живет с йомутским народом как брат с братом и даже как сын с отцом, в полном согласии и единении друг с другом, и ничего другого, кроме добра и чести, мы друг от друга не видели. Однако в силу предопределения божия и вследствие того, что некоторые лихие люди не учитывают последствий своих поступков, между двумя (народами) произошли такие дела. Всюду, где существует народ или племя, среди него непременно найдутся лихие люди; но так установлено, что среди каждого народа хороших больше, чем дурных. Среди йомутов также, хотя и есть дурные люди, но (все же) среди них больше людей хороших и крепко стоящих на правильном пути, которые недо-

[1] По поводу дат хивинского календаря В. В. Бартольдом уже было отмечено, что дни хивинской недели отстают от обычной недели на один день. См. Кауфманский сборник, М. 1910, стр. 6. Иногда эта разница выражается в двух или даже трех днях.

вольны таким раздором и разорением. Для того, чтобы и на хороших людей не нашло внезапно помрачение, свойственное дурным, мы в случае, если последует разрешение, пошлем с своей стороны одного из благочестивых ишанов с тем, чтобы он обратился (к йомутам) с мирным словом и добрым советом и наставлением, направленным к тому, чтобы ни той ни другой стороне не было причинено какого-либо вреда или ущерба. Государь наш, по проявляемой им доброте и милости к нам, согласился с нашими словами и предоставил нам (просимое) разрешение. Вследствие этого мы и послали к вам высокоученого ишана Омара. Употребите теперь всевозможные усилия и старание, чтобы совершить дело, полезное для вашего народа как на этом, так и на том свете. Знайте, что слезы обездоленных и несчастных — большой грех перед богом в день страшного суда. Вместе с упомянутым ишаном пусть являются к ханскому престолу без всякого страха и опасения все те, кто считается вашим старшинами, для того чтобы, собравшись здесь все вместе, мы могли устроить на будущее время благоденствие своих народов.

Если же вы сошлетесь на то, что покровительство его величества для вас тяжело и неприемлемо, а затем в целях мятежа и вражды соединитесь хорошие с дурными и не явитесь (к хану) вместе с ишаном, то знайте твердо, что мы единодушно намерены в течение года, если будет угодно богу, выступать против вас до тех пор, пока не совершится (над вами) то, что предопределено богом в судный день. Все, что нужно, кроме этого, сказать на словах, мы поручили передать названному ишану, а он по приезде своем расскажет. Знайте по правде, что мы исполнили все, что было необходимо. Не будьте недоверчивы к писавшим это дружественное письмо». *146б*

В тот же день вышеупомянутый ишан взял письмо и вместе с названным диваном выехал к йомутам. На следующий день, в понедельник, он благополучно от них вернулся. И к вечеру к его величеству прибыли девять человек (из йомутов) во главе с Джан, кучиком, Баба Кёр, окӯзом, Атлыбаем, из ошаков, Казы-векилем, из орус-кошчи, и Эвезом, из мешриков. Не давая аудиенции приехавшим йомутам, хан в тот же вечер позвал к себе Мухаммед Керим-дивана и наедине расспросил его о положении йомутов. Диван с полной искренностью и правдивостью рассказал следующее: «как только (мы) приехали, все йомутское племя, от больших до малых, все улемы и старшины собрались вместе. Когда (мы) достали письмо, то все собравшиеся, где бы они ни находились, поднялись со своих мест и, взявши (письмо) с величайшим почтением, потерли его о свои глаза,[1] совершили молитву и готовы были прослезиться. Опасаясь грозного (хивинского) войска, они собрались все вместе и устроили себе укрепление (сенгир). Не имея возможности выйти за пределы укрепления, они не находят теперь ни дров для очага ни травы для своего скота. Дороговизна хлеба достигла (у них) *147а*

[1] Обычай, сохранявшийся у среднеазиатских народов, как известно, до самого последнего времени.

такой степени, что если бы кто-либо вздумал купить его ценой своей души, то и он, проходивши сто лет по базарам, не нашел бы ни одного зерна.[1] Голод среди них дошел до того, что о форме хлеба они могут вспоминать только тогда, когда созерцают на небе диск солнца. Они (йомуты) все говорят о том, что боятся (наказания) за свои многочисленные проступки и непослушание,
147б но если бы хан простил-де наши грехи и прислал нам об этом письмо за своей личной благословенной печатью, мы все явимся-де к нему, чтобы преклониться перед его престолом. Это мы считаем-де (единственным) путем к спасению и средством к избавлению. Об этом же говорит и присланная ими просьба».

Выслушав слова дивана, его величество предался ночному отдыху и покою. На следующий день хан собрал всех знатных вельмож, именитых эмиров и сановников, а затем позвал прибывших йомутских старшин, которые и доложили его величеству содержание привезенного ими письма. Затем хан их допрашивал. Отмечая, они сказали то же самое, что говорил его величеству Мухаммед Керим-диван, ничего не убавив и не прибавив.

При таком положении дел все высокопоставленные сановники, тридцать два должностных лица,[2] снова обратились к хану с единодушной просьбой
148а о том, чтобы он простил йомутов. (В конце концов) они получили и передали (йомутам) милостивую грамоту, заключавшую в себе прощение (их вины). Грамота эта имела следующее содержание.

«Всем (нашим) верноподданным старшинам и всем воинам йомутского народа. Увидевши этот высокий ярлык, (пусть знают), что по получении составленного вами прошения, через Аман-гельды-хана, кучика, Баба Кёр окӱза, Атлы-бая, ишака, Казы-векиля, орус-кошчи, и Эвеза, мешрика, нам стало известно о том, что в эти благополучные дни вы изъявляете свою неуклонную преданность и покорность и для блага своего народа твердо стоите на пути искренности и доверия. Посовещавшись с состоящими при нас начальствующими лицами и старшинами всех племен, (мы постановили), чтобы старшины и аксакалы всех йомутских племен также явились к нашему престолу и, собравшись здесь все вместе, мы установили бы между обоими нашими народами спокойствие, подобно тому, как было прежде, и заключили бы договор и соглашение, устраняющее
148б всякую враждебность и неприязнь на будущее время. Вследствие этих причин мы послали (к вам) высокоученого Омар-ишана вместе с указанными выше вашими людьми. Если вы от чистого сердца хотите служить (нам),

[1] Характерно, что один из агентов хивинского хана, посланный с разведывательными целями к непокорным йомутам, в числе прочих сведений, сообщает своему правительству также точные цены на хлеб в районе восстания. См. мое Описание архива хивинских ханов XIX в. (готов. к печати).

[2] В тексте: «отуз эки амальдар». О происхождении 32 должностей в Хиве см. прим. 1-е на стр. 328 к переводу Фирдаус-уль-икбаль. Можно отметить, что некоторые исследователи с числом 32 соединяют понятие о 32 основных ремеслах в среднеазиатском городе. Ср. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 7 (там же литература).

и попрежнему состоять в подданстве нашем и желаете, чтобы между обоими народами было спокойствие, то немедленно же по приезде указанного ишана, все старшины, от каждого из племен, являйтесь без всякого страха к нам и совместно с находящимися при нас начальствующими лицами, в полном спокойствии, как бывало прежде, обсудите (свои дела), воссылая молитвы за (благополучие) вечного государства (Хивы). В этом и составлен (настоящий) высокий ярлык».

После того как прибывшие от йомутов люди получили ярлык, они в этот же день, т. е. во вторник, отправились к себе в сопровождении Омар-ишана и Мухаммед Керим-дивана. Всех йомутских начальников и должностных лиц (мухрдар), во главе с бахши и векилями, они должны были направить на истинный путь покорности и подчинения его величеству.

Выполняя неуклонный царский приказ, (посланные) быстро приехали к йомутам. Сразу же по получении ханского ярлыка среди встревоженных йомутов наступило спокойствие. На третий день, т. е. в воскресенье, к хану прибыли вместе с ишаном все высокопоставленные и должностные лица (йомутов) во главе с бахши и векилями и перед лицом его величества выразили свою полную покорность и подчинение.

Великий государь, заботящийся о благе народа, по своей великой милости допустил к себе старшин (кедхуда) и уполномоченных (мутевелли) пяти йомутских родов [1] и благосклонно расспросил их об их положении. Отвечая, они сказали ему: «Кроме раскаяния и униженной просьбы о про- *149б*
щении у нас никаких других слов нет. Ум бессилен исчислить совершенные нами бесчисленные грехи и преступления, число которых превосходит всякую меру и счет. Если же вашему величеству (все же) угодно будет отпустить наши тяжкие грехи и оказать нам свою царскую милость, тогда мы весь остаток нашей жизни посвятим усердной самоотверженной службе вашему величеству и будем всецело и неуклонно повиноваться вам. В случае же, если вам будет не угодно оказать нам доверие, принять наши извинения и простить наши преступления и проступки и если вы выступите на нас с вашим бесчисленным победоносным войском, то нам предстоит или быть целиком истребленными, или переселиться со своей родины. И в том и в другом случае государству будет нанесен ущерб, а пользы никакой не будет, так как мы с своим народом являемся с давних пор чистосердечными и пре- *150а*
данными слугами (чакир ве нукер) [2] царского престола. В каком бы положении мы ни оказались, мы этой службы все же не избегаем» (стихи).

После того, как йомуты кончили свою речь, они, по знаку его величества, вышли. Хасан Мурад-кушбеги, являвшийся самым высокопоставленным

---

[1] См. прим. на стр. 585.

[2] Чакир — термин домусульманского происхождения. О нем см. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 36—37. Данный термин, повидимому, имел распространение и в Бухаре в XVI в., так, он встречается в Истории бухарского хана Абдуллы (1583—1598 г.) (см. Абдулла-нама, соч. Хафизи Таныша рки. ИВ АН, Д 90, л. 436б).

среди всех сановников государства и всячески стремившийся к тому, чтобы добиться прощения виновных, примирить враждующие стороны и внести успокоение в среду народа, обратился теперь от имени всех улема и эмиров к его величеству со своим заступничеством за виновных йомутов и употребил всевозможные усилия для того, чтобы достигнуть примирения с ними.

По свойственной его величеству доброте и милости, хан простил йомутам все их провинности и, уважив просьбу своих сановников, дал свое
150б разрешение на заключение мира.

Выразив от имени всех эмиров свою признательность, кушбеги вышел от хана, после чего в присутствии всех улема, казиев, эмиров, правителей и тридцати двух должностных лиц сказал:

«Великий государь, по свойственной ему великой милости, удовлетворил нашу просьбу и дал свое разрешение на заключение мира. Он приказал (также), чтобы йомуты, чоудоры, имрели, карадашлы, али-эли, ата, гöклены, казахи, кара-калпаки, узбеки, сарты и все прочие народы и племена произвели бы обмен пленными, в том случае, если таковые у них имеются. Необходимо также, чтобы в дальнейшем эти народы жили так, как живут отец и сын или брат с братом и не совершали бы посягательств на чужое имущество. Если же какое-либо из племен будет противиться этому, то все прочие племена должны объединиться вместе, для того чтобы предать поголовному избиению виновных и разграбить их имущество».

Все государственные сановники отнеслись с полным одобрением и сочув-
151а ствием к этим словам, вслед за чем они все поднялись со своих мест, выражая свое уважение и почтительность (к словам хана). Здесь же они, в соответствии с приказом его величества и по общему согласию друг с другом, составили договор и соглашение, после чего мунши высокого (ханского) дивана высокообразованный дамулла Назар Махзум написал его изящным слогом и придал ему красивое содержание.

151б [Большая часть текста договора посвящена обычному славословию
152а аллаха и его посланника, а также рассуждениям о высоком значении ханской власти и необходимости подчинения ей. Конкретные обязательства, которые принимаются на себя всеми участниками этой своеобразной конвенции, формулируются в договоре следующим образом: [1]]

152б «Предавая забвению все происходившие ранее между нами недоразумения и отказываясь от исков и взаимных претензий по ним, мы обязуемся впредь ничего не отнимать друг у друга и не производить никаких незаконных убийств. Если же кто-либо из упомянутых выше племен [2] не исполнит данного ими обещания и нарушит настоящее обязательство тем, что проявит к кому-либо вражду, вызовет раздоры и кровопролитие или возымеет наме-
153а рение завладеть чужим имуществом или будет считать для себя дозволенным пролитие мусульманской крови, то пусть будет достоин участи, предназна-

[1] Подписание договора состоялось в четверг 19 раджаба 1274 г. х. (пятница 5 марта 1858 г.).

[2] См. выше.

ченной богом для всех нарушителей его предписаний. Если же кто-либо из числа поименованных племен нарушит данное им обязательство тем, что не подчинится приказаниям ханской власти и подымет возмущение, наше единодушное решение таково, чтобы всем сообща выступить против такого преступника и возмутителя и употребить все усилия к его усмирению. Пролитие крови и (разграбление) имущества того, кто явится противником этого договора, мы считаем дозволенным (халяль). Идя по пути единодушия, мы и составили настоящий договор, скрепив его для большей прочности своими печатями».

Когда эмиры племен написали этот договор и скрепили его своими печатями, они передали его ханским казначеям.[1] (Вслед за этим) хан отпустил бесчисленные войска казахских племен адай и табын, которые прибыли по его приказу с берегов р. Яика и расположились лагерем у Куня Ургенча для войны с йомутами, во главе с Азим Ишан-бием, Ишат-бием [2] и Дауд-бием.

Разослав ярлыки, оповещающие о примирении с йомутами, покончив с беспокойством, (связанным) с военными приготовлениями и пробыв еще одну ночь на той же остановке (т. е. у Куюк-тама), хан на следующий день, именно в пятницу 20-го числа указанного месяца (6 марта 1858 г.), разрешил своим войскам отправиться обратно, (после чего) он сам около времени завтрака (чашт чагы) также поспешно выступил в обратный путь. *154a*
В тот же день после полудня он прибыл в свою столицу Хиву на радость ее жителям.

[Описывая события, происходившие в течение месяца ша'бана 1274 г. х. (17 марта—14 апреля 1858 г.), автор сообщает следующее):

Когда племя теке бежало от нападения иранских войск,[3] оно через *154б*
Серахскую область перекочевало в Мервскую область (мемлекет) и здесь поселилось на жительство.

Желая отдать себя под покровительство и защиту его величества, все *155a*
их старшины во главе с Коушут-ханом [4] послали к (хивинскому) двору заявление с просьбой о том, чтобы один из ханских приближенных был назначен к ним правителем (хаким). Удовлетворив их просьбу, хан назначил к ним одного из высокопоставленных своих придворных муллу Мухаммед-дивана. Одарив золочеными ножами и златотканными одеждами текинских старшин, во главе с Коушут-ханом, и присоединив к ним (наз-

---

[1] خزانهٔ عامره خازنلاریغه تاپشوردیلار

[2] Повидимому, по-казахски Исет-бий.

[3] В предыдущем изложении об этом факте не упоминалось. Речь идет, повидимому, об одном из эпизодов борьбы между теке и иранцами на астрабадской границе и под Мервом, о которых более подробно сообщают также иранские источники. Более подробное изложение этого эпизода дается Агехи на лл. 223а—225а данного сочинения. См. также повествование иранских историков об этих событиях (стр. 279 прим.).

[4] О Коушут-хане со ссылкой на хивинские хроники см. Бартольд, Очерк истории etc., стр. 67.

наченного), хан в конце месяца ша'бана (около 14 апреля) отправил их со своей ласковой грамотой в Мерв.[1]

[Описывая отложение от Хивы Кунграда в середине месяца раби I 1275 г. х. (24 октября 1858 г.) и действия избранного повстанцами хана Мухаммеда Фена, автор сообщает:]

163б В помощь себе он (Мухаммед Фена) пригласил много йомутов, часть которых он назначил на различные должности, разделив с ними дело управления (Кунградом). Он (Мухаммед Фена) для их (йомутов) содержания и продовольствия (вазифе ве алуфе) ежедневно выдавал им много скота (мал) и денег (накд).[2] Без всякой вины он убивал честных старшин, а дочерей их выдавал за йомутов. Отбирая деньги и скот у трудового населения (фукара) и богатых людей (ахль-и-гана), он отдавал все это йомутам. Этих людей он посылал в разные стороны, чтобы учинять грабежи *164а* среди живущих здесь казахов, каракалпаков и прочих мусульман и совершать всюду насилия и притеснения. По этой причине все (каракалпакские) и казахские племена собирались в разных местах, вместе рыли вокруг себя окопы (хандак), строили крепости и жили все куренями.[3]

[Указав таким образом, насколько важную роль играли йомуты в деле укрепления и поддержания власти Мухаммеда Фена в Кунграде, автор на следующих страницах своего труда сообщает ряд дальнейших подробностей, из которых видно, что йомуты являлись по существу хозяевами положения в Кунграде, имея здесь неограниченную власть над жизнью и имуществом его населения (л. 165а). Йомуты же явились и главными защитниками Кунграда против посылавшихся против него хивинских отрядов.]

166б В пятницу 6-го числа месяца раби II (1275 г. х. — суббота, 13 ноября 1858 г.) в Хорезм прибыло из Хорасана племя гёкленов. Подробности

---

[1] Дальше рассказывается о возвращении Фазиль-ходжи, шейх-уль-ислама, ездившего в качестве посла в Россию, а также о прибытии из России посольства (полк. Игнатьева). О личности Фазиль-ходжи и его путешествии в Петербург см. Н. З а л е с о в. Посольство в Хиву и Бухару полк. Игнатьева в 1858 г. Русский Вестник, 1871, февраль, стр. 421—424.

[2] По этому поводу один из современников описываемого события пишет следующее; «Не имея никакой казны, чтобы платить жалованье своим союзникам, Мухаммед Фена распределил их по домам или кибиткам жителей, которые были обязаны выдавать по раскладке каждому туркменскому всаднику по две серебряные тенге (30 коп. сер.) в день и по стольку же на лошадь. Как ни разорителен подобный налог, тяжесть его усугублялась злоупотреблениями: придет напр. в Кунград туркменский старшина или батырь с 50 или 70 человеками, и объявляет Мухаммеду Фена, что привел 150 или 200 всадников и требует на них жалованья». . . А. Б у т а к о в. Эпизод из современной истории Ср. Азии. Отечеств. Записки, 1865, ноябрь, стр. 108. Попутно следует отметить, что слова Бутакова в части характеристики восстания Мухаммеда Фена совпадают с рассказом Агехи даже во многих деталях.

[3] Подробнее об этом см. Труды Инст. востоков., т. VII, стр. 141 и сл., а также цитиров. соч. А. Бутакова, стр. 105 и сл.

этого события таковы: Ранее[1] уже сообщалось, что когда его величество *167a*
(Сейид Мухаммед) с божьей помощью воссел на царский престол, племя
гёкленов, вследствие некоторых совершенных им преступлений, испугалось ханского гнева и, будучи не в состоянии остаться в Хорезме, поспешно ушло со своих мест со всем своим народом и имуществом. После (длительного) пути беглецы расположились в местности, которая носит название Карры-кала и находится в горах вблизи Ахальского округа Хорасанской области. Соединившись с народом (халк) теке, они с большими трудностями начали здесь жить.

Когда происходила вражда между кызылбашами Курдистана и теке, гёклены были на стороне теке. По этой причине кызылбаши, выступая со своими войсками против теке, особенно часто приходили к гёкленам и производили среди них убийства и грабежи и совершали на них нападения.

Не будучи в состоянии свободно заниматься сельским хозяйством и неся *167б*
кару за свою неверность (Хиве), они (гёклены) оказались в весьма трудных условиях, а большинство их было даже на краю гибели.

В течение трех лет они существовали только тем, что распродавали все свое имущество и детей и несмотря на это голод истощил все их силы. Они стали постоянно сокрушаться и тосковать о благодатном климате и удобствах жизни Хорезма.

В конце концов, под давлением крайней нужды и необходимости, они вынуждены были преодолеть стыд и обратились с просьбой об извинении и о позволении им снова вернуться в Хорезм, чтобы здесь под защитой *168a*
его величества найти себе успокоение. (С этой целью) они послали на поклон к хану группу своих высокопоставленных лиц. Когда (посланные) явились и изложили перед ханом просьбу своего народа, его величество по необычайной своей доброте и милости сжалился над ними, простил их вину и, удовлетворяя их просьбу, написал к ним милостивую грамоту, с которой и отправил посланных обратно. Как только гёклены увидели это милостивое письмо, они сразу все ожили и, необычайно довольные, собравши все свои силы и с трудом — кто пеший, кто конный, — немедленно выступили к желанной для них цели (в Хорезм).

Пройдя значительное расстояние, они в указанный выше день прибыли в Хорезм, где, по указанию хана, чиновники (навваб и уммаль) отвели им для поселения земли в Ташаузе.

[Рассказывая о походе Сейид Махмуда-тёре против Кунграда в месяце джумади I 1275 г. х. (7 декабря—5 января 1859 г.), автор, между прочим, сообщает, что на пути между городами Хытай и Мангыт царевич должен был задержаться на девять дней, по причине того, что «разбойники из племени чоудоров» напали перед тем на хивинское население, жившее по бере- *171a*

[1] См. стр. 580 перевода, а также прим. Приводимые ниже эпизоды дальнейшей борьбы между туркменами и иранцами описаны также иранскими авторами. См. «Матля-уш-шамс», стр. 272, 276 и сл.

171б гам (Аму-дарьи), захватили насильственным путем некоторое его имущество и скот и увезли все это в свои аулы (оба).

Царевич (Сейид Махмуд) послал к этому племени своего ясаула (с распоряжением), чтобы старшины собрали всюду все изъятое у (хивинского) населения имущество и скорей бы его доставили, ничего не оставляя у себя для того, чтобы его можно было передать хозяевам.

В случае же, если они будут уклоняться от выполнения этого требования, он (Сейид Махмуд) выступит против них с войсками и накажет их.

Когда ясаул доставил старшинам этот приказ, они, испугавшись гнева царевича, тотчас же поспешили исполнить его распоряжение и стали требовать возвращения упомянутого выше имущества.

172а В скором времени они собрали все имущество, а затем вместе со своими нукерами явились к царевичу и выразили ему свою преданность. Привезенное имущество они вручили ханским приближенным, прося прощения тем мятежникам, которые совершили это преступление. Царевич исполнил их просьбу.

[На лл. 174а—175а, между прочим, сообщается, что во время стычки, происходившей между хивинским отрядом и действовавшими на стороне кунградцев йомутами, был убит Берды-Инглис,[1] «являвшийся не только главою мятежников, но и полновластным распорядителем в делах гарнизона крепости». По этой причине голова Берды-Инглиса была послана хану.]

[В том же 1275 г. х., в месяце зуль-ка'да (июнь 1859 г.), хан лично выступил в поход против кунградцев. Когда хан совершил свою первую остановку в селении Джаныk-шейх, испугавшиеся йомуты (прислали) на эту стоянку пятерых из своих должностных (мухрдар) и доверенных лиц во главе с уважаемым старшиной Хасан-беком, (а также) бахши и векилями, которые доложили хану следующее):] «Народ наш приносит
181а раскаяние в прежнем своем непослушании и своеволии и теперь имеет желание служить вам верой и правдой. Проявите к нам свою благосклонность и отправьте вместе с нами почтенного кушбеги Хасан Мурада для того, чтобы мы могли пойти против йомутов, живущих в Хан-абаде, среди которых некоторые глупцы и головорезы, вследствие подстрекательств со стороны Ата Мурад-хана, ходят в Кунград, где они оказывают помощь и поддержку бунтовщику Мухаммед Фена-хану.[2] Мы накажем их соответствующим образом за их поступки, а затем, присоединивши к себе всех их всадников, направимся с ними через Куня Ургенч на Ат-йолы («Лошадиной дороге»), пройдя по которой, совершим нападение на окрестности Кунграда, чем окажем услугу (хивинским войскам), а затем, когда ставка вашего величества будет перенесена к Кунграду, мы там присоединимся к вам и будем служить (в ваших войсках)».

---

[1] О нем упоминалось выше (см. стр. 577).

[2] Более подробные данные о взаимоотношениях между Ата Мурад-ханом и Мухаммедом Фена см. цит. соч. А. Бутакова, стр. 106 и сл.

Хотя его величество по опыту знал, что это неверное племя не стоит *181б*
на данном им слове и не исполняет своих обещаний, однако, в силу обстоятельств времени, он не стал отклонять их домогательств и огорчать их, (а потому), согласившись на их просьбу, он назначил им, в качестве начальников, Хасан Мурада-кушбеги, Артук-бия и Рахметуллу-ясаулбаши и разрешил им выступить против йомутов.

[Далее сообщается, что хан выступил с этой стоянки и двинулся с войсками по направлению к Шах-абаду (Шабат), Гурлену и Ходжа-эли (Ходжейли). Когда хан остановился здесь на берегу канала Бек-яб], из Куня *183а*
Ургенча прибыл Шукур-берды-шейх и сообщил о том, что преступные йомуты не сдержали данного ими (хану) обещания, совершили нападение на верблюдов (обоз) кушбеги и ушли, так что в распоряжении кушбеги не осталось ни одного человека из йомутов.

Объяснение этому событию следующее: когда Хасан Мурад-кушбеги, *183б*
Рахметулла-ясаулбаши и Артук-бий, по приказу хана, выехали из селения Джаныk-шейх и направились, совместно с йомутскими старшинами, для того, чтобы собрать войска этого народа, они (в тот же день) достигли Гази-абада (Хазавата). На следующий день они прибыли в Бедркент, где остановились в доме Назар-векиля. Совершив на другой день утром поклонение мазару святого Махмуд-ата, они остановились затем в доме онбеги. Проведя здесь двое суток, они на третий день остановились на отдых в доме Сары-сердара в Измухшире.

Да будет известно, что (хотя) на каждой остановке со стороны йомутов было проявлено непослушание, воровские поступки и предосудительные действия, однако кушбеги, в силу обстоятельств времени, не обращал на них внимания. На следующий день он (кушбеги) остановился у икдыра Аkы Палвана на юго-западной стороне крепости Хиляли (Ильялы).

В этот день все знатные лица йомутов собрались все вместе у кушбеги *184а*
и присягой и клятвой заверили его в том, что с этого дня они вырвали из своего сердца всякую ненависть и вражду и теперь будут чистосердечно служить его величеству. На этом же собрании они написали письмо на имя старшин тех йомутов, которые жили в Гази-абаде и, приложив свои печати, отправили его, (сообщая следующее):

«Раскаявшись во всех своих преступлениях и признав необходимым с своей стороны повиновение государю, защитнику ислама, мы все единодушно решили верно служить ему. Если вы являетесь нашими родственниками и если вы рассчитываете жить совместно с нами, тогда присоединяйтесь к нам и приходите на службу, дабы посредством своей службы искупить свои преступления и заслужить себе прощение и милость со стороны государя».

После этого события кушбеги-бек и ясаулбаши, совместно с собранными *184б*
(йомутскими) войсками, направились в местность Кафче-камар, около Ильялы, и здесь на день остановились. На следующий день они двинулись дальше и остановились затем среди племени карадашлы, живущего в данной крепости

(Ильялы).[1] В понедельник 14-го числа месяца зуль-ка'да (среда 15 июня 1859 г.) они прибыли в Старый Ургенч и расположились лагерем около города у мазара святого Наджм-уд-дина Кубра.

На третий день, приходившийся на среду, все старшины ханабадских йомутов, предводительствуемые Ора-ишаном,[2] явились к кушбеги-беку и долгое время спорили и рассуждали с ним по поводу требуемой им воды.

В четверг, по совету кушбеги, все они единодушно написали свое заявле-
185а ние с просьбой о воде, приложили к нему свои печати и уже собирались послать его с Адина Али-ханом, Назар-векилем и Билим-аталыком к высочайшему двору, но тут возникла суматоха.

Причина этой суматохи заключалась в том, что злодеи из йомутских аламанов, пренебрегая здравым смыслом и забывши всякую благодарность, произвели нападение на верблюдов кушбеги-бека и всех их отогнали. Взяв (кроме того) в плен двух—трех мальчиков (оглан) у жителей Куня Ургенча и нанеся одному человеку тяжелую рану, они направились к своим аулам (оба).

После этого случая все предводители и старшины туркменских племен с раздражением и вызовом сказали кушбеги-беку: «Если ты хорошо одаришь нас и будешь давать каждому (йомутскому), всаднику конук (قونوق)[3] в размере двух тенге ежедневно, мы снова соберем и доставим (сюда) воинов племен. Если же ты не согласен на это — мы тебе не слуги».

185б С этими словами они ушли от кушбеги и двинулись затем со своими кошами по своим местам, принимая таким образом на себя вину за все происшедшее (стихи).

После этого возмутительного происшествия кушбеги, приняв меры предусмотрительности, перебрался со своим кошем в крепость Куня Ургенча. Отсюда он написал донесение о происшедшем случае и отправил с Шукур-берды-шейхом к хану.

186а Отправившись на противоположный берег реки, где находился (в это время) хан, Шукур-берды-шейх доставил это донесение его величеству, как это и было уже выше сообщено.

---

[1] В тексте قلعه‌لی قرا داشلو طایفه سی

[2] В тексте اوره ایشان

[3] В словаре Радлова (т. II, стр. 540) для слова قونوق дается только одно значение — «гость». В этом смысле قونوق может быть сближен с известным термином коналга или конарга, происходящим от того же корня и обозначающим в старых ярлыках «постой», «ночлег» (повинность по содержанию войск). В другом месте настоящего сочинения Агехи употребляет выражение وظیفه و قونوق (л. 243а), конкретное содержание которого в хивинских условиях достаточно четко вскрывается цитировавшимися выше словами А. А. Бутакова о «системе» продовольствия туркменских войск в Кунграде (см. прим. 2 к стр. 594 данного перевода). Из документов архива хивинских ханов можно установить, что конук'ом в Хиве называлось вообще жалование туркменским всадникам (атлы), состоящим на ханской службе. О размерах этого жалования можно судить по следующим данным,—относящимся к 1272 (1855) г.: ста пятидесяти всадникам на три дня выдано «на конук» (قونوق اوچون) 45 тилля; или: шести всадникам на двадцать дней выдано 20 тилля.

По соображениям благоразумия и предосторожности, хан не дал распространиться этой печальной вести среди войск своего лагеря.

Что касается кушбеги, то хан предложил ему оставаться с находящимися при нем войсками в Куня Ургенче до тех пор, пока он (хан) не возвратится из Кунграда. Вручив это письмо Шукур-берды-шейху, хан с этой (же) остановки отправил его обратно, а сам двинулся со своими войсками дальше.[1]

[Далее следует подробное описание совершенного ханом похода на Кунград, в числе защитников которого упоминаются также йомуты (л. 188а). На стороне хивинских войск, действовавших против Кунграда, упоминаются гёклены и чоудоры.]

О том, как (некоторые) эмиры отправились по приказу хана в местность Темач (تماج) и построили там крепость, а затем, назначив туда гарнизон, возвратились обратно

216а

Вследствие того, что йомуты, собирались иногда в большие шайки и совершал набеги на различные части богохранимого государства (Хорезма), чиня насилия над его населением и расхищая имущество жителей, его величество признал совершенно необходимым и наиболее неотложным *216б* делом внести успокоение в народ и наказать мятежников.

Посоветовавшись о подробностях этого дела с сановниками государства, он решил, в целях обуздания мятежников и нападения на их войска и укрепления, построить вблизи занимаемой ими территории крепость и поставить в ней (хивинский) гарнизон, чтобы таким путем лишить мятежников возможности выходить из своих укреплений и обеспечить безопасность населению и (всем) проезжающим.

После того, как это решение было принято и одобрено всеми вельможами, ханом был издан приказ о том, чтобы Шах Мурад-инак, Ибадулла-инак, Яхши Мухаммед-даруга, Абдулла-мингбаши, Рахметулла-ясаулбаши, Якуб-мехрем, Абдулла-серхенг, Мухаммед Нияз-диванбеги и другие отправились бы все вместе и построили в подходящем месте крепость.

В понедельник 22-го числа месяца зуль-ка'да (вторник 23 июня 1859 г.) назначенные выступили с своими войсками и, облюбовав единодушно местность Темач, по ту сторону г. Гази-абада (Хазавата), вблизи расположения войск мятежников, занялись здесь постройкой крепости (хисар) и копанием *217а* рвов (хандак). Через три-четыре дня они выстроили (настолько) высокую крепость, что вершина небесного свода была ниже ее стен (хакриз), а ров был настолько глубок, что касался спины того кита, на котором держится земной шар.

---

[1] На л. 205а сообщается, что кушбеги прибыл из Куня Ургенча и присоединился к хану, когда тот в первых числах месяца зуль-хиджа (начало июля 1859 г.) возвращался из похода обратно в Хиву.

Когда постройка крепости была окончена, все вышеупомянутые начальствующие лица, для того чтобы обуздать мятежников, согласно ханскому приказу, избрали и назначили сюда одного из военачальников Абд-ур-Рахман-серхенга, вместе с некоторыми числом пеших и конных воинов с двумя пушками. Сами они после этого отправились обратно и явились к хану.

Находясь в течение известного времени в крепости, Абд-ур-Рахман-серхенг беспрерывно беспокоил мятежников своими набегами.

О том, как явились к его величеству йомутские предводители, смиренно выражая раскаяние в совершенных поступках, и как хан простил их вину, взявши у них заложников

220а Когда хан совершал свой поход на Кунград, к нему явились на службу йомутские предводители, которые дали обещание итти (с ханом) на Кунград и просили себе в начальники Хасан Мурада-кушбеги. Приведя (Хасан Мурада) в Куня Ургенч, они не выполнили своего обещания и, позволив себе некоторые предосудительные действия, разошлись от кушбеги в разные стороны. После этого они от великого стыда не смели являться к хану и, боясь его царского гнева, направились со своими аулами (оба) в некоторые защищенные места и стали там жить в построенных ими укреплениях (сенгир).

Чтобы стеснить их положение, хан приказал не допускать мятежников на базары (хивинского) государства, а также не продавать никому из них хлеба и другого продовольствия. Согласно высочайшему приказу, была прекращена торговля с мятежниками и продажа им на всех базарах (хивин-
220б ских) городов и селений; мало того, грабили и убивали всякого из них (йомутов), кто появлялся на базаре. Кроме того, по распоряжению хана, была построена плотина на Гази-абадском канале недалеко от г. Гази-абада, благодаря чему пропуск воды на пашни йомутов был прекращен.

Вскоре после этого цены на хлеб у этого несчастного народа возросли до такой степени, что пшеницу нельзя было купить ни за какие деньги, и люди стали гибнуть от голода (стихи).

221а Не находя в конце концов иного выхода, как только изъявить свою покорность хану, все известные старшины этого племени явились к его величеству и, принося раскаяние в совершенных ими проступках, униженно заявили о своей готовности верно и самоотверженно служить ему.

221б Давши обязательство относительно своей покорности и службы, они не отказывались (также) подкрепить свое обещание выдачей заложников (ак-ӱйлю) и просили отправить с ними ишана Омара и Рахметуллу-ясаул-баши для того, чтобы те направились к йомутам с радостной вестью о прощении и оказанной им ханской милости и взяли бы по своему желанию то или иное число заложников из знатных и известных лиц.

По необычайной своей доброте и милости, его величество согласился простить их (йомутов) вину и, удовлетворяя просьбу старшин, присоединил к ним названных выше ишана и ясаулбаши, и в середине месяца мухаррема (середина июля 1859 г.) разрешил им отправиться.

Как только (посланные) прибыли к ожидавшим их йомутам и сообщили им радостную весть, те сразу ожили и, оказав (послам) всяческий почет 222а
и уважение, собрали требуемое число заложников и послали их с несколькими старшинами ко двору.

Вместе с названными выше ишаном и ясаулбаши (старшины) явились в понедельник 3 числа месяца сафара (1 августа 1859 г.) к хану и с должным почтением представили ему заложников, выражая свою покорность и преданность.

По милости и доброте своей его величество разрешил пустить воду на их (йомутов) пашни и позволил им покупать хлеб на (хивинских) базарах, спасши таким образом этот народ от голодной смерти.

После этого хан отпустил посланных обратно (стихи).

О том, как явилось в Мервскую страну каджарское войско и как оно потерпело поражение в войне с теке [1]

Причины данного события заключались в следующем: одно из поколе- 223а
ний племени теке, жившее в течение нескольких лет в области Серахса, поссорилось, вследствие религиозных разногласий, с племенем каджаров и стало совершать набеги на жившее в горах шиитское население. Предав смерти и забравши в плен множество людей, они (теке) разрушили (тамошние) крепости и опустошили страну.

По этой причине каджарское войско несколько раз приходило в Серахс, воевало с теке, осаждало (их) крепость (Серахс) и опустошало их поля и посевы.

Испытывая вследствие этого необычайные трудности и не будучи в состоянии удержаться в Серахсе, это племя (теке) около трех лет тому назад со всем своим имуществом, чадами и домочадцами переселилось в Мерв.[2]

Старшины этого племени, во главе со своим начальником Коушут- 223б
ханом, направили в Хорезм к его величеству группу старшин с просьбой о предоставлении им земли в Мерве и назначении им правителя, который установил бы среди них порядок и устроил бы их дела.

Заботясь о благе народа, его величество выдал ярлык на управление одному из славных своих приближенных мулле Мухаммеду,[3] которого и отправил (в Мерв) со старшинами; Коушут-хану его величество пожаловал златотканный халат и украшенный золотом кинжал, а прибывших старшин также одарил одеждами. Однако племя сарыков, жившее с давних пор

[1] Заглавие сокращено.

[2] Об этом сообщалось выше (см. стр. 593 перевода и прим. 3).

[3] Из предыдущего упоминания видно, что мулла Мухаммед носил звание дивана.

в Мервском вилайете, вступило во враждебные отношения с теке, на почве распределения земли.

224а В течение некоторого времени между ними продолжалась война и происходили столкновения.

Будучи, наконец, побеждены и разбиты, они (сарыки) откочевали из Мервского района и, находясь в бедственном положении, рассеялись по окрестным странам. Старшины этого племени (эль) единодушно направились к правителю (вали) Ирана Насир-уд-дин-шаху, каджару, и принесли ему жалобу на притеснения и насилия со стороны теке. Отдавая себя под его (шаха) защиту, они просили оказать им поддержку и помощь.

Насир-уд-дин-шах еще до того имел решение наказать теке, так что жалоба сарыков (только) подкрепляла его намерение.

Шах приказал набрать из племени каджаров и прочего населения (улус) Ирака, Азербайджана, Ирана и Хорасана 25 тысяч сарбазов и пеших,[1] 10 тысяч конных и 2 тысячи мастеров, ремесленников и торговцев.[2] Через некоторое время (войска), благодаря употребленным стараниям, явились с разных концов (государства) и собрались в назначенном (для них) лагере.

224б После того, как войска были собраны, командование ими (шах) поручил дяде своему Хамза-мирзе, совместно с одним из высших сановников — Кавам-уд-довле[3] и, снабдив их тридцатью пушками и бесчисленным количеством снаряжения, направил их в сторону Мерва. В месяце шаввале указанного выше, т. е. 1277 г. х. (с 12 апреля по 10 мая 1861 г.) все многочисленное войско каджаров вступило в Мервский вилайет.

Теке со всем своим имуществом, женами и детьми вышли из крепости (Мерва), переправились (на правый берег) Мервской реки (Мургаба), выкопали здесь в местности Кара-яб укрепление (сенгир) и поместили в нем своих близких, а сами занялись приготовлением к войне.

Войска каджаров разделились на две части: одна половина их заняла Мервскую крепость, а другая подошла к местности Кара-яб и здесь расположилась лагерем.

Что касается отважных наездников теке, то они стали дружно нападать на (иранских) сборщиков топлива и фуража, работавших в окрестностях

225а каджарского укрепления, убивая и забирая их в плен. (Кроме того), они отрезали дороги, по которым доставлялось иранцам продовольствие. Положение каджарского войска стало стесненным, так как они (начали) испытывать бедствие голода. Так, без боев и столкновений, прошло четыре

---

[1] В тексте (سرباز و پیاده). Точная разница между этими терминами из текста не выясняется. По хивинской терминологии данного времени под «сарбазами» разумелись «пехотные солдаты из персиян», однако данное толкование слова вряд ли применимо в данном случае. Возможно, что автор подчеркивает здесь различие между регулярной и иррегулярной иранской пехотой.

[2] По старой терминологии эти лагерные торговцы носили название «ордубазар».

[3] Имя автор не указывает. Об этом же событии рассказывают и иранские авторы, ссылки на которых см. выше, стр. 279 прим.

месяца. На пятый месяц, именно в начале месяца раби I (1278 г. х. — начало сентября 1861 г.), каджарское войско, уже давно находившееся в походе и испытывавшее недостатки в продовольствии, решилось, наконец, вступить в сражение с теке; выйдя полностью из крепости и укрепления, оно построилось в ряды с западной стороны крепости, на южном берегу реки, и приготовилось вступить в битву.

Как только заметили это воины теке, всегда стремившиеся к воинским подвигам и привыкшие рисковать своей жизнью, они стремительно переправились через реку и, выстроившись в боевой порядок с западной стороны от каджарских колонн, выступили против неприятеля.

Обе стороны вступили в битву, в которой погибло много тех и других. *225б* Целые реки крови потекли по полю сражения. Один важный генерал из войска врагов (пранцев) умер. Так закончился день. Войска обеих сторон покинули поле сражения и расположились на отдых в своих укреплениях.

На четвертый день сражения каджарское войско со всеми своими пушками вышло из своего укрепления, чтобы добыть себе топлива и фуража. Узнав об этом, воины теке бросились отважно на вражеское войско; убив много людей, они завладели двумя пушками.

Через три дня после того, как совершилось это событие, все войска каджаров и вся неверная рать стали испытывать страх и, не признавая возможным находиться в местности Кара-яб, они вошли в крепость, полагая, что, соединившись все вместе, они улучшат этим свое положение. Опасаясь нападения со стороны теке, они не стали однако переходить днем; лишь вечером, после намаза «хуфтан», они открыли стрельбу из пушек и двинулись в крепость.

Когда об этом стало известно теке, они все, во главе с муллой Мухаммедом, — кто конный, кто пеший, включая женщин и детей, вооруженных *226а* дубинами («сурук») и палками, выступили на поле сражения. Переправившись быстро через реку, они, несмотря на ночную темноту, начали избивать (пранцев) своими мечами.

Каджарское войско в свою очередь также выступило против теке, завязав с ними сражение. Хотя доблесть и мужество, проявленные каджарскими воинами в этом бою, были исключительны и превосходили пределы возможного, однако, в силу особого счастья, покровительствовавшего его величеству и его могущественной державе (Хорезму), храбрецы теке смогли одержать победу даже над таким сильным вражеским войском. Бесчисленные каджарские войска были побеждены и разбиты.

Очутившись в крайне тяжелом положении и бросая снаряжение, палатки, артиллерию, арсенал и казну, они (пранцы) обратились в бегство, рассеявшись в темноте и в растерянности не зная, куда им бежать.

Большая часть их ушла в пески, по направлению к Серахсу. Однако не прошли они и одного перехода, как начали падать в степи в изнеможении от одолевавших их жажды и голода.

Что касается теке, то все они, от больших до малых, включая женщин и детей, в этот день занимались тем, что усердно ловили и забирали в плен толпы неверных. Преследуя рассеявшихся всюду (иранцев), они забирали оружие и припасы у тех, кто был уже мертв, а тех, кто был еще жив, кормили и поили, а затем как баранов толпами сгоняли (к себе).

227а Из общего числа 27 тысяч иранского войска вместе с родственниками часть погибла в сражении от меча храбрецов теке, часть умерла в пустыне от жажды, большая же часть была забрана в плен. Таким образом никому из них не удалось спастись от гибели (и плена), за исключением каких-нибудь 5—10 человек.

Однако, Хамза-мирза, каввам-уд-довле и главные военные начальники с частью конницы не направились в пески, а бежали (вверх) по берегу Мервской реки. Находясь в крайней растерянности, они рассеялись на отдельные группы, каждая из которых бежала в разном направлении и с большими трудностями достигала (безопасного) места, испытав на себе различные капризы и превратности судьбы.

Таким образом народ теке завладел всей артиллерией, припасами, оружием, имуществом, подводами и сокровищами такого большого и благоустроенного войска, как это. Благодаря этому обстоятельству самые последние бедняки из этого племени (теке) своим богатством могли теперь соперничать с Каруном.[1]

227б Из доставшихся им богатств тридцать пушек вместе с двадцатью мулами (хачир) золота и тысячью золотых сосудов и прочих драгоценностей стоили хараджа всего мира.[2] О количестве прочего имущества и богатства можно судить по сравнению с этим. По этому же можно судить и об изобилии различного снаряжения и вещей (какие им достались).

Таким образом, одержав полную и решительную победу над могущественным противником и завладев его золотом и несметными богатствами, племя теке после этого с облегчением принесло свою благодарность его величеству (хану) и поселилось на жительство в Мервской области.

Что касается пленных, то их целыми толпами гнали для продажи в соседние государства, так что все базары мусульманских стран (собств. государств ислама) были переполнены пленниками и рабами.

Глава и начальник народа теке, Коушут-хан, выделил для его величества пятую часть из всей доставшейся добычи, послав свои дары
228а и подношения с группой старшин теке в Хиву вместе с муллой Мухаммедом-юзбаши.[3]

В конце месяца раби II (средина октября 1861 г.) посланные явились к хану и представили ему привезенные подарки. Передав (хану) подробности

---

[1] Легендарный богач.

[2] Образное выражение, обозначающее несметные богатства.

[3] Названного выше диваном.

этого изумительного происшествия, (послы) удостоились высоких царских милостей.[1]

В последний день месяца раджаба, именно в субботу (пятница 31 января 1862 г.) правитель Мервской области мулла Мухаммед, прибывший перед тем с старшинами теке к его величеству, удостоился необычайных милостей и отличий со стороны хана и был снова вместе со своими спутниками отправлен в центр вверенной его управлению области. *230а*

[При описании событий 1278 г. х. (1861—1862 г.) автор, между прочим, сообщает следующее:] *252б*

В четверг 21 числа месяца зуль-хиджа (19 июня 1862 г.) один из высокопоставленных ханских приближенных, Артук-бий, отправился в область Ахала для оказания помощи теке. Подробности этого дела заключаются в следующем: в крепости Анау, входящей в состав области Ахала, вместе с теке жила группа кызылбашей. По некоторым причинам существующие между ними добрые отношения нарушились и наступили разногласия. Когда об этом услышали иранцы, жившие в горах, они вышли из гор с многочисленным войском, подошли к крепости Анау и осадили ее, намереваясь взять. Бои и стычки происходили каждый день. Когда теке увидели, что осада затянулась, они заметили свою слабость и сообразили, что им против иранцев не удержаться. В конце концов группа старшин теке явилась к его величеству (хану) и доложила о положении своего народа, прося у хана помощи. Снисходя к их просьбе, хан присоединил к ним славного Артук-бия из знати (племени) кият и в указанный выше день отправил его с отрядом войск и старшинами теке в Ахал.

Когда Артук-бий приблизился (к Анау) на расстояние двух-трех дневных переходов, и иранцы об этом услышали, они не стали больше оставаться в Ахальской области, а под разными предлогами и через посредство разных лиц, заключили мир (с осажденными), выставили некоторый заслон (против хивинцев), забрали с собой находившихся в крепости кызылбашей и ушли.

Через два дня после этого события Артук-бий пришел в Ахал и, пробывши здесь свыше двух месяцев, привел в порядок здешние дела, а затем, по ханскому приказанию, возвратился обратно и удостоился милостей.

О том, как мятежные чоудоры ограбили возвращавшийся из России хивинский караван и как для наказания их были посланы некоторые из (хивинских) военачальников, а также о прочих событиях, происшедших за это время

В упомянутом выше, т. е. в 1279 г. х. (1862/63 г.), соответствующем *257а*
году собаки, много хивинских караванов, по установившемуся ежегодному

---

[1] Ср. «Матля-уш-шамс» т. II, стр. 276.

обычаю, направились в Россию со многими товарами, закончили там свои торговые дела и (после этого) возвратились.[1]

257б Один из этих караванов, состоявший из 200 верблюдов, нагруженных разными высокоценными товарами, отделился после перехода через Сырдарью от главного каравана и быстрее направился вперед.

В середине месяца джумади II (около 10 декабря 1862 г.), когда этот караван приблизился к населенным местам у берегов озера Тау-кара, злоумышленники-чоудоры, узнавшие о том, что этот караван везет большие ценности, собрались в количестве около 800 человек конных и, напавши неожиданно на караван, разграбили все его имущество.

Люди, сопровождавшие караван, в страхе рассеялись в разные стороны. Некоторые из них погибли в поле от лютых морозов, некоторые с большим
258а трудом и еле живые достигли населенных мест. Что касается чоудоров, то они, завладевши имуществом каравана и поделивши его между собой, возвратились в свои аулы, открыто проявляя свою враждебность (к Хиве).

Когда весть об этом событии достигла его величества, он назначил (против чоудоров) высокопоставленных и отважных военачальников Махмуд Нияза-ясаулбаши и Махмуд Нияз-бия, сына Мухаммед Рахима-мехтера, с отрядом войск. Они направились, согласно высокому приказу, в окрестности крепости Клыч Нияз-бая, устроили там укрепление (сенгяр) и, расположившись в нем, стали производить нападения на чоудоров.

[Рассказывая о некоторых событиях, происходивших в месяце раджабе того же 1279 г. х., автор продолжает:]

258б На следующий день, приходившийся на четверг 11 числа упомянутого выше месяца (пятница 2 января 1863 г.), его величество для наказания мятежников-чоудоров назначил великого везира своего Хасан Мурада-кушбеги, Фазиль-ходжу, шейх-уль-ислама, Хаким Нияз-аталыка, Мухаммед Назар-инака, Якуб-инака, Артук-бия, Яхши Мухаммеда-даругу, Рахметуллу-ясаулбаши и других (начальников) с двумя пушками и отрядом сарбазов и группой войск. Выступив единодушно в тот же день, все назначенные прибыли к Ташаузу, и, расположившись лагерем в его окрестностях, в течение некоторого времени производили оттуда нападения на чоудоров.

259а Махмуд Нияз-ясаулбаши, согласно приказу хана, в середине месяца ша'бана (с 22 января по 19 февраля 1863 г.) назначил на свое место в крепости Клыч Нияз-бае Дост Нияз-мехрема, с находившимися в распоряжении его войсками, а сам возвратился и прибыл к его величеству.

В субботу 25-го числа того же месяца (воскресенье 15 февраля) Хасан Мурад-кушбеги, по приказу хана, оставил в Ташаузе Хаким Нияз-аталыка и Рахметуллу-ясаулбаши, а сам с прочими военачальниками прибыл к хану.

---

[1] Данные о торговле Хивы с Россией во второй половине XIX в. имеются в книге С. В. Жуковского, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пгр., 1915, стр. 142 и сл. Там же библиография.

О том, как славный принц Сейид Махмуд-тёре выступил против мятежников-чоудоров, нанес им поражение, привел их к покорности, после чего простил их вину и, взявши у них заложников, пришел обратно

После того как племя чоудоров разгромило имущество каравана (см. выше), оно с каждым днем все больше и больше обнаруживало свою вражду и непокорность. Хан по доброте своей несколько раз посылал к ним людей с требованием возвратить имущество каравана и в письмах своих обещал им помилование. Однако, они, имея в виду совершенные ими тяжкие преступления и опасаясь, как бы не постиг их ханский гнев, не нашли возможным явиться к его величеству с выражением своей покорности и крепко стояли в своем непослушании и упрямстве. *260а*

Несколько раз ходили против них войска, вступали с ними в большие сражения и наносили им урон. Они (чоудоры), однако, и после этого не только не стали послушнее, но даже (наоборот) стали проявлять своевольство еще больше прежнего.

В силу этого хан по необходимости должен был назначить против этого несчастного племени своего высокородного брата, принца (Сейид Махмуда), с состоявшими при нем войсками (нукер), с большей частью (прочих) главных военачальников и четырьмя пушками. *260б*

Исполняя высокий приказ, царевич, сопровождаемый назначенными (к нему) начальствующими лицами и (другими) царевичами, выступил в понедельник 14-го числа месяца зуль-хиджа из Хивы и сделал остановку в селении Джаныk-шейх. Для того, чтобы дать возможность собраться нукерам и ополчению (кара-черик), (царевич) приказал двигаться дальше небольшими переходами. На следующий день, именно во вторник, он вышел из Джаныk-шейха и остановился затем в Кефтер-хан, а через день он находился (уже) в Шах-абаде.

Задержавшись здесь в целях сбора войска на два дня, (царевич) после этого прибыл в Майли-чонгюль, а затем вступил в местность под названием Копукли. После этого (царевич) прибыл к крепости Ташауз и расположился в усадьбе (хаули) Джума Нияз Кулана на берегу канала Ярмыш к северу от крепости. Выступив оттуда и достигнув крепости Карга, он остановился здесь на четыре дня. Во время этой остановки в распоряжение царевича прибыли сердары племен гёкленов и карадашлы со всеми их всадниками. Сюда же прибыли начальники (акабир) йомутов со своими нукерами. Некоторые из старшин хан-абадских йомутов выразили свою покорность и повиновение и также явились. Эмир-уль-умара, царевич, всех их обласкал и оказал им свое внимание. *261а*

Выступив через четыре дня отсюда, (царевич) прибыл в «сад» [1] Назарбека, где задержался на 15 дней, с целью дать возможность подтянуться шедшему позади ополчению (кара-черик).

[1] По поводу хивинских «садов» см. П. П. Иванов, «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана. Зап. ИВ, т. VI, стр. 43 и сл.

За время этой стоянки йомутские отряды (аламан) совершили под предводительством Клыч-оглы два-три набега на чоудоров. Они убили при этом много людей, захватили много добычи, пленных и голов и возвратились к царевичу, который их всячески обласкал и вознаградил.

Выступив через 15 дней с этой стоянки, (царевич) прибыл в окрестности
261б крепости Халим-бека, где и пробыл шесть дней. Здесь, по приказу его величества, к царевичу присоединился правитель кара-калпаков Махмуд Нияз-ясаулбаши с шестью тысячами каракалпакских и тысячью казахских всадников, а всего с семью тысячами человек. Через шесть дней царевич выступил отсюда и, направившись в Ак-аланг,[1] пробыл там восемь дней.

Одно из происшествий, случившихся в это время, состояло в следующем: одна часть мятежников-чоудоров располагалась в местности, находившейся на довольно отдаленном расстоянии от (места расположения) большинства этого племени. Выкопав там себе укрепление (сенгир) и построив крепость, эти чоудоры там и поместились. Около пятисот неших хивинских стрелков (мерген), по указанию царевича, направились к этому чоудорскому укреплению и ночью врасплох напали на него. После продолжительного сражения, они (мергены) убили из своих ружей десять человек, из которых главным являлся Сабир Кёр, много людей они ранили и, вернувшись затем со славой, были вознаграждены и обласканы царевичем.
262а После этого население той крепости стало бояться нападений и грабежей со стороны победоносных (хивинских) войск и переселилось в укрепление (сенгир) большинства своего племени.

Через восемь дней царевич оставил эту стоянку и со всеми своими несметными грозными силами расположился лагерем в «саду» Сейид Мурад-шейха, который находился в Кёк-чеке. Здесь вследствие некоторых обстоятельств он простоял 30 дней.

Некоторые из событий, которые произошли за это время, заключались в следующем: бывший (собств. «смещенный») кушбеги Мухаммед Керим-бек, сын Мухаммед Юсуф-бека, стал, по приказу царевича, во главе отряда гёклепов и карадашлы, дважды производил с ними набеги на укрепление чоудоров. Сражаясь с необычайным мужеством, он убил много мятежников, отсекая головы у убитых, забрал много лошадей и другого скота
262б и имущества и со славой возвращался (в ставку) царевича, который щедро его вознаграждал.

Другое (событие) состояло в том, что Якуб-мехрем, Рахметулла-ясаулбаши и Махмуд-Нияз-ясаулбаши с большим войском из узбеков и йомутов совершили, с разрешения царевича, набег на главное укрепление чоудоров. Все конные (чоудоры) выступили из своего укрепления и вступили в бой с победоносным (хивинским) войском. (Хивинские) храбрецы сражались с такой яростью, что (скоро) полились реки вражеской крови, а из тел уби-

---

[1] Приблизительно в этом районе имеется канал под названием Ак-алан (см. Материалы по райониров. Ср. Азии, ч. 2, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 17, 39).

тых врагов образовались горы. (В конце концов) враги были обращены 263а
в бегство. В ознаменование этой победы воины отрубили сто тридцать семь голов у убитых врагов и, захватив их в виде добычи, вместе со множеством пленных и большим количеством лошадей, верблюдов, овец, рогатого скота и прочего взятого ими имущества, возвратились победоносно в высокую ставку царевича, удостоившись здесь всяческих милостей и наград.

Выступая отряд за отрядом, победоносные (хивинские) войска ежедневно совершали набеги на укрепление мятежников, вступая с ними в сражения и заставив их испытывать всевозможные бедствия.

(Еще одно событие заключалось в том, что) в р. Джейхуне (Аму-дарья) в это время появилось такое (большое) количество воды, какого никогда раньше не бывало. Плотина (качу), находившаяся в местности Кара-тал, под большим напором воды разрушилась, (вследствие чего) большая часть воды устремилась туда, где находилось укрепление мятежников. В одну ночь вода залила большое пространство, затопив при этом как пашни мятежников-чоудоров, так и окрестности их укрепления. Все зерно мятежников, а также их крепость, имущество и часть женщин и детей погибли в массе воды. С большим трудом, в смертельном ужасе, чоудоры кое-как забрали свои семьи, побросали все свое имущество и направились в Порсу, и здесь, на возвышенном месте, остановились.[1] Но, благодаря набегам и нападениям со стороны победоносного (хивинского) войска и наступившему голоду, положение их и здесь было крайне тяжелым.

Видя, что при создавшемся положении у них не остается иного выхода, как только изъявить свою покорность, они направили из числа своих уважаемых людей сына Мухаммед Эмин-ишана, а из числа своих старшин — Мухаммед Нияза Пайтека, в качестве послов к царевичу с просьбой о пощаде.

Явившись к царевичу и выразив почтительно ему свою покорность, 264а
они (посланные) обратились к нему от имени чоудоров со следующей просьбой: «Мы являемся старинными и преданными слугами этого высокого (ханского) дома, приносим раскаяние во всех наших преступлениях и проступках и готовы исполнить всякое приказание, какое с вашей стороны последует, и нести любую службу, какая нам будет приказана. Просим простить нашу вину».

Царевич присоединил к ним высокопоставленного военачальника Нияз Мухаммеда-юзбаши и написал чоудорам письмо, требуя возвращения захваченного ими у каравана имущества, находившихся у них пленных и представления ста семейств из числа главных (улуг) старшин в качестве заложников (ак-ӱйлюк). После этого он (царевич) обещал простить их вину и принять их.

Когда Мухаммед Нияз-юзбаши прибыл к чоудорам и сообщил им содержание письма, они чрезвычайно обрадовались и, присоединив к Мухаммед

[1] Ср. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 102.

Нияз-юзбаши еще одного посла, направили его (к царевичу) со следую-
264б щими словами: «Хотя мы чрезвычайно обрадованы проявленной (царевичем) благосклонностью, однако, совершенные нами преступления велики необычайно, (вследствие чего) мы сейчас явиться к нему боимся. Если он будет столь милостив к этим рабам (т. е. чоудорам), то пусть для наставления их, блуждающих в пустыне (греха), пришлет одного из своих высокопоставленных начальников, чтобы тот явился заступником за наши грехи и направил бы нас на (истинный) путь, а мы под его руководством могли бы явиться к царевичу и собственным языком изложить ему свою просьбу и собственными ушами услышать все его приказания. Мы (после этого) будем исполнять всякую службу, какую он от нас потребует, и какое бы количество имущества он от нас ни потребовал — мы отдадим».

Согласившись с этими пожеланиями, царевич отправил (к чоудорам) с пришедшим послом высокопоставленного Махмуд Нияза-ясаулбаши. Выйдя навстречу Махмуд Ниязу-ясаулбаши, знатные лица из чоудоров оказали ему всяческие почести и ввели его в свои дома. У каждого из пяти чоудорских родов он провел по одному дню в качестве почтенного гостя, прожив здесь таким образом всего пять дней. Чоудорские старшины изо всех сил старались оказать ему всевозможный почет, требовавшийся правилами хорошего гостеприимства.

265а Когда ясаулбаши направился в обратный путь, к нему присоединился казий, ишаны и старшины чоудоров, всего в количестве 110 всадников. Они приготовили много лошадей и оружия (яраг) в качестве подарков (царевичу), а также захватили с собой некоторое число пленных. Явившись к царевичу, они через посредство некоторых эмиров обратились к нему с просьбой о прощении совершенных ими проступков и преступлений. Прося пощады, они изъявили готовность представить заложников, а также возместить владельцам стоимость взятого у каравана имущества.

Войдя в тяжелое положение (чоудоров), царевич сжалился над ними и своими ласковыми словами внес успокоение в их истерзанные сердца. Он написал и отправил с одним уважаемым человеком хану письмо, в котором изложил просьбу (чоудоров) и описал положение, в каком они находились.

Когда (посланный) человек вернулся и представил ханский ответ и их (чоудоров) просьбу, царевич, на основании приказа его величества, снова велел Махмуду-ясаулбаши отправиться к пяти чоудорским родам и взять от каждого из этих родов по пяти семейств из числа старшин, в качестве
265б заложников. В случае, если среди них (чоудоров) остались еще (хивинские) пленные — их также взять. (Кроме того) чоудоры дали обещание собрать и через некоторое время возвратить имущество, взятое ими при нападении на караван. Ясаулбаши переселил в лагерь царевича те двадцать пять семейств, которые были взяты им в качестве заложников. Затем Якубмехрем был послан к гёкленам, у которых также было взято двадцать заложников. После того, как царевич устроил и привел в порядок все здешние дела, он выступил из Кёк-чеке и направился в обратный путь.

Направляясь отсюда далее (к Хиве), он распустил ополчение (карачерик), а сам с начальствующими лицами прибыл в Кош-купрюк. Здесь устроил он большое пиршество (той), во время которого были устроены скачки и в награду победителям роздано много золота и серебра.

Всем вельможам и начальствующим лицам, были розданы также златотканные халаты.

Выступив затем из Кош-купрюка, царевич в четверг 26-го числа месяца сафара (1280 г. х. — среда 12 августа 1863 г.) счастливо и благополучно прибыл в г. Хиву, где удостоился ханских милостей.

Вместе с царевичем щедрых царских наград удостоились также все эмиры и начальники. *266а*

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ СЕЙИД МУХАММЕД РАХИМ-ХАНА

Извлечения из «Шахид-и-Икбаль», сочинение Агехи
Рукопись ИВ АН С 572

Перевод З. АКСАКОВА

События третьего года царствования

О мятеже йомутов и устройстве Мухаммед Мурадом-диванбеги, Мухаммед Якуб-мехремом и Мухаммед Ниязом-ясаулбаши укрепления около крепости Гази-абад и пр.[1] *61б* Со дня восшествия на трон его величества (хана) *62а* и по сие время все туркменские племена считали для себя благом искреннюю службу этому вечному (хивинскому) государству. С своей стороны хан также по своему великодушию и снисхождению оказывал им особую царскую милость, принимая во внимание их давнюю службу. Он даже прощал некоторые их проступки и не утруждал их своим вмешательством. Однако некоторые аламанщики из йомутов, перейдя границы своей (земли), начали заниматься грабежом имущества и разорением посевов и жилищ соседнего населения. Сколько хан ни делал им снисходительных советов и наставлений, они все же, по своей полной невежественности, продолжали грабежи. *66б* Особенно усилились грабежи и разорение посевов населения в месяце раби II (1283 г. х. — июль 1866 г.), в год барса. Наконец, хан решил для наказания мятежников закрыть воды Гази-абадского арыка под крепостью Гази-абад, чтобы лишить их воды для посевов. Кроме того, хан назначил для охраны (населения) отдельные отряды в крепости племен, живущих в тех краях. Затем он (хан) для наказания мятежников отправил в Гази-абад Мухаммед Мурада-диванбеги, Мухаммед Якуб-мехрема, Мухаммед Нияза-ясаулбаши и Абд-ур-Рахмана Суфи-топчибаши с одной пушкой, группой фальконетчиков и отрядом войск.

---

[1] Заглавие сокращено.

63а На основании ханского приказа, в субботу 13-го дня месяца джумади I (1283 г. х. — воскресенье 23 сентября 1866 г.) они выступили из Хивы и прибыли в крепость Гази-абад. В одном удобном месте, к юго-западу от этой крепости и западу от посевов населения, которые находились недалеко от йомутского скопища и состояли большей частью из риса, они вырыли укрепление (сенгир) и поместили там пушку вместе с фальконетами и войсками. В целях охраны посевов они ежедневно высылали отряды войск, которые вступали в бой с йомутскими мятежниками и не позволяли им собирать жатву. Временами они посылали на скопище йомутов храбрых богатырей, которые, совершая смелые нападения, громили мятежников. Иногда многочисленная толпа йомутов подходила близко к укреплению (хивинцев) и боевыми криками вызывала на бой. Отважные богатыри (хивинцы), выходя из укреплений, вступали в схватки. Разгромив мятежников и преследуя их до самого их становища, они многих из
63б них убивали и отрубали им головы. Йомуты, не желая быть опозоренными, ежедневно всей конницей в боевом порядке вступали в энергичные схватки (с хивинцами). Не будучи в состоянии что-либо сделать, они снова терпели поражение. (Наконец), мятежники окончательно расстроились и решили ночью напасть на окопы (хивинцев) с тем, чтобы в темноте ночи создать шум
64а и смятение и этим что-либо выиграть. Все они (мятежники), конные и пешие, однажды ночью подошли к укреплениям (хивинцев) и, окружив их со всех сторон, стали приближаться ко рву. Как только об этом узнали диванбеги и военачальники, они отдали приказ, чтобы все храбрецы сели на коней и были готовы к схватке. Артиллеристы и фальконетчики со всех сторон направили свои орудия и фальконеты в сторону колонн неприятеля и так палили, что кровь (мятежников) лилась как ручей и смешивалась с черным прахом. Оставшиеся в живых мятежники по своей невежественности стали снова наступать и, самоотверженно бросившись со всех сторон ко рву, проявляли большое усилие и упорство, однако, ничего не добились. Большинство их легло убитыми и ранеными под пушечными и фальконетными ядрами (стихи).

65а Словом, в тот вечер мятежники упорно бились до зари. К утру они потерпели поражение и, разбитые, ошеломленные, отступили. В следующую ночь (мятежники) для ночной атаки подошли к укреплению и стали биться ожесточенней прежнего. Но опять ничего не будучи в состоянии сделать, потеряв больше прежнего и, не выдержав огня артиллерии, они с позором обратились в бегство и кое-как добрались до своего стана. После этого, не осмеливаясь подойти к укреплению, они стали вести бой с дальнего рас-
65б стояния. Храбрецы (хивинцы) так же, во множестве выходя из укреплений, нападали на врага и своими контр-ударами наносили ему ущерб. В таком виде положение оставалось в течение четырнадцати дней. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги, на основании ханского приказа, вернулся к хану, а Мухаммед Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши остались в укреплениях и в течение шестнадцати дней вели такие сражения,

что не давали возможности йомутам выходить из своего становища и, в конце концов, сломили их сопротивление. Знать йомутов, видя, что настойчивость и храбрость Мухаммед Якуб-мехрема является невиданной и что, воюя с ним, рассчитывать (на победу) нельзя, а, наоборот, можно лишиться родины и быть уничтоженными, поневоле повесили сабли на свои шеи *66а* и с беспредельным стыдом явились в укрепления к Мухаммед Якуб-мехрему и к Мухаммед Ниязу-ясаулбаши, прося о пощаде.

Они (мятежники) заявили: «Зная твое человеколюбие, мы явились к тебе с раскаянием по поводу совершенных нами многочисленных мятежей и возмущений. Теперь мы всецело зависим от тебя. Делай с нами, что хочешь. Наша просьба к тебе заключается в том, что, имея (за собой) множество преступлений, мы боимся явиться к его величеству (хану), стыдясь за свои поступки и опасаясь его царского наказания. Будь ты заступником за наши преступления и поведи нас к нему. Проси прощения у его величества за все содеянные нами проступки и погрешения. Все йомуты готовы отобрать у своих воров и разбойников весь скот и пленников, взятых ими при нападениях на население богохранимого государства, и вернуть все это. Какую бы *66б* хан нам службу ни повелел, какое бы дело нам ни поручил, мы исполним это с большим усердием и самоотверженностью, чем кто-либо другой. Это обещание и заверения мы подтверждаем клятвой и религией».

Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши составили письмо, соответствующее смыслу этих слов, и послали его к хану. Получив (затем) разрешение хана, они заняли место впереди йомутских старшин и вышли из окопов (направляясь в Хиву). Для несения охраны они из предосторожности оставили в окопах правителя Гази-абадской крепости, Рамика-юзбаши, Абд-ур-Рахмана Суфи-топчибаши с пушками, фальконетами и отрядом войск. Затем, отправившись в путь в четверг 16-го дня месяца джумади II (1283 г. х. — пятница 26 октября 1866 г.), они прибыли (в Хиву). Они *67а* (Якуб-мехрем и Мухаммед Нияз-ясаулбаши) привели с собой заложников ошакского отделения йомутского племени, которые не принимали участия в возмущении вместе с остальными йомутами и не присоединялись к ним, а стояли в стороне и (даже) посылали своих конных на службу в окопы Якубу-мехрему, оказывая (ему) помощь своей поддержкой и дружелюбием. Йомутская знать, (осознав) свою слабость, смиренно явилась к хану с мольбой и раскаянием, прося его о прощении. Хан, по своему великодушию и милосердию, принял их раскаяние и обласкал их своей царской милостью. (После этого) йомутские старшины, пробыв еще несколько дней в городе, в начале месяца раджаба, в четверг (1283 г. х. — пятница 9 ноября 1866 г.) обратились к хану с просьбой о том, чтобы он разрешил им взять с собой Мухаммед Якуб-мехрема и сделать его их военачальником и доверенным. Они обещали, что, после того как вернутся вместе с ним к йомутам, обсле- *67б* дуют их аулы и, в случае, если там окажется какое-либо (хивинское) имущество, скот или пленные, они все это отберут и передадут ему, Мухаммед Якуб-мехрему, и все, что он прикажет им, они исполнят. Его величество

удовлетворил их просьбу и приказал Мухаммед Якуб-мехрему отправиться с ними вместе. На основании высочайшего приказа, Мухаммед Якуб-мехрем в тот же день присоединился к йомутским старшинам и отправился к их племенам на границу Кирпечли, Муз-кумгана и Ак-сарая. Прибыв туда, он начал строго осматривать их аулы и стойбища и отбирать захваченное имущество, скот и пленников. В течение двадцати дней он занимался розыском и изъятием имущества, скота и пленников, после чего опять
68а вернулся вместе с йомутской знатью в Гази-абад, где расположено было в окопах войско, артиллеристы и фальконетчики. (Тут) он разрушил укрепления (сенгир) и, забрав все войско, артиллеристов и фальконетчиков, в среду 21-го дня месяца раджаба (1283 г. х. — четверг 29 ноября 1866 г.) вернулся в (Хиву) и был осчастливлен царской милостью. После семидневного пребывания и отдыха их в городе хан (опять) отправил Мухаммед Якуб-мехрема вместе с йомутскими старшинами к йомутам, проживающим в окрестностях Ташауза и Ильялы, с тем, чтобы они у здешних разбойников также отобрали скот и пленников и передали их владельцам.
68б На основании (ханского) приказа, Якуб-мехрем в пятницу, в конце месяца раджаба (1283 г. х. — декабрь 1866 г.), в сопровождении йомутской знати направился в сторону Ильялы.

71а **Вступление йомутских мятежников на путь вражды и сопротивления, своеволие и насилие их над жизнью и имуществом (хивинского) населения.**

В этой книге прежде было уже описано, как некоторые старшины пле-
72а мени (йомутов) явились к хану с горестью и раскаянием и дали клятвенное обещание возвратить имущество, скот и пленных, захваченных у населения богохранимого государства. Для этого они выпросили у хана Мухаммед Якуб-мехрема с тем, чтобы сделать его своим доверенным и начальником. Взяв его (Мухаммед Якуба), они отправились к йомутам, проживающим на границе Ак-сарая и Муз-кумгана. Собрав здесь часть пленников и имущества, они (старшины йомутов) вместе с Якуб-мехремом доставили все это в (Хиву). После этого они, в сопровождении Якуб-мехрема, снова отправились в Ильялы, чтобы здесь также собрать имущество и пленных. (Здесь) Мухаммед Якуб-мехрем настойчиво и сурово занялся поисками имущества — скота и пленников среди йомутов. В это время злоба йомут-
72б ских мятежников взяла верх, и они стали уклоняться от выдачи имущества и пленников, начали торговаться и требовать большую сумму за каждого пленного. В конце концов Мухаммед Якуб-мехрем возвратился в сопровождении части йомутский знати в (Хиву) и довел до сведения хана об их претензиях. Дерзкие слова йомутских старшин тяжело подействовали на хана, и он отправил их ни с чем. Они (йомуты), обиженные и опечаленные, вернулись в свои аулы (оба) и, возбужденные огненными словами своих прирожденных злодеев, опять предались мятежным настроениям, и все вместе присоединились к аламанщикам и стали заниматься разбоем
73а и грабежом. Словом, они (йомуты) каждую ночь выезжали группами из своих аулов (оба) на дороги, нападали на проезжих, грабили

их имущество и убивали. Мало того, они нападали на отдельные дома на окраинах селений, захватывали здесь имущество и скот и убивали людей. Положение в таком виде продолжалось с осени до весны.

События четвертого года царствования

Описание событий, случившихся в четвертом году царствования его величества (Сейид Мухаммед Рахим-хана) в год зайца (1283 г. х. — 1866 г.). (В частности) — прибытие в Хиву группы йомутских мятежников, во главе с Ата-векилем и Назар-векилем, которые раскаялись в совершенном ими мятеже, выразили свою покорность и получили от хана прощение и землю для поселения. В четверг 15-го дня месяца зуль-ка'да (1283 г. х. — 21 марта 1866 г.) солнце переместилось из созвездия Рыбы в созвездие Овна, и февраль уступил место марту. Зимняя мрачность сменилась весенней яркостью, наступил новый год, год зайца, соответствующий 1283 г. х. (1866 г.). Первым событием этого года было то, что йомутские вельможи Ата-векиль и Назар-векиль вместе со своими подчиненными отделились от остальных йомутов и явились с поклоном к хану. Подробности этого события таковы: Ата-векиль и Назар-векиль, принадлежавшие к знати йомутов, долгое время вместе с аламанщиками из этого племени занимались грабежом имущества и уводом детей и населения богохранимого государства (Хивы). Своим грабежом и уводом детей они причинили много вреда. Продавая похищенных, они содержали этим свои семейства. Вследствие такого дурного поведения, положение йомутов крайне ухудшилось, потому что хан приказал лишить воды их пашни. Кроме того, они (йомуты) не могли бывать на базарах страны и покупать для себя зерно, одежду и другие необходимые вещи. Таким образом они (йомуты) оказались голодными и раздетыми, а если что и находили, то по необычайно высокой цене, так что некоторые бедные и неимущие из них погибли от жестокости голода (стихи). *73б* *74а*

В это время вельможи отделения орус-кошчи йомутского племени Ата-векиль и Назар-векиль поняли свои ошибки и заметили, что положение (мятежников), вследствие их недобрых поступков, день за днем все более и более ухудшается. Учитывая, что за эти поступки (йомуты) будут наконец наказаны и погибнут в изгнании от голода, Ата-векиль и Назар-векиль раскаялись в совершенных ими преступлениях и со всем своим родом в количестве около трехсот кибиток, ушли от мятежников. Подчиняясь голосу благоразумия, они после этого стали на путь преданности и в день нового года, когда хан справлял новогодний праздник в своем дворце в «саду», в селении Инкарик, прибыли туда и просили у него прощения и земли для постоянного жительства. По своему прирожденному великодушию и снисходительности хан простил их прегрешения и осчастливил их предоставлением земли на границе Наймана, в округе Беш-арыка (стихи). *74б* *75а*

О набеге йомутских мятежников на окрестности Хивы и о поражении, нанесенном им со стороны хивинского войска. Уже в течение некоторого времени йомутские мятежники совершали нападения на дороги, проникая с целью воровства в некоторые поселения и окрестностях Хивы, совершали налеты на дома и захватывали имущество. Хан по своему великодушию и милосердию посылал к невежественным мятежникам советников, делал предостережение и призывал их к покорности. Однако это на них не действовало, и они, продолжая мятеж и насилие, причиняли населению вред
76а и разные обиды. Не довольствуясь даже этими возмутительными действиями, они собрались, наконец, в количестве около тысячи человек конных и в ночь под среду 23-го числа месяца зуль-хиджа 1283 г. х. (28 апреля 1867 г.) отправились в набег. Двигаясь быстро, они прошли мимо селения Зей и на восходе солнца в среду появились в (районе) селений Таш-аяк, Рафенек и Катта-баг в окрестностях города (Хивы). Совершив здесь налет на земледельцев и на сборщиков дров, они забрали у них пять-десять волов и лошадей (ябу).[1] Однако проникнуть внутрь селения они побоялись и поспешно отправились по той же дороге обратно. Достигнув равнины в песках между Корп-кёли (озером) и Таш-аяком, они остановились с тем,
76б чтобы дождаться здесь отставших по негодности своих коней. Тем временем весть об этом событии дошла до хана, вследствие чего он приказал, чтобы его приближенные Мухаммед Мурад-диванбеги, Мухаммед Нияз-диванбеги, Мухаммед Якуб-мехрем и другие военачальники, вместе с находящимся в их подчинении храбрым войском, поспешно отправились для преследования беглецов. Мухаммед Мурад-диванбеги с отрядом войск направился к селению Катта-баг, Мухаммед Нияз-диванбеги с (другим) отрядом отправился к Рафенеку, Мухаммед Якуб-мехрем с группой бойцов поспешно отправился к селению Таш-аяк. Мухаммед Мурад-диванбеги, который с отрядом войск отправился к Катта-багу, после того, как миновал Катартут, заметил, что йомуты стройными рядами стоят у края песков, на юг от озера Корп, в ожидании сбора остальных мятежников. Он (Мухаммед
77а Мурад) приказал своему войску вступить с мятежниками в бой, а сам в сопровождении некоторых своих военачальников двинулся вслед за войсками. Храбрецы (хивинцы), которые давно жаждали битвы, быстро ринулись на ряды мятежников, в свою очередь также выступивших против них. Бойцы каждой стороны вступили между собою в схватку,
77б и бой разгорелся (стихи). Бойцы (хивинцы) показали такое геройство, что поле битвы было наполнено отрубленными головами и трупами мятежников. Мятежники, не будучи в силах устоять против напора храброго
78а войска, искали повод к бегству с поля сражения. Однако, боясь позора, начали маневрировать, то отступая, то наступая. В это время, в стороне от колонны мятежников, из песков неожиданно появился Мухаммед Нияз-диванбеги со своим отрядом войск. Увидев это, мятежники растерялись,

[1] Ябу — собств. рабочая лошадь, кляча.

в испуге расстроили свои ряды и пустились в беспорядочное бегство. Храбрецы (хивинцы), преследуя и догоняя их, убивали (стихи). В это время Мухаммед Якуб-мехрем, который с отрядом войск отправился было через *78б* Таш-аяк по дороге в Зей за поимкой мятежников, узнав об их поражении и бегстве, поспешно направился к мосту у озера Корп по дороге в Зей, имея в виду, что бегущие мятежники должны были проходить через этот мост. Достигнув моста раньше мятежников, мехрем привел войско в боевой *79а* порядок и стал их ждать. Путь в беспорядке отступающим мятежникам был отрезан. Храбрецы (хивинцы) встретили их ружейным огнем, мечами и пиками и достойно их наказали. В результате этого ожесточенного боя из трупов мятежников, поражаемых с двух сторон, образовались целые горы (стихи).

Видя, что их бьют с двух сторон и что путь спасения прегражден, а дру- *79б* гого пути для бегства нет, мятежники поневоле бросились в широкий и глубоководный канал Зейкеш и низовья озера Корп, пытаясь перейти его. Бойцы (хивинцы) преследовали мятежников до самого берега реки, беспощадно избивая их. Многие из мятежников, подобно египетскому войску, потонули в глубокой воде. Некоторые из них, еле живые, переплыли реку и, в полном расстройстве и беспорядке, небольшими группами по пять, *80а* по десять человек, разбрелись в разные стороны, так что они все получили должное наказание за свои преступления. Храбрецы (хивинцы) перешли мост и преследовали мятежников до тех пор, пока те не перешли Зей, перебив и забрав в плен многих из них и завладев их конями, оружием и другим имуществом. Большинство мятежников бежало в пески у низовьев Зей и там погибло от жажды. Некоторые, спасшись бегством, едва добрались до своих аулов. В этой битве погибло более двухсот человек мятежников, не считая пропавших в пустыне и утонувших в воде. Что касается храбрецов (хивинцев), то из них пали лишь три человека, сраженные в пылу битвы пулей, неизвестно — чужой или своей. После того, как победоносное войско покончило с врагом и завладело его имуществом, оно собралось вокруг Мухаммед Мурада-диванбеги и других вельмож, находившихся в это время на краю пустыни. Мухаммед Мурад-диванбеги и все военачальники с победой и торжеством отправились обратно и в тот же день, в обеденное время, прибыли (к хану). Будучи чрезвычайно доволен таким исходом дела, хан осчастливил начальников и войско своими царскими подарками, одевши всех военачальников и вельмож в златотканные одежды. Тем из храбрецов, которые захватили пленных, хан выдал по двадцать *81а* золотых, доставившим головы (врага) по десять золотых. (Кроме того), хан наградил их златотканными одеждами, поясами и ножами, украшенными разноцветными камнями, а также благородными арабскими копями (стихи).

Через шесть дней после этого события, в ночь на воскресенье, наступило новолуние, знаменующее собой начало месяца мухаррема (1284 г. х. — 5 мая 1867 г.).

Одиннадцатого дня этого месяца, в ночь под среду, все аламанщики из йомутов, желая смыть позор, собрались вместе и выступили из
81б своих аулов. Проезжая краем песков, они в среду на заре прибыли к низовью Ак-яба, где захватили две-три лошади (ябу) и рогатый скот (карамал), после чего, боясь проникнуть в населенные места, остановились в нерешительности. Весть об этом дошла до приближенных хана и, на основании его приказа, вельможи и войско, находящиеся при хане, сели на коней и, во главе с Мухаммед Мурадом-дивапбеги, отправились для отражения нападения мятежников. Ловкие и отважные храбрецы, идя впереди и настигнув противника у низовьев Ак-яба, совершили на него смелое нападение. После небольшой стычки (мятежники) начали отступать
82а и, повернув постепенно обратно, потерялись в песках. Победоносное войско отправилось обратно в сторону города (Хивы). В этой битве из врагов погибло три-четыре человека, а из победоносного войска был убит родственник Ата-векиля Херзе-векиль. Хан, по своему великодушию, послал человека для соболезнования (родственникам убитого), а на расходы по похоронам и поминкам выдал большую субсидию, чем обрадовал родственников погибшего.

82б **О назначении (ханом) Мухаммед Якуб-мехрема, Абдулла-мингбаши и Хавз Нияз-мехрема в крепости Ташауз и Ильялы.** После того, как йомутские мятежники, прибыв для совершения налета на окрестности города Хивы, потерпели здесь большое поражение и разбитые отправились обратно, они больше не осмеливались решаться на такую дерзость. Однако вследствие жестокого голода и отсутствия средств к существованию, они стали беспокоить отдельные области, в особенности районы Ташауза и Ильялы. Его величество (хан), терпя их упрямство и дерзость и относясь к ним терпеливо из-за их прежней службы, не принимался окончательно за их уничтожение. Если бы хан пожелал лично выступить против них с войском, то это повлекло бы за собой двоякого рода последствия. Одно из них заключалось бы в том, что если бы это племя, по своей полнейшей невежественности, оказало сопротивление, оно со всеми своими детьми, женами и имуществом оказалось бы растоптанным и уничтоженным многочисленными
83а (хивинскими) войсками; с другой стороны, могло бы случиться так, что они (мятежники), боясь ханского гнева и избегая истребления, могли покинуть родину и уйти в другие страны. Законы возвышенной нравственности и великодушия не допускают, чтобы создалось то или другое из этих положений. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если вдруг случится война, то (весьма) возможно, что некоторые из (ханских) воинов могут получить ранения, что не может быть возмещено истреблением даже ста тысяч мятежников. Дело в том, что его величество хан не может равнодушно относиться к боли, причиняемой кому-либо из его воинов, даже от простого укола иглы. Кроме того, хан считал неприличествующим его достоинству выступать с большим войском против этого племени, как против (серьез-
83б ного) противника. Именно по этим причинам его величество находил не-

уместным выступление против этих мятежников и решил в каждой расположенной вблизи йомутов крепости поставить группу стрелков и войска для охраны имущества и посевов населения и пресечения различных насилий. Это делалось для того, чтобы мятежники, оставшись без хлеба и испытывая бедствия голода, взялись за ум и с раскаянием в своих преступлениях явились к хану просить прощения. Таким образом победа над врагом могла быть достигнута и без войны (стихи). Хан приказал поэтому своим *84а*
надежным людям, чтобы взяли по одному бойцу от каждого десятого дома, а затем, собрав их в отдельные группы, направили бы с отрядом регулярных войск в пограничные крепости. На основании этого приказа, они (войска) выступили в путь, и каждая группа их явилась в крепость, по месту назначения и приступила к охране посевов пограничных жителей. Вследствие того, что Ташауз и Ильялы считались наиболее крупными среди пограничных крепостей и нападения на них со стороны мятежников случались чаще, для их охраны хан назначил Мухаммед Якуба-мехрема, Абдуллу-мингбаши и Хавз Нияз-мехрема с одной пушкой, отрядом войска и группой фальконетчиков. На основании ханского приказа, все назначенные в конце месяца мухаррема того же года (1284 г. х. — июнь 1867 г.) выступили из Хивы. Прибыв в Ташауз, они в течение некоторого времени занимались охраной посевов населения и отражением йомутских мятежников. Мятежники, не имея возможности подойти к Ташаузу, начали совершать нападения на окрестности Ильялы с целью нанесения ущерба посевам жителей. По приказанию хана, Мухаммед Якуб-мехрем, Абдулла-мингбаши и Хавз Нияз-мехрем перешли из Ташауза в Ильялы и энергично стали *84б*
вести войну с мятежниками. *85а*

Прибытие бахшей и прочей знати йомутских мятежников к хану с просьбой о прощении; совершение набега скопищем мятежников на посевы жителей, переселившихся с границы Муз-кумгана и Ак-сарая; геройское сражение Якуб-мехрема с мятежниками. *87а*
Не имея возможности заниматься земледелием и лишившись воды, йомуты очутились в весьма стесненном положении, страдая от голода. На какое бы племя и на какую бы крепость ни пытались они напасть, чтобы добыть себе хлеба, они всюду получали только ружейные и фальконетные пули. В конце концов, совершенно *87б*
растроившись, все они от мала до велика, все добрые и худые, явились к своему бахши и (сказали следующее): — «Вследствие жестокости голода и жажды, наше положение крайне ухудшилось, и на нашу голову выпала тяжелая участь. У нас нет другого выхода, как только явиться к хану с повинной и просить его о прощении и спасении нас от голода и нужды. Мы готовы выполнить все, что он прикажет. Ты (бахши) с несколькими другими старшинами отправляйся туда (в Хиву) и от имени всех нас, от имени великих и малых, заяви о нашем раскаянии в совершенных нами преступлениях и проси нас помиловать. Что бы он (хан) ни приказал нам, мы выполним, что бы ни потребовал он от нас, мы все готовы отдать».

88a Бахши дал следующий ответ: «Еще до этого по вашей просьбе я бывал у хана несколько раз и несколько раз давал ему обещания, что данные им (ханом) вам поручения будут вами выполнены. Но вы не слушали моих слов и не выполняли данных мною обещаний. Теперь мне не поверят, так как я обесчещен. Послушав вас, я в конце концов также стал злодеем. Я стыжусь теперь появиться перед начальниками высочайшего двора. Поэтому вы сами сообразите, как выйти из положения и сами же решите, как вам поступить. А я с вами соглашусь».

После этих слов бахши, все йомуты с плачем стали просить его, чтобы он отправился к хану (Хивы) и просил у него за них прощения, дав хану обещание, что они выполнят все его приказания. Так как они просили весьма
88б настойчиво, бахши вынужден был исполнить их желание. Взяв себе в попутчики около двадцати-тридцати человек почтенных йомутских старшин, он отправился в Хиву. В воскресенье двадцатого дня месяца сафара (1284 г. х. — воскресение 23 июня 1867 г.) бахши прибыл (в Хиву) и через приближенных хана выразил просьбу о прощении их преступлений. Хан по своему великодушию даровал им прощение. Кроме того, он (хан) сказал им: «Если ваши слова искренни, то переселите в качестве заложников несколько ваших семей в город, а затем отправляйтесь обратно и узнайте точно, насколько искренни слова остальных йомутов, и кем они хотят быть— подданными (моими) или врагами. Если они тверды в своем слове и изъявят свою покорность (Хиве), приведите ко мне их знатных и известных старшин, дабы я мог оказать им свою милость и поручить им службу».

89a Они (старшины) с радостью приняли эти слова и повеления хана, после чего некоторые из них остались в городе, а другие отправились в свои аулы (обà) и переселились затем (в город) со своим родом, семьей, женами и детьми. Когда это увидали остальные мятежники, дурные наклонности взяли у них верх, и они, боясь ханского гнева, сговорились между собой, и все вместе решили переселиться в сторону Ильялы. Однако, большинство рода (тирэ) ошак и некоторые из других родов, еще раньше изъявившие свое желание покориться хану, не присоединились (к уходящим). Не желая покидать своей родины, они все поселились в одном месте с тем, чтобы верно служить хану. Все прочие йомутские племена, став союзниками мятежников,
89б переселились в сторону Ильялы. Цели и намерения их (мятежников) заключались в том, чтобы по прибытии в окрестности указанной крепости, захватить здесь силой посевы населения и тем самым насытить свой голодный желудок, а затем попытаться напасть на самую крепость и, если хватит сил, овладеть ею. После этого они предполагали разграбить имущество и посевы местного населения, а затем отправиться в окрестности Кубатага или Юмри-тага, на берегу реки Джейхун (Аму) и, обосновавшись там, заняться набегами и грабежом хивинского населения. Таким путем они думали добиться ослабления могущества и разрушения вековечного (хивин-
90a ского) государства (стихи). Короче говоря, все йомутские мятежники, покинули границы Ак-сарая и Муз-кумгана, являвшихся давнишним

их местопребыванием, и со всем своим населением отправились по направлению к Ильялы. Прибыв в окрестности этой крепости, они, подобно голодной саранче, стали разорять посевы местных жителей. Несколько ранее сюда, по приказанию хана, прибыли вельможи Акым Нияз-аталык, Абд-ур-Рахман-серхенг и Абдулла-мехрем с отрядом войск, группой фальконетчиков с пушкой и в течение уже некоторого времени занимались здесь охраной посевов. Когда здесь появились йомутские мятежники и, расположившись среди пашен, на четверть фарсаха к западу от крепости, стали заниматься разбоем и грабежом, то упомянутые начальники *90б* ежедневно со всей своей конницей выезжали из крепости и упорно бились с мятежниками. Они (хивинцы) каждый день при помощи своих пуль снимали с коней по несколько человек мятежников, а лошадей их забирали себе. Этим путем, по истечении некоторого времени, храбрецы (хивинцы) заставили мятежников держаться в отдалении от посевов. Однако после того, как из окрестностей прибыли и присоединились к (йомутам) аламанщики из других туркменских племен, их скопище до того увеличилось, что уже не поддавалось учету. После этого они (мятежники), выступая еже- *91а* дневно, без всякого страха стали уничтожать окрестные посевы. Военачальники уже не могли выходить из крепости и сражаться с мятежниками, о чем они довели до сведения хана. В это время в окрестностях Ташауза находились Мухаммед Якуб-мехрем, Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем и Абд-ур-Рахман Суфи-топчибаши, которые с отрядом своих войск и группой фальконетчиков охраняли окрестности указанной крепости. Когда весть о положении в Ильялы дошла до слуха хана, вышеупомянутым начальникам приказано было отправиться из Ташауза в Ильялы для отражения мятежников. С получением ханского приказа Мухаммед Якуб- *91б* мехрем, Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем, Абд-ур-Рахман Суфи-топчибаши, вместе с находящимися в их подчинении войском, фальконетчиками и пушками, в конце месяца сафара (1284 г. х. — начало июля 1867 г.), выступили из Ташауза и прибыли в Ильялы. За крепостью Ильялы, в том месте, где раньше находился Куня-баг («старый сад»), они вырыли окопы и расположили в них свое войско. Делая ежедневные вылазки из окопов, они совершали смелые нападения на мятежников и, поражая многих из них ружейным огнем и стрелами, отгоняли таким путем от пашен. Иногда вся конница мятежников, собравшись вместе, подступала к окопам (хивинцев) и вызывала их на бой, издавая боевые крики. В свою очередь храбрецы (хивинцы), выходя из окопов, вступали с ними в бой, и, убивая каждый день по-многу людей, наносили большой урон войску мятежников (стихи). Словом, день за днем сражения усиливались. В такой упорной борьбе прошло известное время. Через некоторое время шпионы-разведчики *92а* доставили сообщение, что все мятежники, собравшись вместе, единогласно решили переселиться (в другое место) со всеми своими женами, детьми и близкими и что с этой целью они на заре должны будут пройти с восточной стороны крепости. Но так как намеченный мятежниками путь лежал *92б*

на четверть фарсаха к северу от окопов победоносного войска, а другим путем они не могли пробиться даже силой, то военачальники, осведомившись о планах мятежников, в ту же ночь созвали совет, на котором было решено преградить (отступающим) путь. Оставив свое лагерное имущество в окопах и захватив с собой пушку, много землекопов и всю конницу, (хивинцы) на заре прибыли туда, где должны были проходить мятежники, и стали рыть здесь окопы с тем, чтобы воспрепятствовать проходу (туркмен) на восток от крепости. Узнав об этом, мятежники собрали всю свою конницу и с шумом и криком стали толпою наступать на победоносное (хивинское) войско. Таким путем мятежники думали вовлечь (хивинцев) в бой и не дать им возможности вырыть окопы на пути следования. Воз-
93а можно даже, что они (мятежники) думали подавить их своей силой. Напав с такими намерениями на победоносное войско, (йомуты) окружили его со всех сторон и стали храбро сражаться. Богатыри из победоносного войска в свою очередь вступили с ними в стычку и дрались, как львы
93б (стихи). Численность войска мятежников была настолько велика, что они заняли всю степь. Победоносное войско было так малочисленно, что со всем своим вооружением и имуществом могло поместиться в земляном укреплении, размером в один тапан. Несмотря, однако, на свою крайнюю малочисленность, они (хивинцы) до полудня оказывали упорное сопротивление многочисленным мятежникам и многих из них перебили. После полудня они (хивинцы)
94а поневоле вынуждены были податься назад и, медленно отступая, приблизились к своим начальникам, находившимся в том месте, где начали рыть окопы. Видя это, мятежники еще с большим усилием и смелостью кинулись на победоносное войско. В это время Абдулла-мингбаши, Хавз Нияз-мехрем и начальник артиллерии (топчибаши) Абд-ур-Рахман Суфи, перебросив быстро вперед фалькопетчиков, артиллеристов и пеших стрелков, приказали им открыть огонь. Сами они (военачальники) так же, не считаясь с опасностью, бросились в бой. В этом бою особенно отличился своей постоянной храбростью Мухаммед Якуб-мехрем (стихи). Видя, что йомутские мятежники дерзостно и бесцеремонно подходят близко к победоносному войску, (Мухаммед Якуб) приказал фальконетчикам и артиллеристам усилить огонь, а сам во главе группы храбрецов с боевыми криками ринулся на поле битвы, мужественно сражаясь до времени намаза «аср» (около 4 часов пополудни) и, перебив многих мятежников, он расстроил их ряды
95б и нанес им поражение. Мятежники, не выдержав его напора, обратились в бегство и, находясь в весьма плачевном состоянии, направились к своему становищу. Победоносное (хивинское) войско и высокие вельможи во главе
96а с Мухаммед Якуб-мехремом остались очень довольны своей победой, доставшейся им по милости всевышнего бога, над столь многочисленным врагом (стихи). В этой битве, закончившейся поражением мятежников, последние потеряли около 60 человек убитыми и больше 60 человек тяжело ранеными. Со стороны победоносного (хивинского) войска погибло лишь три
96б человека и два человека получили ранения, но в скором времени выздо-

ровели. В виду того, что окопы в новом месте, вследствие начавшегося боя, не были вырыты подобающим образом, военачальники нашли, что оставаться здесь на ночь нельзя, и поэтому (войска) вернулись в свои укрепления вблизи крепости Ильялы и провели ночь здесь в своем коше. Мятежники, узнав о том, что они (хивинцы) вернулись на свою прежнюю стоянку, снялись со своими семьями и всеми сородичами и на заре, перейдя на восточную сторону крепости Ильялы, расположились в Кара-Мазу, в двух фарсахах от крепости Ильялы. Эта местность находилась вблизи посевов племени карадашлы. Мухаммед Нияз-ясаулбаши, во главе чоудорского войска, также прибыл туда и присоединился к ним. Что касается Якуб-мехрема, *97а* то он, по совету вельмож и военачальников, оставил, для охраны Ильялы Абд-ур-Рахмана-серхенга и Абдулла-мехрема с находящимися в их ведении пушками, фальконетами и нукерами, а сам вместе с находящимися при нем военачальниками и со всем войском отправился по следам мятежников, скопище которых в это время уже расположилось в Кара-Мазу. Якуб-мехрем вместе со своим победоносным войском, подошел к мятежникам на такое расстояние, что можно было видеть очертания их лагеря. Остановившись на одном месте, он велел вырыть окопы вокруг своего лагеря, и, начав артиллерийский обстрел противника, положил этим начало сражению. На следующий день к Якуб-мехрему явились два человека (из йомутов) и, выразивши свое раскаяние по поводу совершенных ими преступлений, просили его заступничества перед ханом. Они (представители мятежников) сказали, что: «Если вы проявите свое милосердие и дадите нам обещание итти к хану и просить за нас прощения, мы пойдем обратно и приведем к вам всех йомутских старшин. Это является мнением всех йомутских старшин. Однако, пока мы не вернемся сюда, прикажи прекратить бой и стрельбу из пушек».

Якуб-мехрем, приняв их просьбу и дав обещание просить перед ханом о них прощения, отправил их обратно, а храбрым своим войскам приказал прекратить бой. Однако мятежники не вернулись. Якуб-мехрем, воздержавшийся в течение трех дней от битвы, понял, что это было хитростью мятежников, рассчитывавших иметь два-три дня передышки. Поэтому *97б* Якуб-мехрем снова приказал победоносному войску возобновить артиллерийский бой. Кроме того, он каждый вечер вместе с некоторыми бойцами, пользуясь темнотой, подтаскивал пушку ближе к стоянке (оба) мятежни- *98а* ков и при помощи искусных артиллеристов обстреливал неприятельский лагерь, беря прицел на самую середину скопища мятежников. Разрушая таким образом много домов (ўй), убивая и калеча многих людей, он наводил панику и ужас в стане мятежников, (особенно) среди женщин и детей. А затем, пока мятежники приходили в себя, бойцы (хивинцы) быстро откатывали пушку обратно к своим окопам. Словом, в течение некоторого времени битва продолжалась днем и ночью, день ото дня усиливаясь. В силу счастья и могущества его величества, победоносное (хивинское) войско от этих боев не понесло большого ущерба. Зато из мятежников ежедневно *98б*

погибало много людей и многие получали ранения. В конце концов мятежники вынуждены были оставить Кара-Мазу и переселиться к пашням племени карадашлы, с тем, чтобы уничтожить их посевы, а затем, разграбив их имущество и забрав их жен и детей, добраться до берега реки. (Увидев это), люди из племени карадашлы бросили свои посевы, и собравшись в двух местах, окружили себя окопами, а Хаким Нияз-аталык и Махмуд Нияз-ясаулбаши занялись их охраной. Мухаммед Якуб-мехрем, выйдя из своих окопов и преследуя мятежников, прибыл в Кара-Мазу и, вырыв здесь окопы, расположил в них свой лагерь. Мятежники стали совершать нападения то на окопы Мухаммед Якуб-мехрема, то на окопы Хаким Нияз-аталыка и Махмуд Нияза-ясаулбаши, ведя упорные бои. Однажды вечером все конные и пешие мятежники подошли к окопам Хаким-аталыка и со всех сторон с боевыми криками бросились на укрепления. Перейдя в некоторых местах окопы, они своими шашками и пиками стали наносить удары защитникам. Близок был момент, когда мятежники должны были овладеть окопами. Однако в этот момент Хаким Нияз-аталык и Махмуд Нияз-ясаулбаши пустили в ход пушки и фальконеты и оказали (йомутам) геройское сопротивление. С помощью покоряющей силы его величества
99б (хана), они многих из мятежников уничтожили, многих ранили и отогнали подальше от окопов. Такие упорные бои повторялись по несколько раз в день. Мятежники продолжали совершать нападения на окопы Хаким Нияз-аталыка, Махмуд Нияза-ясаулбаши и племени карадашлы. Цель (мятежников) заключалась в том, чтобы захватить окопы и пробить дорогу себе к берегу реки, так как окопы были вырыты на пути мятежников и препятствовали их переходу.

О прибытии по ханскому приказу Мухаммед Нияза-диванбеги к племени карадашлы для оказания помощи победоносному войску и о его сражении с йомутскими мятежниками. В виду того, что войско мятежников, вследствие своей многочисленности, все больше и больше брало верх, а победоносное
100а (хивинское) войско, в виду своей малочисленности, стало ослабевать, военачальники, сговорившись между собою, отправили к хану письмо, где сообщали о своем (затруднительном) положении. Когда весть об этом событии была доведена до хана, он, по совету своего дяди — принца (шахзаде) Сейид Махмуда, решил послать на помощь войскам храброго Мухам-
100б мед Нияза-диванбеги с одной пушкой, группой фальконетчиков и отрядом войск. Упомянутый Мухаммед Нияз-диванбеги, на основании ханского приказа, в понедельник 20-го числа месяца раби I 1284 г. х. (22 июля 1867 г.) вместе с вверенным ему войском и артиллерией отправился в путь. Через три дня он прибыл к месту расположения племени карадашлы и остановился на одном удобном месте, на расстоянии около половины фарсаха на восток от окопов Хаким Нияз-аталыка и Махмуд Нияз-ясаулбаши и на четверть фарсаха от становища (оба) мятежников. Расположившись здесь, он велел вырыть окопы с тем, чтобы препятствовать движению мятежников и не давать им возможности подойти к берегу реки

Таким образом мятежники, блуждая в этой местности и перенося мучения *101а*
голода и жажды, вынуждены были раскаяться в своих делах и явиться
с покорностью (к хану). Однако они, вскоре заметив появление Мухаммед
Нияза-диванбеги с его войском и увидев сооружение окопов, преграждающих
им путь, всем скопищем выехали со своей стоянки и с шумом и криком
подступили к окопам. Выстроившись в боевой порядок, они стали гарце-
вать перед окопами и несколько раз подходили близко к линии рва. Тем
временем Мухаммед Нияз-диванбеги в свою очередь выставил храбрецов
на линию рва и, заняв крепкую позицию в одном подходящем месте, при-
казал победоносному войску вступить с мятежниками в бой, а артилле-
ристам — открыть огонь по противнику. Храбрецы (хивинцы) тот же час
вступили в бой с мятежниками, а ловкие артиллеристы засыпали врагов *102а*
ядрами, наводя на них ужас. Словом, в этот день произошел настолько
сильный бой, что земля и небо пришли в изумление (стихи). В этот день
мятежники, в силу своей многочисленности, вот-вот должны были победить
победоносное (хивинское) войско. Однако, благодаря энергии Мухаммед
Нияза-диванбеги, они все же были разбиты победоносным войском и про-
гнаны к своему становищу (оба). Мечом богатырей (хивинцев) и огнем их *102б*
пушек и фальконетов в этом бою было убито и ранено много мятежников.
Со стороны же победоносного войска только три-четыре человека получили
легкие раны, а остальные не понесли никакого ущерба. На следующий день *103а*
мятежники, придя снова все скопом в полном боевом порядке, стали еще
упорнее сражаться с победоносным войском, но после долгой битвы потер-
пели поражение и вынуждены были отступить к своему лагерю. Словом,
они (йомуты) каждый день завязывали бой (с хивинцами), нападая
то на окопы Якуб-мехрема, то на окопы Хаким Нияз-аталыка и Махмуд
Нияз-ясаулбаши, то на окопы Мухаммед Нияза-диванбеги. Но так как
в это время наступила сильная жара, и от ее действия стали погибать дети *103б*
и жены мятежников, изнуренных к тому же еще голодом, они (йомуты),
чтобы пробить себе дорогу к берегу реки, продолжали совершать нападения
на упомянутые окопы. Ведя день ото дня сильные бои и самоотверженно
сражаясь, они (йомуты) стали одерживать победу над победоносным (хивин-
ским) войском.

Об отправлении Мухаммед Мурада-диванбеги для истребления мятежников, его прибытии в Кенегес и устройстве им здесь укреплений, а также о прибытии Мухаммед Якуб-мехрема из Кара-Мазу, присоединении его (к Мухаммед Мурад-диванбеги) и поражении мятежников. После того, как мятежники, желая пробиться к реке, стали нападать на победоносное (хивинское) войско и, благодаря своей многочисленности, начали брать верх, (хивинские) военачальники вынуждены были отправить хану письмо с сообщением о создавшемся положении. Когда это обстоятельство стало известно хану, он повелел лучшему из храбрых своих приближенных Мухаммед Мураду-диванбеги отправиться для наказания мятежников совместно с вельможами Кара-бехадыр-мирабом, Муса-мутевеллием,

Худай-берген-шигаулом, с одной пушкой, отрядом войск из узбеков и двумястами всадников из йомутов, во главе с Ата-векилем, чтобы преградить путь мятежникам, не давать им возможности пройти к реке и нанести им
104б поражение. Когда последовал этот ханский приказ, Мухаммед Мурад-диванбеги привел в порядок походное снаряжение и в сопровождении вверенных ему военачальников и войска в четверг в конце месяца раби I (1284 г. х. — конец июля 1867 г.) выступил в путь. Достигнув Шах-абада,
105а он здесь остановился. На следующий день, двинувшись снова в путь, он прибыл в Ташауз и, рано утром, в понедельник второго дня месяца раби II (1284 г. х. — 3 августа 1867 г.), выйдя из Ташауза, достиг Кенегеса, через который мятежники должны были пройти к берегу реки. Расположившись здесь, он (Мухаммед Мурад) распорядился вырыть вокруг лагеря прочные окопы, а пушку приказал установить на подходящем месте на краю рва, после чего занялся приготовлениями к бою. На второй день после этого мятежники подошли к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги и стали упорно сражаться. Защитники окопов, не имея силы выйти из окопов и принять бой, стали обстреливать мятежников из пушки. Мухаммед Мурад-диванбеги, находясь в своих окопах, услышал гул орудия и понял, что произошло (новое) нападение мятежников. Поэтому он тотчас же отправился вместе с подчиненными ему йомутскими, тазе-конгратскими и узбекскими войсками для отражения мятежников.

105б Что касается тазе-конгратов, то да будет известно, что их называют также кара-йылгунлы. Что касается происхождения этого племени, то оно берет свое начало от детей рабынь, которые еще в древние времена были освобождены от цепей йомутского рабства. Дети (этих) освобожденных пленниц, умножившись в своем числе, оставались среди йомутов и так же, как последние, занимались земледелием и скотоводством. Впоследствии они также стали сильными и зажиточными. Их ловкие и храбрые молодцы, обнаружив желание и склонность к военному делу и обучившись владеть оружием и лошадью, под руководством остальных йомутских войск и вместе с ними верно и преданно служили бывшим падишахам. Однако йомуты во всяком деле считали себя выше их и питали к ним пренебрежение. Не будучи в силах перенести такой обиды и издевательства, все тазе-конграты вместе явились к покойному
106а Алла-кули Мухаммед-хану и, плача, рассказали ему о своем тягостном положении. Хан посочувствовал их горю и поручил одному из своих людей взять их всех из среды йомутов и переселить в отведенном им районе, в местности, называемой Кара-йылгун. Обосновавшись на этом месте, они стали свободно заниматься земледелием и другими своими делами и вести спокойную и благополучную жизнь. Каждая из этих групп носила имя того отделения йомутского племени, которым она была освобождена от рабства. Оказывая им свою царскую милость, покойный хан (Алла-кули) назначил к ним, с согласия йомутского племени, векиля, бахши, бека и сердара, избранных из их же среды. (Кроме того), хан назначил

к ним одного начальника из среды своих приближенных, а племени этому дал название — «тазе-конграт». Однако, вследствие того, что они жили в Кара-йылгуне, из называют также кара-йылгунлы. Впоследствии это племя обитало в окрестностях Куба-тага. Некоторые из этого племени *106б* поддались мятежному настроению и оказались в рядах йомутских мятежников, а другие, живущие у подножия Куба-тага, были покорны (Хиве). Всадники этого племени находились на службе у Мухаммед Мурада-диванбеги, который вышел вместе с ними из своих окопов и отправился для отражения мятежников. Подходя к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги, он заметил, что мятежники окружили окопы и ведут горячий бой (с хивинцами). Поэтому он приказал своим храбрецам напасть на мятежников со всех сторон и нанести им поражение, что и было исполнено. Мятежники обратились в бегство и направились к своему становищу. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги победоносно вернулся в свои окопы. На следующий день мятежники опять подошли всем скопом к окопам Мухаммед Нияза-диванбеги и завязали бой. Сражаясь отважно, мятежники после упорного боя поставили защитников окопов в очень затруднительное положение. В это время один из защитников окопов, мерген, по имени Катенкли-берды, явился в окопы Мухаммед Мурад-диванбеги, рассказал о происшедшем и сообщил о том, что мятежники в большом количестве подошли на очень близкое расстояние и что мы-де не имеем возможности выйти из окопов и вступить с ними в бой. Услышав это, Мухаммед Мурад-диванбеги отправил Ата-векиля и Нефес-сердара вместе с отрядом войск на помощь защитникам окопов. Когда (посланные) прибыли к окопам и вступили в бой с мятежниками, последние расстроились и в беспорядке обратились в бегство, уйдя на свои становища. В этом бою Нефес-сердар получил рану. Здесь же была ранена лошадь Ораз Мухаммед-бехадыра и еще три- *107б* четыре лошади. Со стороны мятежников было пять человек убитых и шесть раненых. Разбив мятежников, посланные войска вернулись обратно на службу к Мухаммед Мураду-диванбеги. После этого военные действия продолжались в таком же духе еще некоторое время. Ежедневно мятежники теряли убитыми пять-шесть человек и пять-десять лошадей. Что касается победоносного (хивинского) войска и его лошадей, то из них, по милости божьей, никому не было нанесено вреда. Впоследствии, когда (хивинское) войско окружило мятежников со всех сторон, оно не давало им возможности выходить для сбора дров и корма для лошадей. От жары и голода *108а* дети и женщины (йомутов) стали болеть и умирать. Чтобы выйти из такого затруднительного положения, они (йомуты) решили перейти на южную сторону канала Шах-абада, а затем вместе с тазе-конгратскими мятежниками добраться до (племени) имрели около Куба-тага. Что касается музкумганских йомутов, то они решили явиться с повинной к хану.

С этим решением они снялись с территории племени карадашлы, где находилась их стоянка, и отправились к Шах-абаду. Прибыв на равнину (яска) на берегу Шах-абадского канала, носившую название Ике-табан,

они расположились здесь. Однако, впоследствии, мятежники, благодаря своим дурным склонностям, изменили свое решение и не перешли через канал. Затем имрели, тазе-конграты и другие мятежники, сговорившись между собой, решили не отпускать муз-кумганских йомутов. Зная, что за ними много преступлений и думая поэтому, что если они даже подчинятся хану, то все равно погибнут от меча возмездия или будут вынуждены
108б обратиться в бродяг, лишенных родины, они решили со всеми своими семействами и имуществом пойти на окопы Мухаммед Мурада-диванбеги и биться с ним до тех пор, пока хватит силы, с тем, чтобы или всем умереть здесь в бою, или же, победив, перейти к реке. С таким решением они на заре снялись и со всем своим имуществом и народом толпою направились к окопам Мухаммед Мурада-диванбеги. В полдень охрана окопов сообщила, что мятежники всем своим скопищем (оба) идут по направлению к крепости Аман-хана. Эта крепость была покинута [туркменом из племени карадашлы]
109а по имени Аман-хан. Расположена она была приблизительно в полуфарсахе к западу от укрепления Мухаммед Мурад-диванбеги. Услышав это тревожное известие, Мухаммед Мурад-диванбеги из предосторожности сказал находящимся при нем вельможам и военачальникам, что Мухаммед-Якуб-мехрему в данный момент нет смысла оставаться в Кара-Мазу с пушкой и войском и что лучше было бы, если бы он тоже перебрался сюда, ибо тогда мы могли бы объединенными силами выступить против мятежников. После этого он (Мухаммед Мурад-диванбеги), по совету всех вельмож, послал туда конных чоудоров с тем, чтобы они, сняв Мухаммед-Якуб-мехрема с его войском и пушкой из Кара-Мазу, поспешно доставили бы в окопы. Затем (диванбеги) во главе победоносного (хивинского) войска оставил окопы и, прибыв на близкое расстояние к крепости Аман-хана, заметил, что мятежники, подойдя к ее стенам, стали здесь располагаться. Он (диванбеги) тотчас же велел своему отряду вырыть тут же, где они
109б стояли, окопы. Своих верных слуг Худай-бергена-шигаула и Юсуф-бая он назначил для форсирования работы по рытью окопов, которые должны были послужить препятствием на пути мятежников и не давать им возможности пройти здесь. Остальных военачальников и войско он направил в бой с мятежниками. Затем он приказал храброму Ниязу-мирзабаши отправиться вместе с Ата-векилем и его конницей к мятежникам и вступить с ними в бой и не дать им возможности пройти мимо (окопов), пока они не будут вырыты. Прибыв на место, Нияз-мирзабаши и Ата-векиль заметили, что мятежники намереваются пройти через канал, расположенный в западной части крепости Аман-хана и принадлежащий племени карадашлы. С этой целью они вышли с западной стороны крепости и направились к одной из равнин (яска). (Хивинцы) тотчас же направились по восточной стороне канала, заняли проход на эту равнину и не давали возможности мятежникам перейти через канал. Мятежники поневоле вынуждены были расположиться на западной стороне канала. После этого они со всеми своими
110а конными и пешими бойцами подошли к равнине и стали обстреливать

(хивинцев) из ружей. Богатыри (хивинцы) в свою очередь встретили их ружейным огнем и пиками. После долгой битвы одна из стрел мятежников попала в храброго ошака Артык-бахши из йомутов, который свалился с лошади. Тем временем мятежники, подняв крики и шум и отчаянно сражаясь, подошли к краю равнины. Победоносное (хивинское) войско, по своей малочисленности, вынуждено было немного податься назад. Отойдя на один танап назад, оно остановилось и привело свои ряды в порядок. Тем временем мятежники, перейдя через равнину, подняли труп упомянутого бахши. Тазе-конгратское войско, которое находилось позади победоносных (хивинских) сил, без всякой причины расстроилось и отступило туда, где диванбеги (Нияз Мурад) рыл окопы. В это время у богатырей (хивинцев) кончились пули и порох. Смелый Нияз-мирзабаши стремительно выскочил из окопов и направился к диванбеги (Нияз Мураду). *1106*
Здесь он нагрузил на лошадь (ябу) пули и порох и поспешно доставил их (войску). В это время в лошадь, на которую были погружены пули и порох, попала пуля мятежников. Богатыри (хивинцы), поделив между собой пули и порох, опять вернулись на поле битвы, и бой стал еще горячее. Бойцы с обеих сторон бились с такой отвагой, какой не встречалось даже во времена Рустема (стихи). Бой затянулся, и ни той ни другой стороне *111a*
не доставалась победа. Мухаммед Мурад-диванбеги, который отличался храбростью и энергией, то показывался на своем боевом участке, воодушевляя бойцов, то подходил к отряду, занятому рытьем окопов и своими приятными словами вселял ему силу для скорейшего завершения работы. Словом, сильный бой продолжался далеко за полдень. Во второй половине дня у тазе-конгратских молодцов, находившихся среди богатырей (хивинцев), обнаружилось сочувствие к «туркменству» (туркменлик): они стали колебаться, сражались вяло и даже хотели расстроить ряды и обратиться *111б*
в бегство. Вследствие этого силы победоносного (хивинского) войска стали ослабевать, а мятежники дрались все смелее и смелее, и близок был момент, когда, казалось, они вот-вот нанесут поражение победоносному (хивинскому) войску. Однако в это время подоспел Мухаммед Якуб-мехрем с находившимся в его подчинении войском и артиллерией. Отдав приказ о непрерывном обстреле из пушки рядов мятежников, он навел ужас на врага (стихи). До предвечерней молитвы (намаз-и-аср) продолжался упорный бой. Из мятежников погибло много людей и многие были ранены. В конце концов мятежники ослабели и, постепенно отступая, вошли в свой стан. Мухаммед Якуб-мехрем вместе с победоносным войском также вернулся *112a*
к Мухаммед Мураду-диванбеги, который был занят рытьем окопов. Он (Мухаммед Мурад-диванбеги) продолжал рытье окопов до вечерней молитвы (намаз-и-шам), затем оставил в них Мухаммед Якуб-мехрема со всем его войском и артиллерией, а сам вернулся в свои окопы. В тот же вечер, через три часа после захода солнца, мятежники, узнав о том, что рытье упомянутых окопов еще не закончено и что данный момент является удобным для того, чтобы захватить окопы, двинулись к окопам и издалека

стали кричать и шуметь. Защитники окопов, беспрерывно обстреливая мятежников из пушек, не подпускали их близко к себе. Мухаммед Якуб-мехрем послал человека к диванбеги (Мухаммед Мураду), чтобы объяснить смысл события, и просил передать, чтобы он (диванбеги), услышав гул
1126 пушек, не беспокоился бы, так как мятежники никакого вреда и затруднения создать не могут. Диванбеги, услышав эту весть, успокоился. Хотя мятежники сражались до полуночи, (однако каждый раз), подвергшись пушечному обстрелу со стороны окопов, теряли много людей убитыми и ранеными, вследствие чего они после полуночи вернулись в свой стан. Защитники окопов также успокоились. На заре в окопы Мухаммед Якуб-мехрема прибыл Мухаммед Мурад-диванбеги с находящимся при нем победоносным войском и приказал своим богатырям вступить с мятежниками в бой. Сам он (диванбеги) до позднего вечера руководил работой по рытью окопов, которые еще не были закончены. (Теперь) он их закончил и укрепил. В тот день произошел опять сильный бой; из войска мятежников погибло от пуль пять-десять человек и лошадей. После вечерней молитвы диванбеги опять оставил Якуб-мехрема в тех окопах, а сам отправился к своим укреплениям. На следующий день он (диванбеги) опять прибыл к окопам
113а Якуб-мехрема и, желая вступить с мятежниками в схватку, направился со своими войсками в сторону их скопища. Когда они (диванбеги и его войско) приблизились к каналу карадашлинцев, мятежники также вышли из своей стоянки (оба) и, перейдя на восточную сторону упомянутого канала, выстроились в боевой порядок. Победоносное войско в свою очередь заняло позицию против врага и привело себя в боевую готовность. Бойцы с обеих сторон кинулись друг на друга, и произошел сильный бой. Из мятежников погибло несколько человек, а со стороны (хивинцев) убитых не оказалось. Таким образом, Мухаммед Мурад-диванбеги каждый день выступал из своих окопов и каждый день в этой же самой местности сражался. По истечении некоторого времени мятежники несколько ослабели и больше не осмеливались подходить на расстояние фальконетного выстрела. После этого диванбеги (Мухаммед Мурад) и Якуб-мехрем выставили пушки из окопов и, заняв место в одной части поля, приказали войску вступить
113б с мятежниками в бой. Сами же направили свои пушки в середину скопища мятежников и начали их обстреливать. Ядра перелетали через головы конных и попадали в место расположения мятежников, разрушая многие дома (юрты) и уничтожая людей. Мятежники впали в панику и всем своим скопом — конные и пешие — бросились на арену битвы. Еще до перехода их через канал, диванбеги и Якуб-мехрем из предосторожности вернули пушки в окопы, а сами на конях дрались до позднего вечера. Когда стемнело, бойцы обеих сторон прекратили сражение и направились к своим стоянкам.
114а На следующий день Мухаммед Мурад-диванбеги опять прибыл в окопы Якуб-мехрема и велел всему отряду воздвигнуть искусственное возвышение (серкуб), втащить на него пушки и, наведя их на скопище мятежников, подвергнуть его обстрелу. Поэтому все войско направилось к тому месту

откуда накануне стреляли из пушек. Там находилось какое-то старое строение.[1] Бойцы натаскали на верх этого строения много бревен, прутьев и земли, благодаря чему образовалось большое возвышение, с вершины которого наблюдатель мог видеть все, что делалось в стане мятежников. Во время этих работ к победоносному войску по берегу канала подошел человек по имени Назар-бай, принадлежавший к числу тазе-конгратских мятежников, находившихся среди йомутов. (Назар-бай) кричал: — «Не стреляйте в меня, я пришел для переговоров с вами от большого племени».

Здесь находились: богатырь Нияз-мирзабаши, Ата-векиль и Назар-векиль — из йомутов, а также Караджа-мехрем и много тазе-конгратов. Тазе-конграты ответили, что они не подойдут к нему (Назар-баю) близко и не будут говорить, ибо «о них может сложиться плохое мнение». После этого мирзабаши и Назар-векиль подошли к нему (Назар-баю) на близкое расстояние и перевели его через канал, затем, пройдя около только что воздвигнутого серкуба, привели его в окопы к Мухаммед Мураду-диванбеги и Якуб-мехрему. Они спросили его о цели прихода. Тот ответил (следующее): «Все йомуты раскаиваются в своих преступлениях и изъявляют свою покорность, но их старшины боятся подойти к (вашим) окопам. Если вы их простите, они готовы исполнять все то, что вы прикажете, (так как) сражаться никто больше не может. Однако мы (иногда), в силу необходимости, бываем вынуждены выходить из своего стана за дровами и кормом для животных, а так как ваше войско этому препятствует, то поневоле происходят столкновения. Сделайте милость и простите всех йомутов. Если же нельзя этого сделать, то простите меня и разрешите мне перейти к вам со своим народом, насчитывающим тысячу кибиток».

Мухаммед Мурад-диванбеги сказал ему, что каждый человек, который *115а*
изъявит свою покорность и придет сюда, может не опасаться какого-либо ущерба и беспокойства и даже наоборот — ему будут оказаны снисхождение и (всякая) милость. Каждый, кто пожелает притти, пусть приходит без опасения. Сказав это, он отпустил его обратно. После этого они подняли пушки на сделанную возвышенность и, направив их в сторону мятежников, начали их обстреливать. Продолжая обстрел до полуденного времени, они уничтожили большинство юрт мятежников и навели на них сильный страх. Наконец мятежники, крайне стесненные артиллерийской стрельбой, решили, что, вместо того, чтобы им умирать от снарядов, лучше умереть от меча в открытом бою. Поэтому они со всей своей конницей и пешими выступили из своего стана и стали против победоносного войска, находив-
шегося на берегу канала. Из предосторожности Мухаммед Мурад-диванбеги *115б*
вместе с Якуб-мехремом вернули пушки в окопы, а сами до позднего вечера упорно бились, воодушевляя бойцов. Вечером (диванбеги) вернулся к окопам и предался покою. На следующий день они (хивинцы) узнали, что мятеж-

[1] В тексте «там» — строение, стена.

ники решили бросить свои тяжелые и громоздкие вещи и уйти к Кубатагу, наметив себе путь между окопами Мухаммед Нияз-диванбеги и Якубмехрема, отделенными друг от друга расстоянием в полуфарсаха. Между упомянутыми двумя окопами жил в маленькой крепостце с 30—40 домами некий человек по прозвищу Бенги из племени карадашлы. Начальники нашли необходимым из предосторожности соорудить укрепления (сенгир) вокруг крепости Бенги и поставить в них одну пушку с отрядом войск, образовав таким образом четыре ряда укреплений. После этих (мероприятий) пути мятежников закроются полностью и у них никакого другого исхода, кроме как обратное возвращение на территорию карадашлы, не будет, и таким образом они будут заперты в тех местах, где находятся в данное время. Такое решение казалось приемлемым Мухаммед Мурад-диванбеги, и он послал людей к Мухаммед Ниязу-диванбеги, Махмуд Ниязу-ясаулбаши и Хаким Нияз-аталыку с приказом отправиться в крепость (Бенги), вырыть вокруг нее окопы, соорудить укрепления и оставаться там до окончания работ. Получив это распоряжение, упомянутые военачальники отправились в крепость Бенги и почти до вечера рыли окопы. После намаза «аср» еще до окончания рытья окопов Махмуд Нияз-ясаулбаши и Мухаммед Нияз-диванбеги вернулись в свои укрепления, а Хаким Нияз-аталык с незначительной конницей остался в крепости Бенги. В тот же день йомутские мятежники, узнав о том, что в крепости Бенги роются окопы, решили еще до завершения этих работ напасть (на хивинцев)
1166 и разгромить их лагерь. Поэтому во время намаза «шам» Мурад-казы, который в мятежных замыслах считается более упорным, чем остальные, во главе многочисленных пеших и конных йомутов напал на Хаким-аталыка, занятого рытьем окопов и убил несколько человек из числа работающих. Видя это, Хаким Нияз-аталык быстро перебрался в крепость Бенги и приказал фальконетчикам и карадашлинцам обстреливать мятежников из фальконетов и ружей. Своей стрельбой фальконетчики не допускали близко мятежников, а тех, которые подходили ближе, убивали (стихи). Словом, до сумерек битва продолжалась в таком же порядке. Наконец, в Мурад-казы попала пуля, тяжело ранила его, а из людей его погибло десять человек. После этого мятежники расстроились и в беспорядке отступили к своей стоянке. Защитники крепости (хивинцы) также имели возможность отдохнуть. В ту же ночь, во время намаза «хуфтан», весть о нападении мятежников на Хаким Нияз-аталыка и об отступлении последнего в крепость Бенги дошла до (слуха) Мухаммед Мурад-диванбеги. Когда (диванбеги) об этом услышал, он очень расстроился и сожалел, что Махмуд Нияз-ясаулбаши и Мухаммед Нияз-диванбеги ушли (из окопов), оставив одного Хаким Нияз-аталыка. Считая, однако нецелесообразным отправляться в окоп
1176 самому, он послал туда Ата-векпля с группой бойцов с тем, чтобы они разузнали о происшедшем между Хаким Нияз-аталыком и мятежниками и сообщили бы ему. Им было поручено также оказать помощь (осажденным в крепости). В ожидании их сообщения диванбеги не мог заснуть и сидел

в раздумье и печали (стихи). На заре прибыли шейх Шукур-берды, Анд-Суфи, гёклен, и Адина Мухаммед, кучик, которые подробно сообщили Мухаммед Мураду-диванбеги о происшедшем бое и о том, что мятежники, ничего не будучи в состоянии сделать, отступили разбитыми. Услыша эту весть, он (диванбеги) выдал им подарки, а сам довольный и радостный предался покою. На заре он отправился к Хаким Нияз-аталыку и, разбудив людей, велел возобновить рытье окопов. В то время погода была такая жаркая, что все сгорало от солнечных лучей. Не выдержав жары, диванбеги слез с лошади и, сев в тени лафета, послал нескольких лиц для ускорения рытья окопов. Мухаммед Нияз-ясаулбаши также прибыл из своих окопов к диванбеги и оказал помощь в работе. Мятежники держались на далеком расстоянии и близко к ним не подходили. После этого Мухаммед Мурад-диванбеги оставил здесь Мухаммед Нияза-диванбеги и Мухаммед Нияза-ясаулбаши, а Хаким Нияз-аталыка отправил в их окопы. Затем *118б* назначив в каждое укрепление стрелков (мерген) и фальконетчиков, сам вернулся через укрепления Якуб-мехрема к себе. Когда было сооружено рядом четыре укрепления (крепких) как стена Александра (Македонского), храбрецы (хивинцы) смело выходили из них и вступали с мятежниками в бой. Оказавшись в безвыходном положении, мятежники стали с плачем издали просить о прощении и заверяли хивинцев в том, что они готовы выполнить с преданностью все, что им прикажут. (Однако хивинцы) не обращали внимания на их слова и день за днем все усиливали свой напор на мятежников. Каждый день из мятежников погибало 10—15 человек и 10—15 коней. Что же касается победоносного войска, то оно не понесло никакого ущерба. Бой с каждым днем усиливался и был доведен наконец (хивинцами) до такой степени, что превзошел все рассказы о подвигах Рустема.[1] *119а*

Когда (хивинцы) узнали, что некоторые лица из племени чоудоров тайно *119б* привозили и продавали мятежникам зерно, они им запретили это, благодаря чему мятежники подверглись мучениям голода. Кроме того, победоносное войско, преследуя мятежников со всех сторон, стало истреблять тех из них, которые выходили за топливом и зерном. Таким образом мятежники, неся сотни и тысячи жертв, не могли получить ни топлива ни хлеба. В довершение ко всему жара день за днем все усиливалась и в конце концов совершенно обессилила мятежников. Путь спасения был прегражден им со всех сторон и надежда на жизнь потеряна. Им ничего не оставалось, кроме раскаяния и изъявления покорности перед военачальниками. Наконец Сары-сердар и Клыч-оглы в сопровождении нескольких лиц из йомутов *120а* подошли к краю окопов Мухаммед Нияза-диванбеги и, остановившись на далеком расстоянии, стали кричать, чтобы к ним подошел чоудор ходжа Мухаммед-юзбаши, через которого они желают передать несколько слов. Мухаммед Нияз-диванбеги послал ходжу Мухаммеда-юзбаши вместе

[1] Дальше автор говорит, что для подробного описания всех событий, какие произошли в этот промежуток времени, потребовалось бы очень много писцов и очень много времени, поэтому он описал лишь те из них, которые ему были под силу.

с Пена-кулем-юзбаши узнать и сообщить ему о их намерении. Когда посланные подошли к мятежникам, те обратились к ходже Мухаммеду-юзбаши и, плача, стали говорить ему, что так как он сам происходит из туркменского народа, то пусть он сжалится над ними и заступится за них и что они готовы принять все, что им прикажут. Если разрешат нам притти (говорили они), то мы сами придем и расскажем о своем положении и желании. Ходжа Мухаммед-юзбаши и Пена-куль вернулись к Мухаммед Ниязу-диванбеги и рассказали ему то, что слышали от мятежников. После этого Мухаммед
120б Нияз-диванбеги отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги и сообщил ему о слышанном. Мухаммед Мурад-диванбеги сказал, — что если они сейчас придут, то пусть идут и расскажут все, что они желают рассказать. Затем Мухаммед Мурад-диванбеги вернулся в свои окопы. На следующий день Сары-сердар в сопровождении имрели Актиш-бехадыра опять прибыл в окопы Мухаммед Нияза-диванбеги, который, выслушав его, отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги и рассказал о слышанном. Диванбеги сказал: «Пошлите человека и сообщите, чтобы они пришли сюда. Посмотрим, что за люди и что они хотят». Ясаулбаши сразу же послал человека, который и привел Сары-сердара и Актиша. Мухаммед Мурад-диванбеги спросил о цели их прихода. Мятежники после выражения своей покорности сказали, что они действительно поняли ошибочность своих поступков и пришли с искренним раскаянием в своих преступлениях.
121а «Если теперь вы простите наши прегрешения, — сказали они, — то мы готовы принять и выполнить все ваши пожелания. Подобно тому, как все йомуты, оставшись на границе Муз-кумгана приняли ваше подданство, вернули всех пленных, которые находились у них, заплатили по 12 тилля с каждого дома и выдали лиц, затребованных вами в виде заложников, мы со своей стороны сделаем то же самое, что и они, и даже больше, на сколько позволят наши силы».

Когда они закончили свою речь, диванбеги, обратившись к Сары-сердару, сказал:

«Если вы дадите заложников, то выдайте из окӯзского рода (тирэ) Мехди-сердара; из салаков заложите себя или одного из своих братьев; из ошаков — Асгар-бехадыра и Мулла Атабая. Кроме того, выдайте из каждого рода (уруг) известных и знатных людей, подобных этим; из имре-
121б линцев переселите с семьями людей, вроде Карлы-куля и Нур Мухаммед-кули. После этого, согласно повелению хана, мы дадим вам ответ. Муз-кумганские йомуты должны отправиться в Муз-кумган, имрелинцы в Ильялы, а кара-йылгунлы в Куба-таг; ни один человек из кара-йылгунлы не должен итти в Ильялы или в Муз-кумган и, наоборот, никто из муз-кумганских йомутов не должен итти в Ильялы или к Куба-тагу и, наконец, никто из имрели не должен итти в Куба-таг или в Муз-кумган».

Сары-сердар, выражая свою покорность и от души принимая эти слова, сказал: «Мы также имеем к вам одну просьбу, которая заключается в том, чтобы вы не брали в свой многолюдный лагерь семейства заложников,

а отпустили бы их пока на свои кочевья и взяли бы потом (когда все успокоится»).

Диванбеги принял их просьбу и сказал: «Если так, то приведите их самих и пусть они идут с нами вместе в город (Хиву), а семейства свои они могут переселить с их кочевий уже после». Сары-сердар, тронутый такой любез- *122а*
ностью, еще раз выразил свою покорность и отправился обратно. На следующий день он прислал салака Яхши Мухаммед Пехлевана и своего младшего брата Менгли-Али-сердара, через которых просил, чтобы этой ночью дали им возможность устроить совещание со старшинами с тем, чтобы на следующее утро они могли явиться с остальными заложниками. Он просил также, не совершать на них до утра набега. Диванбеги согласился и запретил людям совершать набеги. Когда прошла эта ночь, на утро пришло сообщение, что скопище мятежников расстроилось, и каждый человек, каждое племя, заботясь лишь о себе, готовится к бегству. Подробности этого события заключаются в следующем: вернувшись от Мухаммед Мурада-диванбеги, Сары-сердар передал слова (хивинцев) о том, что после выдачи заложников каждому племени будет разрешено отправиться на свои места. Турк- *122б*
мены, которые с некоторого времени находились, подобно узникам, в крайне горестном и тяжелом положении, как только услышали эти слова, сочли их за милость и воскликнули: «Если у них желание получить заложников, то мы все являемся заложниками. Но, чтобы собрать и выдать заложников, нам пришлось бы находиться здесь еще три-четыре дня, между тем как мы ни одного часа не в силах здесь оставаться. (Ведь) мы столько времени боялись за свою голову, не имели возможности итти на свои места, терпя здесь столько мучений». Сказав это, они еще ночью же покинули свой лагерь, и каждое племя пошло в разные стороны.

Ата Мурад-хан, являвшийся одним из наиболее злых и жестоких мятежников, уже в течение нескольких лет живший с группой бунтовщиков в Кызылджа-кала, на восток от Эренг-кыра, незадолго перед этим прибыл *123а*
с двумястами пеших стрелков на помощь мятежникам и вошел в их скопище. (Теперь) он забрал с собой около двухсот семейств самых злостных мятежников и, заставив их следовать за собой, бежал с ними по направлению к крепости Кызылджа. Муз-кумганские йомуты, желая попасть в Муз-кумган, отправились по направлению к Кара-Мазу; племя имрели, желая попасть в Ильялы, также направилось в сторону Кара-Мазу, и, наконец, тазе-конграты, желая итти в Куба-таг, пошли в сторону окопов Мухаммед Мурада-диванбеги. На заре об этом узнал Мухаммед Якуб-мехрем и в сопровождении Юсуф-бая отправился к скопищу йомутов. Прибыв туда, он заметил, что каждый (из мятежников) спешит в путь, заботясь лишь о себе, и каждое племя в панике идет в разные стороны. Пробыв здесь немного, Мухаммед Якуб-мехрем отправился в обратный путь. В это время Мухаммед Мурад-диванбеги также ехал к скопищу йомутов. Приближаясь к каналу кара- *123б*
дашлы он встретился с Якуб-мехремом, который доложил диванбеги, что итти к стоянке мятежников не-зачем и что лучше отправиться отсюда

обратно в окопы и обсудить там положение этого превратившегося в скитальцев (туркменского) народа. Если вы не вернетесь и останетесь здесь, то (возможно, что) некоторые из окружающих вас войск выйдут из повиновения и займутся грабежом и расхищением имущества йомутов и пленением их жен и детей. Диванбеги нашел эти слова благоразумными и вернулся обратно в окопы Якуб-мехрема. Событие это случилось в понедельник 18-го дня месяца раби II (1284 г. х. — понедельник 19 августа 1867 г.). В тот же день Мухаммед Мурад-диванбеги послал Юсуф-бая (в Хиву) для сообщения об этом радостном событии. В этот момент воры и разбойники из среды (хивинского) войска безрассудно стали грабить и расхищать имущество и добро переселяющихся мятежников. Услышав об этом, Мухаммед Мурад-диванбеги приказал Пехлаван Ниязу-мирзабаши отправиться к стоянке йомутов с тем, чтобы оставаться там до выхода племени карайлгунлы и не давать войску заниматься грабежом и (о происходящем)
124а сообщать ему. Он спешно сообщил также в укрепления Мухаммед Ниязадиванбеги и Хаким Нияз-аталыка, чтобы те не выпускали войско из укрепления, чтобы не препятствовать переселению йомутского и имрелинского народов. В тот же день во время позднего завтрака Пехлаван Ниязмирзабаши, узнав о переселении кара-йылгунлы, помог им переправиться через канал Санаб-ярмыш в сторону Куба-тага, а потом вернулся обратно. В тот же день после обеда йомут Сары-сердар явился к Мухаммед Мурад-диванбеги и просил отправить Якуб-мехрема в Кара-Мазу, чтобы узнать о положении йомутских переселенцев. «В противном случае, сказал он, на них нападет войско и разграбит их имущество и скот». Диванбеги удовлетворил его просьбу и отправил вместе с ним Якуб-мехрема. Последний, после того как прибыл в Кара-Мазу к йомутским переселенцам и ознакомился с их положением, стал переправлять их в Кара-Мазу на южную сторону Шах-абадского канала. Затем он забрал йомутских и имрелинских
124б заложников, во главе с Билимом и Адина Алп-ханом, и отправил их к диванбеги. На следующий день Мухаммед Нияз-диванбеги послал к Мухаммед Мураду-диванбеги человека сказать, что если он (диванбеги) найдет благоразумным, то мы снарядим группу конных для преследования Ата Мурад-хана. Диванбеги Мухаммед Мурад ответил: «Если найдутся люди, желающие преследовать Ата Мурада, то пусть идут, но чтобы они не трогали йомутов и имрели, находящихся в Кара-Мазу». Таким образом Мухаммед Нияз-диванбеги назначил группу молодцов из чоудоров, карадашлы и из узбеков для преследования Ата-Мурада, но догнать его не могли. Однако они настигли мятежников, идущих за ним и, забрав более двухсот человек (пленных) и много разного добра, вернулись обратно.

125а В тот же день некоторые из непокорных (хивинских) отрядов (аламан) напали на йомутов и имрели в Кара-Мазу, несмотря на то, что среди них находился сам Якуб-мехрем. Подойдя с разных сторон, они напали (на йомутов) и стали убивать и грабить их. (Затем), забрав награбленное добро и скот, они удалились. В этот день из Кара-Мазу прибыл Сары-сердар и, плача,

рассказал Мухаммед Мураду-диванбеги о насилии войска над их переселенцами. Он (Сары-сердар) сказал, что если-де не пошлете человека и не воспрепятствуете этому, то оно (войско) захватит всех наших жен и детей в плен и разграбит все наше имущество. Мухаммед Мурад-диванбеги присоединил к Сары-сердару Пехлеван Нияза-мирзабаши, сказав ему следующее: «Иди к Мухаммед Ниязу-диванбеги и к Хаким Нияз-аталыку и скажи им, чтобы они не выпускали из окопов войско, а взятых пленных, имущество и скот пусть доставят в окопы с тем, чтобы потом их вернуть обратно. Мирзабаши вместе с Сары-сердаром явились в окопы Мухаммед Нияза-диванбеги и увидели, что Мухаммед Якуб-мехрем, вернувшийся (в это время) из Кара-Мазу, в плохом настроении сидит в коше своего брата Мухаммед Нияза-ясаулбаши. Когда мирзабаши осведомился у него о положении дел, Якуб-мехрем ответил, что он был послан господином диванбеги для охраны перекочевки (көч) йомутов и имрели и для поддержания связи (с диванбеги). (Однако в это время) прибыло множество аламанов, которые убили много людей и, ограбив переселенцев, удалились. Если господин диванбеги не окажет препятствия такого рода набегам и будет позволять войскам итти за мной и совершать набеги, то от моего пребывания среди переселенцев никакой пользы не будет. Мирзабаши сказал, что господин диванбеги об этом ничего не знал, а впоследствии, когда ему стало известно об этом, послал меня в окопы доложить о том, чтобы вы не разрешали отрядам учинять беспорядки. После этого сообщения мирзабаши войску было запрещено всякое насилие над переселенцами. Затем Якуб-мехрем снова прибыл к переселенцам в Кара-Мазу. Мирзабаши вернулся к Мухаммед Мураду-диванбеги и доложил о положении дел. Диванбеги, проявляя великодушие, отнял у некоторых аламанов награбленное ими имущество *126a* и вернул его владельцам. Однако много вещей было спрятано, а многое разошлось в разные стороны. Таким образом большинство йомутского и имрелинского племен лишилось своего скота и имущества и оказалось в состоянии бедности и нищеты. Якуб-мехрем в течение трех дней находился в Кара-Мазу, занимаясь здесь переправой йомутов через Шахабадский канал и отправкой их в Муз-кумган. Абдулла-мехрема, который был временным правителем крепости Ильялы, он оставил для сопровождения племени имрели на свои места и для окончательного устройства их дел, а сам, забрав всех йомутских и имрелинских заложников, а также оставленную в крепости Ильялы пушку, отряд фалькопетчиков и Абд-ур-Рахман-серхенга, прибыл в укрепления (сенгир) Хаким Нияз-аталыка. Пушку и отряд, находившиеся здесь, он также забрал с собой. После этого он при- *126б* был в укрепления Мухаммед Нияза-диванбеги, откуда также забрал (войска и артиллерию), а затем явился к себе, снял поставленную здесь пушку и фальконеты, после чего отправился к Мухаммед Мураду-диванбеги. Здесь собрались все военачальники и войска. После того, как Мухаммед Мурад-диванбеги привел в порядок дела йомутов, имрели, кара-йылгунлы и прочих туркменских племен, он в четверг 21-го дня месяца раби II в год

зайца, соответствующий 1284 г. х., (22 августа 1867 г.) в сопровождении всех вельмож и военачальников победоносно прибыл в Ташауз, где и расположился на ночлег. (Отсюда) послали к хану тридцать человек конных во главе с Рахман-бергеном-эшик-агасы, Атеш-баба-эшик-агасы и йомутом Назар-векилем для извещения о своем возвращении. После восхода солнца детей заложников, явившихся вместе со своими семействами, посадили
127a на подводы и выступили из Ташауза в путь. К вечеру остановились в Кошкопрукеː На утро, в субботу 3-го дня упомянутого месяца, он (Мухаммед Мурад-диванбеги) устроил великое пиршество; вельмож, военачальников и храбрецов он одел в златотканные одежды, а также велел устроить скачки. Владельцу коня, опередившего остальных, он подарил несметное количество серебра и золота. После этого они отправились в сторону города (Хивы) и в полдень торжественно въехали в столицу. Все вельможи, военачальники и предводители явились к хану и были им награждены (стихи).[1]

[1] Дальше речь идет о назначении и приеме послов, а также о торжестве и поздравлениях по случаю победы над туркменами и т. п. В дальнейшей части сочинения, заканчивающегося на изложении событий 1289—1872 гг., упоминаний о туркменах не встречается.

У К А З А Т Е Л И

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН [1]

Аба (Аба-бек, Айя), охлу 36, 60, 61, 63, 67, 69, 70, 71
Аба-бек, см. Аба
Айя, см. Аба
Абариш, пендерак 248
Аббас, основ. Аббас. дин., 150, 164
Аббас I, сефевид 8, 10, 11, 12, 35, 65, 84, 88, 90, 93, 95, 100, 103, 109, 114, 124, 235, 258, 280, 311, 325, 327
Аббас II (Сам-мирза), сефевид 12, 13
Аббас-аталык, узбек 339
Аббас-бай из Кара-яба, туркмен 309
Аббас-бек, афг. военач. 426
Аббас-кули, вестовой 292
Аббас-кули-хан, мирпандж, джеханбеглю (дерегезский, дереджеский) 244, 246—250, 254, 295
Аббас-кули-хан дерегезский, см. Аббас-кули-хан, джеханбеглю
Аббас-кули-хан дереджеский, см. Аббас-кули-хан, джеханбеглю
Аббас-мирза (Наиб-ус-Салтанэ, Баба-хан) 18, 216, 220, 226, 227—230, 295, 306, 379, 383, 459, 460—464
Аббас-хан, каджар, беглербеги Астрабада 234
Аббас-хан, теке 265
Абд-ал-Азиз, см. Абдул-Азиз-султан
Абдалла-паша, багдадский везир 209
Абдаль Керим-хан, араб 220
Абдаль-Суюн-бехадыр, см. Суюн-бехадыр, Абдаль
Абдаль Туган Нияз-бехадыр 398
Абдаль-хан, кераили 113
Абдаль-ходжа мутевелли 347
Абдаль-ходжа Бек-абадский 382, 383.
Абд-ар-Реззак ибн Неджеф-кули (Неджеф кули Абд-ар-Реззак, историк 17, 18, 36, 124, 205, 208, 210, 211, 223
Абдул-Азиз-султан (хан) 59, 60, 65, 66, 109, 110
Абдул-Азиз-хан, см. Абдул-Азиз, султан
Абдул-Азиз-хан 14, 327, 330
Абдул-Вахид-ишан, эрсари 421
Абдул-Гафар-бек, салак 425
Абдул-Гафур 388
Абдул-Джаббар-бек 342
Абдул-Кадыр-бай 339
Абдул-Латиф-султан 59
Абдул Насир-мингбаши, мулла 411
Абдул-Халык, мирза 370
Абдуль Азиз-хан, хезаре 269, 482
Абдуль-Джафар-хан, джемшид 482
Абдуль-Керим Бухарский, см. Абдуль-Керим, мир Бухарский
Абдуль-Керим, мир Бухарский (Abdoul Kerim Boukhary, mir) 16, 166, 194, 206, 334, 346
Абдуль-Керим, ходжа кашмирский (Abdul-Kurrem, Khojeh) 150, 158, 159, 162
Абдуль-Мумин Каши, узбек 584
Абдуль-Мумин-хан узбекский 75—87, 90—92, 101
Абдулла, узбек 545
Абдулла-беглербеги, см. Абдулла-хан, джемшид
Абдулла-бек, бух. посланник 356
Абдулла-бек, узбек 364
Абдулла-бек, джемшид, см. Абдулла-хан джемшид
Абдулла-бек, ишикагасы-баши 163
Абдулла-дадха 371
Абдулла-инак 379, 387, 555
Абдулла-ишан 552
Абдулла-кушбеги 513
Абдулла Мервский, ходжа 51
Абдулла мехрем (даруга) 264, 545
Абдулла-мехрем, узбек 621, 623, 637
Абдулла-мингбаши, узбек 599, 618, 619, 621, 622
Абдулла-сердар, узбек 362, 364, 366, 367, 376
Абдулла-серхенг, узбек 599
Абдулла-хан, афшар 241, 242
Абдулла-хан, бухарский 30, 64, 65, 76—78, 80—82, 86—88, 90, 92, 95, 101, 110, 125, 258, 425, 438, 591
Абдулла-хан, двоюр. брат Мухаммед Эмина 260, 265, 266
Абдулла-хан (бек), (Абдулла-хан-беглербеги) джемшид 483, 496, 524, 526, 527, 535, 544
Абдулла-хан-беглербеги, см. Абдулла-хан, джемшид
Абдулла-хан хивинский (Сейид Абдулла Мухаммед бехадыр-хан) 545, 546, 549, 551—553, 558, 562—564, 566, 575
Абдуллах кокандский, казий 294
Абдулла-ясаулбаши 474, 475, 477, 482, 486, 488, 489, 492, 493
Абдулла-юзбаши, узбек 540
Абд ур-Расуль-бек 201
Абд-ур-Рахим-арбаб 342
Абд-ур-Рахим-бек, туркмен 352

[1] Указатели собственных имен, географических и племенных названий составлены С. М. Богдановой-Березовской.

Абд-ур-Рахим-бек, узбек 561, 567
Абд-ур-Рахим-мехтер, узбек 335, 336, 337, 338, 339, 343, 350
Абд-ур-Рахман-бай 342, 348
Абд-ур-Рахман-арбаб 342, 343
Абд-ур-Рахман, иранский наместник в Мерве 249
Абд-ур-Рахман, серхенг, узбек 553
Абд-ур-Рахман-бек, парваначи, узбек 177
Абд-ур-Рахман-бек, узбек 559, 560, 567
Абд-ур-Рахман-ишан, см. Абд-ур-Рахман-хан, халифэ
Абд-ур-Рахман-мехрем 493
Абд-ур-Рахман-паша, правит. Бамиана 209, 210
Абд-ур-Рахман-серхенг, хив. воен. 600, 621, 623, 637
Абд-ур-Рахман Суфи-топчибаши 611, 613, 621, 622
Абд-ур-Рахман-хан, халифе (Абд-ур-Рахман-ишан), туркмен 236, 441—445, 447, 470, 515—517, 520, 530, 531
Абд-ур-Рахман-юзбаши 435, 473, 477
Абд-ур-Реззак-хан, 313
Абдушукур-аталык, уйсун 365, 366, 369
Абду-с-Самад-кази, эрсари 421
Абд-ус-Самад-хан 315
Абду-с-Саттар-бай 335, 337, 338, 339
Абидин-мехрем 484
Абулгази, см. Абулгази-хан I
Абулгази-султан, см. Абулгази-хан I
Абулгази-хан I, хивинский (Абульгази-бахадур-хан, Aboul-Ghasi Behadour Khan, Абулгази-султан) 23, 24, 30—35, 59—60, 62, 63, 65, 67, 69, 80, 87, 88, 102—106, 323—332, 337, 372, 587
Абулгази-хан II, хивинский (Абуль-Мухаммед-султан) 168—171, 177, 181, 334, 335, 348
Абул-Касим Фендерески, мир (Мир-и-Фендерески) 211
Абул-Хайр-хан, правит. казахов 146, 147, 181, 334, 335, 336, 340, 343
Абуль-Касим-бахши 57
Абуль-Мухаммед, см. Абулгази-хан II
Абуль-Мухаммед-султан, см. Абулгази-хан II
Абуль-Мухаммед-хан, сын Дин-Мухаммед-хана 66, 73, 75, 77, 79, 103
Абуль-Мухаммед-хан, сын Ильбарса II 147, 148, 149
Абуль-Мухсин-мирза, тимурид 39, 40—42, 52, 53
Абу-ль-Фазл-и-Серахси, шейх 295
Абуль-Фатх-хан 272, 277
Абуль-Фейз-хан бухарский 138, 139, 141, 144, 145, 163, 171, 183, 189, 195, 196, 201, 206
Абуль-хан 64
Абу Муслим-хан, чавушлю 77, 79
Абу-Наср, кази 195
Абу-Саид хан 92
Абу-Талиб-хан 11
Авадже-онбеги, баяндыр 393, 395
Аваз-дадха, туркм. предв. 189
Аваз Мухаммед, историк 357
Аваир Нияз-мехрем 542
Аванеш-хан, хив. 65, 75, 103
Ага-Али, пишхидмат 320
Ага Мир Кефшгер, даруга (Мир Кефшгер, Ходжа Мир) 45, 46
Ага Мухаммед-сердар 273, 274
Ага Мухаммед-Хусейн, см. Мухаммед Хусейн Яхши
Ага Мухаммед-шах, каджар 45, 206, 214, 302, 314
Ага Мухсин, шейх-уль-ислам 215
Ага Нияз-бек, сарык 445
Ага Нияз-парваначи, сарык 505
Ага Риза 320
Агасы-хан хурский 254
Ага Хаджи-хан 402
Агехи (Огехи, Мухаммед Риза), историк 23—28, 35, 37, 250, 251, 294, 295, 309, 323, 325, 328, 331, 334, 354, 357, 370, 383, 403, 420, 427, 477, 479, 500, 562, 593, 594, 598, 611
Адам-бехадыр 376
Ади-векиль, имрели 417, 431, 434, 444, 447, 450, 451, 459, 466
Адиль-бек, узбек 336, 340, 364
Адиль-султан 343, 351
Адиль-шах 196
Адина, таджик 448
Адина Али-хан, йомут 598, 636
Адина-бай (бий) аталык 472, 484—486, 488, 489, 498.
Адина берды-бий, салыр 371
Алина Клыч-хан, кучик 248
Адина-Кули-бек, туркмен. предв. 189
Адина-Кули-бехадыр 139
Адина Курт-хан, салыр 229, 431, 430, 460
Адина, кыпчак 447
Адина Мухаммед-аталык, узбек 331
Адина Мухаммед, кучик 633
Адина Мухаммед-мираб, узбек 23
Адина Назар-хан, джафарбай 248
Адина Нияз-инак 481
Адина-хан 313, 315—317
Адина Хасан-хан, татар 215
Адина Хусейн-хан, баяндыр 394
Адин-Кули Кёр, кариме 364
Адун-ата, тюркский шейх 285
Азиз-ага (Али-бахадур), шахский курчи 51
Али-бахадур, см. Азиз-ага
Азиз-кули, узбек 179
Азиз-кули-бек, афшар 137, 138
Азиз-кули-диванбеги 489
Азиз-хан, сердар 313
Азим Ишан-бий, казах 593
Аид-Суфи, гёклен 633
Аим-бек, теке 405, 406, 414, 447
Айдак-юзбаши 492
Ай-догды-бек, сарык 383
Ай-догды-хан, гёклен 311
Айдост-бий, кара-калпак 559
Ай-ходжа 208, 209, 210
Айчувак-тёре, казах 340
Ака Зейн-уль-Абидин 165
Ака Хусейн 165
Акбар-юзбаши 584
Акиш-султан, узбек 59, 60

Ак Мухаммед-суфи Аксак, йомут 357, 358, 367
Ак Мухаммед, текинский сердар 277, 279
Ак Мухаммед-хан, гöклен 311
Аксаков, З. 4, 477, 500, 611
Актай-султан 324
Актиш-бехадыр, имрели 445, 634
Акым, Нияз-аталык 621
Акым-хан, хивинский 343, 351
Акы Палван, икдыр 597
Алак Кöр 408
Алаш-бек, узбек 376, 386, 399, 400
Алаш-бий, узбек 390—392, 398—401, 404, 406, 412, 413, 444, 449, 450, 451, 453, 479, 527
Александр Македонский (Искандер) 21, 55, 56, 116, 153, 164, 290, 294, 431, 526, 581, 633
Али, халиф 265, 290
Али Асгар, хаджи 231
Али-бай, туркмен 286
Али-бай, чоудор 334
Али-бек 161
Али Дост-бек 168
Али-ибн-Муса-ар-Риза, см. Риза, имам
Али-кули 302
Али-кули-бек, сарулилю 134
Али-кули-бехадыр-хан, йомут 191
Али-кули, йомут 175
Али-кули-хан, афшар, мирпандж 248, 249, 252, 262, 271, 307
Али-кули-хан, плем. Надира 140, 143, 149, 150, 171, 172, 176, 177, 179—181, 192, 334, 335.
Али, кипчак 181
Али Мердан-бек 212
Али Мердан-хан 137, 138, 139
Али-Мердан-шигаул, уйгур 423
Али Мердан-юзбаши, 481
Али Мирза Мухаммед, военный везир 256
Али Мурад-хан, Кылиджи 218, 221
Али Мурад-хан, афшар 221, 222
Али Мухаммед-бек 182
Али Назар-бек, имрели 417
Али Накы, мирза 303
Али Накы-(хан)-бек 156, 183
Али Накы-хан, мирза фендерескский 210, 211
Али Рамитани бухарский, ходжа (Ходжа-и-азизан) 294
Али-сердар, имрели 447
Али-султан, узбек 59, 61—66, 69—73
Али-султан Таты-оглы, зулькадар 61, 70
Али Тагы ибн Исмаил (Хаким-уль-Мамалик) 8, 20, 21
Али-хан, мир, см. Хасан Али-хан хафский
Али-хан, мирза 320
Али-хан, пишхидмат 319, 320
Али-хан, правитель Сеистана 249
Али-хан, кераили 86, 87
Алиханов, см. Алиханов Аварский
Алиханов-Аварский, М. 224, 479—483
Али-шах, сарык 441
Али-Шир, эмир см. Мир-Али-Шир
Али-Яр-бек, имрели, см. Али Яр-хан, эймур
Али Яр-хан (бек), эймур 34, 88—90, 95
Али Яр-хан, кераили 105, 106
Алла берды-аталык 467, 557
Алла-берды-бий, кыпчак 376
Алла-берды-бек, йомут 342
Алла-берды, кара-талканлю 393
Алла-берды, сарык 441
Алла-берды, уйдачи, узбек 350
Алла-берды-хан 385
Алла-берды-ходжа, узбек 383
Алла берды-юзбаши, узбек 455
Алла-верды-хан, иранск. военач. 90.
Алла-верды-хан, правит. Фарса, карахлю 177, 178, 180
Алла-кули-векиль, имрели 575
Алла-кули, конграт 343
Алла-кул, см. Алла-кули Мухаммед-бехадыр-хан
Алла-кули Мухаммед-бехадыр-хан, хив. (Алла-кул, Алла-кули-тöре) 25, 222, 224—226, 235, 236, 238, 239, 259, 295, 309, 383, 400, 403, 410, 427, 434, 440, 441, 443, 475, 477—479, 481, 486, 487, 510, 557, 559, 563, 564, 626
Алла-кули-тöре, см. Алла-кули Мухаммед-бехадыр-хан
Алла-кули-хан-тöре, см. Алла-кули Мухаммед-бехадыр-хан
Алла-кули-юзбаши 264
Алла-кули, казий 353
Алла Назар-бай, узбек 357
Алла Назар-бехадыр, Бычкы, ходжа-эли 356
Алла Назар Бычкы, узбек 376
Алла Назар-хан 304
Аллаяр-аталык, см. Аллаяр-бек, узбек
Аллаяр-бек (аталык, хан), узбек 527, 529, 531—534
Аллаяр-хан, см. Аллаяр-бек, узбек
Аллаяр-хан Асаф (Асаф-уд-довле), см. Аллаяр-хан каджар
Аллаяр-хан, каджар (Асаф, Асаф-уд-довле) 213, 216, 231, 235, 236, 238, 240, 470, 471, 484
Аллаяр-хан, губернатор Дерегеза 311
Аллаяр-хан, джемшид 272
Аман-бай, теке 447
Аман-бай-юзбаши 400
Аман-гельды-хан, кучик 590
Аман Девлет-бай, теке 383, 391, 392
Аман-кули-бий, кара-калпак 364
Аман Нияз, туркмен 268, 270
Аман Сад-сердар, туркмен 270
Аман-хан, карадашлу 628
Аманулла-хан, афшар 214
Аман Ферраш, теке 518
Аман-халифе 523
Амр Гейб-бек 61
Анна-берды-бек 342
Анна-берды, салыр 341
Ануша-хан ургенчский 14, 23, 32, 35, 166, 329, 330
Ануширван-хан 310, 311, 318, 320, 321, 322
Араб-бай, ишикагасы, сарык 189
Араб, катаган 52
Араб Мухаммед-султан, см. Араб Мухаммед-хан

Араб Мухаммед-хан (султан) хивинский 31, 82, 86, 87, 88, 90, 91, 101, 102, 181, 258, 325, 326, 331
Араб-сердар, имрели 411, 417, 434, 447, 450, 451
Араб-хан, см. Араб Мухаммед-хан
Араб-ходжа 347
Аргун-мирза 222
Ардашир-мирза, шахзаде 230, 231, 237, 238, 239
Аренде, А. К. 4, 52
Ариф-бей 17
Арслан-хан, эмир (Аслан-хан) 240, 241, 243
Артамонов, Л. 53, 55, 105, 132, 211, 216, 224, 225, 228, 232, 235, 247, 256, 266, 267, 269, 305, 311
Артук-бий 597, 605, 606
Артук-инак 147—149, 160, 167—171, 177, 181, 334, 335, 348
Артык-бахши, йомут 365
Артык-бахши, ошак 629
Асад-паша 209
Асаф, см. Аллаяр-хан, каджар
Асаф-уд-довле, см. Аллаяр-хан, каджар
Асгар-бехадыр, ошак 634
Асиф 407, 543
Асиф-уд-довлэ, везир Лакнахура 225
Асиф-уд-довле 290
Аскер-хан, афшар 248
Аслан-хан, правит. Фераха 115
Астана-кули, джизакский хаким 490
Ата-векиль, йомут 615, 618, 626—628, 631, 632
Атаджан-бек 417, 418
Атаджан-мирахур, калмык 418
Атаджан-юзбаши, кыпчак 500, 508
Ата Мурад-кушбеги 466, 467, 469, 473, 475, 477, 478, 485, 486, 509
Ата Мурад-хан, йомут 558, 559, 574, 577, 579, 584, 585, 596, 635, 636
Ата Мухаммед-онбеги, йомут 376
Ата Назар, мутевалли 515
Ата Нияз-бай, топчи-баши 538, 539
Ата Нияз-бек, сипахдар 423
Ата Нияз-мерген 396, 398, 399, 402, 433
Ата Нияз-мехрем 280, 282, 287, 289, 294
Ата Нияз Очакчи, йомут 365
Ата Нияз-хан, имрели 466, 575
Ата-хан хивинский 81
Ата-хан, туркмен 304
Ата Юсуф 377
Ат Кырак, салыр 341
Ат Кыран-бехадыр, салыр 352
Атлы-бай, ошак 589, 590
Атэш Мухаммед-юзбаши 390
Афзалюлла, мирза, везир-и-низам 252, 259, 260, 265, 306, 307
Афросияб, легенд. царь 171, 341, 352, 394
Ахмед Али-мирза 224, 225, 226
Ахмед аль-Гаффари, историк 11
Ахмед-бек, узбек 451, 469
Ахмед-бек, йомут 191
Ахмед-бек Кая-оглы, эмир 62, 63
Ахмед-бек Суфи-оглы 57
Ахмед, джелаир 353
Ахмед Замчи 480
Ахмед-ишан, см. Мухаммед-ишан
Ахмед-султан, даруга, узбек 47, 48
Ахмед-султан, джемшид 482
Ахмед-султан узбекский 91
Ахмед-султан, чегени 104, 110
Ахмед Талкани, шейх 470, 471
Ахмед-хан Абдали, см. Ахмед-шах Дурранн
Ахмед-хан, мир 262
Ахмед-хан, мир, см. Ахмед-хан, эмир, джемшид
Ахмед-хан, эмир, джемшид, см. Мухаммед-хан, мир.
Ахмед-хан Дуррани Афганский (Ахмед-хан Абдали) 22, 195, 209, 336
Ахмед, шейх 256
Ашур-бек, папалю 126, 127, 135
Ашур, теке 448
Ашур-хан, чегени 104, 109

Баба, йомут 485
Баба Али-бек, афшар 151
Баба Али-бек Кусе, ахмедлю 118
Баба, араб 392
Баба-аталык, мангыт 357
Баба-бай, теке 440, 448
Баба-бай, узбек 426
Баба-бахши, йомут 563, 575, 578
Баба-бек, конграт 540, 582, 584
Баба-бек, салыр 177
Баба-бек, узбек 351, 352, 353, 359
Баба-бек, туркмен 310
Баба-бек-аталык, найман 428
Баба-даруга, кыпчак 352, 362, 365, 366
Баба-диван, узбек 400
Бабаджан-инак, узбек 490
Бабаджан, эмир 53
Бабаджан-султан (Баба-султан, Баба-хан), узбек 82, 86—88
Баба Ильяс, баят 79
Баба-инак, узбек 451, 467, 506
Баба-Кесранги, сокты 447
Баба-Кёр, оғуз 589, 590
Баба-кутваль, конграт 364
Баба-мехрем, узбек 519, 520
Баба-минбаши, узбек 583
Баба Назар-токсаба 371
Баба Нияз-аталык, узбек 541
Баба Ноуруз 47
Баба-онбеги, теке 405
Баба-Сары, теке 445
Баба-хан, см. Бабаджан-султан
Баба-хан, см. Аббас-мирза
Баба-хан, ир. военач. 255
Баба-хан, хезаре 269
Баба-ходжа-реис 348
Баба-чал-аталык 353
Баба-шейх, меджеур 459, 462
Бабур (Захир-уд-дин-Мухаммед) 9, 33, 41, 47, 52, 54, 357
Багы-бек (беглербеги), сарык 549, 551, 552, 553, 555, 565
Багы-бек (бехадыр), йомут 397, 411, 434
Багыр-хан, 272
Бадаль-диванбеги 353
Бадаль-юзбаши 398, 423

Бадинджан-султан, румлю 55
Базинер 487
Байли-бехадыр, узбек 385
Байли-юзбаши, чоудор 398, 417, 420, 450
Бай-Назар-бий, конграт 364
Байрам Али-бай, теке 391
Байрам Али-бек (Байрам-бек), мингбаши 156, 185, 187, 188
Байрам Али-бий, см. Байрам Али-хан, каджар
Байрам Али-сердар, йомут 563
Байрам Али-султан, баят, см. Байрам Али-хан, баят
Байрам Али-хан (султан), баят 104, 130
Байрам Али-хан иззуддинлю, каджар 194—198, 200, 201, 206
Байрам-бек, караманлю 57
Байрам-бек, мингбаши, см. Байрам Али-бек, мингбаши
Байрам Яглы, йомут 484
Байсункар, мирза, тимурид 53
Бай-хан, гёклен 211
Бака-султан, туркмен 189
Бакы-ходжа, ишан 352
Бакыр-хан бугаири 131
Баладжан-бек 399
Балашова, Г. Н. 4
Балту Нияз-кази 378
Балы-мехрем 229
Балыш-сердар, гёклен 467
Барак-султан, султан Средней орды 335
Барак-хан, правит. Ташкента 59, 68
Барат, афшар 120
Бармак-бий, казах 340
Бартольд, В. В. 5, 14, 26—28, 31—34, 38—42, 44, 48, 53, 57, 63, 65, 69, 86, 88, 92, 107, 108, 110, 114, 119, 129, 130, 134, 136, 138, 188, 228, 294, 324, 325, 329, 334, 341, 346, 356, 364, 375, 403, 552, 564, 578, 580, 588, 591, 593, 609
Бархурдар-бек 97
Баслу-хан, чингизид 191
Батый (Саин), хан 45, 367
Баумгартен 44
Бахадур-хан дереджеский, правитель Мерва 250—252, 254, 268, 272, 306
Бахрам-мирза 66
Баязид (Бистамский) 234
Баязид, султан, берлас 54
Баят (внук Огуз-хана) 78
Beveridge, A. S. 578
Бегендж-бек, теке, см. Бекендж-сердар, теке.
Бегендж-сердар (бек), теке 403, 447
Беглербеги-хан, чаушлю, см. Беглер-хан, чапушлю
Беглер-хан, чапушлю (Беглербеги-хан, чаушлю) 213, 214, 220, 224, 383—387, 404, 407
Беденг Нур-ходжа, сарык, байрач 441, 447
Бедиль-мирза, правит. Мерва 201
Беди-уз-Заман-мирза, правит. Гургана 227
Беди-уз-Заман-мирза, тимурид 40—45, 47, 53, 54
Бедр-хан, афшар 95
Бедр-хан, устаджлю 62, 63, 70, 71, 72
Бек Али-мираб 400, 401, 412
Бек Балта-мираб, нукуз 381, 382
Бекджан, см. Шах Мурад Бухарский
Бекджан-бек, узбек 550
Бекджан-диванбеги 264
Бекджан, сердар 264
Бекджан-мехрем 288
Бек-дурды-бехадыр, теке 157
Бекендж Али-бек, йомут 172, 173, 178
Бекендж, мулла, теке 438
Бекеш-халифе 435, 448, 459, 499, 504, 507, 508, 512, 520, 522—527
Бекеш-хан, устаджлю 103
Бекинджан-бек, узбек 498
Бекинджан-инак, узбек 587
Беки-юзбаши, узбек 436, 455, 464, 466, 470, 471, 473, 475, 489, 492
Бек-кули, эрсари 421
Бекман-бий, мангыт 477, 488, 489, 492, 495, 498, 501, 502
Бек Мурад-бай, теке 260, 262, 265, 309, 541, 542
Бек Мурад-теке, см. Бек Мурад-бай, теке
Бек Назар-бий кокандский 495
Бек Назар, эрсари 421
Бек Нияз, арабачи 495
Бек Нияз, сарык 445, 446
Бек Нияз (бай)-диванбеги 469, 485, 547
Бек Нияз-наиб 398, 415
Бек Нияз-юзбаши 390
Бек Пулад-бек, см. Бек Пулад-суфи
Бек Пулад-суфи (бек), узбек 345, 346
Бек Пулад-юзбаши, узбек 423, 465
Бек-Пулад, салак 248
Бекташ, имам 481
Бекташ-султан устаджлю, см. Бекташ-хан, устаджлю
Бек-турды 353
Бек-турды Теджен 369
Бекташ-хан (султан), устаджлю 99, 100
Бекши-хан, губернатор Мерва 100
Беляев, В. 578
Бенаи, историк 33
Бенги, карадашлу 632
Беневени, русский посол в Бухаре 334
Бердиш-бек, сарык 441
Берды Али-наиб шахабадский 404
Берды-аталык, теке 383
Берды-бек, байрач 447
Берды-бек (-бехадыр), йомут 376, 434, 447, 480
Берды-бехадыр, см. Берды-бек-бехадыр, йомут
Берды-бий 385, 407, 408
Берды-инак 388, 395, 416
Берды-Инглис 577, 579, 596
Берды Мухаммед-бек 517
Берды-хан, татар 421, 434, 447, 450, 451
Бердыш-аталык 353
Березин, И. 78, 343, 367
Береке (Bereke), см. Бурге-султан
Бернс, А. 459
Бернье, Франсуа 578
Бехадыр-хан, брат Абул-хайра 181

Бехадыр-юзбаши 489
Бехадыр-хан, см. Насрулла, эмир Бухарский
Бехадыр-ходжа, гёклен 425
Бехбуд-хан, сердар, чаруши, см. Бехбуд-хан, чапушлю
Бехбуд-хан, чапушлю, сердар Атека 148, 173—179, 183, 184, 189, 190, 191
Бехбуд-хан, черкес 101
Бий Назар, эмир 379
Билим-аталык (Билим), йомут 501, 559, 577, 579, 598, 636
Бирун-бек, 46
Бирун-султан (Бурун-султан) 51, 58
Биюк-хан 263
Богданов, Л. Ф. 140, 155, 167, 324
Боде, К. 173
Боровков, А. К. 4, 28, 62, 427
Browne, E. G. 10, 22
Brydges, Harford Jones, англ. посланник в Тегеране 18
Будагов, Л. 360, 367
Будаг-султан, каджар, см. Будаг-хан, чегени
Будаг-хан, чегени (Будаг-султан, каджар) 75, 76, 86, 87, 91, 92, 93, 99
Буньяд-хан, хезаре 221, 402
Булякай-хан 343
Бурге-султан (Береке) 323
Бурундук-султан 82, 91
Бурун-султан, см. Бирун-султан
Бутаков, А. А. 594, 596, 598
Бюлер, франц. инженер 268

Вали Кафир деведжи 215
Вали-сердар, даз 248
Валиханов, Ч. 213
Валя-хан, см. Исфендиар-хан
Вамбери, А. (Герман) 23, 334, 357, 479, 564, 566, 580, 583
Вассаф, историк 15
Вахид, см. Мухаммед Тахир-и-Вахид
Вейс-бай, узбек 339
Вейс-бай, узбек 265, 469, 538
Вейс-кули-диван 353
Вейс-мехрем 483, 484, 495
Вейс Нияз-бай (бий), узбек 470, 507, 555, 558, 562, 565, 570, 571
Вейс Нияз-бий, см. Вейс Нияз-бай
Вейс Нияз-даруга, узбек 465, 472, 489
Вели-мирза, шахзаде, см. Мухаммед Вели-мирза
Вели Мухаммед-султан 92
Вели-хан, см. Вели Мухаммед-хан
Вели Мухаммед-хан (Вели-хан) 480, 481, 485
Вельяминов-Зернов, В. В. 326
Веселовский, Н. И. 27, 139, 145, 166, 475—477, 481, 486, 487, 489, 490, 545, 552, 562, 564, 574
Витевский, В. И. 335
Владимирцов, Б. Я. 325, 418, 578
Вяткин, В. Л. 25

Гази, шаханшах, см. Мухаммед-шах, каджар
Гаиб-бехадыр, конграт 340
Гаиб-султан, см. Гаиб-хан, хивинский
Гаиб-хан, хив. 181, 335, 336, 343
Гаиль-бек Сейиди 156, 163
Галанг-бай, салак 425
Галкин м. н. 325, 331, 332, 334, 347, 490, 565
Гаус, салыр 468
Гедай-султан, см. Гедай-хан
Гедай-хан (султан), правит. Андхоя 178, 179
Гейб-бек, эмир, см. Гейб-султан, устаджлю
Гейб-султан (Гейб-бек, эмир), устаджлю 64, 70
Гельди-хан-сердар 456
Гельди-хан, имрели 356, 358, 364, 368, 376, 387, 403, 434, 438
Гиршфельд 325, 331, 332, 334, 347, 565
Гияс-уд-дин Али, битикчи 45, 46
Гияс-уд-дин ибн Хумам-уд-дин, см. Хондемир
Гладышев 146
Григорьев, В. В. 209, 213
Гродеков Н. И. 250
Гударз, герой ир. эпоса 295
Гулям-бехадыр, туркмен 329
Гулям Риза-хан 267, 268
Гыяс-бек, топчи-баши 189
Гюн-догды-кази 388
Гяндж Али-хан 90

Давли-бахши, йомут 447, 451
Дара-бек 56, 57
Дакиянус 184
Далхас, калмык 115
Данилевский 347, 481, 564
Даньял-аталык (бий), мангыт 197, 198, 206, 342, 345, 346, 353
Даньял-бек, кунград 166
Даньял-бий, см. Даньял-аталык
Даньял-мангыт, эмир, см. Даньял-аталык
Даньял, эмир, см. Даньял аталык
Данэ Мухаммед-бек, 48
Дарий 290
Дауд-бий, казах 593
Девлет-бахши 404
Девлет-Дурды, сокты 447
Девлет-инак, см. Девлет Мурад-инак
Девлет Каракоз 391, 402
Девлет Мурад-бек, хив. военач. 396
Девлет Мурад-бек, теке 406
Девлет Мурад-инак (Девлет-инак) 520, 536
Девлет Мурад-парваначи 223
Девлет Назар-бай, теке 389, 390, 391, 408, 412
Девлет Назар-бий, кара-калпак 400, 412, 428, 473, 477
Девлет Назар-бий, хив. военач. 223
Девлет Нияз-юзбаши 264, 309
Девлет Саат (бай) 408, 409
Девлет Яр Али 264
Девлет Яр-аталык (бек, бий) 524, 528, 530, 531, 533, 536, 539, 540, 542, 543, 545
Девлет Яр-бек, см. Девлет Яр-аталык
Девлет Яр-бий, см. Девлет Яр-бек

Девлет-яр, конграт 336, 339
Демезон (Desmaisons) 31—33
Денгиз-бек, салыр 435, 440
Денгиз-халифе, мехрем 403, 404, 410, 436, 438
Denison Ross, E. 16, 52
Дервиш-бий-векиль 60
Дервиш Мухаммед-хан 81—83
Джавад-хан, шакаки 254, 262
Джайан-султан, устаджлю 55
Джан, кучик 589
Джан Али, эмир 185
Джан Али-бек, сарык 445
Джан Вафа-мирза, узбек 42, 48, 50, 51, 55
Джандал, ошак 339
Джани-бек, султан 56
Джан Мурад-инак 351, 352, 353
Джан Мухаммед, бадахшанский правит. 85
Джан Мухаммед-бий, пукуз 352
Джан Мухаммед-кази, теке 391
Джан Назар-кази 403
Джафар-ага, джелаир, см. Джафар-ага келатский
Джафар-ага келатский (Джафар Ага-и-Келати, Джафар-ага, джелаир) 253—255, 260, 265, 288, 289, 307
Джафар, имам 480
Джафар-кули-бек, шадилю 126
Джафар-кули-хан, бузанджирский, курд, см. Джафар-кули-хан, шадилю
Джафар-кули-хан из Караджадага, см. Джафар-кули-хан, шадилю
Джафар-кули-хан, мирпандж (Джафар-кули-хан эмир-панджэ), см. Джафар кули-хан, шадилю
Джафар-кули-хан, шадилю (Джафар-кули-хан Бузанджирский, Джафар-кули-хан из Караджадага, Джафар-кули-хан эмир-и-панджэ) 228, 230, 235, 236, 239—242, 247, 248, 266, 267, 273—276, 279, 282, 288, 289, 291, 579, 580.
Джафар-хан, баят 190
Джафар-хан, теке 405, 409
Джафар-ходжа-накыб 369
Джелаль-уд-дин Махмуд 51
Джелял-уд-дин Мирекн, ходжа 53
Джеляль-и-Езди, мулла 100
Джеляль-хан узбекский 73—75, 258
Джемаль-эд-дин, шейх 405
Джемшид, лег. царь Ирана 330
Джемшид-султан, грузин 104
Джемшид-хан, семнанский правит. 113
Джерен-юзбаши 395
Джехангир-бек 391, 392
Джехангир-султан, см. Джехангир-хан, хивинский
Джехангир-хан (султан) хивинский 336, 337, 343, 351
Джехансуз-мирза, шахзаде 273, 275, 276, 310, 320
Джиян-векиль, йомут 333
Джованмерд-сердар 441
Джованмерд-ходжа, сейид 382, 387, 389, 390, 395
Jones, W. 16
Джуйбари-ходжа 195
Джума-бий 371
Джума-кули-бек, мангыт 189
Джум Нияз кулан 607
Джучи, сын Чингиза 65, 75, 81, 323
Джучи-султан (хан), узбек 332
Див-султан, румлю 55, 57
Diez, E. 69, 220, 247, 267
Дин Мухаммед, онбеги, туркмен 329
Дин Мухаммед, кара-чока 455
Дин Мухаммед-султан, см. Дин Мухаммед-хан
Дин Мухаммед-хан (Дин Мухаммед-султан, Мухаммед-хан), узбек 34, 59, 60, 62, 65, 66, 73, 75, 77, 91, 92, 100, 106, 258
Дин Насир-бек, см. Насир-уд-дин-тёре
Дин Насир-бий, см. Насир-уд-дин-тёре
Дин Насир-тёре, см. Насир-уд-дин-тёре
Дин Насир, эмирзаде, см. Насир-уд-дин-тёре
Дорджи-тайши, калмык 329
Дорн (Dorn) 8, 9, 11—13, 23
Досум-бий, мангыт 391, 398, 400, 403, 407, 408, 412, 423, 428, 444, 451
Досум-чура-агасы 587
Дости Пехлеван, йомут 450
Дост Мухаммед-сердар, 415
Дост Мухаммед-хан, правит. Кандагара 541
Дост Назар-катаул 446
Дост Нияз-бехадыр, найман 351
Дост Нияз, калмак 492
Дост Нияз-мехрем 571, 572, 581, 606
Дост Нияз-юзбаши 499
Дост-хан 66
Дудар-кул, йомут 365
Дула-сердар 408
Дула-бахши, йомут 449
Дулли, теке 398
Дунмас-сердар, йомут 345, 346
Дурды-бехадыр, йомут 175
Дурды Кем (сердар), йомут 462, 501
Дурды Клыч (сердар), йомут 447, 450, 451, 455
(Дурды)-кули-хан, йомут 298
Дурды Мурад-бехадыр, икдыр 412
Дурды-сердар, см. Дурды Клыч-сердар
Дурмиш-хан 58
Дуррани, дин. 22, 209, 336
Дьяконова, Н. М. 4, 205

Elias, N. 52
Етим-султан 91

Жданов, А. А. 38
Жуковский, В. А. 22, 50, 52, 124, 129, 152, 185, 194, 196, 379, 388, 459, 606
Жуховецкий, Б. 578

Залеман, ак. 27
Заман-бек, астрабадский губернатор, см. Мухаммед Заман-хан, каджар
Заман-бек, назир, туфангчи-агасы (Му'тамад-уд-доуле) 103, 105, 106, 108, 109
Заман-бек, салыр 440
Заман-бек, теке 352

Заман-хан, см. Мухаммед Заман-хан, каджар
Заман-хан, джемшид 236
Заман-хан, садозай 209
Заман-хан, чар-аймак 471, 472
Заман-шах, см. Шах Заман
Зарлык-тёре, см. Зарлык-хан
Зарлык-хан, каракалпакский (Зарлык-тёре), казах 555, 558
Захир-уд-дин Мухаммед Бабур, см. Бабур
Захир-уд-доуле Ибрахим-хан, см. Ибрахим-хан, брат Надир-шаха
Захир-уль-анами, см. Ибрахим-хан, брат Надир-шаха.
Зейнал-хан, шамлю 55, 57, 58
Зейнал, эштек 452
Зейнель-хан 162
Зейн-уль-Абидин, имам 272
Зейн-уль-Абидин Ширвани 228
Зеки, мирза 164
Зенги-ата, шейх 285
Зенды, дин. 280
Зияриды, дин. 69
Зия-уд-дин, мир из Фендереска 88, 95
Зулькадар-султан 58
Зуль-Фекар-хан Дамганский, см. Зуль-Фекар-хан сердар Семнана
Зуль-Фекар-хан, пр. военач. 84
Зуль-Фекар-хан, кандагарский беглербеги 114
Зуль-Фекар-хан, команд. всадн. Хамсэ 278
Зуль-Фекар-хан, сердар Семнана (Зуль-Фекар-хан Дамганский) 212, 218, 219, 220—222, 394
Зуннун, туркмен 248
Зуннун, эмир, аргун, см. Шуджа-уд-дин Зуннун
Зухур-кули, туркмен 139

Jate, C. E. 46, 78, 108, 110, 156
Ибадулла-бек, байрач 447
Ибадулла-инак 599
Ибадулла-ишан 556, 574, 575
Ибадулла, китай 183
Ибадулла, сарык 441
Ибадулла-дадха 371
Ибн-и-Хусейн-мирза 53
Ибн-Хаджиб 294
Ибн-Хусейн-хан 99
Ибн-Ямин-бек, парваначи 45, 46
Ибрахим Джезаири, шейх 226
Ибрахим-диванбеги, мулла 555, 556, 560
Ибрахим, султан 66
Ибрахим Халиль-хан Сальмаси 230, 241
Ибрахим-хан, беглербеги, хезаре 227—229
Ибрахим-хан, брат Надир-шаха (Мухаммед Ибрахим-хан, Захир-уд-доуле, Захир-уль-Анами) 122, 127—135, 137, 150, 152, 153, 334
Ибрахим-хан, зулькадар 62, 63, 70—72
Ибрахим-хан, каджар 211, 212
Ибрахим-хан, мирза, ген. полков. хамсэ 254, 255, 273, 307
Ибрахим-хан, наиб-истабль 318
Ибрахим-хан Сабзеварский 166
Ибрахим-хан, тимури 221
Ибрахим-хан, устаджлю 134
Ибрахим-шигаул 472
Ибрахим-юзбаши, узбек 465
Иванин, М. Н. 547, 583
Иванов, П. П. 4, 5, 23, 26, 28, 323, 30, 37, 62, 150, 155, 167, 188, 237, 328, 355, 360, 533, 562, 569, 572, 580, 584, 607
Игнатьев 569, 594
Ильбарс-хан, казах, см. Ильбарс II
Ильбарс I, хан хивинский 323—325, 333
Ильбарс II, хан хивинский (Ильбарс-хан, казах) 137—139, 142—147, 149, 156, 157, 159—162, 166, 169, 195, 196, 258, 292, 293, 334
Ильбарс, брат Исфендияр-хана 101
Ильханы, дин. 92
Ильяс, кази, секты 447
Ильяс-шигаул 385
Имам Али-бек 251
Имам-верды 187, 188
Имам-верды-бек, сарулилю 134
Имам-кули, хан бухарский 31, 100, 106, 109, 112, 113, 326
Имам-кули, имрели 119
Иман-кули-бий, кенегес 340, 345, 346
Имр-шейх 385, 387, 389, 402, 404, 405, 408, 409, 414
Инанлю Хасан-хан 278
Инаятулла-бек, джемшид 482
Инаят-улла-бек Ляляви 168
Инаятулла-инак, мангыт 365
Иса-хан, караи 383, 460
Иса-хан, дамганский 213, 216
Исет-бий, см. Ишат-бий
Искандер, см. Александр Македонский
Искандер-бек бухарский 391, 392
Искандер-бек Мунши, историк, см. Искандер Мунши
Искандер-бехадыр, узбек 425, 426
Искандер-бий 343, 349, 587
Искандер-инак 550, 551
Искандер Мунши (Искандер-бек), историк 8, 9, 12, 15, 62, 63, 65, 78, 102
Искандер-хан, афшар 95
Искандер-хан, каджар 230, 235, 236
Искандер-хан, узбек 64
Искандер-хан, хезаре 228
Искандер-хан, шадилю 415
Искандер-ходжа Бек-абадский (Искандер-ходжа парваначи) 375, 379, 380, 395
Искандер-ходжа парваначи, см. Искандер-ходжа Бек-абадский
Искандер, шахзаде 463
Ислам-бек, джемшид 436
Ислемес-хан, мухрдар 77
Исмаил, невольник 407, 410
Исмаил I (Исмаил-бахадур-хан), сефевид 9, 10, 29, 30, 33, 39, 46—52, 55—57, 65, 73, 100, 118, 153, 323
Исмаил II, сефевид 10
Исмаил-бай 475
Исмаил-бахадур-хан, см. Исмаил I сефевид
Исмаил, кази, джемшид 482
Исмаил-кази мешхедский 388

Исмаил-мирза, сефевид 73
Исмаил-мирза, шахзаде 230, 231
Исмаил-султан, хузейме 134
Исмаил Тилаи 394
Исмаил-хан дамганский 213, 214, 218
Исмаил-хан, каджар 251, 536, 538, 539
Исмаил-хан, каджар, Шамбаяти 212, 225
Исметулла-бек 419, 420
Исфендияр, герой ир. эпоса 163, 336, 341, 420
Исфендияр, кыят 568
Исфендияр-султан, см. Исфендияр-хан
Исфендиар-хан (султан) хивинский (Валях-хан) 31, 35, 101—104, 324—327
Исхак, мелик 122, 123, 129
Исхак-халифе, джемшид 482
И'тимад-ус-сальтанэ, см. Мухаммед Хасан-хан
Ишан Орагу 485
Ишан-сердар туркменский 279
Ишат-бий (Исет-бий), казах 593
Исхак-хан, караи 220

Кабиль-бий, узбек 584
Кабус ибн Вушмгир (Кабус Шамс-уль-маали) 69, 97, 98, 319
Кабус Шамс-уль-маали, см. Кабус ибн Вушмгир
Кавам-уд-довле, см. Мухаммед-мирза
Каджары (Kajars), дин. 17—19, 40, 201, 229, 298, 302, 470—472
Казак, правитель Герата 63, 64
Казак-бай, ишан 566, 568, 571, 585, 586
Казем-бек (Казем), йомут 302—304
Казем, йомут, см. Казем-бек
Казим, см. Мухаммед Казим
Казы-векиль, орус-кошчи 589, 590
Кака-бай, йомут 350
Калкулли-хан 484
Кальб Али-хан, афшар 151—157, 163
Кальб Мурад-бий 371
Кальб Хусейн-хан, эмир-низам 319
Каляндер-бек, векиль мервский 163, 165
Каляндер-бек, чемшкезек 386
Каляндер-дастарханчи 349
Каляндер-кушбеги 340
Каляндер-парваначи 378, 379
Камбар-бек, см. Камбар-бий
Камбар-бий (бек, мирза), эмир, узбек 42—44, 48, 50, 51, 54, 55
Камбар-мирза, см. Камбар-бий
Камбар-хан, шамлю 99
Камран-бек, шахзаде афганский, см. Шах Камран
Камран-мирза афганский, см. Шах Камран
Камыш-бек 400
Канбар Али-бек 386
Кандахар-токсаба 449
Кандуи-каан 167
Кандум-сердар 361, 362, 364, 380—382, 384, 387, 389, 392, 396, 398
Кара-бехадыр (мираб), узбек 341, 363, 364, 401
Кара-бехадыр-мираб, узбек 625
Караджа-бехадур-векиль 60
Караджа-мехрем, узбек 631
Кара Каляндер, кушбеги, конграт 343
Каракаш-векиль, салыр 463
Кара-мерген, имрели 425
Кара-оглан, онбеги, туркмен 240, 241
Караман-бек 91
Кара Хайдер 58, 59
Кара-хан- Занчендский 120, 121
Кара-хан, атабай 283, 298, 301—304, 430
Кара-хан мехрем 502
Кара-ходжа 197
Кари-хан, охлу 96, 97
Карлы-куль, имрели 634
Карлы-мехрем 483
Карлы-юзбаши 464—466, 469, 473, 477, 490, 506, 553, 566, 568, 571
Карнай-юзбаши, чоудор 569, 570
Карун 604
Касим Али-хан, джелаир 165
Касим-бек Дугум-оглы 62
Касим-бек (хан), карахлю 177, 178
Касим-мирза, тимурид, см. Мухаммед Касим-мирза
Касим-султан (бухарский) 327
Касим-султан казахский 43, 54
Касим-хан, генерал 272
Касим-хан, карахлю, см. Касим-бек
Касим-бек 100
Катенкли-берды 627
Кауфман, К. П. 25
Каульбарс, А. В. 328, 364, 478
Каусар-ходжа 173, 174
Кахраман-мирза, шахзаде 231, 462—464
Кахир-кули, ошак 339, 350
Кахир-кули-сердар, см. Кахир-кули, ошак
Кахир-ходжа, туркмен 329
Качаль Шах-верди, устаджлю, см. Шах-верды-султан
Кашгарский ходжа, см. Юсуф-ходжа
Кашукчи Курбан-сердар, карадашлы 425
Каюмерс, лег. царь Ирана 164
Кедай, узбек 488
Кейкаус, лег. царь Ирана 184
Келяптар, Гияс-уд-дин, сейид 51
Кемаль-уд-дин, Махмуд Сагарджи (Махмуд, ходжа) 50—52
Кёпек-мирза, тимурид 52, 53
Кёпек-султан 60
Керам-бек 417
Curzon G. 44, 225, 263
Керим-аталык, салак 406
Керим-берды-аталык, узбек 348, 375, 384, 385, 390, 408
Керим-берды-инак, см. Керим-берды аталык, узбек
Керим-берды, узбек, см. Керим-берды аталык
Керимдад-хан, предвод. пл. хезаре 480, 482
Керимдад-хан, тимури 221
Керим-хан, зафаранлю 224
Керим-хан 415
Керим-хан, зенд 280
Керим-хан, туркмен 315
Килевейн 569, 570, 577
Киров, С. М. 38
Кихан, М. 244
Кият-хан, см. Кыят, джафарбай

Клыч-бек, эймурский 90
Клыч-бек, узбек 387
Клыч-бехадыр, хытай 397
Клыч-джебачи, букаул 421
Клыч-инак, узбек, см. Клыч Нияз-инак
Клыч-кем, орус-кошчи 359, 360, 363, 364, 368, 370
Клыч-наиб, нукуз 347
Клыч Нияз-бай (бий) 391, 404, 405, 408
Клыч Нияз-бий, см. Клыч Нияз-бай
Клыч Нияз-инак (Клыч-инак), эмир 359, 362—366, 368, 376, 377
Клыч-оглы, йомут 608, 633
Клыч-сердар, йомут 413, 414
Клыч-хан, гёклен 468
Клыч-хан, атабай 304
Клыч-хан, папалю 119
Клыч-хан, талыш 113, 114
Клыч-хан, тимури 220, 221, 388
Клыч-юзбаши, хытай 397—399, 412
Коджа, туркм. предвод. 279
Койчи-Мулла, сарык 441
Кока-сердар, йомут 360—362, 372, 376, 380, 396, 398, 399, 412, 416, 421, 430, 434, 438, 444 447, 450, 451, 453
Кокче-бай джафарбайский 283
Кокча-султан, каджар 61, 70
Котур Шигал 391
Коушуд-сердар 372
Коушуд-хан, теке 242, 253, 254, 262, 307, 543, 593, 601, 604
Кочкар-бек 343
Кубра Наджм-уд-дин Ахмед ибн Омар хивинский, шейх 294, 598
Куваныч-суфи (векиль), йомут 361, 370, 376
Кувват-векиль, теке 157
Куджэ-хан 220
Кудратулла-ага 256, 257
Кули-бек, эрсари 421, 469
Кули-хан, агатабай 248
Кули-хан-Ак, туркмен 283, 302, 304
Кули-хан, см. Кули-хан-Ак
Кули-хан, шахсевен 230
Кули-хан, юзбаши 276
Кули-юзбаши 481
Кул Мухаммед-сердар, гёклен 408, 435, 447
Куль-Баба, гератский правитель 90
Кун, А. Л. 27, 481, 494, 497
Кунградская династия 264, 329
Кун-ходжа 208
Курат-Гельди, байрач 447
Курбан, йомут 217
Курбан Али-бек мервский 262
Курбан Али, мулла, теке 405
Курбан-бек-бий 380
Курбан-бек, тохтамыш 310
Курбан-бек, эрсари 421
Курбан-Гельды, имрели 447
Курбан-гельды (юзбаши) чоудор 417, 450
Курбан-клыч, теке 404
Курбан Клыч-хан, йомут 210, 211, 215, 219, 389
Курбан-кули-кази 350, 369
Курбан-кули-юзбаши 455
Курбан Кяль 264, 309
Курбан Назар-сердар, салыр 439
Курбан Нияз, йомут, см. Курбан Нияз Пехлеван
Курбан Нияз Пехлеван, йомут 452, 476, 501
Курбан Нияз Пиллячи, теке 381
Курбан Нияз-ясаул, см. Курбан Нияз-ясаулбаши
Курбан Нияз-ясаулбаши 400, 413, 424, 449, 456—458, 467, 468, 472, 476
Курбан-сейид 408
Курбантай-бий, кара-калпак 340
Курбан-хан, предвод. пл. татар и кучик 248
Курт Гельды-мирахур, см. Курт-Гельды, сарык
Курт-Гельды (сердар, мирахур), сарык 435, 440, 441
Курт Гельды-сердар, см. Курт-Гельды, сарык
Кур Хамеш-хан, беглербеги Мерва 115
Кутб 351
Кутб-уд-дин-ага, чегени 85
Кутб-эд-дин-ходжа, шейх-уль-ислам 414, 451, 462, 463, 466, 470, 471, 472
Кути-ходжа, шейх уль-ислам 400, 412
Кутлуг-джан-бай, 504
Кутлуг Мурад-бек 400, 412
Кутлуг Мурад-бий, конграт 473, 555, 573, 575, 584
Кутлуг Мурад-инак (Мурад-инак), узбек 341, 360, 375, 379, 384, 387, 396, 400, 407, 410, 412—414, 423, 425, 445, 446, 545
Кутлуг Мурад-сердар, йомут 468, 517, 523
Кутлуг Мурад-хан хивинский 551—553, 556, 558, 562, 564, 567
Кутлуг Мурад хаджи 347, 348
Кутлуг Мурад-юзбаши 473
Кутлуг Мухаммед-бек, узбек 365, 366, 376
Кутлуг Мухаммед-инак 343, 362, 378, 390, 393, 394, 423, 425, 428
Кутлуг Султан 294
Кутлуг-хан, предв. гёкленов 511
Кутуш-мехрем 480
Кучак-инак 353
Кучук-бек 343
Küttler, E. 220
Кызыл Сухбат-сердар, сарык 441
Кырган, калмак 347
Кыят, джафарбай (Кият-хан) 237

Латиф-мирек 60
Лессар, П. М. 355, 479, 484
Le Strange G. 78
Лисан-уль-мульк, см. Мухаммед Шагы-хан
Лола-хан, семендук 483
Longworth Dames 209
Лукман ибн-Мухаммед Пиранд (Улуг-баба, Лукман-и-Сарахси), шейх 295, 438
Лукман-и-Серахси, шейх, см. Лукман ибн-Мухаммед Пиранд
Лэн-Пуль, С. 92
Лютф Али-бек Кусе, ахмедлю 135

Лютф Али-хан, ир. военач. 216
Лютф Али-хан, бугаири 241
Лютф Али-хан, дувиран 270
Лютф Али-хан, чаушлю 383
Лютфулла-хан 271, 278
Лятиф-хан, «царь Мачина» 167
Ляшкари-хан, сердар 199

Маасум, эмир, см. Шах Мурад Бухарский
Мавля-кули-хан 171
Мавлям-берды, одейчи 343
Меджнун-бек, воен. Надира 172
Меджнун, шиит слуга 236
Мадж-уд-дин багдадский, шейх 294
Максуд-аталык, найман 343
Malcolm, John 117
Малов, С. Е. 578
Мамуш, узбек 56
Мамыш-хан, курд 212
Мамыш-хан, гёклен 468
Мангыты, дин 162, 183, 342
Мансур, казий, узбек 56
Мансур Байкара, тимурид 54
Мансур-хан, кераили 87
Мансур-хан, посол Камран-мирзы Афганского 221
Ма'сум Бекджан, см. Мир Ма'сум
Масум-бек Сефеви 66
Махдум-и-А'зам, Мауляна Ходжаги Касани 208
Махдум-кули (Махтум кули-хан), йомут 238, 239, 468
Махдум-сердар, йомут 377
Махдум, хаджи 405, 409
Махдум-бек, джемшид 388
Махмуд-бек, сарык 383, 441
Махмуд-бий, султан хив. царевич, см. Махмуд-тёре-бий
Махмуд б. Вели 88
Махмуд Кашгарский 351
Махмуд, мелик Сеистанский 119—126, 128, 129, 172
Махмуд Мурад-мехрем 473
Махмуд Нияз-бий, 606
Махмуд Нияз-ясаулбаши 507, 519, 542, 548, 555, 557, 572—574, 580, 582, 606, 610, 624, 625, 632
Махмуд-султан, баят 79
Махмуд-токсаба, байрач 442, 447, 470
Махмуд-тёре, см. Махмуд-тёре-бий
Махмуд-тёре-бий (Махмуд-бий, султан, Сейид Махмуд-тёре), шахзаде 524, 525, 565, 566, 574, 576, 578, 579, 583, 595, 596, 607, 624
Махмуд-хан, правит. Серипуля 480, 485
Махмуд-хан, каджар 316
Махмуд, ходжа, см. Кемаль уд-дин Махмуд Сагарджи
Махмуд, шах 17
Махмуд-шах, афганский, см. Шах Махмуд
Махмуд, шахзаде 195
Махмуд-ясаулбаши, см. Махмуд Нияз-ясаулбаши
Махтум Кули-хан, йомут, см. Махдум Кули, йомут
Мелик-шах, сельдж. султан 167
Мелиоранский П. М. 52, 356
Менгли Али-сердар, йомут 116, 396, 398, 459, 461, 464, 635
Менгли Али Кафир, йомут 389, 393, 394
Менгли-Али-сердар, йомут 635
Менгли-бек, теке 455
Менгли Гельды Сакау, йомут 338, 339, 341, 345, 350
Менгли-гельды Ярук 415
Менгли-девлет, мулла, тохтамыш 389
Менгли-кули-хан, али-эли 455
Менгли Мурад-йомут 360
Менгли-сердар, см. Менгли Али-сердар, йомут
Менгу-каан 167
Менучихр-хан 104, 108, 110
Мерген-султан 189
Мерген-тайши, калмык-торгоут 329
Мескин-мехтер (рейс) 335—339
Мехди Али-хан 225, 226
Мехди-бек, теке 384, 414, 429, 435, 447, 451
Мехди-кули-бек, джемшид 535, 540, 553, 557, 564, 567
Мехди-кули-мирза, ир. военач. 265, 308
Мехди-кули-хан, каджар 217, 221, 394, 415
Мехди-кули-хан, каран 228
Мехди-кули-хан, правит. Серахса 166
Мехди-сердар, окўз 634
Мехди-хан, иззадинлю 198, 200
Мехди-хан Астрабадский, см. Мехди-хан, мирза
Мехди-хан Баларустаки 214
Мехди-хан, каджар, см. Мехди-кули-хан, каджар
Мехди-хан, мирза (Мехди-хан Астрабадский), историк 14—16, 38, 117, 138, 150, 152, 159, 166, 168, 177, 334, 348
Mez, A. 168
Мизраб-хан, правит. Меймене 236, 470, 480
Миллер, Б. 74
Мир Али-диванбеги 376
Мир-Али-Шир (Али-Шир, эмир), везир султана Хусейна 9, 15, 53
Мир-Ахмед, султан, см. Мухаммед-хан мир
Мир-Ахмед-хан, джемшид, см. Мухаммед-хан, мир
Мир Девлет-сердар 395
Мир Доулет-ишан, джафарбай, см. Навруз-ходжа
Мирза Абдуль-керим, афганск. посол 404, 405
Мирза Али (бек), юзбаши шахсевен 114
Мирза Али-дадха, бух. военач. 353
Мирза Али Фендересски, (Кандер-беги) 46
Мирза-бек Фендересски 88, 89, 95
Мирза-бек Ма'дани нишапурский 163
Мирза Гулям 262
Мирза Зейн-уль-абидин Мелик уль-куттаб 276
Мирза Исмаил-хан мазандеранский 266
Мирза Ишэ-баши 406
Мирза Кучак 170
Мирза Мухаммед Риза 386

Мирза Мухаммед, талыш 55
Мирза Мухаммед-бек, правит. Дерегеза 171
Мирза Мухаммед-султан, баят 79, 91, 99
Мирза Мухаммед-хан, араб 215
Мирза-Мухаммед-эмин 170
Мирза Рази Мазандеранский, везир 211
Мирза Такы Пир-заде 173
Мирза-хан-халифе 480, 483
Мирза Шафи Садр-и-азам 214
Мирза Юсуф, ашрафи 215, 313
Мирзоев, Г. А. 4, 194
Мир-и-Фендерески, см. Абул-Касим Фендерески
Мир Кефшгер, см. Ага Мир Кефшгер
Мир Ма'сум, см. Шах Мурад Бухарский
Мирхонд, историк 7—9, 19, 24, 33
Мир-Шахрияри 64
Миср Али-сердар, чоудор 439
Михраб-хан, каджар 100, 109, 111
Могол-ханум, жена Шейбани-хана 56
Моудуд-кули-султан чагатайский, см. Мухибб-Али-султан чагатайский
Музаффар, ходжа (Сейф-уль-Анами, Сейф-уд-дин), битикчи 45—49, 63, 67, 72
Музаффар, эмир 46
Музаффар Хусейн-мирза, тимурид 39, 41, 42, 53
Муиз-уд-дин Хусейн 51
Мулла Араб, игдыр 393
Мулла Атабай, ошак 634
Мулла Берды, сокты 447
Мулла Мурад, сокты 447
Мулла Мухаммед Насрабади 316
Мулла Нияз-вели, эрсари 421
Мулла Риза, хаджи, раис-уль-улема 313—317
Мулла Хаки, сарык 435
Мулла Эвезли, сарык 435
Мулла Эвез-сердар, сарык 462
Мульк-аман, узбек 392
Мульк-ара Мазандеранский, см. Мухаммед-кули-мирза Табаристанский
Мулькаш-султан, устаджлю 100
Мунис, мираб (Шир-Мухаммед, мираб), историк 23—28, 30, 33—38, 137, 140, 181, 213, 220, 323—325, 328, 331, 334, 337, 343, 346, 348, 349, 351, 355, 357, 367, 370, 383, 479
Муравин, геодезист 146
Муравьев, Н. (Николай Николаевич) 328, 341, 348, 353, 360, 388, 415
Мурад, джемшид 483
Мурад, афганец 312
Мурад Али, мулла курд 415
Мурад Али-юзбаши, мулла, узбек 427
Мурад-аталык, тёре, см. Тёре Мурад-аталык
Мурад-бек, сарык 383
Мурад-бек, хив. воен. 365
Мурад-даруга, узбек 462
Мурад-инак, см. Кутлуг Мурад-инак
Мурад-казы, йомут 632
Мурад-кушбеги 342
Мурад-сердар, йомут 397, 411, 412, 415
Мурад-сердар, теке 222, 223, 390, 401, 403—405, 408, 416
Мурад-хан, теке 403, 406
Муртаза-бий, узбек 558
Муртаза-кули-бек, см. Муртаза-кули-хан, правит. Мерва
Муртаза-кули-хан (бек), правит. Мерва 109—113
Муртаза кули-хан Зияд-оглы, правит. Карабага 12
Муртаза-кули-хан Пернак, беглербеги Мешхеда 73, 74, 95, 258
Муртаза-кули-хан, пр. полковник 275
Муртаза-ходжа, узбек 340
Муса, родонач. сефевидов 153
Муса-мутевелли, узбек 625
Муса-наиб, узбек 363
Муса-тёре, шахзаде, узбек 545
Муса-хан, хивинский 332
Муса-хан, правит. Козгана 385
Мустафа-бек (султан) Варсак 61, 70
Мустафа Султан Варсак, см. Мустафа-бек Варсак
Мустафа-кули-бек, туркмен 189, 190
Мустафа-кули, кази, сарык 505, 509, 510
Мустафа-кули-хан Семнани 230
Мустафа-кули-хан, мирпандж, карагёзлю 242, 313—315
Мустафа-хан, беглербеги 394
Муталиб-хан, дамганский 219, 220
Му'тамад-уд-доуле, см. Заман-бек, назир, туфангчи-агасы
Мутталиб-хан 258
Мухаммед, пророк 18, 24
Мухаммед-ага, даруга 46
Мухаммед Али, ошак, см. Мухаммед Али-хан, ошак
Мухаммед Али-бек, джабадар-баши 115
Мухаммед Али-бек, иззудинлю 172, 173, 175
Мухаммед Али-бек, мервский каджар 162
Мухаммед Али-бий, хаджи 115, 116
Мухаммед Али-бий, узбек 369
Мухаммед Али инак, узбек 160
Мухаммед Али хан, кокандский 490
Мухаммед Али, мелик 130
Мухаммед Али-мирза, иранск. шахзаде 210, 220
Мухаммед Али-султан, 162, 163
Мухаммед Али-хан, военач. Надира 191
Мухаммед Али-хан Гафур 238—241
Мухаммед Али-хан, правит. Келата 480, 484
Мухаммед Али-хан, брат Салара 243
Мухаммед Али-хан иранск. военач. 271
Мухаммед Али-хан, пишхидмат 320
Мухаммед Али-хан, ошак 142, 191, 333
Мухаммед-арбаб, узбек 375
Мухаммед Багбан, из войска Шейбани 51
Мухаммед-бек Мурад-оглу, хан 115
Мухаммед-бек, хаджи-кераи 173
Мухаммед-берды-бек, бух. военач. 424
Мухаммед-берды-сердар, эрсари 421
Мухаммед Бурундук, мир, берлас 53
Мухаммед Вали-хан, правит. Мешхедского вилайета 536—538
Мухаммед Вали-хан, племянник Аллаяр-хана 238, 239

Мухаммед-векиль, хан, йомут 434
Мухаммед-Вели, йомут 577
Мухаммед Вели-мирза (Вели-мирза), хорасанский наместник, ир. шахзаде 205—208, 211—213, 216—220, 387, 388
Мухаммед Вели-хан, каджар губернатор Астрабада 241, 247, 248, 281, 288, 296
Мухаммед Вели-хан, узбек 258
Мухаммед Вефа-и-керминеги, историк 16, 139, 145, 186, 188, 189, 192, 573
Мухаммед-джан-бек, узбек 362, 376, 378
Мухаммед джан-инак 404, 406
Мухаммед-джан-ходжа 400, 414, 477, 488, 489, 492
Мухаммед Джафар Маджзуб Али-шах, дервиш 228.
Мухаммед-диван (юзбаши), мулла 536, 593, 601, 603—605
Мухаммед-диван, сейид 404
Мухаммед-едли, иргачлю 393
Мухаммед Заман-бек, каджар, см. Мухаммед Заман-хан, каджар
Мухаммед Заман-мирза, тимурид 43, 44, 45, 46, 47, 54
Мухаммед Заман-сердар, теке 392
Мухаммед Заман-хан, гёклен 447
Мухаммед Заман-хан (Мухаммед Заман-бек, Заман-бек, Заман-хан), каджар 172, 173, 175, 176, 211, 213—216
Мухаммед Зия ургенчский 340
Мухаммед Ибрахим-султан 92, 93
Мухаммед Ибрахим-хан, см. Ибрахим-хан, брат Надир-шаха
Мухаммед Ибрахим-хан, каджар 269, 270
Мухаммед-инак, узбек 343
Мухаммеди-хан Техмак 77
Мухаммед-ишан (Ахмед-ишан), ходжа 555, 556
Мухаммед Казим (Казим), историк 8, 14, 150, 164, 167, 188, 189, 334, 335, 348
Мухаммед Касим-бек, карахлю 170
Мухаммед Касим-мирза тимурид 42, 53
Мухаммед Касим-хан, афшар 213
Мухаммед Касим-хан, каджар 214, 217
Мухаммед Кашгарский, см. Юсуф Ходжа
Мухаммед-кель 517
Мухаммед Керимбек, караул-баши, чегени 56, 163
Мухаммед Керим-бек 608
Мухаммед Керим-диван 588, 591
Мухаммед Керим-ишан, казий 535, 556, 558, 559
Мухаммед Керим Койчи 394, 408, 409
Мухаммед Керим-кушбеги 544
Мухаммед Керим-мираб 550, 551
Мухаммед Керим-хан иззудинлю 198—200
Мухаммед Керим-хан, йомут 302
Мухаммед Клыч-бий 392
Мухаммед-кули 45
Мухаммед кули-бек 96, 97
Мухаммед-кули-бек, араб-керлю 76
Мухаммед-кули-бек, узбек 398, 400, 412, 423, 451
Мухаммед-кули-бек, келатский 479
Мухаммед-кули, эмир, дурман 85
Мухаммед-кули-мирза Табаристанский (Мульк-ара), шахзаде 211, 212, 216, 218, 221, 222, 313—317
Мухаммед-кули-султан, узбек 76
Мухаммед-кули-хан, шадилю 407
Мухаммед-кули-хан, туркмен 304
Мухаммед-кули-хан, везир 198
Мухаммед-кули-хан, ир. военач. 275
Мухаммед-кули-юзбаши 481
Мухаммед Курбан-бек, салыр 440
Мухаммед Ма'сум ибн Ходжат-и-Исфагани, историк 12, 13, 102
Мухаммед-мехрем, ишик-агасы 545
Мухаммед, мир, сердар, см. Мухаммед-хан, мир, джемшид
Мухаммед-мирза, сын Адина-хана 313
Мухаммед мирза, везир 386
Мухаммед, мирза (Кавам-уд-доуле) 271, 272, 602, 604
Мухаммед, мирза, тимурид 43
Мухаммед-мирза, султан, правит. Герата 64
Мухаммед-мирза, шахзаде 316, 317
Мухаммед-мирза, шахзаде, см. Мухаммед шах, каджар
Мухаммед Музаффар, эмир 46
Мухаммед Мухим-султан, бухарский военач. 116
Мухаммед, мулла, см. Мухаммед-диван
Мухаммед Мульк Ара Мазандеранский, шахзаде, см. Мухаммед кули мирза Табаристанский
Мухаммед Мурад-бек, конграт 550
Мухаммед Мурад-диванбеги, узбек 611, 612, 616—618, 625—638
Мухаммед Мурад-мехрем 476, 477, 507, 513, 519, 530, 531, 536, 539, 540, 546, 562, 584—586
Мухаммед Мурад-юзбаши, узбек 465
Мухаммед Мухсин-мирза, тимурид 40,42
Мухаммед Назар-бек 572, 575
Мухаммед Назар-бек, шахзаде 381
Мухаммед Назар-бий 336, 338—340
Мухаммед Назар-инак, эмир 547, 549, 558, 562, 567, 606
Мухаммед Назар, казий 442
Мухаммед Назар-юзбаши, сердар чоудоров 540, 543
Мухаммед Насир-хан, каджар 239, 243
Мухаммед Нияз-аталык, йомут 365, 370
Мухаммед Нияз-бай 508
Мухаммед Нияз-бек 545, 547
Мухаммед Нияз-бек, 364, 366, 383, 386
Мухаммед Нияз-бехадыр 410
Мухаммед Нияз-бий 549—551, 558—562, 567
Мухаммед Нияз-бий, Герчек 432
Мухаммед Нияз-бий, конграт 428, 439
Мухаммед Нияз-бий, бух. военач. 202
Мухаммед Нияз-диванбеги, хив. военач. 599, 616, 624—627, 632—634, 636, 637
Мухаммед Нияз-инак 352
Мухаммед Нияз-кази 481
Мухаммед Нияз Кёрче, сердар, йомут 357—359, 367, 368, 376
Мухаммед Нияз-мираб 357, 367
Мухаммед Нияз, мулла 405

Мухаммед Нияз Пайтек, чоудор 609
Мухаммед Нияз-сердар, окуз 395
Мухаммед Нияз-сердар, чоудор 397
Мухаммед Нияз-тархан, теке 378, 379
Мухаммед Нияз-юзбаши, см. Нияз Мухаммед-юзбаши
Мухаммед-Нияз-юзбаши (Фена Куль) 529, 548
Мухаммед Нияз-ясаулбаши, мехрем, узбек 398, 414, 428, 436, 444, 449, 451, 455, 461, 463, 464, 466, 467, 470—473, 513, 533, 606, 611—613, 623, 633, 637
Мухаммед Пена-бек 364, 368
Мухаммед Рафи гилянский, мулла 122
Мухаммед Рахим-хан, бухарский (Рахим-хан, аталык, Рахим-хан, узбек), мангыт 16, 162, 183—186, 188, 189, 192, 194, 196, 201
Мухаммед Рахим-мехтер 606
Мухаммед Рахим Палван 427
Мухаммед Рахим ургенчский, см. Мухаммед Рахим I
Мухаммед Рахим I (Рахим-хан Ургенчский) хан хив. 24, 25, 38, 202, 204, 218, 219, 220—224, 259, 285, 296, 341, 343, 354, 355, 358, 362, 365—368, 373, 374, 377, 380, 382—384, 387—389, 394, 398, 402, 412, 415, 416, 420, 422, 423, 425, 429, 433, 441, 524, 564
Мухаммед Рахим II (Сейид Мухаммед Рахим-хан), хан хив. 25, 611, 615
Мухаммед Рахим-хан, шадилю 235, 257, 275, 276
Мухаммед Риза-бек (хан), мингбаши, карахлю 157, 162
Мухаммед Риза-бек 565, 568, 569
Мухаммед Риза-бек, кыят 401
Мухаммед Риза-кушбеги 365, 375, 384, 385, 410, 436, 437, 439, 440, 456
Мухаммед Риза-мираб Агехи, см. Агехи
Мухаммед Риза-хан, карахлю, см. Мухаммед Риза-бек, карахлю
Мухаммед Риза-хан, хезаре 255, 272
Мухаммед Риза, иранск. шахзаде 268
Мухаммед Садык-ишан, кази 470, 471
Мухаммед Садык Мервези, историк 124
Мухаммед Саид-бай, 342, 345, 347
Мухаммед Салих-аталык, конграт 506, 574, 582
Мухаммед Салих-ишан, см. Мухаммед Салих-ходжа, ишан
Мухаммед Салих, историк 33, 52
Мухаммед Салих, битикчи 67, 68, 69
Мухаммед Салих-шейх 427
Мухаммед Салих-хан 232
Мухаммед Салих-ходжа-ишан 387, 389, 402
Мухаммед Салих, кыят 407
Мухаммед Салих-ходжа, джемшид 482
Мухаммед Сафа-бек 423
Мухаммед Сары-юзбаши 473
Мухаммед Селим-бек мервский 189
Мухаммед-сердар, йомут 376
Мухаммед-султан, правит. Исфераина 85, 86
Мухаммед Султан, ходжа, теке 447
Мухаммед Тагы-хан, мирза (Лисан-ульмульк, Сипихр Sipihr), историк 18, 19, 205, 213
Мухаммед Тагы-хан, команд. шахсев. афшаров 278
Мухаммед Такы-мирза, ир. шахзаде 212
Мухаммед Тахир-и-Вахид (Вахид, Мухаммед Тахир) 13, 102
Мухаммед Тахир-хан, см. Тахир-хан
Мухаммед Тимур-султан, см. Тимур-султан
Мухаммед-токсаба, сарык 462
Мухаммед Урду-шах, эмир 47
Мухаммед Фена-хан 594, 596
Мухаммед Фена-мехрем 536
Мухаммед Фена-юзбаши 540
Мухаммед Хайдер, историк 52
Мухаммед Хаким-хан 484
Мухаммед-хан, см. Дин Мухаммед-хан
Мухаммед-хан-беглербеги, мирза 242
Мухаммед-хан, см. Мухаммед Хасан-хан фераханский
Мухаммед-хан, зафаралю 128
Мухаммед-хан Захир-уд-доуле 265
Мухаммед-хан, каджар 207, 220
Мухаммед-хан-сердар, караи, см. Мухаммед-хан караи
Мухаммед-хан, караи 221, 226—228, 436, 439, 460
Мухаммед-хан кендебильский 251, 253
Мухаммед-хан, мир (Ахмед-хан, эмир, Мир-Ахмед-хан, Мир-Ахмед, султан), джемшид 247, 250, 251, 265, 289, 296, 306, 481, 496, 504, 512, 513, 520, 524, 526, 527, 528, 530, 533, 535, 536, 539, 540, 542, 543, 546, 549, 550, 551, 564
Мухаммед-хан, мир, кыят 502
Мухаммед-хан, см. Мухаммед-шейх, сердар, туркмен
Мухаммед-хан (мирза), ир. военач. 272, 277, 279
Мухаммед-хан, правит. Мазандерана 280
Мухаммед-хан, туркмен 239
Мухаммед-хан, туркмен, наместник Хорасана 121—123, 132
Мухаммед-хан, чегени 275
Мухаммед-хан, чингизид 145
Мухаммед-хан Шараф-уд-дин-оглы 63
Мухаммед-хан Шейбани, см. Шейбани-хан
Мухаммед-хан Эмир-и-туман Ериванский (Мухаммед Хасан-хан, сердар Ериванский) 233, 239
Мухаммед Хасан-бек, джебадар-баши 189
Мухаммед-Хасан каджар (Мухаммед Хусейн-бек, Мухаммед Хасан-шах) 172—176, 178, 179, 180, 182, 276
Мухаммед Хасан-хан (Сани-уд-довле, И'тимад-ус-сальтанэ), историк 8, 21, 22, 45, 57, 58, 112, 205, 220, 229, 233, 244, 249, 256, 387, 441
Мухаммед Хасан-хан, сердар Ериванский, см. Мухаммед-хан Эмир-и-туман Ериванский
Мухаммед Хасан-хан, хезаре 227, 228, 229
Мухаммед Хасан-хан Фераханский (Мухаммед Хасан-хан, ген. фераханских полков) 261, 263, 265, 308

Мухаммед Хасан-шах, каджар, см. Мухаммед Хасан, каджар
Мухаммед, ходжа, см. Юсуф-ходжа
Мухаммед-ходжа, хив. военач. 385
Мухаммед-ходжа, сын Ходжи Музаффара битикчи 63, 72
Мухаммед-ходжа-накыб, узбек 186
Мухаммед хорезмшах 164
Мухаммед Худабендэ, сефевид (Султан Мухаммед, шах) 10, 94, 95, 258
Мухаммед Хусейн бек, чемшкезек 121
Мухаммед Хусейн бек, см. Мухаммед Хасан каджар
Мухаммед Хусейн бек Тавризи 484
Мухаммед Хусейн бек, ир. военач. 168
Мухаммед Хусейн бек, сын Шах Мурад-бия 196
Мухаммед Хусейн, мирза, ир. военач. 320
Мухаммед Хусейн-мирза, тимурид 39, 40, 42, 54
Мухаммед Хусейн-хан, предводит. курдов 129, 130, 131
Мухаммед Хусейн-хан, гёклен 415
Мухаммед Хусейн-хан, каджар (Хусейн хан) 148, 168, 172, 175, 176
Мухаммед Хусейн-хан, каджар мервский, см. Мухаммед Хусейн-хан, хаджи, иззудинлю
Мухаммед Хусейн-хан, полковник ир. войска 263
Мухаммед Хусейн-хан, хаджи, иззудинлю (Мухаммед Хусейн-хан, каджар, мервский, Хусейн-хан, ходжа) 198—201, 207, 210, 221
Мухаммед Хусейн-хан, хезаре 265, 269, 308
Мухаммед Хусейн-хан, ир. военач. 394
Мухаммед Хусейн, попечитель гробницы имама Риза 270
Мухаммед Хусейн Яхши, йомут 215
Мухаммед Шафи-Садр-и-Азам, мирза 210
Мухаммед Шах-ака рафенекский 350
Мухаммед-шах (шаханшах Гази, Мухаммед-мирза, шахзаде), каджар 18, 19, 228—234, 240, 243, 462, 463, 465, 466, 470—472, 494, 526, 536
Мухаммед Шейбани-хан, см. Шейбани-хан
Мухаммед Шейх, сердар туркмен, 243, 255, 260, 268, 269, 277, 279
Мухаммед Шейх, сердари, теке 265
Мухаммед-шейх, меджеур 459, 462
Мухаммед Шериф-бай, хив. посол в Тегеране 294, 298, 299, 304, 305
Мухаммед Шериф-кул, йомут 496
Мухаммед Шериф-хан Мервский, каджар 207
Мухаммед Эвез, йомут 350
Мухаммед Эмин-бек, салыр 463, 471, 474—476, 479, 482, 483, 519, 520
Мухаммед Эмин-ака, хив. военач. 375
Мухаммед Эмин-ака, чагатай 342
Мухаммед Эмин, инак 23, 24, 202, 258, 296, 335—343, 345—353, 359, 364, 426
Мухаммед Эмин-инак, см. Мухаммед Эмин, хан хив.
Мухаммед Эмин-ишан, чоудор 609
Мухаммед Эмин Кирак Яракчи, историк 14, 115, 186, 357
Мухаммед Эмин, мехтер 177, 334
Мухаммед Эмин Сары канглы 349, 350
Мухаммед Эмин, сепахсалар 201
Мухаммед Эмин, хан хив. (Мухаммед Эмин-инак) 18, 19, 25, 245, 249, 250, 254, 258—260, 263, 264, 280, 289, 294, 299, 307—309, 488, 489, 492, 494, 498, 500, 502, 505, 511, 518, 545, 547, 552
Мухаммед Эмин-хан гисарский, узбек 186
Мухаммед Эмин-ходжа, сейид 208, 209
Мухаммед-юзбаши, мулла, см. Мухаммед-диван
Мухаммед-юзбаши, узбек 465, 471, 477, 498, 541, 548, 555
Мухаммед-юзбаши, ходжа, чоудор 566, 580, 585, 633, 634
Мухаммед Юсуф-ага (Мухаммед Юсуф Арган), ир. шахзаде 257, 265, 266, 268, 308
Мухаммед Юсуф-бек, шахзаде хив. 381, 608
Мухаммед Юсуф-мехтер (Юсуф-мехтер) 288, 356, 360, 375, 398, 406, 428, 436, 440, 460, 468—471, 475, 547
Мухаммед Якуб-ака, чагатай 436
Мухаммед Якуб-бай, узбек 488, 509, 520
Мухаммед Якуб бухарский, историк 351, 357, 371, 372, 379, 418, 420, 422
Мухаммед Якуб-мехтер 488, 543, 546, 549, 551, 560
Мухаммед Якуб-мехрем (Якуб-мехрем) 549, 557, 569—571, 574, 585, 586, 599, 608, 610—614, 616—619, 621—625, 628—633, 635—637
Мухаммед Якуб-ходжа, узбек 451
Мухаммед Яр-бий, кыят 570
Мухаммед Яр, историк 52
Мухаммед Яр-хан, эймур 88, 90, 96
Мухаммед Яр, эймур, см. Мухаммед Яр-хан
Мухели-хан Хуфар, мир 243
Мухибб-Али, слуга 63, 72
Мухибб-Али-султан, устаджлю 103, 106
Мухибб-Али-султан чагатайский (Моудуд-кули-султан) 125, 126
Мухсин-мирза, эмир-ахур 276
Мухсин-хан, караи 228
Мухсин-хан хафский 270
Мюршид-бек, Кербелаи 404

Навбат, байрам шали 248
Навруз-ходжа (Мир Доулет-ишан), джафарбай 215
Nader Chan, см. Надир-шах
Наджаф-кули (Неджеф-к.) 302
Наджп-уд-дин Кубра, см. Кубра Наджуд-дин Ахмед ибн Омар хивинский
Наджм-уд-дин Масуд-и-Сани 52
Надир-бек, имрели 434
Надир-мирза (Надир-хан, дуррани) 236, 472
Надир Мухаммед-кутваль, конграт 360, 361
Надир Мухаммед-хан (бухарский) 327
Надир Мухаммед-хан, хезаре 221

Надир Мухаммед-хан, узбек 106—109, 112
Надир-сердар, имрели 372, 376, 383, 388
Надир-хан, дуррани, см. Надир-мирза
Надир-шах (Nadir Chah, Nader Chan) 14—16, 35, 117—137, 139—179, 181, 183—186, 189, 191, 192, 194—196, 209, 249, 258, 276, 292, 293, 296, 333, 334, 337, 348, 359
Назар-аталык 339, 349
Назар-бай, йомут 480, 484
Назар-бай, тазе-конграт 631
Назар-бай, теке 404
Назар-бек, узбек 607
Назар-бек, ошак 364
Назар-бий 492
Назар-векиль, йомут 597, 598, 615, 631, 638
Назар-даруга, мангытский бий 472
Назар-джарчи 386
Назар-инак, найман 331
Назар, ишан-кази, сарык 440
Назар, мулла 442
Назар-кази Эвез-джебачи, эрсари 421
Назар Махзум, дамулла 592
Назар Мухаммед-бек 386
Назар Мухаммед-бий аральский 340
Назар Мухаммед-суфи, узбек 344
Назар-сердар 517
Назар Тугай, диванбеги-баши, узбек 109
Назар-Али-бек, араб 156, 185, 187, 188
Накди-бек (хан), шамлю 112, 113
Накди-хан, см. Накди-бек
Накы Али-хан, йомут 302
Нариман 368
Насир-и-Хосров 19
Насир-уд-Дин-тёре (Дин-Насир-бек, Дин-Насир-дий, Дин-Насир-эмирзаде, Дин Насир тёре) 196, 201, 202, 206, 207, 371, 379, 388
Насир-уд-дин, шах, каджар 8, 18—22, 93, 205, 243, 244, 247, 259, 288, 305, 310, 536, 602
Насир-хан 316
Наср ибн Сайяр 164
Насрулла Ага-хан Нури, мирза, Итимад-уд-доула, см. Садр-и-Азам
Насрулла-мирза, сына Надира 143, 147, 148, 167
Насрулла-хан, эмир, тимури 223
Насрулла-хан, иранск. военач. 271
Насрулла, эмир бухарский (Бехадыр-хан) 287, 448, 449, 474, 475, 478, 486, 488—491, 493, 494, 498, 505
Наубат-бехадыр, сарык 441
Неби-бай 547
Неджеф Али-хан, шадилю 228, 235, 386, 390, 393—395, 404, 407, 415
Неджеф Кули Абд-ар-Реззак, см. Абд-ар-Реззак ибн Неджеф-кули, историк
Неджеф-кули-хан Кара-баги, юзбаши 236
Неджеф-султан, карачорлю 171
Неджеф-кули-хан, шадилю 213
Неджеф-кули-хан, юзбаши 231
Нейза-бек 426
Некудер, чагатайский царевич 44
Несали, имам 469
Нефес-аксакал, эрсари 421
Нефес-даруга, найман 351
Нефес-сердар 627
Низам-уд-дин Махмуд, ходжа 46
Нияз-аталык, см. Шах Нияз-аталык
Нияз-аталык, Авуша 372
Нияз-бай, см. Нияз Мухаммед-бай
Нияз-бек-парваначи 372
Нияз Клыч-бек, йомут 345
Нияз Клыч-сердар 427
Нияз-кули-мингбаши 264
Нияз-кули-юзбаши, али-эли 457, 463
Нияз-мехрем 436, 439, 449
Нияз-мирзабаши 628, 629, 631
Нияз Мухаммед-бай (Нияз-бай) 264, 309, 400, 412, 423, 428, 451, 453, 455, 459, 463, 471, 472, 474—476, 479—482, 484, 485, 488—490, 509
Нияз Мухаммед-бек, салыр 435, 440
Нияз Мухаммед-бий 385
Нияз Мухаммед-диванбеги 381, 382
Нияз Мухаммед, мулла, теке 435
Нияз Мухаммед онбеги, али-эли 455
Нияз Мухаммед-парваначи 463
Нияз Мухаммед-юзбаши, нач. ахальск. теке 444, 471, 482, 568, 572, 609, 610
Нияз Мухаммед-ясаулбаши 551
Нияз-парваначи 336, 338—342, 347—351
Нияз-хан, узбек 176
Нияз-ходжа 347, 348, 350
Нияз Чекчек, алтун-джиляу 348
Ноуруз-хан 316
Нур Али, хан хив. 147, 167, 181, 334—336, 343
Нури-кази, мулла, йомут 361
Нур Мехди, бухарец 287
Нур Мухаммед-бехадыр 406
Нур Мухаммед, йомут 455, 501
Нур Мухаммед-кули, имрели 634
Нур Мухаммед-хан ибн Абуль-Мухаммед-хан 75—77, 79—82, 84, 90—93, 98—100, 103
Нур Ходжа-бек, сарык 383

Обручев В. А. 479
Огехи, см. Агехи
Оглан-ишан 393, 415
Огуз-хан 78
Огурлю-султан, баят 83, 103, 106
Окча-тепе, калмык торгоут 329
Олум-хан 59
Омар-бек, сарык 505, 509, 510
Омар-бий 200, 201
Омар-гази султан 59, 67, 68
Омар-ишан 556, 588—591, 600
Омар-шейх, сын Тимура 29, 54
Ораз Али, Башмак, мангыт 352
Ораз Али-бехадыр 436
Ораз Али-кыят 376
Ораз Али, салак 425
Ораз-бай, чоудор 334
Ораз Мухаммед-бехадыр 627
Ораз Мухаммед-векиль, йомут 434
Ораз Мухаммед-онбеги (Ораз-онбеги), гёклен 435, 447

Ораз-онбеги, гёклен, см. Ораз Мухаммед-онбеги
Ораз-парваначи, теке 462
Ораз Перихан-юзбаши 390
Ораз-сердар 439
Ораз-хан, турк. аксакал 241, 242, 249, 253—255, 262, 264, 268, 307, 309
Ораз-Яглы-сердар, см. Ораз-Яглы, теке
Ораз-Яглы, теке 438, 448, 488, 505, 514, 525
Ора-ишан, йомут 598
Орус-кошчи-бехадыр, кият 365, 372

Пайгамбар-кули-бай, салыр 440
Палак, узбек 347
Палван, см. Рузум Палван
Палван Какелли 581
Палван Нияз-бий 540
Пальмов, Н. И. проф. 31, 321
Парвиз-хан, полковн. конницы чардули 278
Паша-хан, амин-уль-мульк 321
Пена-кули-юзбаши 634
Перетяткович, Г. 578
Петр I 334
Пехлеван Камари 64
Пехлеван-кули-бай-токаул 343, 354
Пехлеван-кули-султан, 59, 66
Пехлеван Махмуд, шейх 515
Пехлеван Нияз-бек, кият 383, 384, 388, 392
Пехлеван Нияз-бий, конграт 473
Пехлеван Нияз-мирзабаши 636, 637
Пир-Гейб-бек, талыш 45
Пир Назар-инак 506
Пир Нефес, мулла, йомут 287
Попов, А. 334
Потанин Г. Н. 343
Пулад-кул 401
Пулад-мехрем 453

Rabino, H. L. 40, 45, 69, 93, 95, 105, 211, 214, 216, 220, 232, 237, 247, 272, 280, 305, 313, 314
Раджаб-мехтер 223
Раджаб-юзбаши, кара-калпак 573
Радлов В. В. (Radloff, W.) 351, 356, 360, 367, 578, 598
Рази-эд-дин, шейх 360, 361
Рамик-юзбаши 613
Расуль-кули-бек, эрсари 421
Рахим-бек, туркм. предв. 189
Рахим-берды-аталык, кыпчак 338
Рахим-берды-бий, хытай 412
Рахим-берды-бий хив. военач. 553
Рахимдад-хан, хезаре 312
Рахим-кули (Рахим-кул), хан хив. 25, 259, 477, 478, 481—483, 486—491, 493, 494, 499, 563, 564
Рахим-кули, см. Рахим-кули Мухаммед бехадыр-хан
Рахим-кули Мухаммед-бехадыр-хан, хив. 475
Рахим-султан, миршикар-баши 163
Рахим-хан-аталык, см. Мухаммед Рахим-хан, мангыт
Рахим-хан, кераили 130, 131
Рахим-хан, мангыт, см. Мухаммед Рахим-хан, мангыт
Рахим-хан, узбек, см. Мухаммед Рахим-хан, мангыт
Рахим-хан Ургенчский, см. Мухаммед Рахим I
Рахим-хан Чулэ 254
Рахман-берген эшикагасы 638
Рахман берды-бай, сарык 435, 437, 440—442, 445, 492, 505, 549, 554, 555, 558
Рахман берды-казы 545
Рахман-берды, махдум, сарык 520, 521
Рахман берды-парваначи 470
Рахман-верды 249
Рахман-кули-инак, см. Рахман-кули-тёре
Рахман-кули-карамаш, см. Рахман-кули-султан, карамаш
Рахман-кули-султан, баят 163
Рахман-кули-султан, карамаш 104, 105
Рахман-кули-тёре (инак), хив. царевич 222—224, 427, 429, 433, 434, 444, 447, 457, 458, 467, 468, 479, 545
Рахман-кули-хан 253, 254, 262
Рахметулла Ак-Катыш 400
Рахметулла-аталык, уйгур 423, 425
Рахметулла-хан, полковник полка Шакакы 271
Рахметулла-ясаулбаши 475, 477, 482, 486, 492, 502, 507, 512, 519, 524, 530, 531, 537, 539, 540, 563, 571, 584, 585, 597, 599, 600, 606, 608
Рахметулла-юзбаши 570
Рашид Мухаммед Назар-инак 524, 545
Рашид Мухаммед Салих-ишан, кази и реис 469
Рашид-эд-дин, историк 32, 78, 324
Рейснер, И. 44
Rieu, Ch. 15, 16
Риза, имам (Али-ибн-Муса-ар-Риза) 20, 22, 50, 58, 110, 243, 270, 277, 291, 305, 306, 312, 460
Риза-кули-мирза, сын Надир-шаха 137—140, 143, 163, 333
Риза-кули Неваи, мирза, Мунши-уль-мамалик 207
Риза-кули-хан, зафаранлю 213, 214, 221, 224—227, 242, 390
Риза-кули-хан Ляля-баши, Хидаят (Riza Qouly Khan) 7, 8, 18, 19, 205, 280, 289, 294, 295, 304, 305
Риза-кули-хан, правит. Хорасана 121, 122
Риза-кули-хан, казвинский, наиб ишикагасы 265
Риза-кули-хан, правит. Кучанда 385,386, 394, 395, 404, 415, 459, 460
Риза-кули-хан, хаджи, каджар 213, 216
Риза-хан гуваршакский 254
Риза-шах Пехлеви 69, 235
Риттер, К. 481
Ромаскевич, А. А. 4, 5, 7, 39, 65, 102, 115, 117, 192, 205, 280, 310
Рузум Палван 424
Рустем, герой иранского эпоса 163, 329, 336, 341, 352, 364, 368, 394, 629, 633

Рустем, кыят 568
Рустем-бек, афшар, см. Рустем-хан, афшар
Рустем-бек, сепахсалар (Рустем Мухаммед-хан) 110, 112
Рустем-бек Кара 191
Рустем-бек, курд 186
Рустем-бек, правит. креп. Лютф-абад 385, 386
Рустем-бий 385
Рустем-инак 587
Рустем Мухаммед-хан, см. Рустем-бек, сепахсалар
Рустем-хан 386
Рустем-хан (бек), афшар 63, 70—72
Рустем-хан, правит. Шапургана 480

Саадат-кули-хан, бугаирлы 213
Саадет-кули-хан, правит. Бама 386
Саат-ишан, хив. 556
Саат, кара-ахмед 384, 385
Саат-кули-сердар, см. Саат-сердар
Саат-сердар (Саат-кули-сердар) 411, 413, 428, 435, 440, 441, 445, 447, 476
Сабир-ишан 575
Сабир Кёр, чоудор 608
Саблуков, Г. С. 32, 59, 60, 62, 65, 80
Садр-и-азам, Насрулла Ага-хан, Нури, мирза 259, 260, 276, 305
Садр-уд-дин-хан, устаджлю 66, 68
Садулла-хан Фендерескский 234, 242
Садык-бек, кыят 407
Садык-бек, узбек 100
Садык-ишан 583, 585
Садык-Махзум, йомут 409
Садык-хан, ир. военач. 318
Саид-бек, сарык 441
Саид Мухаммед, см. Саид Мухаммед-хан Захир-уд-доуле
Саид Мухаммед-хан Захир уд-доуле 249, 255, 256
Саид Нияз-хан 223
Саид-султан 121
Саин, см. Батый
Сани-кули, кайкурме 248
Салар, хив. военач. 526, 527
Салар, см. Хасан-хан Салар
Салар-юзбаши 423
Салих-аталык 524
Салих-бек, туркмен 190
Салих, сердар 265
Салих Ходжа-ишан, теке 405
Салих-шейх, узбек 387
Салыр-хан, см. Тулуй, сын Чингиз-хана
Сам-бек, векиль чемшкезека 121
Сам-мирза, см. Аббас II
Самсам-хан 231
Сам-хан, ильхани, зафаранлю 242—244, 246, 249, 252, 253, 256, 262, 265, 266, 306—308
Санджар Мазы, см. Санджар сельджукский султан
Санджар (Мазы), сельджукский султан 129, 154, 256, 423, 480, 507
Сани-уд-Довлэ, см. Мухаммед Хасан-хан
Сарбедары, дин. 9
Сару-хан, карахлю 173—177, 181
Сары-бахадур, отамыш 310
Сары Карнай, см. Сары Карнай-сердар
Сары Карнай-сердар, йомут 400, 411, 412, 415, 416, 419, 434, 447, 450—453, 464
Сары-сердар, йомут, см. Сары Карнай-сердар
Сары-сердар, йомут 633, 634, 635, 636, 637
Сары-хаджи 494
Сасаниды 234
S. de Sacy 18
Саттар-берды-арбаб 406
Саттар-кули-ака- (и-Кахрамани) 387, 389, 400
Сафа-бек, эрсари 421
Сафарак, туркмен 261, 262
Сафар Али-хан, шахсев. 269, 270, 278
Сафар Али-хан, эркекли гёклен 311
Сафарбай-сердар, см. Сафар-бай-юзбаши
Сафар-бий, см. Сафар-бай-юзбаши
Сафар-бай (юзбаши), чоудор 417, 420, 439, 447
Сафар Сули, хаджи 173, 174
Сафар, хаджи, см. Сафар Сули, хаджи
Сахиб Назар-бий 584
Сахиб Назар-караулбеги, эрсари 421
Seddon, N, издатель 9
Сейид-Абдулла Мухаммед бехадыр-хан, см. Абдулла-хан хив.
Сейид Абдулла-хан, см. Абдулла-хан хив.
Сейид Али, брат Артук-инака 181
Сейид Али-джан 565
Сейид-ата, шейх 327, 342, 347, 382
Сейид Ахмед-тёре, шахзаде 524
Сейид Иса-ходжа-накыб 535
Сейид Исмаил ходжа 546
Сейид-кули-бай, см. Сеийд-кули-бек
Сейид-кули-бек 342, 343, 347
Сейид Махмуд-тёре, шахзаде, см. Махмуд-тёре-бий
Сейид Мурад-шейх 608
Сейид Мухаммед-бай, узбек 350
Сейид Мухаммед, ишан, теке 542
Сейид Мухаммед Рахим-хан хив., см. Мухаммед Рахим II
Сейид-Мухаммед-сердар, правит. Келатской обл., см. Сейид Мухаммед-хан, джелаир
Сейид Мухаммед-хан, джелаир 221, 224—226, 438
Сейид Мухаммед-хан, правит. Герата 541
Сейид Мухаммед, хан хив. 27, 360, 533, 549, 558, 562, 564, 565, 569, 584, 587, 595, 607
Сейид Мухаммед-ходжа 540
Сейид Назар-бек, сын эмира Мухаммед Назар-инака 559—561, 567
Сейид Назар-бек, хив. шахзаде, сын Мухаммед Рахим-хана 524
Сейид Назар-бек, конграт 340
Сейид Назар-бек, имрели 358, 393—395
Сейид Назар-бий, кыят 467, 471—473, 475, 477, 486, 488, 489, 492, 493, 496, 502, 507, 513, 519, 524, 530, 531, 533, 539, 540, 548, 555
Сейид Нияз-бек, салыр 435, 440
Сейид Нияз-мутевелли 395

Сейид Нияз, ошак 425
Сейид Рафи 47
Сейид-Хади-ходжа, узбек 42
Сейф-бек, баят 61
Сейф-уд-дин, хаджи, баят 168
Сейф-уд-дин Музаффар, ходжа, битикчи, см. Музаффар, ходжа
Сейф-уль-Анами, см. Музаффар, ходжа
Селим, султан 45
Сельджуки, дин. 150, 164
Семенов, А. А. 263, 590
Сепахсалар Азам, наместн. Хорасана 311, 312
Серахс, сын Гударза 295
Сефевиды, дин. 9, 10, 29, 65, 66, 76, 78, 89, 102, 105, 117, 126, 206, 248, 258, 280, 323
Сефер-аймак 423
Сефи I, сефевид 11, 12, 108, 112, 327
Сефи-кули-хан 114, 115
Сефи-эд-дин, ардебильский шейх 10
Сипихр (Sipihr), см. Мухаммед Тагы-хан, мирза
Сиххат Нияз-хан, туркмен 264, 309
Сиямек, лег. герой Ирана 164
Снесарев, А. 44
Сохбей-сердар, эрсари 421
Союн-бехадыр (Суюн-бехадыр, Абдаль), чоудор 397, 420 439, 447, 450
Союн-бай, сарык 435, 440
Союн-бий, кыят 390—392, 398, 400, 406—408, 412, 414, 444
Союнич-бек 405
Сталин, И. В. 38
Storey, C. A. 19, 21
Струве, В. В. 4
Субхан-кули-хан, бухарский 14, 116, 195
Субхан-кули, см. Субхан-кули-хан
Субхан-кули-хан, ирак. военач. 275, 279
Сулейман, пророк 431, 436
Сулейман-ага 225
Сулейман-бек, военач. Надира 156, 163
Сулейман-бек, хив. военач. 534
Сулейман-паша 209
Сулейман-хан Думбели 240
Сулейман-хан дерегезский (дереджеский) 262, 292, 520
Сулейман, шах, сефевид 116
Сулейман, шейхванлю 129
Сулейман-ясаул, узбек 92
Султан Баязид, берлас 41
Султан-бегум, жена Хусейн-мирзы 42
Султан-бек 338
Султан-гази 59, 68
Султан-Кабуль-оглы (Кутуль-оглы 46)
Султан-мираб 584
Султан-мираб 359
Султан Мурад-бий, мангыт 201
Султан Мурад-мирза, шахзаде (навваб Хусам-ус-Салтане) 18, 240, 243—252, 260, 267, 268, 271, 278, 279, 288—292, 295, 306
Султан Мухаммед шах, см. Мухаммед Худабендэ
Султан Нияз караулбеги, эрсари 421, 422
Султан, теке 265
Султан Тимур-хан, чингизид 427
Султан-хан 213
Султан-хан, гёклен 389—391, 393—395, 397, 398, 402, 451, 456, 457
Султан-шах 209, 212
Сунбар-сердар, йомут 396—398, 410, 411
Сунджак Мухаммед-султан 59
Сунданг-бек, афшар 57
Суфи Ильки, йомут 215
Суфи (Тёре Мурад), см. Тёре Мурад Суфи
Суфи-хан 253
Суфьян-хан хив. 59, 324, 325
Сухбат-бек, сарык 261
Сухраб-хан, эмир 229, 233
Суюн-бехадыр, Абдаль, чоудор, см. Союн-бехадыр
Суюн-хан, см. Союн-бий
Суюнич-бай 388
Суюнудж Мухаммед-бий (Суюнудж-туркмен) 85
Суюнудж Мухаммед-султан, узбек 82
Суюнудж-туркмен, см. Суюнудж Мухаммед-бий
Sykes, Percy 65

Тагай-мираб 451, 453, 506, 512, 513, 523, 488, 519
Таги-хан 431, 432
Тагы-хан фараханский, Эмир-и-низам 305
Таджи-бехадур, тевaджибаши 60
Таджи-бий, кыят 342, 352
Таджи-даруга, уйгур 369
Такы-кул 407
Такы, курд 404
Такы-хан 172
Талкан-баба, Талхатан-баба 481, 484
Талхатан-баба, см. Талкан-баба
Тахир-бек, сын Насра ибн Сейяра 164
Тахир-хан (Мухаммед Тахир-хан), наместн. Надир-шаха в Хорезме 145—147, 167, 258, 334
Тахмасп I, сефевид 9, 10, 58—63, 65, 67, 68, 73, 76, 89, 93, 94
Тахмасп II, сефевид 118, 128, 132, 172
Тахмасп-бек, векиль джелаиров, см. Тахмасп-кули-хан, джелаир
Тахмасп-кули-хан (бек), джелаир 120, 135—138, 141, 142
Тахмасп-мирза, ир. военач. 228
Тахмасп-хан, джелаир, см. Тахмасп-кули-хан, джелаир
Таш Мухаммед Кефир, кушбеги 139
Таш Пулад, найман 343
Таш Тимур-арбаб, али-эли 454—456
Тевеккуль-хан 87
Тенгри-берды-бек 357, 358, 363, 385
Тенгри-берды-бек, сарык 528, 530 532—537
Тенгри-берды-эшик-агабаши, эрсари 469
Тенгри Яр-бек 365, 366
Тенек-бехадыр 366
Тераб-бек, теке 447, 462
Терентьев, М. А. 574
Тигранов, Л. Ф. 114
Тимур (Гурган), эмир 12, 29, 39, 42, 46, 54, 95, 114, 164, 356, 578
Тимуриды, дин 29, 33, 40, 52, 108, 323, 578

Тимурташ 233
Тимур-султан (Мухаммед Тимур-султан) 55, 56, 57
Тимур-шах, см. Шах Тимур
Толеген-юзбаши, кара-калпак 400, 420
Томара, М. 578
Төре-аталык, узбек, см. Төре Мурад-аталык
Төре Бай-ханум дочь Кутлуг Султана 294
Төре-бек (юзбаши) кара-калпак 420
Төре Мерген, йомут 586
Төре Мурад-аталык (инак) 400, 401, 451, 467, 492, 524, 530, 531.
Төре Мурад-инак, см. Төре Мурад-аталык
Төре Мурад Суфи 373, 374, 376—378, 380, 381
Төре Мурад-юзбаши, узбек 473, 477
Төре Футук 487
Төре-юзбаши, см. Төре Мурад-юзбаши
Тохта-ханым, мать Эренг-хана 330, 332
Тохтамыш-бий, мангыт 196, 197
Туган, кази, йомут 468
Туган Нияз-бехадыр, туркмен 376, 385, 406
Туган Нияз-хан, яхмур 215
Тугул, калмык-торгоут 329
Тулуй (Тулуй-хан, Салыр-хан), сын Чингиз-хана 164, 227
Тулуй-хан, см. Тулуй, сын Чингиз-хана
Туманский, А. 32, 40, 324
Тураб-бий 223
Турсун, хан 326, 335
Турсун Мухаммед-султан 92
Турумджи-бий, туркмен 34
Туфан, каджар 131
Тушекчи 400
Тюрк, 24

Убейдулла-султан, см. Убейдулла-хан
Убейдулла-хан (султан, Убейд-хан), бухарский 42, 55—60, 65—67, 328
Убейд-хан, см. Убейдулла-хан
Удадбай-хан, гёклен 210
Узбек-хан 90
Узбек Клыч, туркмен 261
Улуг-баба, см. Лукман ибн-Мухаммед Пиранд
Улугбек, внук Тимура 108,356
Улуг-мирза, узбек 91
Улуг-хан, туркмен 85
Умбай-бек 412
Умбай-инак 329, 587
Умет-бек, устаджлю 74
Уразак-бий, канглы 376
Ураз Али-инак 376
Ураз-бехадыр 376
Ураз-бехадыр, Ураз-бий 108, 109
Ураз-бий, узбек, см. Ураз-бехадыр
Урус, онбеги, туркмен 329
Успенский, В. 578
Устагюль, сарык 435, 441, 442
Уста Заман серахский аксакал 460
Уткур Суфи, кушбеги 201

Фазиль-бек, хив. военач. 552, 560
Фазиль-бек, сын Мухаммед Эмин-инака 350, 352, 353
Фазиль-бек-бий, кара-калпак 497
Фазиль-бий, мангыт 200
Фазиль-инак 258
Фазиль-ходжа, шейх-уль-ислам 594, 606
Фейзуллах, кази 195
Фараджулла, афшар-насакчи-баши, см. Фараджулла-хан
Фараджулла-хан, афшар (Фараджулла, афшар-насакчи-баши) 213, 214, 219, 220, 270, 277, 394
Фаррух-хан, ир. военач. 84
Фаррух-хан, Дабир-уль-мульк 320
Фатх Али-хан, туркмен, каджар, (Фатхи-каджар, Фатхи-хан) 117, 118, 172, 173, 176, 178, 182
Фатх Али хан, дядя Надира 185, 187, 188, 334
Фатх Али-хан, баят 122, 123
Фатх Али-шах, каджар 173, 195, 201, 206, 208, 213, 214, 229, 295, 306, 379
Фатхи-каджар, см. Фатх Али-хан, туркмен, каджар
Фатхи-хан, см. Фатх-Али-хан, туркмен, каджар
Фатх-хан Афганский 221
Фатх Али-хан, правит. Келата 385
Фахр Имам-уд-дин 272
Фахр-и-Рази, имам, Фахр-уд-дин-и-Рази 294
Фахр-уд-дин-и Рази, см. Фахр-и-Рази, имам
Фахр-уд-дин, сейид 46
Фейзуллах, кази 195
Фена куль, см. Мухаммед Нияз-юзбаши
Ферамурз-хан, ир. военач. 272
Феридун-мирза (Ферман-ферма), шахзаде 18, 231—234, 252—255, 260—263, 265, 266, 306—309
Феридун-хан 101
Феридун Хусейн-мирза, тимурид 42, 43, 44, 54
Ферхад-хан 76—78, 82, 84—86, 90, 91, 96
Фетхи-хан 407
Фирдауси 24, 25
Фируз, афг. царевич 402
Фрейтаг, Н. Н. 205

Хабаш, см. Хабаш-султан
Хабаш-султан 101, 325, 326
Хабибуллах, ходжа, правит. Герата 9, 58
Хабибулла-хан, эмир 236
Хавз Мурад-мираб, узбек 540
Хавз Мухаммед-векиль, имрели 553
Хавз Нияз-мехрем 618, 619, 621, 622
Хавз-ходжа, шейх-уль-ислам 488, 489, 492, 545
Хаджи-ага Юсуф, хаджи-баши 313
Хаджи Гулям-хан 268
Хаджи Менучихр-хан, астрабадский беглербеги 113, 114
Хаджи Мирза-агасы 311
Хаджи Мурад-дастарханчи, эмир 412
Хаджи Мухаммед-хан ибн Ата-султан (Хаджим-хан), 31, 73, 76—84, 86—88, 90—92, 95, 96, 101, 102, 258, 332

Хаджим-хан, см. Хаджи Мухаммед-хан
Хаджи Тимур-хан, кызылбаш 116
Хаджи-хан-бек 256, 257
Хадидже-беги-ага, мать Музаффар Хусейн-мирза 42
Хазрет-и-ишан, туркм. дервиш 239
Хайдер, см. Хайдер, эмир бухарский
Хайдер, основ. дин. сефевидов 153
Хайдер-кули-хан, ильхани, шадилю 311, 312, 318, 319, 320
Хайдер, мир (эмир) бухарский (Хайдер-тёре) 196, 201, 202, 206, 207, 356, 370—372, 382, 416, 417, 422, 424, 474
Хайдер Мухаммед-мирза 53
Хайдер Рази, историк 325
Хайдер-тёре, см. Хайдер, мир бухарский
Хайдер-хан, гёклен 468, 497
Хаким-ата, шейх 285
Хаким-аталык, см. Хаким Нияз-аталык
Хаким-аталык, мангыт (Хаким-бий, аталык) 140, 141, 162, 206
Хаким-бий, аталык, см. Хаким-аталык, мангыт
Хаким-бий, кушбеги 443
Хаким Нияз-аталык (Хаким-аталык), кыпчак 553, 555, 565, 582, 584, 606, 624, 625, 632, 633, 636, 637
Хаким-уль-мамалик, см. Али Тагы ибн Исмаил
Хаким-хан, салыр 221, 402, 415
Хакк Назар-мингбаши 264
Хак Нияз, мулла 385
Халиль-Ага, каджар 215
Халиль-бехадыр, эрсари 421
Халиль-султан, зулькадар 57
Халим-бек 608
Халифе Султан, везир Аббаса II 13
Халлы-аталык, узбек 397
Халлы-бек 400
Халь Мурад-юзбаши, узбек 465
Халь Назар, см. Халь Назар-бек
Халь Назар-бек, салыр 405, 430, 459
Халь-Назар-бехадыр 541, 542
Халь-Назар-реис, дамулла 545
Халь Нефес-аталык, см. Халь Нефес сердар
Халь Нефес-сердар (аталык), теке 383, 387, 388, 397, 403, 408, 409, 414, 435, 447,
Халь Нефес, теке, см. Халь Нефес-сердар
Халь Нияз, йомут 365
Халь Нияз-бай, йомут 500
Халь Нияз-даруга, уйгур 423
Халь Нияз Йесир, окуз 361
Халь Нияз-онбеги 343
Халь Нияз-юзбаши 391, 413
Халяф-бек (Хулеф-бек), талыш 45
Халяф-бек, суфречи-баши 109, 110, 112
Хамдаллах Казвини 95
Хамза-мирза, шахзаде 240—243
Хамза-хан, кызылбаш 465
Хамза-хан Анзани 304
Хан Гельды-бий (инак), аральский хаким 336—340
Хан Гельды-инак, см. Хан Гельды-бий
Ханджар-хан 199
Хани Кёр-сердар, теке 401
Хан Мухаммед-бай 459
Хан Нефес-аталык, теке, 476
Хан Саат-сердар, теке, см. Саат-сердар
Хан Сувар-хан, хезаре 266, 312
Ханы, мулла, сарык 440
Ханыков, Н. (N. de Khanikoff), 256, 343, 357, 481
Ханык-сердар, йомут 482
Хасан, сын Мухаммед Нияз-бехадыра 410
Хасан Али-мирза (Хасан-мирза), ир. шахзаде 213, 220—224, 432
Хасан Али-хан, ми'яр-баши 164
Хасан-Али-хан, полковник аджамского полка 272
Хасан Али-хан хафский, хаджи (Али-хан, мир) 269, 270
Хасанбай-бий 385
Хасан-бек Бек-оглы, эмир 62, 63
Хасан-бек, йомут 596
Хасан-бек, курд 173
Хасан-бек Румлю (Hasan-i-Rumlu), историк 9, 10, 52
Хасан-бек, эрсари 421
Хасан-бехадыр 412
Хасан-Бузург, джелаир 92
Хасан-и-Чуган, см. Хасан-хан, туркмен
Хасан-мирза, см. Хасан-Али-мирза
Хасан Мурад-аталык 366, 376, 382
Хасан Мурад-бек, см. Хасан Мурад-кушбеги
Хасан Мурад-бек, хив. царевич 367, 381
Хасан Мурад (бек), кушбеги 568, 580, 587, 591, 596, 597, 600, 606
Хасан Мурад-мехрем 427
Хасан Нияз-вели, чоудор 450
Хасан Нияз Шаир, икдыр 447
Хасан-султан, шамлю 68
Хасан-хан 183, 184
Хасан-хан Казвинский, сердар, каджар 214
Хасан-хан, иранск. военач. 278
Хасан-хан сабзеварский 261—264, 269, 307, 308
Хасан-хан Салар 18, 240, 241—243, 290
Хасан-хан Сары Аслан 231, 233
Хасан-хан, сын Мухаммед Хусейна, каджара 173
Хасан-хан Табаси 221
Хасан-хан (Хасан-и-Чуган), туркмен 282, 304
Хасан-хан, чавушлю 77
Хасан-хан, шамлю 107, 108, 110, 112
Хасэ-кушбеги, конграт 565
Хасэ-кушбеги 352, 353
Хасэ Пулад-кушбеги 553
Хатим-бек (Итимад-уд-довле), везир Аббаса I 11
Хафизи Таныш 591
Хафиз, поэт 15
Хафиз, конграт 60
Хафизек-султан Хабушани 81
Хашим-ходжа, мир 371
Хезаре-хан 90
Херзе-векиль, йомут 618
Хидаят, см. Риза-кули-хан Ляля-баши
Хизир, эймур 248
Howorth H. 27

Ходжа Ахмед, конграт 43, 44, 47, 54
Ходжа-джан-ходжа 398
Ходжа-и-азизан, см. Али Рамитани бухарский
Ходжа Кашгарский, см. Юсуф-ходжа
Ходжа-кули-инак, конграт 343
Ходжам Берды-юзбаши 455
Ходжа Мир, см. Ага Мир-Кефшгер
Ходжа Мурад-бий 375
Ходжа Мурад-бий 553
Ходжа Мухаммед Кашгарский, см. Юсуф-ходжа
Хаджим Шукур-аксакал, теке 409, 488, 505, 509, 510
Ходжа Назар-бек, йомут 398
Ходжа Назар-бек, теке 391, 404, 408, 409, 435
Ходжа Назар-бек, салыр 404, 439
Ходжа Назар, кази 348
Ходжа Назар Селим, салыр 495
Ходжа Назар-сердар, салыр 459
Ходжа Нияз (Вор) 584, 586
Ходжа Нияз-бий (бай) кыпчак, хив. военач. 412, 428, 506
Ходжа Нияз-векиль, орус-кошчи 563, 584, 585
Ходжа Нияз-даруга 553
Ходжаш-мехрем 512, 513
Ходженд-верды, йомут 302
Хондемир (Гияс-уд-дин ибн Хумам-уд-дин), историк 7—9, 29, 33, 39, 40, 52
Хо-Орлок, калмык 31
Хорезмшахи, дин. 164
Хосрев, герой поэмы 351
Хосров-мирза 227
Хосров-хан, правит. Астрабада 101
Хубби-ишан 566, 568
Хубби-кули-ходжа, эмир 385, 394, 397, 398, 408, 412, 413, 423
Худай-берген-бай, эрсари, 421
Худай-берген (бек) 365, 366, 369
Худай Берген-бий 553, 555
Худай-берген Орус, йомут, см. Худай-берген-юзбаши
Худай-берген-шигаул 626, 628
Худай-берген-юзбаши (Орус), йомут 482, 498, 566
Худай-берды Аркар 407
Худай-берды-бай, чагатай 342
Худай-берды-бек 387
Худай-берды-инак 364
Худай-берды, наиб. нукуз 353
Худай-берды Таук 423
Худай-кули-инак, узбек 331
Худай Назар-аталык, мангыт 366
Худай Назар Как 374, 395
Худай Назар Кап 384
Худаяр Али, мехрем 264
Худаяр-хан, правит. Синда 158
Худаяр-бий, кыят 464, 466, 470, 472, 473, 475, 477, 482, 486, 488, 489, 492, 493, 496, 502, 507, 511, 512, 519, 523, 524, 526—528, 532, 533, 538—540, 568
Хукумет-хан, правит. Меймене 260, 264, 265, 544
Хулагу 44
Хумаюн 9
Хураз-аталык 423
Хураз-бек-аталык (Хураз-инак), брат Артук-инака 177, 181, 334, 335, 348
Хураз-инак, см. Хураз-бек-аталык
Хусам-ус-Салтане, навваб, см. Султан Мурад-мирза
Хусейн, векиль йомутов 137
Хусейн, туркмен 217
Хусейн Али-хан, шейх 314
Хусейн Байкара, см. Хусейн-мирза, султан, тимурид
Хусейн-бек Лала 57
Хусейн-бехадыр, чоудор 412
Хусейн-кули-бек 64
Хусейн-кули-хан 217
Хусейн-кули-хан, зафаранлю 227
Хусейн-хан-сердар 465, 466
Хусейн-мирза, султан, тимурид (Хусейн Байкара) 9, 29, 39, 40—42, 52—54, 164
Хусейн Мурад-аталык, кыпчык 365
Хусейн Мурад-бек 365
Хусейн-сердар 398
Хусейн-хан 268
Хусейн-хан, см. Мухаммед Хусейн-хан каджар
Хусейн-хан-бек, туркмен 189
Хусейн-хан Зияд-оглы, каджар 96, 99, 100
Хусейн-хан, каджар Казвини, сердар Хорасана 205
Хусейн-хан, султан 331
Хусейн-хан, ходжа, см. Мухаммед Хусейн-хан, хаджи, иззудинлю
Хусейн-хан, хаджи (Шихаб-уль-мульк, эмир-туман шахской армии) 318
Хусейн-хан, шамлю 87, 99
Хусейн-хан-юзбаши, шахсевен 270, 271
Хусейн эмир 46, 47
Хусейн, эмир, джелаир 92
Хусейн-хан, эмир, ильхани зафаранлю 252, 306, 311, 319, 320
Хосроу-султан, правит. Меручака 107
Хосроу-хан, астрабадский беглер-беги 105, 106
Хушанг, легенд. царь Ирана 164
Хушике-бий, бух. аталык 115, 116
Huart, Ch. 33
Хызр Назар-хан, предв. каррави и бехлеке 248
Хызыр-сердар 380

Чаар Яклы-бай, теке 448
Чарьяр-кули-бай, теке 440, 450, 451
Чапу-юзбаши 473
Чераг-бек, афшар 120, 121
Черендаб-султан, шамлю 61, 70
Черен, калмык 365
Чин-бий, мираб, узбек 331
Чингиз-хан 24, 65, 75, 81, 161, 164, 191, 195, 227, 264, 283, 290, 325, 578
Чингизиды 145, 147, 206, 418, 427
Чулман-сердар 439
Чумче-Баба-сердар (Баба-сердар), йомут 364

Шакир-диван 368
Шакяр, чемшкезек 128

Шамс-дин Мухаммед Маниш, ходжа 53
Шамс-уль-маали Кабус ибн Вушмгир, см. Кабус ибн Вушмгир
Шанек-мирза, мангыт 326
Шараф, шейх 294
Шатир-Абдулла 57
Шатыр-бек, даруга, туркмен 61, 70
Шах Али-султан, устаджлю 60, 68, 69
Шах Вели-хан 480, 481, 485
Шах-верды (хан) 83
Шах-верды бек Качаль, см. Шах-верды-султан
Шах-верды-бек, кенкерлю 68
Шах-верды-султан (Шах-верды-бек Качаль, Качаль Шах-верды), устаджлю 60, 61, 69, 70
Шах-верды-хан, шейхванлю 128, 129
Шахгази-хан хив. 335
Шах Заман (Заман-шах) 195, 200
Шах Камран (Камран-мирза, Камран-бек) 221, 236, 402, 403, 427, 436, 459, 462, 463, 471, 472, 480, 482
Шах-кули-бек мервский, каджар, см. Шах-кули-хан
Шах-кули-султан, баят 83, 91
Шах-кули-халифе-и-мухрдар, зулькадар 62, 70, 71
Шах-кули-хан (Шах-кули-бек мервский), каджар 151, 162, 163, 168, 171, 177—179, 180, 182—189
Шах Махмуд (Махмуд-шах, афганский) 195, 402
Шахмердан-инак 486
Шах Мурад-бек, см. Шах Мурад Бухарский
Шах Мурад-бий, см. Шах Мурад Бухарский
Шах Мурад Бухарский (бек, бий, Мир Ма'сум, Бекджан) 194—200, 201, 206, 207, 371
Шах Мурад-инак 307, 484, 485, 492, 496, 524, 532, 533, 536, 539, 540, 548, 553, 557, 599
Шах Мурад-юзбаши 473, 477
Шах Мухаммед-онбеги, али-эли 458, 508
Шах Навар, кази, салыр 440, 447, 463
Шах Навар, текелю 100
Шах Нияз, аталык (Нияз-аталык) 361, 369, 389, 390, 565, 568, 575, 587
Шах Нияз-бек 341, 349, 412
Шах Нияз-хан хив. 332
Шах Пасанд-хан Фирузкухи 236
Шах Пулад-мерген 423
Шахрух, сын Тимура 164
Шах Темир, аральский хан 333
Шах Тимур (Тимур-шах), Дуррани 194, 195, 198—201
Шах Тимур-хан 359
Шахрух-бек, афшар 57
Шейбан, сын Джучи 65, 75, 81
Шейбани-хан (Шейбек-хан, Мухаммед-хан Шейбани) 29, 30, 39, 40—44, 47—56, 153, 323
Шейбаниды, дин. 30, 33, 52, 258
Шейбек-хан, см. Шейбани-хан
Шейх-бехадыр, эрсари 426
Шейх Мухаммед, туркмен, см. Мухаммед Шейх, сердар, туркмен
Шейх Назар 60
Шейх-Нефес-онбеги, имрели 447
Шерер-уд-дин Савери, сияхпуш 95, 98
Шереф-хан, кызылбаш 415
Шериф-сердар, теке 404, 408
Schefer, Ch. 16, 17, 19, 341
Шигал-мехрем 374, 386
Шир Али, нукуз 386
Шир-ата, вождь пл. ата, 462, 493
Ширгази-хан хив. 24, 126, 127, 166, 332, 333, 348, 359
Ширдали-бий 359
Шир-джелаир, эмир 53
Ширин, героиня поэмы 351
Шир Мухаммед, мираб, см. Мунис
Шир Мухаммед-хан, хезаре 228, 236, 462, 464, 471, 472
Шир-Мухаммед-хан, ир. военач. 275
Шмелев, Кузьма 578
Шуджа-уд-дин Зуннун, эмир, аргун (Зуннун-эмир) 39, 41, 54
Шуджа-уд-дин-хан, правит. Шахмердана 481, 485
Шуджа-уд-доуле 319
Шуджа-ус-Салтане 230
Шукрулла-ага 504
Шукрулла-хан 272
Шукур-берды-шейх 597, 598, 599, 633

Эвез Бек-берды-бек, йомут 370
Эвез-бек, салак 364, 365
Эвез-бек, теке 406
Эвез-бек, узбек 524
Эвез-бек (Аваз, Иваз, Ivas), см. Эвез-инак
Эвез-берды Тавар 412
Эвез-берды-юзбаши, см. Эвез-юзбаши
Эвез-бий, ходжа 473
Эвез-бий, отец Муниса 23, 24
Эвез-бий, см. Эвез-инак
Эвез-инак (бек, бий), конграт 24, 202, 258, 296, 341, 353, 355, 356
Эвез-инак, эмир, мангыт 365
Эвез-инак, хив. военач. 223
Эвез-караул, сокты 441
Эвез, мешрик 589, 590
Эвез-мулла 442
Эвез-мехтер 332
Эвез-Мурад-бек 523
Эвез Мурад Суфи, сарык 441
Эвез (Аваз) Мухаммед, историк 295, 420, 490
Эвез Мухаммед-бай 393
Эвез Мухаммед-векиль, имрели 567, 579
Эвез-султан, правит. Астрабада 47
Эвез-ходжа, шейх-уль-ислам 473, 475, 477, 482
Эвез-юзбаши (Эвез-берды-юзбаши) 385, 386, 389, 390, 395, 414—416, 422, 439, 444, 459
Эвезли, мулла, сарык 440
Эйдек-юзбаши 572
Экрем-хан, джемшид 482
Эль Аман 39, 41, 54
Эль-аман (бехадыр), конграт 366, 379, 380
Эллиот 8
Эльтузер-инак 559

Эльтузер, хан хив. 24, 202—204, 258, 259, 296, 349, 354—356, 358, 359, 362, 368, 370—272
Эльтузер-сердар, см. Эльтузер-хан, сердар
Эльтузер-хан, сердар, йомут 302, 304
Эльтузер, конграт 345
Эльчи-инак, уйгур 345
Эминек-хан 324
Эмин-сердар, сарык 441
Эмир-бек Мосульский, мухрдар, туркмен 50, 51, 56
Эмир-бек, туркмен, см. Эмир-бек Мосульский, мухрдар
Эмир-Вели-аталык, канглы-кыпчак 357, 361, 362, 368, 369, 371, 372
Эмир-кара-калпак 397
Эмир Султан-мираб 369
Эмир-султан Румлю 10, 68
Эмир-хан, иззудинлю, каджар 214, 216
Эмир-хан, шахсевен 308
Эмир-хан, курд 212
Эмир-хан, полковник куртбеглю 254, 255, 265, 266
Эмир-хан, хив. военач. 385, 387
Эмир Чупан 92
Эр Али-хан, казахский 339, 340, 342
Эренг-хан хивинский 330, 331, 357
Эр Назар, конграт 533, 555, 572
Эр Назар-бек 383
Эр Назар бухарский, мулла 345
Эр Назар-инак 472, 488, 489
Эр Нефес-юзбаши 540
Эр Нияз-мехрем 524, 528, 530, 532, 536, 539, 543, 545
Эрсари-ходжа 389
Эсенбай-бий 391
Эсен Гельды-мехрем, конграт 340
Эшим-бехадыр, найман 357, 365, 366, 369
Эшим (Ишим), хан казахский 326
Эш Мурад 483
Эш Мурад, конграт 336, 339
Эш Мурад-мираб, нукуз 343
Эш Мухаммед-бек 375, 378
Эш Мухаммед-бий, эмир 359
Эш Мухаммед-юзбаши 390
Эш Назар-бехадыр, джелаир 349, 350
Эш Назар-мираб, нукуз 343, 346—348, 350
Эш Назар (Эшэк сойган), мулла 345
Эш Назар-токсаба 371
Эш Нияз-бай 347
Эш Нияз-шамхалчи 386
Эш Пулад-аталык, уйгур 343

Юлдуз-хан 426
Юнус-хан, правит. Хорезма 66
Юсуф-аталык, узбек 465
Юсуф-бек 368
Юсуф-бай 628, 635, 636
Юсуф-бий 582, 584
Юсуф-дастарханчи 536, 539, 547
Юсуфджан-мехрем, см. Юсуф-хан-мехрем
Юсуф Кашгарский, см. Юсуф-ходжа
Юсуф-кули-хан, татар 227
Юсуф-хан-мехрем (Юсуфджан-мехрем), джемшид 500, 524
Юсуф, мехрем, см. Юсуф-хан-мехрем
Юсуф, мехтер, см. Мухаммед Юсуф-мехтер
Юсуф, мирза, Мустауфи-уль-Мамалик 313, 320
Юсуф Мухаммед Кашгарский, см. Юсуф-ходжа
Юсуф Нияз-бек, конграт 362, 369
Юсуф-султан, правит. Хорезма 59, 60
Юсуф хамаданский, ходжа 480
Юсуф-хан, хезаре 311
Юсуф-хан, сипехдар 213, 217
Юсуф-хан Гурджи 214
Юсуф-ходжа (Юсуф Кашгарский, Юсуф Мухаммед Кашгарский, Мухаммед, ходжа, Ходжа Мухаммед Кашгарский, Кашгарский ходжа) 18, 36, 205, 208—214, 216, 217
Юсуф-ходжа-накыб, сеийд 387
Юсуф Шейх, али-эли 455

Ябав-хан, девечи 248
Явак-Дин-бек (Бук-Дин-бек) 46
Ядгар Мухаммед-бек, см. Ядгар Мухаммед-султан, тархан туркменский
Ядгар Мухаммед-султан, тархан туркменский (Ядгар Мухаммед-бек, туркмен) 62, 63, 70, 72
Ядгар-хан, из рода Джучи 323
Яздан-верды-хан, зафаранлю 241, 256, 257
Якуб-бай 489, 510, 519
Якуб-бек 552, 560
Якуб ибн Юсуф, см. Якуб, мехтер
Якуб-инак 606
Якуб-мехрем, см. Мухаммед Якуб-мехрем
Якуб, мехтер (Якуб ибн Юсуф) 228, 305
Якуб-ходжа 374
Якши Мурад-даруга 555
Ялангтуш-бехадур (бий, аталык) 109
Ялангтуш-хан джемшидский 388, 459, 461
Ялангтуш-хан, джелаир 221, 226
Ямгур-бек, салыр 440
Яри-шейх, меджеур 448
Яр-кули Палван, йомут 417, 425
Ярлыкаб-бек, хасан эли 378
Яр Мухаммед-бехадыр 353
Яр Мухаммед-диванбеги 375
Яр Мухаммед-хан 241, 242
Ярым-диван 334, 337
Ярыклы Палван, йомут 421
Яры-шейх, меджеур 462
Яубасар-бек 401
Яу-бури-наиб, мангыт 348
Яфет 24
Яхсалих-бей, см. Яхшилик-бий
Яхшилик-бий (Яхсалих-бей), правит. Кыпчака 352, 376
Яхши Мерген, гöклен 464, 465, 469
Яхши Мурад-юзбаши 473, 475, 477
Яхши Мухаммед-даруга 584, 599, 606
Яхши Мухаммед, катаган 349
Яхши Мухаммед-Пехлеван, салак 635

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абарсидж, сел. 233
Аббас-абад 127, 225, 311
Абдаль-баба, мазар 349, 350
Абиверд (Баверд) 29, 39, 40, 47, 53, 59, 60, 64—66, 73, 75, 76, 80, 81, 85, 90—92, 95, 98—100, 103, 104, 113, 118—124, 126, 128, 130, 131, 133—135, 139, 146, 157, 163, 165—167, 174, 207, 208, 221, 222, 333, 359, 384, 387, 447, 454, 456, 457
Абиверская крепость 100
Аб-и-Ду-берар 261
Абулхан, горы, см. Балханские горы
Агач, местность 407
Агра 9
Агук-коюлган 369
Адак 9, 188
Аджаль-шах 387
Аджам 276
Аджи-как 396
Аджи-кудук 425
Адина Мурад, колодец 499
Адун-ата, источник 285
Аждаркух, горы 223
Азгандское ущелье 405
Азербайджан 10, 11, 43, 44, 46, 48—50, 54, 55, 57, 78, 92, 94, 114, 118, 121, 132, 133, 148, 150, 152, 165, 168, 181, 185, 208, 220, 231, 242, 244, 249, 602
Азия 479
Азия Малая 10, 92
Азия Передняя 15
Азия Средняя (Asie Centrale) 3, 7, 14—17, 23, 24, 28—30, 32, 38, 40, 45, 237, 256, 325, 329, 334, 337, 346, 347, 357, 490, 564, 566, 574, 580, 583, 594, 608
Ай-бугир 365, 376, 378, 473
Ай-бугирская возвышенность 368
Аймак-джери 471
Айрытам 396
Ак-Алан, канал 608
Ак-аланг 608
Ак-баш, местность 424
Ак-булак, р. 473
Ак Дербенд 188, 223, 228, 230, 242, 245, 251, 252, 265, 278, 289, 295, 307, 308, 427, 430—432, 434, 461, 544, 584
Ак Дербендский проход 438
Ак Забиль 314
Ак-кала, крепость 93, 247, 313—315
Ак-кёль 361, 362
Ак-кум 356, 363, 373
Ак-мечеть 537
Ак-Мешхед 47
Ак-рабат 171, 379, 434, 435, 440, 451, 478, 479, 510
Ак-сарай 169, 178, 358, 359, 361, 362, 365, 548, 579, 614, 619, 620
Ак-су 208
Ак-тепе, крепость 184, 293, 408, 457, 469
Акча-кая 482, 483
Акче 78, 138, 190
Ак-яб 499, 618
Ак-яйлак 396
Ала, местность 285
Ала-буляк (alabuläk) сел. 353
Аладаг 46, 132, 137, 333
Ала-кум, пески 467
Алан-дашт, степь 225
Алан-дашт, сел. 225
Али-булак 84, 215
Али-булакский источник 206
Али-кудук, колодец 468
Алихэн-буюки, местность 489
Алла-берды-Азизляр, местность 446
Аман-кули, арык 355, 364, 365
Амбар 340
Амвад 333
Амин-дарья, см. Аму-дарья
Аму-дарья (Аму, Амуйе, Джейхун) 32, 34, 39—41, 43, 47, 54, 56—60, 80, 100, 112, 115, 138—141, 143, 145, 156, 158, 166, 171, 188—190, 195, 197, 202, 258, 285, 286, 292, 293, 296, 309, 326, 328, 331, 351, 356, 364, 371, 417, 421, 425, 426, 434, 436, 440, 444, 449, 451, 459, 475, 478, 479, 485, 487, 488—490, 493, 494, 498, 500—503, 510, 518, 523, 525, 527—529, 531, 533, 540, 547, 565, 580, 583, 596, 609, 620
Амуйе, см. Аму-дарья
Аназэн, булюк 40
Анау 254, 307, 403—405, 409, 469, 605
Анбар-кала 376
Ангарек 414
Англия 17, 276
Андхой 78, 137—139, 178, 184, 191, 236, 425, 426, 480, 481, 485, 488
Андхуд (Аддахуд, Ан-нахуд, Андахуд), см. Андхой
Арабистан 74
Араб-хавэ 335, 338, 349, 350
Аракс 244
Арал 31, 35, 143, 146—149, 157, 168—170, 326, 327, 331, 332, 337, 340, 343, 352, 372, 374, 378, 380, 381—383
Аральский вилайет (аральское владение) 327, 340

Аральское море 32, 33, 325, 326, 375
Аргун-шахи, ворота Келата 254
Ардебильский район 114
Арз-кала 435, 440
Арман, крепость 413
Армия 311
Армудли 318
Арчман 389, 392, 410, 469
Асперзан-тепе 409
Астане 341, 352
Асс, сел. 475, 477, 488, 494
Астара 113
Астрабад (Astarabad) 9, 19, 29, 39, 40, 42—47, 54, 58, 60—63, 66—70, 72—74, 82, 86, 87, 89—91, 93, 97, 100, 101, 105, 113, 118, 124, 130—133, 136, 148, 156, 168, 169, 172, 173, 174—176, 181, 188, 202, 205, 206, 211, 212, 214—221, 227, 228, 230—232, 234, 235, 237—239, 247, 248, 258, 266, 267, 272, 273, 275, 276, 279—285, 288, 290, 292, 296—305, 310—320, 322, 332, 402
Астрабадская область (провинция) 45, 54, 61, 66, 68, 70, 71, 86—90, 93—96, 98, 101, 102, 105, 117, 149, 175, 176, 205, 211, 213, 216, 232, 233, 240, 281, 313, 314, 380, 466
Астрабадское ущелье 45
Астрабадская степь 219
Астрабад-Рустак, булюк 40
Астрабад-Шухрудский район 48, 105, 211, 216, 225, 228, 232, 235, 247, 256, 266, 305, 311
Асхаб-суи 396
Ата, ворота в Хиве 350
Атабайский район 69
Аталык-арнасы, арык 363, 382
Атау 254
Атек 12, 148, 160, 173—176, 178, 219, 235, 257, 258, 274, 275
Ат-йолы (Ат-гузары, Лошадиная дорога) 377, 378, 380, 381, 473, 596
At-jol, озеро 377
Ат-кырган 456
Аток 141
Атрек 33, 35, 43, 45, 67, 71, 89, 91, 94, 97, 131, 132, 136, 211, 235, 284, 298, 301, 302, 314, 329, 332, 359, 370, 393, 395, 466
Ату-тепе 156
Атхур, местность 478, 492
Афганистан (Afghanistan) 16, 17, 22, 41, 43, 44, 47, 57, 78, 108, 125, 151, 209, 263, 269, 336, 403, 404
Афганское государство, см. Афганистан
Арризэ, сел. 256, 257
Ахал 207, 223, 240—242, 254, 267, 271, 273, 274, 279, 288, 290, 292, 307, 359, 382, 384, 386, 387, 397, 400, 403, 406, 410, 413, 414, 417, 427, 433, 444, 457, 466, 469, 476, 483, 488, 511, 516—519, 521, 540, 545—547, 553, 557, 572, 605
Ахал-ата 407
Ахальская область (Ахальский округ) 518, 595, 605
Ахалтекинский оазис 234
Ахал-тепе 444
Ахар, г. 244
Ахнау, крепость 488
Аша, р. 408
Ашак 584, 585
Ашраф 45, 221, 237, 280
Ашур-ада, остров 237, 281
Ашхабад 39, 40, 53, 254, 255, 274, 307, 382, 403, 405, 409, 413

Баба Зердаде-кыр, возвышенность 387
Баба Иляхи 40, 53, 54
Баба-хаки 53, 57
Баба-хан-ойукы 469
Баверд, см. Абиверд
Баверд-тепе (Баверд-тепеси) 403, 455, 457, 469
Баверджик 385
Багабад 75, 76, 80, 92, 95, 99, 100, 124
Багвадэ, крепость 119—121
Багдад 92, 136, 148, 171, 209, 210
Баг-и-Джеханарай 53
Багир, аул 39
Баг-и-Шахр 53
Баглан 340, 353
Баг-Сунган, крепость 434, 439
Бадархан-арык 330
Бадахшан 78, 208, 209, 212
Бадгис 41, 54, 57, 117, 138, 158, 168, 263, 482, 484, 527, 535
Бадгисская область 107
Базарган 344
Байрам Али-хан, крепость 480, 493, 502, 507—509, 522, 523, 531
Баку 237
Балэ-Герив 74
Балаи-хаф, булюк 256
Балаи-шем, колодец 467
Балаи-шем, местность 389
Бала Мургаб (Мургаб, г.) 107, 108, 110, 153, 168, 236, 295
Бала-хиябан, гл. улица Мешхеда 312
Бала-ятан 365
Балкан, см. Балханские горы
Бал-кудукы 459
Балх 29, 40, 41, 47, 57, 59, 77, 78, 87, 106, 109, 112, 137—140, 153, 157, 158, 163, 164, 166, 179, 184, 190, 195, 196, 200, 485
Балханские горы (Балкан, Балхан, Балханы) 32—34, 130, 136, 149, 176, 178, 180—182, 234, 324, 327, 332, 333, 359, 396, 467
Балхская область (провинция) 10, 138
Балыклы 411, 434
Бами 35, 218, 221, 222, 329, 389, 392, 397, 415, 469
Бамиан 195, 210
Басра 210
Бастам (Бистам) 46, 47, 54, 58, 68, 70, 76, 78, 80, 84, 85, 90, 91, 96, 131, 132, 136, 214, 215, 219, 220, 230, 231, 233, 234, 321, 327
Бастамская долина 84
Бахарэ 44, 59, 168, 255, 256, 269
Бахр-абад 87

Бедркент 389, 396, 401, 597
Бейхак, округ 55
Бек-абад 348
Бек-Арслан, стоянка 286
Бек-тепе 417, 419, 468
Бек-яб, канал 597
Белуджистан 151, 157, 209
Бендер-Бушир 276
Бендер-и-Мерв 127
Бендер-и-Шах 69
Бенд-и-Джан Али, плотина 185, 186, 470
Бенд-и-Надир 483
Бенд-и-Рамин 361
Бенд-и-Султан 157, 163, 423, 452, 481, 484, 522, 532
Бердар, проход 405
Беурма 35, 218, 221, 222, 329, 389, 392, 397, 415, 469
Беш-агач 478, 523
Баш-арык 340, 352, 353, 555, 615
Беш-кала, см. Хорезм
Беш-тушук, гора 377
Биби-Ширван 234
Бивижен 277
Бистам, см. Бастам
Битак 492
Биябанче-каласы, разруш. крепость 399
Биярджуманд 84
Бомбей 8, 16
Бомбейский порт 210
Восага-кумы 441
Бугмидж 122, 123
Буджнурд 53, 69, 235, 239, 240, 241, 266, 273, 274, 279, 285, 310, 311, 318, 456, 464, 465—467
Буджнурдский булюк (округ, район) 235, 266, 273
Буджнурдское ханство 46
Бузанджирд, см. Буджнурд
Бузун 482
Букри, селение 512
Булдумсаз, крепость 52, 347, 364, 458
Бурдалык 190, 423
Бурлак 573
Бурли 434, 531
Буруджирд 83, 212, 239
Бурья-баф 421, 476, 492
Бурьячи 347
Бут-Бас, заросли 513
Бут-и-Бамиян 195
Бухара (Boukhara), город и ханство 14, 16, 17, 29—31, 33—35, 45, 56—60, 64—66, 80, 92, 109, 112, 113, 116, 136, 138—142, 144, 145, 158, 159, 181, 183, 185, 186, 189, 190, 192—201, 202, 203, 206, 207, 251, 253, 287, 292, 295, 296, 325—327, 329—332, 334, 336—339, 342—347, 351, 352, 356, 357, 371—373, 382, 384, 388, 418, 420, 424, 442, 443, 447—449, 459, 469, 474, 475, 485, 488, 490—494, 498, 500, 501, 505, 518, 524, 529, 532, 537, 577, 590, 591, 594, 606
Бухарское ханство (Бухарский вилайет), см. Бухара
Варданзи 420, 491
Варданзийский туман 372
Везир 9, 65, 66, 88, 188, 323, 340, 352, 353
Везир Старый (Куня Везир) 375, 549
Виджменоу (Wijmanû), перевал, см. Кузлук
Волга (Атиль) 30, 375

Гав-баг, урочище 242
Гази-абад (Хазават, Газават) 361, 570, 573, 574, 582, 584, 585, 588, 597, 599, 600, 611, 612, 614
Гази-абадский канал 600
Гази-абадская крепость 553, 613
Ганге Чашкен, местность 259, 286
Гарджистан 47, 57, 168, 187
Гариб-ата 434
Гарриче, «как» (стоячая дождевая вода) 395
Гаткар, стоянка 296
Гебр-как 396
Гендумкан 181, 327, 335, 545
Геок-тепе, Гёк-тепе 410, 515
Герат 9, 29, 40—44, 48, 52—59, 64, 65, 91—93, 98, 99, 106—108, 110, 112, 117, 133, 143, 157—159, 168, 171, 186, 195, 196, 199, 201, 209, 218, 227, 231, 232, 236, 241, 243, 249, 255, 256, 267—272, 278, 307, 333, 402, 459, 462—464, 470—472, 480—482, 533, 541, 544, 545, 553
Гератская крепость 464
Гератская область (провинция, улус) 255, 256, 269, 427, 436, 528
Гери-руд 41, 48, 228, 255, 263, 269
Гили-даг 273
Гилян 40, 82, 83
Гиркания 40
Гиссар 78, 140, 141, 393
Гёгерджели 435, 440, 478, 492, 518
Гёклен-кую 286
Гуджерат 9
Гульбан-баг, сел. 344, 349, 501
Гульбан-баг-кёль, озеро 350
Гумбед-и-Кабус 69, 98, 234, 235, 319
Гур 41, 43, 44
Гурган (Джурджан) 29, 40, 42, 43, 44, 47, 67, 69, 70, 94, 98, 117, 227, 230, 231, 241, 258, 259, 272, 280, 281, 283, 285, 287, 288
Гургандж, см. Ургенч
Гуриян 99, 108, 117, 246, 269, 278
Гурлен 170, 340, 343, 346, 347, 350, 353, 365, 378, 548, 555, 557, 558, 564, 569, 570, 597
Гурленский округ 363
Гурсефид 232
Гюрген, р. 29, 35, 36, 42, 45, 63, 67, 69, 72, 89, 91, 93, 94—97, 105, 133, 169, 173—176, 182, 191, 203, 205, 210—212, 219, 231, 234, 235, 238, 239, 247, 248, 282, 283, 296—298, 301, 303, 304, 306, 310, 318, 319, 321, 329, 332, 350, 359, 370, 380, 382, 388, 389, 393, 394, 415, 465—468, 470, 510, 511, 547, 579, 585
Гюргенская долина 318

Гюргенская степь 210, 213, 219, 231, 247
Гяз 220, 281
Гялюга, сел. 237
Гянджа 12, 124
Гярм-аб, р. 392
Гярмсир 43
Гярус 262, 263
Гяурс 404, 409

Давлет-абад 53
Дагестан 146, 147, 152
Дамган 42—44, 54, 58, 61, 63, 70, 72, 84, 173, 215, 216, 228, 234, 272, 310
Дамганская область 47
Дана-ата 396
Данишер 434, 478
Дараджик 315
Дарайгез, см. Дерегез
Дарваза-кумы 457
Дарваза-кыры 428, 440, 441, 470
Дарган-ата (Дарган) 330, 379, 396, 435, 440, 444, 449
Дас 553—555, 557
Даудан, канал 362
Даш-верды, колодец 285
Дашт-и-Бахриян 87, 93, 96
Дашт-и-Зардек (Чуль-и-Зардек) 41, 54
Дашт-и-кыпчак (Кыпчакская степь) 43, 44, 117, 130—132, 135, 161, 167, 169, 172, 176, 182, 186, 191, 223, 336, 382, 383, 416, 417, 427
Дашт-и-Кявир 235
Дашт-и-шах, стоянка 234
Дая-хатын, рабат 421, 440, 478, 493, 541
Девэ-боюни (Девэ-бои (ны), Питнякская лука, Теве-боюн, Тиве-боюн, Тиве-боюни) местность 143, 177, 333, 498, 510, 531, 566
Дели-кудук, колодец 425
Денгиз-казган 398
Денгиз-кудук 397
Дераз-аб, см. Руз-абад
Дербенд 272, 391, 404
Дербендское ущелье 319, 321, 404
Дербенд-хан, стоянка 266
Дерегез (Дарайгез, Дереджез) 59, 100, 118, 119, 122, 128, 129, 163, 165, 167, 171, 214, 218, 220, 224, 225, 241, 246, 249, 270, 287, 291, 292, 311, 383, 387, 394, 395, 399, 447, 454, 456, 460, 520
Дереджез, см. Дерегез
Дерекли 582, 584
Деризэ-и-Чауши (Маулид-хана-и-Надири) 165
Дестджерд (Дестгерд) 118, 128, 385, 447
Деханэ 131
Дехистан 32
Дешт 126, 130, 131, 135, 136
Джаджерм 45, 46, 48, 80, 85, 136, 211 235, 266, 311
Джаджермская равнина 266
Джаик Ходжа-кеви 481
Джам (Зам) 55, 73, 91, 135, 222—224, 255—257, 269, 271, 439, 464
Джамаль-айы 396
Джам-Бахарз-Хафский округ 256
Джамский вилайет 224
Джан Али-хан, плотина 163
Джапалак 212
Джангали Туман, лесные заросли 269
Джаны-кала 375
Джаныk-шейх, сел. 344, 467, 596, 597, 607
Джа'фари, крепость 225
Джафар-абад 304
Джебель Гермаб 131
Джейхун, см. Аму-дарья
Джехан-ара, сад 48
Джувазлы 429
Джувейн 218, 221, 270
Джуйбар, сел. 195
Джум'а, Туркестанские ворота Мерва 186
Джурбуд 80, 91
Джурджан, см. Гурган
Джурджанийе, см. Гургандж
Джурджанская область 43, 45—47
Джурджанская степь 95
Диарбекр 92
Дикаденк 549, 550
Дильгуша, чарбаг 199
Ду-берадеран, сел. 57
Дуданьгэ 272
Дуз-олум, укрепление 132
Думанлы, чонгюль-пересых, озеро 455
Дурман, крепость 347
Дурун 31, 40, 47, 80, 89, 95, 99, 103—106, 108, 113, 114, 121, 123, 127, 128, 130, 131, 133, 135, 156, 157, 167, 174, 183, 221, 222, 323, 389, 392, 408—410, 412
Дурунская область 103
Дэвэ-бои (ны), см. Девэ-боюни

Европа 7, 8, 21, 281
Египет 209, 210, 281
Екедже 467
Еке-кудук, колодец 426
Еке Сузан 384, 387, 429, 470
Екке-узяк 403, 404
Елатан, Кала Елатан 481
Еледжек, Ильчек, см. Ильджик
Ельтидже, колодец 382
Ереван 124, 154
Ефрат 47

Завэ, крепость 273
Задракарта 40
Загченд 120, 121
Закавказье 10
Закаспийский край 355
Зам, см. Джам
Заман-абад, хутор 154
Заман-кудук 387
Зардабэ 321
Зардэ хак, ущелье 47
Захрихан, колодец 452
Зей, местность 548, 549, 551, 582, 584, 616, 617
Зейдар 311
Зейкеш 360, 573, 617
Земиндавер 41, 44, 101
Зенджан 228, 249

Зиркух 44
Золотая Орда 92, 343, 351, 578
Зохаб 210
Зульфикар 110
Зурабад 184

Ибрахим-абад 118
Иелик, крепость 273
Измухшир 400, 549, 582, 597
Ике-табан, равнина 627
Илан-кыр 376
Илгынлы, см. Йилгунлы
Иле 208
Илик 476
Ильджик (Еледжек, Ильчек), крепость 420, 424, 476, 487, 490
Ильчибек 491
Ильялы (Хиляли) 293, 467, 549, 550, 554—556, 566, 570, 571, 574, 576, 578, 579, 597, 598, 614, 618—621, 623, 634, 635, 637
Имган, крепость 434, 439
Инаят-абад 278
Индия 7—9, 15, 45, 139, 141—143, 150, 151, 157, 158, 163, 165, 166, 176, 195, 196, 209, 210, 269, 333
Инкарек 338, 615
Интизар-тепеси 469
Ин-чеке, стоянка 284
Ирак 48—50, 54, 55, 57, 67, 87, 92, 96, 132, 133, 135, 136, 150, 159, 168, 214, 217, 326, 602
Иран, Иранское государство 7, 9, 10, 15, 17—22, 28—31, 33, 35, 36, 39—45, 47, 48, 53, 57, 65, 73, 69, 78, 80, 89, 92, 93, 100, 102, 107, 108, 110, 112, 114, 119, 134, 140, 141, 145, 154, 161, 164—166, 181, 184, 195, 201, 203, 207, 210, 211, 213, 215, 218, 219, 221, 227—229, 232, 234—236, 242, 244, 248—253, 255—260, 263—265, 268, 275, 276, 280, 289—291, 299, 302, 303, 305, 309, 324, 334, 383, 427, 434, 436, 454, 455, 462, 466, 477, 479, 481, 482, 526, 527, 533, 602
Ирдарские горы (Ирдар) 372
Ирдарская дорога 372, 373, 398, 423
Ирдарское ущелье 409
Иртыш 30
Исбаз, заросли 492
Исмаил-ата 342
Исмет-багы 586
Исм-и-Махмуд-ата (Махмуд-ата), мазар 400, 401, 413, 511, 562, 582, 584, 597
Исфаган 31, 40, 57, 89, 90, 109, 211, 327, 331
Исфераин 46, 48, 57, 76, 77, 79, 80, 84—87, 99, 134, 235, 266, 267
Исфераинская область 46
Йилгунлы (Ильгынлы) 471, 482, 548, 549
Йол-айрыты 428, 457, 470
Йол-кудуки, колодец 425
Йолотан 251, 462, 463, 471, 475, 479, 484, 488, 494—496, 520, 522, 523, 525, 526, 528, 533

Каахкинский район 224
Кабаклы 425, 426, 434—436, 440, 444, 475, 476, 478, 479, 485, 494, 495, 498, 501—504, 506, 510, 510, 518, 523, 526—529, 533
Кабуд-джамэ (Хаджиляр) 47, 95, 97, 105, 135, 175, 214, 313
Кабул 41, 43, 47, 139, 141, 142, 150, 158, 159, 195, 201, 209
Кавбурахан, местность 480
Кавказ 40, 311
Каганд 460
Кадамга 122
Казанское ханство 578
Казвин 10, 58, 62, 66, 70, 72, 77, 78, 82—84, 88, 109, 132, 249
Казукли, местность 395
Казыклы-бенд (Казыклы) 471, 522
Каин 156, 256
Каинат 156, 228
Как. . . 152
Калаваз, горная долина 468
Кала-и-Нау (Калеи-Нау) 480, 482
Кала-и-пуш 57
Кала-и-хан 241
Кала-и-юзбаши, крепость 130
Кала-и-Якути (Шора-кала) 242, 246, 278
Калги, местность 489
Каль, местность 125
Калькутта 281
Кальпуш 45, 58, 206, 212—214, 217, 232—234, 267, 276, 279, 318
Кальпушская долина 91
Кальпушские луга 206, 216
Камул, см. Хами
Кандагар 41, 57, 101, 138, 139, 156, 159, 201, 209, 541
Кандум, крепость 547
Канлу-тепе (Канлы-тепе) 263, 264, 308, 309
Канфас, крепость 432
Каплан-кыри, гора 286
Капланлы, ущелье 393
Кара-айгыр 494
Карабаг, обл. на Кавказе 12
Карабаг, местность в Хорасане 133, 134
Кара-бурун 489, 505, 509
Кара-гунбез 473
Карадаг 244
Караджадаг 236, 244
Кара-кабак, ущелье 393, 469
Кара-капы, гробница 294
Кара-кёль (Кара-куль) 141, 330, 357, 373, 384, 399, 410, 422, 428, 455, 457—459, 488, 491, 513, 519
Кара-кулак, стоянка 286, 287, 292
Кара-куль, см. Кара-кёль
Каракульские ворота в Бухаре 420
Каракульский туман 372
Кара-кумы 435, 447, 457, 479
Каракурам, местность 124
Кара-Мазу 339, 623—625, 628, 635—637
Кара-муль 473
Карапалчак 80
قراسبه 158
Кара-су 409, 413, 432
Кара-тал, местность 609

Кара-тегелек 396
Кара-тепе 206, 335, 338, 347, 393—395, 408, 434, 437, 444, 450, 467, 468, 482, 483, 489, 498
Караул 347
Караул-хане 472
Кара Шафик-каир 376
Кара-шейх, стоянка 206, 211, 234
Кара-этеклик, источник 285
Кара-ыйлгун, местность 626
Кара-яб 250—252, 255, 260, 263, 265, 266, 268, 271, 278, 306—309, 533—536, 538, 539, 541—543, 545, 546, 602, 603
Кара-ягач 472
Карабуке 242
Карга, крепость 607
Кариз, сел. 269
Карры-кала (Карун-кала) 233—235, 275, 393, 429, 430, 464—466, 580, 595
Карфуш 277
Карши 138—140, 163, 201
Кары, кишлак 571
Кары-Чирле 391
Каспийское море 39, 69, 93, 132, 214, 220, 237, 280, 281, 305, 314, 318
Каср-и-каджар 214, 216
Каср-и-Ширин 171, 176
Касым-ака, озеро 583
Катар-тут 616
Катлам 422
Катнам 158
Катта-баг, сел. 616
Катуль, булюк 40, 45, 211, 216, 267, 313, 314, 316, 317
Кафче-камар, местность 597
Кахлан 139, 157, 333, 385, 404
Кахраман 341, 348
Кахраманская крепость 348
Кашан 305
Кашгар 191, 201, 208
Кашидар, стоянка 319, 321
Кашмир 201
Кеваши, хутор 405
Кевир 311
Кенкли 459
Келат 44, 54, 118, 120, 122, 123, 126, 130, 132, 135, 146, 165—167, 184, 221, 224—226, 240, 241, 253—255, 273, 288, 307, 385, 399, 438, 459, 460, 480, 488
Келатская крепость (Келат-и-Надири) 99, 224, 482
Келат-и-Надири, см. Келатская крепость
Келатская область (район), см. Келатское ханство
Келатское ханство 92, 209, 224, 438
Келидар, область 64
Келиф 140, 158
Келле-чахи 162
Кельте-Чинар, проход 405
Кенг-джай, местность 395
Кенг-кедюк 469
Кенегес 625, 626
Кераи 469
Кераили, область 87, 133, 135
Кераили, ущелье 132
Кербела 225
Керихасли 466
Керки 140, 158, 190, 191, 196, 422, 423, 426
Керкинский округ 425
Керкук 136
Керман 90, 134, 167, 173
Керманская область 249
Керманшах 131, 132, 148, 210, 220
Кермине 330
Керпехли 584
Кесекли 384, 387, 403, 410, 470
Кесик Минар 285, 297
Кефтер-хана 607
Кешман 480, 489, 502, 507
Кечкиран 434
Кечуйе 373
Кёшк, строение около Мерв. креп. 516, 517
Кешман, равнина 485, 503, 518, 523
Кеюджек-чешмеси, р. 407
Кипчак, см. Кыпчак
Кири, источник 393
Кирпечли 614
Китай 14, 30, 40, 164, 167, 168, 182, 183, 191, 208, 209
Клыч Нияз-бай, город, крепость 552, 554, 557, 564, 567, 606
Клыч Нияз-бай, канал 458, 564
Козган (Козган-кала), крепость 385, 432
Козган (Козган-су), р. 385, 399
Кёзсыз, р. 393
Коканд (Khoqand) 16, 17, 201, 475, 518, 537
Кокандское ханство (кокандская область) 27, 343, 357, 475
Кок-тепе, местность 397, 438
Кок-узяк 446
Кокче, местность 571
Кокче, ущелье 395, 399, 409, 467, 550
Кёк-чеке, местность 566, 569, 608, 610
Кёль-хауз 479
Кона-куш, крепость 432
Константинополь 17, 210
Копет-даг 39
Копукли, местность 607
Кёр-кудук 426
Корп (Корп-кёли) озеро 616, 617
Котур 244
Коч-ата, гробница 469
Коч-ата, укрепление 389, 392
Коче-куми 438
Коче-купрюк 349
Кочкар-ата 473
Кош-асия (Каша-асия) 483
Коша-чонгюль 387, 410
Кош-куйрук (Кош-купыр) 364, 570, 611, 638
Кошчи 422
Коюн-кала 485
Красноводский залив 32
Красные пески, 455
Куба-таг (Куба-дагы, Кубе-тау, Джимур-тау) 362—365, 554, 620, 627, 632, 634—636
Кубеган 118, 124, 132
Кугерчин 171, 396
Куджур 314

Кузлук (Виджменоу) 305
Куймет-ата, стоянка 286, 297
Кульбад 237, 280
Кульджа 208
Кульмалик 52
Куляб 190
Кум 217
Кумис 234
Кум-кара, урочище 467
Кум-чöнгюль 365, 366, 367, 373
Кум-яб 414
Кум-яска 350
Кунград 258, 296, 334, 336, 340, 364, 372—374, 376, 377, 380, 381, 518, 569, 594—596, 598—600
Кунградская крепость 376
Куня-баг 621
Куня-дарья 523
Куня-Ургенч (Ургенч, старый) 161, 169, 170, 292—294, 296, 299, 365, 369, 376, 377, 473, 481, 511, 523, 531, 532, 548, 553, 555, 562, 564, 566, 568, 569, 574, 580, 593, 596—600
Куня Ургенчская область 470
Куран, крепость 385
Курган, крепость 126, 127
Курдистан 390, 415, 465, 595
Курд-махалле 232, 280, 281, 314
Курмаг, р. 158, 184
Куртыш, см. Кюртиш-ата
Курук, селение 274, 379
Кусуйе 117
Кух-и-сенгин 128
Кухистан 201
Кух-и-тен, крепость 374, 377
Кух-Ки 284, 285
Кухсар, булюк 40, 45, 95, 313
Кучан, см. также Хабушан 45, 57, 119, 220, 224, 235, 306
Кучанд 385
Кучук-кала 395
Кучик, крепость 482, 483
Кушк (Мор, Мори), р. 57, 110, 263, 482, 483, 522
Кушки Мехди 223, 224
Кушлы-кая 481
Куш-ханэ 256, 391
Куюк-там, сел. 360, 583, 584, 593
Куякли-тепе 440
Кюрен-даг 395, 396
Кюртиш-ата (Куртыш) 389, 401, 410, 467
Кызыл-арват 35, 40, 382, 389, 393, 408, 415, 476
Кызыл-гунбаз 473
Кызыл-дагы, местность 179
Кызылджа-кала 635
Кызыл-джар 488
Кызыл-катыг 467
Кызыл-Кая 430, 438, 461, 521, 544
Кызыл-кум 537
Кызыл-кыр 40
Кызыл-мест 481
Кызыл-рабат 273, 274, 466
Кызыл-такыре 401
Кызылче, ущелье 393
Кыпчак (Кипчак), крепость 373, 376, 413, 531, 564, 570
Кыпчакская степь, см. Дашт-и-кыпчак
Кырыман-ата, стоянка 286
Кытай (Хтай), город, см. Хытай
Кышлак 310
Кяделек 135
Кязук, источник 311
Кянчик 340
Кярменехан 130, 131
Кят 290, 329, 334, 357, 363, 392
Кяшав-руд, р. 228, 263

Лакнахур 225
Лаудан, канал 414, 553, 580
Лаузан, канал, см. Лаудан Даудан
Лебаб 421, 492, 535
Ленгер 392
Ленинград (Петербург) 4, 9, 13, 17, 594
Лоудар, стоянка 174
Лошадиная дорога, см. Ат-йолы
Луристан 83, 244
Лютф-абад, крепость 385, 387, 404, 456
Лянгярак 272

Мавераннахр 16, 40, 41, 43, 48, 53, 55, 57—59, 76, 78, 87—89, 92, 100, 106, 109, 167, 171, 183
Магаз 85
Ма'дан 78
Мазандеран (Mazandaran) 40, 45, 69, 93, 95, 96, 105, 118, 124, 132, 173—175, 211, 214, 216, 218, 220—222, 228, 232, 237, 239, 247, 272, 279—281, 305, 310, 313, 314, 319
Мазандеранская область 205, 235
Майли-джингиль 382
Майли-тепе 439
Майли-узяк 373
Мэйли-чонгюль 607
Мэмед-абад 224
Манак, канал 340, 571
Мангыт, г. 170, 340, 375, 481, 557, 564, 570, 595
Мангышлак 33, 34, 159, 161, 169, 173, 175, 177, 180, 202, 324, 326, 327, 341, 365, 378, 381
Манд, горная долина 333
Манэ 130—133, 135, 137, 241, 274
Мануче, мечеть 324
Маран, крепость 214, 216
Маулид-хана-и-Надири, см. Дериэ-и-Чауши
Махан 445, 460
Мэхи, рэбат 261
Мэхидешт 148
Махисин, крепость 235
Мэхмуд-абад, сел. 49, 271, 303
Махмуд-ата, мазар, см. Исм-и-Махмуд-ата
Мэхмуди, сел. 51, 55, 56
Мачин, см. Китай
Меджевур-кöли, озеро 485
Мезинан 80, 231, 310
Меймед 53
Меймене 78, 108, 191, 236, 251, 260, 263, 264, 307, 308, 470, 480, 535, 544, 553

Мейхене, см. Мехне
Мекаджик-кёль 349
Мекка 14, 282, 331
Мелик-абад 432
Мерага 165
Мерагский округ 165
Мерв (Мерв-и-Шах-джан, Марджанус) 9, 12—16, 18, 28, 29, 34, 39—42, 44, 47—53, 55, 57—59, 75, 76, 79—81, 84, 90—93, 98—100, 102—104, 109, 110, 112, 113, 115, 116, 118, 121, 124, 125, 127—129, 137, 145—148, 150—159, 162—165, 167, 168, 170—172, 176—179, 182—189, 194—202, 206, 207, 221, 230, 238, 245, 249—253, 258—260, 264, 266—268, 279, 287—291, 295, 306, 307, 309, 332, 371, 379, 397, 413, 414, 416—418, 422—425, 433, 435, 447—449, 451, 459, 461, 475, 479—482, 485, 488, 489, 493, 494, 497—501, 505, 507, 512, 514, 519, 520, 522, 525—532, 535—541, 545, 553, 570, 593, 594, 601, 602
Мерв Большой, Мерв-и-бузург, см. Мерв-и-Шах-джан
Мерв-и-Шах-джан, см. Мерв
Мерв Малый (Мерв-и-кучак, Мир-абад, Талхатан) 50, 116, 185, 186
Мервская река, см. Мургаб
Мерв-и-кучак, см. Мерв Малый
Мервский оазис 479—483
Мервская область (Мервская страна, провинция, вилайет, край, рейон, улус) 41, 80, 81, 92, 103, 151—153, 156, 158, 159, 162, 183, 184, 186, 188, 194, 381, 414, 416, 417, 422, 427, 429, 438—442, 444, 445, 447, 448, 450, 451, 454, 456—460, 462, 463, 469—471, 474—477, 479, 480, 484, 485, 488, 489, 499, 501, 504, 510, 514, 517, 527, 530, 532, 533, 536, 538—540, 572, 593, 601, 602, 604, 605
Мервская крепость 154, 162, 442, 443, 447, 480, 502, 513, 515, 518, 527, 536, 538, 602
Мерверуд, р. 236
Мерверуд, г. 41, 54, 295
Меручак (Маргучак) 41, 54, 106—110, 112, 125, 138, 158, 166, 168, 184, 185, 187, 191, 388, 472, 481, 482, 483, 521, 522
Мехин 389, 406—410, 412, 413
Мехине, крепость 469
Мехине, р. 521
Мехне (Мейхене, Меана) 130, 156, 167, 207, 208, 221, 222, 323, 327, 392
Мехче 221
Мешекли, местность 424
Мешкин 244
Мешхед 20, 22, 34, 40, 42, 44, 48, 49, 57—59, 64, 73, 75, 76, 78, 85, 86, 91, 92, 99, 100, 104, 106, 108—113, 118, 119, 121—124, 126—129, 131—138, 143, 146, 148, 149, 157, 166, 180, 184, 187, 188, 195, 196, 198, 200, 202, 207, 212—214, 217, 218, 220, 222—225, 227—231, 236, 238, 240, 242—245, 247, 249—256, 258—260, 263, 266—270, 272, 273, 277, 278, 289, 306, 307, 309, 311, 312, 371, 379, 383, 388, 430, 432—434, 456, 457, 459, 460, 462—464, 472, 484, 536—538
Мешхед-и-Мисриян 136, 285, 297
Мешхедская крепость 471
Мешхедская область (Мешхедский вилайет, округ) 109, 255, 462, 536
Мешхедская равнина 279
Меямей, стоянка 225, 240, 277
Мизан 338, 349
Мин-булак, местность 372
Минарлы 403, 429, 455, 469
Мир-абад, см. Мерв Малый
Мир Аяз 243
Мирбурджи 404
Мирза Чирлеси 403
Мир-кала, крепость 385, 386
Мир-сарай 393, 468
Мисин-кишлак 113
Мияб 123, 124, 132
Миян-абад 46
Миявдашт 277
Миян-кала 214
Миянкаль 202
Мор, р. см. Мори
Мори (Мор), р., См. Кушк, р.
Москва 17, 196 202
Московское государство 30
Мосул 92, 167, 170, 172, 173, 182
Мубарек-абад, крепость 93—95, 98, 124
Муган 114, 137
Муздуран 223, 244, 245, 261, 431—433, 461, 463, 544
Муздуранский проход 244, 438
Муз-Кумган 340, 358, 359, 361, 362, 370, 549, 579, 614, 619, 620, 634, 635, 637
Мулла Турум 473
Мумас 361
Мургаб, р. (Мервская река) 35, 40, 41, 52, 54, 57, 64, 98, 106, 110, 117, 129, 157, 158, 184, 185, 188, 295, 382, 397, 411, 423, 434, 437—439, 445, 447, 452, 482, 484, 489, 495—497, 502, 509, 513, 517, 522, 526, 528, 531, 533, 535, 540, 541, 545, 547, 602, 604
Мургаб, г. см. Бала Мургаб
Мурче, крепость 389, 392
Муса, горный проход 467
Муса, колодец 513, 520, 524, 535
Мутиян, местность 352
Мухаммед-абад, крепость 225
Мухаммед Нияз-кази, арык 397

Нагяхан, стоянка 134
Неджеф 225
Найман, канал 391, 423, 499, 506, 510, 615
Намакэ, равнина 216
Наразум 422
Нарэзым, сел. 190
Наргэс-тепе, холм 314—316, 322
Нэрдин, булюк 211
Нардин, долина 318
Нардин, сел. 232

Нардинское ханство (Нардин) 232, 235, 266, 267, 277, 310, 313
Нарра-нау, горы 430
Науруз-абад 188, 430, 431, 438, 439, 461
Наухандан, долина 447
Наухаст (Пер Наухаст, Наухас), сел. 341, 347, 349
Наухаст, арык 350
Нафти, ворота Келата 254
Нерету, крепость 108
Неса 29, 39, 40, 53, 59, 60, 64, 65, 73, 75—77, 80, 81, 85, 89—92, 95, 99, 100, 102, 104 –106, 108, 113, 121, 123, 124, 131, 133, 135, 139, 156, 157, 167, 174, 183, 207, 208, 221, 333, 359
Нефес-Кули, колодец 467
Нигаристан, сад 208, 211
Ника, р. 214, 220
Ники-кала 119
Ниран 316
Нишапур 39, 46, 47, 55, 76—78, 80—83, 87, 91, 99, 100, 111, 122, 123, 157, 164, 173, 175, 217, 277, 307, 456, 457
Нишапурская крепость 81, 91
Нишапурская область 122, 256
Northern Afghanistan, см. Афганистан
Ноудех 319
Нур 214
Нур-ата 37
Нусрет 307
Нухур 274,275

Оджарлы, колодец 380, 485
Ойкулы-баш, равнина 455
Оренбург 25, 372, 375
Орск 146
Орта-как 469
Орта-кудук 389, 401, 408, 410—412, 396, 464, 467, 511, 512
Орта-кудукская дорога 397, 469
Орта-кую 338
Ошак-куюсы, стоянка 286

Паенде-арык 363
Па-и-караул 234
Паин-хар, булюк 256
Па-и-Хисар, крепость 87
Палван, арык 583
Пальвард 158
Панипата 209
Париж 21
Паркент 491
Пас Камар, стоянка 245
Пей-Шакры, местность 287
Пенах-тепе 318
Пенджаб 209
Пенджде 158, 184, 185, 439, 440, 459, 471, 472, 481, 483, 490
Пенди, крепость 482
Пендинский оазис 483
Пер Наухаст, см. Наухаст
Pernachos, сел., см. Пер Наухаст
Персидский залив 47
Персия (Persia, Perse) 22, 40, 44, 65, 69, 78, 114, 117, 140, 155, 225, 235, 263, 281, 324
Песерек, крепость 210, 219, 220, 394
Перверд 421
Петербург, см. Ленинград
Пешавер 141, 195
Пешганек 349, 586
Пистали 349
Питняк, крепость 160, 178, 351, 380, 441, 475, 478, 493, 494, 506, 555, 566, 581
Питнякская лука, см. Девэ-боюни
Пишкух 244
Поволжье 578
Порсу 609
Пул-и-Махмуди 50
Пул-и-Салар 57
Пул-и-хатун 226, 228, 439, 461
Пуштекух 244
Пуян, сел. 135

Рабат-и-ишк 318
Раверанг, равнина 117
Радкан 43, 57, 78, 85, 93, 123, 136, 220, 224, 461
Радканская башня, «Мил-и-Радкан» 220
Раз, крепость 130, 131
Раз, сел. 274
Рафенек 559, 616
Рей 44, 47
Репетек 416, 425, 426
Репетекская дорога 494, 500, 501, 524, 529, 532, 535
Решт 81, 280
Россия (Русь, das Russisches Reich) 17, 38, 40, 207, 286, 334, 356, 372, 375, 377, 411, 423, 473, 504, 553, 570, 574, 594, 605, 606
Ругд, крепость 87
Руз-абад (Дераз-аб) 157, 439
Руй, г. 256
Рум (малоазиатские провинции Турции) 154, 164, 167, 168, 182
Рунэ 207, 208

Сабзевар 55, 60, 80, 82, 84, 87, 91, 104, 110, 136, 156, 157, 218, 221, 222, 225, 233, 307, 311
Сабзеварский округ (Сабзеварская провинция) 235, 256
Савадкух 272
Савалан, горы 114
Савер, булюк 40, 98
Сагаджа (Сагаджа-кудук), колодец 381, 387, 398, 403, 410, 412, 414, 428, 457, 458, 470, 498, 513, 519, 524, 540, 581
Сад-абад 311
Садан-Рустак (Садам Рустак), булюк 40, 45, 232, 314
Садвар 396, 434, 449, 478, 502, 523
Сейяд, крепость 132, 471, 484
Саин-кала, булюк 241, 242, 249
Сакар 419, 420, 422
Сакар-чеке 286, 467
Сак-и-Сулейман 57
Салли, канал 373
Салмас 244
Самарканд 14, 29, 55, 57, 109, 139, 184, 189, 201, 202

Санаб-ярмыш, канал 636
Сангбаст 278
Санд 218
Сандар-у-Чандар 222
Сандук-кочкан, местность 484
Сансыз-хан 467
Санхас 133, 135, 136
Санге, крепость 389
Сарджам 222, 246, 277
Сари 206, 280
Сариван 465
Сар-и-пуль Мургабский 184, 190
Сарканлы, горная долина 467
Сар-хиябач 57
Сархоузан, квартал Мешхеда 187
Сарыкамыш Джамский 58
Сары-хаджи 475, 478
Сафалы 478
Сахир 41
Себедли, местность 429, 455, 469
Севедкух 280
Сейид Аббас-абад, хутор 154, 187
Сеистан (Sistan) 42, 110, 192, 201, 249, 263, 311
Семелькан 93, 130, 131, 133, 137, 273
Семнан 84, 118, 212, 228, 272, 394
Семнанский район 235
Сенгир 335, 360, 361, 362, 363, 385, 387, 390
Сенгир-рабат 330
Сендча 392
Серахс 18, 41, 42, 48, 73, 98, 99, 125, 126, 130, 139, 153, 157, 166, 167, 171, 176, 183, 192, 194, 207, 221—224, 226—230, 241, 242, 244—251, 253—255, 258—268, 271, 277, 278, 288—292, 295, 306—309, 333, 371, 382, 402, 412, 415, 427, 432, 434, 436, 438, 459—463, 488, 505, 509, 514, 515, 517, 521, 522, 525—528, 530, 541, 542, 545, 546, 553, 601, 603
Серахская крепость 230, 459, 461, 462, 526
Серахская область 57, 229, 431, 433, 438, 448, 593
Серахская река 514
Сергали, местность 548, 549
Серипуль 236, 480, 485
Сер-и-чешме 470, 483
Сер-и-Чашме-и-Мияб, 118
Сефер-кала, крепость 386
Синд 141, 151, 157, 158
Сираб, колодец 413, 415
Сиях-аб, речка 50, 51, 56, 314
Сиях-и-бала 247, 283
Солты-кудук 410
Соуджбулак 149
СССР 48, 57, 263
Стамбул 44, 45, 196, 202
Судук 478, 529
Суванлы 403, 410
Суканли, р. 356
Сукепли-сакасы 364
Сукичан, местность 489
Сукъяр 171, 172, 177
Сулеймание 210
Сулекан 242
Султан-абад, крепость 247, 303
Султан-бенд, плотина 129, 137, 152
Султан-Дувин 315
Султанийе, равнина 212, 220
Султанийе, г. 47
Султан-кала, крепость 485
Султан Мелик-шах, плотина 167
Султан-таш 469
Сумбар, р. 132, 393, 395, 468
Сундук-кэчкан 471
Суньян Старый 379
Сурх, гора 321
Сурх Келядэ 315
Сурх-махалле, стоянка 175
Сыр-дарья 309, 343, 606
Сыртланлы (Сыртланлы-кыр) 436, 440, 479, 485

Табаристан 8, 40, 67, 93, 98, 237
Тавриз 15, 17, 45, 47, 60, 68, 244
Тавризский округ 165
Таджар 233
Тайлы 473
Тайминак 439
Так, крепость, см. Языр
Талхатан, см. Мерв-и-Кучак
Тарсхун 134
Тархан, колодец 479, 485
Таукара, озеро 525, 606
Такир-абад, сел 48, 55
Тахт 425, 434, 436, 440, 444, 453, 479, 485, 489, 493—495, 501—503, 507, 510, 518, 523, 526, 528, 529, 531—533
Тэхт-и-Таус, стоянка 205
Ташауз (Таш-хауз) 293, 402, 549, 553—555, 571, 574, 576, 579, 595, 606, 607, 614, 618, 619, 621, 626, 637, 638
Ташаузская крепость 557
Таш-ахур 476, 486, 500
Таш-аяк, сел. 616, 617
Таш-кала 352, 353, 473, 474
Ташкент 25, 29, 31, 32, 59, 68, 138
Таш-кепри 164
Таш-купрюк 326, 419
Таш-курган 480, 481, 485
Таш-пешгахи, сарай (дворец) 376
Таш-рабат 434, 438, 439
Таш-хауз, см. Ташауз
Теббес 57, 134, 135
Тевe-боюн, см. Тиве-боюн 498, 566
Тегеран 8, 10, 16, 18—22, 40, 78, 118, 201, 202, 205, 206, 208, 210, 211, 213, 214, 216, 220, 221, 231, 232, 243, 244, 248, 268, 276, 280, 282, 287, 289, 291, 294, 300, 303, 306, 312—314, 370, 465, 466, 494, 536
Тегеранская провинция 249
Теджен, р. 35, 48, 110, 125, 126, 133—135, 139, 157, 186, 205, 207, 208, 225, 289, 291, 292, 295, 296, 329, 333, 382—384, 391, 399, 403, 410, 412, 424, 427, 429, 433, 438, 439, 458, 488, 501, 520, 521, 523—531, 542, 553
Теджженская область 455
Темач, местность 599
Термез 158

Терсэк, р. 438
Терс-акэр 393, 469
Тибет 141, 201
Тиве-боюн, см. Девэ-боюни
Тиве буюни, см. Девэ-боюни
Тилля-кари, мечеть 109
Тилявар 321
Тимур-джан, колодец 467
Токуз Аширим, пески 455
Тонгуз-сырт, возвышенность 425
Топрак-кала 349
Тёре-бахт-ханым (Тюре-бек-ханым), башня 294, 366
Тук (Тук каласы), укрепление 325, 331
Туман-ага, лес 312
Тун 119
Туран 43, 140, 141, 145, 161, 164, 176
Турангусы, местность 565
Турангулы-баш 373, 374
Турбет, замок 64
Турбет, см. Турбет-и-Шейх-и-Джам
Турбет-и-Хайдери 255, 263, 271, 272
Турбет-и-Шейх-и-Джам 229, 236, 246, 256, 267, 269—271, 388, 436, 460
Тургай-Гуммыки, урочище 469
Туркестан, г. 137, 335
Туркестан 14, 26, 27, 39, 54, 78, 106, 110, 118, 129, 130, 136, 140, 142, 143, 150, 151, 154, 157, 158, 162, 165, 166, 182, 188, 208, 274, 294, 326, 334, 346, 364, 375, 403, 480, 564, 578, 580, 591, 609
Туркестан, Афганский 29, 53, 78, 108, 190
Туркестан, Китайский (Восточный Туркестан) 209
Туркмен-кала 167
Туркменистан 8, 167, 224
Туркмения 4, 5, 27—29, 31, 33—35, 37, 38, 166, 183, 240, 250, 328, 479, 484
Туркменская ССР 3, 6, 29, 37, 224, 235
Турух 123
Турфан 208
Турция 14, 167, 207, 287, 291
Туршиз 156
Туршизская провинция 235
Тус (Тус-кала) 40, 57, 58, 91, 216, 430, 431

Угаджи, колодец 425
Ужгуш-ханэ 135
Узбекская ССР 25, 570, 578
Узбек-яп, сел. 360, 573
Узбой 33
Узун-шор, стоянка 467
Уйлук, местность 393
Укюржикли, крепость 481
Улькун-дарья 364
Ульялы-тепе 440
Урал, горы 30
Ургенч (Гургандж, Джурджанийе) 30, 31, 59, 60, 65, 73, 77, 81, 82, 98, 124, 145, 149, 176, 181, 202—204, 250, 290, 294, 296, 297, 324—326, 328, 334, 336, 340, 342, 343, 347—349, 351, 353, 476, 565, 569
Ургенч, Новый 169, 170, 328, 337
Ургенч, Старый, см. Куня Ургенч
Ургенчский вилайет 326, 342
Ургенчские ворота (в Мерве) 99
Ургенчская крепость 342, 348, 565
Урмия 549
Уруш-тушкен 471, 481—483
Усты (Усти), крепость 476, 492
Уч-очак, местность 424
Учтаган, пески 396
Уч-тепе 434, 478, 506, 529, 530, 531
Уштурпей 123

Фараб 492, 493
Фарах 115, 134, 135
Фарахабад 45
Фарр 218
Фарс 90, 132, 133, 150, 159, 167, 168, 172, 177, 306
Фарсиян 318
Фарфар, крепость 124
Фарьяб 53
Фендереск, булюк 40, 105, 210, 216, 219, 267, 273, 313
Фенди 521, 522, 539
Феранг 318
Фергана 29, 68
Ферхад, крепость 439
Фирузкух 21, 84, 90, 213, 214, 215, 232, 272
Фирюза 53

Хабушэн, см. также Кучан 57, 75, 93, 119, 121, 123, 126, 128, 129, 133, 136, 166, 214, 225, 227, 241, 456, 459, 460
Хаверан, округ 130
Хаверанская степь 207
Хаджа-кеу (Ходжа-кеви) 481
Хаджи-ага, сел. 314
Хаджиляр, булюк, см. Кабуд-джамэ
Хазарасп 60, 143—145, 161, 170, 290, 292, 293, 325, 329, 330, 331, 334, 336—340, 343, 344, 346—349, 351, 352, 365, 378, 379, 396, 416, 423, 426, 434, 441, 449, 459, 475, 477—479, 488, 490, 491, 494, 498, 499, 506, 510, 518, 523, 533, 540, 555, 565, 566, 581
Хазарспская крепость 449
Хазараспская область 488
Хазар-джериб см. Хезар-джериб
Хазар Масджид, горы 220
Хайбер, крепость 116
Хайрабад 257, 310, 549, 584
Хайрабадский туман 372
Халадж 425
Хал-ата 424
Хальва-чешме 52, 53
Хамадан 131, 132, 224, 228, 327
Хами (Камул) 208
Хамсэ 221, 228, 248, 249, 254, 277, 278
Хамушан, крепость 64
Хан, крепость 241
Хан-абад 190, 293, 377, 531, 532, 548, 549, 563, 576, 579, 584, 596
Ханабадская крепость 552, 555
Ханака (Ханки), крепость 144, 145, 161, 170, 293, 328, 334, 340—344, 347, 348, 357, 510, 565

Хан-кудукы (Ханский колодец) 384, 403, 411, 428, 458, 499, 519
Хан ойукы, стоянка 429
Хан тепеси 429
Хар 84, 90, 131, 310
Хараб-ханэ 94
Харакан Бастамский 233
Харам, гора 165
Харджехаз 469, 513, 519, 524, 535
Хасан-абад 182
Хасан-Чала 469
Хатиб-как 396
Хатиб-каны 467
Хатун-рабат (Дая-хатын) 435
Хауз-и-хан 110, 127, 153, 164, 176, 438, 439, 485, 507
Хауз-и-Шейбак-хан (Шор-чох), местность 162
Хаф 44, 168, 255, 256, 269, 270, 278, 312
Хачан, р. 521
Хеджаз 48, 55
Хезар-джериб 46, 47, 84, 173, 174, 272
Хезаре, округ 271
Хезареджат 185, 187
Херадж, крепость 476
Хива, Khiva, город и ханство; см. также Хорезм 4, 8, 14, 16—19, 23—25, 27—38, 65, 102, 139, 143, 144, 146, 147, 156, 157, 160, 167, 169, 170, 181, 196, 202, 203, 219, 220, 225, 230, 233, 239, 245—247, 250, 251, 254, 259—266, 275 ,280, 282, 284, 286—289, 291—294, 296—299, 301, 303—305, 307, 323—339, 341—344, 346—353, 355—357, 359, 360, 370—375, 377—379, 381, 384, 387, 388, 396, 401, 402, 404, 407, 410—413, 415, 416, 418, 420—424, 427, 434, 439, 441, 444, 447, 449, 451, 453, 455, 457—459, 461, 467, 469—477, 479—483, 485, 487—490, 492—494, 497, 498, 499, 501, 504, 505, 510, 512, 513, 517, 518, 523—525, 527—529, 531, 532, 535—540, 545—549, 551—559, 562—572, 574—579, 583, 585—587, 590, 591, 593—595, 598, 599, 604, 606, 607, 611—616, 618—620, 627, 635, 636, 638
Хива-абад, крепость 146, 166, 333
Хивак, селение 60, 265
Хивинская крепость 339
Хивинское ханство, Хивинский оазис, см. Хива
Хиляли, см. Ильялы
Хиндувар, проход 405
Хирманд 223
Хирманту 389, 406—409
Хисар 385
Хисарлы 469
Хисар-таг 393
Ходжа-деке, крепость 190
Ходжэ Джанбаз, урочище 468
Ходжа (Ходжа-кала, Ходжа-каласы), крепость 142, 393, 467, 469, 511
Ходжэ-кенд 235
Ходжа Кенфеси, крепость 476
Ходжа-кёль 181, 326, 331
Ходжа Низам-абад 162
Ходжа Нияз-бай, крепость 476
Ходжа Раби 128
Ходжа-салар, селение 426
Ходжаш-мехрем, рабат 584
Ходжа-эли (Ходжейли) 352, 354, 355, 373, 374, 378, 382, 555, 558, 570, 574 597
Ходжейли, арык 364
Ходжейли, см. Ходжа-эли
Хой 244
Хорасан, Северный, см. Хоросан
Хорасан (страна, провинция, край, вилайет) 8, 13, 18, 20, 22, 24, 29, 30, 33—35, 38—46, 48—51, 53—58, 63—67, 73, 76—79, 81, 83, 84, 89—92, 96, 98, 100, 102, 103, 105, 107—110, 112, 119, 121—124, 126, 131—133, 135—142, 146—151, 153—157, 160, 163—168, 171—173, 176, 181—184, 187—189, 191, 192, 205—207, 209, 211—213, 216, 218—222, 224—228, 231, 232, 235, 240—242, 245, 247, 249, 252, 254—257, 266, 269, 271, 277—279, 287—292, 295, 305—307, 309—311, 323, 329, 333, 335, 359, 380, 383, 384, 387, 388, 394, 402, 403, 427, 431, 434, 444, 446, 447, 454, 457—459, 461, 464, 465, 468, 477, 479, 481, 482, 519, 525, 527, 532, 534, 536, 537, 557, 563, 565—568, 579, 594, 595, 602
Хорезм (Kharezm, Беш-кала), см. также Хива 9, 19, 33—35, 38, 47, 52, 59, 61—63, 65, 66, 68—71, 76—82, 84, 86—98, 101—103, 105, 117, 126, 137—140, 142—149, 156, 157, 159—161, 166—172, 176, 177, 180, 181, 186, 188, 195, 196, 218, 219, 221—226, 233, 235, 238, 239, 244—246, 249, 254, 255, 258, 259, 263—265, 280, 281, 283, 285, 288—290, 292—298, 302, 305, 307, 308, 323, 328, 333—334, 336, 337, 339, 341, 344—346, 351, 355, 359, 363, 365, 370, 373, 381, 382, 391, 401, 403, 423, 424, 428, 432—436, 439, 440, 444, 447, 449, 454, 456—461, 463, 464, 466, 468—470, 472—474, 476, 477, 479—481, 483—485, 488—491, 495, 497—499, 501, 502, 507, 510, 511, 518, 519, 522—527, 529—531, 533, 535, 539, 540, 545—547, 549, 551, 552, 557, 559, 563, 565—567, 572, 576, 579, 594, 595, 599, 601, 603, 608
Хорезмское государство, см. Хорезм
Хосроу (Хосроу-кала), крепость 385, 404, 456
Хосроуджирд, сел. 311
Хотан 167, 168, 182, 183, 208
Худай-берды-ольсен, пески 434
Худоаферинский мост (на р. Аракс) 244
Хузистан 249
Хульм 190
Хурсанд, крепость 127
Хуш-яйлаг, стоянка 320, 321
Хызыр-эли 363, 364
Хытай (Кытай), город 557, 564, 570, 595
Хыур-мешрик, долина 439

Чаган 473
Чагарыклы 429

Чагатай (Tschagatai), сел. 570
Чагатай-курган 340, 341
Чагиллы, дорога 500
Чагыллы-кериш 396
Чал-ойюкы 469
Чал-тут, крепость 475, 486, 487
Чангэ 85
Чангли-гузаре 484
Чандур-кабат, мост 342
Чандыр, р. 132, 135, 136, 218, 274, 393, 395, 468
Чапушлу, горная долина 447
Чарбаг, площадь Мешхеда 91
Чар-гонбез 432
Чар-дере 483
Чарджуй (Чохар-джуб), 80, 92, 109, 115, 116, 140—143, 145, 146, 158—160, 162, 171, 177, 189, 196, 197, 202, 251, 351, 352, 417—422, 475, 476, 486—494, 524
Чарджуйская переправа 190
Чарджуйская крепость 418—241, 486, 487
Чарикар 150
Чарма-кала 407
Чарыбах (Чарыбох Ходжа-кеу), развалины крепости 481
Чат, местность 395
Чатлы 444
Чаудор-каласы 377
Чахар-Гунбед, р. 272
Чахар-даньгэ 272
Чахар-даррэ 150
Чахар-коше 491
Чахар-чаман, сад 293
Чахаршамбэ 108
Чахча 98, 99, 126, 127, 153, 156
Чат-баба 426
Чашме-и-Хеледжан 135
Чебли-тепе, см. Чепли-тепе
Чеге, холм 469
Чекес 418, 491, 426, 486
Чекес-тепе, см. Чекес
Чекирдекли-соуме 484
Челекен (Черекен) 237
Чемен-и-бид 158, 539
Чемен-Немеке 216
Чепли-тепе 481
Черекен, см. Челекен
Чермуган, обл. 135
Четли-су 387, 404
Чехардех-бенд (Чехардех) 120, 121
Чечекту, сел. 108, 109, 184, 191
Чешме, колодец 459, 489
Чиль-бурдж 502, 503, 510, 517, 527
Чилькан, сел. 385
Чилькан (Чилькан-кала), крепость 404, 456
Чинаран 224, 227, 393
Чинбай, крепость 533
Чин Мухаммед-какы, пески 396
Чиршили, стоянка 286, 296
Чирле (Чирле-кудук), колодец 384, 387, 399, 403, 410, 411, 413, 429, 455, 457, 458, 469, 513, 519, 524, 535
Чихиль-духтеран, сел. 57
Чонгюль 384, 429, 447, 455
Чотак (Чутак) 324
Чочка-коль (Чушка-куль), местность 473 474
Чузман, местность 346
Чукур-кум 364, 570
Чуль-и-Зардак, см. Дашт-и-Зардек

Шадиш 270
Шайтан-кала 393
Шапурган 480, 481
Шаркраук 365, 523, 580
Шат 336, 340
Шахабад (Шават, Шабат) 293, 334, 336, 340, 372, 570, 597, 607, 626, 627
Шахабад, канал, см. Шахабадский арык
Шахабадский арык 340, 342, 347, 627, 636, 637
Шахкух, булюк 40, 98, 232, 233
Шах-Мердан 481, 485
Шахрак Кераили, местность 136
Шахребан 148
Шахр-и-Балькис (Шахр-и-Саба), развалины Исфераина 46
Шахризур 209, 210
Шахр-и-Ноу 269
Шахрисябз 184, 185, 196, 200, 201
Шахрияр 214, 314
Шахруд, р. 236
Шахруд, г. 225, 230, 234, 237, 310, 311, 320, 321
Шахруд-Бастамская равнина 305
Шахруд-Бастамская провинция 234
Шах-Сенем 286, 467
Шахум-бий, сардаб 115
Шейх-арык, местность 478, 493, 494, 506
Шейх (Шейх-кала), сел. 360, 573
Шельдук 138, 139
Шемаха 137
Шериф-абад, стоянка 222
Шехри-халил 483
Шибирган 78, 138, 190, 236, 263, 308
Шикаргах-и-эмир Тимур Гурган, местность 184
Шираз 100, 172, 210, 214
Ширахан (Шуррук) 433
Ширван 227
Шир-дар, мечеть 109
Шир-и-шутур 159
Шир-тепе 245
Ширшали 499
Шишлы-кара-айгыр 478
Шобдид 433
Шора-кала, см. Кала-и-Якути
Шор-кудук 413
Шор-куи, колодец 379, 380
Шуган 91, 80, 318
Шуллюк, крепость, см. Шельдук
Шуллюк-тепе, развалины Шельдука 138
Шурахан 498, 582
Шуре-кала 246
Шурик 244
Шуррук, см. Ширахан
Шуша 206

Эвлиялы-тепе 443, 445
Эгри-гузар, крепость 424
Эгру-Гек, р. 263

Эйван-и-кейф 132
Эльбрус 179
Эльбурзский хребет (Эльбурзские горы) 235, 280, 305
Эмба, р. 31, 372
Эмир-абад, крепость 227, 310
Эренг (Эренг-кыр) 365, 368, 370, 381, 635
Эсфезар 134
Эш Назар-суфи, мечеть, 338
Эшек-ангырган 467
Эшек-сийян, колодец 391

Юван-су, р. 393
Югурук-баш, местность 329
Юмри, крепость 352
Юмри-таг 620

Яглы-тепе 430
Яджелан, пески 481
Язы, колодец 459, 545
Языр (Так), крепость 40
Языр, область 40, 47
Яик, р. (Урал), 375, 593
Якка-чыкыр (Якы-чкыр), канал 477
Як Туклан 277
Ялам 315
Яман-минг-йылкы, местность 473
Янги-арык (Янги-яб) 338, 341, 349, 351, 352, 360, 361, 370, 402, 434, 441, 475, 477, 494, 498, 506, 518, 523, 549, 579
Янги-дарья 343
Янги-кала 363, 374—376
Янги-яб, см. Янги-арык
Янтаклы 384, 387, 403, 410, 444, 436, 437, 455, 479, 485, 503
Яркенд 208
Ярмыш, канал 607
Яры-хаджи, колодец 493—495, 498, 501, 502, 507, 510, 526, 528, 529, 531—533, 545
Яска 396
Яу-карак, стоянка 438

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ

Абдали, афг. пл. 117, 209
Абдаль, род туркмен 376, 566
Абдэльмелики, курдск. пл. 214, 314
Агатабай, ак-атабай 248
Адай, казахск. пл. 593
Адаклы туркм. 324
Адаклы-хызыр, туркм. пл. 65
Адихлю 214
Аймаки, чахар-аймаки 44, 125, 134, 236, 263, 388, 403, 423, 430, 464, 471, 472
Ак 302-304
Актамыш, см. Отамыш
Ала-булюк 353
Алаш, род. пл. сарык 528, 530
Али эли 60, 92, 99, 121, 127, 128, 221, 225, 227, 328, 454—459, 463, 477, 499, 508, 512, 522, 523, 526, 527, 529, 531, 536, 592
Англичане 18, 210 276 459, 577
Арабачи, отд. чоуд. пл. 324, 372, 424, 495, 536
Арэб-бени-зейд 202
Арэб-бени-темим 202
Арэб-хузейма 202
Арабы 40, 124, 125, 128, 156, 185, 202, 215, 220, 230, 258, 267, 273, 284, 392, 482
Арабы-керлю 76
Аргун 41, 54
Арык 397
Ата 462, 477, 493, 511, 524, 526
Атабай 69, 267, 283, 298, 302—305, 317
Афганцы 46, 117, 118, 131, 132, 135, 141, 197, 209, 249, 256, 300, 312, 464
Афшары 10, 57, 63, 70, 71, 118—120, 122, 123, 128, 132, 133, 137, 138, 150, 151, 160, 173, 178, 213, 214, 217, 219, 221, 231, 241, 242, 248, 249, 252, 258, 276, 278, 292, 296, 303, 307
Ахал, см. охлу
Ахал-теке, см. теке
Ахмедлю 118, 135
Ашак-баш, род каджар 124
Ашиклю 228

Бугаирлы 131, 213, 241
Бугаири, см. Бугаирлы
Байрам шали, байрам-ша, байрам-шахлю 248, 353, 359
Байрач 441, 447
Бака, туркм. пл. 202
Бахарлю 10
Бахтиары 150, 214
Бахши 379
Бачкурли-шейх 422
Баяндыр, род гёкленов 393, 394
Баяты 61, 77—79, 83, 84, 86, 91, 100, 104, 122, 123, 130, 136, 163, 168, 173, 190, 241, 422
Бедуины 284
Бейравенд 244
Бекешлю 270
Белуджи 249, 277
Бербери, см. хезаре
Берлас 41, 53, 54
Бехлеке 248
Бузачи 202
Букаул, отд. пл. эрсари 421
Бурказ 418

Вели, род теке 386

Газаре, см. хезаре
Герайли, см. кераили
Гёклены 36, 69, 88, 93, 94, 98, 101, 131—135, 174, 205, 210—212, 214, 216, 217, 221, 227, 231, 232, 234, 235, 238, 240, 248, 267, 273, 275, 279, 281, 284, 287, 288, 296, 297, 301, 304, 308, 311, 312, 324, 389, 393—395, 397, 402, 415, 416, 425, 428, 435, 436, 439, 447, 450, 456, 457, 464—470, 475, 477, 482, 486, 497, 502, 507, 510, 511, 513, 519, 521, 523, 526—528, 532, 538, 568, 579, 580, 592, 594, 595, 599, 607, 608, 610, 633
Грузины 104, 311, 461
Гузы 78

Давизан, 270, 271
Давли-бахши, йомутск. пл. 434
Даз 248, 279, 314
Деведжи, см. также теведжи 215, 248
Девечи, см. Деведжи
Девелю 211—213, 216, 220, 221, 230, 281, 288
Джагатаи 105
Джафарбай 215, 237, 248, 267, 279, 303, 304, 312, 314, 317
Джелаиры 92, 99, 103, 105, 120, 135—138, 141, 165, 221, 224, 226, 307, 328, 349, 350, 353
Джемшиды, («ямшиды») 236, 247, 250, 263, 289, 291, 292, 296, 306, 308, 309, 388, 436, 477, 481—483, 496, 499, 502, 504, 512, 513, 522, 524, 526—528, 530, 535, 540, 549, 551, 553, 554, 557, 558, 563—567
Джеханбеглю 244
Дурмены 85, 169, 328, 374
Дуррани, см. Абдали

Зафаранлю 128, 212, 213, 224, 226, 227, 241, 242, 311, 390, 391
Зулькадар 10, 57, 61, 70

Игдыры, см. Икдыры
Иззудинлю 124, 172, 173, 175, 206, 207, 214, 216
Икдыры 393, 412, 447, 571, 597
Илиджек 422
Илькай 298
Имир, см. Имрели
Имранлю 237
Имрели 34, 86, 88—90, 94, 95, 98, 119, 121, 128, 130, 202, 221, 222, 227, 248, 355—363, 366—370, 372, 373, 376, 383, 388, 392, 393, 395, 397—401, 403, 404, 406, 409—413, 416, 417, 420, 425, 428—432, 434—436, 439, 444, 445, 447, 450, 451, 455, 459, 464, 466, 470, 471, 475, 491, 502, 507, 512, 513, 519, 524, 526, 529, 530, 532, 536, 550, 553—557, 567, 569, 575, 579, 592, 627, 628, 634—637
Ирэнцы 38, 39, 52, 58, 65, 118, 146, 147, 153, 160, 161, 167, 171, 172, 179, 183, 189, 191, 195, 203, 209, 213, 214, 219, 220, 230, 247, 263, 264, 266, 267, 269, 273, 281, 283, 288—292, 295, 297, 298, 304, 309, 332, 333, 348, 384, 387, 394, 464, 536—539, 543, 544, 566, 593, 595, 602—605
Иргачлю 393
Ирлю афшар 104
Ички-салыры 324
Йомуты 36, 87, 121, 124, 132, 135—137, 143, 148, 149, 156, 160, 161, 169—182, 191, 192, 196, 202—205, 211, 212, 214—217, 219, 221, 223, 227, 231, 232, 234, 238, 248, 258, 267, 273, 276, 279, 281—283, 286—290, 292, 293, 296—304, 308, 312, 317, 318, 321, 324, 333—350, 353, 357—370, 372, 374, 376, 377, 380, 381, 383, 389, 391, 392, 394, 397—403, 405—413, 415—417, 419—421, 425, 428, 432—434, 436, 438, 439, 444, 446, 447, 449, 451, 452, 455, 459, 462—464, 466—468, 470, 471, 475—480, 482, 484—486, 491, 492, 494, 496, 500—502, 507, 511, 512, 514, 519, 522, 523, 524, 529, 530, 532, 535, 537, 547—550, 552—564, 566—579, 582—594, 596—601, 607, 608, 611—616, 618—629, 631—638

Каванлю 214, 217, 239
Каджары 10, 61, 70, 74, 87, 93, 96, 99, 100, 109, 112, 117, 118, 122, 124, 127, 128, 131, 148, 150, 162, 168, 172—175, 177, 178, 180, 182, 185, 194, 197, 205, 206, 211—216, 220, 221, 230, 236, 239, 241, 269, 276, 281, 288, 291, 296, 314, 316, 320, 394, 415, 463, 470, 511, 526, 536—539, 601—603
Казахи 26, 29—31, 43, 46, 58, 146, 147, 167, 191, 195, 196, 202, 294, 325, 326, 334—336, 340—344, 365, 373, 375, 382, 383, 397, 398, 416, 417, 436, 439, 476, 555, 582, 592—594, 608
Кайкурме 248
Кайы, род пл. гёклен 469
Калмаки 347, 418, 492
Калмыки 31, 58, 113—115, 170, 183, 191, 201, 208, 209, 327, 329, 330, 348, 349, 365
Калмыки-торгоуты 329
Канглы 202, 328, 332, 350, 372, 376
Канглы-кыпчаки 357
Кан-юхмаз 319
Кара, род пл. эрсари 421
Кара-ахмед 379, 384
Карагёзлю 228, 242, 313
Карадашлы, карадашлинцы 393, 416, 425, 428, 435, 436, 439, 447, 450, 456, 459, 466, 475, 477, 512, 513, 519, 523, 528, 530, 536, 592, 597, 607, 608, 624 627, 628, 630, 632, 636
Караи 173, 220, 221, 225, 227, 228, 235, 269, 388, 439, 459, 460
Калпаки, см. кара-калпаки
Кара-калпаки, калпаки 26, 27, 37, 156, 157, 160, 167, 191, 202, 223, 294, 328, 331, 333, 336, 337, 340, 342—344, 352, 359, 364, 373—375, 377, 381—383, 385, 392, 397, 398, 401, 407, 408, 410, 412, 420, 428, 436, 439, 447, 450, 473, 497, 506, 507, 533, 540, 549, 555, 558, 559, 572—574, 582—584, 592, 594, 608
Караклю, см. карахлю
Кара-коюнлю 92
Караманлю 57, 91
Карамаши 103—105
Кара-папаки 278
Кара-талканлю 393
Караханлы 385, 399, 403, 406, 414, 432
Карахлю, караклю 118, 132, 157, 162, 170, 173, 174, 177, 188
Кара-чока, см. также чони-шереф 370, 380, 399, 455
Карачурлю, курдское пл. 129, 130, 136, 171
Кара-йылгунлы, см. также тазе-конграты 626, 634, 636, 637
Кариме 364
Каррави 248
Катаган 52, 349
Кашкайцы 78, 172
Кенегесы 169, 328, 340, 355, 364
Кенкерлю 68
Кераджези 105
Кераи, см. караи
Керайли, см. кераили
Кераили, герайли 45—47, 58, 86, 87, 105, 113, 130, 131, 133, 212, 314
Кераиты, монг. пл. 45
Керкесы 461
Киргизы 58
Китай, см. хытай
Конгрэты, конгратцы 43, 44, 47, 54, 60, 166, 169, 202, 223, 328, 332, 336, 340, 343, 345, 360, 362, 364, 366, 376, 377, 379, 428, 439, 473, 477, 507, 533, 550, 555, 565, 572, 573, 575, 582—584, 596
Кулан 364
Кунградцы, кунградцы, см. конграты

Кундузлю, пл. афшаров 119
Кунеш 156
Курды 46, 79, 118, 119, 121—123, 126, 128—131, 132—137, 173, 186, 212, 214, 216, 224, 229—231, 235, 241, 289, 291, 333, 391, 395, 404, 405, 415, 579
Курды бахтиарские, см. курды
Курды-шадилю, см. курды
Куртбеглю 254, 265
Курукчи 267
Кут, туркм. пл. 422
Кучик 215, 248, 319, 321, 350, 399, 585, 589, 590, 633
Кызылбаши 10, 22, 52, 55, 57—60, 64, 65, 68, 70—76, 78, 80, 83, 85—87, 89, 90, 92—96, 98, 103, 104, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 116, 155, 171, 174, 178—181, 186—190, 192—195, 197, 200, 249, 261, 275, 288, 289, 292, 332, 333, 359, 370, 380, 384, 385, 387, 388, 394, 397, 398, 405, 415, 427, 430, 431, 434, 438, 440, 454, 460—463, 465—467, 471, 472, 482, 526, 536—538, 542, 543, 595, 605
Кыпчаки 107, 169, 181, 328, 332, 338, 362, 365, 412, 423, 428, 447, 500, 506, 508, 565, 582
Кыяты 169, 328, 342, 352, 362, 372, 376, 383, 398, 401, 407, 428, 477, 502, 511, 538, 568, 570, 605
Кыят-конграт 383

Лайпа, туркм. пл. 34
Лезгины 186
Лекк 244
Луры 83, 244, 314
Луры-фейли 74, 191

Максудлю 315
Мангыты 162, 181, 183, 189, 202, 326, 328, 332, 334, 348, 352, 357, 365, 366, 397, 423, 428, 472, 477, 498, 501, 502
Махратты 209
Меджеуры 448, 462, 480
Мекриты 184
Мешрики 361, 476, 507, 513, 519, 585, 589, 590
Минги 328
Моголы, см. монголы
Монголы, моголы, mongols, mogols 15, 23, 32, 44, 46, 78, 92, 118, 164, 208, 283, 285, 294, 296, 297, 324, 325, 418, 578
Муганцы 186
Мукаддамы 186
Мургакли 422

Найманы 328, 331, 343, 345, 351, 357, 365, 369, 428
Некудерцы 43, 44
Ногайцы 326
Нукузы 328, 343, 346, 350, 352, 353, 381, 386

Огурджа, туркм. пл. 132
Оклы, см. охлу
Оклы-гёклены, см. охлу
Окўз 359, 361, 395, 585, 589, 590, 634
Онтурт-уруг (14 родов) 328, 582
Орус-кошчи 359, 399, 562, 563, 585, 589, 590, 615
Отамыш, актамыш 241, 253, 310, 389, 469, 482, 483
Охлу, оклы, оклы-гёклены 61, 67, 69—71, 88, 90, 93, 94, 96, 97, 101
Ошак 142, 178, 191, 350, 359, 362, 364, 380, 425, 585, 589, 590, 613, 620, 629, 634
Ошак-уруг, см. онтурт-уруг

Папалю 119, 126, 135
Парвард, туркм. пл. 422
Пендерак 248
Персы, см. иранцы

Румлю, кызылб. пл. 10, 55, 68
Русские 84, 136, 146, 234, 267, 281, 375, 461, 473, 474, 487, 537, 547

Садозай, афг. род 209
Саин-хани, саин-хан, саинхановские туркмены, см. также яка 45—47, 67, 75, 86, 89, 93—95, 98, 99, 101, 102, 117, 206
Сакар 422, 524, 528, 530, 536
Салак 248, 359, 364, 406, 425, 634, 635
Салх 559
Салыры 94, 98, 103, 167, 169—171, 177, 197, 202, 221—223, 227—230, 236, 251, 263, 266, 279, 289, 290, 292, 295, 308, 324, 335, 338, 340—342, 352, 371, 382, 404, 415, 422, 429, 430, 432, 435, 436, 438—440, 447, 456, 459, 462, 463, 471, 472, 475, 476, 479, 482—485, 488, 489, 494—498, 501, 518, 519, 521, 522, 525, 528, 533, 553
Самандук 483, 510
Сапанлю 215
Сарлю 130
Сарты 337, 428, 592
Сарулилю 134
Сархадди 245
Сарыки (сары-эли) 156, 189, 202, 221—223, 226, 227, 230, 236, 261, 266—268, 279, 289, 290, 292, 308, 311, 324, 375, 382, 383, 403, 405, 409, 411, 414—418, 429, 432, 435, 437-454, 456, 459, 462, 463, 471, 472, 476, 479, 481—485, 488, 489, 493, 494, 498—501, 505, 507—509, 512—514, 517—522, 524, 525, 528—541, 546, 553, 554, 557, 568, 572, 601, 602
Сихи 209
Сияхпуши 45, 67, 68, 86, 88, 89, 91, 93—98
Сокты 441, 447
Сычмаз 391

Табын, казахск. род 375, 593
Таджики 46, 118, 209, 256, 269, 448
Тазе конграты, см. также кара-ыйлгунлы 475, 486, 502, 507, 513, 519, 530, 536, 548, 626—629, 631, 634, 636, 637
Талыши 45, 55, 237

Татар, туркм. пл. 120, 121, 124—127, 129, 137, 215, 227, 248, 319, 421, 434, 447, 450
Татары, tatares 32, 297, 578
Таты 314
Теведжи, тевечи см. также деведжи 324 468
Теймени 125, 263, 308
Теймури см. Тимури
Теке, текинцы 24, 87, 104, 121, 130, 134, 143, 148, 156, 157, 202, 205, 207, 218—220, 222, 223, 225—227, 232, 238, 241, 248, 251, 260, 265, 267, 268, 273, 279, 287—292, 295, 296, 308, 309, 311, 312, 324, 327, 335, 338, 340, 342, 352, 354, 355, 359, 375, 378—389, 391, 392, 396—414, 416, 417, 429, 430, 432, 433, 435, 436, 438—440, 443—445, 447, 448, 450, 451, 455, 456, 458, 459, 462, 467, 469, 470, 471, 476, 482, 483, 488, 489, 497, 499, 505, 509, 511, 512, 514—522, 524—530, 539—543, 545—547, 553—555, 557, 568, 570, 572, 573, 581, 593, 595, 601—605
Текелю 10, 100
Текинцы, см. теке
Тимури 125, 220, 221, 223, 245, 256, 272, 277, 388
Тохтамыш 240, 241, 253, 310, 389, 408, 469, 482, 483
Туранцы 295
Туркмены 3, passim
Туркмены Белого Барана 47
Турки, см. тюрки
Тюрки 10, 46, 94, 118, 136, 216, 224, 236, 237, 284, 336, 343

Узбеки 29, 33—35, 39, 41, 42, 44, 46, 48—65, 67—69, 71—89, 91—93, 95, 100—104, 106—112, 118, 124, 126, 127, 133, 134, 138, 139, 141—147, 155, 158, 160, 162, 167, 169, 170, 179, 181, 183, 186, 188, 195—198, 202, 209, 219, 222, 225, 236, 251, 258, 260—263, 281, 296, 305, 311, 323, 325—329, 331, 333, 334, 336, 337, 343, 345, 362, 369, 372, 373, 376, 397—399, 401, 412—414, 425, 428, 430, 439, 447, 450—452, 459, 465, 467, 470, 472, 473, 475, 476, 486, 493, 504, 513, 521, 522, 532, 533, 535, 538, 540, 557, 569, 571, 578, 585, 592, 608, 626, 636
Узбеки найманы 73, 75, 81
Узбеклю 228
Уйгуры 328, 339, 343, 345, 347, 348, 369, 423, 425, 426
Уйгуры найманы 326
Уйсуны 365
Устаджлю 10, 55, 62, 66, 68—70, 74, 79, 99, 100, 103, 106, 134
Ушаки, см. ошак

Фирузкухи 125, 236

Хаджилар 105
Хаджилю 228
Халадж, туркм. пл. 422
Хасан эли 324, 378, 411, 412
Хедри 202
Хезаре, хезарейцы, газаре 43, 44, 48, 91, 125, 209, 227, 228, 235, 236, 255, 263, 265, 266, 269, 270, 277, 308, 311, 312, 402, 464, 472, 480, 528, 535
Ходжа 473
Ходжа-эли 328, 332, 356
Ходжевенд 214, 313, 314
Хошоут, пл. калмыков 329
Хузейме 134
Хызыр эли 324
Хытай, китай, 183, 340, 363, 364, 367, 369, 397, 412

Чавушлю, чаушлю 77, 383
Чагатай 327, 342, 436
Чапушлю 148, 213, 220, 221, 224, 225
Чардевели 277, 278
Чаруши 177
Чаршанги 472, 481, 483
Чаушлю, см. чавушлю
Чахар-аймаки, см. аймаки
Чегени, чейени, пл. луров-фейли 74, 85, 86, 91, 104, 109, 110, 163, 267, 275
Чекени, чагяни, пл. каджаров 74
Чемшкезек Курды 100, 105, 115, 121, 126, 128, 130, 137, 333, 386, 461
Черкесы 101, 461
Чони-шереф, см. также кара-чока 317, 353, 358, 380
Чоудоры 202, 296, 334, 335, 337, 339—341, 354, 372—376, 378, 392, 394, 397—401, 405—408, 412, 416—418, 420, 422, 424, 428, 436, 439, 447, 450, 451, 456, 457, 467, 472, 474, 475, 477, 484, 486, 491, 507, 513, 519, 521, 522, 530, 532, 536, 540, 548, 550, 553—555, 557, 566—571, 580, 585, 592, 595, 599, 605—610, 623, 628, 633, 636
Чони, см. чони шереф

Шадилю 46, 126, 213, 228, 230, 235, 241, 257, 267, 273, 311, 390
Шакакы 244, 254, 263, 271
Шамлю 55, 57, 58, 61, 68, 70, 87, 99, 107, 112
Шахсевен 114, 228, 230, 231, 244, 269—271, 278, 308
Шейх 328, 475, 477
Шейхванлю 128, 129
Шереф, см. чони-шереф

Эймуры, см. имрели
Эркекли 311
Эрсари 156, 189—191, 202, 236, 324, 421, 422, 425, 426, 469, 481
Эски 422

Юз, узб. род. 23, 328, 331, 376
Юхари-баш, род. каджаров 124

Языр, туркм. пл. 40
Яка, см. также саин-хани 43—45, 54, 60, 61, 65, 67, 69, 87—89, 91, 94—96
Яка-туркмены саинхани, см. яка
Ямшиды, см. джемшиды
Яхмуры 215

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ [1]

Абага 513
Авам 353
Ага (женск.) 42
Ага (см. Ака) 46, 51, 225, 253—257, 260, 265, 307, 313, 493, 504
Агабаши 469
Ака (см. Ага) 327, 342, 350, 360, 367, 375, 387, 389, 400, 436, 543
Акабир 339, 346, 348, 352, 372, 395, 400, 408, 445, 607
Аксакал 241, 242, 248, 279, 310, 421, 445, 460, 509, 510, 590
Ак-ӱй 393
Ак-ӱйлю, ак-ӱйлюк 388, 389, 398, 402, 414, 440, 600, 609
Аламан 385, 389, 397, 399, 400, 405, 417, 420, 501, 513, 514, 531, 532, 538, 539, 547, 553, 571, 598, 608, 636, 637
Аламанщики 382, 396, 499, 500, 502, 511, 518, 531, 547, 548, 569, 581, 586, 588, 611, 614, 615, 618, 621
Алтун-джилау 127, 181, 348, 349, 373
Алуфе 594
Амальдар 328, 590
Аммэ-задэ 562
Арбаб 327, 337, 342, 343, 375, 406, 454—456
Арк 128, 170, 241, 547, 560, 562
Арна 580
Арык 56, 60, 120, 327, 340, 342, 347, 350, 355, 361—365, 583
Аср (назв. намаза) 320, 348, 367, 496, 622, 629, 632
Ата 285, 327, 342, 347, 382, 389, 392, 400, 401, 413, 462, 511, 562, 582, 584, 597
Аталык 74, 109, 115, 116, 140, 141, 148, 149, 162, 181, 189, 206, 327, 331, 332, 336—339, 342, 343, 348, 353, 357, 361, 362, 365, 366, 368—372, 375, 376, 382—385, 389, 390, 397, 400, 406, 408, 423, 425, 428, 435, 440, 447, 451, 465, 467, 472, 476, 484—486, 488, 489, 492, 498, 506, 507, 524, 530—534, 536, 539—543, 545, 553, 555, 557, 565, 568, 574, 575, 582, 584, 587, 598, 606, 621, 624, 625, 632, 633, 636, 637
Атау 548
Атлы 598
Аул 283, 361, 391, 392, 397, 399, 422, 450—452, 467, 562, 567, 568, 570, 573, 582, 584, 585, 596, 598, 600, 606, 613, 614, 617, 618, 620
Ахал 359
Ахл-и-гана 594
Ашраф 348
Ашура 58

Баба 438, 481, 484, 638
Баг, багат 122, 458, 586
Бадж 345, 375
Бадиенишин 424
Базар 422, 437, 480, 520, 528, 557, 561, 570, 577, 590, 600, 601, 604, 615
«Базар» 543
Бай 189, passim
Байдак 419
Баляд 352
Бамдад (назв. намаза) 349, 573
Батман 351, 476
Батыр 594
Бахши 45, 57, 365, 370, 404, 447, 449, 451, 560, 563, 575, 577, 578, 591, 596, 619, 620, 626, 629
Башчи 397, 411
Беги 42
Беглербеги 73, 99, 105—110, 112—115, 141, 151, 157, 162, 163, 171, 172, 177—179, 182, 183, 206, 217, 219, 227, 234, 242, 248, 281, 296—298, 388, 394, 483, 524, 526, 527, 535, 544, 549, 551, 552, 554, 555, 565
Бегум 42
Бей 17
Бек 10, passim
Бельдар 581
Бенд 520, 581
Берат 324
Бератдар 324
Бест 242, 243
Бехадыр, бехадур, бахадур 51, 60, 73, 109, 139, 157, 175, 310, 329, 340, 341, 349, 351—353, 356, 357, 362—366, 369, 372, 376, 379, 380, 384, 385, 397, 398, 401, 405, 406, 410, 411, 412, 420, 421, 425, 426, 433, 434, 436, 439, 441, 443, 444, 447, 450, 468, 475, 480, 541, 542, 545, 625, 627, 634
Бий 23, passim
Битикчи 45, 47, 63, 67, 72
Бише 513
Булюк 40, 45, 46, 78, 89, 94, 95, 98, 105, 173, 211, 214, 216, 224, 232, 234, 235, 242, 256, 266, 272, 280, 310, 313, 314
Буляк 328
Бурдэ (см. бардэ) 512
Бурдюк 301, 501—503

[1] Составлен О. И. Шацкой.

Бутрак 585
Бычкы 356

Вазифе 594, 598
Вали 112, 219, 288, 338, 360, 488, 602
Везир, везирство 10—14, 52, 152, 189, 198, 201, 207, 210, 211, 225, 252—254, 256, 259—261, 265, 266, 327, 332, 334—337, 343, 386, 407, 428, 436, 443, 460, 509, 520, 543, 546, 547, 549, 551, 560, 580, 606
Везир-и-низам 306
Векиль 60, 120, 121, 137, 152, 157, 163, 165, 333, 370, 417, 431, 434, 444, 447, 450, 451, 459, 463, 466, 553, 560, 563, 567, 575, 577—579, 585, 589—591, 596—598, 615, 618, 626—628, 631, 632, 638, 626—628
Вели 421, 450, 577, 579
Вилайет 210, 224, 326, 327, 342, 477, 479, 480, 482, 484, 485, 488, 489, 499, 500, 510, 517, 527, 530, 533, 534, 536, 539, 540, 546, 602

Гадир 437
Гази, газий 56, 58, 59, 61—64, 333
Гайдук 286
Ган 400, 414
Гелю 155
Гёмбез 368, 377
Гуль 281, 299
Гулям 53, 84, 101, 103, 104, 106, 113, 127, 141, 170, 212, 215, 231, 236, 276, 315, 317, 318, 320, 348, 349
Гурух 328, 579
Гуссал 561
Гяз 153

Дадха 189, 202, 353, 371
Дамулла 483, 545, 592
Даньг 272
Дарга 351
Даруга 45—47, 61, 70, 87, 89, 91, 96, 109, 211, 264, 351, 352, 362, 365, 366, 369, 423, 462, 465, 472, 489, 553, 555, 584, 599, 606
Дар-уль-фунун 19, 21
Дастарханчи 349, 412, 536, 539, 547
Дербенд 405
Дервиш 36, 211, 228, 238, 443
Деставиз 138
Дехкан 514, 520
Дехлиз 561
Джамаа 339, 347, 391, 397, 422
Джар 280
Джарчи 386
Джасус 157
Джебадар-баши 115, 189
Джебачи 421
Джезие 332
Дженазе 344
Джериб 293
Джигит 329, 340, 341, 342, 347, 348, 350, 362, 364, 365, 374, 376, 381, 400, 401, 419, 433, 435, 437, 440, 450, 451, 456, 461, 463, 476, 492, 498, 502, 510, 516, 518, 521, 532, 546
Джингиль см. Чингиль
Джуба 248
Джугара 351, 514
Джуз 8
Джулга 333
Див 284, 299
Диван (госуд. канцел., см. Диван-ханэ) 45, 48, 51, 52, 103, 592
Диван (звание) 334, 337, 353, 368, 400, 404, 588—591, 601, 604
Диван (собр. стих. одного автора) 13
Диванбеги 264, 353, 375, 376, 381, 382, 469, 485, 489, 547, 551, 555, 556, 560, 599, 611, 612, 616—618, 624—638
Диванбеги-баши 100
Диван-ханэ (см. Диван) 414
Дигер см Намаз-и-дигер
Динар 100, 155, 159, 183, 184, 266, 345, 351, 529
Диргем 182, 266, 529
Дияр 417

Закят 33, 219, 260, 293, 324, 383, 388, 433, 445, 458, 465, 469, 483, 519, 543
Зар 153, 158, 162, 227, 280, 283, 293, 294
Зейкеш 360
Зиндан 567

Ильгар 459
Ильханй 235, 239—244, 246, 249, 252, 256, 262, 265—267, 273—276, 279, 306—308, 311, 318, 319
Имам 20, 22, 48, 270, 272, 294, 306, 307, 312, 317, 469, 481
Инак 23, 24, 147—149, 160, 162, 167—171, 177, 181, 202, 223, 258, 296, 307, 327—329, 331, 334—343, 345—356, 359, 360, 362—366, 368, 375—380, 387, 388, 390, 393—395, 400, 401, 404, 406, 407, 410, 412—414, 416, 423—426, 428, 439, 440, 446, 451, 458, 467, 468, 472, 481, 484—486, 488—490, 492, 494, 496, 498, 506, 520, 524, 532, 533, 536, 539, 540, 545, 547—551, 553, 555, 557—559, 562, 567, 587, 599, 606
Исмаилиты 43
Испахбад 220
Ишан 36, 215, 238, 239, 312—317, 352, 389, 390, 393, 402, 405, 415, 421, 440, 442, 462, 463, 469—471, 535, 542, 543, 552, 555, 556, 558, 559, 566, 568, 571, 574—576, 583, 585—591, 598, 600, 601, 609, 610

Йыгын 389

Кааба 312
Каан 167
Кази, казий 56, 195, 200, 264, 283, 294, 298, 301, 327, 348, 350, 353, 361, 369, 378, 388, 391, 397, 421, 440, 442, 447, 463, 468—470, 481, 482, 509, 510, 535, 545, 568, 592, 610, 632
Как 395, 396, 404

Кала 155, 166, 232, 325, 328, 334, 336—338, 341, 344, 374, 377, 481, 564, 570, 598
Калянтар 51
Кара 405
Карабашлы-туг 418
Каравансарай, сарай 318, 346
Карамал 408, 618
Караул 235, 236, 242, 271, 401, 403, 436, 439, 452, 455, 476, 492, 496, 499, 508, 529, 544, 548, 582
Караулбаши 156, 163
Караулбеги 421, 422
Кара-черик 325, 357, 365, 607, 611
Карнай 480
Кар-ханэ 436
Карье 344
Касабе 190, 385
Катаул 446
Качу 609
Каюк 351
Кебаб 344
Кедхуда 370, 385, 402, 409, 415, 577, 591
Келек 159
Кемин 159
Кениз 393
Кент 344, 347, 353, 402, 426, 552, 559
Кеу, кев 481
Кизил-джинóв 348
Кимé 378, 437
Кишлак 95, 118, 565, 571
Кömурчи 581
Коналга, конарга 598
Конук 598
Коруныш-ханэ 562
Кöч 367, 368, 406, 425, 550, 565, 637
Коче 438
Кош 401, 493, 587, 598, 623, 637
Куляб 154
Кунджуд (кунжут) 154
Курень 363, 594
Курултай 356
Курур 320
Курчи 50, 51, 73, 84, 91—93, 96, 113, 114
Кут 360
Кутваль 360, 361, 364
Кушбеги 139, 201, 307, 327, 332, 340, 342, 343, 352, 353, 365, 375, 384, 385, 389, 410, 436, 437, 439, 440, 443, 456, 466, 467, 469, 473, 475, 477, 478, 485, 486, 509, 513, 544, 553, 565, 568, 580, 581, 587, 591, 592, 596—600, 606, 608
Кушбеги-бек 597, 598
Кыл-куйрюк 357
Кыр 425, 436, 456, 473, 475, 479, 485, 522
Кяшик-ханэ 145

Лешкерийе 564
Лешкер-и-ислам 395
Лякаб 21

Маджхул 405
Мазар 342, 350, 352, 360, 377, 400, 562, 563, 582—584, 597, 598
Мал 396, 594
Мамлюк 407
Ман 140, 152, 155, 167, 168, 182
Маузи 490
Махал 313
Махдум 520, 521
Меариф 344
Меджлис-навис 13
Медресе 181, 233, 347
Мезра, 154
Мейдан 142, 162, 298, 485, 523
Мелик 121—126, 128, 129, 172
Мемлекет 329, 593
Мензиль 406, 439, 467, 469, 474, 504, 510, 513, 518, 519
Мерген 169, 177, 387, 390, 396, 398, 399, 402, 423, 425, 433, 608, 627, 633
Месневи 390
Мехрем 229, 264, 280, 282, 287—289, 294, 330, 340, 374, 386, 398, 412, 427, 428, 436, 439, 440, 449, 453, 473, 476, 477, 480, 483—485, 493, 495, 500, 507, 512, 513, 519, 520, 524, 528, 530—532, 535, 536, 539, 540, 542, 543, 545, 546, 549, 557, 562, 566, 569—572, 574, 581, 584—586, 599, 606, 608, 610—614, 616—619, 621—625, 628—633, 635—637
Мехтер 177, 223, 288, 290, 295, 305, 327, 332, 334—339, 343, 350, 356, 360, 375, 398, 407, 428, 436, 440, 460, 468—472, 475, 488, 543, 546, 547, 549, 551, 560, 606
Мешахир 344
Ми'марбаши 165
Минарет, минаре 69, 184, 223, 285, 294, 436, 541, 561
Мингбаши 156, 157, 185, 187, 188, 264, 411, 583, 599, 618, 619, 621, 622
Мир 16, passim
Мираб 23, 25, 327, 331, 343, 350, 357, 359, 363, 364, 367, 369, 381—383, 400, 401, 412, 427, 451, 453, 488, 512, 513, 519, 523, 540, 550, 551, 562, 584, 625,
Мирахур, эмир-ахур 213, 276, 418, 440
Мирза 12, passim
Мирзабаши 628, 629, 631, 636, 637
Мирпандж, эмир-и-панджэ, эмир-пандж 114, 244, 246—249, 251, 252, 262, 282, 288, 301, 304, 305, 307, 313—315
Миршикар 163, 331
Миршикар-баши 163
Михаффа 53
Михман-ханэ 443
Ми'ярбаши 164
Муджалляд 8
Муздвар 561
Мулла 100, 122, 287, 345, 361, 385, 389, 405, 411, 415, 420, 427, 428, 435, 438, 440, 442, 447, 490, 536, 555, 560, 593, 601, 603—605
Мульк 353
Мунши 11, 13, 16, 164, 592
Мустоуфи 18
Мутевелли 327, 347, 395, 515, 591, 625
Мутесадди 152
Мухассыль 151
Мухрдар 50, 51, 70, 77, 591, 596
Мухтесиб 200, 335
Мюрид, мюридизм 37, 211, 238, 285, 442

Навваб 152, 224, 288, 289, 295, 306—310, 595
Назир 103
Наиб 207, 220, 241, 265, 347, 348, 352, 353, 363, 372, 383, 398, 404, 415
Наиб-истабль 318
Накд 594
Накшбенди 238
Накыб 186, 327, 369, 387, 585
Намаз-и-дигер 405
Насакчи 189
Насакчи-баши 189, 214, 219
Насталик 11, 13
Науче 155
Нахр 328
Ноуруз 77, 248, 402, 469, 546
Нукер 181, 325, 334, 351, 358, 361, 364, 366, 369, 374, 375, 378—380, 384—386, 390, 400, 412, 414, 415, 421, 422, 438, 440—442, 444, 445, 451, 455—457, 459, 461, 465—468, 470, 477, 482, 483, 488, 489, 493—495, 499, 507, 516, 517, 523, 524, 526—528, 531—533, 535, 536, 538, 539, 543, 546, 553, 565, 574, 582, 584, 588, 591, 596, 607, 623

Оба 283, 391, 397, 422, 562, 567, 573, 582, 584, 596, 598, 600, 614, 620, 623—625, 628, 630
Обадашлык 448
Оглан 240, 361, 426, 598
Оглан-ошак 361, 426
Одейчи, ойдечи, одачи, удайчи 343, 350
Онбаши 329, 357, 421
Онбеги 240, 242, 329, 343, 376, 393, 395, 405, 435, 447, 455, 458, 508, 597
Орда 135, 137
Ордубазар 602
Отунчи 390, 581
Отчи 390

Падишах 9, passim
Парваначи 45, 177, 223, 327, 336, 338—342, 347—351, 372, 378—380, 440, 462, 463, 470, 505
Паша 209, 210
Пери 284
Пехлеван 476
Пешин (назв. намаза) 386, 391, 396, 410, 426, 431, 451, 519, 522, 540, 545, 548
Пиш-ханэ 84
Пишхидмат 319, 320
Пишхидмат-баши 216
Пиядэ (پیاده) 602

Рабат 82, 261, 379, 421, 477, 478, 493 524, 584
Райя 151, 332, 344, 363, 373, 581, 582
Реис 327, 335, 337—339, 348, 469, 545
Реис-уль-улема 313
Рустак 256

Сал 189, 190, 378
Санбук 159
Сарай см. Каравансарай
Сарбаз 241, 462, 464, 516, 535, 536, 543, 602, 606
Сарбедар 8
Сардаба 115, 425
Сарупа 402
Сафар 412
Сахифэ 11
Сахранишин 565, 569, 571, 582
Себзэ-бэри 155
Сейид 17, 46, 51, 88, 208, 215, 216, 382, 404, 408
Сенгир 181, 184, 340, 341, 393, 404, 408, 409, 537, 538, 563, 587, 589, 600, 602, 606, 608, 612, 614, 632
Сер-амед 397
Сердар 46, 61, 123, 148, 176—178, 181, 190, 191, 205, 212, 214, 219, 222, 223, 226, 239, 248, 260, 264, 265, 270, 273, 274, 277, 279, 302, 304, 313, 329, 339, 345, 346, 357, 360—362, 364, 366, 367, 372, 376, 377, 380—384, 387—390, 392, 395—399, 401, 404, 405, 407, 408, 410—417, 419, 421, 425, 427—430, 434, 435, 438—442, 444—447, 450—453, 455, 456, 459, 462, 464—468, 476, 482, 514, 517, 523, 540, 563, 564, 582, 597, 607, 626, 627, 633—637
Сер-кешик 155
Серкуб 357, 358, 375, 458, 461, 630, 631
Сертиб 242, 536
Серхенг 540, 553, 599, 600, 621, 623, 637
Сефид-бэри 155
Силь 431
Сипах 357
Сипахдар 213, 217, 401, 423
Сипахи 357, 412, 416
Сипахсалар 108, 110, 112, 152, 176, 180, 201, 279, 334, 335
Сёксёк 337
Сокум 408
Султан 9, passim
Сунниты 10, 22, 198, 200, 269, 385
Сурдаул 389, 428, 494, 512, 572
Сурук (гурт) 455, 544
Сурук (палка) 603
Суфи, суфий, суфизм 36, 234, 238, 256, 344, 345, 357, 358, 361, 367, 370
Суфречи 108, 109
Суфречи-баши 109

Тäвäджи, тäвачи 356, 360, 375, 422
Тäвäджи-баши 60
Таифе 353, 399, 566, 579, 598
Тайши 329
Такыр 479
Там 631
Танап 296, 622, 629
Тархан 70, 378
Татаул 451, 472
Таш 390
Теведжи см. Тäвäджи
Тенг 284
Тенге 332, 351, 577, 594, 598
Тепе 408
Тилля 291, 301, 345, 400, 407, 408, 476, 598, 634

Тирэ 417, 421, 559, 566, 620, 634
Тиюль 10
Тогмэ 393, 407, 414, 549, 583
Той 382, 399, 611
Токаул, тоткаул 343
Токсаба 371, 422, 442, 447, 449, 462, 470
Топчи-баши 163, 189, 451, 538, 611, 613, 621, 622
Тёре 201, 206, 207, 222—226, 235—239, 264, 308, 325, 340, 371, 379, 400, 427, 433, 434, 444, 447, 457, 458, 479, 524, 525, 545, 555, 574, 576—578, 595, 607
Туг (tug) 418, 506
Тугай 478, 485, 493, 523
Туман, туманат 60, 66, 83, 100, 155, 156, 159, 182—184, 226, 228, 229, 240, 244, 251, 266, 271, 282, 301, 313, 316, 320, 372, 423
Тумшук 393
Тупэ 328
Туркменлик 629
Туфангчи 104, 105, 108—112, 227
Туфангчи-агасы 103
Туфангчи-баши 108

Удайчи см. Одейчи
Ӱй 623
Улема 215, 243, 439, 458, 477, 484, 535, 545, 551, 588, 589, 592
Улуг 609
Улуг маджма 577
Улус 42, 45, 46, 61, 62, 71, 93—95, 97, 98, 113, 114, 219, 329, 419, 422, 430, 438, 440, 450, 456, 460, 462, 475, 483, 488, 489, 491, 501, 528, 530, 602
Умарà 330, 335, 339, 349, 367, 408, 412
Уммаль 155, 595
Уруг 328, 347, 359, 546, 575, 634
Ушр 184
Юк 436

Фарз 380
Фарраш 85
Фарсах 47, 49, 55, 60, 77, 82, 93, 94, 104, 119—121, 123—125, 132, 134, 136, 139, 141—143, 146, 153, 199, 222, 224, 225, 228, 232, 236, 237, 242—246, 250, 251, 262, 265, 266, 269, 271—275, 278—280, 284, 285, 293, 295, 296, 303, 308, 310, 311, 314, 318, 319, 333, 350, 359, 366, 406, 431, 467, 469, 470, 480, 495, 530, 537, 541, 548, 571, 573, 621—624, 628, 632
Фарси 17
Фатихэ 297, 317
Фидаи 560, 561
Фиркà 337
Фирман 145
Фукара 331, 332, 335, 344, 346, 363, 373, 379, 409, 582, 588, 594
Фукаралык 588

Хадж 49
Хаджи 105, 116, 173, 174, 198—201, 207, 210, 213, 216, 221, 225, 231, 269, 313—318, 347, 348, 405, 409, 494
Хаджибаши 313
Хадым 560
Хайат-ханэ 386
Хакан 10, 55, 56, 159, 164, 368
Хаким 54, 73, 201, 336, 338, 340, 368, 418, 490, 593
Хакриз 599
Халиф 24, 150, 160, 164
Халифе 62, 70, 71, 236, 410, 435, 436, 438, 441, 443—445, 447, 448, 459, 470, 480, 482, 483, 499, 504, 506—508, 512, 515—517, 520, 522—527, 530, 531
Халифе-и мухрдар 70
Халк 342, 393, 394, 408, 421, 422, 563, 566, 595
Халяль 344, 433, 593
Хан 4, passim
Хандак 340, 594, 599
Ханум, ханым 56, 294, 330, 332
Харадж 33, 295, 332, 333, 359, 458, 462, 463, 465, 519, 604
Харам 577
Хаға tug 418
Харвар 108, 155, 167, 168, 182, 251—253, 307
Хауз 110
Хаули 360, 540, 607
Хачир 604
Хисар 348, 377, 378, 381, 599
Хиябан 280
Ходжа 18, passim
Ходжа-калян 186
Ходжа-накыб 186, 369
Хум 69
Хутба 93, 100, 327, 371
Хуфтан (назв. намаза) 349, 367, 396, 425, 468, 603, 632

Чакир 591
Чапаул 327, 432, 447, 450—453, 459, 463, 464, 472, 473, 571
Чарбаг 158, 164, 166, 199, 467, 584
Чарва 319
Чар дивар 51
Чарпа 166
Чархчи 75
Чашт (чашт чагы) 593
Чингиль, джингиль 179, 187, 188, 344
Чокур 219
Чомур 319
Чонгюль 455
Чура-агасы 587

Шам (назв. намаза) 367, 570, 572, 629, 632
Шамхал 386, 390
Шамхалчи 386, 473, 477, 492
Шариат 201, 214, 219, 253, 433, 469, 483, 547, 555
Шах 7, passim
Шаханшах 210, 213, 215, 218, 227, 230, 232, 238, 239, 247, 249, 251, 259, 264, 265, 275, 276, 288, 290, 291, 297, 304—306, 446
Шахзаде 47, passim
Шахй 287

Шейх 10, 29, 211, 226, 256, 260, 264, 285, 294, 295, 309, 314, 328, 360, 385, 386, 389, 402, 405, 408, 409, 414, 427, 435, 448, 459, 462, 470, 545, 575, 597—599, 633.
Шейх-уль ислам 215, 327, 400, 412, 414, 442, 451, 462, 463, 466, 470—473, 475, 477, 482, 488, 489, 492, 506, 545, 594, 606
Шехер 392, 408, 410
Шигаул 385, 423, 472, 626, 628
Шииты, шиизм 10, 22, 43, 48, 192, 209, 227, 230, 253, 332, 431, 536, 539
Ширхаджи 144
Шор 479
Шорбэ 344
Шористан 338

Эль, элят 356, 358, 376, 391, 422, 443, 447, 448, 494, 517, 535, 566, 582, 602
Эмин-низам 319
Эмир 34, passim
Эмир-ахур см. Мирахур
Эмирзаде 341, 388
Эмир и панджэ см. Мирпандж
Эмир-и-туман см. Эмир-туман
Эмир-пандж см. Мирпандж
Эмир-туман, Эмир-и-туман 233, 318
Эмир-уль-умара 104, 524, 576, 577, 579, 607
Эхшам 448
Эшик-агабаши 469
Эшик-агасы 189, 216, 265, 545, 638
Эшик-агасы-баши 151, 162, 163, 170
Эшрефи 345

Юзбаши 114, 231, 236, 264, 270, 276, 309, 357, 385, 386, 389—391, 395, 397—400, 412—417, 419, 420, 422, 423, 427, 435, 436, 439, 444, 447, 450, 455, 457, 459, 463—466, 469—473, 475, 477, 481, 482, 489, 490, 492, 498—500, 506, 508, 529, 540, 541, 543, 548, 553, 555, 566—574, 580, 583—585, 604, 609, 610, 613, 633, 634
Юзбеги 103
Юрге-мал 133
Юрт 326, 336, 339, 346, 427, 432, 435, 474, 475
Юртаул 425

Яб 419, 571
Ябу 581, 616, 618, 629
Яйлак 84, 95, 313
Яраг 610
Ярлык 329, 391, 416, 440, 445, 448, 470, 483, 590, 591, 593, 598, 601
Ярмак 351
Ясак 488
Ясакчи 360
Ясаул 92, 155, 389, 400, 428, 429, 435, 455, 494, 512, 582, 596
Ясаулбаши 398, 413, 414, 424, 428, 436, 444, 449, 451, 455—458, 461, 463, 464, 466—468, 470—477, 482, 486, 488, 489, 492, 493, 502, 507, 512, 513, 519, 524, 530, 531, 533, 537, 539, 540, 542, 548, 551, 555, 557, 563, 571—574, 580, 582, 584, 585, 597, 599—601, 606, 608, 610—613, 623—625, 632—634, 637
Яска 627, 628
Яхдан 162

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ДЛЯ ПРИМЕЧАНИЙ[1]

1. Литература на русском языке

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение. . . Хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова. Казань, 1906.

Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883.

Алиханов-Аварский, М. В гостях у шаха. Тифлис, 1898.

Артамонов, Л. К. Поездка в Персию. Астрабад-Шахрудский район и северный Хоросан. Военно-статистическое исследование. Тифлис, 1894.

Бартольд, В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. Изд. Акад. Наук СССР., Л. 1927.

Бартольд, В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казакского Высшего Педагогического института в 1926/27 учебн. году. Ташкент, 1928. Изд. Казакск. Высш. Педагог. инст.

Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

Бартольд, В. В. К истории Хорезма в XVI веке. Газ. Туркест. Вед., 1903, № 20. Поправка № 31.

Бартольд, В. В. О некоторых восточных рукописях. Изв. Акад. Наук. VI сер., т. XIII. П., 1919.

Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XI (1902—1903 гг.).

Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения». т. I, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1929.

Бартольд, В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5. СПб., 1911.

Бартольд, В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древних времен до XVII в. Изв. Туркест отд. Геогр. общ., т.V. I. Научные результаты аральской экспедиции. Ташкент, 1902.

Бартольд, В. В. События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка. Кауфманский сборник. М., 1910.

Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900.

Бартольд, В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. Сборник в честь 70-летия Григ. Ник. Потанина. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. XXXIV.

Бартольд, В. В. Улугбек и его время. Зап. Российск Акад. Наук. VIII сер., т. XIII, № 5, П., 1918.

Баумгартен. Поездка по Восточной Персии в 1894 г. (Географическо-торговое исследование). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXIII. Изд. Военн. учебн. комитета Главного штаба. СПб., 1896.

Березин, И. Н. История Монголов, сочинение Рашид-Эддина. Персидский текст, с переводом и примечаниями, т. I—IV. СПб., 1858—1888. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. V, VII, XIII, XV.

Березин, И. Н. Нашествие Батыя на Россию. ЖМНП. 1855, № 5.

Березин, И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. 8, СПб., 1864.

Березин, И. Н. Шейбаниада. История Монголо-Тюрков на джагатайском диалекте. С переводом, примечаниями и приложениями. Казань, 1849. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, т. I.

[1] Составлен Л. В. Строевой.

Бернье, Франсуа. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. Предисловие А. Пронина. Пер. с франц. Б. Жуховецкого и М. Томара. Гос. Соц.-экон. изд., М.—Л., 1936.

Богданов, Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношениях. СПб., 1910.

Боде, К. Очерки Туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря. «Отеч. Зап.», 1856, кн. 8.

Борнс, А. Путешествие в Бухару лейтенанта ост-индской компанейской службы. М., 1850, ч. III.

Будагов, Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык, т. II, СПб., 1871.

Бутаков, А. Эпизод из современной истории Ср. Азии. «Отеч. Зап.», 1865, ноябрь.

Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. С картой Ср. Азии, пер. с англ., СПб., 1865.

Вельяминов-Зернов, В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, ч. II.

Вельяминов-Зернов, В. В. Монеты Бухарские и Хивинские. Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. 4. СПб., 1859.

Веселовский, Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Витевский, В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография. Казань, 1897, 4 тт.

Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934.

Вяткин, В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события 1215—1217 (1800—1803) годов. Изв. Средне-аз. отд. Гос. Русск. геогр. общ., т. XVIII.

Галкин, М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

Гиршфельд (и Галкин). Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составил ген. штаба кап. Гиршфельд. Переработано нач. Аму-дарьинского отд. ген. майором Галкиным. Ташкент. Часть I — 1902, часть II — 1903.

Гродеков, Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. III, СПб., 1883.

Григорьев, В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет. Издано Русск. геогр. общ. СПб., 1869.

Григорьев, В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. II.

Данилевский. Описание Хивинского ханства. Составлено в 1843 г. Зап. Русск. геогр. общ., кн. V. СПб., 1851.

Жуковский, В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.

Жуковский, В. А. Мухаммед Хасан-хан (И'тимад-ал-Сальтанэ). Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. X. СПб., 1897.

Жуковский, С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. П., 1915.

Залесов, Н. Посольство в Хиву и Бухару полк. Игнатьева в 1858 г. Русск. Вестн., 1871, февраль.

Зимин, Л. А. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. Сборник «В. В. Бартольду». Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927.

Иванин, М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839/40 г. СПб., 1874.

Иванин, М. И. Хива и река Аму-дарья, с картой и рисунками. СПб., 1873.

Иванов, П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—25 гг. Источники и опыт их исследования. Тр. Инст. Востоковед. Акад. Наук СССР, т. 28. М.—Л., 1937.

Иванов, П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. Изв. Акад. Наук СССР, 1935. Отд. общ. наук, № 8.

Иванов, П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. Гос. научно-техн. геол.-развед. изд. Л.—М. 1932.

Иванов, П. П. Очерк истории каракалпаков. Мат. по истории каракалпаков. Инст. Востоковед. Акад. Наук СССР, т. VII, М.—Л., Тр, 1935.

Иванов, П. П. «Удельные земли» Сеид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865). Зап. Инст. Востоковед. Акад. Наук СССР, т. VI, 1937.

Каульбарс, А. В. Низовья Аму-дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. Зап. Русск. геогр. общ., т. IX. СПб., 1884.

Килевейн, Г. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед хана, 1856—1860. Зап. Русск. геогр. общ. СПб., 1861, кн. 1.

Кокандское ханство по новейшим известиям. Военн. сб., т. 68. Отд. I, кн. 7, СПб., 1869.

Кун, А. Л. Поездка по хивинскому ханству в 1873 г. Изв. Русск. геогр. общ., т. X, отд. II. СПб., 1874.

Кун, А. Заметки о хивинском ханстве. Туркест. Вед. № 40, 1873.

Лессар, П. М. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1884.

Лессар, П. М. Пески Кара-Кум. Пути сообщения Закаспийской области с Хивою, Мервом и Бухарой. Сб. геогр., топогр. и статист. материалов по Азии. Вып. VI, СПб., 1883.

Лессар, П. М. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров) с картой. СПб., 1885.

Лэн-Пуль, Стэнли. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. с примеч. и дополн. В. Бартольд. СПб., 1899.

Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Составлены под редакцией генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого. Изданы на правах рукописи, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П.ф.-Кауфмана. Ташкент, 1881.

Материалы по районированию Средней Азии. Изд. Комиссии по районированию Средней Азии. Ташкент, 1926.

Мелиоранский, П. М. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XVI.

Миллер, Б. Очерк Арабистана (Донесение драгомана генерального консульства в Бендер-Бушире). Сборник консульских донесений. Год десятый. Вып. III, СПб., 1907.

Муравьев, Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. С картинами с чертежами и пр. Москва, 1822.

Обручев, В. А. Закаспийская низменность. Зап. Геогр. общ. по отд. общ. геогр. XX, № 3, СПб., 1890.

О нынешнем состоянии некоторых областей и городов в Средней Азии. Из Journ. de S.-Petersb. Азиатский Вестн., издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1826, кн. 1.

Пальмов, Н. Н. Абул-гази в калмыцких кочевьях. (по данным астраханских архивов XVII в.). Рукопись ИВ Акад. Наук СССР.

Перетяткович, Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки по истории края и его колонизации). М., 1877.

Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Географические известия, издаваемые Росс. геогр. общ. СПб., 1850, Отдел II.

Попов, А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. Зап. геогр. общ., кн. IX, СПб., 1853.

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год двадцатый, вып. 2, Ташкент, 1916.

Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, III, IV. СПб., 1893.

Радлов, В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. Зап. Вос. отд. Русск. археол. общ., т. III, СПб., 1888.

Риттер, К. Иран. Пер. и доп. Н. В. Ханыков, изд. РГО, СПб., 1874.

Рейснер, И. М. Афганистан, с картами и схемами. Вступительная статья Ф. Ф. Раскольникова. Из. Коммун. Акад. М., 1929. Ком. Академия инст. мирового хозяйства и мировой политики. Колониальная серия.

Сборник консульских докладов. Северная Персия. Изд. Нар. комисс. по иностр. дел., 1933.

Сведения о Хивинском Ханстве. Журн. мануфактур и торговли, 1843 г. СПб., ч. II, кн. 1.

Семенов, А. А. Джемшиды и их страна. (По джемшидской рукописи начала XX века). Изв. Турк. отд. Русск. геогр. общ., т. XVI, Ташкент, 1923.

Семенов, А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929.

Снесарев, А. Е. Афганистан. Высший военный редакционный совет. Гос. изд., М., 1921.

Советская этнография. 1933 г. № 3—4. Заметки о шахсевенах.

Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии, т. II. С картами и планами. СПб., 1906.

Тигранов, Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии. Сводка путевых материалов и наблюдений о землевладении, податной (малиат) и административной системах. Дополнительная записка о гакимяте Ардабиль. СПб., 1909.

Труды Гос. Публ. библиотеки УзССР, т. I, юбилейный. Ташкент, 1935.

Туманский, А. Абул-Гази-Бахадур-хан. Родословная туркмен. Перевод. Асхабад, 1897.

Туманский, А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. IX, вып. I—IV, СПб., 1896.

Успенский, В. и Беляев, В. Туркменская музыка. Статьи и 115 пьес туркменской музыки. Под общ. ред. В. Беляева. С одной картой, 33 иллюстрациями и многочисленными нотными примерами в тексте. М., 1928.

Ханыков, Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

Якубовский, А. Ю. Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии). Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г. Тр. Инст. Востоковед., т. XVII. М.—Л., 1936.

2. Литература на западноевропейских языках

Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. Publiée, traduite et annotée par Desmaisons. P. II Traduction. St.-Pétersbourg, 1874.

«Ahsan-ut-Tawarikh». History of the Safavi period of Persian History, 15-th and 16-th centuries, by Hasan-i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon, Baroda, 1932; v. II Engl. translation.

Barthold, W. Khwarizm, Enzyklopaedie des Islam, 1926.

Barthold. W. Karagözlü, Enzyklopaedie des Islam, 1925.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Zweites Bändchen. Helmersen's Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des Chinesischen Staates. St.-Petersburg, 1839.

Browne, E. G. The Press and Poetry of Modern Persia, partly based on the manuscript work of Mirzá Muhammad Ali khán «Tarbiyat» of Tabriz. Cambridge, 1914.

Browne, E. G. A History of Persian Literature in Modern Times. 1500—1924) Cambridge, 1924.

Brydges, Harford Jones. The Dinasty of Kajars; translated from the original Persian manuscript presented by Fath Aly Shah to late envoy extraordinary and Minister Plenipotentiary to the Court of Teheran, to which is prefixed a succinct account of the History of Persia previous to that period. London, 1833.

Curzon, G. Persia and the Persian Question, I, London, 1892.

Dorn, B. Über die vom General-Adjutanten vom Kaufmann dem Asiatischen Museum verehrten morgenländischen Handschriften. «Mélanges Asiatiques», t. VII. St.-Pétersbourg, 1876.

Diez, E. Churasanische Baudenkmäler Arbeiten des kunsthistorischen Instituts der Universität Wien (Lehrkanzel Strzygouski). Band III. Mit einem Beitrage von Max. van Berchen mit 5 farbigen und 36 schwarzen Liehtdrücktafeln sowie 40 Textbild. Berlin, 1918.

Histoire de l'Asie Centrale. (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand, depuis les dernières années du règne de Nadir Chan (1153) jusqu'en 1233 de l'hégire (1740—1818). Par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, texte persan, imprimé à Boulaq, traduction française. Paris, 1876. Publications de l'École des Langues Orientales Vivantes, № 1.

Howorth, H. H. History of the Mongols from the 9-th to 19-th Century. London, 1880.

Huart, C l. Isfarāyīn, Enzyklopaedie des Islam, t. II, 1927.

„ Abu'l-Ghāzī Bahādur, Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

„ Abbas I-Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

„ Afshar, Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

Jones, W. Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, de Perse, traduite d'un manuscrit persan, avec des notes chronologiques, historiques, gèographiques et un traité sur la poésie orientale. London, 1770.

Jones, W. The History of the Life of Nadir Shah. . . with an introduction and an appendix to which is added pieces relative to the French edition. London, 1773.

Khanikoff—(de), N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris, 1861.

Kuhn, A. L. Bericht über meine Reise durch das Chanat Chiwa während der Expedition im Jahre 1873. Vorgetragen in der Russ. Geogr. Gesellschaft am 5 December 1873. Russische Revue Monatsschrift für die Kunde Russlands. St.-Petersburg, 1874.

Le Strange, G. Don Juan of Persia. Ashi'ah catholic 1560—1604. Translated and edited with an introduction. London, 1926. (the Broadway travellers edited by E. Denison Ross and Eileen Power).

Le Strange, G. Andkhui. Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

Longworth Dames, M. Ahmed Shah Durrānī, Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913 (дается библиография).

Malcolm, John. Histoire de Perse, depuis les temps les plus anciens jusqu'à l'époque actuelle; suivie d'observation sur la religion, le gouvernement, les usages et les moeurs des habitants de cette contrée. Traduit de l'anglais de John Malcolm, ancien ministre plénipotentiaire du gouvernement supérieur de l'Inde à la cour de Perse. Ouvrage orné d'une Carte générale de la Perse, du Portrait du prince régnant, et de six Planches. Paris, 1821.

Memoirs of Khojeh Abdulkurreem, a cashmerian of distinction including the History of Hindostan from 1739 to 1749; with an account of the Europea Sittlements in Bengal, and of the coast of Coromandel. Translated from the original persian by Francis Gladwin, Calcutta, 1788.

Mez, A. Die Renaissance des Islams, Heidelberg, 1922.

Minorsky, V. Sipihr. Enzyklopaedie des Islam, 1927.

Quatremère, M. Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre: Matlaassaadein on madjama albahrein, et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-rokh et Abou-Saïd. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi et d'autres Bibliothèques. Publiés par l'institut royal de France, t. XIV. Paris, 1843.

Rabimo, H. L. Mazandaràn and Astaràbàd. «E. F. W. Gibb Memorial» new series, vol. VII. London, 1928.

Radloff, W. Uigurische Sprachdenkmäler Materialen nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Verlag der Akademie der Wissenschaften der USSR. Leningrad, 1926.

Relation de l'Ambassade au Kharezm (Khiva) de Riza Qouly Khan. Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer. Publications de l'École des langues orientales vivantes. Vol. III, IV, Paris, 1876.

Rieu, Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1895.

Rieu, Ch. Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. London, 1888.

Salemann, C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen. «Mélanges Asiatiques» tirés du bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg, 1894. X, livraison 2, p. 272.

Storey, C. A. Persian Literature. A bio-bibliographical Survey. Section II. London, 1935.

Strech. Astarābādh, Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

„ Ashraf, Enzyklopaedie des Islam, t. I, 1913.

Sykes, Percy History of Persia with maps and illustrations. V. II, 2-d edition. London, 1921.

Vàmbéry, H. Centralasien und die englisch-russische Grenzfrage, gesammelte politische Schriften. Leipzig, 1873.

Yate, C. E. Northern Afghanistan or letters from the Afghan boundary commission. Edinburgh and London, 1888.

Yate, C. E. Khurasan and Sistan, with map and illustrations. Edinburgh and London, 1900.

Yate, A. C. Travels with the Afghan boundary commission. Edinburgh and London, 1887.

3. Сочинения на восточных языках

Абдулла-намэ, соч. Хафизи Таныш. Ркп. Инст. Востоковед., Д 88.

Aboul-Ghâzi. Behâdour khan, Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par Desmaisons, t. 1, texte, St.-Pétersbourg, 1871.

Ahsan-ut-Tawarikh. History of the Safavi Period of Persian History, 15-th and 16-th centuries by Hasan-i-Rumlu. Eng. translation. Baroda, 1932.

The Bábar-náma being the autobiography of the emperor Bábar . . . written in chaghatay turkish . . . edited with a preface and indexes by Annete S. Beveridge. E. S. W. Gibb memorial, vol. I. London, 1905.

Бустан-ус-Сияхат, соч. Зейн-уль-Абидин Ширвани, Тегеран, 1315 г. х.

Гульшен-ул-Мулюк, соч. Мухаммед Якуба, ркп. Инст. Востоковед., С 1141.

Джуграфия-и-муфассал-и-Иран, соч. Кихан, М. Тегеран, 1311 г. х. (1933).

Mâbani il-Lughat. Mirza Mahdi-Khan, edited by E. Denison Ross, Calcutta, 1910. Bibliotheca Indica New Series, № 1225.

Мур'ат-уль-Бульдан-и-Насири, соч. Мухаммед Хасан-хана, Сани-уд-Довле, т. IV, Тегеран, 1296/97 г. х.

Мусаххыр-аль-Биляд, соч. Мухаммед Яр, сына Араб-катагана, ркп. Инст. Востоковед., С 465.

Нусрет-намэ, анонимная ркп. Инст. Востоковед, № 1374.

Рисале, соч. Мухаммед Якуба Бухарского, ркп. Инст. Востоковед., С 1934.

Тарих-и-джехан-Нама, соч. мулла Аваз Мухаммеда, ркп. Инст. Востоковед., С 439.

Tarikh-i-Rashidi, the of Murza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of Moghuls of Central Asia, an English Version edited, with commentary, Notes and Map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1895.

Шейбани-Намэ, соч. Мухаммед Салиха. Изд. Мелиоранского, джагатайский текст, СПб., 1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 3

ВВЕДЕНИЕ 7

А. А. Ромаскевич. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв. 7

П. П. Иванов. Хивинске хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен 23

П. П. Иванов и А. К. Боровков. Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI—XIX вв. 28

ЧАСТЬ I. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI и XVII вв. . . 39

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XVII вв.

Завоевание Хорасана Шейбани-ханом. Участие туркмен в борьбе узбеков и иранцев за Хорасан. Извлечения из «Хабиб-ус-сияр» Хондемира, т. III, ч. IV. — Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 39

О переходе Эль Аманом реки (Аму-дарьи) по приказу Мухаммед-хана Шейбани и поражение его в битве с войсками эмира Шуджа-уд-дин-Зуннуна 39

О прибытии Беди-уз-заман-мирзы и Музаффар Хусейн-мирзы в Джурджан 42

О вторичном походе Мухаммед-хана Шейбани из Турана в Иран 43

О смерти Беди-уз-заман-мирзы в Стамбуле 44

О сражении шаха Исмаила с Мухаммед-ханом Шейбани под Мервом . . 47

Роль туркмен в иранско-узбекских отношениях в XVI в. Восстание Аба. Отрывки из «Ахсан-ут-таварих» Хасан-бека Румлю. Рукопись Гос. Публ. библ. в Ленинграде, № 287 по каталогу Дорна. — Перевод А. К. Арендса 52

Битва султана Хусейн-мирзы со своими сыновьями у места Хальва-чешме . 52

О событиях, которые произошли в Хорасане 53

Поход Беди-уз-заман-мирзы и падишаха Бабура на Шейбек-хана . . . 54

О прибытии Шейбек-хана в Астрабад и бегстве Беди-уз-заман-мирзы . 54

О событиях, которые произошли в 915 г. х. (1509 г.) 54

О событиях, которые произошли в 916 г. х. (1510 г.) и битва хакана равного Александру (шаха Исмаила) с Шейбек-ханом, узбеком 55

О замысле хакана равного Александру и победа (его) над врагами . . . 55

О событиях, которые произошли в 919 г. х. (1513 г.), и второй поход хакана равного Александру (шаха Исмаила) в Хорасан и бегство Убейд-хана 56

События 927 г. х. (1521 г.), поход Убейд-хана на Герат и его неудача . 57

О захвате города Туса Убейд-ханом в 932 г. х. (1525/26 г.) 58

О событиях 936 г. х. (1529/30 г.) и поход шаха Тахмаспа в Хорасан . . 58

Битва газиев (иранцев) с узбеками 58

Прибытие шаха (Тахмаспа) в Герат и бегство оттуда Убейд-хана (943 г. х.— 1536/37 г.) 59

Ст.

О событиях, которые произошли в Хорезме и битва Дин Мухаммед-хана, узбека, с полководцами Убейд-хана (945 г. х. — 1538/39 г.) 59
О восстании туркмена Аба и убийстве Шах-верды-султана 60
О событиях 962 г. х. (1554/55 г.) и посылка шахом (Тахмаспом) полководцев на туркмен йаке 61
События 965 г. х. (1557/58 г.) и битва эмиров с туркменом Аба 61
Убийство туркмена Аба 63
События 969 г. х. (1561/62 г.) 63
Разные события 64
События 973 г. х. (1565/66) г. и осада эмирами крепости Абиверд 64
События 974 г. х. (1566/67 г.). Об отправлении шахом султана Мухаммед-мирзы для управления Гератом 64

Борьба между Ираном, Хивой и Бухарой и участие в этой борьбе туркмен. Извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши. — Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 65
О том, как султаны-чингизиды пришли к шаху (Тахмаспу I) 65
О Юнус-хане, правителе Хорезма, и Пехлеван-кули-султане, его брате . 66
Изложение событий в Астрабаде, повествование о Мухаммеде Салихе, битикчи, и о восстании Аба (из племени) охлу при помощи хорезмских узбеков 67
О нашествии Джеляль-хана узбекского на Хорасан и умерщвлении его Муртаза-кули-ханом туркменским 73
О сражении Будаг-хана и эмиров с Нур, Мухаммед-ханом и войсками узбеков-найманов 75
О походе Ферхад-хана в Хорасан, о нашествии Абдуль-Мумин-хана и взятии крепости Исфераина 76
О походе шаха в Хорасан 79
О походе Абдулла-хана в Хорезм, прибытии Абдуль-Мумин-хана, его сына, в Хорасан и о событиях, которые произошли в Ургенче и Хорасане 81
О походе шаха в Луристан и последовавших событиях 83
О событиях 1595 г. и девятого года царствования Аббаса I 84
О походе шахского войска в Хорасан и бегстве Абдуль-Мумин-хана из Исфераина и Сабзевара 84
О происшествиях, случившихся с Хаджи Мухаммед-ханом, правителем Хорезма 87
О различных событиях, происшедших в этом (1596) году (десятый год царствования шаха Аббаса) 88
О различных событиях, которые произошли в этом (1597) году (одиннадцатый год царствования шаха Аббаса) 90
О завоевании Хорасана 90
Об отправлении Нур, Мухаммед-хана в Мерв с войском кызылбашей, о воцарении его и Хаджи Мухаммед-хана, правителя Хорезма 92
Об охоте шаха в долине Радкана 93
О наказании непокорных и восстановлении крепости Мубарек-абада . 93
О походе шахского войска в области Абиверд и Мерв, взятии этих областей и пленении Нур Мухаммед-хана узбекского. 98
О нашествии узбекского войска на Хорасан 100
Об отправке к шахскому двору послов от узбекских султанов для заключения мира (1621 г.) 101
О завоевании Кандагара и Земиндавера 101

Стр.

Усиление Хивинского ханства и борьба его с Ираном за преобладание в Мерве и других районах, населенных туркменами. Извлечения из рукописи Мухаммед Ма'сума и Мухаммед Тахир-и-Вахида; продолжение «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши. — Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 102

О подавлении мятежей в Хорасане 102
О событиях, происходивших на границе Герата и в Меручаке на Мургабе . 106
О событиях в Хорасане, о смутах узбеков; отправка Халяф-бека, суфречи, для командования хорасанским войском и отражения узбеков 108
О войне астрабадского беглербеги Хаджи Менучихр-хана с калмыками и о поражении их (1068—1657/58 г.) 113
О прибытии к шаху посла от калмыков 115

Экспедиция 1690 г. бухарского аталыка Хушике-бия в Мерв. Из «Мухит-ат-таварих» Мухаммед Эмина Кирак Яракчи. Рукопись ИВ АН № Д 89. — Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 115

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVIII в. 117

Завоевания Надир-шаха и туркмены. Извлечения из «Истории Надир-шаха» («Тарих-и-Надири») мирза Мехди-хана Астрабадского. — Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 117

О назначении Мухаммед-хана туркмена наместником Хорасана и столкновении мелик Махмуда с Надиром 121
О событиях в Серахсе 125
Об осаде Кургана, наказании мервских татар и прочих событиях того времени 126
О походе шаха Тахмаспа на войну с мелик Махмудом, о прибытии Надира к шаху и прочих событиях того времени 128
О событиях 1139 г. х. (1726/27 г.) 128
Об умерщвлении мелик Махмуда и мелик Исхака по приказанию Надира 129
О сражении Ибрахим-хана с курдами и туркменами в Кярменехане (1140 г. х. — 1727/28 г.) 130
О мятежах в Астрабаде и походе туда Надира 131
О завоевании Хамадана и Керманшахана (1142 г. х. — 1729/30 г.) . . . 131
О походе гератских афганцев на Мешхед и поражении Ибрахим-хана (1142 г. х. — 1729/30 г.) 132
Об удалении Надира из Азербайджана и переброске войск в Хорасан с целью наказать афганцев 132
О прибытии Надира в Мешхед и происшествиях во время его пребывания там 133
Об осаде Фараха 134
О дальнейших событиях и взятии Фараха (1144 г. х. — 1731/32 г.) . . 135
О событиях 1144 г. х. (1731/32 г.) 135
О походе Надира в Ирак 136
О движении Надира на Багдад и Керкук и о событиях того времени (1145 г. х. — 1732/33 г.) 136
О событиях 1147 г. х. (1734 г.) 137
[О восстановлении плотины в Мерве] 137
О прибытии Надира в Муган и о «заложении основы шахского владычества» 137
О взятии матери городов — Балха 138

Стр.

О событиях 1151 г. х. (1738/39 г.) 139
О походе Надир-шаха на Бухару и другие государства Туркестана и завоевании их 140
О походе Надир-шаха на Хорезм и завоевании его 142
О событиях 1154 г. х. (1741 г.) 146
О событиях 1155 г. х. (1742 г.) 147
О бунте в Астрабаде 148
[Восстание туркмен, во главе с йомутами, против ставленников Надира в Хорезме] 149

Некоторые дополнительные данные о роли туркмен и Мерва в туркестанском походе Надир-шаха. Извлечения из «Надир-наме» или «Китаб-и-Надири», Мухаммед Казима сочинение, т. II, рукопись ИВ Д 430. — Перевод и примечания П. П. Иванова. 150

Приказание Надир-шаха своим мервским воинам относительно благоустройства города Мерва. 150
О выступлении Надир-шаха на завоевание Туркестана и о прибытии его в Балх, «мать городов» 157
О походе Надир-шаха в Хорезм, выступлении Ильбарс-хана и его поражении 159
О выступлении Надир-шаха из Мервской области и казни мервских начальников 162
Об устройстве города (кала) Хивак-абада в окрестностях Абиверда и Келата и прибытии (Надира) в Хорасан 166

Продолжение перевода из Мухаммед Казима. Извлечение из «Надир-намэ» или «Китаб-и-Надири», т. III, сочинение Мухаммед Казима. Рукопись ИВ АН Д 430. —Перевод и примечания П. П. Иванова 167

О борьбе военачальников Надир-шаха с Мухаммед Али-беком, сыном Фатхи-каджара и йомутами в Астрабаде 172
О возмущении йомутов в Астрабаде и о посылке Надир-шахом войск для наказания этого злонравного племени 176

Отрывки из «Тарих-и-Рахим-хани» Мухаммед Вефа. Рукопись ИВ АН С 527.— Перевод под ред. А. А. Ромаскевича 192

О возмутительном поведении кызылбашей Серахса в отношении государя (Мухаммед Рахим-хана) и сражении с ними 192
Рассказ о дурном поступке людей Серахса со свитой почитаемого и благородного эмира (Рахим-хана) и их военные действия 194

Захват Мерва Шах Мурадом бухарским. Участие туркмен в хивинско-бухарских войнах после распадения государства Надир-шаха. Извлечения из «Истории Средней Азии» Мир Абдуль-Керима бухарского. — Перевод Г. А. Мирзоева 194

Царствование Шах-Тимура 194
Шах Махмуд, сын Тимур-шаха, сына Ахмед-шах 195
Об изложении (истории) династии узбекских ханов 195
[Походы Шах Мурада на Мерв] 196
[Царствование эмира Хайдера, сына Шах Мурада] 201
[О династии хивинских ханов] 202

Стр.

ЧАСТЬ III. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в. 205

ИРАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX В.

Борьба хорасанских эмиров с туркменами Астрабадской области и участие туркмен в восстании Юсуфа-ходжи 205

Восстание ходжи Юсуфа Кашгарского и роль туркмен в этом событии . 208

Участие туркмен в борьбе хорасанских феодалов с шахским правительством. Восстание губернатора Астрабадской области Мухаммед Заман-хана 213

Борьба хивинских ханов с Ираном и туркмены 218

«Туркменская политика» иранского правительства и хорасанских наместников и борьба с туркменами 227

Иранская военная экспедиция на о. Челекен 237

Восстание Махдум-кули в районе Астрабада 238

Борьба харасанских феодалов с шахским правительством и туркмены. Восстание Салара 240

Борьба Ирана с Хорезмом и туркменами 244

Бой под Серахсом и гибель хана Мухаммед Эмина 258

«Малые войны» с туркменами на границах Хорасана 266

Отчет о посольстве в Хорезм Риза-кули-хана. — Перевод и примечания А. А. Ромаскевича 280

Путешествие шаха Насир-уд-Дина в Хорасан. — Перевод под ред. Ромаскевича 310

ЧАСТЬ IV. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XVIII вв. . 323

ХИВИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XVI—XVIII ВВ.

«Фирдаус-уль-Икбаль», сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи. Рукопись ИВ АН СССР С 571 (590аа). — Перевод и примечания П. П. Иванова 323

Об Ильбарс-хане, сыне Бурге-султана (ок. 1511 г.) 323

О Суфиян-хане, сыне Эминек-хана ок. (1515 г.) 324

Об Исфендияр-хане 325

О царствовании Абулгази-хана (1643—1663 гг.) 326

Ануша-хан (1663—1689 гг.) 330

О царствовании Эренг-хана 330

Шах Нияз-хан 332

Муса-хан 332

Ширгази-хан 332

Ильбарс-хан (1728—1740 гг.) 333

Абулгази-хан II 334

Шахгази-хан (сын Гаиб-хана) 335

Нур Али-хан 335

Джехангир-хан (сын Гаиб-хана) 336

О том, как йомуты в первый раз завладели государством и предали смерти Абд-ур-Рахим-мехтера с его младшим братом Абд-ус-Саттар-баем и родственниками и как Мухаммед Эмин сделался аталыком, а Хан Гельды был назначен на его место 337

О том, как Мухаммед Эмин выступил против йомутов и привел Эр Али-хана, как йомуты вторично овладели Хорезмом, а инак ушел в Бухару и о событиях, какие произошли в это время 339

О том, как Мухаммед Эмин-инак, не получив поддержки от эмира Даньяла, возвратился в Хорезм и как он одолел врагов государства и подчинил Хорезмское государство своей власти 345

Стр.

ЧАСТЬ V. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX в. 355

ХИВИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕН XIX В.

Продолжение **«Фирдаус-уль-Икбаль».** — Перевод и примечания П. П. Иванова 355

История царствования Мухаммед Рахим-хана 355

О походе хана против возмутившегося племени имрели 355
О том, как йомуты, совместно с имрели, стали на путь вражды и заблуждения и о выступлении против них хана 358
О выступлении хана в поход с целью истребления врагов, о его победах и обратном возвращении 363
О событиях третьего года царствования (Мухаммед Рахима), в частности о выступлении его против враждебных чоудоров, о победе над ними и обратном его возвращении 373
Пятый год царствования Мухаммед Рахима 377
События шестого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1226 г. х.— 1811 г.) 380
События седьмого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1227 г. х.— 1812 г.) 382
События восьмого года царствования Мухаммед Рахим-хана (1228 г. х.— 1813 г.) 384
События девятого года царствования Мухаммед Рахима (1229 г. х.— 1813/14 г.) 387
Десятый год царствования Мухаммед Рахима (1230 г. х. — 1814/1815 г.) . 388
События одиннадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1231 г. х.— 1816 г.) 388
События двенадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1232 г. х.— 1817 г.) 398
События тринадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1233 г. х.— 1817/18 г.) 402
События четырнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1234 г. х.— 1818/19 г.) 412
События пятнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1235 г. х.— 1819/20 г.) 415
События шестнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1236 г. х.— 1820/21 г.) 416
События семнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1237 г. х.— 1821/22 г.) 420
События восемнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1238 г. х.— 1822/23 г.) 422
События девятнадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1239 г. х.— 1823/24 г.) 423
События двадцатого года царствования Мухаммед Рахима (1240 г. х.— 1824/25 г.) 425

История царствования Алла-кули-хана. Извлечения их «Рияз-уд-довле», сочинение Мухаммед Риза мираба Агехи. Рукопись ИВ АН Д 123 (590ос). — Перевод А. К. Боровкова 427

Отправление поздравительных грамот в окрестные области 427
Поход Рахман-кули в Хорасан 427

Стр.

Выступление к Мешхеду, опустошение селений неверных в горной области, возвращение и остановка в окрестностях Серахса 432
О некоторых событиях на стоянке и о возвращении шахзаде в Хорезм . 433
Поход Аллак-кули-хана в Иран, покорение крепостей Имгана и Баг-Сунгана 434
О возвращении его величества в обратный путь и прибытии в Хиву . . 439
Повествование о восстании сарыков, об убийстве Саат-кули-сердара и его слуг и т. д. 441
Второй поход шахзаде Рахман-кули-тёре в Хорасан. Наказание сарыкских мятежников и прибытие его в Мервскую область 444
Рассказ о междоусобиях у сарыков 447
Отправление его величества на охоту в сторону Дарган-ата. Приказание произвести налет на племя сарыкских мятежников 449
Отправление военачальников во главе с Алаш-бием в чапаул на сарыков. Заступничество Чаръяр-кули-бая за некоторых мятежников и разорение за это его аула 450
Поход высоких эмиров против мятежных сарыков 451
Прибытие знатных сарыков к его величеству с просьбами о прощении за содеянные предательства 453
Второй поход Алла-кули-хана в Хорасан; чума в Хорасане. 454
Третий поход Алла.кули-хана в Хорасан. Переселение али-эли в Хорезм 457
О некоторых событиях после отправления хана в Хорезм, о выступлении Аббас-мирзы и о покорении им Хабушана и Серахса 459
Осада Герата сыновьями Аббас-мирзы и помощь хана гератцам 462
Чапаул Мухаммед Нияза-ясаулбаши на хорасанских неверных. Обращение неверных. Обращение племени гёкленов к хану и назначение Карлы-юзбаши их военачальником 464
Нападение Карлы-юзбаши с войсками гёкленов на кызылбашей 465
Отправление войск в Кары-кала на помощь Карлы-юзбаши 465
Пятый поход Алла-кули в Хорасан. Переселение гёкленов с берегов Гюргена в Хорезм 466
Возвращение его величества хана в Хорезм 468
Поход Мухаммед Юсуфа-мехтера на неверных и прибытие его в Мервскую область 470
Сооружение русскими крепости в местности Чочка-кёль. Чапаул на эту крепость Ата-Мурада-кушбеги 473
Отправление Абдуллы-ясаулбаши с войсками чоудоров в набег на русских и возвращение обратно 474
Распря между Алла-кули-ханом и бухарским эмиром Насруллой . . . 474
Поход Алла-кули-хана на Чарджуй 475

История царствования Рахим-кули-хана. Извлечения из «Зубдет-ут-таварих», сочинение Агехи. Рукопись ИВ АН Е 6. — Перевод З. Аксакова 477

Поход Рахим-кули-хана в Иран и в Мервскую область, покорение племени джемшидов и переселение их из Хорасана в Хорезм 477
Поход хана (Алла-кули) на Чарджуйскую крепость 486
События второго года царствования Рахим-кули-хана 488
События третьего года царствования Рахим-кули-хана 493
События четвертого года царствования Рахим-кули-хана 499

Стр.

История царствования Мухаммед Эмин-хана. Извлечения из «Джами-уль-вакыат-и-султани», сочинение Агехи. Рукопись ИВ АН № Е6. — Перевод З. Аксакова 500

События первого года царствования Мухаммед Эмин-хана 500
События третьего года царствования Мухаммед Эмин-хана 511
О событиях четвертого года царствования Мухаммед Эмина 518
О событиях пятого года царствования его величества, в том числе о походе на Хорасан и возвращении оттуда 519
О событиях шестого года царствования его величества 524
О событиях седьмого года царствования его величества 527
О событиях восьмого года царствования его величества 532
О событиях девятого года царствования его величества 535
О событиях десятого года царствования его величества 540
Восшествие на трон Сейид Абдулла-хана и славное его царствование . 545
Вступление на трон Кутлуг Мурад-хана 551
О некоторых событиях после восшествия на трон покойного Кутлуг Мурад-хана 552
О предательском заговоре Мухаммед Нияз-бия и йомутов и убийстве Кутлуг Мурад-хана 558

История царствования хана Сейид Мухаммеда (1856—1865 гг.). Извлечения из «Гульшен-и-Девлет», сочинение Мухаммед Риза-мираба, прозванного Агехи. Рукопись ИВ АН, В 1891. — Перевод и примечания П. П. Иванова. 562

Об уходе джемшидского народа (халк) из Хорезма в Хорасан 563
Об отправлении посольства Карлы-юзбаши совместно с Хубби-ишаном к чоудорам 566
Продолжение рассказа о посольстве Хуббр-ишана и Карлы-юзбаши . . . 568
О нападении йомутов на окрестности Хивы 569
О новом нападении йомутов на окрестности Хивы 572
О выступлении шахзаде Сейид Махмуда-тёре в Ильялы, об обращении йомутов с просьбой о мире и поселении их в окрестностях Хан-абада . 576
Об отправлении эмиров, по приказу хана в Темач и о постройке там крепости 599
О том, как к хану явились йомутские предводители и как хан простил их вину, взявши у них заложников 600
О том, как явилось в Мервскую страну каджарское войско и как оно потерпело поражение в войне с теке 601
О том, как мятежные чоудоры ограбили возвращавшийся из России хивинский караван 605
О том, как шахзаде Сейид Махмуд-тёре выступил против мятежных чоудоров, нанес им поражение и привел их к покорности 607

История царствования Сейид Мухаммед Рахим-хана. Извлечения из «Шахид-и-Икбаль», сочинение Агехи. Рукопись ИВ АН С 572. — Перевод З. Аксакова 611

События третьего года царствования 611
События четвертого года царствования 615

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН 639
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 663
УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ 677
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ 681
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ДЛЯ ПРИМЕЧАНИЙ . 687